

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЕСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

Годъ шестнадцатый.

ЯНВАРЬ.

1885 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

I. Посмертныя записки Иак. Иван. Пирогова. Гл. XXXV—XL	1	IX. Александръ I и Николай I. Изъ записокъ Телле. Сообщ. М. З. 193	
II. Петръ Николаевичъ Кудрявцевъ въ 1842—1845 гг. Сообщ. А. Д. Гагаховъ	55	X. Инженеръ-генералъ-майоръ К. Ф. Детловъ, 1789—1840. Очеркъ. Сообщ. К. К. Детловъ	205
III. Андрей Ивановичъ Подолинскій. Собраніе выданныхъ его стихотвореній, 1830—1884 гг.	71	XI. Несостоявшій бракъ. Изъ родное преданіе. Сообщ. А. А. Карасевъ	231
IV. Священникъ Феодосій Левицкій въ заточеніи въ Копеленскъ монастырь въ 1824—1827 гг. Сообщ. П. В.	119	XII. О возобновленіи памятника на общей могилѣ Волынскаго, Еропина и Хрущова † 27-го июня 1740 г.	239 и 244
V. Новгородскія военныя поселенія. Воспоминанія А. К. Грѣббе	127	XIII. Третья годовщина смерти Николая Ивановича Пирогова. † 23 ноября 1881 г. Рѣчь Г. В. Бертенсона	245
VI. Изъ воспоминаній о бунтѣ военныхъ поселеній въ 1831 г. Поручикъ Соколовъ. Сообщ. В. И. Ковалевъ	153	XIV. Матеріалы и замѣтки: Императоръ Николай I въ 1831 г. Сообщ. А. А. Чумиковъ (156).—Полк. П. Д. Головинъ и ген.-и. Журалскій въ 1854 г. (156).—М. И. Гаврика (204).—Д. В. Давыдовъ и Д. П. Бутурлинъ (229).—Руконисъ А. С. Пущкина (232).—Библиотека Александровскаго лица, 1884 г. (233).	
VII. Славное Баязетское сидѣнье въ 1877 г. Гл. I—XIII. Очеркъ. Состав. К. К. Гейсера	157	XV. Библиографическій листокъ.	
VIII. Сожженіе людей въ Россіи въ XIII—XVIII вв. Сообщ. Юсифъ Берлинъ	187		

ПРИЛОЖЕНІЯ: I. Портретъ Андрея Ивановича Подолинскаго (1847 г.), гравированъ по фотографіи В. И. Матюшинъ.—II. Портретъ Карла Федоровича Детлова, гравированъ г. Паппенбергеръ въ Парижѣ.—III. Видъ и планъ крѣпости Баязета въ 1877 г.

Открыта подписка на „РУССКУЮ СТАРИНУ“ изд. 1885 г.
Шестнадцатый годъ изданія. Цѣна 9 руб.

Вышла въ свѣтъ книга: „ЦАРИЦА ЕКАТЕРИНА АЛЕКСѢВНА, АННА и ВИЛИМЪ МОНСЪ“, третій выпускъ историческихъ очерковъ М. И. Семевскаго, съ портретами и рисунками. Цѣна для подписчиковъ „Русской Старинѣ“ (по 25-ое января 1885 г.) одинъ рубль съ пересылкою.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева, Екаѳеринскій каналъ, д. № 78.

1885.

Сборникъ краткихъ благоговѣйныхъ чтеній графа П. А. Валуева на всѣ дни года. Спб., 1885 г., въ 8 д., стр. 653. Цѣна 4 р. Продается въ магазинѣ Глазунова.

Сборникъ этотъ можно считать весьма полезнымъ вкладомъ въ собраніе книгъ духовнаго содержанія. На русскомъ языкѣ, именно въ такомъ порядкѣ, какъ составленъ «Сборникъ», едва-ли до сего времени существовалъ; за текстомъ помѣщены высокоинтересныя бесѣды на каждый день, которыя заставляютъ каждого читающаго невольно углубиться, подумать о прошедшихъ и будущихъ дняхъ. Если бы мысль о смерти не представлялась намъ, такъ сказать, чѣмъ-то невозможнымъ, то жизнь человеческая не была бы полна страданій и горечи. «Читатель, — говоритъ въ сборникѣ П. А. Валуева Клерксъ, — быть можетъ, ты наклонъ къ цѣли. Переважъ за тобою. Быть можетъ, твой взглядъ различаетъ въ вечернихъ сумеркахъ тотъ крестъ, который для тебя поставленъ въ концѣ пути». Хорошее чтеніе укрѣпляетъ духъ, вѣру въ добро; книга П. А. Валуева даетъ свѣтлыя минуты, внушая хорошія чувства.

Е. М. С.

Исторія Россіи. Соч. Д. Иловайскаго. Т. II. Московско-литовскій періодъ или собиратели Руси. М. 1884. 587 стр. Ц. 3 р.

Должно порадоваться продолженію давно начатаго почтеннаго труда автора, въ которомъ такъ нуждается наша историческая литература, не смотря на обширныя сочиненія по русской исторіи, уже существующія, и достаточное число монографій, появившихся въ последнее время. О значеніи новаго тома своей «исторіи» авторъ справедливо замѣчаетъ, что въ немъ впервые, параллельно съ исторіей московской Руси, излагается исторія Руси литовской, т. е. дается послѣдней самостоятельное мѣсто въ обработкѣ общей русской исторіи; такъ какъ въ предшествующихъ большихъ историографическихъ изданіяхъ отдѣлъ западной или литовской Руси самостоятельнаго, послѣдовательнаго изложенія не имѣлъ.

Все содержаніе этого тома распадается на 12 главъ, представляющихъ слѣдующія рубрики: 1) Москва и Тверь. Калита и его сыновья; 2) Гедиминъ, Ольгердъ и судьба

юго-западной Руси; 3) Дмитрій Донской и начало освобожденія; 4) Ягелло и начало польско-литовской уни; 5) Василій московскій и Витовтъ литовскій; 6) Василій Темный и Русь восточная; 7) Свидригелло и Казимиръ IV. Начало Крымскаго царства; 8) Вячевая община Новгородъ и Псковъ; 9) Русская гражданственность въ татарскую эпоху; 10) Церковь и княжняя словесность; 11) Торжество объединенія и независимости при Иванѣ III; 12) Литовскія отношенія и внутреннія дѣла при Иванѣ III. Обзоръ внутренняго состоянія Литовской Руси въ XV в. и первой половинѣ XVI в., по причинѣ значительнаго объема книги, авторъ перенесъ въ слѣдующій томъ. Изъ приведеннаго перечня главъ видно уже то вниманіе, съ какимъ отнесется онъ къ внутреннему строю общества въ каждый разсматриваемый періодъ. Въ своихъ очеркахъ авторъ воспользовался въ значительной степени послѣдними археологическими трудами и монографическими работами, помимо того, что основной историческій матеріалъ (литовскія акты) вездѣ занимаетъ соответствующее мѣсто. Въ концѣ книги (532—582) приложены обширныя примѣчанія, которыя, кромѣ смысловъ и указаній на литературу, представляютъ и изслѣдованіе нѣкоторыхъ частныхъ вопросовъ. Сверхъ того къ книгѣ приложена статья «о ересѣ жидовствующихъ» и митрополитъ Зосимъ», посвященная разъясненію вопроса, составлявшаго предметъ спора на 6-мъ археологическомъ съѣздѣ, въ Одессѣ.

При всей полнотѣ обзора литературы не можемъ не отмѣтить, что авторъ не обратилъ вниманія на критическія статьи по исторіи литовскаго княжества Н. П. Дашкевича, написанныя по поводу соч. проф. Антоновича (въ Унив. Изв. 1882—1884 г.). Нельзя не пожалѣть также, что авторъ не пользуется при каждомъ томѣ алфавитнаго указателя именъ и предметовъ. Это значительно облегчило бы справки съ матеріаломъ, находящимся въ его трудѣ.

Очеркъ исторіи западно-русской церкви. Н. А. Чистовича. Ч. II. 1884. Спб. 419 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Намъ приходится уже упомянуть о вѣходѣ въ свѣтъ 1-й части этого труда; вторая часть обвиняетъ конецъ XVI вѣка, XVII и первую половину XVIII вѣка. Разсказъ автора, хотя краткій, но вездѣ

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЬ

„РУССКАЯ СТАРИНА“

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

1885 г.

ШЕСТНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНИЯ.

„РУССКАЯ СТАРИНА“ выходитъ въ 1885 году въ прежнемъ объемѣ, съ гравированными на деревѣ и мѣди портретами замѣчательныхъ русскихъ людей. Нѣсколько интересныхъ портретовъ для „РУССКОЙ СТАРИНЫ“ 1885 года награвировано академикомъ И. П. Пожалостинымъ на мѣди, И. И. Матюшинымъ на деревѣ, а также исполнено въ Экспедици заготовленія государственныхъ бумагъ.

„РУССКАЯ СТАРИНА“ помѣщаетъ на своихъ страницахъ въ 1885 г. много данныхъ для исторіи минувшаго царствованія императора Александра II Освободителя.

12 книгъ, цѣна ДЕВЯТЬ руб. съ пересылкою.

Подписка на „РУССКУЮ СТАРИНУ“ 1885 г. принимается для **иностранцевъ** исключительно въ С.-Петербургѣ, въ редакціи „РУССКОЙ СТАРИНЫ“ по Большой Подъяческой, д. № 7.

Городскіе подписчики въ Петербургѣ благоволятъ подписываться въ книжномъ магазинѣ Цинзерлинга (Невскій пр., д. № 46), а въ Москвѣ въ магазинѣ Мамонтова (Кузнецкій мостъ, д. Фирсанова).

Лица, имѣющія подписаться по 25-ое января 1885 г. на „РУССКУЮ СТАРИНУ“ изд. 1885 г., могутъ получить за одинъ рубль съ пересылкою третій выпускъ изданія

Очерки и рассказы М. И. Семеваго изъ русской исторіи XVIII в.:

„ЦАРИЦА КАТЕРИНА АЛЕКСѢВНА, АННА И ВІЛЛИМЪ МОНСЪ“,

1698—1724 гг.

 Для прочихъ лицъ цѣна этой книги 2 р. 50 к.

„РУССКАЯ СТАРИНА“

третье изданіе „Русской Старины“, годъ **первый**, 1870 г., **двѣнадцать** книгъ, въ **трехъ** томахъ.

Въ третьемъ изданіи «Русской Старины» 1870 г., между многими другими статьями и матеріалами, помѣщены: Записки о жизни и службѣ генераль-фельдмаршала кн. Н. Ю. Трубецкаго;—Записки исторіографа кн. М. М. Щербатова о поврежденіи нравовъ въ Россіи;—сенатора П. С. Рунича о Пугачевѣ и Пугачевскомъ бунтѣ;—Записки придворнаго бриллианщика Позье (1729—1764 гг.);—Отчеты Лагарпа о воспитаніи великихъ князей Александра и Константина Павловичей;—Петербургъ въ 1781 году, замѣтки Пинара;—Записки Михаила Александровича Бестужева (1824—1826 гг.);—Разсказъ очевидца о 14-мъ декабрѣ 1825 г.;—Записки творца русской оперы Михаила Иван. Глинки (1804—1854 гг.);—Записки императора Николая Павловича о прусскихъ дѣлахъ (1848 г.);—Блокада и штурмъ Карса въ 1855 г., записки Я. П. Банланова;—Оборона Камчатки въ 1854 г.—разсказъ контръ-адмирала Арбузова, и проч., и проч.—Болѣе сотни сообщеній, разсказовъ, статей, замѣтокъ, собраній писемъ и проч. матеріаловъ ко всѣмъ царствованіямъ въ Россіи со времени Петра Великаго до императора Николая включительно.—Статьи-дамы и фрейлины русскаго двора XVIII-го вѣка—біографическіе очерки П. Ф. Карабанова.—Письма, стихотворенія, басни, посланія и прочія литературныя произведенія: И. А. Крылова, Батюшкова, Пушкина, Гоголя, Рылѣва, А. Одоевскаго, Кюхельбекера, Баратынскаго, Н. Полеваго, Вигеля, Я. И. Ростовцева и другихъ.

Приложеніе къ третьему изданію «Русской Старины» 1870 г. составляетъ первый томъ Записокъ Болотова, вновь пересмотрѣнный съ подлинникомъ и украшенный болѣе полусотни вновь награвированныхъ академикомъ Л. А. Стряковымъ рисунковъ.

Цѣна **ВОСЕМЬ** рублей съ пересылкою.

[Въ хорошемъ переплетѣ 11 руб.].

Съ требованіями обращаться: въ С.-Петербургъ, Большая Подъячская, домъ № 7, въ редакцію „Русской Старины“.

Вышло второе исправленное издание книги, составленной

Е. М. СЕМЕВСКОЙ:

МАЛЕНЬКИМЪ ДѢТЯМЪ

ИЗДАНИЕ РЕДАКЦІИ ЖУРНАЛА „РУССКАЯ СТАРИНА“.

Спб., 1885 г., въ 4 д., съ семнадцатью гравированными въ Лондонѣ рисунками, а также съ приложеніемъ дѣтскихъ пѣсенокъ, положенныхъ на музыку и проч.

Цѣна книги два руб. съ пересылкою.

Складъ изданія въ книжномъ магазинѣ г. Цинзерлинга, Невскій просп., д. № 46.

Въ книжныхъ магазинахъ Цинзерлинга (въ Спб.), Мамонтова (въ Москвѣ) и въ ред. „Русской Старины“ продаются книги:

ЗАПИСКИ СЕЛЬСКАГО СВЯЩЕННИКА.

Спб. 1882 г., въ 8 д., издание второе, пересмотрѣнное и исправленное авторомъ-священникомъ и благочиннымъ.

Цѣна одинъ рубль съ пересылкою.

РОСКОШНОЕ, ВЪ ХУДОЖЕСТВЕННОМЪ ОТНОШЕНІИ, ИЗДАНИЕ

ПАВЛОВСКЪ

Очеркъ его исторіи и описаніе, 1777—1877 гг. — Быть двора великаго князя, впослѣдствіи императора, Павла Петровича и супруги его Маріи Ѳеодоровны. — Жизнь въ Павловскѣ императрицы Маріи Ѳеодоровны и ея августѣйшаго семейства и проч.

Книга въ большую 8 долю, 600 стр., украшена нѣсколькими портретами и множествомъ превосходнѣйшихъ гравюръ и вишетокъ, исполненныхъ знаменитымъ грав. акад. Л. А. Сѣряковымъ.

Цѣна книги 5 рублей.

Подписчики на „РУССКУЮ СТАРИНУ“ изд. 1885 г. пользуются на книгу „Павловскъ“ уступкою въ два рубля, т. е. книга въ отличномъ переплетѣ—3 рубля съ пересылкою.

Изъ 1,825 экз. осталось въ складѣ этой книги, въ дворцовомъ правленіи города Павловска, 36 экз.

XXV ЛѢТЪ

1859—1884

СБОРНИКЪ,

изданный комитетомъ общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ. Спб., 1884, въ 6. 8 д., стр. 592.

Съ портретами покойныхъ учредителей общества: А. В. Дружинина, Е. П. Кошелевскаго, С. С. Дудышкина, А. В. Никитенко, А. П. Заблоцкаго-Десятковскаго и И. С. Тургенева.

Въ этотъ сборникъ, полный самого живого интереса, вошли слѣдующія статьи:

Предисловіе.—Лѣтопись общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ съ 1859 по 1884 г. Г. К. Рѣпинскаго и А. М. Скабичевскаго.—Мать. Стихотвореніе А. И. Подолинскаго.—Двѣ элегіи К. Н. Ватюшкова.—Въ альбомъ А. С. Даргомыжскому. Князя П. А. Вяземскаго.—Рыбакъ. (Изъ Гете). Кн. Д. Цертелева.—Стихотворенія И. С. Тургенева: Графиня Донато. Начало поэмы. Филиппо Стродзи.—Декабристы. Романъ. Главы I—III. Графа Л. Н. Толстаго.—Съ кѣмъ спорить? Изъ «Стихотвореній въ прозѣ». И. С. Тургенева.—Лучъ свѣта въ педагогическихъ потемкахъ. В. Я. Стоюнина.—Въ герцогскомъ склепѣ въ Веймарѣ. Стихотвореніе К. К. Слущевскаго.—Семья въ провинціи. И. С. Беллюстина.—Съ курьерскимъ поѣздомъ. Стихотвореніе А. Н. Апухтина.—Философія и наука въ Европѣ и у насъ. Рѣчь К. Д. Кавелина.—Послѣ судебного приговора. Прологъ драмы. А. И. Пальма.—Два стихотворенія Д. Мережковскаго.—Стихотвореніе Я. П. Полонскаго.—Инкогнитнымъ манеромъ. Сценка Н. А. Лейкина.—За что-же? Д. Л. Мордовцева.—Поѣздка митрополита Хрисанеа къ Далай-Ламѣ въ 1792 г. Д. Ѳ. Кобеко.—Два стихотворенія В. П. Буренина.—Сказки Н. Щедрина: I. Карась-идеалистъ. II. Добродѣтели и пороки. III. Обманщикъ-газетчикъ и легковѣрный читатель.—А. В. Дружининъ, какъ основатель литературнаго фонда. В. П. Гаевского.—Выкса. Изъ путевыхъ воспоминаній. В. П. Безобразова.—Ловчинскій бой. Изъ военныхъ разсказовъ. А. В. Верещагина.—Передъ разсвѣтомъ. Стихотвореніе Н. Познякова.—Сказка для дѣтей. В. М. Гаршина.—Стихотвореніе С. Я. Надсона.—Изъ бумагъ А. В. Дружинина. Письма къ нему В. П. Воткина.—По Сенькѣ шапка. С. В. Максимова.—Карьеристъ. Очеркъ. Д. В. Григоровича.—Одинъ изъ вымысловъ въ нашей исторіи. Е. П. Карновича.—Вліяніе европейскихъ финансовыхъ учрежденій на экономическое положеніе первобытныхъ народовъ. И. И. Янжула.—Къ Ватюшкову. Посланіе князя П. А. Вяземскаго.—Строфы изъ поэмы И. С. Тургенева.

Цѣна книги три рубля, съ пересылкой 3 р. 50 к.

ПЕРВОЕ СОБРАНІЕ ПИСЕМЪ
И. С. ТУРГЕНЕВА

1840—1883 гг. Изданіе общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ. Спб., 1884, стр. 564. Ц. 2 р. 50 в.

Складъ изданія въ книжномъ магазинѣ М. М. Стасюлевича, Спб., Вас. Остр., 2 линія, № 7. Книгопродавцы пользуются обычною уступкою. Лица, обращающіяся прямо въ складъ изданія, не платятъ за пересылку.

**ВЫШЛИ И ПРОДАЮТСЯ У ВСѢХЪ КНИГОПРОДАВЦЕВЪ КНИГИ
ВЛ. МИХНЕВИЧА:**

I.

„НАШИ ЗНАКОМЫЕ“

(фельетонный словарь современниковъ)

1000 характеристикъ

русскихъ государственныхъ и общественныхъ дѣятелей, ученыхъ, писателей, художниковъ, коммерсантовъ и пр.

съ 71 портретами-карикатурами

(на 59 листахъ), рисован., по наброскамъ автора, художниками А. И. Лебедевымъ, М. Е. Малышевымъ и А. А. Серебряковымъ,

слѣдующихъ лицъ: Айвазовскаго, И. А., Ансимова, И. С.; Бенетова, А. И.; Бестужева-Рюмина, Н. Н.; Боборыкина, П. Д.; Боткина, С. П.; балеринъ: Вагнеръ, Радиной и Сооловой; графа Валуева, П. А.; актеровъ: Варламова, Давыдова, Дюжиновой и Сазонова; Вейнберга, П. И.; Верещагина, В. В.; Глазача; Гончарова, И. А.; Градовскаго, А. Д.; Горбунова, И. Ф.; Григорьевича, Д. В.; Грота, Я. К.; Губонина; Давыдова; Зориной; Иловайскаго, Д. И.; Навелина, К. Д.; Костомарова, Н. И.; Краевскаго, А. А.; Крылова, В. А.; Лейкина, Н. А.; Лентовскаго; Ланина; Майкова, А. А.; графа Лорисъ-Меликова, М. Т.; кантартистовъ: Каменской, Корсова, Мельникова, Направнина и Славинной; Мендѣлѣева, Д. И.; художниковъ: Мановскаго, Крайскаго, Минтшица и Рѣпина; Миклухи-Маклая; Немировича-Данченко, В. И.; Островскаго, А. Н.; Плещеева, А. Н.; Полонскаго, Л. А.; Полонскаго, Я. П.; Полякова, С. С.; Потѣхина, А. А.; Пыпина, А. Н.; Рубинштейна, А. Г.; Савинной, М. Г.; Салтыкова, М. Е. (Щедрина); Самойлова, В. В.; Силфасовскаго; Соловьева, В. С.; Спасовича, В. Д.; Стасюлевича, М. М.; Степелетовой, П. А.; Суворина, А. С.; Сеченова, И. М.; графа Толстого, Л. Н.; Успенскаго, Г. И.; Чайковскаго; Чижова, М. А.; Шелгунова, Н. В. и Федотовой, Г. Н.

Цѣна **пять** рублей.

II.

КАРТИНКИ ПЕТЕРБУРГСКОЙ ЖИЗНИ

съ 10-ю рисунками художника Малышева, исполн. въ Вѣнѣ.

Содержаніе: I. Бродячій Петербургъ. — II. Святочные рассказы. — III. Два юмористическихъ романа.

375 стр. in 8°. Цѣна 2 руб., съ пересылкою 2 р. 50 в.

Складъ изданій у автора: Троицкій проспектъ, 6. Выписывающіе изъ склада за пересылку не платятъ.

12 КНИГЪ „РУССКОЙ СТАРИНЫ“

ИЗД. 1884 Г. (ВТОРОЕ ИЗДАНИЕ).

съ портретами: имп. Елисавета Алексѣевна; Его Имп. Выс. Вел. Кн. Константинъ Николаевичъ; митрополитъ С.-Петербургскій Исидоръ; гр. Аракчеевъ и Н. Ѳ. Минкина; гр. И. И. Дибичъ-Забалканскій; Пушкинъ (отпечатанъ красками); Лермонтовъ; Н. А. Некрасовъ; Н. И. Пироговъ; педагогъ бар. Н. А. Корфъ; В. В. Самойловъ; портретъ-группа: лордъ Рогланъ, марш. Пейсее и Омеръ-паша подъ Севастополемъ въ 1855 г. Рисунки: проектъ памятника на могилѣ Волинскаго—академ. М. А. Шурупова; имп. Александръ II, рисунокъ со статуи, исполн. академ. П. П. Забѣло; судъ на Руси, старинная карикатура.

Содержаніе: Записки Штрандмана, 1771—1780 гг.;—Записки Мих. Фонвизина: очерки русской исторіи IX—XVIII вв.;—Мих. Ник. Муравьевъ и его участіе въ тайномъ обществѣ, 1816—1821 гг., разск. бар. А. Е. Розена;—Разказы кн. Ал. Ник. Голицына: Александръ I и его время, сообщ. гр. П. А. Валуевъ;—Императрица Елисавета Алексѣевна въ воспом. кн. С. А. Мадатовой;—Зап. Д. И. Ростиславова о бѣломъ духовенствѣ;—Воспоминанія декабриста А. П. Бѣляева;—Дневникъ декабриста В. К. Кюхельбекера въ заключеніи, 1831—1834 гг.;—Декабристы на Кавказѣ въ 1826—1830 гг., зап. М. И. Пущина;—Русско-турецкая война за Кавказомъ въ 1853—1854 гг., зап. М. Я. Ольшевскаго;—Моск. воспом. Н. В. Берга, 1845—1855 гг.;—Зап. сен. Я. А. Соловьева о крест. дѣлѣ, 1858—1859 гг.;—Виленскіе очерки, 1863—1865 гг.;—Русскій губернаторъ въ Ц. Польск., 1866—1868 гг.;—Въ Прибалтійскомъ краѣ, 1856—1876 гг.;—Зап. ст.-секр. А. Ѳ. Гамбургера;—Зап. педагога бар. Н. А. Корфа;—Посмертныя записки Николая Ив. Пирогова;—Записки-автобіографія крестьянина-поэта С. Д. Дрожжина.

Исслѣдованія и очерки: профес. Д. И. Иловайскаго, — профес. И. А. Линниченко;—очеркъ С. Л. Пташицкаго;—Патр. Никонъ по вновь открытымъ Н. А. Гиббенетъ матеріаламъ, 1658 г.;—Екатерина II и Дидро, изсл. В. А. Вильбасова;—Настасья Минкина, домоправительница гр. Аракчеева;—Ермоловъ и его кабинетныя жены, очеркъ Ад. П. Берже;—Гр. Калодистрія и гр. К. В. Несельродъ;—Имп. Елисавета Алексѣевна, очеркъ гр. С. С. Уварова;—Польское возстаніе въ 1830—1831 гг., разскъ Мохначкаго и перениска имп. Николая I съ гр. Дибичемъ;—Холера въ Спб. въ 1831 г., очерки и рассказы;—Имп. Николай I на Кавказѣ въ 1837 г., очеркъ Ад. П. Берже;—Разскъ правосл. латыша Индрика Страумита, 1845—1846 гг.;—Въ правит. сенатѣ въ 1840—1852 гг.;—Имп. Николай I: записка его объ укрѣпленіи границъ Россіи;—Кн. М. С. Воронцовъ и Н. Н. Муравьевъ въ письмахъ къ М. Т. Лорисъ-Меликову (внѣш. графу), 1852—1857 гг.;—Князь Плих. Дм. Горчаковъ: записка о мѣрахъ въ случаѣ возстанія Венгрии, 1860 г.;—Имп. Александръ II на Кавказѣ въ 1861 г.;—Мих. Ник. Муравьевъ и его мѣропріятія въ с.-в. Россіи 1864 г.;—Ник. А. Милютинъ въ Ц. Польскомъ;—Вредныя свѣты, очерки А. Пругавина;—19-ое февраля: чествованіе этого дня лицами, принимавшими участіе въ созданіи Положеній о крестьянахъ 1861 г.—Писатели: А. П. Сумароковъ,—В. А. Жуковский,—Н. И. Гнѣдичъ,—Д. В. Давыдовъ,—Е. Н. Ватушковъ,—А. С. Пушкинъ,—М. Ю. Лермонтовъ,—Н. В. Гоголь,—Сырокомля,—Т. Г. Шевченко,—Н. Г. Помяловскій,—гр. А. К. Толстой,—Ѳ. М. Достоевскій,—И. С. Тургеневъ,—артистъ В. В. Самойловъ—въ ихъ письмахъ, воспоминаніяхъ, очеркахъ жизни и дѣятельности.

Цѣна за 12 книгъ ДЕВЯТЬ руб. съ пересылкою.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

1885

ГОДЪ ШЕСТНАДЦАТЫЙ.

ТОМЪ XLV.

ЯНВАРЬ. — ФЕВРАЛЬ. — МАРТЬ.

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧЪ ПОДОЛИНСКІЙ

1847 г.

ПОСМЕРТНЫЯ ЗАПИСКИ НИКОЛАЯ ИВАНОВИЧА ПИРОГОВА.

ДѢТСТВО И ЮНОСТЬ.

XXXV ¹⁾).

Si la jeunesse savait, si la vieillesse pouvait... Вотъ самое прк-
личное motto для этого вступленія.

Я изобразилъ мой теперешній внутренній бытъ; каковъ же онъ
былъ 56 лѣтъ тому назадъ? Посмотримъ, насколько память пе-
редастъ о немъ, сравнимъ; и сходства, и различія можетъ быть
объяснятся потомъ описаніемъ того, чѣмъ выполненъ былъ 56-ти-
лѣтній промежутокъ жизни.

Я уже говорилъ о бѣдствіи, нанесенномъ отцу воровствомъ
коммисіонера Иванова. Описанное въ казну имѣніе, долги, се-
мейное горе отъ потери дочери и сына, все это не могло не
подѣйствовать на человѣка, любившаго свою семью и желавшаго
ей всевозможнаго счастья. Отецъ видѣлъ ясно, что умри онъ сего-
дня — и завтра же мы всѣ пойдемъ по міру. А время не тер-
пѣло и онъ рѣшился взять меня изъ пансіона Кряжева, платить
которому за меня не хватало средствъ, а испортить карьеру
мальчика, по отзывамъ учителей, способнаго — не хотѣлось. Въ
гимназію отдать казалось поздно, да гимназіи въ Москвѣ тогда
какъ-то не пользовались хорошею репутаціею, и вотъ мой отецъ
вздумалъ обратиться за совѣтомъ къ Ефр. Осипов. Мухину,
уже поставившему одного сына на ноги, авось поможетъ и
другому.

¹⁾ См. „Русскую Старину“ изд. 1884 г., т. XLIII, сентябрь, стр. 455—502;
т. XLIV, октябрь, стр. 1—52; ноябрь, стр. 223—274; декабрь, стр. 445—496.

Непремѣнно предопредѣлено было Е. О. Мухину повлѣять очень рано на мою судьбу. Въ глазахъ моей семьи онъ былъ посланникомъ Неба, въ глазахъ 10-ти-лѣтняго ребенка, какимъ я былъ въ 1820-хъ годахъ нашего вѣка, онъ былъ благодѣтельнымъ волшебникомъ, чудесно исцѣлившимъ лютыя муки брата. Родилось желаніе подражать; надивившись на доктора Мухина, началъ играть въ лекаря; когда мнѣ минуло 14 лѣтъ, Мухинъ, профессоръ, совѣтуетъ отцу послать меня прямо въ университетъ, покровительствуетъ на испытаніи, а по окончаніи курса онъ же приглашаетъ вступить въ профессорскій институтъ. И за все это чѣмъ же я отблагодарилъ его? Ничѣмъ. Северная черта, но она не могла не проявиться во мнѣ. Почему,—скажу потомъ. *Si la jeunesse savait!* Теперь бы я готовъ былъ навазать себя поклономъ въ ноги Мухину; но его давно и слѣдъ простылъ. *Si la vieillesse pouvait!* Такъ на каждомъ шагу придется восклицать то же самое. Даже не вѣрится—я-ли былъ тогда на моемъ мѣстѣ.

Отецъ, внявъ совѣту Е. О. Мухина, тотчасъ же взялъ меня изъ пансіона и нанялъ для приготовленія меня въ университету, по рекомендаціи секретаря правленія (кажется Кондратьева, навѣрное не знаю), студента мелицины, кончавшаго курсъ, Θεоктистова, порядочную дубинку, впрочемъ, добраго и смирнаго человѣка. Я разстался съ моими школьными товарищами, еще наканунѣ игравшими со мною въ саду въ солдаты, причемъ я отличился изумительною храбростію, разорвавъ нѣсколько скуртукъ и надѣлавъ не мало синяковъ; прощаясь, я не могъ не замѣтить насмѣшливой зависти, съ которою товарищи слушали мои рассказы о предстоящемъ поступленіи въ студенты; замѣтивъ же это, чтобы поддразнить завистниковъ, кой-что и прихвастнулъ. Занятія съ Θεоктистовымъ, студентомъ изъ семинаристовъ, поселившимся у насъ въ домѣ, ограничивались латинскою грамматикою; переводами съ латинскаго и кой чѣмъ еще.

Что же я былъ такое за штука за нѣсколько дней до вступительнаго университетскаго экзамена? Нравственность моя была не такъ распущена какъ прежде, я сдѣлался сдержаннѣе, пересталъ ходить тайкомъ для бесѣдованія съ писарями и кучерами; но я многое зналъ такого, чего въ мои лѣта не слѣдовало бы знать; чувственность моя была также слишкомъ рано развита.

Знанія были менѣе чѣмъ ограниченныя для моего возраста; вкусъ къ искусствамъ мало развитъ, только любовь къ изящному слову и стику была сильна; съ другой стороны остались неутраченными еще и дѣтская наивность, и дѣтская вѣра, и любовь къ занятію и труду.

Вѣра была, какъ и прежде, въ первомъ дѣтствѣ, чисто обрядная и формальная; наивность дѣтская была еще такъ велика, что я съ наслажденіемъ слушалъ еще сказки Прасковьи Кирилловны, крѣпостной служанки матери, плотной, коренастой дѣвки, съ толстыми, красными, какъ гусинныя лапы, руками, съ истыканнымъ до невѣроятности оспою и усѣянными веснушками лицомъ,—но мастерской сказочницы, и я какъ теперь помню ея двѣ сказки, одну о Водѣ-Водогѣ,—такъ названномъ потому, что родился отъ какой-то чудесной воды, данной волшебницею его матери, а другую: о трехъ человѣчкахъ: бѣломъ, черномъ и красномъ. Водѣ-Водогѣ воевалъ съ разными лицами, всегда сопровождаемый цѣлымъ звѣринцемъ разныхъ животныхъ, пойманныхъ имъ на охотѣ; во время опасности онъ обращался къ нимъ съ крикомъ: „охотушка, не выдай“, и звѣри бросались опретью на непріятеля. А три человѣчка были посланцы старой бабушки (Яги); она лежитъ, какъ слѣдуетъ, на печкѣ, къ ней приходитъ маленькая внучка. „Что же ты видѣла по дорогѣ?“ спрашиваетъ бабушка. „Видѣла я, бабушка, видѣла я, сударыня,—отвѣчаетъ внучка, — бѣлаго мужичка, на бѣленькой лошадекѣ, въ бѣленькихъ саночкахъ“. — „То мой день, то мой день, говоритъ глухимъ басомъ бабушка. А еще что?“ — „Видѣла я, бабушка, видѣла я, сударыня, чернаго мужичка, на черненькой лошадекѣ, въ черненькихъ саночкахъ“. — „То моя ночь, то моя ночь. Еще что?“ — „Видѣла я, бабушка, видѣла я, сударыня, краснаго мужичка, на красненькой лошадекѣ, въ красненькихъ саночкахъ“. — „То мой огонь, то мой огонь, заревѣла бабушка. Говори еще что?“ — „Видѣла я, бабушка, видѣла я, сударыня, что у васъ ворота пальцемъ заткнуты, вишкою замотаны“. — „То мой замокъ, то мой замокъ. Ну, а еще что?“ рычитъ уже бабушка. — „Видѣла я, бабушка, видѣла я, сударыня, у васъ въ сѣняхъ рука полъ мететь“. — „То моя слуга, то моя слуга. Еще что? говори скорѣй“, огрызнулась бабушка. — „Видѣла я, бабушка, видѣла я, сударыня, тутъ, возлѣ васъ голова чья-то виситъ у печки“. — „То

моя колбаса, то моя колбаса“, заревѣла и заскрежетала зубами бабушка, схватила внучку,—и уже не помню, что сдѣлала, съѣла ли или въ печь бросила.

Откуда наша Прасковья Кирилловна брала эти побасенки, одному Богу извѣстно; читать она не умѣла, вѣрно одною наслышкою; мнѣ потомъ нигдѣ не приходилось читать слышанныя отъ нея сказки, и, я думаю, она составляла сама и импровизировала, компилируя изъ нѣсколькихъ, слышанныхъ ею прежде. Вѣрно память у нея была отличная; я помню, отъ нея слыхалъ и разные стихи, какъ, на примѣръ, сатиру на прїѣздъ шведскаго посланника въ Москву:

„Солнце въ вечеру стремится,
Тьма каретъ въ вокзалъ катится“ и проч.

Часто, часто приходилось мнѣ потомъ повторять моимъ и чужимъ дѣтямъ сказки Прасковьи о трехъ мужичкахъ, и даже съ тою же интонаціею въ голосѣ, съ которою Прасковья старалась наглядно мнѣ изобразить свирѣпую бабушку и наивную внучку. И всегда сказки Прасковьи Кирилловны производили эффектъ на слушавшихъ меня дѣтей.

Другая черта, свидѣтельствовавшая о моей дѣтской наивности, въ ту пору, была привязанность къ моей старой нянѣ. Эта замѣчательная для меня личность называлась Катериною Михайловною,—солдатская вдова изъ ерѣвостныхъ, рано лишившаяся мужа и поступившая еще молодою къ намъ въ домъ, слишкомъ 30 лѣтъ оставалась она нашимъ домашнимъ человѣкомъ, хотя и не все это время жила съ нами; горевала вмѣстѣ съ нами и радовалась нашими радостями. Я сохранилъ мою привязанность, вѣрнѣе — любовь къ ней до моего отъѣзда изъ Москвы въ Дерптъ. Видѣлъ ее и потомъ еще раза два; но въ послѣдніе годы начала сильно зашибаться; и прежде это добрѣйшее существо, съ горя и съ радости, иногда прибѣгало къ рюмочкѣ,—но уже одна рюмка вина уже сейчасъ выжимала слезы изъ глазъ. „Михайловна заливается слезами“, это значило, что Михайловна, съ горя или съ радости, выпила рюмку. Мы,—и дѣти, и взрослые,—всѣ это знали, и зная, иногда съ нею же плакали, не зная о чемъ. Все существо этой женщины было пропитано насевозъ любовью къ намъ, дѣтямъ, вынянченнымъ ею.

Я не слышалъ отъ нея никогда ни одного браннаго слова, всегда любовно и ласково останавливала она упрямство и шалость, мораль ея была самая простая и всегда трогательная, потому что выходила изъ любящей души. „Богъ не велитъ такъ дѣлать, не дѣлай этого, грѣшно“,—и ничего болѣе.

Помню, однако же, что она обращала вниманіе мое и на природу, находя въ ней нравственные мотивы. Помню, какъ теперь, Успеневъ день, храмовой праздникъ въ Андроньевомъ монастырѣ; монастырь и шатры съ пьянымъ, шумящимъ народомъ, раскинутые на зеленомъ пригорѣ, передо мною, какъ на блюдечкѣ, а надъ головами толпы черная грозовая туча; блещетъ молнія, слышатся раскаты грома. Я, съ нянею, у открытаго окна и смотримъ сверху. „Вотъ, смотри, слышу“, говоритъ она, „народъ шумитъ, буянитъ и не слышитъ, какъ Богъ грозить; тутъ шумъ да веселье людское, а тамъ, вверху, у Бога свое“.

Это простое указаніе на контрастъ между небомъ и землею, сдѣланное встати любящею душою, запечатлѣлось навсегда, и всякій разъ какъ-то заунывно настроиваетъ меня, когда я встрѣчаю грозу на гуляньи. Бѣдная моя нянька, какъ это нерѣдко случается у насъ съ чувствительными, простыми людьми, начала пить, и не перенося много вина, захирѣла и такъ, что собралась уже умирать; не знаю уже почему, но рѣшено было поставить промывательное; я былъ тогда уже студентомъ и въ первый разъ въ жизни совершилъ эту операцію надъ моею нянею; она удивилась моему искусству и послѣ сюрприза тотчасъ же объявила: „ну теперъ я выздоровлю“. Черезъ три дня она, дѣйствительно, поднялась съ постели и жила еще нѣсколько лѣтъ, прожила бы, можетъ быть, и болѣе, если бы, на свою бѣду, не нанялась у Авдотьи Егоровны Драгутиной, молодой жены пожилого мужа-купца. Былъ у нихъ сынокъ, Егоринька; къ нему и взяли мою няню, а черезъ няню познакомилась и наша семья съ Драгутиными.

O tempo, o tempo! Цицеронъ, котораго я тогда не читалъ,—кажется, всегда и вездѣ встати.

Замоскворѣчье; хорошенькая, веселенькая, красиво меблированная квартира во второмъ этажѣ. Хозяйка лѣтъ 25, красивая, всегда наряженная, брюнетка, съ притязаніемъ на интеллигенцію,

съ замѣтною и для меня, подростка, склонностью къ мужскому полу, съ ранняго утра до ночи одна съ маленькимъ сыномъ, нянею и учителемъ, кандидатомъ университета, рослымъ и виднымъ мужчиною, Путиловымъ. Мужъ, угрюмый, нѣсколько напоминающій медвѣдя, впрочемъ не изъ дюжинныхъ и добропорядочный во всѣхъ отношеніяхъ, цѣлый день въ лавкѣ, въ гостинномъ дворѣ; домъ какъ полная чаша; чай пьется разъ пять въ день, встать и не встать.

Мужъ, возвращающійся поздно домой, усталый, идетъ прямо къ себѣ въ комнату, пьетъ чай, ужинаетъ и ложится спать. Ребенокъ уходитъ спать въ дѣтскую съ нянею. Хозяйка и учитель остаются наединѣ, въ двухъ большихъ комнатахъ, пьютъ чай, запираютъ и входныя, и выходныя двери, и такъ на цѣлую ночь до разсвѣта. Ежедневно одна и та же исторія.

— Да что же они тамъ дѣлаютъ одни,—любопытствовалъ я узнать отъ моей няни.

— „Да кто же ихъ, батюшка, знаетъ; никого не пускаютъ къ себѣ, какъ тутъ узнаешь“.

— Да вѣдь слышно же что нибудь черезъ двери,—продолжаю я разспрашивать.

— „Слышно, что тѣ говорятъ, тѣ молчатъ“.

— А мужъ что?

— „Мужъ спитъ“.

Такъ продолжается цѣлые годы. Я охотно посѣщаль этотъ домъ, забавлялся и съ мальчигомъ, шутилъ и сплетничалъ съ Авдотьей Егоровною, и всегда въ присутствіи няни (не упускавшей меня изъ виду) пилъ чай, кофе, шоколадъ сколько въ душу влѣзало. Однажды прихожу,—молчанье, темнота, шторы спущены; что такое? Авдотья Егоровна что-то нездорова. Смотрю — моя Авдотья Егоровна лежитъ на полу, въ одномъ спальномъ бѣльѣ; въ комнатѣ чѣмъ-то летучимъ пахнетъ. Слышу, что-то бормочетъ; няня около нея и дѣлаетъ мнѣ какіе-то знаки, чтобы я вышла. Что за притча? Оказалось, что эта милая дамочка чиститъ себѣ зубы табакомъ и потомъ упивается гофманскими каплями, бывшими тогда въ большомъ употребленіи, какъ домашнее средство противъ всѣхъ лихихъ болѣзней. Потомъ гофманскія капли замѣнились полынною, а наконецъ и простякомъ.

Учитель кончилъ курсъ. Хозяинъ обрюзгъ болѣе прежняго

и сдѣлался еще неприступнѣе, а хозяйка, спившись съ круга, увлекла въ запой и мою добрую милую няню, Катерину Михайловну.

Кстати уже, говоря о чисто дѣтской наивности, памятной мнѣ въ то время, какъ готовился уже къ изученію медицины, не забуду напомнить себѣ и еще трехъ занимавшихъ меня тогда и нравившихся мнѣ, вслѣдствіе этой же самой ребяческой простоты, знаемыхъ. Это были Григорій Михайловичъ Березкинъ, Андрей Михайловичъ Клаусъ и Яковъ Ивановичъ Смирновъ. Первые оба изъ врачебнаго персонала, старые сослуживцы Московскаго воспитательнаго дома; оба не доктора и не лекаря. Березкинъ, циникъ, съ замѣтною наклонностію къ спиртнымъ напиткамъ, занималъ меня разсказами, очевидно иностраннаго (нѣмецкаго) происхожденія о Петрѣ Первомъ. „Мы должны, говорятъ нѣмцы,—такъ сказывалъ мнѣ Березкинъ,—Богу молиться на Петра, да свѣчки ему ставить, — вотъ что“. Изъ медицины Григорій Михайловичъ сообщалъ мнѣ также что-то, тогда меня вѣрнѣе интересовавшее, но уже не припомню что именно; подарилъ какой-то писанный на латинскомъ языкѣ сборникъ съ описаніемъ, въ алфавитномъ порядкѣ, растительныхъ веществъ, употребляемыхъ въ медицинѣ; я много узналъ и наизусть запомнилъ научныхъ терминовъ *emeticum, drasticum, diureticum, radix irascianhae, jalappaе* и т. п.

За годъ и болѣе до вступленія на медицинскій факультетъ я уже зналъ массу названій и терминовъ, и это мнѣ много пригодилось впоследствии. Но дѣтская привязанность къ словоохотному Березкину у меня основывалась, конечно, не на расчетъ профитировать отъ него что-нибудь, а на потѣшавшихъ меня шуточкахъ и прибауткахъ; ими изобиловала наша бесѣда.

— „Ну-те-ка, ну-те“, бормочетъ скороговоркою Григорій Михайловичъ, „напишите-ка: во-ро-бей“.

Я и пишу, и написавъ послѣдній слогъ, вдругъ получаю щелчокъ по головѣ.

— Это что?

— „Самъ же просилъ, прочти послѣдній слогъ“, отвѣчаетъ, заливаясь отъ смѣха, Григорій Михайловичъ. „А хочешь, спую пѣсенку?“

— Какую?

— „Ай ду-ду“.

Я притворяюсь, будто не знаю значенія этой пѣсни, уже не разъ испытанное моимъ лбомъ.

— Ну-ка, спойте.

— „Ай-ду-ду, Ай-ду-ду“, затагиваетъ хриплымъ голосомъ Березкинъ, „сидитъ баба на дубу“.

Полный текстъ таковъ: „Ай ду-ду, сидитъ баба на дубу, прилетѣла синица, что станемъ дѣлать? пива что-ли намъ варите; сына что-ли намъ жените. Ай сынъ мой, отдай бабѣ голову: ударь бабу по лбу... отдай мою голову, ударь бабу по лбу“ — я убѣгаю со смѣхомъ. Березкинъ промахнулся, я не баба, и лобъ не получилъ щелчка.

— „А вотъ, латинистъ, отгадай-ка, что такое — и опять стакато: Si caput est, currit; ventrem adjuuge, volabit; adde pedes, commedes; sine ventre, bibes“.

Отвѣчаю, не запинаясь:

— Mus, musca, muscatum, mustume.

— „А, знаешь уже, а отъ кого узналъ?“

— Да не отъ васъ (я лгу), я и прежде зналъ.

— „То-то прежде зналъ; отчего же прежде не говорилъ?“

— Да я нарочно.

А всего пріятнѣе моему дѣтски наивному тщеславію было слышать отъ старика, какъ онъ меня хвалилъ и величалъ; вѣрно и я для него былъ занимателемъ. „Ну, смотри, братъ, изъ тебя выйдетъ, пожалуй, и большой человекъ; ты умникъ, вонъ не тому, не Хлопову, чета“. Хлоповъ это былъ ученикъ изъ пансіона Кряжева, жившій нѣкоторое время у насъ, грубоватый и какъ-то свысока обходившійся съ Березкинымъ.

Андрей Михайловичъ Клаусъ — оригинальнѣйшая и многимъ тогда въ Москвѣ извѣстная личность. Это былъ знаменитый оспопрививатель еще екатерининскихъ временъ. Аккуратнѣйшій старикашка, въ рыжемъ парикѣ, съ красною добрѣйшею физиономією, въ короткихъ штанишкахъ, приерѣпленныхъ пряжками выше колѣнъ, въ мягкихъ плюсовыхъ сапогахъ, не доходившихъ до колѣнъ; между черными штанами и сапогами видѣлись бѣлые чулки.

Всей нашей семьѣ, въ теченіи многихъ лѣтъ, Андрей Михайловичъ привилъ оспу и потому считалъ своею обязанностію еже-

годно навѣщать насъ въ табельные дни, завтракалъ, съ особеннымъ аппетитомъ кушалъ бутербродъ, зимою — съ сыромъ, а весною (на Святой)—съ рѣдиской.

Меня лично онъ занималъ, кромѣ своей оригинальной наружности, маленькимъ микроскопомъ, всегда находившимся при немъ въ карманѣ. Раскрывался черный ящичекъ, вынимался крошечный, блестящій инструментъ, брался цвѣтной лепестокъ съ какого-нибудь комнатнаго растенія, отдѣлялся иглою, вжался на стеклышко, и все это дѣлалось тихо, чинно, аккуратно, какъ будто совершалось какое-то священнодѣйствіе. Я не сводилъ глазъ съ Андрея Михайловича, и ждалъ съ замираніемъ сердца минуты, когда онъ приглашалъ взглянуть въ его микроскопъ.

— Ай, ай, ай, какая прелесть. Отчего это такъ видно, Андрей Михайловичъ?

— „А это, дружокъ, тутъ стекла вставлены, что въ 50 разъ увеличиваютъ.—Вотъ смотри-ка“. Слѣдовала демонстрація.

Третій входилъ въ нашъ домъ и занимательный для меня знакомый, Яковъ Ивановичъ Смирновъ, сослуживецъ отца, прилегалъ мою ребяческую наивность собственно глупостью. Не то, чтобы онъ самъ былъ глупъ, но какой-то точно еловый, неповоротливый, высокій, прямой, какъ шесть. Когда онъ, поздоровавшись, садился, я тотчасъ же являлся возлѣ его стула и приготовлялся смотрѣть, какъ Яковъ Ивановичъ начнетъ вынимать изъ кармана свой клѣтчатыи синий платокъ, съладывать его въ кругленькій комочекъ, а потомъ поднесетъ къ носу, утрется и подержитъ его въ рукѣ съ полчаса прежде, чѣмъ опять положить въ карманъ. Яковъ Ивановичъ (сынъ священника, учился когда-то въ семинаріи) рассказываетъ матушкѣ, а она крестится отъ содраганія,—что попы частицы вынутыхъ просфоръ собираютъ, сушатъ и ѣдятъ со щами.

— Что это, Яковъ Ивановичъ, вы рассказываете за ужасы, да еще и при дѣтяхъ,—какъ вамъ это не грѣхъ?

— „Помилуйте, сударыня, да то-ли еще дѣлаютъ наши попы; они грѣха не знаютъ. А что, вотъ ты“, обращается Яковъ Ивановичъ ко мнѣ, „учишься по латыни, а знаешь-ли, что значитъ *sigua culina* (читай Акулина) *scit quid perdit*“, и, обращаясь къ матушкѣ, которая съ удивленіемъ слышитъ сальные слова отъ Якова Ивановича, думая не охмѣлѣлъ-ли онъ, Яковъ Ивановичъ

говорить: „это такъ по-латыни выходитъ, сударыня, уже извините, если оно немного того...“

Я раздражаюсь смѣхомъ и убѣгаю отъ стыда, не понявъ смысла сказаннаго.

Потомъ Яковъ Ивановичъ объясняетъ, что онъ нарочно такъ произнесъ, какъ будто бы это была Акулина, а не латинское *culina*, сирѣчь мельница.

— „Напрасно сконфузились“, говоритъ онъ матери и мнѣ; „теперь выходитъ просто: кривая мельница знаетъ, что терять. Ну, а вотъ переведи-ка славную поговорку, за нее насъ вѣрно и маменька похвалитъ: *Amicus certus in re incerta cernitur*“.

Я перевожу.

Василій Феклистычъ Феклистовъ, такъ звали наши домашніе студента Феоктистова, доставлялъ мнѣ также чисто дѣтскую радость. Я дѣтски радовался, что готовлюсь въ университетъ и занимался прилежно съ Феоктистовымъ; мнѣ доставляло наслаждение и осмотръ его медицинскихъ книгъ, какой-то старинной анатоміи съ картинками, какой-то терапіи съ рецептами, но всего болѣе и съ какимъ-то невыразимо пріятнымъ трепетомъ сердца,—это я какъ будто еще теперь чувствую,—разбиралъ я принесенный однажды Феоктистовымъ каталогъ университетскихъ лекцій.

— „Какія лекціи буду я слушать? Вотъ Юстъ Христіанъ Лодеръ—анатомія человѣческаго тѣла. Буду?“

— Непремѣнно.

— „Вотъ Ефремъ Осиповичъ Мухинъ, физиологія по Ленгоссеку. Это что такое? да Мухинъ, чтобы ни читаль, буду, непременно буду слушать. Василій Михайловичъ Котельницкій—фармакологія или врачебное веществословіе. Василій Феоктистычъ! Это что за наука?“

— Да о дѣйствиіи лекарствъ.

— „Ахъ, вотъ любопытно-то, какъ дѣйствуетъ рвотное, какъ слабительное; а я вѣдь уже знаю, что *radix ipecacuanhae—emeticum*; *radix jalappaе—drasticum*“.

— А почему это вы знаете, откуда это вы взяли?

— „А вотъ позвольте, я сейчасъ принесу вамъ книжку Григорія Михайловича Березкина,—все, все есть, пріинтересная“.

Приношу и показываю. Феоктистовъ съ важнымъ видомъ и

презрительно улыбаясь (эту улыбку я воображаю, когда пишу эти строки, диктуемая воспоминаніемъ), перелистываетъ драгоценный даръ Березкина и, отдавая мнѣ назадъ, говоритъ:

— Старье! старье! будете студентомъ, такъ просите папеньку купить вамъ фармакологию Іовскаго, переводъ съ нѣмецкаго Шпренгеля.

— „А дорого она стоитъ?“

— Да рубля три или четыре.

— „Попрошу непременно“.

Между тѣмъ время идетъ. Мы сходили въ Троицѣ помолиться. Феоктистовъ съ нами; экскурсія продолжалась дня четыре и служила отдыхомъ, хотя, по правдѣ сказать, ни я, ни Феоктистовъ не уставали отъ нашихъ занятій. Въ этой экскурсіи мы не останавливались въ Мытицахъ и Троицкую ризницу не посѣщали, поэтому все, что я говорилъ прежде о моихъ дѣтскихъ воспоминаніяхъ о Троицѣ, относится, несомнѣнно, къ прежнему времени (т. е. въ моему 7—8-лѣтнему возрасту, къ 1817—1818 гг.).

Наконецъ, настало время и вступительнаго экзамена.

Я не помню рѣшительно ничего о томъ, что я чувствовалъ, когда ѣхалъ съ отцемъ въ университетъ на экзаменъ; но вѣрно ни надежда, ни страхъ не волновали меня черезчуръ; я живо помню, напримѣръ, мой первый экзаменъ въ пансіонѣ Кражева; волненіе, съ которымъ я отвѣчалъ тогда на заданные вопросы, какъ только вспомню о немъ, кажется мнѣ неулегшимся еще до сихъ поръ; вижу, какъ въ отдаленномъ туманѣ, Дружинина (директора гимназій, присутствовавшего на экзаменѣ), сидящаго въ большихъ, для него нарочно приготовленныхъ, креслахъ; смотрю на проходящаго съ подносомъ толстаго пансіоннаго дядьку, плутовски улыбающагося мнѣ мимоходомъ и подмигивающаго однимъ глазомъ. Помню живо чью-то добрую усмѣшку и колкое замѣчаніе священника на мое слишкомъ наглядное изложеніе сновидѣній Фараона. „Ему грезилось“, повторялъ я нѣсколько разъ въ моемъ одушевленномъ жестахъ рассказѣ. „Снилось, снилось, снилось“, замѣчалъ, останавливая меня каждый разъ на полсловъ, законоучитель. И все это было два года ранѣ моего перваго университетскаго испытанія.

Вступленіе въ университетъ было такимъ для меня громад-

нымъ событіемъ, что я, какъ солдатъ, идущій въ бой, на жизнь или смерть, осилилъ и перемогъ волненіе и шелъ хладноврвно. Помню только, что на экзаменѣ присутствовалъ и Мухинъ, какъ деканъ медицинскаго факультета, что, вонечно, не могло не ободрять меня; помню Чумакова, похвалившаго меня за воздушное рѣшеніе теоремы,—вмѣсто черченія на доскѣ, я размахивалъ по воздуху руками; помню, что спутался при извлеченіи какого-то кубическаго корня, не настолько однако-же, чтобы совсѣмъ опозориться.

Знаю только навѣрное, что я зналъ гораздо болѣе, чѣмъ отъ меня требовали на экзаменѣ. Въ приемной меня ожидали, послѣ окончанія экзамена, отецъ, секретарь правленія—Кондратьевъ, и, рекомендованный имъ, мой приготовитель — Феоктистовъ. Отецъ повезъ меня изъ университета прямо въ Иверской и отслужилъ молебенъ съ колѣнопреклоненіемъ. Помню отчетливо слова его, когда мы выходили изъ часовни. „Не видимое ли это Божіе благословеніе, Николай, что ты уже вступаешь въ университетъ; кто могъ этого надѣяться?“

Затѣмъ мы заѣхали въ кондитерскую Педотти, гдѣ и послѣдовало угощеніе меня шоколадомъ и сладкими пироженками.

Моя студенческая жизнь въ Москвѣ.

XXXVI.

Это было въ сентябрѣ 1824 г. Съ этого дня началась новая эра моей жизни. Но, странно, вѣдь я собственно не увѣренъ—было ли это въ 1824 году? Справляться не стоитъ; а странно именно то, что мнѣ кажется теперь будто отецъ мой долѣе жилъ послѣ вступленія моего въ Московскій университетъ, чѣмъ оказывается по расчету. Навѣрное отецъ мой умеръ почти за годъ до смерти государя Александра I, т. е. за годъ до 1825 года. Не вступилъ же я въ Московскій университетъ въ 1823 году, 13-ти лѣтъ отъ роду.

Пережитое время, оставаясь въ памяти, кажется то болѣе короткимъ, то болѣе долгимъ; но, обыкновенно, оно укорачивается въ памяти. Прожитыя мною 70 лѣтъ, изъ коихъ 64 года навѣрное оставили послѣ себя слѣды въ памяти, кажутся мнѣ

иногда очень короткимъ, а иногда очень и долгимъ промежутокъ времени. Отчего это? Я высказалъ уже какое значеніе я придаю иллюзіямъ. Намъ суждено,—и я полагаю къ нашему счастью,—жить въ постоянномъ миражѣ, не замѣчая этого.

Можно, пожалуй, утверждать, что еще счастливѣе тотъ, кто не только не подозрѣваетъ, но и не имѣетъ никакого понятія о существованіи чувственныхъ и психическихъ миражей.

Въ сущности же все равно, выгоды незнанія равняются невыгодамъ. Больному врачу плохо бываетъ иногда отъ его знанія, а здоровому это же знаніе бесполезно для его здоровья.

Такъ и убѣжденіе въ существованіи постоянного, пожизненнаго миража, съ одной стороны, не очень вредно, потому что убѣжденіе это все таки не уничтожаетъ благодѣтельную иллюзію и, убѣжденные и неубѣжденные въ ней, мы будемъ продолжать жить попрежнему, все въ томъ же миражѣ. Сколько лѣтъ прошло уже съ тѣхъ поръ, какъ намъ сдѣлалось извѣстно, что „das Ding an und für sich selbst“ для насъ навсегда останется terra incognita; такъ нѣтъ же! Мы все таки продолжаемъ думать и действовать въ жизни такъ, какъ будто бы это „das Ding an und für sich selbst“ было намъ досконально извѣстно и коротко знакомо.

Такъ вотъ и представленіе наше о прожитомъ нами времени такъ же миражно, какъ и все прочее въ жизни.

Когда я обращаю усиленное вниманіе на какойнибудь отрывокъ изъ прожитаго времени, т. е. направляю мою внимательность на память,—съ чѣмъ бы сравнить это? вотъ, я дѣлаю это въ настоящую минуту, когда пишу эти строки: я какъ будто внимательно роюсь въ моей памяти, не то смотрю въ нее, не то слышу, будто бы, что-то отереть и вынуть,... нѣтъ, ни съ чѣмъ не сравнишь,—тогда мнѣ представляется этотъ, вынутый изъ памяти, отрывокъ чрезвычайно близкимъ ко мнѣ, къ моему настоящему, какъ будто все припоминаемое происходило вчера.

Вотъ живые портреты припоминаемыхъ лицъ, ихъ платье, ихъ манеры, голосъ, усмѣшка, все какъ есть... чудеснѣйшій миражъ. А начини только дѣйствовать, окунись въ водоворотъ жизни—и все куда-то далеко, далеко ушло, исчезло,—новый миражъ! Существовавшее представляется какъ будто бы не существовавшимъ.

Такъ, съ той минуты, когда мы съ отцемъ вышли изъ часовни

Говорилъ онъ, какъ-то захлебываясь отъ волненія и обдавая своихъ собесѣдниковъ брызгами слюны.

Въ разговорахъ быстро, скачками переходить отъ одного предмета къ другому, не слушая или не дослушивая никакихъ возраженій. „Да что Александръ I, куда ему, онъ въ (сравненіи) Наполеону не годится. Вотъ геній, такъ геній; а читали вы Пушкина „Оду на вольность“? А? Это, впрочемъ, винигреть какой-то. По нашему не такъ; révolution, такъ révolution, какъ французская съ гильотиною“, и услыжавъ, что кто-то изъ присутствующихъ говоритъ другому что-то о бракѣ, либераль 1824—1825 гг. вдругъ обращается къ разговаривающимъ: „да что тамъ толковать о женитьбѣ; что за бракъ; на что его вамъ; кто вамъ сказалъ, что нельзя по просту спать съ любую женщиною.....; вѣдь это все ваши проклятые предрасудки; натолковали вамъ съ дѣтства ваши маменьки, да бабушки, да нянюшки, а вы и вѣрите. Стыдно, господа, право стыдно“. А я-то, я, стою и слушаю, ни одного слова не проронивъ.

Вдругъ соскакиваетъ съ своей кровати Катоновъ, хватается стулъ и бацъ его посрединѣ комнаты. „Слушайте, подлецы“, кричитъ Катоновъ, „кто тамъ изъ васъ смѣетъ толковать о Пушкинѣ; слушайте, говорю“, — вопить онъ во все горло, потрясая стуломъ, закатывая глаза, скрежеща зубами:

„Тебя, твой родъ я ненавижу,
Твою погубель, смерть дѣтей
Я съ злобной радостью вижу,
Ты ужасъ міра, стыдъ природы,
Упрекъ ты Богу на землѣ“...

Катоновъ, восторженный обожатель Мочалова, декламируя, выходитъ изъ себя, не кричитъ уже, а вопить, реветъ, шипитъ, размахиваетъ во всѣ стороны поднятымъ вверхъ стуломъ, у рта нѣна, жилы на лбу переполнились кровью, глаза выпучились и горять. Изступленіе полное. А я стою, слушаю съ замираніемъ сердца, съ нервною дрожью; не то восхищаюсь, не то совѣщусь.

Ревъ и изступленіе Катонина, наконецъ, надоѣдаютъ; на него насккиваетъ рослый и дюжій Лобачевскій. „Замолчишь-ли ты, наконецъ, скотина“, кричитъ Лобачевскій, стараясь своимъ крикомъ заглушить ревъ Катонина. Начинается схватка; у Ло-

бачевского ломается высокій каблукъ. Паденіе. Хохоть и аплодисменты. Бросаются разнимать берущихся на полу.

Не проходило дня, въ который я не услышалъ бы или не увидѣлъ чего-нибудь новенькаго, въ родѣ описанной сцены, особенно памятной для меня потому только, что она была для меня первую невидалью; потомъ, все вольнодумное сдѣлалось уже дѣломъ привычнымъ.

За исключеніемъ одного или двухъ, обитатели 10-го нумера были всѣ изъ духовнаго званія и отъ нихъ-то, именно, я слышался такихъ вещей о попахъ, богослуженіи, обрядахъ, таинствахъ и вообще о религіи, что меня на первыхъ порахъ, съ непривычки, морозъ по кожѣ подиралъ...

Всѣ запрещенные стихи, въ родѣ „Оды на вольность“, „Къ временщику“ Рылѣва, „Гдѣ тѣ, братцы, острова“ и т. п., ходили по рукамъ, читались съ жадностію, переписывались и перечитывались сообща при каждомъ удобномъ случаѣ.

Читалась и барковщина, но весьма рѣдко; а замѣняла въ то время болѣе современная поэзія, подобнаго же рода, студента Полежаева.

О Богѣ и церкви сыны церкви изъ 10-го № знать ничего не хотѣли и относились ко всему божественному съ полнымъ пренебреженіемъ.

Понятій о нравственности 10-го нумера, не смотря на мое короткое съ нимъ знакомство, я не вынесъ ровню никакихъ. Разгулъ при наличныхъ средствахъ, полный индифферентизмъ въ добру и злу при пустомъ карманѣ,—вотъ вся мораль 10-го №, оставшаяся въ моемъ воспоминаніи.

Вотъ настало первое число мѣсяца. Получено жалованье. Нумеръ накопляется. Дверь то и дѣло хлопаетъ. Солдаты, старикъ Яковъ, ветеранъ, служитель нумера, озабоченно приходитъ и уходитъ для исполненія разныхъ порученій. Являются чайники съ кипяткомъ и самоваръ.

Входятъ разомъ человѣка четыре, двое нумерныхъ студентовъ, одинъ чужой и высокій, здоровенный протодьяконъ. Шумъ крикъ и гамъ. Протодьяконъ что-то баситъ. Всѣ хохочутъ. Яковъ является со штофомъ подъ черною печатью за пазухою, въ рукахъ несетъ колбасу и паюсную икру. Печать со штофа сры-

вается съ восклицаніемъ: „ну-ка, отецъ дьяконъ, бѣлаго панталоннаго хватимъ“. — „Весьма охотно“, глухимъ басомъ и съ разстановкою отвѣчаетъ протодьяконъ. Начинается попойка. Приносится Яковомъ еще штофъ и еще, такъ до положенія ризъ.

— „Знаете-ли вы, говорятъ мнѣ кто-то изъ жильцовъ 10-го номера, что у насъ есть тайное общество, я членъ его, я и массонъ“.

— Что же это такое?

— „Да такъ, надо же положить конецъ“.

— Чему?

— „Да правительству, ну его къ чорту“.

И я, послѣ этого открытія, смотрю на господина, сообщившаго мнѣ такую любопытную вещь, съ какимъ-то подобострастіемъ.

Массонъ! Членъ тайнаго общества. То-то у него книги все въ зеленомъ переплетѣ. А я уже прежде гдѣ-то слыхалъ, что у массоновъ есть книги въ зеленомъ переплетѣ.

— „А слышали, господа, наши съ Полежаевымъ и хирургами (студентами московской медико-хирургической академіи) разбили вчера ночью б.....ъ на Трубѣ. Вотъ молодцы-то“.

Начинаются рассказы со всѣми сальными подробностями. И это откровеніе я выслушиваю съ тѣмъ же наивнымъ любопытствомъ, какъ и сообщенную мнѣ тайну объ обществѣ и массонствѣ.

— Ну, братцы, угостилъ сегодня Матвѣй Яковлевичъ.

— „А что?“

— Да надо ручки и ножки его разцѣловать за сегодняшнюю лекцію. Не даромъ сказалъ: „запишите себѣ отъ слова до слова, что я вамъ говорилъ, этого вы нигдѣ не услышите. Я и самъ недавно узналъ это изъ Бруссе“. И пошоль, и пошоль...

— „Теперь уже, братцы, Франковъ, и Петра, и Юсифа, по боку; теперь подавай Пинеля, Биша, Бруссе“.

— А въ клиникѣ-то, въ клиникѣ какъ Мудровъ отдѣлялъ старье. Про тифознаго-то что сказалъ. Вотъ, говорятъ, смотрите онъ уже почти на ногахъ послѣ того, какъ мы поставили слишкомъ 80 пиявицъ къ животу; а пропиши я ему, попрежнему, валеріану, да арнику, онъ бы уже давно былъ на столѣ.

— „Да, Матвѣй Яковлевичъ молодець, гений! Чудо, не профессоръ. Читаетъ божественно“.

— „Говорять, въ академіи хорошъ также Дидковскій. Наши

ходили его слушать. Да гдѣ ему противъ Мудрова. Онъ недостигаемъ“.

— „Ну, ну, а Лодеръ Юсть-Христіанъ!“

— „Да, невелика птичка, старичекъ невеликъ, да носъ востеръ. Слышали, какъ онъ оберъ-полиціймейстера отдѣлалъ. Ыдетъ это онъ на парадъ въ каретѣ, а оберъ-полиціймейстеръ подсажалъ и кричитъ кучеру во все горло: „пошолъ назадъ, назадъ“; Лодеръ-то высунулся изъ кареты, да машетъ кучеру впередъ-молъ, впередъ. Полиціймейстеръ прямо и въ Лодеру. „Не ведаю, кричитъ, я оберъ-полиціймейстеръ“.—„А я, говоритъ тотъ, Юсть Христіанъ Лодеръ; васъ знаетъ только Москва, а меня вся Европа“. Вчера-то, слышали, какъ онъ на лекціи спохватился“?

— А что?

— „Да началъ было: „Sapientississima (Лодеръ шамвалъ немного) natura, да спохватившись и прибавилъ: aut potius, Creator sapientissimae naturae voluit“.

— Да, вынѣ, братъ, держи ухо востро.

— „А что?“

— Теперь, тамъ въ Петербургѣ, говорятъ, министръ нашъ Голицынъ такія штуки выкидываетъ, что на поди.

— „Что такое?“

— Да, говорятъ, хочеть запретить вскрытіе труповъ.

— „Неужели, что ты?“

— Да, у насъ чего нельзя, вѣдь деспотизмъ. Послалъ, говорятъ, во всѣ университеты запросъ: нельзя-ли обойтись безъ труповъ или замѣнить ихъ чѣмънибудь.

— „Да чѣмъ тутъ замѣнишь?“

— Извѣстно, ничѣмъ,—такъ ему и отвѣтять.

— „Толкуй, а не хочешь картинами или платками?“

— Чѣмъ это, что ты врешь какъ свѣый меринъ,—слышу чей-то вопросъ.

— „Нѣтъ, не вру, уже гдѣ-то, сказываютъ, такъ дѣлается. Профессоръ-то анатоміи привяжетъ одинъ конецъ платка въ лопаткѣ, а другой—въ плечевой кости, да и тянетъ за него; вотъ, говорятъ, посмотрите, это Deltoides“.

Дружный хохотъ, кто-то плюнулъ съ остервенѣніемъ.

Да, № 10-й былъ такою шкелюю для меня, уроки которой,

какъ видно, пережили въ моей памяти много другихъ болѣе важныхъ воспоминаній.

Впослѣдствіи почуялись и въ 10 номерѣ вѣянія другого времени; слышались чаще имена Шеллинга, Гегеля, Окена. При ежедневномъ посѣщеніи университетскихъ лекцій и 10-го номера, все мое міровоззрѣніе очень скоро измѣнилось; но не столько отъ лекцій остеологии Терновскаго (въ первый годъ Лодера не слушали) и физиологін Мухина, сколько, именно, отъ образовательнаго вліянія 10 номера.

На первыхъ же порахъ, послѣ вступленія моего въ университетъ, 10-й № снабдилъ меня костями и гербаріемъ; кости конечностей, нѣсколько реберъ и позвонковъ были, по всѣмъ вѣроятіямъ, краденныя изъ анатомическаго театра отъ скелетовъ, что доказывали проверченныя на нихъ дыры, а кости черепа, отличавшіяся бѣлизною, были, вѣрно, украдены у Лодера, раздававшаго ихъ слушателямъ на лекціяхъ остеологии.

Когда я привезъ кулекъ съ костями домой, то мои домашніе не безъ душевной тревоги смотрѣли, какъ я опорожничивалъ кулекъ и раскладывалъ драгоцѣнный подарокъ 10-го номера по ящичкамъ пустого комода, а моя нянюшка, Катерина Михайловна, случайно пришедшая въ это время къ намъ въ гости, увидѣвъ у меня человѣческія кости, прослезилась почему-то и когда я сталъ ей демонстрировать, очень развязно поворачивая въ рукахъ лобную кость, бугры, вѣнечный шовъ и надбровныя дуги,—то она только качала головою и приговаривала: „Господи, Боже мой, какой ты вышелъ у меня безстрашникъ“.

Что касается до приобрѣтенія гербарія, то оно не обошлось мнѣ даромъ. Надо знать, что это былъ дѣйствительно замѣчательный для того времени травникъ, хотя Москва и могла считаться истиннымъ отечествомъ травниковъ всякаго рода, только не ботаническихъ, а ерофѣечивыхъ; гербарій же 10 номера былъ очевидно несоотечественный. Вѣроятно его составлялъ какой-нибудь ученый аптекарь, нѣмецъ; онъ собралъ около 500 медицинскихъ растений, прекрасно засушилъ, наклеилъ каждое на листъ бумаги, опредѣлялъ по Линнею и каждый листъ съ растеніемъ вложилъ въ листъ пропускной бумаги. Чисто, аккуратно, красиво. Когда студентъ 10 № Лобачевскій показалъ мнѣ въ первый разъ это, принадлежавшее ему, сокровище, я такъ и

ахнулъ отъ восхищенія. Лобачевскій предложилъ мнѣ купить эту, по моимъ тогдашнимъ понятіямъ, драгоценную вещь за 10 рублей, разумѣется ассигнаціями, и, сверхъ того, привезти ему еще на память шелковый шнурокъ для часовъ, вязанный сестрою; Лобачевскій былъ *galant homme* и гдѣ-то видѣлъ моихъ сестеръ. Я, не возражая, не торгуясь, вѣ себя отъ радости приобрѣтенія, попросилъ тотчасъ же уложить гербарій въ какой-то старый лубочный ящикъ; старый Яковъ связалъ ящикъ веревкою, стащилъ внизъ и положилъ въ сани къ извозицу.

Въ мечтахъ, наслаждаясь разсматриваніемъ гербарія, я и не замѣтилъ, какъ доѣхалъ до дому; тутъ только взяло меня раздумье, а что, какъ мнѣ денегъ-то не дадутъ, что тогда? да не можетъ быть,—ну, а если... ахъ, Боже мой, какъ же это такъ я и не подумалъ прежде; ну будь, что будетъ.

— „Прасковья! Прасковья! Ульяна! да подите сюда, помогите вытащить ящикъ изъ саней“.

Тащутъ. Вхожу въ комнаты уже ни живъ, ни мертвъ отъ волненія.

— Что это такое, спрашиваютъ сестры.

— „Да это гербарій“.

— Что такое гербарій?

— „Ботаника“.

— Да вѣдь у тебя есть уже ботаника.

— „Какая?“

— Да ты развѣ не помнишь, сколько сушилъ разныхъ цвѣтвъ.

— „Ахъ, это совсѣмъ не то; это настоящій, какъ есть ботаническій гербарій, и все медицинскія растенія. Просто чудо, драгоценнѣйшая вещь, рѣдкость“.

— Да откуда же ты досталъ?

А я, между тѣмъ, распаковываю ящикъ, вынимаю пачки пропускной бумаги.

— „А вотъ, посмотрите-ка сначала, каково, а? вотъ смотрите-ка *Atropa Belladonna*, нездѣшная, у насъ не растетъ. Это—красавица, ахъ страшный; а вотъ это растетъ и у насъ, видите: *Hyosciamus nig. L.*, это значитъ Линней, по Линнею—бѣлена. Что? Каково?“

— Кто же тебѣ подарилъ?

— „Вотъ тебѣ разъ, подарилъ! прошу покорно, да гдѣ найдешь такихъ благодѣтелей, чтобы все дарили вамъ; я купилъ“.

— Купилъ! а деньги гдѣ?

— „Буду просить“.

А о шнурѣ я ни гу-гу.

Начинаются переговоры и пересуды. Мать узнаетъ и называетъ мою повзпуну самоуправствомъ, легкомысліемъ, расточительностію, угрожаетъ, что отецъ не дастъ денегъ. Я въ слезы, ухожу къ себѣ, ложусь въ постель и плачу навзрыдь,—и такъ на цѣлый вечеръ, неиду ни къ чаю, ни къ ужину; приходятъ сестры, уговариваютъ, утѣшаютъ. Я угрожаю, что останусь дома и не буду ходить на лекціи. Обѣщаютъ, во что бы то ни стало, достать къ завтрашнему дню 10 рублей. А про шнурокъ я все-таки ни гу-гу. Такъ, благодаря ходатайству сестеръ, дѣло и уладилось. Я принесъ Лобачевскому на другой день 10 рублей, а про шнурокъ что-то сболтнулъ, не помню; только Лобачевскій его никогда не получалъ, хотя и при каждомъ удобномъ случаѣ напоминалъ мнѣ о моемъ обѣщаніи; а я, въ досадѣ на свою легкомысленность, посылалъ Лобачевского, внутренно, во всѣмъ чертамъ.

Съ этихъ поръ гербарій доставлялъ мнѣ долго, долго, неопи-санное удовольствіе; я перебиралъ его постоянно и, не зная ботаники, заучилъ на память наружный видъ многихъ, особливо медицинскихъ, растений; лѣтомъ ботаническія экскурсіи были моимъ главнымъ наслажденіемъ, и я, непремѣнно, сдѣлался бы порядочнымъ ботаникомъ, если бы нашелъ какого нибудь знающаго руководителя; но таково не оказалось и мой драгоценный гербарій, увеличенный мною и долго забавлявшій меня, сдѣлался потомъ снѣдью моли и мышей; однако же, цѣлыя 16 лѣтъ онъ просуществовалъ, сберегаемый безъ меня матушкою, пока она рѣшилась подарить его какому-то молодому студенту.

Кромѣ костей и гербарія, я принесъ еще домой изъ 10-го номера и мое новое міровоззрѣніе, удививъ и опечаливъ этимъ не мало мою благочестивую и богомольную матушку. Въ церковь къ заутренямъ и даже всенощнымъ я продолжалъ еще ходить, соблюдалъ посты и всѣ обряды; но при каждомъ случаѣ, когда заходила рѣчь съ матерью и домашними о святости вѣшняго богопочитанія, о страшномъ судѣ, мукахъ въ будущей жизни и т. п., я сильно протестовалъ, глумился надъ повѣствованіями изъ Четы-Минен о дьяволѣ и его проказахъ и пр.

— „Да разсудите, сдѣлайте милость, маменька, сами“, доказывалъ я логически, „какъ же это можетъ быть? Вѣдь Богъ, вы знаете, всевѣдущъ, всевидящъ, правосуденъ, милосердъ, поэтому Онъ знаетъ навѣрное, что мы будемъ злы, и все-таки накажетъ насъ потомъ за то, что мы были злы, гдѣ же тутъ справедливость и милосердіе?“

— Да вѣдь тебѣ Богъ далъ волю, выбирай, не дѣлай зла.

— „А, позвольте, къ чему же мнѣ эта воля, когда Богу заранее было извѣстно, — вѣдь Онъ всевѣдущъ, — что я согрѣшу и буду грѣшникомъ“.

Такъ резонировалъ я съ моею старушкою (тогда она не была еще такъ стара) и замѣчу, встати, что этимъ же самымъ пошленькимъ резонерствомъ я затывалъ не однажды ротъ православнымъ догматикамъ изъ семинаристовъ.

Я помню, что съ старымъ товарищемъ по профессорскому институту (онъ былъ годами 20 старше меня), я цѣлые часы ночью, болталъ на эту тему. И ни ему, ни мнѣ не приходило въ башку, что ни о всевѣдѣніи, ни о правосудіи, ни о милосердіи творческомъ намъ не суждено знать и не намъ, не нашему человеческому уму судить о свойствахъ абсолюта.

Когда наше нравственное начало ищетъ себѣ опору въ Божествѣ, то мы неминуемо должны остановиться на отеревеніи и вѣрить Христу, разрѣшавшему подобныя моимъ сомнѣнія тѣмъ, что невозможное для человѣка — возможно для Бога.

Справедливо кто-то замѣтилъ, что двумъ, мало-мальски образованнымъ, русскимъ нельзя сойдтись вмѣстѣ, чтобы не заговорить тотчасъ же объ отвлеченныхъ предметахъ.

Это должно быть признакъ молодости нашей культуры; все ново, зелено, незрѣло, непередумано, неперечувствовано, несмыслено. Такъ и со мною, — лишь только я выскочилъ изъ дома на волю и сблизился съ университетскою молодежью, тотчасъ же давай слушать, судить и радить о матеріяхъ отвлеченныхъ. Почти съ того же давняго времени у меня составилось и крѣпло вѣрованіе и я началъ убѣждаться въ предопредѣленіи.

Сначала оно мнѣ представлялось въ видѣ нравственнаго немезиса, а потомъ сдѣлалось роковымъ логическимъ выводомъ. При складѣ моего ума, я никогда не могъ себѣ представить ни

физическаго, ни нравственнаго міра безсвязнымъ и безцѣльнымъ, а потому и предопредѣленіе я основываю на непрерывной и безконечной связи зависящихъ другъ отъ друга причинъ и слѣдствій.

Немудрено, что, при моемъ складѣ ума, при моемъ воспитаніи, при моемъ возрастѣ, формація моего міровоззрѣнія, тотчасъ же по вступленіи въ университетъ, началась не снизу; ломка началась сверху. Сначала я сталъ потихоньку мести мою лѣстницу съ верхнихъ ступеней; но выбрасывать соръ не смѣлъ. Обрядность и внѣшность богопочитанія сохранялись мною отчасти по привычкѣ, отчасти изъ страха. Но если прежнее дѣло оставалось *in statu quo*, то прежняя мысль уже сильно потрясалась и рушилась.

— „Какой, право, Яковъ Ивановичъ (Смирновъ, о которомъ я говорилъ, кажется) пересудникъ и зубоскаль, — говоритъ матушка, — какъ можно такъ отзываться о священнослужителяхъ“.

Я. Да, послушали бы вы, что поповскіе сынки въ университетѣ говорятъ о своихъ батюшкахъ, такъ другое бы и сами подумали о попахъ; вѣдь это жрецы.

Матушка. Что ты, Богъ съ тобою; вѣдь у насъ безкровная жертва.

Я. Да что же, что безкровная. Все-таки и наши попы надуваютъ народъ; какъ жрецы прежде надували.

Матушка. Какъ это можно такъ сравнивать!

Я. Да отчего же не сравнивать; вѣдь религія вездѣ, для всѣхъ народовъ была только уздою (это выраженіе я слышалъ наканунѣ разговора отъ одного стараго семинариста на лекціи); а попы и жрецы помогали затагивать узду.

Матушка. Религія—вѣдь это значитъ вѣра, такъ неужели же теперь по вашему и вѣры не надо имѣть?

Я. Послушали бы вы, маменька, что говоритъ вонъ нѣмецкій философъ Шеллингъ (я только что слышалъ о немъ въ 10-мъ номерѣ отъ одного яраго поклонника—профессора петербургской медико-хирургической академіи Велланскаго).

Маменька. Да я читала его „Угрозы Свѣтовостововъ“.

Я (съ насмѣшкою). Да это не Шеллинга, а Штиллинга вы читали. Гдѣ же вамъ, маменька, понять Шеллинга; его и не всякій ученый пойметъ. Это натурфилософъ.

Матушка. Да ты, Ниволаша, уже не хочешь-ли сдѣлаться массономъ.

Я. А что же такое массонъ? у насъ, тамъ, въ университетѣ, между нашими студентами есть и массоны (я намекаю на сдѣланное мнѣ втайнѣ сообщеніе изъ 10-го номера).

Маменька (крестится). Ну, Богъ съ тобою, съ тобою теперь не стоворишь. Вотъ время-то какое настало, куда это свѣтъ идетъ?

Я. Да куда же ему идти, и что такое время? Прошедшее невозвратно; настоящаго не существуетъ; его не поймаешь; оно то было, то будетъ; а будущее неизвѣстно.

Эта послѣдняя тирада понравилась матушкѣ, и она долго послѣ напоминала мнѣ всегда: „а помнишь ли, какъ ты мнѣ говорилъ, что прошедшее не возвратишь, настоящаго нѣтъ, а будущее неизвѣстно. Это такъ, такъ“.

Десятый номеръ остался мнѣ памятнымъ навсегда не только потому, что воспоминаніе о немъ совпадаетъ у меня съ развитіемъ перваго въ жизни міровоззрѣнія, но и потому еще, что слышанное и виданное мною въ этомъ номерѣ, въ теченіи цѣлыхъ трехъ лѣтъ, служило мнѣ съ тѣхъ поръ всегда руководною нитью въ моихъ сужденіяхъ объ университетской молодежи. 10-й номеръ 1824 года, перенесенный въ наше время, навѣрное считался бы притономъ нигилистовъ. И тогда почти все отрицалось; Бога не нужно было; религія была вредною уздою; не отрицались только свобода, вольность и даже буйство, при полученіи жалованья. Формы, конечно, измѣнились. Отъ революціи, пожалуй бы, и не прочь, на словахъ, но систематическое осуществленіе принциповъ было не по силамъ. Осуществлять что-либо задуманное и передуманное, дѣйствовать, это не нашего поля игода; это нѣчто западное, пришлое къ намъ вмѣстѣ съ паромъ и желѣзными колесами.

Но университетское воспитаніе молодежи, предоставленное до 1824 года почти исключительно силамъ природы, едва ли не дало, въ нравственномъ отношеніи, лучшіе плоды, чѣмъ повѣдѣннѣйшее, искусственное.

Что вышло изъ всѣхъ этихъ энтузіастовъ вольности, этихъ отрицателей божества, вѣры и поклонниковъ Вольтера, натур-

философін, революцій и т. п. То же самое, что выходить изъ всѣхъ ультрабуршей въ германскихъ и въ нашемъ Дерптскомъ университетахъ. Я встрѣчался не разъ въ жизни и съ прежними обитателями 10-го нумера, и съ многими другими товарищами по Московскому и Дерптскому университетамъ, закоснѣлыми приверженцами всякаго рода свободомыслія и вольнодумства, и многихъ изъ нихъ видѣлъ потомъ тише воды и ниже травы, на службѣ, семейныхъ, богомольныхъ и посмѣивавшихся надъ своими школьными (какъ они называли) увлеченіями. Того господина, напримѣръ, изъ 10-го №, который горланилъ во всю ивановскую оду на вольность, я видѣлъ потомъ тишайшимъ штабъ-леваремъ, женатымъ, игравшимъ довольно шибко въ карты и служившимъ отлично въ госпиталѣ.

Про германскихъ и дерптскихъ буршей и про нашихъ бутылъ-студентовъ и говорить нечего. Извѣстное и переизвѣстное дѣло, что этотъ разрядъ университетской молодежи даетъ впоследствии значительный контингентъ отличныхъ доцентовъ, чиновниковъ-бюрократовъ, пасторовъ, докторовъ и пр. Перебьются—и людьми станутъ. Die Jugend muss austoben. Правда, это поговорка нѣмецкая, а что для нѣмца здорово, то русскому, пожалуй, и не въ прокъ. Вѣдь русскіе, постунавшіе, въ бытность мою въ Дерптѣ, студентами прямо изъ нашихъ училищъ, спивались съ кругу нерѣдко и очень немногіе изъ нихъ вышли въ люди. Но молодежь каждой націи должна перебьситься по своему и русской надо перебьситься по своему, по русски.

Вотъ, въ 1824—1825 годахъ, мнѣ кажется, такъ и дѣлалось. Тогда университетская молодежь, предоставленная самой себѣ, жила, гуляла, училась, бѣсилась по своему. Не было ни попечителей, ни инспекторовъ въ современномъ значеніи этихъ званій. Попечителя, князя Оболенскаго, видали мы только на актѣ, разъ въ годъ, и то издали; инспекторы тогдашніе были тѣ же профессора и адъюнкты, знавшіе студенческой бытъ потому, что сами были прежде (иные и не такъ давно) студентами.

Экзаменовъ курсовыхъ и полукурсовыхъ не было. Были переклички по спискамъ на лекціяхъ и репетиціи, у иныхъ профессоровъ и довольно часто; но все это дѣлалось такъ себѣ, для очищенія совѣсти. Никто не заботился о результатахъ. Между тѣмъ аудиторіи были биткомъ набиты и у такихъ профессоровъ,

у которыхъ и слушать было нечего и нечему научиться. Прокъ было довольно, но чисто студенческихъ. Болтать, даже и въ самыхъ стѣнахъ университета, можно было вдоволь, о чемъ угодно, и врывъ и врось. Шімоновъ и наушниковъ не водилось; университетской полиціи не существовало, даже и педелей не было; я въ первый разъ съ ними познакомился въ Дерптѣ. Городская полиція не имѣла права распорядиться съ студентами и провинившихся должна была доставлять въ университетъ. Мундировъ еще не существовало. О какихъ нибудь демонстраціяхъ никогда никто не слыхалъ. А надо замѣтить, что это было время тайныхъ обществъ и недовольства; всѣ грызли зубы на Аракчеева; запрещенныя цензурою вещи ходили по рукамъ, читались студентами съ жадностію и во всеуслышаніе; чего-то смутно ожидали.

Правда, общественная жизнь того времени не была еще, какъ теперь, взбаломученнымъ моремъ. О меньшей братіи не было еще толковъ. Культурный слой заботился только о себѣ, и смотрѣлъ вверхъ, а не внизъ. Буржуазія еще стояла на пьедесталѣ. Но развѣ все это не было для насъ гораздо натуральнѣе и проще. Тогда, какъ и теперь, всѣмъ извѣстно было, что въ сущности, что бы тамъ ни говорилось, всякій заботится исключительно о себѣ; но тогда люди были, должно быть, откровеннѣе и, заботясь о себѣ, не толковали о меньшей братіи и не поступали такъ, какъ будто бы изъ кожи лѣзутъ для другихъ. Всесвѣтское горе, Weltschmerz, не волновало еще умы людей и не было моднымъ занятіемъ тѣхъ, кому нечего было дѣлать. Правда, и тогда знали, что во времена оны Сынъ человѣческой скорбѣль этимъ горемъ не для Себя; но знали также, что то былъ Единный, Непотрѣшимый, Безгрѣшный, имѣвшій власть отпускать и грѣхи другихъ; а потому, считая самоотверженіе и безкорыстное служеніе общему благу не дѣломъ во грѣхѣ рожденныхъ сыновъ человѣческихъ, подозрительно смотрѣли на вожаковъ и агентовъ вспомоществованія всесвѣтному горю.

Конечно, молодежь, какъ самый чувствительный къ вѣяніямъ времени барометръ, всегда обнаруживаетъ замѣтнѣе признаки небывалыхъ стремленій; такъ немудрено, что современная молодежь, при появленіи на свѣтъ новыхъ соціальныхъ ученій, тотчасъ же изъявила готовность донкихотствовать и окутаться въ взбаломученное море.

Я убѣжденъ, однако же, что не тяготѣи надъ нашими студентами съ 1826 года, цѣлыя 30 лѣтъ, систематическій гнетъ попечительствъ, инспекторствъ и т. п., молодежь встрѣтила бы вѣянiя новаго времени совсѣмъ инымъ образомъ. Не смотря на мою незрѣлость, неопытность и дѣтски наивное равнодушiе въ общественнымъ дѣламъ, я, всетаки, тотчасъ же почувствовалъ начинавшiйся съ 1825 года гнетъ въ университетѣ.

Гнетъ этотъ, какъ извѣстно, усиливался crescendo и даже до сегодня, съ нѣкоторыми пережками, слѣдовательно, не 30, какъ я сейчасъ сказалъ, позабывъ, что дѣлалось въ послѣднiя 20 лѣтъ, — а цѣлыя 50 лѣтъ. Довольно времени, чтобы, исковеркавъ *lege artis* молодую натуру и ожесточивъ нравы, перепортить и погубить многiя сотни и тысячи душъ.

Вотъ, куда зашелъ я изъ 10-го нумера и забылъ, что хотѣлъ еще говорить о московскихъ извозчикахъ, возившихъ меня почти ежедневно съ Неглинной, — университетъ, по понятiямъ тогдашнихъ извозчиковъ, находился на Неглинной, — въ Троицѣ въ Сыромятники. *Species* моихъ возницъ именовалось волочками, и я имѣлъ удовольствiе, въ теченiи цѣлаго года, по вечерамъ, ѣздить изъ университета домой на волочкахъ.

Этотъ, теперь не существующiй, родъ возницъ перетаскивалъ человѣческiя тѣlesa на дровняхъ. Незатѣйливый экипажъ, волочка, дѣйствительно, былъ ничто иное какъ большiя дровни, покрытыя какимъ-то подобiемъ подушки; садились на эти дровни съ боку, ноги оставались свѣшенными на землю, и если были очень длинны, то едва не волочились по землѣ; когда было грязно, то предлагалось для прикрытiя колѣнъ и голеней дерюга или мѣшокъ, нисколько, впрочемъ, не оправдывавшiй возлагавшихся на него надеждъ.

Какъ бы современному прогрессу ни казались ненормальными извозчикiи московскiя волочки 1825 года, — но онѣ вполнѣ гармонировали съ тогдашнимъ состоянiемъ столичныхъ переулковъ и моего кармана. За 10 и за 5 копѣекъ, смотря по тому, гдѣ я садился на волочки, онѣ везли меня цѣлыя 8 версты, въ темные, осеннiе вечера, по непроходимой грязи различныхъ переулковъ и закоулковъ, путешествiе пѣшкомъ по которымъ было сопряжено съ опасностiю для жизни, и я это испыталъ нѣсколько разъ, когда мнѣ приходилось отправляться по инфантерiи.

Разъ, въ безлунный, темный, осенній вечеръ, я, не желая передать извонцику болѣе пятачка, загрязъ по щиколки въ какомъ-то глухомъ завоулѣ и былъ атакованъ собаками; перепугавшись не на шутку, я кричалъ во все горло, отбивался бросаніемъ грязи и, наконецъ, кое-какъ выкарабкался изъ нея, весь испачканный и съ потерей калошъ.

Извонцики и учащаяся молодежь—это два самые вѣрные барометры культурнаго общества: по нимъ узнается очень скоро и настроеніе, и степень культуры общества. Иначе и не могло быть. Чѣмъ дѣятельнѣе обмѣнъ веществъ, тѣмъ живѣе и совершеннѣе организмъ. Чѣмъ дѣятельнѣе обмѣнъ идей, а съ ними и умственныхъ и матеріальныхъ произведеній, тѣмъ культурнѣе и совершеннѣе общество. А кто, какъ ни школа и молодежь, укажетъ намъ прямо и вѣрно умственную жизнь общества, его стремленія, силу и скорость обмѣна господствующихъ въ немъ идей. Кто, какъ не извонцики и главный ихъ *gazon d'étére*, — пути сообщенія, — покажетъ намъ силу и скорость обмѣна въ матеріальномъ бытѣ общества.

XXXVII.

Прошло менѣе года, судя по расчету времени, и гораздо болѣе, судя по однимъ воспоминаніямъ, съ тѣхъ поръ, какъ я вступилъ въ московскій университетъ, и страшное горе-злосчастіе разразилось надъ нашею семьею.

Уже года два тянулась исторія съ покражею казенныхъ денегъ комиссіонеромъ Иваковымъ; домъ и имѣніе были уже описаны въ казну, были и частныя долги; но отецъ умѣлъ вести дѣла, былъ повѣреннымъ по разнымъ дѣламъ и между прочими и по имѣнію генерала Николая Мартыновича Сипягина, жена-таго на богатой Всеволожской.

Въ теченіи этого времени, помню, толковали много у насъ о приѣздѣ въ Москву для ревизіи комиссаріата какого-то грознаго Аббакумова, называли его аракеевцемъ. Онъ упекъ многихъ подъ судъ; отецъ, однако же, избѣжалъ суда и вышелъ по-просту въ отставку; мы продолжали жить почти-что попрежнему, какъ въ былые счастливые дни. Я помню еще какъ отецъ, вышедъ въ отставку, въ первый разъ надѣлъ темнокоричневый

съ темными пуговицами фракъ и сапоги съ висточками; помню, кажется мнѣ, и то, что онъ сталъ какъ-то задумчивѣе, неподвижнѣе; прежде мы только по вечерамъ его видали дома, теперь мы заставляли его нерѣдко посреди дня спать на диванѣ; онъ чаще сталъ жаловаться на головныя боли и характеръ его, должно быть, измѣнился; вспыльчивый и горячій по природѣ, отецъ сдѣлался равнодушнымъ. Какъ теперь вижу, онъ сидитъ и брѣтается; входитъ низенькая, толстая фигура банщика и торговца дровами и начинаетъ тянуть предлинную канитель объ уплатѣ денегъ за купленные у него дрова и, замѣтивъ, наконецъ, равнодушіе отца къ его доводамъ, говоритъ: „нѣтъ, я уже теперь вижу, придется идти мнѣ не къ Ивану Ивановичу (моему отцу), а къ Александру Алексѣевичу“ (т. е. къ московскому оберъ-полицеймейстеру Шульгину съ жалобой на должника). На всю тираду банщика отецъ не отвѣчаетъ ни полслова; я стою и слушаю, и вѣрно слушалъ очень внимательно, если до сихъ поръ помню.

Въ половинѣ апрѣля отецъ приходитъ изъ бани и выпиваетъ стаканъ квасу. Ночью въ домѣ тревога. Захватило духъ, посылаютъ за лекаремъ, пускаютъ кровь, затѣмъ слѣдуетъ облегченіе, отецъ чрезъ нѣсколько дней встаетъ съ постели, прохаживается по саду, но не выздоравливаетъ; лекаръ изъ воспитательнаго дома Кашкадаловъ призываетъ на консилиумъ все того же Ефр. Осип. Мухина, нашего стараго знакомаго и добродѣя.

Вспоминаю два разсужденія по поводу этого консилиума. Оканчивавшіе курсъ изъ 10-го нумера, услыжавъ отъ меня, что Ефремъ Осиповичъ прописалъ отцу *magnesia sulfurica* въ растворѣ, рѣшили съ самоувѣренностію, что они сдѣлали бы то же самое, что и Мухинъ; а мой почтенный подлекарь Григ. Мих. Березкинъ, съ нависшими бровями, полузакрытыми глазами, хриплымъ голосомъ, скороговоркою и отрывисто, какъ-то подъ носъ себѣ, бормоталъ: „тутъ бы, эдакъ, надо бы амага, амага *gobogantia* бы, эдакъ“. И я, вспоминая блѣдно-желтоватый, безкровный обликъ въ послѣдній разъ въ жизни видѣннаго отца, невольно думаю: старикъ Березкинъ правъ былъ...

Насталъ день 1 мая, гулянье въ Сокольникахъ, день превосходный, солнечный, теплый; мы вздумали вывести отца за городъ на нѣсколько часовъ, условились, чтобы я воротился изъ

университета къ часу, и мнѣ помнится, какъ будто отецъ, вставъ по утру въ этотъ день, говорилъ намъ,—что во снѣ кто-то ему сказалъ очень внятно: „слышалъ-ли, что Иванъ Ивановичъ Пировъ умеръ“. Не берусь рѣшить навѣрное, слышалъ-ли я это изъ устъ самого отца, какъ мнѣ вѣжется, или узналъ послѣ изъ разсказовъ отъ домашнихъ.

Радостно я уходилъ въ университетъ, въ надеждѣ, возвратившись, тотчасъ же поѣхать съ отцомъ за городъ; грустно было мое возвращеніе, и теперь, 56 лѣтъ спустя, сердце ноетъ, когда привожу на память, что я увидѣлъ, возвратившись домой.

Что-то зловѣщее чуялось мнѣ, когда я приближался къ дому. У воротъ стояло нѣсколько человѣкъ и ворота были отперты, слышался шумъ и бѣготня. Меня забыли или не могли предупредить. Чуя что-то недоброе, я пробѣжалъ чрезъ дворъ въ сѣни и переднюю и лишь только отворилъ дверь въ большую комнату (залу), мнѣ представился столъ, а на столѣ темно-багровое, раздутое лицо отца, окаймленное воротникомъ мундира; у меня закружилась голова, сердце сжалось, ноги подкосились и я упалъ на руки къ подбѣжавшимъ ко мнѣ сестрамъ.

Одна изъ нихъ разсказала потомъ мнѣ, что, не болѣе какъ за часъ до моего прихода, она подала отцу ложку съ леварствомъ; онъ сидѣлъ на стулѣ и лишь только поднесъ ложку ко рту, какъ побагровѣлъ, захрапѣлъ и повалился со стула. *Apoplexie foudroyante.*

Остановлюсь на наслѣдственныхъ характерныхъ чертахъ нашей семьи. Современный вопросъ о вліяніи наслѣдственности на организмъ только тогда рѣшится удовлетворительно, когда соберется достаточный и надежный матеріалъ изъ описаній наслѣдственной характеристики огромнаго числа семей и особей.

Въ нашемъ семействѣ весьма рѣзко выразились два различные типа; одна часть мужского и женскаго поволянія (братья и сестры) была почти черноволосая, долголицая, съ продолговатыми носами, темно-кариими глазами, густыми волосами на головѣ и тѣлѣ; другая половина, напротивъ, была круглолица, съ черепомъ болѣе широкимъ, чѣмъ высокимъ, сплюснутымъ широкимъ носомъ, нѣсколько выдавшимися скулами, свѣтлыми и голубыми глазами, свѣтло-русыми и жидкими волосами на головѣ;

мужское поволоѣніе этого типа плѣшива, плѣшь начинается со лба, а не съ макушки головы, но борода окладистая и густая.

Изъ шести оставшихся на моей памяти членовъ нашей семьи (3 братьевъ и 3 сестеръ) только двое принадлежали къ первому типу долголицыхъ (братъ и сестра), тогда какъ нашъ отецъ, мать и четверо насъ остальныхъ дѣтей (2 братьевъ и 2 сестеръ) были представителями второго типа.

Дѣда и бабушку мою я не помню, но, судя по рассказамъ, дѣдъ принадлежалъ также къ этому разряду, хотя и былъ на старости совершенно плѣшивъ; находили нѣкоторое сходство между нимъ и старшимъ моимъ братомъ, Петромъ.

Рассказывали, что дѣдъ Иванъ Михайловичъ былъ высокій, плотный мужчина, и жилъ болѣе ста лѣтъ; увѣряли даже, что передъ смертью у него начали прорѣзываться новые зубы!?! Онъ служилъ прежде въ арміи и помнилъ еще многое изъ временъ Петра Перваго, потомъ поселился въ Москвѣ, завелъ какую-то, для того времени новую, пивоварню, женился и былъ строгимъ мужемъ; бабушка въ послѣдніе годы жизни помѣшалась, капризничала, бранилась и дралась съ мужемъ.

Помѣшательство перешло по наслѣдству и на старшую сестру мою, какъ рассказывали, очень похожую лицомъ на бабушку. Я наблюдалъ эту болѣзнь сестры съ самаго начала ея развитія, съ 1841 г., а смерть постигла сестру въ 1869 г.

Все наше семейство было характера вспыльчиваго и горячаго; но вспышки никогда не продолжались долго. Эти черты нрава перешли отъ дѣда и бабки къ отцу, отъ отца къ намъ. Мать моя принадлежала, какъ сказано уже, ко второму типу, имѣла характеръ сходный съ отцовскимъ, но отличалась большею сдержанностью, за то и гнѣвъ ея не проходилъ такъ скоро, какъ отцовскій, а расположеніе духа не такъ быстро мѣнялось, какъ у отца; она была и расчетливѣе, и бережливѣе.

Мнѣ кажется, я многое наслѣдовалъ отъ нея и съ физической, и съ нравственной стороны, и между прочимъ тонкія руки и ноги, худощавость, наклонность къ катаррамъ, шумъ въ ушахъ, религіозное настроеніе духа, охоту къ занятіямъ и бережливость ¹⁾.

¹⁾ Далѣе съ 153 листа по 223 листъ II-й части посмертныя Записки Н. И. Пирогова прерываются отдѣльнымъ, весьма цѣльнымъ, законченнымъ и всестороннимъ обзоромъ всего царствованія императора Александра II и

XXXVIII.

28 марта.

Но прежде, чѣмъ возвращусь къ моей биографіи, замѣчу, что прошлаго года я въ эту пору сильно озабоченъ былъ о состояніи моихъ полей; я велъ тогда дневникъ о погодѣ и температурѣ. Нынѣшній годъ было не до того. Я покупалъ новое имѣніе и дѣлалъ завѣщаніе; — замѣтно старѣюсь. Прошлаго года выпавшій въ ноябрѣ снѣгъ на талую землю угрожалъ озими большимъ вредомъ; всѣ боялись, что густые какъ войлокъ всходы вымокнуть; но въ декабрѣ начались сильные морозы, и хотя снѣга навалило цѣлые сугробы—земля замерзла подъ нимъ на аршинъ и болѣе. Когда снѣгъ, лежавшій до конца марта, стаялъ, то озими оказались нетронутыми и, какъ осенью, густыми и зелеными. Урожай прошлаго 1880 года былъ у меня, однако же, не плохой и, если бы не дожди во время цвѣта пшеницы, былъ бы еще лучше; отъ этихъ дождей пострадалъ умолоть, но все-таки урожай пшеницы, вообще, у меня былъ самъ-восемь.

Сильные весенніе морозы, въ мартѣ до 20° слишкомъ R., погубили множество деревьевъ въ саду; пострадали, особливо, вишни, сливы, груши; у меня изъ 2,000 погибло до 200. 5 мая выпалъ снѣгъ и лежалъ 2 дня, пострадалъ виноградъ; не было ни яблоковъ, ни грушъ.

Про нынѣшній годъ еще труднѣе предсказать. Снѣгъ не падалъ на талую землю. Но снѣга вообще было мало до весны и онъ зимою 2 раза сходилъ совсѣмъ, тогда какъ прошлаго года не сходилъ ни разу. Отличные осенніе всходы озими, густые какъ и прошлогодніе, стояли по недѣлямъ открытые безъ снѣжнаго покрова. Впрочемъ, сильныхъ морозовъ не было. Въ цѣлую зиму разъ или два доходило до 20° слишкомъ и то на нѣсколько часовъ. За то, теперь мартъ необыкновенно холоденъ

всѣхъ его реформъ внутреннего строя русской жизни. Очеркъ этотъ составленъ и написанъ Николаемъ Ивановичемъ со 2-го по 27-ое марта 1881 г.

Такъ какъ онъ составляетъ слишкомъ большой перерывъ въ автобіографическихъ Запискахъ, а главное является какъ бы отдѣльною монографіею, то мы переносимъ его въ самый конецъ Записокъ Н. И. Пирогова. Теперь же обращаемся къ продолженію его автобіографіи.

Р е д.

3

и сырѣ. Падалъ раза 3 снѣгъ и одинъ разъ лежалъ около 2-хъ недѣль, защитивъ всходы отъ мартовскихъ вѣтровъ.

Тепла болѣе 10—12° еще не было. Всходы не зеленые, какъ прошлогодніе, а сѣрые, желтоватые, но отъ дождей и мокраго снѣга начинаютъ зеленѣть; боюсь, не повредили бы имъ морозы въ 2—5° на мокрую землю, не пострадали бы корни всходовъ.

Перехожу опять къ дѣламъ давно прошедшихъ дней. Не прошло и мѣсяца послѣ внезапной смерти отца, какъ мы всѣ, мать, двое сестеръ и я, должны были предоставить нашъ домъ и все, что въ немъ находилось, казнѣ и частнымъ кредиторамъ. Приходилось съ кой-какими крохами идти на улицу и думать о слѣдующемъ днѣ. Въ это время явилась неожиданная помощь. Троюродный (если не ошибаюсь) братъ отца, Андрей Филимоновичъ Назарьевъ, самъ обремененный семействомъ,—у него было на рукахъ 3 дочери (одна уже взрослая, двѣ подростки),—служившій засѣдателемъ въ какомъ-то московскомъ судѣ (помѣщавшемся близъ Иверскихъ воротъ), предложилъ намъ переѣхать къ нему. Онъ съ семействомъ жилъ у Прѣсенскихъ прудовъ, въ приходѣ Покрова въ Кудринѣ, въ собственномъ маленькомъ домикѣ; внизу, въ 4 комнатахъ, помѣщалось семейство Назарьевыхъ, а мезонинъ съ 3 комнатами и чердачкомъ предоставленъ былъ намъ. Окна одной изъ комнатъ выходили на Дѣвичье поле, виднѣлись Воробьевы горы, и я, смотря на этотъ ландшафтъ, вспоминалъ подобный же видъ изъ верхняго этажа нашего прежняго дома на Андроньевъ монастырь. Но вспоминать было нелегко, впрочемъ не мнѣ собственно, а старшимъ. Что я тогда? Развѣ 14-тилѣтнему подростку знакома бываетъ продолжительная грусть и недовольство судьбою.

Жизнь моя пошла попрежнему, какъ заведенные часы. Два раза въ день я путешествовалъ въ университетъ по Никитской, что брало болѣе 2 часовъ времени въ день; объ извозчикахъ, и даже розвальняхъ, теперь и подумать нельзя было.

Лѣтомъ, въ сухую погоду, куда ни шло,—я бѣгалъ по Никитской исправно; но въ грязь, осенью, ночью, ой, ой, ой, какъ плохо приходилось мнѣ, бѣдному мальчику. Мой дядюшка,—такъ я называлъ,—Андрей Филимонычъ, былъ добрѣйшее и тишайшее существо тогдашняго чиновничьяго міра; небольшого

роста отъ природы, да еще согнувшійся отъ постоянного писанья, онъ былъ истинный типъ небольшого чиновника-муравья. Дома я его никогда иначе не видывалъ какъ за бумагами, цѣлую кипу которыхъ онъ приносилъ съ собою изъ суда, а въ судѣ, разумѣется, другого дѣла также не было; весь вѣкъ свой добрѣйшій Андрей Филимонычъ писалъ, писалъ и писалъ, за что и награжденъ былъ Владимірскимъ крестомъ; про него не помню, но другой, такой же типическій чиновникъ, удивлялъ меня всегда, не на шутку, вѣшаніемъ своего Владимірскаго креста за 30-лѣтнюю службу передъ образомъ, по возвращеніи домой изъ присутственнаго мѣста. Андрей Филимонычъ говорилъ мало и тихо; всѣ его наслажденія ограничивались слушаніемъ птичьяго пѣнія во время письменной работы, покуриваніемъ табаку изъ длиннаго чубука съ перышкомъ вмѣсто мундштука и чаепитіемъ. Эта добрѣйшая и тишайшая душа пила иногда и меня чаемъ въ ближайшемъ трактирѣ, когда я заходилъ въ судъ у Иверскихъ воротъ, отвозилъ меня иногда на извозикѣ изъ университета домой, и однажды, этого я никогда не забывалъ, замѣтивъ у меня отставшую подошву, купилъ мнѣ сапоги.

Въ семействѣ дядюшки Назарьева съ жениной стороны, именно у сестры его жены, водились нечистые духи. Я почти всякій день слышалъ рассказы о разныхъ продѣлкахъ домовыхъ, обитавшихъ, по общему убѣжденію, въ квартирѣ Надежды Осиповны (такъ звали невѣстку дяди); я было забылъ всѣ слышанныя тогда рассказы, какъ небылицы, но, прочитавъ, въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ статью профессора Вагнера о чудесахъ одного американскаго спирита, чрезъ 50 лѣтъ вспомнилъ снова о пресловутыхъ похожденияхъ Надежды Осиповны. Живо вспоминаю теперь, какъ и она сама, и ея домашніе повѣствовали о томъ, чтѣ у нихъ происходило дома по ночамъ и по вечерамъ: стукъ, шумъ, трескотня разнаго рода, шорохъ и ползанье по стѣнамъ и за обоями, переставливаніе съ мѣста на мѣсто мебели по ночамъ, катаніе какихъ-то клубковъ и темныхъ массъ по полу.

Пережѣна квартиры не помогала, и въ этомъ-то я и нахожу сходство Надежды Осиповны съ американскимъ спиритомъ. И онъ, и она, какъ медиумы, вызывали однимъ личнымъ присутствіемъ духовъ изъ невидимаго міра. И я помню также, что родственники Надежды Осиповны считали ее не то тронувшеюся,

не то какою-то чудною, и посмѣивались надъ нею, и какъ будто побаивались ея. Она была уже очень пожилая женщина, лѣтъ за 50, сухощавая, и пересказывала все испытываемое ею и ея домашними по ночамъ весьма наивно, какъ будто все это такъ и должно было быть. Жаль, что я тогда ничего не смыслилъ о медиумахъ, я бы подробнѣе вникнулъ въ странную личность Надежды Осиповны, а то я слушалъ ея разсказы какъ интересныя сказки, смѣялся отъ души, когда она описывала продѣлки своихъ домовыхъ, и только. То вѣрно, что это не была обманщица, не изъ чего, и не кого было обманывать. Вѣроятно также, что она подвергалась галлюцинаціямъ, но вопросъ, для меня нерѣшенный и въ отношеніи къ Надеждѣ Осиповнѣ, и въ отношеніи къ современнымъ медиумамъ, тотъ—не свойственно-ли нѣкоторымъ личностямъ сообщать свои чисто субъективныя галлюцинаціи и другимъ воспримчивымъ особамъ?

Мы жили въ домѣ дяди, не платя ничего за квартиру, болѣе года. Послѣ, въ 1837 году, сдѣлавшись профессоромъ въ Дерптѣ, я считалъ себя обязаннымъ отблагодарить добраго Андрея Филимоновича и, признаюсь, не столько за даровой пріютъ, сколько за сапоги. У дяди, къ тому времени, подросъ маленький сынишка, лѣтъ 10, и я предложилъ отпустить его со мною въ Дерптъ для ученья на мой счетъ. Мальчикъ учился у какого-то попа и кое-какъ маравовалъ грамоту. Признаюсь, я потомъ не радъ былъ жизни, что взялъ на себя такую обузу, не сообразивъ, насколько я въ состояніи былъ справиться съ нею. Я увидѣлъ потомъ, но поздно, что я тогда ничего не понималъ въ дѣлѣ воспитанія, считая его дюжиннымъ дѣломъ. Я сдѣлалъ изъ неудавшагося мнѣ воспитанія мальчика Назарьева одно заключеніе, которое, я думаю, относится и не ко мнѣ только, а и къ многимъ другимъ, а именно: молодому неженатому человѣку не нужно браться за воспитаніе ребенка; это опасное предпріятіе для нравственности воспитанника.

Я хотѣлъ приготовить маленькаго Николая къ гимназіи въ Дерптѣ и, по совѣту какого-то педагога, помѣстилъ его полупансіонеромъ въ приготовительное училище Лаланда.

Меня не бывало по цѣлымъ днямъ дома и мальчикъ, приходившій изъ школы, оставался на рукахъ, жившей у меня въ услу-

женѣ, очень почтенной и богомольной женщины (латышки и пѣстистки). Всворѣ узналъ я отъ нея, что мой Николай воруетъ. Вѣроятно, онъ привезъ эту привычку уже съ собою изъ Москвы. Родине, отпуская его со мною, дали нѣсколько денегъ мнѣ на сохраненіе, и какъ мальчикъ ни въ чемъ не нуждался, то я и заперъ его деньги, въ его присутствіи, вмѣстѣ съ моими, въ ящикъ комода. Служанка моя, почтенная Лена, чрезъ нѣсколько же дней послѣ нашего пріѣзда, увѣдомила меня, что Николай что-то долго оставался возлѣ комода, и она нашла потомъ ключъ отъ ящика, гдѣ были деньги, на комодѣ; но могло быть, что я и самъ забылъ ключъ на комодѣ. Стали наблюдать. Лена ухитрилась всунуть маленькую бумажку въ замочную дыру ящика, положила ключъ на прежнее мѣсто, сочли хорошенько мелкія деньги. На другой же день нашли бумажку вынутую и дефицитъ. Потомъ накрыли воришку и au flagrant délit.

Лена совѣтывала непремѣнно его высѣчь на мѣстѣ преступленія, увѣривъ меня, что это очень помогаетъ. Я, въ первый разъ въ жизни, произвелъ эту операцію и весьма неловко; Лена была слишкомъ слаба, чтобы хорошенько поддержать мальчишку, оравшаго во все горло и брыкавшаго и руками, и ногами; я горячился и розга не попадала по назначенію. Воровство, впрочемъ, прекратилось. Но ученье шло, видимо, плохо, и мѣсто воровства заступила другая привычка, уже не знаю, привезенная ли также изъ Москвы или дерптскаго происхожденія.

Однажды Лена увѣдомила меня, что нашъ Николай что-то ласмуренъ и часто уходитъ въ нужное мѣсто; посмотрѣвъ пристальнѣе мальчику въ лицо, я замѣтилъ также что-то нехорошее во взглядѣ, какую-то тусклость и смущеніе. „Что съ тобою?“ спрашиваю. Вмѣсто отвѣта слезы. „Болѣнь?“ Отвѣта нѣтъ; слезы. Онъ что-то рукою за нижнее мѣсто хватаетъ, говорить мнѣ при немъ Лена. „Спусти штаны; покажи“. Отрывается рагарhymosis и сильная опухоль члена. Я кладу мальчика на постель и сейчасъ же вправляю. Услышавъ, что этого рода занятіямъ онъ предавался и въ школѣ Лаланда, я взялъ его оттуда и отдалъ въ пансіонъ въ городѣ Верро, пользовавшійся большою извѣстностью въ то время.

Когда черезъ годъ я переѣхалъ въ Петербургъ, женился

и поселился вмѣстѣ съ женою, матерью и сестрами, то Николай я снова привезъ къ себѣ въ домъ и пошѣстилъ полу-пансіонеромъ въ гимназію, въ надеждѣ, что пребываніе его въ хорошемъ учебномъ заведеніи его перемѣнитъ къ лучшему, а жизнь въ семействѣ окончательно исправитъ. Близъ съ нимъ я тутъ уже не одинъ: и жена, и мать, и сестры принимали участіе. Но ученье не шло на ладъ, а въ головѣ были постоянныя шалости, какое-то тупое упрямство, а потомъ явилось и желаніе идти въ солдаты. „Голь, да соколъ буду“, возражалъ Никомай на всѣ представленія. Такъ, побившись съ нимъ еще годъ, мы, наконецъ, принуждены были отправить его опять въ Москву. Что изъ него вышло — не знаю; кто-то, кажется, говорилъ мнѣ, что мой воспитанникъ получилъ мѣсто въ московской полиціи. Могъ-ли я ожидать, что сдѣлаюсь воспитателемъ квартальныхъ!

И другой пленецъ изъ семейства моего добраго Андрея Филимоновича, сынъ его старшей дочери, вышедшей замужъ за какого-то офицера, по фамиліи Солонина, и потомъ овдовѣвшей, попалъ ко мнѣ на руки, когда я былъ уже попечителемъ въ Кіевѣ.

Считая себя все еще въ долгу у этой семьи за доброту ея отца, я рѣшился еще разъ попробовать счастья въ воспитаніи чужихъ дѣтей и принялъ маленькаго Солонину къ себѣ, къ своимъ дѣтямъ, которыя были старше его и могли подготовить нѣсколько дикаго и безграмотнаго ребенка.

Но и на этотъ разъ не было удачи. Солонина, и по наружности очень похожій на Николая Назарьева, не поддавался нашей культурѣ. Я самъ, конечно, не имѣлъ досуга заниматься воспитаніемъ Солонины, но жена, сестры и на этотъ разъ еще мои мальчишки ничего не могли вдолбить; ученье на дому не шло, а въ школу я боялся его отдать, чтобы не испортить еще болѣе. Такъ и возвратилъ я и этого питомца обратно на руки его матери, не достигнувъ никакого результата отъ моей культуры.

Я включилъ эти два образчика неудачи въ мою біографію потому, что они доказываютъ, во первыхъ, какъ трудно быть истинно благодарнымъ, т. е. принести пользу своею благодарностію тому, кто оказалъ намъ нѣкогда истинное благодѣяніе; во

вторихъ, они подтверждаютъ печальную истину, что добрый примѣръ и добрая воля воспитателей не ведутъ еще къ достиженію благихъ результатовъ въ дѣлѣ воспитанія. На дѣлѣ выходитъ совершенно противное тому, чего мы хотѣли достигнуть, подавая примѣръ дѣтямъ собственною жизнью и собственными дѣлами; объ этомъ я буду имѣть случай еще многое связать впоследствии; а о трудности быть благодарнымъ скажу теперь еще слѣдующее.

Неуваженіе къ заслугамъ, а еще болѣе неблагодарность представлялись всегда моему воображенію въ видѣ самыхъ отвратительныхъ гадинъ. Въ душѣ я никогда не былъ неблагодарнымъ но, увы! на дѣлѣ я не сдумѣлъ, или даже не захотѣлъ (это доберется до правды, роаясь въ хламъ стараго сердца) быть благодарнымъ именно тамъ, гдѣ благодарность была священнымъ долгомъ.

Правда, во всей моей жизни я нахожу не болѣе трехъ случаевъ такого долга. Объ одномъ изъ нихъ я сейчасъ разскажу. Въ другомъ я имѣлъ твердое намѣреніе отблагодарить,— и не однажды,— но судьба не дала мнѣ этого сдѣлать. Этотъ случай касается цѣлаго періода моей дерптской жизни; здѣсь скажу только, что я считалъ себя обязаннымъ благодарностью почтенному семейству дерптскаго профессора Мойера, и именно его почтеннѣйшей тещѣ, Екатеринѣ Афанасьевнѣ Протасовой, урожденной Буниной (сестрѣ по отцу Вас. Андр. Жуковскому). Я былъ принятъ въ этомъ семействѣ какъ родной и, занявъ потомъ профессуру Мойера, мечталъ о женитьбѣ на его дочери, сннвной благодарности и пр. и пр. Мечтамъ юности не суждено было осуществиться и я, поневолѣ, остался въ долгу у незабвенной Екатерины Афанасьевны.

Наконецъ, третій и самый священный долгъ, оставшійся не такъ выполненнымъ, какъ бы мнѣ теперь (но, увы, поздно) хотѣлось это сдѣлать, былъ долгъ благодарности къ моей матери и двумъ старшимъ сестрамъ. Со смерти отца, съ 1824 по 1827 годъ, эти три женщины содержали меня своими трудами. Кое-какія крохи, оставшіяся послѣ разгрома отцовскаго состоянія, не долго тянулись; и мать, и сестры принялись за мелкія работы; одна изъ сестеръ поступила надзирательницею въ какое-то

благотворительное дѣтское заведеніе въ Москвѣ и своимъ крохотнымъ жалованьемъ поддерживала существованіе семьи.

Переѣхавъ черезъ годъ изъ дома дяди Андрея Фялимоновича на наемную квартиру, мать рѣшила отдавать одну половину квартиры въ наймы нахлѣбникамъ; одинъ, и очень порядочный, человѣкъ скоро нашелся; это былъ студентъ математическаго факультета Жемчужниковъ (бывшій потомъ вице-губернаторъ въ Каменецъ-Подольскѣ, гдѣ я его и встрѣтилъ черезъ 37 лѣтъ, въ 1862 г.). Жемчужниковъ былъ человѣкъ достаточный и потому могъ платить за квартиру въ 2 комнаты, столъ, чай и проч. 300 руб. ассигнаціями, т. е. 75 руб. сер. въ годъ; а мать за всю квартиру (и, если не ошибаюсь, съ отопленіемъ) платила 300 руб. ассигн. ежегодно; таковы были цѣны въ то время!

Уроковъ я не могъ давать,—одна ходьба въ университетъ съ Прѣсенскихъ прудовъ брала взадъ и впередъ часа 4 времени, да мать и не хотѣла, чтобы я на себя работалъ и еще менѣе того, чтобы я сдѣлался стипендіатомъ или казеннокоштнымъ; куда это, и руками, и ногами противъ казенныхъ обязательствъ. Это считалось, какъ будто, чѣмъ-то унизительнымъ: „ты будешь, говорилось, чужой хлѣбъ заѣдать; пока хоть какая нибудь есть возможность, живи на нашемъ“. Такъ и перебивались, какъ рыба объ ледъ. Къ счастью нашему, въ то блаженное время не платили за лекціи, не носили мундировъ, и даже когда введены были мундиры, то мнѣ сшили сестры, изъ стараго фрака, какую-то мундирную куртку съ краснымъ воротникомъ и я, чтобы не обнаружить несоблюденія формы, сидѣлъ на лекціяхъ въ шинели, выставляя на видъ только свѣтлыя пуговицы и красный воротникъ.

XXXIX ¹⁾.

Какъ я или, лучше, мы проищенствовали въ Москвѣ во время моего студенчества, это для меня осталось загадкою. Квартира и отопленіе были, правда, даровыя у дяди въ теченіи года, а содержаніе? а платье? Двѣ сестры, мать и двѣ служанки и я на прибавку. Сестры работали, продавались кое-какіе остатки, но какъ этого доставало—не понимаю. Иногда, только иногда, въ торжественные праздники присылались чрезъ меня или другимъ путемъ вспомошествованія; помогаль иногда мой крестный отецъ Сем. Андр. Лупутинъ, помогали кое-какіе старые знакомые.

Однажды матушка, узнавъ, что генералъ Сипягинъ женится на второй женѣ послѣ вдовства, уговорила меня пойти къ нему съ поздравленіемъ и поднести хлѣбъ-соль на новоселье. Сипягинъ былъ одно время патрономъ отца, завѣдывавшаго нѣкоторое время его дѣлами по имѣніямъ; я было заказалъ большой сдобный врендель и явился по утру къ генералу, поздравилъ его, передалъ хлѣбъ-соль; а онъ, поблагодаривъ довольно любезно, приказалъ своему казначею выдать мнѣ 25 рублей, но не сказалъ ассигнаціями, а просто 25 рублей. И каково же было мое изумленіе, когда этотъ казначей потребовалъ съ меня 2 рубля (четвертакъ) сдачи съ бѣлой бумажки, ходившей въ то время съ лажемъ и стоимшей потому не 25, а 27 рублей..

Черезъ годъ наше положеніе нѣсколько поправилось тѣмъ, что мы наняли квартиру побольше и стали сами держать на хлѣбниковъ изъ студентовъ.

Порядочное помѣщеніе и сытный столъ доказываютъ, что въ то, богатое для бѣдняковъ, время можно было учиться, не смотря на бѣдность. За то и ученье было таковское—на мѣдныя деньги.

Между тѣмъ московскій университетъ того времени могъ похвалиться именами такихъ ученыхъ какъ Юсть Христ. Лодеръ (анатомъ), Фишеръ (зоологъ), Гофманъ (ботаникъ); такихъ практиковъ-врачей, какъ М. Я. Мудровъ, Е. О. Му-

¹⁾ Здѣсь начинается третья, послѣдняя, часть Записокъ Н. И. Пирогова. Она состоитъ изъ 182 листовъ, 728 стр.; изъ нихъ 158 листовъ писаны чернилами, а 24 послѣднихъ листа писаны карандашомъ и видимо крайне ослабѣвшею рукою, почеркъ, сравнительно съ предыдущими частями Записокъ, гораздо менѣе разборчивъ. Ред.

хинъ, Фед. Андр. Гильдебрандтъ (хирургъ); такихъ знатковъ русскаго слова и русской старины, какъ Мерзляковъ и Каченовскій.

Къ сожалѣнію, не всѣ изъ этихъ извѣстныхъ профессоровъ пелись о полномъ изложеніи своего предмета, а главное (за исключеніемъ Лодера) не владѣли достаточными научными средствами для преподаванія своей науки; а, сверхъ того, несравненно большая часть профессоровъ московскаго университета составляли живой и уморительный контрастъ съ своими знаменитыми коллегами.

Теперь нельзя себѣ составить и приблизительно понятіе о томъ господствѣ комическаго элемента, который я засталъ еще въ университетѣ.

Мы, мальчиками 14—17 лѣтъ, ходили на лекціи своего и другого факультетовъ нерѣдко для потѣхи. И теперь безъ смѣха нельзя себѣ представить Вас. Мих. Котельницкаго, идущаго въ нанювыхъ, бланжевыхъ штанахъ въ сапоги (а сапоги съ кисточками), съ кулькомъ въ одной рукѣ и съ фармакологіею Шпренгеля, переводъ Ювскаго, подъ мышкою. Это онъ, Вас. Мих. Котельницкій (проживавшій въ университетѣ), идетъ утромъ съ провизіею изъ Охотнаго ряда на лекцію. Онъ отдастъ кулекъ сторожу, а самъ ранехонько утромъ отправляется на лекцію, садится, вынимаетъ изъ кармановъ очки и табаверку, нюхаетъ звучно, съ храпомъ, табакъ и, надѣвъ очки, раскрываетъ книгу, ставитъ свѣчку прямо передъ собою и начинаетъ читать слово въ слово и при томъ съ ошибками. Вас. Мих., съ помощью очковъ, читаетъ въ фармакологіи Шпренгеля, переводъ Ювскаго: „Клещевинное масло, *oleum ricini*, — китайцы придаютъ ему горькій вкусъ“. Засимъ владетъ книгу, нюхаетъ съ вхращиваніемъ табакъ, и объясняетъ намъ, смиреннымъ его слушателямъ: „вотъ, видишь-ли, китайцы придаютъ клещевинному-то маслу горькій вкусъ“. Мы, между тѣмъ, смиренные слушатели, читаемъ въ той-же книгѣ: вмѣсто китайцевъ—„кожицы придаютъ ему горькій вкусъ“. У Вас. Михайловича на лекціи что ни день, то репетиція. „Ну-те-ка, ты тамъ, Пеше, обращается онъ къ одному студенту (сыну нѣмецкаго шляпнаго мастера), ты приходи;—постой-ка, я тебя вотъ изъ Тенара жигану. А! что? небось замаялся, а еще нѣмецъ. Ну-те-ка, ты, Пирговы, скажи-ка мнѣ, какъ французская водка по латыни?“

— „Spiritus gallicus“.

— Молодецъ!

Другой экземпляр, curiosum своего рода, Алекс. Леонтьев. Ловедкій, адъюнктъ знаменитаго Фишера, проф. естественной исторіи на медицинскомъ факультетѣ, дѣлаетъ съ нами ботаническія экскурсіи на Воробьевыхъ горахъ, то есть гуляеть, срываетъ нѣсколько цвѣтковь, называетъ ихъ по имени, а когда мы приносимъ ему нашу находку и просимъ опредѣлить растеніе, мы уже знаемъ по опыту, что отвѣтъ одинъ: „отдайте ихъ моему кучеру, а потомъ дома у себя опредѣлю“. Этотъ же ученый вдругъ возжелалъ демонстрировать на лекціи половые органы пѣтуха и курицы,—прежде за нимъ этого не водилось,—онъ демонстрировалъ иногда только картинки. Помощникъ его приготовляетъ ему препаратъ для демонстраціи. Препарат лежитъ на тарелкѣ, обернутой вокругъ салфеткою. Алексѣй Леонтьевичъ беретъ тарелку и, не отнимая салфетки, объясняетъ своей аудиторіи устройство половыхъ органовъ пѣтуха; но на самой срединѣ демонстраціи помощникъ, сконфуженный и изумленный, приближается къ нему и говоритъ въ полголоса:

— „Алексѣй Леонтьевичъ! вѣдь это курица“.

— Какъ курица, развѣ я не велѣлъ вамъ приготовить пѣтуха?

Со стороны помощника возраженія,—аудиторія чрезвычайно довольна сюрпризомъ.

— Пойдемте, господа, смотрѣть, какъ сегодня такой-то или такой-то профессоръ будетъ выгонять чужаковъ изъ аудиторіи.

Такого рода чужейдовъ было нѣсколько и въ нашемъ факультетѣ, и въ другихъ. Отправляемся.

Большая аудиторія амфитеатромъ. Входимъ. Какое зрѣлище! Профессоръ сидитъ на кафедрѣ, а по свамьямъ аудиторіи бѣгаютъ слушатели, гоняясь гурьбою одинъ за другимъ съ восклицаніями: „чужакъ, чужакъ, гони его! а-ту!“

А въ другомъ случаѣ слушатели, зная антипатію профессора къ чужимъ посѣтителемъ его аудиторіи, сначала сидятъ тихо и даютъ набраться нѣсколькимъ чужакамъ, и въ самомъ разгарѣ профессорскаго чтенія подсылаютъ къ профессору одного изъ его приближенныхъ сказать:

— Василій Петровичъ, или: Григорій Васильевичъ! есть много чужаковъ!

Лекція прекращается. Начинается розыскъ. Нетерпимость и ненависть къ чужакамъ были какимъ-то повѣтріемъ. Комизмъ, соединенный съ преслѣдованіемъ чужаковъ на лекціяхъ, доходилъ поистинѣ до чудовищныхъ размѣровъ. Студенты эксплуатировали эту странную антипатію профессоровъ: къ одному, совершенно глухому профессору (кажется, если не ошибаюсь, Гаврилову), набралась, однажды, полная аудиторія студентовъ; предвѣдѣлась потѣха, спектакль; на лекцію былъ приведенъ гарнизонный офицеръ изъ бурбоновъ (въ мундирѣ сѣраго цвѣта съ желтымъ воротникомъ) и былъ посаженъ на самую заднюю скамью. Какъ только началась лекція, репетиторъ (студентъ, державшій списокъ слушателей для переключекъ) подходитъ къ глухому профессору и кричитъ ему на ухо: „на лекціи есть чужаки“. Начинается конверсація.

— Гдѣ? спрашиваетъ профессоръ.

Въ это время задніе ряды студентовъ раздвигаются и взору изумленнаго профессора представляется военный чинъ, сидящій смиренно и прямо на скамьѣ.

— „Вставайте, вставайте скорѣе“,—шепчутъ ему сосѣдніе студенты.

Гарнизонный офицеръ вытягивается въ струнку, руки по швамъ.

— „Зачѣмъ вы здѣсь?“—спрашиваетъ лекторъ.

— Говорите, подсказываютъ студенты офицеру, что лекціи въ университетѣ публичныя и всякій имѣетъ право ихъ посѣщать.

Офицеръ бормочетъ сквозь зубы подсказанное.

Профессоръ ничего не слышитъ; репетиторъ во всеуслышаніе громко передаетъ ему слова офицера.

— „Онъ говоритъ, Вас. Гаврил., что лекціи публичныя“.

— Такъ что-же, что публичныя, а въ аудиторіяхъ для порядка не должны быть терпимы чужаки.

Конверсація въ такомъ духѣ продолжается нѣкоторое время. Наконецъ, студенты, сидящіе около офицера, шепчутъ ему: „уходите, уходите, дѣлать нечего“.

Ряды сидящихъ раздвигаются и гарнизонный офицеръ маршируетъ чрезъ всю аудиторію мимо кафедры къ выходу, а аудиторія, пользуясь абсолютною глухотою наставника, сопровождаетъ ретираду офицера громогласнымъ пѣніемъ: „изыдите, изыдите,

нечестивіи“, или чѣмъ-то въ этомъ родѣ. Профессоръ продолжаетъ читать.

У другого профессора слушатели приводятъ нѣсколькихъ товарищей, лежавшихъ въ клиникѣ и уже выздоравливающихъ, въ больничномъ костюмѣ; сажаютъ ихъ также въ заднихъ рядахъ и во время лекціи объявляютъ, что какіе-то больные забрались на лекціи изъ госпиталя. Опять спектакль. Больные изгоняются съ шумомъ и скандаломъ.

Элементъ смѣшного, впрочемъ, свойственъ былъ въ то время всѣмъ коллегіямъ не въ одной Москвѣ: и въ европейскихъ университетахъ встрѣчались курьозные оригиналы между учеными; но у насъ оригинальность была не только смѣшна, но и глупа, потому что была отставшею отъ времени и науки. Дѣйствительно, отсталость того времени была невообразимая; читали лекціи по руководствамъ 1750-хъ годовъ, и это тогда, какъ у самихъ студентовъ, по крайней мѣрѣ у многихъ, ходили уже по рукамъ учебныя книги текущаго столѣтія. Правда, были и новаторы, и даже между пожилыми профессорами; но тутъ, опять на бѣду, примѣшивалась къ новаторству какая-то не по лѣтамъ горячность и пристрастность. Такъ, М. Я. Мудровъ вдругъ пересѣдлалъ и изъ броуниста сдѣлался отчаяннымъ бруссеистомъ.

Мало или почти вовсе незнакомый, по его собственному признанію, съ паталогическою анатоміею—онъ хотѣлъ увѣрить свою аудиторію и, дѣйствительно, увѣрилъ, не хуже самого Брусса, въ существованіе воспаленія слизистой (оболочки) кишечнаго канала тамъ, гдѣ его вовсе не было.

Но Мудровъ едва-ли не былъ единственнымъ исключеніемъ изъ профессоровъ. Потомъ уже, когда я кончилъ курсъ, обуяла нѣсколькихъ изъ молодыхъ философія Шеллинга, но она уже не была новостью въ Европѣ, тогда какъ бруссеизмъ былъ, дѣйствительно, еще животрепещущею новизною, и притомъ философію Шеллинга привозили къ намъ изъ Германіи посланные туда отъ университета молодые ученые; а Мудровъ, сидя дома, и притомъ въ 50-лѣтнемъ возрастѣ, напалъ на бруссеизмъ.

Наглядность ученія и демонстрацію можно было найти только на лекціяхъ Лодера; но и при изученіи анатоміи отъ студентовъ вовсе не требовали обязательнаго упражненія на трупахъ. Я, во все время моего пребыванія въ университетѣ, ни разу не

упражнялся на трупахъ въ препаровочной, не вскрылъ ни одного трупа, не отпрепарировалъ ни одного мускула и довольствовался только тѣмъ, что видѣлъ приготовленнымъ и выставленнымъ послѣ лекцій Лодера. И странно: до вступленія моего въ дерптскій университетъ я и не чувствовалъ никакой потребности узнать что-нибудь изъ собственнаго опыта, наглядно.

Я довольствовался вполнѣ тѣмъ, что изучилъ изъ книгъ, тетрадокъ, лекцій.

Я сказалъ сейчасъ, что это странно. Нѣтъ, вовсе не странно, когда большая часть моихъ наставниковъ была того же убѣжденія. Вотъ на кафедрѣ стоитъ Петръ Иллар. Страховъ, проф. химіи, медиц. факультета, — человекъ, очевидно начитанный и изъ книгъ много знающій. Онъ читаетъ намъ какъ дѣлаютъ термометры, чертитъ мѣломъ на доскѣ, распространяется; а у него въ аудиторіи сидитъ много такихъ, которые еще и въ жизни не имѣли термометра въ рукахъ, а видали его только издали. Идетъ ли дѣло объ оксигенѣ, Петръ Илларіон. опять распространяется цѣлыя 2 лекціи, опять чертитъ мѣломъ, приноситъ на лекцію французскія книги съ рисунками, но самаго кислорода мы не видимъ.

И такъ-то цѣлый курсъ: ни одного химическаго препарата въ натурѣ; вся демонстрація состоитъ въ черченіи на доскѣ. Только на послѣднемъ году курса, съ вступленіемъ въ университетъ профессора Геймана (молодого, живого и практичнаго еврея), я первый разъ въ жизни увидалъ въ натурѣ оксигенъ и гидогенъ.

Но не на одномъ медицинскомъ факультетѣ химія читалась по книгамъ, безъ опытовъ; и на естественномъ факультетѣ проф. Рейсъ читалъ ее по своимъ тетрадямъ, да еще въ добавокъ читалъ-то намъ и не химію, а какое-то ученіе о міровомъ эфирѣ на латинскомъ языкѣ; за то этотъ ученѣйшій, какъ полагали, профессоръ и былъ самаго высокаго мнѣнія о себѣ, такого, что по его собственному выраженію: *primus—Deus, secundus—Reus, tertius—adjunctus meus.*

Физика на математическомъ факультетѣ преподавалась гораздо нагляднѣе. На лекціяхъ у Двигубскаго слышалось хлопанье, трескъ, когда его лаборантъ былъ въ хорошемъ расположеніи духа и въ трезвомъ состояніи; въ медицинскомъ же фа-

культетъ и физикѣ д-ръ Веселовскій читалъ по тому же способу, какъ Страховъ химію; математическія формулы и черченіе разныхъ машинъ и приборовъ изслѣдовались ежедневно на черной доскѣ.

Физиологія,—ну, она въ первую половину текущаго столѣтія излагалась демонстративно только передовыми физиологами Франціи и Германіи. Физиологи 20-хъ годовъ нынѣшняго столѣтія во всей Европѣ, за нѣкоторыми исключеніями, кажется, совсѣмъ потеряли изъ виду великаго ихъ предшественника — Галлера, хотя и ни одинъ изъ нихъ не могъ не отдать ему преимущества предъ всѣми другими. Рудольфи въ Берлинѣ въ 1828—1830 годахъ говаривалъ слушателямъ: „если вы спросите у профессоровъ физиологіи, какая физиологія лучшая, каждый изъ нихъ непремѣнно отвѣтитъ: во-первыхъ моя, а во-вторыхъ Галлера; выходитъ математически вѣрно, что физиологія Галлера и есть до сихъ поръ все еще лучшая“. Нечего и говорить, что физиологія въ московскомъ университетѣ того времени преподавалась по книгѣ; а книга была физиологиста Ленгоссека на латинскомъ языкѣ, перепечатанная въ Москвѣ съ прибавленіями и комментаріями Е. О. Мухина. Сей ученый мужъ, которому я, какъ уже высказалъ, лично такъ много обязанъ, собственно былъ врачъ-практикъ и, сколько мнѣ извѣстно, самоучка (разсказывали въ то время, что онъ участвовалъ фельдшеромъ въ арміи Суворова при осадѣ Очакова); въ физиолога же онъ превратился вѣроятно потому, что, бывъ сначала профессоромъ анатоміи въ московской медико-хирургической академіи, тутъ онъ издалъ свою извѣстную анатомію, конкурировавшую въ Москвѣ съ петербургскою анатоміею Загорскаго, но отличавшуюся отъ сей послѣдней тѣмъ: 1) что всѣ анатомическіе термины были переведены на невозможный русскій языкъ; 2) въ шести частямъ анатоміи Загорскаго прибавлена 7-я, вновь изобрѣтенная Ефремомъ Осиповичемъ, часть: ученіе о мокротныхъ сумочкахъ; 3) бедреная артерія названа была Ефремомъ Осиповичемъ артеріею баронета Виллье, *arter. cruralis, s. femoralis, s. Willie*, съ примѣчаніемъ внизу, что баронетъ Виллье при посѣщеніи анатомическаго театра въ московской медико-хирургической академіи называлъ эту артерію своею любимую, или какъ-то въ этомъ родѣ. А въ физиологіи Ленгоссека Е. О. Мухинъ присоединилъ еще

ученіе о стимулахъ. Лекціи же Ефр. Осип. Мухина для меня тѣмъ достопамятны, что я, посѣщая ихъ аккуратно въ теченіи 4-хъ лѣтъ, ни разу не усомнился въ глубокомыслии наставника, хотя и ни разу не могъ дать себѣ отчета, выходя съ лекціи, о чемъ собственно читалось; это я приписывалъ собственному невѣжеству и слабой подготовкѣ.

Только впоследствии, пріѣхавъ въ Москву на время, послѣ окончанія курса въ Дерптѣ, и нарочно сходясь на лекцію Мухина, я убѣдился въ моей невинности. Я слушалъ цѣлую лекцію съ большимъ вниманіемъ, не пропустивъ ни слова, и къ концу ея все таки потерялъ нить, такъ что потомъ никакъ не могъ дать себѣ отчета, какимъ образомъ Ефремъ Осиповичъ, начавъ лекцію изложеніемъ свойствъ и проявленій жизненной силы, ухитрился перейти подъ конецъ „въ малинѣ, которую мы съ такимъ аппетитомъ въ лѣтнее время кушаемъ со сливеами“. Пропускаю другой приведенный имъ примѣръ „о букашкѣ, встрѣчаемой иногда нами въ кусочкѣ льда, которая, отогрѣвшись на солнцѣ, улетаетъ съ хрустальнаго льда, воспѣвая (т. е. жужжитъ) хвалу Богу“ — пропускаю потому, что догадываюсь о связи жизненной силы съ оттаившею букашкою въ этомъ примѣрѣ. Мухинъ, однако же, добросовѣстно, по своему конечно, исполнялъ обязанности профессора и прочитывалъ свою фізіологію на лекціяхъ отъ доски до доски и если что изъ своихъ лекцій откладывалъ, то потому не оставался въ долгу у слушателей; откладывалъ же онъ постоянно чтеніе о половыхъ женскихъ органахъ, приходившееся обыкновенно въ великій постъ: „намъ слѣдовало бы теперь говорить, повторялъ онъ ежегодно въ это время, о дѣтороженіи и половыхъ женскихъ органахъ; но такъ какъ это предметъ скоромный, то мы и отлагаемъ его до болѣе удобнаго времени“.

Не такъ совѣстлива и пунктуальна была въ изложеніи своего предмета другая московская знаменитость тогдашняго времени — Матвѣй Яковлевичъ Мудровъ. Хотя мнѣ и сказывали, что прежде, придерживаясь Іосифа Фриша, онъ излагалъ въ теченіи года (по 3 часа въ недѣлю) полный *symposis* терапіи; но при мнѣ, когда онъ пересѣдлался уже въ бруссеисты, Матвѣй Яковлевичъ читалъ, что называли, черезъ пень въ колоду, останавливаясь исключительно только на новомъ ученіи о горячкахъ. Онъ много мнѣ принесъ пользы тѣмъ, что безпрестанно толковалъ о необхо-

дѣлности учиться патологической анатоміи, о вскрытіи труповъ, объ общей анатоміи Бинѣ и тѣмъ поселилъ во мнѣ желаніе познакомиться съ этою terra incognita.

Но самъ онъ, какъ я видѣлъ однажды при вскрытіи тифознаго, былъ бѣлоручкою, очевидно незнакомымъ съ этимъ дѣломъ. Когда одинъ студентъ началъ вскрывать кишку, чтобы найти тамъ *inflammatio membranae mucosae gastro-intestinales*, мой Матвѣй Яковлевичъ убѣждалъ на самую верхнюю ступень анатомическаго амфитеатра и смотрѣлъ оттуда, конечно, притворяясь, будто что нибудь видитъ, и въ извиненіе своего бѣгства отъ патологической анатоміи приводилъ только: „я-де старъ, мнѣ не по силамъ нюхать вонь“ и т. п.

Кромѣ того, что онъ не излагалъ намъ, да и не могъ изложить всей науки, хотя бы въ краткихъ очеркахъ, М. Я. терялъ много времени на разныя *alutria*, часто приходившія ему ни съ того, ни съ сего въ голову. Такъ, однажды, бѣольшая половина лекціи состояла въ томъ, что онъ какого-то провинившагося кутилу-студента изъ семинаристовъ заставилъ читать молитву на Троицннъ день. Часто пристрастіе свое къ бруссеизму онъ обнаруживалъ тѣмъ, что въ длинныхъ рапсодіяхъ начиналъ насмѣхаться надъ брунонизмомъ. Сравните-ка наше теперешнее простое и рациональное леченіе тифа съ прежнимъ! Сначала *g. valeriana*, потомъ *serpentariae* и *agnica*, камфора, *moschus* и, наконецъ, когда все это не помогало—Иверская Божія Матерь.

Чтеніе о добродѣтеляхъ врача и истолкованіе притчи Иппокрита брало отъ научныхъ лекцій также немало времени. Не забудемъ, что клиника и лекціи были не ежедневно, а только 3 раза въ недѣлю. Иногда же встрѣчались выходки и другого рода, сокращавшія время преподаванія. Такъ, однажды, мы сидѣли въ аудиторіи, дожидаясь пріѣзда Мудрова; наконецъ, онъ является и велитъ всей аудиторіи идти куда-то за нимъ, надѣвъ шинели (дѣло было зимою). Мы повинuemся и Матвѣй Яковлевичъ ведетъ насъ изъ клиники черезъ дворъ въ анатомическій театръ на лекцію къ Лодеру. Что за притча такая? Мы вваливаемся цѣлою массою въ аудиторію и видимъ, что Лодеръ сидитъ съ анненскою звѣздою на фракѣ. Мудровъ, мы видимъ, становится предъ новымъ кавалеромъ (Лодеръ, какъ мы узнали

потомъ, только-что получилъ звѣзду), вынимаетъ изъ кармана листокъ и читаетъ гласомъ проповѣдника: „красуйся свѣтлостію звѣзды твоея, но подожди еще быть звѣздою на небесѣхъ“ и проч. и проч.

Лодерь, нѣсколько сконфуженный, принимается, наконецъ, обнимать Мудрова и что-то, не помню, отвѣчаетъ ему на пріѣтствіе по латыни.

Мудровъ не былъ заворенѣлымъ противникомъ нѣмцевъ, какъ Е. О. Мухинъ; былъ большимъ почитателемъ Лодера и вмѣстѣ съ нимъ и нѣкоторыми другими профессорами придерживался, вѣроятно только для вида, а можетъ быть и по своему происхожденію изъ духовныхъ, господствовавшего въ то время (при министерствѣ Голицына) мистицизма.

И въ клиникѣ у Мудрова, и въ анатомическомъ театрѣ у Лодера мы читали на стѣнахъ надписи и распятія. Въ клиникѣ при входѣ былъ вдѣланъ въ стѣну крестъ съ надписью: *regnum ad lucem*. Нѣсколько далѣе стояла на другой стѣнѣ надпись: *medice, cura te ipsum* (врачу, исцѣлися самъ). На стѣнѣ въ окнахъ анатомическаго театра красовалось огромными буквами: *Gnothi seauton* — познай самого себя. Въ анатомической аудиторіи, расположенной полукружнымъ амфитеатромъ вверху, у самого потолка, вдоль всей стѣны надпись огромными золотыми буквами гласила: „руце Твоя создаста мя и сотвориша мя, разуми мя, и научуся заповѣдемъ Твоимъ“.

Не надо забывать, что все это было во времена оны, когда хоронились на владбищахъ съ отпѣваніемъ анатомическіе музеи (въ Казани, во времена Магницкаго) и когда было поднятъ въ министерствѣ народнаго просвѣщенія или въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ вопросъ: нельзя ли обходиться при чтеніи анатомическихъ лекцій безъ труповъ, и когда въ нѣкоторыхъ университетахъ (въ Казани) и дѣйствительно читали міологию на платкахъ.

Профессоръ анатоміи, рассказывали мнѣ его слушатели, привяжетъ одинъ конецъ платка въ *acromion* и спинкѣ лопатки, а другой—въ плечевой кости и увѣряетъ свою аудиторію, что это *musculus deltoideus*.

Хирургія,—предметъ, которымъ я почти вовсе не занимался

въ Москвѣ,—была для меня въ то время наукою неприглядною и вовсе непонятною. Объ упражненіяхъ въ операціяхъ надъ трупами не было и помину; изъ операцій надъ живыми мнѣ случилось видѣть только нѣсколько разъ литотомію у дѣтей и только однажды видѣлъ ампутированную голень. Передъ лекарскимъ экзаменомъ нужно было описать на словахъ или на бумагѣ какую нибудь операцію на латинскомъ языкѣ, и только. Фед. Андр. Гильдебрандтъ, искусный и опытный практикъ, особливо литотомистъ, умный острякъ, какъ профессоръ былъ изъ рукъ вонъ плохъ. Онъ такъ сильно гнусилъ, что, стоя въ 2-хъ, 3-хъ шагахъ отъ него на лекціи, я не могъ понимать ни слова, тѣмъ болѣе, что онъ читалъ и говорилъ всегда по латыни. Вѣроятно, профессоръ Гильдебрандтъ страдалъ хроническимъ насморкомъ и курилъ постоянно сигарку. Это былъ единственный индивидуумъ въ Москвѣ, которому разрѣшено было курить на улицахъ. Лекціи его и его адъюнкта Альфонскаго состояли въ перефразированіи изданнаго Гильдебрандтомъ краткаго, и краткаго до *pes plus ultra*, учебника хирургіи на латинскомъ языкѣ.

XL.

Итакъ я окончилъ курсъ; не дѣлалъ ни одной операціи, не исключая кровопусканія и выдергиванія зубовъ, и не только на живомъ, но и на трупѣ не сдѣлалъ ни одной и даже не видалъ ни одной, сдѣланной на трупѣ, операціи.

Отношенія между нами, слушателями, и профессорами ограничивались однѣми лекціями; только съ нѣкоторыми молодыми адъюнктами и нами иногда отношенія принимали болѣе интимный характеръ. Я, напримѣръ, нерѣдко навѣщалъ по вечерамъ ад. химіи Іовскаго, только что возвратившагося изъ заграницы; онъ рассказывалъ мнѣ про университетскую, научную жизнь въ Германіи и Франціи, подтрунивая, вмѣстѣ со мною, надъ отжившими и отсталыми нашими учеными; но потомъ, какъ я слышалъ, и самъ попалъ въ эту же колею.

На лекціяхъ же отношенія наставниковъ нашихъ,—по край-

ней мѣрѣ чистокровныхъ русскихъ,—были весьма патріархальныя; многіе изъ профессоровъ, какъ то: Мудровъ, Котельницкій, Сандуковъ и др. говорили студентамъ „ты“, Мудровъ съ прибавкою: „ты, душа“; допускались на лекціяхъ и патріархальныя остроты надъ отдѣльными личностями и надъ цѣлою аудиторією. Такъ, Мудровъ, однажды, на своей лекціи о нервной психической болѣзни учителей и профессоровъ, обнаруживающейся какою-то непреодолимою боязнью, при входѣ въ аудиторію сказалъ своимъ слушателямъ: „а чего бы васъ-то бояться, вѣдь вы бараны“, и аудиторія наградила его за эту остроту общимъ веселымъ смѣхомъ.

За то и слушатели, какъ видно изъ приведенныхъ мною авантюръ на лекціяхъ, не церемонились—и съ чудачами чудаствовали и проказили на лекціяхъ. Кромѣ приведенныхъ, приведу и еще два похождения такого же рода.

Одинъ изъ профессоровъ-чудаковъ былъ такъ слабъ глазами, что безъ очковъ не могъ ни одной буквы прочесть въ своей тетрадѣ, а вся лекція у него и состояла въ прочтеніи слушателямъ своей тетрадки.

Ясно было, что лишить его очковъ значило сдѣлать лекцію для него вполнѣ невозможною. Слушатели, замѣтивъ, что онъ, приходя на лекцію, прежде всего снимаетъ свои очки и кладетъ ихъ на кафедру, умудрились устроить такъ, что положенныя очки должны были неминуемо провалиться въ пустоту кафедры на самое ея дно. Положеніе профессора было критическое; онъ видимо потерялъ голову и не зналъ, что ему дѣлать. Тогда тѣ-же слушатели явились предъ нимъ совѣтниками на помощь: одинъ изъ нихъ, долго не думая, притащилъ отъ сторожа вочергу, запустилъ ее въ провалъ и началъ, въ ужасу профессора, ковырять ею во всѣ стороны такъ безжалостно, что очкамъ, очевидно, грозила опасность полного разрушенія. Вся аудиторія между тѣмъ собралась около кафедры и злополучнаго наставника; совѣтамъ, толкамъ, сожалѣніямъ не было конца, и вотъ, наконецъ, общимъ совѣтомъ рѣшили, что нѣтъ другого, болѣе надежнаго, средства сдѣлать лекцію возможною, то есть достать очки, какъ перевернуть кафедру верхъ дномъ и вытрясти ихъ оттуда. Принялись за дѣло, увѣнчавшееся успѣхомъ: вытрясли полуразрушенныя вочергою

очки; когда достигли этого результата и профессоръ разсматривалъ уныло нарушение цѣлости своего зрительнаго инструмента, въ аудиторію вошелъ другой профессоръ и остолбенѣлъ при видѣ необыкновеннаго зрѣлища. Такимъ образомъ лекціи, то есть прочтенію тетрадки, въ удовольствію многихъ слушателей, не суждено было состояться.

У другого профессора того же (если не ошибаюсь словеснаго) факультета было заведено въ началѣ лекціи читать протоколъ прошедшей, и это чтеніе поручалось имъ одному репетитору. Всѣ знали, что репетиторъ этотъ непременно скажетъ въ началѣ чтенія протокола, и многіе изъ другихъ факультетовъ являлись изъ любопытства на лекцію, чтобы услышать заранѣе извѣстный всѣмъ *sigiosum*. *Sigiosum* состоялъ въ томъ, что репетиторъ начиналъ чтеніе протокола всегда слѣдующими словами:

„На прошедшей лекціи 182... года, такого-то числа, Василій Григорьевичъ такой-то, надворный совѣтникъ и кавалеръ, излагалъ своимъ слушателямъ то-то и то-то“. Профессоръ же постоянно и непременно всякій разъ прерывалъ чтеніе репетитора замѣчаніемъ, что онъ дѣйствительно надворный совѣтникъ, но вовсе не кавалеръ. На это замѣчаніе, въ свою очередь, репетиторъ всякій разъ отвѣчалъ: „Какъ же, Вас. Григор., вы удостоены медали за 1812 годъ на владимірской лентѣ“.

Но не смотря на комизмъ и отсталость, у меня отъ пребыванія моего въ московскомъ университетѣ, вмѣстѣ съ куріозами разнаго рода, остались впечатлѣнія глубоко, на цѣлую жизнь, врѣзавшіяся въ душу и давшія ей извѣстное направленіе на всю жизнь. Такъ, лекціи Лодера, не смотря на мое полное незнакомство съ практическою анатоміею, поселили во мнѣ желаніе заниматься анатоміею, и я зазубривалъ анатомію по тетрадкамъ, кое-какимъ учебникамъ и кое-какимъ рисункамъ. Даже обычныя выраженія Лодера: „*Sapientissima natura, aut potius Creator sapientissimæ naturæ voluit*“ не остались безъ вліянія на меня.

Я и теперь еще, чрезъ 50 слишкомъ лѣтъ, какъ будто слышу ихъ. Но и самыя надписи на стѣнахъ анатомическаго театра и клиники слились у меня какъ бы въ одно цѣлое съ начатками моихъ научныхъ свѣдѣній въ Москвѣ. Мистическое и мистицизмъ

никто не искоренить изъ глубины человѣческаго духа. Монотонность и односторонность никогда не будутъ ему свойственны, и я не вѣрю, чтобы человѣческое общество когда нибудь остановилось на одномъ избранномъ имъ направленіи, и всего менѣе вѣрю, чтобы оно когда нибудь сдѣлалось позитивистомъ.

Н. И. Пироговъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ПЕТРЪ НИКОЛАЕВИЧЪ КУДРЯВЦЕВЪ

въ 1842—1845 гт.

I.

При имени Петра Николаевича Кудрявцева, бывшаго профессора всеобщей исторіи въ московскомъ университетѣ, съ горестью воспоминается упрекъ Пушкина русскимъ людямъ: «замѣчательные люди исчезаютъ у насъ, не оставляя по себѣ слѣдовъ. Мы лѣнны и любопытны».

Болѣе 25-ти лѣтъ прошло со времени кончины Кудрявцева ¹⁾ и что же мы знаемъ о немъ? Гдѣ его біографія, которая, несомнѣнно, была бы поучительна для всѣхъ возрастовъ, особенно для юношества, крѣпко нуждающагося въ добрыхъ примѣрахъ? поучительна потому, что онъ своею жизнію, богатою не внѣшними событіями и обстоятельствами, а внутренними фактами—фактами ума и чувства,—проявилъ, во всей чистотѣ, наилучшія качества человѣческой природы, которыя должны были неизмѣнно оставаться при насъ въ каждый періодъ нашего существованія. вмѣсто полной и обстоятельной біографіи мы имѣемъ болшею частью только некрологи. Самая объемистая статья (сравнительно), подъ названіемъ «Воспоминанія», принадлежащая пишущему эти строки, занимаетъ всего на все тридцать страницъ ²⁾; она посвящена студентамъ московскаго университета, которые хорошо знали своего преподавателя, искренно его любили и уважали. Студенты настоящаго времени, къ сожалѣнію, вовсе его не знаютъ; а какъ бы полезно имъ было покороче познакомиться съ этою свѣтлою, безупречною личностію, съ ея высоконравственными качествами, съ ея любовью къ искусствамъ и наукѣ, съ ея серьезнымъ образомъ мыслей!

Будемъ же, за неимѣніемъ біографіи Кудрявцева, по крайней мѣрѣ готовить для нея матеріалы. Приступаю къ этому съ удовольствіемъ,

¹⁾ Род. 4-го августа 1816 г., скончался 18-го января 1858 г.

²⁾ „Русскій Вѣстникъ“ изд. 1858, № 4.

тѣмъ болѣе, что я долго и неизмѣнно находился въ самыхъ пріятельскихъ отношеніяхъ къ покойному. На первый разъ матеріаломъ послужать письма къ одной изъ бывшихъ его ученицъ, которая обязательно сообщила ихъ мнѣ, дозволивъ воспользоваться ими для указанной цѣли ¹⁾. Получивъ очень хорошее образованіе, зная основательно французскую и нѣмецкую литературу, не говоря уже объ отечественной, страстная любительница изящныхъ искусствъ, особенно поэзіи и музыки, она дѣлилась съ своимъ наставникомъ мыслями и чувствами по поводу этихъ и другихъ предметовъ, возбуждавшихъ ея любопытство и сочувствіе. По окончаніи курса въ одномъ изъ московскихъ институтовъ, она поступила гувернанткой въ провинцію; сюда-то адресовалъ изъ Москвы свои письма Петръ Николаевичъ. Переписка продолжалась два года съ половиной: съ сентября 1842 г. по мартъ (включительно) 1845 года, т. е. до отъѣзда его за границу. Исправимъ при этомъ неточное указаніе времени отъѣзда (именно 1843 г.) въ «Биографическомъ словарѣ профессоровъ московскаго университета». Дѣйствительно, высочайшее соизволеніе на отправку молодыхъ людей, для усовершенствованія въ наукахъ, состоялось въ 1843 году, но Кудрявцевъ, по распоряженію попечителя московскаго учебнаго округа, графа С. Г. Строгонова, долго еще послѣ того оставался въ Москвѣ для окончанія и напечатанія своей магистерской диссертациі ²⁾. Эта работа требовала не мало времени, такъ что онъ могъ отправиться не прежде марта 1845 года, сначала въ Петербургъ, гдѣ оставался нѣсколько дней, а затѣмъ въ Берлинъ. Воротился въ началѣ лѣта 1847 г. слѣдовательно прожилъ за границей только два года съ небольшимъ, а не четыре (съ 1843 по 1847 гг.), какъ ошибочно сказано въ «Словарѣ».

Университетское начальство имѣло виды на Кудрявцева еще въ то время, когда онъ былъ студентомъ. По окончаніи имъ курса, гр. Строгановъ, постоянно заботившійся о замѣщеніи каедръ воспитанниками университета, выдающимися по своимъ дарованіямъ и трудолюбію, предложилъ Кудрявцеву держать экзамень на степень магистра, что тотъ и исполнилъ. Когда министерство народнаго просвѣщенія потребовало назначенія молодыхъ людей для отправки ихъ за границу, Кудрявцевъ поступилъ въ ихъ число. Его назначали для всеобщей исторіи, но вмѣстѣ съ этимъ онъ долженъ былъ прослушать курсъ и философіи, и права, для чего предполагалось пребыть ему года полтора или два въ Германіи, а затѣмъ полгода въ Италіи для личнаго знакомства съ древностями. Окончивъ диссертацию и представивъ ее,

¹⁾ Е. Я. Д—э, рожденной Я—нъ.

²⁾ „Судьбы Италіи отъ паденія Западной Римской имперіи до возстановленія ея Карломъ Великимъ“.

ло обычному порядку, на разсмотрѣніе факультета, Петръ Николаевичъ былъ неожиданно встревоженъ послѣ одного разговора съ попечителемъ, который объявилъ ему, что отправленіемъ его за границу надобно на нѣкоторое время приостановиться, такъ какъ образъ его мыслей оказывается неодобрительнымъ. И чтобы не оставить его безъ занятій, предложили ему читать лекціи русской исторіи — дѣло, къ которому онъ чувствовалъ себя неготовымъ и которое безъ всякой пользы должно было отнять у него цѣлый годъ. Онъ отказался. Жалко, что въ письмѣ не разъяснено, въ чемъ именно состоялъ образъ мыслей, не одобряемый такимъ начальникомъ, какъ гр. Строгоновъ, слѣдившій за занятіями даровитыхъ молодыхъ людей, открывавшій имъ дорогу къ дальнѣйшему научному образованію и дававшій возможность образовывать, въ свою очередь, молодежь слѣдующихъ поколѣній. Письмо оканчивается загадочными словами: «знаю я пути, которыми можно бы пройти скорѣе и безопаснѣе, но въ душѣ слишкомъ много гордости, чтобы наклониться этотъ разъ до низкаго искаательства. Пусть будетъ, что будетъ; я же останусь тѣмъ, чѣмъ былъ». Нельзя-ли выраженнаго попечителемъ мнѣнія объяснить неодобрительнымъ отзывомъ какого-либо профессора, разсматривавшаго диссертацию? Это очень могло быть при господствѣ въ наукѣ и литературѣ того времени двухъ противоположныхъ воззрѣній: славянофильства и западничества? Петръ Николаевичъ вполнѣ принадлежалъ къ западникамъ и слѣдовательно не пользовался расположеніемъ славянофиловъ, въ числѣ которыхъ находились и профессоры.

Исторія была издавна любимымъ предметомъ Петра Николаевича, какъ «наука наукъ». Такимъ именемъ называлъ онъ ее, относя къ ней то, что другими приписывалось философіи. Изъ нея вынесъ онъ свой образъ мыслей, свои убѣжденія, почти все свое нравственное достояніе, потому что собственный двадцативосьми-лѣтній опытъ далъ ему еще немного. Исторія, говоритъ онъ, для меня то-же, что «коранъ для мусульманства». Послѣднія слова потребовали разъясненія со стороны лица, которому адресовано письмо, и будущій профессоръ разъясняетъ ихъ слѣдующимъ образомъ:

«Исторія излагаетъ жизнь человѣчества не съ одной только лицевой стороны, но во всѣхъ возможныхъ отношеніяхъ, не того человѣчества, какимъ оно иногда кажется или какимъ бы мы хотѣли его видѣть, но какимъ оно дѣйствительно было. Тутъ нѣтъ ни воздушныхъ замковъ, ни высокопарныхъ мечтаній, ни мнимаго знанія того, чего нельзя знать, ни косыхъ взглядовъ, ни лжи, ни самообольщенія: тутъ есть только, что есть, тутъ есть истина—то, чего съ такимъ усиленіемъ ищемъ мы цѣлую жизнь... Нивогда не будете вы знать человѣка, когда не будете имѣть понятія о человѣчествѣ, а человѣчество знаетъ только

исторія: она только знаетъ, что человѣчество въ силахъ сдѣлать и что превышаетъ его силы... Кто не научился еще разбирать, хотя по складамъ, тѣ великіе и священные іероглифы, которые пишетъ исторія, тотъ никогда не можетъ сказать о себѣ, чтобы онъ былъ свободенъ отъ предразсудковъ; скажу болѣе: въ томъ каждое убѣжденіе есть предубѣжденіе или недоразумѣніе, тотъ каждую минуту своей жизни жертвуетъ мечтѣ, всѣ вещи мѣряетъ только на свой аршинъ, т. е. на свое предубѣжденіе, въ полной увѣренности, что только его мѣра есть истинная... Пока мы знаемъ единственно себя, смотримъ единственно съ своихъ высотъ, мы владѣемъ только частію истины. Но часть истинны есть у всякаго народа. Гдѣ же взять общую мѣру? Ее можетъ дать только исторія, потому что она только скажетъ намъ все, что есть, т. е. всю истину... Таковъ этотъ коранъ, изъ котораго учусь я искусству—отличать предразсудокъ отъ истины и, если можно, побуждать его въ себѣ. Надобно только приобрѣсти сначала довѣріе къ исторіи, а потомъ вѣру въ исторію».

Итакъ исторія, знакомя насъ съ жизнію человѣчества, освобождаетъ отъ предубѣжденій, замѣщая ихъ разумными сужденіями, истинными убѣжденіями. Она указываетъ законы развитія какъ отдѣльныхъ членовъ человѣчества, т. е. народовъ, такъ и всей ихъ совокупности, раскрывая причинную связь событій: одно событіе объясняетъ другимъ, послѣдующее, какъ плодъ, выводитъ изъ предыдущаго, какъ его связи. Благодаря историческому созерцанію, имѣющему дѣло не съ мечтательнымъ, а съ дѣйствительнымъ и разумнымъ, Кудрявцевъ отвращался отъ всего, гдѣ мысль была осуждена на бездѣйствіе, отъ всего, что существовало лишь въ болѣзненномъ воображеніи. Таковы: мистицизмъ, фатализмъ, такъ называемая судьба. Къ мистицизму, особенно аскетическому, онъ чувствовалъ непреодолимую антипатію. Особенно былъ ему противенъ тотъ родъ мистицизма, который думаетъ убить жизнь или заглушить, въ чемъ бы то ни было, ея голосъ: «жизнь», говорить онъ, «убивается только дѣйствительною, а не мнимую смертью, т. е. она умираетъ, а не умерщвляется». Само собою разумѣется, что онъ возставалъ и противъ предопредѣленія, какъ видно изъ одного письма, содержащаго въ себѣ опроверженіе слѣдующей мысли бывшей своей ученицы: «я вѣрю, что здѣсь, съ самой первой минуты моего бытія, назначенъ тамъ весь его жребій». Такое вѣрованіе ставило бы человѣка,—существо, одаренное разумомъ и волей, наравнѣ съ бездушными предметами. Петръ Николаевичъ вѣровалъ только въ судьбу историческую—въ судьбу человѣчества, подъ которой разумѣлъ неизмѣнные законы духа, проявляющіеся въ жизни народовъ. Таковую же вѣру имѣемъ мы въ судьбу небесныхъ свѣтилъ, совершающихъ свое движеніе по неизмѣннымъ законамъ тяготѣнія. Въ дру-

гихъ же отношеніяхъ, слово судьба «была для него синонимомъ слова случай», т. е. дѣйствіе такихъ внѣшнихъ силъ, которымъ законъ не писанъ,—дѣйствіе безнамѣренное и слѣпое, хотя часто и жестокое. Выразивъ желаніе себѣ быстрой смерти, не предшествуемой никакою злобною болѣзнію, которая человѣка, еще живого, превращаетъ въ муію, Кудрявцевъ внезапно останавливается:

— «Куда зашелъ я, Боже мой! какъ будто все это въ нашей власти? какъ будто мы знаемъ себя лучше, чѣмъ не мы? какъ будто, наконецъ, нѣтъ надъ нами судьбы, которая хоть и вовсе недалковиднѣе насъ, видитъ впередъ менѣе нашего, менѣе самыхъ близорукихъ изъ насъ, однако по самой слѣпотѣ своей часто смѣшиваетъ насъ съ деревьями и камнями и вовсе неожиданно, по одной ошибкѣ, даетъ намъ щелчки, отъ которыхъ не устояло бы и крѣпкое дерево. Здѣсь упала она грозой и, конечно, ошибкою сожгла цѣлое селеніе; тамъ, на морѣ, разыгралась она бурей и, конечно забывшись, потопила цѣлый корабль со всѣмъ его живымъ грузомъ, безъ разбора праведника отъ неправедника; тамъ промчалась язвою, тамъ пронеслась голодомъ, а вотъ недавно еще, зашевелившись подъ землею, почти опрокинула вверхъ дномъ цѣлый городъ—людей наравнѣ съ домами. Неужели она пошутя надъ нимъ съ мыслью? неужели съ мыслью когда-то истребила она Лиссабонъ, сгладила съ лица земли Помпею, залила Нидерланды, и проч. и проч.? Если съ мыслью, то развѣ съ такою же, съ какою душить она воробья во время холода, другое животное во время зноя, или у одного отнимаетъ глазъ, другому даетъ горбъ... Но, право, въ такой мысли я ровно ничего не смыслю... я молчу».

Строки эти, по своей сущности, сходятся съ воззрѣніемъ Тургенева на равнодушіе и безжалостность природы ко всему живущему,—воззрѣніемъ, выраженнымъ въ нѣкоторыхъ его сочиненіяхъ, между прочимъ въ его «Поѣздкѣ въ Польшу».

Не любилъ также Кудрявцевъ давать волю догадкамъ и предположеніямъ, если они не могутъ быть оправданы никакими свидѣтельствами или соображеніями ума. Въ одномъ письмѣ къ нему говорилось о загробной жизни. Онъ обратилъ вниманіе на слова: «au ciel tout s'oublie». «Это вѣрно и очень умно», отвѣчаетъ онъ, «туда не перенесемъ мы ни нашихъ страстей, ни нашихъ наклонностей; землѣ не восходить на небо, и въ небѣ живетъ только небесное. Итакъ, чтобы ни было съ нами тамъ, здѣсь все должно кончиться смертію—все только до этого предѣла; дальше, мнѣ кажется, не должны простирается и самыя наши желанія. Все здѣсь. И чего же намъ больше? зачѣмъ хотѣтъ еще перейти черезъ черту уничтоженія и перенести за нее нѣкоторыя любимыя игрушки нашей жизни, когда—и это почти общая участь—мы большею частію разбиваемъ ихъ еще гораздо

прежде, чѣмъ завидимъ этотъ роковой предѣлъ? Не умираютъ ли наши страсти гораздо прежде, чѣмъ умираемъ мы сами? Самая любовь не опускаетъ-ли часто крылья прежде, чѣмъ глаза человѣка, который носить или носилъ ее въ себѣ, завидятъ берегъ смерти?»

Выписываю еще слѣдующія строки въ отвѣтъ на письмо, въ которомъ говорилось о молитвѣ:

«Дай Богъ, чтобы святой огонь, котораго пламя есть молитва, долго, долго горѣлъ въ вашемъ сердцѣ. Не потому такъ говорю я, чтобы съ понятіемъ о молитвѣ соединять надежду на исполненіе соединенныхъ съ нею обѣтовъ и желаній, но потому, что вѣрю въ ея непосредственное дѣйствіе, въ ея возвышающую, укрѣпляющую и умиряющую силу. Съ нѣкотораго времени это благо не существуетъ для меня. Какъ могъ произойти такой переворотъ? Это не случайная перемѣна одной только мысли, но коренной, внутренней переворотъ почти всѣхъ основныхъ убѣжденій. Это не то, что называлось у насъ въ двадцатыхъ годахъ разочарованіемъ. Говоря собственно, оно было не разочарованіе, а пресыщеніе очарованіемъ: человѣкъ еще въ раю, но отъ частаго и неумѣреннаго употребленія ему прискучили сладости рая; ему стоитъ отдохнуть и для него опять начинается рай наслажденій. Есть другое разочарованіе—разочарованіе мыслью, которая открываетъ ошибку не въ томъ, что вы вѣрили въ райскія наслажденія, а въ томъ, что вы вѣрили въ самый рай: передъ нею падаетъ ограда, будто бы отдѣляющая рай отъ жизни, и открывается весь обширный горизонтъ жизни, въ которой нѣтъ нигдѣ рая, а есть только райскія минуты. Тутъ есть истинное разочарованіе, потому что ему предшествовало истинное очарованіе, которое имъ совершенно и навсегда отринуто; но это уже не пресыщеніе, а чувство новыхъ потребностей, это не новое искусственное самообольщеніе, а мужественное, хотя и горькое, отрицаніе всякаго обольщенія. Но мысль убиваетъ чувство: вотъ почему въ этомъ состояніи рѣдко можно встрѣтить энергію чувства—оно таетъ отъ дыханія мысли».

II.

Петръ Николаевичъ одаренъ былъ отъ природы не только вѣрнымъ и сильнымъ чувствомъ красоты, но въ извѣстной мѣрѣ и даромъ творчества, какъ доказываютъ его повѣсти, о которыхъ будемъ говорить дальше. Поэтому изящныя искусства доставляли ему самое чистое, самое упоительное наслажденіе. Въ этомъ отношеніи, два года сряду (1843 и 1844 гг.) оказались самыми благосклонными для московскихъ любителей музыки и пѣнія. До того времени Москва имѣла только русскую оперу, репертуаръ которой былъ крайне скуденъ. Можно сказать, что онъ весь заключался въ одной только оперѣ: «Аскольдова

могила», постоянно привлекавшей публику, благодаря удовлетворительному исполнению и болѣе всего прекрасной игрѣ и пѣнію Бантышева, обладавшаго очень приятнымъ, симпатичнымъ теноромъ. Кто изъ насъ, жившихъ въ то время въ Москвѣ, не восхищался пѣснью Торопки: «Ужъ какъ вѣсть вѣтерокъ?» Но другихъ родовъ и характеровъ сокровища музыкальнаго искусства были намъ совершенно невѣдомы. Съ ними впервые познакомила насъ нѣмецкая оперная труппа, прибывшая въ 1843 г. изъ Петербурга. Въ ней заключались такіе артисты, какъ Ферзингъ и Брейтингеръ¹⁾, басъ и баритонъ, приводившіе слушателей въ восторгъ. Изъ данныхъ ею оперъ наибольшее впечатлѣніе производила «Жидовка» (Галеви). Это впечатлѣніе предшествовало еще сильнѣйшему: постомъ 1843 г. пріѣхалъ Рубини и далъ три концерта. Хотя голосъ его и потерялъ въ это время свою первоначальную свѣжесть, но все-таки чувствовалось нами, что пѣніе его было совершенствомъ этого искусства. Мы поняли, что человѣческій голосъ есть наилучшій въ мірѣ инструментъ. Какою силою владѣлъ онъ! Сколько въ немъ было энергической страсти, томительной нѣги, невыразимаго очарованія! Вскорѣ послѣ его отъѣзда, пѣвица Мэрти доставляла намъ удовольствіе прекраснымъ исполненіемъ Шубертовыхъ пѣсень, особенно серенады. Въ концертахъ ея участвовалъ и Блазъ, знаменитый кларнетистъ, умѣвшій извлекать изъ своего инструмента чистые, мягкіе, «лобзающіе души звуки, отъ которыхъ таетъ сердце». Наконецъ явился Листъ... Однимъ словомъ, никогда въ Москвѣ не собиралось столько первоклассныхъ артистовъ, и мы съ Петромъ Николаевичемъ не пропускали почти ни одного случая, когда тотъ или другой сзывалъ москвичей на свой концертъ, гдѣ выказывался безспорный художественный талантъ.

Пріѣздъ Листа произвелъ, какъ нынѣ говорится, большую сенсацію не только среди любителей музыки, но и въ высшемъ кругу. Нѣкоторыя дамы сильно за нимъ ухаживали. Были слухи, что у двухъ соперницъ дѣло чуть-чуть не дошло до дуэли. А кавалеры, интересовавшіеся этими дамами, въ припадкѣ ревности, мстили ни въ чемъ неповинному художнику пошлыми каламбурами: одинъ изъ нихъ называлъ его солистомъ (soliste—sot Liste).

Въ Листѣ Петръ Николаевичъ видѣлъ идеаль художника. «По крайней мѣрѣ», писалъ онъ, «ни въ комъ изъ извѣстныхъ мнѣ художниковъ не соединены въ такой степени странныя силы таланта и изученія съ рѣдкими достоинствами чловѣка... Я нѣсколько былъ преубѣжденъ не въ пользу его инструмента, которому такъ трудно быть органомъ сердца, голосомъ живаго чувства, ему, созданному, кажется,

¹⁾ Можетъ статься, я ошибаюсь въ ихъ фамиліяхъ.

только для блестящей фейерверочной игры звуковъ; но за то тѣмъ ярче свѣтитъ здѣсь огонь божественнаго таланта, тѣмъ ощутительнѣе его вдохновенное присутствіе, когда онъ касается неблагоустроеннаго инструмента и даетъ чувствовать себя не столько въ мелодіи звуковъ, сколько въ своей собственной силѣ, въ своей непосредственности, какъ бы вырываясь изъ тѣсныхъ предѣловъ инструмента и носясь передъ вами неосязаемымъ гениемъ... Да, мы слышали не фортепьяно: мы слышали самую душу Листа, одну изъ глубочайшихъ человѣческихъ душъ; оттого можетъ быть и дѣйствіе его игры такъ раздражительно, такъ электрически дѣйствуетъ она на нервы». По поводу вторичнаго прїѣзда въ Москву Рубини (1844 г.), Петръ Николаевичъ сравниваетъ впечатлѣніе, произведенное его пѣніемъ, съ «демонической» игрой Листа: «какая огромная разница! Тамъ (у Листа) было какое-то нервическое сотрясеніе, которое насильственно вырывало душу изъ ея обычнаго покоя и бросало въ море тревожныхъ ощущеній; подъ пѣніемъ Рубини уничтожаешься до самозабвенія и сливаешься съ звуками, но въ этомъ уничтоженіи, въ этомъ, такъ сказать, разліаніи души по мелодіи звуковъ есть какаѣ-то невыразимая сладость упоенія».

Въ 1844 г. Москва ждала Рубини и Тамбурины (баритона), но Петербургъ удержалъ ихъ у себя. Въмѣсто нихъ прибыла оперная труппа итальянскихъ артистовъ, въ слѣдующемъ составѣ: теноръ Сальви, сопрано Ассандри, контральтъ синьора Виетти, баритонъ Корради. Сальви по своему чистому, свѣжему и полному голосу, отличавшемуся и энергіей, и сладостью, принадлежалъ къ числу тѣхъ художниковъ, которые совершенно удовлетворяли публику, такъ что заставляли ее вполне предаваться таланту, наслаждаться имъ безъ мысли о какомъ-либо сравненіи. Сравненіе могло приходиться въ голову лишь по окончаніи спектакля... Да и съ кѣмъ же было сравнивать? развѣ только съ Рубини. Оперы давались преимущественно двухъ композиторовъ: Доницетти (Лукреція Борджія, Лючія) и Беллини (Пуритане, Сомнабула). Въ первыхъ Сальви выказывалъ энергію, драматизмъ голоса; во вторыхъ—приятность и глубокою грусть до такой степени, что кто-то послѣ представленія замѣтилъ: «у него въ голосѣ есть слезы». Любопытно дѣйствіе, произведенное первыми представленіями итальянской оперы на тѣхъ москвичей, которые до того были вовсе съ ней незнакомы. Ихъ охватило чувство недоумѣнія: что это такое—хорошо или нѣтъ? Лучше или хуже того, что они ощущали въ русской оперѣ? Многие рѣшили, что въ русской оперѣ лучше, потому что она «понятнѣй»—не только по языку, но и по характеру пѣнья. Не таково было впечатлѣніе другихъ, въ томъ числѣ Петра Николаевича. Онъ сразу поддался художественному обаянію. «Слушать итальянскую оперу необходимо»—писалъ онъ своей ученицѣ, «иначе въ жизни чувства

останется огромный пробѣлъ, котораго ничѣмъ не наполнишь». Но какъ для полноты эстетическаго впечатлѣнія требуется извѣстное означеніе съ одними и тѣми же звуками, извѣстная къ нимъ привычка, то понятенъ слѣдующій совѣтъ его: «одинъ разъ слышать оперу—это мало. Это все равно, что первое знакомство съ человѣкомъ, первая встрѣча съ нимъ. Лучшо надо слышать десять разъ, и тогда уже говорить о наслажденіи искусствомъ». О его врожденномъ сочувствіи къ изящному, о художественномъ тактѣ свидѣтельствуется особенно то, что онъ не удовлетворялся прекраснымъ исполненіемъ отдѣльныхъ мѣстъ оперы, тѣхъ или другихъ музыкальныхъ нумеровъ: онъ требовалъ общаго склада, цѣльной гармоніи, такъ называемаго *ensemble*, который иногда составлялся италіянскими артистами: «а гдѣ только это есть, тамъ вашъ другъ—простите ему эту невольную слабость—теряетъ все свое равнодушіе, забываетъ даже недалекое горе и отдается наслажденію съ полной свободой». Дѣйствительно такъ, иначе и быть не можетъ, ибо каждое произведеніе искусства есть своего рода организмъ, котораго всѣ органы должны служить одной и той же цѣли—выраженію идеи. Поэтому гармоническое сочетаніе частей въ одно цѣлое и есть главное существенное отличіе художественнаго факта, условіе, безъ котораго нѣтъ изящества.

Но какъ ни любилъ Кудрявцевъ музыку и пѣніе, все же его сердце лежало больше къ словесному изящному искусству. Съ самаго начала переписки онъ общалъ держать свою бывшую ученицу *au courant* литературнаго движенія, увѣдомлять ее о современныхъ поэтическихъ произведеніяхъ и вновь выходящихъ книгахъ, указывать, а иногда и въ самыхъ письмахъ помѣщать небольшія піесы или отрывки изъ піесъ, обратившихъ на себя его вниманіе. Эта часть писемъ имѣетъ двойной интересъ: выражая взгляды писавшаго на значеніе новыхъ сочиненій и чувства, ими возбужденныя, они также знакомятъ и съ литературнымъ вкусомъ наиболѣе образованныхъ москвичей въ первой половинѣ сороковыхъ годовъ. Мы находимъ свѣдѣнія о стихотвореніяхъ Фета, пользовавшихся большимъ сочувствіемъ читателей; о первыхъ опытахъ Полонскаго, достоинство которыхъ было впервые оцѣнено Петромъ Николаевичемъ; о новомъ изданіи Лермонтова (1842—44 гг.), заключавшемъ въ себѣ неизвѣстную дотолѣ драму «Маскарадъ». Изъ иностранной литературы часто говорится о Гейне: нѣкоторыя его піесы, исполненныя нѣжности и граціи, помѣщены въ письмахъ. Онъ и Жоржъ-Сандъ, романы котораго часто переводились и помѣщались въ «Отечественныхъ Запискахъ», были любимцами Петра Николаевича. Одинъ изъ этихъ романовъ (Жакъ) надолго заполонилъ его вниманіе. Изъ лицъ нравились ему особенно Жакъ и Сильвія, но Жакъ смущалъ его своимъ величіемъ: «мнѣ кажется», пишетъ онъ, «поэтъ пересту-

пиль здѣсь границы естественности и впалъ въ излишнюю искусственность. Словомъ, Жакъ—лице идеальное, какого никогда не отыщемъ мы въ дѣйствительности, а въ подобныхъ случаяхъ—мнѣ всегда кажется—страдаетъ истина. Сильвия исполнена высокой поэзіи, и однако это лице натуральнѣе, потому что это—женщина. Извиняю-ли я слабости Фернанды? О, всеконечно, всеконечно: уже и потому я прощаю ей все, что въ ней столько натуры, что она свободно отдается чувству своего сердца и не напрягается любить Жака, котораго не можетъ она любить, какъ существо иного разряда. По крайней мѣрѣ, Жакъ въ этомъ случаѣ столько же виноватъ, сколько и она. Да, если онъ могъ ошибиться въ ней и не угадать ея природы, то какъ же было не ошибиться ей и не принять своего уваженія къ нему за любовь?» Впечатлѣніе, произведенное «Жакомъ», вызвало подражаніе ему, именно повѣсть: «Полинька Саксъ», написанную А. В. Дружининымъ и напечатанную въ «Современникѣ». Она читалась съ большимъ, хотя и скоро охладѣвшимъ, интересомъ. Нельзя было не признать таланта въ авторѣ, но выборъ одного изъ главныхъ лицъ (мужа Полиньки) поражалъ читателей странностью и приводилъ ихъ въ недоумѣніе. Оно взято изъ среды чиновниковъ по особымъ порученіямъ. Конечно, отчего же не быть хорошимъ человѣкомъ и такому чиновнику, который, кромѣ того, могъ даже именоваться Яковомъ (тезкой Жака)? Но дѣло въ томъ, что такое лицо противорѣчило понятію о сказанномъ классѣ чиновниковъ,—понятію, сложившемуся на знакомствѣ съ характеромъ ихъ службы, которая большею частію состояла въ ничегондѣланіи или въ дѣланіи пустяковъ. Трудно было повѣрить, чтобы въ ряду подобныхъ субъектовъ могли являться лица, способныя на героическое самоотверженіе Жака. Во всякомъ случаѣ, мужъ Полиньки имѣлъ значеніе не типа, а только рѣдкаго, счастливаго исключенія, всегда мало цѣнимаго въ художественныхъ произведеніяхъ. Для характеристики тогдашняго литературнаго направленія упомянемъ, что образованнымъ читателямъ очень нравились романы и повѣсти, сходственные по мысли съ романомъ Жоржъ-Санда, хотя и прежде него явившіеся, на примѣръ *Manon Lescaut* (аббата Прево) и *Wahlverwandtschaft* (Гете); послѣдній переведенъ и напечатанъ въ «Современникѣ», подъ названіемъ «Оттилія».

Сочиненіе французскаго писателя Сенанкура «Оберманъ» заставило Кудрявцева много передумать и перечувствовать. При своемъ появленіи (1804) оно не произвело впечатлѣнія даже во Франціи, что объясняется направленіемъ умовъ при Наполеонѣ въ такую сторону и на такіе предметы, которые не имѣли ничего общаго съ оригинальнымъ трудомъ автора-мыслителя. Только по паденіи Наполеона, въ 1818 г., слушатели философскихъ лекцій Кузена съ восторгомъ начали

читать его. Статья Сень-Бева, приложенная ко второму изданію «Обермана» (1837), опредѣлила его идею и глубину чувствъ. Мы, русскіе, познакомились съ нимъ при третьемъ изданіи (1852), благодаря умному предисловію Жоржъ-Санда; книга читалась нами съ жаднымъ любопытствомъ и воспринчивостью. Чѣмъ же именно понравилась намъ она? Тѣмъ, что «Оберманъ» есть типъ печальныхъ, страдающихъ душъ начала XIX вѣка, типъ человѣческой немощи и оцѣпенѣнія передъ лицомъ безконечной природы. «Что поставить на мѣсто безконечнаго, чувство котораго живетъ въ душѣ моей и котораго требуетъ моя мысль?» такъ восклицаетъ авторъ или замѣнившій его, придуманный имъ Оберманъ. Желаніе объять необъятное и невозможность исполнить желаніе породили въ немъ сознаніе человѣческой ничтожности, горькое разочарованіе, суровую меланхолю, скуку... Последняя была отличительною болѣзнію не одного Обермана, но и всѣхъ мыслящихъ его современниковъ, и потому книга, о которой идетъ рѣчь, принадлежала къ самымъ истиннымъ твореніямъ эпохи и могла назваться вѣрнымъ зеркаломъ, въ которомъ многіе узнавали себя.

Узнавалъ себя и Кудрявцевъ по своей нѣжной, на все отзывавшейся, внутренней организаціи, по своему расположенію къ меланхолии, по складу своей мысли, безустанно работавшей. «Оберманъ» не могъ ему не нравиться, какъ человѣку съ головой и сердцемъ. «Его надобно читать по-немногу», пишетъ онъ при посылкѣ книги, «это не словоохотливый романистъ, а умный и задушевный собесѣдникъ, который, при всей скудости содержанія ¹⁾, въ состояніи дать желающему въ нѣсколько минутъ гораздо болѣе, нежели сколько можно взять у иныхъ изъ цѣлаго тома. Какъ съ другомъ бесѣдовалъ я съ Оберманомъ тихо и покойно по нѣсколько минутъ и потомъ, закрывъ книгу, оканчивалъ бесѣду уже одинъ, съ самимъ собою».

Выписываемъ еще нѣсколько мѣстъ изъ тѣхъ писемъ, въ которыхъ характеризуется сущность книги и ея дѣйствіе на мыслящаго читателя.

«Съ перваго раза лице Обермана поражаетъ васъ своею странностью: это—человѣкъ, исполненный глубокой любви къ человѣчеству и въ то-же время не уживающійся съ людьми, ни даже съ природою, хотя онъ первый знатокъ и первый почитатель красотъ ея; въ городѣ ему тѣсно, въ полѣ ему душно; онъ странствуетъ и ничего не дѣлаетъ и горько жалуется на свое бездѣйствіе. Но за то какая дѣятельность безпрестанно происходитъ во внутреннемъ мірѣ этого человѣка! Какъ работаетъ его голова и сердце! Нѣтъ ни одного вопроса, котораго бы онъ не коснулся и на который не взглянулъ бы по своему...

¹⁾ Въ смыслѣ сюжета (фабулы).

«Не жалѣю, что послалъ вамъ Обермана. Не утѣшить онъ васъ въ горѣ—это я знаю: слишкомъ тяжелое бремя лежитъ у него самого на сердцѣ. Но что же? Развѣ отъ того онъ менѣе вѣрный другъ въ горѣ? Развѣ можетъ кто-нибудь лучше рассказать тайную исторію вашего же сердца? Развѣ есть кто-нибудь, знающій лучше болѣзнь душевныя? А вѣдь это уже половина утѣшенія, когда вы видите человѣка, страдающаго почти тою же болѣзнію. Это не то, чтобы тутъ была недобрая радость видѣть и другого въ такихъ же страданіяхъ, но то, что всегда есть больше сочувствія между людьми, поставленными въ одно положеніе, хотя бы мы даже знали такихъ только изъ книги, нежели между тѣми, у которыхъ въ положеніи нѣтъ ничего общаго, какъ бы ни близко были они поставлены другъ къ другу жизнью. А всякое сочувствіе есть даръ. Вѣдь это не пустая фраза, когда Оберманъ говоритъ, что прожилъ въ одну ночь нѣсколько лѣтъ. Это не ложь, которая не въ его природѣ, дышащей одной истиной. Прожить въ одну ночь нѣсколько лѣтъ... какое море чувствъ должно было пройти черезъ это сердце, чтобы оно могло сказать такое слово! Какая страшная способность жить сердцемъ и мыслію, и какъ бѣдна, какъ пуста кажется эта жизнь! Но нѣтъ—она не бѣдна и не пуста: въ ней каждый шагъ есть живая мысль, каждое слово—звукъ сердца, которое въ одну ночь можетъ прожить нѣсколько лѣтъ. Гдѣ же, скажите, вокругъ насъ такія натуры? Нѣтъ, я не жалѣю, что познакомилъ васъ съ Оберманомъ. Не все же искать сладкихъ знакомствъ—это можетъ быть, наконецъ, приторно. Лучше пусть я буду плакать съ кѣмъ-нибудь, нежели ни съ кѣмъ не радоваться: все же это больше по-человѣчески.

«Никто такъ какъ Оберманъ не расскажетъ вамъ самыхъ глубокихъ тайнъ вашего же собственнаго сердца. На что у насъ есть только звуки, у него готовы слова. И какія слова? Слова, которыя мы всѣ знаемъ, которыми мы говоримъ другъ съ другомъ и которыя у него получаютъ новый смыслъ, впрочемъ не менѣе понятный всякому, у кого только есть умъ и сердце. Въ чемъ же тутъ тайна? Это тайна таланта, но таланта рѣдкаго, и книга Обермана тѣмъ дороже, что подобные ему люди, богатые внутренними откровеніями, не любятъ публиковать своихъ тайнъ, дѣлать ихъ гласными, тѣмъ менѣе предавать ихъ тисненію. Много самой задушевной откровенности и у Руссо, человѣка, который не постыдился обнаружить передъ свѣтомъ всей своей внѣшней и внутренней жизни, который добровольно исповѣдался всему свѣту, какъ исповѣдуются духовнику, но въ сравненіи съ Оберманомъ вы найдете его болтливымъ».

Такимъ образомъ талантъ чувствовать и понимать изящное не былъ зарытъ Кудрявцевымъ въ землю; напротивъ, все время своей жизни—къ сожалѣнію недолгое, всего 42 года—онъ постоянно изощрялъ его—

и благо ему! Благо каждому, кто до самыхъ позднихъ лѣтъ сохранилъ способность «порой упиваться гармоніей, порой обливаться слезами надъ вымысломъ!» Въ немъ не умиралъ человѣкъ, какъ образъ Божества, отражающій въ себѣ изящество, истину и благо.

III.

Кромѣ способности воспринимать изящное, Петръ Николаевичъ былъ одаренъ и способностью поэтическаго творчества, хотя не въ большой степени. Фантазія его, по его собственному сознанию, была слишкомъ скудна и немощна, чтобы произвести нѣчто классическое: довольно и того, что ея легкіе образы могли въ свое время нравиться. Послѣ повѣсти («Флейта»), удачно передавшей чувство отроческой любви, Бѣлинскій возлагалъ большія надежды на автора. Изъ другихъ повѣстей замѣчательны «Послѣдній визитъ» и «Безъ разсвѣта». По своей мягкой, женственной натурѣ Кудрявцевъ давалъ главное мѣсто женскимъ лицамъ: ему легче было входить въ ихъ характеръ, тѣмъ въ характеръ своего брата—мужчины. Всѣ симпатіи его склонялись къ слабой половинѣ человѣческаго рода, по своему зависимому, стѣсненному положенію возбуждающей особенное вниманіе гуманныхъ натуръ. Замѣчательно, что и предметомъ своихъ историческихъ разсказовъ онъ выбралъ женщинъ римскихъ. Разказы эти, какъ извѣстно, имѣли успѣхъ. Сочувствіе къ «женскому вопросу» было сильно въ немъ развито. Сюжетомъ повѣсти «Безъ разсвѣта», написанной въ Берлигѣ и напечатанной въ «Современникѣ» 1847 г., послужила дѣйствительная исторія, къ которой авторъ не могъ оставаться равнодушнымъ по родственнымъ и дружескимъ отношеніямъ, не говоря уже объ общечеловѣческихъ. Героиня повѣсти—его кузина, выросшая на его глазахъ и находившаяся подъ его образовательнымъ вліяніемъ Отецъ выдалъ ее за человѣка, по его мнѣнію, со всѣми достоинствами, а по мнѣнію дочери—недостойнаго. Но ея согласія не спрашивали. Голосъ матери, взявшей на себя заступничество, затерялся въ хорѣ мужскихъ голосовъ, и бѣдная дѣвушка, изъ любви къ отцу, согласилась принести печальную жертву, хотя такія жертвоприношенія, какъ доказалъ опытъ, ни къ чему хорошему не приводили. На Петрѣ Николаевичѣ тяжело отозвалось это подневольное замужество, тѣмъ болѣе, что на его кузину имѣлъ уже виды хорошій молодой человѣкъ, котораго и она тоже любила. Сюда-то относятся слѣдующія слова героини въ письмѣ къ ея подругѣ: «какъ можно иногда однимъ разомъ убить все, что человѣку дорого въ жизни, не оставить ему даже и луча надежды! За что же, еще на половинѣ жизни, осуждена я потерять все

свое будущее, погубить его даромъ, пожертвовать имъ другому? Хорошо приносить жертвы любви, ей—всепрощающей и всевосполняющей; но жертвовать собою, не любя—этого я не умѣю понять». Повѣсть эта сначала привела Бѣлинскаго въ восторгъ: «Чудесная вещь! глубокая вещь! Это—судьба, жизнь, положеніе русской женщины нашего времени! Характеръ героини выдержанъ, а муженекъ и любовникъ ея—чудо совершенства». Но очень скоро затѣмъ послѣдовало охлажденіе. Повѣсть не имѣла успѣха въ Петербургѣ, что удивляло Бѣлинскаго. Недоумѣніемъ своимъ онъ дѣлился съ В. П. Воткинскимъ и И. С. Тургеневымъ. Къ первому онъ пишетъ: «повѣсть Кудрявцева никому не нравится. Поди ты тутъ!», а ко второму: «повѣсть Кудрявцева не имѣла никакого успѣха: откуда ни послышишь—не то, что бранять, а холодно отзываются». Дѣло, мнѣ кажется, объясняется просто чрезмѣрнымъ увлеченіемъ Бѣлинскаго повѣстями Кудрявцева; а что повѣсть «Безъ разсвѣта» не понравилась кружку литераторовъ, въ которомъ критикъ жилъ и дѣйствовалъ, это можно объяснить перемѣною вкуса, или вѣрнѣе, другими требованіями отъ беллетристовъ. Требовали характеровъ болѣе оригинальныхъ, необыкновенныхъ; требовали не столько преданности элегическимъ чувствамъ, погруженія въ нихъ, сколько умѣнья отрѣшиться отъ чувства безъ сожалѣнія и безъ раскаянія. Намъ хорошо помнится впечатлѣніе, произведенное повѣстью Тургенева «Андрей Колосовъ», явившеюся за два или за три года до «Разсвѣта». Всѣмъ нравилась рѣшимость Колосова,—то, что онъ не возвращался къ минувшему. По нѣскольку разъ читали его оправдательныя слова въ отвѣтъ на укоръ одного изъ дѣйствующихъ лицъ: «Варя прекрасная дѣвушка и ни въ чемъ передо мной не виновата. Я пересталъ ходить къ ней по весьма простой причинѣ: я разлюбилъ ее, Богъ знаетъ отчего... Что-жь? ты мнѣ прикажешь притворяться, прикидываться влюбленнымъ? Изъ чего? Изъ жалости къ ней? Если она порядочная дѣвушка, такъ она сама не захочетъ такой милостыни, а если она рада тѣшиться моимъ участіемъ—такъ чортъ-ли въ ней?» Вотъ какое лице начертано нашимъ первокласснымъ художникомъ! Что передъ этимъ естественнымъ, необыкновеннымъ лицомъ, какъ называется Колосовъ въ повѣсти, значитъ героиня «Безъ разсвѣта»—одна изъ десяти тысячъ подобныхъ субъектовъ?

Читатели и въ особенности читательницы, интересовавшіяся Петромъ Николаевичемъ, думали примѣнять его повѣсти къ нему самому, къ обстоятельствамъ его собственной жизни. Но они очень ошибались. Если въ этихъ повѣстяхъ и отражался ихъ авторъ, то не внѣшнимъ образомъ, а внутреннимъ, то есть не біографическими фактами, а моральнымъ настроеніемъ, душевными состояніями. Правда, рѣдкій изъ его рассказовъ не былъ плодомъ начинавшагося движенія чувства

любви. Но простирать личное примѣненіе дальше этого—значило бы терять напрасно время. За первыми же словами дѣйствовала фантазія, мечта, въ которой не оказывалось и тѣни дѣйствительности. Этого мало: автору стоило только приступить къ разсказу, чтобы положить вонецъ движенію своего собственнаго чувства, такъ что разсказъ былъ почти всегда и громомъ этого чувства. Это странно, но тѣмъ не менѣе и истинно: значить, странность лежала въ природѣ автора, а природы не измѣнишь. Ученицѣ Кудрявцева очень хотѣлось узнать повѣсть его жизни, въ которой, какъ полагала, любовь играетъ важную роль. Отвѣтомъ ей служили слѣдующія строки:

«Въ моей жизни нѣтъ повѣсти; есть только нѣсколько отдѣльныхъ, разрозненныхъ страницъ, но и тѣ безъ колорита. Эта жизнь была бѣдна, безцвѣтна: ни большого горя; ни радости безъ границъ; все въ порядкѣ вещей, ровно и большею частію весьма постепенно, но всегда такъ безстрастно, и потому такъ пусто и глупо. Едва есть нѣкоторыя мгновенія, къ которымъ еще привязано воспоминаніе; но и они такъ легки, такъ эфирны, что съ каждымъ годомъ теряютъ для меня свою цѣну и—я боюсь—современемъ изгладятся вовсе... Странно, однако-жъ: ничего, почти ничего не имѣть въ прошедшемъ и ровно столько же видѣть въ будущемъ».

Какъ въ повѣстяхъ, такъ и въ письмахъ Петра Николаевича, при всей его неохотѣ говорить о себѣ и раскрывать событія своей жизни—внѣшней и внутренней, есть однако-жъ нѣкоторыя указанія на тѣ и другія. Онъ не смотрѣлъ на нихъ, какъ на завѣтныя, священныя тайны, но просто не любилъ толковать о нихъ, выставлять ихъ какъ нѣчто важное, имѣющее право быть интереснымъ не для него одного, но и для другихъ. Но мы не послѣдуемъ его примѣру, потому что обязаны знакомить со всѣмъ, что можетъ уяснить личность, дорогу для насъ и для всѣхъ его знавшихъ.

Петръ Николаевичъ рано лишился матери, и это лишеніе чувствовалось имъ постоянно, ибо оставило печальные слѣды на всю его жизнь. Вотъ что говорится имъ объ этомъ въ двухъ письмахъ:

«Какъ счастливы дѣти, которыхъ первое образованіе совершилось подъ вліяніемъ прекрасной женской души! Завидую имъ. Такое счастье дается немногимъ. По крайней мѣрѣ я не зналъ его. Рука матери ласкала меня немного; смерть отняла ее такъ рано, что я не унесъ ни одной ея черты въ своей памяти. И я бы до сихъ поръ горько жаловался на этотъ существенный недостатокъ въ моемъ воспитаніи, если бы ему не помогала моя натура, довольно счастливо организованная».

Отецъ Петра Николаевича, личность добрая и почтенная, при всей своей попечительности о сынѣ, не могъ замѣнить ею любви материнской, той любви, которая особенно дорога и необходима въ періоды

дѣтства и отрочества. Онъ былъ окруженъ добрыми родственниками, которыхъ любилъ. «Но какъ ни близки наши родственныя отношенія»—говорить онъ—«они не уничтожаютъ многихъ разностей въ нашихъ симпатіяхъ. Сестрамъ за ихъ искреннюю любовь плачу тѣмъ же, но не думаю, чтобы самая искренняя братская любовь была одно и то же съ довѣренностью дружбы». Лишенный счастья имѣть своимъ первымъ воспитателемъ сердце женщины—сердце матери, Петръ Николаевичъ обнаруживалъ излишнюю недовѣрчивость къ себѣ самому и къ другимъ, постоянную осторожность, если не робость, въ чемъ самъ сознается и за что во многихъ мѣстахъ переписки осуждаетъ себя, хотя скорѣе слѣдовало бы осудить природу, которая одного производитъ экспансивнымъ, а другого замыкаетъ въ немъ самомъ. Какъ бы то ни было, а дѣло въ томъ, что Петръ Николаевичъ ропталъ на себя за свою скрытность и неподатливость чувствамъ, за свое благоразуміе, за то, что голосъ разсудка бралъ у него всегда верхъ надъ истиннотомъ, надъ влеченьемъ чувства.

«Вините мою натуру. Взаимности нѣтъ въ ней. При всѣхъ своихъ хорошихъ свойствахъ, она осуждена на вѣчное уединеніе въ самое себя, на вѣчное заключеніе въ своемъ личномъ, нераздѣляемомъ чувствѣ. Боязливая, недовѣрчивая къ самой себѣ натура, которая не сдѣлаетъ ни одного движенія, не скажетъ ни одного слова безъ того, чтобы тотчасъ не остановить себя, не ограничить и не наложить узды на самое слово. Она хочетъ, отъ всей души хочетъ, чтобы въ этихъ отношеніяхъ царствовала полная искренность, и однако не вѣрять, не смѣетъ вѣрять себѣ, чтобы они и въ самомъ дѣлѣ вполне были искренни, зная по опыту, какъ мало она можетъ довѣрять себя. Я чувствую—никогда не увлекусь я до страсти, никогда не увлекусь до самозабвенія. Жалкая организація!

«Не спѣшите дѣлать мнѣ новый упрекъ за то, что я только призываю васъ къ удовольствіямъ и не хочу раздѣлить ихъ съ вами, не хочу раздѣлить даже просто времени,—не спѣшите: довольно ихъ я дѣлаю себѣ—и остаюсь по прежнему «благоразумнымъ». Нечаянно вы сказали великую правду: «vous êtes trop prudent». Такъ слишкомъ, что не умѣю быть неблагоразумнымъ. О, не дай Богъ вамъ быть столько благоразумнымъ. Это значитъ—постоянно водить чувство на привязи и никогда, никогда не давать ему простора. Это значитъ—заранѣе похоронить его въ себѣ и быть ему вѣчнымъ тюремщикомъ. Плохая должность, признаться—оскорбительная для другихъ, тяжелая для самого себя!»

А. Д. Галаховъ.

С.-Петербургъ.

27-го октября 1884 г.

РОД. 1-ГО ЮЛЯ 1806 Г.

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧЪ
ПОДОЛИНСКІЙ

СОБРАНІЕ

НЕИЗДАННЫХЪ ЕГО СТИХОТВОРЕНІЙ

1830—1884 гг.

Съ приложеніемъ портрета автора
(1847 г.).

К І Е В Ъ.
1885 г.

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧЪ ПОДОЛИНСКІЙ

собраніе его неизданныхъ стихотвореній.

1830—1884.

Въ апрѣлѣ 1884 года мы были истинно порадованы присылкою къ намъ прелестнаго стихотворенія, озаглавленнаго: „Бывшимъ Тургеневскимъ крѣпостнымъ“, написаннаго по случаю похоронъ знаменитаго писателя.

Стихотвореніе принадлежало Андрею Ивановичу Подолинскому и явилось на страницахъ „Русской Старины“ изд. 1884 г., т. XLII, май, стр. 405.

Андрей Ивановичъ Подолинскій, нынѣ старѣйшій русскій поэтъ (род. 1 іюля 1806 г.), единственный представитель эпохи Пушкина. Талантливыя произведенія музы Подолинскаго, явившіяся въ печати въ концѣ 1820-хъ годовъ, были встрѣчены похвалами и одобреніемъ Пушкина и всего русскаго общества; съ тѣхъ поръ онѣ вошли въ сборники лучшихъ произведеній русскихъ поэтовъ, перешли въ хрестоматіи, заучивались наизусть и до нынѣ Подолинскій принадлежитъ къ наиболѣе даровитымъ и симпатичнымъ поэтамъ.

Съ чувствомъ искренняго уваженія обратились мы къ маститому представителю русскихъ поэтовъ съ убѣдительнѣйшею просьбою сообщить на стр. „Русской Старины“ какъ неизданныя его стихотворенія, такъ и нѣкоторыя данныя для его біографіи.

Андрей Ивановичъ былъ столь обязателенъ, что сообщилъ намъ собраніе его поэтическихъ произведеній, до сихъ поръ неизданныхъ, а на наши вопросы о его біографіи доставилъ нѣсколько краткихъ свѣдѣній.

Приводимъ, прежде всего, автобіографическую его замѣтку; въ дополненіе къ ней помѣщаемъ уже бывшіе въ печати отрывки изъ воспоминаній Андрея Ивановича Подолинскаго, именно о встрѣчѣ его съ Пушкинымъ; затѣмъ выдержку изъ статьи Н. В. Гербея о нашемъ писателѣ изъ сборника „Русскіе поэты“, также выдержку изъ одного польскаго изданія 1830 годовъ съ отыскомъ о поэзіи Подолинскаго и проч.

Затѣмъ помѣщаемъ сорокъ шесть неизданныхъ стихотвореній Андрея Ивановича Подолинскаго.

Мы вполне увѣрены, что читатели „Русской Старины“ съ тѣмъ же удовольствіемъ, съ какимъ мы печатаемъ эти стихотворенія, прочтутъ произведенія маститаго поэта, поэтическая дѣятельность котораго вызвала восторгъ

въ современникахъ Пушкина, а также похвалы и одобренія самого великаго поэта; читатели, конечно, замѣтятъ, что многія изъ стихотвореній А. И. Подолинскаго дышутъ искренностью чувства, увлекаютъ прекраснымъ стихомъ и вполне художественными поэтическими образами. Юмористическія его произведенія добродушно веселы и остроумны.

Приводимъ всѣ эти стихотворенія въ томъ самомъ порядкѣ, въ какомъ они расположены и затѣмъ двукратно просмотрѣны въ корректурѣ самимъ поэтомъ.

Ред.

I.

Я родился въ Кіевѣ 1-го іюля 1806 года. Первоначальное воспитаніе получилъ въ Кіевѣ же, въ частномъ, отлично веденномъ, пансіонѣ германскаго уроженца Графа, —человѣка, котораго рѣдкія достоинства я могъ оцѣнить вполне только впоследствии и о которомъ и до сихъ поръ вспоминаю съ глубочайшею признательностію. Въ 1821 году я былъ помѣщенъ въ С.-Петербургскій университетскій благородный пансіонъ и въ іюлѣ 1824 года выпущенъ съ высшей наградой, —правомъ на чинъ 10-го класса.

Уже въ пансіонѣ Графа возбуждена была во мнѣ любовь къ поэзіи. Одинъ изъ преподавателей, весьма образованный свитскій (генеральнаго штаба) офицеръ, Александръ Федоровичъ Фурманъ, постепенно знакомилъ насъ, еще дѣтей, увлекая своимъ превосходнымъ чтеніемъ, съ тогдашнею современной и предшествовавшей ей русской литературой. Онъ заставлялъ заучивать стихи Жуковскаго, Батюшкова, Крылова и вообще нашихъ лучшихъ поэтовъ и, между прочимъ, чтобы насъ позабавить, прочелъ наизусть всего Трумфа, какъ отличный драматическій артистъ. Не мудрено, что двѣнадцати-тринадцати лѣтъ проявлялись уже и мои собственные порывы, а дальнѣйшіе литературные опыты продолжались въ университетскомъ пансіонѣ, гдѣ я написалъ двѣ-три повѣсти въ стихахъ и нѣсколько мелкихъ стихотвореній. Но я умѣлъ сознать ихъ незрѣлость и не только не осмѣливался мечтать о печати, но даже старался скрывать ихъ и отъ большинства товарищей.

Въ службу вступилъ я въ 1824 году немедленно по выпускѣ изъ университетскаго пансіона и почти тотчасъ же былъ опредѣленъ секретаремъ при директорѣ почтоваго департамента, при которомъ занимался и по существовавшему тогда библейскому обществу, оставаясь въ Петербургѣ до отъѣзда въ 1831 году въ Одессу, гдѣ я получилъ мѣсто помощника начальника VII почтоваго округа, въ составъ котораго входилъ весь Новороссійскій край.

Служба въ Петербургѣ не мѣшала мнѣ увлекаться и любимымъ занятіемъ, но все, что я тогда писалъ, не выходило изъ тѣснаго дружескаго круга, состоявшаго преимущественно изъ наиболѣе образованныхъ пансіонскихъ товарищей, между которыми проявлялись литературныя и замѣчательныя музыкальныя дарованія.

Въ печати мое имя стало извѣстно только въ 1827 году, когда я рѣшился издать мою первую поэму Дивъ и Пери. За нею послѣдовали повѣсти въ стихахъ: въ 1829 г. Борскій и въ 1830 г. Нищій, котораго все изданіе было куплено книгопродавцемъ Смирдинымъ. Право на второе изданіе этихъ повѣстей приобрѣтено было кievскимъ книгопродавцемъ Литовымъ, напечатано имъ въ 1837 году и озаглавлено Повѣсти и мелкія стихотворенія, такъ какъ въ него вошли и мои стихотворенія, разбросанныя въ разныхъ альманахахъ: «Сѣверныхъ Цвѣтахъ» Дельвига, «Невскомъ Альманахѣ» Аладьина, «Альбомѣ Сѣверныхъ Музъ» Ивановскаго, «Кіевлянинѣ» Максимовича, «Кометѣ Бѣла» NN, «Новогодникѣ» Кукольника, «Одесскомъ Альманахѣ» 1831 года Морозова и Розберга, Одесскомъ же Альманахѣ 1840 г. Княжевича и «Утренней Зарѣ» Владиславлева.

Въ журналахъ было мною помѣщено только въ 1837 году въ «Современникѣ», издаваемомъ тогда Жуковскимъ, посвященное памяти Пушкина стихотвореніе Переѣздъ чрезъ Яйлу, въ которомъ, благодаря цензурѣ, были замѣнены точками многіе стихи, въ томъ числѣ и относившіеся прямо къ Пушкину: «Онъ избранникъ, увѣнчанный въ народѣ» и пр.

Кромѣ этого, напечатаны въ 1837 году въ «Библиотекѣ для чтенія», приобрѣтенныя Смирдинымъ, поэма Смерть Пери и въ 1838 г. Дружба; въ 1854 г. въ «Русскомъ Инвалидѣ» стихи: Передъ войной и въ 1855 г. два стихотворенія въ «Отечественныхъ Запискахъ».

Затѣмъ въ 1860 г. вышло, подъ наблюденіемъ Николая Герасимовича Устрялова, третье изданіе моихъ сочиненій, въ 2-хъ частяхъ.

Все, написанное мною послѣ этого, оставалось до сихъ поръ не изданнымъ ¹⁾.

Получили извѣстность только посланные мною стихи, по случаю юбилея с.-петербургскаго университета, 8 октября 1869 года.

Стихотвореніе это, розданное въ отдѣльныхъ оттискахъ всѣмъ 750 присутствовавшимъ на юбилейномъ обѣдѣ С.-Петербургскаго университета 8 февраля 1869 года, было потомъ напечатано въ книгѣ, оза-

¹⁾ Изъ нихъ сорокъ шесть стихотвореній являются въ настоящей книгѣ „Русской Старинѣ“, изд. 1885 г., январь; прочее явится въ послѣдующихъ книгахъ нашего же изданія. Ред.

главленной «Юбилейный Актъ Императорскаго С.-Петербургскаго университета». Собравшееся же къ празднеству общество, въ тотъ же вечеръ, отозвалось ко мнѣ въ двухъ телеграммахъ такъ сочувственно, какъ я вовсе не смѣлъ ожидать.

Въ память этого юбилея выбита медаль и на ней помѣщены изъ моего стихотворенія два заключительные стиха:

Гдѣ высоко стоитъ наука
Стоитъ высоко человѣкъ!

А. И. Подолинскій.

Примѣчаніе ред. Вотъ тѣ телеграммы, о которыхъ упоминаетъ нашъ маститый поэтъ:

— Кіевъ. Андрею Ивановичу Подолинскому. 750 старыхъ студентовъ, празднующіе за общимъ обѣдомъ юбилей Петербургскаго университета, приведены въ восторгъ вашимъ поэтическимъ откликомъ юбилею. Они сердечно благодарятъ васъ, жалеютъ о вашемъ отсутствіи и заочно обнимаютъ. Распорядители обѣда: И. И. Домонтовичъ, М. Н. Любошинскій, М. Ф. Гедда, А. С. Вороновъ, В. Е. Краузольдъ, графъ К. И. Паленъ, Д. В. Бергъ, графъ Н. Ф. Литке. Петербургъ, въ залѣ Дворянскаго собранія. 8 го февраля 1869 года.

— Кіевъ. Андрею Подолинскому. Благодаримъ, помнимъ, гордимся вашими прекрасными произведеніями отъ имени наставниковъ и товарищей бывшаго благороднаго при Петербургскомъ университетѣ пансіона. 8 февраля 1869 года. Александръ Струговщикова. Спб. Никольская, д. Пела.

II 1).

Знакомство съ А. С. Пушкинымъ и бар. А. И. Дельвигомъ.

«...Я съ раннихъ поръ далъ себѣ слово избѣгать всякой журнальной стачки, не входить ни въ какую полемику и не принадлежать ни къ какой исключительной литературной партіи. Да и вообще я мало водился съ записными литераторами, предпочитая имъ знакомства въ обществѣ, а въ особенности небольшой товарищескій кругъ по университетскому пансіону. Нѣкоторые изъ составлявшихъ эти дружескія сходки, называвшіяся у насъ ассамблеями, имѣли впоследствии почетную извѣстность, а гениальный М. И. Глинка постоянно въ нихъ участвовалъ и часто приводилъ въ восторгъ или возбуждалъ общую веселость своими вдохновенными импровизаціями.

Если же до размовки моей съ барономъ Дельвигомъ, о которой упомяну

¹⁾ Помѣщаемая здѣсь статья есть отрывокъ изъ разсказа А. И. Подолинскаго, напечатаннаго въ „Русскомъ Архивѣ“ 1872 г.

иже, я посѣщаль постоянно его еженедѣльные вечера, этому были совершенно другія причины. Небольшое, собиравшееся у барона, общество мнѣ вообще нравилось, и въ особенности въ немъ пріятны были нерѣдкія встрѣчи съ Пушкинымъ и Мицкевичемъ ¹⁾, доставившія мнѣ возможность нѣсколько ближе съ ними сойтись.....

На этихъ же вечерахъ мнѣ неоднократно случалось слышать продолжительныя и упорныя пренія Пушкина съ Мицкевичемъ, то на русскомъ, то на французскомъ языкѣ. Первый говорилъ съ жаромъ, часто остроумно, но съ запинками, второй тихо, плавно и всегда очень логично.

Мицкевича я встрѣтилъ въ первый разъ на вечерѣ у В. Н. Щастнаго, хорошаго переводчика нѣсколькихъ его стихотвореній ²⁾. Поэтъ, тогда уже знаменитый, молча курилъ въ уголку, такъ что я не вдругъ его замѣтилъ. Когда же былъ ему представленъ, онъ произвелъ на меня самое пріятное впечатлѣніе своею скромною привѣтливостію и добродушною простотою обращенія. Послѣ этого знакомства я бывалъ и у него и всегда съ особеннымъ удовольствіемъ. Въ сороковыхъ годахъ, по напечатаніи моей поэмы «Смерть Перн», какой-то пріѣзжій изъ Варшавы сообщилъ моему отцу помѣщенный въ одномъ изъ польскихъ журналовъ переводъ большого отрывка изъ этой поэмы, увѣряя, что онъ переведенъ Мицкевичемъ. Справедливо-ли это, я, къ сожалѣнію, не имѣлъ возможности удостовѣриться, но переводъ вѣренъ и необыкновенно хорошъ.

Въ 1824 году, по выпускѣ изъ Петербургскаго университетскаго пансіона, я ѣхаль, въ концѣ іюля, съ Н. Г. К. къ роднымъ моимъ въ Кіевъ. Въ Черниговѣ мы ночевали въ какой-то гостинницѣ. Утромъ, войдя въ залу, я увидѣлъ въ сосѣдней, буфетной комнатѣ, шагавшаго вдоль стойки молодого человѣка, котораго, по мѣсту прогулки и по костюму, принялъ за полового. Нарядъ былъ очень не представительный: желтые, нанковые, небрежно надѣтые шаровары и русская цвѣтная, измятая рубаха, подвязанная вытертымъ, чернымъ шейнымъ платкомъ; курчавые, довольно длинные и густые волосы развѣвались

¹⁾ Однажды у Дельвига, проходя гостинную, я былъ остановленъ словами Пушкина, подлѣ котораго сидѣлъ Шевыревъ: „Помогите намъ сострипать энграмму“... Но я спѣшилъ въ сосѣдную комнату и упустилъ честь сотрудничества съ поэтомъ. Возвратясь къ Пушкину, я засталъ дѣло уже оконченнымъ. Это была знаменитая энграмма: „Въ Элизіи Василій Тредьяковскій“. Насколько помогъ Шевыревъ—я, конечно, не спросилъ.

Въ другой разъ, у Дельвига же, Пушкинъ сталъ, шута, сочинять пародію на мое стихотвореніе.

А. П.

²⁾ Ред. „Русской Старины“ приобрѣла отъ вдовы Щастнаго нѣсколько замѣчательныхъ и обширныхъ автографовъ А. С. Пушкина.

Ред.

III.

Замѣтии Н. В. Гербеля.

...Въ 1827 году вышла въ свѣтъ первая поэма Подолинскаго «Дивъ и Пери», встрѣченная единодушными похвалами журналовъ. Этотъ успѣхъ свелъ его съ нѣкоторыми изъ литераторовъ, въ томъ числѣ съ Пушкинымъ и Дельвигомъ, изъ которыхъ первый отнесся къ нему при встрѣчѣ самымъ радушнымъ образомъ, а со вторымъ онъ сошелся еще ближе, помѣщая свои стихотворенія въ его «Сѣверныхъ Цвѣтахъ» 1828—1830 годовъ, причемъ бывалъ у него очень часто, независимо отъ еженедѣльныхъ вечеровъ, на которые собирался у него избранный литературный кружокъ. Дружба эта продолжалась до появленія въ печати, въ 1830 году, новой поэмы Подолинскаго «Нищій», вызвавшей самыя оживленные и противурѣчивыя споры. Дельвигъ оказался въ числѣ порицателей—и его рецензія, довольно рѣзкая и заносчивая, разорвала навсегда дружественныя отношенія двухъ поэтовъ. Въ 1829 году Подолинскій напечаталъ свою стихотворную повѣсть въ двухъ частяхъ «Ворскій», а въ началѣ 1831 года оставилъ службу въ Петербургѣ и переехалъ въ Одессу. Вѣстѣ съ тѣмъ въ журналахъ, альманахахъ и сборникахъ того времени стали появляться его мелкія стихотворенія, отличавшіяся необыкновенною гладкостью и звучностью стиха, изъ которыхъ три: «Гурія», «Отчужденный» и «Сиротка», напечатанныя въ 9-й книжкѣ «Библиотеки для Чтенія» на 1836 годъ, обратили на себя общее вниманіе.

Напечатавъ въ 3-мъ № «Библиотеки для Чтенія» на 1837 годъ свою новую поэму «Смерть Пери», Подолинскій, въ концѣ того же года, издалъ въ Петербургѣ первое собраніе своихъ стихотвореній подъ заглавіемъ: «Повѣсти и мелкія стихотворенія», куда вошло все написанное имъ по 1837 годъ. Большинство журналовъ, въ томъ числѣ «Библиотека для Чтенія», «Сѣверная Пчела» и «Одесскій Вѣстникъ, встрѣтили появленіе книги весьма благосклонно. Весной того же года Подолинскій объѣхалъ Крымъ—и результатомъ этой поѣздки былъ рядъ стихотвореній, а въ томъ числѣ и лучшія изъ нихъ: «Переѣздъ черезъ Яйлу», напечатанное въ 7-мъ томѣ «Современника» на 1837 годъ, «Дружба», помѣщенное въ «Библиотекѣ для Чтенія» (1838, № 10), и «Мелодія», «Цвѣты» и «Стансы», появившіяся, два года спустя, въ «Утренней Зарѣ» на 1839 годъ. Затѣмъ стихотворенія его перестали встрѣчаться на страницахъ журналовъ до самаго 1855 года, когда севастопольскія событія побудили его прервать молчаніе и помѣстить въ 12-й книжкѣ «Отечественныхъ Записокъ» того же года послѣднее свое стихотвореніе: «Союзникамъ». Полное собраніе его сочиненій, съ приобщеніемъ 37 новыхъ стихотвореній, издано Н. Г. Устряловымъ, подъ заглавіемъ: «Сочиненія А. И. Подолинскаго. Двѣ части. Спб. 1860».

IV.

Замѣтки А. И. Подолинскаго.

Въ изданіи Гербеля «Русскіе поэты» онъ сообщаетъ обо мнѣ вообще довольно вѣрныя свѣдѣнія. Разсказъ о первой встрѣчѣ съ Пушкинымъ въ 1824 году взятъ имъ изъ моей статьи въ «Русскомъ Архивѣ» изд. 1872 года. Въ ней же я упоминаю и о размолвкѣ съ Дельвигомъ, но Гербель сократилъ свою выписку, почему и объясненная мною настоящая причина этой размолвки оставлена имъ недосказанной. Кромѣ этого у Гербеля есть еще слѣдующія неточности: въ службу я поступилъ не въ 1825, а въ 1824 году, тотчасъ по выпускѣ изъ пансіона, а стихотворенія Гурія, Отчужденный и Сиротка напечатаны не въ «Библиотекѣ для Чтенія»: «Гурія» помѣщена въ «Сѣверныхъ Цвѣтахъ» 1830 года, а другія два—не помню гдѣ, но вѣроятно въ которомъ нибудь изъ альманаховъ или появились въ первый разъ въ Собраніи моихъ сочиненій въ 1837 году. Кромѣ напечатаннаго въ «Отечественныхъ Запискахъ» 1855 года стихотворенія «Союзникамъ» было еще, незадолго до крымской войны, помѣщено въ «Русск. Инвалидѣ» 1854 г. другое, озаглавленное: Передъ войной.

Упоминаемая статья въ «Русск. Архивѣ» была вызвана повѣствованіемъ: «Мое знакомство съ Воейковымъ» бывшаго Булгаринскаго фельетониста Бурнашова, помѣщеннымъ въ сентябрьской и октябрьской книжкахъ «Русскаго Вѣстника» 1871 года. Бурнашовъ столько обо мнѣ сочинилъ, что я, врагъ всякой полемики, вынужденъ былъ отозваться.

А. П.

V.

О поэзіи А. И. Подолинскаго.

Имя Подолинскаго было извѣстно въ иностранной прессѣ. Нерѣдко прѣѣзжавшіе изъ заграницы говорили ему, что находили въ тамошнихъ изданіяхъ, преимущественно нѣмецкихъ, переводы его мелкихъ стихотвореній и отрывковъ изъ Борскаго и др. повѣстей. Но собственно до насъ дошелъ только нѣмецкій переводъ стихотворенія «Природа», въ прежнемъ изданіи названнаго «Волшебница», и помѣщенная въ одномъ франкфуртскомъ журналѣ 1831 года небольшая статейка, озаглавленная: Litterature Russe. О нашей литературѣ выразилась она вообще не лестно, отзываясь о ней, какъ о только что вышедшей изъ варварства, подражающей всѣмъ возможнымъ европейскимъ литературамъ, преимущественно французской, а въ особенности Байрону. Слегка упоминаетъ она о нѣкоторыхъ русскихъ произведеніяхъ и называетъ имена Пушкина, кн. Вяземскаго, Крылова, Загоскина, Булгарина,

Свиньина, Погорѣльскаго и др. О Подолинскомъ говоритъ: Podolinsky déjà si avantageusement connu par deux poèmes Div und Peri et Borski, vient de faire paraître un nouveau roman en vers Nischtschii (le mendiant). Затѣмъ вкратцѣ, но вѣрно, изложено содержаніе этой повѣсти.

Und въ названіи поэмы Дивъ и Пери изображаетъ, что всѣ эти сообщенія, по всей вѣроятности, позаимствованы у нѣмцевъ.

Изъ упоминаній о поэзіи Подолинскаго въ польской журналистикѣ намъ извѣстенъ только, сообщаемый ниже, отзывъ Познанскаго журнала Tygodnik Literacki (№ 32, 5 ноября 1838 года) и прекрасный переводъ довольно большого отрывка изъ поэмы «Смерть Пери». Могло быть, что этотъ переводъ сдѣланъ Мицкевичемъ, такъ какъ онъ относился къ стихамъ г. Подолинскаго весьма сочувственно. Андрей Ивановичъ Подолинскій вспоминаетъ съ удовольствіемъ, что Мицкевичу въ особенности понравилось его, т. е. г. Подолинскаго, «Предвѣщаніе». Извѣстно, что Мицкевичъ самъ увлекался чудеснымъ, что доказываютъ его «Дяды» и «Панъ Твардовскій».

Tygodnik однако же говоритъ совершенно ошибочно, будто бы сюжетъ поэмы заимствованъ г. Подолинскимъ изъ Лалла-Рукъ Мура. «Мысль къ этой поэмѣ,—пишетъ намъ Андрей Ивановичъ,—подала «Смерть Ангела» Жанъ-Поль Рихтера. Содержаніе же у меня совсѣмъ другое и хотя «Пери» могла быть замѣнена Ангеломъ, но, благодаря цензурѣ, я вынужденъ былъ обратиться къ восточнымъ повѣрьямъ и перенести дѣйствіе на Востокъ, всегда впрочемъ увлекавшій мое воображеніе».

Вотъ выдержка изъ упомянутой выше статьи польскаго журнала о поэзіи Подолинскаго:

„Александръ Подолинскій. Одно изъ первыхъ мѣстъ въ числѣ російскихъ поэтовъ нынѣшняго времени занимаетъ Александръ Подолинскій. Онъ ученикъ Пушкина и частію замѣняетъ его потерю своимъ соотечественникамъ. Сила и пріятность слога, наслѣдственнаго, кажется, имъ отъ своего наставника, и нѣжность чувства суть отличительнѣйшею характеристикою его сочиненій, приобретающею имъ великое уваженіе у женщинъ. Къ числу значительнѣйшихъ сочиненій принадлежатъ его поэма: Смерть Пери, сюжетъ которой заимствованъ имъ изъ одного эпизода изданнаго Муромъ: Лалла-Рукъ. Не взирая на погрѣшности, какія можно было бы найти въ ея общности, она отличается изяществомъ отдѣльныхъ картинъ. Таково, между прочими, самое начало“.

Изъ журнала: „Tygodnik Literacki“, издающагося въ Познанѣ (№ 32-й, 5 ноября 1838).

Примѣчаніе. Александромъ Подолинскій названъ по ошибкѣ, безъ сомнѣнія потому, что онъ никогда не подписывался своимъ полнымъ именемъ, а только его первою буквою. Его имя и отчество не означены даже полностію и въ собраніи его сочиненій. Ту же ошибку въ имени повторилъ и покойный Гербель въ своемъ полезномъ сборникѣ: „Русскіе поэты“; онъ называетъ Подолинскаго Александромъ вмѣсто Андрей. Ред.

I.

На праадникъ пятидесятилѣтней годовщины основанія
С.-Петербургскаго университета

1869 г.

Изъ стороны родной, но дальной,
Бъ призыву дружному спѣша,
Тепло, отрадно и печально
Отозвалась моя душа.
Тамъ, гдѣ сойдетесь вы, какъ братья,
Подъ сѣнью взросліе одной,
И мнѣ бы не было изытѣя
Въ семьѣ, по чувству, не чужой ..

* * *

Не суждена мнѣ эта встрѣча!
На думу грусти пала тѣнь,
Но мыслью, сердцемъ, издавеча
Я съ вами праздную нашъ день.
День этотъ былъ уже когда-то,
Онъ канулъ въ безднѣ вѣковой,
И вдругъ воскреснулъ для возврата
Намъ нашей жизни молодой.

* * *

Чтобы, въ немногія мгновенья,
Душа опять пережила
Надежды, замыслы, волненья,
И все, чѣмъ юность такъ свѣтла,
Когда, казагъ съ, каждый въ правѣ
За трудъ отъ жизни много ждѣть,
И, можетъ быть, о самой славѣ
Мечту отважную питать!

* * *

Блаженъ, кто вѣруетъ, какъ вѣрилъ,
 Кто не обмануть жизнью былъ,
 И въ трудной съ ней борьбѣ не мѣрилъ
 Напрасно мужества и силъ,
 Кого же гнала безпощадно
 Судьба желѣзною рукой,
 Пускай междъ насъ дохнетъ отрадно
 Былой, безпечною весной...

* * *

Счастливы, нѣтъ-ли, все-жъ живые
 Еще мы сблизились хоть разъ,
 Но кругъ не полонъ... Гдѣ-жъ другіе,
 Быть можетъ, лучшіе изъ насъ?
 Ихъ тѣтливо ищетъ взоръ печальный,
 Имъ не услышать нашъ привѣтъ —
 Почтимъ же чашей поминальной
 И тѣхъ, кто былъ — кого ужъ нѣтъ!..

* * *

А ты, питомникъ строгой мысли,
 Ревнитель правды и труда,
 Свои лѣта вѣками числи;
 Какъ путеводная звѣзда,
 Свѣти отъ внука и до внука
 И ярче, ярче каждый вѣтъ,
 Гдѣ высоко стоитъ наука,
 Стоитъ высоко человекъ!

Кіевъ, 1869 г.

II.

Не вѣримъ мы ни въ рай, ни въ адъ,
 Но чья же сила, чья же злоба
 Невозмутимыя велятъ,
 Чтобъ жизнь окончилась у гроба?

Ужель, за зло, не знать добра,
 Ужели нѣтъ намъ воздаянья,
 И наши слезы и страданья
 Пустого случая игра?..

1879 г.

III.

Послѣ франко-прусской войны

1871 г.

Покорный голода мучительному кличу,
 Звѣрь хищный, бросившись внезапно на добычу,
 Трещущую грудь на части злобно рветъ,
 И съ жадностію кровь дымящуюся пьетъ,
 Но свой окончивъ пиръ, спокойный и безъ злости,
 Бросаетъ онъ въ гѣсу оглодаанныя кости;
 Ты не таковъ... о нѣтъ! Коварная рука
 Умѣла заманить врага издалека,
 И мышцы, между тѣмъ, безъ шума напрягая,
 Ты не задумался весь цвѣтъ родного края
 Безжалостно сомкнуть въ безчисленную рать,
 На семьѣ наложивъ унынія печать,
 Отъ мирнаго труда отторгнуть гражданина,
 Отнять у матери единственнаго сына,
 И всѣхъ ихъ заурядъ поставивъ подъ штыки,
 Надвинуть тучами громадныя поля
 Въ цвѣтущую страну, гдѣ грозди винограда,
 Смиренной хижинѣ надежда и отрада,
 Гдѣ, жизни полныя и дѣннаго труда,
 Роскошно разрослись густыя города,
 Храмя сокровища отъ вѣка и до вѣка,
 Какими только умъ гордится человѣка,
 И ты прошелъ по нимъ, какъ древній Остроготъ,
 Гоняя ужасомъ обнищенный народъ;
 Гдѣ-жъ былъ тебѣ отпоръ отважнѣй и честнѣе,
 Ты, безъ стыда, вазнилъ и мстительнѣй и злѣе;
 Пощады не нашлось ни старцу, ни женѣ;
 Твой мечъ свирѣпствовалъ повсюду наравнѣ,
 Огонь твой жегъ равно и селы и твердыни;
 Сады, лѣса, поля ты обратилъ въ пустыни,
 Усыпалъ трупами и кровью напоилъ,
 Чтобъ долго, изъ среды безчисленныхъ могилъ,
 Еще дышала смерть заразою тлѣтворной,
 И, наконецъ, врагу даруя миръ позорный,
 Еще не сытый ты жестокииъ торжествомъ,
 Свой подвигъ заключилъ всеобщимъ грабежемъ!..
 Доволенъ?.. Гдѣ же всѣ, кого ты велъ съ собою,
 Не придуть-ли сюда, рыдающей толпою,
 И изъ твоей земли сестра, супруга, мать
 Межъ трупами враговъ и тѣлъ родныхъ искать,
 Чтобъ, послѣ, возвратясь въ домъ скорбно-опустѣлый,
 Безрадостно влачить свой вѣкъ осиротѣлымъ!..

Что-жь вызвало тебя? Необходимость? Рокъ?..
 Дать человечеству кровавый твой урокъ,
 Высокій-ли порывъ, или помысль тщеславный,
 Что твой могучій умъ не встрѣтитъ силы равной,—
 Вопросъ не разрѣшенъ; свой безпристрастный судъ
 Потому нѣкогда пускай произнесутъ;
 Мы не услышимъ ихъ суда и приговора,
 Достойнъ славы ты или тяжкаго укора,
 Но знаемъ проклять былъ блестящій твой погромъ
 И въ племени враговъ — и въ племени твоёмъ!

1871 г.

IV.

Во время парижской коммуны

1871 г.

Когда еще дымится пламя
 Изъ грудь разваливъ здѣсь и тамъ,
 И гордо вражеское знамя,
 Гроза, повсюду блещетъ вамъ,
 Въ борьбѣ измучившись упорной,
 Пора вамъ было бы понять,
 Предъ Кѣмъ вы голову покорно
 Должны, смиряясь, преклонять!

* * *

А вы... кровавый, долгій опытъ
 Васъ ничему не научилъ,
 Онъ только гнѣвъ и злобный ропотъ
 Въ тщеславномъ сердцѣ раздражилъ;
 Привыкъ народъ вашъ бранной славой
 Хвастливо міру угрожать,
 Но въ чемъ еще нашелъ онъ право
 Себя великимъ называть?

* * *

Теперь вамъ жалъ померкшей чести,
 Вѣнца, который сорванъ былъ,
 Душа горитъ, алкая мести,
 Но вѣдь для мести надо силъ!
 О братствѣ міру вы шумѣли,
 Такъ почему-жь, съ терпѣньемъ, вновь
 Сомкнуться братски не сумѣли,
 Чтобъ стать за честь свою и кровь!

* * *

Не-оскорбилъ бы васъ укоромъ
 Никто; нещастье не позоръ,
 Но васъ клеймить теперь позоромъ
 Кормыстный, буйный вашъ раздоръ.
 Насмѣшкой стали ваши власти,
 Вы робко черни отдались,
 Чтобы распушенные страсти
 Потокомъ грознымъ разлились.

* * *

Въ своей безсмысленной боляни,
 И въ самомъ мщеніи слѣпа,
 Уже неправедныя казни
 Рѣшаетъ звѣрская толпа.
 Въ ней живы кровавыхъ дѣлъ наследники,
 И грезы вашихъ мудрецовъ
 Ея голодный проповѣдникъ
 На дѣлъ выполнить готовъ.

* * *

Смотрите — вотъ уже краснѣеть
 На флагъ той зари восходъ,
 Которой вслѣдъ воспламенѣтъ,
 Быть можетъ вновь, постыдный годъ,
 Когда, что день стучала плаха,
 Какъ смѣхъ отвѣтомъ былъ на плачь.
 И цѣпенѣлъ не разъ отъ страха
 И самъ трепещущій палачъ...

* * *

Въ недоумѣннн ждемъ тревожно.
 Куда злой геній васъ ведетъ,
 Ужель не бросить путь свой ложный
 Вашъ легкомысленный народъ?
 Опомнись, могъ бы онъ поруку
 Хотя за будущее дать,
 Чтобы протянуть вамъ смѣло руку,
 А не какъ Паріевъ бѣжать!..

1871 г.

V.

П о р а!

Покуда Франція, подъ ужасомъ разгрома,
 Казалась къ гибели стремительно несомая,
 Хоть ею брошено и много міру зла,
 Участиемъ къ себѣ она еще влекла,
 Нежданный ей ударъ на сердце падалъ больно.
 За человѣка въ ней скорбѣли мы невольно...
 Но вотъ затихнула свирѣпая война,
 Вздохнуть бы легче ей... Что-жъ дѣлаетъ она?
 Въ безсильной ярости какой-то Демонъ злобный
 Внезапно въ ней зажегъ раздоръ междоусобный:
 Встааетъ на брата брата, и полилася вновь
 На улицахъ, въ домахъ, своя, родная кровь...
 И внемля издали всходящей бури шуму,
 Не надобно-ль и намъ подумать крѣпко думу?
 Постыдны ихъ дѣла, но, истину любя,
 Красить-ли намъ за нихъ иль больше за себя?
 Ужели мы еще народа не узнали,
 Которому досель упорно подражали!

Какъ шли мы сотню лѣтъ за этимъ образцомъ,
 Рѣчь исторически-правдиво поведемъ:
 Себя преобразить стремяся безразсудно,
 Чужое все сперва мы прививали трудно,
 Неповоротливо работали умы,
 За вѣишностью одной погнались жадно мы,
 Надѣли парики, роброны и кафтаны
 И выглянули въ нихъ прямиа обезьяны;
 Да чтобы сгладилась смѣшная старина,
 Коверкать начали родныя имена,
 Сталъ Теодоромъ вдругъ нашъ неуклюжіи Федя,
 Зашаркалъ съ ловкостью ученаго медвѣдя,
 Хвастливо пару книгъ безнравственныхъ прочелъ,
 Но дальше этого сначала не пошелъ,
 Ни бывшій куафѣръ, ни бѣглый изъ Бисетра
 Не создалъ изъ него прямого петиметра
 И какъ ни силился нашъ матушкинъ сынокъ,
 Коварной буквы N преодолѣть не могъ.

Но вотъ, наставники грядущихъ русскихъ франтовъ,
 Нахлынули толпы голодныхъ эмигрантовъ;
 Науки къ намъ внесли, какъ перышко легки,
 Но остроуміемъ любезнымъ далеки,
 Растолковали намъ, что мы еще не люди,
 Что сердце русское не встаетъ въ русской груди:
 Что выбросить пора негодный этотъ грузъ,
 А мыслить, чувствовать свободно, какъ французъ;

И понесли мы дичь о вольности, свободѣ,
 Безчинствуя въ семьѣ, свирѣпствуя въ народѣ...
 Усвоивъ отъ пеленъ языкъ себѣ чужой,
 Мы начали ломать съ презрѣньемъ свой родной,
 Бѣжали въ перегонъ къ прилипчивой заразѣ,
 Ловили легкой умъ мы въ заученой фразѣ,
 И кто рожденъ глупцомъ—сталъ тонокъ и остеръ
 Затѣмъ, что въ немъ засѣлъ незримо гувернеръ.

Шли годы и успѣхъ нашъ двигался съ годами,
 Заглядывать въ Парижъ мы начали и сами.
 Былъ доступъ долго намъ къ Парижу трудноватъ,
 Но вѣкъ чудесъ насталь—изъ мчавшихся громадъ
 Паръ свиснулъ—грязные бросаеми мы проселемъ,
 И одурѣвъ, летимъ на свистъ, какъ перепелки;
 Сбылася наконецъ давнишняя мечта
 И вотъ въ желанный рай дверь настаетъ отперта.
 Стремленіемъ къ нему настойчиво упрямы,
 Определивъ всѣхъ примѣромъ наши дамы,
 Умѣнья подражать мѣръ изумимъ ихъ даръ:
 Въ Булонской рошицѣ, въ Мабилѣ, у Мюзаръ
 Недавно чопорной и чинной москвитянки
 Теперь не отличишь отъ кровной парижанки;
 Она, изъ царства модъ живой хамелеонъ,
 Движенія, поступъ, взглядъ, чудовищный шиньонъ,
 Умѣла все занять у львицъ изъ полусвѣта,
 Блеснула легкостью прозрачной туалета
 И раздражая страсть и соблазняя взоръ,
 Двусмысленный ведетъ игриво разговоръ ..

Переродился вдругъ и бывший нашъ повѣса,
 Наткнувшійся въ кафе на проповѣдь прогресса.
 Обищившійся мотъ сталъ ярымъ либераль,
 Поборникомъ труда, налегъ на капиталъ
 И началъ толковать, вступая жарко въ споры,
 Что власть чудовище, а собственники воры...

Въ пустыхъ теоріяхъ блудящаго ума
 Затмѣніе и къ намъ прокралось, какъ чума,
 Подъ бѣшеный смычокъ заплѣли наши струны;
 Коммуны тамъ дались—и мы кричимъ: коммуны!
 Все гнило старое, все прежнее долой!
 Чтобъ рухнулъ безъ слѣда складъ жизни вѣковой.
 Насмѣшкою влеймимъ преданія, искусство,
 И вѣру, и семью, и строгій долгъ, и чувство...
 Какъ гибельный самумъ надъ свѣжимъ цвѣтникомъ,
 Духъ смуты и на насъ пахнулъ своимъ крыломъ,
 На зло и на добро навелъ недоумѣнье
 И въ разрушеніи онъ указалъ спасенье...

Еще-ли не пора опомниться и намъ?
 Страхнуть съ могучихъ плечъ давно гнетущій срамъ.
 Подъ нашимъ широко раскинувшимся сводомъ

Подвинуться впередъ, не пѣшкою, народомъ
И сердцемъ горячо родное полюбя,
Сказать самимъ себѣ, увѣруя въ себя,
Что губернерства мы попрежнему не просимъ
И голову свою—а не чужую носимъ!

Мартъ 1871 г.

VI.

Я знаю — духъ отъ тѣла отлетитъ,
Но я не вѣдаю, что скрыто въ мирѣ новомъ,
Лучъ вѣчной-ль истины мнѣ душу просвѣтитъ
Или на вѣки мгла затмитъ ее покровомъ?
И мудрость высшую я сознаю, пока
Блуждаетъ умъ въ невѣдѣнны туманно,
Иначе смерть была-бъ томительно желанной
Или земная жизнь чрезъ мѣру дорога.

1871 года.

VII.

Будущее преданіе ¹⁾

(1858 г.).

Посмотри на бѣдныхъ,
Какъ ихъ солнце жжетъ,
Съ лицъ худыхъ и блѣдныхъ
Каплетъ крупный потъ;

* * *

Трудъ бы имъ не страшень,
Да лиха бѣда:
Для господскихъ пашень
Не стасть труда.

* * *

Поля черезъ силу,
Дологъ барскій день,
Радъ бы хоть въ могилу,
Только-бъ сонъ да тѣнь!..

* * *

¹⁾ Написано за два года до освобожденія крестьянъ.

А дождался ночи,
 Не засни, смотри,
 Есть-ли, нѣтъ-ли мочп,
 Гонять до зари.

* * *

До родной берлоги,
 Подъ вечерней мглой,
 Чуть дотащуть ноги.
 А пришелъ домой,

* * *

Дѣтушки малыя
 Голодны не разъ.
 „Охъ, мон родныя,
 Право не до васъ!“

* * *

Силы нѣтъ старухѣ
 И на столъ набрать,
 Дашь имъ по краюхѣ,
 Лишь бы ротъ зажать.

* * *

Хнычуть понемногу,
 Ажъ-но жаль бѣднягъ..
 Согрѣшили Богу,
 Видно быть ужъ такъ!..

Баринъ отоспался
 Послѣ сытныхъ блюдъ,
 Поглядѣть собрался,
 Какъ дѣла идуть.

* * *

Въ поле выѣзжаетъ,
 Тихо тамъ, свѣжо,
 Въ сумракѣ мелькаетъ
 Что-то хорошо.

* * *

Тамъ, гдѣ на просторѣ,
 Сыпья валъ на валъ,
 Золотое море
 Вѣтеръ колыхалъ.

* * *

Живна, какъ не стало,
 А вблизи, вдали,
 Словно войско встало
 Чудомъ изъ земли.

* * *

Копны оглянулъ онъ,
 Кто ихъ перечесть,
 Налету смекнулъ онъ
 Будущій доходъ.

* * *

И душа бодрѣе,
 И въ глазахъ огонь,
 Подъ хлыстомъ быстрѣе
 Мчится къ дому конь...

* * *

Сумрачно-лѣниво,
 Сидя у окна,
 Муженьку тоскливо
 Говорить жена:

* * *

„Боже мой, какъ душно,
 Мѣста не найдешь,
 А ужъ скучно, скучно,
 Отъ тоски умрешь!“

* * *

„Погоди немножко
 Умирать съ тоски,
 Стелютъ намъ дорожку
 Въ городъ мужички“.

* * *

„Экой благодати
 Нынче Богъ послалъ!..
 А каевхъ я кстатъ
 Рысаковъ сыскалъ“.

* * *

Маковымъ цвѣточкомъ
 Расцвѣла жена,
 Къ мужу мягкой щечкой
 Нѣжно льнетъ она,

* * *

И на свѣтлыхъ крыльяхъ
 Унеслись въ мечтахъ,
 Дама о мантильяхъ,
 Мужъ—о рысакахъ.

VIII.

Быстро льется время дорогое,
Незамѣтно, безпощадное, уходитъ,
Отодвинулось далеко все бывшее,
Настоящее раздумье мнѣ наводитъ...

* * *

Грустно жизнь слѣжу я отъ начала,
Все въ ней было тщетно или ложно,
Не нашла душа чего искала,
А еще волнуется тревожно.

* * *

Просить-ли борьбы и боли вѣчной,
Отдыха-ль усталой просить силъ,
Жить-ли бѣ ей хотѣлось безконечно,
Иль на вѣкъ забыть себя въ могилѣ?...

1871 г.

IX.

Два направленія.

Онъ тихо несся надъ землею,
Надъ нимъ сіялъ небесный сводъ,
И сыпалъ, щедрою рукою,
Цвѣты и перлы онъ въ народъ.

* * *

Своимъ божественнымъ явленьемъ
Въ-едино души онъ сливалъ,
И рукоплещя съ увлеченьемъ,
Народъ во слѣдъ ему бѣжалъ.

* * *

Вдругъ чей-то крикъ его встрѣчаетъ:
Кому дары твои нужны?
Въ цвѣтахъ не золото сіяетъ
И въ этихъ перлахъ нѣтъ цѣны!

* * *

Онъ, полнымъ слезъ и грусти, взоромъ
Отвѣтилъ крику—и исчезъ
Полугасшимъ метеоромъ
Во глубинѣ своихъ небесъ...

* * *

Толпа поникла и смутилась,
И отлетѣвшаго ей жаль,
Но вотъ шумить и разступилась
Ея взволнованная даль.

* * *

И тощъ, какъ выходець изъ гроба,
Явился кто-то, полунагъ,
Въ очахъ завистливая злоба,
И смѣхъ циническій въ устахъ.

* * *

Ему, исчадью пошлой прозы,
Кто выше черни, всѣ враги,
И давить перлы, топчетъ розы
Тлѣтворный слѣдъ его ноги.

* * *

И гребъ онъ комья грязи черной
И эту грязь въ толпу бросалъ,
А легкомысленно-задорный
Народъ, какъ школьники, хохоталъ.

* * *

Но надъ другимъ глумясь лукаво,
Равно запятнавъ каждый бытъ,
И скоро для смѣшной забавы
Конецъ печальный наступилъ.

* * *

Наскуча грязь другъ въ другъ видѣть,
И друга другъ готовъ язвить,
И стало сердце ненавидѣть,
Отвыкнувъ вѣрить и любить!

* * *

Старикъ, вблизи глядя на это,
Вздохнулъ и молвилъ имъ съ тоской:
„Не цвѣсть тамъ жизни, гдѣ поэта
Смѣнилъ глумитель площадной!“

X.

Гляжу я на все хладнокровно,
И слушаю все равнодушно,
Грудь, кажется, бьется такъ ровно,
Лице такъ безстрастно-послушно...

* * *

И море—нѣмая равнина—
Какъ бури затихнетъ тревога,
Но стонетъ-ли въ безднѣ пучина,
Спроси у нея—да у Бога!

1861 г.

XI.

Ночное небо.

Когда я на звѣздное небо
Смотрю въ безмятежную ночь,
Скользя отъ свѣтила къ свѣтлу
Задумчивымъ взоромъ,
И робкая мысль измѣряетъ
Огромность несчетныхъ мировъ,
Огромность пустынь между ними,
Съ другими звѣздами, невидными глазу,
Сначала я весь созерцанье,
Сначала я весь наслажденье,
Но вдругъ мое сердце занеетъ
Сперва безогчетною грустью,
А тамъ и глубокой тоскою,
Затѣмъ ли, что немощно стою
Предъ этой, могучей и вѣчной,
Широко разлитой жизнью
Я будто внезапно сознаю
Ничтожность мою и безсилье,
И все, что казалось мнѣ счастьемъ,
И все, чѣмъ въ себѣ я гордился,
Мнѣ станетъ смѣшно и печально...
Или не отраднѣе-ль вѣрить,
Что тамъ, на звѣздахъ недоступныхъ,
Живутъ тѣ созданья, которыхъ
Богда-то и гдѣ-то любилъ я,
Душа ихъ присутствіе чувствуетъ,
Къ нимъ рвется, за ними тоскуетъ,
Но тайны великой, до срока, она
Довѣрить уму не должна!

1859 г.

XII.

Пока души своей въ горнилѣ
 Поэтъ сплавлялъ блестящій стихъ,
 Онъ, цѣнный, былъ въ ходу и силѣ,
 Но соблазнилъ мастеровыхъ,
 Рифмачъ поддѣлался къ поэту
 И пренебрегъ поэтомъ свѣтъ,
 Такъ чрезъ фальшивую монету
 И къ неподдѣльной вѣры вѣтъ.

1859 г.

XIII.

Кіевъ—Москвѣ.

Я возникъ золотоголовый
 На священныхъ высотахъ,
 Былъ я первенецъ державы,
 Русь выросла въ моихъ стѣнахъ.
 Съ той поры надъ сѣдиною
 Много бурь перенеслось,
 И съ тобой, меньшей сестрою,
 Царство русское слилось;
 Я дряхлѣлъ—а ты мужала,
 Вянуть я—а ты цвѣла,
 Вкругъ меня вражда пылала,
 А къ тебѣ любовь росла.
 Я, какъ памятникъ пустыни,
 Сиротѣ въ землѣ родной,
 И, не будь во мнѣ святыни,
 Я бы сталъ тебѣ чужой!
 Отчего же ты молчала
 Какъ родную отъ меня
 Тихомолкомъ оттѣсняла
 Намъ враждебная семья?
 Ты смотрѣла безучастно
 Какъ ложился тяжкій гнетъ,
 Широко и самовластно,
 На подавленный народъ;
 Надъ Волынью, надъ Подоломъ
 До святыхъ воротъ моихъ,
 Тайныхъ замысловъ символомъ,
 Шли ряды крестовъ чужихъ ¹⁾,

¹⁾ По всѣмъ дорогамъ и перекресткамъ ксендзы и папы ставили большіе католическіе кресты.

И въ надменномъ поруганьи,
Въковымъ правамъ моимъ,
Древней Руси достоянье
Называлъ полякъ своимъ!

Съ каждымъ днемъ крамола крѣпша,
Но еще вблизи меня,
Какъ межъ гаснущаго пепла,
Отъ забытаго огня,
Искры яркія таились,
И, сверкая здѣсь и тамъ,
Непріязненно свѣтились
Возрастающимъ врагамъ;
Въ комъ-же рдѣлъ тотъ чистый пламень?
Кто, недрогнувшей рукой,
Поднималъ народный знаменъ
Надъ запуганной толпой?
Мало тѣхъ—но Богъ разсвѣлялъ
Широко ихъ скудный кругъ ¹⁾,
Чтобъ врагу противудѣлялъ
Старой преданности духъ,
Чтобъ народъ безъ колебанья,
Сознавалъ твои права,
Въ этомъ родственномъ сознаньи
Я живу—и ты Москва!

1862 г.

XIV.

Бойкій вальсъ звучитъ изъ зала,
Весь въ огняхъ сосѣдній домъ,
И въ живомъ разгарѣ бала,
Говоръ движется кругомъ.

* * *

Свѣтъ моей лампы скромной
Чуть проникъ ночную мглу,
Сквозь окно узоръ огромный
Мѣсяцъ пишетъ на полу.

* * *

Гдѣ-жъ вѣрнѣй для мысли пища,
Гдѣ свободнѣй для души,
Въ блескѣ ль шумнаго жилища
Иль въ моей нѣмой тиши?

1871 г.

¹⁾ Русскихъ землевладѣльцевъ.

«РУССКАЯ СТАРИНА», ТОМЪ XLV, 1885 Г., ЯНВАРЬ.

XV.

Встрѣча.

Когда-то я тебя любилъ
И нѣжно ты меня любила,
Базалось намъ одна могила
Погасить страстный этотъ пылъ...

* * *

Рѣшились иначе судьбы:
Разсчетамъ власти равнодушной
Ты покорилася послушно,
И увядала безъ борьбы.

* * *

Меня въ волненье бросилъ рокъ,
За страстью страсть во мнѣ пылала,
И жизнь насмѣшливо давала
Мнѣ долго строгій свой урокъ.

* * *

Минуло много лѣтъ потомъ,
И годъ отъ года сердце стыло,
И тѣхъ, кого оно любило,
Тускнѣя, гасла память въ немъ.

* * *

И ты мой идолъ, ты мой богъ,
Твой ликъ мелькалъ еще въ туманѣ,
Но прежней муки въ старой ранѣ
Онъ расправить уже не могъ.

* * *

И что же?... Встрѣтились мы вновь
И сердце дрогнуло невольно,
Его такъ радостно, такъ больно,
Смутила давняя любовь.

* * *

Безстрастно шелъ нашъ разговоръ,
Душа таилась боязливо,
Но говорилъ краснорѣчиво
Печальный, долгій, теплый взоръ:

* * *

„Забудь, что помнить нелегко,
„Чѣмъ жизнь блеснула намъ ошибкой!“
И вздохъ, подавленный улыбкой,
На сердцѣ замеръ глубоко...

XVI.

М. С. П—ой.

Еще, въ неопытныхъ лѣтахъ,
 Тебя манить твоя мечта
 Туда, гдѣ въ яркомъ вихрѣ свѣта
 Шумить и блещеть суета.
 Я понимаю, другъ мой милый,
 Какъ упонтелень, какъ живъ,
 Какой могущественной силой
 Тебя влечетъ его призывъ;
 Но онъ коварень, лжепривѣтенъ
 Себялюбивый этотъ свѣтъ,
 И я бы желалъ, чтобъ незамѣтенъ
 Остался въ немъ твой легкій слѣдъ,
 Чтобъ въ немъ недолгое явленье
 Могла съ улыбкой вспомнить ты,
 И не подернулся тѣнью
 Твоя надежда и мечта.

1852 г.

XVII.

Отрывокъ изъ предисловія къ роману: „Наслѣдникъ Твардовскаго“.

1.

Не къ вамъ, читатель добродушный,
 Поэта баловень и другъ,
 Въ замѣну искреннихъ услугъ,
 Ему признательно-послушный,
 Не къ вамъ сначала рѣчь идетъ,
 Для васъ не нужно предисловія,
 Вы съ каждой книгою впередъ
 Не заключаете условій,
 Вамъ отдыхъ—чтеніе въ тиши,
 Порой защита противъ скуки,
 А можетъ быть отъ тайной муки
 На мигъ забвеніе души...

2.

Не прихотливы, не суровы,
 Улегшись въ мягкую постель,
 Летѣтъ за тридцать земель
 Вы вслѣдъ за вымысломъ готовы.
 Куда? Зачѣмъ?.. Докучный умъ
 Заранѣ съ музой не лукавить.

Пока, властитель ваших думъ,
 Поэтъ легко вниманьемъ править,
 Но если онъ измучилъ васъ,
 И не успѣлъ увлечь нисколько,
 Не прогнѣвайтесь вы—но только
 Свѣчу погасите тотчасъ.

3.

И вамъ, чьи ласки часто губятъ
 Жреца въискательныхъ Камень,
 И въ тайный, сладкій, долгій плѣнь
 Увлечъ неопытнаго любятъ,
 Кому, какъ дань, и я принесъ,
 Молясь, надѣясь и тоскуя,
 Такъ много думъ, такъ много слезъ,
 Вамъ предисловія не пишу я,
 Я васъ любилъ, такъ мнѣ-ль не знать,
 Что пальчикъ вѣтренный и нѣжный,
 Съ листа на листъ скользя небрежно,
 Привыкъ вступленья пропускать....

4.

Дитя души, благоуханный
 Цвѣтокъ поэта, равенъ ты
 Съ цвѣткомъ весны у красоты
 Своею участію странной;
 Она счастлива, какъ дитя,
 Принявъ на грудь питомца Флоры,
 Имъ дышетъ, очи опушта,
 На немъ покоить нѣжно взоры
 И вдругъ—случайный вѣтерокъ
 Уносить брошенный цвѣтокъ!..

1839 г.

XVIII.

Л а к е и.

Брось нелѣпыя затѣи,
 Оглядись и будь умнѣй,
 Люди, всѣ почти, лакеи,
 Только ихъ понять умѣй!
 Ихъ не двинешь къ цѣли дружно,
 Каждый въ жизнь науку внесъ,
 Чтобъ принизиться, гдѣ нужно,
 И поднять, гдѣ можно, носъ.

* * *

Вотъ смотри: лакей чиновный,
 Въ лентахъ, въ золотѣ, въ звѣздахъ
 Съ младшимъ вѣжливъ лишь условно,
 Передъ старшимъ въ попыхахъ.
 Вотъ противный плодъ татарства,
 Рабъ презрительныхъ страстей,
 Вотъ и чваннаго боярства
 Офранцузенный лакей.

* * *

Много ихъ! Ты самъ исчисли,
 Да и всѣхъ не перечесть,
 Ты и слугъ тщеславной мысли
 Между ними наберешь,
 Кто же, самъ себѣ безвѣстно,
 Ставъ рабомъ чужихъ идей,
 Служить имъ тепло и честно,
 Самый жалкій тотъ лакей!

1871 г.

XIX.

Г л и н с к и й.

Отрывокъ изъ исторической поэмы.

1.

Угасъ державный князь Василій,
 Кого, какъ друга, какъ отца,
 Любовью искренней любили
 Такъ долго вѣрныя сердца!
 Какъ неутѣшна, какъ уныла,
 Его Москва за гробомъ шла,
 И скорби тѣнь его могла
 На всю Россію навела.
 Но добрый князь, когда награда
 Есть тамъ за чистыя дѣла,
 Пускай бы тѣнь твоя могла
 Сойти еще на стогны града,
 Еще прислушаться къ молвѣ
 Въ твоей признательной Москвѣ.
 Царей, по смерти, судать строго,
 Но не осудится твой прахъ,
 Ни въ озлаченныхъ теремахъ,
 Ни въ сельской хижинѣ убогой.
 Тебя храни лишь только Богъ
 Въ свои палаты бросить взора,
 Чтобъ, оскорбленный, ты не могъ
 И въ гробъ вдрогнуть отъ позора!

2.

Ночь; надъ безмолвною Москвой
 Сталь ангелъ мира на сторожѣ;
 Мгла, сонъ повсюду; отчего же
 Не смято позднею порой
 Елены царственное ложе?
 Ее приводить, можетъ быть,
 Въ нвольный трепеть ложе вдовье,
 И на пустое изголовье
 Ей страшно голову склонить;
 Ей труденъ сонъ, гдѣ все такъ живо,
 Гдѣ вкругъ нея краснорѣчиво
 Могильный холодъ вѣетъ ей
 Воспоминаньемъ лучшихъ дней!
 Но нѣтъ; уже державы брѣми
 Умершимъ княземъ отдано
 Близъ года ей; врачуешь время,
 И много ранъ исцѣлено;
 И въ сердцѣ мужа, гдѣ, какъ въ морѣ,
 На самомъ днѣ ложится горе,
 И тамъ, отъ времени, оно
 Забвенью часто предано,
 А въ сердце женское не кинетъ
 Печаль недуга глубоко,
 Въ немъ горе такъ же скоро стынетъ,
 Какъ разгорается легко!

3.

Но что же сонъ бѣжитъ Елены?
 Что поздно бодрствуетъ она,
 Боярскихъ возней, иль измѣны
 Страшится робкая жена?
 Иль въ часъ, какъ сумракъ снами вѣетъ,
 Народнымъ благомъ занять умъ,
 И самый сонъ прервать не смѣетъ
 Святую цѣль державныхъ думъ?
 Кто знаетъ?... Но зачѣмъ волненье?
 Зачѣмъ же трепеть на устахъ,
 И грусть, и гнѣвъ, и нетерпѣнье
 Отпечатѣлися въ чертахъ?
 Въ ея движеньяхъ все нестройно,
 Она то ходитъ безпокойно,
 То станетъ вдругъ—чего-то ждетъ,
 То съ тяжкимъ вздохомъ на кивотъ,
 Одной лампадой озаренный,
 Возводитъ взоръ свой умиленный.
 Съ молитвой пасть готова ницъ,

Но вмигъ ея воображенье
 Какъ бы упрека выраженье
 Прочло въ молчаньи строгихъ лицъ;
 Она дрожить, она блѣднѣеть,
 И къ нимъ очей поднять не смѣеть,
 Тревоженъ взглядъ, тревоженъ слухъ,
 Въ лицѣ огонь и жгучъ и ярокъ,
 Дыханью воздухъ ночи жарокъ,
 Какъ будто степи южной духъ
 Надъ ней невидимыя крыла
 Хотѣлъ отъ зноя отряхнуть,
 И чтобъ свободнѣе вздохнуть,
 Она роскошно обнажила
 И плечи бѣлыя и грудь.

4.

О чемъ владычица чертога
 Твое волненье и тревога?
 Уже-ли грустнаго вдовства
 Нося личину передъ миромъ,
 Твоя державная глава
 Поникла втайнѣ предъ кумиромъ?
 И кто-же избранный тобой!
 Врагу-ль побѣдами онъ страшень,
 Или, возвышенный судьбой,
 Гражданской доблестью украшенъ?
 Или зажгли твои мечты
 Лишь юность, очи голубыя,
 И кудри, въ кольца завитыя,
 И станъ замѣтной красоты?
 Кто-бъ ни былъ онъ, кѣмъ дышешь ты,
 Пускай бы пламень твой сердечный
 Остался тайной вѣчной, вѣчной!..

5.

Но что за шумъ? Не это-ль онъ,
 Кто, не страшась нарушить сонъ,
 Въ опочивальнѣ въ эту пору
 Предсталъ правительницы взору?
 Какъ смѣлъ онъ поступью своей,
 Какая гордая надежда
 Примѣтно блещетъ изъ очей!
 На немъ небрежная одежда
 Кой-гдѣ въ пыли и при бедрѣ,
 Хитро татарининомъ насѣченъ,
 Мечъ блещетъ въ яркомъ серебрѣ...
 Желанный гость! О какъ онъ встрѣченъ,

Сбылись надменные мечты,
 Елены чувствует онъ трепеть
 И радостный, чуть внятый лепеть
 Ему шепнулъ:

Владиміръ, ты?

Оволенскій.

Поклонъ тебѣ отъ русской рати,
 И вмѣстѣ радостную вѣсть...

Елена.

О, послѣ, послѣ, Бога ради,
 На завтра, въ Думѣ время есть!
 Здѣсь наши дороги мгновенья;
 Одно скажи мнѣ, невредимъ
 Остался ты въ пылу сраженья?
 О, еслибъ могъ ты знать какимъ
 Мнѣ день казался вѣковымъ!

Оволенскій.

Но въ эту пору, вѣрный воинъ,
 Не за тебя ли я стою?
 Теперь я совѣстью спокоенъ,
 Я предъ народомъ оправдалъ,
 Что былъ не вовсе недостоинъ ..

Елена.

Передъ народомъ! Такъ! А мнѣ
 Чѣмъ за мои воздашь ты муки,
 За ожиданье, за боязнь...
 О, есть ли въ цѣломъ мірѣ казни
 Мучительнѣй тоски разлуки!

Оволенскій.

Клянусь, княгиня! честь и кровь...

Елена.

Здѣсь не княгиня, здѣсь—Елена!
 Не крови требуетъ любовь...
 И обнявъ другъ ея колѣна,
 Ея стремленьемъ увлеченъ,
 И втайнѣ ждетъ нетерпѣливо
 Своей побѣды горделивой...
 Какъ ясный день прекрасенъ онъ;
 Какъ юга ночь она прекрасна;
 Какой-то нѣгою полна,
 Томна, нѣжна и сладострастна

Ея улыбка; въ ней она
 Не полной радостью сияеть,
 Но грусть и радость сочетаетъ...
 Такъ неба южнаго луна,
 Любви наперстница и лѣни,
 Не сыплетъ вокругъ лучей своихъ,
 Не гонитъ прочь ночныя тѣни,
 Но ярко свѣтитъя сквозь нихъ.

6.

И кто-жъ, безумцы молодые,
 Изъ васъ счастливей въ этотъ мигъ?
 Ты-ль Оболенскій? ты достигъ
 Того, о чемъ и мысль другіе,
 Быть можетъ, лучше тебя,
 Со страхомъ гнали-бъ отъ себя!
 Самолюбивою душою
 Ты уживаешься вполне
 Симъ взоромъ, дышущимъ тобою,
 Боторый, съ солнцемъ наравнѣ,
 И для тебя еще недавно
 Былъ ослѣпительнъ;—но ты
 Елены страсти своенравной
 Сосредоточилъ всѣ мечты,
 И для себя, въ ея участи,
 Готовишь будущее счастье!
 Доволенъ ты!.. Но какъ она,
 Къ одной любви твоей ревнива,
 Какъ въ этотъ мигъ она счастлива!

7.

Зачѣмъ забвеніе прошло!
 Зачѣмъ такъ кратки наслажденья,
 Восторга мигъ—и вѣкъ мученья!
 Волненье новое тая,
 Вновь грудь Елены трудно дышать,
 И только жалобы ея
 Встревоженный любовникъ слышитъ:
 „На что мнѣ власть? Тщеславный звукъ!
 Гдѣ въ ней свобода? гдѣ въ ней сила?
 Была ли грудь, для тайныхъ мукъ,
 Недостижима какъ могла?
 Могу-ль теперь, когда хочу
 Хотѣ лишній часъ отдать покою,
 А я мгновенія плачу
 Такою страшною цѣною...
 О, для чего не вправѣ я

На вѣкъ отречься сана, славы
 И изъ всей моей державы
 Оставить одного тебя!
 Къ твоей любви, по крайней мѣрѣ,
 Тогда, счастливая вполне,
 Я бы осталась въ долгой вѣрѣ,
 А нынѣ, кто порукой мнѣ,
 Что и твое мнѣ сердце вѣрно?
 Быть можетъ, любишь лицемѣрно
 Во мнѣ ты только санъ и власть,
 Отъ нихъ награды ожидаешь,
 И самъ, невольно, презираешь
 Елены немощную страсть!..“

И испытующіе взоры
 Какъ будто силнѣли грудь
 Насквозь любимцу проглянуть...
 А онъ сомнѣнья и укоры
 Порывомъ смѣлымъ оразилъ,
 И страстный, трепетный, безъ силъ,
 Прильнулъ къ счастливцу станъ княгини,
 И страхъ забыть!.. Но пламень синій
 Въ лампадѣ съ трескомъ дрогнулъ вдругъ
 И предъ иконами потухъ,
 Какъ будто, вида преступленья
 Пречистой очи не снесли—
 И мѣсто жалкаго паденья
 Покровы мрака облекли...

8.

Заря; дрожащій свѣтъ изъ оконъ
 Въ опочивальню проглянулъ;
 Елена дремлетъ; пышный локонь
 Къ устамъ пылающимъ прильнулъ;
 Онъ грезы чудно въ ней волнуетъ
 Прикосновеніемъ нѣмымъ,
 И локонь свой она цѣлуетъ,
 Во снѣ обманутая имъ;
 Спустились немощныя руки,
 Откинуть шелковый покровъ,
 И слышны тихихъ, нѣжныхъ словъ
 Порой прерывистые звуки...
 Но день зажегъ края небесъ,
 Его лучи сквозятъ завѣсь,
 Елена тихо пробудилась,
 И взоръ недвижно устремленъ,
 Душа въ раздумье погрузилась:
 Что было истина, что сонъ?

И жаль ей стало страстной ночи
И вновь сомкнулись томно очи,
Невольно слезы сжали грудь,
И стало трудно ей вздохнуть.

●

9.

Что эти слезы? Есть другія:
И въ нихъ твоя, Елена, казнь,
Въ нихъ смертный холодъ, въ нихъ боязнь
И жгучи муки въ нихъ живмя.
Твоей любви, твоихъ ночей
Не скрылась тайна роковая
Отъ пронизательныхъ очей;
Изъ устъ въ уста перебѣгая,
Молва растеть и про позоръ
Уже лукаво шепчетъ Дворь...
Кто-жь торжествуетъ? Твой конюшій,
Избранникъ сердца твоего!
Какъ раболѣпно вокругъ него
Истцовъ придворныхъ вьются души!
Онъ сталъ могуществомъ своимъ
Заслугамъ страшенъ вѣковымъ,—
И какъ ни грустно, какъ ни больно,
Имъ было видѣть эту тѣнь,
Но уступали ей невольно
Престола первую ступень!

1830 г.

XX.

Да, конечно!.. Тоска одолеваетъ,
Сознаніе тяжелое гнететь,
Упорно умъ въ борьбѣ изнемогаетъ,
Но и мечта вновь къ жизни не зоветъ!

* * *

И для чего бы кровь закипятила снова,
Когда пора, и лучшая, прошла,
Безъ мощныхъ дѣлъ, безъ мощной силы слова,
Однѣми лишь надеждами свѣтла.

* * *

Пусть мысль была свободной мнѣ владыкой,
Пусть горячо прочувствовала грудь,
Что есть прекраснаго, что на землѣ велико,
Но чѣмъ же я свой обозначилъ путь?

* * *

То полный рвенія, то вдругъ сомнѣняемъ скованъ,
 Я въ дѣли шелъ, не вѣруя въ конецъ,
 И только былъ, какъ избраннымъ, дарованъ
 На склонѣ дней терновый мнѣ вѣнецъ!

1878 г.

XXI.

Сквозь грезъ мечтательнаго міра
 Мнѣ вдругъ раскрылся міръ иной,
 И вздрогнула тревожно лира,
 И сердце сжалось тоской...

* * *

Подъ необъятнымъ сводомъ неба
 Одинъ свирѣпствуетъ законъ:
 Не достаетъ тепла и хлѣба,
 Не умолкаютъ плачь и стонъ.

* * *

И алчно гибнущее племя
 Ждетъ погрузиться въ вѣчный сонъ,
 А вслѣдъ ему выводитъ время
 На жертву новый легионъ.

* * *

И такъ отъ вѣка и до вѣка,
 А мы увѣровать могли,
 Что создана для человѣка
 Вся прелесть жизни на земли!

* * *

Нѣтъ! безъ конца, безъ перерыва,
 Ему страдать, ему роптать,
 Пока на все, что въ мірѣ живо,
 Падеть ничтожества печать.

* * *

И, разъ прозрѣвъ, душа какъ прежде
 Уже забыться не должна,
 Скажи-жъ прости мечтамъ, надеждѣ,
 И оборвись моя струна!

1879 г.

XXII.

Безнадежность.

Куда судьба меня заброситъ,
 Не знаю я,
 Но ничего уже не просить
 Душа моя.

* * *

Напрасно я бы кинулъ взгляды
 На Божій свѣтъ,
 Нигдѣ надежды и отрады
 Мнѣ въ мірѣ нѣтъ!

* * *

Сложитъ тоскующія кости
 Пора давно,
 А на какомъ ни тлѣтъ погостѣ
 Мнѣ все равно!..

1882 г.

XXIII.

Въ альбомѣ княжнѣ К—ой.

Немногимъ жизнь желанное даетъ,
 Иныхъ она преслѣдуетъ жестоко,
 И счастливъ тотъ, кто путь ея пройдетъ
 Безъ тайныхъ слезъ, безъ жалобъ и упрека;
 Съ какой бы ты ни встрѣтилась судьбой,
 Но съ тѣмъ, что зло, презрительно и черно,
 Чтобъ не краснѣть за жизнь передъ собой,
 Веди борьбу отважно и упорно,
 Крѣпка въ душѣ добромъ и чистотой.

1877 г.

XXIV.

Отрывокъ.

Онъ сказалъ, нашъ врагъ лукавый,
 Русь богата, Русь крѣпка,
 Много жизни, много славы
 Общаются ей вѣка.

* * *

Въ храмахъ сходится въ-едино,
 Твердо вѣруетъ въ царя,
 Въ каждой груди селянина
 Льется кровь богатыря.

* * *

Все обширнѣй, все кипучѣй
 Стелеть волнъ своихъ потокъ,
 Скоро стануть для могучей
 Тѣсны Сѣверъ и Востокъ!

* * *

Чтожъ противу ей поставитъ
 Одряхлѣвшій западъ нашъ,
 Чьей судьбою втайнѣ правитъ
 Вольнодумецъ и торгашъ,

* * *

Гдѣ святыня, гдѣ свобода,
 Громкихъ словъ обманъ пустой,
 Гдѣ развратъ, среди народа,
 Породнился съ нищетой,

* * *

И завистливой душою
 Страшенъ хищному купцу,
 И грозить измѣной злою
 Незаконному вѣнцу!...

1853 г.

XXV.

Чуть теплится лампада,
 И сумрачно кругомъ,
 И ноетъ грудь тоскливо
 Упрекомъ о быломъ.

* * *

Къ чему же эти муки,
 Къ чему волненье вновь,
 И не пустыль звуки
 И слава и любовь?

1883 г.

XXVI.

Забвеніе.

Забвенье!... Безсильный, обманчивый звукъ,
 Понятный бы только въ могилѣ:
 Ни радости прошлой, ни страсти, ни мукъ,
 Забвенью предать мы не въ силѣ.
 Что въ душу западо, останется въ ней,
 Ни моря нѣтъ глубже, ни бездны темнѣй!

* * *

Печальная память разсудка зоветъ
 Минувшее тщетно утратой,
 Въ святилищѣ тайномъ незримо живеть,
 Что насъ волновало когда-то,
 И часто, неожиданно, изъ сумрака лѣтъ
 Его озаряетъ стремительный свѣтъ!

1836 г.

XXVII.

ДВѢ ПОРЫ.

Кипящъ и свѣтелъ и могучъ,
 Гремя, бѣжить нагорный ключъ,
 Вѣжить — и нѣтъ ему преграды,
 Деревья, корни съ трескомъ рветъ,
 И камней мшистыя громады
 Въ своемъ стремленіи несетъ,
 Но, въ брызгахъ падая съ стремнины,
 Чуть виденъ въ сумракѣ долины,
 И змѣйкой тихаго ручья
 Скользить усталая струя,
 Ей все преграда, рѣзво гонить
 Ее обратно вѣтерокъ,
 И на безсильной влагѣ тонеть
 Упавшій осеню листокъ.

1837 г.

XXVIII.

З В У К И.

Много тайны въ каждомъ звукѣ,
 Звукъ волшебствомъ одаренъ,
 Радость прошлую и муки
 Воскрешаетъ въ сердцѣ онъ;
 Если намъ, у колыбели,
 Въ нашемъ дѣтствѣ пѣсни пѣли.
 Много въ нихъ родного есть,
 Этихъ пѣсенъ сердце просить,
 Каждый звукъ, какъ-будто, вѣсть.
 Намъ о матери приносить!

1837 г.

XXIX.

Магометанкѣ.

Нѣтъ, душистымъ струй востока
 Мнѣ противень тонкій ядъ,
 Развѣ-бъ Гуріи пророка
 Принесли свой ароматъ,
 Развѣ-бъ въ знойномъ ароматѣ
 Талисманомъ я владѣлъ,
 Чтобы жаръ твоихъ объятій
 Никогда не охладѣлъ!

1837 г.

XXX.

Въ альбомѣ Бар — ву.

Да, средь горъ Тавриды дивной
 Скалы въ дымѣ облаковъ,
 Моря отблескъ переливный,
 Нѣга солнца и цвѣтовъ,
 Все волнуешь чудотворно
 Обаяньемъ красоты,
 Какъ родникъ, изъ кручи горной,
 Брызнуть смѣлыя мечты,
 Жизнь блеснетъ опять надеждой,
 Вдохновеніе слетитъ,
 И подъ форменной одеждой
 Грудь поэта задрожитъ.

1836 г.

XXXI.

Старый гетманъ.

Хмѣльницкаго-ль вижу опять на конѣ
 Иль призракъ Богдана имъ править?
 Я гетмана знаю, тотъ первый въ огнѣ
 Поляковъ и рубить и давить.

* * *

А этотъ шагъ за шагъ онъ ѣдетъ, чуть живъ,
 Ребенокъ съ сѣдла его сброситъ,
 Ступи онъ на землю, такъ вѣтра порывъ
 Дрожащія ноги подкоситъ!

* * *

Нѣтъ, онъ не подкоситъ слабѣющихъ ногъ,
Украина подыметъ на плечи
Того, кто ей цѣпи расторгнуть помогъ,
Кто другомъ свободной былъ Сѣчи.

* * *

Пускай одряхлѣлъ онъ отъ лѣтъ и отъ ранъ,
Но лавры горятъ на сѣдинѣ,
И преданность встрѣтитъ въ народѣ Богданъ,
Какъ встрѣтитъ отецъ въ своемъ сынѣ.

* * *

И радостно-шумно привѣтствуетъ кликъ
Украиннѣ старца святова,
Зажглись его очи, но только на мигъ,
И разомъ потухнули снова.

1830 г.

XXXII.

СОСѢДКѢ-ПѢВИЦѢ

К. А. ЛАВРОВСКОЙ.

Среди гнетущей, тайной муки,
Въ моей томительной тиши,
Доходятъ пѣсенъ вашихъ звуки
До глубины моей души.

* * *

Какъ свѣжо чувство въ нихъ отзывалъ,
Какъ воскрешаютъ мнѣ они,
Въ своихъ волшебныхъ переливахъ,
Давно угаснувшіе дни,

* * *

И все, что въ жизни мнѣ свѣтило,
Что жгло прельстительной мечтой,
И даже горе то, что было
Дороже радости самой.

* * *

О пусть же голосъ вашъ волненье,
Пусть въ сердцѣ боль возобновить,
Но это жизнь!... И ваше пѣнье
Мнѣ снова жизнью звучить!

1884 г.

Сатирическія стихотворенія и эпиграммы.

XXXII.

Дѣятели.

Недавно клубъ свой завели
 Здѣсь хохломаны-демагоги
 И мужика произвели
 Едва, едва не въ полубоги;
 Добра-жъ не жди отъ нихъ мужикъ,
 Тутъ на умѣ не польза края,
 Одинъ обманъ весь этотъ крикъ
 И скрыта цѣль совсѣмъ другая;
 Но мнѣ до козней дѣла нѣтъ,
 Я романтическій поэтъ!

* * *

Съ тѣхъ поръ, какъ загнанъ дворянинъ,
 Чиновникъ выросъ непомирно,
 И этотъ новый гражданинъ
 Чужимъ карманомъ щедръ примѣрно;
 Приди-сь же краю пособить,
 Онъ гроша въ жертву не положить,
 Тому вѣдь нечего любить,
 Кто ничего терять не можетъ!
 Мнѣ-жъ къ бюрократамъ дѣла нѣтъ,
 Я романтическій поэтъ!

* * *

Толпы наѣзжихъ поваровъ
 Варять здѣсь кашницу на славу,
 Въ нее засыпавъ поляковъ,
 Изъ русскихъ дѣлаютъ приправу.
 Кому придется расхлебать,
 Не вкусно будетъ это блюдо,
 Да поварамъ-то благодать,
 Они расходъ ведутъ покуда.
 Мнѣ-жъ до поживы дѣла нѣтъ,
 Я романтическій поэтъ!

* * *

У насъ ораторъ-публицистъ,
 Не слѣдуя за правдой строго,
 Хвалой властямъ пестритъ свой листъ,
 Хоть чести мало, пользы много!
 Схватилъ онъ чинъ и орденоеъ,
 Одно его лишь втайнѣ мучить,

Аренды выкадить не могъ,
 Но и ее, авось, получить.
 Да мнѣ къ лакейству дѣла нѣтъ,
 Я романтическій поэтъ!

* * *

Неправда, будто дуракамъ
 Однимъ не писаны законы;
 На беззаконье всюду къ намъ
 Несутся-жалобы и стоны.
 Кругомъ растетъ широко зло,
 Корусть, обманъ и коварство,
 Какъ-будто снова налегло
 Монгольское на край нашъ царство;
 Но мнѣ до воплей дѣла нѣтъ,
 Я романтическій поэтъ!

* * *

А все-жъ сознаться долженъ я,
 Что въ этой сферѣ жить намъ душно;
 Тѣснится злостью грудь моя
 И сердце рвется непослушно;
 Чтобы дремоту отряхнуть,
 Смѣняютъ бичами струны лиры
 И стаю наглую хлестнуть
 Свистящей плеткою сатиры...
 Но что-жъ, во мнѣ и желчи нѣтъ,
 Я романтическій поэтъ!

1862 г.

XXXIV.

Когда Парисъ увезъ жену у Менелая,
 Ему потеря въ ней была не такъ большая,
 Бѣда-ль, что вспыхнула Троянская война,
 Гомера Греци дала за то она;
 Но горе все для насъ—зачѣмъ теперь на сцену
 Поставили въ примѣръ Прекрасную Елену!

1871 г.

XXXV.

Мать и дочь.

Послалъ же Господь мнѣ безстыдницу-дочку,
 Последнюю скоро съ насъ снимутъ сорочку,
 Страхъ роскоши много добыла игла,
 Вотъ ты посмотрѣла-бъ, какъ Маша жила!
 — Ну, что-же, пожалуй, къ корнету-сосѣду
 Пойду, какъ она, вечеркомъ на бесѣду,
 Его и весь полкъ оберу, такъ и быть,
 Тогда ужъ не стану безстыдницей жить!

1871 г.

8*

Эпиграммы.

XXXVI.

Къ литературной газетѣ Б... Д...

Не для большого ты числа,
А ради дружбы выходила;
Гдѣ колыбель твоя была,
Тамъ и могила!

1830 г.

XXXVII.

Подъ указкой школьныхъ правилъ,
Мой продажный самохваля,
Ты стихи мои исправилъ,
Помѣщая въ свой журналъ.
Не пришла-жь догадка эта
Наглой мудрости твоей,
Что при факелѣ поэта
Твой огарокъ безъ лучей!

1837 г.

XXXVIII.

Съ поправкою своей мои стихи ты тиснулъ,
Я басенкой за трудъ вознагражу тебя:
Рабочій волъ коня случайно грязью вспрыснулъ;
Достоинство свое сознательно любя,
Не вспыхнулъ гнѣвный конь порывомъ безразсчетнымъ,
И даже сталью ногъ волю не погрозилъ,
Но чтобъ не встрѣтиться съ запачканнымъ животнымъ
Съ его дороги своротилъ.

1837 г.

XXXIX.

„Луны поэты; увѣряю“,
Рѣшаетъ смѣло Агаеонъ;
Изъ этихъ словъ я заключаю,
Что долженъ быть поэтъ и овъ!..

1837 г.

XL.

Эй, люди! Эй, воды, вина!
Скорѣе! Проглотилъ я муху!
„Къ чему-жь горланить, что естѣ духу,
Изъ мухи сдѣлалъ ты слона!“

1837 г.

XLI.

Влюбленной дамѣ.

Пусть онъ Амуръ—согласенъ съ вами,
И сходство мы легко найдемъ:
Божою опасенъ вамъ стрѣлами,
А вашъ поклонникъ—языкомъ!

XLII.

Биографія княгини N. N.

экспромтъ.

По утру встать,
Весь день болтать,
Надоѣдать
И утомлять,
А тамъ и спать,
Чтобъ завтра встать
Опять болтать!..

XLIII.

Все суетится, все хлопочеть,
А безъ заботъ нашъ Фалалей.
Онъ даже шутить и хохочеть
Въ угоду пошлости своей;
Полсуетъ нѣжится въ постелѣ,
Не беспокоясь ни о чемъ,
Онъ знаетъ, рѣчь идетъ о дѣлѣ,
Такъ и не вздумаютъ о немъ!

XLIV.

Редактору толстаго журнала.

Нѣтъ, нѣтъ, торгашъ литературный,
Обманомъ славы не купить,
Ты могъ ученостью мишурной
Свой грошъ ума позолотить,
Но не хитра уловка эта,
Она къ добру не поведетъ,
Вѣдь съ рубъ поддѣльная монета
Теперь и ночью не сойдетъ!..

1855 г.

XLV.

Въ статьѣ, облитой желчнымъ потомъ,
 Со злости, промахъ далъ Зонль:
 Тебя сравнявши съ Дон-Кихотомъ,
 Себя онъ съ мельницей сравнилъ,
 Машиной хитрой, но бездушной,
 Толчку стороннему послушной,
 Но въ спорѣ честномъ, гдѣ должно
 Стремленье честное быть видно,
 Сражаться съ мельницей смѣшно,
 А мельницей вертѣться—стыдно!

1862 г.

XLVI.

Механикъ ¹⁾.

Басня.

Механика въ деревню изъ столицы
 Прислалъ помѣщикъ. Онъ хотѣлъ
 Чтобъ мельницы его искусникъ осмотрѣлъ
 И передѣлалъ въ нихъ и шестерни и спицы
 На новый, лучший образецъ.
 Пріѣхалъ нашъ мудрецъ,
 Въ порядкѣ мельницы обходитъ,
 Туда, сюда лорнетъ наводитъ
 На что ни взглянетъ—не по немъ!
 То зубъ не прямъ, то колесо виляетъ.
 Онъ все коверкаетъ, ломаетъ,
 Хлопочетъ больше съ каждымъ днемъ
 И скоро все пошло вверхъ дномъ.
 Въ работѣ мельники проводятъ дни и ночи
 И думаютъ: авось!
 Но что же?—выбилсь изъ мочи,
 А мельницы хотъ брось!
 Межъ тѣмъ и хлѣбъ съ полей убрали,
 Морозы ранніе облѣли на земли,
 Крестьяне мельницъ ждали, ждали,
 Но, видя наконецъ, что время лишь теряли,
 Смолоть зерно къ сосѣдямъ отвезли.

Мы очень часто видимъ то же
 И въ городахъ иныхъ;
 О, навсегда избави, Боже,
 Насъ отъ механиковъ такихъ!

Андрей Подоллинскій.

¹⁾ Эта басня написана по случаю ломки, производимой въ Кіевѣ военнымъ губернаторомъ Л* въ 1830 годахъ.

СВЯЩЕННИКЪ ОЕОДОСІИ ЛЕВИЦКІЙ

въ заточеніи въ Коневскомъ монастырѣ

въ 1824—1827 гг.

Въ „Русской Старинѣ“ изд. 1880 г., томъ XXIX (стр. 129—168; 645—682; сентябрь и ноябрь), помѣщены автобіографическія Записки священника Николаевской церкви въ городѣ Балтѣ, о. Феодосія Левицкаго, а затѣмъ въ нашемъ же журналѣ изд. 1882 г., томъ XXXV (стр. 587—604), напечатано обзорное его дѣятельности, какъ проповѣдника.

Такимъ образомъ, въ высшей степени своеобразная и высоко-гуманная личность этого достойнѣйшаго пастыря церкви въ эпохи Александра I и Николая I, освѣщена предъ читателями „Русской Старинѣ“ вполне.—Но въ жизни о. Феодосія Левицкаго есть эпизодъ особенно интересный: вызванный въ маѣ 1823 г., по волѣ Александра I, въ С.-Петербургъ, онъ пробылъ здѣсь болѣе года, былъ принятъ государемъ, былъ свидѣтелемъ страшнаго наводненія столицы 7-го ноября 1824 года, и узрѣвъ въ семь бѣдствіи кару Господню, сказалъ въ церкви Тверского архіерейскаго подворья, на Васильевскомъ островѣ, пламенную проповѣдь, въ которой смѣло коснулся пагубной для народа дѣятельности гр. Аракчеева, какъ ревнителя военныхъ поселеній. Тогда-же о. Левицкій былъ сосланъ въ Коневскій монастырь. Здѣсь, въ заточеніи, о. Феодосій пробылъ три года (1824—1827 гг.).

Объ этомъ-то времени интересныя для его біографіи данныя представляютъ нижеслѣдующіе документы.

Ред.

I.

Приказъ Коневскаго монастыря строителю.

Препровождаемаго при семь во вѣранный вамъ монастырь Подольской епархіи священника Θεодосія примите въ число братства, и обратите на него особенное вниманіе касательно образа мыслей его и поведенія, отнюдь не дозволяя ему говорить какихъ либо поученій и проповѣдей въ церкви не токмо при богомольцахъ, но и при братіи. Каково же онъ будетъ вести себя, о томъ должны вы репортовать мнѣ чрезъ каждыя три мѣсяца. Впрочемъ никуда его, безъ особенной резолюціи моея, изъ монастыря отнюдь не отпускайте. Серафимъ, митрополить Новгородскій и Санктъ-Петербургскій.

1824 года, ноября 10 дня.

На оборотѣ надпись. Полученъ ноября 12 дня 1824 года чрезъ нарочнаго, фельдъегерскаго корпуса прапорщика Шмита, который и прописаннаго здѣсь священника того же числа въ монастырь представилъ; въ чемъ ему, Шмиту, и росписка отъ монастыря тогда же дана. Строитель іеромонахъ Іоанникій.

II.

Пресвященнѣйшему митрополиту (по титулѣ).

Рождественскаго Коневскаго монастыря отъ строителя іеромонаха Іоанникія репортъ.

Вашего высокопреосвященства приказъ, отъ 10-го ноября ко мнѣ послѣдовавшій, о принятіи въ число братства здѣшняго монастыря Подольской епархіи священника Θεодосія и о содержаніи его здѣсь на предписанномъ въ ономъ приказѣ основаніи,—мною полученъ, при коемъ и вышеозначенный священникъ при нарочномъ, фельдъегерскаго корпуса прапорщикѣ, сюда прибылъ; о чемъ и что все предписанное отъ вашего высокопреосв—ства мнѣ, относительно онаго священника Θεодосія, мною въ точности исполняемо быть имѣеть, вашему высокопреосв—ству всенижайше репортую.

Вашего высокопреосвященства милостиваго архипастыря и отца нижайшій послушникъ строитель іеромонахъ Іоанникій.

Ноября 13-го дня 1824 г.

III.

Пресвященнѣйшему митрополиту (по титулѣ).

Покорнѣйшій репортъ.

Во исполненіе приказанія вашего высокопреосв—ства, отъ 10 ноября истекшаго 1824 года послѣдовавшаго, о принятіи въ число братства здѣшняго монастыря Подольской епархіи священника Θεодосія и о обращеніи на него вниманія касательно образа мыслей его и поведенія, съ предписаніемъ репортовать о томъ вашему высокопреосвященству чрезъ каждые три мѣсяца, симъ покорнѣйше доношу, что оный священникъ Θεодосій, находясь здѣсь съ 12-го ноября по нижеписанное число, велъ себя кротко, честно и благоправно, занимаясь по очереди чтеніемъ о здравіи и за упокой псалтыри. Къ церкви Божіей ходилъ каждодневно со усердіемъ, и другія монастырскія послушанія по назначенію исправлялъ со смиреніемъ. Касательно же образа мыслей его, то по уединенной и молчаливой здѣсь жизни его и рѣдкому обращенію его съ братією не примѣчено въ немъ ничего важнаго, кромѣ, что мною и братією усмотрѣна въ немъ охота и сильное желаніе къ проповѣдованію слова Божія, но въ томъ ему, по силѣ предписанія, запрещено; о чемъ вашему высокопреосв—ству покорнѣйше и репортую. Строитель іеромонахъ Іоанникій.

Февраля 12 дня 1825 г.

IV.

Пресвященнѣйшему митрополиту (по титулѣ).

Во исполненіе приказанія вашего высокопреосв—ства, отъ 10-го ноября прошлаго 1824 года къ бывшему сего монастыря строителю іеромонаху Іоанникію послѣдовавшаго, съ предписаніемъ репортовать вашему высокопреосв—ству чрезъ каждые три мѣсяца о поведеніи находящагося здѣсь въ числѣ братства Подольской епархіи священника Θεодосія, симъ покорнѣйше доношу, что оный священникъ какъ до прибытія моего сюда, по сказанію здѣшней братіи, такъ и по прибытіи, чрезъ прошедшіе три мѣсяца по нижеписанное число велъ себя трезво, кротко и благоправно, пребывая всегда въ безмолвіи и уединеніи. Къ церкви Божіей ходилъ съ прилежаніемъ и ни въ какихъ худыхъ и подозрительныхъ поступкахъ не былъ замѣченъ. О образѣ же мыслей его ничего еще мною по краткости времени не усмотрѣно; о чемъ вашему высокопреосв—ству всеижайше и репортую. Игуменъ Никонъ.

Маія 12-го дня 1825 г.

V.

Преосвященнѣйшему митрополиту (по титулѣ).

По предписанію вашего высокопреосв—ства находящійся въ семь монастырѣ священникъ Ѧеодосій, послѣ донесенія моего вашему высокопреосв—ству отъ 12-го мая, по нижеписанное число чрезъ прошедшіе три мѣсяца вель себя добропорядочно, скромно и благоправно; въ худыхъ поступкахъ и праздномъ хожденіи никогда не былъ замѣченъ, но всегда пребывалъ въ безмолвіи и уединеніи. Прилежаніе его къ церкви Божіей примѣрное, а образъ наружной здѣсь жизни его весьма похвальный и одобрительный. Что же касается до образа мыслей его, то о томъ, по рѣдкому его со всѣми здѣсь обращенію, ничего не примѣтно; о чемъ вашему высокопреосв—ству всенижайше и репортую. Игуменъ Никонъ.

Августа 12-го дня 1825 г.

VI.

Преосвященнѣйшему митрополиту (по титулѣ).

По предписанію вашего высокопреосв—ства находящійся въ семь монастырѣ священникъ Ѧеодосій, послѣ донесенія моего вашему высокопреосв—ству отъ 12-го августа, по нижеписанное число чрезъ три мѣсяца и весь круглый годъ вель себя, какъ и въ прежнихъ моихъ репортахъ доносило было, весьма добропорядочно, благоправно, тихо и богоугодно, пребывая всегда въ уединенномъ безмолвіи. Къ церкви Божіей ходилъ съ примѣрнымъ тщаніемъ, въ худыхъ и подозрительныхъ поступкахъ замѣченъ никогда не былъ. Что же касается до образа его мыслей, то о семъ по малому и краткому его со всѣми здѣсь обращенію замѣтить ничего невозможно. О чемъ вашему высокопреосв—ству всепокорнѣйше и репортую. Игуменъ Никонъ.

Ноября 12-го дня 1825 г.

VII.

Указъ его императорскаго величества самодержца всероссійскаго изъ С.-Петербургской духовной консисторіи Рождественскаго Коневскаго монастыря о. игумену Никону.

На прошеніе находящагося въ Коневскомъ монастырѣ священника Ѧеодосія Левицкаго, объ увольненіи его вовсе изъ Коневца въ Каменецъ-Подольскую епархію по изъясненнымъ въ томъ прошеніи при-

чнамъ, резолюція отъ его высокопреосв—ства послѣдовала такова: «отказать въ сей просьбѣ: поелику онъ опредѣленъ въ Коневскій монастырь по высочайшему повелѣнію», вслѣдствіе чего консисторіею опредѣлено: для объявленія оной его высокопреосв—ства резолюціи просителю священнику Θεодосію послать, и посылается сей указъ къ вамъ, о. игумену. Декабря 19-го дня 1825 года. Вознесенскій протоіерей Матвѣй Іоанновъ, секретарь Михаилъ Соколовскій, повытчикъ Иванъ Колосовъ.

VIII.

Преосвященнѣйшему митрополиту (по титулѣ).

Находящійся въ семь монастырѣ по приказанію вашего высокопреосв—ства Подольской епархіи священникъ Θεодосій, послѣ донесенія моего къ вамъ отъ 12-го ноября прошлаго 1825 года по 12-е мая настоящаго, велъ себя во всемъ добропорядочно и въ противозаконныхъ поступкахъ замѣченъ не былъ. Онъ таковъ же, какъ былъ и въ продолженіи круглаго истекшаго года—тихъ, кротокъ, особенно усерденъ къ церкви Божіей, уединенъ, малоговорливъ; отвѣты же его показываютъ человѣка великодушнаго, въ полную волю Господа вручившагося, а другія его мысли неизвѣстны. О чемъ вашему высокопреосв—ству всепокорнѣйше и репортую. Игуменъ Никонъ.

Маія 12-го дня 1826 г.

IX.

Преосвященнѣйшему митрополиту (по титулѣ).

По предписанію вашего высокопреосв—ства находящійся въ семь монастырѣ священникъ Θεодосій, отъ 12-го мая по таковое же сего августа, жизнь проводилъ добропорядочную и ни въ чемъ незазорную. Любитъ болѣе уединеніе, въ сообществѣ мало говорливъ и здраво мыслящъ, а потому въ немъ доселѣ не усмотрѣно никакихъ сомнительныхъ и противозаконныхъ положеній, да и впредь по постоянному добродѣтельному житію не предвидится никакой вины къ открытію оныхъ. О чемъ вашему высокопреосв—ству всепокорнѣйше и репортую. Игуменъ Никонъ.

Августа 12-го дня 1826 г.

X.

Указъ его императорскаго величества самодержца всероссійскаго изъ Санктъ-Петербургской духовной консисторіи Рождественскаго Коневскаго монастыря о. игумену Никону.

Его сіятельство, г. тайный совѣтникъ, синодальный оберъ-прокуроръ и кавалеръ, князь Петръ Сергѣевичъ Мещерскій, по высочайшему его императорскаго величества повелѣнію, чрезъ отношеніе къ его высокопреосв—ству просить истребовать отъ васъ свѣдѣніе о поведеніи священника Ѳеодосія Левицкаго, находящагося въ Коневской обители по высочайшему повелѣнію, и доставить оное къ его сіятельству для доклада государю императору. Сіе отношеніе его высокопреосв—ство, сдавъ въ консисторію, приказалъ предписать вамъ, чтобы вы о поведеніи священника Левицкаго и объ образѣ мыслей его отрепортовали его высокопреосв—ству обстоятельно и по всей справедливости, для наискорѣйшаго исполненія чего сей указъ къ вамъ, о. игумену, и посылается. Октября 3-го дня 1827 года.

Спасосѣнновскій протоіерей Тимофей Вещезеровъ, секретарь Соколовскій, поытчикъ Иванъ Колосовъ.

О нужномъ.

XI.

Указъ его императорскаго величества самодержца всероссійскаго изъ С.-Петербургской духовной консисторіи Рождественскаго Коневскаго монастыря о. игумену Никону.

Его сіятельство, г-нъ синодальный оберъ-прокуроръ и кавалеръ, князь Петръ Сергѣевичъ Мещерскій сообщилъ его высокопреосв—ству, что полученныя отъ его высокопреосв—ства свѣдѣнія о находящемся въ Коневскомъ монастырѣ священникѣ Ѳеодосіи Левицкомъ онъ, г. оберъ-прокуроръ, имѣлъ счастье представлять на высочайшее благоусмотрѣніе государя императора и его императорское величество, въ 5-й день текущаго ноября, высочайше повелѣть соизволилъ: «отпустить священника Левицкаго въ Подольскую епархію къ прежнему его приходу». Во исполненіе сей высочайшей воли, и вслѣдствіе, послѣдовавшей на помянутомъ отношеніи его сіятельства, резолюціи его высокопреосв—ства, консисторія, препровождая при семъ паспортъ для прохода священнику Левицкому въ Подольскую епархію, предписываетъ

манъ, отдавъ оный ему, Θεодосію, немедленно отпустить его изъ Коневской обители, и отрепортовать въ консисторію. Ноября 10-го дня 1827 года. Академіи ректоръ архимандритъ Іоаннъ, секретарь Михаилъ Соколовскій, повѣтчикъ Иванъ Колосовъ.

Примѣчаніе. Въ началѣ 1884 г. въ Коневской обители были еще два старца, знавшіе лично о. Θεодосія; одинъ изъ нихъ въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1884 г. умеръ; другой же и послѣдній находится почти въ состояніи младенчества; память видимо ему измѣняется, онъ путаетъ факты, напримѣръ говоритъ, что священникъ Θεодосій былъ привезенъ въ монастырь подъ конвоемъ трехъ драгунъ, называетъ о. Θεодосія человѣкомъ не въ своемъ разсудкѣ, а потому положиться и дать вѣру его разсказу—рискованно. Это заставило меня обратиться къ лицамъ, которыя хотя и не застали о. Θεодосія въ Коневцѣ, но жили вскорѣ послѣ его отъѣзда, а слѣдовательно когда преданіе объ о. Θεодосіи было еще свѣжо; ихъ оказалось нѣсколько. Одинъ изъ нихъ. схимонахъ Виталий, поступившій въ монастырь въ 1829 году, хорошо помнитъ разсказы о немъ. Онъ говоритъ, что священникъ Левицкій былъ присланъ при секретной бумагѣ отъ какого-то важнаго лица; это сообщеніе заслуживаетъ вѣроятія, такъ какъ Левицкому запрещено было священнодѣйствіе, строго воспрещена всякая переписка и даже не позволялось имѣть въ кельѣ бумаги и чернилъ. Это подтверждаетъ въ своихъ запискахъ самъ Левицкій, а между тѣмъ въ указѣ митрополита Серафима запрещенія этого не видно; строитель Іоанникій, понятно, не могъ это устроить самъ непосредственно, а потому есть основаніе предполагать, что, кромѣ указа митрополита Серафима, строителю дана была иная инструкція конфиденціально и вотъ эта-то „бумага отъ важнаго лица“ и не была ли за печатью Аракчеева? Далѣе, почти всѣ разсказываютъ, что Левицкій былъ человѣкъ вообще тихій, сосредоточенный, но временами на него находило чуть не изступленное состояніе и тогда онъ вездѣ порывался проповѣдывать, что не разъ приходилось употреблять противъ него силу, запирали въ кельѣ, не пускали ни въ трапезу, ни въ церковь. Это подтверждается отчасти рапортомъ строителя Іоанникія отъ 12-го февраля 1825 года, въ которомъ говорится, что въ о. Θεодосіи усмотрѣна „охота и сильное желаніе“ къ проповѣданію слова Божія; да и самъ Левицкій въ своихъ запискахъ скорбитъ, что ему не дали говорить въ трапезѣ и въ церкви, что онъ былъ силою выведенъ оттуда. Съ назначеніемъ же игумена Никона, положеніе Левицкаго въ монастырѣ измѣнилось къ лучшему. Игуменъ относился къ нему весьма сочувственно: дозволилъ ему имѣть бумагу и чернила, лично помогалъ вести Левицкому переписку съ своими друзьями и знакомыми и при немъ Левицкій велъ въ монастырѣ свои записки, что опять таки подтверждается и самимъ Левицкимъ. Хотя „сильное

желаніе проповѣдывать“ не оставляло Левицкаго до самаго отъѣзда изъ Коневца, но ни въ одномъ рапортѣ игумена Никона этого не значитса.

Получивъ свободу, о. Ѧеодосій 2-го февраля 1828 г. явился въ родной ему городъ Балту и занялъ, по высочайшему повелѣнію, прежнее мѣсто настоятеля Балтской Николаевской церкви. Всецѣло отдавшись служенію церкви и христіанской благотворительности, онъ устроилъ, между прочимъ, странноприимный домъ, въ которомъ находили пріютъ бѣдные люди всякаго возраста и всякаго званія.

Не безъ огорченій проведены были о. Ѧеодосіемъ послѣдніе годы его жизни (онъ умеръ 9-го марта 1845 г.),—подробности объ этомъ см. въ его біографіи, въ „Русской Старинѣ“ изд. 1882 г., томъ XXXV, стр. 594—604.

Н. В.

НОВГОРОДСКІЯ ВОЕННЫЯ ПОСЕЛЕНІЯ.

Воспоминанія А. К. Гриббе.

I.

В настоящемъ очеркѣ я попытаюсь набросать картину службы и жизни офицера гренадерскаго графа Аракчеева полка, на военныхъ поселеніяхъ, въ самый разгаръ Аракчеевщины, притомъ, преимущественно, офицера молодого, такъ называемаго субалтерна, такъ какъ впечатлѣнія, пережитыя мною въ этомъ званіи, съ наибольшею рельефностью отпечатались въ моей памяти.

Условія современной военной службы такъ различны отъ существовавшихъ въ эпоху Аракчеевщины, что едва-ли въ состояніи дать даже слабое понятіе о томъ — какъ служили и жили военные въ то памятное время. Гнетъ формалистики и какой-то утрированной субординаціи, вообще характеризовавшей службу тогдашняго времени, нигдѣ, однако-жъ, не проявлялся съ такимъ звѣрствомъ, въ отношеніи къ нижнимъ чинамъ, и съ такимъ отсутствіемъ гуманности въ отношеніяхъ между сильными и слабыми, — начальствомъ и подчиненными, — какъ въ пресловутыхъ военныхъ поселеніяхъ ¹⁾.

Бытъ офицеровъ того времени также неизмѣримо разнится отъ того, какъ живетъ современное офицерство. При низкомъ уровнѣ научнаго образованія массы офицеровъ, не знавшихъ, за весьма немногими исключеніями, другихъ развлеченій, кромѣ веселаго препровожденія времени, — кутежи, или, по-просту сказать, пьянство, было явленіемъ обычнымъ всюду, какъ въ гвардіи, гдѣ служилъ цвѣтъ тогдашней молодежи, такъ и въ глубокой арміи. Вся разница была только въ

¹⁾ Конечно, не всѣ подчиненные одинаково страдали: и тогда, какъ и теперь — порода и деньги значили много, даже, быть можетъ, болѣе, чѣмъ въ настоящее время, когда образованіе namного сглаживаетъ различія въ происхожденіи и матеріальныхъ средствахъ.
А. Г.

напиткахъ: одни пили дорогое виноградное, другіе—дешевое простое, результаты же, какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ, были совершенно одинаковыя. Строевыя ученія и разводы, парады и маневры смѣнялись попойками, часто носившими на себѣ характеръ полной необузданности и той безшабашной удали, которая, будто бы, такъ свойственна широкой русской натурѣ...

Совсѣмъ другое дѣло было въ Новгородскихъ военныхъ поселеніяхъ, находившихся въ непосредственномъ вѣдѣніи грознаго Аракчеева, на самыхъ его глазахъ. Здѣсь господствовало другое направленіе, царилъ другой духъ, — духъ службы и строгой дисциплины. Начальническій глазъ и ухо зорко и чутко слѣдили не только за служебною, но и за частною жизнью офицера: его дѣйствія и поступки, почти каждый шагъ его, каждое лишнее слово были извѣстны начальству, которое присматривалось и прислушивалось ко всему, что дѣлалось и говорилось подчиненными. Поэтому, если и были у насъ любители чарочки, то выпивали или втихомолку, плотно притворивши двери своей квартиры, или, же какъ говорилось тогда, по фельдфебельски, на сонъ грядущій...

Первоначальный составъ общества офицеровъ, поселенныхъ по р. Волхову войскъ, какъ-то особенно соответствовалъ тому суровому характеру, какой вообще носило на себѣ учрежденіе военныхъ поселеній.

Въ нашей статьѣ «Графъ Аракчеевъ и его время», помѣщенной въ первой книгѣ «Русской Старины» за 1875 годъ, мы уже говорили, что основаніемъ для новгородскихъ военныхъ поселеній послужилъ 2-й баталіонъ гренадерскаго графа Аракчеева полка. Въ 1817 году, баталіонъ этотъ, отдѣленный отъ полка, квартировавшаго тогда въ Петербургѣ, отправленъ былъ, подъ командою майора фонъ-Фрикена, на Волховъ, въ Высотскую волость. Офицеры, назначенные въ поселенный баталіонъ, выбранные изъ цѣлаго полка, были люди уже немолодые, съ установившимся взглядомъ на службу и приобрѣвше репутацию строгихъ службистовъ. Многіе изъ нихъ понюхали пороха на Бородинскомъ полѣ, принимали участіе въ послѣдовавшей затѣмъ кампаніи 1813—1814 годовъ и погуляли по аллеямъ Булонскаго лѣса. По большей части, это были люди бѣдные, существовавшіе однимъ жалованіемъ и съ раннихъ лѣтъ привыкшіе къ труду и разнымъ лишениямъ; поэтому, предстоявшая имъ работа не страшила ихъ: они знали на что шли и были готовы, безъ всякихъ мудрствованій, исполнять волю и приказанія начальства.

По прибытіи баталіона на берега Волхова, началось выполненіе его миссіи—стрижка и бритье мирныхъ мужиковъ, неожиданно-негаданно для нихъ самихъ попавшихъ въ солдаты, и обученіе ихъ разнымъ

итростямъ военной науки, которая и вся-то заключалась тогда въ исправной вытязкѣ носка и въ ружейныхъ приемахъ на 12 темповъ.

Много было пролито въ то время невѣдомыхъ слезъ, много было изведено лѣса,—той педагогической березы, удивительныя, назидательныя и исправительныя свойства которой ретиво отстаиваются даже и въ наше время.

Вслѣдъ за 2-мъ баталіономъ графа Аракчеева полка на Волховъ прибыли до 50 кадровыхъ баталіоновъ армейскихъ полковъ, нѣсколько артиллерійскихъ ротъ (безъ орудій), рабочіе баталіоны и роты, инженеры, архитекторы, землемѣры, форстмейстеры и разные другіе всевозможные техники, и началась кипучая дѣятельность, достойная лучшей цѣли. Вырубались дѣвственные лѣса, строились дома или, какъ ихъ называли—связи; осушивались болота, проводились дороги, разрушались убогія хижины бывшихъ мужиковъ и на мѣстѣ ихъ возводились солидныя каменные постройки полкового штаба, существующія и до сихъ поръ, какъ безмолвные памятники незабвенной эпохи... Все это строилось и сооружалось руками нехитрыхъ армейскихъ солдатиковъ, подъ надзоромъ производителей работъ—инженеровъ и архитекторовъ.

На третій годъ по открытіи работъ, въ 1820 году, за исключеніемъ построекъ полкового штаба, все было окончено и поселенный баталіонъ вступилъ въ казенные дома, такъ называемыя связи ¹⁾, вмѣстѣ съ коренными жителями, обращенными въ военныхъ поселянъ, а офицеры размѣстились частью въ тѣхъ же домахъ, въ мезонинахъ, частью же — въ удѣлѣвшихъ, въ сторонѣ, прежнихъ, крестьянскихъ избахъ; впрочемъ, въ этихъ избахъ они только ночевали, такъ какъ цѣлые дни имъ приходилось проводить на работахъ.

Вновь выстроенные дома для поселенныхъ ротъ не отличались, однако-жъ, особенною прочностью постройки. Вслѣдствіе малой опытности рабочихъ солдатъ въ плотничномъ искусствѣ, а главнымъ образомъ потому, что лѣсъ для построекъ не былъ заготовленъ заблаговременно, но вывозился на мѣсто работъ гужемъ или сплавлялся по р. Волхову сырой и въ такомъ видѣ употреблялся въ дѣло, дома поселянъ оказались, по большей части, сырыми, промерзали зимою и, не простоявъ даже десяти лѣтъ, требовали уже капитальной перестройки.

Къ осени 1820 года, въ расположеніе полка вступили и осталь-

¹⁾ Каждая связь назначалась для четырехъ хозяевъ поселянъ, а мезонины—для восьми постояльцевъ дѣйствующихъ баталіоновъ. Въ каждой поселенной ротѣ полагалось хозяевъ: унтеръ-офицеровъ, капральныхъ и десятыхъ—12 и рядовыхъ 216 человекъ; всѣхъ же домовъ въ ротѣ было 60.

ные два дѣйствующіе баталіона, подъ командою генераль-маіора Петрова, который, по сдачѣ полка подполковнику фонъ-Фрикену, назначенъ былъ бригаднымъ командиромъ вновь устроеннаго поселенія. Нижніе чины двухъ прибывшихъ баталіоновъ были размѣщены на квартирахъ у поселянъ 2-го баталіона, во вновь отстроенныхъ домахъ, а офицеры, также какъ и 2-го баталіона, помѣстились въ полуразрушенныхъ курныхъ избушкахъ.

Многіе изъ прибывшихъ офицеровъ были люди съ нѣкоторыми средствами, и, квартируя въ Петербургѣ, пользовались тамъ, въ свободное отъ службы время, разными развлеченіями; поэтому, понятно, что жизнь въ поселенномъ полку, да еще при такой непривлекательной обстановкѣ, показалась имъ не очень казистой. Въ особенности трудно было для нихъ освоиться съ мыслью о своемъ двойномъ назначеніи—быть одновременно и воиномъ, и земледѣльцемъ. Приздумались бородинскіе гренадеры, но дѣлать было нечего, приходилось до поры, до времени, терпѣть и, волею-неволею, фигурировать въ роли двуликаго Януса. Получить отставку въ то служилое время было очень трудно. Человѣкъ неслужащій казался чѣмъ-то подозрительнымъ, не совсѣмъ надежнымъ; поэтому все, что только принадлежало къ такъ называемому привилегированному сословію, даже независимо отъ словенныхъ традицій, стремилось на службу и тянуло эту ляжку до нельзя. Но, видно, нашимъ гренадерамъ пришлось, подъ конецъ, не въ моту и они рѣшились подавать, подъ разными предлогами, въ отставку. Одни изъ нихъ, по особенной милости своего великодушнаго шефа, дѣйствительно были уволены отъ службы, но съ оговоркою въ указахъ объ отставкѣ, чтобы впредь никуда ихъ не принимать; другіе же, за малѣйшее упущеніе и неисправность по службѣ, переводимы были въ армейскіе полки, гарнизонные баталіоны и другія команды. Не смотря, однако-же, на такое видимое пониженіе въ служебномъ отношеніи, всѣ они были очень довольны перемѣною своего положенія, благодарили за милость и поспѣшно исчезали изъ полка. Къ 1825 году большая половина прежняго состава офицеровъ оставила полкъ, а взамѣнъ ихъ были частью переведены изъ арміи личности, рекомендованныя и составившія себѣ репутацію ревностныхъ исполнителей приказаній начальства, частью же выпущены изъ кадетскихъ корпусовъ. Такимъ образомъ, въ полку сформированъ былъ почти новый составъ офицеровъ, большинство которыхъ, по своей крайней бѣдности и совершенной неподготовкѣ къ иному роду службы, поневолѣ принуждено было переносить какъ трудности двойной службы, такъ и до невозможности грубое и дерзкое обращеніе начальства.

Въ статьѣ моей «Графъ Аракчеевъ и его время», помѣщенной въ

1-й книгѣ «Русской Старины» за 1875 годъ, я довольно подробно говорилъ о томъ грубомъ, дерзкомъ и унижительномъ для званія офицера обращеніи, какое позволяли себѣ начальствующія лица съ своими подчиненными. Наказанія, которымъ подвергались офицеры за служебныя проступки, обыкновенно не только не соответствовали значенію мелкихъ упущеній по службѣ, но и явно противорѣчили существовавшимъ въ то время правиламъ о дисциплинарныхъ взысканіяхъ. Нерѣдко, напримѣръ, офицеръ, за какую нибудь ошибку во фронтѣ, или за неисправность во время дежурства по поселенной ротѣ или въ караулѣ, арестовывался на недѣлю, а не то и на мѣсяцъ, на хлѣбъ и водѣ! Одного офицера гренадерскаго графа Аракчеева полка, поручика Клейника, арестованнаго баталіоннымъ командиромъ на гауптвахтѣ, командиръ полка, полковникъ фонъ-Фрикенъ, хотѣлъ было посадить въ арестантскую комнату нижнихъ чиновъ, между которыми были люди, судимые за убійство и содержавшіеся въ оковахъ, и если не сдѣлалъ этого, то единственно вслѣдствіе энергическаго сопротивленія Клейника исполнить незаконное приказаніе своего начальника.

Дѣло это, сильно взволновавшее все общество молодыхъ офицеровъ полка и послужившее поводомъ къ соглашенію офицеровъ принести жалобу государю, даже и для тогдашняго времени суровой военной дисциплины представляло собою явленіе, выходящее изъ ряда. Поэтому, въ дополненіе къ моему, уже напечатанному, разсказу объ этомъ эпизодѣ (№ 1-й „Русской Старинѣ“ 1875 г.), я считаю не лишнимъ привести здѣсь нѣкоторыя подробности о немъ. Поступивъ на службу въ полкъ графа Аракчеева въ 1822 году въ которомъ и случилось это происшествіе, я, хотя и жилъ вмѣстѣ съ братомъ офицеромъ, но не могъ, конечно, знать въ точности весь ходъ дѣла; только теперь, перебирая бумаги и записки, оставшіяся послѣ умершаго моего старшаго брата, генералъ-лейтенанта Гриббе, я нашелъ подробное описаніе случая съ Клейникомъ и исторія, такъ называемаго, „заговора“ офицеровъ. Такъ какъ подробности всего этого дѣла рельефно рисуютъ отношенія, существовавшія въ то время между начальствомъ и подчиненными, и отчасти характеризуютъ пресловутое правосудіе всемогущаго временщика графа Аракчеева, то привожу подробный разсказъ объ этомъ со словъ моего покойнаго брата, бывшаго очевидцемъ расправы съ Клейникомъ и участникомъ „заговора“ офицеровъ.

По арестованіи баталіоннымъ командиромъ поручика Клейника, командиръ полка, которому было донесено объ этомъ, найдя, вѣроятно, простой арестъ слишкомъ недостаточнымъ наказаніемъ для провинившагося офицера, приказалъ, бывшему въ тотъ день дежурнымъ по полку, капитану Дядину перевести Клейника изъ офицерской комнаты въ арестантскую нижнихъ чиновъ. Когда приказаніе это передано было Клейнику, тотъ отвѣтилъ:

— Доложите полковнику, что при всемъ моемъ желаніи исполнить его волю, я не могу этого сдѣлать, пока ношу мундиръ офицера.

По докладѣ полковому командиру такого отзыва Клейника, взбѣшенный фонъ-Фрикенъ самъ отправился на гауптвахту, и, остановясь на площадкѣ,

на которую выходили офицерская караульная комната и арестантская нижних чиновъ, приказалъ старшему караульному офицеру отомкнуть замокъ арестантской комнаты и, затѣмъ, вызвавъ Клейника, велѣлъ ему перейти туда.

— Пока я ношу офицерскій мундиръ, я не могу исполнить вашего приказанія, г. полковникъ, отвѣтилъ Клейникъ. Фонъ-Фрикенъ съ азартомъ повторилъ свое требованіе, но Клейникъ остался непреклоненъ и рѣшительно отказался исполнить незаконное приказаніе своего начальника. Такъ, ничего не добившись, полковой командиръ отправился домой. Случай этотъ, сдѣлавшись тотчасъ же, разувѣтся, извѣстнымъ въ полку, глубоко возмутилъ всѣхъ офицеровъ и они рѣшились положить конецъ подобному унижительному обращенію начальства съ подчиненными. По совѣщаніи, офицеры согласились на первомъ же, предстоящемъ тогда, инспекторскомъ смотрѣ полку начальникомъ дивизіи заявить ему объ оскорбительномъ обращеніи съ ними полкового командира и о тѣхъ незаконныхъ взысканіяхъ, какимъ ихъ подвергаетъ фонъ-Фрикенъ за самыя ничтожныя ошибки во фронтѣ и маловажныя упущенія по службѣ. Дѣйствительно, вскорѣ, при инспекторскомъ смотрѣ полку, въ 1822 году, начальникомъ 1-й гренадерской дивизіи, генералъ лейтенантомъ Угрюмовымъ, когда по окончаніи опроса нижнихъ чиновъ, тотъ обратился къ офицерамъ съ обычнымъ вопросомъ:

— Г. офицеры! не имѣете ли вы какой-либо претензіи?

— Имѣемъ, ваше превосходительство, отвѣчали офицеры, и просимъ вашего позволенія объяснить наши жалобы на вашей квартирѣ.

Затѣмъ, по распущеніи полка со смотра, всѣ оберъ-офицеры собрались въ квартирѣ генерала Угрюмова. Выйдя къ нимъ, Угрюмовъ спросилъ:

— Въ чемъ заключается ваша претензія?

Какъ всегда, въ подобныхъ случаяхъ, заговорили разомъ многіе и, разувѣтся, вышло нѣчто очень несвязное, такъ что начальникъ дивизіи просилъ каждого изъ офицеровъ объяснить, на что именно онъ жалуется. Тогда, начиная со старшаго капитана, до послѣдняго прапорщика, всѣ нашли что-либо сказать о тѣмъ несправедливостяхъ и невыносимо дерзкомъ обращеніи, какимъ подвергались офицеры отъ фонъ-Фрикена, причѣмъ всѣ вообще указали на послѣдній случай съ поручикомъ Клейникомъ и заявили, что подобнаго оскорбленія долженъ ожидать каждый изъ нихъ... Угрюмовъ, молча выслушавъ всѣ жалобы, изъявилъ свое сожалѣніе о случившемся и сказалъ, что онъ переговоритъ объ этомъ съ полковымъ командиромъ.

— Но, прибавилъ онъ, я долженъ буду также донести о семъ и графу Аракчееву, какъ шефу полка, и предупреждаю васъ, господа, что претензія ваша будетъ весьма неприятна графу.

— Мы, ваше превосходительство,—отвѣчали офицеры,—заявляемъ объ этомъ не въ видѣ жалобы, а просимъ васъ принять зависящія мѣры къ воздержанію полкового командира, на будущее время, отъ всякихъ личныхъ оскорбленій офицерамъ и ограничить строгостъ назначаемыхъ имъ взысканій законными предѣлами.

— Я переговорю съ командиромъ полка и доложу графу, повторилъ Угрюмовъ, и сдѣлавъ поклонъ, повернулся и ушелъ въ кабинетъ.

Послѣ такого отвѣта, офицеры, вида, что претензія ихъ не только останется безъ всякаго удовлетворенія, но можетъ послужить причиною новыхъ для нихъ бѣдъ, рѣшились принести жалобу самому государю, сдѣлавъ это на предстоящемъ тогда высочайшемъ смотрѣ полку.

О совѣщаніи офицеровъ по этому дѣлу и о намѣреніи ихъ скрѣпить свою рѣшимость присягою, равно какъ и о неожиданномъ появленіи въ квартирѣ капитана Матвѣева, въ которой собрались офицеры для присяги, фонъ-Фрикена, разогнавшаго „заговорщиковъ“ и разстроившаго ихъ планы, я говорилъ уже въ первой моей статьѣ „Графъ Аракчеевъ и его время“ (№ 1-й „Русской Старины“ 1875 г.); поэтому, чтобы не повторять уже извѣстное читателю, продолжаю разсказъ о послѣдующихъ событіяхъ.

О жалобѣ офицеровъ начальнику дивизіи и о сборищѣ ихъ для присяги фонъ-Фрикенъ немедленно донесъ графу Аракчееву, который и пріѣхалъ въ полкъ передъ смотромъ государя. На другой день по пріѣздѣ шефа полка, къ нему были потребованы 8 или 10 оберъ-офицеровъ всѣхъ чиновъ изъ числа „заговорщиковъ“ и вѣроятно назначенныхъ по указанію фонъ-Фрикена.

Выйдя изъ кабинета въ залу, гдѣ были собраны эти офицеры, Аракчеевъ, безъ всякаго привѣтствія и не отвѣтивъ на ихъ поклонъ, обратился къ нимъ съ вопросомъ:

— Вы хотите жаловаться государю на меня?

Офицеры молчали... Не дождавшись отвѣта, графъ повторилъ:

— Вы хотите жаловаться государю на своего полкового командира, а это все равно, что на меня. Я же вамъ скажу, что государь мой другъ и жаловаться на меня можно только одному Богу!...

— Когда государь,—продолжалъ Аракчеевъ,—осмотритъ полкъ и уѣдетъ, тогда я разберу ваше дѣло. Въ службѣ для меня всѣ равны: будетъ виноватъ полковой командиръ—я ему не прощу; а если вы окажетесь виноватыми, прощу не погнѣваться на меня, передайте это вашимъ товарищамъ,—съ этими словами графъ отпустилъ озадаченныхъ офицеровъ.

Въ виду такого категорическаго обѣщанія Аракчеева разобрать претензію, офицеры, все еще надѣявшіеся встрѣтить въ немъ если не защиту отъ произвола фонъ-Фрикена, то хотя справедливость, рѣшили не приносить жалобу государю и ждать чѣмъ рассудитъ ихъ дѣло шефъ полка.

Скоро Аракчеевъ, дѣйствительно, рассудилъ... Дня черезъ четыре по окончаніи высочайшаго смотра и по отъѣздѣ государя въ квартиру начальника штаба военныхъ поселеній, генераль-маіора Клейнмихеля, потребованы были: штабсъ-капитанъ Ивановъ, поручики: Титковъ и Клейникъ, подпоручикъ Евфимьевъ и прапорщикъ Галкинъ, всѣ, вѣроятно, по назначенію фонъ-Фрикена. Къ тому же времени туда былъ вызванъ маіоръ одного изъ егерскихъ резервныхъ баталіоновъ, квартировавшихъ въ полковомъ округѣ для работъ, Брезгунъ Съ почтовой станціи приведены были четыре тройки и поручикъ Клейникъ съ фельдшеремъ отправленъ въ Шлиссельбургскую крѣпость, а остальные четыре офицера, съ маіоромъ Брезгуномъ, въ баталіонъ Оренбургскаго отдѣльнаго корпуса, о переводѣ ихъ въ которые послѣдовалъ 27-го іюля 1822 года высочайшій приказъ; поручикъ же Клейникъ, высиживъ шесть мѣсяцевъ въ казематѣ Шлиссельбургской крѣпости, былъ отставленъ отъ службы.

Другой случай: одинъ изъ хозяевъ-поселянъ заявилъ начальству, что у него изъ дома похищены жемчужныя украшенія и другія вещи изъ женскихъ нарядовъ, всего на сумму до 400 руб. ассигнаціями. По резолюціи графа Аракчеева на дневномъ рапортѣ, представляемомъ ему

о происшествіяхъ въ полку, бывшій дежурнымъ по поселенной ротѣ, въ день пропажи означенныхъ вещей, поручикъ Рейсихъ арестованъ былъ на гауптвахтѣ безсрочно, до тѣхъ поръ, пока не будутъ отысканы пропавшія вещи; въ удовлетвореніе же хозяина-поселянина за похищенные вещи, Аракчеевъ приказалъ взискать стоимость ихъ, по объявленной хозяиномъ цѣнѣ, съ нижнихъ чиновъ двухъ дѣйствующихъ ротъ, квартировавшихъ въ той поселенной ротѣ, произведя этотъ вычетъ изъ жалованья каждаго изъ нижнихъ чиновъ этихъ ротъ. Поручикъ Рейсихъ просидѣлъ на гауптвахтѣ полтора мѣсяца и, конечно, высидѣлъ бы еще гораздо долѣе, если бы не заболѣлъ горячкою и не былъ отправленъ на излеченіе въ полковую госпиталь; деньги же съ нижнихъ чиновъ были удержаны въ двѣ трети и переданы пострадавшему отъ кражи. Черезъ годъ послѣ этого дочь хозяина поселянина, объявившаго о похищеніи вещей, вышла замужъ за квартировавшаго въ домѣ ея отца унтеръ-офицера дѣйствующей роты и при этомъ оказалось, что всѣ пропавшія, будто бы, вещи были переданы ею, заблаговременно, своему жениху и хранились у него въ сундукѣ до самой свадьбы. Такихъ образомъ, Богъ знаетъ, за что Рейсихъ высидѣлъ полтора мѣсяца на гауптвахтѣ и заплатился горячкою, а съ бѣдныхъ солдатъ удержано было ихъ нищенское жалованье... Исторія эта была очень хорошо извѣстна всему полку; но, почему-то, осталась безъ всякаго разслѣдованія. Можетъ быть идея о непогрѣшимости высокопоставленныхъ лицъ сознавалась уже и въ то время...

II.

Въ 1824 году полковой штабъ былъ, наконецъ, совершенно отстроенъ и всѣ офицеры получили казенныя квартиры, соотвѣтственно своему служебному и семейному положенію. Квартиры женатыхъ штабъ-офицеровъ состояли изъ пяти-шести комнатъ, не считая двухъ комнатъ на антресоляхъ; семейные оберъ-офицеры получили по три-четыре комнаты, съ прихожею и комнатою для прислуги; холостымъ же субалтернъ-офицерамъ отведены были квартиры въ общемъ флигелѣ, для каждаго по отдѣльному номеру. Всѣ квартиры были очень прилично меблированы на казенный счетъ. Мебель—ясеневаго и березоваго дерева, подъ желтый лакъ, дѣлалась въ полку-же, въ такъ называемой мебельной командѣ, состоявшей изъ 40 человекъ отличныхъ мастеровыхъ, подъ управленіемъ наемнаго мастера нѣмца Фишера.

Въ это же время устроенъ былъ въ полку общій офицерскій столъ, носившій названіе полковой рестораціи. Къ столу этому, въ опре-

дѣленные для обѣда и ужина часы, публика сзывалась трубой дежурнаго горниста, взбиравагося для того на каланчу. Начиная съ полковаго командира, до послѣдняго прапорщика, всѣ наличные офицеры обязаны были являться, въ полуформѣ, къ общей трапезѣ; непришедшіе оставались безъ обѣда, такъ какъ готовить дома было строго воспрещено.

Офицеры, находившіеся въ караулѣ и на разныхъ дежурствахъ, получали обѣдъ и ужинъ на своихъ постахъ, для чего деньщики ихъ приходили съ судками къ старшему повару, который, подъ надзоромъ эконома (изъ классныхъ чиновниковъ), и отпускалъ порціи обѣда или ужина. Отъ обязанности участвовать въ общемъ столѣ освобождались всѣ семейные офицеры, командиры поселенныхъ ротъ и доктора, жившіе своимъ хозяйствомъ. Полковой и баталіонные командиры постоянно обѣдали въ офицерской столовой, и надо сознаться, своимъ присутвіемъ придавали немалую натянутость и принужденность этимъ собраніямъ.

Въ то время военныя поселенія считались какимъ-то удивительнымъ чудомъ: быть въ Россіи и не видѣть новгородскихъ поселеній, не полюбоваться этимъ гениальнымъ твореніемъ великаго Аракчеева,—значило почти то же, что быть въ Римѣ и не видѣть папы. Поэтому, всѣ почетные гости—иностранные принцы и посланники считали своею обязанностью съѣздить на Волховъ и осматрѣть житье-бытье поселенныхъ солдатъ. При этомъ посѣтители всегда, конечно, заѣзжали въ штабъ полка Аракчеева и обѣдали въ офицерской столовой. Одинъ только персидскій принцъ Хозревъ-Мирза, въ бытность свою въ новгородскихъ военныхъ поселеніяхъ, не удостоилъ раздѣлится съ нами трапезу, и для него и всей его свиты былъ приготовленъ особый обѣдъ, въ персидскомъ вкусѣ, съ неизбѣжнымъ пловомъ и бараниной.

Нашъ обѣдъ обыкновенно состоялъ изъ трехъ блюдъ въ будни и четырехъ—по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ; на ужинъ отпускалось два блюда. Кушанья готовились всегда изъ свѣжихъ припасовъ и очень вкусныя, такъ какъ на кухнѣ работали отличные повара-солдаты, изъ бывшихъ крѣпостныхъ, нерѣдко обучавшихся въ первыхъ французскихъ ресторанахъ Петербурга.

Послѣ обѣда офицеры отправлялись въ полковую бібліотеку, гдѣ одни читали «Вѣдомости», другіе мѣняли книги, и затѣмъ расходились по своимъ квартирамъ до новой трубы къ ужину.

Полковая бібліотека состояла изъ разныхъ книгъ небогатой, впрочемъ, русской литературы тогдашняго времени, преимущественно же изъ разныхъ учебниковъ, книгъ духовнаго содержанія, военно-историческихъ сочиненій и, такъ называемыхъ, «избранныхъ» романовъ, по

большей части переводныхъ. Молодые офицеры читали весьма охотно, хотя ограниченный выборъ книгъ и не позволялъ очень разгуляться любителямъ чтенія; офицеры же постарше, въ особенности ротные командиры,—если между ними и встрѣчались охотники до чтенія,—слишкомъ мало имѣли свободнаго времени для этого удовольствія и больше занимались душеспасительнымъ чтеніемъ рекрутской школы и устава о службѣ въ гарнизонѣ; да на ихъ счастье вышелъ тогда разсыпной строй и они усердно занялись имъ, такъ что многіе изъ нихъ выучили на трубѣ всѣ 25 сигналовъ.

Кромѣ общаго стола и библиотеки, для желающихъ упражняться въ верховой ѣздѣ,—въ полку имѣлось до 50 верховыхъ лошадей и нѣсколько берейторовъ; у кого была охота,—тотъ могъ заниматься фехтованіемъ, которому обучали кантонисты военно-учительскаго института.

Институтъ этотъ былъ сформированъ изъ способнѣйшихъ кантонистовъ старшаго возраста, которые, кромѣ фронта, занимались въ классахъ науками, по особой программѣ. Въ программу эту входили: Законъ Божій, грамматика, русская исторія, географія, ариметика, алгебра и геометрія, рисованіе, черченіе плановъ и практическая съемка, а также фехтованіе на всѣхъ оружійхъ; кромѣ того, воспитанники обучались портняжному, сапожному и переплетному мастерствамъ. Военно-учительскій институтъ состоялъ въ вѣдѣніи командира учебнаго баталіона, майора Кохіуса ¹⁾, а инспекторомъ классовъ онаго былъ артиллеріи капитанъ Смирницкій, личность очень достойная, одинъ изъ многихъ неизвѣстныхъ героевъ 1812 года ²⁾.

Такъ какъ при помѣщеніи офицеровъ при полковомъ штабѣ (кромѣ командировъ поселенныхъ ротъ, которые жили при своихъ ротахъ, въ особыхъ домахъ) они были болѣе или менѣе удалены отъ своихъ частей, иногда на 10 верстъ, то составлено было предположеніе о заведеніи экипажей для разѣзда офицеровъ въ роты. По докладѣ объ этомъ графомъ Аракчеевымъ императору Александру Павловичу,

¹⁾ Впослѣдствіи полнаго генерала и члена адмиралтействъ-совѣта.

²⁾ Сыновья военныхъ поселенъ именовались кантонистами и снабжались отъ казны форменнымъ обмундированіемъ, которое обязаны были носить постоянно. Всѣ они, соотвѣтственно ихъ лѣтамъ, раздѣлялись на три возраста: большой, средній и малый. Кантонисты большого возраста зачислялись въ составъ учебнаго баталіона, а средняго и малаго—обучались грамотѣ въ ротныхъ школахъ. Высланные изъ бывшихъ баталіоновъ военныхъ кантонистовъ кантонисты большого возраста поступали въ учебный баталіонъ; часть ихъ, преимущественно изъ круглыхъ сиротъ,—раздавалась на воспитаніе бездѣтнымъ поселенцамъ-хозяевамъ и усыновлялась послѣдними.

государь утвердил означенное предположеніе и пожаловалъ въ даръ гравдерскому графу Аракчеева полку двѣ шести-мѣстных кареты работы Іоахима. Лошадей для этихъ каретъ и збрую разрѣшено было завести на счетъ суммъ военныхъ поселеній, съ тѣмъ, чтобы на будущее время экипажи, лошади и збруя ремонтировались на счетъ офицеровъ, посредствомъ 6%, вычета съ получаемого ими жалованья. Все это заведено было въ 1822 году, и съ того времени офицеры, во дѣламъ службы, т. е. на дежурство по поселеннымъ ротамъ и на ротныя ученья, ѣздили въ каретахъ. Обязанности кучеровъ и форейторовъ исполняли полковые фурштаты, отправлявшіе эту службу въ присвоенной имъ формѣ. Зимомъ, вмѣсто дилижансовъ, подавались троечныя, казанскія сани: Служба начиналась лѣтомъ въ 6 часовъ, а зимомъ— въ 7 часовъ утра.

Служебныя обязанности существовали всегда, существуютъ и теперь; но въ описываемое мною время у насъ старались, кажется, придавать имъ какое то особенно тяжелое значеніе, точно каторжной работы. Придирчивость начальства и его грубость, близко граничащая съ дерзостью, дѣлали то, что, вмѣсто пріятно облегчающаго чувства исполненнаго долга,—мы, смѣнившись со службы, испытывали нѣчто въ родѣ ощущенія чловѣка, котораго цѣлыя сутки заставляли толочь воду или ходить по колесу, и наконецъ-то приостановили это полезное занятіе. Если къ этому прибавить тѣ возмутительныя сцены дикаго звѣрства, которыя были столь обычными явленіями манежей и кордегардій,—то будетъ понятно, съ какими тяжелыми впечатлѣніями смѣнялся со службы молодой офицеръ. Нравственно разбитые, съ страшно разстроенными нервами, возвращались, бывало, мы со службы, и иногда цѣлый день не въ состояніи были придти въ себя, а на завтра опять та же площадная брань, тѣ же стоны и мольбы о пощаду, глухой звукъ палочныхъ ударовъ и синія полосы на избитыхъ чловѣческихъ спинахъ... И такъ цѣлыя годы, длинныя годы тяжелаго зрѣлища самодурства, звѣрства и людскихъ страданій.

Кромѣ ежедневныхъ ученій и періодическихъ парадовъ и смотровъ, съ необходимыми «репетичками» передъ ними,—наша служба состояла въ слѣдующемъ:

Ежедневно, приказомъ по полку, вмѣстѣ съ разными распоряженіями по земледѣльческой и хозяйственной частямъ, объявлялся нарядъ должностныхъ офицеровъ, а именно:

- 1) дежурный по полку. 1 офицеръ.
- 2) " по карауламъ 1 "
- 3) рундами—главнымъ, визитеръ и бѣлымъ. . . . 3 офицера.

4) въ караулъ на главную гауптвахту	1 офицеръ.
5) дежурными по четыремъ поселеннымъ ротамъ	4 офицера.
6) дежурнымъ по комитету полкового управленія	1 офицеръ.
7) дежурными при воловьихъ паркахъ	2 офицера.

Всего ежедневно выходило на службу. . . 13 офицеровъ.

Обязанности дежурныхъ по полку и по карауламъ, караульнаго офицера и рундовъ—были тѣ же самыя, что и теперь, съ тою лишь разницею, что тогда всё мельчайшія требованія устава и инструкцій исполнялись съ педантическою пунктуальностью. Малѣйшее отступленіе отъ правилъ дежурства и караульной службы преслѣдовалось какъ уголовное преступленіе; да, по правдѣ сказать, и мы всё очень серьезно относились къ своимъ обязанностямъ, такъ что проступки чисто служебнаго свойства были явленіемъ очень рѣдкимъ.

Дежурный по поселенной ротѣ, по вступленіи на дежурство, долженъ былъ явиться къ ротному командиру ¹⁾. Отъ послѣдняго онъ получалъ книжку, по которой осматривалъ очередное капральство, состоящее изъ 15 домовъ или связей, въ коихъ помѣщались 60 хозяевъ, съ ихъ женами и дѣтьми, а наверху, въ мезонинахъ—постояльцы, гренадеры дѣйствующихъ баталіоновъ. Осмотрѣвъ весь порядокъ ²⁾, чистоту въ домахъ, на дворахъ и въ хлѣвахъ, и узнавъ, что именно готовится къ обѣду въ каждомъ домѣ,—дежурный заносилъ всё эти свѣдѣнія въ книгу, которую, при вечернемъ рапортѣ ³⁾, и представлялъ командиру поселенной роты. Въ 12 часовъ ночи дежурный по ротѣ обязанъ былъ осмотрѣть караулъ и караульные посты, провѣрить пожарную команду, заглянуть въ пожарный сарай и въ конюшню—удостовериться всё ли лошади въ хомутахъ (днемъ хомуты надѣвались только на одну половину всего числа пожарныхъ лошадей), на своихъ ли мѣстахъ ночные часовые и вездѣ ли, гдѣ слѣдуетъ, горятъ фонари. На другой день, рано утромъ, дежурный отправлялся въ ротную школу, гдѣ учитель встрѣчалъ его рапортомъ и представ-

¹⁾ Командиры поселенныхъ ротъ безотлучно находились при своихъ роткахъ.

²⁾ Для всѣхъ хозяйственныхъ принадлежностей дома было назначено опредѣленное мѣсто, по особой семейной описи, напечатанной и хранившейся въ домѣ на стѣнѣ, въ рамкѣ за стекломъ. На этотъ предметъ существовало особое печатное положеніе, по которому дежурные по поселеннымъ ротамъ офицеры обязаны были повѣрять—всѣ ли вещи на своихъ мѣстахъ и въ должномъ ли порядкѣ.

³⁾ Послѣ вечерней зари, по приѣмъ рапортовъ отъ унтеръ-офицеровъ—караульнаго и пожарной команды и отъ дежурныхъ по капральствамъ ефрейторовъ.

лать списокъ учащимся кантонистамъ, которые при этомъ и осматривались; въ это же время мальчуганамъ производилась и расправа за нерадѣніе къ ученію и нерашествю.

Дежурный по комитету полкового управленія обязанъ былъ цѣлый день сидѣть въ полковой канцеляріи, въ полной формѣ, съ ключами отъ всевозможныхъ дверей. Этимъ безотлучнымъ пребываніемъ въ канцеляріи обыкновенно и ограничивались его обязанности; въ случаѣ же посѣщенія полка какою-либо особою, — онъ являлся къ ней на ординарцы и сопровождалъ повсюду, отпирая и запирая двери. Обязанность эта, очень нетрудная и позволявшая присутствовать за общимъ столомъ, была, тѣмъ не менѣе, ужасно скучна, и каждому прибѣду чиновныхъ посѣтителей дежурный этотъ былъ радъ, какъ развлеченію. Таковую же фиктивную службу несли и дежурные при воловьихъ паркахъ. Наряжаемые на это дежурство офицеры назывались у насъ «слежебоками», такъ какъ ровно ничего не дѣлали и не несли никакой отвѣтственности. Командирами парковъ были инвалидные офицеры, которые за всѣмъ смотрѣли и за все отвѣчали.

Кромѣ перечисленныхъ выше нарядовъ на должности, назначался еще офицеръ для очень оригинальной службы — «для отогнанія волковъ», которые иногда бывали до того дерзки, что не только ночью, но даже и днемъ, врываются во дворы и рѣзали скотъ. Матеріальные убытки отъ такой потери скота ложились исключительно на казну, такъ какъ взамѣнъ погибшихъ коровъ и овецъ поселянамъ раздавался новый скотъ, приобретенный на казенный счетъ; нравственная же отвѣтственность за проказы волковъ падала на хозяевъ, отдувавшихся собственными спинами за недостаточный присмотръ за казеннымъ добромъ. Для того, чтобы хотя сколько нибудь оградить поселянъ отъ безчинствъ непрошенныхъ сѣрыхъ гостей, въ сентябрѣ и октябрѣ мѣсяцахъ наряжалась команда солдатъ въ 50 человекъ, при ружьяхъ, съ 10-ю холостыми и однимъ боевымъ патрономъ на человека. Команда эта поручалась офицеру, который въ 7 часовъ вечера выводилъ ее въ поле, на заднюю линію домовъ, и рассыпавъ по-парно, почти на цѣлую версту, принимался маршировать по лугамъ и пашнямъ, попаливая отъ времени до времени. Бывало дождь проливной, топь невылазная, ни спереди, ни сзади ни зги не видать, — всюду непроглядная тьма, — а волчья команда ходи и пугай невидимыхъ волковъ, тутъ же гдѣ нибудь подъ кустомъ пріютившихся и спокойно выжидавшихъ конца грозной экспедиціи. Сдѣлавъ, такимъ образомъ, версть 8—10, команда возвращалась назадъ, далеко за полночь, усталая и на-сквозь промокшая.

Рекогносцировки эти назывались у насъ — «ловить вѣтеръ въ полѣ», такъ какъ волковъ при этомъ никто, разумѣется, и не видывалъ никогда.

III.

Въ матеріальномъ отношеніи жизнь въ полку была очень удобна и обходилась крайне дешево, чему, конечно, много содѣйствовало учрежденіе общей столовой, избавлявшей людей одинокихъ отъ мелочныхъ хлопотъ по хозяйству. Въ общій столъ, т. е. за обѣдъ и ужинъ, вычиталось по 30 коп. съ рубля получаемого каждымъ офицеромъ жалованья (само-собою разумѣется, что отъ этого вычета были освобождены офицеры, не участвовавшіе въ общемъ столѣ), такъ что прапорщикъ платилъ 40 рублей ассигнаціями въ треть; на кареты или—какъ мы называли ихъ — дилижансы удерживалось, изъ того же жалованья, по 6% (съ прапорщика приходилось 5 рублей ас. въ треть); на бібліотеку—со штабъ-офицеровъ по 10 руб., а съ оберъ-офицеровъ—по 5 руб. въ треть, въ артель деньщикамъ—также по 5 руб. Такимъ образомъ, обѣдъ съ ужиномъ, экипажъ (для служебныхъ, разумѣется, надобностей), прислуга и удовольствіе, доставляемое чтеніемъ,—обходились молодому офицеру въ 55 рублей ассигнаціями въ треть, т. е. по 13 руб. 75 коп. ас. или около 4-хъ руб. серебромъ въ мѣсяць,—дешевизна удивительная, даже и для тогдашняго дешеваго времени.

Кромѣ перечисленныхъ выше удобствъ жизни, для бѣльшаго обезпеченія матеріальнаго быта служащихъ въ поселенныхъ войскахъ, въ нашемъ полку, а также и въ другихъ полкахъ гренадерскаго корпуса,—образованъ былъ офицерскій вспомогательный капиталъ, изъ котораго офицеры могли заимствовать деньги, на собственныя свои нужды и на извѣстные сроки, за уменьшенные проценты. Капиталъ этотъ составленъ былъ посредствомъ вычета половины получаемого офицерами добавочнаго жалованья, которое офицерамъ поселенныхъ войскъ производилось въ размѣрѣ полугодоваго оклада. Вычетъ этотъ продолжался до цифры, составлявшей полный окладъ третнаго жалованья, по числу каждаго.

Впослѣдствіи, при выступленіи гренадерскаго графа Аракчеева полка въ походъ противъ польскихъ мятежниковъ, въ ноябрѣ 1830 г., вспомогательный капиталъ, какъ вслѣдствіе вычетовъ изъ офицерскаго жалованья, такъ и уплаты офицерами процентовъ на выдѣаемыя имъ ссуды,—возросъ до 24,000 руб. ассигнаціями. Въ то время, т. е. къ концу 1830 года, независимо помянутаго капитала, въ нашемъ полку состояли слѣдующія суммы:

а) бібліотечной суммы, на которую не были еще куплены книги, до 2,000 руб. ас.

б) экипажной суммы (на содержаніе каретъ, лошадей и збруи) 1,700 руб. ас.

в) отъ офицерской столовой, наличными, 1,251 руб. ас.

Сверхъ этой послѣдней суммы состояли еще, пожалованныя императорами Александромъ I-мъ и Николаемъ I-мъ въ память посѣщенія ими офицерской столовой,—по 10,000 руб. каждымъ изъ сихъ государей. По распоряженію начальства, эти 20,000 руб. были внесены въ С.-Петербургскій опекунскій совѣтъ, для приращенія процентами, и билеты на нихъ хранились при полковомъ комитетѣ, въ ящикѣ, и были записаны на приходъ по книгѣ полковой рестораціи. При выступленіи полка въ походъ накопилось процентовъ 700 рублей, слѣдовательно, всей суммы были 20,700 руб. ас.

Такимъ образомъ, къ концу 1830 года, когда закрылась общая столовая и были упразднены дилижансы, въ полку графа Аракчеева оставалось денегъ, принадлежавшихъ обществу офицеровъ полка—49,651 руб. ассигнаціями.

Послѣ безпорядковъ въ округахъ военнаго поселенія въ Новгородской губерніи, высшее начальство, въ числѣ прочихъ распоряженій, позаботилось истребовать отъ окружныхъ комитетовъ всѣ хранившіяся при оныхъ денежные суммы въ департаментъ военныхъ поселеній. Затѣмъ, 28 мая 1831 года, послѣдовалъ, на имя военнаго министра, высочайшій указъ, которымъ повелѣвались всѣ денежные суммы военныхъ поселеній причислить къ запасному, армейскому капиталу, безвозвратно, и такимъ распоряженіемъ отнята была собственность офицеровъ и даже деньги, пожалованныя государями.

Деньщиками къ офицерамъ назначались люди старослужащіе, опытные и хорошаго поведенія,—почти всѣ съ медалями за взятіе Парижа. Это были люди того, вымершаго уже, типа деньщиковъ,—нѣчто среднее между прислугой и пестуномъ, въ выработкѣ котораго принимали участіе и суровая военная служба стараго времени, и преданія крѣпостного права. Нерѣдки бывали случаи, что у иного бѣднаго офицера, женатаго, съ кучею дѣтей,—вся прислуга соединялась въ лицѣ одного деньщика, который исполнялъ должности камердинера, повара, няньки и горничной,—ходилъ за «баринномъ», готовилъ обѣды, нянчилъ «барчуковъ», стиралъ бѣлье и работалъ утюгомъ, старательно выглаживая «бариннины» юбки и блузы....

При нарядѣ офицера на службу или во время какого нибудь смотра, «Сидорка»—общая тогда у насъ кличка деньщикамъ,—одѣнется, бывало, своего барина и ходитъ кругомъ его, поворачиваетъ во всѣ стороны, внимательно осматривая—все-ли на своемъ мѣстѣ и какъ слѣдуетъ надѣто,—такъ какъ всякая неисправность въ одеждѣ офи-

пера больно отзвѣчалась на спияѣ вѣрнаго слуги. Богъ ужъ вѣдаетъ,—какими соображеніями руководствовалось наше начальство, дѣлая деньщиковъ отвѣтственными за небрежность и неряшество въ одеждѣ офицеровъ!

Позволяя себѣ частенько ворчать на своихъ «господъ» и читать имъ наставленія,—наши деньщики сильно—какъ мы Аракчеева—боялись полиціймейстера. Полковой полиціймейстеръ назначался, обыкновенно, изъ инвалидныхъ офицеровъ,—этихъ угрюмыхъ ветерановъ съ восьми и четырехъ-конечными медалями, участвовавшихъ въ Итальянскомъ походѣ Суворова и проходившихъ по Чортовымъ мостамъ. Закаленные въ походахъ и бояхъ, не разъ встрѣчавшіеся носомъ къ носу съ самою смертью, люди эти далеко, конечно, не были мягкосердечны, и бѣда была бѣдному «Сидоркѣ» попасться на расправу къ старому служацкѣ. Ежедневно, по утрамъ, полиціймейстеръ обходилъ номера холостыхъ офицеровъ,—смотрѣлъ—все ли прибрано и всюду ли соблюдена надлежащая чистота; при малѣйшемъ упущеніи, не взирая на просьбы офицера, деньщикъ отправлялся на гауптвахту, гдѣ ему и отпускаясь десятокъ, такъ называемыхъ, «горячихъ». При разводахъ полиціймейстеръ присутствовалъ всегда, какъ лицо необходимое. Если, на примѣръ, полковой командиръ замѣтитъ какую либо неисправность въ одеждѣ представляющагося на службу офицера—грязныя перчатки, непротертыя пуговицы, и т. п., онъ,—мановеніемъ руки, подзывая къ себѣ сѣдого, какъ лунь, блюстителя чистоты и порядка и отдавая такое лаконическое приказаніе:

— Деньщику—двадцать горячихъ!

И покуда баринъ парадируетъ на разводѣ, бѣдный «Сидорка» также задаетъ своего рода вытяжку подъ ударами неумолимаго инвалида...

Надо, однако, правду сказать, что большинство офицеровъ берегло своихъ деньщиковъ и рѣдко подводило ихъ подъ отвѣтственность за собственную небрежность. Вообще, деньщики наши, бывшіе для насъ единственными наставниками въ житейской премудрости и ревнивыми оберегателями нашего имущества, котораго, впрочемъ, у иного «барина» и всего-то было ничего,—были люди почтенные, очень честные и заботливые о своихъ господахъ. Всѣ они, почти безъ исключенія, были прекрасными прачками и ловкими официантами; прилично обмундированные и раздѣленные на четыре очереди, они прислуживали за общимъ столомъ не только въ обыкновенное время, но даже и при посѣщеніи полка высокими гостями.

Характеръ отношеній младшихъ офицеровъ къ старшимъ былъ чисто служебный. Не говоря уже о полковомъ и баталіонныхъ коман-

драхъ и вообще о штабъ-фицерахъ, старавшихся держаться отъ молодыхъ офицеровъ подалше и почти никогда неподававшихъ имъ руки при встрѣчѣ, — даже старшіе оберъ-офицеры, — капитаны и ротные командиры, —какого бы чина эти послѣдніе ни были, —держали себя въ отношеніи къ субалтернъ-офицерамъ очень сухо и натянуто, и если послѣдніе имѣли до нихъ какое нибудь дѣло, то являлись къ нимъ не иначе, какъ въ формѣ. Отношеній же частныхъ, обыкновенно устанавливающихся между людьми, живущими въ одномъ мѣстѣ, ежедневно встрѣчающимися за однимъ столомъ, —у насъ никакихъ не существовало, точно между тонкими и жирными эполетами высилась китайская стѣна...

IV.

Такихъ развлеченій, какими пользуются теперь офицеры каждаго армейскаго полка, даже расположеннаго въ какомъ нибудь медвѣжьемъ углу, — напримѣръ танцевальныхъ вечеровъ, домашнихъ спектаклей и т. п., мы и не знали. Женское общество, имѣющее, вообще, такое смягчающее вліяніе на нравы, — для насъ было также недоступно. Правда, въ полку было человѣкъ шесть женатыхъ офицеровъ, кромѣ семейства полковаго командира, — но они жили какъ турки и двери ихъ домовъ не были открыты намъ. Такимъ образомъ, вся общественная жизнь ограничивалась, въ сущности, плацъ-парадомъ, манежемъ, да полковою рестораціею, въ которой, благодаря постоянному присутствію начальства, все молодое сидѣло на вытяжкѣ, торопливо глотало свои порціи и спѣшило разойтись по своимъ угламъ.

Скучно и однообразно тянулась жизнь офицеровъ, въ особенности холостой молодежи: сегодня — какъ вчера, завтра — какъ сегодня, и такъ въ теченіи многихъ лѣтъ.

Въ 1823 году, въ полкъ нашъ были выпущены изъ кадетскихъ корпусовъ до 20-ти человѣкъ молодыхъ офицеровъ ¹⁾. Можно было надѣяться, что эта толпа бойкой, веселой и доброй молодежи хотя нѣсколько оживитъ тоскливую монотонность нашего полковаго житья-бытья; но, къ несчастью, угрюмая рутина поселенной жизни, надъ которой, казалось, постоянно носилась мрачная тѣнь Аракчеева, скоро

¹⁾ Приѣхали они къ намъ въ одной мундирной парѣ, съ нитянымъ приборомъ и въ мѣдныхъ кованыхъ эполетахъ, и уже въ полку у насъ былъ приятно обмундированы, въ серебро, такъ какъ мишура тогда еще не была выдуманна.

втянула въ себя и эту молодежь, не смотря на ея слабую попытку заявить свои права на праздникъ жизни.

Вскорѣ по прибытіи выпускныхъ кадетовъ, задумали, было, мы устроить спектакль, воспользовавшись для этого составомъ военно-учительскаго института, въ которомъ многіе воспитанники, по своей милости, довольно близко подходили къ женскимъ ролямъ. При содѣйствіи командира этого института, намъ дѣйствительно удалось поставить двѣ пьесы: «Казакъ-стихотворецъ» и «Мельникъ». Сцену приспособили въ ригѣ и пьесы были разыграны очень недурно; мы задумывали уже о постановкѣ другихъ,—стали, было, рыться въ полковой библіотекѣ, отыскивая въ ней разныя драматическія произведенія; но, на наше горе, узнавъ какъ-то отъ этомъ полковой командиръ, и считая подобное препровожденіе времени не только неприличнымъ офицерскому званію, но и безнравственнымъ,—посадилъ подъ арестъ командира военно-учительскаго института, капитана Энгеля, намъ—зрителямъ—сдѣлалъ строгій выговоръ, а бѣдныхъ артистовъ—казаковъ-стихотворцевъ и мельниковъ—всѣхъ перепоролъ. Такъ неудачно и больно окончилась наша попытка ввести драматическое искусство въ поселенныхъ войскахъ. А, между тѣмъ, въ средѣ кантонистовъ было не мало личностей истинно талантливыхъ, и, находишь онѣ въ другихъ условіяхъ—кто знаетъ?—быть можетъ, въ лѣтописяхъ русскаго театра было бы не однимъ славнымъ именемъ болѣе.

... Между тѣми же кантонистами были музыканты-скрипачи, отъ игры которыхъ приходилъ въ восторгъ нашъ полковой капельмейстеръ, человекъ основательно знавшій музыку и слыхавшій, на своемъ вѣку, не одну европейскую знаменитость. Но тутъ повторилась старая исторія о непризнанныхъ генияхъ... Даровитые актеры попали въ учителя черченія, а скрипачи-солисты—весь свой вѣкъ, всю свою долгую 25-ти-лѣтнюю службу, проходили въ полковыхъ хорахъ, наигрывая разныя марши на волторнахъ и фаготахъ...

Особенная странность возрѣнія нашего полкового командира фонъ-Фрикена на значеніе театра представляется тѣмъ болѣе удивительною, что въ томъ же 1823 году, въ которомъ у насъ были разыграны пьесы «Казакъ-стихотворецъ» и «Мельникъ», самъ Аракчеевъ задумалъ изданіе недѣльной газеты, подъ названіемъ «Семидневный листокъ военнаго поселенія, учебнаго баталіона поселеннаго гренадерскаго графа Аракчеева полка».

Цензорами-редакторами листка были: старшій священникъ нашего полка, Іоаннъ Григорьевичъ Мудролюбовъ, и инспекторъ классовъ учебнаго баталіона и военно-учительскаго института, артиллеріи капитанъ Смирницкій; общее же наблюденіе за изданіемъ этой газеты пору-

чено было командиру учебнаго баталіона, маіору Василю Петровичу Бохіусу.

7 января 1823 года вышелъ въ свѣтъ 1-й № «Семидневнаго листка», а 11 февраля—6-й и послѣдній № этой газеты, которая такъ и прекратилась, вслѣдствіе — какъ у насъ говорили тогда—печатной ссоры одного изъ редакторовъ-цензоровъ,—священника Мудролюбова съ полковымъ аптекаремъ Веймарномъ, за что первому сдѣланъ былъ выговоръ, а послѣдній посаженъ на гауптвахту на трое сутокъ.

Содержаніе этого недолговѣчнаго журнала военнаго поселенія было самое разнообразное: въ одномъ и томъ же № встрѣчались статьи по части богословія и философіи, переводы изъ римскихъ классиковъ и стихотворенія различнаго сорта, въ которыхъ поселенные риноплеты то прославляли самого Аракчеева и его твореніе—военныя поселенія, то впадали въ сентиментализмъ, описывая горечь разлуки съ милой сердцу.

Главную цѣлю изданія «Семидневнаго листка» было, кажется, желаніе Аракчеева познакомить общество съ учрежденіемъ военныхъ поселеній, представивъ бытъ этихъ поселеній въ возможно привлекательномъ видѣ... Цѣль эта, однако-жъ, никогда не была достигнута, и истина — какъ ее ни прикрывали и ни размазывали — всплывала наружу.

Чтобы какъ нибудь убить свободное отъ службы время, многіе изъ молодыхъ офицеровъ занялись музыкой и стали учиться на разныхъ инструментахъ. Нашъ полковой капельмейстеръ, Померанскій,—игравшій, кажется, на всевозможныхъ инструментахъ,—благодаря своей и нашей скукѣ,—счумѣлъ заохотить дилетантовъ и года черезъ два, въ средѣ офицеровъ, образовался очень порядочный хоръ музыкантовъ.

Само собою разумѣется, что отшельническая жизнь, какую мы тянули, неизбежно должна была губительно дѣйствовать на характеръ молодежи. Много требовалось жизни въ человѣкѣ, чтобы не все заглохло въ немъ подъ изсушающимъ вліяніемъ манежа, маршировки, разводовъ и парадовъ. Въ большинствѣ случаевъ, изъ молодыхъ, полныхъ жизни молодцовъ, какими являлись въ полкъ выпущенные кадеты, — выходили сухіе, черствые служаки — педанты, всѣ интересы которыхъ ограничивались строемъ,—желаніемъ довести свою часть до пес plus ultra равенія, вытяжки носка и отчетливости темпа ружейныхъ пріемовъ... Тѣ же, кто, благодаря энергіи, богатству и выносливости своей натуры, не черствѣлъ окончательно отъ окружающей обстановки, замыкались въ себѣ и апатично брели по глубокой колеѣ рутинѣ, намѣченной Аракчеевымъ и его сподвижниками...

V.

Въ исходѣ 1825 года у насъ въ полку разнеслась вѣсть о кончинѣ императора Александра Павловича и вслѣдъ затѣмъ получено было приказаніе о принесеніи присяги на вѣрность императору Константину.

Великій князь Константинъ Павловичъ въ нашемъ полку никогда не бывалъ и—какъ ходили слухи—ненавидѣлъ Аракчеева и военныя поселенія. Насколько справедливы были эти слухи—сказать трудно, но тогда мы вѣрили имъ весьма охотно и потому понятно, что извѣстіе о вступленіи цесаревича на престолъ принято было нами съ радостью и надеждою, что существованіе военныхъ поселеній скоро прекратится. Мы просіяли и громко заговорили:

— Ну, теперь конецъ нашимъ поселеніямъ!

Присяга была принесена, обычное ура! прогремѣло; но нашимъ надеждамъ на скорое упраздненіе аракчеевщины не суждено было сбыться.

Немного времени спустя, въ полкъ пріѣхалъ изъ Петербурга генералъ-майоръ Тизенгаузенъ и привезъ приказаніе принимать присягу императору Николаю. Собрали полкъ, вынесли евангеліе и крестъ, и мы снова присягнули; но радостныхъ кликовъ, какъ при первой присягѣ, — уже не было слышно. Все это вышло какъ-то очень ужъ неохотно и полковой командиръ два раза одинъ прокричалъ ура, и только въ третій разъ на его возгласъ отозвалась какая-нибудь сотня голосовъ, да и то какъ-то вяло, сквозь зубы. Всѣ видимо были смущены, всѣмъ было неловко, точно ждали чего-то необычайнаго. Да и немудрено. Живя въ глуши, не занимаясь такъ называемой внутренней политикой, не зная ничего о томъ знаменитомъ актѣ о престолонаслѣдіи, который таинственно хранился въ московскомъ Успенскомъ соборѣ, не подозрѣвая, наконецъ, что творится въ столицѣ, — намъ представлялась въ высшей степени странною та двойная присяга, которую насъ заставляли принимать. Мы, естественно, недоумѣвали и боялись, чтобы изо всего этого не вышло какого нибудь крупнаго недоразумѣнія, за которое, въ концѣ концовъ, — пришлось бы намъ же отвѣчать собственными шеями... О событіяхъ 14 декабря мы еще ничего не знали и оно, долго спустя, оставалось для насъ тайной; когда же вѣсть о петербургскихъ смутахъ дошла до военного поселенія, — то объ этомъ говорили тихо, только съ людьми, въ которыхъ были увѣрены: мы очень хорошо помнили старую русскую пословицу о пирогахъ съ грибами...

Трудно сказать — было ли между офицерами нашего полка какое либо сочувствіе къ бунту 14 декабря и къ виновникамъ его. Нѣкоторые изъ офицеровъ были знакомы съ тѣмъ или другимъ изъ второстепенныхъ участниковъ возмущенія; но хотя начальство и подозрѣвало, можетъ быть, нѣчто, но за отсутствіемъ всякихъ уликъ, не могло, конечно, ни къ чему придратъся, тѣмъ болѣе, что эти подозрѣваемые притаились и, казалось, всё ушли въ исполненіе служебныхъ обязанностей.

Причина той неохоты, или—вѣрнѣе—того сомнѣнія, съ какимъ была принята вторичная присяга, можетъ быть также, отчасти, объяснена и тѣмъ, что великій князь Николай Павловичъ былъ извѣстенъ своими строгими требованіями по службѣ, и хотя—какъ говорили—онъ также терпѣть не могъ Аракчеева, но, повидимому, сочувствовалъ идеѣ военныхъ поселеній, какъ учреждений, имѣвшихъ государственное значеніе.

Какъ бы то ни было, но жизнь наша и служба снова потекли обычнымъ порядкомъ. Власть и сила Аракчеева были, по-прежнему, могущественны; всё мы чувствовали себя также сильно придавленными и такими же беззащитными, какъ и въ предшествовавшее царствованіе.

Въ началѣ 1826 года, кажется, въ мартѣ мѣсяцѣ, однообразіе нашей, точно по шаблону выбитой, жизни нарушено было однимъ довольно оригинальнымъ эпизодомъ. Въ праздничный день, въ 1-ю поселенную роту явился какой-то человекъ, весьма странно одѣтый и, подошедши къ часовому, сталъ увѣщевать его, чтобы онъ оставилъ свой постъ и уговорилъ также своихъ товарищей бросить службу и возвратиться на путь истинный.

— «Вы заклеены антихристомъ», говорилъ незнакомецъ, «и я, столбъ церкви, посланъ Богомъ избавить васъ отъ проклятаго ига!»

Пока этотъ господинъ велъ такую бесѣду съ часовымъ, около нихъ собралась большая толпа солдатъ и женщинъ, съ удивленіемъ слушавшихъ и разсматривавшихъ оригинальнаго проповѣдника.

Сначала часовой уговаривалъ незнакомца отойти.

— Уйди! не смущай ты, ради Бога, своими рѣчами народъ! твердилъ солдатъ.

Но такъ какъ тотъ упорно продолжалъ держать свою проповѣдь, то часовой далъ знать дежурному по ротѣ офицеру, подпоручику Темникову, который не замедлилъ явиться на мѣсто, и, при рапортѣ и за конвоемъ, отправилъ проповѣдника въ полковую канцелярію.

Быстро разнеслась по полку вѣсть, что схватили какого-то апостола. Мы бросились въ канцелярію и увидѣли сидящаго, среди конвойныхъ, молодого человека лѣтъ 26—28, очень пріятной наружности, съ небольшою бородкою и довольно длинными волосами. Одѣтъ онъ

былъ въ короткую, до колѣнъ, шубу, крытую темной парчей и опущенную кругомъ соболемъ; изъ-подъ распахнувшейся шубы видна была, перетянутая чернымъ лакированнымъ кушакомъ, шелковая голубая поддевка; ноги были обуты въ красные сафьянные сапоги; на шеѣ, сверху поддевки, блестяль брильянтовый, на золотой цѣпочкѣ, крестъ, а въ рукахъ незнакомецъ держалъ небольшое евангеліе въ золотой оправѣ.

— Что ты за человѣкъ? спросилъ его кто-то изъ насъ.

— «Я столбъ церкви Божьей», отвѣчала эта оригинальная личность, «и посланъ Богомъ, чтобы образумить родъ человѣческій и внушить людямъ, что они преданы антихристу и уклонились отъ пути данныхъ имъ Господомъ заповѣдей!»

Нѣкоторые изъ старшихъ офицеровъ строго заговорили съ нимъ, упрекая, что онъ возмущаетъ народъ, подводитъ неразумныхъ людей подъ бѣду и наказаніе.

— Спусти лѣто, по-малину не ходятъ, братъ, — говорили они, — запоздалъ ты съ своими проповѣдями!

Скоро апостола потребовали къ полковому командиру, и тамъ, въ присутствіи избранныхъ лицъ, онъ былъ секретно допрошенъ.

На всѣ вопросы у него былъ одинъ и тотъ же отвѣтъ:

— «Я столбъ церкви, посланъ Богомъ», и т. д.

Видя, что отъ него невозможно добиться никакого толку, фонъ-Фрикенъ приказалъ запречь въ телѣгу тройку и «церковный столбъ», съ приличнымъ конвоемъ, былъ отправленъ въ «Новгородъ, къ начальнику дивизіи. По отъѣздѣ апостола, много было въ полку разговоровъ и предположеній объ этой таинственной личности. Такъ, между прочимъ, прекрасная половина полка, т. е. жены поселенныхъ солдатъ, — болтали, что нѣкоторыя бабы и мужики окрестныхъ селеній сами видѣли, какъ «батюшка апостолъ» переходилъ черезъ Волховъ и даже ногъ не замочилъ.

Что это была за загадочная личность и откуда она свалилась къ намъ, — для насъ такъ и осталось тайной. Предполагали, что господинъ этотъ проживалъ гдѣ нибудь по близости, держался наготовѣ и пущенъ былъ въ дѣло въ праздничный день, когда всѣ люди были дома, не заняты службой и работами, и отчасти въ праздничномъ расположеніи духа. Самъ по себѣ онъ казался полиѣйшею ничтожностью, и, несмотря на свою миловидность и живописный нарядъ, представлялся чуть не идиотомъ, затвердившимъ нѣсколько фразъ. Видно было, что онъ не болѣе, какъ только орудіе другихъ, болѣе ловкихъ и смысленныхъ людей, не безъ нѣкотораго основанія рассчитывавшихъ на успѣхъ пропаганды среди недовольныхъ поселянъ. Къ счастью, однако-жъ, находчивость часового и рѣшительность дежурнаго офицера въ самомъ

началѣ остановили возможность всякихъ безпорядковъ и тѣмъ предупредили, по всей вѣроятности, немаловажныя волненія между народомъ.

Изъ Новгорода—какъ мы узнали потомъ,—схваченный проповѣдникъ отпращенъ былъ въ Петербургъ, и что тамъ съ нимъ сдѣлалось—Богъ вѣдаетъ. Но только видно, если не самая личность апостола, то цѣль появленія его на поселеніяхъ была немаловажная, такъ какъ недѣли черезъ двѣ послѣ отпращенія его въ дивизионный штабъ, въ приказѣ по полку объявлено было высочайшее повелѣніе о выдачѣ бывшему дежурнымъ по 1-й поселенной ротѣ, въ день ареста апостола, подпоручику Темникову, годового оклада жалованья, въ награду за исправную службу.

VI.

Мѣсяца черезъ два послѣ этого эпизода, т. е. въ маѣ мѣсяцѣ того же 1826 года, въ поселенномъ баталіонѣ произошли безпорядки, вызванные—какъ оказалось впоследствии—невыносимо строгими требованіями отъ людей исполненія, одновременно, такихъ несомвѣстимыхъ обязанностей, какъ обязанности солдата и земледѣльца.

— «Ты долженъ быть», говорило начальство военному поселянину, «примѣрнымъ хозяиномъ,—содержать свой домъ и вести полевое хозяйство въ образцовомъ порядкѣ; но, въ то же время, ты обязанъ быть и отличнымъ солдатомъ,—хорошо маршировать, безукоризненно тянуть носокъ и отчетливо выдѣлывать всѣ ружейные премы».

Неизбѣжнымъ слѣдствіемъ такихъ двойныхъ требованій было то, что поселенному солдату доставалось всегда вдвойнѣ: худо вспахано поле—палки; дурно вычищена аммуниція—палки;—палки за все, про все. Однимъ словомъ, несостоятельность извѣстной русской пословицы, что съ одного вола двухъ шкуръ не дерутъ, доказывалась въ военныхъ поселеніяхъ самымъ блистательнымъ образомъ: у насъ драли, кажется, не по двѣ, а по четыре шкуры...

Какъ ни феноменально выносливъ и терпѣливъ русскій солдатъ, но, видно, и для его терпѣнія существовали извѣстныя границы; а можетъ быть, тутъ не осталось еще безъ вліянія и недавнее появленіе апостола и его проповѣдь о заклеяменіи антихристомъ, его воззваніе къ обращенію на путь истинный. Такъ или иначе, но невыносимая строгость служебныхъ требованій и жестокость наказаній за малѣйшую неисправность по службѣ и по хозяйству сами по себѣ уже были слишкомъ достаточнымъ поводомъ, чтобы вызвать недовольство въ людяхъ поселеннаго баталіона. Начался ропоть, заговорили громче и

громче о несправедливостяхъ и притѣсненіяхъ начальства... А такъ какъ въ то суровое время всякое проявленіе неудовольствія со стороны подчиненныхъ, всякое, даже вполнѣ законное, требованіе ихъ—считались бунтомъ, то и выраженные поселянами претензіи признаны были преступленіемъ противъ военной дисциплины. Пріѣхавъ Аракчеевъ и сдѣлавъ свои отеческія распоряженія: виновники возмущенія были жестоко наказаны и отправлены по сибирскому тракту; другихъ перепороли...

Черезъ три дня послѣ этого, полкъ посѣтилъ государь императоръ Николай Павловичъ. Осмотрѣвъ поселенный баталіонъ и сдѣлавъ ему строгій выговоръ за безпорядки, — государь простилъ виновныхъ... Конечно, ему ничего не было извѣстно о томъ наказаніи, какое уже понесли эти виновные.

По окончаніи смотра, государь удостоилъ своимъ присутствіемъ нашъ общій столъ и, во время обѣда, со многими офицерами ласково разговаривалъ; совѣтывалъ намъ быть бережливыми и лишнюю копейку прибавать алтыннымъ гвоздемъ.

— «Я замѣтилъ, господа», сказалъ, между прочимъ, государь, «что вы изъ военного поселенія стараетесь бѣжать, какъ отъ чумы; но я сдѣлаю такъ, что сюда всѣ охотно пойдутъ».

Въ заключеніе, государь милостиво простился съ нами, пожелавъ здоровья и счастливой службы.

Послѣ отъѣзда государя изъ полка и поданной имъ надежды на переменѣ къ лучшему, съ насъ точно камень тяжелый свалился: мы встрепенулись и съ нетерпѣніемъ ждали—что-то будетъ?

Наконецъ, въ исходѣ того же 1826 года, послѣдовало ожидаемое нами высочайшее повелѣніе. Съ поселеннаго баталіона сняли боевую аммуницію, нарядили его въ сѣрые казакіны, съ такими же кушаками, съ красными воротниками и съ желтыми погонами, съ вензелемъ на нихъ Г. А. и наименовали военными поселянами графа Аракчеева полка. При этомъ люди этого баталіона, получавшіе до-того жалованье и провіантъ по общему солдатскому положенію,—переведены были на свое продовольствіе и отпускъ имъ довольствія отъ казны былъ прекращенъ.

Въ слѣдующемъ, 1827 году, нашего отца-благодѣтеля, графа Алексѣя Андреевича мы проводили за границу, къ минеральнымъ водамъ; любимецъ его фонъ-Фрикенъ произведенъ былъ въ генералъ-майоры и назначенъ бригаднымъ командиромъ 1-й гренадерской бригады. Командиромъ корпуса (гренадерскаго) назначенъ былъ князь Шаховской, а нашъ полкъ принялъ полковникъ Тютрюмовъ.

Тогда-то мы вздохнули, что называется, во всѣ легкія и кажется

первыя почувствовали самосознаніе. Служебныя порядки стали, мало по малу, измѣняться. Поселенному баталіону дали на каждаго хозяина по одному помощнику, а къ двумъ дѣйствующимъ баталіонамъ прибавленъ былъ третій—резервный, сформированный изъ молодыхъ солдатъ и кантонистовъ старшаго возраста; причеиъ въ баталіонъ этотъ включена была, подъ именемъ 3-й гренадерской, военно-учительская рота, въ полномъ ея составѣ. Рота эта осталась въ прежнемъ своемъ помѣщеніи, при полковомъ штабѣ, а остальные три, фузилерныя, роты вновь сформированнаго баталіона расквартированы были по поселеннымъ ротамъ, и во время лагеря изъ этихъ трехъ ротъ сформировалась еще четвертая.

Прикомандированные къ полку графа Аракчеева, для узнанія службы и изученія порядка, лица разныхъ вѣдомствъ и различныя команды, какъ-то: уланскіе и кирасирскіе офицеры чугуевского и херсонскаго военныхъ поселеній, штабъ-офицеры армейскихъ полковъ (жаждавшіе получить гарнизонные баталіоны), инженеры, архитекторы, землемѣры, форстмейстеры, учителя отдѣленій военныхъ кантонистовъ, полувзводъ жандармовъ и второй хоръ музыкантовъ 1-го учебнаго карабинернаго полка, — все это было отправлено къ своимъ частямъ. Такимъ образомъ, нашъ полкъ очистился—какъ мы тогда говорили—отъ нашествія иноплеменныхъ, и въ немъ остались одни лишь кровные гренадеры. Служба началась мирная: не слышно уже было начальнической брани, все поприутихло; даже кулачныя и палочныя бои, — долго еще спустя бывшіе обычнымъ явленіемъ въ военной службѣ,—сдѣлались гораздо скромнѣе... Но, за то, нашъ новый полковой командиръ сильно дожималъ насъ чтеніемъ житія святыхъ отцовъ. Иной разъ, бывало, послѣ долгаго, утомительнаго ученья въ полной походной формѣ, построить баталіоны въ каре и ходить отъ баталіона къ баталіону, прочитывая отрывки изъ Четыхъ-Миней. Въ особенности много доставалось отъ набожнаго настроенія полководца 3-му баталіону, сформированному—какъ я уже сказалъ выше—изъ кантонистовъ и молодыхъ солдатъ, и которыхъ полковой командиръ считалъ своею обязанностью наставлять въ вѣрѣ и нравственности. Конечно, чтеніе житія святыхъ было, само по себѣ, очень назидательно, но въ то время мы думали, что оно принесло бы несравненно болѣе пользы, если бы происходило не тогда, когда люди не чувствовали подъ собою ногу отъ усталости и, что называется, варились въ собственномъ соку, изнемогая отъ 28-градуснаго жара.

Такъ тянулась наша служба до 1831 года, когда взбунтовались наши старинные пріатели поляки, и дѣйствующіе баталіоны, въ январѣ мѣсяцѣ, выступили въ походъ противъ неугомонныхъ мятежниковъ.

Полковая ресторація закрылась и оставшіеся офицеры стали жить своимъ хозяйствомъ. Въ резервный баталіонъ начали прибывать по-немногу рекруты; въ маѣ мѣсяцѣ баталіонъ этотъ вышелъ въ Новгородъ, для содержанія караула, и оттуда—въ лагерь подѣ Княжій-дворь. Но мирныя лагерныя занятія наши были неожиданно нарушены страшнымъ взрывомъ, такъ-называемаго, холернаго бунта, о которомъ много, подробно и весьма интересно рассказано въ книгѣ, изданной редакціей «Русской Старины»: «Бунтъ военныхъ поселень» ¹⁾.

Въ 1832 году покончилось существованіе новгородскихъ военныхъ поселеній. Учрежденные въ 1817 году, стоившіе государству нѣсколько милліоновъ, а народу—много слезъ и крови,—военные поселяне, послѣ 15-ти лѣтняго существованія ихъ, переименованы были въ пахатныхъ солдатъ и раздѣлены на округа.

А. К. Гриббе,
отставной полковникъ.

Старая Русса.
1875 г.

¹⁾ Книга эта издана нами въ 1870 г. и тогда-же сполна разошлась.
Ред.

КЪ ВОСПОМИНАНІЯМЪ О ВУНТѢ ВОЕННЫХЪ ПОСЕЛЯНЪ

въ 1831 г.

Поручикъ Соколовъ.

Много я читалъ разсказовъ о бунтѣ военныхъ поселянъ Новгородской губерніи въ 1831 году, но нигдѣ не встрѣчалъ, чтобы упоминалось при этомъ имя поручика Соколова, хотя его роль въ дѣлѣ бунта, какъ я слышалъ, была далеко немаловажная. Это подтверждается тѣмъ, что съ 1831-го года по 1840-й онъ содержался подъ строгимъ карауломъ на Старорусской гауптвахтѣ и затѣмъ, въ 1840-мъ году, по суду лишень былъ всѣхъ правъ состоянія и посланъ въ кронштадтскія арестантскія роты на 20 лѣтъ въ кандалахъ. Обвинялся онъ въ подстрекательствѣ къ бунту солдатъ и поселянъ, но съ какою цѣлью онъ это дѣлалъ—я положительно сказать не могу.

Я познакомился съ Соколовымъ на гауптвахтѣ лѣтомъ въ 1839-мъ году, когда наша резервная батарея 1-й гренадерской артиллерійской бригады занимала карауль въ г. Старой-Руссѣ, и тогда даже игрывалъ съ нимъ въ шашки, угощалъ его своимъ чаемъ и обѣдомъ, но искренняго слова отъ него не добился. Вообще онъ былъ хитрый и крайне осторожный на словахъ человекъ: если говорилъ о своемъ дѣлѣ, то всегда прибавлялъ, что онъ страдаетъ по злобѣ и зависти людской и при этомъ въ паралель своему терпѣнію приводилъ терпѣніе святыхъ мучениковъ изъ книги Четьи-Миней, которую онъ постоянно имѣлъ на своемъ арестантскомъ столикѣ.

Я хорошо его помню, потому что всегда смотрѣлъ на него съ любопытствомъ. Онъ былъ высокаго роста, съ курчавыми, коротко остриженными, темными съ просѣдью волосами; лице у него было корявое, носъ въ родѣ крупной бородавки, съ большой впадиной на переносицѣ, губы тонкія помертвѣлыя; каріе глаза его, въ особенности когда говорилъ о своемъ дѣлѣ, такъ и горѣли злобой и ненавистью, что на-

водило на меня крайне непріятное впечатлѣніе. Онъ былъ мастеръ говорить, какъ русскій краснобай, мастеръ былъ и отписываться, чтобы затянуть дѣло. Я самъ читалъ нѣкоторые его отвѣты на заданные ему вопросы и не мало удивлялся его умѣнью ставить крючки, чтобы привлечь къ своему дѣлу какъ можно болѣе чиновныхъ людей. У него цѣль была при этомъ—дождаться милостиваго манифеста; поэтому онъ часто мечталъ о женитьбѣ нынѣ царствующаго государя императора (писано въ 1875 г.).

Прежде онъ служилъ въ какомъ-то пѣхотномъ полку солдатомъ, былъ старшимъ писаремъ, въ кампанію 1813 года былъ фельдфебелемъ, потомъ произведенъ въ офицеры и передъ поселянскимъ бунтомъ, въ чинѣ поручика, въ какомъ-то рабочемъ баталіонѣ занималъ должность казначея и кралъ безцеремонно казенныя деньги, такъ что составилъ себѣ порядочный капиталъ; однако попался и баталіонный командиръ смѣнилъ его съ этой должности. Съ этого времени въ Соколовѣ зародилась месть и онъ всячески старался вредить своему командиру. На бѣду наступилъ 1831-й годъ, а съ нимъ напала на Россію и холера. Пошли въ народѣ толки, суды и пересуды о томъ, что такое холера, отчего мретъ отъ нея только черныи народъ, а господу попржнему чай попиваютъ, — знать, это не просто. Наконецъ порѣшили, что поляки (тогда съ Польшей была война) воду отравляютъ, а такъ какъ имъ однимъ вездѣ не успѣть, то они для этого закупаютъ лекарей, аптекарей, фельдшеровъ, поповъ, разное начальство и даже всѣхъ, кто не носить русскаго платья. Но вѣдь это были только толки и догадки, а доказательствъ не было; вотъ тутъ-то Соколовъ и подвернулся къ народу на выручку. Онъ прежде началъ съ своихъ солдатъ, намекнувши имъ, что холера не отъ Бога, а отъ злого человѣка и отъ отравы, и что чуть-ли и баталіонный-то командиръ не на сторонѣ-ли отравителей. Сперва солдаты ему не повѣрили и даже возражали ему: «что вы, ваше благородіе, да можетъ-ли это быть, мы не надѣмся этого отъ нашего командира!»—«Ладно, братцы»,—говорить онъ имъ, «пускай покажѣсть будетъ по вашему, только меня не выдавайте и помните, что я хотя и офицеръ, но душой все-таки забритый, и васъ на баръ не промѣняю». Наконецъ холера встревожила и баталіоннаго командира. Онъ призвалъ къ себѣ всѣхъ офицеровъ и приказалъ имъ, въ виду отвращенія эпидеміи, каждый день окуривать казармы (чѣмъ—я не знаю) и вообще наблюдать за чистотою воздуха. Соколовъ, воспользовавшись этимъ, выпросилъ разрѣшеніе окуривать и бани. Наступаетъ банный день; баню накурили и одну изъ ротъ повели париться, а Соколовъ шепчетъ унтеръ-офицерамъ: «Ребятунки, жалѣючи васъ говорю, осмотрите прежде баню, поню-

гайте, паромъ-ли тамъ пахнетъ, да ужь потомъ ведите людей, а меня начальству не выдавайте».—«Ладно», отвѣчаютъ они, и ускорили шаги къ банѣ, а рота передъ баней остановилась. На вопросъ ротнаго командира, зачѣмъ остановились, ему отвѣчаютъ: «Баня угарна, ваше благородіе», а въ это время изъ бани закричали: «Не ходите, братцы, здѣсь холерой накурили!»... Известно, чѣмъ все это окончилось: убійствами, грабежами и проч., и проч., о чемъ такъ много уже говорили и писали.

Мнѣ рассказывали, что послѣ этого Соколовъ для знакомыхъ бунтовщиковъ былъ другомъ и совѣтчикомъ, а для незнакомыхъ—тайнымъ подстрекателемъ на разныя неистовства; что онъ разсылалъ ложные указы царскіе, а гдѣ нужно было и гдѣ его не знали, онъ являлся въ толпѣ бунтовщиковъ въ солдатской шинели и подъ чужимъ именемъ. Какъ онъ потомъ и чрезъ кого привлеченъ былъ къ слѣдствію—я не помню и насколько оказался по суду виновнымъ—я не знаю. Послысь слухи, что въ рукахъ его была судьба многихъ горожанъ г. Старой-Руссы, потому что онъ могъ уличить ихъ въ сообществѣ съ бунтовщиками. Бывши въ караулѣ, я самъ видѣлъ нѣкоторыхъ изъ купцовъ, приходившихъ къ Соколову съ разными приношеніями и нерѣдко исавшихъ случая поговорить съ нимъ наединѣ около гауптвахты. Вообще наши артиллеристы нестрого наблюдали за Соколовымъ. Иногда даже отпускали его на честное слово къ женѣ и дѣтямъ, которые жили въ Руссѣ, и онъ постоянно являлся на гауптвахту въ свое время. При этомъ я еще долженъ сказать, что я никогда не замѣчалъ въ немъ ни грусти, ни отчаянія: или онъ свыкся съ своимъ положеніемъ, или ужь крѣпко надѣялся на чью-то защиту. Но когда на старорусской площади прочитали ему конфирмацію, то и его желѣзная натура не выдержала: онъ упалъ на колѣни блѣдный, какъ полотно, пока его не подняли, надѣвши на него арестантскую куртку и кандалы на ноги. Говорятъ, что чрезъ годъ послѣ этого онъ умеръ.

Въ заключеніе я считаю своею обязанностью заявить, что, писавши эту замѣтку, я имѣлъ только одну цѣль: напомнить о поручикѣ Соколовѣ тѣмъ лицамъ, которые сами его знали или слышали о немъ съ большою достовѣрностью, нежели я, и тѣмъ вызвать ихъ на рассказъ о немъ, что, надѣюсь, послужитъ нѣкоторымъ матеріаломъ для исторіи холернаго бунта военныхъ поселянъ Новгородской губерніи въ 1831 году.

Н. И. Коведневъ.

С. Горюницы,
Холмскій уѣздъ, Псковской губ.
1-го октября 1875 года.

Императоръ Николай Павловичъ

во время волненія на Сѣнной площади

въ 1831 г.

Описаніе волненія на Сѣнной площади въ 1831 г. и прибытія туда государя Николая Павловича можно дополнить слѣдующимъ интереснымъ и характеристическимъ эпизодомъ, рассказаннымъ мнѣ однимъ моимъ родственникомъ, петербургскимъ старожиломъ.

„Площадь Сѣнная была исполнена народомъ и между нимъ было не мало зловѣщихъ фізіономій. Что-то недоброе затѣвалось... камни мостовой въ нѣкоторыхъ мѣстахъ были вырты. Первыми словами императора по прибытіи на площадь были грозныя: „На колѣни!“ Другихъ словъ государя я не слышалъ, но, вѣроятно, на вопросъ его: зачѣмъ вы здѣсь собрались, или чего вамъ надо, одинъ недалеко отъ меня стоявшій молодой парень тоненькимъ голоскомъ сказалъ: „Ваше величество! насъ обижаютъ!“

— „Взять его! Вотъ они, эти злодѣи!“ былъ короткий отвѣтъ Николая Павловича.

Мужиченка блѣлъ съ виду изъ самыхъ тихихъ и безобидныхъ, только нѣтъ глаза на выкатѣ и потому, вѣроятно, показался императору подозрительнымъ. Во время всей этой сцены, находившійся въ коляскѣ государя генераль-губернаторъ (Эссенъ?) сидѣлъ блѣдный какъ смерть“.

Изъ того обстоятельства, что въ коляскѣ императора Николая I находился генераль-губернаторъ, оказывается замѣтка ф. д. Ховена на письмо Жуковскаго, которую онъ желаетъ доказать, что императоръ не могъ прибыть изъ Петергофа на пароходѣ, — не совсѣмъ основательной. Могло и такъ случиться, что Николай Павловичъ, прибывъ на пароходѣ, сѣлъ въ дорожную коляску, чтобы съ Сѣнной площади прямо отправиться въ Петергофъ. Такимъ образомъ онъ могъ пригласить помѣститься въ его коляскѣ и встрѣтившаго его на пристани генераль-губернатора. ;

Сообщ. А. А. Чумиковъ.

Ревель. 26 ноября.

Полковникъ П. Д. Головинъ и ген.-маіоръ Журавскій

въ 1854 г.

Въ ноябрьской книгѣ „Русской Старины“ 1884 г., въ запискахъ генерала отъ инфантеріи М. Я. Ольшевскаго — „Русско-турецкая война за Кавказомъ въ 1853 — 1854 гг.“, на стр. 421 (въ выносѣ), при перечисленіи войскъ, входившихъ въ составъ отряда, дѣйствовавшаго 19-го ноября при Башкадыкларѣ, между прочимъ, командиромъ батареіной № 5-й батареі 21-й артиллерійской бригады, названъ полковникъ Москалевъ. Какъ служившій въ этой батареѣ и участвовавшій въ башкадыкларскомъ дѣлѣ, позволяю себѣ изразить маленькую неточность. Командиромъ сказанной батареіной батареі (съ легкими орудіями) былъ не Москалевъ¹⁾, а полковникъ Головинъ 4 (Платонъ Дмитріевичъ). Одинъ изъ непріятельскихъ зарядныхъ ящиковъ, въ началѣ боя, взорванъ 5 батареѣй, вторымъ орудіемъ-единорогомъ, которое вскорѣ было непріятелемъ подбито, при чемъ контуженъ ядромъ въ грудь бригадный командиръ генераль-маіоръ Журавскій.]

Сообщ. Ив. В. Сорочинъ.

¹⁾ Убитъ при неудавшемся штурмѣ Карса 17 сентября 1855 г.

СЛАВНОЕ БАЯЗЕТСКОЕ СИДѢНЬЕ

въ 1877 г.

I.

Отсутствие живого слова въ литературѣ о славной оборонѣ Баязета скоро заставило публику забыть тотъ восторгъ, то благоговѣніе къ страданіямъ и героизму баязетскаго гарнизона, которые даже во время войны не могли охладиться ни быстро смѣняющимися политическими интересами, ни разнообразными боевыми эпизодами.

Горячіе рассказы защитниковъ Баязета въ 1877 и 1878 годахъ, не подтверждаемые печатью въ теченіи уже семи лѣтъ, стали понемногу замолкать и получать легендарный характеръ¹⁾; между тѣмъ скептики, узнавъ о нѣкоторыхъ немногихъ недостаткахъ этой славной обороны и о томъ, что при освобожденіи гарнизона было выведено около десятка здоровыхъ лошадей, стали открыто высказывать сомнѣніе въ дѣйствительности прославленныхъ страданій, а стало быть и въ безпримѣрное мужество нашихъ солдатъ, которыхъ голодъ и жажда, подъ палящимъ солнцемъ, изнуряя до потери силъ, не убили въ нихъ рѣшимости двадцать три дня отражать нападенія непріятели, по крайней мѣрѣ въ десять разъ превосходившаго нашъ гарнизонъ.

Такимъ образомъ одинъ изъ славнѣйшихъ подвиговъ нашихъ войскъ сталъ слишкомъ рано покрываться туманомъ.

Предъ каждой войной въ хаосѣ разныхъ мнѣній и восклицаній часто слышится грустный, многозначительный стихъ А. С. Хомякова:

„И много подвиговъ невѣдомыхъ свершится“.

¹⁾ Брошюра о 23-хъ дневной оборонѣ Баязетской цитадели, изданная въ 1878 году, какъ перечень приказовъ, конечно была чужда и участникамъ, и публикѣ, и исторіи, такъ какъ всякій знаетъ, что бились въ стѣнахъ Баязетской цитадели не приказы, а люди, и всѣ интересовавшіеся этимъ дѣломъ жаждали воссозданія тѣхъ эпизодовъ и тѣхъ картинъ, по которымъ можно было имъ самимъ отыскать истинныхъ героевъ и оцѣнить дѣло баязетцевъ по достоинству.

К. Г.

Не легче отзывается на сердца и послѣ войны, когда даже реляціей прославленные подвиги, за недостаткомъ матерьяловъ для исторіи, обращаются мало по малу въ «невѣдомые».

Этихъ данныхъ однако въ нашемъ распоряженіи весьма нынѣ достаточно, чтобы, отбросивъ колебанія передъ трудностью задачи, предложенной мнѣ участниками обороны Баязета, согласиться приступить къ составленію одного связнаго повѣствованія изъ отрывочныхъ и не рѣдко одностороннихъ разсказовъ свидѣтелей.

Вотъ матерьялы, послужившіе основаніемъ предлагаемаго нами на страницахъ «Русской Старины» разсказа объ оборонѣ Баязета:

Записки участниковъ: войскового старшины Кванина, 4-й батареи 19-й артиллерійской бригады штабсъ-капитана Томашевскаго, 11-го военновременнаго госпиталя старшаго врача Сивицкаго. Записки участниковъ въ первой колоннѣ, появившейся передъ Баязетомъ 13 іюня: эриванскаго губернскаго воинскаго начальника генераль-маора Преображенскаго, 4-й батареи 19-й артиллерійской бригады штабсъ-капитана Хорошкевича, а также осмотръ цитадели и съемка ея на планъ, въ общихъ чертахъ, командира 4-й легкой батареи 19-й артиллерійской бригады.

Разсказы: нѣсколькихъ офицеровъ Ставропольскаго полка, въ особенности штабсъ-капитана Чекаидзе, хорунжаго Таманскаго полка Зарецкаго, шести казаковъ, преимущественно урядниковъ, выдавшихся своею храбростью, изъ которыхъ большая часть произведена въ офицеры, и восемнадцати нижнихъ чиновъ, больше половины которыхъ были артиллеристы. Вслѣдствіе этого послѣдняго обстоятельства внутренняя жизнь и дѣйствія артиллерійскаго взвода выскажутся немного рельефнѣе, чѣмъ другихъ частей.

II

Стоить взглянуть на мѣстоположеніе города Баязета, чтобы съ достаточною основательностью опредѣлить некультурность и необщительность его жителей. Проходя по улицамъ города, кажется, что главная забота ихъ была сдѣлать свои жилища малодоступными: мѣстами дома расположены по такимъ крутизнамъ, что основанія выше и рядомъ стоящихъ зданій приходятся противъ середины сосѣднихъ. Среди города, на одномъ изъ высокихъ горныхъ уступовъ, возвышается крѣпкій замокъ, принадлежавшій прежде баязетскимъ пашамъ, а въ описываемый періодъ времени выбранный нашими войсками опорнымъ пунктомъ для обороны. Вотъ что о судьбѣ этого достопамятнаго для насъ замка разсказали мнѣ сѣдовласые жители города:

Въ то время, когда курдистанскіе паши имѣли возможность играть роль феодалныхъ, мало зависимыхъ владѣтелей и обладали еще такою силою, что могли открыто вступать въ борьбу съ сосѣдями, обогащаться грабежами, а иногда отказывать султану въ должной дани, въ Баязетѣ пашею былъ Исакъ, который и построилъ себѣ этотъ дворецъ.

При Балулъ-пашѣ, внукѣ Исака-паши, курдистанскіе владѣтели стали бѣднѣе, а потому и сила для поддержки гордаго, независимаго отношенія къ центральной власти значительно ослабѣла. Султанъ Абдуль-Меджидъ рѣшился воспользоваться такимъ положеніемъ одного изъ безпокойнѣйшихъ пашей—баязетскаго: подъ какимъ-то предлогомъ онъ лишилъ его званія правителя и сослалъ въ Арзерумъ съ запрещеніемъ возвращаться въ Баязетъ.

Смѣлый Балулъ выбралъ для своего жительства деревню Игюмъ— въ девяти верстахъ отъ Гасанъ-кала, гдѣ и до сихъ поръ живетъ потомство баязетскихъ пашей, родоначальникомъ которыхъ считается Махмудъ-паша.

Изъ Игюма Балулъ-паша, въ видѣ проявленія ему милости султана, былъ вызванъ въ Константинополь ко двору. Оставаясь безъ мѣста и содержанія, онъ долженъ былъ поддерживать представительность своей особы собственными средствами и когда подобнымъ приемомъ было высосано все состояніе опальнаго паши, то султанъ склонился на просьбу раззореннаго и назначилъ ему пожизненное годовое содержаніе на наши деньги въ 350 рублей. Нѣкогда сильный Балулъ-паша, видя, что возвратъ въ Баязетъ для него немислимъ, въ видѣ благодарности за назначенную ему пенсію, подарилъ свой бывший замокъ-дворецъ султану Абдуль-Меджиду.

Такимъ образомъ резиденція баязетскихъ пашей, построенная Исакомъ-пашею, въ видѣ обширнаго, красиваго замка, перешла въ казну, а въ 1877 году за стѣнами его горсть нашихъ молодцовъ двадцать три дня отражала иррегулярныя массы курдовъ.

III.

Необходимость сдѣлать яснымъ рассказъ объ оборонѣ Баязета вызываетъ обязанность подробно ознакомить читателей со всѣми постройками замка, служившаго цитаделью для нашихъ войскъ.

Цитадель эта, занимая около тысячи пятьсотъ квадратныхъ саженъ, раздѣлялась (въ 1877 г.) большими зданіями на три двора:

Первый дворъ (Д) занималъ въ длину и ширину по четырнадцати саженъ; посреди двора, высланнаго плитами, находился до бло-

кады обширный, безводный резервуаръ недѣйствовавшаго фонтана, съ довольно высокими бортами.

Дворъ этотъ ограничивался со всѣхъ сторонъ зданіями: передній фасъ представлялъ одноэтажное помѣщеніе съ площиною наружною стѣною, если не считать ворота посрединѣ его и пробитое отверстіе въ видѣ амбразуры недалеко отъ праваго угла; внутренняя же его сторона имѣла разныя приспособленія, такъ, лѣвѣе воротъ, если смотрѣть со двора, находилась открытая ниша (а), сквозь стѣну которой выходилъ кранъ отъ водопровода; рядомъ и лѣвѣе ниши была другая открытая комната (б), изъ которой, сквозь отверстія въ полу, можно было спуститься въ подземную галерею съ бойницами (Г), а сквозь полъ галереи—еще ниже, на каменистую поверхность скалы; выходъ изъ этого подземелья былъ возможенъ сквозь проломъ (в), черезъ который преимущественно охотники наши ходили по ночамъ за водой ¹⁾.

Правый и лѣвый фасаы, подведенные подъ одну плоскую крышу съ переднимъ, состояли изъ совершенно сходныхъ съ нимъ одноэтажныхъ построекъ.

Взойти на плоскую крышу можно было только по лѣстницѣ изъ корридора, раздѣляющаго зданіе праваго фаса (г) и по лѣстницѣ черезъ люкъ въ правомъ углу цитадели (д).

Отъ второго двора первый отгораживался красивымъ двухъ-этажнымъ зданіемъ и соединялся съ нимъ сводчатымъ широкимъ проходомъ въ нижнемъ этажѣ.

Средній дворъ (Е) занималъ шестнадцать сажень въ длину и четырнадцать въ ширину, а съ противоположной стороны отъ входа замыкался большимъ зданіемъ (И). Сѣверный уголъ двора составлялся изъ примыкавшей къ этому послѣднему зданію высокой мечети съ куполами и минаретомъ; только одинъ южный фасъ ограничивался болѣе низкой постройкой; лѣвѣе входа въ эту послѣднюю находилась небольшая выдающаяся комната (е), изъ которой открывалось глубокое, обширное подземелье, гдѣ хоронили нашихъ убитыхъ и умершихъ. Оно видно также и со двора сквозь провалы (ж).

¹⁾ Въ донесеніяхъ и даже въ небольшихъ статейкахъ упоминалось, что солдаты наши выходили за водой по ночамъ черезъ отхожее мѣсто. Эта подземная галерея, дѣйствительно, примѣнялась турками для такого назначенія и подъ поломъ ея, по каменному грунту, протекала вода, выносившая нечистоты сквозь проломъ; но, послѣ занятія замка нашими войсками, она утратила это значеніе, была чиста и занималась стрѣлками для дѣйствія сквозь бойницы.

Около мечети красовалась небольшая башенка на манеръ кіоска, которая прикрывала спускъ въ другое подземелье, ведущій къ гробницамъ строителя этого замка—Исака-паши и его жены (з).

Выходами изъ этого двора на задній служили: темный корридоръ черезъ все большое зданіе и проломъ (к), сдѣланный въ небольшой, невысокой стѣнкѣ.

Заднее почти квадратное каменное зданіе, имѣвшее по двадцати сажень въ сторонѣ, тоже представляло въ этомъ замкѣ родъ редюита; изъ многочисленныхъ комнатъ, расположенныхъ по сторонамъ темнаго сквознаго корридора, одна, лежащая въ центрѣ, выдавалась своею оригинальностью, какъ по отсутствію въ ней потолка, такъ и по узорчатымъ украшеніямъ изъ позолоченнаго алебаstra (л).

Не доходя заднихъ дверей (м), можно было по каменной лѣстницѣ и открытому люку (і) взойти на обширную площадь плоской крыши этого зданія. Надъ нею возвышалась широкая, но невысокая восьмигранная башня съ пирамидальнымъ куполомъ. Обширная комната подъ ней служила, во время блокады, общей кухней. Впрочемъ, тоже значеніе было придано и другой, рядомъ находившейся, комнатѣ, не имѣвшей потолка (н).

Задній дворъ: поверхность его представляла уже не моченый полъ, какъ въ первыхъ двухъ дворахъ, а неровную грунтовую поверхность.

Каменные стѣны, опоясывая обтесанную верхнюю часть скалы, возвышались около аршина надъ поверхностью двора.

Большое зданіе, отдѣлявшее средній дворъ отъ задняго, было окружено этимъ послѣднимъ съ трехъ сторонъ; впрочемъ, до осады онъ тоже раздѣлялся небольшою стѣнкою (с) на два двора.

Отъ пролома (к) спускъ на задній дворъ начинался аппарелью. Наружная стѣнка этой части двора, обращенная на дорогу въ Ванъ, шла не параллельно южной сторонѣ большого зданія, а постепенно отходя; и затѣмъ она поворачивала подъ тупымъ угломъ прямо на сѣверъ, образуя позади зданія другое колѣно двора, и линію огня противъ нижней части города, базара и редута Зангезоръ. Третье колѣно двора представляло узкую полосу, огражденную стѣнкою параллельно сѣверной стороны большого зданія, которая упиралась въ мечеть.

Это пространство вокругъ большого зданія было единственнымъ мѣстомъ, дававшимъ возможность дѣйствовать нашимъ двумъ орудіямъ.

Строитель замка безъ сомнѣнія придавалъ описанному двору значе-

не укрепленія, направивъ фасы его противъ всёхъ подступовъ со стороны Россіи; но для нашего гарнизона; окруженнаго со всёхъ сторонъ несравненно многочисленнѣйшимъ противникомъ, дворъ этотъ не имѣлъ большого значенія, тѣмъ болѣе, что турки главнымъ пунктомъ для своихъ ударовъ избрали передній фасъ замка.

IV.

Впереди, съ юговосточной стороны, на ровной, небольшой площадкѣ возвышалась каменная горка, прикрывавшая ворота отъ выстрѣловъ съ ближайшихъ высотъ.

Отъ воротъ шли двѣ дороги и тропинка: одна—правѣ горки, черезъ высоты въ Ванъ, другая—лѣвѣ той-же горки, внизъ къ мосту на рѣкѣ и соединялась съ дорогой, идущей подъ горой, вдоль сѣверо-восточнаго фаса, а тропинка, огибая правый уголъ, круто спускалась къ нижнему городу вдоль южной стѣны замка.

Съ сѣверо-восточной стороны замокъ разворачивался во всю длину. Высокія стѣны его почти сливались съ крутымъ скатомъ горы, спускающимся до дороги и далѣе къ обрывистымъ берегамъ рѣки.

Съ этой стороны видъ замка напоминалъ неприступныя твердыни среднихъ вѣковъ.

Исакъ-паша, придавая своему дворцу-замку внушительный видъ, позаботился и о наружной его красотѣ: онъ обвелъ стрѣльчатныя окна узорчатыми ободками, повѣсилъ надъ пропастью легкій балкончикъ, украсилъ мечеть пятью маленькими и однимъ большимъ куполами и завершилъ общій видъ легкимъ высоко поднятымъ минаретомъ.

Чернѣвшій съ этой стороны проломъ въ нижней части стѣны около лѣваго угла замка служилъ главными воротами, откуда наши выходили на рискованную охоту за водой.

Южная, правая сторона замка, отрѣзанная глубокимъ оврагомъ отъ близко подходящаго горнаго отрога, занятаго кладбищемъ, была обезпечена отъ нечаяннаго нападенія. По дну этого оврага, начинающагося у праваго угла замка, точно крытымъ ходомъ спускалась упомянутая тропинка до нижняго города.

Къ задней-же западной сторонѣ нижній городъ не только примыкалъ къ самой скалѣ, но часть его всползала по крутизнѣ почти до верхнихъ обрывовъ.

V.

Какъ укрѣпленіе и какъ боевая позиція войскъ, замокъ этотъ, названный нашими войсками цитаделью, какъ говорится, не выдерживаетъ критики:

За исключеніемъ очень немногихъ уголковъ, внутренность его дворовъ свободно обстрѣливалась съ горъ, командовавшихъ надъ всѣми постройками съ разстоянія хорошаго ружейнаго выстрѣла.

Говоря вообще, ни одинъ фасъ этого крѣпкаго для давно прошедшихъ времянь сооружеія передъ осадой къ оборонѣ приспособленъ не былъ, хотя по самой конструкціи замка не находилось даже такого мѣста, которое можно было-бы скоро примѣнить къ ружейной оборонѣ: передняя стѣна не имѣла бойницъ; по наружнымъ краямъ плоскихъ крышъ стѣны не возвышались надъ ними въ видѣ бортовъ; а окна и двери были значительнаго размѣра; поэтому, когда турки накрыли насъ въ такомъ неподготовленномъ укрѣпленіи и заставили подъ своимъ огнемъ заняться закладкою оконъ и прикрытіемъ стрѣльнѣ на крышахъ, то все это потребовало особенно усиленнаго труда и лишннихъ жертвъ.

Кругъ дѣйствія нашей артиллеріи по горамъ съ задняго двора былъ крайне незначителенъ: мертвый уголъ между возможными крайними выстрѣлами къ этомъ направленію, изъ-за мечети съ одной стороны и изъ-за зданія правѣ пролома (к) съ другой, былъ великъ; турки воспользовались имъ и расположили два среднихъ орудія въ совершенно безопасномъ мѣстѣ, а два крайнихъ хотя въ мѣстахъ возможной досягаемости для нашихъ орудій, но только при всѣхъ неудобствахъ.

Пути отступленія и наступленія почти не существовали: однѣ ворота впереди показывали съ достаточною вѣроятностью ту громадность потери, какую могли-бы понести наши войска, дебушируя изъ нихъ массою. Выходъ же гарнизона на путь отступленія былъ невозможенъ, такъ какъ единственный способъ, спускъ со стѣны по канатамъ, былъ бы пагубенъ, подставляя каждому открыто подъ мѣткіе выстрѣлы.

Самый же главный недостатокъ этого укрѣпленія заключался въ возможности во всякое время отвести воду, проведенную съ горъ, и, при малѣйшемъ промедленіи гарнизона принять мѣры наполнить фонтанный резервуаръ водою, онъ могъ быть замученъ жаждой.

VI.

Время открытія военныхъ дѣйствій приближалось: ранней весной 1877 года, въ Сурмалинскомъ уѣздѣ, Эриванской губерніи, къ подножію пограничныхъ горъ, уже стянулись войска, составлявшія Эриванскій отрядъ.

Избравъ центромъ своего расположенія селеніе Игдырь, генераль Тергукасовъ ожидалъ только сигнала къ разрыву съ Турціей; а для наблюденія за пространствомъ вдоль рѣки Аракса велѣлъ образовать летучій отрядъ.

6-го апрѣля, майоръ Крапивный, со 2-мъ баталіономъ Крымскаго полка, и поручикъ Томашевскій, съ 4-мъ взводомъ 4-й батареи 19-й артиллерійской бригады, вскорѣ вступившимъ въ составъ баязетскаго гарнизона, оставили Игдырь и направились въ сел. Кульпы; въ 9 верстахъ за этимъ селеніемъ, на позиціи Кизиль-Топоранъ, они присоединились къ Кавказскому и Хоперскому казачьимъ полкамъ и этимъ окончили формированіе летучаго отряда.

Недолго просуществовалъ онъ; черезъ десять дней, послѣ объявленія войны, послѣдовало его расформированіе и взводъ артиллеріи, прибывъ обратно въ Игдырь, не засталъ уже своей батареи, выступившей съ отрядомъ въ предѣлы Турціи. Запасшись всеѣмъ необходимымъ, 24-го двинулся онъ вслѣдъ за отрядомъ, соединился на Аргофскомъ посту съ Елисаветпольскимъ конноиррегулярнымъ полкомъ и вмѣстѣ съ нимъ продолжалъ подыматься на гору. Къ вечеру, дойдя до края Чингильскихъ высотъ, отрядъ сталъ располагаться на ночлегъ.

Съ этихъ горъ передъ нимъ развернулась широкая равнина турецкой территоріи, пестрѣвшая то зеленою болотъ, заросшихъ камышомъ, то облѣвшихъ по мѣстамъ солончаками.

За часъ до заката солнца все это стало утопать въ синемъ полумракѣ; только на югѣ чернѣлась еще гряда горъ, въ трещинахъ которой скрывался роковой для нихъ гор. Баязеть, а на юго-западѣ—отрывчатая, небольшія скалы, точно торчавшія изъ поверхности моря.

Уже солнце закатилось, когда прискакалъ отъ генерала князя Амилохварова казакъ съ приказаніемъ немедленно двигаться къ Баязету.

Утомленнымъ лошадямъ подвѣсили ячмень. Неготовый ужинъ вернули изъ котловъ и позднимъ сумерками начали спускаться съ горы.

Этотъ спускъ представлялъ скорѣе осыпь каменныхъ глыбъ, чѣмъ дорогу, назначенную для проѣзда; медленно пробирались орудія черезъ груды булыжниковъ. Темнота наступившей ночи усиливала препятствія и утомленіе.

Передъ разсвѣтомъ необходимость въ отдыхѣ дошла до крайности. Отрядъ сталъ. Люди, свалившись на землю, заснули; лошади задремали въ упряжи, только, по обыкновенію, передовые посты, да орудія съ картечью въ дулѣ оберегали отдыхъ отряда.

Насталъ разсвѣтъ и передъ глазами спѣшившихъ на призывъ представился городъ не далѣе четырехъ верстѣ.

Приближаясь къ нему, узнали, что Эриванскій отрядъ двинулся далѣе въ глубь страны, оставивъ для охраны Баязета 2-й баталіонъ Ставропольскаго полка, командиръ котораго, старый боевой кавказецъ подполковникъ Ковалевскій, былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и начальникомъ войскъ баязетскаго округа, а комендантомъ крѣпости — капитанъ Штоквичъ.

25 апрѣля Елисаветпольскій конноиррегулярный полкъ и 4-й взводъ 4-й батареи 19-й артиллерійской бригады вступили въ городъ и были присоединены къ гарнизону.

На другой день общество крошечнаго отряда увеличилось съ прибытіемъ кавказскаго военно-временнаго № 11 госпиталя, а вскорѣ за нимъ 1-ю сотнею уланскаго полка; черезъ недѣли двѣ, именно 10 мая, вступила въ городъ еще сотня 2-го Хоперскаго полка подъ начальствомъ войскового старшины Кванина.

Такимъ образомъ собралось больше половины того гарнизона, которому выпала въ Баязетѣ тяжелая доля славнаго «сидѣнія».

Расположились они такимъ образомъ:

У подножія города, недалеко отъ редута Зенгезоръ, 7-я и 8-я роты ставропольцевъ, Елисаветпольскій конноиррегулярный полкъ или, какъ называли сокращенно, милиція и обѣ казачьи сотни. Только пятая и 6-я роты, да 4-й взводъ 4-й батареи размѣстились въ цитадели. Лучшія-же въ ней комнаты были отведены подъ госпиталь, который и началъ свою дѣятельность немедленно по прибытіи въ Баязетъ, принимая больныхъ не только отъ частей, расположенныхъ въ городѣ, но и въ окрестностяхъ.

VII.

Въ теченіи апрѣля 1877 г. маленькій отрядъ этотъ проводилъ время слишкомъ однообразно, а потому и тоскливо.

Послѣ строевыхъ занятій, единственныхъ развлеченій, войска снова залѣзали въ палатки, 5-я и 6-я роты — въ комнаты сѣвернаго фаса цитадели, артиллеристы — въ комнаты (см. планъ I ц. ч.) лѣвѣе входа въ большое зданіе, да и орудія какъ-то безцѣльно выглядывали изъ-за западной стѣнки задняго двора на нижнюю часть города.

Въ маѣ, съ гигиеническою цѣлью, лошади были выведены изъ цитадели и помѣщены въ ближайшемъ зданіи (А); тамъ-же поселился и командиръ взвода.

Но въ концѣ апрѣля и началѣ мая, знакомое военнымъ чувство скуки и даже обиды, которое испытываютъ отстрашенные отъ общей доли участвовать въ бояхъ, стало повемногу исчезать; баязетскій гарнизонъ, обреченный въ началѣ обстоятельствами на бездѣтельность, сталъ пробуждаться; слухи о покушеніи турокъ напасть на Баязетъ воскресили энергію и бдительность отряда.

«Урусъ пропалъ!.. Османъ копъ!..» говорили какіе-то глашатаи, приходившіе на базаръ съ разныхъ мѣстъ; армяне передавали, какъ достовѣрныя свѣдѣнія, о большихъ массахъ турецкихъ войскъ, готовящихся идти на городъ. Хотя солдаты и отвѣчали крѣпкими словами на пугливыя преувеличиванія и застраиванія, но сами чувствовали, что надо ухо держать востро.

Весь май прожили, поджидая турокъ. Это время прошло не безъ занимательныхъ для гарнизона событій.

Не смотря на общее настроеніе, предназначавшее грозу, въ Баязетъ прибыла Александра Ефимовна Ковалевская, которая, изъ желанія быть близъ мужа, приняла на себя безвозмездно службу сестры милосердія и выхлопотала переводъ съ 15-го госпиталя въ 11-й.

Произошла также замѣна прежняго начальника войскъ баязетскаго округа другимъ. Объ этомъ, довольно важномъ случаѣ по послѣдствіямъ, рассказываютъ такимъ образомъ:

Подполковникъ Ковалевскій, на основаніи вѣрныхъ свѣдѣній, донесъ, 3 мая, что близъ Вана скопляются отряды курдовъ, грозящихъ Баязету. Первому донесенію не придали значенія, но на повторенное отъ 5 мая была назначена рекогносцировка.

Съ отрядомъ, составленнымъ изъ Крымскаго полка, стрѣлковаго баталіона, Переяславскаго драгунскаго и Хоперскаго казачьяго полковъ и, впоследствии присоединенныхъ, двухъ стрѣлковыхъ ротъ Ставропольскаго полка, генералъ князь Амилохваровъ во все время движенія 6, 7, 8 и 9 мая въ дѣйствительности не встрѣтилъ сколько нибудь значительную партію. Очевидно произошло что-то непонятное; послѣдствія показали, что подполковникъ Ковалевскій былъ правъ безусловно; этотъ храбрый кавказецъ, съ прямымъ и твердымъ характеромъ, не былъ способенъ къ преувеличиваніямъ. «Дай только Богъ», писалъ онъ женѣ отъ 30 мая, «чтобы турки вздумали подойти ко мнѣ поближе; надѣюсь угостить незваныхъ гостей хорошо. Если Богу будетъ угодно, что меня и убьютъ, то не печалься, моя дорогая крошка, о своемъ старикѣ, инвалидѣ, мужѣ, а гордись этимъ».

Изъ разсказовъ многихъ видно, что рѣшеніе о смѣнѣ любимаго начальника озадачила всѣхъ, даже при допускѣ, что донесенія его были преувеличены.

До времени не привожу нѣкоторыхъ объясненій по этому случаю, а скажу только, что 24 мая въ Баязетъ съ двумя ротами Крымскаго полка прибылъ подполковникъ Пацевичъ, который, какъ старшій, принялъ по приказанію изъ штаба должность отъ подполковника Ковалевскаго. Вслѣдъ за нимъ возвратился изъ отряда и капитанъ Штоквичъ, ѣздившій въ штабъ по дѣламъ.

Однако, ни увѣреніе, что ожидаемая опасность преувеличена, ни назначеніе подполковника Пацевича начальникомъ войскъ баязетскаго округа не измѣнили общаго теченія дѣлъ и турки продолжали формировать большой иррегулярный отрядъ изъ курдовъ съ цѣлью овладѣть Баязетомъ. 31 мая получено было предостереженіе даже изъ Персіи отъ Макинскаго хана, сообщавшаго преувеличенныя свѣдѣнія, будто 30,000 турокъ съ 12 орудіями находятся уже на рѣкѣ Саукъ-Су.

Тревожные базарные слухи начинали въ то-же время понемногу усложняться неприятными извѣстіями то о дерзкихъ покушеніяхъ и разбояхъ, то объ арестованіи турка, намѣревавашагося отвести воду, то о захватѣ пяти убойцъ подрядчика и т. п.

Посылаемые-же подполковникомъ Пацевичемъ лазутчики, также какъ и при подполковникѣ Ковалевскомъ, подтверждали опасность, грозящую гарнизону.

Какъ слѣдствіе всего этого служба казаковъ была самая бдительная: ночные и дневные разъѣзды по горамъ до нѣкоторой степени ограждали отрядъ отъ нечаяннаго нападенія.

Съ прибытіемъ двухъ ротъ Крымскаго полка, помѣщенныхъ въ первомъ дворѣ цитадели, 5-я и 6-я роты ставропольцевъ были выведены изъ нея подполковникомъ Ковалевскимъ и примкнуты къ лагерю 7 и 8 ротъ его баталіона. Наконецъ прибыла послѣдняя помощь: 2-я сотня Уманскаго казачьяго полка, занимавшая посты на Караванъ-Сарайскомъ перевалѣ; получивъ приказаніе подкрѣпить баязетцевъ, въ одинъ день сдѣлала она этотъ большой переходъ и поздно вечеромъ, 2 іюня 1877 г., вступила въ составъ гарнизона.

Къ этому времени, для противудѣйствія собирающейся силѣ турокъ, въ Баязетѣ было всего:

Штабъ и оберъ-офицеровъ	28
Медиковъ	6

Нижнихъ чиновъ:

Крымскаго полка	336—двѣ роты.
Ставропольскаго полка	621—баталіонъ.

4-й взводъ 4-й бат. 19-й бригады	40 люд. 2 орудія.
Кавказскаго казачьяго полка	19
1-го Уманскаго казачьяго полка	227—2 сотни.
2-го Хоперскаго казачьяго полка	134—1 сотня.
Госпитальной прислуги	68

Итого, исключая 6-ти медиковъ, насчитывалось способныхъ дѣйствовать оружіемъ всего только 1,473 человекъ¹⁾).

Если выше приведенное исчисленіе возбудитъ вопросъ: почему къ этой цифрѣ не присоединены, какъ защитники Баязета, Елисаветпольскій конноиррегулярный полкъ и прибывшая 6-го іюня эриванская милиція, то на это скажу, что въ цитадели ихъ не было, а какъ содѣйствовали они нашимъ войскамъ до осады видно будетъ изъ дальнѣйшаго разсказа.

Вѣроятно не совсѣмъ ясныя свѣдѣнія о состояніи и нахожденіи вновь формирующагося турецкаго войска поставили подполковника Пацевича въ необходимость произвести рекогносцировку по дорогѣ въ Вань.

3-го іюля легкая кавалерійская колонна изъ двухъ сотенъ Уманскаго полка и двухъ сотенъ елисаветпольской милиціи, подъ командою войскового старшины Булавина, рано утромъ спустилась съ горъ, прошла долину и, подымаясь на высоты, прилегающія къ границамъ Персіи, встрѣтила турецкіе бекеты, открывшіе по ней слабый огонь; затѣмъ появившіяся шесть сотенъ турецкой кавалеріи начали наступленіе съ своей стороны; наши рысью подались назадъ съ цѣлю занять позицію въ долинѣ; перейдя ручей, казаки слѣпились и открыли огонь. Въ это время милиціонеры, карьеромъ кинувшись назадъ, увлекли съ собой часть казачьихъ лошадей, которыя, вырвавшись отъ коноводовъ, поскакали вслѣдъ за ними.

Оставшись случайно безъ лошадей, казаки оцѣнили значеніе каждаго патрона и стали стрѣлять только по близко подскакивающимъ всадникамъ.

Вскорѣ сами турки прекратили атаки и дали казакамъ возможность возвратиться въ Баязетъ. Такимъ образомъ первая рекогносци-

¹⁾ Въ брошюрѣ о 23-хъ дневной оборонѣ баязетской цитадели цифры наличнаго числа людей, отрѣзанныхъ блокадой, отличаются отъ цифръ, приводимыхъ здѣсь мною; въ упомянутой статьѣ показано офицеровъ больше на 7, а нижнихъ чиновъ на 142; это могло произойти отъ того, что при счетѣ частей, составлявшихъ гарнизонъ, разсказчикъ не ввелъ остатковъ милиціи, успѣвшей укрыться въ цитадели. Я же предпочелъ приводимыя цифры, съ цѣлю остаться вѣрнымъ задачѣ—составить разсказъ изъ данныхъ, переданныхъ свидѣтелями.

ровка не разъяснила ничего. Но жители Игдыря, встревоженные наступленіемъ турокъ, были успокоены телеграммой отъ 4 іюня, что подполковникъ Пацевичъ разбилъ непріятеля, двигавшагося къ Баязету, причеъ убито у него два предводителя.

VIII.

Донесенія лазутчиковъ о дѣйствительномъ приближеніи значительныхъ силъ, свѣдѣнія, получаемыя отъ развѣздовъ, о появленіи за горами массы кавалеріи, указывали на близость и многочисленность непріятеля. Ожиданія скораго столкновенія и необходимость начать подготавливаться къ нему стали ощутительнѣе.

Артиллеристы, предвидя нападеніе турокъ со стороны Вана, приступили къ подсыпкѣ земли у южной стѣнки задняго двора, такъ какъ она въ этомъ мѣстѣ оказалась высокою для стрѣльбы черезъ банкъ. Сплошная, каменная поверхность скалы, едва прикрытая землею, не давала для этого достаточнаго количества матеріаловъ, и вотъ на шинеляхъ, на попонахъ и на лопатахъ начали стаскивать съ разныхъ сторонъ невывезенный навозъ, золу, соръ, и все это перемѣшивая съ камнями и скуднымъ количествомъ земли, успѣли къ концу дня устроить два возвышенія на подобіе барбетовъ.

Вечеръ 3 іюня прошелъ тихо: на окрестныхъ горахъ, на которыя часто поглядывали и начальники и солдаты, не показывалась ни одна чалма курда.

Передовыя сильныя партіи непріятеля, прикрывая ближайшую долину, въ которой должны были сомкнуться его отряды, какъ видно не торопились высказывать свое близкое сосѣдство, рассчитывая сразу навалиться и задавить горсть русскихъ войскъ. Да и чуткость противника не была слаба: 4 іюня, замѣтивъ нашу небрежность, высказанную тѣмъ, что продолжали выпускать городской скоть въ горы на пастбу, неожиданно появились конные курды, отбросили передовыя наши пикеты, гикнули и стадо унеслось за грабителями.

Про сборы непріятеля верстахъ въ тридцати отъ города знали всѣ; поѣтому подполковникъ Ковалевскій, не ожидая особенныхъ распоряженій, съ 5-ю, 6-ю и 8-ю ротами своего баталіона выступилъ съ позиціи у Зангезора и сталъ бивуакомъ у цитадели, а 7-й ротѣ поручилъ оберегать оставленное въ лагерѣ имущество, пока не будетъ оно перевезено въ цитадель.

Двумъ сотнямъ Уманскаго полка подполковникъ Пацевичъ приказалъ тоже оставить лагерь и двинуться для развѣдки по ванской

дорогѣ, а сотнѣ хоперцевъ занять позицію въ нѣсколькихъ верстахъ отъ лагеря по дорогѣ на Деадинъ и оставаться на ней до разсвѣта, въ случаѣ-же сильнаго на нее нападенія турокъ отступить къ лагерю; перевозка казачьихъ вещей изъ лагеря въ цитадель возложена была на пѣшихъ казаковъ.

Раньше, чѣмъ приступлю къ описанію того времени, когда за гарнизонамъ затворились ворота цитадели на двадцать три дня, считаю необходимымъ сказать, какія средства къ жизни были подготовлены для такого случая.

Запасъ хлѣба для войскъ, попавшій въ цитадель, былъ самый скудный, такъ какъ подрядчикъ, армянинъ Саркизъ-Ага-Мамуковъ, доставлявшій войскамъ сухари, хотя и имѣлъ ихъ въ достаточномъ количествѣ, но по непонятной причинѣ держалъ складъ не на мѣстѣ, служащемъ средоточіемъ войскъ, а внѣ цитадели, подвозя ихъ войскамъ по мѣрѣ надобности.

Совершенно случайно, счастливіе другихъ, обезпечился взводъ артиллеріи: штабъ-капитанъ Хорошкевичъ, по распоряженію командира батареи полковника Парчевскаго, прислалъ 3-го іюня изъ Игдыря 326 пуд. молотаго ячменя, оказавшаго впослѣдствіи услугу всему отряду; къ этому-же времени взводъ по чередному требованію принималъ сухарей на двѣнадцать дней.

Относительно воды надо признаться, что о настоящей необходимости запасти ее заблаговременно не приходила мысль ни тому, кому слѣдовало по обязанности, ни тѣмъ, кто долженъ былъ посоветовать. Фонтанный резервуаръ, какъ готовая огромная посуда близъ водопроводнаго крана, наглядно предлагалъ свои услуги набрать чуть не мѣсячную пропорцію воды на весь отрядъ; но такъ какъ не явилась во-время эта счастливая мысль, то объ этомъ не было сдѣлано и распоряженія.

IX.

Когда стемнѣло, всѣ начальники частей собрались къ подполковнику Пацевичу на военный совѣтъ и вскорѣ разошлись, почти единогласно рѣшивъ съ разсвѣтомъ произвести усиленную рекогносцировку къ Вану ¹⁾.

¹⁾ Подробности этого совѣта никто не передавалъ. Какъ видно, что при этомъ рѣшеніи оппонентовъ не было. Къ сожалѣнію неизвѣстно также: былъ-ли составъ отряда опредѣленъ совѣтомъ, или на основаніи рѣшенія произвести рекогносцировку назначеніе частей, долженствовавшихъ составить колонну, зависѣло отъ подполковника Пацевича? Б. Г.

Между тѣмъ, по приведеннымъ выше распоряженіямъ, еще передъ вечеромъ этого дня, хоперцы, занявъ позицію близъ перваго аула по деадинской дорогѣ, захватили цѣнью и секретами часть ближайшихъ высотъ. Но когда совершенно стемнѣло, неожиданно раздались выстрѣлы въ секретахъ и повторились сотней.

Изъ разсказовъ казаковъ до нѣкоторой степени выясняется причина, вызвавшая пальбу. По приходѣ сотни въ аулъ, жители стали жаловаться, что турки хотятъ ихъ перерѣзать, на это имъ было предложено въ случаѣ опасности бѣжать къ казакамъ. Съ наступленіемъ темной безлунной ночи сотня вышла изъ аула; вскорѣ вслѣдъ за нею кинулись жители всѣхъ возрастовъ. Предполагая, что на бѣгущихъ сдѣлано нападеніе, казаки пропустили ихъ и съ большею осторожностью стали поджидать развязки; какъ только въ секретахъ раздались первые выстрѣлы, сотня спѣшилась; вскорѣ замѣтила она черную полосу конныхъ, и огни нашихъ выстрѣловъ ярко заблистали въ темнотѣ;—конные исчезли и все замолкло. У казаковъ осталось, какъ видно, убѣжденіе, что это была устроена для нихъ ловушка, хотя ни тѣмъ не кончившаяся; они замѣтили, что бѣжавшіе жители и преслѣдовавшіе дѣйствовали за одно, такъ какъ конные шли съ одинаковою скоростью съ убѣгавшими и между послѣдними не было ни одной женщины.

Не придавая этому случаю особеннаго значенія, войсковою старшина Кванинъ не отвелъ хоперцевъ къ отряду, а поѣхалъ съ докладомъ одинъ. Встрѣтивъ въ лагеряхъ подполковника Пацевича, онъ получилъ приказаніе съ сотней обойти гору до противоположной стороны г. Баязета, соединиться тамъ съ уманцами и приготовиться къ выступленію на рекогносцировку, которую онъ рѣшилъ предпринять съ четырьмя ротами и всею кавалеріею. Подполковникъ Пацевичъ сообщилъ также, что завтра изъ Игдыря ожидается подкрѣпленіе около двухъ ротъ пѣхоты и всей кавалеріи, какая тамъ найдется.

Безпрепятственно окончивъ всѣ предписанныя передвиженія, сотни сомкнулись въ горахъ впереди Баязета. Близость противника не дозволяла свободно пасти лошадей; поэтому люди томились безъ сна, держа лошадей въ поводу, томились и лошади подъ сѣдломъ и безъ корма.

Въ теченіе всей ночи не спалось и пѣхотѣ: командами, толпами, переносящими вещи, конвоирами при повозкахъ, двигалась она по улицамъ города взадъ и впередъ. Все пространство передъ воротами заставлялось и заваливалось повозками, мѣшками, котлами и грудами всякаго имущества.

Часа въ три утра подполковникъ Ковалевскій, въ послѣдній разъ

простившись съ женой и попросивъ доктора Сивицкаго не оставлять ее своимъ попеченіемъ, вышелъ, чтобы приготовить пѣхоту, которой онъ долженъ былъ командовать.

Передъ зарей 7-я рота крымцевъ, 5-я, 6-я и 8-я роты ставропольцевъ тронулись по ванской дорогѣ, совершенно окруженныя кавалеріей. 5-я сотня уманцевъ прикрывала ихъ съ фронта, сотня хоперцевъ—справа и 1-я сотня уманцевъ—слѣва. Въ тылу шли три сотни Елисаветпольскаго конноиррегулярнаго полка.

Передъ спускомъ въ долину, намѣреніе наше было открыто сильными разъѣздами турокъ, которые въ виду всей колонны отступали по направленію нашего движенія къ горамъ, пограничнымъ съ Персіей.

Подойдя къ нимъ, казачьи разъѣзды двинулись было на высоты, но, встрѣченные сильнѣйшимъ противникомъ, не могли перевалить горы, а только завязали съ неприятелемъ горячую перестрѣлку. Пѣхота-же, занявъ глиняную стѣнку на скатѣ высотъ, остановилась за нею приваломъ.

На этомъ мѣстѣ я дозволяю себѣ прервать рассказъ съ цѣлю предупредить недоумѣніе читателя, какъ относительно неизвѣстности, насколько вѣски были тѣ основанія, которыя могли-бы оправдать эту рекогносцировку, такъ и о томъ, была ли необходимость вести ее такимъ страннымъ способомъ.

Изъ имѣющихся записокъ и рассказовъ видно, что о несоразмѣрно численномъ превосходствѣ непріятеля надъ нашимъ отрядомъ былъ рядъ извѣстій изъ вѣрныхъ источниковъ. Казалось, достаточно было и этихъ данныхъ, на основаніи которыхъ у подполковника Пацевича не могла явиться увѣренность выйти въ поле для вѣрной побѣды; да и что могла дать рекогносцировка при самыхъ благоприятныхъ обстоятельствахъ?—не больше, какъ точное опредѣленіе: въ трое, въ четверо или въ пятеро превосходить насъ непріятельскія силы, а что можно было ожидать при неудачной рекогносцировкѣ? — только то, что произошло.

Не видно также, почему подполковникъ Пацевичъ не употребилъ всѣхъ усилій оттѣснить непріятельскіе, передовые отряды за гору, почему имъ не произведена была рекогносцировка по принятымъ правиламъ: рвануться всею кавалеріей на верхъ горы, освѣтить котловину съ дорогой на Ванъ; въ случаѣ наступленія сильнаго противника, заблаговременно приказать пѣхотѣ отступать, а потомъ уже начать отходить съ кавалеріей. Трудно также объяснить, къ чему взята была пѣхота? Вѣдь благодаря только этому обстоятельству, вся кавалерія была употреблена въ бою въ пѣшемъ строю.

Спустя полчаса послѣ занятія ската высотъ, казаки замѣтили,

какъ изъ-за хребта, верстахъ въ четырехъ справа и слѣва, стали спускаться большія партіи непріятельской кавалеріи, а противъ лѣваго фланга, по балкѣ—показываться пѣхота. Итакъ, досидѣлись наши до того, что турки съ походнаго движенія или бивачнаго расположенія успѣли начать маневрировать, съ цѣлью окружить нашъ маленькій отрядъ.

Эту мѣшкатность дѣйствій можно извинить развѣ тѣмъ, что въ новой войнѣ, при дальнобойномъ оружіи, многіе изъ начальниковъ не успѣли усвоить себѣ новаго масштаба; имъ, какъ видно, не вѣрилось, что подпустить главныя силы непріятеля на четыре версты значить связаться съ нимъ въ бой и объ отступленіи безъ боя въ этомъ случаѣ нельзя и помышлять.

Подполковникъ Пацевичъ, получивъ увѣдомленіе о движеніи на него непріятеля, приказалъ отступать, но очень скоро убѣдился, что было уже поздно.

Х.

Наша пѣхота съ цѣпью спѣшенныхъ казаковъ по флангамъ не прошла еще и полверсты, какъ многочисленная кавалерія противника уже спустилась съ горъ, а передовая цѣпь подѣхала къ нашей колоннѣ, и закипѣлъ частый ружейный огонь.

Войсковой старшина Булавинъ scomандовалъ своимъ сотнямъ на коней и отвелъ было за колонну, но видя, что пѣхота нуждается въ усиленіи огня, снова спѣшилъ уманцевъ и пристроилъ ихъ попрежнему къ лѣвому флангу колонны.

Вслѣдъ за первою партіею кавалеріи спустилась вторая, меньшая тисломъ, и направилась въ обходъ нашего праваго фланга. Войсковой старшина Кванинъ, прикрывавшій пѣхоту съ этой стороны, хотѣлъ было посадить казаковъ на коней, чтобы скорѣе захватить выдающійся отрогъ горы на флангѣ и тѣмъ помѣшать обходящимъ занять его раньше, но подполковникъ Пацевичъ приказалъ попрежнему держать хоперцевъ спѣшенными въ правой цѣпи.

Пестрыя толпы непріятельской кавалеріи стали между тѣмъ сгущаться вокругъ нашего отряда, который, какъ ни усиливалъ шагъ, не могъ отдѣлиться отъ насѣдавшихъ курдовъ.

Не прошло и часа отъ начала отступленія, какъ колонна наша была окружена съ трехъ сторонъ и пули стали пронизывать ее съ фронта и фланговъ. Цѣпь и сомкнутыя части, дѣйствуя во всѣ стороны, неволью стали тѣсниться къ серединѣ; отъ этого строй сталъ понемногу обращаться въ толпу, шагъ усиливаться, пальба—дѣлаться

безпорядочнѣе. Состояніе было опасное, но въ это время громкія команды подполковника Ковалевскаго, требующія возстановить порядокъ, отозвались на солдатъ ободряющимъ сознаніемъ, что они не сироты. По переходѣ черезъ ручей, старый воинъ втиснулся въ середину баталіона, остановилъ его и самымъ энергическимъ образомъ принялся за отдѣленіе и разстановку частей колонны: передней цѣпи придавъ должное направленіе вдоль ручья, сзади ея сталъ устанавливать другую, но не окончилъ этого дѣла:—пуля, попавшая ему въ животъ, свалила его на носилки; умолявъ твердый голосъ мужественнаго начальника; сильнѣе нахлынули курды и снова началось общее отступленіе и сжиманіе къ серединѣ. Число раненыхъ и убитыхъ стало увеличиваться, а подбирать ихъ не было ружья.

Отступленіе наше хотя свершалось и не въ должномъ порядкѣ, но все-таки отрядъ отбивался энергически и какъ ни силенъ былъ противникъ, но полнаго разстройства и пораженія нашего добиться не могъ; робости не было; давила только сила; примѣромъ безбоязненнаго отношенія къ опасности можетъ служить слѣдующій эпизодъ: ставропольцы, несшіе тѣло своего начальника, добытаго на носилкахъ другою пулею въ животъ, замѣтивъ, что для облегченія ихъ участи хлопчатъ достать конныхъ казаковъ и хлопчатъ безуспѣшно, сказали: «пока мы живы, тѣло отца-командира туркамъ не отдадимъ». Носильщики съ запасными людьми, отставая отъ быстро идущихъ войскъ и попадая постоянно подъ выстрѣлы въ упоръ, продолжали идти впереди непріятеля, непрерывно замѣщая падающихъ и хотя на разстояніи десяти верстъ ставропольцы потеряли подъ носилками двадцать чело-вѣкъ, но донесли останки любимаго командира до Баязета.

Такъ дошли до подножія горъ; отрядъ началъ подыматься, а направшіе на фронтъ немного отставать, да и свистъ пуль какъ-будто ослабѣлъ. Но это продолжалось не долго: та часть турецкой кавалеріи, которая обходила нашъ правый флангъ, стала взѣзжать на выдающийся гребень горы и угрожать обхватомъ насъ съ тыла.

Въ это время штабсъ-капитанъ Визировъ, командовавшій въ дѣлѣ елисаветпольской милиціей, на вопросъ, что ему дѣлать, получивъ совѣтъ войскового старшины Кванина захватить въ тылу высоты, чтобы помѣшать туркамъ обходить насъ, немедленно ускакалъ съ своими сотнями и исчезъ въ горахъ.

Бой съ равнины перешелъ наконецъ на высоты. Турки, отставшіе при подъемѣ на гору, начали снова врываться въ нашу цѣпь.

Жара была нестерпимая; при чрезвычайныхъ усиліяхъ непрерывно одолевать крутые спуски и подъемы, перехватывало воздухъ въ сухомъ горлѣ, жгло внутри, отнимало силы и многихъ доводило до

полной апатии. Въ разсказахъ очевидцевъ упоминается, какъ въ ихъ глазахъ болѣе ослабѣвшіе, обливаясь потомъ, падали безъ чувствъ; какъ иной, видя подскакивавшаго всадника, подѣ влияніемъ потери силъ, вскрикивалъ только: «прощайте, братцы!» и падалъ проколотый пикой. Курды пользовались тѣмъ, что ближайшая къ нимъ цѣпь сама собою формировалась изъ отсталыхъ и слабо раненыхъ, поэтому только и врывались въ нее, безнаказанно рубя ослабѣвшихъ, но не сдававшихся солдатъ.

Хотя подполковникъ Пацевичъ и отдалъ приказаніе посадить казаковъ на коней для обезпеченія цѣпи противъ конныхъ курдовъ и подбора раненыхъ, но скоро собрать казаковъ, растянутыхъ съ пѣхотою по пересѣченной мѣстности, не было возможности; однако, спустя нѣкоторое время, стали появляться конные казаки; когда-же число ихъ увеличилось и стало извѣстно, что въ тылу нѣтъ милиціи, то большинство ихъ было направлено для противодѣйствія обходу ¹⁾).

Баязетская цитадель была уже видна; коноводы и часть конныхъ, успѣвшихъ подобрать раненыхъ, поскакали въ городъ, чтобы, оставивъ тамъ лошадей, какъ было приказано, возвратиться къ товарищамъ.

Быстрое появленіе турокъ передъ Баязетомъ застало бывшихъ тамъ въ расплохъ; толчея у воротъ цитадели усилилась: на узкой площадкѣ, передъ цитаделью, толпы шнырявшаго народа между обозомъ, сотнями лошадей, горами казеннаго имущества, походили на муравьевъ раззореннаго муравейника: одни, не смотря на громоздкость захваченныхъ вещей, бѣжали въ крѣпость, другія толпы выбѣгали навстрѣчу за тою же работою. Для увеличенія толкотни появились и эшаки Саркизъ-Ага-Мамукова, нагруженные сухарями, поздно спохватившагося свозить ихъ туда, гдѣ надо было до этого имѣть постоянный складъ. Не смотря на эту непроходимую толкотню и невообразимый шумъ, груды разнообразныхъ вещей понемногу пережѣщались въ цитадель.

XI.

По уходѣ рекогносцировочнаго отряда, въ Баязетѣ, съ утра, хлопоты по перевозкѣ и переноскѣ имущества въ цитадель усилились.

Въ одиннадцатомъ часу, едва солдаты кончили обѣдать, какъ слышались отдаленные выстрѣлы. Этотъ, едва слышимый, намекъ на нашу неудачу былъ достаточенъ, чтобы вызвать всѣхъ изъ комнатъ,

¹⁾ Разказы солдатъ и казаковъ передавали только видимые факты. Разяснить дѣйствія иррегулярнаго полка не могу за недостаткомъ данныхъ. Генералъ же Измаиль-ханъ-Нахичеванскій, у котораго я просилъ нѣкоторыхъ разясненій, до сихъ поръ на письмо мое не отвѣтилъ. Е. Г.

какъ по тревогѣ; быстро выбѣжала артиллерійская прислуга къ орудіямъ и приготовилась дѣйствовать; край крышъ и стѣнки южной стороны окаймилась солдатами, а на площадкѣ, около орудій, сгруппировались почти всѣ офицеры. Глаза любопытствующихъ усиленно впились въ впереди лежащую волнистую мѣстность, вдоль ванской дороги; всѣ ждали разгадки того, что говорили уже жители и что понемногу начинало подтверждаться приближеніемъ перестрѣлки. Но громъ продолжалъ гремять еще гдѣ-то тамъ, за горой.

Было уже около часа, когда на отдаленныхъ возвышенностяхъ показалась длинная, черная линия войскъ, опоясанная бѣлыми дымками. Отсутствие сколько-нибудь значительнаго промежутка между враждебными сторонами еще долго сливало всѣхъ въ одну безразличную массу, поэтому и предложеніе артиллерійскому офицеру начать стрѣльбу не было принято.

Но вотъ показались быстро несущіеся коноводы съ лошадьми и вслѣдъ за тѣмъ положеніе отступающихъ стало извѣстно въ цитадели. Казаки, поспѣшно сбатовавъ лошадей на кладбищенскомъ курганѣ за зданіемъ (Б), служившимъ казачьей конюшней, пошли обратно; съ ними вмѣстѣ поспѣшили на подкрѣпленіе утомленныхъ войскъ 8-я рота крымцевъ, вызванная подполковникомъ Пацевичемъ, и только что прибывшая эриванская милиція, отправленная комендантомъ.

Навстрѣчу выступившимъ по всей дорогѣ двигались раненые то безъ поддержки, то на носилкахъ. Появленіе ихъ и трупа убитаго подполковника Ковалевскаго у воротъ цитадели подняло еще большую суету: усилившаяся горячка и крики напоминали людей, застигнутыхъ такимъ бѣдствіемъ, которое угрожаетъ гибелью каждому за одну минуту промедленія.

Съ прибытіемъ раненыхъ болѣе подробные рассказы о положеніи нашего отряда слышались во всѣхъ углахъ цитадели... Вдругъ Ковалевская, отдѣлившись отъ общей группы, быстро подошла къ поручику Гарбакони; изъ разсказа прибѣжавшаго солдата она ясно услышала одно слово: «подполковникъ», и этого было достаточно, чтобы сердце ея облилось кровью; не получая разъясненія на свои вопросы, она кинулась въ госпиталь; отъ раненыхъ ставропольцевъ узнала, что и отецъ-командиръ тоже раненъ, но, не находя его между ними, она, во время этихъ розысковъ, едва удерживала свои рыданія. Докторъ Сивидкій, видя невыносимое ея положеніе, рѣшился принять на себя тяжелую обязанность, положить конецъ терзаніямъ бѣдной женщины и, предупредивъ ее, что она лишилась всего, что было ей дорого, предложилъ ей идти съ нимъ; молча миновали они оба двора, выходныя ворота и часовыхъ у какой-то палатки; но когда распахнулись

полы этой послѣдней, Ковалевской представился на носилкахъ неподвижнымъ трупомъ мужъ, который еще нѣсколько часовъ тому назадъ просилъ ее приготовить обѣдъ на всѣхъ офицеровъ, рассчитывая пригласить ихъ къ себѣ послѣ дѣла.

Между тѣмъ многочисленныя силы турокъ, широко раскинувшись по горамъ, стали обрисовываться яснѣе, картина боя уже не представляла декоративнаго вида съ отдаленными звуками хлопнушекъ:— кровавая драма на этомъ разстояніи скрывала только подробности, но ружейный огонь грохоталъ раскатами, и отчетливо для всѣхъ представился маневръ турокъ, которые массами спѣшили по отрогу горы, чтобы отрѣзать путь отступленія правому флангу нашего отряда.

Опасеніе стрѣлять изъ орудій миновало, цѣль обозначилась ясно и громомъ раскатился первый орудійный выстрѣлъ ¹⁾. Какъ ни искусенъ былъ наводчикъ, но 1,800 сажень не давали возможности точно опредѣлить разстояніе съ перваго раза—снарядъ не долетѣлъ; за этимъ, поднявъ прицѣлъ, быстро изготовилось 8-е:—прислуга отскочила и снова грянулъ выстрѣлъ; чуть-ли не весь отрядъ съ надеждою на избавленіе отъ сильнаго натиска взглянулъ на за клубившійся дымъ, но эта вторая граната врѣзалась таки въ середину толпы турокъ; неприятель смѣшался, остановился и отказался отъ обхода.

Надежда оправдалась: нашъ отрядъ сталъ спокойнѣе отходить къ городу, но тутъ ожидала его новая опасность: едва передовыя части появились на улицахъ, какъ всѣ окна закурились отъ выстрѣловъ—базаетскіе жители открыто перешли на сторону своихъ соотечественниковъ; проходъ между домами сталъ для нашихъ дѣломъ тяжелымъ; были случаи, что солдатъ, засѣвъ за стѣнкою или за грудой каменьевъ и сосредоточивая вниманіе на наступающаго противника, погибалъ не отъ выстрѣла боевого врага, а отъ подкравагагося сзади какого-нибудь мальчишки.

Хотя выстрѣломъ изъ орудія, удачно ошеломившимъ неприятеля, подкрѣпленіемъ изъ 8-й роты крымцевъ съ эриванской милиціей и была уничтожена попытка турокъ увѣичать свое преслѣдованіе обхватомъ нашего праваго фланга, а можетъ быть и всего отряда, но мы были численно безсильны для того, чтобы разстроить общій планъ турокъ: окружить насъ хоть въ цитадели. Еще не весь отрядъ втянулся сквозь ворота замка, какъ на высотахъ красныхъ горъ ²⁾ появи-

¹⁾ Расположеніе города Баязета замѣчательно въ акустическомъ отношеніи: всѣ звуки до того усиливаются, что орудійный выстрѣлъ дѣйствительно оглушительнъ.

²⁾ Красными горами назывались отвѣсныя, оголенные скалы изъ обожженной глины, подходящія къ цитадели съ юго восточной стороны. Е. Г.

лись тучи неприятельских войск; ясно было, что обложение цитадели началось, что петля, которою турки предполагали удавить горсть наших героев, начала затягиваться.

Орудия, достигши первыми выстрѣлами желаемого результата, повернули хобота направо и открыли огонь по Красной горѣ шрапнелью, держась высоты прицѣла отъ 700 до 800 сажень. Крайне рѣдкая пальба давала возможность контролировать каждый разрывъ и повѣрять наводку, а потому прѣстрѣла была хороша; но, несмотря на это, турки продолжали безостановочно двигаться въ обходъ.

Появленіе неприятеля надъ головами подало сигналъ и къ прекращенію нескончаемой переноски вещей; поспѣшность этой работы, при малочисленности рабочихъ рукъ, была причиной, что описанная картина передъ воротами безъ измѣненія перенеслась на первый дворъ: тѣ-же фургоны, груды вещей, котлы, боченки и офицерскія лошади загрозжили весь дворъ; хаосъ этотъ дополнялся шумомъ и толкотней у водопроводнаго крана. Правда, отъ коменданта было приказаніе запасать воду, но въ этихъ вытискиваніяхъ однихъ другими, въ этихъ озлобленныхъ спорахъ видѣлось не стремленіе къ выполненію приказанія, а борьба за существованіе, которая привела-бы всѣхъ къ этому крану и безъ повелѣнія. Для полноты этой картины, въ видѣ контраста, обливаясь потомъ, лежали и сидѣли только-что вернувшіеся съ боя. Утомленные почти соронаверстнымъ переходомъ безъ отдыха, жарой и душевнымъ потрясеніемъ, большинство изъ нихъ были молчаливы и апатичны, только отдохнувшіе шиньряки изъ угла въ уголъ, вымаливая воды, чтобы напиться.

Суетливая работа кипѣла и внутри зданія: пули, врывавшіеся черезъ окна въ госпиталь, заставили приступить къ переноскѣ раненныхъ и больныхъ въ болѣе безопасныя комнаты. Въ одной изъ нихъ былъ отведенъ уголокъ и для г-жи Ковалевской. Не долго пришлось ей прѣщаться съ неподвижными, безучастными, но дорогими для нея чертами мужа; оставаться за воротами цитадели уже не было возможности и, повинувшись напоминанію доктора Сивецкаго, она пошла въ свое новое помѣщеніе. Здѣсь застала около своей кровати знамя батальона, а на столѣ—револьверъ мужа.

Рѣшимость всѣхъ не отдаться живымъ неприятелю, если-бъ ему удалось прорваться, особенно рельефно высказалась въ слѣдующемъ случаѣ: когда врачъ Китаевскій, встрѣтивъ вошедшую Ковалевскую, сказалъ, указывая ей на револьверъ, что ему поручено при появленіи турокъ застрѣлить ее, если она не захочетъ имъ достаться, то на это предложеніе получилъ отъ Александры Ефимовны полное согласіе.

Послѣ того, какъ весь отрядъ нашъ стянулся, подполковникъ Па-

девичь, поспѣшно прихлебывая чай, отдавалъ уже приказанія для новой попытки отбросить турокъ отъ цитадели.

Двѣ роты ставропольцевъ назначались для занятія турецкаго госпиталя, одна рота съ сотнею спѣшенныхъ казаковъ — для занятія казначейства, двѣ сотни — для атаки высотъ впереди цитадели и двѣ роты — противъ частей турокъ, находившихся на васской дорогѣ.

Пока дѣлались эти распоряженія, а солдаты подкрѣплялись обѣдомъ, было приказано ѣздовымъ, находившимся съ лошадьми внѣ цитадели, занять прежнее помѣщеніе внутри большого зданія. Последній разъ ѣздовые напоили своихъ лошадей и тронулись къ воротамъ, но, не доходя ихъ, должны были остановиться: въ это время быстро выходили изъ цитадели роты и сотни для новаго боя. «Прощайте, братцы!» раздавались изъ рядовъ бойкіе голоса. «Богъ—помощь!» отвѣчали имъ ѣздовые, и всѣ четыре партіи, осыпаемая пулями, продолжали спѣшно идти по назначеннымъ направленіямъ.

Впускъ лошадей въ цитадель былъ дозволенъ только для одной артиллеріи, но на крики и просьбы милиціонеровъ принять ихъ съ лошадьми послѣдовалъ отъ коменданта полный отказъ; имъ предлагалось войти безъ лошадей, какъ вошли казаки, но на это милиціонеры не согласились.

Между тѣмъ кругомъ завязалось горячее дѣло. Направленіе и сила огня выяснили, что турки плотно обложили наше расположеніе со стороны горъ и численная сила ихъ настолько превышала нашу, что весь гарнизонъ, высланный противъ высотъ, напрягая силы, не могъ исполнить данной задачи; во избѣжаніе бесполезной потери, подполковникъ Пацевичъ приказалъ начать отступление, очищая открытыя мѣста обѣгомъ. Не обошлось, конечно, при этомъ безъ давки въ воротахъ и лишннихъ жертвъ.

За входящими войсками милиціонеры опять было попытались прорваться во внутрь съ лошадьми, но были вторично остановлены и ворота цитадели снова затворились передъ конными, хотя нѣсколько были впущены. Послѣ этого они партіями разошлись въ разныя стороны и съ этихъ поръ объ участіи ихъ мало было извѣстно оставшимся въ цитадели.

Къ вечеру стала высказываться послѣдній признакъ предстоящихъ бѣдствій: струя изъ крана водопровода сначала убавилась немного, потомъ обратилась въ прощальныя капли и затѣмъ, къ ночи, совершенно исчезла:—воду отвели. При общемъ стремленіи заготовиться водой, войска успѣли наполнить всю посуду, какая только нашлась въ отрядѣ, но это былъ только пальятивъ, а не радикальное средство обезвечить гарнизонъ. Еще разъ скажу: обширный резервуаръ почти подъ краномъ остался пустымъ.

XII.

Преждевременное прибытіе турокъ въ Баязеть, да еще на нашихъ плечахъ, неожиданность блокады, заставшей насъ въ цитадели, не подготовленной къ оборонѣ, были слѣдствіями злосчастной рекогносцировки и обыденной привычки креститься только во время грозы.

Но наши солдаты и казаки съ той минуты, когда заклопнулись ворота цитадели, точно стряхнули съ себя впечатлѣнія только что испытанныхъ неудачъ, хотя дурныя предзнаменованія дѣлались очевиднѣе; они словно не видѣли ихъ, и въ каждомъ дѣйствіи своемъ высказывали замѣчательную рѣшимость биться съ турками до истощенія силъ.

Когда послѣдняя неудавшаяся попытка одолѣть несоразмѣрно превышавшую силу турокъ заставила запереться въ цитадель, всѣ, вбѣгая въ ворота, проворно кидались на верхъ крышъ и къ окнамъ; каждый по своему усмотрѣнію выбиралъ мѣсто и примащивался, какъ умѣлъ; по всѣмъ комнатамъ цитадели и у каждого отверстія кипѣла толкотня; всѣхъ занимала одна забота не впустить турокъ; тутъ ужъ не было указателей; инициатива принадлежала инстинкту самозащиты: пока одни растаскивали вещи по комнатамъ, другіе, занявшіе мѣста на крышахъ, носили камни и складывали ихъ горками, стараясь хоть для лежачаго положенія устроить сколько нибудь сносное закрытіе; многіе такую-же работу производили надъ уменьшеніемъ большихъ оконныхъ отверстій. Все указывало на общую вѣру въ удачную оборону.

Этимъ занятіямъ сильно помогало то обстоятельство, что, по возвращеніи отряда послѣ вылазки, турки значительно ослабили огонь, хотя, продолжая обходить цитадель, они съ каждой вновь занятой позиціи спѣшили пристрѣляться.

Впереди воротъ возвышались неунесенныя еще груды разнаго имущества и лошади всѣхъ трехъ сотенъ, стоя сбатованными, понутивъ голову, точно укоряли хозяевъ, покинувшихъ своихъ боевыхъ товарищей. Горько было и казакамъ смотрѣть, какъ поражаемыя пулями несчастныя животныя бились въ предсмертныхъ судорогахъ, повисая на поводѣ, зацѣпленномъ за сѣдло другой.

Много казачьяго добра должно было погибнуть передъ глазами. Войсковой старшина Кванинъ употребилъ всѣ усилія, чтобы убѣдить подполковника Пацевича въ необходимости дозволить казакамъ подорвать свои вещи и ввести въ цитадель лошадей. Впрочемъ съ тру-

домъ добытое согласіе обуславливалось тѣмъ, чтобы оно было приведено въ исполненіе съ наступленіемъ ночи.

Вызвавъ для этого охотниковъ, по 20 человекъ изъ сотни, войсковой старшина Кванинъ назначилъ въ прикрытіе работъ, долженствовавшихъ скоро начаться, сотню хоперцевъ. Ожидали только конца дня; но обстоятельства сложились иначе, чѣмъ предполагалось.

Съ наступленіемъ сумерекъ пальба начала понемногу прекращаться; турки, какъ видно, нуждались во времени, чтобы осмотрѣться также, какъ и мы.

Въ это время подъ стѣнами у воротъ неожиданно появились тихо подошедшіе, пѣшіе милиціонеры, прося впустить ихъ безъ лошадей. «Входите сквозь проломъ», отвѣтили имъ со стѣны; но лишь только они приблизились къ лѣвому переднему углу, какъ подкравшіеся турки дали по нимъ залпъ. Милиціонеры кинулись назадъ; желаніе спасти ихъ заставило забыть близость турокъ и ворота начали отворяться, притаившійся гдѣ-то недалеко неприятельскій отрядъ, ждавшій вѣроятно этого момента, съ крикомъ рванулся къ цитадели; но ворота быстро затворили и подперли съ внутри повозкою; оставшіеся за стѣною милиціонеры мгновенно исчезли, а собранные на первомъ дворѣ охотники-казаки кинулись на крышу передняго фаса, по приказанію войскового старшины Кванина, который увидѣлъ теперь, что сборъ оставленнаго имущества—дѣло немислимое. Крики, стукотня въ ворота и горячая пальба продолжались около часа. Затѣмъ, по мѣрѣ умолканія голосовъ снаружи, стала стихать и общая перестрѣлка.

Эта первая проба турокъ найти слабое мѣсто для овладѣнія цитаделью была ихъ первой неудачей и, вмѣстѣ съ тѣмъ, высказала ихъ самонадѣянность: разсчитывая, можетъ быть, на полную деморализацію нашего отряда послѣ ряда неудачъ, они отдѣлили для этого нападенія численно небольшой отрядъ; самое кратковременное столкновение это прошло какъ-то незамѣтно для гарнизона; многіе изъ находившихся въ цитадели даже вовсе не знали о происшедшемъ покушеніи неприятеля ворваться въ ворота.

Не смотря на поздніе сумерки, отъ напряженнаго вниманія нашихъ, ежеминутно поджидавшихъ врага, не укрылось также подкрадываніе турокъ къ оставленнымъ вещамъ и лошадямъ.

Злоба на похитителей и нежеланіе дать имъ возможность попользоваться казачьими конями пересилили жалость къ животнымъ и сами хозяева перестрѣляли своихъ лошадей.

Съ наступленіемъ ночи никто не думалъ о снѣ; отсутствіе прикрытія и ожиданіе нападенія заставило всѣхъ обкладываться камнями, къ тому-же, едва не удавшаяся, попытка турокъ ворваться въ ворота

указала на необходимость придать имъ болѣе прочную podporку, что увеличило работу, такъ какъ пришлось, оттащивъ телѣгу, заваливать ихъ камнями, разбирая для этого фонтанный бассейнъ.

Артиллерія, вслѣдствіе неудобнаго расположенія относительно фронта нападенія, въ продолженіе цѣлаго дня не могла поражать болѣе угрожающія части непріятели и дѣйствовала, какъ-бы сама по себѣ, пользуясь всякимъ подходящимъ случаемъ. Заслоненная аданіями отъ мѣста боя, невольную безучастность выказала артиллерія и при вылазкѣ, и при вечернемъ нападеніи турокъ на ворота; между тѣмъ прислуга при орудіяхъ до того засмалась пулями съ Красныхъ горъ и со стороны дороги въ Ванъ, что, до открытія приличной цѣли, она должна была сидѣть за стѣнкой, а для дѣйствія заводный фейерверкеръ Егоровъ вынаивалъ къ орудію не болѣе трехъ номеровъ. Турки съ своей стороны старались скрывать мѣста расположенія большихъ командъ.

Должно упомянуть о случаѣ, давшемъ артиллеристамъ возможность утвердить за собой хорошее мнѣніе и наглядно показать отряду, что въ нихъ найдеть онъ сильную опору:

Одинъ изъ унтеръ-офицеровъ, служившихъ въ госпиталѣ, взялся избить басурмановъ безъ оружія; для этого вышелъ онъ на видное мѣсто и началъ крестить на всѣ стороны; турки, отвѣчая ему выстрѣлами, до того увлеклись, что указали на стѣнку, за которою скрывалось ихъ очень много. Съ перваго-же орудійнаго выстрѣла, наведеннаго въ нее, была развалена значительная ея часть и открытые курды кинулись въ сосѣднее аданіе; разрывъ второй гранаты въ серединѣ этого дома развалилъ его; турки прыснули во всѣ стороны, а стрѣлки наши крикнули «ура».

Въ этотъ-же день отличный наводчикъ 7-го орудія, Постный, высматривая изъ окна зданія размѣщеніе турокъ, вдругъ откинулся назадъ, схватившись за лицо руками — пуля ударила его въ губу; но молодецъ, перевязавъ рану, снова пошелъ подъ непріятельскіе выстрѣлы къ своему орудію.

Такъ кончился первый день сидѣнія нашего отряда въ баязетской цитадели.

Необходимо еще замѣтить: какъ нетерпѣливо размѣщались, вбѣгавшія послѣ вылазки, войска наши по стѣнамъ и комнатамъ, какъ не были перепутаны части между собою, но по господствующему проценту людей разныхъ частей приблизительно можно сказать, что ставропольцы преимущественно заняли лѣвый, сѣверный фасъ, дѣйствуя противъ старой крѣпости зарѣчной, армянской части города и ущелья, изъ котораго вытекалъ ручей; впрочемъ, часть стрѣлковой изъ роты захватила вмѣстѣ съ казаками и подземную галерею.

Крымцы занимали правый, южный, и задній фасы, фронтомъ противъ высоту ванской дороги и нижняго города.

Казачи-же преимущественно группировались по крышамъ передняго фаса и окнамъ второго этажа зданія, отдѣлявшаго первый дворъ отъ второго, а по сѣверному и южному фасамъ уманцы были болѣе перемѣшаны съ крымцами, а хоперцы съ ставропольцами.

XIII.

Настала ночь. Всѣ ждали, что нападеніе непріятеля возобновится на слѣдующій день; но неизвѣстность, какъ поведется оно, невозможность усилить цѣль, окаймлявшую всѣ зданія цитадели, привели начальство къ естественному концу; довѣриться мужеству гарнизона, который, какъ одинъ человекъ, готовился къ рѣшительному сопротивленію. Довѣріе это было видно изъ того, что не дѣлалось никакихъ распоряженій, только передъ утромъ, для прикрытія воротъ, на первый дворъ была введена вся стрѣлковая рота ставропольцевъ, да артиллерія, оставаясь на заднемъ дворѣ—единственно возможной для нея позиціи—передвинула 7-е орудіе на узкую часть его, съ цѣлью противодѣйствовать огню изъ старой крѣпости (планы I и III).

Потребность необходимаго отдыха въ эту ночь заглушалась чувствомъ самосохраненія: насколько позволяли подручные матерьялы, дѣлалось то, что слѣдовало сдѣлать раньше: закладывались окна и двери, на верхъ стѣнъ продолжали втаскивать камни для прикрытія стрѣлковъ, артиллеристы набивали землю кули, набранные изъ склада, и устранивали изъ нихъ прикрытія орудіямъ.

Да врядь-ли спали въ эту ночь и турки: тысячи фонарей двигались по горамъ и по городу; глухой шумъ, прерываемый по временамъ выстрѣлами, показывалъ, что у нихъ шло размѣщеніе по позиціи.

Говоря вообще, въ первую ночь курды не производили въ городѣ обычныхъ неистовствъ, только по временамъ раздавался трескъ отъ выламыванія дверей, крикъ женщинъ, дѣтей и ярко вздымалось пламя отъ подожежнаго, провіантскаго склада; но вокругъ цитадели они бродили цѣлыми отрядами, занимались растаскиваніемъ оставленнаго имущества и уцѣлѣвшихъ лошадей; страсть къ хищничеству часто подводила ихъ подъ наши вѣрныя выстрѣлы. Рыская вездѣ, они наткнулись, наконецъ, на скрывшихся милиціонеровъ и неожиданный бой закипѣлъ у самой цитадели.

Лучше другихъ рассказчиковъ характеризуютъ время, проведенное

въ теченіи вечера и ночи, урядники Уманскаго полка: Алексѣй Еременко и Савелій Сухоручкинъ.

Войдя въ крѣпость изъ послѣднихъ, говоритъ Еременко, онъ, по примѣру другихъ, въ общей сумятицѣ, сталъ розыскивать удобное мѣсто для обороны; вскорѣ выборъ его палъ на проломъ въ передней стѣнѣ, занятый двумя крымцами; съ согласія солдатъ онъ присоединился къ нимъ. Съ этого времени сквозь три устроенныя ими бойницы они отвѣчали на пальбу турокъ съ горъ, видѣли просившихся въ цитадель милиціонеровъ, и какъ они потомъ побѣжали къ бывшимъ казачьимъ конюшнямъ (В), стрѣляли по штурмующимъ ворота цитадели и по подползавшимъ для грабежа брошенныхъ вещей.

Къ часамъ одиннадцати, когда стало попокойнѣе, досада видѣть расхищеніе имущества, лежащаго передъ глазами, пересилила мысль объ опасности; на желаніе выйти и захватить себѣ все необходимое Еременко получилъ не только полное согласіе товарищей, но и порученіе достать для нихъ котелокъ. Каменья изъ пролома были быстро вынуты, и черезъ минуту лихой казакъ ужъ подбиралъ все пригодное для своего походнаго гардероба; когда же побѣжалъ обратно, подстерегавшіе его турки дали залпъ; однако Еременко успѣлъ невредимымъ вскочить въ цитадель, отдѣлавшись только разбитой ручкой пистолета и прострѣленными бешметомъ и котелкомъ.

О боѣ турокъ съ милиціонерами даетъ полное разъясненіе урядникъ Сухоручкинъ.

Находясь на крышѣ зданія у праваго передняго угла, близь люка (д), онъ и товарищи его среди ночи были удивлены неожиданно загорѣвшейся передъ ними пальбой, но направленной не противъ цитадели; мгновенно бросили они заниматься укладкой каменьевъ и взялись за винтовки; скоро отгадали причину, вызвавшую огонь; понятное всѣмъ, но неподдающееся описанію, страстное желаніе спасти атакованныхъ милиціонеровъ въ зданіи (б) заставило стрѣлковъ пулю за пулею посылать по осwirѣпѣвшей толпѣ передъ вѣрною добычею; поражаемые изъ цитадели турки обошли атакуемое зданіе и, прикрывшись имъ, усилили пальбу съ противоположной стороны. Недолго кипѣла перестрѣлка; раздавшіеся вокругъ зданія крики, какъ сигналъ къ рукопашному бою, вызвали просьбу казаковъ сдѣлать вылазку, но подполковникъ Пацевичъ, находившійся на этомъ-же углѣ, отвѣтилъ, что въ виду близости стерегущихъ насъ отрядовъ нѣтъ возможности отворить ворота безъ риска впустить ихъ въ цитадель.

Еще минутъ пять неистовые вопли сопровождали самый упорный бой, затѣмъ агонія эта стала приходить къ концу... Съ сжатымъ сердцемъ прислушивались къ происходившему свидѣтели, неимѣвшие воз-

БАЯЗЕТЪ.
ПЕРЕДНІЙ ФАСЪ ЦИТАДЕЛИ
ВЪ 1877 Г.

возможности помочь погибающимъ, но еще тяжелѣе отозвался на нихъ моментъ утихающихъ криковъ, моментъ, въ который сотни жизней отнимались силой почти безнаказанно.

Разсвѣтъ уже былъ недалекъ, когда стали исчезать признаки близкаго присутствія турокъ, только поврежденнымъ раздавались отдаленные выстрѣлы. Рѣшивъ, что бродящія вокругъ партіи отступили въ горы, вызвали охотниковъ для проверки случившагося въ сосѣднемъ зданіи и для сбора нерасхищенныхъ еще турками вещей.

Охотникамъ, въ числѣ которыхъ былъ и Сухоручкинъ, не отворили воротъ, заваленныхъ каменьями, а мѣстомъ выхода былъ выбранъ тотъ же проломъ, у котораго стоялъ Еременко съ крымцами. Тихо, одинъ за другимъ, казаки вылѣзли изъ цитадели и, осторожно пробираясь между тѣлами убитыхъ, приступили къ исполненію приказанія. Зорко слѣднили за ними товарищи со стѣны, но вскорѣ только подбиравшіе вещи и патроны къ ружьямъ Снайдера остались подъ ихъ покровительствомъ, а остальные, направившіеся къ бывшей казачьей конюшнѣ, скоро исчезли въ темнотѣ ночи... Черезъ минуту посланные подошли къ зданію — кругомъ ни звука... Остановились у входа. Мракъ и могильная тишина попрежнему не нарушались ничѣмъ. Необходимость освѣтить мѣсто осмотра заставила Сухоручкина шарить боковую комнату, въ которой жилъ когда-то сотенный командиръ; розыски эти остались не безъ успѣха; найдя лоскутъ бумаги, онъ вернулся къ ожидавшимъ его товарищамъ и мгновенно вспыхнувшій свѣтъ внезапно освѣтилъ картину, заставившую вздрогнуть присутствующихъ: все пространство внутри конюшни было завалено до гола раздѣтыми трупами, успѣвшими окоченѣть въ разныхъ положеніяхъ; но скоро бумага догорѣла и мракъ, разступившійся на нѣсколько секундъ, снова скрылъ отъ глазъ ужасную картину; для зрителей было достаточно видѣннаго, чтобы съ точнымъ отвѣтомъ вернуться въ цитадель.

Утро приближалось. Работы прекратились и защитники заняли свои мѣста. Вотъ въ этотъ то краткій періодъ временнаго затишья въ первый разъ особенно рѣзко выступало на первый планъ чувство, знакомившее съ дѣйствительнымъ и предстоящимъ бѣдствіемъ — отсутствіемъ воды. Жажда начинала томить всѣхъ. Комендантъ приказалъ выдать отряду по ложкѣ воды; но эта промочка горла не удовлетворила даже тѣхъ, которые, воспользовавшись неустроеннымъ контролемъ, подходили по два раза.

Въ дѣйствительности запасъ воды былъ незначителенъ: — большая кадушка, наполненная до верха и оберегаемая особеннымъ карауломъ, была единственнымъ источникомъ для утоленія жажды цѣлаго отряда.

Артиллеристы набрали было себѣ отдѣльный запасъ воды, но не будучи въ силахъ отказать вернувшимся съ боя съ пересохшимъ горломъ и умолявшимъ дать напитокъ, выполнили почти все, что было собрано. По многимъ признакамъ видно, что войска въ первый день не сознавали возможности продолжительной блокады и на сборъ отряда въ цитадель смотрѣли какъ на обыкновенную временную боевую случайность.

Недешево обошелся славнымъ баязетцамъ починный день двадцати-трехъ-дневной пытки и жаждой, и голодомъ: въ это знаменательное 6-е Юля 1877 г. мы потеряли: болѣе четырехъ сотенъ милици, до 150 солдатъ и казаковъ, одного штабъ-офицера и двухъ оберъ-офицеровъ, всѣхъ казачьихъ лошадей съ еѣдами и почти все имущество.

Константинъ Гейнсъ.

[Продолженіе слѣдуетъ].

СОЖЖЕНІЕ ЛЮДЕЙ ВЪ РОССІИ

ВЪ XIII — XVIII ВВ.

Въ „Русской Старинѣ“ изд. 1878 г. помѣщена интересная замѣтка о казни черезъ сожжаніе при Аннѣ Іоанновнѣ (октябрь, 307—310). Фактъ сожженія флота надъитанъ-лейтенанта Возницына за отпаденіе отъ христіанской вѣры, а жидъ Борука Лейбова за превращеніе оного капитана въ жидовскій законъ ¹⁾ извѣстенъ изъ доклада сената отъ 3 іюля 1788 г. и резолюціи Анны Іоанновны: „понеже оныя, Возницынъ... въ принятіи жидовской вѣры, а жидъ Борулъ Лейбовъ въ превращеніи его чрезъ приметныя свои увѣщанія въ жидовство сами повинились; и для того больше ими розыскивать не въ чемъ, дабы далѣе сіе богопротивное дѣло не продолжалось, и такіе, богоудѣльникъ Возницынъ и превратитель въ жидовство жидъ Борулъ, другихъ прельщать не дерзали; того ради за такія ихъ (оспритивныя) вины... обоимъ казнить смертію, съ жесечъ“ (Полн. Собр. Зак. т. X, № 7,612).

Этотъ же „жидъ Борулъ“ былъ еще обвиненъ въ „смертномъ убійствѣ, Смоленскаго уѣзда, села Зѣбричъ, священника Авраамія, въ превращеніи-а съ прочими жидами въ Смоленскѣ простого народа, и въ поступеніи нахъ жидовской школы, и въ мученіи бывшей у него во услуженіи российской крестьянской дѣвки“ (П. С. З. Ibid). Многочисленность преступленій, справедливо замѣчаетъ Оршанскій (Рус. законодательство о евреяхъ. „Еврейская бібліотека“, III, 105) ²⁾, невольно наводитъ на сомнѣніе въ ихъ дѣйствительности.

Оршанскій (Ibid, 105) высказываетъ еще мнѣніе, что указъ правительствующаго сената въ генеральную войсковую канцелярію: „жидовъ.... выслать немедленно за границу“ (П. С. З. т. X, № 7,869), есть слѣдствіе дѣла Борука и Возницына; но это, очевидно, ошибка по несъпаденіи времени. Указъ

¹⁾ Обращеніе это и обрѣзаніе Возницына было совершено въ Дубровнѣ, теперь мѣстечко Могилев. губ. (Соловьевъ, XX, 310).

²⁾ Есть и отдѣльное изданіе этого замѣчательнаго труда. Спб. 1877 г. (I томъ собранія его сочиненій).
I. В.

этотъ дань въ 1736 г., а дѣло Борука и Возницына дошло до сената, во всякомъ случаѣ, не раньше 1737 г. Также не имѣеть основанія подобное мнѣніе, высказанное въ видѣ предположенія Хмыровымъ (Энциклопедическій словарь, сост. рус. учен. и лит., отд. II, т. I, стр. 124), относительно указа 11-го іюля 1740 г. „о высылкѣ изъ Малой Россіи за границу 292 мужеска и 281 женска пола евреевъ“ (П. С. З. XI, 8, 169), не имѣеть основанія потому, что указъ этотъ не есть что нибудь выдающееся, выходящее изъ общаго направленія нашего законодательства о евреяхъ XVIII в. Высылка изъ Малой Россіи вышеупомянутыхъ евреевъ производилась, какъ и сказано въ резолюціи: „по силѣ прежнихъ указовъ“.

Прототипъ закона о запрещеніи евреямъ жительства въ Малороссіи—это указъ Екатерины I отъ 26 апрѣля 1727 г.: „жидовъ какъ мужеска, такъ и женска пола, которые обрѣтаются на Украинѣ,... тѣхъ всѣхъ выслать вонъ изъ Россіи за рубежъ немедленно, и впредь ихъ ни подъ какими образы въ Россію не впускать и того предостерегать во всѣхъ городахъ накурѣно“ (П. С. З. VII, № 5,063). Законъ этотъ былъ повторенъ Петромъ II (28 августа 1728 г.): „а житье жидамъ въ Малой Россіи запрещается“ (П. С. З. VIII, № 5,324, пунктъ 14), хотя имъ—благодаря необходимымъ потребностямъ края—и дозволяется „на ярманки для купеческаго промысла вѣззвать; только продавать имъ свои товары оптомъ, а врознь на локти и фунты не продавать“ (Ibid); буквальное повтореніе закона 28 августа 1728 г. для Смоленска было выдано 10 сентября 1731 г. (П. С. З. VIII, № 5,852).

31 іюля 1734 г. по ходатайству комисіи слободскихъ полковъ позволено „жидамъ продавать товары на ярмаркахъ и врознь на локти и фунты“ вперед до указа (П. С. З. IX, № 6,610, пун. 21) въ виду того, что „въ Слободскихъ полкахъ купецкихъ людей мало и торговый промыслъ имѣють недовольный“. 8-го августа того же года законъ этотъ распространенъ на всю Малороссію, „понеже мы, великая государыня, всегда имѣемъ о нашихъ подданныхъ малороссійскаго народа людяхъ матернее попеченіе“ (Ibid, № 6,614, пун. 14). Право это, впрочемъ, дано только вперед до указа и очевидно съ сохраненіемъ запрещенія евреямъ жить въ Малороссіи. 16 февраля 1736 г. изъ кабинета ея величества данъ кіевскому губернатору Сукину указъ: „жидовъ изъ за границы въ Малую Россію пропускать тѣхъ, которые поѣдутъ съ товарами на ярманки; а кроиъ того иныхъ отнюдь не пропускать“ (П. С. З. IX, № 6,898); къ этому же году относится вышеупомянутый указъ сената. 18-го августа 1739 г. повелѣно высылку евреевъ, успѣвшихъ поселиться въ Малороссіи, отсрочить въ виду турецкой войны, такъ какъ „подъ нынѣшнее де военное время, ежели тѣхъ жидовъ за рубежъ выслать, а иные о тамошнихъ обращеніяхъ могутъ акуратно вѣдать, чтобъ черезъ ту ихъ нынѣ высылку не воспослѣдовало какого шпіонства“ (П. С. З. X, № 7,869). Такимъ образомъ очевидно, что вышеупомянутый законъ 11-го іюля 1740 г. былъ

только повтореніемъ прежде существовавшихъ законовъ, которые, благодаря тому, что шли въ разрѣзъ съ насущными потребностями края—что доказывается приведенными указами 31-го іюля и 8 августа 1734 г. и 18 августа 1739 г. ¹⁾—никогда не исполнялся и въ послѣдующія царствованія мы видимъ цѣлый рядъ повтореній и подтвержденій этого закона—лучшее доказательство его практической несостоятельности ²⁾.

Таковы указы 2-го декабря 1742 г. (П. С. З. XI, № 8,673); 16-го декабря 1743 (Ibid № 8,840); 25 января 1744 г. (Ibid, XII, № 8,867) и друг.

Въ заключеніе скажу нѣсколько словъ по поводу страннаго открытія, сдѣланнаго авторомъ вышеупомянутой замѣтки („Русская Старина“ 1878, № 10, стр. 310), что будто „въ русской исторіи мы встрѣчаемъ только четыре случая казни черезъ сожженіе, а казнь Возницына и Боруха была, насколько извѣстно, послѣдней“.

Конечно, никто не станетъ спорить, что русское уголовное законодательство во всѣ времена отличалось сравнительною мягкостью формъ и весьма обычная на западѣ казнь черезъ сожженіе (мы, конечно, говоримъ о временахъ минувшихъ) у насъ дѣйствительно происходила чрезвычайно рѣдко (сравнительно); но тѣмъ не менѣе мы встрѣчаемъ въ русской исторіи гораздо болѣе четырехъ случаевъ казни черезъ сожженіе; чтобы не быть голословнымъ, я приведу списокъ въ настоящее время мнѣ извѣстныхъ случаевъ; при этомъ считаю нужнымъ замѣтить, что списокъ этотъ далеко не отличается полнотой, такъ какъ составленъ по источникамъ, имѣвшимся подъ рукою, такъ сказать, только въ данную минуту.

— Весной 1446 г. князь Іоаннъ Можайскій всенародно сжегъ на кострѣ боярина Андрея Дмитриевича вмѣстѣ съ женой за волшебство (Карамзинъ V, 356 и прим. 374 изд. 1819).

¹⁾ Сравни указъ 16 ноября 1769 г. (П. С. З. XVIII, № 13,333).

²⁾ Прессъ въ статьѣ своей: „Къ характеристикѣ системъ“ (Восходъ 1882 г., кн. IV—V) весьма основательно дѣлитъ отношенія русскаго законодательства къ евреямъ на періоды; до Анны Іоанновны законодатель руководствовался исключительно принципомъ охраненія церкви и православія отъ вліянія иновѣрцевъ. При Аннѣ-же, благодаря полному господству нѣмецкой партіи, этотъ принципъ долженъ былъ потерять всякое значеніе, но зато выступилъ другой принципъ: евреи терпимы и находятся подъ защитой закона въ границахъ ихъ полезности въ дѣлѣ развитія торговли и промышленности; внѣ этой границы они безправны. Указъ 16 февраля 1736 г. показываетъ только неполную послѣдовательность законодателя, показываетъ обязательность предшествовавшихъ узаконеній о евреяхъ, продолжавшихъ дѣйствовать рядомъ съ новыми, не смотря на развитіе взглядовъ и системъ обоихъ періодовъ. При Елизаветѣ опять выступилъ первый принципъ, выразившійся въ характерной революціи: „отъ враговъ Христовыхъ не желаю интересной прибыли“ (П. С. З. XI, № 8,840).

— Тотъ же Іоаннъ Мещайскій съезъ за волшебство мать боярина Іоанна III, Ощера (Карамзинъ VI, 152).

— Въ январѣ 1493 были сожжены въ Москвѣ на берегу Москвы-рѣки въ кѣтъвахъ князь Лукомскій и латынскій толмачъ, полякъ Матиасъ, за подозрѣніе въ желаніи отравить Іоанна III (Карам. VI, 242; Соловьевъ V, 143).

— Въ началѣ 1505 г. были сожжены въ Москвѣ обличенные въ принадлежность къ ереси жидовствующихъ: Волкъ Курицынъ, Дмитрій Коноплевъ, Иванъ Максимовъ и другіе (Сол. V, 274; Карам. VI, 205; арх. Макарія, Ист. Рус. Цер. VI, 135).

— За принадлежность къ той-же ереси были сожжены въ Новгородѣ: Некрасъ Рукавовъ, архимандритъ Юрьевскій Кассіанъ съ братомъ и многіе другіе (Сол., Ibid; Карамз., Ibid; Макарія, Ibid) ¹⁾.

— Князья Воротынский и Одоевскій были виѣстъ изжарены Иваномъ Грознымъ.

— При Феодорѣ Іоанновичѣ былъ сожженъ колдунъ, обвинявшійся въ „порчѣ“ татарскаго царевича Мурюль-Гирей ²⁾.

— Въ 1607 г. одинъ стародубскій сынъ боярскій, который рѣшится ѣхать подъ Тулу въ станъ Шуйскаго и спросить самого царя, зачѣмъ онъ подѣискался подъ прирожденнымъ государемъ (Лжедмит. II), умеръ геройски, поджариваемый на медленномъ огнѣ (Соловьевъ, VIII, 187; Костомар. монограф. и изслѣд. V, 105).

— Судъ, состоявшій изъ равнаго числа поляковъ и русскихъ, приговорилъ въ 1611 г. къ отсѣченію рукъ и сожженію поляка Бленскаго, который выстрѣлилъ въ икону Богородицы (Солов. VIII, 337; Костомар. Ibid, VI, 58).

— Въ мартѣ 1672 г. явился въ Астрахань князь Яковъ Одоевскій для суда надъ бунтовщиками; Корнило Семеновъ, у котораго нашлись заговоры, сожженъ публично (Солов. XI, 45).

¹⁾ Обвиненные въ приверженности къ ереси жидовствующихъ были приговорены къ сожженію на основаніи 31—33 главы градскаго закона, вошедшаго въ составъ Коричей. Законъ этотъ выраженъ такъ: „аще жидовникъ, христіанина раба имый, и обрѣжетъ его, да отсѣкутъ ему главу; аще жидовникъ или агарянинъ дерзнетъ развратити отъ христіанскія вѣры христіанина, главнѣй повинень казнь; иже сподобився сятаго крещенія и еретичествоуетъ и еминствоуетъ, конечнѣй муцѣ повинень естъ (Корич., ч. II, л. 113 изд. 1810). Этотъ законъ кажется служилъ основаніемъ 24 ст. XXII гл. улож. царя Алексѣя Михайловича, на основаніи которой и былъ сожженъ Возницынъ и Борухъ (П. С. З. X, № 7,612); статья эта гласитъ слѣдующее: „а будетъ кто бусурманнѣи какии иибуудъ мѣраи, насильствомъ, или обманомъ русскаго человека къ своей вѣрѣ принудитъ и... обрѣжетъ, а смыцетъ про то доприма: и того бусурманна по смыску казнить, сжечь огнемъ безо всякаго милосердія“.

²⁾ Мнѣ неизвѣстно, на основаніе какого закона произведена эта казнь; знаемъ только, что Анна Іоанновна въ началѣ своего царствованія сочла нужнымъ напомнить указомъ (П. С. З. № 5761), что за волшебство законъ опредѣляетъ сожженіе (Соловьевъ, XIX, 289).

— Не мало случаев сожженія затисано въ дѣтисныхъ раскола даже въ первое время его зарожденія, какъ это можно заключить со словъ Хованскаго (Костомар. „Русск. Ист. въ жизнеоп.“ II, 490, 492).

— Въ 1786—1787 г. въ Петербургѣ были большіе пожары. Приступили къ слѣдствію о причинѣ ихъ и обвинили двухъ мужиковъ, поджигавшихъ съ цѣлью грабежа; ихъ сожгли живьемъ (Кантемиръ въ Лондонѣ, Стоюнина. „Вѣстн. Евр.“ 1, 1867 г., т. II, ст. 126).

— 8 іюня 1836 г. въ Москвѣ былъ большой пожаръ; на другой день прислана была къ розыску дворовая дѣвка князя Влад. Долгорукаго, Марѳа Герасимовна; ее обвинили въ поджогѣ, и съ перваго розыска она повинилась; ее сожгли живую (Солов. XX, 215).

— 20 іюня 1738 г. былъ сожженъ нѣкто Тайгульда за переходъ въ исламъ („Русск. Старина“ 1878 г., № 10, стр. 308).

— Въ іюль того же года сожжены вышеупомянутые Возницынъ и Боруль (И. С. З. X, № 7612; Солов., XX, 310).

Останемъ также нѣсколько извѣстій о сожженіяхъ въ Новгородѣ, Галичѣ, у Давыровскихъ казаковъ и наконецъ и самой Россіи, только не по инициативѣ высшаго правительства.

Вотъ нѣкоторыя изъ этихъ извѣстій:

— Галицкіе бояре сожгли Анастасію, любовницу князя Ярослава (Карамз. III, 19).

— Въ 1227 г. Новгородцы сожгли 4-хъ волшебниковъ на дворѣ Ярослава (Карамз. III, 246; примѣч. 316).

— Въ 1280 г. былъ въ Новгородѣ голодъ; нѣхъ ядахи, кору липову и листь нымъ; нинъ рѣзачу люди живыя и ядахи“... То свѣдавшіе, бояре нымъ сожигачу, тако творащихъ“ (Карамз. III, примѣч. 135) ¹⁾.

— Въ 1442 г. народъ въ Новгородѣ безъ всякаго доказательства, обвиняя многихъ людей въ зажигательствѣ, сжегъ ихъ на юстрахъ (Карамз. V, 298).

— Гетманъ Брудовецкій (бояринъ-гетманъ) всенародно сжегъ живьемъ полковника Гострую „за малую вину“, по выраженію лѣтописца (Грабянки, 197); на это наставляетъ укору казаковъ: „за гетманомъ только и дѣла, что вѣдьмъ жжотъ“ (Соловьевъ XI, 221; Костомар. Руина „Вѣстн. Евр.“ 1879 г., № 6, стр. 456).

— Въ декабрѣ 1671 г. Долгорукій сжегъ въ струбѣ одну старуху, обвиненную въ чародѣйствѣ (Солов. XI, 441).

— Въ 1677 г. атаманъ Михайло Самаринъ и все войско донское, по военному праву, сожгли въ Черкасѣхъ какаго-то пана-раскольника за то, что онъ не молится Богу за царя (Солов. XIII, 309).

— Въ 1687 г. во время паденія гетмана Самойловича казаки Прилуд-

¹⁾ Въ 1236 г. галицкіе бояре составили заговоръ съ цѣлью сжечь Давида и Василья Галицкихъ; заговоръ этотъ не удался (Карамзинъ III, 269).

каго полка сожгли въ горящей пещи своего полковника Лазаря Горленка (Костомар. „Русск. Истор. въ жизнеоп.“ II, 322).

— Въ концѣ XVII вѣка по приказанію московскаго патріарха были сожжены нѣмцы Кульманъ и Нордерманъ по обвиненію въ распространеніи ереси ¹⁾.

Составленный здѣсь списокъ, какъ мы уже сказали, далеко неполонъ; но если даже собрать всѣ сохранившіяся извѣстія о случаяхъ казни черезъ сожженіе, то и тогда мы врядъ-ли будемъ имѣть даже приблизительное понятіе о дѣйствительномъ числѣ сожженныхъ; лѣтописецъ не считалъ нужнымъ занести ихъ въ свою хронику: они казались ему неважными.

Выше въ примѣчаніяхъ мы привели статьи уложенія царя Алексѣя Михайловича и указъ Анны Іоанновны, опредѣляющіе случаи наказанія сожженіемъ; до насъ дошло еще нѣсколько подобныхъ законовъ.

Въ царствованіе Θεодора Алексѣевича при Заиконоспаскомъ монастырѣ былъ устроенъ „храмъ, чиномъ академія, для сѣванія мудрости“; въ уставѣ этой академіи читаемъ: „за хулу на православную вѣру (учителя) будутъ сожжены безъ всякаго милосердія... Если какой нибудь иностранецъ, или русскій будутъ обвинены въ хулѣ на православную вѣру, то отдается на судъ блюстителю и учителямъ, и если обвиненіе окажется справедливымъ, то преступникъ подвергается сожженію... Запрещается преподаваніе магіи и учителей этой науки вмѣстѣ съ учениками сожигать...! Если какой нибудь пришелецъ былъ прежде восточной вѣры, а потомъ приметъ другую, то такой долженъ быть преданъ сожженію“ (Солов. XIII, 327—329; Костом. „Русск. ист. въ жизнеоп.“ II, 419).

Указомъ 1684 г. велѣно было хватать всякаго, кто не ходилъ въ церковь, не исповѣдывался, не пускалъ къ себѣ священника въ домъ. Такихъ приказано было подвергать пыткамъ и не покающихся велѣно было сжигать живьемъ (Костом. Ibid. II, 502).

Существованіе всѣхъ этихъ законовъ доказываетъ нужду въ нихъ, доказываетъ, что они имѣли приложеніе въ юридической практикѣ. Это доказывается также слѣдующимъ мѣстомъ грамоты московскаго правительства сѣверн. города, которой они извѣщаются о появленіи Лжедмитрія I и первыхъ его успѣхахъ: „люди, которые въ государствѣ за ихъ богомерскія дѣла приговорены были на сожженіе, а другіе къ ссылкѣ, бѣжали въ Литовскую землю за рубежъ и злые плеводы еретическіе сѣяли“ (приставали къ Лжедмитрію) (Солов. VIII, 99).

Было бы очень желательно имѣть серьезное изслѣдованіе объ этомъ, въ высшей степени интересномъ для исторіи нравовъ, предметѣ.

I. Верхнѣе.

¹⁾ Въ 1792 г. въ южной Россіи начали преслѣдовать духоборцевъ и многіе изъ нихъ были приговорены къ сожженію, но помилованы ссылкой въ Сибирь („Русск. Архивъ“ 1865 г., 818). Мы не говоримъ о случаяхъ сожженія во время непріятельскихъ дѣйствій, весьма впрочемъ частыхъ; см. напримѣръ (Солов. V, 294; Карамз. IV, примѣч. 262), а также о пыткахъ огнемъ, причѣмъ часто случались смертные случаи, что совершенно равносильно сожженію.

I. В.

АЛЕКСАНДРЪ I И НИКОЛАЙ I.

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ ТЕММЕ.

Erinnerungen von J. D. H. Temme. Herausgegeben von St. Born.
Leipzig. 1883. in 8°.

I.

Темме и его записки.

Нѣтъ сомнѣнія, что записки, воспоминанія и автобіографіи видныхъ дѣятелей какой либо эпохи даютъ богатый матеріалъ историкамъ того времени и бросаютъ нерѣдко яркій свѣтъ на факты, до тѣхъ поръ никѣмъ незамѣченные, или же освѣщенные не съ надлежащей стороны.

Историческая литература западныхъ европейскихъ государствъ весьма богата такими матеріалами, тогда какъ русскимъ исторіографамъ придется преимущественно откапывать свои жемчужины въ кучахъ архивной пыли, такъ какъ записками и дневниками наши отцы и дѣды — въ особенности стоявшіе у кормила — насъ не избаловали. Поэтому для насъ русскихъ особенно интересными оказываются записки и мемуары видныхъ дѣятелей нашей коварной сосѣдки, ибо въ нихъ мы часто находимъ не одинъ лишній лучъ для освѣщенія фактовъ нашей внѣшней политики. Положимъ, что освѣщеніе это нерѣдко пристрастное и одностороннее; преломляясь чрезъ призму нѣмецкаго самодовольства, самоинѣнія и самохвальства, лучи, освѣщающіе русскихъ дѣятелей, дадутъ, конечно, послѣднимъ нѣсколько иной колоритъ, иной оттѣнокъ; но суть же все таки останется правдивою, ибо нѣмецъ не лжетъ никогда, онъ только подчасъ... привираетъ.

Еще недавно, благодаря Ранке, мы ознакомились (1883 г.) съ записками прусскаго государственнаго челоуѣка Гарденберга, освѣтившаго ими темную страницу прусской исторіи. Горячему патриоту, первому министру и другу короля Фридриха Вильгельма III и королевы Луизы—Гарденбергу привелось дожить до полнѣйшаго уничтоженія своей родины послѣ Иены и Тильзитскаго свиданія монарховъ. Понятно, что записки такого челоуѣка должны представлять собою верхъ интереса. Нынѣ же мы обращаемъ вниманіе читателей на записки

простого смертнаго: сперва—дѣльнаго юриста, затѣмъ — политическаго трибуна и демократа, а впоследствии — талантливаго романиста и добровольнаго изгнанника. Записки его интересны не потому только, что онѣ ярко освѣщаютъ эпоху февральской революціи и послѣдовавшее затѣмъ реакціонное время, но и какъ записки человѣка, котораго не только друзья, но и враги считали за правдивѣйшаго изъ смертныхъ, и который во всю свою жизнь ни разу не покривилъ душою. Въ Темме какъ бы олицетворялся идеаль человѣка съ желѣзной непреклонной голей и съ глубокимъ уваженіемъ къ правдѣ и законности. Всю жизнь свою онѣ боролся за права народа, и ни угрозы, ни интриги, ни благосклонность сильныхъ міра сего — не могли свернуть его съ разѣ принятаго имъ пути; и даже легко дававшаяся ему въ руки популярность среди крайнихъ революціонныхъ фракцій не могла подкупить его.

Темме былъ юристомъ и законникомъ въ самомъ идеальномъ значеніи этого слова; для него право и законъ были священнѣйшими понятіями.

Родомъ изъ Вестфали, онѣ, по сдачѣ государственнаго экзамена, былъ назначенъ ассессоромъ въ надворный судъ въ Арнсбергъ (въ Вестфалии); но ему недолго пришлось служить на родинѣ. Въ то время прусское правительство имѣло обыкновеніе переводить способныхъ чиновниковъ съ одного конца королевства въ другое, дабы они не засиживались долго на одномъ мѣстѣ и не приобретали себѣ большой популярности.

По этой причинѣ въ 1833 году Темме перевели уѣзднымъ судьбою въ маленькій пограничный городокъ близъ Мемеля. Имѣя часто дѣло съ контрабандистами, укрывавшимися то по сю, то по ту сторону границы, ему приходилось нередко пересѣзать на русскую территорию и знакомиться съ нравами и обычаями, съ административными и судебными порядками тогдашней Литвы, которой Темме посвящаетъ цѣлую главу.

Эта характеристика литовскихъ порядковъ того времени весьма интересна и мы постараемся съ ними познакомиться нашихъ русскихъ читателей въ другое время; теперь же остановимся на приводимыхъ Темме двухъ анекдотахъ, касающихся императоровъ Александра и Николая Павловичей. Они очень характеристичны и, сколько намъ помнится, вовсе неизвѣстны русской публикѣ. Усомниться въ дѣйствительности описанныхъ Темме фактовъ нѣтъ никакого основанія, такъ какъ не вѣрять маститому автору — невозможно, не оскорбляя его памяти.

Когда Темме умеръ на 83-мъ году своей жизни въ Швейцаріи въ добровольномъ изгнаніи, вся Германія его оплакала и какъ поклонники, такъ и противники его политическихъ идеаловъ отдали дань его памяти. Никто не могъ отказать ему въ томъ, что, при всѣхъ его достоинствахъ и недостаткахъ, онѣ былъ „цѣльнымъ человѣкомъ“, какъ выразился его біографъ Борнъ; а таковыхъ цѣльныхъ людей въ нашъ практическій и опортунистскій вѣкъ является ахти какъ немного. Тогда какъ время и обстоятельства измѣнились и

даже передѣляли совѣтъ убѣжденія многихъ изъ его сподвижниковъ, Темме остался непреклоннымъ и какъ скала непоколебимо стоялъ за то, что считалъ правильнымъ, хотя самъ, въ то же время, весьма снисходительно относился къ слабостямъ людскимъ вообще и къ слабостямъ своихъ противниковъ въ особенности. Рыцарь чести и благородства, мягкій и сердечный въ обращеніи, добрый, правдивый и вѣрный другъ, онъ, какъ вѣковой дубъ, стоялъ безъ колебанія среди бурь и непогоды и отъ убѣжденій своихъ никогда не отступалъ ни на югу.

У Темме, какъ и у всякаго недожизннаго человѣка, было много враговъ, но и тѣ не отказывали ему въ уваженіи. Онъ провель 30 лѣтъ въ Швейцаріи, въ добровольномъ изгнаніи, и тамъ, устроивъ себѣ новое отечество, былъ любимъ и уважаемъ не только швейцарцами, но и соотечественниками, посѣщавшими его новую отчизну. Замѣчательно, что Темме былъ ярымъ противникомъ — какъ онъ выражался — „есенивелирирующаго“ единаго германскаго государства.

Эта краткая характеристика автора „Воспоминаній“ даетъ, какъ намъ кажется, достаточно оснований не сомнѣваться въ правдивости приводимыхъ Темме историческихъ фактовъ и отнестись къ двумъ слѣдующимъ анекдотамъ съ полнымъ довѣріемъ:

II.

Александръ I и Меттернихъ.

1820 г.

Дипломатію обыкновенно считаютъ наукой; правильнѣе будетъ назвать ее искусствомъ приводить къ соглашенію, на мирной почвѣ переговоровъ, спорныя отношенія, несогласія и ссоры между различными государствами.

Для современной дипломатіи, говоритъ Темме, это опредѣленіе кажется не совѣтъ подходящимъ, и мы склонны скорѣе ее назвать искусствомъ поставить во время войны разныя государства въ запутанное положеніе.

Въ 1820 году европейская дипломатія чувствовала себя въ удрученномъ состояніи; то тамъ, то здѣсь вспыхивали бунты, возмущенія. Положимъ, въ Германіи „Карлсбадскими постановленіями“ удалось скоро подавить возстаніе; это оказалось нетруднымъ уже и потому, что проявленіе недовольства было скорѣе теоретическое и бумажное, высказывавшееся въ статутахъ нѣмецкаго студенчества и находившее откликъ лишь въ кабацкихъ пѣсняхъ. „Карлсбадскими постановленіями“ легко было справиться съ такого рода проявленіемъ недовольства. „Кровь и желѣзо“ было бы въ то время излишнею роскошью. Но не то было внѣ Германіи: во Франціи, Испаніи и Италіи.

Священный союз трепеталъ. Монархи Австріи, Пруссіи и Россіи сѣзались на конгрессъ въ Тропау, для обсужденія мѣръ, которыя бы слѣдовало предпринять для подавленія народныхъ возстаній.

Во Франціи аристократическая партія шѣла въ то время перевѣсъ надъ демократическою; а потому виѣшательство во французскія дѣла было не только ненужнымъ, но и опаснымъ. За то Испанію и Италію надлежало не выпускать изъ вида. Побѣди въ Испаніи бунтовщики, во Франціи тотчасъ восторжествовалъ бы духъ возмущенія и революція разлилась бы широкимъ потокомъ отъ запада къ востоку. Революція въ Италіи угрожала даже непосредственно одному изъ членовъ священнаго союза, именно: Австріи и австрийскимъ владѣніямъ въ Италіи. И потому представлялся вопросъ: могутъ ли и должны ли государства священнаго союза виѣшаться въ дѣла Италіи и Испаніи?

Вопросъ виѣшательства привлекъ государей трехъ державъ въ Тропау и былъ предметомъ ихъ совѣщаній. Австрія стояла за виѣшательство; Россія была противнаго мнѣнія; Пруссія держала себя нейтрально.

Императоръ Австрійскій Францъ, прозванный „добрымъ Францемъ“ (der gute Franzl), обладалъ большою способностью ловить мухъ, но еще большею — фабриковать сургучъ. Все остальное онъ предоставилъ своему государственному канцлеру князю Меттерниху.

Русскій императоръ Александръ I былъ самодержцемъ Россіи и оставался таковымъ вполне и на конгрессѣ: Италія лежала далеко отъ его владѣній, Испанія еще дальше, а Пруссія, какъ сказано выше, держала себя нейтрально.

Меттернихъ былъ внѣ себя, онъ терялъ подъ собою псачу, ибо если Россія выскажется противъ виѣшательства, то такое не могло состояться, а потому онъ пустилъ въ ходъ все свое дипломатическое искусство, чтобы убѣдить императора русскаго въ необходимости виѣшательства; ничто однако-же не помогло: Александръ I оставался непреклоннымъ.

Конгрессъ въ Тропау приходилъ къ концу. Совѣщанія прекратились и договаривающіяся стороны не пришли ни къ какому результату. На слѣдующій день предполагались прощальные визиты монарховъ и вслѣдъ затѣмъ долженствовали послѣдовать отъѣзды ихъ изъ Тропау.

Наступилъ день отъѣзда; все было къ нему приготовлено.

Князь Меттернихъ былъ нравственно убитъ: первый разъ въ жизни онъ потерпѣлъ политическое поражение, и поражение тяжкое, самое тяжкое, какое только могло его постичь. Если онъ и не былъ отцомъ священнаго союза и — какъ свѣтлая голова — не могъ къ политикѣ примѣшивать религіозныя мечтанія, за то онъ былъ самымъ рѣшительнымъ и послѣдовательнымъ поборникомъ монархическаго начала, гнушался всякаго народнаго движенія, направленаго противъ этого начала, да и самый-то народъ Меттернихъ отъ души ненавидѣлъ. И не очутилось ли бы это монархическое начало въ опасности,

если-бъ принципъ внимательства не подождать бы на помощь? И разрѣшеніе этого вопроса не имѣле ли непосредственнаго рѣшительнаго и важнаго послѣдствія больше всего для Австріи?..

Въ положеніи близкомъ къ отчаянію находился князь Меттернихъ въ это утро. Какъ вдругъ ему докладываютъ, что курьеръ пріѣхалъ прямо изъ Петербурга съ весьма важными дѣшешами и желаетъ немедленно видѣть его сіятельство.

Было 7 часовъ утра. Князь сидѣлъ въ своемъ рабочемъ кабинетѣ за утреннимъ кофе и въ раздумьи пускалъ клубы дыма изъ своей любимой трубки. Онъ—маэстро дипломатин—съ отчаяніемъ утопающаго, тщетно отыскивалъ въ своемъ умѣ какую либо политическую соломинку, какой бы то ни было выходъ изъ этого дипломатическаго лабиринта, въ которомъ онъ былъ до сихъ поръ своимъ человѣкомъ? Курьеръ изъ Петербурга! съ важными дѣшешами?! Лицо князя мгновенно прояснилось; въ глазахъ его блеснулъ лучъ надежды. Курьера тотчасъ же впустили въ кабинетъ; онъ подалъ князю депешу. Судорожною рукою сорвалъ князь печать, прочелъ содержимое, съумѣлъ побороть въ себѣ то сильное впечатлѣніе, которое на него произвела депеша и ограничился лишь вопросомъ:

— „Не встрѣтили ли вы въ дорогѣ курьера къ императору Александру?“

— Курьеръ къ императору Александру, отвѣчалъ тотъ, отправился изъ Петербурга до меня. Нашъ посланникъ зналъ это и приказалъ мнѣ употребить всѣ усилія, чтобы перегнать русскаго курьера.

— „И вы перегнали?“

— Не доѣзжая до послѣдней станціи, я его обогналъ. На станціи мнѣ удалось такъ устроить, что я тотчасъ же поѣхалъ далѣе, а русскій былъ задержанъ.

— „Когда можетъ прибыть сюда русскій курьеръ?“

— По моему расчету черезъ полчаса.⁵

— „Хорошо. Ступайте и подкрѣпите свои силы. Вамъ нуженъ отдыхъ“.

Этими словами курьеръ былъ отпущенъ.

Меттернихъ пилъ свой кофе въ халатѣ и въ туфляхъ; на головѣ его покоилась зеленая бархатная ермолка съ золотой кисточкой. Какъ только курьеръ оставилъ кабинетъ, князь засунулъ депешу въ карманъ халта, взялъ свою дымящуюся трубку и, покинувъ въ такомъ видѣ свой кабинетъ и свой домъ, вышелъ на улицу и пошелъ тихимъ и вѣрнымъ шагомъ, принявъ видъ задумчивый и покуривая свою трубку.

— „Меттернихъ, это вы? и въ столь раннюю пору?“

Князь содрогнулся, изумился и, принявъ крайне растерянный и испуганный видъ, пролепеталъ:

— Ахъ, ваше величество!

Онъ очутился какъ разъ передъ домою, занятымъ русскимъ царемъ, и у того самаго окна, у котораго стоялъ Александръ.

— „И въ такомъ задумчивомъ настроеніи?“

— Ваше величество можетъ себѣ легко объяснить, почему мои шаги невольно приняли направленіе въ эту сторону; воистину невольны, государь, побуждаемый сдѣлать еще послѣднее усиліе, послѣднюю попытку...

Лицо императора омрачилось. Князь Меттернихъ прервалъ свою рѣчь.

— „Вы знаете мой взглядъ, мое рѣшеніе, сказалъ государь. Оно непоколебимо!“ добавилъ онъ.

— Даже, возразилъ Меттернихъ, если необычныя извѣстія изъ Петербурга?... Онъ остановился.

Любопытство государя было задѣто.

— Курьеръ изъ Петербурга еще не пріѣхалъ къ вашему величеству? спросилъ князь.

— „Курьеръ изъ Петербурга? Развѣ онъ везетъ необычныя извѣстія?“

— Необычныя и вѣскія извѣстія!..

На лицѣ монарха выразилось безпокойство.

— „Сообщите мнѣ ихъ!“

— Измѣнникъ могъ-бы насъ подслушать. Ахъ, государь! измѣна!...

Князь Меттернихъ подозрительно оглядывается во всѣ стороны.

— „Войдите ко мнѣ!“—приглашаетъ императоръ. Князь оглядываетъ свой халатъ и туфли.

— „Идите-же!“—повторяетъ нетерпѣливо и озабоченно Александръ.

— Если ваше величество приказываете!—и князь входитъ въ домъ и въ кабинетъ государя; государь самъ отворяетъ ему дверь.

— „Ваши извѣстія?“ настаиваетъ императоръ.

— Преображенская гвардія.... началъ князь, но занулся на послѣднемъ словѣ. Лицо императора выражаетъ страхъ.

— „Мои преображенцы! вскрикнулъ онъ, что съ ними?“

— Полкъ возмутился, мятежъ въ полномъ разгарѣ!

Александръ поблѣднѣлъ.

— „Въ моемъ вѣрнѣйшемъ изъ полковъ? Въ полку?...“

— Въ первѣйшемъ и наипреданнѣйшемъ полку, государь! Въ томъ самомъ войскѣ, въ которомъ, по мнѣнію всѣхъ, да, конечно, и вашего величества,—каждый солдатъ, отдѣльно взятый, готовъ съ радостью отдать свою жизнь за своего государя. И вотъ, среди вѣрнѣйшихъ изъ вѣрныхъ, вспыхнула открытое возстаніе, измѣна, которая гигантскими шагами можетъ облетѣть весь міръ!... Но неуждно-ли вашему величеству прочесть депешу, которую я получилъ?“

Князь вытаскиваетъ изъ кармана депешу и подаетъ ее императору; императоръ ее читаетъ.

Въ Преображенскомъ ¹⁾ полку дѣйствительно вспыхнулъ мятежь, давно въ тайнѣ созрѣвавшій. Полкъ этотъ, дѣйствительно, пользовался репутаціею самаго преданнѣйшаго во всей гвардіи. Петръ Великій образовалъ лейбъ-гвардію изъ своихъ потѣшныхъ и она съ тѣхъ поръ и понынь была наипреданнѣйшей защитницей русскихъ царей.

Извѣстіе о возмущеніи этого полка какъ громомъ поразило императора. Растерянный ходилъ онъ взадъ и впередъ по комнатѣ и видимо боролся съ самимъ собою, не зная на что рѣшиться. Это не могло ускользнуть отъ хитраго Меттерниха. Онъ пришелъ къ государю на помощь.

— Извѣна облетаетъ всю Европу, государь!

Императоръ молчать.

— Она направлена противъ монарховъ!

То же молчаніе.

— И если она посмѣла дойти до трона вашего величества, государь, и если въ сердцахъ Европы не будетъ сдѣлано ничего такого, чтобы задержать ея разрушительный полетъ...

Князь остановился.

Въ это самое мгновеніе прискакалъ русскій курьеръ, котораго австрійскій перестаналъ на цѣлые полчаса.

Адъютантъ входитъ и подаетъ государю депешу, которую привезъ курьеръ. Александръ пробѣжалъ ее. Лицо его прояснилось.

— „Дѣло не такъ страшно, какъ казалось! Прочтите!...“ обратился онъ къ князю, передавая ему депешу.

Князь читаетъ ее съ особеннымъ вниманіемъ.

— Государь, сказалъ онъ, прочтя депешу. Если слуга передаетъ своему господину новость, которая для него неприятна, то истину слѣдуетъ искать между строкъ. Я и не ожидалъ другаго извѣщенія вашему величеству. И именно потому я и счелъ своимъ долгомъ не утаивать отъ вашего величества сообщеніе нашего посланника, изложенное безъ всякихъ прикрасъ. Затѣмъ ни въ честь откланяться вашему величеству.

Князь Меттернихъ отвѣшиваетъ глубокой поклонъ и хочетъ удалиться.

— „Останьтесь!“ не то приказываетъ, не то проситъ государь.

Князь остается.

— Что прикажетъ ваше величество?

Три раза съ конца въ конецъ обходитъ комнату императоръ, не произнеся ни единого слова. Затѣмъ останавливается передъ Меттернихомъ; но отвѣтъ у него еще не готовъ.

¹⁾ Здѣсь Темме дѣлаетъ грубую ошибку: безпорядокъ произошелъ не въ Преображенскомъ, а въ Семеновскомъ полку. Этотъ эпизодъ всесторонне изслѣдованъ на стр. „Русской Старины“ какъ по подлиннымъ документамъ, такъ и на основаніи рассказовъ современниковъ-очевидцевъ. Ред.

Князь приходитъ ему на помощь.

— Виѣшательство, государь?

— „Виѣшательство,“ рѣшилъ императоръ.

Князь Меттернихъ отвѣшиваетъ глубокой поклонъ.

— Ваше величество даетъ миръ Европѣ,—сказалъ князь вслухъ; про себя же, съ своею утонченною улыбкою, князь проговорилъ: „роковые-же были эти полчаса!“

Неизвѣстно только, отнеслись-ли это замѣчаніе къ тому, что его курьеръ обогналъ курьера русскаго на полчаса, или-же къ получасовой бесѣдѣ съ русскимъ императоромъ.

Монархи остались еще въ Тропау.

Виѣшательство было рѣшено.

Темме ручается за достоверность этого историческаго анекдота, объясняя, что рассказало ему лицо, близко стоявшее къ дѣйствующимъ лицамъ и при слѣдующихъ обстоятельствахъ:

„Я былъ, гворить Темме, въ 1830-хъ годахъ президентомъ уголовного суда въ Стендалѣ, въ альтмаркѣ. Проживалъ въ этомъ городѣ пенсіонеръ прусской арміи майоръ Фенъ-Гольбекъ. Онъ былъ очень милымъ и свѣдущимъ собесѣдникомъ. Долгое время служилъ онъ при генераль-адъютантѣ короля Фридриха Вильгельма III-го и находился въ числѣ лицъ, сопровождавшихъ короля въ Тропау.

Въ Стендалѣ я подружился съ нимъ и отъ него узналъ я всѣ эти подробности“.

Слѣдующее примѣчаніе Темме не выдерживаетъ критики и доказываетъ лишь какое смутное понятіе о Россіи имѣли даже интеллигентные иностранцы; для характеристики Темме приводимъ однако-же его примѣчаніе цѣликомъ:

„Можетъ казаться страннымъ, что императоръ Александръ I-й такъ настойчиво откланялъ идею виѣшательства противъ революціоннаго движенія народовъ; и что именно онъ—рѣшительный врагъ (?) всякаго свободнаго движенія въ народѣ (?). Скорѣе можно было ожидать, что онъ встанетъ во главѣ коалиціи, цѣлью которой было подавленіе того революціоннаго движенія, которое было направлено къ ниспроверженію монархической власти въ Европѣ“.

Разъясняетъ-же Темме это противодѣйствіе императора такъ: „оно все таки совершенно понятно: въ Россіи хотя и были перевороты, но народъ никогда не принималъ въ нихъ участія. Въ русскомъ народѣ никогда не было замѣчено движенія къ ниспроверженію трона. Въ Россіи полагали, что народы производятъ революціи изъ-за свѣти правъ, или изъ-за свободы, но никогда и мысли не могло быть у русскихъ, что на свѣтѣ существуютъ народы, которые могли имѣть какія-бы то ни были права противъ своихъ

государей. Слѣдствіемъ-же русскаго вѣшательства могло быть то, что многіе тысячи русскихъ были бы двинуты въ чужіе края и тамъ русскій народъ узналъ-бы въ чемъ суть дѣла и за что они боратся“.

„И такъ, не должн-ли бы вѣшательство, которое требовалось отъ Александра, внести непосредственно въ русское государство революціонныя идеи?“

„Хитрый Меттернихъ тонко воспользовался минутой, чтобы застать върасплохъ русскаго царя“.

Все это примѣчаніе въ послѣдней своей полвинѣ весьма наивно и подтверждаетъ лишь слова покойнаго Ө. И. Тютчева, сказавшаго разъ при случаѣ, что „самый умный нѣмецъ, когда начнетъ говорить о Россіи, непременно окажется глупцомъ“.

III.

Императоръ Николай и король Фридрихъ-Вильгельмъ IV.

1840 г.

7-го іюня 1840 года, около 4-хъ часовъ пополудни, скончался Фридрихъ-Вильгельмъ III, король прусскій. Кончины его ожидали уже нѣсколько часовъ.

Король находился въ опочивальнѣ одинъ съ лейбъ-медикомъ своимъ, тайнымъ совѣтникомъ Шенлейномъ. Онъ нуждался въ полнѣйшемъ покоѣ; ни въ какомъ случаѣ не должны были быть прерываемы его послѣднія минуты. Члены королевской семьи находились въ смежной комнатѣ, дабы успѣть проститься съ королемъ, какъ только онъ того пожелаетъ.

Около половины четвертаго часа королевскому семейству было доложено, что русскій императоръ только что цѣлхалъ, потребовалъ скорѣе переодѣться и черезъ десять минутъ будетъ у постели короля.

При этомъ извѣстїи наслѣдникъ принцъ страшно испугался. Фридрихъ-Вильгельмъ IV чувствовалъ безотчетное нерасположеніе къ своему зятю Николаю Павловичу. Встрѣтиться же съ императоромъ у одра своего отца было ему нежелательно и по другой причинѣ: больной король, предчувствуя близкую кончину, желалъ этого свиданія. Политическое духовное завѣщаніе короля Вильгельма III было: вѣчная вѣрность и искренній союзъ Пруссїи съ Россїей. Кронпринцъ не желалъ и соялся такого союза; его нѣмецкой натурѣ не могла стѣвчать русская дружба.

Фридрихъ-Вильгельмъ III зналъ обо всемъ этомъ и горячо желалъ передъ смертью взять съ сына и зятя торжественное обѣщаніе всегда и во всемъ искренно стоять другъ за друга. Съ этою цѣлю онъ и призвалъ императора къ своему смертному одру.

Одна мысль о подобной примирительной сценѣ приносила въ ужасъ крон-

принца. Во чтобы то ни стало нужно было постараться от нея избавиться. Отъездъ курьера въ Петербургъ откладывался настолько, чтобы императору невозможно было пріѣхать въ Берлинъ до кончины короля. Но расчетъ оказался невѣрнымъ, хотя только на полчаса.

Черезъ 10—12 минутъ по пріѣздѣ, императоръ вошелъ во дворецъ.

Кронпринцъ не потерялъ присутствія духа. Въ приемномъ покоѣ, вѣстѣ съ членами королевской фамиліи, находился также одинъ изъ преданнѣйшихъ друзей короля, оберъ-камергеръ князь Витгенштейнъ.

Къ нему и обратился кронпринцъ.

— „Король не долженъ болѣе видѣть императора!“

— Слушаю, ваше высочество.

Князь отправляется въ опочивальню короля, останавливается у дверей и подзываетъ къ себѣ Шенлейна, сидящаго у кровати короля.

Шенлейнъ на ципочкахъ подходитъ къ князю.

Князь шепотомъ объясняетъ ему:

— „Императоръ пріѣхалъ... Король не долженъ болѣе его видѣть!“

— Понимаю. Ваша свѣтлость можетъ быть покойна... Я все устрою, какъ слѣдуетъ.

Князь возвращается въ сосѣднюю комнату, куда въ то же самое время вошелъ императоръ.

— „Король еще живъ?“ были первыя слова Николая Павловича.

— Еще живъ! но... хотеть возразить кронпринцъ.

Императоръ его не слушаетъ и съ присущемъ ему сворою и рѣшительною походкою направляется къ спальнѣ короля.

Князь Витгенштейнъ загоразживаетъ ему дорогу.

— Государь, говоритъ онъ, безъ разрѣшенія доктора никому нельзя входить къ его величеству. Я спрошу врача.—И вслѣдъ затѣмъ князь направляется къ спальнѣ короля.

Императоръ не обращаетъ вниманія на слова князя, опережаетъ его, первымъ подходитъ къ дверямъ, отворяетъ ихъ и хотеть войти въ опочивальню больного, но его удерживаютъ. Въ дверяхъ онъ наталкивается на тайнаго совѣтника Шенлейна, тотъ даетъ знакъ князю и оба загоразживаютъ ему путь.

Ваше величество не можете сюда войти!

Императоръ — по словамъ самого Шенлейна, рассказавшаго впоследствии одному изъ своихъ друзей эту сцену — великій русскій царь бросилъ на маленькаго нѣмецкаго доктора взглядъ, которымъ, казалось, хотѣлъ уничтожить его. Но нѣмецкій докторъ ни на шагъ не отступилъ отъ русскаго самодержца, въ то время могущественнѣйшаго человѣка въ мірѣ.

— Государь, произнесъ онъ съ увѣренностью и съ полнѣйшимъ спокой-

стѣмъ, жизнь короля поручена моему пощеченію. Если король въ эту минуту узнаетъ о присутствіи вашего величества, то это до того можетъ взволновать августѣйшаго больного, что неизбежно должна воспослѣдовать мгновенная смерть.

Императору не оставалось ничего другого, какъ удалиться. Докторы заперъ дверь на ключъ.

Королевское семейство провело время съ императоромъ въ сосѣдней комнатѣ въ напряженномъ и молчаливомъ ожиданіи.

Черезъ четверть часа отворилась дверь, ведущая въ комнату больного и Шенлейнъ обратился къ присутствующимъ съ слѣдующими словами:

— „Послѣднія минуты его величества настали. Если угодно присутствующимъ проститься...“ — онъ не могъ окончить начатой фразы.

Императоръ поспѣшилъ къ королю; прочіе слѣдовали за нимъ.

Минуты короля были сочтены. Тихо, утомленный, лежалъ онъ на своемъ смертномъ ложѣ; безъ агоніи разставался онъ съ жизнью.

Императоръ наклонился къ постели и спросилъ умирающаго:

— „Sire, comment cela va-t-il?“

— „Cela va mal!“ еле слышно пролепеталъ король и съ этими словами испустилъ послѣдній вздохъ.

Прочіе вошедшіе въ опочивальню короля застали его уже покойникомъ.

Примиреніе и обѣтъ вѣчнаго союза такъ и не состоялись. Король обманулся въ своихъ надеждахъ. Фридриха же Вильгельма IV спасло это отъ тяжелой минуты, которая бы тяготѣла надъ нимъ всю жизнь. И знаменательно то, что „cela va mal“ должны были быть послѣдними словами одного изъ уредителей священнаго союза, пережившаго остальныхъ.

Въ какомъ положеніи оставлялъ король дѣла въ Пруссіи? въ Германіи? — „Cela va mal“ — долженъ былъ сказать самъ король.

Эта маленькая исторія имѣла еще свой эпилогъ.

Всякій разъ, когда императоръ Николай оставлялъ Берлинъ, онъ имѣлъ обыкновеніе одарять придворныхъ чиновъ и слугъ орденами и подарками. Къ удивленію всѣхъ, въ этотъ свой пріѣздъ онъ оказался не въ мѣру щедримъ — вѣроятно въ шку кому нибудь, который ничего не получилъ. Этотъ одинъ былъ тайный совѣтникъ Шенлейнъ.

Такой образъ дѣйствія императора Николая неприятно подѣйствовалъ на Фридриха-Вильгельма IV.

Прусское посольство въ Петербургѣ получило приказъ исходатайствовать у императора орденъ по избранію самого короля. Много прошло времени пока Шенлейну прислали орденъ, но все-таки онъ орденъ получилъ — св. Анны какой-то степени.

Темме, не любящій голословно приводить историческіе анекдоты, постарался объяснить въ своихъ „Воспоминаніяхъ“, какими путемъ дошли до него свѣдѣнія объ этомъ фактѣ. Онъ вполне ручается въ подлинности рассказанной имъ исторіи.

Дѣло было такъ: когда Темме служилъ еще въ Берлинѣ, онъ услышалъ о ней отъ своего доктора Оргмана, находившагося въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ съ Шенлейномъ, который и рассказалъ ему этотъ анекдотъ со всѣми приведенными выше подробностями.

М. З.

Къ воспоминаніямъ Л. И. Шестаковой о М. И. Глинкѣ.

[„Русская Старина“ изд. 1884 г., т. XLIV, декабрь, стр. 593—604].

— Портретъ брата, М. И. Глинки, о которомъ говорится, отданъ мною П. М. Третьякову, въ его галерею въ Москвѣ.

— Географія, писанная братомъ, возвращена мнѣ, по моей просьбѣ, вдовою В. В. Никольскаго; въ ней описана подробно Италия, въ которой братъ провелъ передъ этимъ нѣсколько лѣтъ. А въ Испаніи онъ еще тогда не былъ.

— На счетъ денегъ, занятыхъ мною для печатанія партитуръ у В. В. Никольскаго, вида какъ онъ, больной, затрудняется въ нихъ, при послѣдней поѣздѣ его за границу, я упросила его взять отъ меня должную сумму и получила отъ него обратно документъ.

— Въ статьѣ сказано: „покойный Лядовъ“; это описка: Анатолій Константиновичъ Лядовъ находится въ живыхъ.

Л. III.

ИНЖЕНЕРЪ-ГЕНЕРАЛЬ-МАЮРЪ К. Ф. ДЕТЛОВЪ

1789—1840.

...Я очень чувствую какъ несносна жизнь, когда честное имя поношено».

(Изъ письма майора Детлова гр. Аракчееву отъ 27 окт. 1824 г.).

Составляя настоящій биографическій очеркъ, я столько же имѣю въ виду почтить память человѣка, моего отца, вполне заслуживающаго не быть забытымъ, сколько и сообщить, сгруппировавъ, нѣсколько подлинныхъ фактовъ для характеристики Аракчеева и исторіи его дѣтища—военныхъ поселеній.

„Служа его величеству (императору Александру I) вѣрою и правдою, я не приобрѣлъ ни чиновъ, ни почестей, ни богатства; я имѣлъ счастье удостоиться одной только награды, превыше всѣхъ наградъ—его высочайшей къ себѣ довѣренности. Она одушевляла меня въ моемъ служеніи и до конца дней моихъ пребудеть единственнымъ утѣшеніемъ и всемірный Судья, грядущее время и потомство изречетъ всему справедливый приговоръ“.

Это слова Аракчеева въ письмѣ къ императору Николаю отъ 9 апрѣля 1826 г. съ просьбою объ увольненіи, съ сохраненіемъ жалованья, за границу для леченія. Въ нихъ, мнѣ кажется, довольно полно обрисовывается непоимѣнное честолюбіе его. Человѣкъ, передъ которымъ трепетала и согнулась вся Россія, начиная съ высшихъ сановниковъ, человѣкъ, почти самовластно управлявшій нѣсколько лѣтъ государствомъ, полный генералъ и графъ,—осмѣливался говорить, что онъ не приобрѣлъ ни чиновъ, ни почестей! Въ то же время онъ былъ искренно увѣренъ, что облагодѣтельствовалъ Россію, которая не понимаетъ еще этого блага, — но грядущее время оцѣнитъ его, Аракчеева, этого великаго государственнаго мужа и патриота.

Смѣю думать, что всякій фактъ, способствующій выясненію дѣйствительнаго характера этого историческаго лица, не долженъ залеживаться въ семейныхъ бумагахъ и забываться въ семейныхъ преданіяхъ. К. К. Д.

I.

Дѣдъ мой (Adam Friedrich Dettloff) былъ родомъ пруссакъ. Въ Поморьѣ эта фамилія встрѣчается и теперь и своимъ созвучіемъ свидѣтельствуесть о славянскомъ происхожденіи нашего рода. Окончивъ курсъ въ 1780 г. по математическому факультету несуществующаго теперь университета во Франкфуртѣ на Одерѣ, дѣдъ мой получилъ должность землемѣра на государственной прусской службѣ. Въ то время шло регулированіе поземельныхъ отношеній между помѣщиками и крестьянами и онъ состоялъ при комиссіяхъ, занимавшихся этимъ дѣломъ, — сперва въ Кюстринскомъ округѣ, а потомъ въ Восточной Пруссіи. Это былъ прямой человѣкъ и честный, исполнительный чиновникъ, какихъ много вырабатываетъ прусская общественная и государственная жизнь. Въ 1785 г. онъ женился на дѣвицѣ Каролинѣ Гарценъ, круглой сиротѣ, родители которой были когда-то зажиточными помѣщиками. Но вслѣдствіе раззоренія въ семи-лѣтнюю войну и какихъ то процессовъ изъ этого богатства досталось моей бабушкѣ только одно: хорошее воспитаніе, которое она получила въ молодости въ домѣ Шельбаха (владѣвшаго имѣніемъ Бальцъ (Balz) на шоссе между Кюстриномъ и Ландсбергомъ на Вартѣ), за котораго моя прабабка, потерявъ перваго мужа, вышла вторично.

Бабка моя была женщина весьма образованная, умѣвшая, при крайней бѣдности, а порою даже нищетѣ, съ которыми ей пришлось бороться всю жизнь, — дать хорошее воспитаніе всѣмъ дѣтямъ своимъ, вложить въ нихъ непоколебимыя правила чести и внушить стремленіе къ добру. Въ старомъ альбомѣ, принадлежавшемъ моему дѣду и доселѣ сохранившемся, я нашелъ двустишіе, вписанное ея рукою, когда она была еще невѣстой (1779 г.):

„Nur nicht die Redlichkeit
Sonst mag uns Alles fehlen“,

которыми, думаю, она достаточно обрисовала себя.

Въ 1789 году дѣдъ мой служилъ въ городкѣ Зольдинѣ (Soldin), недалеко отъ Кюстрина, гдѣ 24 февр. (ст. ст.) и родился отецъ мой. Воспреемниками при крещеніи была мѣстная интеллигенція: суперинтендентъ и городской голова (докторъ-медицины). Вскорѣ дѣдъ былъ переведенъ на службу въ Восточную Пруссію въ г. Лабіау, а въ 1797 г. въ Вѣлостокъ, который въ то время, послѣ послѣдняго раздѣла Польши въ 1793 г., принадлежалъ со всѣмъ своимъ округомъ Пруссіи. Самый городъ составлялъ нѣчто въ родѣ частной собствен-

ности прусскаго короля, который уплатилъ за него Потоцкимъ въ 1802 г. 270,970 талеровъ. Пруссаки, вступивъ во владѣніе Бѣлостокскою областью, принялись, со свойственною имъ правительству энергіею и умѣньемъ, за разныя преобразованія. Тотчасъ началась постройка дорогъ, измѣреніе и береженіе государственныхъ лѣсовъ, были открыты школы и гимназія. «Въ короткое время вмѣсто ветхихъ деревянныхъ домиковъ на улицахъ Варшавской и Боярской явились двухэтажные, каменные дома, улицы вымощены камнемъ и проч.»¹⁾ Память и слѣды 12-лѣтняго прусскаго управленія до сихъ поръ живутъ въ населеніи и видны, между прочимъ, въ суконной фабрикаціи, насажденной по почину и при покровительствѣ прусскаго правительства.

Прибывъ въ Бѣлостокъ, гдѣ коронная служба вознаграждалась лучше, чѣмъ въ старыхъ прусскихъ провинціяхъ и пользовалась нѣкоторыми привиллегіями,—дѣдъ мой помѣстилъ отца во вновь открытую (польско-нѣмецкую) гимназію, изъ которой онъ, не вполнѣ окончивъ курсъ, вышелъ въ концѣ 1806 года. Кромѣ предметовъ, въ ней преподававшихся, онъ основательно изучилъ въ это время французскій языкъ, благодаря какому-то эмигранту-дворянину, жившему въ томъ же домѣ. Въ 1807 г. по Тильзитскому миру Бѣлостокская область была передана Пруссіею Россіи, а дѣдъ мой получилъ предложеніе отъ нашего правительства перейти въ русскую службу и продолжать свои работы по измѣренію лѣсовъ. Предложеніе это онъ принялъ и перешелъ въ русское подданство, но, по семейнымъ преданіямъ, до самой смерти (въ 1839 г.), раскаявался въ этомъ шагѣ, не умѣя и не желая уживаться съ нашими служебными обычаями и порядками того времени (да одного ли того?), гдѣ служить государству и не кормиться мѣстомъ было почти невозможно при нищенскихъ окладахъ казеннаго жалованья. Онъ до конца жизни боролся съ нуждою, не оставилъ, разумѣется, даже денегъ на свое погребеніе и получая, послѣ отставки въ 1826 г., когда переѣхалъ на житье въ Гатчину, сперва 400, а потомъ 750 р. ассигнаціями пенсій, существовалъ на поддержку, оказываемую дѣтьми. На долю моего дѣда и бабки выпало рѣдкое счастье: они прожили въ супружествѣ 53 года и 27 августа 1835 г. торжественно праздновали въ аданіи «Пріоратъ», въ Гатчинѣ, любезно предложенномъ на этотъ случай дворцовымъ правленіемъ,—день своей золотой свадьбы. Послѣдніе годы своей жизни оба провели на покой, въ Гатчинѣ, гдѣ дѣти построили имъ на Маринской улицѣ домъ, и, согласно своему желанію, погребены въ с. Скворицы, близъ Гатчины.

¹⁾ Гродненская губернія, прекрасный трудъ Н. О. Бобровскаго, стр. 854.

Въ 1806 году въ Бѣлостокѣ стояли наши войска. Генераль Игнатъевъ, кажется, командовавшій гвардейскою артиллеріею, обратился къ тогдашнему директору бѣлостокской гимназіи, Маціевскому, съ просьбою рекомендовать ему молодого человѣка изъ почтеннаго семейства на должность учителя къ его дѣтямъ. Директоръ предложилъ молодого Детлова и это предложеніе, вѣроятно выгодное въ денежномъ отношеніи, было причиною оставленія имъ гимназіи до окончанія курса. Нужно было въ 17 лѣтъ не только самому зарабатывать средства къ жизни, но еще поддерживать родителей и сестеръ. Онъ провель въ домѣ Игнатъева около двухъ лѣтъ, странствуя съ семьей генерала и частью, которою онъ командовалъ, по западной Россіи до возвращенія въ Петербургъ. Завѣтною мечтою его въ это время было скопить столько денегъ, чтобы имѣть возможность прослушать курсъ въ университетѣ по филологическому факультету. Но въ Петербургѣ онъ перешель отъ Игнатъева въ домъ генерала графа Оппермана, вѣроятно также въ качествѣ наставника или учителя. Это рѣшило его дальнѣйшую судьбу.

Ген. Опперманъ завѣдывалъ въ то время инженернымъ вѣдомствомъ. Въ началѣ 1812 года онъ рекомендовалъ Детлова извѣстному барону Андрею Львовичу Николаи на должность домашняго секретаря. Должность эта, при весьма преклонныхъ уже лѣтахъ барона и благоволенія его къ молодому человѣку, — была немногосложна и оставляла много свободнаго времени. Проживая въ Монрепо, близъ Выборга, Детловъ, поддержанный съ одной стороны ученымъ барономъ (который въ молодости былъ профессоромъ страсбургскаго университета и талантливымъ писателемъ), а съ другой — пользуясь покровительствомъ графа Оппермана, — воспользовался досугомъ для подготовки себя къ поступленію во вновь открытый въ Петербургѣ институтъ корпуса инженеровъ путей сообщенія. Заведеніе это было, какъ извѣстно, учреждено при содѣйствіи Наполеона I, приславшаго для этой цѣли профессоръ: генерала Бѣтанкура, Карбонье, д'Эгрена и Базэна (отца извѣстнаго маршала Базэна, сдавшаго Мець въ 1871 г., который родился въ Петербургѣ). Институтъ этотъ, гдѣ весь курсъ читался на французскомъ языкѣ, сразу овладѣлъ симпатіями общества и лучшая, способнѣйшая, жаждавшая знанія молодежь устремилась туда. Но институтъ, въ то время, былъ открытымъ заведеніемъ, гдѣ слушались только лекціи. О квартирѣ и содержаніи студенты должны были заботиться сами, получая, впрочемъ, по прошествіи перваго года офицерскій чинъ, дававшій уже жалованье. И тутъ помогъ Детлову великодушный и высокообразованный старецъ, баронъ Николаи. Онъ отвелъ ему безплатно помѣщеніе въ принадлежавшемъ ему въ Петербургѣ домѣ.

Баникулярное время Детловъ проводилъ въ Монрепо, гдѣ большею частью проживалъ баронъ, продолжая нѣкоторыя секретарскія занятія при немъ, и счумѣлъ заслужить расположеніе и даже любовь его. Уже въ 1820 году, за два мѣсяца до смерти, послѣ быстрыхъ служебныхъ успѣховъ Детлова у Аракчеева, престарѣлый баронъ написалъ ему весьма теплое письмо, гдѣ предсказывалъ хорошее будущее. «Примите», говоритъ онъ между прочимъ въ этомъ письмѣ, «не только мое поздравленіе съ полученными вами отличіями, но и мое увѣренное предсказаніе въ будущемъ дальнѣйшемъ вашемъ повышеніи и мою благодарность за вашу дружбу ко мнѣ».

Поступивъ въ институтъ 1-го октября 1812 г., Детловъ окончилъ курсъ въ 1815 г. съ чиномъ поручика, третьимъ. Первымъ былъ Рокосовскій. Это были бурные годы французскихъ войнъ, возвеличившія Россію. Кромѣ барона Николая онъ нашелъ въ это время матеріальную и нравственную поддержку въ мужѣ своей старшей сестры, докторѣ Иванѣ Федоровичѣ Ержемскомъ, служившаго при военномъ госпиталѣ или при войскахъ, расположенныхъ въ казармахъ на Выборгской сторонѣ въ Петербургѣ. Тамъ проводилъ онъ обыкновенно праздники и впоследствии любилъ вспоминать это голодное, но сердечно теплое молодое время.

По окончаніи курса Детловъ былъ назначенъ въ распоряженіе генерала Фабра, строившаго Петербурго-московское шоссе и работавъ у него около трехъ лѣтъ.

II.

Въ 1817 году началось устройство военныхъ поселеній въ Новгородской губерніи, вдоль Волхова, подъ непосредственнымъ руководствомъ Аракчеева, часто проживавшаго въ своемъ Грузинѣ, въ 30—40 верстахъ отъ мѣста работъ. Картина этого предпріятія, грандіознаго по своей жестокости къ людямъ и нелѣпости въ государственномъ отношеніи, грандіознаго по энергіи, рабочей силѣ и капиталамъ, быстро затраченнымъ на него,—достаточно обрисована «Русскою Старинною» и другими нашими историческими журналами. Тысячи людей 8 лѣтъ рубили лѣса, корчевали ихъ, пилили доски и дрова, жгли известь и кирпичъ, клали стѣны, проводили канавы и шоссе, сѣяли, косили, молотили и въ то же время еще дѣлали ружейные приемы и учились ходить «шагомъ журавлинымъ». Аракчеевъ (по словамъ Герцена въ статьѣ его «Новгородъ Великій и Владиміръ на Клязьмѣ») заставилъ несчастныхъ военныхъ поселенцевъ «пахать землю по темпамъ, хотѣлъ

увѣрить мирнаго мужика, что онъ грозный воинъ, разрушилъ семью и деревню и все это легкимъ и простымъ средствомъ: засѣкая десятаго мужика до смерти, а всѣхъ остальныхъ степенью меньше».

8-го февраля 1817 г. Карлъ Федоровичъ Детловъ былъ переведенъ въ вѣдомство военныхъ поселеній, но продолжалъ еще занятія у генерала Фабра до весны 1818 года, когда вмѣстѣ со своимъ начальникомъ, назначеннымъ директоромъ всѣхъ инженерныхъ работъ въ военныхъ поселеніяхъ, поступилъ въ распоряженіе Аракчеева и немедленно былъ назначенъ производителемъ работъ полкового штаба гренадерскаго графа Аракчеева полка (нынѣ Селищенскія казармы, въ которыхъ долго стоялъ Гродненскій гусарскій полкъ). Это было первое строившееся военное поселеніе, долженствовавшее служить образцомъ для всѣхъ другихъ.

Постройка этого штаба производилась моимъ отцомъ болѣе 8 лѣтъ. Аракчеевъ скоро убѣдился, что въ Детловѣ нашелъ именно того человѣка, въ которомъ нуждался, почти идеальнаго исполнителя своихъ требованій: умнаго, честнаго, неутомимой дѣятельности, весьма честолюбиваго въ благородномъ смыслѣ этого слова, т. е. искавшаго не отличій въ видѣ чиновъ и крестовъ, а полагавшаго свою честь въ строгомъ и честномъ исполненіи долга. Въ то же время Аракчеевъ понималъ, что это вполнѣ его человѣкъ, безъ имени и состоянія, безъ протекціи, вполнѣ зависящій отъ службы.

Эту вполнѣ каторжную 8-ми лѣтнюю службу ярео описываетъ въ своихъ запискахъ, напечатанныхъ въ «Русск. Архивѣ» 1875 г., сослуживецъ и пріятель Детлова, впоследствии сенаторъ, Егоръ Федоровичъ фонъ-Брадке, раздѣлившій въ немъ труды, какъ офицеръ генеральнаго штаба, по устройству того же самаго поселенія.

«Лѣтомъ работы начинались въ 4 часа; отъ 11-ти до 1 или 2 часовъ отдыхъ, обѣдъ и сонъ; затѣмъ опять работы до 8-ми часовъ. Зимой мы занимались въ штабѣ военныхъ поселеній постоянно отъ 8 до 3 час.: но всего послѣобѣденнаго времени едва доставало, чтобы управиться съ занятіями по дому. Часто приходилось сидѣть до поздней ночи и затѣмъ приниматься за дѣло въ 4 часа утра. О воскресныхъ и праздничныхъ дняхъ не было и помину. Я едва успѣвалъ причаститься св. Тайнъ, не то чтобы навѣщать когонибудь.

«Трудное было время. Мы его выносили, пока оно длилось; а начинать опять такую жизнь никто бы по доброй волѣ не согласился. Но намъ выбора не было. Большая часть чиновниковъ не имѣли состоянія; а кто уходилъ отъ графа противъ его воли, тому уже нельзя было нигдѣ опредѣлиться».

Труднѣе всего было поставить себя въ мало-мальски человѣческія

отношенія съ графомъ, ни съ кѣмъ не церемонившимся. Детловъ, привыкшій къ изысканно-вѣжливому обращенію въ домахъ Игнатѣва, Оппермана и Николаи, не могъ, какъ и Брадкѣ, переносить казарменныхъ грубостей Аракчеева и вмѣстѣ съ нимъ заслужилъ названіе «карбонари» и «вольнодумца». Но, неуязвимые съ служебной стороны, эти карбонари вскорѣ полюбилися графу, разумѣется по своему, какъ необходимые пѣшки въ известной игрѣ. «Онъ обращался съ нами», говорить г. Брадкѣ, «учтиво и привѣтливо, такъ что мы, молодые и незначительные офицеры, находились въ исключительномъ положеніи по сравненію съ важнѣйшими чинами, его окружавшими». Но расположеніе такого человѣка было тоже опасностью, едва не подвергнувшю Детлова, за пустой недосмотръ, разжалованію въ солдаты.

Съ весны 1818 года работа закипѣла: цѣлые полки были въ распоряженіи Детлова и, вѣроятно, Аракчеевъ остался доволенъ его дѣятельностью, потому что 14 ноября этого года онъ произведенъ въ капитаны. Все лѣто 1819 г. Аракчеевъ (кажется) отсутствуетъ изъ новгородскихъ военныхъ поселеній, но, по возвращеніи награды, буквально, посыпались: 14 апрѣля 1820 г. Владиміръ 4-й степени, 1-го мая одновременно 2,000 руб. асс., 28 мая чинъ майора и, наконецъ, 12 декабря, все того же 1820 г., алмазный перстень. Кромѣ этихъ 4-хъ наградъ, 25 октября 1820 г., Аракчеевъ отдалъ приказъ по корпусу поселенныхъ войскъ:

„По засвидѣтельствованію директора работъ, ген.-майора Фабра, и лично усмотрѣнію моему успѣха въ построеніи въ семь году каменныхъ зданій въ штабахъ округовъ поселенія гренадерскихъ полковъ: его величества короля прусскаго и имени моего, подъ особеннымъ распоряженіемъ инженеръ-майоровъ Рерберга и Детлова, въ особенное удовольствіе себя вмѣняю, какъ чиновникамъ отлично усерднымъ, изъявить имъ по корпусу поселенныхъ войскъ мою совершенную благодарность, объявляя таковую и инженеръ-поручику Львову *) и за содѣйствіе“ и т. д.

Но такіа милости смѣнялись и строгостью не только суровой, но и нелогичной. Въ приказѣ 20 мая 1823 г. Аракчеевъ объявляетъ:

„Инж.-майоръ Детловъ вошелъ съ представленіемъ, что отъ неровной осадки стѣнъ каменной церкви, которую онъ строитъ, могутъ быть трещины въ стѣнахъ и сводахъ, что таковое поврежденіе угрожаетъ прочности строенія, и что онъ не находитъ возможности отвратить оное. Представленіе это было рассмотрѣно ген. Фабромъ (директоромъ работъ) обще съ архитекторами Стасовымъ и Штаубертомъ и всѣ они признали опасеніе сіе неосновательнымъ.

Майоръ Детловъ извѣщенъ о семъ подробно отъ директора работъ, а я

*) Кажется известнѣйшій музыкантъ, авторъ „Боже царя храни“?

предупреждаю его, что всякое послѣ сего въ строеніи церкви поврежденіе или непрочность подвергнуть его выслуванію посредствомъ военного суда какъ за упущенія, происшедшія собственно отъ несмотрѣнія за производствомъ работъ».

Такимъ образомъ съ одной стороны «опасенія неосновательны», а съ другой, если эти опасенія сбудутся,—военный судъ.

Другіе болѣе строгіе, но столь же неосновательные выговоры получили Детловъ въ приказахъ 11 мая и 8 января 1823 г., по которымъ кромѣ выговора подвергнуть еще денежному начету за передержку кирпича противъ смѣты, не имъ составленной, не смотря на то, что заранѣе предупреждалъ о недостаточности кирпича по этой смѣтѣ.

Въ началѣ 1824 года, все продолжая постройку штаба, Детловъ познакомился въ Гатчинѣ, куда ѣздилъ по какимъ-то дѣламъ, въ домѣ доктора Филиппа Филипповича Дешпа съ дѣвицею Александрою Исакиевной Гранбаумъ, влюбился, въ апрѣлѣ сталъ ея женихомъ, а въ іюнѣ мужемъ и перевезъ молодую жену въ «Поселенія», Аракчеевщину, самое названіе которыхъ возбуждало уже какой-то страхъ.

Съ апрѣля по іюнь 1824 г. Детловъ велъ съ своей невѣстой очень оживленную переписку, всю сохранившуюся. Дѣлаю изъ нея нѣсколько выписокъ:

(Письмо 20-го апрѣля). „Передѣлка нашей будущей квартиры подвигается. Мои люди работали усердно и я велѣлъ дать имъ по большому стакану вина, желая, чтобы и они хоть на нѣсколько часовъ были счастливы и забыли свою тяжелую судьбу“.

(24 апрѣля). „Посѣти, пожалуйста, Л—ко! Несчастные (Л—ко былъ бѣдѣвъ) всегда думаютъ, что ими пренебрегаютъ, хотя бы никому и въ голову не приходило пренебрегать. Это просто какая-то горечь, возбужденная превратностями судьбы. Я поставилъ себѣ святымъ правиломъ всегда оказывать страждущимъ болѣе вѣжливости и почтенія, чѣмъ тѣмъ, которымъ счастье покровительствуетъ“.

(26 апрѣля). „Провелъ бессонную ночь, благодаря вчерашнимъ неприятностямъ по службѣ. Сердце мое неспособно быть жестокимъ, а тутъ приходится прибѣгать къ жестокости, чтобы оградить себя“.

(1-го мая). „Господи, что за безпокойный день! Это ужаснѣйшее рабство! Графъ пріѣхалъ сегодня... Не могу дальше писать, — желчь разливается! Никогда не считалъ себя способнымъ ненавидѣть! До завтра“.

(2-го мая). „Безъ твоей любви жизнь стала бы невыносимою. Кажется я уже давно въ Россіи, можно бы привыкнуть, но не могу покорить своихъ ощущеній: неприятное слово, слово, задѣвающее мою честь, мучить меня сумрачными мыслями цѣлые дни. А тутъ необходимо привыкнуть къ этому: грубость повторяется такъ часто и никого не обходитъ! Ахъ! Лучше и не думать...“

„Сперва графъ поздравилъ меня женихомъ; потомъ совѣтывалъ, зна-

читать приказалъ, обождать со свадьбой до проѣзда государя, котораго мы ожидаемъ сюда 24 іюня, и позволилъ по воскресеньямъ ѣздить иногда къ тебѣ. Но сейчасъ же раскаялся въ этомъ снисхожденіи и прибавилъ, что когда захочу ѣхать, то могу обратиться къ нему за разрѣшеніемъ“.

(18 іюня). „Ты находишь, что я мало пишу тебѣ. Если-бъ нашъ графъ зналъ, что я пишу тебѣ каждую почту, то мнѣ навѣрно пришлось бы услышать такое замѣчаніе: „вы, сударь, занимаетесь болѣе любовными письмами, чѣмъ дѣлами“. Въ его сердцѣ никогда не жила благородная любовь. Впрочемъ оставимъ его въ покоѣ, забудемъ его страсть: никому не доставлять радостей“.

Я думаю эти выписки достаточно показываютъ, что, служа въ Аракчеевщинѣ, Детловъ остался человѣкомъ. Аракчееву, вѣроятно, не понравилась уже самая просьба о разрѣшеніи жениться: опъ хотѣлъ, чтобы люди всецѣло отдавались его дѣлу, службѣ, ни о чемъ другомъ даже не думали. Разрѣшеніе, однако, было дано, хоть и съ кислой миной и съ отерочкою дня свадьбы. Но не прошелъ еще медовой мѣсяцъ, какъ пришлось почувствовать тяжелую руку временщика.

III 1).

17 іюля 1824 г., въ 3 часа дня, произошелъ въ штабѣ Аракчеевскаго полка во флигелѣ учебнаго баталіона незначительный пожаръ, тотчасъ же потушенный. На рапортѣ командира полка, извѣстнаго Фрикена, Аракчеевъ 22 іюля пишетъ резолюцію: «Назначить комиссію, изслѣдовать, кто виновенъ въ ономъ упущеніи, что труба столь близко была у балки. Комиссіи сей быть изъ г-лѣ м-вѣ Эйлера, Воронова, полковн. Фрикена и проч. Нужно».

28 іюля уже составленъ журналъ комиссіи, которая нашла, что пожаръ произошелъ потому, что труба камина изъ погребнаго этажа, гдѣ помѣщалась столярная (камина, специально устроеннаго, первоначально, для варки клея) проведена слишкомъ близко отъ балки. «Хотя изъ объясненій маіора Детлова видно, что онъ сдѣлалъ сіе упущеніе, избѣгая ломки уже оштукатуренныхъ стѣнъ и потолка, и въ томъ предположеніи, что въ каминѣ погребнаго этажа огонь никогда не

¹⁾ Эта глава составлена по подлинному военно-судному дѣлу штаба отд. корпуса воен. поселеній 1824 г. № 664, которое хранится теперь въ Архивѣ бывш. воен. поселеній (С.-Петербургъ, Знаменская ул., № 55). Въ томъ же переплетѣ дѣло объ унт.-оф. Колесниковѣ „отличнаго поведенія“, дѣлавшаго походы 1812—1815 гг., бѣжавшаго единственно отъ нежеланія служить въ батальонахъ, находившихся на работахъ въ воен. поселеніяхъ. Резолюція суда: „повѣсить“. Смягчена Аракчеевымъ: „прогнать черезъ 500 чел. четыре раза“.

Е. Д.

будеть въ такой степени силы, чтобы могъ разгорячить раздѣлку на высотѣ до 10 аршинъ отъ топки камина», — но комиссія нашла его, тѣмъ не менѣе, виновнымъ въ неправильномъ размѣщеніи трубъ и полагала произвести передѣлку печей и обгорѣвшей балки на счетъ маіора Детлова и сдѣлать ему строгій выговоръ.

Тѣмъ бы, вѣроятно, дѣло и кончилось, если бы, случайно, въ то же время не примѣшалось другое обстоятельство. 21 іюля Аракчеевъ, пріѣхавъ въ «штабъ», между прочимъ, словесно приказалъ Детлову отправиться «въ первое свободное время» (мы видѣли выше сколько, служа у него, оставалось этого свободного времени) въ Царское Село для снятія детальныхъ чертежей съ тамошней фермы, для отдѣлки по онимъ внутренняго расположенія скотнаго двора, который строился въ Аракчеевскомъ полку.

Въ тотъ же день Детловъ подалъ Аракчееву докладную записку, прося выдать прогоны и подорожную. На этой запискѣ резолюція начальника штаба Клейнмихеля, 23 іюля: «подорожную дать, а прогоны употребить изъ своихъ, кои и будутъ возвращены». Вѣроятно, что разъ издержанные «изъ своихъ» прогоны не легко возвращались, а потому, не удовольствовавшись рѣшеніемъ Клейнмихеля, Детловъ 24 іюля подалъ записку въ экономическій комитетъ съ тою же просьбою о прогонахъ. Предсѣдатель, полковникъ Мевесъ, отказалъ «по неимѣнію суммы и по запрещенію графа выдавать прогоны изъ суммы, имѣемой на мелочной расходъ». 25 іюля Детловъ подаетъ вторую записку Клейнмихелю съ просьбою «по неимѣнію въ наличности собственныхъ денегъ выдать прогоны». Не получивъ ни отвѣта, ни прогоновъ, Детловъ прождалъ до 2 августа, поѣхалъ, наконецъ, на свои деньги (которые, дѣйствительно, никогда не были возвращены) и снялъ чертежи. Нашлись доброжелатели, сообщившіе Аракчееву объ этомъ промедленіи въ смыслѣ строптивости и «вольнодумства.

Журналъ комиссія, разслѣдовавшей пожаръ, лежитъ, между тѣмъ, у Аракчеева (или въ штабѣ, у Клейнмихеля) цѣлый мѣсяцъ безъ движенія, съ 28-го іюля по 29-е августа. Въ этотъ день Аракчеевъ пишетъ на рапортѣ генерала Эйлера, при которомъ представленъ ему журналъ: «предать военному суду маіора Детлова съ исправленіемъ должности», а на самомъ журналѣ дѣлаетъ надпись: «доложено государю, г. Ст. Русса, 29 августа 1824 г.»

Въ тотъ же день отдается приказъ по корпусу воен. поселеній (№ 283), въ которомъ сперва прописано дѣло о пожарѣ, доложенное государю, а потомъ сказано:

„Вслѣдствіе того предписываю инж.-маіора Детлова какъ за сіе, такъ и за послушаніе отданнаго мною ему лично приказанія съѣздить въ г. Царское Село для осмотра тамошней фермы, чего онъ не исполнивъ, привнесъ въ

оправданіе многія неосновательныя отговорки,—предать суду и т. д. Судъ сей учредить въ полковомъ штабѣ гренадерскаго графа Аракчеева полка. Прейзусомъ въ комиссію военнаго суда назначаю полковника Шварца ¹⁾, а прочіихъ членовъ и аудитора изъ полка графа Аракчеева“.

16 сентября начался судъ, 7 октября уже объявлена сентенція, которою майоръ Детловъ найденъ виновнымъ:

1-е, въ случившемся пожарѣ, о коемъ подсудимый въ объясненіяхъ своихъ противъ донесенія слѣдственной комиссіи, обвиняющей его въ томъ, главнѣйше оправдываетъ себя тѣмъ, что при порученіи ему строенія флигеля не имѣлъ тогда еще опытности и достаточныхъ свѣдѣній по части гражданской архитектуры, и что при проведеніи 5 дымовыхъ трубъ между балокъ, полагаясь на принятія имъ мѣры осторожности отъ теплоты (обмазка глиною), не предвидѣлъ въ томъ никакой опасности и считалъ излишнимъ перемѣнять направленіе онимъ трубамъ и разбирать для того онштукатуренную стѣну,—но сіи причины не могутъ быть уважительными, ибо онъ непременно долженъ былъ соображаться съ общими правилами, наблюдаемыми при проведеніи дымовыхъ трубъ; если же считалъ нужнымъ отступить отъ нихъ, то обязанъ былъ представить объ этомъ на разрѣшеніе начальству. Во 2-хъ, въ послушаніи приказанія главнаго надъ военнымъ поселеніемъ начальника съѣздить въ Царское Село для осмотра фермы. Подсудимый объяснилъ, что несвоевременное исполненіе имъ приказанія сего произошло главнѣйше по неимѣнію, будто бы, тогда у него денегъ и полагалъ возможнымъ отложить поѣздку въ Царское Село до другого свободнаго времени, что и исполнилъ вмѣсто 26 іюля уже 2 августа, занявши у майора Кохіуса на прогоны 50 руб.; притомъ же ему нужно было, по приказанію ген.-майора Эйлера, явиться въ комиссію, производившую слѣдствіе о случившемся пожарѣ. Объясненіе сіе признается военнымъ судомъ вовсе неосновательнымъ. Во 1-хъ, приказаніе главнаго начальника обязанъ онъ былъ въ точности исполнить безъ всякихъ отговорокъ въ повелѣнное время безъ отлагательства; во 2-хъ, сумма на прогоны ему требовалась самая незначительная, которую во всякое время могъ достать, ибо если онъ нашелъ способъ изворотиться въ прогонныхъ деньгахъ ко 2-му августу, то сей же самый способъ могъ имѣть и къ 26-му іюля, тѣмъ болѣе, что приказаніе ему отъ главнаго начальника объявлено было еще за 5 дней, т. е. 21 числа и деньги сіи получилъ бы онъ отъ казны по возвращеніи изъ Царскаго Села, какъ о семъ сказано было ему и въ предписаніи начальника штаба; въ 3-хъ, требованіе подсудимаго Детлова въ слѣдственную комиссію никакъ не могло остановить его отъ своевременнаго исполненія приказанія главнаго начальника, ибо приказаніе сіе онъ долженъ былъ исполнить 26—27-го числа (отъ штаба до Царскаго Села, кажется, было 100 в.), а въ комиссію требовался 28-го числа. А потому судъ, находя майора Детлова виновнымъ по означеннымъ 2-мъ предметамъ: первому—въ произвольномъ отступленіи отъ общихъ правилъ, наблюдаемыхъ при проведеніи дымовыхъ трубъ,—чѣмъ и былъ причиною случившагося пожара, и по второму—въ послушаніи приказанія главнаго начальника, чрезъ несвоевре-

¹⁾ Кажется, это знаменитый бывшій командиръ 1.-гв. Семеновскаго полка, виновникъ гибели его въ 1820 году.

менное исполненіе онаго по своей безопасности и небрежной медленности, приговорилъ: согласно войск. сухопутн. устава, въ 28 артикулу, подсудимый инженеръ-маіоръ Детловъ имѣть по состоянію и важности дѣла отъ службъ либо весьма или на довольное время отставленъ быть и по вся разѣ, на сколько времени онъ отставится, за рядового служить. Сей приговоръ въ присутствіи комиссіи суда подсудимому объявленъ.

А артикулъ 28 говорить:

„Буде же кто отъ лѣности, глупости или медленія, однако же безъ упрества, злости и умыслу оное не управить, что ему отъ его начальна повелѣно: оный имѣть по состоянію“ и проч.

Директоръ работъ, генераль-маіоръ Вороновъ (заступившій мѣсто Фабра) 8 окт. представляетъ все судное дѣло на утвержденіе Аракчеева съ своимъ мнѣніемъ, гдѣ полагалъ:

„Что хотя маіоръ Детловъ и подлежитъ наказанію по приговору комиссіи согласно 28 арт. воен. устава, но принявъ въ уваженіе прежнюю безпорочную его службу, признаю достаточнымъ въ примѣръ другимъ за нерадивое выполненіе приказанія главнаго начальства арестовать маіора Детлова на одинъ мѣсяць съ содержаніемъ на гауптвахтѣ и штрафъ сей внести въ формулярный его списокъ, а сверхъ того взыскать съ него тѣ издержки, кои были употреблены на исправленіе поврежденнаго пожаромъ во флигелѣ учебнаго баталіона, и за таковое упущеніе въ производствѣ работъ сдѣлать ему строжайшій выговоръ въ приказѣ“.

Вороновъ, видно, не находилъ виновнымъ Детлова въ пожарѣ, за который онъ, собственно, судился и говорить только о нерадивомъ выполненіи приказанія гл. начальства. Но Аракчеевъ не шутилъ и сотни людей уже пострадали за мнимыя вины. 27 окт. Детловъ написалъ ему слѣдующее письмо:

„Простите великодушно, ваше сіятельство, сокрушенному, держащему васъ обременять семи строками. На краю бѣдствія, до коего мол неопитность меня довела, остается моя послѣдняя надежда: великодушіе в. с.—ва.

Послѣ 13-лѣтней вѣрнопопданной, безпорочной службы е. и. в. всемилоствѣйшему государю, въ теченіи коей 7 лѣтъ имѣлъ счастье служить подъ начальствомъ в. с.—ва, я сдѣлалъ проступокъ единственно отъ неопитности, недоумѣнія и недостатка въ способѣ, покрывающій меня стыдомъ и поношеніемъ.

Понятіе о неповиновеніи такъ чуждо какъ разсудку, такъ и положенію моему, что я никогда не дерзнулъ объ ономъ помышлять. Будучи иностранцемъ, не имѣющимъ никакихъ способствъ, вступилъ я въ службу е. и. в. и что я въ теченіи оной достигъ—обязанъ единственно в. с.—ву.

Увѣренный, что моя участь, мое бытіе зависить отъ воли в. с.—ва, я съ усердіемъ сносилъ труды и надѣялся въ награду сего: составить счастье свое и престарѣлыхъ моихъ родителей, коихъ единственная подпора и надежда я есмь. И я,—коему вы единожды были благодѣтелемъ, я бы могъ

дерзнуть не повиноваться вашимъ повелѣнiямъ? Повелѣнiямъ друга и перваго министра величайшаго монарха въ Европѣ? Всевышній тому будетъ свидѣтель, что я всегда имѣлъ истинное желанiе въ точности выполнить волю моего начальства, а единственно моя неопытность и недоумѣнiя сдѣлали меня преступникомъ. Если же я достоинъ наказанiя, то предаюсь волѣ в. с—ва. Участь моя въ рукахъ вашихъ и осмѣливаюсь только испрашивать одной милости: не лишите меня чести моей, до сего безпорочной и службы, она есть единственное богатство, которое я въ теченiи 13-ти лѣтъ успѣлъ приобрѣсть; я очень чувствую какъ несносна жизнь, когда честное имя поношено.

Извлеченъ будучи новымъ доказательствомъ милосердiя в. с—ва изъ бѣдственнаго моего положенiя, съ неограниченнымъ усердiемъ буду я служить въ утѣшительной надеждѣ, что в. с—во со временемъ изволите увѣриться, сколь тщился я быть достоинъ милости в. с—ва, которой осмѣливаюсь себя поручить, имѣю счастье съ высокопочитанiемъ“ и проч.

Аракчеевъ пишетъ на этомъ вполнѣ частномъ, тепломъ, дышащемъ правдою и горемъ, письмѣ: «присоединить къ дѣлу». Новое оскорбленiе и униженiе: пусть всѣ знаютъ, какъ я тебя придавилъ и какъ ты трепещешь. Въ письмѣ вовсе не говорится о пожарѣ, который, очевидно, былъ только предлогомъ для отдачи подъ судъ.

Наконецъ 7 ноября Аракчеевъ кладетъ резолюцію:

„Во вниманiе того, что онъ съ начала устройства и постройки перваго штаба находился въ оной должности, то арестовать его на недѣлю съ содержанiемъ на гауптвахтѣ и взыскать 50 р. съ его жалованья и бытiе сiе подъ судомъ и сей штрафъ внести въ формулярный списокъ и отдать обо всемъ ономъ по корпусу въ приказѣ. 7 ноября 1824 г. Графъ Аракчеевъ“.

Я не нахожу нужнымъ сказать что либо въ оправданiе моего отца по этому осужденiю, тяготѣвшему надъ нимъ 9 лѣтъ, до 1833 г., когда штрафъ былъ вымаранъ изъ формуляра въ видѣ награды. Факты говорятъ сами, а судъ подъ предсѣдательствомъ Шварца была одна формальность и не могъ имѣть мужества оправдать невиннаго. Тутъ дѣйствовали какiя то постороннiя влiянiя, враждебныя Детлову, который подозрѣвалъ Клейнмихеля. Но Аракчееву, кажется, стало совѣстно. Онъ дулся еще до iюля 1825 г., а потомъ перемѣнилъ обращенiе на старое. «Я уже не «вольнодумецъ», пишетъ Детловъ 17 iюля женѣ своей въ Петербургъ, а опять Карль Фѣдоровичъ».

Между тѣмъ постройка штаба приближалась къ концу и Детлову предстояло получить новое назначенiе. Аракчеевъ, бывший въ это время на зенитѣ власти и влiянiя, предложилъ ему, 17-го iюля, словесно, остаться у него въ поселенiи «при ремонтныхъ работахъ». Детловъ, не колеблясь, вѣжливо, но рѣшительно отклонилъ это предложенiе. Аракчеевъ промолчалъ... и 25 августа Детлову былъ пожалованъ «за отличiе по службѣ» брильянтовый перстень.

IV.

Въ сентябрѣ 1825 г. случилось извѣстное происшествіе: въ Грузинѣ была зарѣзана любовница и экономка Аракчеева, Настасья Минкина. Извѣстенъ также звѣрскій розыскъ Аракчеева послѣ этого происшествія, розыскъ, передъ которымъ блѣднѣютъ даже ужасы святой инквизиціи и Преображенскаго приказа. Въ ноябрѣ того же года скончался императоръ Александръ I, 14-го декабря вступилъ на престолъ Николай I и безпримѣрная власть Аракчеева разомъ прекратилась: онъ остался только начальникомъ военныхъ поселеній.

И вотъ безъ всякаго напоминанія со стороны Детлова, который вообще никогда, никого, ни о чемъ не просилъ, Аракчеевъ, собираясь уже сложить съ себя и эту должность, входитъ 28-го февраля 1826 г. къ новому государю съ такимъ докладомъ:

Въ Бозѣ почивающему государю императору Александру Павловичу благоугодно было предположить, чтобы по совершенномъ окончаніи отстройки каждаго изъ полковыхъ штабовъ поселенныхъ полковъ производителю работъ онаго, въ воздаяніе понесенныхъ имъ трудовъ, въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ, и для поощренія въ примѣръ прочимъ, назначать пожизненный пенсіонъ по двѣ тысячи рублей въ годъ.

Въ округѣ военнаго поселенія гренадерскаго графа Аракчеева полка строеніе полкового штаба нмѣя совершенно отдѣлкою окончивается, и большая часть онаго поступила уже на ремонтное содержаніе.

Производителемъ работъ по строенію сего штаба находился инженеръ-майоръ Детловъ, и теперь съ окончаніемъ онаго долженъ получить другое назначеніе.

Основываясь на предположеніи покойнаго императора Александра Павловича и будучи доволенъ службою инженеръ-майора Детлова и тѣмъ усердіемъ, съ коимъ онъ въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ по званію производителя работъ занимался, я осмѣливаюсь испрашивать высочайшаго вашего императорскаго величества повелѣнія о всемилостивѣйшемъ пожалованіи ему по смерти пенсіона по двѣ тысячи рублей въ годъ изъ суммъ военнаго поселенія съ тѣмъ, чтобы онъ симъ пенсіономъ пользовался докогда находится будетъ при военномъ поселеніи, сверхъ жалованья, имъ получаемого; есть-ли же оставить службу по военному поселенію, то производство пенсіона сего входить въ общій о пенсіонахъ законъ.

По званію главнаго надъ военными поселеніями начальника имѣю обязанность испрашивать сей милости, дабы каждый производитель работъ полкового штаба, имѣя въ виду таковую награду, усугубилъ стараніе свое въ возведеніи порученнаго ему строенія и имѣлъ поощреніе о скорѣйшемъ его окончаніи. Отъ окончанія строеній полкового штаба зависитъ и главное устройство поселеннаго полка ¹⁾.

¹⁾ Г. Суворинъ издалъ въ 1882 году сочиненіе г. Н. Богуславскаго подъ заманчивымъ заглавіемъ „Аракчеевщина“. Это нѣсколько отдѣльныхъ по-

Государь кладеть резолюцію на этомъ докладѣ не тотчасъ, а только черезъ двѣ недѣли, 15-го марта. Аракчеевъ былъ въ это время въ Грузинѣ и, получивъ рескриптъ, утвердившій докладъ, тотчасъ же, 17-го марта, послалъ Детлову засвидѣтельствованную имъ лично копію съ рескрипта при собственноручной запискѣ:

„Препровождаю къ вамъ Карла Федоровичъ, копію съ Указа, изъ коего вы увидите, что я слово свое сдержалъ; а васъ съ онимъ вѣрнымъ кускомъ хлѣба поздравляю, вашъ покорный слуга Г. Аракчевъ. Г. М. Детлову“¹⁾.

На конвертѣ послѣ адреса рукою Аракчеева приписано: «въ собственные руки» и «нужное».

Еще до получения этого высочайшаго указа, но послѣ доклада испрашиваемой въ немъ награды, майоръ Детловъ получилъ отъ Аракчеева слѣдующее собственноручное же письмо, не мало, вѣроятно, его удивившее:

„М. Г. Карла Федоровичъ, много слышавшійся о порядкѣ въ домѣ вашемъ, заведенномъ почтенною вашею супругою, я рѣшился просить васъ, дабы вы приняли на себя трудъ, попросили Милостивую Государыню Александру Исакиевну здѣлать мнѣ одолженіе, принять въ вашъ домъ мою дворовую дѣвку, Прасковью Григорьеву, на цѣлый годъ для приученія ее въ хорошіе прачки, дабы она могла содержать со временемъ мое бѣлье и могла бы оное починивать.

Сколько же нужно на ее годовое содержаніе какъ за кушанье, такъ на платье и на обувь, то прошу прислать ко мнѣ въ Грузино записку, то я съ моею благодарностью оныя деньги немедленно къ вамъ доставлю.

вѣстей, большею частью написанныхъ еще въ началѣ шестидесятыхъ годовъ (не знаю, были ли онѣ прежде напечатаны), въ которыхъ историческія данныя перемѣшаны съ неостроумными фантазіями и безцвѣтными впечатлѣніями автора. Вмѣсто того, чтобы изучать аракчеевщину въ историческихъ журналахъ послѣднихъ лѣтъ и въ богатомъ архивѣ военныхъ поселеній въ С.-Петербургѣ, г. Богуславскій покупалъ въ Новгородской губерніи брошенные книжки старыхъ поселенныхъ комитетовъ, сохранившіяся у писарей и, между прочимъ, говоритъ о бывшемъ штабѣ Аракчеевскаго полка (стр. 381):

„Оно немудрено, что постройки имѣютъ такой привлекательный видъ; а чудно то, что онѣ до сихъ поръ не развалились. Главные строители не имѣли и понятія объ инженерномъ искусствѣ“ и т. д.

Видно имѣли, если зданія красны и до сихъ поръ прочны и крѣпки?

Г. Богуславскій невѣрно даже выписываетъ изъ своихъ книжекъ. На стр. 386 онъ цитируетъ приказъ отъ 10 марта 1827 г. о нарядѣ войскъ на работы въ округъ графа Аракчеева полка и называетъ инженеръ-капитана Детлова. Въ 1827 г. отецъ мой былъ уже подполковникомъ и жилъ въ Ярославлѣ; всѣ постройки въ Аракчеевскомъ полку были окончены, какъ мы видѣли, еще въ началѣ 1826 г. и потому такой приказъ не могъ быть отданнымъ въ 1827 г.

¹⁾ Сохраняется орография подлинниковъ.

Посылаемая девка хорошаго поведенія и ни в чемъ дурномъ незамечена, но не худо содержать в строгости и викара изъ дому не отпускать. Я прошу на сіе письмо вашего отвѣта ко мнѣ в Грузино.

Съ истиннымъ почтеніемъ пребуду вашъ покорный слуга Г. Аракчеевъ“.

С.-Петербургъ,
11 марта 1826 г.

Письмо это очень характерно и рисуетъ личность Аракчеева въ частной жизни во всей ея мелочности и пошлости, Онъ представляетъ своего подчиненнаго къ «вѣрному куску хлѣба», и вмѣстѣ съ тѣмъ, по понятіямъ нашего времени, просто беретъ съ него взятку, насильно вводя къ нему въ домъ для обученія, разумѣется, дароваго свою Прасковью Григорьеву,—возлагая, нѣкоторымъ образомъ, даже отвѣтственность за ея нравственность. Замѣчательно различіе между изысканно вѣжливою просьбою въ началѣ письма и концемъ его, гдѣ (вѣроятно одновременно съ письмомъ), не ожидая согласія на просьбу, «посылается» уже и будущая прачка.

24-го марта Аракчеевъ отдаетъ приказъ № 106 о пожалованіи Детлову пожизненнаго пенсіона, къ которому приложенъ весь докладъ государю, «дабы гг. производители работъ видѣли, что отъ нихъ требуется лишь постоянное усердіе и что усердіе сіе вознаграждается постоянною и значущею наградою».

Такимъ образомъ человѣкъ, найденный судомъ виновнымъ въ небрежномъ производствѣ постройки и достойнымъ разжалованья, формуляръ котораго былъ запачканъ, — спустя полтора года тѣмъ же Аракчеевымъ, который отдалъ его подъ судъ, за тѣ же постройки, находится достойнымъ крупной, необычайной награды. Чѣмъ объяснить такую перемѣну: угрызениемъ-ли совѣсти или простою справедливостію, — наградою, дѣйствительно обѣщанною и исполнѣнною?

Лѣтомъ 1826 г. Аракчеевъ сдалъ начальство надъ военными поселеніями и уѣхалъ за границу лечиться, предварительно, вѣроятно, сдѣлавъ представленіе о новой наградѣ Детлову, такъ какъ 23-го августа этого года онъ былъ произведенъ въ подполковники.

Такъ кончились отношенія Детлова къ Аракчееву. Послѣ удаленія Аракчеева отъ всѣхъ дѣлъ онъ, однако, нѣсколько разъ посѣтилъ его въ Грузинѣ (между 1828 и 1834 г.) и былъ ласково принятъ какъ пріятный гость.

Кто же былъ Аракчеевъ? спрашиваетъ г. Богуславскій (въ названной нами книгѣ «Аракчеевщина», стр. 5) и отвѣчаетъ:

„Замѣчательный человѣкъ только не по уму и способностямъ, а по усердію и трудолюбію, по холодности и жестокости, по отсутствію мысли въ дѣлствіяхъ, по привязанности къ формамъ и виѣшности“.

Я думаю, что почти противоположный отзыв о немъ Е. О. фонъ Брадъ гораздо вѣрнѣе. Онъ говоритъ («Русскій Архивъ» 1875 г., кн. 1, стр. 47):

„Что Аракчеевъ былъ человѣкъ необыкновенныхъ способностей и дарованій, едва ли можетъ быть подвержено сомнѣнiю со стороны тѣхъ лицъ, кто его хоть нѣсколько зналъ и кто не увлекался безусловно своими предубѣжденiями. Быстро охватывая предметъ, онъ въ то же время не лишень былъ глубины мышленiя, когда самъ того желалъ и когда она не вовлекала его въ противорѣчiя съ предвзятыми его намѣренiями“.

„Ему казалось, что онъ стоялъ одинокимъ, что его высота была умственно-недосыгаема, и съ этого воображаемаго величiя взиралъ онъ на бѣдное чело-вѣчество и пользовался его слабостями и страстями для достиженiя своей цѣли и для усиленiя своего безгранично возрастающаго самолюбiя. Понини-вѣ рѣдкая и строго напгавленная дѣятельность, необыкновенная правильность въ распредѣленiи времени и воздержанiе отъ безмѣрнаго пользованiя плотскими наслажденiями,—давали ему очевидную возможность совершать болѣе того, что могло быть сдѣлано обыкновеннымъ путемъ и служили въ его беззастѣнливой ружѣ бичемъ для всѣхъ его подчиненныхъ“.

V.

Окончивъ постройку «штаба», Детловъ былъ командированъ Клеймхелемъ, неблаговолившемъ къ нему за что-то, въ г. Ярославль, гдѣ провелъ гдѣто 1827, 1828 и 1829 годовъ, занимаясь исправленiемъ казармъ тамошняго батальона военныхъ кантонистовъ. Зимой онъ работалъ въ штабѣ военныхъ поселенiй въ Петербургѣ. Такое незначительное занятiе, притомъ сопряженное съ безконечными проволочками и пререканiями съ гражданскимъ вѣдомствомъ (которому не позволялось грѣть руки), съ постоянными разъѣздами, обременительными для семейнаго человѣка,—очень тяготило его. Въ письмахъ къ женѣ онъ нѣсколько разъ высказываетъ желанiе, окончивъ дѣло въ Ярославлѣ, просить Клеймхеля о службѣ постоянной и опредѣленной, соотвѣтствующей его чину и положенiю, а въ случаѣ отказа — оставить военныя поселенiя и возвратиться къ своей специальности—въ вѣдомство путей сообщения. 19-го сентября 1829 г. желанiе его, наконецъ, сбылось назначенiемъ, по высочайшему повѣлѣнiю, корпуснымъ инженеромъ 2-го резервнаго кавалерiйскаго корпуса, расположеннаго въ военныхъ поселенiяхъ Харьковской губерни.

Въ это время постигло его семейное горе: Александра Исакиевна послѣ продолжительной болѣзни скончалась 26-го января 1830 года, оставивъ дочь ¹⁾). Похоронивъ молодую жену въ с. Скворицы, близъ

¹⁾ Нынѣ Александра Карловна Юргенсенъ, рожд. Детлова, жена пастора гатчинской лютеранской церкви. Е. Д.

Гатчины (гдѣ она и родилась, такъ какъ отецъ ея былъ тамъ пасторомъ),—Детловъ поѣхалъ на югъ, въ Чугуевъ, и въ маѣ принялся за новую службу.

Чугуевъ,—хорошенькій, чистенькій городокъ на возвышенномъ правомъ берегу Дона съ прямыми, широкими улицами, обставленными каменными домами, крытыми черепицею и желѣзомъ, нынѣ начинающими терять свое поселенское однообразіе. Центръ его составляетъ обширная площадь съ громаднымъ, 3-хъ-этажнымъ зданіемъ, въ которомъ теперь помѣщается пѣхотное юнкерское училище. Тутъ же, съ другой стороны, ютится скромный одноэтажный, деревянный, царскій дворецъ съ большимъ садомъ, изъ котораго открывается прелестный видъ на низменная, лѣсистыя окрестности города, прорѣзанная рѣкою. Съ 1818 года, послѣ изгнанія почти силою около сотни разныхъ обывателей-старожиловъ неподатнаго состоянія, и послѣ кроваваго усмирения Аракчеевымъ лично чугуевцевъ, нежелавшихъ подчиниться благодѣяніямъ военныхъ поселеній¹⁾, здѣсь было сосредоточено управленіе всѣми весьма многочисленными военными поселеніями, въ которыхъ квартировала кавалерія: уланскіе и кирасирскіе полки.

Начался послѣдній въ нравственномъ отношеніи самый спокойный періодъ дѣятельности Карла Федоровича. Между прямымъ его начальникомъ, командиромъ корпуса, старымъ графомъ Алексѣемъ Петровичемъ Никитинымъ, человѣкомъ простымъ, иногда взбалмошнымъ, но не злымъ, всѣмъ говорившемъ «ты», но не позволявшимъ себѣ дерзостей съ людьми, которыхъ чувствовалъ выше себя по уму, образованію и неуязвимыхъ съ служебной стороны,—и молодымъ, сравнительно, полковникомъ (былъ произведенъ 6-го декабря 1830 г.) сразу установились вполне хорошія отношенія. Южныя военныя поселенія не были

¹⁾ Подробности см. въ книгѣ: „Графъ Аракчеевъ и военныя поселенія, 1809—1831 гг.“. Изданіе „Русской Старины“ 1871 г., стр. 151.

Мнѣ случилось еще въ 1859 г. рассказывать въ Варшавѣ одному французскому инженеру, по фамиліи Vinot, эту ужасную чугуевскую драму, описанную тогда въ „Колоколѣ“ Герцена. Будучи всегда вольными, чугуевцы отказались косить даромъ казенные луга. Судъ приговорилъ 275 человѣкъ къ смерти. Аракчеевъ замѣнилъ для 40 главныхъ виновныхъ смерть быструю на смерть медленную, ужасную—12,000 шпигруетеновъ каждому. Передъ экзекуціей, 18 августа 1819 г.. Аракчеевъ обѣщалъ имъ прощеніе, если поворотятъ. Почти всѣ отвергли это и умерли... Французъ, только что пріѣхавшій, не хотѣлъ вѣрить возможности существованія въ русскихъ простолудинахъ такого героизма. Наконецъ, онъ воскликнулъ: „какое же можетъ быть сомнѣніе въ великой будущности государства, граждане котораго умѣютъ такъ умирать за то, что считаютъ своимъ правомъ! Этотъ неизвѣстный подвигъ гораздо выше прославленнаго подвига Леонида и его спартапцевъ въ Фермопилахъ!“

К. Д.

тогда окончены устройством и работы еще продолжались, притомъ работы разбросанныя на сотни верстъ. Въ самомъ Чугуевѣ строился соборъ, военный госпиталь, гостинный дворъ и, главное, мостъ черезъ р. Донецъ съ большими спусками къ нему. Капитальное сооруженіе это, оконченное въ 1834 г., къ сожалѣнію погибло въ 1861 г. во время сильнаго разлива Донца. Выше моста была смыта тогда большая деревянная мельница, которую понесло водою и ударило о мостъ. Мостъ не выдержалъ удара и разрушился. До сихъ поръ торчатъ нѣсколько уцѣлѣвшихъ свай и возвышаются колоссальныя насыпи, напоминающая переправляющемуся въ разливъ на паромѣ путнику, что не все было хуже при военныхъ поселеніяхъ.

При постройкѣ собора въ Чугуевѣ Детловъ едва не вышелъ въ отставку. Графъ Никитинъ отдалъ какія-то приказанія, противорѣчащія его мнѣнію. Довольно продолжительное и подъ конецъ громкое со стороны графа объясненіе на мѣстѣ постройки не привело къ соглашенію. Карлъ Федоровичъ въ тотъ же день подалъ въ отставку и рапортовался больнымъ. Черезъ два дня графъ пріѣхалъ къ нему въ домъ, произошло объясненіе въ кабинетѣ, графъ взялъ назадъ свое требованіе, а Карлъ Федоровичъ свою отставку, — и добрыя отношенія навсегда возстановились.

Во всѣхъ харьковскихъ военныхъ поселеніяхъ пришлось Детлову воздвигнуть десятки церквей, манежей, казармъ, мостовъ и т. п. сооружений, которыя служатъ здѣсь памятниками его десятилѣтней дѣятельности. Кромѣ того онъ возвелъ нѣсколько частныхъ зданій: напр. усадьбу въ г. Бурлукѣ для генерала В. Д. Задонскаго, большой флигель на Сабуровой дачѣ, близъ Харькова и т. д. Замѣчательно, что, производя всѣ эти постройки, онъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи только одного специалиста, архитектора Шрейбера. Остальные его помощники были простые чертежники изъ кантонистовъ, которыхъ онъ самъ образовалъ (гг. Колодежный, Мартыненко и другіе). Теперь, когда новыхъ построекъ вовсе не производится, а все дѣло въ ремонтѣ старыхъ, которыхъ тоже стало меньше за передачею дорогъ земству и за продажею многихъ домовъ въ частныя руки, начальникъ чугуевской инженерной дистанціи имѣетъ въ своемъ распоряженіи трехъ инженерныхъ офицеровъ. Но кромѣ работъ, лежавшихъ на прямой его обязанности, Клейнмихель возлагалъ на Детлова и разныя особыя порученія. Такъ, въ 1836 г., онъ былъ вызванъ въ Петербургъ и прожилъ тамъ четыре мѣсяца, работая надъ планомъ орловскаго кадетскаго корпуса, который былъ утвержденъ государемъ, а составитель награжденъ орденомъ Владимира 3-й ст. Самая постройка корпуса была поручена другому лицу. Въ 1839 г. былъ вызванъ вторично въ

Петербургъ и ѣздилъ вслѣдъ затѣмъ въ Ростовъ на Дону для осмотра тамошнихъ казенныхъ зданій.

21-го октября 1834 г. Карлъ Федоровичъ женился вторично на Антуанетѣ Антоновнѣ Майеръ, дочери инспектора харьковской врачебной управы, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Антона Эмануловича Майера,—моей покойной матери.

Внѣ служебныхъ занятій жизнь въ Чугуевѣ представляла въ то время много пріятнаго. Это не была уже новгородская каторга 1818—1825 годовъ. Кавалерійскіе полки были наполнены зажиточными дворянами и въ Чугуевѣ жилось весело. Устраивались часто балы и вечера. Кромѣ того тутъ былъ тѣсный кружокъ образованныхъ семей: генераловъ Сиверса, Воина Дмитріевича Задонскаго, Александра Ивановича Лизогуба (партизана 1812 г., женатаго на Елизаветѣ Андреевнѣ Жерве, которая жива доселѣ), генерала Линдгрена, полковника Александра Григорьевича Розаліонъ-Сашальскаго и другіе. Изъ многочисленной молодежи, имѣвшей доступъ въ этотъ кружокъ, упомяну объ уланскомъ поручикѣ Афанасьевѣ-Чужбинскомъ, впослѣдствіи известномъ писателѣ, адъютантахъ Ефимѣ Васильевичѣ Голубинѣ (живетъ на покой въ Москвѣ) и покойномъ Колокольцовѣ (бывшемъ потомъ витебскимъ губернаторомъ) и проч. Многія лица этого кружка были молоды въ первыя двадцать лѣтъ нашего столѣтія, всѣ были хорошо образованы, были сверстники декабристовъ и на нихъ, даже противъ ихъ воли, отражались нѣкоторыя идеи, воодушевлявшія молодежь царствованія Александра I.

Тѣмъ не менѣе во всѣхъ сохранившихся письмахъ къ матушкѣ моей, писанныхъ изъ Петербурга, Орла и Ростова на Дону (съ 1836 г. по 1840 г.), проглядываетъ утомленіе безпокойною службою съ вѣчными разъѣздами. Въ нихъ же часто высказывается желаніе сдѣлаться собственникомъ хоть небольшого клочка земли. Онъ выписывалъ разныя сельско-хозяйственныя сочиненія и часто любилъ мечтать на тему: окончить жизнь въ тиши деревенскаго уединенія мирнымъ земледѣльцемъ. Средства для осуществленія этой идеи нашлись: 10-го января 1836 г. высочайше были пожалованы 2,000 десятинъ земли въ Ставропольской губерніи. Земля эта, при тогдашнихъ сообщеніяхъ, была трудно досягаема и не соответствовала его понятію объ имѣніи и деревенской жизни. Поэтому онъ продалъ ее В. Д. Задонскому, одновременно получившему участокъ рядомъ. Интересна тогдашняя цѣна на землю, нынѣ прорѣзанную кавказскою желѣзною дорогою: полумпериалъ за двѣ десятины.

«Служба слишкомъ тяготитъ меня, чувствую, что не въ состояніи долго нести ее и если не куплю имѣньяца и не устроюсь въ немъ,

ГРАВЮРОВАНЪ ВЪ ПАРИЖѢ ПАННЕМАКЕРЪ.

ИНЖЕНЕРЪ-МАІОРЪ, ВПОСЛѢДСТВІИ ГЕНЕРАЛЪ-МАІОРЪ

КАРЛЪ ФЕДОРОВИЧЪ ДЕТЛОВЪ

1789 — 1840.

ПОРТРЕТЪ ИВАНЪ ИЖДИВЕНІЕМЪ К. К. ДЕТЛОВА.

Digitized by Google

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ ЖУРНАЛУ «РУССКАЯ СТАРИНА».

ДОСВОБОДНО ПЕЧАТАЮЩ. С.-ПЕТЕРБУРГЪ. 21 МАРТА 1883 Г.

ЭКСИПЛИЦИЯ ЗАГОТОВЛЕНІЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ БУМАГЪ

то возьму годовой отпускъ, чтобы хоть разъ въ жизни пожить по человѣчески»,—писалъ онъ въ 1838 г. Но работа не уменьшалась, подходящее имѣніе не отыскивалось и не покупалось, отпускъ не брался,— а время шло. Наконецъ, осенью 1839 г., Карлъ Федоровичъ купилъ въ г. Харьковѣ на углу Екатеринославской улицы и Дмитріевскаго переулка пустое мѣсто и началъ на немъ постройку дома, желая, если не въ деревнѣ, то хоть въ городѣ, основать уголь для семьи, состоявшей уже изъ трехъ дѣтей. Но не суждено было сбыться скромнымъ мечтамъ о спокойной старости, посвященной воспитанію дѣтей.

14-го апрѣля 1840 г. вышло производство въ генералы. 28-го апрѣля было воскресенье и въ этотъ день, по обыкновенію, назначенъ въ Чугуевѣ разводъ, на которомъ, по тогдашнимъ требованіямъ, обязанъ былъ присутствовать и Карлъ Федоровичъ въ полной парадной формѣ. Онъ жилъ въ Чугуевѣ въ казенномъ домѣ, проданномъ потомъ, на Харьковской улицѣ, рядомъ съ нынѣшней городской управой. Случайно этотъ день, 28-го апрѣля, когда въ первый разъ пришлось надѣть генеральскіе эполеты, совпалъ съ семейнымъ торжествомъ: это былъ день рожденія старшей сестры моей, Александры, отъ перваго брака, которой исполнилось 14 лѣтъ. По обычаю протестантовъ ей были приготовлены подарки, испеченъ крендель, зажжены свѣчи и проч. Все это въ восьмомъ часу утра было разставлено на чайномъ столѣ вмѣстѣ съ самоваромъ. Но виновница торжества что-то замѣшкалась, а такъ какъ разводъ былъ назначенъ въ 8 часовъ, то Карлъ Федоровичъ, боясь опоздать, наскоро выпилъ стаканъ чаю и велѣлъ подавать дрожки. Уже накинувъ въ передней шинель и взглянувъ на себя въ зеркало, онъ опять вернулся въ столовую и, шутя, сказалъ матушкѣ:

— «Живо, Антуанета! Напомадь мнѣ волосы. Надо явиться сегодня генераломъ во всей красѣ».

Матушка, весело исполнивъ это, поцѣловала его въ лобъ. Это было прощаніе на вѣкъ.

Выѣхавъ изъ дому, Карлъ Федоровичъ завернулъ на нѣсколько минутъ къ генералу Задонскому, жившему на Манежной площади въ домѣ, гдѣ нынѣ помѣщается офицерскій клубъ, и нашелъ здѣсь нѣсколькихъ другихъ знакомыхъ, дружески привѣтствовавшихъ его въ густыхъ эполетахъ. Оттуда въ четырехъ экипажахъ всѣ двинулись на плацъ, что передъ юнкерскимъ нынѣшнимъ училищемъ. Дорога отъ Манежной площади къ плацу идетъ по Дворянской улицѣ нѣсколько подъ гору. Пара лошадей, запряженная въ легкія дрожки того времени, такъ называемую гитару, на которыя сажались верхомъ, какъ на лошадь,—понесла. Карлъ Федоровичъ поднялся и старался помочь

кучеру осадить коней, но безуспѣшно. Доскакавъ до плаца, уже заставленнаго выстроившимися войсками, кучеръ у угла Гостиннаго двора повернулъ налѣво, но сдѣлалъ это слишкомъ круто,—дрожки закатились, опрокинулись и соскочили со шкворня. Карлъ Федоровичъ упалъ на землю у угла ограды построеннаго имъ собора,—и остался безъ чувствъ... изъ рта и ушей хлынула кровь. Лошади понеслись далѣе, волоча по землѣ кучера, не выпустившаго вождей.

Между тѣмъ въ домѣ всѣ собрались и только что, въ праздничномъ настроеніи, размѣстались вокругъ чайнаго стола, какъ увидѣли, что лошади безъ кучера ¹⁾ бѣшено влетѣли во дворъ вмѣстѣ съ разбитымъ передкомъ отъ дрожжекъ. Матушка, крайне встревоженная, выбѣжала на улицу въ чемъ была и направилась къ плацу. Встрѣтивъ адъютанта г. Палицына, ѣхавшаго въ экипажѣ, и чуя горе, она безъ церемоній попросила его везти ее туда. Она нашла мужа уже перенесеннымъ въ залу гостинницы, помѣщавшейся въ нѣсколькихъ шагахъ отъ плаца на Дворянской улицѣ. Два военныхъ медика хлопотали около него, прикладывали ледъ, дѣлали ванну. Пригласили извѣстнаго профессора харьковскаго университета, Ванцетти, случайно находившагося въ Чугуевѣ,—но всѣ усилія врачей были тщетны и не могли привести его въ чувство: черезъ два часа послѣ паденія, глубоко вздохнувъ, онъ умеръ.

Такъ внезапно прекратилась эта богатая трудомъ, бѣдная радостями жизнь, которую 22 года «аракчеевщины» не смогли лишить ни одного изъ ея высокихъ нравственныхъ качествъ. К. Ф. Детловъ не могъ выдвинуть себя по своей профессіи: злая судьба да нужда обрекли его всю жизнь строить казенныя зданія и дороги по готовымъ образцамъ, бросили его въ такое бесплодное дѣло, какимъ оказались военныя поселенія, на устройство которыхъ, можно сказать, онъ положилъ себя. Въ этомъ отношеніи онъ заслуживаетъ памяти не какъ талантливый инженеръ, какихъ въ Россіи было не мало,—а какъ честный инженеръ, не допускавшій и мысли о личныхъ выгодахъ въ казенномъ дѣлѣ,—а такихъ въ тогдашней Россіи было очень мало. Многіе изъ знавшихъ его современниковъ еще живы и я смѣло могу повторить, примѣняя къ нему слова внука его благодѣтеля, Александра Павловича Николаи: «нѣтъ сомнѣнія, что всѣ тѣ, которые его близко знали, подтвердятъ, что это былъ человѣкъ самыхъ благородныхъ правдъ и самыхъ возвышенныхъ чувствъ» ²⁾.

¹⁾ Вучеръ Степанъ Чуприна, сынъ харьковскій мѣщанинъ, отдѣлался тогда, сравнительно, легкимъ ушибомъ и живъ до сихъ поръ. Это 80-ти лѣтній, бодрый еще старикъ, ѣздающій извозчикомъ въ Харьковѣ.

²⁾ Замѣтка о баронѣ Л. П. Николаи. „Русская Старина“, сентябрь 1877 г., тр. 103.

К. Ф. Детловъ былъ ростомъ выше средняго, крѣпкій, плечистый человекъ, немного сутуловатый, пользовавшійся хорошимъ здоровьемъ и свѣжимъ цвѣтомъ лица. Имѣлъ густыя темнорусые волосы и, доживъ до 50-ти лѣтъ, не имѣлъ ни одного сѣдого. Обращеніе его было ровное, безъ тѣни занесиванія или подобострастія къ высшимъ, безъ надменности и высокогнѣрія къ низшимъ. Съ подчиненными на службѣ былъ требователенъ и строгъ, но строгъ по убѣжденію, добродушно, безъ жестокости. Только ложь и низость возбуждали его гнѣвъ и вызывали иногда къ крутымъ мѣрамъ. Дома у себя былъ самымъ любезнымъ и гостеприимнымъ хозяиномъ, хотя всегда жилъ скромно, по средствамъ, и на знаомства былъ разборчивъ. Удѣляя много времени труду, дѣлу, — находилъ однако въ Чугуевѣ и для потѣхи часъ: охотно игралъ въ шахматы, любилъ въ веселомъ обществѣ стаканъ хорошаго вина и не уклонялся отъ партіи бостона. При скудныхъ средствахъ онъ, однако, ежегодно удѣлялъ нѣсколько сотъ рублей на книги и журналы. Изъ древнихъ классиковъ любилъ читать Виргилія (въ оригиналѣ), изъ новыхъ — Байрона (въ нѣмецкомъ переводѣ) и Шиллера.

По распоряженію графа Никитина были устроены торжественные похороны, на которыхъ при выносѣ присутствовалъ, буквально, весь Чугуевъ. Матушка пожелала предать тѣло землѣ въ Харьковѣ на лютеранскомъ кладбищѣ, гдѣ покоились ея родители. Цѣлый полкъ уланъ съ артиллеріей проводили гробъ до Харькова.

Въ то же время между сослуживцами покойнаго, по инициативѣ друга его, полковника А. Г. Розаліонъ-Сашальскаго ¹⁾, была открыта подписка на сооруженіе памятника на могилѣ. Подписка эта въ нѣсколько дней дала 1,900 руб. асс. и служить лучшимъ доказательствомъ любви и уваженія, которыми онъ пользовался. Памятникъ изъ бѣлаго мрамора былъ поставленъ въ 1841 г. На лицевой сторонѣ его сдѣлана надпись: «сооруженъ друзьями-сослуживцами».

Рядомъ съ этимъ памятникомъ я похоронилъ матушку въ 1877 г. († 13 сентября, на 76-мъ году жизни). У ногъ его надѣюсь когда нибудь самъ опочить отъ земныхъ суетъ и былъ бы счастливъ, если бы сынъ мой съ одинаковымъ чувствомъ уваженія взиралъ на могилы дѣда и отца.

Императоръ Николай Павловичъ, по представленію графа Никитина, поддержанному графомъ Клейнмихелемъ, пожаловалъ матушкѣ

¹⁾ Впоследствии генералъ. Оставилъ очень интересныя записки о своемъ плѣнѣ у турокъ въ 1829 г., которыя были напечатаны въ „Военномъ Сборникѣ“ въ 1859 г. (если не ошибаюсь).

единовременно 8,058 руб. асс. и, главное, кромѣ обыкновенной пенсїи по чину, оставилъ ей пожизненно ту необычайную пенсїю въ 2,000 р. изъ суммъ военнаго поселенія. Этой щедрой, истинно монаршей, милости мы, дѣти покойнаго, обязаны своимъ воспитаніемъ и гордясь памятью честнаго отца, построившаго сотни казенныхъ зданій, но не оставившаго намъ, буквально, ничего кромѣ подареннаго государемъ,—должны вѣрить, что служба за царемъ не пропадаетъ.

Образцомъ для приложеннаго—въ гравюрѣ парижскаго ксилографа г. Паннемакера, — портрета Карла Федоровича Детлова служатъ большой, писанный масляными красками, поясной портретъ неизвѣстнаго художника, снятый около 1832 года, вѣроятно, въ Чугуевѣ. Впослѣдствїи инженерамъ было разрѣшено носить усы, отrostивъ которые Карлъ Федоровичъ получилъ нѣсколько другую фizioномїю. Но имѣющійся у меня акварельный портретъ его съ усами, снятый въ 1836 г. въ Петербургѣ художникомъ Векерлиномъ, по отзыву знавшихъ покойнаго, менѣе сходенъ и не передаетъ выраженія глазъ. При выборѣ портрета къ нашему очерку, мы именно остановились на этомъ хотя болѣе старомъ, но болѣе вѣрномъ изображенїи.

К. К. Детловъ.

Харьковъ.
1877—1888 гг.

Д. В. ДАВЫДОВЪ И Д. П. ВУГУРЛИНЪ.

ЗАМѢТКА.

16-го іюля 1884 года исполнилось, какъ извѣстно, 100 лѣтъ со дня рожденія нашего знаменитаго партизана-поэта, Дениса Васильевича Давыдова († 22-го апрѣля 1839 г.) „Русская Старина“, напечатавшая съ самаго начала своего существованія цѣлую массу матеріаловъ для біографіи Давыдова, напомнила, въ своей іюльской „книжкѣ“ 1884 года, о приближавшемся знаменательномъ для всей образованной Россіи днѣ тѣмъ, кто, быть можетъ, не думаетъ или не помнитъ о немъ, и помѣстила, вслѣдъ за тѣмъ, рядъ новыхъ статей и замѣтокъ о Давыдовѣ. Этотъ новый матеріалъ въ связи съ тѣмъ, что было сообщено о Давыдовѣ прочими журналами, составилъ богатый вкладъ для составленія пространнаго очерка жизни и дѣятельности нашего знаменитаго воина-поэта.

Тѣмъ не менѣе, нельзя не признать, что вкладъ этотъ далеко не такъ богатъ, какъ можно было бы ожидать и что нельзя не надѣяться и не желать его увеличенія.

Съ своей стороны, владѣя двумя автографами Д. В. Давыдова, я не считалъ нужнымъ показаться, говорить о нихъ, боясь, чтобы они не показались слишкомъ ничтожными въ сравненіи съ тою массою новыхъ и болѣе интересныхъ матеріаловъ для біографіи Д. В. Давыдова, — массою, которая должна была, какъ я ожидалъ, появиться въ печати, по поводу недавно исполнившагося столѣтія со дня его рожденія. Теперь же, видя, что и мои два автографа, вѣроятно, не пройдутъ незамѣченными, въ ряду напечатаннаго по этому поводу о поэтѣ-партизанѣ, я считаю необходимымъ сообщить редакціи „Русской Старины“ о существованіи ихъ въ моей бібліотекѣ, въ надеждѣ, что уважаемая редакція дастъ мѣсто моей замѣткѣ на страницахъ своего изданія.

Автографы эти, находящіеся на двухъ книгахъ сочиненія Давыдова, имѣютъ, мнѣ кажется, значеніе для будущаго составителя пространной біографіи нашего знаменитаго партизана потому, что изъ нихъ видно время сближенія Давыдова съ Д. П. Вугурлинымъ, извѣстнымъ военнымъ писателемъ и историкомъ, авторомъ сочиненій: „Исторія нашествія Наполеона на

Россію въ 1812 году“, „Исторія смутнаго времени въ Россіи въ началѣ XVII вѣка“ и другихъ ¹⁾).

Одна изъ находящихся въ моей библиотекѣ книгъ, съ автографами Д. В. Давыдова, „Опытъ теоріи партизанскаго дѣйствія. Сочиненіе Дениса Давыдова. Москва. Въ типогр. С. Селивановскаго. 1821 г.“, имѣетъ на заглавномъ листѣ надпись ея автора:

„Его высокоблагородію Дмитрію Петровичу Бутурлину. Отъ сочинителя“.

На другой изъ этихъ книгъ, „Опытъ теоріи партизанскаго дѣйствія. Сочиненіе Дениса Давыдова. Изданіе второе. Москва. Въ типогр. С. Селивановскаго, 1822 г.“ (превосходный экземпляръ на веленовой бумагѣ), рукой Давыдова написано:

„Любезному другу Дмитрію Петровичу Бутурлину. Отъ сочинителя“.

Какъ видно, надписи Давыдова весьма неодинаковы.

Цензурное разрѣшеніе первой изъ этихъ книгъ помѣчено 21-го октября 1821 года, изъ чего слѣдуетъ, что Д. В. Давыдовъ сдружился съ Д. П. Бутурлинымъ послѣ этого времени и вѣроятно въ концѣ 1821 г. или началѣ 1822 г. (цензурное разрѣшеніе 2-го изданія помѣчено 5-го іюня 1822 г.), такъ какъ, подаривъ Бутурлину 1-е изданіе своей книги, Давыдовъ, конечно, прислалъ ему второе, появившееся, какъ видно, всего годъ спустя, скорѣе послѣ отпечатанія его, ибо Бутурлинъ, намечатавшій до 1822 г. уже пять военно-историческихъ сочиненій, по всей вѣроятности принадлежалъ къ числу тѣхъ лицъ, о которыхъ Давыдовъ такъ выражается, въ предисловіи къ

¹⁾ Дмитрій Петровичъ Вутурлинъ, 2-й сынъ Петра Михайловича Вутурлина (р. 21-го іюня 1763 г., † 2-го февраля 1828 г.) и жены его Маріи Алексеевны, рожденной княжны Шаховской, родился 30-го апреля 1790 года. Въ молодости служилъ въ Ахтырскомъ гусарскомъ полку, изъ котораго, 19-го февраля 1810 г., переведенъ за отличіе, тѣмъ же чиномъ (корнета), въ кавалергардскій. 25-го января 1816 года Вутурлинъ былъ назначенъ адъютантомъ къ генералъ-адъютанту князю Волконскому, а 1-го іюля 1817 г. елигель-адъютантомъ, продолжая оставаться въ спискахъ кавалергардекаго полка до 1-го января 1824 г., когда онъ былъ произведенъ въ генералъ-майора. (Въ спискахъ полка того времени это Вутурлинъ 2-й, котораго не слѣдуетъ смѣшивать съ его старшимъ братомъ, Михаиломъ Петровичемъ Вутурлинымъ 1-мъ, бывшимъ съ нимъ одновременно какъ адъютантомъ князя Волконскаго, такъ и елигель-адъютантомъ, и находящимся въ спискахъ кавалергардекаго полка съ 3-го іюля 1808 г. по 22-е іюля 1825 г.). Въ 1830 году Д. П. Вутурлинъ оставилъ военную службу и, перейдя на гражданскую, былъ впоследствии Александровскимъ кавалеромъ, дѣйств. тайн. совѣтн., сенаторомъ и членомъ государственнаго совѣта (въ 1840 г.). Въ 1842 г. онъ былъ назначенъ директоромъ с.-петербургской публичной библиотeki и скончался въ этомъ званіи 9-го октября 1849 года. Д. П. Вутурлинъ былъ женатъ на Елизаветѣ Михайловнѣ Комбурлей (р. 13-го августа 1805 г., † 7-го іюля 1859 г.), отъ которой оставилъ сына Петра Дмитріевича, р. 1826 г., и дочь Анну Дмитріевну, за графомъ Павломъ Сергѣевичемъ Строгановымъ. Человекъ отличнаго ума и прекраснаго образованный, Д. П. Вутурлинъ занимался исторіей, преимущественно военною, и оставилъ нѣсколько сочиненій, писанныхъ нѣтъ, напечатанныхъ по русски и по французски въ 1812—1839 гг., подробный списокъ которыхъ приведенъ въ превосходномъ трудѣ Г. Геннади «Словарь русскихъ писателей». Ч. I. Берлинъ. 1876 г. Стр. 120. В. В. Голубцовъ.

этому второму изданію: „нѣкоторые военные люди прислали мнѣ разсужденія свои, исполненныя истины, и я не замедлилъ исправить погрѣшности сего сочиненія“. Разсужденія эти, если Бутурлинъ дѣйствительно участвовалъ въ нихъ, вѣроятно и были причиною сближенія этихъ двухъ участниковъ отечественной войны и измѣнили ихъ взаимныя отношенія съ официальнаго „его высокоблагородію“ на пріятельское „любезному другу“.

Быть можетъ на сближеніе Давыдова съ Бутурлинымъ имѣло вліяніе еще и то, что оба они служили, нѣкогда, въ однихъ и тѣхъ же полкахъ, хотя и въ разное время,—въ Ахтырскомъ гусарскомъ: Бутурлинъ до 1810 г., а Давыдовъ съ 17-го апрѣля 1812 г. (былъ командиромъ этого полка въ 1814 году), и въ кавалергардскомъ: Бутурлинъ съ 19-го февраля 1810 г. по 1-е января 1824 г., а Давыдовъ съ 9-го сентября 1802 г. по 13-е сентября 1804 г. Давыдовъ, кромѣ того, служилъ, какъ извѣстно, до производства въ генераль-майора, въ Лубенскомъ гусарскомъ полку, съ 13-го сентября 1804 г. по 4-е іюля 1806 г., а съ этого времени, до перевода своего въ Ахтырскій гусарскій полкъ, лейбъ-гвардіи въ гусарскомъ (нынѣ его величества) полку, находясь съ 5-го декабря 1806 г. адъютантомъ у князя П. И. Багратиона.

Какъ бы то ни было, изъ вышеприведенныхъ автографовъ нашего знаменитаго партизана видно, что дружба съ Д. П. Бутурлинымъ возникла у него около 1822 года, иначе, если бы вышепомянутыя двѣ книги были посланы Бутурлину обѣ вмѣстѣ, т. е. спустя много времени послѣ выхода ихъ въ свѣтъ, онѣ носили бы болѣе одинаковую надпись.

В. В. Голубцовъ.

24 октября 1884 г.

Село Александровское, Пермской губ.

Къ описанію рукописей А. С. Пушкина.

А. А. ЖАНДРЪ.

Въ „Русской Старинѣ“ изд. 1884 г., т. XLIV, декабрь, стр. 541, помѣщено черновое письмо Пушкина къ какому-то неизвѣстному, какъ сказано въ статьѣ, лицу, съ которымъ, однако-жъ, Пушкинъ былъ на ты. Онъ проситъ его представить кн. Меншикову нѣкоего молодого человѣка Х. съ ходатайствомъ объ опредѣленіи его на службу во флотъ. Это обстоятельство совершенно раскрываетъ личность пушкинскаго корреспондента: ни къ кому другому письмо это не могло быть писано, какъ къ Андрею Андреевичу Жандру, который былъ близко знакомъ съ Пушкинымъ, Жуковскимъ, Вяземскимъ, что не мѣшало ему быть столь же близкимъ, если не болѣе, прителемъ и Гречу. Грибоѣдову онъ былъ другъ, и съ нимъ въ сотрудничествѣ написалъ или, лучше сказать, передѣлалъ съ французскаго въ 1820-хъ годахъ, а можетъ быть и ранѣе, — комедію „Притворная невѣрность“, нынѣ забытую, какъ и всѣ впрочемъ сочиненія Грибоѣдова, кромѣ его знаменитой комедіи. Мнѣ случилось видѣть экземпляръ этой пьесы въ библиотекѣ Лонгинова. (Что сдѣлалось съ этою чрезвычайно любопытною библиотекою и гдѣ она теперь?). Ходатайствовалъ же Пушкинъ предъ нимъ объ опредѣленіи своего protegé во флотъ, потому что Жандръ долгое время считался правымъ рукою кн. Меншикова — тогдашняго начальника главнаго морскаго штаба его императорскаго величества, былъ директоромъ его канцеляріи, потомъ, сколько помню, членомъ адмиралтействъ-совѣта (хотя онъ былъ статскій); онъ умеръ въ глубокой старости, лѣтъ 10, 12 тому назадъ не болѣе, въ званіи сенатора и чинѣ дѣйств. тайн. совѣтника. У него находилась подлинная рукопись „Горе отъ ума“, подаренная ему Грибоѣдовымъ; въ этой комедіи есть точка (.), принадлежащая князю П. А. Вяземскому, не мало посодѣйствовавшая сохраненію общаго тона въ этомъ безсмертномъ сочиненіи. Вяземскій не очень задалго до своей смерти и до смерти Лонгинова писалъ сему послѣднему, кажется въ 1874 году, что онъ радуется тому, что въ „Горе отъ ума“ есть его собственная, если не капля меду („И моего тутъ капля меду есть“), такъ по крайней мѣрѣ точка, кстати поставленная. Вотъ въ чемъ дѣло: во II дѣйствіи, въ сценѣ паденія Молчалина съ лошади, Чацкій, возмущенный обморокомъ Софьи, говорить (какъ было написано прежде): „желалъ бы съ нимъ убится для кампаньи“. Вяземскій, съ обычною ему тонкостію критика, замѣтилъ, что это послѣднее слово слишкомъ тривиально и вовсе не соответствуетъ негодующему чувству Чацкаго; Грибоѣдовъ съ нимъ вполне согласился и тогда кн. Вяземскій поставилъ точку послѣ словъ: „желалъ бы съ нимъ убится“, а слово „для кампаньи“ отнесъ въ реплику Лизы.

P.

БИБЛИОТЕКА ИЗЪ ТРУДОВЪ ПИТОМЦЕВЪ

ИМПЕРАТОРСКАГО АЛЕКСАНДРОВСКАГО ЛИЦЕЯ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГЪ

19-го октября 1884 г.

Ровно пять лѣтъ тому назадъ, 19-го октября 1870 г., въ лицей было положено основаніе устройству Bibliothecae Puschkinianae. Благодаря трудамъ и попеченіямъ лицъ, принявшихъ участіе въ этомъ дѣлѣ, благодаря въ особенности неутомимой энергіи и обширнымъ библиографическимъ свѣдѣніямъ покойнаго инспектора лицея, В. В. Никольскаго, эту мысль можно считать выполненною, такъ какъ для полноты библиотеки не достаётъ всего нѣсколькихъ изданій, представляющихъ большую библиографическую рѣдкость.

Пушкинъ—лучшая слава лицея. Геніемъ Пушкина лицей гордится вмѣстѣ со всею Россіей. Но справедливо ли было бы забывать намъ о другихъ, болѣе скромныхъ дѣятеляхъ литературы и науки, воспитанныхъ лицеемъ?

Устроивъ Пушкинскую библиотеку, лицей не долженъ останавливаться на этомъ. Въ настоящее время появилась мысль образовать при лицей такую библиотеку, въ которую входили бы сочиненія всѣхъ, безъ исключенія, бывшихъ лицейстовъ. Эта мысль не лишена глубокаго значенія. Осуществленіе ея представило бы собою всю сокровищницу знаній, внесенную въ общество питомцами нашего заведенія; оно могло бы послужить для оцѣнки лицея, какъ явленія общественной жизни; наконецъ, оно дало бы богатый матеріалъ для исторіи лицея.

Мы не хотимъ скрывать отъ себя всей трудности, которую представляетъ это дѣло, уже въ силу своей новизны, такъ какъ такой библиотеки нѣтъ еще ни при одномъ учебномъ заведеніи; мы однако твердо убѣждены, что при горячемъ сочувствіи, съ которымъ бывшіе лицейсты относятся къ своей alma mater, она все-таки выполнима. Не рассчитывая на свои собственныя силы, мы рѣшаемся обратиться

съ просьбою ко всѣмъ бывшимъ лицейстамъ оказать намъ содѣйствіе въ этомъ многосложномъ и трудно выполнимомъ дѣлѣ какъ пожертвованіями, такъ и библиографическими указаніями.

Въ составъ библиотеки должны войти:

- 1) всѣ отдѣльныя изданія сочиненій бывшихъ лицейстовъ;
- 2) всѣ альманахи, сборники и періодическія изданія, въ которыхъ были помѣщаемы сочиненія ихъ;
- 3) важнѣйшія сочиненія о нихъ, ихъ біографіи, мемуары, разборы произведеній и т. д.

Всѣ желающіе принести посильныя пожертвованія, или дать какія либо указанія, благоволятъ обращаться къ начальству лицея.

19-е октября 1879 г. останется навсегда памятнымъ днемъ въ лѣтописяхъ лицея, какъ день основанія Пушкинской библиотеки; пусть же 19-е октября 1884 года ознаменуется основаніемъ библиотеки, еще болѣе обширной и всеобъемлющей, Bibliothecae Liceianaе.

НЕОСТОЯВШИЙСЯ БРАКЪ.

НАРОДНОЕ ПРЕДАНИЕ.

Изъ нѣдръ земныхъ пробилась Волга
И потянула на Ураль,
Гдѣ мѣдь, и серебро, и золото
Подземный богъ для ней ковалъ.
А тамъ, за грудью исполина,
Ей путь лежалъ до тѣхъ морей,
Которымъ нѣтъ нигдѣ границы,
Гдѣ бѣный властвуетъ Борей.
Но съ первыхъ дней пошли дѣтишки:
Молога, Шексна и Унжа...
Провѣдавъ замысль опасный,
Лепечуть, съ холода дрожа:
„Зачѣмъ, родная, намъ пускаться
Въ такую глушь, въ такую даль?
Тамъ вѣчный холодъ и безхлѣбье...
Неужли насъ тебѣ не жаль?
И безъ того мы терпимъ горе:
Снѣдь — черный хлѣбъ, да лебеда,
Полгода ледъ... сестеръ все больше ..
И впереди — одна нужда...
Взгляни на югъ — теплякъ навал!
Арбузы, пшеница, виноградъ,
И море ближе; женихами
Весь край полуденный богатъ:
Широкий Днѣпръ съ Днѣстромъ и Бугомъ,
Красавецъ Донъ съ своимъ добромъ;
И ты обзаведешься другомъ,
И мы друзей себѣ найдемъ“.
Попривадушалася Волга,
Вперивъ на югъ пыливый взглядъ,
И видитъ, что въ морямъ недалнимъ
Борцы отважны слѣшать...
Одинъ изъ нихъ красы красивой,
Богаче всякихъ богатей,
Себѣ онъ русло прочищаетъ
Напоромъ рыцарскихъ плечей.
Вокругъ него поля и нивы,

Пшеница, зелень-виноградъ
 И солнца яркіе отливны
 Его поверхность золотятъ.
 И приглянулся хмурой Волгѣ
 Красавца Дона статный видъ
 И, какъ сирена, сладкогласно
 Ему мать-рѣчка говорить:
 „Здорово, храбрый Донъ Иванычъ,
 Куда, красавецъ, такъ спѣшишь,
 Съ такимъ упорствомъ покидаешь
 Ты нашу сѣверную тишь?
 Постой. И я имѣю въ думкѣ
 Пуститься съ дѣтками на югъ,
 Лишь только-бъ ты своимъ согласьемъ
 Меня потѣшилъ, юный другъ.
 Вѣдь одиночество не сладко —
 И ты, какъ вижу, одинокъ...
 Не хочешь-ли, на диво свѣту,
 Составимъ общій мы потокъ —
 И сивій, сѣдовласый Каспій
 Въ объятія приметъ насъ свои —
 Тамъ проведемъ мы въ наслажденьи
 Минуты первая любви...
 Но въ немъ жить долго станетъ скучно;
 Насъ старику не удержать...
 Мы къ сторонѣ земного рая
 Своихъ дѣтей поднимемъ рать.
 Достигнуть скоро океана,
 Гдѣ дышетъ вѣчною весной,
 Наполнимъ міръ своею славой
 И опояшемъ шаръ земной —
 Кто противъ насъ тогда? Покуда-жъ
 Господь благословитъ нашъ бракъ —
 Прими моихъ холодныхъ дѣтокъ
 Въ благословенный твой очагъ,
 Прими, и я — твоя рабыня!“
 Встряхнулъ кудрями юный Донъ,
 Своей далекой чародѣйкѣ
 Отвѣсилъ низкій онъ поклонъ
 И отвѣчалъ: „спасибо, Волга,
 И за любовь, и за привѣтъ —
 Я вѣрю имъ. Разумнымъ мыслямъ
 Сопротивляться мнѣ не слѣдъ.
 Твой сѣверъ — врагъ свободной долѣ,
 Въ немъ мѣста нѣтъ сынамъ степей;
 Я чую въ немъ страну неволи —
 И свистъ кнута, и лязгъ цѣпей.
 Пусть идутъ дѣтки поскорѣ:
 Есть тѣмъ мнѣ всякому помочь;
 Я никогда съ полей родимыхъ

Не гнать нуждающихся прочь".
 И быстро Волга повернула
 На юг; Донъ принялъ на востокъ,
 Старая юношеской страстью
 Соединить съ ней свой потокъ.
 Пока невѣста разрывала
 Глухую степь, гдѣ нынѣ спятъ
 Симбирскъ, Саратовъ и Самара,
 Не видя этому преградъ,
 А Донъ, подругу поджидая,
 Средь Бременскихъ гранитныхъ скалъ,
 Какъ у дверей запертыхъ рая,
 Двойною скукой изнывалъ, —
 Явились волгины дѣтишен
 Покушать южнаго добра.
 Ока, Унжа, молодца-Кама,
 Ветлуга, Шекона и Сура ..
 И скоро сталъ хозяинъ гостемъ,
 А гости такъ вступили въ роль,
 Что, мнилось, дымомъ самымъ ѣдимъ
 Ихъ не повекурить отголъ.
 „Но, ладно, думаетъ красавецъ,
 Не въ этомъ сила; я—люблю
 И съ „ней“ когда соединюся—
 Добра я снова накоплю“.
 Межъ тѣмъ что годъ, то и утрата:
 Погибла дѣвственность полей,
 Зачахли собственныя дѣти
 Отъ жгучихъ, солнечныхъ лучей;
 Преданьемъ сдѣлалась пшеница,
 Напрасенъ сталъ и тяжкій трудъ...
 Одной лишь батюшкиной страстью
 Хоперь съ Медвѣдицей живутъ!
 Но вотъ предѣлъ нѣмымъ страданьямъ
 Двухъ очарованныхъ друзей:
 Ихъ ложе брачное готово
 Средь Царицынскихъ полей...
 Донъ скалы рветъ, невѣста-Волга,
 Волною мутной шелеста,
 Ему объята посмываетъ
 Какъ шаловливое дитя.
 Единный мигъ—и нѣтъ преграды...
 Повуда-жъ длился этотъ мигъ
 И Донъ главой своей покорной
 Передъ невѣстою поникъ,—
 Одна изъ дочекъ загулявшихъ,
 Счастливо-мудрая Ока,
 Юркнула къ матери и, взявшись
 За ожирѣвшіе бока,
 Шепнула ей: „напрасно, matka,

Идемъ мы съ рыцаремъ въ союзъ:
 Онъ нагъ и босъ, лишь въ правду вѣрить,
 Да не измѣнишь и не трусь...
 Изъ этихъ качествъ благородныхъ
 Шубенки нынѣ не сошьешь—
 И намъ на правду опираться
 Едва ли лучше, чѣмъ на ложь.
 У Дона то-жъ явились дѣтен,
 Должно быть съ праведныхъ трудовъ,
 А прокормить такую стаю
 Не хватить всѣхъ земныхъ плодовъ...
 Да и къ чему вслать неволи?
 Пойдемъ дорогою своею,
 А Донъ пойдетъ своею дорогою
 Среди обглоданныхъ стѣнъ.
 Мы похозяйничали важно—
 Пора и честь сестрицамъ знать!
 Прослушавъ дочку со вниманьемъ,
 Слегка задумалась мать.
 „И впрямь! въ отвѣтъ сказала тихо,
 Безъ Дона мы не пропадемъ:
 Насъ Каспій выручить сердитый
 Съ двухъ странъ награбленныхъ добромъ,—
 Идетъ!“ И къ Дову обратила
 Свое ехидное лицо,
 А онъ ступалъ уже проворно
 На вожделинное крыльцо...
 „Остановись, мой храбрый рыцарь,
 Сказала Волга жениху,
 Хоть смутно, чула давно я,
 Что быть тяжелому грѣху:
 Я далеко тебѣ не пара—
 Ты храбрый воинъ, я—вдова,
 Старуха, скучная ворчунья,
 Дѣтей кормлю своихъ едва...
 Промаясь какъ забудь одна я,
 За честь спасибо, мой родной!“
 И ёрuto къ Каспю свернула,
 Бивнувъ страдальцу головой.
 Не взвидѣвъ отъ изъѣмъ свѣта,
 Донъ шлетъ проклятье ей во слѣдъ.
 На мѣсто прежняго привѣта—
 Глядитъ—въ проклятыя слѣдъ вѣтъ!
 И богатырь наирагъ послѣдній,
 И слезъ и крови полный, валъ
 И къ персямъ лужи Меотійской
 Онъ, какъ прострѣленный, упалъ...

А. А. Карасевъ.

Г. Новочеркасскъ.

ЗАПИСКА О ВОЗОБНОВЛЕНІИ ПАМЯТНИКА НА ОБЩЕЙ МОГИЛѢ

ВОЛЫНСКАГО, ЕРОПКИНА И ХРУЩОВА

† 27 іюня 1740 г.

I.

На обширномъ и давно уже упраздненномъ кладбищѣ на Выборгской сторонѣ, близъ церкви Сампсонія, находится вполне историческая могила трехъ государственныхъ дѣателей XVIII вѣка: кабинетъ-министра Артемія Петровича Волынскаго, Петра Еропкина и Андрея Федоровича Хрущова, павшихъ, какъ извѣстно, жертвою злобы Бирона и погребенныхъ здѣсь послѣ казни 27 іюня 1740 года.

Въ слѣдующемъ же 1741 году признана была несправедливость этой казни, каковое признаніе выразилось тѣмъ, что какъ дѣти ихъ, такъ и всѣ близкіе къ казненнымъ люди, одновременно, такъ или иначе, пострадавшіе, были немедленно возвращены изъ ссылки, восстановлены въ прежнихъ званіяхъ и отличіяхъ. Дочери же Волынскаго настолько приближены ко двору императрицы Елисаветы Петровны, что выходили замужъ за лицъ, по положенію и родству близкихъ къ царствовавшей государынѣ императрицѣ. Такъ, Марія Артемьевна сочеталась бракомъ съ генераль-поручикомъ графомъ Иваномъ Илларионовичемъ Воронцовымъ, Анна Артемьевна—съ дѣйствительнымъ камергеромъ графомъ Андреемъ Симоновичемъ Гендриковымъ, двоюроднымъ братомъ императрицы Елисаветы Петровны.

Какъ императрица Елисавета, такъ въ особенности императрица Екатерина II почтили знаками особаго вниманія и сердечнаго сочувствія дѣтей и близкихъ невиннаго страдальца [Артемія Волынскаго.

Несправедливость гоненія, какія претерпѣлъ Волынскій отъ Бирона, жестокая казнь кабинетъ-министра окружили его имя въ памяти императрицы Екатерины II свѣтлымъ ореоломъ, скрывшимъ многія темныя стороны личнаго характера этого знаменитаго сподвижника великаго преобразователя Россіи—Петра I. Такое сочувствіе и вниманіе особенно сильно выражено императрицею Екатериною II, въ запискѣ, напечатанной съ подлинника въ «Сборникѣ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества» изд. 1872 г., томъ X, стр. 56—57, между про-

чими документами, изданными этимъ обществомъ, имѣющимъ счастье состоять подъ Августѣйшимъ покровительствомъ Его Императорскаго Величества Государя Императора.

Въ этой запискѣ, великая государыня, между прочимъ, замѣчаетъ, что Волинскій по собственному приказанію императрицы Анны Ивановны: «сочинилъ проектъ о поправленіи внутреннихъ государственныхъ дѣлъ, который онъ ей и подалъ. Осталось ей полезное употребить, неполезное оставить изъ его представленія. Но, напротивъ того, его злодѣи (герцогъ Биронъ), и кому его проектъ не понравился, изъ того сочиненія вытянули за волосы, такъ сказать, и взвели на Волинскаго измѣннической умысль, чего отнюдь на дѣлѣ не доказано». И далѣе: «Волинскій былъ гордъ и дерзостенъ въ своихъ поступкахъ, однако не измѣнилъ; но напротивъ того былъ добрый и усердный патріотъ и ревнителенъ къ полезнымъ поправленіямъ своего отечества, и такъ смертную казнь терпѣлъ бывъ невиненъ».

Такимъ образомъ въ XVIII же вѣкѣ, скоро послѣ смерти Волинскаго, признана была его невинность съ высоты трона.

Затѣмъ въ XIX столѣтіи, въ средѣ русскаго общества та же личность Волинскаго и его сострадаельцевъ окружены были поэтическимъ ореоломъ и Волинскій послужилъ героемъ какъ поэтическихъ Дулъ одного изъ талантливейшихъ поэтовъ эпохи Александра I, такъ вслѣдъ затѣмъ извѣстнаго романа Лажечникова «Ледяной домъ», появившагося въ 1835 г. Въ этомъ романѣ, имѣвшемъ большой успѣхъ въ русскомъ обществѣ, эпохи императора Николая Павловича, Волинскій воскресъ въ памяти потомства, хотя въ сильно изукрашенномъ видѣ.

Романъ этотъ произвелъ въ свое время весьма сильное впечатлѣніе и обратилъ вниманіе его читателей и въ особенности читательницъ въ Петербургѣ на могилу Волинскаго. Ограда храма Самсонія Страннопріимца, съ упраздненнымъ за нимъ кладбищемъ, сдѣлалась на нѣкоторое время мѣстомъ любознательнаго паломничества. Обоимъ пола жители столицы начали посѣщать до той поры почти невѣдомую могилу Волинскаго.

II.

На могилѣ этой, въ первые же годы царствованія императрицы Елисаветы Петровны, дѣтми бывшаго кабинетъ-министра Волинскаго поставленъ былъ памятникъ. При Екатеринѣ II, памятникъ этотъ былъ обновленъ, но въ настоящее время представляетъ собою совершенную развалину.

Памятникъ состоитъ изъ каменной плиты, перетрескавшейся въ куски

и нанскось вросшей въ землю; въ могилѣ погребены трое, а между тѣмъ плита занимаетъ пространство не болѣе какъ въ $1\frac{1}{2}$ аршина въ длину и около $\frac{3}{4}$ аршина въ ширину. На плитѣ стоитъ цоколь изъ желтоватаго плитняка, на немъ желобчатая колонка изъ цѣлаго камня и на ней была урна бѣлаго мрамора. Урна эта давно уже исчезла, колонка пообвалилась, а на плитѣ сохранилась полуистершаяся слѣдующая надпись:

„Во имя въ трехъ лицахъ
 Единого Бѣга
 Здѣ лежитъ Артемеі
 Петровичъ Волинскі
 Которі жизни своея
 мѣлъ годъ
 Преставися юня
 27 дня 1740 году
 Ту же погребен
 Андрей Ѳ(едоровичъ)
 Хрущовъ и . . . тръ
 Еропкинь.

Въ историческомъ журналѣ «Русская Старина», въ маѣ 1883 г., появилось описаніе общей могилы Волинскаго, Еропкина и Хрущова, съ нѣкоторыми по поводу ея историческими данными и съ приложеніемъ рисунка. Статья эта обратила на себя вниманіе нѣкоторыхъ почитателей русскихъ историческихъ дѣятелей, которые прислали взносы на возобновленіе полуразрушеннаго памятника, безспорно составляющаго одну изъ историческихъ достопримѣчательностей города С.-Петербурга и по самому своему положенію близъ храма, воздвигнутаго Петромъ Великимъ въ память Полтавской побѣды.

Вслѣдъ за помянутою статью непрерывно стали поступать взносы на тотъ же предметъ, что и подало мысль редакціи «Русской Старины» печатать ежемѣсячно въ своемъ изданіи о поступленіи сихъ взносовъ. Общая ихъ сумма къ 1-му январю 1885 г. достигла до 1,789 руб. Первоначально имѣлось въ виду, подправя нынѣ существующій памятникъ, обнести оный желѣзною рѣшеткой, вмѣсто крайне безобразныхъ жердей, нынѣ окружающихъ могилу. Между тѣмъ оказалось, что и въ средѣ С.-Петербургской Городской Управы давно уже было обращено вниманіе на необходимость привести въ порядокъ, какъ историческій памятникъ, могилу Волинскаго, такъ и прилегающій къ ней пустырь, бывшій еще во второй половинѣ XVIII вѣка кладбищемъ. Городской голова, д. ст. сов. Иванъ Ильичъ Глазуновъ, и камергеръ двора Его Величества д. ст. сов. С. С. Благово давно уже обращали вниманіе на необходимость этого улучшенія. Такимъ образомъ вслѣд-

ствіе ихъ настоянія былъ убранъ большой общественный ретирадникъ, весьма грязно содержавшійся у самаго входа за церковную ограду, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ упомянутой могилы Волинскаго.

При взаимномъ желаніи возобновить памятникъ на могилѣ Волинскаго и привести въ порядокъ мѣстность, къ нему прилегающую, образовался кружокъ лицъ, взявшихъ на себя обсудить вопросъ о возобновленіи памятника Волинскаго. Въ этотъ кружокъ или комитетъ вошли: гг. И. И. Глазуновъ, М. И. Семевскій, С. С. Благово, Я. А. Брусовъ, академики Н. Л. Бенуа, М. О. Микѣшинъ; проф. археологич. живописи Ѳ. Г. Солнцевъ, проф. архитектуры М. А. Щуруповъ, проф. историч. живописи В. И. Якобій; художники: А. Н. Трусовъ, А. Н. Ковако (владѣл. гальванопласт. заведенія), А. А. Баряновъ, и сотрудники журнала «Русская Старина»—И. И. Ореусъ, Н. Г. Крыловъ и И. Н. Божеряновъ.

Этотъ комитетъ, разсмотрѣвъ нѣкоторые проекты и эскизы памятника на могилѣ Волинскаго, остановился на проектѣ профессора Щурупова и призналъ возможнымъ осуществитъ сей проектъ.

III.

Сущность проекта проф. М. А. Щурупова состоитъ въ слѣдующемъ: памятникъ имѣеть видъ пирамидальнаго монолита, вышиною пять арш., приподнятаго на плитномъ фундаментѣ и насыпи еще на одинъ арш.; къ пьедесталу его примыкаетъ саркофагъ, изъ подножія котораго, въ свою очередь, выступаютъ внаружу меньше два саркофага, выходя всего одною четверью своей величины и украшенные вѣнками. Такимъ образомъ основаніе памятника показывается, что здѣсь находится не одна, а три могилы. Въ средней части памятника съ лѣвой стороны помѣщается барельефъ, представляющій женскую фигуру — богиню исторіи, держащую въ рукахъ пальмовую вѣтвь и свитокъ съ начертанными на немъ строками изъ записки императрицы Екатерины II:

— „Волинскій былъ добрый и усердный патриотъ и ревнительъ къ полезнымъ поправленіямъ своего Отечества“.

(Слова императрицы Екатерины II, 1785 г.)

Ниже этихъ строкъ два стиха:

..... будетъ живъ
Въ сердцахъ и памяти народной.

(Дума: «Воднискій», 1833 г.)

Ниже свитка, къ правому углу барельефа, изображена урна съ числомъ и годомъ кончины: «27-го іюня 1740 года», и подъ нею змѣя,

как аллегорія зла. Надъ нею находится горящій свѣтильникъ—олицетворяющій правду, обвитый оливковымъ деревомъ въ знакъ примиренія съ прошлымъ.

На обратной сторонѣ барельефа на памятникѣ предполагается исполнить контуръ прежняго монумента на могилѣ Волынскаго, и подъ нимъ надпись, находящуюся на плитѣ его, такъ какъ послѣдняя настолько попорчена временемъ, что при поднятіи ея она неминуемо рассыплется на части.

Верхняя часть памятника, украшенная полукруглымъ фронтономъ, заканчивается валютами, обращенными вверхъ; въ срединѣ помѣщенъ гербъ Волынскаго, на щитѣ котораго находится одинъ лишь крестъ—словно нарочно поставленный къ нему судьбой, въ ознаменованіе несенія тяжелаго креста, ниспосланнаго на долю Волынскаго. Такое соображеніе заставило художника украсить памятникъ Волынскаго именно его гербомъ.

На бокахъ памятника находятся потухающіе факелы, обращенные огнемъ внизъ; кругомъ саркофага предполагается сдѣлать надпись именъ тѣхъ лицъ, по почину, заботами и иждивеніемъ которыхъ сооруженъ настоящій памятникъ.

По обсужденію вопроса изъ какого матеріала осуществить сей проектъ, высказано было, что произвести его изъ гранита будетъ слишкомъ дорого, да и самый гранитъ, вывѣтривающійся при нашемъ климатѣ, не представляетъ еще полного ручательства за прочность и долговременность сооруженія. Частью поэтому, но главнымъ образомъ въ виду недостаточности фонда, собраннаго на памятникъ (къ 1 январю 1885 г. 1,789 руб.), необходимости удешевить сооруженіе онаго и для того, чтобы не откладывать на неопредѣленное время вполне доброе дѣло, признано было—20-го октября 1884 г.—возможнымъ отлить памятникъ изъ цинка, съ нарощеніемъ на него мѣди, и поставить его на гранитномъ цоколѣ, который, въ свою очередь, положить на плитномъ фундаментѣ.

Художникъ А. Н. Трусовъ взялъ на себя отливку монумента изъ цинка; при чемъ, во вниманіе къ тому, что этотъ памятникъ создается въ честь историческихъ русскихъ дѣятелей, изъявилъ готовность взять эту работу съ значительною уступкою противъ дѣйствительной стоимости такого сооруженія, а именно: за тысячу четыреста шестьдесятъ одинъ рубль (1,461 руб.).

Академикъ М. О. Микѣшинъ выразилъ готовность бесплатно вылѣпить весь барельефъ по рисунку проф. М. А. Шурупова.

С.-Петербургскій первой гильдіи купецъ Я. А. Брусовъ еще ранѣе выразилъ желаніе поставить гранитный пьедесталь, а равно принялъ

на себя бесплатно же постановку бута и плитняка для фундамента, равно какъ исполнить и всю земляную работу при сооруженіи основанія монумента.

А. Н. Ковако съ своей стороны изъявилъ готовность безвозмездно на своемъ гальванопластическомъ заведеніи исполнить, если то понадобится, гербъ и барельефъ на памятникѣ.

П. Н. Собенниковъ (владѣлецъ кузнечнаго и слесарнаго заведенія) вызвался выковать, бесплатно же, изъ желѣза въ своей мастерской рѣшетку вокругъ памятника, по рисунку профес. Ѳ. Г. Солнцева.

С. С. Благово принялъ на себя наблюденіе за разбивкой вокругъ памятника садика.

Такимъ образомъ, настоящее дѣло можно считать вполне подготовленнымъ и можно надѣяться, что историческая могила бывшего сподвижника Петра I, а затѣмъ кабинетъ-министра императрицы Анны Іоанновны, Артемія Волынскаго, а также представителей родовитыхъ фамилій, памятныхъ своими заслугами отечеству и государямъ: Петра Еропкина и Андрея Ѳедоровича Хруцова будетъ увѣковѣчена вполне достойнымъ ихъ памяти монументомъ.

Ред.

О ВОЗОВНОВЛЕНІИ ПАМЯТНИКА НА ОБЩЕЙ МОГИЛѢ

АРТЕМІЯ ВОЛЫНСКАГО, ЕРОПКИНА И ХРУЦОВА

† 27-го іюня 1740 г. ¹⁾.

Поступило пожертвованій на возобновленіе сего памятника:

Отъ полковника Ильи Федоровскаго (изъ г. Одессы), 13 декабря 1884 г.	5 руб.
„ Ивана Котляревскаго (изъ Екатеринбурга), 14 декабря 1884 г.	20 „
„ Г. А. Залюбовскаго (изъ г. Екатеринослава), 15 декабря 1884 г.	1 „
„ Н. П. Конопатова (изъ Москвы) 16 дек. 1884 г.	100 „
<hr/>	
А съ прежде поступившими всего . .	1,789 руб.

¹⁾ См. „Русскую Старину“ изд. 1883 г., томъ XXXVIII, май, стр. 464—471; томъ XL, октябрь и ноябрь, стр. 269—271 и 498; декабрь, стр. 723—724; изд. 1884 г., т. XLI, январь, стр. 224; февраль, стр. 460; мартъ, стр. 666; т. XLII, апрѣль, стр. 221; май, стр. 407; іюнь, стр. 671; т. XLIII, августъ, стр. 448; сентябрь, стр. 676; т. XLIV, октябрь, стр. 194; ноябрь, стр. 444; декабрь, стр. 624.

† 23-го ноября 1881 г.

ТРЕТЬЯ ГОДОВЩИНА СМЕРТИ

НИКОЛАЯ ИВАНОВИЧА ПИРОГОВА

1881 ^{НОЯБРЯ} ₂₃ 1884.

Чтеніе Юсифа Васильевича Бертенсона въ засѣданіи соединенныхъ Пироговскаго
и С.-Петербургскаго Медицинскаго обществъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1884.

О ПРАВСТВЕННОМЪ МІРОВОЗЗРѢНІИ Н. И. ПИРОГОВА.

Читано докторомъ І. В. Бертенсономъ въ торжественномъ засѣданіи
23-го ноября 1884 года.

Сегодня минуло три года со дня смерти Николая Ивановича! Установившійся въ с.-петербургскомъ медицинскомъ обществѣ, впервые, обычай: въ соединенномъ засѣданіи съ Обществомъ врачей, носящимъ его имя, вызывать, ежегодно въ день кончины, въ памяти свѣтлый образъ усопшаго,—само собою свидѣтельствуетъ не только о благоговѣйномъ уваженіи къ памяти о немъ, но говоритъ краснорѣчиво и о томъ, какой глубокой слѣдъ оставилъ Николай Ивановичъ въ общественномъ сознаніи...

Опредѣлить значеніе Пирогова какъ ученаго, мыслителя и знаменитаго хирурга, указать на заслуги его въ дѣлѣ образованія и воспитанія, сдѣлать оцѣнку началъ, внесенныхъ имъ въ основу народной школы—принадлежить будущему. Изъ сокровищницы многочисленныхъ его трудовъ, оставленныхъ имъ намъ, въ числѣ которыхъ нынѣ печатающіяся въ «Русской Старинѣ» посмертныя Записки его, составляющія, по словамъ почтеннаго редактора этого журнала, — чуть ли не событіе — дана возможность почерпнуть поучительныя знанія старику и юношѣ, вѣрующему и сомнѣвающемуся, крѣпкому и слабому духомъ, писателю и ученому... Посмертный трудъ Николая Ивановича коснулся многихъ важныхъ вопросовъ жизни и дастъ надолго поводъ къ глубокому размышленію; и чѣмъ распространеніе сдѣлаются воззрѣнія его на жизнь и на нравственныя основы ея,—тѣмъ глубже и глубже виѣдрятся въ сознаніе нашего Общества великія заслуги, оказанныя имъ отечеству.

Въ первыхъ главахъ этихъ Записокъ, напечатанныхъ въ сентябрьской, октябрьской и ноябрьской книгахъ «Русской Старины» за текущій годъ, мы знакомимся, впервые, съ нравственнымъ міросо-

зерпаніемъ автора. Съ свойственною Николаю Ивановичу правдивостью, простотою и глубиною мыслей, неподражаемою ясностію и образностью изложенія, онъ вводитъ читателя въ міръ отвлеченнаго мышленія, съ перваго момента поглощающаго все вниманіе его. Читая эту часть Записокъ, забываешь, по словамъ «Русской Старины», что онѣ «выливаются изъ подъ пера и, потомъ, карандаша человѣка, мучимаго страшнымъ недугомъ, обреченнаго близкой смерти, ясно сознающаго это и—съ стойкостью величайшаго философа—ее ожидающаго!»

Записки о жизни въ Москвѣ и Дерптѣ писались Николаемъ Ивановичемъ съ 12-го сентября по 1-е октября 1881 г. — въ дни страданія...

Dies illae, dies irrae—воскликаетъ умирающій Николай Ивановичъ и присовокупляетъ:

«Благодарю Господа Бога, что страданія не лишили меня способности живо вспоминать старое, думать и писать. Да будетъ воля святая Твоя!»

М. Г.! Да позволено мнѣ будетъ на нѣкоторое время занять ваше вниманіе сегодняшній вечеръ краткимъ, по возможности, изложеніемъ нравственнаго міровозрѣнія Николая Ивановича послѣ того, какъ мы только что молились объ успокоеніи души дорогого усопшаго...

«Нашъ вѣкъ извѣрился», восклицаютъ нерѣдко, въ наше время, то тутъ, то тамъ наши доморощенные мыслители и непрошенные руководители общественнаго мнѣнія. Благодаря этому напускному безвѣрью, и отрицательнымъ, крайне непригляднымъ, сторонамъ современной общественной жизни, наука и знаніе сдѣлались какимъ-то пугаломъ, отъ котораго чуть не отрещиваются нынѣ и нѣкоторые передовые люди въ сферѣ нашей общественной дѣятельности.

Но никакое знаніе вообще не подвергалось у насъ болѣшей опалѣ, какъ естествознаніе и никакое прикладное знаніе послѣдняго не вызывало на себя, въ частности, такихъ горькихъ нареканій, какъ медицина. Еще свѣжи въ памяти событія, повліявшія на существованіе у насъ высшихъ женскихъ врачебныхъ курсовъ, приведшія ихъ нынѣ къ медленной агоніи...

Растлѣвающая, по мнѣнію многихъ, нравственность молодыхъ людей наука наша, развѣянчанная и какъ бы приниженная, терпитъ лишь въ силу необходимости и съ нею вмѣстѣ представители и адепты ея... Не говоря уже о слабой логикѣ подобнаго возрѣнія на нашу науку, врачу достаточно на сто хорошихъ качествъ обнаружить лишь одно сомнительное, или отрицательное, чтобы на него посыпались нападки и упреки въ материализмѣ, безчеловѣчій, корыстолюбіи и въ атеизмѣ.

Въ понятіяхъ большей части публики вѣрующій врачъ есть мономанъ и, съ легкой руки Тургенева, Базаровъ представляется родовымъ типомъ молодежи, посвящающей себя изученію медицины.

Не набѣгъ этихъ нарѣканій и Николай Ивановичъ при жизни, и даже послѣ смерти...

Но достаточно остановиться на приводимомъ, въ названныхъ Запискахъ, рассказѣ Пирогова о слишкомъ 40 лѣтъ тому назадъ имъ оперированномъ старикѣ, чтобы убѣдиться сколько тенденціозной лжи относительно его нравственныхъ качествъ разносили по міру его антагонисты...

„Только однажды“, — рассказываетъ авторъ Записокъ, — „я такъ грубо ошибся при изслѣдованіи больного, что, сдѣлавъ литотомію, не нашелъ камня. Это случилось, именно, у робкаго и богобоязненнаго старика; раздосадованный на свою оплошность, я былъ такъ неделикатенъ, что измученнаго больного нѣсколько разъ послалъ въ чорту.

— „Какъ это вы Бога не боитесь“, произнесъ онъ томнымъ, умоляющимъ голосомъ, „и призываете нечистаго злого духа, когда только имя Господне могло бы облегчить мои страданія“.

„Какой урокъ, — говоритъ Пироговъ, — въ этихъ словахъ страдальца; и ихъ, какъ будто, и теперь еще слышу. Да, и мнѣ приходится, вспоминая прошедшее, нерѣдко относиться охая къ жизни и повторять слышанное, однажды, восклицаніе стараго капитана, страдавшаго непроходимую стриктурою и свищами мочевого канала. Измученный тщетнымъ позывомъ на мочу, трясая и всхлипывая, онъ, съ разстановкою, выкрикивалъ: „охъ, охъ, ты жизнь матушка!“

Но не только о больномъ, оперированномъ имъ старикѣ Пироговъ вспоминаетъ съ глубокою скорбію; ему тяжело вспоминать о тѣхъ вивисекціяхъ и операціяхъ, въ которыхъ онъ, «по незнанію, по неопытности, легкомыслію или, Богъ знаетъ, почему», заставлялъ животныхъ мучиться понапрасну. «Да, самая ѣдкая хандра есть та», — говоритъ онъ, — «которая наводитъ воспоминанія о насиліяхъ, нанесенныхъ нѣбогда чужому или собственному чувству. Какъ бы равнодушно мы не насиловали чувствъ другого, никогда не можемъ быть увѣрены, чтобы это насиліе не отразилось, рано или поздно, на нашемъ собственномъ чувствѣ». Лѣтъ 30 тому назадъ самъ Николай Ивановичъ счелъ бы сказанное фразологією. «Я, говоритъ онъ, считалъ всякую жалость къ страданіямъ собаки при вивисекціяхъ, а еще болѣе привязанность къ животному, одною нелѣпною сантиментальностію. Но время все измѣняетъ—присовокупляетъ онъ—и я, нѣкогда безъ всякаго состраданія къ мукамъ (хлороформа тогда еще не знали), дѣлавшій ежедневно десятки вивисекцій, теперь не рѣшился бы и съ хлороформомъ рѣзать собаку изъ-за одного научнаго любопытства»...

«Когда моя Лядка» (любимая собаченка Николая Ивановича), продолжаетъ онъ, «околѣвала въ страданіяхъ, устремивъ на меня свои глазенки, стонала и, не смотря на муки, выражала мнѣ привѣтъ легкими движеніями хвоста,—во мнѣ, съ жалостью къ любимой собаченкѣ, пробудились воспоминанія о мученьяхъ, причиненныхъ мною, лѣтъ 30—40 тому назадъ, цѣлымъ сотнямъ подобныхъ Лядкѣ животныхъ,—и мнѣ стало невыносимо тяжело на душѣ»...

Читая эти строки, наше молодое учащее и учащееся поколѣніе, по всей вѣроятности, найдетъ ихъ по меньшей мѣрѣ смѣшными, а многие, пожалуй, усмотрятъ въ словахъ Пирогова несомнѣнные признаки упадка умственной дѣятельности, на старости лѣтъ... Ничего нѣтъ легче подобнаго заключенія для людей, которые рѣшаютъ спорные жизненные, нравственные и всякіе другіе вопросы—съ плеча. Нашего знаменитаго сатирика Гоголя упрекали въ томъ, что въ своей предсмертной перепискѣ съ друзьями онъ самъ, сдѣлавъ строгій выговоръ своимъ заблужденіямъ и сжигая 2-ю часть «Мертвыхъ душъ», обнаружилъ, по мнѣнію критиковъ, непростительное малодушіе, которое и спѣшили объяснить душевнымъ разстройствомъ этого писателя.

Но, по мнѣнію Пирогова, не одна внѣшняя правда, а раскрытіе правды внутренней предъ самимъ собою, и вовсе не съ цѣлю оправдать или осудить себя, должно быть назначеніемъ автобіографіи мыслящаго человѣка.

„Пришедъ на мысль писать о себѣ для себя“,—говоритъ Пироговъ,—„и рѣшившись не издавать въ свѣтъ о себѣ ничего при моей жизни, я не прочь, чтобы мои записки обо мнѣ читались, когда меня не будетъ на свѣтѣ, и другими. Это я говорю, положи руку на сердце, вовсе не потому, чтобы я боялся при жизни быть критикованнымъ, осмѣяннымъ или вовсе нечитаннымъ. Хотя я и не мало самолюбивъ и не безразлично отношусь къ похвалѣ, но самое самолюбіе мое все таки болѣе внутреннее, чѣмъ внѣшнее. Притомъ и эгонистическій самоѣдъ, и потому опасаясь самого себя, чтобы описаніе моего внутренняго быта во всеуслышаніе не было бы принято мною самимъ за тщеславіе, желаніе рисоваться и оригинальничать, и все это, въ свою очередь, не повредило бы внутренней правдѣ, которую я желалъ бы сохранить, въ наичистѣйшемъ видѣ, въ моихъ запискахъ“.

Я думаю, что приведенныхъ словъ покойнаго Николая Ивановича достаточно, чтобы отклонить удары тупыми стрѣлами той низменной критики, которая вздумала бы, нечистыми руками, касаться памяти о свѣтлой личности усопшаго.

Но о всемъ томъ, о чемъ я по сію пору говорилъ, по поводу нравственнаго мировоззрѣнія Николая Ивановича—вы, М. Г., могли сами уже составить себѣ понятіе и по достоинству оцѣнить значеніе ихъ читая его Записки въ IX, X и XI книгахъ «Русской Старины».

Къ счастью, я поставленъ въ возможность подѣлиться съ вами сегодня съ продолженіемъ этихъ Записокъ¹⁾, въ предѣлахъ, разумѣется, мотива, мною затронутого.

«Было время, говорить Николай Ивановичъ, когда вопросъ о существованіи Бога рѣшался въ Гостинномъ дворѣ, при встрѣчѣ двухъ знакомыхъ.

— «Слышали ли, Петръ Ивановичъ, что Бога нѣтъ».

— «Что вы, какъ это можно?»

— «Говорю вамъ, что нѣтъ,—Иванъ Ивановичъ сказывалъ вчера».

«Это было, кажется, присовокупляетъ Николай Ивановичъ,—въ Фонъ-Визинскія времена, а то и не такъ давно (въ 1850 годахъ) задавали такого рода вопросы ученикамъ въ фельдшерской школѣ второго сухопутнаго госпиталя въ Петербургѣ:

«А почему ты знаешь, что Богъ есть?» и получали не менѣе умный отвѣтъ: «такъ стоитъ въ Катехизисѣ?»

«Во времена, когда возможны бываютъ такія проявленія грубаго кощунства въ разныхъ слояхъ общества, конечно находятъ, пожалуй, еще оправданіе и запретительныя мѣры противъ соблазна. Культурное же общество не можетъ допускать безцеремоннаго обращенія ни съ кѣмъ, и въ особенности съ Богомъ. Другое дѣло область современной науки; тутъ не можетъ быть и рѣчи о грубости нравовъ, неуваженія къ святынь, говорить Пироговъ, а потому въ этой области никакія церковныя и государственныя запрещенія не должны, да и не могутъ нарушать свободу совѣсти, мысли и научнаго разслѣдованія.

«Какимъ бы предметомъ, однако, не занимался человекъ науки, всѣ знаютъ, что онъ никакъ не отдѣляется отъ назойливаго вопроса: во что онъ вѣритъ? и этотъ вопросъ самый главный: согласны ли его вѣрованія съ убѣжденіями науки?»

Николай Ивановичъ, въ отношеніи религиозныхъ убѣжденій, дѣлитъ людей науки на три категоріи: «къ одной принадлежать люди, какъ покойный физиологъ Рудольфъ Вагнеръ, спорившій съ Карломъ Фохтомъ—въ наукѣ скептики, въ дѣлѣ вѣры искренно вѣрующіе прихожане приходскихъ церквей; къ другой категоріи принадлежать ученые, старающіеся примирить свои научныя убѣжденія съ религиозными, а когда они не достигаютъ такого примиренія, то переходятъ въ третій лагерь,—ни во что невѣрующихъ, охотно открывающій къ себѣ доступъ и только что сошедшимъ со школьной скамьи».

«И вотъ я полагаю, говорить Николай Ивановичъ, что каждый человекъ науки и тѣмъ болѣе, конечно, и автобіографъ обязанъ прежде всего рѣшить, чистосердечно, главный вопросъ жизни: къ которой

¹⁾ См. въ „Русской Старинѣ“ 1884 г., кн. декабрь.

изъ трехъ категорій онъ причисляетъ себя, во что онъ вѣруеть и что признаеть? Но, задавая себѣ этотъ вопросъ,—продолжаетъ Николай Ивановичъ, не надо робѣть передъ собою, вилять хвостомъ, пятиться назадъ и отвѣчать самому себѣ двусмысленно.

«Вилянье, нерѣшительность и неоткровенность непременно приведутъ къ пагубному разладу съ самимъ собою, къ несогласію дѣйствій съ убѣжденіями, упрекамъ совѣсти, и къ самоубійству нравственному и физическому».

Но вмѣсто дальнѣйшихъ коментарій о сущности нравственнаго мировоззрѣнія Николая Ивановича позвольте, М. Г., привести здѣсь цѣликомъ отрывокъ изъ ненапечатанной еще главы его «Записокъ»: О дѣтствѣ и юности его:

То, что называется свободою ума и мысли, не есть какой-то безшапашный и незаконный произволъ, говоритъ Николай Ивановичъ. Умъ всегда долженъ на чемъ-нибудь останавливаться и находить точку опоры; его станціи, можетъ быть (не знаю навѣрное), и безпредѣльны, то есть могутъ переноситься въ безграничныхъ предѣлахъ, но все таки будутъ для ума современнаго (существующаго въ известное, опредѣленное время) предѣльными.

Но эта конституція ума не въ силахъ уничтожить въ немъ стремленіе въ безвыходную безпредѣльность, и вотъ онъ самъ, управляемый своимъ *habeas corpus*, долженъ самъ же слѣдить за его исполненіемъ, обуздывая свое стремленіе къ безпредѣльной свободѣ; оно такъ сильно, что въ переживаемое нами время я слыхалъ отъ молодыхъ людей даже вопросы въ родѣ слѣдующаго:

— «А почему мнѣ необходимо принимать, что дважды два—четыре? почему я не свободенъ думать иначе?» и это не въ шутку.

Опытъ жизни и примѣры большинства обуздываютъ въ единичныхъ случаяхъ разгулъ мнимо-беззаконной свободы ума; но, періодически, эта тяга къ безвыходному положенію, съ непреодолимою силою, увлекаетъ умы цѣлаго общества.

Дѣйствіе конституціи нашего ума и его стремленія находятъ новыя исходныя или опорныя точки, то есть стремиться все далѣе и далѣе въ безпредѣльность, всего яснѣе проявляются въ рѣшеніи главныхъ вопросовъ жизни. Смотри по тому, которое изъ двухъ направленій беретъ перевѣсъ, и главный вопросъ жизни, — вопросъ о Богѣ, — рѣшается умомъ (умомъ, — не вѣрою, *potâ bene*) различно.

Умъ конституціонный, ищущій постоянно исходныхъ точекъ и несклонный блуждать въ безпредѣльности, приходитъ скоро къ рѣшенію; для этого онъ находитъ исходную точку въ самомъ себѣ, переводитъ ее внѣ себя, въ самую безпредѣльность, но, не оставя своей опоры, останавливается, — *non plus ultra*. Гдѣ приходится остановиться, ближе или дальше отъ себя, это будетъ зависѣть отъ склада конституціоннаго ума, насколько этотъ складъ допустить развитію стремленію ума въ безпредѣльность.

Умъ конституціонный и положительный можетъ быть только денствомъ или пантеистомъ. И тотъ, и другой свою исходную точку находятъ въ творческой силѣ; но одинъ переноситъ ее внѣ міра, а другой—въ самый міръ.

Умъ, повидимому, не менѣе положительный, можетъ останавливаться и ближе, принявъ самую вселенную за Бога; въ сущности, это было бы колебаніе между пантеизмомъ и атеизмомъ, между желаніями остановиться и блуждать въ безвыходномъ хаосѣ. Между тѣмъ, такое мировоззрѣніе весьма замалчиво для юнаго ума.

Я расскажу, впоследствии, какъ вѣкогда я самъ былъ поборникомъ этого воззрѣнія; современная философія бессознательнаго (которую я, признаюсь, не читалъ) вѣроятно бессознательный творческій мировой умъ (или мировую жизнь) полагаетъ также въ самую вселенную. Для чего, думалось мнѣ во времена оны, служить предположеніе о существованіи Бога? Что объясняется имъ въ мірозданіи? Развѣ матерія не можетъ и не должна быть вѣчною? Къ чему же лишній ипотезъ, ничего не объясняющій?

Мнѣ было 25 лѣтъ, когда эти назойливые вопросы волновали меня и, скажу въ мое оправданіе, навазались ко мнѣ malgré moi, а я, въ то время, былъ отчаяннымъ специалистомъ моей науки.

Но лѣтъ, а съ ними и другой образъ жизни и другія, какъ я увѣренъ, богѣ прочныя думы убѣдили меня въ полной неосновательности этого мировоззрѣнія и наносимомъ имъ (рефлексивномъ) вредѣ самому уму. Если и всякое размышленіе требуетъ психодныхъ точекъ, то, при размышленіи о предметахъ отвлеченныхъ, умъ, не находящій нигдѣ самой крайней и, такъ сказать, неприступной опоры, не можетъ сдѣлать ни шагу впередъ, не подвергаясь опасности потерять ее и заблудиться.

Основать же точку опоры на вселенной — значить строить зданіе на пескѣ. Главная суть вселенной, не смотря на всю ея безпредѣльность и вѣчность, есть проявленіе творческой мысли и творческаго плана въ веществѣ (матеріи), а вещество подвержено измѣненію (въ составѣ и видѣ) и чувственному (научному) разслѣдованію.

Все же измѣняющееся (какъ и въ чемъ бы то ни было) должно имѣть не одни положительные, но и отрицательныя свойства, а все подлежащее чувственному анализу и разслѣдованію не можетъ считаться за нѣчто законченное, абсолютно вѣрное и опредѣленное.

Но молодой умъ, также какъ и желудокъ молодыхъ людей, все переваривающій, легко усваиваетъ себѣ, какъ я узналъ изъ опыта, и пантеистическое мировоззрѣніе, не ощущая, до поры и до времени, — несносныхъ колебаній, ни сограсеній отъ шаткости основы.

Верховный разумъ и верховная воля Творца, проявляемые пѣлесообразно посредствомъ мирового ума и мировой жизни, въ веществѣ, — вотъ пес plus près человека, вотъ то прочное и неизмѣнное, абсолютное начало, далѣе котораго нельзя идти положительному уму, не сбившись съ толку и съ пути.

Такимъ представляется оно моему складу ума, блуждавшаго не мало въ непроходимыхъ дебряхъ и топяхъ.

Къ чести моего ума, я долженъ упомянуть, однако же, что онъ, и блуждая, вѣкогда не грязнулъ въ полнѣйшемъ отрицаніи недоступнаго для него и святаго.

Мой бѣдный умъ, и останавливаясь на вселенной (вмѣсто Бога), благоговѣлъ предъ нею, какъ предъ безпредѣльнымъ и вѣчнымъ началомъ.

Никогда онъ, то есть мой умъ, не доходилъ до обожанія случая, и

только теперь, уже состарѣвшись, онъ съ удивленіемъ и отвращеніемъ узнаеть, что такой апотеозъ и осуществимъ на дѣлѣ.

Юные и зрѣлые современники моей старости, живя и дѣйствуя въ эпоху лотерей, азіотажа, рулетки и биржевой игры, приучили себя видѣть въ случаѣ одинъ изъ главныхъ рычаговъ жизни. Немудрено, что и основу всего мірозданія и исходную точку своихъ мировоззрѣній современное поколѣніе можетъ легко перенести на случай.

При случайномъ стеченіи благопріятныхъ условій, изъ первобытной кѣтки (яйца) развивается первобытный организмъ; онъ, при новомъ случайномъ стеченіи другихъ внѣшнихъ обстоятельствъ, принимаетъ тотъ или другой видъ; этотъ видъ, въ свою очередь, случайно встрѣтивши въ окружающей его средѣ или удобство, или препятствіе, принимаетъ то высшую организацію, то, лишаясь того или другого органа, переходитъ въ другой видъ или же и исчезаетъ. Уродилось-ли случайно въ какомъ нибудь органическомъ видѣ богѣ крѣпкихъ и здоровыхъ особей, подборъ вышелегъ удачнымъ и побѣда въ борьбѣ за существованіе за этимъ видомъ.

Такъ случай за случаемъ доводитъ, переходами изъ одного вида въ другой, до вида млекопитающаго, а отсюда рукой подать и до человѣка, умъ котораго отеряваетъ ему, наконецъ, что кѣтка, произведшая его (то есть человѣкъ, а потому, пожалуй, и умъ), ничѣмъ существеннымъ не отличающаясь отъ другой животной кѣтки, только благодаря окружающей средѣ, случаю и времени, вывела на свѣтъ его, или ему сродственную обезьяну.

Не мнѣ быть критикомъ, противникомъ или защитникомъ и приверженцемъ современнаго ученія; въ немъ очевидна гениальность наблюдателя, умѣвшаго придать глубокое научное значеніе добытымъ имъ фактамъ и разслѣдованіямъ явленій.

Доктрина, обязанная своимъ происхожденіемъ такому гениальному наблюдателю, не могла не дать повода къ новымъ взглядамъ на органическій міръ и къ новымъ его изслѣдованіямъ.

Все это, однако же, не сдѣлаетъ меня легковѣрнымъ. О перерожденіи и переходахъ животныхъ видовъ и родовъ говорилось не со вчерашняго дня. Извѣстно, какъ Гёте изумилъ всѣхъ своимъ восклицаніемъ, когда начался объ этомъ дѣлѣ знаменитый споръ во французской академіи между Кювье и Жофруа Сент-Илеромъ; подумали, что восклицаніе это относилось къ какому-либо міровому, политическому событію.

Ламаркъ, если не ошибаюсь, говорилъ или, лучше, намекалъ и о происхожденіи человѣка отъ обезьяны; по крайней мѣрѣ, этотъ взглядъ былъ въ ходу и въ 1830 годахъ; я помню, какъ однажды мой дерптскій учитель, профессоръ хирургіи Мойеръ, (въ 1832 году), ѣхавъ со мною за городомъ, удивилъ меня вопросомъ: „а какъ вы думаете, Пироговъ, не происходимъ ли мы всѣ отъ обезьянъ?“

Такъ, зная, что доктрина, занимающая современные умы, не была *terra incognita* и для предшественниковъ, какъ-то держишь себя осторожнѣе отъ увлеченій.

Впрочемъ, я нисколько не скандализируюсь происхожденіемъ человѣка отъ обезьяны; тѣмъ богѣ чести уму какого бы то ни было существа, если оно сумѣло выйти, хотя бы и случайно, въ люди. Для меня, однако же, не

женѣ въроятенъ и обратный переходъ человѣка въ обезьяну, — совершающійся почти на нашихъ глазахъ.

И почему, въ самомъ дѣлѣ, въ тѣ до-историческія времена, когда наша планета производила ихтиозавровъ, мамонтовъ и другихъ великановъ, она не могла произвести и допотопнаго человѣка-гиганта, съ огромнымъ мозгомъ; а такъ какъ умъ нашъ мозговой, то почему бы и онъ не могъ быть огромнымъ; въ такомъ случаѣ это былъ бы совершеннѣйшій изъ людей, великъ и уменъ. Ихтиозавры и мамонты перевелись и переродились, и человѣкъ-гигантъ могъ также перевестись и переродиться въ шимпанзеевъ, орангутанговъ, буммасовъ, обитателей Новой Гвинеи и т. п.

Принимая, весьма хладнокровно, взглядъ на происхожденіе мое отъ обезьяны, я не могу слышать безъ отвращенія и перенести ни малѣйшаго намека объ отсутствіи творческаго плана и творческой цѣлесообразности въ мірозданіи; а потому никогда не допущу, чтобы первобытная кѣтъца и даже первобытная протоплазма не заключала въ себѣ творческой мысли о ея конечномъ назначеніи и творческое (цѣлесообразное) предопредѣленіе всѣхъ формъ, прототипъ которыхъ долженъ былъ изъ нея развиваться.

Не странно ли, однако, что прежде вовсе нетруднымъ казалось вѣрить въ происхожденіе людей и всего животнаго царства отъ нѣсколькихъ паръ и даже отъ одной; а теперь, также безъ труда вѣрять въ переходы и перерожденія самыхъ отдаленныхъ типовъ животныхъ.

Причину легковѣрія въ обоихъ случаяхъ я нахожу въ задней мысли, всѣмъ подсказывающей, что самая суть дѣла ни въ томъ, ни въ другомъ взглядѣ не выясняется.

Цара ли готовыхъ уже животныхъ, или одна безформенная протоплазма вышли впервые на свѣтъ, — въ обоихъ случаяхъ остается икъсь, что заставило атомы вещества складываться въ обформенное существо, способное къ самостоятельному бытію, къ борьбѣ за существованіе, наслѣдственности и прозведенію новыхъ себѣ подобныхъ или несходныхъ съ собою (Generationswechsel) существъ.

Могу ли же я легко убѣдиться въ непогрѣшимости доктрины, увлекающіеся приверженцы которой готовы, пожалуй, поставить на пьедесталъ случай, замѣнивъ имъ Бога и отвергнувъ, какъ лишній хламъ, и планъ, и цѣлесообразность въ мірозданіи? По моему, это значило бы признать себя какими-то бастардами отъ случая случая съ случайною же природою. Но современное мировоззрѣніе имѣетъ для естествоиспытателя ту привлекательную сторону, что въ немъ предполагаемое прошлое соглашено съ настоящимъ и соответствуетъ ему пока, т. е. до поры и до времени, болѣе, чѣмъ въ другихъ мировоззрѣніяхъ.

Все рождено, но сотворено. Не опредѣленная, по предназначанному творческою мыслью плану, типичность органическихъ формъ, не творческая цѣлесообразность въ устройствѣ типическихъ организмовъ и переходныхъ формъ занимаютъ первое мѣсто въ современномъ мировоззрѣніи, а внѣшнія физическія условія и случайная индивидуальность, и такъ какъ искусство перерожденія и размноженія животныхъ и растительныхъ организмовъ, съ практическою цѣлью улучшенія разныхъ продуктовъ, не достигало еще такого совершенства, какъ въ переживаемое нами время, то понятно, что добытые практическимъ путемъ весьма наглядные результаты не могли не повліять и на умственные отвлеченія.

Отвлеченное творчество, творческіе планъ и мысль, предначертанная пѣлесообразность типовъ въ мірозданіи, все это ушло на задній планъ, и что достигается искусствомъ современныхъ культиваторовъ органическихъ расъ, породъ и видовъ, то въ натурѣ поручилось дѣлать случайному подбору особей и случайному стеченію разныхъ физическихъ условій.

И вотъ уже слышится и мораль переживаемаго: „а глрчнвъ просто от- врывался“.

Но что же такое это—случай? Какой это простой *deus ex machina* играющій такую видную роль въ нашихъ дѣлахъ и мысляхъ?

Едва-ли не придется мнѣ отвѣтить на это: не знаю.

Одно изъ двухъ мнѣ кажется несомнѣннымъ: или нѣтъ вовсе случая, или между случаемъ и тѣмъ, съ кѣмъ онъ случился—есть какое-нибудь отно- шеніе; впрочемъ, оба предположенія въ конечномъ результатѣ сводятся на одно и то же.

Видя, на каждомъ шагѣ, связь между дѣйствіями и причинами, отыски- вая по бессознательному (невольному) требованію разсудка вездѣ причину, гдѣ есть дѣйствіе, мы, неминуемо, роковымъ образомъ, приходимъ къ заклю- ченію, что и между всѣми дѣйствіями и всѣми причинами существуетъ не- разрывная вѣчная связь.

При такомъ взглядѣ, случай будетъ не болѣе какъ дѣйствіе, причина или причины котораго намъ еще неизвѣстны, а для многихъ событій, можно утверждать а priori, и никогда не будутъ извѣстны. Это почему? А потому, что стеченіе обстоятельствъ въ одну будущую точку, — случай, — бываетъ до того сложно, что для опредѣленія его понадобилось бы невозможное знаніе всего прошлаго и настоящаго.

Мы такъ привыкли къ случайностямъ, что случай кажется намъ самымъ обыкновеннымъ, естественнымъ дѣломъ,—и это слава Богу; не живя въ ми- ражѣ обыкновеннаго и незаслуживающаго вниманія, мы бы нажали себѣ гал- люцинадію висящаго надъ нами Дамоклова меча.

Но какъ только мы остановимся, почему бы то ни было, хотя на одномъ самомъ обыкновенномъ событій, касающемся насъ лично, то не избѣгнемъ невольнаго вопроса: при чемъ я тутъ, зачѣмъ оно коснулось именно меня?

По большей части причины нашей прикосновенности къ какому нибудь событію для насъ ясны и просты, то есть кажутся для насъ такими; но не- рѣдко причины отношеній моихъ къ событію для меня скрыты, а не быть имъ нельзя.

Что я де покуда не знаю, или не хочу знать почему, или же это ясно для всѣхъ, почему? потому что, видите ли, случай.

Такъ что же, послѣ этого, ты казуешь или фаталисть что-ли?—задаю себѣ вопросъ.

Я независимый, то есть независимый отъ предвзятыхъ мнѣній и док- тринъ. Въ сужденіяхъ объ отвлеченныхъ предметахъ, въ примѣненіи ихъ къ практической жизни, не нужно добиваться, во что бы то ни стало, послѣ- довательности.

Сказать, что случай все рѣшаетъ въ жизни—нелѣпо; но считать нелѣ- пнымъ прежнее убѣжденіе, что и маловажныя, повидному, событія могутъ имѣть роковыя послѣдствія—еще болѣе нелѣпо.

Какое дѣло, что маловажному событію предшествовалъ цѣлый рядъ дру- гихъ, скрытыхъ, но болѣе существенныхъ обстоятельствъ; рѣшающимъ, и

именно въ данный моментъ времени, было все-таки то, что называется невидною случайностью.

Скала подтачивала дѣлше вѣка вода, зданіе гнило и подтачивалось подт-землю; вдругъ, отъ небольшого сотрясенія, въ одинъ прекрасный день (они) падаютъ. Что тутъ рѣшающее обстоятельство? Все-ли равно, упади скала и зданіе днемъ ранѣе или днемъ позже? Всѣ правы, признавая самымъ главнымъ рѣшающимъ моментомъ тотъ, когда случается роковое событіе.

У Наполеона спотыкается конь о маленькій камушекъ; Наполеонъ падаетъ и, вставъ, говоритъ, что этотъ камушекъ могъ сдѣлаться рѣшителемъ судебъ Европы. Наполеонъ былъ совершенно правъ, дѣлая рѣшителемъ судьбы въ этотъ моментъ не себя, а камень.

Случай, часто и однообразно повторяющійся, перестаетъ, въ нашихъ глазахъ, быть случаемъ по двумъ причинамъ: мы получаемъ болѣе времени и средствъ для изслѣдованія и узнаемъ причину, или же мы просто привыкаемъ—и прежде случайное, рѣдкое и необыкновенное дѣлается обыкновеннымъ и насущнымъ.

Узнавъ, что большая часть браковъ совершается осенью, не трудно было догадаться почему; но, узнавъ по статистическимъ даннымъ, что ежегодно встрѣчается почти одна и та же цифра ошибочныхъ адресовъ на письмахъ, мы перестаемъ этому удивляться, хотя и не знаемъ причины почему люди всегда, въ извѣстной мѣрѣ, разсѣянны при отправкѣ своихъ писемъ на почту.

Еще необъяснимѣе для насъ, случающееся весьма нерѣдко, счастье въ азартныхъ играхъ, лотереяхъ, рулеткѣ и, наконецъ, вообще счастье въ жизни, но мы только завидуемъ этому, но не удивляемся.

Необмысленность, разнообразность и безпричинность—вотъ признаки случайнаго событія.

Чѣмъ чаще повторяется одно и то же случайное, то есть, безпричинное событіе, тѣмъ невѣроятнѣе кажется намъ, что оно опять повторится; о томъ, кто всякій разъ попадаетъ въ дѣль, или выигрываетъ, мы, не безъ злорадства, думаемъ: авось (въ авосьъ всегда заключается извѣстная степень вѣроятности) промахнется или проиграетъ; если дождь льется дѣлши недѣли, то съ каждымъ днемъ мы все болѣе надѣемся и увѣряемся, что онъ перестанетъ.

Но всѣ наши предположенія тотчасъ же принимаютъ другой характеръ, какъ скоро мы открываемъ или только подозрѣваемъ причину событія.

Тогда, при сужденіи, мы уже не на то смотримъ—часто ли или рѣдко оно случается; все вниманіе наше перемѣщается съ событія на его причину.

Но причинность дѣлагаго логіона мировыхъ событій и явленій можетъ быть разслѣдована только по двумъ направленіямъ; мы можемъ перемѣщать наше предположеніе объ этой причинности то въ самый субстратъ, то есть въ вещество, служащее субстратомъ явленія, то внѣ его; это перемѣщеніе зависитъ отъ степени точности нашихъ знаній; чѣмъ они точнѣе, тѣмъ болѣе перемѣщаемъ мы и причину внѣ явленія; всему, однако же, есть предѣлъ; чѣмъ болѣе дѣлаемъ мы, напримѣръ, причину какого-либо явленія въ органическомъ мірѣ внѣшнюю, тѣмъ болѣе сообщаемъ ей случайный характеръ. Поэтому-то я въ современномъ мировоззрѣніи на органической мірѣ и нахожу, что въ немъ случаю предоставлена слишкомъ главная роль.

Уже давно отважные пловцы въ полярныхъ странахъ мышленія застав-

или случай приводить въ порядокъ разсыянные или скученные въ хаосѣ атомы вещества; Цицеронъ, сколько я помню, занимался уже опроверженіемъ этой знаменитой доктрины. Мнѣ кажется, въ наше время мы не далеки отъ подобнаго же ученія, только съ большими притязаніями на точность и фактичность.

Но какъ бы ни были прогрессивны и точны наши свѣдѣнія, лишь только мы отвергнемъ присутствіе въ атомахъ первобытной органической образовательной силы, влекущей ихъ къ извѣстнаго рода группировкѣ, намъ придется все дѣло передать въ руки случая.

Если бы въ самые первые моменты творенія, при самомъ первомъ зарожденіи органическаго вещества, атомы его не имѣли этого влеченія къ группировкѣ, въ опредѣленные типическія формы, то кто же, какъ не стихійныя силы, случайно производили тотъ или другой типъ, случайно же способствуя переходамъ и превращеніямъ одного въ другой. Откуда бы взялись различія особей одного и того же типа, если бы случайное стеченіе различныхъ условій не благоприятствовало развитію одной особи и не задерживало развитія другой. Чему-нибудь да нужно дать предпочтеніе — предопредѣленію или случаю.

Я—за предопредѣленіе.— говоритъ Пироговъ—и по моему все, что случается, должно было случиться и не быть не могло“.

Не стану однако, м. г., утомлять далѣе вашего вниманія выдержками изъ посмертныхъ Записокъ Николая Ивановича, переполненныхъ глубокими всесторонними изслѣдованіями вопросовъ высшаго порядка.

Довольно сказать, что изъ мировоззрѣнія Николая Ивановича, откровенно имъ изложеннаго, проистекаетъ, что существованіе верховнаго разума, а слѣдовательно и верховной творческой воли, онъ считаетъ необходимымъ и неминуемымъ (роковымъ) требованіемъ (постулатомъ) его собственнаго разума, такъ что, говоритъ онъ: «если бы я и хотѣлъ, теперь, не признать существованія Бога, то не могъ бы этого сдѣлать, не сойдя съ ума!»

М. Г.! Изъ этого сжатого очерка о нравственномъ мировоззрѣніи Николая Ивановича, бросивъ ретроспективный взглядъ на все его прошлое, сдѣлавшееся нынѣ достояніемъ исторіи, не трудно убѣдиться, что злорадство, благодаря которому покойный во время жизни былъ осыпаямъ всякаго рода обвиненіями и недостойными инсинуаціями, нынѣ, съ появленіемъ его посмертной исповѣди, еще рельефнѣе выдвигается незабвенный, нравственный обликъ его на темномъ фонѣ нашей будничной жизни...—Миръ праху его!

И. В. Вертексонъ.

23-го ноября 1884 г.
С.-Петербургъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1885 ГОДЪ

на ежемѣсячный журналъ

ДѢТСКІЙ ОТДЫХЪ,**ПЯТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.**

Дѣтскій Отдыхъ особенно рекомендованъ ученымъ комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія для среднихъ учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ, городскихъ и начальныхъ народныхъ училищъ. Учебнымъ комитетомъ при святѣйшемъ синодѣ доущенъ къ приобрѣтенію для фундаментальныхъ библиотекъ духовныхъ училищъ.

Признавая религію, любовь къ родинѣ и правильное развитіе художественнаго пониманія основами воспитанія, редація Дѣтскаго Отдыха строго придерживается этихъ основъ въ выборѣ печатаемаго матеріала, причѣмъ отводитъ главное мѣсто статьямъ историческаго содержанія, изложеннымъ въ доступно-научной формѣ, или въ видѣ беллетристическихъ произведеній, дающихъ вѣрное представленіе описываемой эпохи.

Цѣна съ доставкой и пересылкой во всѣ города имперіи за годъ . 6 р. — в.
 За первое и второе полугодіе отдѣльно по 3 „ 50 „
 Съ доставкой за границу на годъ 8 „ — „

Журналъ выходитъ ежемѣсячно 15-го числа, въ объемѣ отъ 7 до 9 листовъ печатнаго текста.

Подписка принимается въ Москвѣ: въ редакціи журнала (Большая Дмитровка, д. Алексѣева), въ конторѣ университетской типографіи, на Страстномъ бульварѣ; въ книжныхъ магазинахъ: Васильева, на Страстномъ бульварѣ; Новаго времени и Мамонтова, на Кузнецкомъ Мосту, и Вольфа на Петровскѣ. Въ Петербургѣ—въ книжныхъ магазинахъ Новаго времени и Фену.

Продолжается подписка на оставшіеся экземпляры Дѣтскаго Отдыха за 1884 годъ. (Осталось около двухсотъ экземпляровъ).

въ 1885 году

„СЕМЬЯ И ШКОЛА“

(ГОДЪ XV-й)

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ

и

ДОМАШНЯГО И ОБЩЕСТВЕННАГО ВОСПИТАНІЯ

будеть издаваться по той-же программѣ, въ тѣ-же сроки и въ такомъ-же объемѣ, какъ и въ 1884 году.

Полное годовое изданіе журнала состоитъ изъ двадцати двухъ книгъ и 40 №№ «Педагогической хроникѣ». Подписная цѣна на полный журналъ безъ доставки 11 р., съ доставкой и пересылкой 12 р.

Полное изданіе состоитъ изъ двухъ отдѣловъ, на которые допускается также отдѣльная подписка.

I. Иллюстрированный отдѣлъ для дѣтей выходитъ ежемѣсячно, 12 книгъ въ годъ. Подписная цѣна безъ доставки 7 руб., съ дост. и перес. 8 руб.

II. Учебно-воспитательный отдѣлъ (для родителей и воспитателей) выходитъ въ количествѣ 10 книгъ (т. е. ежемѣсячно, кромѣ іюня и іюля), съ добавленіемъ «Педагогической хроникѣ», выходящей въ количествѣ 40 №№ въ годъ. Подписная цѣна безъ дост. 4 р. и съ дост. и перес. 5 руб.

Первый отдѣлъ (для дѣтей) даетъ статьи религіозно-нравственнаго содержанія, рассказы, стихотворенія, путешествія, жизнеописанія и проч., а также игры, работы, руководія мастерства и проч. матеріалъ для физическаго и умственнаго развитія. Всюду, по мѣрѣ надобности, прилагаются рисунки и картины.

Второй отдѣлъ (для родителей и воспитателей) содержитъ общія статьи педагогическаго содержанія, статьи по воспитанію и обученію домашнему и общественному (высшему, среднему и начальному), нравственному, умственному и физическому; критику и библиографію; біографическіе очерки педагоговъ и статьи по исторіи педагогикѣ; отдѣлъ математическій и проч. «Педагогическая хроника» даетъ отчеты по текущимъ вопросамъ учебно-воспитательнаго дѣла какъ въ Россіи, такъ и заграницею и полную библиографію вновь выходящихъ по воспитанію и обученію книгъ.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи: С.-Петербургъ, Большая Садовая, д. № 12, кв. № 8, или адресуется просто: Въ С.-Петербургъ, въ редакцію журнала «Семья и Школа» (адресъ Почтамту извѣстенъ), — съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имени, отчества, фамиліи и того почтового учрежденія, его губерніи и уѣзда, гдѣ есть выдача газетъ и журналовъ.

Редакторъ-издатель К. Модзалевскій.

1883 г

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА

1884 г.

„КНИЖНЫЙ ВѢСТНИКЪ“

(ГОДЪ ВТОРОЙ)

ЖУРНАЛЪ, ИЗДАВАЕМЫЙ РУССКИМЪ ОБЩЕСТВОМЪ КНИГОПРОДАВЦЕВЪ И ИЗДАТЕЛЕЙ.

Программа журнала:

1) Правительственныя распоряженія, относящіяся до специальности журнала; 2) Свѣдѣнія и сообщенія о дѣятельности Русскаго общества книгопродавцевъ и издателей, а также его Правленія; 3) Книжно-торговое дѣло (сообщенія книгопродавцевъ и издателей, имѣющія общественный интересъ, сношенія ихъ какъ между собою, такъ и съ обществомъ, корреспонденціи, запросы, разныя свѣдѣнія, почтовый ящикъ и проч.); 4) Указатель новыхъ изданій (списокъ выходящихъ въ продажу книгъ: въ Россіи и за границей); 5) Предложеніе и спросъ; 6) Объявленія.

Срокъ выхода два раза въ мѣсяцъ. Форматъ in 8°.

Подписная цѣна 3 р. въ годъ съ доставкой и пересылкой.

Плата за объявленія:

Страница in 8°	8 р.
1/2 страницы	4 > 50 к.
1/4 страницы	2 > 50 >
Строка петита въ ширину страницы	— > 20 >
Строка петита въ ширину столбца	— > 10 >

Объявленія и подписка на журналъ принимаются въ Правленіи Общества (С.-Петербургъ, Большая Конюшенная, 29, квартира 7), отъ 11 часовъ утра до 4 пополудни.

Для личныя объясненій и справокъ Правленіе и Редакція открыты ежедневно отъ 5 до 6 часовъ пополудни, кромѣ дней воскресныхъ и праздничныхъ.

Въ Правленіи Общества можно получать полные комплекты „Книжнаго Вѣстника“ за 1884 годъ. Цѣна 3 руб. съ доставкой и пересылкой.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1885 ГОДЪ

НА ЖУРНАЛЪ

„ОСКОЛКИ“

годъ V-й

Подъ редакціей и при постоянномъ участіи

Н. А. ЛЕЙКИНА.

Еженедѣльный иллюстрированный юмористическій журналъ „Осколки“, вступая въ ПЯТЫЙ годъ своего существованія, будетъ издаваться въ 1885 году подъ той же редакціей, по той же программѣ и при участіи тѣхъ же сотрудниковъ, какъ и въ 1884 году.

Въ литературномъ отдѣлѣ журнала принимали участіе.

И. С. Баранцовъ, П. В. Бажовъ, И. Д. Бѣловъ, В. А. Гиляровский, И. Ф. Горбуновъ, И. Грѣкъ (псевдонимъ), А. Ф. Ивановъ (Классикъ), Н. С. Лысовъ, С. В. Максимовъ, В. О. Михновичъ (Коломенскій Кандидъ), В. И. Немировичъ-Данченко, Л. И. Пальминъ, С. Н. Терпигоровъ (Сергій Атава), Д. Д. Тогольскій (Дядя Митяй), Л. Н. Трофоловъ, А. Т. Трофимовъ, Ф. В. Черниговецъ, Ан. П. Чеховъ (А. Чехонте) и др.

Рисунки были исполнены художниками:

Н. А. Богдановымъ, М. М. Дальневичемъ, А. И. Лебедевскимъ, А. Левитаномъ, М. М. Лилинымъ, М. Е. Мальшевскимъ, В. И. Порфирьевымъ, Н. П. Чеховымъ, С. И. Эрберомъ и др.

Журналъ „Осколки“ издается въ форматѣ большихъ иллюстрацій на лучшей бумагѣ и даетъ еженедѣльно четыре страницы юмористическихъ и карикатурныхъ рисунковъ, какъ раскрашенныхъ, такъ и черныхъ, и четыре страницы текста убористой печати. Ежегодное изданіе составляетъ 52 номера и заключаетъ въ себѣ около 600 рисунковъ и свыше 1,200 беллетристическихъ статей.

Въ текстѣ помѣщаются юмористическія обзорнія петербургской, московской и провинціальной жизни, рассказы, сценки, очерки, пародіи, анекдоты, сатирическія и юмористическія стихотворенія, шарады, ребусы, загадки и пр.

Журналъ „Осколки“ старается, въ предѣлахъ возможности, отзываться въ легкой, сжатой формѣ на вопросы дня и явленія нашей общественной жизни, помѣщая на первой страницѣ сатирическія иллюстраціи текущихъ явленій и время отъ времени въ карикатурномъ видѣ портреты лицъ, имѣющихъ интересъ минуты.

ЦѢНА ЗА ЖУРНАЛЪ:

На годъ безъ пересылки 6 р. На 6 мѣс. съ пересылк. и дост. 4 р.
 > > съ пересылк. и доставк. 7 > Отдѣльный №—20 к.

Подписка принимается: въ С.-Петербургѣ, въ главной конторѣ редакціи Николаевская ул., д. № 10; въ Москвѣ, въ книжномъ магазинѣ А. Л. Васильева, Страстной бульваръ, д. графа Мусина-Пушкина.

Допускается разсрочка подписныхъ денегъ черезъ гг. казначеевъ и по личному соглашенію съ конторою редакціи.

Редакторы-издатели **Н. ЛЕЙКИНЪ** и **Р. ГОЛИКЕ.**

Подписка на 1885 годъ.

ГАЗЕТА А. ГАТЦУКА

Иллюстрированная, политическая, литературная и ремесленная.

Въ 11-й годъ своего изданія, т. е. въ 1885 году, «Газета» будетъ выходить на прежнихъ условіяхъ, безъ предварительной цензуры и въ значительно улучшенномъ составѣ, въ объемѣ 2-хъ, 3-хъ листовъ въ недѣлю.

Ежемесячно прилагаются особо ПАРИЖОНІЯ МОДЫ, съ рисунками модъ и узоровъ, и 6 разъ въ годъ—по листу модныхъ выкроекъ, заключающему въ себѣ 4—5 выкроекъ полныхъ костюмовъ.

«Газета» сообщаетъ подробно политическія и общественныя новости, распоряженія Правительства, новости торговли и биржевыя, изобрѣтенія и открытія въ области ремеслъ, искусствъ и наукъ.

Для легкаго чтенія помѣщаются повѣсти и рассказы преимущественно историческіе, стихотворенія, статьи научнаго содержанія, имѣющія общій интересъ и изложенныя въ общедоступной формѣ, а также критика, библиографія. Газета даетъ въ годъ болѣе 700 рисунковъ въ текстѣ. Въ ней принимаютъ участіе своими трудами лучшіе наши ученые художники.

Преміи на 1885 годъ: 1) Крестный календарь на 1886 годъ на веленовой бумагѣ. 2) Повѣсти и романы иностранныя (въ приложеніи къ номерамъ). 3) Иллюстрированныя драмы Шекспира (выпускъ 5-й—драма «Макбетъ» въ прекрасномъ переводѣ С. А. Юрьева) и проч.

Новые подписчики могутъ, по особому заявленію съ ихъ стороны, получать бесплатно большую олеографическую картину, представляющую точное (съ натуры) изображеніе СВЯЩЕННАГО КОРОНОВАНІЯ ИХЪ ВЕЛИЧЕСТВЪ въ 1883 году.

Подписная цѣна на 1885 годъ:

Безъ доставки на годъ 4 руб.; съ доставкою и пересылкою на годъ 5 руб.; на полгода (съ января и іюля) 3 руб.; 1 мѣсяць 60 к. За границу—7 руб., на полгода 3 р. 50 к.

«Газету» прежнихъ годовъ, съ 1875 г. по 1883 г. (кромя 1880 и 1883 гг.), можно получать изъ редакціи по 3 руб. за томъ (годъ), съ пересылкою.—Годовъ 1880 и 1883 не имѣется уже ни одного экземпляра.

Адресъ: Москва, Никитскій бульв., д. Гатцука.

Редакторъ-издатель А. Гатцукъ.

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ КАЛЕНДАРЬ

А. ГАТЦУКА

на 1885 г.

Полнѣйшій изъ русскихъ календарей,
издающихся уже 14-й годъ.

цѣна—безъ пересылки 1 руб., въ изящномъ переплетѣ 1 р. 50 коп.

• съ пересылкою 1 р. 30 к., въ переплетѣ 2 руб.

Адресъ редакціи: Москва, Никитскій бульв., д. Гатцука.

Въ книжныхъ магазинахъ Цинзерлинга (въ Спб.), Мамонтова (въ Москвѣ) и въ ред. „Русской Старины“ можно получить слѣдующее изданіе:

Очерки и рассказы М. И. Семеvскаго изъ русской исторіи XVIII в.

I.

ЦАРИЦА ПРАСКОВЬЯ

1664—1723 гг.

Спб., 1883 г., въ 8-ю д., съ портретомъ царицы Прасковьи, отпечатаннымъ хромофотографически красками. Цѣна два руб.

(Осталось 97 экземпляровъ.)

II.

„СЛОВО И ДѢЛО!“

1700—1725 гг.

Тайная канцелярія при Петрѣ I-мъ.—Самуиль Выморковъ, проповѣдникъ явленія антихриста.—Камеръ-фрейлина Гамильтонъ.—Петръ Великій какъ юмористъ. Къ книгѣ приложены рисунки: изображеніе пытки виска на дыбѣ и наказаніе батогами въ Россіи. Изданіе третье, исправленное и пересмотрѣнное. Спб., 1885 г., въ 8 д., стр. VI+350. Цѣна два руб.

Примѣчаніе. Все второе изданіе этой книги разошлось сполна. Напечатано третье изданіе безъ перемѣнъ, кромѣ описовъ противъ подлинныхъ документовъ, каковыя описки и ошибки исправлены, послѣ сличенія съ подлинными бумагами. Цѣна третьему изданію книги „Слово и дѣло“ 2 руб. 50 к.

III.

ЦАРИЦА ЕКАТЕРИНА АЛЕКСѢВНА, АННА И ВИЛЛИМЪ МОИСЬ

1692—1724 гг.

съ приложеніемъ двухъ портретовъ—царицы Авдотьи Ѳедоровны и Катерины Алексѣвны, и пяти рисунковъ: Нѣмецкая слобода (два рис.) и домъ Лефорта въ концѣ XVII вѣка въ Москвѣ; казнь стрѣльцовъ въ 1698 г.; казнь колесованіемъ въ Россіи при Петрѣ I.

Спб., 1884 г., въ 8 д., стр. IV+362. Цѣна 2 р. 50 к.

Примѣчаніе. Подписчики „Русской Старины“ на 1885 г. (по 25-ое января 1885 года) каждую изъ поименованныхъ книгъ могутъ получить за одинъ руб. съ пересылкой.

фактический и ясный. Часть этого тома занята очеркомъ событій западно-русской церкви въ славянской періодъ, а другая посвящена исторіи лицъ и учреждений православныхъ и униатскихъ епархій въ западномъ краѣ. Трудъ г. Чистовича безъ сомнѣнія составитъ весьма важное подспорье въ общимъ трудамъ по церковной исторіи, въ которыхъ не всегда съ достаточною полнотою излагаются событія западно-русской церкви.

Русскіе труды по исторіи Прибалтійскаго края.

Считаемъ необходимымъ занести въ нашу библиографическую лѣтопись два весьма почетныхъ труда, посвященныхъ исторіи края, столь близкаго нашей исторіи, но ищающаго свою судьбу и свою культуру. Исторія его богата матеріалами, которые съ большимъ стараніемъ и усердіемъ издаются мѣстными учеными и обществами; затѣмъ она представляетъ не мало цѣнныхъ монографическихъ работъ, преимущественно относящихся къ древнему періоду (до XIII в.). Многие изъ нихъ съ большимъ вниманіемъ останавливаются на мелочныхъ и спорныхъ вопросахъ, часто шестнаго, седьмого или экономическаго характера, но не всегда считаютъ нужнымъ обращаться къ болѣе общимъ историческимъ интересамъ. Русскому изслѣдователю не приходится руководствоваться такими соображеніями, а потому нельзя не приветствовать появленія въ нашей литературѣ трудовъ г. Трунина «Введеніе христіанства въ Ливонію» (Спб. 1884, XXII + 442, ц. 3 р.) и г. Форстена: «Борьба за господства на Балтійскомъ морѣ въ XV и XVI столѣтіяхъ» (Спб. 1884, 619 + 43, ц. 3 р.).

Въ первомъ изъ нихъ авторъ подробно останавливается на этнографіи края и религіи ливонцевъ, латышей и эстовъ до принятія христіанства; затѣмъ слѣдитъ за сношеніями ливонцевъ съ западомъ и востокъ до XIII в., за завоеваніемъ Ливоніи ильшанами и, наконецъ, даетъ подробный очеркъ внутренней жизни, церковныхъ учреждений и состоянія народа по введеніи христіанства. Всюду авторъ пользуется для своего труда источниками и литературою по каждому отдельному вопросу. Особенный интересъ для русскаго историка представляетъ 2-я глава II части

(167—200), въ которой онъ разбираетъ извѣстія и мнѣнія о первыхъ сношеніяхъ, степени подчиненности края русскимъ князьямъ и позднѣйшихъ притязаній (XVI в.) на владѣніе имъ, основывавшихся на тѣхъ же отношеніяхъ.

Второй трудъ только вскользь затрагиваетъ отношенія къ Россіи; но, по своему несомнѣнному историческому интересу (гвиздскія дѣла и судьба балтійскаго поморья до XVI в.), близко стоитъ къ ей исторіи; авторъ останавливался, такъ сказать, у самаго порога болѣе систематическихъ стремленій къ балтійскому поморью со стороны Россіи. Въ примѣчаніяхъ же къ тексту и въ приложенияхъ къ своему труду онъ постоянно помѣщаетъ важнѣйшія мѣста изъ своихъ источниковъ.

Кромѣ того, оба автора даютъ обстоятельный обзоръ и оцѣнку источниковъ и трудовъ, посвященныхъ разсматриваемымъ вопросамъ.

Сулимовскій архивъ. Фамильные бумаги Сулими, Скорупы и Войцеховичей. XVII—XVIII вв. Съ 5-ю портретами. К. 1884. 316 стр. Ц. 2 р.

Изданіе этого сборника матеріаловъ сдѣлано извѣстнымъ изслѣдователемъ по исторіи Малороссіи А. Д. Лазаревскимъ. Въ предисловіи къ нему, собиратель сообщаетъ интересныя свѣдѣнія о судьбѣ частныхъ архивовъ въ Малороссіи и историческій очеркъ фамилій, матеріалы о которыхъ вошли въ изданный сборникъ. Изданіе сопровождается портретами, родословными списками и указателями.

Указатель къ изданіямъ временной комиссіи для разбора древнихъ актовъ (1845—1877 гг.). Составилъ И. П. Новицкій. К. 1883. 978 стр. Ц. 4 р.

Первый томъ этого труда (указатель лицъ) появился въ 1878; второй томъ—посвященъ географическимъ именамъ и вмѣстѣ съ тѣмъ носитъ заглавіе матеріаловъ для исторической географіи южной и западной Россіи, служа такимъ образомъ дополненіемъ недавно изданнаго труда г. Головацкаго. Указатель не ограничивается только номенклатурою памятниковъ комиссіи, но опредѣляетъ и нынѣшнія названія и положенія мѣстъ. Такимъ образомъ и работа составителя получила уже характеръ ученаго изслѣдованія.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЬ

„РУССКАЯ СТАРИНА“

1885 г.

ШЕСТИНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Цѣна за 12 книгъ, съ гравированными лучшими художниками портретами русскихъ дѣятелей, ДЕВЯТЬ руб., съ пересылкою.

Подписка принимается для городскихъ подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ „Русской Старины“, Невскій просп., противъ Гостиннаго двора, д. № 46, книжный магазинъ г. ЦИНЗЕРЛИНГА.

Въ Москвѣ—въ отдѣленіи конторы, при книжномъ магазинѣ Ник. Ив. Мамонтова, на Кузнецкомъ мосту, домъ Фирсанова.

Гг. Иногородные обращаются исключительно: въ С.-Петербургѣ, въ Редакцію журнала „Русская Старина“, на Большую Подъяческую, близъ Екатерининскаго канала, домъ № 7

Въ „РУССКОЙ СТАРИНѢ“ помѣщаются:

I. Записки и Воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія, очерки и рассказы о дѣльяхъ эпохахъ и отдѣльныхъ событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и XIX-го вв.—III. Жизнеописанія и матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и пр.—IV. Статьи изъ исторіи русской литературы и искусства; переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники русскихъ писателей и артистовъ.—V. Отзывы о русской исторической литературѣ.—VI. Историческіе рассказы и преданія.—Характерная челобитная, переписка и вообще документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлаго времени.—VII. Народная словесность.—VIII. Родословія.

Можно получить въ конторахъ редакціи слѣдующія изданія журнала:

- „Русская Старина“ 1870 г., третье изд., 12 кн., съ портретами, 8 руб.
- „Русская Старина“ 1876 г., второе изд., 12 кн., съ портретами, 8 руб.
- „Русская Старина“ 1877 г., двѣнадцать книгъ, съ портретами, 8 руб.
- „Русская Старина“ 1878 г., двѣнадцать книгъ, съ портретами, 8 руб.
- „Русская Старина“ 1879 г., двѣнадцать книгъ, съ 12 портрет., 8 руб.
- „Русская Старина“ 1880 г., второе изд., 12 книгъ, съ 12 портрет., 8 руб.
- „Русская Старина“ 1881 г., 12 кн. (96 экз.), съ портретами, 8 руб.
- „Русская Старина“ 1882 г., 12 кн. (26 экз.), съ 12-тью портр., 9 руб.
- „Русская Старина“ 1883 г., 12 кн. (65 экз.), съ 17 портр. и рис., 9 руб.
- „Русская Старина“ 1884 г., 12 кн., изданіе второе, съ портр., 9 руб.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

Годъ шестнадцатый.

ФЕВРАЛЬ.

1885 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

- I. Посмертныя записки Николая Ивановича Пирогова. Гл. ХLI—ХLII. 257
- II. Арсеній Мацѣвичъ, митрополитъ ростовскій, въ семлѣ, 1767—1772 гг. Гл. I—II. Очеркъ. Состав. П. Я. Морозкинъ. . . 311
- III. Записки И. Н. Мердера, воспитателя цесаревича Александра Николаевича, 1824—1834 гг. . . 339
- IV. Константинъ Владимировичъ Чевнинъ, † 1875 г. Очеркъ . . . 365
- V. Владиміръ Ивановичъ Назимовъ. Очеркъ изъ новейшей лѣтописи азиатской Россіи . . . 385
- VI. «Морскій Сборникъ» въ 1853—1863 гг. Очеркъ. . . . 411
- VII. Императоръ Александръ II въ Курской губерніи въ 1861 г. Разсказъ Н. Давыдова . . . 419
- VIII. Ю. О. Самаринъ и Н. А. Милотинъ въ январѣ 1859 г. . . . 431
- IX. Фодоръ Ивановичъ Тютчевъ: Стихотворенія: 1. *Пламя рдеетъ, пламя пышетъ.*—2. *Такъ, въ жизни есть мгновенія* . . . 433
- X. Графъ Эдуардъ Ивановичъ Толубенъ. Сообщ. П. В. Азабинъ. 440
- XI. Славное Баязетское сидѣнье въ июнь 1877 г. Гл. XIV—XXI. Очеркъ по запискамъ очевидцевъ. 443
- XII. Стихотворенія крестьянина-поэта С. Д. Дронкина: 1. Въ крестьянской семьѣ.—2. Юношѣ-поэту.—3. *Благословенъ тотъ каждый мизъ.*—4. Лучинишка 478
- XIII. О возобновленіи памятника на могилѣ Волынскаго, Еропкина и Хруцова, † 27 іюня 1740 г. . 477
- XIV. Матеріалы и замѣтки: Церковь при Обуховской больницѣ (469).—Братья-журналисты, стихотвореніе П. П. Куликова (471).—М. Ю. Лермонтовъ (474).—П. О. Трушевскій (418).—П. П. Бударинцевъ, замѣтка А. Д. Галахова (468).
- XV. Библиографическій листокъ.

ПРЕДЛОЖЕНІЕ: Портретъ члена государственнаго совѣта, ст.-секр. Николая Алексѣевича Милотина († 1872 г.). Гравировалъ на жѣлѣ академикъ И. Н. Пожалодинъ.

Продолжается подписка на „РУССКУЮ СТАРИНУ“ изд. 1885 г.

Шестнадцатый годъ изданія. Цѣна 9 руб.

Вышла и разсылается книга: „ЦАРИЦА ЕКАТЕРИНА АЛЕКСѢВНА, АННА и ВИЛЛИМЪ МОНСЪ“, третій выпускъ историческихъ очерковъ М. И. Семеваго, съ портретами и рисунками. Цѣна два рубля пятьдесятъ коп. съ пересылкою.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева, Екатерининскій каналъ, д. № 78.

1885.

Сборникъ матеріаловъ для исторіи общины и общественныхъ земель въ лѣвобережной Украинѣ XVIII вѣка. (Полтавская губ.). И. Лучицкій. Кіевъ. 1884 г., въ 8 д., стр. 271+44. Цѣна 2 руб.

Это собраніе документовъ, составляющихъ приложение къ изслѣдованію объ общинѣ, общественныхъ земляхъ и тѣхъ способахъ пользованія ими, какіе существовали въ лѣвобережной Украинѣ, начиная съ XVII в. Изслѣдованіе это извѣстнаго и уважаемаго кіевского ученаго и профессора г. Лучицкаго должно скоро появиться въ свѣтъ.

Историческіе рассказы и бытовые очерки Е. П. Карновича. Спб. 1884 г., въ 8 д., стр. 520, съ 50 гравюрами и портретами. Изданіе А. С. Суворина. Цѣна 3 руб. 50 к.

Въ ряду современныхъ отечественныхъ писателей, посвящающихъ себя разработкѣ русской исторіи и притоку новѣйшихъ ея періодовъ, Евгений Петровичъ Карновичъ занимаетъ видное мѣсто. Прекрасно владея своимъ предметомъ, писатель опытный, всегда съ удовольствіемъ встрѣчаемый читателями на стр. лучшихъ нашихъ журналовъ, — онъ рассказываетъ всегда интересно и обстоятельно. Нынѣ вышедшее собраніе его очерковъ, до сихъ поръ разсѣянныхъ въ журналахъ, вмѣщаетъ въ себя слѣдующія статьи: Коронаваніе государей. — Московскіе люди XVII вѣка. — Ассамблеи при Петрѣ Великомъ. — Очерки русскаго придворнаго быта въ XVIII ст. — Два брака. — Братья Тренкъ въ Россіи. — Роговая музыка въ Россіи. — Двѣ герцогини Курляндскія. — Аббатъ Жоржель въ Россіи. — Генералъ Моро въ русской службѣ.

Книга уврашена весьма отчетливо исполненными полиטיפажамъ и портретами.

Дѣйствія отрядовъ генерала Скобелева въ русско-турецкую войну 1877—1878 гг. Ловча и Плевна. Съ картою и планомъ. Соч. генер. штаба ген.-майора Куропаткина. Спб. 1885 г., въ 8 д., двѣ части, стр. 678. Цѣна за двѣ части пять руб.

Славное имя автора, ближайшаго сподвижника героя Скобелева, одно уже говорить за интересъ этого историческаго труда. Значеніе его громадно не только

для читателей военныхъ, подлежащихъ изученію эту книгу, но и вообще для всѣхъ, кто только желаетъ ближе ознакомиться съ друми наиважайшими эпизодами эпопеи войны 1877—1878 гг.: Ловча и Плевна. Цѣль труда г. Куропаткина, какъ онъ самъ заявляетъ въ предисловіи: «выясненіе и изученіе слабыхъ и сильныхъ сторонъ нашихъ войскъ, выказанныхъ ими подъ Плевною и Ловчею. Глубоко убѣжденный, что наши недостатки, сказавшіеся на боевомъ полѣ, поправимы, а наши достоинства единственны, авторъ не опасался указывать и разбирать ошибки и частные недостатки, ибо только правдивое признаніе и изученіе этихъ недостатковъ могутъ указать средства и дать силу для необходимой борьбы съ ними еще въ мирное время».

Какъ жаль, что далеко не всеми военачальниками раздѣляется этотъ просвѣщенный взглядъ питомца славной Николаевской академіи и героя послѣднихъ войнъ Россіи. Напротивъ того, у насъ все болѣе и болѣе выступаетъ стремленіе заградить уста военнымъ писателямъ, сковывая ихъ всевозможными запретами по отношенію къ печати. Результатъ можетъ повториться тотъ-же, что было съ нами не разъ: вновь грянетъ громъ войны, а опытъ прежнихъ поколѣній, за-гробовымъ молчаніемъ въ военно-исторической литературѣ, не принесетъ ничего новымъ поколѣніемъ воиновъ и ихъ вождямъ, и они вновь начнутъ на своемъ личномъ опытѣ, съ жестокими потерями и страданіями, повторять ошибки своихъ предшественниковъ.

Послѣдніе матеріалы для библиографин или описаніе книгъ, брошюръ, художественныхъ изданій гравюръ и портретовъ, русскихъ иностранныхъ, находящихся в библиотекѣ Я. О. Березина-Ширлева, имъ самимъ составленное. Спб., 1884 г., въ 8 д., стр. 566.

Книга издана въ количествѣ 360 экз. Это новый трудъ, и мы надѣемся, что не послѣдній, одного изъ самыхъ почтенныхъ и уважаемыхъ нашихъ библиофиловъ и библиографовъ.

Съ 1848 г. Яковъ Федоровичъ Березинъ-Ширлевъ, не жалѣя ни времени, ни труда, ни издержекъ, печатаетъ въ видѣ

Портрет на млади Ив. Пържалостивъ. 1883 година.

Ив. Пържалостивъ

ПОСМЕРТНЫЯ ЗАПИСКИ НИКОЛАЯ ИВАНОВИЧА ПИРОГОВА.

ВЪ МОСКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

ХЛІ ¹⁾.

Студенческая жизнь въ московскомъ университетѣ, до кончины императора Александра I, была привольная. Мы не видавали попечителя—кн. Оболенскаго. Я его только разъ видѣлъ на актѣ, да и съ ректоромъ — Прокоповичемъ-Антонскимъ — встрѣчались вступающіе въ университетъ кутилы и забіяки. Я его видалъ также только на актѣ. Мундировъ тогда еще не было у студентовъ. Не смотря на это, я не помню ничего особенно неприличнаго или рѣзко выдававшася въ наружномъ видѣ студентовъ. Скорѣе выдавалась и поражала насъ наружность у профессоровъ, такъ какъ одни изъ нихъ въ своихъ каретахъ, запряженныхъ четверкою, съ ливрейными лакеями на запяткахъ (какъ М. Я. Мудровъ, Лодеръ и Е. О. Мухинъ) казались намъ важными сановниками, а другіе—инфантеристы или ѣздившіе на ваньвахъ во фризovýchъ шинеляхъ—имѣли видъ преслѣдуемыхъ судьбою паріевъ.

Но со вступленіемъ на престолъ Николая I, послѣ декабрьскихъ дней, и мы почувствовали перемѣну въ воздухѣ.

Слышимъ, что назначается новый попечитель, военный генералъ Писаревъ; слышимъ, что новый государь, во время пребыванія его въ Москвѣ, посѣтилъ, почти инкогнито, универси-

¹⁾ См. „Русскую Старину“ изд. 1884 г., т. XLIII, сентябрь, стр. 455—502; т. XLIV, октябрь, стр. 1—52; ноябрь, стр. 223—274; декабрь, стр. 445—496; изд. 1886 г., т. XLV, январь, стр. 1—54.

тетъ и университетскій пансіонъ, разсердился страшно, увидѣвъ имя Кюхельбекера, написанное золотыми буквами на доскѣ въ залѣ университетскаго пансіона; Антонскій не догадался снять доску или стереть ненавистное имя бунтовщика, бывшаго отличнымъ ученикомъ.

Антонскій, говоря, намъ сказывали, былъ смѣненъ за эту недогадливость, а прежній фрачный попечитель былъ замѣненъ мундирнымъ.

Мы слышали также, что государь, пріѣхавъ на дрожжахъ въ университетъ и узнанный только сторожемъ, оставленнымъ гвардейскимъ солдатомъ, пошелъ прямо въ студенческія комнаты, велѣлъ при себѣ переворачивать тюфяки на студенческихъ кроватяхъ и подъ однимъ тюфякомъ нашелъ тетрадь стиховъ Полежаева.

Полежаевъ угодилъ въ солдаты.

Вскорѣ послѣ этого посѣщенія были введены студенческіе мундиры, для меня, и вѣрно для многихъ другихъ, кое-какъ перебивавшихся, — новый расходъ.

Сестры ухитрились смастерить мнѣ изъ стараго фрака какую-то мундирную куртку съ краснымъ воротникомъ и свѣтлыми пуговицами, но неопредѣленнаго цвѣта и я, пользуясь позволеніемъ тогдашняго добраго времени, оставался на лекціяхъ въ шинели и выставялъ напоказъ только верхнюю, обмундированную, часть тѣла.

Не замедлилъ явиться предъ нами въ аудиторіяхъ и мундирный попечитель, тотчасъ же при своемъ появленіи прозванный, по свойству его рѣчи, фаготомъ. Дѣйствительно, рѣчь была отрывистая, рѣзкая. Я видѣлъ и слышалъ этого фагота, благодареніе Богу, только два раза на лекціяхъ: одинъ разъ на лекціи у профессора химіи Геймана, другой разъ у Мухина, и оба раза появленіе было сопровождаемо нѣкотораго рода скандаломъ.

У Геймана на лекціи фаготъ, — высокий, плечистый генералъ въ военномъ мундирѣ, входившій всегда съ шумомъ, въ сопровожденіи своихъ драбантовъ, — встрѣтилъ моего прежняго нахлѣбника Жемчужникова въ странномъ для него костюмѣ: студенческій незастегнутый мундиръ, какіе-то уже вовсе немундирные панталоны и съ круглою шляпою въ рукахъ.

— „Это что значить?“ произнесъ фаготъ самымъ рѣзкимъ и пронзительнымъ голосомъ, нарушившимъ тишину аудиторіи и

вниманіе слушателей, прикованное къ химическому опыту Геймана. „Такихъ надо удалить изъ университета“, продолжалъ такимъ же голосомъ фаготъ.

Жемчужниковъ всталъ, сдѣлалъ шагъ впередъ и, поднимая свою круглую шляпу, какъ бы съ цѣлью надѣть ее себѣ тотчасъ же на голову, прехладновровно сказалъ: „да я не дорожу вашимъ университетомъ“, поклонился и вышелъ вонъ.

Фаготъ не ожидалъ таковой для него небывалой выходки подчиненнаго лица и какъ-то смолеть.

Въ аудиторію Мухина фаготъ ввалился однажды и сказалъ уже такую глупость, которая вѣрно не прошла ему даромъ.

Надо знать, что въ началѣ царствованія Николая, почему-то, — а можетъ быть именно благодаря разнымъ безтактнымъ выходкамъ фагота, — русскіе наши нѣмцеѣды видимо стали на дыбы, полагая, что пришелъ на ихъ улицу праздникъ. Начались разныя, не совсѣмъ приличныя, выходки и противъ таковой высокостоящей во всѣхъ отношеніяхъ личности, какъ Юстъ Христіанъ Лодеръ.

Мухинъ всполошился особенно и какимъ-то образомъ достигъ на нѣкоторое время того, что даже началъ читать лекціи въ анатомическомъ амфитеатрѣ, прежде ни для кого, кромѣ Лодера, недоступномъ. Это продолжалось однако-же недолго. Мухинъ почему-то снова перешелъ на лекціи въ прежнюю аудиторію свою, въ зданіи университета, также въ довольно пространную (человѣкъ на 250), но не такъ удобную.

Вотъ въ эту-то переполненную аудиторію и ввалился съ шумомъ фаготъ.

— „Почему же вы не читаете тамъ?“ спрашиваетъ онъ Мухина, указывая рукою по направленію анатомическаго театра.

— „Да тамъ, ваше высокопревосходительство, Лодеръ раскладываетъ кости и препараты предъ своими лекціями“.

— „А! если такъ, то я его самого разложу“, отвѣчаетъ громко на всю аудиторію фаготъ.

Лодеру донесли объ этомъ глупомъ фарсѣ. И вскорѣ мы услышали, что самъ король прусскій довелъ до свѣдѣнія государя о проискахъ противъ маститаго ученаго. Съ тѣхъ поръ его оставили въ покоѣ и чрезъ нѣсколько времени послѣ этого происшествія явилась и анненская звѣзда у Лодера, послужившая поводомъ къ сочиненію рацеи М. Я. Мудрова.

XLII.

Наконецъ, наступилъ и 1827 годъ, принесшій намъ на свѣтъ высочайше утвержденный проектъ академика Паррота. Первое сообщеніе, болѣе метафорическое, чѣмъ оффиціальное, мы услышали на лекціи Мудрова. Приѣхавъ однажды ранѣе обыкновеннаго на лекцію, М. Я. Мудровъ вдругъ ни съ того, ни съ сего начинаетъ намъ повѣствовать о пользѣ и удовольствіи отъ путешествій по Европѣ, описываетъ восхожденіе на ледники Альпійскихъ горъ, рассказываетъ о бытѣ-жизнѣ въ Германіи и Франціи, о пуховикахъ, употребляемыхъ вмѣсто одѣялъ нѣмцами, и проч., и проч. Что за притча такая? думаемъ мы, ума не приложимъ, къ чему все это влонится. И только къ концу лекціи, проговоривъ битый часъ, М. Я. Мудровъ объявляетъ, что по высочайшей волѣ призываются желающіе изъ учащихся въ русскихъ университетахъ отправиться, для дальнѣйшаго образованія, за границу.

Я какъ-то разсѣянно прослушалъ это первое извѣщеніе.

Потомъ, я гдѣ-то, кажется на репетиціи, приглашаюсь уже прямо Мухинимъ.—Опять Е. О. Мухинъ!

— „Вотъ, поѣхаль-бы, приглашаются только одни русскіе; надо пользоваться случаемъ“.

— Да я согласенъ, Ефремъ Осиповичъ, бухнулъ я, насколько не думая и не размышляя.

Какъ объяснить эту неожиданную для меня самого рѣшительность. Тогда я не наблюдалъ надъ собою, а теперь нельзя рѣшить навѣрное, что было главнымъ мотивомъ. Но сколько я себя помню, мнѣ кажется, что главною причиною скорого рѣшенія было мое семейное положеніе.

Какъ не былъ я тогда молодъ, но помню, что оно нерѣдко меня тяготило. Мнѣ уже 16 лѣтъ, скоро будетъ и 17, а я все на рукахъ бѣдной матери и бѣдныхъ сестеръ. Положимъ, получу и степень лекаря, а потомъ что? Нѣтъ ни средствъ, ни связей, не найдешь себѣ и мѣста. Въ то-же время было и неотступное желаніе учиться и учиться.

Московская наука, не смотря на свою отсталость и поверхностность, все-таки оставила кое-что, не дававшее покоя и звавшее впередъ.

— „Выбери предметъ занятій, какую-нибудь науку“, говорить Е. О. Мухинъ.

— Да я, разумѣтся, по медицинѣ, Ефремъ Осиповичъ.

— „Нѣтъ, такъ нельзя; требуется непременно объявить, которою изъ медицинскихъ наукъ желаешь исключительно заняться“, настаиваетъ Ефремъ Осиповичъ.

Я, не долго думая, да и брякнулъ такъ: „физиологію“.

Почему я указалъ на физиологію? спрашивалъ я послѣ самаго себя.

Отвѣтъ былъ: во-первыхъ, потому, что я въ моихъ ребяческихъ мечтахъ представлялъ себѣ, будто я съ физиологію знакомъ болѣе, чѣмъ со всѣми другими науками. А это почему? А потому, что я зналъ уже о кровообращеніи, зналъ, что есть на свѣтѣ химусъ и хилусъ, зналъ и о существованіи грудного протока, зналъ, наконецъ, что желчь выдѣляется въ печени, моча въ почкахъ, а про селезенку и поджелудочную желѣзу не я одинъ, а и всѣ еще немного знаютъ; сверхъ этого, физиологія немислима безъ анатоміи, а анатомію-то уже я знаю, очевидно, лучше всѣхъ другихъ наукъ.

Но все это во-первыхъ, а во-вторыхъ—кто предлагаетъ мнѣ сдѣлать выборъ предмета занятій; развѣ не Ефремъ Осиповичъ, не физиологъ? Уже вѣрно мой выборъ придется ему по вкусу. Но не тутъ-то было. Ефремъ Осиповичъ сдѣлалъ длинную физиономию и коротко и ясно рѣшилъ:

— „Нѣтъ, физиологію нельзя; выбери что-нибудь другое“.

— Такъ позвольте подумать...

— „Хорошо, до завтра; тогда мы тебя и запишемъ“.

Дома я ничего не объявилъ ни матери, ни сестрамъ, а началъ обдумывать все дѣло уже почти рѣшенное, то есть дѣйствовать по нашему, по русски, заднимъ умомъ и, право, поступилъ не худо; дѣйствуя переднимъ, я, вѣроятно, не попалъ-бы въ профессорскій институтъ и жизнь сложилась бы на другихъ началахъ и Богъ вѣсть—какихъ. На что же, спрашиваю я себя, далъ я мое согласіе? На то, чтобы ѣхать за границу учиться. Да на какихъ же условіяхъ? вѣдь, не зная ихъ, попадешь, пожалуй, и въ кабалу. Да, впрочемъ, Богъ съ ними съ этими условіями, хуже не будетъ.

Бѣгу въ университетъ, справляюсь, прислушиваюсь, совѣ-

туюсь; наконецъ, кое-что узнаю и рѣшаюсь: такъ какъ физиологію мнѣ не позволили выбрать, а другая наука, основанная на анатоміи, по моему мнѣнію, есть одна только хирургія, я и выбираю ее. А почему не самую анатомію? А вотъ, поди, узнай у самого себя—почему? Навѣрное не знаю, но мнѣ сдается, что гдѣ-то издалека, какой-то внутренній голосъ подсказалъ тутъ хирургію. Кромѣ анатоміи есть еще и жизнь,—и, выбравъ хирургію, будешь имѣть дѣло не съ однимъ трупомъ.

Меня интересовали однако-же не мало и другія науки. Я ужасно любилъ химію, особливо послѣ геймановскихъ лекцій. Фармакологія мнѣ представлялась также, не смотря на всю несостоятельность ея представителя въ московскомъ университетѣ, В. М. Котельницкаго, весьма занимательною. Когда я сообщилъ о моемъ желаніи посвятить себя не одной, а нѣсколькимъ наукамъ моимъ товарищамъ, то они, конечно, трунили надо мною, не подозрѣвая, что я черезъ годъ или два сдѣлаюся отчаяннымъ, самымъ отчаяннымъ адептомъ спеціализма въ наукѣ, а потомъ чрезъ нѣсколько лѣтъ перевоюю снова въ другой лагерь.

Въ этотъ же день я явился въ правленіе, нашелъ тамъ Е. О. Мухина (декана), объявилъ ему мой выборъ и тотчасъ же былъ имъ подвергнутъ предварительному испытанію, изъ котораго я узналъ положительно, что цѣль отправленія насъ за границу есть приготовленіе къ профессорской дѣятельности; а какъ для профессора прежде всего необходимо имѣть громкій голосъ и хорошіе дыхательные органы, то предварительное испытаніе и должно было рѣшить вопросъ: въ какомъ состояніи обрѣтаются мои легкія и дыхательное горло. За неимѣніемъ въ то время спирометровъ и полного незнакомства экзаменаторовъ съ аускультациею и перкуссіею, Ефр. Осиповичъ заставилъ меня громко и не переводя духа прочесть какой-то длиннѣйшій періодъ въ изданной имъ физиологіи Ленгоссена, что я и исполнилъ вполнѣ удовлетворительно.

Тотчасъ же имя мое было внесено въ списокъ желающихъ, то есть будущихъ членовъ профессорскаго института. Только повончивъ все это дѣло, я возвратился домой и объявилъ моимъ домашнимъ торжественно и не безъ гордости, что

— „Ѣду путешествовать на казенный счетъ“.

Въ это время случился тутъ сосѣдъ портной, позванный для

исправленія моея шинели; услыхавъ, что я ѣду путешествовать, онъ глубокомысленно замѣтилъ: „знаю, знаю, слыхалъ: значить, ѣдете открывать неизвѣстные острова и земли“.

Я не старался разубѣждать его и былъ очень радъ тому, что мать и сестры, хотя и опечаленныя неожиданнымъ извѣстіемъ, не оказали никакого противодѣйствія; матушка, по обыкновенію, набожно перекрестилась, поцѣловала меня и сказала: „благослови тебя Богъ; когда же ѣдешь?“

— „Послѣ лекарскаго экзамена, мѣсяца черезъ два“.

Между тѣмъ по собраннымъ свѣдѣніямъ и слухамъ дѣло настолько выяснилось, что я узналъ подробнѣе о цѣли и объ условіяхъ. Дополнилъ собранныя свѣдѣнія тѣмъ, что я узналъ впоследствии.

Я представляю себѣ исторію развитія профессорскаго института, въ который меня завербовалъ ехронтно Е. О. Мухинъ, въ слѣдующемъ видѣ:

Академикъ Парротъ былъ свидѣтелемъ въ Дерптѣ и С.-Петербургѣ смутныхъ и выходящихъ изъ ряду вонъ событій, постигшихъ наши университеты въ концѣ царствованія Александра I (при министерствахъ вн. А. И. Голицына и Шишкова и попечительствѣ Магницкаго и проч.), а вмѣстѣ съ ѣтимъ, узнавъ въ подробности отъ извѣстныхъ иностранныхъ профессоровъ казанскаго и друг. университетовъ о печальномъ состояніи нашей университетской науки, — воспользовался своимъ исключительнымъ положеніемъ и намѣреніями новаго государя преобразовать всю учебную часть въ государствѣ. Новому государю было извѣстно, что Парротъ пользовался особеннымъ расположеніемъ и довѣріемъ Александра I, имѣя къ нему всегда свободный доступъ.

Парротъ (родомъ изъ Эльзаса и сотоварищъ знаменитому Кювье) былъ долго профессоромъ физики въ дерптскомъ университетѣ; а послѣ своего перехода изъ Дерпта въ с.-петербургскую академію наукъ, онъ былъ вѣрно очень радъ назначенію князя Ливена, бывшаго попечителя дерптскаго университета, на мѣсто Шишкова — министромъ народнаго просвѣщенія при самомъ началѣ царствованія Николая.

Это назначеніе, какъ я полагаю, много содѣйствовало успѣху проекта Паррота, главнѣйшимъ и самымъ существеннымъ пунктомъ

второго было подготовленіе русскихъ молодыхъ людей, кончившихъ курсъ въ разныхъ университетахъ, въ дерптскомъ университетѣ для дальнѣйшихъ занятій наукою заграницею.

Дерптскій университетъ въ это время, послѣ позорной катастрофы съ производствомъ въ доктора какихъ-то темныхъ личностей, достигъ небывалой еще научной высоты, и достигъ именно при попечительствѣ князя Ливена, тогда какъ другіе русскіе университеты падали со дня на день все ниже и ниже, благодаря обскурантизму и отсталости разныхъ попечителей.

Число русскихъ, посылаемыхъ для подготовки на два, на три года изъ нашихъ университетовъ въ дерптскій, опредѣлялось 20-ю.

Послѣ двухъ-лѣтняго пребыванія въ Дерптѣ они должны были отправляться еще на два года въ заграничные университеты и потомъ прослужить извѣстное число лѣтъ профессорами въ вѣдомствѣ министерства народнаго просвѣщенія. Содержаніе въ Дерптѣ назначалось въ 1200 руб. ассигн. ежегодно (нѣсколько болѣе 300 руб. сер.), на путевыя издержки полагалась тоже особая сумма. Молодые люди разныхъ университетовъ, собранные въ С.-Петербургѣ, должны были, по прибытіи въ С.-Петербургъ, подвергнуться предварительному еще испытанію въ академіи наукъ.

Я началъ готовиться къ лекарскому экзамену. Онъ прошелъ очень легко для меня, даже легче обыкновеннаго, весьма поверхностнаго, можетъ быть потому, что мое назначеніе въ кандидаты профессорскаго института считалось уже эквивалентомъ лекарскаго испытанія.

XLIII.

Что же я везъ съ собою въ Дерптъ?

Какъ видно, весьма ничтожный запасъ свѣдѣній и свѣдѣній болѣе книжныхъ, тетрадныхъ, а не наглядныхъ, не прибрѣтенныхъ подъ руководствомъ опыта и наблюденія. Да и эти книжныя свѣдѣнія не могли быть сколько нибудь удовлетворительны, такъ какъ я, въ теченіи всего университетскаго курса, не прочелъ ни одной научной книги, ни одного учебника, что назы-

вается, отъ доски до доски, а только урывками, становясь въ пень предъ непонятными мѣстами; а понять многого безъ руководства я и не могъ.

Хорошъ я былъ лекарь съ моимъ дипломомъ, дававшимъ мнѣ право на жизнь и смерть, не выдавъ ни однажды тифознаго больного, не имѣвъ ни разу ланцета въ рукахъ! Вся моя медицинская практика въ клиникѣ ограничивалась тѣмъ, что я написалъ одну исторію болѣзни, видѣвъ только однажды моего больного въ клиникѣ и для ясности прибавивъ въ эту исторію такую массу, вычитанныхъ изъ книгъ, припадковъ, что она поневолѣ изъ исторіи превратилась въ свазку.

Поликлиники и частной практики для медицинскихъ студентовъ того времени вовсе не существовало, и меня только однажды случайно пригласили къ одному, проживавшему въ одномъ съ нами домѣ, больному чиновнику. Онъ лежалъ уже должно быть въ агоніи, когда мнѣ предлагали вылечить его отъ послѣдствій жестокаго и продолжительнаго запоя. Видя мою несостоятельность, я, первое дѣло, счелъ необходимымъ послать тотчасъ же за циркульникомъ; онъ тотчасъ явился, принесъ съ собою, на всякій случай, и клистирную трубку. Собственно я и самъ не зналъ, для чего я пригласилъ циркульника; но онъ зналъ уже *par distance*, что нуженъ клистиръ и, раскусивъ тотчасъ же съ кѣмъ имѣетъ дѣло, объявилъ мнѣ прямо и твердо, что тутъ безъ клистира дѣло не обойдется.

— „Пощупайте сами животъ хорошенько, если мнѣ не вѣрите, утверждалъ онъ, отведя меня въ сторону, вѣдь онъ такъ вздутъ, что лопнуть можетъ“.

Я, пощупавъ животъ, тотчасъ же одобрилъ намѣреніе моего мною же импровизированнаго коллеги. Дѣло было ночью; что произошло потомъ съ клистиромъ—не помню; но помню, что больного къ утру не было уже на свѣтѣ.

Въ благодарность за мои труды вдова прислала мнѣ черныи фракъ повойнаго, въ который могли бы влѣзть двое такихъ, какъ я. Этотъ незаслуженный гонораръ былъ очень встати; передѣланный портнымъ, полагавшимъ, что я ѣду открывать острова и земли, фракъ этотъ поѣхалъ со мною и въ Дерптъ и прожилъ со мною еще и тамъ цѣлыхъ 5 лѣтъ.

Второй и послѣдній случай моей частной практической дѣя-

тельности въ Москвѣ былъ тоже таковой, въ которомъ клистиръ игралъ главную роль.

Заболѣла весьма серьезно чѣмъ-то, не знаю, моя старая нянька, Катерина Михайловна; помню, лежитъ, не двигается, стонетъ, говорить: „умираю“; ни ѣсть, ни пить, не испражняется, не спитъ, все стонетъ. Не знаю, что ей тамъ давали изъ домашнихъ средствъ, только помощи не было; проходить недѣля, другая, все то же; старуха исхудала, пожелтѣла,—очевидно плохое дѣло. Мнѣ ее ужасно жалко, хотѣлось бы помочь, но чѣмъ руководствоваться? А вотъ постой, думаю, вѣдь она не ходитъ на низъ цѣлыхъ 10—12 дней: дай поставлю ей клистиръ.

Предлагаю на обсужденіе мой проектъ моимъ домашнимъ и самой больной.

— „Да, батюшка мой, вѣдь я ничего не ѣмъ, не пью, почти 2 недѣли у меня крохи во рту не было“.

— Нужды нѣтъ, все таки поставимъ.

— „Да, какъ же это, да кто же поставитъ, да гдѣ же взять?“

— Не безповойся.

И вотъ я достаю трубку, варю ромашку съ мыломъ и постнымъ масломъ, надѣваю преважно фартукъ, поворачиваю старуху на лѣвый бокъ и въ первый разъ въ жизни ставлю клистиръ самоучкою.

Все обошлось благополучно. Клистиръ вышелъ потомъ не одинъ, и кто могъ думать!—моя старая няня съ этого же дня начала поправляться, спать, кушать, а дней чрезъ 10 была уже на ногахъ. Вотъ что значитъ искренняя любовь и привязанность, руководившія мною въ первый разъ въ жизни и въ діагнозѣ, и въ терапіи, и въ хирургическомъ пособіи при постели больной.

Моя нравственная сторона ѣхала изъ Москвы въ Дерптъ также мало культивированною, какъ и научная.

Моя дѣтская вѣра была потрясена тѣмъ слабымъ знаніемъ, которое я прибрѣлъ въ университетѣ. Почему же это могло случиться съ такимъ бѣднымъ и малообразованнымъ школьникомъ, каковымъ я былъ, тогда какъ величайшіе и свѣтлые умы, обогащенные громадными свѣдѣніями, нерѣдко соединяли въ себѣ глубокое знаніе съ искреннею вѣрою? То, я полагаю, болѣзнь нашего вѣка, въ которомъ немного найдется такихъ исключеній,

какъ Іоганнъ Мюллеръ или Рудольфъ Вагнеръ; первый ревностный католикъ, второй протестантъ, и оба знаменитые естествоиспытатели, успѣвшіе и въ наше время примирить знаніе съ вѣрою. Эта болѣзнь нашего вѣка зависитъ, я полагаю, отъ того, что именно въ наше время знаніе, и конечно поверхностное, быстро распространилось въ массахъ, недовольно подготовленныхъ къ воспринятію науки и знанія предшествовавшими вѣками.

Яркій свѣтъ современной науки ослѣпилъ и вскружилъ голову ходившихъ прежде въ потемкахъ. Вышедшему быстро изъ потемокъ на свѣтъ, съ перваго взгляда покажется все, конечно, слишкомъ яснымъ и потому несомнѣннымъ; а тутъ являются еще и просвѣтителі, которые для эффекта подпускаютъ все болѣе и болѣе свѣта, хотя бы и искусственнаго.

Если я, возвращаясь теперь къ моему давно прошедшему, только подумая, что заставило меня покинуть мои дѣтскія вѣрованія, что заставило перестать молиться съ дѣтскимъ усердіемъ, что внесло въ молодую душу разъѣдающій червь сомнѣнія и способствовало съ необыкновеннымъ усердіемъ его дальнѣйшему развитію, — то я не нахожу другой причины, какъ именно эти двѣ. Съ одной стороны меня озарилъ вдругъ свѣтъ естествознанія, тогда какъ я не былъ подготовленъ къ его принятію никакимъ другимъ положительнымъ знаніемъ, а просвѣтителями моими оказались люди, такъ-же какъ и я самъ, ослѣпленные слишкомъ быстрымъ переходомъ отъ тьмы невѣдѣнія къ свѣту науки. Немучимый никакими сомнѣніями и, при моемъ обрядно-религіозномъ воспитаніи, не имѣвшій даже почвы для сомнѣнія, я вдругъ выступилъ на поприще, требовавшее постоянной работы мысли. А все приобретаемое умственнымъ анализомъ неминуемо проходить чрезъ цѣлый рядъ сомнѣній. Могъ-ли же я, мальчишка, не вскружить себѣ голову, не охмѣлѣть и не перенести тотъ же самый способъ достиженія истины и на другую, для него вовсе непригодную, почву? Я видѣлъ, что такъ дѣлаютъ всѣ и болѣе опытные меня.

Знаніе, и тѣмъ болѣе научное, дѣлаетъ человѣка до того самодовольнымъ, что онъ, приобрѣтя это знаніе, тотчасъ старается распространить на всѣ области своей духовной жизни, отвергая, что между ними есть и нѣкоторыя имѣющія мало общаго съ научнымъ, т. е. приобрѣтеннымъ путемъ анализа, знаніемъ.

Развѣ тотъ не живетъ и не достоинъ имени человѣка, кто твердо вѣритъ, крѣпко надѣется, горячо любитъ и просто, то есть ненаучно и, такъ сказать, бессознательно знаетъ? Неужели мы вправѣ назвать такую жизнь не жизнью потому только, что этой личности не доставало средствъ и способовъ развить другую, умственную, сторону своей жизни? Не должны-ли мы всѣ стремиться къ приведенію нашей жизни въ гармоническое цѣлое, то есть къ равномѣрному развитію разныхъ сторонъ нашей умственной и духовной жизни? Такая высокая цѣль не утопія. Напротивъ, утопія то, когда мы полагаемъ облагодѣтельствовать человеческое общество, ведя его по одному пути знанія къ невѣдомой и недостижимой цѣли.

Какъ счастливы были бы мы, если бы наши юноши, выступая на научное поприще, были бы вполне внутренне убѣждены, что нельзя безнаказанно для самого себя пересаживать приобретенное научнымъ анализомъ на другую сторону нашей духовной почвы. Зная это твердо, многіе, очень многіе изъ насъ избѣгли бы жестокаго внутренняго погрома, который приходилось имъ не однажды переживать, мужаясь и старѣясь.

Моя университетская жизнь въ Москвѣ показала мнѣ недостатки той обрядной религіи, въ которой я воспитывался; но разрушенное не было замѣнено ничѣмъ лучшимъ; въ область вѣры было внесено отрицаніе, границъ котораго уже нельзя было опредѣлить. Молодой умъ съ тѣхъ поръ началъ бродить по всѣмъ закоулкамъ отрицанія. Полное невѣріе и атеизмъ уже охватывали душу. Къ счастью моему, я не былъ *esprit fort*; я не могъ не обращать взоръ на небо въ тяжкія минуты жизни, а быть подлецомъ въ отношеніи къ самому себѣ, отвергать что бы то ни было въ счастья и прибѣгать къ его помощи въ бѣдѣ, казалось мнѣ несомнѣннымъ съ достоинствомъ человѣка.

Если такъ шатка была у меня религіозная сторона, то и понятія мои о нравственности въ эту эпоху жизни также не были крѣпки. И какая нравственность возможна безъ идеала! Тѣ обманываютъ и себя, и другихъ, которые полагаютъ основы нравственности въ взаимныхъ интересахъ, эгоизмѣ и т. п. Они берутъ одни внѣшнія проявленія, одну, такъ сказать, обрядную

сторону нашего нравственнаго быта и не даютъ себѣ труда заглянуть глубже внутрь самихъ себя, а можетъ быть и дѣйствительно находять въ себѣ не то, что слѣдовало бы еще отыскивать. Наша бѣда именно въ томъ и состояла, и состоитъ, что отцы наши не успѣли и не сумѣли вынести на свѣтъ какой-либо руководящей идеаль, предъ которымъ необходимо было бы остановиться съ глубокимъ уваженіемъ.

Теперь этого уже не сдѣлаешь: поздно; а было время, когда реализмъ не господствовалъ еще такъ надъ умами, какъ теперь, и идеалы не срывались такъ насильственно съ ихъ пьедесталовъ.

У меня не было ни положительной религіи, ни руководствующаго идеала, именно, въ то опасное время жизни, когда страсти и чувственность начинали заявлять свои права. Но до 18-ти лѣтъ я избѣжалъ сношенія съ женщинами. 16-ти лѣтъ, незадолго до отъѣзда моего въ Дерптъ, я былъ только платонически влюбленъ въ дочь моего крестнаго отца, дѣвушку старше меня. Въ это же самое время я почитывалъ съ однимъ товарищемъ купленнаго на толкучкѣ *Arg amandі* Овидія, понимая его съ грѣхомъ пополамъ.

Предметъ моей платонической первой любви была стройная блондинка съ тонкими чертами, чрезвычайно мелодическимъ и звучнымъ голосомъ и голубыми, улыбающимися глазами. Эти глаза и этотъ голосъ, сколько я помню, и плѣнили мое сердце. Чѣмъ же обнаруживалась моя любовь? Во первыхъ тѣмъ, что во всякое свободное время леталъ, хотя и пѣшкомъ, изъ Кудрина въ Ильѣ Пророку въ Басманную; во вторыхъ, не упускалъ при этомъ ни одного удобнаго случая, чтобы не завить волосы барашками. Какъ страннымъ кажусь я теперь самому себѣ, когда представляю себѣ, что моя плѣшивая голова нѣкогда могла быть покрытою завитыми пучольками!!... Въ третьихъ, я не упускалъ также ни одного случая, чтобы не поцѣловать тонкую, нѣжную ручку, какъ, на примѣръ, играя съ нею въ мельники, фанты и подавая ей что нибудь со стола и однажды, о блаженство! когда я хотѣлъ поцѣловать ея руку, подававшую мнѣ бутербродтъ, она загнула ее назадъ и поцѣловала меня въ щеку, возлѣ самыхъ губъ.

Наконецъ, когда я оставался ночевать въ гостяхъ у моего

крестнаго отца, то любовь будила меня рано утромъ и выгоняла въ садъ, конечно не зимою; тогда я садился противъ оконъ спальни, выходившихъ въ садъ, мечталъ и ожидалъ съ нетерпѣніемъ, когда она встанетъ и появится въ бѣлой утренней одеждѣ у окна. Предметъ моей любви пѣлъ очаровательные два французскіе романса, изъ которыхъ одинъ: *vous allez à la gloire*, я не могъ слушать безъ слезъ.

Самые ея недостатки, изъ которыхъ одинъ дѣлалъ на меня особенное впечатлѣніе, мнѣ нравились; это была необыкновенная и какая-то прозрачная синева подѣ глазами.

Когда я былъ въ Москвѣ теперь на моемъ юбилей, я не зналъ ѣхать-ли мнѣ или нѣтъ навѣстить мою первую любовь? Братъ ея былъ у меня и сказалъ мнѣ, что онъ живетъ вмѣстѣ съ нею, и что она хромаетъ послѣ перелома ноги. Но ѣхать я раздумалъ.

Если мои прежнія пуголки на головѣ и голый черепъ настоящаго времени дѣлаютъ меня для меня какимъ-то страннымъ, — на себя не похожимъ, — двойникомъ, то идти посмотрѣть на другую развалину равносильно было бы поѣздѣ на кладбище.

Но cemento погі для старика вездѣ много. О взаимности, конечно, не могло быть и рѣчи. Она была дѣвушка-невѣста извѣстной въ Москвѣ фамиліи почетнаго гражданина, тогда еще владѣвшаго довольно хорошими средствами (прежняго милліонера); я — мальчишка, только что кончившій курсъ въ университетѣ, безъ средствъ, и бравшій иногда подаваніе отъ ея отца.

Воспоминанія этой любви, то есть настоящія любовныя воспоминанія, продолжались недолго. Новая жизнь, новая обстановка, новые люди скоро внесли въ душу цѣлый рой другихъ, болѣе глубокихъ впечатлѣній.

XLIV.

Въ маѣ мѣсяцѣ намъ предписано было отправиться въ С.-Петербургъ.

Выдали отъ университета по мундиру и шпагѣ на брата и прогонныя. Везти насъ, — подѣ присмотромъ, — поручено было адъюнкту-профессору математики Щепьину. Отправлялись изъ Москвы: Шиховскій (Ив. Ос., уже докторантъ медицины — по ботаникѣ); Сокольскій (также докторантъ — по терапіи); Рѣдвинъ

(Петръ Григорьевичъ ¹⁾), по римскому праву); Коргухтроцкій (леварь—по акушерству), Коноплевъ (кандидатъ по восточн. яз.), Шуманскій (по исторіи) и я.

Собрались всё въ университетскомъ зданіи и выѣхали на перевладныхъ по двое; Щепкинъ въ своемъ экипажѣ.

Мнѣ пришлось ѣхать съ Шуманскимъ.

Приходится замѣтить въ общихъ чертахъ характеристику моихъ товарищей. Они стоятъ того.

За исключеніемъ Коноплева, оставшагося въ С.-Петербургѣ, я съ другими провелъ цѣлыя пять лѣтъ вмѣстѣ въ Дерптѣ и поневолѣ изучилъ. Во первыхъ Шуманскій, гдѣ-то онъ, живъ-ли? О немъ послѣ Дерпта я уже ничего не слыхалъ; съ тѣхъ поръ онъ для меня какъ въ воду канулъ; былъ замѣчательная личность, я потомъ не встрѣчалъ ни разу подобной, и едва ли гдѣ нибудь, кромѣ Россіи, встрѣчаются такого рода особы.

Шуманскій былъ старѣе меня однимъ или двумя годами; но лицо и особливо свѣтло-голубые, нѣсколько на выкатѣ, глаза были не молодые глаза; ростъ приземистый; сложеніе довольно крѣпкое. Способность къ языкамъ и знаніе языковъ отличное. Онъ говорилъ и писалъ на трехъ новѣйшихъ языкахъ (французскомъ, нѣмецкомъ и англійскомъ) въ совершенствѣ; по латынѣ и по гречески научился въ Дерптѣ въ два года. Память необыкновенная; прочитанное онъ могъ передавать иногда тѣми же словами тотчасъ по прочтеніи. Къ своей наукѣ (исторіи) показывалъ много интереса. Профессора въ Дерптѣ оставались чрезвычайно довольными его успѣхами. И не смотря на все это, Шуманскій, пробывъ около двухъ лѣтъ въ Дерптѣ, въ одно прекрасное утро, ни съ того, ни съ сего, объявляетъ, что онъ болѣе учиться въ Дерптѣ не намѣренъ, профессоромъ быть не хочетъ и уѣзжаетъ домой, уплативъ въ казну за всё причиненныя имъ издержки.

И никто, никто не узналъ, какая собственно причина такъ внезапно произвела такой переворотъ. Онъ скоро собрался и съ тѣхъ поръ исчезъ.

Шуманскій былъ сынъ помѣщика, получилъ очень хорошее домашнее воспитаніе; съ своею семьею онъ, вѣроятно, былъ не

¹⁾ Нынѣ членъ государственнаго совѣта.

въ ладахъ, когда учился въ московскомъ университетѣ и поступилъ въ профессорскій институтъ; этимъ можно объяснить, почему онъ избралъ учебное поприще вовсе не по желанію, а потомъ, при измѣнившихся обстоятельствахъ, тотчасъ же пересѣдлалъ. Къ тому еще онъ и попивалъ.

Я, считаясь его пріателемъ, съ тѣхъ поръ, какъ мы сдѣлали поѣздку изъ Москвы въ Петербургъ вмѣстѣ, не хотѣлъ отстаивать отъ него и въ первое время нашего пребыванія въ Дерптѣ я сходилса иногда съ нимъ и пилъ вмѣстѣ Kumpel и нѣсколько разъ, какъ я вспоминаю къ моему ужасу, до опьяненія.

Еще одно поражало меня въ Шуманскомъ. Это какая-то особенная религіозность. Не то, чтобы онъ былъ набоженъ; иногда онъ позволялъ себѣ и свободомысліе, но у него былъ своеобразный культъ. Онъ почему-то имѣлъ особое почтеніе и довѣріе къ храму Вознесенія въ Москвѣ, на улицѣ (забылъ названіе, хотя приходилось ходить по ней изъ Кудрина въ университетъ по четыре раза въ день), тогда модной въ Москвѣ, славившемуся изящными манерами священнослужителя, про котораго разсказывали, что онъ, проходя во время служенія мимо дамъ, всегда извинялся по французски: „excusez, mesdames“. Этому-то храму Вознесенія Шуманскій возсылалъ иногда теплыя молитвы на французскомъ языкѣ и я читалъ у него нѣсколько импровизированныхъ молитвъ этого рода, записанныхъ потомъ въ тетрадку.

Второй оригиналъ изъ моихъ московскихъ товарищей былъ Петръ Григорьевичъ Коргухтроцкій. Что-то необычайно угловатое и комическое лежало уже въ его наружности. Сутуловатый брюнетъ, съ чертами и цвѣтомъ лица, дѣлавшими его на видъ гораздо старѣе, чѣмъ онъ былъ на самомъ дѣлѣ; съ сѣдломъ на носу и рѣзкимъ, гнусливымъ голосомъ, Коргухтроцкій не могъ не обращать на себя вниманія съ перваго же взгляда. И дѣйствительно, это была личность sui generis.

Въ Москвѣ между студентами, и даже прежде еще между гимназистами, онъ былъ извѣстенъ за хорошаго ботаника; и дѣйствительно, по разсказамъ товарищей, занимался ею съ увлеченіемъ. Но, разсудивъ, какъ онъ самъ сознавался, что ботаника не накормитъ, онъ выбралъ для занятія предметъ болѣе прибыльный. Къ этому, по словамъ Троцкаго, много содѣйство-

валъ также знакомый ему и въ то время извѣстный въ Москвѣ акушеръ Карпинскій.

— Посмотри на меня, говорилъ ему Карпинскій, у меня, слава Богу, есть что ѣсть: а потому, мнѣ щипцы накладывать— все равно, что орѣхи щелкать.

И вотъ Коргухтроцкій отпрапляется въ Дерптъ по акушерству.

Первый мѣсяцъ ничего; все идетъ какъ надо. Профессоръ акушерства въ Дерптѣ старикъ Дейтшъ. У него въ первый разъ въ жизни Коргухтроцкій приглашается тушировать беременныхъ чухонекъ, занимавшихся для этой цѣли отъ клиники.

Безъ смѣха не могу вспомнить пластическіе рассказы Коргухтроцкаго, какъ онъ приступалъ къ невиданному и совершенно для него незнакомому дѣлу, какъ палецъ его заблудился, какъ онъ, сколько ни искалъ, не могъ достать маточной шейки; а потому и наговорилъ какую-то чушь, реферируя Дейтшу о результатѣ своихъ поисковъ. Услыхалъ онъ также намекъ профессора о необходимости взять у него *privatissimum*, то есть заплатить, вмѣстѣ съ другими, нѣсколько десятковъ рублей. Это былъ ножъ острый. Расходоваться Коргухтроцкій не любилъ. „Эдакъ, пожалуйста, братъ, тутъ безъ штановъ останешься, прежде чѣмъ научишься чему нибудь“. Къ счастью для него, не прошло и мѣсяца послѣ нашего прибытія въ Дерптъ, какъ насъ потребовали на *tentamen* по разнымъ предметамъ и преимущественно по естественнымъ наукамъ и греческому языку. Дѣлалось это для того, чтобы узнать пробѣлы въ нашихъ свѣдѣніяхъ и потомъ дать намъ возможность замѣстить ихъ.

И вотъ акушеръ мой, Коргухтроцкій, экзаменуется у знаменитаго профессора ботаники Ледебуръ вмѣстѣ съ нами. Даютъ намъ нѣсколько растений для опредѣленія. Мы не въ зубъ толкнуть, а онъ удивляетъ Ледебура точностію своего опредѣленія. Ледебуръ въ восхищеніи и говоритъ ему нѣсколько лестныхъ словъ. И мы узнаемъ, чрезъ нѣсколько дней, что акушерство замѣнено у Коргухтроцкаго ботаникою. Странно также, что этотъ, уже тогда старообразный человѣкъ лѣтъ 25-ти, чрезъ 20 слишкомъ лѣтъ женится на дочери одного изъ самыхъ младшихъ нашихъ товарищей (Котельникова, который былъ только годомъ или двумя старѣе меня).

Третій московскій оригиналь между нами былъ Григорій Ивановичъ Сокольскій, пріобрѣтшій между нами извѣстность постоянными сраженіями съ профессорами и вообще съ начальствомъ. Отъ М. Я. Мудрова Сокольскій получилъ какую-то особенную привязанность къ бруссеизму. Чтеніе нѣсколькихъ сочиненій Бруссе привело его въ восхищеніе своею наглядностью, простотою и логичностью. Онъ привезъ съ собою изъ Москвы диссертацію: „de dyssenteria“ и возилъ съ нею въ Дерптѣ нѣсколько лѣтъ, пока, послѣ разнаго рода передѣлокъ и ограниченій бруссеизма, факультетъ въ Дерптѣ разрѣшилъ ея защищеніе. Стараясь отклонить отъ себя упрекъ въ пристрастіи къ Бруссе, Сокольскій сослался на Тацита: „Galba, Otho, Vitellius mihi nec beneficium neque injuria sunt cogniti“. Но за его выходки противъ нѣмецкихъ профессоровъ они его сильно прижали и не выслали вмѣстѣ съ нами за границу, а отослали въ Петербургъ для дальнѣйшаго усовершенствованія къ Карлу Антоновичу Мейеру въ Обуховскую больницу, которому онъ потомъ такъ насолил столновеніями при постели больныхъ, что тотъ радъ былъ отъ него отдѣлаться и чрезъ годъ Сокольскій явился къ намъ въ Берлинъ, а здѣсь выкинулъ весьма рискованную для того времени штуку, уѣхавъ изъ Берлина безъ паспорта въ Цюрихъ къ Шенлейну и въ Парижъ...

Григорій Ивановичъ былъ человѣкъ недюжинный; я его любилъ за его особеннаго рода юморъ. Онъ былъ сынъ того московскаго священника, который въ 1820-хъ годахъ вздумалъ написать опроверженіе коперниковой системы; отъ отца перешла склонность къ оригинальности и къ сыну. Въ Москвѣ онъ также не ужилъ въ университетѣ и вышелъ въ отставку до эмеритуры, больно съостривъ на одномъ экзаменѣ надъ попечителемъ Голохвастовымъ.

Замѣчательна у этого нашего товарища была охота къ изученію механизма часовъ, который онъ зналъ необыкновенно точно, а потому умѣлъ довольно вѣрно опредѣлять достоинство часовъ. Въ Болгаріи, въ 1877 году, я встрѣтился съ однимъ врачомъ изъ московскаго университета, знавшимъ Сокольскаго, и услышалъ, что и до сего дня эта охота къ часамъ не прошла у Сокольскаго. По рассказамъ, въ его комнатѣ виситъ болѣе дюжины часовъ, механизмъ которыхъ онъ такъ регулировалъ, что они всѣ бьютъ въ одинъ моментъ.

Жаль, что на юбилей въ Москвѣ мое здоровье и хлопоты мнѣ не позволили навѣстить Сокольскаго.

Я послалъ ему мою варточку съ стихами Тредьяковскаго, которые Сокольскій любилъ распѣвать нѣкогда:

Когда бы мнѣ сто усть и столько же языковъ,
 Столь сильный гласъ былъ данъ....
 То и тогда-бъ всѣхъ глупостей родовъ
 Не могъ измыслить я обильно ¹⁾.

Судьба моихъ товарищей,—ихъ было 21,—собранныхъ по первому призыву въ профессорскій институтъ, меня интересуетъ нерѣдко.

Со многими изъ нихъ я не встрѣчался ни разу съ тѣхъ поръ, какъ мы поѣхали за границу, съ нѣкоторыми видѣлся потомъ въ Москвѣ и Петербургѣ; но въ дружествѣ или товариществѣ ни съ кѣмъ изъ нихъ не былъ впоследствии.

Въ живыхъ изъ 21-го еще, сколько мнѣ извѣстно: П. Г. Рѣдкинъ, Сокольскій, Мих. Куторга, Коргухтроцкій, Котельниковъ, Ивановскій и куда я еще—шестеро и то не навѣрное ²⁾; значить смерть похитила въ теченіи 53 лѣтъ 15,—вѣроятно и болѣе. Двое умерли еще въ Дерптѣ: Шеляревскій, чудный парень и поэтъ,—отъ чахотки (с.-петербургскаго университета), и одинъ ипохондрикъ довольно ограниченныхъ способностей, изъ Харькова,—отъ холеры; остальные потомъ, и изъ нихъ одинъ, Чивилевъ, бывшій наставникъ у покойнаго наследника Николая Александровича, сгорѣлъ въ царскосельскомъ дворцѣ.

Измучившись ѣздой на перекладной, никогда еще не ѣздивши по дорогамъ съ перекладинами изъ бревенъ, которыя замѣняли въ то время во многихъ мѣстахъ шоссе, мы остановились сначала въ какой-то гостинницѣ, едва ли не „Демуть“, въ С.-Петербургѣ, а потомъ для насъ отвели пустопорожнее помѣщеніе въ тогдашнемъ университетскомъ домѣ, кажется у Семеновскаго моста.

Первый визитъ былъ хозяину Щучьяго двора, какъ его тогда звали, директору департамента народнаго просвѣщенія (Д. И. Языкову, какому-то молчаливому и натянутому бюрократу; при-

¹⁾ По неясности подлинника не отвѣчаемъ за вѣрность стиха. Ред.

²⁾ Знаки вопроса поставлены Н. И. Пироговымъ.

глашены были въ нему на обѣдъ; обѣдали скучно и безмолвно, а потомъ представились и самому министру народнаго просвѣщенія, князю Ливену—генералу-нѣмцу, говорившему весьма плохо по русски, пѣтисту по убѣжденію.

Назначенъ былъ, наконецъ, экзаменъ въ академіи наукъ.

Для насъ, врачей, пригласили экзаменаторовъ изъ медико-хирургической академіи и именно Велланскаго и Буша.

Бушъ спросилъ у меня что-то о грыжахъ довольно слегка; я ошибся только *per lapsum linguae*, сказавъ вмѣсто *art. epigastrica*—*art. hypogastrica*. А я, признаться, трусилъ. Гдѣ, думаю, мнѣ выдержать порядочный экзаменъ изъ хирургіи, которою я въ Москвѣ вовсе не занимался. Радость послѣ выдержанія экзамена была, конечно, большая. Слава Богу, назадъ не воротать. Вообще экзаменъ въ академіи для всѣхъ нашихъ сошелъ хорошо съ рука, за исключеніемъ Петра Григорьевича Рѣдкина. Его, несчастнаго, отдѣлалъ тогда академикъ Грефъ напропалую и далъ такой строгій относительно *judicium*, что рѣшили не посылать П. Г. Рѣдкина въ Дерптъ. Онъ, однако же, хорошо сдѣлалъ, что не послушался такого варварскаго рѣшенія и поѣхалъ съ нами на свой счетъ. Въ Дерптъ чрезъ нѣсколько времени рѣшили иначе.

Въ Дерптъ я ѣхалъ втроемъ съ Рѣдкинымъ и Сокольскимъ на долгихъ; ночевали въ Нарвѣ; впервые въ жизни видѣли водопадъ и кусокъ моря и прибыли въ заѣзжий домъ къ Фрею въ Дерптъ, за нѣсколько дней до начала осенне-зимняго семестра.

XLV.

Въ Дерптѣ мы всѣ должны были поступить подъ команду Вас. Мих. Перевощикова, профессора русскаго языка.

Перевощиковъ перешелъ въ Дерптъ изъ Казани, гдѣ онъ былъ профессоромъ во времена Магницкаго, положившаго глубокой отпечатокъ на всю его дѣятельность и даже на самую фizioномію.

Квартиры для насъ были уже наняты и я помѣстился вмѣстѣ съ Коргухтроцкимъ и Шиховскимъ довольно въ глухомъ мѣстѣ, почти наискосокъ противъ дома профессора хирургіи Мойера.

Вас. Мих. Перевощиковъ игралъ нѣкоторую роль въ моей жизни и я долженъ остановиться на этой личности. Съ самаго начала между нами пробѣжала черная вошка и отношенія мои къ Перевощикову могли бы въ послѣдствіи имѣть для меня весьма печальныя послѣдствія. Перевощиковъ былъ типъ сухого, безжизненнаго, скрытнаго или, по крайней мѣрѣ, ничего не выражающаго бюрократа; самая походка его плавная, равномерная и какъ-бы предусмотрѣнная, выражала характеръ идущаго. Цвѣтъ лица пергаментный; щеки и подбородокъ гладко выбриты; рѣчь, какъ и походка, плавная и монотонная, безъ малѣйшаго повышенія или пониженія голоса. Перевощиковъ повелъ насъ гурьбою по профессорамъ. По нѣмецки онъ не говорилъ почему-то и краткая бесѣда велась или на французскомъ, или на смѣшанномъ языкѣ. Спрашивали по французски, отвѣчали по нѣмецки; спрашивали по нѣмецки, отвѣчали по французски. Для меня самое отрадное посѣщеніе было дома Мойера.

Иванъ Филипповичъ (такъ его звали по русски) Мойеръ, эстляндецъ, но происхожденія по отцу голландскаго, былъ профессоръ хирургіи въ дерптскомъ университетѣ.

Съ именемъ Мойера въ памяти у меня сохранились разныя чувства. Да, чувства сохраняются въ памяти также, какъ и знанія. И эти чувства неодиночныя. Я сохраняю къ Мойеру: во-первыхъ, чувство безпредѣльной благодарности и вмѣстѣ съ нею досады и на себя, и на него; досаду и на себя, и на него; почему это глубокое чувство благодарности осталось въ душѣ не вполнѣ чистымъ и безупречнымъ—это объяснить мой дальнѣйшій рассказъ, а теперь пока надо отдѣлаться отъ Перевощикова.

Какъ теперь его вижу идущаго съ нами по улицамъ; этотъ сжатый ротъ, эта кисточка на шапкѣ, эта медленная, — въ тактъ, — поступь и эта скрытая злость противъ мальчишки, ему вовсе незнакомаго!

Перевощиковъ имѣлъ, конечно, инструкцію слѣдить за нашею нравственностію и онъ, какъ формалистъ, полагалъ, что ничѣмъ не можетъ онъ предъ начальствомъ показать такъ свою заботу о нашей нравственности, какъ посѣщая насъ въ разное время и врасплохъ. Онъ это и дѣлалъ въ началѣ нашего пребыванія въ Дерптѣ. Однажды онъ приходитъ къ намъ (въ домъ

Реберга, напротивъ дома Мойера); я въ это время былъ на лекціи. Перевощиковъ садится въ проходной комнатѣ, ведущей въ наши спальни, и бесѣдуетъ съ моими товарищами (Шиховскимъ и Коргухтроцкимъ). Я, не ожидая такого посѣщенія, вхожу прямо со двора, по обыкновенію, въ шапкѣ и иду прямо въ мою комнату и только отворивъ дверь въ нее, примѣчаю, что въ другомъ углу сидитъ Перевощиковъ. Но было поздно. Перевощиковъ видѣлъ, что я взошелъ въ шапкѣ и не скинулъ ее тотчасъ же передъ нимъ, и объяснилъ это себѣ моимъ неуваженіемъ къ начальству. И мало того, что онъ объяснилъ такъ себѣ, но донесъ это, какъ я послѣ узналъ, и въ Петербургъ, по начальству. Мнѣ въ голову не могло придти что-нибудь подобное; тѣмъ болѣе, что я, оправивъ мой таулетъ, вышелъ изъ моей комнаты въ общую и принялъ участіе въ общей бесѣдѣ съ Перевощиковымъ и товарищами; онъ не показалъ и виду, что недоволенъ мною. Но, въ концу семестра, Перевощиковъ призываетъ меня къ себѣ въ кабинетъ, тщательно запираетъ дверь за собою, садится близко меня и таинственно, въ полголоса, спрашиваетъ меня, по обыкновенію, медленно, съ разстановкою:

— „Скажите, Пирговъ, какую рекомендацію о вашемъ поведеніи я долженъ сдѣлать высшему начальству?“

Я остолбенѣлъ. Наконецъ, собравшись съ духомъ, говорю:

— „Какую вамъ угодно, Василій Михайловичъ, я тутъ ничего не могу“.

— „Но послѣ тѣхъ знаковъ неуваженія къ начальству, которые я имѣлъ случай замѣтить, судите сами, могу ли я васъ рекомендовать съ хорошей стороны?“

Это что же такое, думаю я, и ума не приложу, къ чему это онъ ведетъ. Я прошу объясненія. Причина объясняется. Тогда я оправился и какъ ни былъ я еще молодъ, но, видя, что имѣю дѣло или съ злымъ умысломъ, или съ мономаніей, я встаю и смѣло говорю:

— „Василій Михайловичъ, вы, конечно, можете очернить предъ высшимъ начальствомъ, какъ вамъ угодно; но одно мнѣ кажется, я имѣю право требовать отъ васъ, чтобы вы мотивировали вашу рекомендацію обо мнѣ тѣмъ фактомъ, на которомъ вы основываетесь“; сказавъ это, я распрощался, и съ тѣхъ поръ къ Демьяну ни ногой.

Въ Петербургъ пошло донесеніе Перевощикова неизвѣстно въ какомъ видѣ. Изъ Петербурга прислано мнѣ чрезъ Перевощикова-же строгое замѣчаніе, но я его не слыхалъ отъ него. Обстоятельства перемѣнились. И я съ тѣхъ поръ Перевощикова встрѣчалъ только иногда на улицахъ. Не помню даже отдалъ-ли я ему прощальный визитъ, когда онъ былъ уволенъ, послѣ скандала, сдѣланнаго ему студентами на лекціи. Онъ былъ ими выбарabanенъ (ausgetrommelt) также вслѣдствіе его подозрительности, мелочности и безтактной обидчивости.

XLVI.

Семейство Мойера, защитившаго меня отъ навѣтовъ нашего аргуса, состояло изъ трехъ особъ: самого профессора, его тещи Катерины Аванасьевны Протасовой (урожд. Буниной) и семи—восьми-лѣтней дочери Мойера — Кати. Жены Мойера, старшей дочери Протасовой, уже давно не было на свѣтѣ и Мойеръ остался до конца жизни вдовцомъ.

Это была личность замѣчательная и высоко талантливая. Уже одна наружность была выдающаяся. Высокій ростомъ, породный, но необрюзглий отъ толстоты, широкоплечій, съ крупными чертами лица, умными голубыми глазами, смотрѣвшими изъ-подъ густыхъ, нѣсколько нависшихъ бровей, съ густыми, уже сѣдыми нѣсколько, щетинистыми волосами, съ длинными, красивыми пальцами на рукахъ, Мойеръ могъ служить типомъ виднаго мужчины. Въ молодости онъ, вѣроятно, былъ очень красивымъ блондиномъ. Рѣчь его была всегда ясна, отчетлива, выразительна. Лекціи отличались простотою и ясностію и пластичною наглядностію изложенія. Талантъ къ музыкѣ былъ у Мойера необыкновенный; его игру на фортепіано и особливо пьесъ Бетховена можно было слушать цѣлыя часы съ наслажденіемъ. Садясь за фортепіано, онъ такъ углублялся въ игру, что не обращалъ уже никакого вниманія на его окружающихъ. Нѣсколько близорукій, носилъ постоянно большія серебрянныя очки, которыя иногда снималъ при производствѣ операцій.

Характеръ Мойера нельзя было опредѣлить однимъ словомъ, вообще же можно сказать, что это былъ талантливый лѣнивонецъ.

Лѣнность или, вѣрнѣе, квіетизмъ Мойера иногда доходилъ до того, что, начавъ какой-либо занимательный разговоръ съ знакомымъ, онъ откладывалъ дѣла, не терпящія отлагательства; пережвнить свое *in statu quo*, начать какую нибудь новую работу или заняться разборомъ давно уже ждавшаго его дѣла,—это сущая напасть для Мойера. Онъ подходилъ къ дѣлу съ разныхъ сторонъ, приближался, опять отходилъ и снова предавался своему квіетизму. Въ наше время Мойеръ имѣлъ уже много занятій по имѣнню своей дочери въ Орловской губерніи, ѣздилъ иногда туда въ вакаціонное время и къ своей наукѣ уже (былъ) довольно холоденъ, читалъ мало, операцій, особливо трудныхъ и рискованныхъ, не дѣлалъ; частной практики почти не имѣлъ, и въ клиникѣ нерѣдко большая часть кроватей оставались незамѣщенными.

Повидимому, появленіе на сцену нѣсколькихъ молодыхъ людей, ревностно занимавшихся хирургіею и анатоміею, къ числу которыхъ принадлежали, кромѣ меня, Иноземцевъ, Даль, Лингардтъ, нѣсколько оживили научный интересъ Мойера. Онъ, къ удивленію знавшихъ его прежде, дошелъ въ своемъ интересѣ до того, что занимался вмѣстѣ съ нами по цѣлымъ часамъ препарированіемъ надъ трупами въ анатомическомъ театрѣ.

Но, не смотря на охлажденіе къ наукѣ и его квіетизмъ, Мойеръ своимъ практическимъ умомъ и основательнымъ образованіемъ, приобретеннымъ въ одной изъ самыхъ знаменитыхъ школъ, доставлялъ истинную пользу своимъ ученикамъ. Онъ образовался преимущественно въ Италіи, въ Павіи, въ школѣ знаменитаго Ант. Ок. Скарпы, и это было во времена апогея славы этого хирурга. Посѣщеніе госпиталей Милана и Вѣны, гдѣ въ то время находился Рустъ, докончило хирургическое образованіе Мойера.

Возвратясь въ Россію, онъ прямо попалъ хирургомъ въ военные госпитали, переполненные ранеными въ отечественной войнѣ 1812 года. Какъ операторъ, Мойеръ владѣлъ истинно хирургическою ловкостію, несуетливой, неспѣшной и негрубой. Онъ дѣлалъ операціи, можно сказать, съ чувствомъ, съ толкомъ, съ разстановкою. Какъ врачъ, Мойеръ терпѣть не могъ ни лечить, ни лечиться и къ лекарствамъ не имѣлъ довѣрія. И изъ наружныхъ средствъ онъ употреблялъ въ леченіи ранъ почти однѣ припарки.

Екатерина Афанасьевна Протасова была приземистая, скорбленная старушка, лѣтъ 66, но еще съ свѣжимъ, пріятнымъ лицемъ, умными сѣрыми глазами и тонкими, сложенными въ улыбку, губами. Хотя она носила очки, но видѣла еще такъ хорошо, что могла вышивать по канвѣ и была на это мастерица; любила чтеніе, разговаривала всегда ровнымъ и довольно еще звучнымъ голосомъ; страдала съ давнихъ поръ, по крайней мѣрѣ разъ въ мѣсяць, мигренями и потому подвязывала голову всегда, сверхъ челща, шелковымъ платкомъ.

Вотъ эта - то почтенная особа, заинтересованная вѣроятно моею молодостію и неопытностію, и стала моею покровительницею. Она интересовалась моею прежнею жизнью въ Москвѣ, часто спрашивала меня про житье-бытье моей семьи, оставшейся въ Москвѣ, и, узнавъ отъ Мойера о замѣчаніи, полученномъ изъ Петербурга о моемъ поведеніи по доносу Перовщикова, заставила меня откровенно рассказать въ подробности о случившемся.

Изъ-за меня, конечно не по моей винѣ, сдѣлался и нѣкоторый разладъ между двумя домами; жена Перовщикова (если не ошибаюсь урожд. Княжевичъ, Екатер. Матвѣевна) и дочь ея, посѣщавшія прежде нерѣдко Екатерину Афанасьевну, прекратили свои посѣщенія. Когда, въ концу семестра, вышелъ срокъ найму моей квартиры въ домъ Реберга, то Екат. Афанасьевна предложила мнѣ переѣхать къ нимъ въ домъ, гдѣ я и жилъ нѣсколько мѣсяцевъ, пока не очистилось помѣщеніе въ клиникѣ, въ которомъ я и оставался вмѣстѣ съ Иноземцевымъ до самаго отъѣзда за границу. Мойеръ, при заступничествѣ Екат. Афанасьевны, вѣроятно, нашелъ средства оправдать меня; такъ или нѣтъ, но доносъ Перовщикова не имѣлъ для меня никакихъ худыхъ послѣдствій, тѣмъ болѣе, что въ это же время я принялся серьезно работать надъ заданною факультетомъ хирургическою темою о перевязкѣ артерій, награжденной потомъ золотою медалью. Я торжествовалъ и не безъ причины. Я работалъ. Дни я просиживалъ въ анатомическомъ театрѣ надъ препарированіемъ различныхъ областей, занимаемыхъ артеріальными стволами, дѣлалъ опыты съ перевязками артерій на собакахъ и телятахъ, много читалъ, компилировалъ и писалъ.

Латынь помогли мнѣ обработать товарищи филологи (покой-

ные Крюковъ и Шкляревскій), признаюсь, для красоты слога, жертвовалъ иногда и содержаніемъ; но диссертация въ 50 писч. листовъ, съ нѣсколькими рисунками съ натуры (съ моихъ препаратовъ), вышла на славу и заставила о себѣ заговорить и студентовъ, и профессоровъ.

Рисунки съ моихъ препаратовъ артерій надъ трупами, снятые съ натуры, въ натуральной величинѣ, красками, хранятся и до сихъ поръ, я слышалъ, въ анатомическомъ театрѣ въ Дерптѣ.

Добрѣйшая Еватерина Афанасьевна пригласила меня обѣдать постоянно съ ними, и я съ тѣхъ поръ былъ, въ теченіи почти пяти лѣтъ, домашнимъ человѣкомъ въ домѣ Мойера. Тутъ я познакомился и съ Василюмъ Андреевичемъ Жуковскимъ. Поэтъ былъ незаконный сынъ (отъ плѣнной турчанки) ея отца Бунина, воспитывался у нея въ домѣ, влюбился въ свою старшую племянницу, которая вышла потомъ замужъ за Мойера (Еватер. Аф. не дала согласія на бракъ влюбленныхъ, считая это грѣхомъ).

Я живо помню, какъ однажды Жуковскій привезъ манускриптъ Пушкина „Борисъ Годуновъ“ и читалъ его Екат. Афанасьевнѣ; помню также хорошо, что у меня пробѣжала дрожь по спинѣ при словахъ Годунова: „и мальчики кровавые въ глазахъ“¹⁾.

XLVII.

Въ воспоминаніи сохранилось у меня, не смотря на протевшія уже съ тѣхъ поръ 50 слишкомъ лѣтъ, съ какимъ рвеніемъ и юношескимъ пыломъ принялся я за мою науку; не находя много занятій въ маленькой клиникѣ, я почти всецѣло отдался изученію хирургической анатоміи и производству операцій надъ трупами и живыми животными. Я былъ въ то время безжалостенъ къ страданіямъ.

Однажды, я помню, это равнодушіе мое къ мукамъ животныхъ при вивисекціяхъ поразило меня самого такъ, что я, съ ножомъ въ рукахъ, обратившись къ ассистировавшему мнѣ товарищу, невольно вскрикнулъ:

— „Вѣдь такъ, пожалуй, легко зарѣзать и человѣка“.

Да, о вивисекціяхъ можно многое сказать и за, и противъ.

¹⁾ Далѣе зачеркнуто: „Другой зять Екатерины Афанасьевны—Воейковъ, былъ темною“... далѣе сильно зачеркнуто.

Несомнѣнно, онѣ важное подспорье наукѣ и оказали и окажутъ ей несомнѣнныя и неоцѣненныя услуги. Права человѣка дѣлать вивисекціи также нельзя оспаривать послѣ того, какъ человѣкъ убиваетъ и мучаетъ животныхъ для кулинарныхъ и другихъ цѣлей. Кодекса для этого права нѣтъ и не писано. Но наука не восполняетъ всецѣло жизнь человѣка: проходитъ юношескій пылъ и мужеская зрѣлость, наступаетъ другая пора жизни и съ нею потребность сосредоточиваться все болѣе и болѣе и углубляться въ самого себя; тогда воспоминаніе о причиненномъ насиліи, мукахъ, страданіяхъ другому существу начинаетъ щемить невольно сердце. Такъ было, кажется, и съ великимъ Галлеромъ; такъ, признаюсь, случалось и со мною, и въ послѣдніе годы я ни за что-бы не рѣшился на тѣ жестокіе опыты надъ животными, которые я нѣкогда производилъ такъ усердно и такъ равнодушно. Это своего рода *memento mori*.

Пріѣхавъ въ Дерптъ безъ всякой подготовки къ экспериментальнымъ научнымъ занятіямъ, я бросился, очертя голову, экспериментировать и, конечно, былъ жестокимъ безъ нужды и безъ пользы; и воспоминаніе мое теперь отравляетъ еще болѣе то, что, причинивъ тяжкія муки многимъ живымъ существамъ, я часто не достигалъ ничего другого кромѣ отрицательнаго результата, т. е. не напелъ того, что искалъ.

Современнымъ экспериментаторамъ, можетъ быть, не придется испытывать на старости тяжелыхъ воспоминаній отъ вивисекцій. Теперь значительная половина вивисекцій производится надъ лягушками, а эти хладнокровныя рептиліи не внушаютъ того чувства, которое привязываетъ человѣка къ теплокровному животному. Потомъ, современные опыты надъ живыми производятся почти всѣ съ помощію хлороформа. Но и одно насильственное лишеніе живого, беззащитнаго существа жизни, съ какою-бы то ни было эгоистическою (хотя бы и высокою) цѣлью, не можетъ оставить въ насъ пріятныхъ и успокоительныхъ воспоминаній; немудрено, что надъ чѣмъ я нѣкогда смѣялся—вегетаризмъ, теперь кажется мнѣ вовсе не такъ смѣшнымъ.

Къ концу семестра 1827 г. явились и послѣдніе члены нашего профессорскаго института,—харьковцы, въ числѣ четырехъ. Одинъ изъ нихъ, Ф. И. Иноземцевъ, былъ, какъ и я, по хи-

рургіи, съ тѣмъ только различіемъ отъ меня, что, во-первыхъ, это былъ уже человѣкъ лѣтъ подь 30, не менѣе 27-ми, 28-ми, а во-вторыхъ, онъ былъ несравненно опытнѣе меня и болѣе, чѣмъ я, приготовленъ. Въ харьковскомъ университетѣ въ то время училъ весьма дѣльный профессоръ хирургіи Н. И. Еллинскій. Иноземцевъ не только ассистировалъ ему при разныхъ операціяхъ, но и самъ уже дѣлалъ одну операцію (ампутацію голени). Это разомъ ставило его головою выше меня и въ моихъ глазахъ, и въ глазахъ другихъ товарищей.

Иноземцевъ и съ внѣшней стороны былъ гораздо представительнѣе меня. Высокій и довольно ловкій брюнетъ съ черными блестящими глазами, съ безукоризненными баками, одѣтый всегда чисто и съ нѣкоторою претензією на эlegantность, Иноземцевъ легко дѣлался вхожимъ въ разныя общества и вездѣ умѣлъ заслужить репутацію любезнаго и милого человѣка, добраго товарища и отличнаго парня.

Немудрено, что я началъ ему завидовать. Это свѣрное чувство особливо выражалось въ моемъ дневникѣ, который я нѣкоторое время велъ тогда очень аккуратно.

Сверхъ зависти меня возмутило противъ Иноземцева и еще одно: однажды,—я жилъ тогда еще у Мойера,—я простудился и заболѣлъ. Мойеръ приходитъ навѣстить меня и намекаетъ мнѣ довольно ясно, что я порчу себя питьемъ водки; послѣ такого намека, я, взволнованный и еще больной, являюсь къ Екатеринѣ Афанасьевнѣ Протасовой и говорю, что я не могу долѣе оставаться въ ихъ домѣ, такъ какъ я заподозрѣнъ въ пьянствѣ.

Старушка ахнула—„откуда это, батюшка, такое взялъ?“ Я рассказалъ. Потомъ вышло, что Иноземцевъ стороною намекнулъ что-то, гдѣ-то, какъ-то, что я склоненъ къ злоупотребленію спиртными напитками.

Дѣйствительно, Иноземцевъ видѣлъ меня раза два навеселѣ вмѣстѣ съ Шуманскимъ, отъ котораго я въ первый разъ и узналъ вкусъ водки. Долго я не могъ простить Иноземцеву этой сплетни. Мы жили съ нимъ 4 слишкомъ года вмѣстѣ въ одной (довольно просторной) комнатѣ въ клиникѣ; но наши лѣта, взгляды, вкусы, занятія, отношенія къ товарищамъ, профессорамъ и другимъ лицамъ были такъ различны, что кромѣ одного

помѣщенія и одной и той же науки, избранной обоими нами, не было между нами ничего общаго.

Меня досаждало еще то, что вечеромъ къ Иноземцеву приходили, по крайней мѣрѣ разъ или два въ недѣлю, въ гости три или четыре товарища изъ нашихъ или и другихъ русскихъ, которые всѣ знакомы были коротко съ Иноземцевымъ. При чаепитіи, куреніи табака (котораго я тогда не терпѣлъ), начиналась игра въ вистъ, продолжавшаяся за полночь и мѣшавшая мнѣ читать или писать.

Я долженъ покаяться, вспоминая объ Иноземцевѣ. Я теперь и самъ бы себѣ не повѣрилъ или, лучше, не желалъ бы вѣрить; но что было, то было. Я нерѣдко, по недостатку денегъ къ концу мѣсяца, оставался день или два безъ сахара, и вотъ въ одинъ изъ такихъ дней меня чортъ понуталъ взять тайкомъ три, четыре куска сахара изъ жестянки Иноземцева. Онъ какъ-то замѣтилъ это и заперъ жестянку. О позоръ! дорого бы я далъ, чтобы это не было бы былью. Кстати, повинюсь еще и въ воровствѣ съ книгами. Я во всю мою жизнь утаилъ, т. е., взявъ, не отдалъ, три книги; а потомъ, когда хотѣлъ ихъ возвратить, то было некому или я отъ стыда откладывалъ все и откладывалъ возвращеніе. Потомъ, большая часть моей библіотеки поступила въ пользу студенческой библіотеки.

XLVIII.

Во время нашего пребыванія въ Дерптѣ, университетъ пользовался большою славою въ Россіи. И дѣйствительно, большая часть кафедръ была замѣщена отличными людьми, съ знаменитымъ ректоромъ Эверсомъ (историкъ) во главѣ, Струве (астрономъ), Ледебуръ, Парротъ (сынъ академика), Ратке (физиологъ), Клоссеусъ (юристъ), Эисгольцъ (зоологъ); между медиками отличались необыкновенною начитанностію и ученостію проф. Эррманъ, прежде бывший въ Казани, но изгнанный оттуда, вмѣстѣ съ проф. математики Бартельсомъ (товарищемъ короля Луи Филиппа, когда они оба были учителями въ Швейцаріи). Изгнаніе нѣмецкихъ ученыхъ изъ казанскаго университета было совершено погромомъ Магницкаго. Во время пребыванія профессорскаго института въ Дерптѣ присы-

лались молодые русскіе люди и изъ другихъ вѣдомствъ; отъ академіи наукъ были присланы Загорскій (фізіологъ) и Шпереръ (химикъ), какъ элевъ. Профессоромъ астрономіи Струве прислано было человекъ 10 штабныхъ или свитскихъ и морскихъ офицеровъ для занятій при обсерваторіи.

Учрежденіе императрицы Маріи прислало изъ воспитательнаго дома человекъ 6 или 7; наконецъ и частныя лица пріѣзжали для образованія или такъ, по наслышкѣ, по модѣ: такъ, въ наше время пріѣхали учиться Карамзины — три брата, гр. Сологубъ, Муравьевъ, графы Витгенштейны (2 брата), Тутолминъ, Матвѣевъ и еще до насъ прибылъ пѣвецъ студенческихъ попоекъ и кутежей—Языковъ и другіе.

Большая часть изъ нихъ не окончили университетскаго курса, но почти всѣ носили студенческой востюмъ: длинныя сапоги—Stiefeln, Kragen, т. е. длинныя воротники отъ шинелей вмѣсто плащей, маленькія фуражки на головѣ.

Мундиръ студенческой въ Дерптѣ, можетъ быть, также служилъ приманкою; это былъ не то, что поскудный мундиръ того времени въ другихъ русскихъ университетахъ; у дерптскаго студента воротникъ на мундирѣ горѣлъ золотомъ; это былъ воротникъ черный бархатный (на синемъ мундирѣ) съ вышитыми золотомъ дубовыми вѣтвями, занимавшими большую половину воротника. И на балахъ, и въ театрѣ мундиръ этотъ производилъ эффектъ.

Когда императоръ Николай проѣзжалъ чрезъ Дерптъ, во время турецкой кампаніи, то ему приготовлена была почетная стража изъ студентовъ; одѣтые въ эти свои мундиры, бѣлые штаны въ натяжку, ботфорты, рослые и красивые студенты-стражники обратили вниманіе на себя самого Николая, и такъ какъ онъ ничего не заявилъ противъ этой обмундировки, то она и признавалась законною.

За исключеніемъ насъ, присланныхъ въ Дерптъ уже по окончаніи курса въ русскихъ университетахъ, и двухъ или трехъ другихъ русскихъ, всѣмъ прочимъ пребываніе въ Дерптѣ не пошло въ прокъ. Карамзины и Соллогубъ едва-ли вынесли что-нибудь изъ дерптской научной жизни, кромѣ знакомства съ разными студенческими обычаями; другіе, какъ напримѣръ Языковъ, воспитанники изъ учрежденій императрицы Маріи и пріѣзжіе изъ Москвы и Петербурга полурусскіе и полунѣмцы

просто спивались съ кругу и уѣзжали чрезъ нѣсколько лѣтъ въ весьма плохомъ видѣ; только двое изъ нихъ: Ѳедоровъ, Вас. Ѳед., и Кантеміровъ вышли было въ люди, но не надолго. Ѳедоровъ, весьма дѣльный астрономъ-наблюдатель, сдѣлалъ экспедицію съ Парротомъ на Араратъ, потомъ въ Сибирь, потомъ сдѣлался профессоромъ астрономіи въ Кіевѣ и ректоромъ университета, но не оставилъ привычки попивать и скоро умеръ, еще далеко нестарый; Кантеміровъ вышелъ докторомъ медицины, былъ заграницею, но до крайности безкровный и худосочный, также скоро умеръ еще въ молодыхъ лѣтахъ.

Въ Дерптѣ русская поговорка приходилась наоборотъ. Въ Россіи говорятъ: что „русскому здорово, то нѣмцу смерть“; а въ Дерптѣ надо было, наоборотъ, сознаться „что нѣмцу здорово то русскому смерть“. Нѣмецкіе студенты вутили, вливали въ себя пиво, какъ въ бездонную бочку, дрались на дуэляхъ, цѣлые годы иногда не брали книги въ руки, но потомъ какъ будто перерождались, начинали работать также прилежно, какъ прежде бражничали, и оканчивали блестящимъ образомъ свою университетскую карьеру.

Мы, русскіе изъ профессорскаго института, professur-embryonen, какъ насъ звали нѣмецкіе студенты, мы всѣ, слава Богу, уцѣлѣли; но мы не сходились ни съ однимъ студенческимъ кружкомъ, не участвовали ни въ коммерсахъ, ни въ другихъ студенческихъ препровожденіяхъ времени; и я, напимѣрь, не смотря на мою раннюю молодость, даже вовсе и не имѣлъ никакой охоты знакомиться съ студенческимъ бытомъ въ Дерптѣ. Только два раза я изъ любопытства съѣздилъ на коммершъ и то впоследствии, по окончаніи курса.

Но какъ ни страненъ въ наше время этотъ анахронизмъ, который представляетъ студенческая жизнь съ ея средневѣковыми обычаями для посторонняго наблюдателя, нельзя не согласиться, что она имѣетъ многое въ свою пользу: во первыхъ, самое вопіющее зло въ обычаяхъ этой жизни,—дуэль, дѣлаетъ то, что ни въ одномъ изъ нашихъ университетовъ взаимныя отношенія между студентами не достигли такого благочинія, такой вѣжливости, какъ между студентами въ Дерптѣ. О дракахъ, зашепеліяхъ, площадной брани и ругательствахъ между ними не можетъ быть и рѣчи.

Дуэли стоили жизни нѣсколькимъ десяткамъ молодежи; это, безъ сомнѣнія, очень присвободно и родители, потерявшіе на дуэли безвременно своихъ сыновей, имѣютъ полное право возставать противъ этого варварскаго обычая. Но что же дѣлать, если въ человѣческомъ обществѣ нерѣдко приходится выпирать клинъ клиномъ, за неимѣніемъ лучшаго средства противъ зла; а грубость нравовъ и обращеніе въ студенческой жизни между товарищами портить такъ жизнь и есть не меньшее зло, чѣмъ дуэль. Въ московскомъ университетѣ я былъ свидѣтелемъ отвратительныхъ сценъ изъ студенческой жизни, зависѣвшихъ всецѣло отъ грубости и неурядицы взаимныхъ отношеній между товарищами. Кулачный бой, синяки и фонари, площадная ругань и матерщина были явленіями незаурядными.

Вотъ предо мною стоитъ, вспоминаю,—студентъ изъ семинаристовъ, Марсовъ, и дѣйствительно, верзило чуть не въ сажень, обросшій весь какъ щетиною волосами. Я иду мимо въ аудиторию, пробираясь съѣсть на мѣсто.

— „Ты что тутъ, поросенокъ, таскаешься, знаешь, какого шлепка задамъ“.

Другіе хохочутъ. Что тутъ подѣлаешь? Эдакой верзило и взаправду хватилъ бы,—всѣ снова засмѣялись бы и дѣло съ концемъ. Гдѣ существуетъ такъ называемая студенческая Comment¹⁾, тамъ буйство, посрамленіе человѣческаго достоинства грубою обидою немислимы, есть судъ товарищей, рѣшающихъ, что дѣлать,—и вотъ человѣкъ смолоду приучается благородству, уваженію личнаго достоинства и общественнаго мнѣнія; а это едва ли не стоитъ нѣсколькихъ жизней.

Впрочемъ, студенческія общества всегда старались сдѣлать дуэли наименѣе опасными для жизни; извѣстно, какія предосторожности берутся въ студенческихъ дуэляхъ въ защищенію головы, шеи и т. п. противъ ударовъ. Но замѣтно, что каждый разъ съ увеличеніемъ строгости противъ обыкновенныхъ студенческихъ дуэлей, увеличивались болѣе опасныя дуэли на пистолетахъ. Въ теченіи пяти лѣтъ были только два случая опасныхъ дуэлей между студентами. Въ одномъ случаѣ студенческой Schläger (родъ палаша) попалъ на 3-й грудинный хрящъ, переру-

¹⁾ Уставъ корпораціи.

билъ его и повредилъ титечную внутреннюю артерію (*art. mammae interna*); собравшійся около раненаго факультетъ, надо признаться, опозорился. Когда образовался плевритъ раненой плевры съ выпотомъ и значительнымъ кровотеченіемъ изъ раны, до тѣхъ поръ не кровоточивой, то трое профессоровъ погрязли въ предположеніяхъ; одинъ говорилъ, что тутъ ранено легкое, другой, что ранена легочная вена; но ни одинъ не узналъ плевритическаго выпота въ нѣсколько фунтовъ вѣсомъ. Въ такомъ-то жалкомъ положеніи, въ то время, находилось изслѣдованіе грудныхъ органовъ въ нашихъ университетахъ.

Другіе два случая были пистолетныя дуэли; въ обѣихъ раны были очень опасныя, но исходъ былъ благополучный. Въ одномъ случаѣ пуля пронизала шею около сонныхъ артерій насквозь, задѣвъ горло; кровотеченія однако же не было и раненый только долго не могъ говорить.

Въ другомъ случаѣ пуля засѣла въ лобной кости у соединенія ея съ теменною и была вытрепанена Мойеромъ весьма ловко. Раненый конечно выздоровѣлъ.

Занятія мои съ каждымъ годомъ увеличивались; особливо занимался я разработкою фасцій и отношеній ихъ къ артеріальнымъ стволамъ и органамъ таза. Это предметъ былъ совершенно новый въ то время. Обыкновенные анатомы бросали фасціи; въ Германіи занимались ими очень мало, и только у англичанъ и французовъ можно было найти описаніе и изображеніе нѣкоторыхъ изъ нихъ.

Я дѣлался съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе специалистомъ, предаваясь по временамъ изученію самостоятельно одной какой либо ограниченной специальности. Дошло до того, что я пересталъ посѣщать лекціи по другимъ наукамъ, кромѣ хирургіи.

Это было глупо съ моей стороны и я много такого, что могло бы быть очень полезнымъ впослѣдствіи, пропустилъ и потерялъ. До Мойера начали доходить жалобы другихъ профессоровъ о моемъ непосѣщеніи лекцій. Профессоръ химіи, Гебель, прижалъ меня и на семестровомъ экзаменѣ. Мойеръ дѣльно увѣщевалъ меня не пренебрегать другими науками, и былъ правъ.

Но меня смущало то, что, слушая лекціи, я неминуемо краду время отъ занятій моимъ специальнымъ предметомъ, который какъ

ни спеціаленъ, а все-таки заключаетъ въ себѣ, по крайней мѣрѣ, три науки. А сверхъ того, я, дѣйствительно, тяготился слушаніемъ лекцій, и это неумѣнье слушать лекціи у меня осталось на цѣлую жизнь. Посвятивъ себя одиночнымъ занятіямъ въ анатомическомъ театрѣ, въ клиникѣ, и у себя на дому, я, дѣйствительно, отвыкъ отъ лекцій; приходя на нихъ, дремалъ или засыпалъ и терялъ нить; демонстративныхъ лекцій, въ то время, на медицинскомъ факультетѣ, за исключеніемъ хирургическихъ и анатомическихъ, вовсе не было; ни физиологическія, ни патологическія лекціи не читались демонстративно. Зачѣмъ же, думалъ я, тратить время въ дремотѣ и снѣ на лекціяхъ? Наконецъ, я дошелъ до такого абсурда, что объявилъ однажды Мойеру о моемъ рѣшеніи не держать окончательнаго экзамена, т. е. экзамена на докторскую степень, такъ какъ въ то время отъ профессоровъ не требовали еще докторскаго диплома; а если понадобится, думалъ я, такъ дадутъ и безъ экзамена дѣльному человѣку.

Мойеръ, конечно, отговорилъ меня отъ такого поступка и увѣрилъ, что экзаменаторы примутъ непремѣнно во вниманіе мои отличныя занятія анатоміею и хирургіею, и будутъ потому весьма снисходительны.

Но я забѣжалъ слишкомъ впередъ въ моемъ разсказѣ.

XLIX.

Насъ послали въ Дерптъ только на 2 или 3 года, а мы между тѣмъ пробыли тамъ цѣлыхъ 5-ть лѣтъ. Это сдѣлала для насъ польская революція 1830—1831 годовъ.

Черезъ годъ послѣ нашего прибытія въ Дерптъ, началась турецкая война 1828 года и намъ пришлось распрощаться съ нѣкоторыми изъ нашихъ новыхъ дерптскихъ знакомыхъ. На эту войну уѣхалъ отъ насъ Владиміръ Ивановичъ Даль (впослѣдствіи писатель подъ псевдонимомъ: казакъ Луганскій).

Это былъ замѣчательный человѣкъ, сначала почему-то не нравившійся мнѣ, но потомъ мой хорошій пріятель. Это былъ прежде человѣкъ, что называется, на всѣ руки. За что ни брался Даль, все ему удавалось усвоить. Съ своимъ огромнымъ носомъ, умными сѣрыми глазами, всегда спокойный, слегка улыбающійся,

онъ имѣлъ рѣдкое свойство подражанія голосу; жестамъ, минѣ другихъ лицъ; онъ съ необыкновеннымъ спокойствіемъ и самою серьезною миною передавалъ самыя комическія сцены. Подражалъ звукамъ (жужжанію мухи, комара и пр.) до невѣроятія вѣрно. Въ то время онъ не былъ еще писателемъ и литераторомъ, но онъ читалъ уже отрывки изъ своихъ сказокъ. Какъ извѣстно, прежде лейтенантъ флота—Даль долженъ былъ оставить морскую службу, отчасти потому, что страдалъ постоянно на кораблѣ морскою болѣзнию, а отчасти за памфлетъ въ стихахъ, написанный имъ на адмирала Грейга. Даль пересѣдлалъ изъ моряковъ въ лекаря; менѣе чѣмъ въ четыре года выдержалъ отлично экзаменъ на лекаря и поступилъ въ военную службу. Находясь въ Дерптѣ, онъ пристрастился къ хирургіи и, владѣя, между многими способностями, необыкновенною ловкостью въ механическихъ работахъ скоро сдѣлался и ловкимъ операторомъ; такимъ онъ и поѣхалъ на войну; потомъ онъ сдѣлалъ и польскую кампанію, гдѣ отличился какъ инженеръ и піонеръ; а по окончаніи, вступилъ ординаторомъ въ военно-сухопутной госпиталь и вскорѣ пересѣдлалъ изъ лекарей въ литераторы, потомъ въ администраторы и кончилъ жизнь ученымъ, посвящавшимъ много лѣтъ составленію своего лексикона, матеріалъ въ которомъ, въ видѣ пословицъ и поговорокъ, онъ началъ собирать еще, кажется, до Дерпта.

Въ своихъ, читанныхъ намъ тогда, отрывкахъ попадалось уже множество собранныхъ имъ, очевидно, въ разныхъ углахъ Россіи, поговорокъ, прибаутокъ и пословицъ.

Первое наше знакомство съ Далемъ было довольно оригинально. Однажды, вскорѣ послѣ нашего приѣзда въ Дерптъ, мы слышимъ у нашего окна съ улицы какіе-то странные, но не знакомые, звуки: русская пѣснь на какомъ-то инструментѣ. Смотримъ, стоитъ студентъ въ виць-мундирѣ; всунулъ онъ голову чрезъ открытое окно въ комнату, держитъ что-то во рту и играетъ: „здравствуй, милая, хорошая моя“, не обращая на насъ, пришедшихъ въ комнату изъ любопытства, никакого вниманія. Инструментъ оказывается органчикъ (губной), а виртуозъ — В. И. Даль; онъ, дѣйствительно, игралъ отлично на органчикѣ.

Послѣ Дерпта я встрѣтился съ Далемъ въ 1841 году въ

С.-Петербургѣ, когда онъ служилъ у министра внутреннихъ дѣлъ Перовскаго, и нерѣдко сходилъ съ нимъ въ наше общество, составленномъ изъ дерптскихъ друзей.

Польская революція шла рука объ руку съ французскою, послѣ которой Николай Павловичъ осерчалъ на французовъ и запретилъ русскимъ ѣздить во Францію. Да мало того, до 1833 года насъ никуда за границу не хотѣли пускать. Такъ мы и просидѣли въ Дерптѣ сверхъ положенныхъ еще два года; мнѣ, однако же (впрочемъ и другимъ), зачислили эти годы въ пенсію послѣ моего ходатайства у военнаго министра въ 1850-хъ годахъ.

Вмѣстѣ съ польскою революціею явилась и первая холера въ Россіи. Мы только слушали и ждали. Наконецъ, она добралась и до Дерпта. Первый случай встрѣтился между нами; одинъ изъ насъ, нѣкто Шрамковъ изъ харьковскаго университета (фармакологъ), странный ипохондрикъ, чернолицый, съ желтоватымъ оттѣнкомъ, вдругъ, къ вечеру, занемогъ чисто азіатскою холерою и ночью, чрезъ 6 часовъ, Богу душу отдалъ.

Мы, медики, были неотлучно при постели больного; растирали, грѣли, дѣлали, что могли; привели двухъ профессоровъ: Замена (терапія) и Ердмана (фармакологія). Ничего не помогло. Заменъ даже, кажется, струсилъ немного и ушелъ какъ-то очень скоро, но Ердманъ, старикъ, остался вмѣстѣ съ нами. Послѣ того холера появилась въ инвалидномъ лазаретѣ, въ концѣ города.

Вообще, однако же, она была умѣренная и продолжалась не болѣе шести недѣль (въ октябрѣ). Я, пришедъ домой, по утру, отъ покойника Шрамкова, вдругъ какъ-то внутренно струсилъ, почувствовалъ какое-то непріятное ощущеніе тоски и страха прямо подъ ложечкою. Мнѣ казалось, что меня скоро начнетъ рвать или же, что я упаду въ обморокъ. Я взялъ тотчасъ же теплую ванну, принялъ нѣсколько опійныхъ капель, напился чаю, согрѣлся и заснулъ. Всталъ здоровымъ. Уже на другой день я сталъ ходить въ инвалидный лазаретъ и почти ежедневно вскрывалъ холерные трупы. Въ это время прибыли въ Дерптъ, изъ Москвы и Петербурга, два французскіе врача. Оба они присутствовали при моихъ вскрытіяхъ въ лазаретѣ; увидѣвъ ихъ (т. е. вскрытіе холерныхъ) едва-ли не въ первый разъ, тотчасъ же принялись записывать найденное и очень были

изумлены, когда я, желая отличиться и похвастаться предъ иностранцами, принялся препарировать узлы сочувственнаго нерва, солнечное сплетеніе и т. п. Французы не ожидали, что русскій въ состояніи будетъ легко и скоро обнаружить предъ ними для изслѣдованія почти всѣ главные узлы груди и живота. Они выразили мнѣ свое удовольствіе тѣмъ, что начали приглашать въ Парижъ.

Наконецъ, я рѣшился идти на докторскій экзаменъ и полагаясь на увѣреніе Мойера, что онъ (т. е. экзаменъ) будетъ для меня снисходителенъ, я къ нему вовсе не готовился. Но желая, по упрямству, показать факультету, что иду на экзаменъ не самъ, а меня посылаютъ насильно, я откинулъ весьма неприличную штуку.

Въ Дерптѣ дѣлались тогда экзамены на степень на дому у декана. Докторантъ присылалъ на домъ къ декану обыкновенно чай, сахаръ, нѣсколько бутылокъ вина, тортъ и шоколадъ для угощенія собравшихся экзаменаторовъ (т. е. факультета, свидѣтелей и т. п.). Я ничего этого не сдѣлалъ. Деканъ Ратке принужденъ былъ подать экзаменаторамъ свой чай. Жена профессора Ратке, какъ мнѣ рассказывалъ потомъ педель, бранила меня за это на чемъ свѣтъ стоитъ. Но экзаменъ сошелъ благополучно, и оставалось только приняться за диссертацию. Но она взяла времени болѣе года.

Меня уже прежде интересовала и въ хирургическомъ, и въ физиологическомъ отношеніяхъ перевязка брюшной аорты, сдѣланная тогда только однажды на живомъ человѣкѣ Астлеемъ Куперомъ.

Случай этотъ окончился смерью. Но оставалось рѣшить, дѣйствительно-ли эта операція можетъ быть произведена съ надеждою на успѣхъ. Я сталъ дѣлать опыты надъ большими собаками, телятами и баранами. Всѣхъ долѣе послѣ этой перевязки жилъ у меня одинъ баранъ въ имѣніи Штапельберга, въ которомъ я гостилъ лѣтомъ у Мойера, верстъ 15 отъ Дерпта.

Результатомъ всѣхъ моихъ опытовъ и наблюденій было то, что въ большей части случаевъ перевязка брюшной аорты, замедляя внезапно кровообращеніе въ большихъ брюшныхъ артеріальныхъ стволахъ, причиняетъ смерть чрезъ онѣмѣніе спинного мозга (параличъ нижнихъ конечностей) и приливами крови къ

сердцу и легкому. Но кровообращеніе послѣ перевязки аорты не прекращается въ нижнихъ конечностяхъ, и кровь тотчасъ же послѣ перевязки струится изъ ранъ бедренныхъ артерій; а перевязка аорты, сдѣланная постепенно (черезъ постепенное сдавливаніе артерій помощію ручного прибора), переносится довольно хорошо, даетъ однако же поводъ къ послѣдовательнымъ кровоточеніямъ.

Диссертация вышла для молодого докторанта не плохая.

Потомъ, въ бытность мою въ Берлинѣ, когда я представилъ ее знаменитому тогда Опцу, то онъ тотчасъ же велѣлъ перевести ее на нѣмецкій языкъ (она была писана на латинскомъ, подъ именемъ: *Num vincitura aortae abdominalis in aneurismate inguinali adhibitu facile actutum sitremedium* и напечаталъ ее въ журналѣ (*Journal der Chirurgie und der Augenheilkunde v. Dr. Graefe und Prof. von Walther*).

Мойеръ чѣмъ дѣлался старѣе, тѣмъ болѣе и облѣнивался. Въ послѣдній годъ нашего пребыванія въ Дерптѣ онъ поручалъ мнѣ дѣлать многія операціи. Однажды я перевязалъ бедренную артерію, вынулъ бьющуюся аневризму височной артеріи, вынулъ ручную кисть, сдѣлалъ отнятіе губного рака. Самъ онъ видимо уклонялся въ послѣднее время отъ большихъ операцій. Но въ городѣ (частной практикѣ), когда случалось, отъ операціи нельзя было отдѣлаться.

Послѣднею операціею Мойера въ городѣ была, мнѣ памятная, литотомія у дерптскаго тогдашняго богача Шульца. Мойеръ дѣлалъ ее, находясь очевидно не въ своей тарелкѣ. Насъ нѣсколько, разумѣется и мы двое (я и Иноземцевъ), ассистировали Мойеру. Иноземцевъ меня увѣрялъ, что онъ видѣлъ собственными глазами, какъ Мойеръ, отойдя куда-то въ сторону, предъ операціею перекрестился; было это такъ: Иноземцевъ разсказалъ Мойеру, что знаменитый московскій литотомистъ-операторъ Венедиктовъ всегда предъ операціею крестился и клалъ земные поклоны.

— „Что же, это не худо“, замѣтилъ Мойеръ, отошелъ и перекрестился.

Операція у Шульца была сдѣлана изъ рукъ вонъ плохо. Мойеръ оперировалъ скарповскимъ горжеретомъ; я держалъ зондъ

и когда горжеретъ былъ введенъ, показалась моча, я вынулъ, зондъ. Мойеръ повелъ пальцемъ по горжерету, въ пузырь не попалъ и разсердился на меня, зачѣмъ я вынулъ зондъ рано; „nun wird es eine Geschichte“; но Geschichte никакой не было.

Иноземцевъ ввелъ легко зондъ опять въ пузырь. Мойеръ полѣзъ снова горжеретомъ. Больной былъ толстякъ и инструментъ для его заплывшей жиромъ промежности оказался недостаточно длиннымъ, однако же дѣло все-таки кой какъ сладилось; но вотъ брызнула съ шипѣньемъ изъ глубины струйка артеріальной крови.

— „Это что еще такое“, вскрикнулъ Мойеръ; но и эта неожиданность обошлась.

Наконецъ извлечены два камня.

Я, послѣ операціи, не утерпѣвъ сболтнулъ между товарищами пошлую остроту: „wenn diese Operation gelingt, so werde ich den Steinschnitt mit einem Stock machen“. Это передали Мойеру, но добрякъ Мойеръ не разсердился, а смѣялся отъ души, а Шульцъ выздоровѣлъ.

Особенно Мойеръ сталъ бояться вырѣзыванія наростовъ; и когда, не помню по какому случаю, я предлагалъ ему сдѣлать такую операцію, Мойеръ сказалъ мнѣ:

— „Послушайте, я вамъ расскажу, что случилось однажды съ Рустомъ. Когда я былъ, продолжалъ Мойеръ, въ Вѣнѣ у Руста, пріѣхавъ туда отъ Скарпы изъ Италіи, Рустъ показалъ мнѣ въ госпиталѣ одного больного съ опухолью подъ волѣномъ“ (въ подколѣнной ямѣ). „А что бы тутъ сдѣлалъ старикъ Скарпа?“ спросилъ у меня Рустъ. — Я, изслѣдовавъ опухоль, отвѣтилъ, что старикъ Скарпа въ этомъ случаѣ предложилъ бы больному ампутацію. „А я вырѣжу опухоль“, сказалъ мнѣ Рустъ. Подлипалы и подпѣвалы Руста уговаривали его показать прыть предъ ученикомъ Скарпы; и Рустъ, ассистируемый этими прихвостнями, началъ дѣлать операцію тутъ же въ моемъ присутствіи. Наростъ оказывается сросшимся съ костью, кровь брызжетъ струею со всѣхъ сторонъ; ассистенты, со страху, одинъ за другимъ расходятся. Я помогаю оторопѣвшему Русту перевязывать артерію въ глубинѣ; больной истекаетъ кровью. Тогда Рустъ говоритъ мнѣ:

— „Этихъ подлецовъ мнѣ не надо бы было слушать; они

первые же и разбѣжались, а вы отсовѣтывали мнѣ и все таки меня не кинули; я этого никогда не забуду“.

Занимаясь диссертациею, я велъ въ Дерптѣ пріятную жизнь, днемъ—въ клиникѣ и въ анатомическомъ театрѣ, гдѣ дѣлалъ мои опыты надъ животными, вечеромъ—въ кругу нѣсколькихъ новыхъ знакомыхъ изъ нѣмцевъ; я узнавалъ много новаго о студенческой жизни и ея обычаяхъ.

L.

Вѣрно нигдѣ въ Россіи того времени не жилось такъ привольно, какъ въ Дерптѣ. Главнымъ начальствомъ города былъ ректоръ университета.

Старикъ полиціймейстеръ Яссенскій съ десятомъ оборванныхъ казаковъ на тощихъ лошаденкахъ, которыхъ студенты, при нарушеніи общественнаго порядка, удерживали на мѣстѣ, цѣпляясь за хвосты,—полиціймейстеръ, говорю, этотъ держалъ себя какъ подчиненный передъ ректоромъ; жандармскій полковникъ встрѣчался только въ обществахъ за карточнымъ столомъ. Университетъ, профессора и студенты господствовали. Студенты по временамъ, пользуясь своимъ положеніемъ, терроризировали общество и особливо общество бюргеровъ, извѣстныхъ у студентовъ подъ именемъ „кнотовъ“.

Ни одно собраніе въ мѣщанскомъ клубѣ не обходилось безъ какого нибудь смѣшного скандала. Особливо отличались скандальными выходками студентовъ маскарады въ этихъ клубахъ. Впускались только замаскированные, и вотъ одинъ студентъ является въ красныхъ сапогахъ, съ длинною палочкою краснаго сургуча во рту, пучкомъ перьевъ на самой задней части тѣла и на головѣ; когда члены клуба не хотятъ его впустить, то онъ поднимаетъ шумъ, врывается въ залу и объясняетъ, что онъ замаскированъ въ аиста.

Другой (теперь извѣстный генералъ) дошелъ до того, что является въ бюргерскій маскарадъ въ костюмѣ Адама, прикрытымъ чернымъ домино и, ставъ передъ кружкомъ дамъ въ позу, прехладнокровно открываетъ полы домино; дамы вскрикиваютъ, разбѣгаются; сзади стоящіе мужчины, ничего не видя, кромѣ

чернаго домино, не понимаютъ въ чемъ дѣло; наконецъ догадываются и будущій генералъ изгоняется mit Romp heraus.

Особливую знаменитость приобрѣли между студентами нѣсколько проказниковъ и оригиналовъ. Такъ Анке, потомъ профессоръ фармакологіи московскаго университета и деканъ медицинскаго факультета, славился своими остротами и проказами. Уже одна наружность дѣлала его оригинальнымъ. Чрезвычайно подвижная и вмѣстѣ съ тѣмъ старческая, нѣсколько смахивающая на физиономію обезьяны, — какая-то юркость и скорость движеній и неистощимый юморъ придавали всѣмъ проказамъ и остротамъ Анке оригинальный характеръ.

Помню, напримѣръ, такого рода проказу. Жилъ-былъ университетскій берейторъ Даву, а у него былъ сынъ, видный парень, хорошо объѣзжавшій лошадей, но непозволительно глупый. Чтобы характеризовать его глупость, стоитъ разсказать только такого рода пассажъ. Даву услыхалъ однажды, что студентъ, по имени Фрей, влюбившійся въ одну дѣвушку, сдѣлалъ ей предложеніе въ такомъ видѣ: „willst du Frei werden, oder frei bleiben?“ Это очень понравилось Даву и онъ, по совѣту Анке, написалъ и своей возлюбленной: „willst du Davu werden, oder Davu bleiben?“

Вотъ между этимъ-то смертнымъ и Анке вспыхиваетъ война, разумѣется придуманная самимъ же Анке. Подговоренные товарищи убѣждаютъ Даву, что онъ не долженъ сносить обиды такого проходимца, какъ Анке, и долженъ непременно съ нимъ стрѣляться, если хочетъ остаться благороднымъ человѣкомъ. Наконецъ Даву рѣшается на пистолетную дуэль, отдавшись совершенно въ распоряженіе подговоренныхъ секундантовъ. Даву, какъ обиженный, долженъ стрѣлять первый. Пистолетъ его, конечно, зарядили не пулею. Даву стрѣляетъ. Анке падаетъ и кричить, что онъ тяжело раненъ. Друзья подбѣгаютъ, раздѣваютъ. О чудо! прострѣленъ боковой карманъ въ штанахъ; въ карманѣ табакерка Анке съ табакомъ, въ табакеркѣ пуля. Даву такъ и ахнулъ отъ радости, что такъ счастливо и такъ мѣтко выстрѣлилъ.

Въ другомъ родѣ оригиналь между старыми студентами въ Дерптѣ, но также какъ и Анке неудобозабываемый, былъ Жако или Юко Кизирецкій. Студенческій типъ, представляв-

шійся Кизирецкимъ, уже вымеръ давно. Даже и въ то время этотъ типъ встрѣчался только на сценѣ. Помню, въ Берлинѣ, въ одной нѣмецкой пьесѣ, извѣстный актеръ Шнейдеръ (фаворитъ государя Николая Павловича) неподражаемо изобразилъ этотъ типъ.

Въ длинныхъ ботфортахъ (Kapopen-Sstiefeln) со шпорами, въ крагенѣ (студенческой плащъ), въ студенческой корпораціонной шапкѣ на маковкѣ, съ длиннымъ чубукомъ въ зубахъ, студентъ-романтикъ прохаживается журавлинымъ шагомъ по сценѣ и декламируетъ какимъ-то замогильнымъ голосомъ изъ Шекспира: „Seyn oder nicht seyn!“

Юко Кизирецкій былъ въ этомъ родѣ. Это былъ студенческой Донъ-Кихоть, хотя и не высокой ростомъ какъ Донъ-Кихоть, но также какъ онъ истощенный, сухой, всегда серьезный и нахмуренный, въ крагенѣ, ботфортахъ, шапочкѣ на маковкѣ; Кизирецкій таялъ только предъ дамами, сочинялъ имъ стихи и однажды издалъ цѣлую книжку своихъ стихотвореній съ посвященіемъ: „Rosen und Lilien, gewidmet von Kieserezky.“

Юко являлся всегда въ траурѣ на улицахъ въ дни кончины Вашингтона и Боливара. На вопросъ, по комъ это надѣлъ трауръ, Юко принималъ величественную позу, возводилъ глаза къ небу и торжественно провозглашалъ: „сегодня день кончины великаго сына свободы!“

Въ то время въ Дерптѣ не существовалъ еще 5-ти лѣтній срокъ для окончанія курса наукъ въ университетѣ и я засталъ еще многихъ, такъ называемыхъ, bemooste Haupter, — сирѣчь, мхомъ обросшихъ головъ. Мнѣ показывали одного, сынъ крестника котораго ованчивалъ уже курсъ, а крестный папенька отца все еще числился между студентами.

Другого я зналъ, предобрѣйшую душу и вовсе неглупаго человѣка, вступившаго въ университетъ года за четыре до нашего прибытія въ Дерптъ и уѣхавъ съ кучкою дѣтей, державъ уже у меня экзаменъ на лекаря, когда я поступилъ на профессорскую кафедру въ Дерптѣ. Между старыми студентами пользовался также извѣстностью и спецификъ Шульцъ. Никогда я не видѣлъ человѣка болѣе похожаго на птицу, какъ Шульца специфика; длинный заостренный носъ, узкій черепъ,

короткое туловище, длинная шея, длиннѣйшія какъ шести ноги, походка журавлиная, студенческій костюмъ.

— Шульцъ! сколько вамъ лѣтъ? былъ постоянный вопросъ знакомыхъ и незнакомыхъ.

— Тридцать два года, если не считать 4 года, проведенныхъ въ приготовленіи пилюль и порошковъ—былъ постоянный отвѣтъ Шульца специфика.

Бѣдненькій сидѣлъ, сидѣлъ, ходилъ, ходилъ по лекціямъ въ университетъ, да такъ и не кончилъ—курса; чрезъ 20 слишкомъ лѣтъ я встрѣтилъ его учителемъ нѣмецкаго языка въ одной школѣ кievскаго учебнаго округа.

Свободная провинціальная жизнь того времени и корпоративное устройство дерптскаго студенчества придавали ему особое значеніе. И университетское начальство, и городское общество сознавали это значеніе и въ своихъ отношеніяхъ къ студенчеству держало себя весьма осторожно и соблюдало деликатность въ обращеніи съ студентами и не допускало ни малѣйшихъ эживоковъ въ отношеніи къ чести и достоинству студенчества.

Даже трактирщики и купцы не позволяли себѣ большой требовательности въ уплатѣ долговъ, опасаясь студенческой анафемы—Vergchiess'a. Вѣроятно, незнакомый хорошо съ тѣмъ настроеніемъ, или просто слишкомъ понадѣявшись на свою наглость, Оадѣй Булгаринъ попалъ однажды въ большой просякъ. Булгаринъ владѣлъ возлѣ самаго города мызою (дачею) Карловомъ, и проживалъ тамъ по цѣлымъ мѣсяцамъ съ своею женою и знаменитою тантою. Я нерѣдко встрѣчалъ его у Мойера. Булгаринъ старался всюду проникнуть и со всѣми познакомиться, фразируя каждого своею развязностью, походившею на наглость. Во время годовой ярмарки онъ ходилъ по лавкамъ заѣзжихъ петербургскихъ и московскихъ купцовъ и когда они не уступали въ цѣнѣ, то грозилъ имъ во всеуслышаніе, что разругаетъ ихъ въ „Сѣверной Пчелѣ“.

Соседшись въ первый разъ (это было въ моемъ присутствіи) съ какими-то нѣмцами, онъ увѣрялъ ихъ, что то, что русскому здорово, нѣмцу смерть, и въ доказательство приводилъ примѣръ, какъ одинъ обѣвшійся солдатъ удивилъ нѣмцевъ въ Лейпцигѣ. Всѣ думали, что онъ помретъ, обѣвшисъ, и всѣ рты разинули отъ удивленія, когда онъ въ ихъ же присутствіи очистилъ свой

желудокъ въ количествѣ по объему и вѣсу нигдѣмъ изъ существовавшихъ невиданномъ и неслыханномъ.

Словомъ, Оадѣй Венедиктовичъ и въ Дерптѣ не скрывалъ своего таланта. Однажды за приглашеннымъ обѣдомъ у помѣщика Лингардта, въ присутствіи многихъ гостей и между прочими одного студента, Булгаринъ, подгулявъ, началъ подсмѣиваться надъ профессорами и университетскими порядками. Студентъ потомъ передалъ этотъ разговоръ, конфузившій его за обѣдомъ, своимъ товарищамъ. Поднялась буря въ стаканѣ воды. Начались корпоративныя совѣщанія о томъ, какъ защитить поруганное публично Оадѣемъ достоинство университета и студенчества. Порѣшили преподнести Булгарину къ Карловѣ кошачій концертъ. Слѣшкомъ 600 студентовъ съ горшками, плошками, тазами и разною посудю потянулись процессіею изъ города въ Карлово, выстроились предъ домомъ и, прежде чѣмъ начать концертъ, послали депутатовъ къ Булгарину съ объясненіемъ всего дѣла и требованіемъ, чтобы онъ, во избѣжаніе непріятностей кошачьяго концерта, вышелъ къ студентамъ и извинился въ своемъ поступкѣ. Булгаринъ, какъ и слѣдовало ожидать отъ него, не на шутку струсилъ, но чтобы уже не совсѣмъ замарать польскій гоноръ, вышелъ къ студентамъ съ трубкою въ рукахъ и началъ говорить, не снимая шапки, не поздоровавшись. „Mütze herunter! шапку долой“, послышалось изъ толпы.

Булгаринъ снялъ шапку, отложилъ трубку въ сторону и сталъ извиняться, увѣряя и клянясь, что онъ никакого намѣренія не имѣлъ унизить достоинство высокоуважаемаго имъ дерптскаго университета и студенчества.

Тѣмъ дѣло и кончилось; студенты разошлись, но по дорогѣ встрѣтили еще экипажъ Лингардта, окружили его и тоже потребовали объясненія, которое и было дано съ полною готовностью.

Начальство университета, т. е. ректоръ (въ то время Парротъ), зная, что Булгаринъ и жандармскій полковникъ не смолчатъ, тотчасъ собралъ сеніоровъ ¹⁾ корпораций, потребовалъ объясненій, оказавшихся жожаками и распорядителями посадилъ въ варцеръ и все дѣло уладилось безъ дальнѣйшихъ послѣдствій.

¹⁾ Старшихъ.

I.I.

Да, корпоративное устройство студенчества важное дѣло въ отношеніи порядка и благочинія. Въ этомъ я достаточно убѣдился въ бытность мою въ Дерптѣ учащимся и профессоромъ. Съ неорганизованною, беспорядочною и разношерстною толпою молодыхъ людей ничего не подѣлаешь. По моему, просто безуміе со стороны начальниковъ разглагольствовать съ собравшеюся толпою студентовъ. Это значить вести и себя, и молодежь въ бѣду, безъ всякой пользы для общаго дѣла.

Учрежденіе корпорацій въ нашихъ русскихъ университетахъ, по образцу дерптскому, конечно немислимо. Въ Дерптѣ, какъ и въ германскихъ университетахъ, корпоративное дѣло есть дѣло традиціонное. А у насъ нѣтъ для него почвы. Но, тѣмъ не менѣе, пока въ нашихъ университетахъ не придумаютъ учредить, тѣмъ или другимъ способомъ, студенческаго представительства, правильно организованнаго, университетское начальство пусть не рассчитываетъ на свое вліяніе и воздѣйствіе на учащуюся молодежь.

Тогда ничего не остается иного, какъ начальство университета, профессора, ректоры сами по себѣ, а студенты сами по себѣ, а для порядка и благочинія городская полиція. Это неминуемо. Но нравственно-научное значеніе университета многое утратить. А мы, старые студенты, именно дорожимъ тѣми воспоминаніями, которыя по прошествіи цѣлыхъ 50 лѣтъ все еще связываютъ насъ съ прошлымъ университетскимъ житьемъ-бытьемъ. А воспоминанія эти дороги именно потому, что они не были бы для насъ такими, если-бы не чувствовали могучее и живучее вліяніе университета на весь нашъ внутренній бытъ, на все человѣческое въ насъ.

Университеты наши перестаютъ теперь быть университетами въ прежнемъ (и, я полагаю, настоящемъ) значеніи этого слова, сбитые съ толку политическимъ сумбуромъ. Но въ 1820-хъ и даже въ началѣ 1830-хъ годовъ, студенчество въ Германіи и въ самомъ Дерптѣ не было чуждо политическихъ тенденцій. Правда, тенденціи того времени не были такія разрушительныя и радикальныя, какъ современные. Tugendbund, прельщавшій и увлекавшій

студентовъ, былъ нравственнымъ и національнымъ призваніемъ въ прогрессу. Однако-же, послѣ Зандовскаго убійства, германскія власти не на шутку всполошились и корпорація студентовъ—*Burschenschaft*—была сильно скомпрометтирована. Эта корпорація была строго на-строго запрещена и въ Дерптѣ; существовала однако-же довольно явно. Всѣ эти политическія теоріи между студентами того времени, потребовавшія множество арестовъ, заключеній въ тюрьмахъ и даже крѣпостяхъ, не уничтожили корпорацій и не препятствовали имъ существовать. Правительство убѣдилось, что занятіе корпорацій своими студенческими нуждами, потребностями и злобою дня не только не было опасно, но даже отвлекало броженіе умовъ и приковывало ихъ къ интересамъ дня и дѣйствительности.

Я полагаю, что и въ наше время, если-бы кому нибудь изъ излюбленныхъ ученыхъ людей удалось, при учрежденіи студенческаго представительства, положить въ основаніе его вопіющіе интересы, нужды и заботы студенческой, труженической жизни и этимъ внести въ представительство практическую, жизненную дѣятельность,—то большинство учащихся перестало бы бѣсноваться и бить лбомъ въ стѣну, теряя безвозвратно и непроезжимо для себя самое золотое время жизни.

ЛII.

Во время пребыванія моего въ Дерптѣ, я сдѣлалъ двѣ поѣздки: одну въ Ревель, другую въ Москву.

Поѣздка въ Ревель съ товарищами Шиховскимъ и Котельниковымъ. Для чего? А такъ, здорово живешь. Вздумали и поѣхали.

Было лѣтнее, вакаціонное время и предпослѣдній годъ нашего пребыванія въ Дерптѣ. Случились такъ же,—и это главное,—какъ-то случайно лишнія деньги.

Наняли *Planwagen*, т. е. длинную телѣгу, крытую парусною, съ входомъ и выходомъ съ боку. Въ Ревелѣ посмотрѣли на море, на Катериненталь, нѣсколько разъ выкупались въ морѣ и познакомились съ слѣдующими оригинальными личностями.

Во-первыхъ, съ учителемъ русскаго языка Бюргеромъ,

бывшимъ студентомъ московскаго университета, пріобрѣтшимъ себѣ громкую,—и увы! печальную,—извѣстность у ревельцевъ своимъ эффектнымъ переходомъ изъ протестантства въ православіе. Это случилось подъ благодѣтельнымъ вліяніемъ Магницкаго, проживавшаго тогда (въ изгнаніи) въ Ревелѣ.

— „Бюргеръ“,—разсказывали намъ ревельскіе нѣмцы, „шелъ по улицѣ, въ сопровожденіи толпы, въ православную церковь, надѣлъ на себя какую-то бѣлую сорочницу, привязалъ на шею себѣ веревку, плевалъ на западъ и т. п.“ Весь церемоніальъ выпали откуда-то изъ-подъ спуда времени.

Во вторыхъ, познакомились у Бюргера съ другимъ русскимъ-же учителемъ, изъ семинаристовъ, женившимся съ годъ тому назадъ на молоденькой 15-лѣтней нѣмочкѣ, до того еще наивной, что послѣ свадьбы она не хотѣла ложиться спать съ мужемъ, а потомъ до того погрузилась въ наслажденія медоваго мѣсяца, что мужъ чуть не помѣшался.

Это любопытное происшествіе сообщилъ намъ, въ первый же день нашего знакомства, самъ супругъ.

Въ третьихъ, насъ пригласили непремѣнно посѣтить собраніе рѣдкостей какаго-то стародавняго аптекаря, прославившагося въ Ревелѣ своими археологическими познаніями. Чего только не собралъ въ своемъ музеѣ этотъ знаменитый ревельскій археологъ! Тутъ были, между древностями, и чучелы животныхъ, и анатомическіе препараты. Но всего интереснѣе показалась мнѣ бутылка съ невскою водою отъ петербургскаго наводненія 1824 г.

Въ четвертыхъ, мы узнали или увидали и нѣсколькихъ нѣмецкихъ, ревельскихъ оригиналовъ. Одинъ изъ нихъ, напримѣръ, замѣчательнъ былъ тѣмъ, что носилъ для поддержанія животной теплоты длинный кусокъ фланели только на спинѣ, основываясь на томъ, что и у свиной щетина растетъ преимущественно на хребтѣ, а не на брюхѣ.

Другой, вѣроятно одержимый галлюцинаціею органа осязанія,—впрочемъ совершенно здоровый и свѣтскій человѣкъ, преслѣдовалъ постоянно у себя вшей на тѣлѣ. Иногда онъ вскакивалъ со стула, бѣжалъ къ окну и страхивался на улицѣ. Ему казалось, что вши гурьбою, безъ зазрѣнія совѣсти, ползаютъ по немъ.

Весьма интересною личностью въ Ревелѣ оказался также док-

торъ Винклеръ (и отецъ и сынъ). Сынъ Винклера, тогда еще молодой человекъ, былъ уже оригиналенъ—въ отца. Такимъ онъ остался и на цѣлую жизнь. Онъ всегда вслухъ разсуждалъ самъ съ собою, не стѣняясь присутствіемъ своихъ пациентовъ. Разспросивъ пациента о его болѣзни, докторъ, къ изумленію всѣхъ и cadaго, начиналъ вслухъ разсуждать съ собою о способѣ леченія. „Что-же я долженъ вамъ прописать?“ разсуждаетъ докторъ вслухъ. „Если я вамъ дамъ теперь, примѣрно, камфору, то, пожалуй, бѣду наживу; а если пропишу, напротивъ, каломель, то, можетъ статься, еще и хуже будетъ. А? Не такъ-ли, какъ вы думаете? Подождемъ-ка лучше, или постоите, попробуемъ-ка вотъ это средство, старинное, отецъ очень любилъ его“.

Пациенты знали особенности своего врача, любили, уважали его,—Винклеръ былъ, дѣйствительно, типъ честнѣйшаго и добросовѣстнѣйшаго врача,—довѣряли и охотно лечились у него.

Весьма замѣчательна одна мистическая черта въ жизни доктора или, вѣрнѣе, всей его фамиліи.

И отецъ и — особливо, сынъ считали огонь непріязненною для нихъ стихіею. И старикъ, если я не ошибаюсь, и дѣла умерли отъ огня; но особливо огня боялся сынъ-докторъ. Я помню, съ какимъ душевнымъ волненіемъ онъ строилъ себѣ домъ въ Ревелѣ; первымъ дѣломъ считалъ онъ поставить на своемъ домѣ,—скорѣе, домикѣ,—громовые отводы; но, поспѣшивъ поставить ихъ нѣсколько, онъ не успѣлъ соединить ихъ съ землею, а тѣмъ временемъ поднялась гроза. Мой Винклеръ былъ виѣ себя отъ ужаса, ожидая ежеминутно разрушенія своего дома; все однако-же обошлось на этотъ разъ благополучно. Но Винклеру готовилось другое, болѣе сердечное горе. Отъ простуды, или чего другого, Винклеръ почувствовалъ себя нездоровымъ и легъ въ постель и на другой же день пригласилъ къ себѣ, на совѣщаніе, пріятеля д-ра Эренбуша (отъ него я и узналъ эту исторію).

— „Другъ! обратился больной Винклеръ къ Эренбушу,—со мною происходитъ что-то неладное, неестественное“. Эти слова были сказаны таинственно, шепотомъ.

— „Ну, что еще такое, дай пульсъ, — пульсъ ничего, спойный, жару нѣтъ, что-же тутъ неестественнаго?“

— „Да не то. Слушай. Вотъ уже вторую ночь сразу я вижу

во снѣ дьявола, и не только ночью, а и днем; лишь закрою глаза, онъ тотчасъ-же мнѣ представляется“.

— „Да какой-же онъ, дьяволь-то твой?“ спрашиваетъ Эренбушъ.

— „Ну, черная, страшная фигура сидитъ въ огнѣ, но, главное, что меня тревожитъ, это то, что дьяволъ держитъ у себя на колѣняхъ моего младшаго ребенка“.

Эта галлюцинація длилась еще нѣсколько дней, потомъ прошла. Винклеръ началъ выѣзжать и уже, казалось, забылъ случившееся. И вдругъ ужасное событіе. Ребенокъ Винклера, видѣнный имъ на колѣняхъ у дьявола, обжегся, сидя у топившейся печки, на смерть; на немъ загорѣлась рубашка и онъ прожилъ послѣ обжога только нѣсколько часовъ.

Возвращаясь изъ Ревеля въ Дерптъ, нашъ возница заѣхалъ по дорогѣ въ корчму. Не успѣлъ онъ войти въ корчму, какъ мы услышали русскую, площадную ругань, крикъ и гвалтъ. Раскраснѣвшійся извозчикъ, видимъ, бѣжитъ къ намъ опрометью, а за нимъ гонится какой-то пьяный, босой и оборванный стрекулистъ; онъ подбѣгаетъ къ намъ, бормочетъ что-то несвязное и начинаетъ ругать и насъ.

— Да знаешь-ли, кричали мы, сидя въ планвагенѣ, съ кѣмъ ты имѣешь дѣло?

— Съ жидами, отвѣчаетъ стрекулистъ, и снова принимается за ругань.

— Въ полицію его представить, связать! Хозяинъ, давай сюда веревокъ; ты видишь, онъ лѣзетъ на драку. Это безпаспортный прощальга, а можетъ и воръ.

— Какъ, я безпаспортный прощальга! а вотъ вамъ, читайте, волю умѣете. Знайте-ка, кто я; и вслѣдъ за этимъ къ намъ летитъ въ планвагенъ смятый и свомканный дипломъ московскаго университета на званіе дѣйствительнаго студента.

Мы узнаемъ земляка и бывшаго сотоварища по университету, казеннаго студента, отправленнаго потомъ въ Эстляндію уѣзднымъ учителемъ. Онъ былъ изъ семинаристовъ и спился на дешевой и крѣпкой вартофельной, нѣмецкой водкѣ. Послѣ этого открытія буанъ тотчасъ же стихъ, залился слезами и побѣжалъ въ корчму за водкою для угощенія земляковъ. Но мы поспѣшили уѣхать, не дожидаясь угощенія.

Такая печальная участь ожидала въ то время почти каждаго казеннаго учителя русскаго языка въ прибалтійскихъ провинціяхъ.

Потомъ, когда я былъ профессоромъ въ Дерптѣ, во мнѣ не разъ являлись за пособіемъ бѣдствующіе русскіе учителя, безъ сапогъ и безъ заднихъ ногъ. Причина этого нерадостнаго явленія была та, что университетское начальство высылало въ прибалтійскія провинціи поскребки. Кто изъ казеннокоштныхъ плохо учился, кутилъ или пилъ горькую, и только изъ состраданія помилованъ, кое-какъ окончивъ курсъ,—тотъ посылался учителемъ въ Эстляндію или Лифляндію; а тутъ незнакомый ни съ языкомъ, ни съ обычаями, непріятый нигдѣ въ обществѣ сверстниковъ, подвергаемый насмѣшкамъ и злымъ шуткамъ отъ мальчиковъ-учениковъ, выдавшихъ его не разъ пьянымъ, несчастный педагогъ окончательно спивался и бѣдствовалъ. Кромѣ позору русскому имени, русскіе учителя того времени ничего не вносили въ край, и русская грамота оставалась въ нѣмецкихъ и остзейскихъ школахъ дѣвственницею.

Заговоривъ о судьбахъ русскаго языка въ прибалтійскомъ крайѣ, встаетъ скажу и объ отношеніяхъ нѣмецкаго элемента къ русскому, эстонскому и латышскому.

Въ первые годы моего пребыванія въ Дерптѣ, нѣмцы и все нѣмецкое производило на меня какое-то удручающее впечатлѣніе. Мнѣ казались нѣмцы надутыми и натянутыми педантами, свисока, недоброжелательно и съ презрѣніемъ относящимися ко всему русскому, а слѣдовательно и къ намъ. Они,—скучные и бездарные учителя, казалось мнѣ, не могли возбудить въ насъ ни малѣйшаго сочувствія къ своей наукѣ. Напротивъ того, французы казались народомъ избраннымъ, даровитымъ, симпатичнымъ. Въ моемъ дневникѣ, который я велъ тогда, безпрестанно встрѣчались порою страстные, лирическіе возгласы то противъ моего однокашника Иноземцева, то противъ нѣмецкихъ профессоровъ. Это предубѣжденіе мы русскіе выносили съ собою изъ дома и изъ нашихъ университетовъ. Наши отцы и учителя были таковаго-же мнѣнія, какъ и мы, о нѣмцахъ и французахъ. И надо сказать правду, нѣмецкая наука того времени, между прочими конечно и врачебная, была не очень привлекательна для молодого русскаго. Мы, непріученные ни въ шко-

лахъ, ни въ университетахъ сосредоточивать вниманіе, слѣдить и заниматься самостоятельно и самодѣльно научными предметами, мы, говорю, не могли сочувственно относиться къ длиннымъ, переполненнымъ вставками, періодамъ тогдашней нѣмецкой рѣчи. Все казалось съ перваго взгляда туманнымъ, сбивчивымъ, неяснымъ. То-ли дѣло у француза, — все ясно, чисто, гладко, наглядно. А тутъ еще такія имена, какъ Биша, Desault, Dupuytren. Пожалуй, вонъ педантъ нѣмецъ Ердманъ и называетъ Broussais мальчишкою въ сравненіи съ нѣмцемъ же Рейемъ; да вѣдь это говорить нѣмецкая же зависть и тупоуміе.

Такъ думалось въ то время.

И остзейскіе нѣмцы своими отношеніями къ русскимъ вообще поддерживали антипатію, не хотѣли знать ничего русскаго; покровительствуемые и отличаемые правительствомъ, они и къ нему только тогда относились сочувственно, когда оно оказывало имъ явное предпочтеніе и соблюдало ихъ нѣмецкіе интересы.

Современныя, натянутыя отношенія руссофиловъ къ нѣмцамъ берутъ свое начало съ того еще времени, когда прибалтійскій край пользовался особымъ почетомъ и предпочтеніемъ; и въ натянутости отношеній не мало виновата и безтактность остзейцевъ, искавшихъ только того, чтобы пользоваться своимъ выгоднымъ положеніемъ, и не умѣвшихъ или не хотѣвшихъ искать сближенія съ русскою національностью.

Но кто отнесется, какъ опытъ и время меня научили относиться, безпристрастно и добросовѣстно къ обѣимъ сторонамъ, тотъ, я полагаю, отдастъ, вмѣстѣ со мною, полную справедливость многимъ прекраснымъ, высокимъ и образцовымъ свойствамъ германскаго духа и германской науки.

Вѣдь не можемъ мы, въ самомъ дѣлѣ, винить націю, и націю очевидно даровитую и высококультурную, — что она предпочитаетъ и старается предпочитать свое—чужому. Когда свое дѣйствительно и существенно хорошо, то вопросъ, насколько лучше его чужое, трудно рѣшить. Мы не должны судить по себѣ. Намъ не трудно быть безпристрастными къ чужому. У насъ свое дѣйствительно и существенно хорошее — рѣдкая птица; правда, рѣдкую птицу тоже нелегко оцѣнить безпристрастно, но рѣдко встрѣчающаяся оцѣнка не вредитъ обиходному безпристрастію.

И мы, по крайней мѣрѣ, нашъ культурный слой, вообще, къ своему русскому не пристрастенъ. Но и нашъ культурный слой не безпристрастно сравниваетъ одно чужое съ другимъ чужимъ.

Французамъ, на примѣръ, мы отдаемъ преимущество, какъ я убѣдился на собственномъ опытѣ, вовсе несознательно.

Еще съ прошедшаго столѣтія французскій языкъ взомель у насъ въ моду, сдѣлался вывѣскою образованія, хорошаго тона; онъ открываетъ входъ и къ сильнымъ міра. Столица Франціи считается столицею европейскаго міра; французы народъ обходительный, ловкій, веселый, остроумный и пр. и пр. все въ этомъ родѣ. Но, прослѣдивъ себя и французовъ глубже, русскому культурному челоуѣку, я полагаю, можно бы было убѣдиться, что складъ русскаго ума имѣетъ мало общаго съ французскимъ складомъ и скорѣе склоняется на сторону германскаго. Недаромъ изъ славянъ вышло не мало цѣльныхъ ученыхъ въ нѣмецкомъ духѣ.

Я думаю даже, что мы именно потому и менѣе сочувствуемъ нѣмцамъ, что съ ними сходимся по обычаямъ, образу жизни въ холодныхъ странахъ. И развѣ духъ германской поэзіи не болѣе сроденъ духу нашей, чѣмъ французской?

И вотъ, чѣмъ долѣе я оставался въ Дерптѣ, чѣмъ болѣе знакомился съ нѣмцами и духомъ германской науки, тѣмъ болѣе учился уважать и цѣнить ихъ. Я остался русскимъ въ душѣ, сохранивъ и хорошія, и худшія свойства моей національности, но съ нѣмцами и съ культурнымъ духомъ нѣмецкой націи остался навсегда связаннымъ узами уваженія и благодарности, безъ всякаго пристрастія къ тому, что въ нѣмцѣ дѣйствительно нестерпимо для русскаго, а можетъ быть и вообще для славянина. Непріязненный, нерѣдко высокоумный, иногда презрительный, а иногда завистливый взглядъ нѣмца на Россію и русскихъ и пристрастіе ко всему своему нѣмецкому мнѣ не сдѣлался пріятнѣе, но я научился смотрѣть на этотъ взглядъ равнодушнѣе и нисколько не оправдывая его въ цѣломъ, научился принимать къ свѣдѣнію, не сердясь и безъ всякаго раздраженія, справедливую сторону этого взгляда. Перейду къ фактамъ.

Н. И. Пирговъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

АРСЕНІЙ МАЦѢВИЧЪ, МИТРОПОЛИТЪ РОСТОВСКІЙ, ВЪ ССЫЛКѢ.

Историческій очеркъ по вновь открытымъ матеріаламъ.

1767—1772 гг.

На страницахъ „Русской Старины“ напечатаны два обширныхъ изслѣдованія о высшей степени замѣчательной личности ростовскаго митрополита Арсенія Мацѣевича и его борьбѣ съ Екатериною II. Изслѣдованія эти принадлежатъ профессору С.-Петербургской духовной академіи Н. И. Барсову („Русская Старина“ изд. 1876 г., томъ XV, стр. 721—756) и профессору кievскаго университета, нашему уважаемому и постоянному сотруднику В. С. Иконникову („Русская Старина“ изд. 1879 г., томъ XXIV, стр. 731—752; т. XXV, стр. 1—34, 577—608; т. XXVI, стр. 1—34, 177—197).

Предлагаемый нынѣ очеркъ И. Я. Морошкина составленъ по вновь открытымъ матеріаламъ, хранящимся въ Государственномъ Архивѣ. Онъ во многомъ исправляетъ и дополняетъ не только рассказъ г. Барсова, но и превосходное изслѣдованіе профессора В. С. Иконникова. Ред.

Со дня смерти Арсенія Мацѣевича прошло 112 лѣтъ (1884—1772=112 лѣтъ), но до сихъ поръ еще не изданы всѣ документы, относящіеся къ его второму дѣлу, хранящемуся въ государственномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, подъ слѣдующимъ заглавіемъ: дѣло о митрополитѣ ростовскомъ и ярославскомъ, Арсеніи Мацѣевичѣ, сужденномъ и посланномъ подъ именемъ Андрея Врала въ заточеніе въ Ревельскую крѣпость за выраженія оскорбительныя для императрицы Екатерины II ¹⁾).

¹⁾ Госуд. Арх., разрядъ VI, № дѣла 399. Такова новая обложка этого дѣла, писанная рукою П. П. Пекарскаго, бывшаго начальникомъ отдѣленія секретнаго Архива въ М. И. Дѣлѣ; сохранилась и первоначальная обложка

Второе слѣдственное дѣло объ Арсеніи ровно девяносто лѣтъ, со дня смерти Арсенія (1862—1772 гг.), хранилось въ большомъ секретѣ и найдено въ кабинетѣ императора Александра Павловича въ 1827 году; въ томъ же году, по повелѣнію государя Николая Павловича, при посредствѣ статсъ-секретаря Николая Назарьевича Муравьева, это дѣло было препровождено, 19 іюля, къ Дмитрію Николаевичу Блудову, который въ томъ же 1827 году былъ пожалованъ въ статсъ-секретари и занималъ должность товарища министра народнаго просвѣщенія; еще въ 1826 году Блудовъ получилъ назначеніе въ слѣдственную комисію о злоумышленныхъ обществахъ и занимался потомъ пересмотромъ историческихъ документовъ, хранящихся въ разныхъ архивахъ, особенно въ архивѣ кабинета его императорскаго величества; въ 1830 годахъ, при содѣйствіи Д. Н. Блудова, дѣло Арсенія Мацѣвича, вмѣстѣ съ другими дѣлами тайной канцеляріи, поступило во вновь образовавшійся при министерствѣ иностранныхъ дѣлъ государственный архивъ, но здѣсь до 1862 года оно никому не было даваемо для прочтенія и снятія съ него копій.

Только съ 1862 года, девяносто лѣтъ спустя послѣ смерти Арсенія Мацѣвича, появляются болѣе или менѣе цѣнные матеріалы, касающіеся судьбы Арсенія Мацѣвича, и въ 1862 году, болѣе другихъ лѣтъ, появилось въ разныхъ изданіяхъ матеріаловъ, замѣтокъ и біографій о бывшемъ ростовскомъ митрополитѣ Арсеніи Мацѣвичѣ. Поэтому, въ 1862 году, въ газетѣ „День“¹⁾ И. А. Чистовичъ, въ первый разъ сообщившій извлеченіе (весьма краткое) изъ этого дѣла, могъ сказать объ Арсеніи Мацѣвичѣ, въ предисловіи къ своей статьѣ, что Арсеній Мацѣвичъ принадлежитъ къ числу лицъ, еще не тронутыхъ исторіею.

Но, прочитавши весь напечатанный матеріалъ, служащій къ біографіи Арсенія Мацѣвича, мы задаемъ себѣ вопросъ, все ли издано объ Арсеніи Мацѣвичѣ и до сего времени? На этотъ вопросъ, имѣя въ своихъ рукахъ всѣ документы послѣдняго его

этого дѣла, въ которой оно поступило въ Государственный Архивъ: о расстригѣ Арсеніи, іеродіаконѣ Іоасафѣ Лебедевѣ и прочихъ. 1767 г. Декабря 20 числа (къ этому времени было рѣшено дѣло объ Арсеніи). Дѣло объ Іоасафѣ Лебедевѣ рѣшено было 1768 года 4 декабря. Всѣхъ въ дѣлѣ писанныхъ листовъ 389.

¹⁾ №№ 15 и 25.

дѣла и многіе изъ перваго его дѣла, мы можемъ смѣло отвѣтить на предложенный вопросъ, что двѣ трети документовъ по этому одному дѣлу еще не появлялись въ печати, изданные же документы, какъ касающіеся перваго, такъ и втораго слѣдственнаго дѣла объ Арсеніи Мацѣвичѣ, изданы неточно и съ большими ошибками и съ пропусками; отъ чего произошли эти неточности и погрѣшности—мы не беремъ рѣшать этого вопроса, но мы ихъ много замѣтили въ изданныхъ документахъ объ Арсеніи Мацѣвичѣ; эти неточности и просмотры въ изданныхъ документахъ исправляются нами при посредствѣ списанныхъ нами документовъ съ подлиннаго дѣла объ Арсеніи Мацѣвичѣ.

Въ 1862 году И. М. Снегиревъ ¹⁾ высказываетъ мысли, которыхъ мы не можемъ принять за чистую монету: „долго заглушаемое имя Арсенія вышло на свѣтъ изъ-подъ спуда архивнаго и жизнь Арсенія сдѣлалась предметомъ историческихъ изслѣдованій“.

По нашему мнѣнію это — *ria desideria* и для настоящаго времени; до сихъ поръ еще не появилось въ печати допросовъ Арсенія и монаховъ Николаевскаго Корельскаго монастыря, допросовъ ихъ и очныхъ ставокъ, всей переписки по этому дѣлу Архангелогородской губернской канцеларіи съ генераль-прокуроромъ, княземъ А. А. Вяземскимъ, и князя Вяземскаго съ нею и съ прокуроромъ В. Нарышкинымъ; не напечатаны также дополнительные допросы и очныя ставки и другіе документы, относящіеся ко второму слѣдственному дѣлу объ Арсеніи Мацѣвичѣ. Поэтому фраза Снегирева остается пустою фразою, не имѣющею подъ собою фактической подкладки. Является необходимость въ томъ, чтобы издать всѣ документы, относящіеся къ послѣднему дѣлу Арсенія и издать ихъ въ полномъ видѣ, и тогда только можно провести цѣлостный взглядъ на весь ходъ слѣдственнаго дѣла объ Арсеніи.

П. П. Пекарскій ²⁾, указывая на подлинное дѣло объ Арсеніи Мацѣвичѣ, хранящееся въ государственномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, вмѣстѣ съ тѣмъ перечисляетъ и

¹⁾ Въ своей брошюрѣ: Арсеній Мацѣвичъ, митрополитъ ростовскій и ярославскій, съ его портретомъ. Москва. Русскія достопамятности, выпускъ IV.

²⁾ См. въ Энциклоп. Словарѣ, Сиб. 1862 г., статью его подъ заглавіемъ: „Арсеній Мацѣвичъ, митрополитъ ростовскій и ярославскій“.

важнѣйшія изъ бумагъ въ этомъ дѣлѣ, которыя бы слѣдовало издать; эти бумаги выше указаны нами и онѣя до сихъ поръ не появлялись въ печати. Издавая ихъ въ свѣтъ, мы приводимъ въ исполненіе литературное завѣщаніе П. П. Пекарскаго, который для составленія имъ статьи объ Арсеніи Мацѣвичѣ въ энциклопедическомъ лексиконѣ тщательно просматривалъ это дѣло и находилъ многіе документы въ этомъ дѣлѣ столь цѣнными, что считалъ необходимымъ заявить объ этомъ печатнымъ словомъ.

Выраженія же въ указанной нами брошюрѣ И. М. Снегирева: „тяжба Арсенія черезъ столѣтіе обратила на себя вниманіе и участіе русскаго міра, подняты его дѣла, таившіяся въ пыли архивовъ, нѣкоторыя тайны распечатаны, о немъ обнародованы письменныя свидѣтельства и преданія, возбуждены вопросы, вызваны на судъ свѣта самъ Арсеній, его судьи, друзья и враги“ — мы признаемъ преувеличенными фразами и не вполне справедливыми, какъ очевидно изъ вышеприведенныхъ нами словъ и подтверждаемыхъ притомъ такимъ авторитетомъ въ наукѣ, каковъ былъ П. П. Пекарскій; онъ самъ разбиралъ и читалъ подлинное дѣло Арсенія Мацѣвича и, послѣ появленія въ свѣтъ экстракта изъ этого дѣла И. А. Чистовича ¹⁾ въ „Днѣ“, заявлялъ въ своей статьѣ въ „Энциклопедическомъ Словарѣ“ ²⁾, что многіе изъ документовъ этого секретнаго дѣла еще не изданы въ свѣтъ и желательно было бы видѣть ихъ въ печати.

Имѣя въ виду таковую цѣль, мы рѣшились издать всѣ бумаги, касающіяся второго слѣдственнаго дѣла объ Арсеніи Мацѣвичѣ и тѣ бумаги изъ перваго его слѣдственнаго дѣла, которыя изданы съ пропусками и погрѣшностями въ другихъ изданіяхъ.

Трудъ нашъ касается всей жизни и общественной дѣятельности Арсенія, а равно заключаетъ въ себѣ изложеніе двухъ слѣдственныхъ о немъ дѣлъ. А именно:

Первая глава заключаетъ въ себѣ литературу объ Арсеніи и взглядъ на его жизнь и страданія писателей и историковъ. Въ этой же главѣ будутъ указаны матеріалы и пособія, служившіе намъ къ составленію означеннаго очерка. Высказанъ будетъ нашъ взглядъ на Арсенія Мацѣвича.

Вторая глава касается рожденія, воспитанія и первоначальной службъ Арсенія до полученія имъ каедры, свачала Тобольской, на непродолжительное время, а потомъ Ростовско-Ярославской. Управленіе его тою и другою

¹⁾ Въ газетѣ „Днѣ“, 1862 г. №№ 15 и 25.

²⁾ 1862 г. Спб. Томъ V Словаря, статью его см.: Арсеній Мацѣвичъ.

митрополитамъ, Взглядъ на Арсенія, какъ на администратора и какъ на человѣка.

Третья глава. Арсеній какъ обличитель раскола. Его увѣщаніе игумену Іоасафу. Дополненіе къ обличенію неправды раскольнической. Дѣло о посадскомъ человѣкѣ города Романова Петрѣ Болчковѣ, доносившемъ на Арсенія за уничтоженіе имъ часовень, которыя служили молебными для раскольниковъ (1751 г.). Возраженіе Арсенія на Молотокъ (или на пасквиль лютеранскій), на Камень вѣры Стефана Яворскаго. Арсеній какъ проповѣдникъ.

Четвертая глава. Содержаніе протестовъ Арсенія противъ взятія въ казну церковныхъ вотчинъ. Его арестъ и судъ надъ нимъ. Первая его ссылка въ Николаевскій Корельскій монастырь. Обрѣтеніе мощей св. Димитрія, митрополита ростовскаго, и переложеніе ихъ въ новую серебрянную раку въ присутствіи императрицы.

Пятая глава. Второе слѣдственное дѣло объ Арсеніи, излагаемое нами по официальнымъ документамъ.

Приложенія, относящіяся къ первому и второму слѣдственному дѣлу объ Арсеніи Мацѣевичѣ.

Здѣсь на страницахъ „Русской Старины“ мы, согласно желанію ея редакціи, представляемъ послѣднюю главу нашей монографіи, именно изложеніе по подлиннымъ, доселѣ неизданнымъ, документамъ второго слѣдственнаго дѣла о злополучномъ Арсеніи Мацѣевичѣ.

Иванъ Морозкинъ.

I.

1767 года, мая 11, монахъ Николаевскаго Корельскаго монастыря, Филаретъ Батоговъ, пришедъ къ архимандриту Антонію въ прихожую вельи, словесно объявилъ при казначей, игуменѣ Геннадіи и при братіи о похвальныхъ рѣчахъ того-жъ монастыря іеродіакона Іоасафа Лебедева; будучи они, Лебедевъ и Батоговъ, за монастыремъ въ домѣ, тутъ при монастырѣ живущаго Кузьмоверской деревни, крестьянина Ивана Тимоѣева, сына Корѣльскаго, и при другихъ постороннихъ людяхъ, означенной іеродіаконъ Лебедевъ между прочими рѣчами похвалялся, что я ножемъ разрѣжу у архимандрита Антонія брюхо его и выну сердце, и суди меня въ томъ всемилостивѣйшая государыня.

1767 году сентября 7-го дня пополуночи въ 12 часу, пришедъ въ архангелогородскую губернскую канцелярію, состоящую отъ

города Архангельскаго въ разстояніи 30 верстѣ, Николаевскаго Корельскаго монастыря монахъ Филаретъ Батоговъ подалъ на всевысочайшее ея императорскаго величества имя доношеніе, которымъ доносилъ того-жъ монастыря на іеродіакона Іоасафа Лебедева въ говоренныхъ имъ, Лебедевымъ, сего 1767 году, іюля 30 дня, словахъ: знаетъ-де онъ, Лебедевъ, секретъ по 1-му и 2-му пунктамъ на архимандрита Николаевскаго Корельскаго монастыря Антонія и на другого, который находится въ томъ монастырѣ въ ссылке, о чемъ-де онъ, Батоговъ, того-жъ часу, какъ услышалъ, пришедъ въ келью архимандричью, объявилъ архимандриту Антонію, который, взявъ его, Лебедева, въ келью, ударилъ ропомъ три раза и посадилъ на цѣпь, а потомъ и выпустилъ.

По доношенію Батогова, а по резолюціи губернскаго канцеляріи іеродіаконъ Лебедевъ, случившійся тогда въ городѣ Архангельскомъ, того-жъ числа сысканъ и секретно допрашиванъ. Тотъ сознался во всемъ, что на него показывалъ Батоговъ. Лебедевъ противъ перваго и втораго пунктовъ показалъ нижеслѣдующее.

1) По призыву архимандрита Антонія, онъ жилъ у содержащагося монаха Арсенія семь мѣсяцовъ для услуженія и въ прошедшій-де великій постъ, по приходѣ его, архимандрита, къ монаху Арсенію, послѣдній далъ архимандриту письмо, въ коемъ написано о гонящихъ святую церковь и онъ, Лебедевъ, разумѣетъ, что Арсеній въ томъ же числѣ полагаетъ и ея императорское величество; ибо-де онъ, монахъ Арсеній, съ нимъ, Лебедевымъ, неоднократно говаривалъ, будто бы ея императорское величество наша неприродная и не надлежало ей російскаго престола принять, да и его императорское высочество государь цесаревичъ Павелъ Петровичъ боленъ золотухою и такъ-де Богъ знаетъ, что послѣ его высочества будетъ, а надлежитъ-де Ивану Антоновичу и содержащимся въ Холмогорахъ отцу его и прочимъ, и эти разговоры монаха Арсенія слышали стоящіе на караулѣ подпорщики Семень Алексѣевской и съ нимъ солдаты, о чемъ и съ архимандритомъ Антоніемъ, Арсеній многократно говаривалъ, и архимандритъ про все это зналъ и по тому письму всѣ іеромонахи и архимандритъ на проскомидіи поминали до Святой Пасхи, а августа 15 числа, то письмо онъ, іеродіаконъ Лебедевъ, унесъ и имѣется у него въ монастырѣ спрятано въ келью, кое и представить можетъ.

2) Сего году, апрѣля 21 числа, т. е. въ день ея императорскаго величества рожденія, послѣ литургіи пришли къ монаху Арсенію монахи съ поздравленіемъ, и онъ, Арсеній, не поднесъ имъ, также и стоящимъ у него на караулѣ, вина, объявляя, что не дастъ вина, и то Лебедевъ почитаетъ изъ пренебреженія его, Арсенія, къ ея императорскому величеству, а послѣ того, какъ онъ Лебедевъ сталъ Арсенію говорить съ уворизною: развѣ онъ, Арсеній, ея императорское величество не почитаетъ, и тогда онъ, Арсеній, унтеръ-офицеру и солдатамъ принужденъ былъ вина поднести.

3) Архимандритъ Антоній августа 1 дня у себя въ кельѣ при всей братіи говорилъ, за что-де по присланному изъ синода указу поминовеніе исправлять по государскимъ фамиліямъ, пускай-де въ тѣ числа поминаютъ тѣ, кто больше жалованье беретъ.

4) Монаха Арсенія архимандритъ и всѣ монахи почитаютъ за архіерея и принимаютъ отъ него благословеніе, такъ какъ отъ архіерея и называютъ архіереемъ, коего архимандритъ Антоній и причащаетъ всегда у престола Божьяго не такъ какъ простаго монаха, а какъ священнослужителя.

И потому показанію Лебедева архимандритъ Антоній, прилучившійся тогда въ городъ Архангельскомъ, сысканъ, взятъ подъ караулъ и секретно допрашиванъ.

Архимандритъ во всемъ показанномъ на него монахомъ Батоговымъ и іеродіавономъ Лебедевымъ заперся, прибавивъ къ этому, о чемъ-де Батоговъ на Лебедева доносилъ, тому есть записка.

Для изысканія истины, по опредѣленію губернской канцеляріи, для отысканія и взятія показанныхъ въ допросахъ Лебедева и Антонія писемъ и прочихъ, касающихся по тому дѣлу людей и для осмотра въ архимандричьей и монаха Арсенія кельяхъ писемъ не найдется-ль какихъ къ сему секретному дѣлу приличныхъ, или и другой матеріи, но важность содержащихъ, въ тотъ Николаевскій монастырь того-же сентября съ 7 на 8-е число пополуночи въ 5-мъ часу отправлены были губернаторскій товарищъ Аничковъ и прокуроръ Нарышкинъ, которыми показанныя письма найдены и сверхъ того оказавшіяся въ кельѣ у монаха Арсенія, писанныя архангелогородскаго гарнизона отъ капитана Якова Римскаго-Корсакова къ Арсенію, два письма, въ

воихъ хотя важнаго и нѣтъ, но по сумнѣнію написанныхъ въ оныхъ рѣчей взяты и оныя письма, также найденная при томъ осмотрѣ у Арсенія въ вельѣ Іоанна Арндта, печатанная въ Галлі 1735 году, о истинномъ христіанствѣ книга. Монахъ Арсеній и іеромонахи того монастыря Григорій, Игнатій, Іосифъ, игумень и казначей Геннадій и монастырскій служитель Галактіонъ Сухоруковъ ими, Аничковымъ и Нарышкинымъ, забраны, а 9-го числа сентября объявлены въ губернскую канцелярію; а другія нижеписанныя лица по показаніямъ въ допросахъ по приличеству для изысканія истины забираны послѣ того, а бывшіе предъ симъ у него, монаха Арсенія, на караулѣ, архангелогородскаго гарнизона подпрапорщикъ Семень Алексѣевской, солдаты: Кустовъ, Черкасовъ, Уховъ и Порохинъ, которые по смѣнѣ были при командѣ, и капитанъ Корсаковъ истребованы и секретно слѣдовано, и по слѣдствію оказалось:

1) Архимандритъ Антоній и подпрапорщикъ Алексѣевской въ первыхъ допросахъ во всемъ показуемомъ на нихъ отъ іеродіакона Лебедева заперлись, но архимандритъ Антоній, по добровольному увѣщеванію присутствующихъ, а подпрапорщикъ Алексѣевской, впросясь въ присутствіе, раскаявшись не только во всемъ вышепоказанномъ въ допросѣ іеродіакона Лебедева и о сверхъ того многихъ приносимыхъ монахомъ Арсеніемъ противныхъ важныхъ словъ въ слышаніи, а нѣкоторыхъ съ нимъ, Арсеніемъ, и въ говореніи признались, и притомъ припомнили, и изъ оныхъ въ слышаніи нѣкоторыхъ и Лебедевъ, признаясь, подтвердилъ; а монахъ Арсеній противъ оныхъ ихъ показаній какъ съ допросовъ, такъ съ очныхъ ставокъ по улиѣ въ нѣкоторыхъ говоренныхъ имъ противныхъ и важныхъ словахъ признался жъ; но въ самыхъ важнѣйшихъ учинилъ заперательство, о чемъ о всемъ въ дѣлѣ и въ учиненныхъ двухъ экстрактахъ именно значить, о коихъ важныхъ и противныхъ словахъ имъ архимандриту Антонію, подпрапорщику Алексѣевскому, іеродіакону Лебедеву и монаху Арсенію допросы и очныя ставки по важности тѣхъ противныхъ словъ и производимы были особливо, изъ которыхъ и экстрактъ подъ литерою Б. учиненъ; на солдатъ же Кустова, Черкасова, Ухова и Порохина іеродіаконъ Лебедевъ первымъ допросомъ, хотя и показывалъ въ слышаніи ими оныхъ говоримыхъ Арсеніемъ противныхъ словъ, но они въ томъ съ

допросовъ и очныхъ ставокъ не винились, которое на нихъ солдатъ показаніе и онъ, Лебедевъ, на очной ставкѣ отмѣнилъ, а оказались они виновными въ слабомъ и оплошномъ ими, будучи у него монаха Арсенія на караулѣ, поступаніи, въ противность данной имъ инструкціи, а Черкасовъ и въ слышаніи говоренныхъ въ ихъ караулѣ Лебедевымъ, со словъ монаха Арсенія, противныхъ рѣчей, будто-бъ ея императорское величество государыня Екатерина Алексѣевна наша неприродная, а Кустовъ въ слышаніи же тѣхъ противныхъ словъ уже отъ него, Черкасова, а нигдѣ въ подлежащемъ мѣстѣ о томъ не доносили.

2) Іеромонахи Григорій, Іосифъ Юрьевъ, въ читаніи въ церкви при проскомидіи даннаго отъ архимандрита письма, въ коемъ выписаны молитвы изъ данной монахомъ Арсеніемъ архимандриту Антонію книжки кievской печати служебника, а Галактіонъ Сухоруковъ—въ знаніи и въ слышаніи того.

Да изъ нихъ Осипъ Юрьевъ, игумень и казначей Геннадій въ слышаніи говоренныхъ архимандритомъ Антоніемъ августа 1-го числа при полученіи о поминовеніяхъ государскихъ фамилій реестра противныхъ словъ, пускай де тѣ въ положенныя по реестру числа поминають, кто больше жалованья беретъ, а мы де будемъ поминать попрежнему помѣсячно и во отправленіи тѣхъ поминовеній, какъ ими, такъ и всѣми іеромонахами, по приказу архимандрита Антонія, и понимѣ помѣсячно, а іеромонахъ Іосифъ Юрьевъ и въ сказываніи монаху Арсенію и іеродіакону Лебедеву про содержащагося въ Холмогорахъ Ивана Антоновича отца и его двухъ сыновей.

Да они же, іеромонахи Григорій, Іосифъ Юрьевъ и въ приѣмѣ отъ монаха Арсенія взаимнаго другъ у друга цѣлованіемъ рукъ благословенія, а игумень Геннадій, іеромонахъ Игнатій хотя и покушались у него Арсенія придачѣ антидору изъ учтивости руку цѣловать, но онъ не давалъ.

А болѣе того всѣ они іеромонахи и пономарь Галактіонъ Сухоруковъ по сему дѣлу нынѣ виновными не нашлись, а іеромонахъ Іосифъ Гоголевъ и ни въ чемъ виновнымъ не оказался.

Служитель монастырской Егоръ Сухоруковъ оказался въ писаніи вышеписаннаго изъ служебника молитвами скорописнаго письма, по приказу архимандрита.

А іеромонахъ Теофанъ въ перепискѣ онаго набѣло уста-

вомъ, по его же, архимандрита, приказу, а болѣе ни въ чемъ не оказались.

Бывшій же въ томъ монастырѣ дьячекъ Петръ Каратаевъ взятъ былъ и допрашиванъ, по показанію іеромонаха Іосифа Юрѣва и пономаря Галактіона Сухорукова, яко-бы въ перенискѣ имъ, Каратаевымъ, того письма набѣло, но онъ, Каратаевъ, въ томъ, такъ и ни въ чемъ, по дѣлу приличнымъ и виновнымъ не нашелся, а писалъ то письмо означенный іеромонахъ Теофанъ.

Монахъ же Филаретъ Батоговъ въ доносѣ своемъ на іеродіакона Лебедева нашелся правымъ и по дѣлу ничего до него, Батогова, въ винѣ его не коснулось.

3) Архангелогородскаго Троицкаго собора протопопъ Иванъ Федоровъ, на коего монахъ Арсеній допросомъ хотя и показывалъ, яко-бы таковыя слова, что у приставленныхъ у Ивана Антоновича караульныхъ офицеровъ инструкція была и они тѣмъ оправились, слышалъ онъ, Арсеній, отъ него, протопопа Федорова, но онъ, Федоровъ, въ говореніи тѣхъ словъ въ допросѣ не винился, въ чемъ и на очной съ нимъ, Арсеніемъ, ставкѣ утвердился, а онъ, Арсеній, на оной показалъ, точно-ли онъ, Федоровъ, или кто другой тѣ рѣчи ему сказывалъ, того не упомянуть, а болѣе онъ, Федоровъ, ни въ чемъ по сему дѣлу не приличился, въ тотъ же монастырь онъ посланъ былъ Архангелогородскимъ преосвященнымъ, епископомъ Іоасафомъ, для развѣдыванія о немъ, монахѣ Арсеніи.

4) Капитанъ Корсаковъ о вышепоказанныхъ, писанныхъ имъ къ монаху Арсенію партикулярныхъ письмахъ показалъ, что писалъ оныя единственно изъ учтивости, только за его ласковой приѣмъ и угощеніе, болѣе-жъ того онъ Корсаковъ ни въ чемъ приличнымъ не нашелся.

Упомянутой же, въ допросѣ подпрапорщика Алексѣевского, городской лекаръ Коневской, прошедшаго іюля 22-го дня, уѣхалъ при губернаторѣ Головцынѣ въ Москву, который и понынѣ при немъ находится.

Архангелогородская губернская канцелярія, составивъ, по произведенному слѣдствію, [по оному дѣлу, два экстракта подъ лит. А и Б, въ коемъ противъ перваго большая наиважность въ разсужденіи прописанныхъ въ нихъ важнѣйшихъ противныхъ словъ, при всеподданнѣйшемъ репортѣ, представила императрицѣ

на всевысочайшее разсмотрѣніе и при нихъ приложены при первомъ:

- 1) Бѣлой допросъ іеродіакона Лебедева.
- 2) Записка, учиненная архимандритомъ Антоніемъ, объявленію монаха Батогова на іеродіакона Лебедева.
- 3) Два письма, писанныя отъ капитана Корсакова къ монаху Арсенію.
- 4) Найденная у монаха Арсенія въ кельѣ о истинномъ христіанствѣ Іоанна Арнда книга ¹⁾ и книжка же, отобранная у него, Арсенія, кievской печати служебниѣ, изъ котораго показанныя молитвы выписаны.

При второмъ экстрактѣ архимандрита Антонія, монаха Арсенія, подпрапорщика Алексѣевского, іеродіакона Лебедева, іеромонаха Іосифа Юрьева, протопопа Ивана Ѳедорова подлинныя за ихъ руками допросы и очныя ставки.

А далѣе по сему дѣлу, какъ оно въ великой важности состоитъ, въ слѣдствію губернская канцелярія не имѣетъ смѣлости приступить безъ высочайшаго его императорскаго величества повелѣнія.

А что по оному, съ вышепоказанными содержащимися преступниками, также и неоказавшимся въ важномъ преступленіи людьми, повелѣно будетъ чинить, о томъ архангелогородская губернская канцелярія всеподданнѣйше проситъ все милостивѣйшаго указа.

До полученія же онаго, тѣ преступники содержаны бытъ имѣють за крѣпчайшимъ карауломъ.

Губернская канцелярія далѣе осмѣливается всеподданнѣйше доносить, что губернаторскіе товарищи и прокуроръ, по рабской своей должности и присягѣ, во изысканіи, по сему секретнѣйшему дѣлу, истины и въ скоромъ и порядочномъ онаго производствѣ и окончаніи, столько отъ всего своего рабскаго усердія, денно и ночью старались, сколько ихъ силъ и разуму доставало; но и затѣмъ, скорѣе сего времени, по немалости сего дѣла къ концу привести и ея императорскому величеству всеподданнѣйше представить были не въ силахъ; потому что производство его не

¹⁾ Книги объ истинномъ христіанствѣ въ дѣлѣ не оказалось; вѣроятно, она осталась у князя Вяземскаго, она могла служить укоромъ противъ тѣхъ, которые распространяли слухъ о мнимой святости Арсенія. И. М.

только начерно, но и переписка набѣло чинены были губернаторскими товарищами и прокуроромъ и однимъ, находящимся при секретныхъ дѣлахъ, секретаремъ, а особливо второй, подъ литерою Б экстрактъ и прописанные въ ономъ допросы и очныя ставки какъ начерно, такъ и набѣло, по важности показанныхъ въ оныхъ противныхъ словъ, всѣ писаны рукою прокурора Нарышенна; почему и ускорить было невозможно; находящійся же при секретныхъ дѣлахъ канцеляристъ допущенъ только къ перепискѣ набѣло перваго подъ литерою А экстракта, и то по такой необходимости, дабы тѣмъ воспѣшить оныя экстракты ея императорскому величеству всеподданнѣйше представить.

Если-же въ письмѣ тѣхъ допросовъ и экстрактовъ, или во всемъ производствѣ при высочайшемъ его императорскаго величества разсмотрѣніи, усмотрѣть соизволите каковыя ошибки и неисправности, въ томъ архангелогородская губернская канцелярія проситъ милосердаго прощенія.

Не оказавшіеся по сему дѣлу виновными, іеромонахи Игнатій, Іосифъ Гоголевъ, дьячекъ Каратаевъ, освобожденъ, съ обязаніемъ о содержаніи того, о чемъ они спрашиваны, въ секретѣ и протопопъ Иванъ Федоровъ, который по допросѣ и по его невинности и подъ карауломъ не держанъ, а о содержаніи того, въ чемъ онъ спрашиванъ, въ глубочайшемъ секретѣ и наискрѣпчайшею подпискою обязанъ, и всѣ они, до вослѣдованія резолюціи, и безъ вѣдома губернской канцеляріи никуда въ дальнія мѣста не были бы отлучаемы. Также и капитанъ Корсаковъ, который нынѣ въ важномъ ни въ чемъ не нашелся, со взятъемъ съ него о содержаніи спрашиваемаго у него въ секретѣ такой же подписки и съ такимъ же требованіемъ, чтобы впредь до резолюціи никуда отлучаемъ не былъ, отосланъ къ командѣ.

А что производители сего важнѣйшаго секретнаго дѣла, присутствующіе въ губернской канцеляріи и прокуроръ, также секретарь и канцеляристъ все то, о чемъ они по этому дѣлу извѣстны, содержать будутъ во всю свою жизнь въ глубочайшемъ секретѣ, о томъ обязаны наискрѣпчайшею подпискою, которую у сего ея императорскому величеству губернская канцелярія всеподданнѣйше представляетъ.

Этотъ рапортъ архангелогородской губернской канцеляріи императрицѣ, со всѣми означенными выше приложеніями, чрезъ

посредство генерала прокурора князя Александра Алексѣевича Вяземскаго, отправленъ былъ изъ города Архангельска, 23-го сентября 1767 года.

Такъ началось второе слѣдственное дѣло надъ Арсеніемъ въ 1767 году въ сентябрѣ мѣсяцѣ. Что же мы читаемъ въ статьѣ И. А. Чистовича (см. „День“ 1862, № 15), о началѣ этого слѣдственнаго дѣла? „Въ числѣ лицъ, собиравшихся на монастырскія конференціи Арсенія, былъ одинъ іеродіаконъ (онъ приставленъ былъ архимандритомъ служить Арсенію и въ услуженіи у него, какъ онъ самъ показываетъ, уже семь мѣсяцевъ), по имени Іоасафъ Лебедевъ. Онъ все слышалъ и подслушиваемыми секретамъ, повидимому, держалъ на привязи архимандрита и прочее монастырское начальство, а между тѣмъ былъ болтливъ и кляузникъ и какъ-то проболтался (изъ всеподданнѣйшаго репорта видно когда и гдѣ онъ проболтался) монаху Филарету Батогову. Тотъ пришелъ сперва къ архимандриту Антонію и объявилъ ему, что вотъ де Лебедевъ хвалился, что знаетъ секреты по первымъ двумъ пунктамъ. Архимандритъ билъ его раза три ропомъ и велѣлъ заковать въ желѣза. Но когда его выпустили, онъ подалъ на высочайшее имя доношеніе въ архангелогородскую канцелярію (7-го сентября 1767 г.).

Послѣднее сказаніе невѣрно; подалъ доношеніе монахъ Батоговъ, и по его доношенію, былъ сысканъ въ городѣ Архангельскѣ въ тотъ же день іеродіаконъ Лебедевъ и секретно допрашиванъ.

II.

Въ бѣловомъ допросѣ іеродіакона Лебедева, когда онъ въ присутствіи въ архангелогородской губернской канцеляріи, 1767 г. сентября 7 дня, пополудни въ восемь часовъ, секретно былъ допрашиванъ, помѣщенъ 1-й пунктъ, о коемъ не упомянуто во всеподданнѣйшемъ репортѣ отъ 23-го сентября 1767 года императрицѣ. Мы приводимъ его сполна, такъ какъ этотъ пунктъ выясняетъ намъ начало слѣдственнаго дѣла и подтверждаетъ записку архимандрита Антонія объявленію монаха Батогова на іеродіакона Лебедева.

„Назадъ тому съ мѣсяць, а котораго точно мѣсяца и числа, того не упомнить, будучи онъ пьяный въ домѣ крестьянина Ивана Тимофеева, говорилъ, что знаетъ секретъ по первому и второму пунктамъ на архимандрита Антонія и на другаго монаха, который въ ссылкѣ, Арсенія, а еще жъ къ тому говорилъ онъ, Иоасафъ, что можемъ вынуть у нихъ сердца и представить къ милостивой государынѣ, суди она его съ ними; причемъ были служители монастырскіе: Руткинъ (или Румчинъ), Григорій Амосовъ, отставной матросъ означеннаго Тимофеева сынъ Григорій, кои тѣ его слова всѣ слышали, а кто еще былъ, того за пьянствомъ не упомнить; и означенныя его, Иоасафа, рѣчи онъ, Батоговъ, пересказывалъ архимандриту Антонію, за что онъ его, Иоасафа, билъ, и подержавъ немного въ цѣпи, выпустилъ, говоря притомъ: по кельямъ не ходи, ни съ кѣмъ ничего не говори, Арсеній-де на меня сердится“.

Такимъ образомъ оказывается, что іеродіаконъ Иоасафъ Лебедевъ не только былъ болтливъ и влязуникъ, но и пьяница, какъ онъ самъ о себѣ заявляетъ, въ бѣломъ своемъ допросѣ, что онъ пьяной объявилъ и секретъ по первому и второму пунктамъ на архимандрита Антонія и на монаха Арсенія; по справкѣ же, изъ архангелогородской духовной консисторіи, о вышеозначенномъ іеродіаконѣ Лебедевѣ, въ секретномъ экстрактѣ, представленномъ князю Вяземскому, мы читаемъ о немъ слѣдующее:

Іеромонахъ Григорій и іеродіаконъ Лебедевъ, по производившемуся въ консисторіи въ прошломъ 1763 году надъ бывшимъ Пертоминской пустыни игуменомъ Петромъ въ непорядочныхъ его и противныхъ званію своему поступкахъ дѣлу, за ложное въ первыхъ ихъ, Григорія и Лебедева, допросахъ показаніе и тѣмъ помянутаго бывшаго игумена худыхъ его поступковъ прикрьвательство, находились чрезъ годъ безъ священнослуженія. Да сверхъ того помянутой же іеродіаконъ Лебедевъ оказался въ отдачѣ, безъ согласія братскаго, самимъ собою, въ бытность въ Пертоминской пустынѣ строителемъ въ прошломъ 1761 году, яко-бы въ закладъ Двинскаго уѣзда Черносошному крестьянину, церковныхъ казенныхъ образцовъ, за кои взялъ десять рублей; по этой справкѣ архангельской духовной консисторіи, іеродіаконъ Лебедевъ выставляется ложнымъ показателемъ, которому можно было и не вѣрить и въ послѣднемъ его пока-

заніи, тѣмъ болѣе, что все это имъ говорилось въ пьяномъ видѣ, а что у трезваго на умѣ, то у пьянаго на языкѣ и часто у пьянаго что языкъ мелеть, голова не вѣдаетъ. Вторая же справка о немъ свидѣтельствуеть о его нечестности. Слѣдовательно и Лебедевъ оказывается по справкѣ не только болтуномъ, влязникомъ и пьяницею, но и ложнымъ донощикомъ и безчестнымъ человекомъ.

Каковъ же былъ по справкѣ другой доноситель, монахъ Филаретъ Батоговъ? По справкѣ той же духовной консисторіи о немъ, въ секретномъ экстрактѣ, передается слѣдующее: монахъ Филаретъ Батоговъ, въ прошломъ 1765 году, за поколотіе Донскаго войска казака въ квартирѣ его въ двухъ мѣстахъ ножемъ наказанъ плетью, и сверхъ того велѣно ему, во первыхъ, положить триста поклоновъ, потомъ, чрезъ шесть недѣль, власть на всякой день по сту поклоновъ, да въ томъ же 1765 году за пьянства и неприниманія о добропорядочномъ житіи настоятельскаго увѣщанія наказанъ же плетью. Оказывается, что и второй донощикъ не лучше, по справкѣ, перваго; послѣдній оказывается уже записнымъ пьяницею и даже за пьянство наказываемъ былъ и плетью.

При этомъ слѣдуетъ упомянуть еще и о томъ, что Лебедевъ, противъ показанія въ допросахъ подпрапорщика Алексѣевского и солдатъ Кустова и Черкасова, о томъ, что онъ, Лебедевъ, говорилъ, что его высочество государь цесаревичъ Павелъ Петровичъ боленъ золотухою (слышавъ о томъ отъ монаха Арсенія), и что такую болѣзнь онъ, Лебедевъ, лечитъ искусенъ и его, Лебедева, для леченія его высочества возьмутъ въ Санктпетербургъ во дворецъ, противъ подобнаго ихъ показанія, въ пополнительномъ допросѣ отвѣчалъ, что онъ, Лебедевъ, объ этомъ неоднократно говаривалъ съ пьянства, въ чемъ и повинную приносить, а лечитъ такой болѣзни не умѣетъ (новое признаніе самого Лебедева въ пьянствѣ, въ которомъ состояніи, по его собственному признанію, онъ, Лебедевъ, могъ нести и говорить чушь).

И самъ монахъ Арсеній, въ бѣломъ своемъ допросѣ, въ пунктѣ шестомъ, объявляетъ, что архимандритъ Антоній и вся братія Николаевскаго монастыря пьяницы и доносъ на него, Арсенія, для того дѣлають, чтобъ его выжить изъ монастыря, а имъ свободнѣе пить.

Допросы и очныя ставки, по обстоятельному экстракту, учиненному 1767 году, сентября 23 дня, въ архангелогородской губернской канцеляріи, по начавшемуся Николаевскаго Корельскаго монастыря, съ доносу монаха Батогова, слѣдствію, начались 11 сентября 1767 году, пополудни въ шесть часовъ. Первый далъ показаніе архимандритъ Антоній, по довольному увѣщеванію, о показаніи истины, со стороны присутствующихъ.

Архимандритъ Антоній показалъ: 1) что онъ, монахъ Арсеній, говаривалъ многократно, что ея императорское величество Екатерина Алексѣевна наша неприродная и что ея величество нетверда въ законѣ нашемъ, и не надлежало ей россійскаго престола принять, а слѣдовало Ивану Антоновичу; а лучше было бы, кабы ея величество за него, Ивана Антоновича, вступила въ супружество, то-бъ уже и престолъ ей слѣдовалъ, а ея величество съ нимъ, Иваномъ Антоновичемъ, не въ ближнемъ родствѣ, въ шестомъ колѣнѣ, и для такихъ бы персонъ святѣйшій синодъ дозволить могъ; а чтобъ престолъ слѣдовалъ Ивана Антоновича отцу, того онъ отъ Арсенія не слышалъ. Письмо жъ о гонящихъ церковь, точно изъ его Арсенія кievской печати служебника, по его приказанію, выписано и поминовение, вынимая часть, дѣлывали, но полагаетъ ли монахъ въ то число ея императорское величество, того онъ отъ него не слышалъ.

11 ч. сентября, пополудни въ восемь часовъ, монахъ Арсеній, въ присутствіи архангелогородской губернской канцеляріи, секретно допрашиванъ и показалъ противъ архимандрита Антонія:

Онъ, Арсеній, архимандриту Антонію, что ея императорское величество Екатерина Алексѣевна наша неприродная, никогда не говаривалъ, также и что ея величество въ законѣ (нашемъ, прибавлено въ бѣломъ допросѣ, писанномъ вонечно не Арсеніемъ, но къ которому его заставили подписаться) нетверда, не сказывалъ; а говорилъ много разъ, только ему-ль, архимандриту, или кому другому, того не упомянуть, что слышалъ отъ покойнаго преосвященнаго псковскаго Симона о бывшемъ императорѣ Петрѣ Теодоровичѣ, что онъ не твердъ, а про ея императорское величество Екатерину Алексѣевну свидѣтельствовалъ Симонъ, что тверда въ законѣ. А что ея величеству россійскаго престола принять не подлежало и престолъ слѣдовалъ Ивану Антоновичу, не только ему, архимандриту, но и никому никогда не говари-

валь, и лучше бѣ было, кабы ея величество въ супружество съ Иваномъ Антоновичемъ вступила, то бѣ уже и престоль ей слѣдоваль, не говариваль же; а что ея величество въ шестомъ колѣнѣ Ивану Антоновичу, то онъ Арсеній между разговорами, съ нимъ ли, архимандритомъ, или съ другимъ съ вѣмъ, не помнитъ, говорилъ: потому что бывшій императоръ, Петръ Θεодоровичъ, былъ въ шестомъ колѣнѣ Ивану Антоновичу, и для того слѣдуетъ и ея величеству въ томъ же колѣнѣ считаться ради супружества. А чтобъ святѣйшій синодъ дозволить могъ ея величеству вступить съ Иваномъ Антоновичемъ въ супружество, не говариваль, а говорилъ, между разговорами, а кому—не упомянуть, что ея величество съ бывшимъ императоромъ Петромъ Θεодоровичемъ, по родству, въ шестомъ колѣнѣ и святѣйшимъ синодомъ бракъ имъ разрѣшенъ; о гонящихъ же церковь, давъ онъ, Арсеній, ему, архимандриту, служебникъ Кіевской, совѣтываль, чтобъ молитвы читали, вынимая на проскомидіи часть, а какія онъ выписаль и читаль, того онъ не знаетъ.

Согласно съ допросомъ архимандрита Антонія показали того жъ числа и іеродіаконъ Лебедевъ и 12 сентября, впроехъ въ присутствіе, и подпрапорщикъ Семенъ Алексѣевской, послѣдній съ нѣкоторыми прибавленіями.

По прочтеніи перваго пункта допроса Арсенія, нельзя не указать на неточности и неправильности въ разсказѣ И. А. Чистовича, по этому дѣлу; г. Чистовичъ утверждаетъ (см. „День“, 1862 г., № 15), что на допросахъ и очныхъ ставкахъ Арсеній сознался во всемъ, что на него показывали; приведенный нами первый пунктъ служить прямымъ опроверженіемъ словъ г. Чистовича.

Архимандритъ Антоній во второмъ пунктѣ показаль, что онъ, Арсеній, говорилъ, что его императорское высочество точно боленъ и въ немъ по болѣзни надежды нѣтъ.

На этотъ 2-й пунктъ, Арсеній показаль: соболѣзнуя о его высочествѣ, онъ говорилъ ему, архимандриту, что боленъ и въ немъ по болѣзни надежды нѣтъ; потому что, будучи архіереемъ, онъ слыхаль отъ многихъ, а отъ кого точно не упомянуть, сказываютъ де левари, что болѣзнь неизлечимая.

Въ третьемъ пунктѣ Антоній показаль, что ему, архимандриту, онъ, Арсеній, говорилъ, какъ о смерти Ивана Антоновича

манифестъ полученъ, что де у приставленныхъ къ нему Ивану Антоновичу офицеровъ инструкція дана была отъ покойной государыни Елисаветы Петровны, въ коей велѣно было, что если паче чаянія кто для взятія Ивана Антоновича будетъ преступать, то живого не отдавая умертвить, о которой де инструкціи государыня Елисавета Петровна конечно забыла, а то бы, при кончинѣ, отобрала; за тѣмъ, что не любила и не хотѣла, чтобъ бывший императоръ Петръ Ѳеодоровичъ послѣ ея принялъ престолъ, и для того Ивана Антоновича поближе къ Санктпетербургу и привезла, чтобъ, послѣ ея кончины, онъ престолъ принялъ. Еще жъ ему онъ, Арсеній, сказывалъ, когда бывший подпоручикъ Мировичъ въ Шлюшенбургѣ приступъ къ Ивану Антоновичу дѣлалъ и нельзя, чтобъ онъ одинъ, будучи такимъ малинькимъ чиномъ вздумалъ, а конечно де много и большихъ господъ согласниковъ ему было, то въ такомъ случаѣ надлежало его, Мировича, пытать кнутомъ, то бы истинную правду узнали, да и бывшихъ на краулѣ у него, Ивана Антоновича, офицеровъ, которые его убили, надлежало казнить смертію, за пролітіе царской крови.

На третій пунктъ Арсеній показалъ: когда архимандритъ манифестъ о смерти Ивана Антоновича ему далъ и онъ читалъ, то, что онъ — второй Авель и кровь его, аки Авелева, вопіетъ до Бога, — онъ, Арсеній, не говаривалъ; а говорилъ, что онъ повинно смерть получилъ, и, слышавъ онъ, Арсеній, отъ соборнаго протопона Іоанна Ѳеодорова, который, пріѣзжая въ Нивольскій монастырь, у него, Арсенія, былъ, съ коимъ разсуждая онъ, Арсеній, говорилъ объ Иванѣ Антоновичѣ: какъ приставленные офицеры посмѣли дерзновеніе взять и царскую кровь проліть? на что онъ, Федоровъ, ему отвѣчалъ: у нихъ де инструкція была и тѣмъ оправились; съ коихъ словъ онъ, Арсеній, говорилъ архимандриту Антонію, разсуждая, что инструкція дана была (вѣрно приписано на полѣ рукою самого Арсенія на бѣломъ допросѣ) можетъ отъ покойной государыни, Елисаветы Петровны, коя въ забвеніи осталась, по мнѣнію его и, можетъ быть, въ инструкціи написано было, чтобъ Ивана Антоновича, ежели кто преступать будетъ, умертвить, не отдавая живого; а какъ онъ былъ еще архіереємъ, то слышалъ, а отъ кого, не упомнить, что покойная государыня, Елисавета Петровна, бывшему императору, Петру

Федоровичу, говорила, что ежели онъ не воздержится отъ непристойностей, то она престоль свой оставить Ивану Антоновичу и его сдѣлать наследникомъ, и для того де онъ и къ Санктпетербургу ближе привезенъ былъ, а точно-ль для принятія престола, или для страха бывшему императору, того онъ не знаетъ; съ коихъ рѣчей онъ и архимандриту сказывалъ, а можетъ быть и другимъ кому говаривалъ, только точно не упомянуть (въ бѣломъ допросѣ прибавлено: показать). Еще онъ, Арсеній, ему, архимандриту, говорилъ, что Мировичъ не одинъ думалъ дѣлать бунтъ, но, конечно, были съ нимъ и другіе согласники, для того, что такому маленькому человѣку нельзя одному за такое дѣло приняться, есть-ли-бъ не было какой надежды, а чтобъ надлежало его, Мировича, пытать и большіе господа съ нимъ были въ согласіи, также и офицеровъ, которые Ивана Антоновича убили, надлежало казнить смертію за пролитіе царской крови, того онъ не говаривалъ.

Противъ показанія Арсенія въ третьемъ пунктѣ, такъ какъ Арсеній говорилъ, что слышалъ объ этомъ отъ соборнаго протопопа Ивана Федорова, послѣдній былъ допрашиванъ и показалъ, что его, протопопа Федорова, посылалъ преосвященный Иоасафъ, архангелогородской и холмогорской (за своею болѣзнію) въ Николаевской корельской монастырь, для надсматриванія надъ монахомъ Арсеніемъ раза два, или три, а коихъ мѣсяцевъ и чиселъ онъ, Федоровъ, не упомянуть, и въ ту его бытность у Арсенія онъ, Федоровъ, съ нимъ, Арсеніемъ, ни въ какое разсужденіе не входилъ и такихъ рѣчей отъ него, Арсенія, объ Иванѣ Антоновичѣ, какъ приставленные офицеры посмѣли дерзновение взять и царскую кровь пролить, онъ, Федоровъ, не слышалъ, и ему, Арсенію, у нихъ де была инструкція и тѣмъ оправились, не говаривалъ, да и знать ему оной инструкціи не по чемъ, а есть-ли-бъ онъ, Федоровъ, что непринадлежащее отъ Арсенія слышалъ, то-бъ, конечно, по должности своей, не оставилъ бы тотчасъ его преосвященства Иоасафа епископа репортовать.

А на очной ставкѣ съ нимъ, Арсеніемъ, показали: протопопъ Федоровъ утверждаетъ на первомъ своемъ допросѣ, а монахъ Арсеній, точно ли онъ, Федоровъ, или другой сказывалъ означенныя рѣчи, того онъ не упомянуть. Справкою же по запросу прокурора Нарышкина отъ 19 сентября 1767 года отъ реченнаго

Іоасафа епископа, показано, что онъ, протопопъ, въ тотъ монастырь посланъ былъ точно отъ него.

Значитъ по третьему пункту монахъ Арсеній не во всемъ виновенъ.

Въ четвертомъ пунктѣ архимандритъ Антоній допросомъ показалъ: сего (1767 г.) года, февраля 4-го дня, онъ, Арсеній, читавъ житіе Кирила новозерскаго, толковалъ ему, архимандриту, іеродіакону Лебедеву и подпрапорщику Алексѣевскому, а въ солдатъ при томъ были-ль кто; не упомянуть, вотъ де въ житіи Кирила новозерскаго написано, что будутъ въ Россіи два царствовать юноши, и такъ де будетъ въ Россіи благополучіе и турка выгонять вонъ и возьмутъ Грецію подъ свою власть и нынѣ де то время приходитъ, и будутъ де царствовать двое: первой, его императорское высочество, государь цесаревичъ, Павелъ Петровичъ, а другой—покойнаго Ивана Антоновича братъ, Петръ Антоновичъ, который въ Холмогорахъ содержится по секрету, и ему де есть уже лѣтъ пятнадцать, о коемъ ему, Арсенію, что онъ въ Холмогорахъ, связывалъ іеромонахъ, которой при секретной въ Холмогорахъ комисіи служилъ, а какъ того іеромонаха зовутъ, того онъ, Арсеній, ему, архимандриту, не связывалъ, и онъ его не спрашивалъ.

Арсеній на 4-й пунктъ показалъ, что іеродіаконъ Лебедевъ связывалъ ему, Арсенію, что слышалъ отъ іеромонаха Никольскаго Корельскаго монастыря Григорія или Іосифа, точно не упомянуть, только отъ того изъ нихъ, который былъ въ Холмогорахъ, что есть де еще Ивана Антоновича два брата и содержатся въ Холмогорахъ, называя ихъ именами, а какъ, того не упомянуть; то, читая онъ, Арсеній, житіе Кирила новозерскаго, толковалъ ему-ль, архимандриту, іеродіакону-ль Лебедеву, подпрапорщику-ль Алексѣевскому, или другому кому, не помнить, что вотъ де, можетъ быть, то время приходитъ, что исполнится Кирила новозерскаго пророчество и будутъ царствовать двое юношъ, умиленныхъ, воихъ онъ, Арсеній, полагаетъ перваго его высочества государя цесаревича Павла Петровича, а другаго изъ братьевъ Ивана Антоновича, не называя именемъ, а что оныя содержатся въ Холмогорахъ, то онъ, Арсеній, архимандриту связывалъ, что слышалъ іеродіаконъ Лебедевъ отъ іеромонаха, который въ секретной комисіи въ Холмогорахъ служилъ и архи-

мандрить его назвалъ именемъ, а Григоріемъ или Іосифомъ не помнить.

Противъ сего Арсеньева четвертаго пункта іеродіаконъ Лебедевъ показалъ. Слыхалъ онъ Арсенія разговаривающаго съ подпрапорщикомъ Алексѣевскимъ многократно, что въ Холмогорахъ есть еще два брата Ивана Антоновича, Петръ да Павелъ, а какъ іеромонахъ Іосифъ, ѣздя въ Холмогоры, возвратился, то онъ, Лебедевъ, спрашивалъ у него, не слыхалъ-ли онъ, что есть-ли у Антона еще два сына, Петръ да Павелъ, на что Іосифъ ему, Лебедеву, отвѣчалъ, я де слышалъ, что есть и нѣмой, а отъ кого онъ слышалъ, того не сказалъ, и онъ, Лебедевъ, у него не спрашивалъ и потомъ съ оныхъ словъ, когда монахъ Арсеній опять съ Алексѣевскимъ объ нихъ же разговаривали, то онъ, Лебедевъ, имъ связывалъ, что и я де слышалъ отъ іеромонаха Юрьева объ ономъ, что есть еще два сына, на что Арсеній и отвѣчалъ ему, Лебедеву, тѣ-та де его два юноши, о коихъ я толковалъ, читая житіе Кирила новозерскаго, что и Алексѣевской слышалъ.

Противъ іеродіакона Лебедева подпрапорщикъ Алексѣевской показалъ. Онъ, Алексѣевской, живя въ Холмогорахъ, еще съ ребячества, слыхалъ секретной команды отъ солдатъ, а какъ ихъ имена, также и отъ школьниковъ, коихъ имена не упомянуть, что есть еще у Антона въ Холмогорахъ дѣти, а сколько и какъ ихъ имена, не знаетъ; посему онъ, Алексѣевской, между разговорами Арсенію сказывалъ и онъ, Арсеній, отвѣчалъ и я де слышалъ, два сына есть, называя ихъ именами, о коихъ онъ, Алексѣевской, запомнилъ, и слышалъ де онъ, Арсеній, отъ іеромонаха Іосифа Юрьева, а что-бъ Лебедевъ объ ономъ когда говорилъ, того онъ, Алексѣевской, не слыхалъ и, что Арсеній, слышавъ объ ономъ отъ Лебедева, говорилъ-ли что, того онъ не знаетъ.

Противъ Лебедева допроса, по четвертому пункту, іеромонахъ Іосифъ Юрьевъ показалъ, что онъ, Іосифъ, Лебедеву, какъ пріѣхалъ изъ Холмогоръ въ прошломъ 764 году, въ ноябрѣ мѣсяцѣ, сказывалъ, на спросъ его, что въ Холмогорахъ у Антона есть два сына, Иванъ да Петръ, что онъ, Іосифъ, слыхалъ на базарѣ въ Холмогорахъ отъ солдатъ, а какъ ихъ зовутъ, не знаетъ, также зимою, а которой, точно не упомянуть, тоже самое сказывалъ монаху Арсенію, а болѣе объ ономъ ни-

вѣому не сказывалъ и ни съ кѣмъ разговорѣвъ не имѣлъ. А на очной ставкѣ іеромонахъ Юрьевъ съ Арсеніемъ показалъ. Юрьевъ утверждаетъ прежнее свое показаніе, а монахъ Арсеній, сказывалъ-ли ему Іосифъ Юрьевъ, того онъ Арсеній не упомянуть.

Архимандритъ Антоній въ пятомъ пунктѣ показалъ на монаха Арсенія слѣдующее. Святѣйшій правительствующій синодъ, говоря, что оной его неправильно осудилъ, бранить.

Монахъ Арсеній, на 5-й пунктъ, отвѣчалъ, что святѣйшій синодъ онъ, Арсеній, не бранить и не бранивалъ, а говорилъ, что онъ, будучи архіереемъ, писалъ въ синодъ, такъ какъ на страшный судъ ему, Арсенію, встать и что синодъ и какъ писанное имъ растолковалъ, за то будетъ съ нимъ, Арсеніемъ, судиться на страшномъ судѣ.

И въ семь своемъ допросѣ онъ, Арсеній, показалъ самую истинную правду, ничего не утаилъ, а есть-ли мало что утаилъ, или кѣмъ въ чемъ изобличенъ будетъ, то подвергаетъ себя смертной казни, а притомъ объявляетъ, что архимандритъ Антоній и вся братія Николаевского корельскаго монастыря пьяницы и доносы на него, Арсенія, для того дѣлаютъ, чтобъ его выжить изъ монастыря, а имъ свободнѣе пить.

Въ пополненіе онъ, Арсеній, допрашиванъ (въ бѣломъ допросѣ спрашиванъ) и показалъ, что ея императорское величество въ число гонящихъ церковь не полагаетъ.

Изъ показанія Антонія видно, что Арсеній разумѣлъ сначала подъ гонящими церковь раскольниковъ; вотъ его слова въ секретномъ экстрактѣ: когда де, о запискѣ желающимъ въ расколъ, состоялся указъ, тогда оной монахъ Арсеній говорилъ ему, архимандриту, надлежитъ де особливья молитвы и эктеніи читать и на проскомидіи часть вынимать, ибо де раскольники въ церковь не ходятъ и на нее плюютъ.

С. М. Соловьевъ (см. газету „День“, 1862 г., № 16) въ статьѣ: Нѣсколько дополнительныхъ словъ объ Арсеніи Мацѣвичѣ, по поводу статьи И. А. Чистовича, приводитъ то же показаніе архимандрита Антонія: когда о запискѣ желающимъ въ расколъ состоялся указъ, то Арсеній говорилъ (замѣчаетъ С. М. Соловьевъ, читаемъ въ дѣлѣ): надлежитъ молитву читать, ибо де раскольники въ церковь не ходятъ и на нее плюютъ и велѣтъ

архимандриту читать особую молитву, выписавъ изъ служебника о гонящихъ церковь.

При подписаніи бѣлаго допроса, монахъ Арсеній объявилъ, хотя онъ въ допросѣ своемъ и показалъ, что бывшій императоръ Петръ Θεодоровичъ, а по супружеству и государыня Екатерина Алексѣевна Ивану Антоновичу въ шестомъ колѣнѣ, но то показалъ ошибкою, а въ шестомъ колѣнѣ матери его Ивана Антоновича, и потому онъ, Арсеній, ея величество причитаетъ въ колѣну Петра Великаго, то чтобъ онъ ея величество почиталъ за неприродную не можетъ и статься.

Подпрапорщикъ Алексѣевской, сверхъ показанія архимандрита Антонія, приполнилъ, въ 1-мъ пунктѣ. Монахъ Арсеній съ архимандритомъ многократно разговаривалъ о царскихъ поколѣніяхъ: во Франціи де такъ царскую фамилію, слѣдующую въ принятію по наслѣдству престола, берегутъ, что когда оставшая отъ короля королева беременна была въ болѣзни, опасной къ смерти, то младенца вырѣзали и въ свиньихъ тушахъ до настоящаго времени выдержали и возростили, а у насъ де въ Россіи непостоянны и не берегутъ настоящихъ наслѣдниковъ, говоря притомъ, еще отъ времени царя Ивана Васильевича про всѣхъ послѣдующихъ монарховъ, когда де второй императоръ скончался, то де сожалѣнія достойно, что настоящее наслѣдство кончилось; а государыня Анна Іоанновна вступила на престолъ не по порядку а потомъ де государыня Елисавета Петровна настоящая наслѣдница была, а бывшій императоръ, Петръ Θεодоровичъ, не настоящій наслѣдникъ, а такъ какъ иностраннаго закону, что и по дѣламъ его оказалось.

Во второмъ пунктѣ, Алексѣевской прибавилъ, что онъ, Арсеній, говаривалъ, что его высочество государь цесаревичъ Павелъ Петровичъ боленъ и къ наслѣдію въ немъ надежды нѣтъ, и ежели де нынѣшняя государыня Екатерина Алексѣевна скончается, то уже иному и некому быть, какъ Ивана Антоновича отцу, что слышали архимандритъ и онъ, Алексѣевской.

Въ пятомъ пунктѣ онъ же приполнилъ, что Арсеній говорилъ, что митрополитъ де Сѣменовъ до тѣхъ поръ поживетъ, пока оберъ-секретарь Остолоповъ живетъ, а безъ него ничего сдѣлать не можетъ, а Гавріилъ де с.-петербургскій ничего противъ Сѣменова говорить и дѣлать безъ него не смѣетъ.

Противъ Алексѣевскаго пополненія, монахъ Арсеній допрашиванъ и показалъ: онъ, Арсеній, съ архимандритомъ Антоніемъ многократно разговаривалъ о царскихъ поколѣніяхъ и читывая латинскую о цесаряхъ исторію, въ коей пишетъ объ одномъ цесарѣ, а какъ имя не помнить, что онъ вынуть былъ изъ брюха у матери и въ свинныхъ тушахъ до настоящаго времени выдержанъ, а не о французской фамиліи сказывалъ. А что въ Россіи не берегутъ наслѣдниковъ и настоящее наслѣдство, по кончинѣ Петра Второго, кончилось, того онъ не говаривалъ, а говорилъ, что по кончинѣ Петра Второго, души такой не было, чтобъ не плакалъ и что мужскаго полу послѣ его не осталось наслѣдника и онъ небреженіемъ князей Долгоруковыхъ скончался. А что государыня Анна Іоанновна не по порядку престолъ приняла, не говаривалъ, а только говорилъ, что государыня Елисавета Петровна настоящая наслѣдница, а чтобъ бывший императоръ Петръ Θεодоровичъ не настоящій наслѣдникъ, а такъ какъ иностраннаго закону, что и по дѣламъ его оказалось, того онъ Арсеній не говаривалъ.

На второй пунктъ Арсеній показалъ, что онъ, Арсеній, архимандриту въ разсужденіи говорилъ, что его высочество болевъ и сохрани Боже, если скончается, то не за кого больше приниматься какъ Ивана Антоновича за братьевъ, коихъ онъ, Арсеній, почитаетъ за царское колѣно, и Алексѣевской притомъ былъ-ли и ему сказывалъ-ли, не помнить.

На пятый пунктъ Арсеній показалъ, что о митрополитѣ Сѣченовѣ, что до тѣхъ поръ поживетъ, пока оберъ-секретарь Остолоповъ живетъ, не говаривалъ; а говорилъ только объ Остолоповѣ, что онъ въ силѣ у преосвященнаго Димитрія и онъ безъ него ничего не дѣлаетъ, а Гавріиль с.-петербургскій съ нимъ, Димитріемъ, въ согласіи, почему безъ него и дѣлать ничего не можетъ.

Въ шестомъ пунктѣ, подпрапорщикъ Алексѣевской на монаха Арсенія показалъ. Да онъ же, Арсеній, говорилъ архимандриту Антонію при немъ, Алексѣевскомъ, (а іеродіаконъ Лебедевъ и еще кто былъ-ли, не упомянуть), о скудости монастырской, что нынѣ и пива сварить не изъ чего, а первый де императоръ хотя и опредѣлилъ отъ монастырей вотчины отнять, но разсудилъ за благо оставить; а прежніе де цари награждали церковь деревнями и прочимъ; а нынѣ-де не только наградить,

но и всѣ разграбили и бывшей его епархіи изъ Ярославля церковные сосуды отобрали и такъ-де, что въ Россіи дѣлаютъ, того у турковъ нѣтъ и турки-де свои мечети награждаютъ; а у насъ-де нынѣ какъ Содомъ и Гоморъ, то-бъ и до нынѣ были монастыри и церкви въ прежнемъ состояніи, а притомъ предателей упоминалъ, а именно, преосвященныхъ: новгородскаго Димитрія, санкт-петербургскаго Гавріила и бывшаго въ Москвѣ въ Новоспасскомъ монастырѣ архимандрита, которой въ синодѣ членомъ былъ, и самъ послѣ сожалѣлъ и сидѣлъ подъ карауломъ въ монастырѣ, называя именемъ, о коемъ онъ, Алексѣевской, теперь показать запоминать. А российское-де дворянство, не смотря на предковъ своихъ, кои въ монастыри деревни давали, давно-де уже добирались, чтобъ оныя отъ монастырей отобрать, и потому какъ нынѣ видя государыню Еватерину Алексѣевну не твердо въ российскомъ законѣ и российскихъ поведеній не знающую, удобное къ отнятію тѣхъ деревень время изыскали; ибо-де ей, государынѣ, какъ доложили и что представили, то и подписала.

На шестой пунктъ Алексѣевскаго, монахъ Арсеній показывалъ. Онъ, Арсеній, говоря архимандриту о скудости монастырской, сказывалъ: хотя Петръ Великій и заопредѣлилъ сколько доходу брать съ деревень въ монастыри, а совсѣмъ деревень не отымали, а прежніе цари награждали церковь деревнями и прочимъ, а чтобъ церковь нынѣ разграбили, и что изъ Ярославля церковные сосуды отобрали, и что въ Россіи то дѣлаютъ, чего у турковъ нѣтъ, и у насъ-де нынѣ какъ Содомъ и Гоморъ,—онъ, Арсеній, не говаривалъ, а говорилъ съ архимандритомъ, что лучше духовному чину жить у турка, нежели въ Россіи; ему-жъ, Антонію, онъ, Арсеній, сказывалъ, что естли бъ не были согласны новгородской Димитрій и с.-петербургской Гавріилъ, тобъ, конечно, деревень не отобрали, кои-хъ и предателями разумѣть, а о новоспасскомъ архимандритѣ никогда и рѣчи не было, и что точно российское дворянство давно старалось о отнятіи деревень—сказывалъ; а чтобъ нынѣ, видя государыню Еватерину Алексѣевну не твердо въ российскомъ законѣ и российскихъ поведеній не знающую и удобное къ отнятію тѣхъ деревень время изыскали, такихъ рѣчей онъ, Арсеній, никому не говаривалъ. А что государыня по докладу и представленію такъ подписать изволила, онъ, Арсеній, говорилъ.

Въ седьмомъ пунктѣ подпрапорщикъ Алексѣевской показаль, что онъ, Арсеній, ему, Алексѣевскому, одному читая книги и разсуждая, говариваль: „вотъ-де какъ прежде нашу братью, архіереевъ, почитали цари, во всемъ спрашиваясь, благословенія требовали и наша-де братья смѣло ихъ въ духовныхъ дѣлахъ избличали, а я-де какъ послаль правильное доношеніе, то за мою правду и въ ссылку меня сослали.

Монахъ Арсеній на седьмой пунктъ отвѣчалъ: онъ, Арсеній, Алексѣевскому читая книги, что нашу-де братію, архіереевъ, почитали цари и благословенія требовали и въ духовныхъ дѣлахъ избличали—говориль, а что онъ за правильное доношеніе въ ссылку сосланъ—ему, Алексѣевскому, чтобъ говорилъ не упомянуть, а и теперь въ томъ мнѣніи, что за правильное доношеніе сосланъ и будетъ судиться на страшномъ судѣ.

Въ восьмомъ пунктѣ Алексѣевской показаль. Златоустова житіе онъ, Арсеній, читая ему, Алексѣевскому, говорилъ, что сосланъ онъ, Златоустъ, отъ царицы въ заточеніе, гдѣ и пострадалъ, такъ, подобно тому, и онъ, Арсеній, страдаетъ.

На восьмой пунктъ Арсеній показаль. Златоустово житіе онъ, Арсеній, читая ему, Алексѣевскому, говорилъ, что Златоустъ, сосланной отъ царицы въ заточеніе, пострадалъ, а что, подобно тому, и онъ, Арсеній, страдаетъ, того не говариваль.

Въ девятомъ пунктѣ Алексѣевской показаль: показывая онъ, Арсеній, служебникъ кievской печати ему, Алексѣевскому, свазываль, указывая на одну молитву: вотъ-де за эту молитву страждеть бывший въ Угличѣ архимандритъ, называя именемъ, о коемъ онъ, Алексѣевской, нынѣ показать запомнилъ, и онъ-де растриженъ и сосланъ въ Соловецкій монастырь, что ту молитву онъ въ церкви въ служеніи читаль.

На девятой пунктъ Алексѣевскаго показанія Арсеній отвѣтствовалъ. Онъ, Арсеній, съ архимандритомъ Антоніемъ разсуждалъ и говорилъ, что напрасно бывшаго въ Угличѣ Покровскаго монастыря архимандрита Геннадія растригли и послали въ Соловецкій монастырь въ ссылку; онъ-де только молитву прочель, за которую и такова наказанія не заслужиль, а думаетъ-де онъ, Арсеній, что Сѣченовъ его растригъ по злобѣ на него, Арсенія; ибо оной былъ имъ, Арсеніемъ, посвященъ и опредѣленъ, а что бывший архимандритъ сосланъ, то онъ, Арсеній, слышалъ отъ

бывшаго у него, Арсенія, келейника Стефана, которой уѣхалъ въ Малороссію и гдѣ находится—неизвѣстно.

И въ семъ допросѣ онъ, Арсеній, показалъ самую сущую правду и ничего не утаилъ, подвергая себя за ложное показаніе смертной казни.

Въ концѣ своего допроса архимандритъ Антоній говорить, что съ перваго спросу истинною не показалъ и не доносилъ, по своей простотѣ, а подпрапорщикъ Алексѣевской такъ выражается въ концѣ своего допроса: въ первомъ допросѣ во всемъ заперся и о показанныхъ словахъ не доносилъ для того, что по данной инструкціи не поступалъ и опасаясь за то наказанія, а теперь, пришедъ въ чувство, предъ е. и. в. принося въ своемъ проступкѣ повинную, просить милостиваго помилованія.

На очной ставкѣ монахъ Арсеній показалъ:

1) Чтобъ лучше было, кабы ея величество вступила въ супружество за Ивана Антоновича, онъ, Арсеній, говаривалъ для того, что онъ, Арсеній, слышалъ отъ подпрапорщика Семена Алексѣевского, что государыня Екатерина Алексѣевна объявила въ сенатѣ, что вступаетъ въ супружество за Орлова, и тогда-де всѣ сенаторы, вставъ, просили ея величество, чтобъ того не было, и такъ-де лучше бъ за него, Ивана Антоновича, ея величеству въ супружество идти, нежели за Орлова, и синодъ бы дозволилъ, въ томъ Арсеній и признается.

2) Что Мировича надлежало пытать внутомъ, то бъ истинную узнали, онъ, Арсеній, говорилъ и признается.

3) Чтобъ офицеровъ, которые Ивана Антоновича убили, казнить смертію, онъ, Арсеній, говорилъ и они тому достойны, въ чемъ и признается.

4) Синодскихъ членовъ съ сердца бранивалъ и Дмитрія Сѣченова, называя супостатомъ, кабы пропалъ, то бъ и онъ былъ свободенъ, говорилъ и признается.

5) Чтобъ грабили церкви—не говорилъ, а говорилъ: какъ-де князь Куракинъ серебряные сосуды обобралъ, да надавалъ оловянные, такъ и самъ пропалъ, и что церкви, за отобраніемъ деревень, пустѣютъ, въ чемъ и признается.

6) Что за правильное доношеніе въ ссылку посланъ, то онъ, Арсеній, говорилъ и признается.

7) Какъ Златоуста читалъ, то, что также страдаетъ, какъ Златоустъ, не говаривалъ, а говорилъ оное Алексѣевской, на что онъ, Арсеній, сказалъ: далеко-де до того. (А Алексѣевской, вь очной ставкѣ съ Арсеніемъ, показалъ, что онъ Арсенію, что также страдаетъ какъ Златоустъ, не говаривалъ, а говорилъ точно онъ, Арсеній).

8) Когда житіе Кирила Новоезерскаго онъ архимандриту Антонію, іеродіакону-ль Лебедеву, иль подпрапорщику Алексѣевскому толковалъ, то говорилъ, что можетъ-де будутъ Ивана Антоновича братья царствовать, потому что онъ думаетъ пророчество Кирила Новоезерскаго еще не сбылось.

9) А впрочемъ во всемъ онъ, Арсеній, не признается, а утверждается на прежнихъ своихъ допросахъ.

При приложеніи къ бѣлой очной ставкѣ рукъ, подпрапорщикъ Алексѣевской въ пополненіе показалъ:

Арсеній говорилъ: не малехонько-де синодъ и члены не смотрять, біблія-де напечатана неисправна и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ съ жидами согласна, а книжка исповѣдная съ калвинами согласна.

И въ ономъ монахъ Арсеній, что говорилъ, признался, а въ чемъ съ жидами и калвинами согласно, то и доказать можетъ.

Обстоятельный экстрактъ и очныя ставки скрѣплены губернаторскими товарищами Сорокинымъ и Аничковымъ и прокуроромъ Нарышкинымъ.

И. Я. Морозкинъ.

[Продолженіе слѣдуетъ].

КАРЛЪ КАРЛОВИЧЪ МЕРДЕРЪ

1787—1834 гг.

Генераль-адъютантъ Карлъ Карловичъ Мердеръ родился 8-го января 1787 г. въ г. Вѣлицѣ, Могилевской губ., гдѣ отецъ его служилъ въ то время городничимъ. Старикъ Мердеръ, человѣкъ честный, хорошій служака, но чуждый всякихъ, даже самыхъ поверхностныхъ научныхъ познаній, былъ того убѣжденія, что кромѣ военнаго образованія всякое другое человѣку бесполезно, поэтому онъ спѣшилъ посвятить военной службѣ своего сына, и едва ребенку минуло 11 лѣтъ, какъ его отвезли въ Петербургъ, въ 1-й кадетскій корпусъ, гдѣ онъ своимъ прилежаніемъ и хорошимъ поведеніемъ обратилъ на себя вниманіе начальства и въ короткое время сталъ на ряду съ лучшими воспитанниками. Такъ успѣшно прошли годы ученія и наконецъ, 14-го ноября 1804 г., Карлъ Карловичъ былъ произведенъ корнетомъ въ Елисаветградскій гусарскій полкъ. Въ 1805 г. этотъ полкъ былъ назначенъ въ походъ за границу; съ нимъ выступилъ въ походъ и Карлъ Карловичъ, исполняя должность полкового адъютанта; въ сраженіи при Аустерлицѣ, гдѣ полкъ, врубившись третій разъ въ непріятельскую кавалерію, былъ опрокинутъ и командиръ его, ген.-маіоръ Остенъ-Сакенъ 3-й, окруженный французскими драгунами, находился въ крайней опасности, Мердеръ, находясь, по своей должности, близъ него, успѣлъ собрать нѣсколько храбрыхъ гусаръ, бросился на непріятеля и такимъ образомъ спасъ своего полкового командира, но самъ былъ при этомъ тяжело раненъ въ голову. За такой подвигъ онъ былъ награжденъ орденомъ Анны 3-й степени и ген.-ад. Уваровъ представилъ его впослѣдствіи, какъ отличнаго офицера, императору Александру I, который осчастливилъ его своимъ вниманіемъ.

Раненый Мердеръ долженъ былъ остаться для леченія въ Лембергѣ; это время, проведенное въ бездѣйствіи, онъ называлъ всегда

потеряннымъ въ своей жизни и спѣшилъ какъ можно скорѣе въ ряды своихъ товарищей; но такая поспѣшность не дала ему возможности окончательно излечиться отъ ранъ; оставивъ Лембергъ, Карлъ Карловичъ отправился снова въ дѣйствующую армію.

Въ 1806 и 1807 гг., находясь съ полкомъ въ авангардномъ корпусѣ, подъ начальствомъ ген.-ад. Уварова, не смотря на раны, полученные подъ Аустерлицомъ, онъ участвовалъ во всѣхъ сраженіяхъ до окончанія кампаніи. Однако, по возвращеніи въ Россію, служба во фронтѣ, вслѣдствіе разстроеннаго здоровья, сдѣлалась ему обременительна и онъ былъ переведенъ (1809 г.) дежурнымъ офицеромъ въ тотъ самый 1-й кадетскій корпусъ, гдѣ онъ воспитывался. Тутъ онъ прослужилъ 15 лѣтъ, исполняя впослѣдствіи должность помощника ротнаго командира, усердно занимался службою и относился постоянно къ воспитанникамъ съ чисто отеческой заботливостью; изъ роты, ему вѣренной, выходили офицеры, отличавшіеся примѣрною нравственностью и привыкшіе къ строгой дисциплинѣ. Нравственное саморазвитіе Карла Карловича и его отношеніе къ воспитанникамъ не могли пройти незамѣченными.

Въ 1828 г. была сформирована въ С.-Петербургѣ школа гвардейскихъ подпрапорщиковъ: главною задачею ея было выпускать въ гвардію офицеровъ образованныхъ, развитыхъ нравственно и полныхъ сознанія своего долга и своихъ обязанностей. Великій князь Николай Павловичъ принялъ эту школу въ свое личное завѣдываніе и избралъ въ нее такихъ офицеровъ, которые, принявъ на себя обязанность воспитателей, могли бы оправдать довѣріе къ нимъ, а равно и тѣ надежды, которыя возлагались тогда на вновь учреждаемое заведеніе. Само собою разумѣется, что особенно важенъ былъ выборъ ротнаго командира, какъ ближайшаго руководителя молодыхъ людей; репутація, заслуженная Карломъ Карловичемъ, указала на него, и онъ вступилъ въ новую должность въ самый день открытія школы, 18-го августа 1823 года.

Посѣщая школу ежедневно, августѣйшій ея попечитель внимательно слѣдилъ за дѣятельностью ея новаго начальства и имѣлъ случай вполнѣ убѣдиться въ тѣхъ нравственныхъ достоинствахъ Карла Карловича, которыя послужили поводомъ къ дальнѣйшему его повышенію: на долю его выпала иная, гораздо высшая дѣятельность.

8 іюля 1824 года вел. князь Николай Павловичъ взялъ Мердера къ себѣ, вѣривъ ему воспитаніе своего старшаго сына, великаго князя Александра Николаевича, которому тогда только что минуло 6 лѣтъ.

День 8 іюля 1824 г. оставался навсегда памятенъ Карлу Карловичу; въ этотъ день, въ Красномъ селѣ, былъ парадъ, на которомъ присутствовалъ императоръ Александръ Павловичъ. Великая княгиня

Александра Федоровна, зная намѣреніе своего мужа относительно выбора Мердера, представила его государю. Императоръ, взявъ Карла Карловича за руку, сказалъ: «мнѣ весьма пріятно снова съ вами свидѣться и показать вамъ ту отличную довѣренность, которою я васъ облакаю. Примѣрная служба ваша увѣряетъ меня, что вы оправдаете мое о васъ мнѣніе. Я васъ еще помню адъютантомъ генерала Сакена».

12 іюля 1824 г. Карлъ Карловичъ вступилъ въ новую свою должность и съ этой минуты вся цѣль его жизни сосредоточилась на томъ, чтобы быть полезнымъ своему воспитаннику, которому онъ отдалъ самого себя, все свое время, отдыхъ и досугъ, принимая живѣйшее участіе во всѣхъ его дѣтскихъ играхъ и не оставляя его безъ надзора ни днемъ, ни ночью; это давало ему возможность постоянно наблюдать за нравственнымъ развитіемъ великаго князя и съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе приобрѣтать себѣ его любовь и довѣріе.

Одаренный отъ природы характеромъ дѣятельнымъ и любознательнымъ, Карлъ Карловичъ постоянно трудился, приобрѣтая новыя свѣдѣнія, съ тѣмъ, чтобы впослѣдствіи подѣлиться ими съ своимъ воспитанникомъ; не довольствуясь собственнымъ взглядомъ на воспитаніе, онъ изучалъ самыхъ лучшихъ писателей по этому предмету, заимствуя у нихъ все то, что казалось ему наиболѣе соответствующимъ его цѣли. Постоянное, милостивое расположеніе къ нему императора Николая и императрицы Александры Федоровны служатъ лучшимъ доказательствомъ того, какъ благоразумно и добросовѣстно исполнялъ Карлъ Карловичъ Мердеръ свои обязанности.

Такъ протекло 10 лѣтъ самой неутомимой и самой энергичной дѣятельности Карла Карловича при особѣ наследника; столь постоянные труды и заботы очевидно не могли остаться безъ послѣдствій на его организмъ, потрясенный еще въ молодости боевою жизнью и полученными ранами, поэтому онъ принужденъ былъ предпринять путешествіе за границу; хотя болѣзнь его была признана неизлечимою, однако полагали, что пребываніе въ тепломъ климатѣ поддержитъ его силы. Лѣто 1833 г. онъ провелъ въ Баденъ-Баденѣ, осенью поѣхалъ въ Италію, прожилъ всю зиму въ Римѣ; въ началѣ весны посѣтилъ Неаполь, и возвратившись въ Римъ, собирался уже послѣ Пасхи отправиться на воды въ Германію и оттуда обратно въ Россію, но

Не судилъ ему Творецъ
Увидѣть подвига начатаго конецъ
И сладко отдохнуть среди семья любимой ¹⁾.

¹⁾ Слова къ эпитафін на памятникѣ Карла Карловича Мердера на Смоленскомъ кладбищѣ въ С.-Петербургѣ.

18-го марта 1834 г., въ самый день Пасхи, Карлъ Карловичъ пошелъ на площадь св. Петра смотрѣть на папское благословеніе; былъ бодръ и веселъ, но, разгоряченный сильнымъ жаромъ, вѣроятно простудился вечеромъ, когда осматривалъ иллюминацію купола базилики, ибо, возвратясь домой, почувствовалъ сильную усталость, легъ въ постель и болѣе уже не вставалъ. На другой день у него открылась жестокая лихорадка и 24-го марта 1834 г. К. К. Мердера не стало.

Привязанность Карла Карловича къ великому князю была такъ велика, что послѣднее слово, произнесенное имъ въ агоніи, было драгоценное для него имя наслѣдника цесаревича, который въ свою очередь оплачивалъ ему такую же искреннюю привязанностью, о чемъ свидѣлствуетъ ихъ переписка, продолжавшаяся до самой смерти Карла Карловича и служившая какъ бы продолженіемъ нравственной связи, существовавшей между воспитателемъ и воспитанникомъ.

Такъ вдали отъ отечества кончили дни свои Карлъ Карловичъ Мердеръ; погребеніе совершено было 26 марта на англійскомъ кладбищѣ, близъ Цестіевой пирамиды, а въ маѣ 1835 г. прахъ его, съ разрѣшенія папы, былъ привезенъ изъ Рима въ С.-Петербургъ, гдѣ и преданъ землѣ, 28-го мая, на Смоленскомъ кладбищѣ, въ присутствіи наслѣдника цесаревича Александра Николаевича и принца Ольденбургскаго.

В. В. Т.

ЗАПИСКИ К. К. МЕРДЕРА,

ВОСПИТАТЕЛЯ ЦЕСАРЕВИЧА АЛЕКСАНДРА НИКОЛАЕВИЧА

1826—1832.

I.

На пути изъ Новгорода въ Москву. — Москва. — Торжественный въездъ. — Смотри войска. — Воробьевы горы. — Приготовленія къ коронаціи. — Останкино. — Архангельскій соборъ. — Приездъ цесаревича Константина Павловича. — Коронація. — Празднества. — Отъездъ изъ Москвы.

1826 г.

13-го іюля 1826 г. въ часъ пополудни пріѣхали мы въ Валдай, столяръ былъ накрытъ, обѣдъ готовъ, и мы сейчасъ сѣли обѣдать; музыка Архангелогородскаго полка играла въ продолженіи всего обѣда.

Какъ я ошибся въ моихъ ожиданіяхъ! Въмѣсто прекрасныхъ видовъ, которыми надѣялся прельщаться, до сихъ поръ встрѣчалъ болота, неплодныя поля, и что всего ужаснѣе—бѣдныя развалившіяся хижины несчастныхъ крестьянъ.

Вчера проѣхали мы столяръ славный въ древности Новгородъ. Онъ можетъ служить убѣдительнѣйшимъ доказательствомъ, что въ мірѣ семь ничто не вѣчно.

Въ домѣ, лучше сказать въ части дома Марфы Посадницы, живетъ мѣщанинъ Матвѣевъ.

Въ соборѣ видѣли мы много древностей, особенно замѣчательны тамъ двери, отлитыя изъ мѣди съ барельефами, принадлежавшія церкви, построенной кн. Владиміромъ въ городѣ Корсунѣ. Здѣсь находятся мощи многихъ святыхъ, къ коимъ его высоч. Александръ Николаевичъ прикладывался. Вездѣ, гдѣ мы проѣзжали, народъ толпился около него. Мы осматривали мостъ, строющійся чрезъ быстрый Волховъ. Это будетъ памятникъ достойный Александра, красы и прочности необыкновенной.

«Славны бубны за горами!» Валдайскія горы — песчаные, голые

холмы. У самого города Валдая обширное озеро; посрединѣ онаго островъ, на коемъ построенъ монастырь Иверской Божіей Матери, окруженный лѣсомъ. Мы было собрались ѣхать туда водою, сѣли въ лодки, но набѣжавшая гроза заставила насъ отказаться отъ сего путешествія, и такъ, дабы насладиться симъ живописнымъ видомъ, Александръ Николаевичъ, Зауервейдъ, Жилль и я пошли пѣшкомъ на высокую гору въ верстѣ отъ города; толпа народа за нами слѣдовала, дождь лилъ какъ изъ ведра, громъ гремѣлъ и молнія сверкала. Когда мы взошли на гору, все утихло и мы награждены были за терпѣнное истинно живописнымъ видомъ.

15-го іюля. Въ Вышнемъ Волочкѣ осматривали шлюзы, чрезъ которые болѣе чѣмъ на 100 миллионѣвъ рублей ежегодно провозятъ хлѣба, масла и пеньки въ Петербургъ. Вотъ одно изъ дѣлъ Петра Великаго.

16-го іюля. Городъ Торжокъ окруженъ прелестными видами; Александръ Николаевичъ накупилъ здѣсь, для всѣхъ своихъ знакомыхъ, множество поясовъ, башмаковъ и сапоговъ.

17-го іюля. Въ Твери ночевали во дворцѣ, принадлежавшемъ великой княгинѣ Екатеринѣ Павловнѣ. Чувство неизяснимой печали овладѣло мною, когда я проходилъ чрезъ комнаты дворца, гдѣ, за 15 лѣтъ предъ симъ, все дышало удовольствіемъ, всѣ прельщались ангелу-подобной хозяйкой и дорогимъ гостемъ, царемъ русскимъ. Глубокая Волга быстро мчитъ свои воды, мигомъ пролетаютъ часы и годы, а съ ними и мы!

19-го іюля. Окрестности Твери живописны; вообще, по мѣрѣ приближенія къ Москвѣ, мѣстоположеніе становится разнообразнѣе, деревни чище и лица жителей веселѣе.

Не доѣзжая двухъ верстъ до Петровскаго дворца, государыня императрица Марія Ѳеодоровна выѣхала на встрѣчу его высочеству. Радость Александра Николаевича видѣть императрицу превосходила всякое описаніе. Въ Петровскомъ дворцѣ мы будемъ ожидать пріѣзда государя императора. Марія Ѳеодоровна взяла къ себѣ въ карету его высочество, привезла во дворецъ, указала назначенныя для него комнаты, пожелала спокойной ночи и уѣхала въ Москву.

20-го іюля. Петровский дворецъ построенъ на манеръ Чесменскаго, въ немъ жилъ Наполеонъ; оставляя его, приказалъ зажечь, все дерево выгорѣло, и только теперь отдѣлали на скорую руку нижній этажъ. На Москву мы смотримъ издали; когда будетъ вѣздъ—не-

неизвѣстно. Здоровье государыни императрицы Александры Ѳеодоровны, которую ожидаемъ сюда завтрашняго числа, то есть 21-го іюля, рѣшить эту загадку.

Императрица Марія Ѳеодоровна, благодаря Бога, здорова; ея высочество получила извѣстіе изъ Новгорода, что государыня императрица Александра Ѳеодоровна переносить дорогу лучше, чѣмъ можно было ожидать.

Іюля 23-го. Нашъ земной ангель, императрица Александра Ѳеодоровна, благодаря Всевышняго, ничѣмъ не жалуется; но я нахожу ее весьма измѣнившееся, всѣ находятъ, что она похудѣла. Богъ милостивъ, укрѣпить и сохранить ее для счастья супруга, дѣтей и Россіи.

Сегодня я имѣлъ счастье гулять съ императрицею Александрою Ѳеодоровною; она провела ночь весьма хорошо и на мои глаза свѣжѣе, нежели была прежде.

Вчера Юлія Ѳеодоровна Баранова и Марія Трофимовна были ужасно перепуганы: у нихъ въ комнатѣ вѣтромъ навѣяло занавѣску на свѣчку, она вспыхнула и въ одинъ мигъ вся была въ огнѣ; по счастью г. Крейтонъ находился у нихъ въ то время, занавѣска была оторвана и загорѣвшіеся обои погашены.

Вчера мы гуляли на дачѣ Петровской-Разумовской; все, что я о ней могу сказать, это то, что въ ней много прекрасныхъ рощъ, особенно дубовыхъ; ни саду, ни строеній, ни воды мы не видали, потому что торопились вернуться домой. О красотахъ златоглавой Москвы не могу сказать ничего,—смотрю на нее издали.

Послѣ завтра, въ воскресенье, будетъ торжественное вшествіе или въѣздъ въ столицу. Александръ Николаевичъ ѣдетъ въ каретѣ съ государыней императрицею Александрою Ѳеодоровной, а я въ свитѣ государя.

О коронаціи еще неизвѣстно, полагають около 18-го августа. Наше пребываніе въ Москвѣ не продолжится; императоръ ѣдетъ съ императрицею въ Варшаву, а мы возвращаемся съ императрицею Маріею Ѳеодоровною въ Павловскъ.

26-го іюля. Вчера, въ четыре часа пополудни, началось торжественное вшествіе въ Москву. Отъ Петровскаго дворца до Успенскаго собора, по обѣ стороны дороги, стояли войска; едва государь императоръ верхомъ и царская фамилія въ золоченыхъ экипажахъ показались, раздалось отовсюду ура! продолжавшееся все время церемоніи и потомъ до поздней ночи.

Стоить только кому нибудь изъ царской фамиліи, особенно же Але-

ксандру Николаевичу, показаться только у окна, толпа, окружающая съ утра до вечера дворець, тотчасъ кричить ура!

Народу въ Москвѣ встрѣчаемъ на улицахъ множество, но въ день торжественнаго въѣзда, не только на улицахъ, но на кровляхъ, въ окошкахъ, на заборахъ, на колокольнѣ, даже вся дорога, отъ самаго Петровскаго дворца, была унизана народомъ. Не смотря на пыль, которая всѣхъ по своему украшала, церемонія имѣла нѣчто очаровательно-величественное. Александръ Николаевичъ сидѣлъ въ каретѣ съ императрицею Александрою Ѳеодоровной; великая княгиня съ Юліею Ѳеодоровною Барановой прежде въѣхали въ Москву, и смотрѣли изъ своихъ комнатъ на шествіе.

Всѣ генералъ-и флигель-адъютанты слѣдовали за государемъ императоромъ верхами и всѣ пріѣхали въ Москву въ маскахъ, отъ пыли составившихся. Трудно описать прелестную Москву; ни выраженій, ни искусства не достаетъ, чтобы представить ее въ томъ видѣ, въ какомъ она является изъ оконъ Кремлевскаго дворца: куда не взглянешь, вездѣ видишь новыя, очаровательныя картины.

Завтра, 27-го іюля, поѣду съ Александромъ Николаевичемъ въ оружейную палату, тамъ много любопытнаго.

Императрица Александра Ѳеодоровна была чрезвычайно утомлена церемоніею, но сегодня, благодаря Бога, чувствуетъ себя крѣпче и совершенно здорова.

Іюля 28-го. Вчера Александръ Николаевичъ разсматривалъ со мною сокровища оружейной палаты. Каждая вещь здѣсь твердитъ о неизмѣнной славѣ русскаго оружія. Послѣ обѣда были въ саду графа Разумовскаго, находящагося въ среднѣй города и разведеннаго на 50-ти десятинахъ земли; чрезъ него протекаетъ рѣка Юза. Садъ содержитъ весьма дурно; жалко смотрѣть на заброшенныя заросшія травою аллеи, рѣка засорена, мосты развалились и садъ заглохъ.

Въ Москвѣ, къ сожалѣнію, замѣтилъ я много великолѣпныхъ по наружности палатъ, но внутри онѣ представляютъ видъ развалинъ. Точное подобіе нашихъ знатныхъ: блестять издали, подойдешь ближе—мишура.

Императрица Александра Ѳеодоровна и всѣ члены императорской фамилии, благодаря Бога, здоровы.

Іюля 30-го. Вчера переѣхали мы въ домъ графини Орловой; онъ въ городѣ верстахъ въ 5-ти отъ Кремля, на берегу Москвы рѣки. Здѣсь поневолѣ сознаешься, что Москва, а еще болѣе ея окрестности, очаровательны. Домъ графини Орловой окруженъ прелестнымъ садомъ,

превосходно содержимымъ и составляющимъ исключеніе между московскими садами; чистота, съ которою содержится домъ и садъ, не уступаетъ царскосельской, но имѣютъ то преимущество, что со всѣхъ сторонъ окружены прелестными видами.

Библіотека графини служитъ намъ учебной комнатою; четыре окна представляютъ четыре картины. Стѣны уставлены шкафами, наполненными лучшими сочиненіями.

За широкимъ столомъ занимается Александръ Николаевичъ съ учителями.

Вчера, 29-го іюля, мы были на суконной фабрикѣ мануфактурь-совѣтника Кожевникова; на фабрикѣ ежедневно работаютъ 3,000 человѣкъ, и выдѣлывается сукна 300,000 аршинъ, различныхъ добротъ; нѣкоторыя не уступаютъ иностраннымъ. Фабрика и домъ хозяина построены на живописномъ мѣстѣ; Луза обвивается вокругъ зданій.

Сегодня въ 7 часовъ утра, Александръ Николаевичъ, въ полной парадной формѣ лейбъ-гвардіи гусарскаго полка, поскакалъ къ Петровскому дворцу; здѣсь сѣлъ на приготовленнаго для него арабскаго коня и полетѣлъ къ императору, мимо коего уже проходили церемоніальнымъ маршемъ войска, въ числѣ 67,000 человѣкъ.

Вся Москва отъ мала до велика выѣхала и выбѣжала смотрѣть на величественную картину. Иностранные министры, съ многочисленными свитами, умножали блестящую свиту императора, обращавшую на себя взоры всѣхъ зрителей, но появленіе наследника на чудесномъ конѣ, коимъ онъ управлялъ съ невѣроятною ловкостію, все затмило; всѣ взоры обратились на него, всѣ были въ неизяснимомъ восторгѣ; когда же онъ, на флангѣ лейбъ-гвардіи гусарскаго дивизіона, проскакалъ мимо императора, и съ свойственною ему ловкостію къ нему подѣхалъ, всѣ пришли въ удивленіе. Сколь мнѣ было пріятно видѣть то впечатлѣніе, которое производитъ великій князь на народъ, выразить невозможно. Въ сынѣ своего государя подданные видѣли залогъ будущаго счастья Россіи.

Императрица Александра Ѳеодоровна, благодаря Бога, здорова, надо надѣяться, что покой и хорошій воздухъ укрѣпятъ ея силы. Марія Ѳеодоровна живетъ въ Кремлѣ.

31-го іюля. Сегодня ѣздили мы съ Александромъ Николаевичемъ на Воробьевы горы; отсюда можно видѣть Москву какъ на ладони, со всѣми живописными ея окрестностями; мы долго ими любовались. Александръ Благословенный намѣревался воздвигнуть на семъ мѣстѣ великолѣпный храмъ Спасителя; семьдесятъ милліоновъ было на сей предметъ ассигновано; съ 1819 года производились работы, сносили

горы, но не нашли прочнаго грунту, все сыпучій песокъ; и такъ гигантское предпріятіе сіе не будетъ приведено въ исполненіе.

Жаль, онъ былъ достоинъ того и другого, говорятъ многіе; я же скажу, что храмъ, уже воздвигнутый Христу добродѣтелями Александра, перейдетъ въ роды родовъ, ибо построенъ не для мірской славы.

1-го августа. Великій князь Александръ Николаевичъ былъ съ государынею Александрою Теодоровною въ церкви Фанагорійскаго полка, поставленной въ саду графини Орловой. Замѣчательно, что эта церковь слѣдовала всюду за Суворовымъ; иконостасъ и образа тѣ же, палатка развѣ новая.

Императоръ и императрица Марія Теодоровна были въ Кремлѣ на водосвятіи. Народу было безчисленное множество. Послѣ обѣда желая погулять безъ свиты, мы уѣхали за Воробьевы горы; едва вышли изъ коляски и сдѣлали нѣсколько шаговъ, были уже окружены толпою, всюду за нами слѣдовавшею. Мы возвратились домой и продолжали прогулку въ нашемъ саду, съ графинею Орловой и великою княгинею Еленою Павловною.

2-го августа. Сегодня Александръ Николаевичъ прогуливался верхомъ, въ казацкомъ мундирѣ.

Послѣ обѣда ѣздили смотрѣть соколиную охоту.

Чего не выдумаетъ и до чего не дойдетъ умъ человѣческій!

Соколы, птица дикая, сидитъ спокойно на рукѣ ловчаго; въ то время, какъ охотникъ быстро скачетъ на лошади, снимутъ ей колпачекъ, укажутъ въ воздухѣ птицу и соколъ стрѣлою пускается за ней, схватываетъ и съ добычею возвращается на землю, сидитъ и спокойно ожидаетъ своего учителя.

3-го августа. Императрица Александра Теодоровна гуляла, она чувствуетъ укрѣпленіе силъ.

4-го августа. Императрица надѣется сегодня выѣхать. Утверждаютъ, что коронація будетъ непременно 17-го числа и что мы немедленно возвратимся въ Царское Село, ибо въ Варшаву теперь не поѣдутъ. Вчера были мы въ двухъ монастыряхъ, Донскомъ и Даниловскомъ; первый извѣстенъ тѣмъ, что построенъ на лагерномъ мѣстѣ Мамаю; второй, что великій князь Даниилъ постригся въ монахи и, отдавъ княжество Калитѣ, построилъ сію обитель, гдѣ и преставился. Сегодня Александръ Николаевичъ игралъ въ саду, дождь помѣшалъ намъ выѣхать. Государыня императрица весела и чувствуетъ себя крѣпче; сегодня я около часу провель у ея величества.

7-го августа. Вчера праздновали мы рожденіе великой княжны Маріи Николаевны. Поутру въ 11 часовъ Александръ Николаевичъ и великая княжна Марія Николаевна были у обѣдни въ полковой церкви, въ нашемъ саду поставленной. Послѣ обѣда, приглашенные гости, Гагарины и Пашковы играли въ саду и потомъ въ комнатахъ.

Третьяго дня Александръ Николаевичъ ѣздилъ со мною верхомъ на Дѣвичье поле, гдѣ устроены для народнаго праздника столы и фонтаны. Столовъ поставлено для 20,000 человекъ. Кушанья приготовляютъ на 40,000 человекъ. Четыре фонтана будутъ бить виномъ, бѣлымъ и краснымъ; качели, комедія и всѣ удовольствія такого рода даромъ. Для царской фамилии построены павильонъ, возлѣ для публички галлерей, все прелестнѣйшей архитектуры. Если будемъ на праздникѣ, постараюсь описать оный подробнѣе. Добрый ангелъ нашъ императрица Александра Ѳеодоровна, благодаря Бога, день ото дня укрѣпляется въ здоровьѣ. Государь два дня не выѣзжалъ по причинѣ разстроеннаго желудка, но сегодня совершенно здоровъ. Коронація, не знаю почему, бываетъ обыкновенно въ воскресенье, почему поговариваютъ, что и нынѣшній разъ она будетъ не 18-го, а 22-го.

11 августа. Мы все еще въ домѣ графини Орловой, но надняхъ, полагаю, переѣдемъ въ Кремль. Ихъ величества должны, по обыкновению, очистить себя молитвою и постомъ, предъ коронаціею.

Садъ и воздухъ здѣсь гораздо чище, нежели въ городѣ; но за то такъ далеко отъ всего, что нельзя рѣшиться выѣхать. Вчера, наприимѣръ, мы хотѣли погулять на дачѣ графа Шереметева, Останкинѣ, въ 3-хъ верстахъ отъ города; выѣхали въ 6 часовъ и едва въ 7 часовъ прѣехали къ заставѣ; и потому только успѣли осмотрѣть нѣсколько аллей крайне запущеннаго сада, и затѣмъ принуждены были возвратиться въ городъ, куда прибыли въ 9 часовъ.

Въ Останкинѣ я не могъ удержаться, чтобы не спросить управляющаго, почему прекрасный садъ, оранжерей и домъ такъ запущены? Сколько въ домѣ дворовыхъ людей? Онъ отвѣчалъ, что на поддержаніе сада, дома и оранжерей ничего не отпускается, людей же въ домѣ 200 человекъ. Что-же они дѣлаютъ? «Ничего, получаютъ жалованье», отвѣчалъ управляющій. Имѣніе, въ которомъ числится до 120,000 душъ, принадлежитъ человѣку, который рѣшительно ни къ чему не имѣетъ охоты, все предоставляетъ своимъ крѣпостнымъ людямъ, которые его раззоряютъ.

Ихъ величества, благодаря Бога, здоровы. Императрица Александра Ѳеодоровна укрѣпляется видимо въ здоровьѣ своемъ; это приноситъ всѣмъ намъ неизъяснимое удовольствіе.

14 августа. Говорятъ, что коронація будетъ 22-го непременно, а къ пятнадцатому числу будущаго мѣсяца будемъ въ Петербургѣ. Третьяго дня были мы въ Архангельскомъ, а вчера въ Успенскомъ соборахъ; въ послѣднемъ будетъ коронація. Въ первомъ стоятъ гробы россійскихъ князей и царей, а во второмъ патріарховъ. Богатства образовъ и одежда несмѣтны. Гробъ царя Іоанна Васильевича стоитъ въ углу ризницы и одинъ только одѣтъ чернымъ покровомъ. При приближеніи къ гробу сего нечеловѣка, сердце обременяется какимъ-то неизвѣстнымъ чувствомъ. Сегодня прибылъ въ Москву е. и. в. цесаревичъ Константинъ Павловичъ. Радость царской фамиліи по случаю пріѣзда его высочества вообразить себѣ не трудно.

15 августа. Желалъ бы описать радость, доставленную пріѣздомъ въ Москву цесаревича всей царской фамиліи,—но не въ силахъ. Трудно описать восторгъ народа, восхищеннаго неожиданнымъ появленіемъ цесаревича; наконецъ, желалъ бы описать хоть только собственно мои чувства въ минуту появленія предъ народомъ двухъ, великодушнѣмъ безпримѣрныхъ, братьевъ. Но это суетное желаніе!

Какъ описать неизяснимое чувство умиленія? Едва народъ заидѣлъ Константина и Николая, радостное ура! раздавалось въ воздухѣ; бѣгутъ, тѣснятся, падаютъ, лѣзутъ другъ на друга, на кровли, на окна и въ мигъ вся Кремлевская площадь наполняется непроходимомъ толпомъ народа, каждому хочется приблизиться и увидѣть царей своихъ; торжественный звонъ колоколовъ, крикъ народа, блестящая свита императора, состоящая большею частью изъ собранныхъ свидѣтелей всей Европы, все это представляло зрѣлище восхитительное. Я былъ съ Александромъ Николаевичемъ у цесаревича и съ благоговѣніемъ смотрѣлъ и говорилъ съ этимъ удивительнымъ человѣкомъ, добровольно отъ царства отказавшагося, за которое до сего совершались преступления и злодѣйства неслыханныя. Императрица Марія Ѳеодоровна, великій князь Константинъ Павловичъ, великій князь Михаилъ Павловичъ, великая княгиня Елена Павловна, герцогъ Виртембергскій, принцесса Марія, прусскій принцъ Карлъ и принцъ Гессенъ-Гомбургскій обѣдали у государя императора.

16 августа. Понедѣльникъ. Провели день въ занятіяхъ, послѣ обѣда ѣздили съ императрицею кататься, потомъ гуляли въ жалкомъ саду князя Юсупова.

17 августа. Вторникъ. Время у насъ стоитъ удивительное: тепло, какъ въ началѣ іюля; даже утромъ не бываетъ холодно. Сегодня и

завтра большіе маневры; мы ѣздили съ Александромъ Николаевичемъ на Воробьевы горы, думали видѣть маневръ, но, по причинѣ дальняго разстоянія и лѣсу, ничего не видали.

21 августа. Чудовъ монастырь.

Москва вся въ волненіи, бѣгають, суетятся, судятъ, пересуживаютъ и каждый мысленно представляетъ себя къ наградѣ; одинъ я покоенъ, будучи увѣренъ, что наградить меня невозможно: Государь далъ мнѣ то, что для него и для цѣлой Россіи всего драгоценнѣе. Да поможетъ мнѣ Богъ исполнить мое великое дѣло! и я покойно сойду съ вышины, куда непостижимая его десница возвела меня, и въ кругу моего семейства буду счастливъ. Строить воздушные замки—старый конекъ мой, и теперь еще часто я его сѣдлаю, пушу, и въ мигъ очутимся за тридцать земель въ три-десятомъ государствѣ.

22 августа. Громъ пушекъ возвѣстилъ Москвѣ объ имѣющемъ начаться священномъ коронованіи ихъ величествъ. Въ 7¹/₂ час. вся знать отправилась въ Кремлевскій дворецъ; публика размѣстилась въ приготовленныхъ вокругъ соборовъ и обитыхъ алымъ сукномъ мѣстахъ; народъ же, съ 4-хъ часовъ утра, занималъ мѣста на площади, колокольняхъ и слуховыхъ окнахъ.

Въ 8 часовъ отправились мы съ Александромъ Николаевичемъ въ Кремлевскій дворецъ, прямо къ государю императору. Въ 9 часовъ государыня императрица Марія Ѳеодоровна, подъ багдахиномъ, за нею великая княгиня Елена Павловна, великій князь Александръ Николаевичъ, герцогъ Александръ Виртембергскій, принцесса Марія начали свое шествіе въ Успенскій соборъ; вслѣдъ за сими государь императоръ и государыня императрица начали свое шествіе изъ внутреннихъ покоевъ въ аудіенцъ-камеру, а потомъ уже въ Успенскій соборъ, гдѣ встрѣчены духовенствомъ. Въ эту минуту снова раздался пушечный громъ и звонъ колоколовъ. Въ 9¹/₂ ч. началось священнодѣйствіе. Восхитительную картину эту надо видѣть, описывать нѣтъ возможности; особенно минуту, когда земной нашъ ангелъ императрица Александра Ѳеодоровна становится на колѣна передъ прелестнымъ своимъ супругомъ императоромъ, который, снявъ съ головы своей корону, возлагаетъ ее на голову императрицы и потомъ ее цѣлуетъ. До чрезвычайности трогательно было видѣть добродѣтельнѣйшую и по высокимъ чувствамъ едва ли не первѣйшую мать и императрицу Марію Ѳеодоровну, третій разъ при коронаціи присутствующую, и въ другой на царство сына благословляющую; видѣть старшаго брата, великодушнѣмъ безпримѣрнаго, коронующаго младшаго

брата потому, что находить его болѣе способнымъ къ перенесенію трудовъ, съ саномъ симъ сопряженныхъ. Не только русскіе, но вся Европа, столѣтіе наше, будетъ гордиться безпримѣрнымъ Константиномъ!

Въ 12 часовъ коронованіе окончилось. Императрица Александра Феодоровна, благодаря Бога, весьма хорошо выдержала всю церемонію. Въ 2 часа былъ обѣдъ въ Грановитой палатѣ. На тронѣ накрытъ столъ на три куверта, за стульями стоятъ камергеры; около стѣнъ залы поставлены столы для первыхъ двухъ классовъ и духовенства; при входѣ, на лѣвой рукѣ, за гардинами скрыты музыка и пѣвчіе; всѣ чужестранные министры и посланники стоятъ вправо отъ дверей, группою; всѣ ожидаютъ прихода императора и императрицы. Великій князь Александръ Николаевичъ и всѣ члены императорской фамилии находились въ комнатѣ, тайникомъ называемой, гдѣ для нихъ накрытъ былъ столъ; изъ большого окна сей комнаты можно было видѣть все, въ Грановитой палатѣ происходящее.

Входятъ маршалы, за ними императоръ, обѣ императрицы въ императорскихъ мантияхъ и коронахъ, становятся возлѣ кувертовъ; чрезъ нѣсколько времени отставные офицеры, предшествуемые маршалами, несутъ на золотыхъ блюдахъ золотыя же чаши, отдаютъ гофмаршалу Нарышкину, который, поставивъ чашу, кланяется; чаши установленны, митрополитъ благословляетъ явству; ихъ величества садятся. Ласунскій, съ салфеткою въ петлицѣ, беретъ ложку, наливаетъ супъ и подноситъ тарелки ихъ величествамъ, между тѣмъ какъ всѣ прочіе стоятъ, ожидая времени, когда государь спроситъ пить. Императору подали пить, и всѣ сѣли; въ это время всѣ иностранные министры вышли и восхитительные голоса придворныхъ пѣвчихъ раздались съ согласною музыкою. Все это происходило какъ на театрѣ; я былъ актеромъ и вмѣстѣ съ тѣмъ зрителемъ. Обѣдъ конченъ и всѣ, уставши порядочно, возвратились отдыхать. Я хотя и не эгоистъ, но на сей разъ начну съ себя; государь императоръ пожаловалъ меня кавалеромъ ордена св. Владиміра 3-й степени. Велики милости царскія на меня и на всѣхъ его подданныхъ.

Витгенштейнъ и Сакенъ—фельдмаршалы; Кутузовъ, Дибичъ, Депрерадовичъ, Розенъ, Жомини, Трубецкой—назначены генераль-адъютантами къ его величеству; Ожаровскій, Орловъ-Денисовъ, Паскевичъ и Толь—въ полные генералы. Графиня Ливенъ, съ потомствомъ, возведена въ княжеское достоинство.

Въ графское достоинство возведены: генераль-адъютантъ Чернышевъ, баронъ Строгановъ, Курута.

Кто читалъ волшебныя повѣсти и полагалъ невозможнымъ видѣть огненные дворцы, тотъ при взглядѣ на Кремль съ его стѣнами

и садомъ, ихъ окружающимъ, горящимъ радужными огнями, повѣрилъ бы существованію волшебныхъ замковъ. Всѣ были въ очарованіи. Наслѣдникъ со мною выѣхалъ въ коляскѣ посмотрѣть иллюминацію; едва показался онъ, раздалось радостное ура! Народъ толпою бросился къ коляскѣ, власть полиціи исчезла, все уступаетъ толпѣ радостнаго народа, подобно морскому валу воздымающемуся лѣзуть другъ на друга, падаютъ, всакиваются, бѣгутъ, хватаютъ за колеса, рессоры, постромки, крича: «ура! Александръ Николаевичъ, нашъ Московскій князь! ура! ура!» Трогательная картина; но дальше ѣхать было трудно, изъ опасенія задавить когонибудь изъ народа, возвратились назадъ. Съ балкона любовались Иваномъ Великимъ.

23 августа. Объ отъѣздѣ нашемъ ничего не слышно, говорятъ, что послѣ 10 будущаго мѣсяца.

28 августа. Вчера былъ балъ въ Грановитой палатѣ; мы смотрѣли изъ тайника, (комната надъ входомъ въ залу Грановитой палаты); вмѣстѣ съ нами были ханъ киргизскій съ женою и 12 черкесскихъ князей. Жена хана прекрасная женщина, говоритъ по нѣмецки и играетъ на фортепiano; ханъ также человѣкъ небезобразный, что не очень обыкновенно. Черкесскіе князья всѣ прелестные люди, особенно въ своихъ кольчугахъ и латахъ.

Государыня императрица приказала Заурвейду срисовать всѣхъ: они чуть не перессорились за первенство въ списываніи, но г. Заурвейдъ мудрымъ политическимъ распоряженіемъ отвратилъ всѣ неприятности.

31 августа. Вчера праздновали день ангела его и. в., наследника Александра Николаевича; пригласили дѣтей князя Голицына, московскаго генераль-губернатора, графа Вельгорскаго, Толстого, князя Гагарина, всего 10 мальчиковъ и столько же дѣвочекъ; пили чай, потомъ до 7^{1/2} ч. въ саду играли въ зайцы, въ комнатахъ въ другія игры. Имянинникъ получилъ много подарковъ и, между прочимъ, прекрасную арабскую лошадь отъ бабушки императрицы Маріи Феодоровны. Завтра будетъ маскарадъ въ Большомъ театрѣ.

Московскіе слухи хотя крайне неосновательны, но все-таки должны иногда и оправдываться: говорятъ въ городѣ, что мы пробудемъ здѣсь зиму. Государь однако-же сказалъ: «какъ только можно будетъ, сейчасъ поѣдемъ».

Я увѣренъ, что если мы пробудемъ до 20 сентября, то насъ не пустять, по причинѣ дурной погоды и дороги, опасаясь разстроить здоровье государыни императрицы.

2 сентября. Вчера былъ въ театрѣ маскарадъ, говорятъ блестящій, я не былъ, и потому сказать ничего не могу. Императрицу Александру Теодоровну, великую княгиню Елену Павловну и принцессу Марию видѣлъ въ кокошникахъ и сарафанахъ; этого довольно; императрица была хороша, какъ ангелъ. Сегодня государыня императрица ѣздила смотрѣть залу и два сада, устроенныхъ въ большомъ эжирциргаузѣ; я имѣлъ счастье сопровождать ея величество; невѣроятно кажется, а оно такъ, въ одномъ и томъ же строеніи два сада и зала, въ которой накрыто будетъ 2,000 кувертовъ.

4 сентября. Вчера былъ большой парадъ; государыни императрицы съ великою княгинею Еленою Павловною и принцессою Марією проѣзжали по линіи фронта въ сопровожденіи государя императора и многочисленной свиты иностранныхъ министровъ, посланниковъ и генералитета. Въ сіе время государь наследникъ Александръ Николаевичъ находился на флангѣ лейбъ-гвардіи гусарскаго дивизиона, салютовалъ, потомъ скакалъ возлѣ кареты государыни императрицы. Во время церемональнаго марша ѣхалъ на флангѣ лейбъ-гвардіи гусарскаго дивизиона; всѣ отъ него безъ ума, особенно дамы. Когда герцогъ Рагузскій сталъ хвалить ловкость его высочества Александра Николаевича, государь сказалъ при всѣхъ:

— «Я покоенъ на счетъ моего сына, онъ въ хорошихъ рукахъ».

Что можетъ быть выше этой награды, ее я ни на что въ мірѣ не промѣняю; если дастъ Богъ услышать чрезъ 10 лѣтъ, отъ государя: «сынъ мой былъ въ хорошихъ рукахъ, онъ человекъ, какого я желалъ въ немъ видѣть», тогда счастливѣе меня не будетъ человека!

7 сентября. Вчера былъ балъ въ дворянскомъ собраніи, императрица танцевала и оставалась на балѣ до часу; говорить, что много веселилась. Завтра балъ у герцога Рагузскаго, я приглашенъ уже за недѣлю, но все еще не знаю, поѣду-ли. Погода испортилась, дождь идетъ почти ежедневно и холодъ чувствителенъ.

9 сентября. Воображалъ ли я, что мнѣ придется, когда нибудь праздновать день моей свадьбы въ Москвѣ и еще у герцога Рагузскаго! Вчера былъ балъ у герцога и балъ великолѣпный; государь и государыня танцевали; тѣснота была страшная и танцующіе нѣтъ едва мѣсто. Въ половинѣ двѣнадцатаго часа, дамы сѣли ужинать, мужчины ужинали позже. Столовая зала отличалась необыкновенною легкостью украшеній и великолѣпнымъ освѣщеніемъ. Туалеты дамъ были чрезвычайно нарядны, всѣ были усыпаны брилліантами и драгоценными камнями.

Завтра балъ у герцога Девонширскаго. 11 числа у князя Юсупова, 13-го народный праздникъ, 16-го у графини Орловой, 17 фейерверкъ. 19 или 20 сентября дворъ оставитъ Москву или, по крайней мѣрѣ, его высочество наслѣдникъ; по возвращеніи въ Петербургъ, неизвѣстно гдѣ останутся: въ Царскомъ, въ Таврическомъ, въ Зимнемъ или въ Аничковскомъ.

13 сентября. Мы оставимъ Москву 21-го, остановимся въ Царскосельскомъ дворцѣ, гдѣ будемъ ожидать прибытія ихъ величествъ, вѣроятно до 8 или 10 октября.

20 сентября. Въ субботу вечеромъ государь императоръ, отъѣзжая въ Тулу, простился съ дѣтьми, приказавъ намъ отправиться въ путь завтра 21 числа, т. е. во вторникъ; въ Царское село прибудемъ 27 числа. Государь приказалъ написать Захаржевскому, чтобы онъ помѣстилъ дѣтей въ томъ дворцѣ, въ которомъ теплѣе и суше. Графинѣ Ливенъ дано приказаніе перевести ея выс. великую княжну Александру Николаевну въ Зимній дворецъ.

Господину Лейтону предоставлено рѣшить, можетъ ли ея высочество Александра Николаевна переѣхать въ Царское. Императоръ съ императрицею оставятъ Москву 30 числа сего мѣсяца, а государыня императрица Марія Ѳеодоровна 8 числа будущаго мѣсяца.

II.

Препровожденіе времени.—Занятія великаго князя.—Экзамены изъ предметовъ.—Каникулы.—Повѣздки по окрестностямъ Петербурга.—Пчельникъ.—Повѣзка на Дудергофъ.—День ангела императрицы Маріи Ѳеодоровны.

1828 г.

27 апрѣля 1828 года. Долго провожали ея величество взоры великаго князя; онъ не прежде оставилъ балконъ, какъ потерявъ вовсе изъ вида экипажъ императрицы. Первымъ движеніемъ разлукою разстроганныхъ сердецъ была мысль пойти въ церковь. Александръ Николаевичъ усердно молился. Ѳадили въ Павловскъ; осмотрѣвъ наши комнаты, возвратились въ Царское село.

Великій князь, увидѣвъ полевой цвѣтокъ, побѣждалъ сорвать его, сказавъ: «я его отошлю въ письмѣ къ мама». Въ кабинетѣ ея величества сорвалъ эліотропъ для того же назначенія. Здѣсь все говорило ему о ихъ величествахъ: «вотъ тутъ папа и мама обѣдали, здѣсь сидѣлъ папа, а тутъ мама. Гдѣ-то они теперь?»

Первая свободная минута употреблена на письма къ ея величеству и великой княгинѣ Маріи Николаевнѣ, которыя просилъ императрицу Марію Теодоровну отослать къ императрицѣ вмѣстѣ съ сорванными цвѣтами.

Остальную часть дня великій князь игралъ съ товарищами, былъ веселъ, но по временамъ замѣтно было въ немъ нѣчто печальное, не свойственное его обыкновенно веселому нраву. Нѣжное чувство любви къ родителямъ—одно изъ прекрасныхъ качествъ великаго князя. Вечерній журналъ свой онъ началъ сими словами: «27 апрѣля—день для меня памятный: милая моя мама и Мери уѣхали въ Одессу.—Я много плакалъ».

28 апрѣля. Суббота. Великій князь провелъ ночь очень хорошо. Отъ 7 до 9 занимался одинъ заданными ему уроками. Дурная погода не прежде 12 часовъ позволила ему предпринять прогулку, до котораго времени великій князь находился у государыни императрицы Маріи Теодоровны. Вечеромъ въ 6 часовъ ѣздили гулять верхомъ. День проведенъ довольно весело.

29 апрѣля. Воскресенье. Отъ 7 до 9 часовъ великій князь Александръ Николаевичъ читалъ Евангеліе и апостолъ 6-й недѣли по Пасхѣ. Десятый часъ провелъ у ихъ высочества великихъ князей и его высочества Константина Николаевича, куда пожаловала и государыня императрица Марія Теодоровна; ея величество, облаская и разцѣловавъ всѣхъ дѣтей, изволила пройти въ церковь съ великимъ княземъ Александромъ Николаевичемъ. Не смотря на дождь, мы гуляли пѣшкомъ отъ 12 до 2 часовъ. Въ 4 часа государыня императрица Марія Теодоровна уѣхала въ городъ, а великій князь Александръ Николаевичъ игралъ въ своихъ комнатахъ съ Віельгорскимъ, Паткулемъ и двумя Барановыми. День провели довольно весело.

30 апрѣля. Понедѣльникъ. Отъ 7 до 9 часовъ великій князь Александръ Николаевичъ занимался французскимъ правописаніемъ. Отъ 12 до 2 часовъ читалъ по русски. Въ половинѣ четвертаго часа великій князь имѣлъ удовольствіе видѣть его выс. принца Оранскаго.

15 іюня. Павловскъ. Пятница. Дождь шелъ въ продолженіи цѣлаго дня; не смотря на то, мы гуляли пѣшкомъ; возлѣ Константиновскаго дворца сѣли въ лодку и такимъ образомъ сократили путь нашъ водою. Остальное свободное отъ занятій время, Александръ Николаевичъ игралъ у себя въ комнатахъ, маневрировалъ оловянными солдатами,

строить крѣпости, окружалъ оныя и бралъ штурмомъ. Все это дѣлается съ лицомъ весьма серьезнымъ. Поведеніемъ и ученіемъ великаго князя и его товарищей я былъ доволенъ.

16 іюня. Суббота. Ея и. в. государыня императрица Марія Феодоровна и ея и. выс. великая княгиня Марія Павловна изволили присутствовать отъ 12 до 2 час. при урокъ великаго князя.

Способъ преподаванія г. Жуковскаго общей грамматики чрезвычайно понравился ея величеству: живость и ясность, съ какою великій князь отвѣчалъ, служили доказательствомъ, что тутъ ничего нѣтъ наизусть выученнаго и что онъ объясняемое совершенно постигаетъ.

Урокъ г. Жуковскаго былъ повторенъ г. Эртелемъ, на нѣмецкомъ языкѣ, и также заслужилъ одобреніе. Наконецъ г. Балленсъ экзаменовалъ Александра Николаевича на французскомъ языкѣ, въ общихъ опредѣленіяхъ геометріи, которую обыкновенно преподаетъ на русскомъ языкѣ. Такимъ образомъ государыня императрица могла судить не только объ успѣхахъ, сдѣланныхъ великимъ княземъ въ языкахъ, но видѣть связь и цѣлость всего ученія Александра Николаевича, который, въ полной мѣрѣ, удовлетворилъ общимъ ожиданіямъ.

Віельгорскій приобрѣлъ въ продолженіи сей недѣли 36 отбѣтокъ въ поведеніи и 36 въ ученіи, слѣдовательно имѣетъ право помочь нуждающимся. Поведеніемъ великаго князя и его товарищей я былъ чрезвычайно доволенъ; желая доставить имъ удовольствіе, позволилъ купаться два раза. Государыня императрица сообщила намъ извѣстіе о взятіи Браилова и о всемилостивѣйшемъ пожалованіи его выс. великаго князя Михаила Павловича кавалеромъ ордена св. Георгія 2-го класса, что всѣхъ чрезвычайно обрадовало.

17 іюня. Воскресенье. Великій князь читалъ у Павскаго евангеліе Матѳея VIII. 28—34; потомъ, пожелавъ ея величеству и ихъ высоч. добраго утра, игралъ у себя въ саду до 11 часовъ. Былъ у обѣдни. Послѣ обѣда онъ пригласилъ гостей своихъ, Барановыхъ, Трубецкихъ и Карамзинныхъ, надѣтъ походную аммуницію и просилъ у меня позволеніе идти въ крѣпость. Подходя къ крѣпости, положено взять оную штурмомъ. Бросились въ штыки, раздалось ура! и храбро, мигомъ очутились на валу. Нѣсколько собакъ и утокъ, покойно въ тѣни отдыхавшихъ, сильно перепугались: однѣ съ лаемъ разбѣжались, другія съ крикомъ разлетѣлись и побѣдителей заставили хохотать. Не смотря на чрезвычайный жаръ и тяжесть походной аммуниціи, никто не жаловался на усталость. Пили чай въ Розовомъ павильонѣ, катались на лодкѣ и наконецъ купались. День проведенъ весело и безъ упрека.

26 июня. Вторникъ. По утру мы прогуливались въ большомъ саду и у Елизаветина павильона; ѣздили на лодкѣ. Послѣ обѣда Вѣльгорскому пришла мысль начертить Дунай со всѣми на немъ лежащими крѣпостями; г. Юрьевичъ показалъ ему какимъ образомъ слѣдуетъ за сіе приняться. Едва великій князь увидѣлъ, взялъ карту и тоже началъ работу. До сихъ поръ я чрезвычайно доволенъ Вѣльгорскимъ: благородное его поведеніе, милая дѣтская веселость, искренняя дружеская привязанность къ великому князю Александру Николаевичу и Паткулю, всегдашняя бодрость и необыкновенная точность въ исполненіи обязанности внушили къ нему любовь и уваженіе обоихъ товарищей и родили въ нихъ похвальное чувство соревнованія.

Великій князь, отъ природы готовый на все хорошее, одаренный щедрою рукою природы всѣми способностями, необыкновенно здраваго ума, борется теперь съ склонностью, до сихъ поръ его одолѣвавшюю, которая при встрѣчѣ малѣйшей трудности, малѣйшаго препятствія, приводила его въ нѣкоторый родъ усыпленія и бездѣйствія. Я теперь почти уже не имѣю надобности безпрестанно понуждать. Онъ теперь только начинаетъ убѣждаться въ истинѣ: что веселость и чистое удовольствіе сердца имѣютъ источникомъ точное исполненіе обязанностей. Вотъ неоцѣненная польза, которую приносятъ великому князю товарищъ его Вѣльгорскій. Великій князь любитъ Паткуля и любитъ взаимно, но Паткуль не любитъ заниматься, даже и въ играхъ не имѣетъ ничего постояннаго. Впрочемъ онъ добраго сердца, одаренъ хорошими способностями, въ особенности памятью и онъ можетъ въ усовершенствованіи, ежели приобрететъ болѣе постоянства въ исполненіи обязанностей и будетъ находить только въ этомъ удовольствіе.

4 июля. Среда. Сегодняшняго дня началось у насъ въ присутствіи государыни императрицы Маріи Феодоровны полугодичное испытаніе.

Отъ 8 до 10 часовъ г. Жуковскій экзаменовалъ въ физикѣ. Отъ 12 до 2, онъ же, въ общей грамматикѣ. Государыня императрица изволила быть чрезвычайно довольно успѣхами, оказанными въ сихъ предметахъ великимъ княземъ и его товарищами. Она не только хвалила учащихся за отвѣты, излагаемые съ живостью, точностью и ясностью, но одобрила постоянное ихъ вниманіе. Дабы отстранить и самую тѣнь пристрастія, баллы ставятся учащимся слѣдующимъ образомъ. Сдѣланъ ящикъ и въ немъ три отдѣленія, въ которыя я опускаю бѣлый шарикъ, буде на нѣсколько вопросовъ сряду даны были удовлетворительные отвѣты; буде же кто отвѣчать не въ состояніи или откажется, тотъ шара не получаетъ; если же дастъ отвѣтъ неосновательный, то получаетъ черный шаръ, уничтожающій одинъ бѣлый. Въ физикѣ,

Александръ Николаевичъ и Вѣльгорскій получили по 21 баллу. Паткуль получилъ 17. Въ общей грамматикѣ Александръ Николаевичъ 23, Вѣльгорскій 24, а Паткуль 21.

Послѣ урока г. Рейнгольда, великій князь написалъ письмо къ императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ, въ которомъ послалъ нарванныя для нея, во время прогулки, васильки. Поведеніемъ и ученіемъ великаго князя и его товарищей я былъ чрезвычайно доволенъ.

5 іюля. Экзаменъ г. Жилля, отъ 8 до 10 ч. въ географіи и отъ 12 до 2 въ французскомъ языкѣ, былъ не менѣе удаченъ вчерашняго.

Ея величество изъявила совершенное удовольствіе г. Жуковскому и г. Жиллю, за оказанные великимъ княземъ успѣхи и изволила сказать, что увѣдомить о семъ ихъ величествовъ, государя императора и государыню императрицу Александру Ѳеодоровну. Великій князь и Вѣльгорскій получили одинаковое число балловъ, какъ въ географіи, такъ и въ французскомъ языкѣ.

Александръ Николаевичъ удивлялъ насъ живостью и ясностью своихъ отвѣтовъ, и убѣдилъ меня въ мнѣніи, что онъ одаренъ необыкновенными способностями; подстрекаемый желаніемъ отличиться въ присутствіи ея величества, онъ не терялъ ни на минуту бодрости, напротивъ, при отвѣтахъ болѣе и болѣе оживлялся и излагалъ оныя съ ясностію. Въ 6 часовъ вечера, мы были на ярмаркѣ, великій князь увидѣлъ булавку, съ маленькимъ медаліономъ покойнаго государя Александра Павловича, просилъ показать ему оную, сказавъ: «вотъ это я непременно куплю». Я съ удовольствіемъ заплатилъ. День проведенъ отменно весело и я чрезвычайно былъ доволенъ великимъ княземъ и его товарищами.

6 іюля. Пятница. Отъ 8 до 10 былъ экзаменъ закона Божія: отецъ Павскій началъ оный географією Палестины, потомъ заставлялъ рассказывать изъ священной исторіи и наконецъ объяснял символъ вѣры.

Ея величество изволила быть отменно довольна отвѣтами Александра Николаевича и Вѣльгорскаго. Великій князь весьма основательно зналъ то изъ географіи Палестины, о чемъ до сихъ поръ съ ними говорили и чрезвычайно мило рассказывалъ всё тѣ мѣста изъ священной исторіи, которыя на его часть приходились. Ея величество изъявила свое совершенное удовольствіе отцу Павскому и г. Жуковскому за оказанные успѣхи въ познаніи закона и за составленіе картъ Палестины, коихъ до сихъ поръ нигдѣ въ учебныхъ заведеніяхъ не имѣется и слѣдовательно священная исторія преподается безъ предва-

рительныхъ, столь необходимыхъ, свѣдѣній въ географіи святыхъ мѣстъ. Отъ 12-ти до $\frac{1}{2}$ 2-го экзаменъ у г. Эртеля, въ нѣмецкомъ языкѣ; великій князь получилъ въ семь предметъ лучшіе баллы; изъ сдѣланныхъ и съ живостью излагаемыхъ отвѣтовъ, можно было ясно видѣть, что онъ весьма твердо знаетъ правила грамматики; ея величество много ласкала Александра Николаевича и его товарищей и изъявила свое совершенное удовольствіе за оказанные ими успѣхи.

Погода у насъ прекрасная и мы снова начали купаться по два раза въ день. Великій князь плаваетъ какъ рыба. Рѣшимость его меня восхищаетъ. Я предложилъ ему кинуться въ воду съ перилъ, никакъ не полагая, чтобы онъ на сіе согласился; но онъ, вмѣсто отвѣта, вскочилъ на перила и кинулся въ воду, за нимъ соскочили его товарищи, но никто не рѣшается кинуться въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ кидается. Поведеніемъ и ученіемъ великаго князя, Вильгорскаго и Паткуля я былъ чрезвычайно доволенъ.

7 іюля. Суббота. Отъ 8-ми до $\frac{1}{2}$ 10-го былъ экзаменъ въ геометрію и ариметикѣ. Отъ $\frac{1}{2}$ 10-го до 10-ти въ англійскомъ языкѣ, отъ 10-ти до $\frac{1}{2}$ 11-го въ польскомъ языкѣ. Во всѣхъ сихъ предметахъ великій князь сдѣлалъ похвальные успѣхи и ея величество изъявила совершенное свое благоволеніе академику Калленсу, г. Алфре и г. Юрьевичу.

Ея величество поздравила великаго князя и его товарищей съ окончаніемъ столь похвальнаго экзамена, изволила всѣхъ трехъ поцѣловать отъ имени государя императора и ея величества Александры Феодоровны, сказавъ имъ, что напишетъ обо всемъ къ ихъ величествамъ.

Чувство сердечнаго удовольствія при сихъ словахъ блеснуло въ глазахъ каждаго и великій князь, съ наполненными радостныхъ слезъ глазами, бросился обнимать свою столь нѣжно любимую бабушку. Его высочество въ продолженіи сихъ 4-хъ дней экзамена доставлялъ всѣмъ истинное наслажденіе, а мнѣ сладостную и утѣшительную надежду въ будущемъ.

Съ сегодняшняго дня у насъ начались каникулы, которые продолжатся до половины августа. Каждое утро отъ 7 до 8 часовъ употребится на повтореніе прежнихъ уроковъ. Отъ 8 до 10 ч. время, назначенное для пріятнаго чтенія; въ недѣлю назначается два дня для французскаго чтенія. Отъ 11 ч. все прочее время дня на прогулки и другія удовольствія. Я намѣреваюсь провести нѣсколько дней въ кадетскомъ лагерѣ, навѣстить Дудергофъ, Таицы, Колпино и другія мѣста въ окрестностяхъ Павловска. Если погода намъ будетъ благоприятствовать, то мы проведемъ время весело и не безъ пользы. Сего-

дня мы много ходили пѣшкомъ и ѣздили верхомъ, потомъ купались. Я былъ доволенъ великимъ княземъ и его товарищами: они вели себя похвально.

8 іюля. Воскресенье. Великій князь и Віельгорскій читали евангеліе и апостолъ у г. Павскаго; какъ тотъ, такъ и другой были весьма внимательны. Послѣ прогулки до 11 часовъ мы были у обѣдни. Послѣ обѣда поѣхали въ Царское Село, навѣстили Дѣтскій островъ, пили чай на фермѣ съ ихъ выс. и наконецъ играли въ барры. Возвратясь въ Павловскъ, выкупались и поѣхали пожелать ея величеству покойной ночи. Поведеніе великаго князя и его товарищей было похвально.

9 іюля. Понедѣльникъ. Отъ 8 до 9 часовъ повторяли уроки. Отъ 9 до 10 читали на французскомъ языкѣ путешествіе К. Кука. Посѣтивъ ея величество и ихъ высочество, мы пошли стрѣлять въ цѣль. Великій князь и Віельгорскій стрѣляютъ изрядно: изъ 10 выстрѣловъ на 50 шагахъ разстоянія отъ доски, не менѣе 7 попадаютъ въ доску; ширина доски полтора аршина; изъ числа 7 большая часть въ цѣль, имѣющую $\frac{3}{4}$ аршина въ діаметрѣ.

Желая дать великому князю и его товарищамъ ясное понятіе о пчеловодствѣ, мы поѣхали въ селеніе Толмачево, что близъ Пулковской горы; здѣсь у умнаго, зажиточнаго крестьянина Минкина мы нашли 90 ульевъ; онъ предложилъ намъ открыть одинъ изъ нихъ и показать какимъ образомъ пчелы, эти удивительныя насѣкомыя, располагаютъ свои соты и способъ выниманія оныхъ изъ ульевъ. Великій князь и всѣ мы надѣли сѣтки и съ большимъ любопытствомъ смотрѣли на сіе производство. Разсказъ о примѣрной привязанности сихъ животныхъ къ порядку и удивительномъ ихъ управленіи былъ чрезвычайно занимателенъ. Въ этой деревнѣ мы также видѣли горшечный заводъ, разспросили всѣ подробности относительно этого производства и великій князь намѣревался описать оное въ письмѣ къ ея величеству.

Зауервейдъ будетъ сопровождать насъ въ поѣздкахъ и снимать нѣкоторые виды; буде кто вздумаетъ заняться тѣмъ же, то найдетъ къ своимъ услугамъ всѣ принадлежности и готовность къ наставленію. Ни въ томъ, ни въ семъ случаѣ не будетъ ни малѣйшаго принужденія
Возвратясь съ прогулки, купались; день проведенъ безъ упрека.

10 іюля. Вторникъ. Александръ Николаевичъ, Віельгорскій и Паткуль отъ 7 до 8 занимались повтореніемъ уроковъ. Отъ 8 до 10 г. Жилль читалъ имъ нѣкоторыя повѣсти изъ тысячи и одной ночи.

Чтеніе сіе принесло имъ много удовольствія. Въ 11 часовъ, посѣтивъ ея величество и ихъ выс., завтракали, потомъ на дрезинахъ поѣхали по саду; прогулка продолжалась до часу. Отъ часу до двухъ купались. Послѣ обѣда великій князь писалъ письмо къ е. в., потомъ изъ свинцовыхъ взводовъ строилъ разныя полевыя укрѣпленія. Въ такихъ случаяхъ стараюсь знакомить великаго князя съ номенклатурою фортификаціонныхъ названій. Батарея наша почти уже готова. Въ 6 часовъ мы поѣхали въ Графскую Славянку; у каменной церкви сошли съ линейки и продолжали путь нашъ пѣшкомъ, къ чухонской киркѣ. Здѣсь, любуясь видомъ пасторскаго дома, павловскаго дворца, крѣпости и кирки, предложилъ я г. Жиллю срисовать этотъ видъ. Онъ согласился; едва мы принялись за работу, всѣмъ захотѣлось рисовать; я родалъ бумагу и карандаши; иные прислонившись къ забору, другіе сѣли на траву и всѣ, кто какъ умѣлъ, рисовали. Изъ сего удовольствія надѣюсь, современемъ, извлечь большую пользу, познакомить великаго князя съ красотами природы и пріучить къ глазомѣру. Возвратясь съ прогулки, купались. День проведенъ весело и безъ упрека.

18 іюля. Среда. Г. Жилль отъ 7-ми до 9-ти читалъ нѣкоторые повѣсти изъ тысячи и одной ночи. Вниманіе великаго князя заслуживало всякой похвалы. Въ 10 часовъ пріѣхали въ лагерь къ разводу; послѣ развода великій князь игралъ съ кадетами въ мячи до самаго обѣда. Въ сіе время прибылъ въ лагерь генераль Демидовъ, котораго Александръ Николаевичъ поздравилъ съ производствомъ въ полные генералы. Отобѣдавъ съ кадетами и поблагодаривъ за угощеніе, мы уѣхали въ Петергофъ, куда прибыли въ $\frac{1}{2}$ 2-го часа. Снисходя на просьбу великаго князя, я позволилъ ему и его товарищамъ явиться ея величеству въ солдатскихъ шинеляхъ; государыня императрица крайне радовалась, видя великаго князя здоровымъ. Послѣ обѣда мы бѣли съ ея величествомъ въ Монплезирѣ, великій князь бросалъ въ воду камни и, набравъ камешковъ, намѣревался отослать оныя въ Одессу.

Вечеромъ мы ѣздили въ Котеджъ; здѣсь почти все уже готово, осталось кончить живопись. Узнать нельзя, какъ это мѣсто измѣнилось: виды восхитительны, куда не взглянешь, вездѣ видишь прекрасный пейзажъ.

Послѣ ужина, великій князь ѣздилъ къ ея величеству въ Монплезиръ, пожелалъ ей спокойной ночи, сказавъ, что завтрашній день поутру въ 7 часовъ воспользуется позволеніемъ ея величества ѣхать смотрѣть корабль «Гангутъ», возвратившійся въ Кронштадтъ. День проведенъ весело и безъ упрека.

19 іюля. Четвергъ. Въ 8 час. мы уже были въ Ораниенбаумѣ, гдѣ ожидалъ насъ присланный изъ Кронштадта офицеръ съ большимъ катеромъ. Мы сѣли въ катеръ и поплыли благополучно. По мѣрѣ уда-

ленія нашего отъ пристани, вѣтеръ усилился, волненіе увеличивалось и уже двумъ Барановымъ, нашимъ спутникамъ, становилось дурно. Зная, что ея величество, увидѣвъ изъ Монплезира сильное волненіе, будетъ неминуемо беспокоиться о нашей поѣздкѣ, я рѣшился возвратиться. Великій князь крайне сожалѣлъ о невозможности побывать на Гангутѣ; просилъ продолжать путь нашъ, но, когда я ему представилъ безпокойство, въ которомъ ея величество будетъ находиться все время нашей поѣздки, то онъ предпочелъ лучше возвратиться. Возвратясь въ Петергофъ, мы заѣхали на нѣсколько минутъ на собственную дачу и потомъ проѣхали въ Монплезиръ, но ея величество уже не застали, и такъ мы пошли въ Марли, гдѣ узнали, что ея величество пріѣхала на собственную дачу.

Увѣрены будучи, что тутъ ея величеству скажутъ о нашемъ возвращеніи, мы остались въ Марли удить рыбу. Не прошло четверти часа, какъ ея величество туда же пріѣхала и одобрила наше возвращеніе; послѣ обѣда мы сѣли въ коляску и въ 6 часовъ прибыли въ Дудергофъ. Не смотря на мрачную и дождливую погоду, мы гуляли, потому великій князь съ товарищами игралъ на галлерей и такимъ образомъ провели время весьма весело.

Александръ Николаевичъ, Віельгорскій, Паткуль и мой сынъ провели ночь въ большой комнатѣ; вмѣсто постели служила каждому связка сѣна, покрытая простыней, что всѣхъ крайне забавляло. Поведеніемъ великаго князя и его товарищей я былъ чрезвычайно доволенъ.

20 іюля. Великій князь проснулся въ 6 часовъ и увѣрялъ меня, что онъ рѣдко проводилъ ночь лучше сегодняшней и что спать просто на сѣнѣ лучше, нежели на тюфякѣ. Дождь шелъ всю ночь; не имѣя возможности думать о прогулкѣ, г. Жилль читалъ повѣсти изъ сочиненій г-жи Эджвардъ (Edgewarth). Чтеніе было занимательно и время до 9-ти часовъ протекло непримѣтно. Въ сіе время дождь пересталъ и мы пошли бродить по горамъ; но когда мы находились отъ Швейцарской хижины слишкомъ на полчаса ходьбы, снова пошелъ дождь и съ такою силою, что на возвратномъ пути нашемъ не оставилъ на насъ сухой нитки, что крайне всѣхъ забавляло.

Дудергофъ такъ хорошъ, что мы, уѣзжая, приняли намѣреніе выбрать лучший день и еще разъ побывать тамъ нынѣшнимъ лѣтомъ. Великій князь при отъѣздѣ сорвалъ нѣсколько душистыхъ листковъ съ кустовъ розъ, растущихъ по сторонамъ дороги, ведущей къ Швейцарскому домику, съ намѣреніемъ отослать оныя къ ея величеству Александрѣ Оеодоровнѣ. Возвратясь въ Павловскъ, Александръ Николаевичъ прямо побѣжалъ къ Великому Князю Константину Ни-

колаевичу, который, при видѣ брата, кричалъ и билъ въ ладоши, обвиняя и дѣлая его безпрестанно; потомъ мы навѣстили ея величество. Послѣ Александръ Николаевичъ писалъ прямо къ ея величеству Александрѣ Ѳеодоровнѣ, потомъ прыгалъ на сѣткѣ. Вечеромъ мы гуляли и купались. День проведенъ весело и безъ упрека.

21 іюля. Суббота. Съ 8-ми часовъ великій князь повторялъ съ г. Юрьевичемъ математическіе уроки до 11-ти часовъ утра. Г. Жуковский читалъ нѣкоторыя повѣсти изъ своихъ сочиненій; мы, кажется, успѣемъ въ намѣреніи нашемъ: великій князь начинаетъ находить удовольствіе въ чтеніи. Александръ Николаевичъ, желая сдѣлать ея величеству пріятный подарокъ, срисовалъ съ натуры вольтеръ и вечеромъ, при поздравленіи императрицы, подалъ ей оный вмѣстѣ съ столовою доскою, присланною чрезъ него въ подарокъ ея величеству отъ государыни императрицы Александры Ѳеодоровны; какъ то, такъ и другое принесло ея величеству удовольствіе и было принято съ восхищеніемъ ¹⁾).

Удовольствіе и постоянное прилежаніе, съ которыми великій князь рисовалъ видъ волера, назначенный въ подарокъ ея величеству, доставили мнѣ неизъяснимое удовольствіе. Вообще поведеніе великаго князя и его товарищей было похвально.

22 іюля. Воскресенье. По небытности г. Павскаго, великій князь читалъ со мною Евангеліе Матѣ. 14—23. Потомъ я прочелъ разсужденіе о звѣздномъ небѣ (изъ Цолликоффера). Мнѣ пріятно было видѣть, что чтеніе сіе приносило слушателямъ моимъ удовольствіе. Въ 9 часовъ, мы имѣли счастье принести поздравленія ея величеству, послѣ чего Александръ Николаевичъ поѣхалъ съ ея величествомъ въ Павловскую приходскую церковь въ большой дворецъ; здѣсь мы оставили ея величество и сами возвратились къ себѣ въ садъ, гдѣ играли до 11-ти часовъ. Въ 11 часовъ мы поѣхали къ обѣднѣ. Великій князь при входѣ въ церковь сопровождалъ ея величество. Возвратясь къ себѣ, мы пошли пѣшкомъ гулять, и потомъ купались.

Великій князь кушалъ за большимъ столомъ у ея величества; онъ имѣлъ удовольствіе предложить тостъ за здравіе ея величества государыни императрицы Маріи Ѳеодоровны; любезностію и ловкостію Александра Николаевича всѣ восхищались. День проведенъ весело и безъ упрека.

К. К. Мердеръ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ Рисунокъ волера, весьма отчетливо исполненный наслѣдникомъ де саревичемъ Александромъ Николаевичемъ (1828 г.), находится въ альбомѣ въ библіотекѣ дворца города Павловска. Ред.

КОНСТАНТИНЪ ВЛАДИМИРОВИЧЪ ЧЕВКИНЪ.

ГЛАВНОУПРАВЛЯЮЩІЙ ПУТЯМИ СООБЩЕНІЯ И ПУБЛИЧНЫМИ ЗДАНИЯМИ.

Въ 1875-мъ году членъ государственнаго совѣта генераль-адъютантъ Константинъ Владиміровичъ Чевкинъ 28-го іюня, наканунѣ своего отъѣзда за границу, прислалъ въ Павловскъ, гдѣ въ то время я жилъ, слѣдующую телеграмму:

„Павловскъ. М. И. Семеvскому. 3-я Матросская, д. № 148. Запечатанный ящикъ сданъ, согласно объясненію нашему, на вашей городской квартирѣ и я завтра отъѣзжаю. К. Чевкинъ“.

На другое же утро я поспѣшилъ въ вокзалъ Варшавской желѣзной дороги, дабы проститься съ Константиномъ Владиміровичемъ. Онъ стоялъ на платформѣ, окруженный весьма небольшою группою провожавшихъ его лицъ. Столь недавно еще весьма вліятельный членъ государственнаго совѣта, къ которому безпрестанно обращались за совѣтами и указаніями министры и сильныя міра сего, — онъ теперь уѣзжалъ слабый, больной, безъ всякой надежды на поправленіе своего здоховья. Всѣ, кто зорко слѣдили за восходящими свѣтилми и за тѣми, кто еще могли вернуться ко власти, знали это и вотъ почему вокругъ Константина Владиміровича было пусто... не было толпы прістѣпниковъ.

Онъ впрочемъ лучше всѣхъ зналъ, что навсегда покидаетъ дорогое отечество, на честную и вѣрную службу которому и его державнымъ вождямъ онъ принесъ всю свою жизнь.

— Нѣтъ, нѣтъ,—не говорите мнѣ, что я еще поправлюсь и возвращусь,— прервалъ меня Константинъ Владиміровичъ,—я очень хорошо знаю, что не вернусь... будетъ, пожилъ, поработаю... Вы еще не видѣли сундука, что я къ вамъ отправилъ? Это мой архивъ. Въ немъ найдете много интереснаго... Вскройте, когда получите извѣстіе о моей смерти... Тамъ и письмо мое къ вамъ... Большое вамъ спасибо за „Русскую Старину“...

Не хотѣлось вѣрнѣ горькому предчувствію государственнаго мужа о близкой его кончинѣ, но невольно сжималось сердце тяжкою грустью при звукахъ этого разбитаго, слабого голоса, при видѣ этого блѣднаго исхудалаго лица.

Брѣвко пожали мы руку уважаемаго государственнаго дѣятеля и уѣхали все еще съ надеждою, что сундукъ долго, еще долго не придется намъ отворять.

Довелось однако отворить его слишкомъ скоро: 3-го ноября 1876 г. телеграмма возвѣстила: „генералъ-адъютантъ Чевкинъ скончался въ Ниццѣ“.

Въ томъ же году приступили мы къ разбору бумагъ Константина Владиміровича,—оказалось при нихъ и его письмо къ намъ, которое навсегда пребудетъ для насъ безцѣннымъ памятникомъ вниманія достопамятнаго русскаго дѣятеля, одного изъ главнѣйшихъ и вандостойнѣйшихъ сподвижниковъ Царя-Освободителя.

Тогда же мы приступили къ печатанію біографіи Чевкина. Первые главы этого труда, въ изложеніи И. И. Ореуса и Н. Н. Селифонтова, были въ „Русской Старинѣ“ (изд. 1877 г., томъ XIX, стр. 1 и проч. и изд. 1878 г., томъ XXII, стр. 1 и слѣд.); при „Русской же Старинѣ“ изд. 1877 г., томъ XIX, помѣщенъ портретъ Константина Владиміровича. Біографіи однако далеко еще не окончена. Матеріаловъ къ ней много и не мудрено: жизнь и государственная дѣятельность Чевкина тѣсно связана съ двадцатью годами изъ эпохи царствованія Александра II (1855—1875 гг.). Мы возвратились къ ней и не одинъ разъ.

Между тѣмъ приводимъ здѣсь одинъ изъ очерковъ, относящихся до Чевкина, какъ главноуправляющаго путями сообщеній. Очеркъ быть можетъ нѣсколько одностороненъ, но представляетъ нѣсколько весьма типическихъ чертъ нравственной личности К. В. Чевкина и весьма интересныхъ подробностей о его государственной дѣятельности на такомъ трудномъ посту, который ему довелось занять послѣ приснопамятнаго П. А. Клейнмихеля.

Ред.

I.

1855—1862 гг.

Клейнмихель въ могилѣ, Чевкинъ въ могилѣ, Штигилицъ въ могилѣ, вн. Оболенскій въ могилѣ, многія другія здѣсь упоминаемыя лица сошли съ жизненнаго пути... Поэтому мнѣ нѣтъ даже повода ни обвинять, ни лстыть. Я покажу истину.

Извѣстно, что общественное мнѣніе было въ высшей степени вооружено противъ Клейнмихеля. Старое обвиненіе лежало на немъ за время Аракчеевщины. Это обвиненіе было справедливо. Въ послѣднее время обвиняли его въ томъ, будто-бы онъ устранялъ всѣ проекты желѣзныхъ дорогъ. Это обвиненіе совершенно несправедливо: съ марта 1852 г. до назначенія П. П. Мельникова одинъ г. Б*** производилъ дѣла по предложеніямъ о желѣзныхъ дорогахъ, и каждое предложеніе подвергалось разсмотрѣнію главнаго комитета желѣзныхъ дорогъ, гдѣ членомъ былъ Чевкинъ. По приказанію послѣдняго, г. Б*** написалъ

статью о всѣхъ предложеніяхъ по устройству желѣзныхъ дорогъ. Она напечатана въ „Журналѣ Путей Сообщенія“. Изъ нея каждый здравомыслящій увидитъ, что не приняты только тѣ предположенія, которыхъ нельзя было принять: это было или грубое невѣжество, или отъявленное надувательство.

Когда Государь Императоръ Александръ Николаевичъ вступилъ на престолъ, а князь А. Ѳ. Орловъ сдѣланъ председателемъ Главнаго комитета, то для противодѣйствія Клейнмихелю назначены три авторитетные члена: принцъ Ольденбургскій, герцогъ Мекленбургскій и баронъ Ливенъ. Ни одинъ докладъ по вопросамъ о путяхъ сообщеній не былъ ими забракованъ.

Чевкинъ былъ человѣкъ въ высшей степени правдивый, начальникъ благодѣтельный и снисходительный, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда видѣлъ взяточничество. Такихъ людей, если они были нужны, онъ терпѣлъ, но ставилъ ихъ въ невозможность взяточничать.

Вступленіе его, однако-же, не соответствовало этимъ высокимъ его качествамъ, по преждей враждѣ къ Клейнмихелю.

Увольненіе Клейнмихеля и назначеніе Чевкина главноуправляющимъ прислано было изъ Николаева.

Поэтому способъ вступленія Чевкина въ управленіе не былъ ему указанъ, и зависѣлъ прямо отъ него. Мы представлялись ему въ залѣ института. Онъ вошелъ спокойно, угрюмо, и объявилъ намъ, что каждый долженъ быть честнымъ; но вѣдомство путей сообщенія не таково. Его обвиняетъ народный голосъ, т. е. народная совѣсть. Это подлинныя его слова.

Въ числѣ представлявшихся, можетъ быть, и были три-четыре взяточника; но всѣ прочіе высшіе чины были люди неукоризненной честности. Мы съ изумленіемъ слушали, за что новый начальникъ въ глаза ругаетъ насъ ворами.

На другой день послѣдовалъ приказъ № 1-й, въ которомъ дается наставленіе объ удобствахъ и дешевизнѣ путей сообщенія и зданій. Это было прямое послѣдствіе вчерашней рѣчи.

Исполненіе проектовъ Клейнмихеля сейчасъ было заброшено. Проектъ нормальныхъ кондицій для предложеній по желѣзнымъ дорогамъ оставленъ безъ всякаго вниманія; а онъ былъ составленъ комитетомъ, въ которомъ, кромѣ нашихъ, были депутаты

отъ всѣхъ министерствъ, имѣющихъ отношеніе къ желѣзнымъ дорогамъ.

Г. Б*** тотчасъ приказано прекратить печатаніе „Судоходнаго Дорожника“ и „Обзора Внутренняго Судоходства“. Оба эти изданія не требовали никакихъ издержекъ, кромѣ бумаги. Въ доказательство пусть взглянуть въ нихъ.

При Клейнмихелѣ департаменты не докладывали лично, а доклады присылались въ конвертахъ. Чевкинъ приказалъ докладывать лично. Директоръ канцеляріи Мицкевичъ косвенно устраненъ отъ важнѣйшихъ дѣлъ, ибо они поручались члену совѣта Заикѣ; а въ началѣ января 1856 года Мицкевичъ неожиданно уволенъ, и на его мѣсто назначенъ Заика—честнѣйшій человѣкъ и труженникъ самый добросовѣстный. Чевкинъ зналъ его по военному министерству.

Приближенными стали Рербергъ и Марченко, что насъ крайне изумило, по познаніямъ и качествамъ этихъ людей. Первый всю жизнь провелъ въ военныхъ поселеніяхъ и исключенъ былъ Аракчеевымъ изъ службы за строптивость; послѣ Аракчеева былъ вице-директоромъ департамента военныхъ поселеній, но, по выходѣ Клейнмихеля изъ военнаго министерства, низведенъ въ члены общаго присутствія за то, что нормальную сумму на ремонтъ казармъ, опредѣленную на ассигнаціи, съ введеніемъ серебрянаго курса, выводилъ въ расходъ серебромъ въ прежней цифрѣ. Марченко никогда не несъ службы административной: прежде былъ репетиторомъ и профессоромъ института, а послѣ инспекторомъ строительнаго училища.

Послѣ первыхъ докладовъ Чевкинъ приказалъ, чтобы въ нему не являлись начальники отдѣленій подполковники Іовецъ и Вильманъ и правитель канцеляріи департамента проектовъ Потресовъ. Затѣмъ Іовца отправили въ Ковенскій округъ; Вильманъ вышелъ въ отставку, а о Потресовѣ Заика успѣшилъ объяснить, что это его зять, и Потресовъ уцѣлѣлъ.

Когда Государь возвращался изъ Николаева, Чевкинъ выѣхалъ въ Москву на встрѣчу. Въ проѣздѣ по Николаевской дорогѣ день былъ снѣжный и бурный. Вѣтеръ былъ противный поѣзду, и на рельсахъ скользило. Серебряковъ самъ сталъ на паровозъ; пары усиливали сколько было можно. Пріѣздомъ въ Петербургъ опоздали только 15 или 10 минутъ. Государь подозвалъ Серебря-

кова и благодарилъ, что въ такую ужасную погоду опоздали такъ мало. Но когда Государь уѣхалъ, Чевкинъ при всѣхъ сталъ бранить Серебрякова, и сказалъ, что ему съ такими подчиненными срамъ.

Что побудило его къ такой выходкѣ—понять нельзя. Самъ онъ видѣлъ, какова погода; самъ слышалъ благодарность Государя Императора.

Серебряковъ, не ждавшій такой милости послѣ благодарности Государя, не сказалъ ничего, и въ тотъ же день прислалъ прошение объ отставкѣ. Чевкинъ сталъ въ положеніе весьма непріятное: докладывать Государю было весьма не встать, и Серебряковъ не молчалъ-бы. Чевкинъ счелъ за лучшее попросить его взять просьбу назадъ.

Это произвело однако же такое впечатлѣніе, что мы рѣшительно каждую минуту ждали, что обругаеть ни за-что, ни про-что, и при встрѣчахъ обыкновенно спрашивали другъ друга: „кого выгнали?“ Б*** досталось за то, что, докладывая какой-то проектъ желѣзной дороги, держалъ карандашъ очиненнымъ концомъ къ плану: могъ его запачкать. Нѣсколько разъ повторялъ ему, что онъ старовѣръ; впрочемъ, обѣщаль, что онъ у него выучится.

Время однако же взяло свое: чиновники къ новому начальнику привыкли, а онъ убѣдился, что они не пошлые дураки и вовсе не воры. Напротивъ того, прежнихъ любимцевъ отъ себя устранилъ. Служащіе ожили. Въ сравненіи съ безпощадною работою при Клейнмихелѣ, наступило время самое спокойное. Странно было только то, что награду первый получилъ дежурный штабъ-офицеръ П. Ѡ. Деморъ..... Оказалось: получилъ за то, что, служа въ саперахъ, имѣлъ за польскую войну крестъ *virtuti militari*, который былъ и у Чевкина. Въ 1856 г. Б*** приказано ѣхать въ Москву на коронацію. Съ нимъ были помощникъ секретаря Пѣвницкій и писаря Филипповъ и Вишняковъ. Супруга и сынъ Чевкина также пріѣхали. Здѣсь они увидѣли, какой простой въ обхожденіи Чевкинъ. Даже при нихъ жена называла его: Костя.

О выгодахъ команды онъ весьма заботился. Поэтому писарей, курьеровъ и сторожей такъ кормили, какъ они никогда не роскошествовали.

Наградъ въ коронацію Чевкинъ насыпалъ щедрою рукою — тому, кто заслуживалъ и кто не заслуживалъ. Чтобы увѣриться, слѣдуетъ только взглянуть въ приказы. Замѣчательно, что остались недовольными именно тѣ, которые не заслуживали. Капитанъ Д***, не имѣвшій никакихъ заслугъ, даже написалъ къ Чевкину укорительное письмо, что ему дали только Станислава, и Чевкинъ ему отвѣтилъ, но что — неизвестно, ибо письмо запечатавъ онъ самъ. Чевкинъ обыкновенно говорилъ: что „время наградъ самое непріятное: одинъ недоволенъ потому, что ему награды не дали; другой потому, что дали не то, чего хотѣлъ; только истинно умные молчатъ и тогда, когда имъ ничего не дали, и тогда, когда дали не согласно желанію“.

Трудолюбія Чевкинъ былъ необыкновеннаго. Читая каждую бумагу, безпрестанно писалъ съ боку замѣтки. Однажды ему замѣтили, что онъ напрасно себя утруждаетъ; далѣе есть отвѣты на эти замѣтки; онъ на это отвѣтилъ: „что дѣлать, мой другъ! Такова натура. Меня куда ни посади, я найду занятіе“. Работу онъ прекращалъ такъ поздно ночью, что чиновникъ особымъ порученій болѣею частію получалъ аудіенцію въ 12-мъ часу ночи, и Б*** онъ звалъ ночной человѣкъ. Часто докладъ продолжался за полночь; генеральша все ждала мужа къ чаю и соскучившись, присылала лоскутокъ бумаги, на которомъ крупными буквами было написано: „minuit“.

Чевкинъ былъ такъ правдивъ, что на каждомъ докладѣ, гдѣ испрашивалась какая-нибудь сумма, просилъ Государя написать резолюцію собственноручно.

Скандаловъ очень боялся, и обо всемъ докладывалъ Государю, даже и тогда, когда не слѣдовало. Отъ этого вышли два странные случая:

— Екатеринбургскимъ округомъ управлялъ полковникъ Ж*, братъ католическаго митрополита, человѣкъ умный, но полякъ преестественный (и теперь живъ). Онъ вышелъ въ отставку, но изъ Екатеринослава не выѣхалъ, а на мѣсто его никто еще не былъ назначенъ. По увольненіи, онъ съ первою почтою прислалъ Чевкину письмо, что округъ сдалъ помощнику полковнику Боровскому, но послѣдній далъ направленіе дѣламъ, какъ въ земскомъ судѣ. Что это за дѣла и что за направленіе — ни слова не объяснилъ.

Съ тою же почтою получено коллективное письмо инженеровъ, съ просьбою, чтобы Боровскаго не назначать начальникомъ округа, безъ объясненія какой либо причины. Боровскій прежде былъ здѣсь начальникомъ отдѣленія. Всѣ инженеры знали его очень хорошо. Казалось-бы просто: спросить у нихъ, кто такой Боровскій, отъ Ж*** потребовать объясненія темной фразы, а инженерамъ сдѣлать выговоръ, что дѣйствуютъ скопомъ, даже безъ объясненія причины. Чевкинъ поступилъ иначе: сейчасъ просилъ Государя послать довѣренное лицо для изслѣдованія. Государь назначилъ флигель-адъютанта полковника графа Б. А. Перовскаго. Но какъ поступить, если Боровскій окажется виновнымъ? Рѣшили: съ Перовскимъ послать такое лицо, которое можно оставить тамъ начальникомъ округа. Выборъ палъ на полковника П***, человѣка добраго, но малоспособнаго. Онъ былъ изъ старѣйшихъ полковниковъ, и въ чинѣ гораздо старше Перовскаго. Явилась новая аномалія: младшій полковникъ назначилъ бы старшаго въ генеральскую должность. Поэтому Перовскаго произвели въ генералы и назначили въ вѣдомство путей сообщенія начальникомъ штаба. Вотъ тутъ чисто судьба: воплотъ путейцевъ производить флигель-адъютанта въ генералы, о которомъ они и не слышали.

До приѣзда Перовскаго Ж*** улизнулъ изъ Екатеринослава. Боровскій имѣя дочь при себѣ (теперь замужемъ за полковникомъ Ш—мъ, служащимъ въ главномъ интендантствѣ), жилъ весьма уединенно, даже не зналъ, что гр. Перовскій производитъ о немъ слѣдствіе. Допрошенные инженеры ничего не могли показать къ обвиненію его; только видно было, что заговоромъ руководятъ поляки — Неловицкій (потомъ умершій въ Ярославлѣ) и Зацвилюховскій; но поручикъ Быковъ (впослѣдствіи начальникъ отдѣленія на днѣпровскихъ порогахъ) чистосердечно объяснилъ: что Боровскій есть честнѣйшій человѣкъ, что Зацвилюховскій потребовалъ и привезъ его, Быкова, къ Ж***, и что, по принужденію послѣдняго, онъ, вида въ немъ еще начальника, подписалъ письмо противъ совѣсти. Когда Перовскій потребовалъ къ себѣ Боровскаго, тогда только послѣдній изъ запросныхъ пунктовъ узналъ, что о немъ производится какое-то слѣдствіе. Изъ объясненій оказалось, что Неловицкій, женатый на воспитанницѣ Ж***, и будучи начальникомъ отдѣленія на днѣпровскихъ поро-

гахъ, распоряжался вмѣстѣ съ Ж*** лопманскими суммами; по-этому они хотѣли удалить Боровскаго, который все зналъ и, сколько могъ, останавливалъ. Перовскій, видя большой разладъ, оставилъ Пацевича управлять округомъ, но совершенно оправдалъ Боровскаго, который и остался на мѣстѣ. По снисхожденію Чевкина, инженеры не подверглись взысканію, только Неловицкій переведенъ въ Ярославль.

Второй случай былъ такой: въ строительномъ училищѣ директоромъ былъ генералъ Липинъ—армейскій человекъ, инспекторомъ Кокковцевъ (потомъ инспекторъ института), совершенно покоровишійся Липину, а ротнымъ командиромъ подполковникъ баронъ Тизенгаузенъ—совершенный фельдфебель. Липинъ явился къ Чевкину съ докладомъ, что въ училищѣ бунтъ. Этотъ бунтъ состоялъ вотъ въ чемъ: воспитанники высшаго курса (но не выпускнаго), выведенные изъ терпѣнія барабаномъ и наказаніями, написали директору почтительнѣйшее прошеніе, чтобы ихъ немножко облегчили и не такъ строго наказывали. На прошеніи подписались по учебному списку. Первымъ былъ Рылло, по показанію самого Липина, чрезвычайно вроткій и боязливый. Выстроившись въ классъ, они послали просить директора. Первымъ стоялъ Рылло и, когда Липинъ вошелъ, подалъ ему прошеніе. Липинъ, прочитавъ, приказалъ идти къ занятіямъ; воспитанники поклонились и ушли. Вотъ и весь бунтъ. Чевкинъ принялъ дѣло горячо; не видѣлъ однако-же никакого бунта, но счелъ нужнымъ доложить Государю. Конечно, нужно кого либо наказать. Рѣшили наказать Рылло. Пусть такъ, хотя, по словамъ даже Липина, ему должны были всунуть въ руки прошеніе; но при этомъ рѣшили наказать и другого: перваго воспитанника слѣдующаго низшаго класса, который даже и въ просьбѣ не участвовалъ. Этотъ воспитанникъ былъ Бердяевъ; наказывали его за то, что Богъ одарилъ его необыкновенными способностями, какихъ, по словамъ Липина, не имѣлъ ни одинъ воспитанникъ училища, а потому, вѣроятно, онъ подговорилъ высшій классъ. Какъ ни нелѣпо такое рѣшеніе или совершенный Шемякинъ судъ, но Чевкинъ, къ удивленію, согласился. Рылло, до вступленія въ училище, имѣлъ чинъ; для компаніи дали коллежскаго регистратора и Бердяеву и выслали чертежниками, Рылло въ орловскую строительную комиссію, а Бердяева въ екатеринославскую,

на два года безъ права выйти въ отставку. Въ первомъ же году отъ орловскаго губернатора получено увѣдомленіе, что Рылло скрылся неизвѣстно куда. Черезъ нѣкоторое время въ канцелярію пришелъ неизвѣстный человѣкъ, и требовалъ свиданія съ Б***. Этотъ человѣкъ оказался Рылло, но въ какомъ видѣ? Въ простой оборванной свиткѣ, съ мѣшкомъ на плечахъ, въ которомъ были рубаха и старые сапоги. На вопросъ Б***: отчего онъ ушелъ? онъ отвѣчалъ такъ, что не оставалось сомнѣнія въ его помѣшательствѣ; между прочимъ объяснилъ, „что онъ продалъ, что могъ, на хлѣбъ, и пошелъ изъ Орла въ Петербургъ потому, что у него болитъ голова, — пошелъ пѣшкомъ потому, что по исторіи онъ знаетъ, что польскіе паны, будучи больны подагрой, когда впадали въ бѣдность и работали физически, то обыкновенно выздоравливали“. Доложили Чевкину, что пришелъ Рылло. Подъ влияніемъ донесенія губернатора, онъ сказалъ: „нужно предать его суду“.

Б*** отвѣтилъ:

— Позвольте его представить, и сами изволите увидѣть, что для него все равно, какому бы суду его ни предавать, и что-бы съ нимъ ни дѣлали. Онъ помѣшанный, въ свиткѣ и съ мѣшкомъ на плечахъ.

У Чевкина выступили слезы. Подумавъ, онъ приказалъ Б*** успокоить Рылло, дать ему денегъ и распросить, чего бы онъ хотѣлъ. Онъ пожелалъ окончить курсъ въ строительномъ училищѣ, но прежде отдохнуть у отца, человѣка совершенно бѣднаго, въ Рогачевѣ.

Чевкинъ испросилъ у Государя прощеніе и Рылло и Бердяеву. Первому дали денегъ столько, что онъ заѣхалъ къ отцу, отдохнулъ и возвратился совершенно здоровымъ. Бердяеву дали и пособіе и прогоны въ Петербургъ. Обоихъ зачислили въ департаментъ проектовъ чертежниками безъ обязательства ходить на службу, чтобы они, получая жалованье, могли окончить курсъ въ училищѣ. Оба кончили курсъ блистательно и сдѣланы помощниками столоначальника въ томъ же департаментѣ.

Рылло теперъ профессоръ въ Технологическомъ институтѣ. Бердяевъ кончилъ иначе. Онъ взялъ отпускъ въ Смоленскую губернію къ матери — вдовѣ маіора. Черезъ нѣсколько времени московскій оберъ-полиціймейстеръ увѣдомилъ, что помощникъ

архитектора Бердяевъ въ гостинницѣ повѣсилса, и оставилъ письма: 1) къ полиціи, чтобы никого не винили въ его смерти, и 2) къ директору Б***, которое и было приложено. Къ Б*** Бердяевъ писалъ, что у матери его четыре взрослые дочери, и такая бѣдность, что онъ не могъ выносить, и, не будучи въ состояніи пособить имъ, рѣшился покончить съ жизнію. Замѣчательно, что повѣсилса онъ совершенно раздѣтый, но на шею завязалъ шелковый платокъ, и петлю наложилъ на платокъ.

Это напоминаетъ другой случай, подобный Рылло и Бердяеву. Директоръ 1-й гимназіи Игнатовичъ письменно увѣдомилъ Б***, что выпущенный изъ института поручикъ Кончевскій назначенъ на Кавказъ, но не уѣхалъ, а уже нѣсколько мѣсяцевъ скрывается на Выборгской сторонѣ, у знакомаго, на чердакѣ, потому что не съ чѣмъ выѣхать, и хотя онъ, Игнатовичъ, убѣждалъ его явиться къ начальству и объяснить свое положеніе, но онъ боится. Б*** доложилъ Чевкину. Онъ сказалъ:

— „Это значитъ, что онъ промоталъ прогоны и полугодовой окладъ, который дается ѣдущимъ на Кавказъ. Нужно предать его суду. Впрочемъ, посмотрите, что это за молодець. Можетъ быть, имѣлъ долги и вынужденъ былъ истратить деньги“.

Б*** написалъ Игнатовичу, чтобы Кончевскій явился къ нему безъ всякой боязни. Къ Б*** явился неповиннѣйшій мальчикъ, одѣтый съ иголки. Онъ объяснилъ, что отецъ его совершенно бѣдный человекъ, и получить отъ него что либо онъ считаетъ тяжкимъ грѣхомъ; что передъ выпускомъ онъ ходилъ къ знакомымъ посоветываться, какъ ему обмундироваться, и всѣ обѣщали пособіе; вѣря этому обѣщанію, онъ употребилъ прогоны на обмундировку, а когда пришелъ къ знакомымъ за пособіемъ, то никто ничего не далъ; иные обѣщали, но въ другой разъ его не принимали; что онъ прожилъ все и живетъ у знакомаго, изъ милости, на чердакѣ. Полугодового же жалованія онъ не получалъ, потому что оно дается только по прибытіи на Кавказъ, что вполне подтвердилъ штабъ. Когда обо всемъ этомъ Б*** доложилъ Чевкину, то Кончевскому дано щедро негласное пособіе; а Новосельскій, бывший тогда директоромъ пароходства, кажется — „Самолетъ“, по нашей просьбѣ отправилъ его бесплатно до Астрахани. Черезъ два года Кончевскій получилъ орденъ, а теперь уже (1878 г.) коллежскій совѣтникъ въ V-мъ округѣ.

II.

Чевкину Россія обязана устройствомъ желѣзныхъ дорогъ — это покажется страннымъ, но дѣйствительно такъ. Когда въ Европѣ стали строить желѣзныя дороги, наши инженеры утверждали, что у насъ эти пути невозможны, по причинѣ холода и снѣга. Знаменитый Дестремъ читалъ объ этомъ публичную лекцію. Такого же мнѣнія былъ и товарищъ главноуправляющаго Деятининъ, считавшійся гениемъ, которому вторилъ графъ Толь. Когда образовалось такое мнѣніе, въ 1836 г. явился никому неизвѣстный нѣмецъ Герстнеръ съ проектомъ устройства желѣзной дороги изъ Петербурга въ Москву. Оказалось, что онъ строилъ желѣзную дорогу между Дунаемъ и Молдавою, но издержалъ всѣ компанейскія деньги, не достроилъ дороги и съ компаніею разошелся. Значить — человекъ сомнительной репутаціи предлагаетъ болѣе чѣмъ сомнительное дѣло: нечего и толковать съ нимъ; но за всѣмъ тѣмъ какая-то невидимая сила поддерживала его предложеніе, которое пущено въ ходъ. Наши утверждали, что Валдайскія возвышенія всегда будутъ препятствіемъ движенію, а снѣга во всякомъ случаѣ прекратятъ его. Былъ разговоръ и о томъ, что исчисленной Герстнеромъ суммы 50.000,000 рублей ассигнаціями мало (въ дѣйствительности онъ ошибся только въ семь разъ, ибо дорога обошлась въ 100.000,000 рублей серебромъ). Герстнеръ сдѣлалъ нивелировку отъ Петербурга до Москвы, и доказывалъ, что дорога возможна. Государь, для ближайшаго разсмотрѣнія этого дѣла, учредилъ комитетъ изъ Бенкендорфа, графа Толя и Сперанскаго.

Какъ же Герстнеру пришла мысль явиться въ Россію и взяться за такое дѣло?

Чевкинъ самъ мнѣ объяснилъ, что жена его училась въ Вѣнѣ вмѣстѣ съ женою Герстнера, и сохранила съ нею дружбу. Поэтому, когда у послѣдняго разстроилось дѣло съ австрійскою компаніею, Чевкинъ вызвалъ его сюда, и своими связями пустилъ въ ходъ проектъ желѣзной дороги. Дѣло это получило смѣшной исходъ. Когда назначено было окончательное засѣданіе комитета, Бенкендорфъ заболѣлъ и прислалъ къ гр. Толю записку, что онъ будетъ согласенъ на все, что рѣшитъ Толь съ Сперанскимъ,

но просить предложить Герстнеру вопросъ: откуда возьмутся деньги? ибо невѣроятно, чтобы *un individu* обладалъ капиталомъ въ 50.000,000 рублей. Когда такой вопросъ былъ предложенъ, Герстнеръ отвѣчалъ:

— „Я не знаю, откуда возьмутся деньги. Вѣроятно—или дастъ правительство, или составится компанія“.

Послѣ этого толковать было не о чемъ. Дѣло прекращено. Въ итогѣ выходитъ, что великій умъ Толь и гениальный Сперанскій не догадались начать съ главнаго, и все дѣло ниспровергъ Бенкендорфъ, котораго никто не считалъ за гения.

Послѣдствіемъ однако-же было то, что графъ А. А. Бобринскій съ двумя товарищами предложилъ устроить на ихъ капиталъ, для пробы, дорогу въ Царское Село и Павловскъ, что состоялось и составило начало желѣзныхъ дорогъ въ Россіи ¹⁾.

Затѣмъ послали Крафта и Мельникова въ Сѣверную Америку изучить тамъ желѣзныя дороги, какъ въ странѣ близкой къ Россіи по климатическимъ условіямъ. Они возвратились съ убѣжденіемъ о возможности у насъ желѣзныхъ дорогъ.

Поэтому, не вызови Чевкинъ Герстнера, у насъ не думали бы о желѣзныхъ дорогахъ, по крайней мѣрѣ, долгое время.

Болѣе обширная дѣятельность по желѣзнымъ дорогамъ открылась Чевкину, когда онъ назначенъ былъ главноуправляющимъ путей сообщенія. Въ 1856 г., передъ коронаціею Александра II явились предложенія иностранцевъ. Больше всѣхъ понравилось предложеніе Колинсона, какъ представителя всѣхъ главнѣйшихъ европейскихъ банкировъ, кромѣ Ротшильда. Его же поддерживалъ и французскій посланникъ графъ Морни. Чевкинъ горячо принялся за дѣло, трудился неутомимо, но, въ сожалѣнію, самъ одинъ, въ большомъ секретѣ, и очень затруднялся, что писать въ основныхъ условіяхъ и уставѣ. Если бы онъ не держалъ дѣла въ глубокомъ секретѣ, то ему указали бы богатѣйшій матеріалъ въ нашихъ нормальныхъ кондиціяхъ, о которыхъ я упомянулъ выше. Но онъ въ трудѣ этомъ видѣлъ свою славу, такъ что даже переписчику Пѣвницкому испросилъ орденъ послѣ награды чиномъ, данной ему назадъ тому 5 мѣсяцевъ. Трудился

¹⁾ См. очеркъ исторіи сооруженія этой дороги въ превосходномъ изданіи Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Константина Николаевича: „Павловскъ“, Спб. 1877 г. Книга эта вся сплона разошлась.

Чевкинъ безъ устали, день и ночь, четыре мѣсяца. По его мнѣнiю, результатъ предстоялъ блистательный: въ Россiю сыпался металлъ въ 275.000,000 руб. Россiя получала четыре главнѣйшiя дороги, и за все это ничѣмъ не рисковала: если бы дороги не принесли даже ни одной копѣйки чистаго дохода—что немислимо—и тогда мы платили бы только гарантiю въ 5.000,000 рублей въ годъ. Сочиненiе свое Чевкинъ признавалъ за chef d'oeuvre, и Государю писалъ, что какъ только Колинъонъ подпишетъ его сочиненiе, то всѣ банкиры будутъ у него въ рукахъ.

Все подписали; банкиры разобрали всѣ акцiи. Странно было, что переписку общества развозятъ курьеры министерства внутреннихъ дѣлъ. Президентомъ общества избрали Левшина, который былъ товарищемъ министра и употреблялъ казенныхъ курьеровъ, потому что у общества не было денегъ. Нелѣпость, совершенная нелѣпость! Акцiи взяты на 275.000,000 руб., одинъ Штиглицъ вмѣстѣ съ Френкелемъ взялъ 225,000 акцiй на сумму 18.125,000 руб. И изъ такого огромнаго капитала не на что нанять курьеровъ? Да, не на что. Они подписались на акцiи, но денегъ не внесли, потому что гарантiя 5% не обольщала банкировъ. Какъ же будетъ существовать общество? Вотъ какъ: подъ правленiе наняли домъ Корзинкина, назначили день подписки на акцiи, и тогда кареты и коляски запрудили конно-гвардейскiй бульваръ. Это вице-президентъ Штиглицъ нанялъ 40—50 колясокъ и каретъ, рассадилъ въ нихъ своихъ прикащиковъ и артельщиковъ, и они на его деньги покупали его же акцiи; деньги однѣ и тѣ же нѣсколько разъ въ день платились за новыя акцiи, а вечеромъ Штиглицъ получалъ свои деньги обратно.

Публика видѣла, что акцiи разбираются сильно, и понесла свои деньги. Значить, фокусъ удался, и общество разжилось деньгами. Но этого мало: нужно отъ надувательства получить и выгоду. И получили: продавая большею частiю самимъ себѣ свои же акцiи, стали кричать, что дѣло идетъ прекрасно, а затѣмъ на акцiи, оплаченныя первымъ взносомъ, объявили на биржѣ премiю въ 5 руб. Довѣренныя люди бросились раскупать акцiи. Этотъ фокусъ поддержали вотъ какимъ новымъ фокусомъ: кто могъ быть обществу полезенъ, но не понималъ дѣла, или, прикидываясь непонимающимъ, открывалъ руку для подачи, тѣмъ предлагали взять акцiи безъ денегъ. Какъ безъ денегъ? Отвѣ-

тили: „мы запишемъ акціи на ваше имя, но онѣ останутся въ кассѣ общества; а когда поднимется премія, если вы захотите, мы продадимъ ваши акціи и вамъ дадимъ деньги, сколько окажется преміи“. Благодѣтели, просто благодѣтели! Наживай деньги безъ денегъ, безъ риска и даже безъ труда. Премія остановилась на 5 р.; акціи будто бы продавались, и премія выдавалась тому, на чье имя записаны акціи. Одинъ изъ путейцевъ похвалился Б***, что за одно свое имя успѣлъ получить отъ преміи хорошей кушъ. Увидѣвшись съ главнымъ секретаремъ общества Егоровымъ, своимъ старымъ товарищемъ, Б*** упрекнулъ совѣтъ общества въ такомъ грубомъ подкупѣ N. Онъ, размѣявшись, пренаивно отвѣтилъ мнѣ: „а на много же оцѣнили его влияніе? Всего на 500 руб.“.

Первый взносъ могъ скоро истощиться, и потому придумали и объявили, что акціи, вполнѣ оплаченныя, имѣютъ премію 10 р. Это былъ грубѣйшій обманъ: для чего мнѣ не купить акцію неоплаченную, и въ тотъ же день не сдѣлать полного взноса, а покупать оплаченную акцію съ переплатою преміи? Однако, простодушные акціонеры спѣшили оплатить вполнѣ свои акціи, только не получили преміи, ибо не нашлось такихъ дураковъ, которые захотѣли бы платить по 10-ти р. на акцію за здорово живешь. Отъ полной оплаты акцій общество добыло денегъ малую толику.

Можно было дѣйствовать. Взяли нѣсколько хорошихъ нашихъ инженеровъ и архитекторовъ, а прочій персоналъ вызвали изъ Франціи. Только два иностранца были порядочные инженеры; всѣ прочіе сволочь и мятежники - поляки 1830 г., уже получившіе амнистію. Всѣ эти авантюристы распоряжались какъ въ завоеванной землѣ. Начальникомъ Нижегородской дороги, въ постройкѣ которой приступили, былъ l'ingénieur général Помье. Оказалось, что этотъ инженеръ-генералъ есть не болѣе, какъ отставной подпоручикъ. Каждый изъ нихъ держалъ себя съ дерзостью неслыханною. Только одинъ chef de section въ Псковѣ все молчалъ и все, подносимое нашими инженерами и архитекторомъ Голиневичемъ, строившимъ большую псковскую станцію, подписывалъ, ничего не спрашивая. Послѣ оказалось, что онъ поваръ, а жена его въ Парижѣ красавица, и онъ получилъ мѣсто по протекціи одного изъ членовъ верховнаго парижскаго коми-

тета надъ нашимъ обществомъ. По первому отчету открылись страннныя расходы: одинъ купилъ на счетъ общества фортепиано, другой выписывалъ сигары, третій посылалъ въ Парижъ депеши къ mademoiselle Elise или Léonore. Совѣтъ утвердилъ такіе расходы, ибо они нужны для спокойствія служебнаго персонала. Все это мелочи. Самая важная дѣятельность была главнаго директора Колинъона. Прежде всего онъ пожелалъ стать на короткую ногу съ Чевкинымъ, и на лоскутѣхъ бумаги, даже не на четвертушѣхъ, прислалъ ему записку, написанную карандашомъ подлѣйшимъ почеркомъ. Записка была о важномъ распоряженіи. Чевкинъ возвратилъ лоскутокъ, за извѣстіе благодарилъ, но прибавилъ, что объ этомъ онъ получить оффиціальное донесеніе отъ совѣта, на основаніи устава. Затѣмъ Чевкинъ сталъ требовать того и другого, но все совершенно правильно по уставу.

Видя, что съ Чевкинымъ будетъ не легко совладать, французы пошли другимъ путемъ: купили для общества домъ на Итальянской. Колинъонъ устроилъ себѣ паровую кухню за 40,000 р., и сталъ каждую недѣлю задавать лукулловскіе обѣды, разумѣется—безъотчетно, на счетъ общества. На обѣды приглашались только лица, высоко стоящія, и тамъ постоянно разсказывалось, что Чевкинъ есть не что иное, какъ insipide barbare, угнетаетъ общество и стремится раззорить его. Эта молва усиливалась со дня на день. Всѣ члены совѣта общества стали покорными слугами Колинъона; всѣ прихлебатели его выставляли Чевкина чудовищемъ.

Чевкинъ все зналъ, но ничего не могъ сдѣлать. Оппозиція противъ него росла, и даже добросовѣстные люди, высоко стоящіе, не могли понять, что Чевкинъ не раззоряетъ общества, а хочетъ, чтобы денегъ его не расхищали проходимцы. Такъ много наслушалась публика о чудовищности Чевкина.

Скоро Чевкинъ убѣдился, что въ его chef d'oeuvre допущены промахи и притомъ весьма важныя:

— Правительство строило Варшавскую дорогу съ землянымъ полотномъ въ два пути. Общество стало продолжать земляное полотно въ одинъ путь. Чевкинъ потребовалъ втораго пути. Ему отвѣчали, что требовать этого не имѣетъ права, что полотно для втораго пути стоило бы 10.000,000 руб., и общество не намѣрено затрачивать такой капиталъ.

По соображеніи основныхъ условій и устава оказалось, что общество не обязано строить полотна въ два пути для открытія движенія, а построить его когда-то; капиталъ же исчисленъ былъ для дороги съ двойнымъ полотномъ, и на него гарантія начинается, какъ скоро откроется движеніе по какому либо отдѣленію дороги. Значитъ — общество надумало гарантію 5% на капиталъ въ 10.000,000 руб. ежегодно, котораго затрачивать не будетъ на неопредѣленное время. Гарантія на этотъ капиталъ составляетъ 500,000 руб. въ годъ, а на весь срокъ 85-ти лѣтъ гарантіи 42.500,000 р. Она уменьшится лишь съ того года, когда общество соблаговолитъ устроить полотно для второго пути, но когда это будетъ — неизвѣстно.

Этотъ промахъ самъ Чевкинъ считалъ очень важнымъ.

— Не опредѣлено въ какомъ порядкѣ строить дороги, а только нужно выстроить въ 10 лѣтъ. Чевкинъ потребовалъ дороги отъ Москвы чрезъ Тулу, Орель, Курскъ въ Феодосію, т. е. полезнѣйшую чрезъ центръ Россіи. Ему отвѣчали, что не имѣетъ права требовать. Колинъонъ сказалъ: „construire le chemin de fer à Sebastopol pas si bête“. Подлинныя слова.

— Служебный персоналъ наполнили французами-негодяями и бѣглыми поляками, которые не признавали никакой власти правительства, и открыто говорили: „я не знаю Государя, я знаю только Колинъона“. Воровствомъ открыто тщеславились, а акціонеровъ презирали, и обыкновенно говорили: „les actionnaires sont des pigeons à plumer“.

По основнымъ условіямъ общество имѣло право брать кого угодно, главноуправляющій утверждалъ только высшихъ лицъ; а кто разумѣлся подъ этими лицами — не сказано. Такимъ образомъ, общество и проходимцы ослабили въ народѣ важность и значеніе правительства.

Это былъ ужасный ударъ Чевкину. По всѣмъ признакамъ, Наполеонъ для того и прислалъ Колинъона и толпу негодяевъ, чтобы унижить у насъ правительство и развращать народъ.

— По уставу, верховный комитетъ былъ въ Парижѣ, и безъ его позволенія нельзя было ничего сдѣлать. А этотъ комитетъ всегда враждебно относился къ Россіи, состоялъ изъ Перейръ или подобныхъ созданий, и не имѣлъ ни одной акціи. Этотъ промахъ отнялъ у Чевкина много лѣтъ жизни.

— Гдѣ не было русскихъ инженеровъ, тамъ работы шли нетерпимымъ образомъ. Для примѣра довольно указать, что на Нижегородской дорогѣ, гдѣ былъ инженеръ-генераль Помѣ, каменный береговой устой захотѣлъ купаться, его привязали веревками, однако, онъ дошелъ до половины рѣки и тамъ остался.

— Правительство не имѣло контроля надъ расходами. Суммы растрачивались безсовѣстно не на дороги, а на удовольствія французовъ и мятежныхъ поляковъ. Работы шли очень медленно. А какъ русскіе потеряли охоту вносить деньги за акціи, а изъ-за границы деньги вовсе не шли, то всѣ видѣли близкій конецъ обществу. Чевкинъ увидѣлъ, что его созданіе рушится, и какъ честнѣйшій человекъ жалѣлъ не общество, а русскихъ акціонеровъ. Онъ спросилъ совѣтъ общества, почему не производятся работы и есть-ли деньги? Отвѣчали: работы будутъ производиться, деньги есть.

Этотъ безсовѣстный отвѣтъ совѣтъ далъ за нѣсколько мѣсяцевъ до объявленія общества себя полнымъ банкротомъ.

Кажется, въ это время, Штиглицъ, видя положеніе общества, устыдился и отказался отъ вице-президентства.

Между тѣмъ въ газетахъ напечатана похвальная статья обществу, и сказано, что оно скоро приступитъ къ постройкѣ дороги отъ Москвы чрезъ Рязань, Курскъ и Харьковъ въ Θεодосію.

Мы не замѣтили этой статьи, но предсѣдатель общества Саратовской дороги Н. Н. Анненковъ прислалъ Чевкину протестъ, что эта статья дискредитируетъ его общество, ибо Саратовская дорога Высочайше утверждена чрезъ Рязань. Если же дорога Θεодосійская будетъ строиться не чрезъ Тулу, какъ должна, а чрезъ Рязань, то дорога Саратовская не будетъ самостоятельной, а только примкнетъ къ Θεодосійской. Чевкинъ спросилъ совѣтъ главнаго общества, на какомъ основаніи напечатана статья несправедливая и вредная для общества Саратовской дороги? Совѣтъ отвѣчалъ, что онъ не знаетъ, кто сочинилъ и напечаталъ эту статью. Это была безсовѣстная ложь: всѣ мы знали, что въ похвалу общества и Колинъона пишутъ статьи Е—въ и наемный полякъ Мессковскій.

Противъ совѣта составила литературная оппозиція, во главѣ которой былъ Александръ Стасовъ, который жестоко допекалъ общество. „Искра“ также рисовала премилыя сцены во раз-

говорахъ главнаго директора и главнаго секретаря, т. е. Колинъона и Е—ва.

Тогда были цензоры отъ министерствъ; отъ нашего цензоромъ былъ г. Б***. Статьи противъ общества онъ пропускалъ, докладывая, впрочемъ, Чевкину. Нужно было убить его и тѣмъ обезкуражить Чевкина. Для этого придумали вотъ какой способъ: президентомъ, вмѣсто Левшина, избрали барона Мейендорфа, зятя Меттерниха, бывшаго посломъ въ Вѣнѣ; а вице-президентомъ—князя Д. А. Оболенскаго (впослѣдствіи членъ государственнаго совѣта). Послѣ общаго собранія общества приготовили для печати отчетъ и протоколъ. Тогда Государь уѣзжалъ по желѣзной дорогѣ вечеромъ. Чевкинъ сопровождалъ Его Величество, и поутру поѣхалъ за приказаніями. Зайка и Б*** ждали его въ саду. Вошелъ молодой человекъ въ черномъ фракѣ, безъ всякихъ отличій, со сверткомъ бумагъ въ рукахъ. Кто онъ—мы не знали. Скоро пріѣхалъ Чевкинъ, поздоровался съ нимъ дружелюбно, немножко поговорилъ, и тотчасъ ушелъ. Постѣ мы узнали, что это былъ князь Д. А. Оболенскій. Онъ пришелъ просить разрѣшенія печатать отчетъ и протоколъ общаго собранія акціонеровъ. Чевкинъ, не имѣя времени читать и не подозрѣвая хитрости, спросилъ:

— Все-ли вѣрно?

— Все вѣрно.

— Ну, такъ печатайте.

Когда цензура прислала къ Б*** наборъ, тотъ выбросилъ двѣ статьи:

- 1) объ устройствѣ Θεодосійской дороги чрезъ Рязань, и
- 2) еще о чемъ то,—мы не помнимъ,—но о такомъ предметѣ, о которомъ совѣтъ просилъ, но комитетомъ министровъ отказано. Въ статьѣ же было написано, что дѣло находится въ комитетѣ министровъ, и совѣтъ вполне надѣется, что ходатайство его будетъ уважено.

Совѣтъ взялъ статью назадъ. Служащіе ничего не знали; но когда Государь возвратился, баронъ Мейендорфъ принесъ жалобу, что директоръ канцеляріи Чевкина всѣми силами вредитъ обществу; и въ доказательство представилъ наборъ съ помарками Б***. Не смотря на авторитетъ Мейендорфа, Государь спросилъ Чевкина: не встрѣчаетъ-ли онъ препятствія, чтобы это дѣло рассу-

дѣлъ министрѣ просвѣщенія, какъ начальникѣ цензуры. Чевкинъ согласился и приказалъ Б*** явиться къ министру въ назначенный имъ часъ.

Нужно знать, что министромъ просвѣщенія былъ Ковалевскій, старинный врагъ Чевкина, вотъ по какому случаю: Чевкинъ былъ начальникомъ штаба горнаго корпуса, а Ковалевскій директоромъ горнаго департамента. Оба были генераль-маіорами.

Неожиданно Чевкинъ получилъ сообщеніе директора канцеляріи Княжевича включить въ приказъ о производствѣ Ковалевскаго въ генераль-лейтенанты. Чевкинъ въ приказъ не включилъ, а подалъ Каньрину протестъ, что нужно произвести его, а не Ковалевскаго. Каньринъ доложилъ государю, и не былъ произведенъ ни тотъ, ни другой.

Не смотря на старую вражду, Чевкинъ, по докладу Б***, зная въ чемъ его обвиняютъ, былъ спокоенъ.

Идучи къ Ковалевскому, Б*** вооружился рѣшеніемъ комитета министровъ и уставами, по которымъ Феодосійская дорога должна идти чрезъ Тулу, а Саратовская отъ Москвы чрезъ Рязань.

Ковалевскій принялъ г. Б*** благосклонно, все выслушалъ, всѣ бумаги рассмотрѣлъ; но у него видимо оставалось какое-то сомнѣніе, потому что печатаніе разрѣшилъ Чевкинъ.

Видя это, г. Б*** пошелъ на рѣшительную мѣру и сказалъ.

— Ваше высокопревосходительство служили съ Константиномъ Владиміровичемъ?

— Да, служилъ.

— Поэтому,—сказалъ Б***,—осмѣливаюсь обратить вниманіе на слѣдующее: Константинъ Владиміровичъ печатаніе статьи разрѣшаетъ; его чиновникъ печатаніе запрещаетъ; Константинъ Владиміровичъ на это соглашается. По одному этому—былъ-ли правъ чиновникъ и исполнилъ-ли свой долгъ?

Ковалевскій на минуту задумался, но затѣмъ улыбнулся и сказалъ:

— Да, вы правы, совершенно правы; такъ и Государю доложу.

И, дѣйствительно, такъ доложилъ. Г. Б*** (со словъ котораго мы и передаемъ этотъ эпизодъ) былъ оправданъ. Послѣ Ковалевскій смѣялся, что совѣтъ общества жаловался Государю для того, чтобы Государь узналъ, что самъ же совѣтъ виноватъ.

Черезъ нѣсколько времени совѣтъ объявилъ, что нѣтъ ни копѣйки, и, чтобы кончить начатое дѣло, просилъ дать ему широко-вспомогательныя средства. Это подлинныя слова. Въ числѣ этихъ средствъ была и отдача ему Николаевской дороги.

Въ результатѣ вышло, что не Чевкинъ взялъ банкировъ въ руки, а его обманули кругомъ: изъ-за границы, вмѣсто 275.000,000 р., не пришло ничего; иностранные авантюристы, по просту—проходимцы, растратили русскіе милліоны, но все-таки ни одной дороги нѣтъ; работы, гдѣ не было русскихъ инженеровъ, произведены дурно; общество—банкротъ, русскіе акціонеры раззорены.

При всемъ этомъ совѣтъ имѣлъ безстыдство требовать широко-вспомогательныхъ средствъ, иначе: въ пользу французовъ сдѣлать второй севастопольскій погромъ; но послѣ всѣмъ извѣстныхъ подвиговъ французовъ, уже никого нельзя было обмануть.

Чевкинъ испросилъ разрѣшеніе: 5% гарантіи считать собственнo въ доходъ акціонерамъ, а на погашеніе акцій прибавить 1/4%. Это была мысль истинно государственнаго мужа: она спасла общество отъ банкротства, обезпечила акціонеровъ и продолжила устройство желѣзныхъ дорогъ. Безъ этого не было бы довѣрія ни къ какому въ Россіи обществу желѣзной дороги.

Вмѣсто широко-вспомогательныхъ средствъ, велѣно передѣлать уставъ общества. Это поручено было Языкову, барону А. И. Дельвигу и г. Б***. Колинъонъ обидѣлся, что обойдется безъ него, и говорилъ: „j'attendrai quelle position honorable j'occupeerai“. Однако, уставъ явился въ такомъ видѣ, что ему ждать было нечего, и онъ убрался изъ Россіи.

Все это такъ истомило Чевкина, что онъ дѣйствительно обезсилѣлъ и просилъ, какъ милости, увольненія отъ должности главноуправляющаго путями сообщенія.

11-го октября 1862 г. увольненіе Константина Владиміровича Чевкина воспослѣдовало при самомъ милостивомъ высочайшемъ рескриптѣ Императора Александра II-го.

***.

Примѣчаніе. Всѣ подлинники рескриптовъ въ Бозѣ почившаго государя К. В. Чевкинъ передалъ, въ 1875 г., въ собственность редакціи «Русской Старины».

М. С.

ВЛАДИМІРЪ ИВАНОВИЧЪ НАЗИМОВЪ.

Очеркъ изъ новѣйшей лѣтописи сѣверо-западной Россіи ¹⁾.

„Да будетъ на скрижаляхъ исторіи только правда, одна правда...“.

«Русская Старина», 1882 г., ноябрь, стр. 389.

I.

Въ послѣднее время въ нашей періодической печати появилось нѣсколько записокъ, мемуаровъ и статей, посвященныхъ разбирательству причинъ возникновенія въ 1863 году польскаго мятежа въ западномъ нашемъ краѣ, и описанію обстоятельствъ, сопровождавшихъ этотъ мятежъ.

Представляя обильный и весьма разнообразный матеріалъ для будущихъ дѣписателей и изслѣдователей грозныхъ волненій, которыя охватили не только весь Привислянскій край, но и всю почти территорію нашихъ девяти западныхъ губерній, входившихъ нѣкогда въ составъ Рѣчи Посполитой польской, авторы этихъ записокъ стараются возложить на лицъ, стоявшихъ во главѣ администраціи западнаго края, всю отвѣтственность за ту хаотическую неурядицу и поблажки шляхетству, которыя, установившись на первыхъ порахъ со времени послѣдняго раздѣла Польши и оставаясь много лѣтъ почти безъ всякаго измѣненія, поставили страну на край пропасти.

¹⁾ „Русская Старина“ дала на своихъ страницахъ множество матеріаловъ къ весьма поучительной для внутренней политики Россіи новѣйшей лѣтописи сѣверо-западныхъ губерній нашего отечества. Такъ, между прочимъ, см. „Записки графа М. Н. Муравьева-Вилenskaго“ и приложен. къ нимъ въ „Русской Старинѣ“ изд. 1882 г., т. XXXVI, ноябрь, стр. 387—432; декабрь, стр. 623—644; изд. 1883 г., т. XXXVII, январь, стр. 131—166; февраль, стр. 291—304; мартъ, стр. 615—630; т. XXXVIII, апрѣль, стр. 193—230; т. XL, октябрь, стр. 181—200; ноябрь, 389—406; декабрь, стр. 573—629; изд. 1884 г., томъ XLI, январь, стр. 15—60.

Изъ числа этихъ записокъ особенное вниманіе публики обратили на себя записки графа Михаила Николаевича Муравьева о польскомъ мятежѣ 1863 — 1864 годовъ въ Сѣверо-Западномъ краѣ, появившіяся на страницахъ «Русской Старины», въ періодъ послѣднихъ двухъ лѣтъ. Вниманіе это объясняется, во первыхъ — выдающимся положеніемъ въ административныхъ сферахъ автора записокъ, который въ теченіи многихъ лѣтъ стоялъ во главѣ разныхъ отдѣльных частей и вѣдомствъ, какъ губернаторъ, начальникъ департамента, министр, генераль-губернаторъ и командующій войсками военнаго округа; во вторыхъ — его обширную популярность на всей Руси, вполне заслуженною, важными услугами, которыя онъ оказалъ отечеству по усмиренію польскаго мятежа, и разумными мѣрами, направленными къ обновленію и развитію русскаго начала въ литовскихъ губерніяхъ; наконецъ — записка эта была въ особенности интересна для всѣхъ и каждаго, какъ взглядъ знатока польскихъ дѣлъ и человѣка, вообще, весьма умнаго, серьезнаго, крайне требовательнаго и строгаго порицателя людскихъ слабостей и недостатковъ, которыми, съ его точки зрѣнія, отличались всѣ его предмѣстники по званію генераль-губернатора Сѣверо-Западнаго края, а въ особенности послѣдній изъ нихъ, генераль-адъютантъ Владиміръ Ивановичъ Назимовъ, о которомъ преимущественно мы и будемъ говорить въ настоящей статьѣ.

Нѣтъ ничего легче какъ открывать ошибки стороны, по окончаніи возникшаго между этими сторонами дѣла или распри; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, едва-ли справедливо порицать дѣятельность людей, не принявъ во вниманіе условій данной эпохи и тѣхъ обстоятельствъ, которыя заставляли этихъ людей дѣйствовать такъ, или иначе, либо совершенно бездѣйствовать. Есть много явленій и вопросовъ въ общественной жизни, которые еще весьма недавно или вовсе не замѣчались, или казались невозможными на самомъ дѣлѣ, а потому и не побуждали современное общество останавливаться на нихъ, а тѣмъ болѣе — трудиться надъ ихъ разрѣшеніемъ. По этому соображенію, нельзя не пожелать, чтобы, принимаясь за описаніе и оцѣнку событій времени минувшихъ, мы ставили себя въ положеніе людей данной эпохи и отрѣшались совершенно отъ всего того, чѣмъ впоследствии наука, строгая критика, сила обстоятельствъ и житейская опытность расширили нашъ кругозоръ и обогатили запасъ нашихъ знаній, то-есть, дали намъ то достояніе, которымъ не пользовались наши предмѣстники. Про людей гениальныхъ мы не говоримъ, потому что они одарены способностью предъугадывать будущее и идти всегда впередъ своего времени.

Для болѣе ясной и послѣдовательности обстоятельствъ, при

которыхъ разыгрались извѣстныя всѣмъ событія 1863 — 1864 годовъ въ Западномъ краѣ, мы считаемъ необходимымъ прежде всего бросить краткій ретроспективный взглядъ на политическое и административное положеніе этого края до открытаго революціоннаго движенія въ ономъ въ 1863 году.

II.

Наступившее вслѣдъ за послѣднимъ раздѣломъ Польши затишье доставило возможность измученному долговременными волненіями шляхетству, разлившемуся по всему пространству Западнаго края, вздохнуть свободно и обратить усилія на приведеніе въ порядокъ своихъ маестностей, жестоко пострадавшихъ отъ внутреннихъ усобицъ и внѣшнихъ враговъ. Подъ мощною охраною русскихъ штыковъ, ему нечего было опасаться татарскихъ и гайдамацкихъ набѣговъ, не могло быть даже мѣста для удалыхъ «наѣздовъ» и внутреннихъ распрей, столь излюбленныхъ бурливымъ и своевольнымъ шляхетствомъ, а теперь строго преслѣдуемыхъ; но, въ память добраго, стараго времени и въ силу привычки, оно усердно поддерживало шляхетскіе сеймики при выборахъ на должности маршалковъ (предводителей дворянства) и нѣкоторыхъ другихъ чиновъ губернскихъ и уѣздныхъ учреждений; причемъ не обходились безъ шумныхъ споровъ и препирательствъ, разрѣшавшихся обыкновенно звономъ стакановъ, сабельныхъ клинковъ и пистолетными выстрѣлами. На всѣ эти комедіи правительство наше взирало совершенно равнодушно и не препятствовало шляхтѣ обивать себѣ бока. Было очевидно, что, проглотивъ нечаянно огромный ломоть того пирога, который такъ долго манилъ нашъ аппетитъ, мы какъ будто осовѣли и положительно не знали, какъ быть и что дѣлать; а многіе изъ нашихъ государственныхъ сановниковъ, въ порывѣ ребяческаго благодушія и полнаго невѣжества, стыдились даже успѣховъ нашей дипломатической войны, признавая таковыя несомнѣнными съ нашимъ достоинствомъ, и готовы были отказаться отъ сохраненія плодовъ одержанной нами побѣды¹⁾.

¹⁾ Императоръ Александръ I, подъ вліяніемъ своего министра иностранныхъ дѣлъ князя Адама Чарторійскаго, къ которому питалъ сердечную привязанность, — вознамѣрился было возстановить Польшу въ ея прежнихъ предѣлахъ путемъ присоединенія къ ней Литвы, Бѣлоруссіи, Волынской и Подольской губерній. Съ проэктомъ императора были согласны, кромѣ Сперанскаго, и всѣ тогдашніе министры и государственные люди; но послѣ объясненій съ Н. М. Карамзинимъ, и въ особенности по полученіи знаменитаго

Этими странными и непростительными колебаніями, свидѣтельствовавшими о незрѣлости нашей внутренней политики, и непониманіемъ нами задачъ русской государственной жизни воспользовался извѣстный по своему тонкому уму и громадному вліянію на польское общество князь Адамъ Чарторійскій, для осуществленія задуманнаго имъ плана возрожденія Польши путемъ мирнаго развитія ея нравственныхъ и матеріальныхъ силъ («Odrodzenie Polski» — «Wielkie budowanie»). Что и какъ было сдѣлано княземъ Чарторійскимъ и его ближайшимъ пособникомъ Чацкимъ на пользу ихъ отечества и во вредъ Россіи, — это теперь всѣмъ извѣстно; достаточно сказать, что въ періодъ 25-ти лѣтняго служенія князя «народной справѣ» Западный край, оставаясь спокойно подъ русскою короною, придвинулся ближе къ Варшавѣ, Кракову и Риму, чѣмъ въ періодъ предшествовавшихъ 150 лѣтъ, и общая фizioномія края сохранила вполне тотъ типъ, какой отличалъ ее при Августѣ II и Станиславѣ Понятовскомъ.

Усилія Чарторійскаго къ поднятію духа его соотечественниковъ и къ уничтоженію въ краѣ послѣднихъ признаковъ русскаго начала составляли въ сущности продолженіе той политики, которую Польша настойчиво проводила въ жизнь со времени двухъ униі: религіозной — въ Брестѣ и политической — въ Люблинѣ. Съ другой стороны присущее польскому шляхетству чувство любви къ свободѣ и либеральнымъ учрежденіямъ, которыми искони гордилась Рѣчь Посполитая, политическое отсутствіе централизаціи, доставлявшее шляхтѣ возможность обсуждать и разрѣшать на мѣстѣ, у себя дома, всѣ вопросы, касающіеся нуждъ и благоустройства края, и — наконецъ — свойственное человѣческой природѣ стремленіе къ совершенству и лучшимъ формамъ жизни, не допускающее отступательнаго движенія назадъ, — все это были стимулы, побуждавшіе шляхетство способствовать всѣми своими нравственными силами и матеріальными средствами осуществленію грандіозныхъ плановъ Чарторійскаго, который счумѣлъ представить своимъ соотечественникамъ не столько ихъ настоящее положеніе, сколько будущее въ самыхъ страшныхъ и мрачныхъ формахъ.

Ускользавшая такъ долго отъ вниманія нашего правительства энергическая и искусная работа «великаго будованья», то-есть, ополяченія края, предпринятая для обезпеченія въ будущемъ прочнаго слиянія его съ областями коренной Польши, чуть было не увѣнчалась полнымъ

письма его отъ 17 октября 1819 года, извѣстнаго въ нашей литературѣ подъ названіемъ „Мнѣніе русскаго гражданина“, — государь отказался отъ своего пагубнаго для блага Россіи намѣренія. Письмо это помѣщено въ неважнѣйшихъ сочиненіяхъ и перепискѣ Н. М. Карамзина, появившихся въ печати въ 1862 году. Сиб., томъ I, стр. 3—8.

II.

успѣхомъ, и только одна неосторожность и преждевременное покушение завершить эту работу открытою силою сняли повязку съ нашихъ глазъ и заставили насъ опять съ оружіемъ въ рукахъ отстаивать древнее достояніе нашихъ предковъ и ломать польскіе порядки, щадя ихъ однако-же въ предѣлахъ Царства Польскаго, начертанныхъ вѣнскимъ конгрессомъ.

Мятежъ 1830 года, погашеніе котораго обошлось намъ столь дорого, заставилъ насъ встрепенуться и взглянуть на состояніе западныхъ губерній съ болѣе серіозной точки зрѣнія. Упраздненіе положеній люблинской уніи и закрытіе значительнаго числа римско-католическихъ и униатскихъ монастырей съ существовавшими при большей части изъ нихъ школами, столь пагубно влиявшими на молодое поколѣніе, затѣмъ — распространеніе на эти губерніи общаго свода законовъ Россійской имперіи, въ замѣнъ литовскаго статута, — таковы были главныя мѣры къ утвержденію въ этой странѣ русскаго начала, крѣпко пострадавшаго и уже едва замѣтнаго въ высшихъ классахъ общества.

Достойно вниманія, что крутыя мѣры покойнаго императора Николая, который ни съ кѣмъ шутить не любилъ, а тѣмъ менѣе съ своими мятежными подданными, не возмущали натуры польскаго шляхетства, и оно съ ними уживалось. Воспитанное съ дѣтства въ строгомъ повиновеніи родительской власти, а въ юношескомъ возрастѣ — подъ нещадною ферилою суроваго монашества разныхъ орденовъ, начиная отъ базилиановъ и піаровъ до іезуитовъ включительно, извѣдавшее на себѣ неудобство «прати противу рожна», — наконецъ, въ зрѣломъ возрастѣ привыкшее безропотно преклоняться предъ авторитетомъ магнатовъ и другихъ вельможъ, — оно мужественно переносило ссылку «въ мѣста не столь отдаленныя» за свои увлеченія, — и бодро носило сѣрую солдатскую шинель въ какихъ нибудь сибирскихъ или кавказскихъ линейныхъ баталіонахъ, гдѣ, надо отдать ему справедливость, служило вѣрою и правдою, отличалось усердіемъ въ исполненіи своихъ не легкихъ обязанностей и затѣмъ нерѣдко выходило въ люди. Но въ этой тяжелой обстановкѣ и при лишеніяхъ всякаго рода шляхта не падала духомъ и, переносила невзгоды и приниженія, какъ испытаніе судьбы, утѣшала себя мыслью, что когда нибудь, со временемъ, по возвращеніи на родину и вступленіи во владѣніе помѣстьями и маестностями, доставшимися ей по наслѣдству отъ предковъ, то же самое правительство такими же крутыми и энергическими мѣрами будетъ оберегать ея права надъ крѣпостными людьми и всею принадлежащею ей территоріею, гдѣ она будетъ господствовать въ качествѣ потентатовъ и феодаловъ. Такая могущественная охрана ея прерогативъ, которыми она болѣе всего дорожила, замѣняла ей, вла-

столубивой и надменной «*pasta Conventa*», подтверждавшіяся всякій разъ польскими королями при вступленіи ихъ на престолъ Пястовъ и Ягеллоновъ.

Бъ прискорбію, реформы, послѣдовавшія за мятежемъ 1830 года, коснулись только поверхности польскаго муравейника, кипѣвшаго въ западныхъ губерніяхъ, и хотя, вслѣдствіе этихъ реформъ, полетъ «Вѣлаго Орла» нѣсколько замедлился, тѣмъ не менѣе въ нѣдрахъ этого муравейника шла попрежнему кипучая работа; главная сила польскаго элемента въ краѣ, зиждущаяся на крѣпостномъ правѣ, ничуть не пострадала, ибо это право продолжало существовать прочно подъ эгидою русскаго правительства, признававшаго его если не благомъ, то неизбѣжнымъ зломъ, съ которымъ необходимо было мириться.

Комическое и жалкое зрѣлище представляла собою въ то время русская государственная власть въ этихъ областяхъ: два-три асессора (становыхъ приставовъ) на уѣздѣ, съ капитанъ-исправникомъ во главѣ, а въ уѣздномъ городѣ—городничій составляли весь персоналъ охранительной и исполнительнѣйшей полицейской власти, комплектовавшейся преимущественно изъ офицеровъ отставныхъ, или неспособныхъ къ фронтовой службѣ, большею частію изъ мѣстныхъ уроженцевъ польскаго происхожденія, и всегда нищихъ духомъ и средствами, вѣчно нуждающихся и бѣгающихъ за подачками¹⁾. Въ губерскомъ же городѣ—губернаторъ, чаще всего изъ военныхъ, жандармскій штабъ-офицеръ, да два три русскіихъ чиновника, стоящихъ во главѣ отдѣльныхъ управленій. Таковъ былъ составъ рати, поставленной на стражъ русскіихъ интересовъ въ краѣ, находившемся нѣсколько столѣтій подъ давленіемъ польскаго начала и католицизма; все же остальное, отъ убогой хижины мужика до палаца вельможнаго пана, отъ сермяги мѣщанина до богатаго кунтуша или моднаго фрака горѣдскаго щеголя, и—отъ земли до воды, составляло достойнѣе могущественнаго и цивилизованнаго шляхетства, возбуждавшаго къ себѣ зависть и по-добоострастіе въ поставленныхъ надъ нимъ властяхъ.

Не станемъ входить въ разбирательство, кого слѣдуетъ винить въ томъ, что и послѣ разгрома польскіихъ регулярныхъ войскъ (впослѣдствіи окончательно разкассированныхъ) и такъ называемой «рухавки» съ ея «косиньерами», — «великое будованье» по плану князя Чарторійскаго продолжало развиваться, что элементы, доставлявшіе неисчерпаемый контингентъ для умноженія сторонниковъ польской sprawy, не

¹⁾ И не удивительно! потому что, по усилениимъ 3 іюня 1837 годѣ штатамъ, полагалось жалованья въ годъ: исправнику и городничему — по 1000 рублей ассигнаціями (285 руб. 71 коп. сер.) и становому приставу — по 800 рублей ассигнаціями (228 руб. 57 к. с.).

были вовсе ограждены отъ разлагающей ихъ силы, что школа продолжала служить исключительно интересамъ и цѣлямъ шляхетства, и—наконецъ—что юрисдикція и администрація края оставались оставленными такими же малоспособными и неблагонадежными дѣятелями, какіе встрѣчались въ краю до мятежа. Какъ въ началѣ текущаго столѣтія, такъ и въ 30-хъ годахъ, то-есть послѣ возстанія, правительство наше въ возвращенныхъ отъ Польши областяхъ представляло собою одну грубую, матеріальную силу, а потому и неспособную вести успѣшную борьбу съ духовными началами, создавшими извѣстный общественный строй. Мы не умѣли, или изъ боязни не хотѣли установить въ краю новыя формы гражданской жизни вмѣсто старыхъ, доживающихся своей вѣкъ и оказавшихся для насъ совершенно непригодными; мы не понимали той роли, какую на себя приняли въ качествѣ опекуновъ и защитниковъ кореннаго населенія страны, разлагавшагося подъ тлетворнымъ давленіемъ іезуитско-польской пропаганды. Главная забота наша заключалась въ сохраненіи спокойствія и порядка въ злополучномъ и многострадальномъ краѣ; причѣмъ всякаго рода народныя вспышки и волненія, хотя бы по своему характеру они благопріятствовали интересамъ правительства, подавлялись нами немедленно самими крутыми и энергическими мѣрами.

Все это какъ нельзя лучше было на руку князю Чарторійскому и его пособникамъ. Усердно назидая своихъ соотечественниковъ, являвшихся съ докладомъ въ «Hotel Lambert»¹⁾ со всѣхъ концовъ и областей до раздѣльной Польши, онъ твердилъ имъ постоянно, что гегемонія Россіи въ союзѣ съ Польшею есть политическій абсурдъ, нѣчто неосуществимое, требующее прежде всего забвенія историческихъ судебъ ихъ отечества и славныхъ подвиговъ ихъ предковъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ требующее и зарокъ не питать свой умъ и сердце произведеніями богатой польской литературы, способной пробудить усыпленные чувства любви къ родному краю и драгоцѣнныя воспоминанія радостныхъ и печальныхъ дней, пережитыхъ страномъ.—«Мы не будемъ въ состояніи»—говаривалъ этотъ претендентъ на польскую корону—«переносить то презрѣніе, съ которымъ Европа взираетъ на многомилліонное населеніе обширнѣйшей въ мірѣ страны, коснѣющее въ невѣжествѣ, переносящее съ тупымъ равнодушіемъ жалкую роль рабовъ, лишенныхъ права выражать свои мысли и желанія какъ люди, какъ граждане, какъ сыны своего отечества и какъ члены одного и того же политическаго организма; намъ будетъ невозможно, подобно безсловеснымъ животнымъ, довольствоваться одними только матеріаль-

¹⁾ Дворецъ князя Чарторійскаго въ Парижѣ.

ными благами жизни и преклоняться передъ прихотливымъ произволомъ единоличной власти, присвоившей себѣ право и мнящей себя способною думать, говорить и дѣйствовать за всѣхъ». Еще болѣе дикими софизмами отличались рѣчи князя Чарторійскаго, обращаемыя къ воспитанникамъ учрежденной имъ въ Парижѣ для польскаго юношества Монпарнасской школы. На торжественныхъ актахъ, завершавшихъ выпускные экзамены, князь признавалъ полезнымъ пугать молодежь союзомъ съ страной пресловутаго «кну́та», въ которой, по его завѣренію, подвиги патриотизма и гражданскія доблести подводятся подъ категорію политическихъ преступленій (*crimes de lèse majestés*), а въ заключеніи всегда добавлялъ, что не только свободолюбивая Польша, но и Финляндія, Остзейскія провинціи, Бессарабія, Крымъ, Кавказъ, Грузія и даже вся Малая Россія съ ея доблестнымъ казачествомъ отъ береговъ Дона до Урала, — постоянно готовы поднять оружіе при первомъ удобномъ случаѣ, чтобы освободиться отъ позорныхъ оковъ, связывающихъ ихъ судьбу съ судьбою Московскаго государства, и что въ нихъ Польша всегда найдетъ для себя самыхъ надежныхъ и ревностныхъ союзниковъ. Весьма понятно, что такія проповѣди производили потрясающее впечатлѣніе не только на пылкіе умы школьной молодежи, сгорающей желаніемъ воскресить свое отечество, но и на всѣхъ присутствовавшихъ на этихъ актахъ, знавшихъ Россію только по слухамъ, или по статьямъ иностранной періодической прессы, намъ непріязненной, либо же по литературнымъ произведеніямъ русскихъ отщепенцовъ, въ родѣ Герцена, Бакунина и другихъ; а между тѣмъ тотъ же самый князь Чарторійскій, да и многіе изъ его приверженцевъ, въ глубинѣ души своей сознавали, что польскому шляхетству въ предѣлахъ самодержавнаго русскаго государства живетъ несравненно привольнѣе, чѣмъ въ конституціонной Пруссіи и даже въ Австріи, и что въ этихъ государствахъ, не смотря на ихъ либеральныя учрежденія, польскій элементъ не только не развивается, но и улетучивается подъ напоромъ мощной германской цивилизаціи. Впрочемъ, надо сказать, что такія патриотическія рѣчи въ устахъ этого непримиримаго врага Россіи въ до-реформенный періодъ ея жизни — были довольно естественны. Удалившись изъ страны много лѣтъ тому назадъ, когда она находилась еще въ самомъ жалкомъ экономическомъ и нравственномъ положеніи, получая оттуда одни только тенденціозныя и искаженныя свѣдѣнія о состояніи своихъ соотечественниковъ и всего края, сбитый съ толку тонкими и предательскими софизмами пресловутаго Духинскаго, изложенными въ его псевдо-ученыхъ изслѣдованіяхъ генеалогіи славянскихъ племенъ, одобренныхъ парижскою академіею наукъ, — Чарторійскій жилъ, такъ сказать, въ области ми-

нующихъ временъ, питался иллюзіями и представлялъ себѣ Польшу и Россію такими же, какими онѣ были въ концѣ 1820-хъ годовъ ¹⁾.

Въ такомъ положеніи находились польскія дѣла въ предѣлахъ нашего государства послѣ злополучной для насъ Крымской войны.

¹⁾ Рѣчи князя Чарторійскаго записаны авторомъ этой статьи со словъ графа Ѳаддея Тышкевича, который въ гѣта первой своей молодости весьма часто бывалъ въ Hôtel Lambert и пользовался благорасположеніемъ князя, какъ человекъ весьма просвѣщенный, даровитый и выдающійся артистъ въ игрѣ на фортепiano. Сынъ эмигранта 1831 года, владѣльца мѣстечка Сви-слючи (Гродненской губерніи, Волковыскаго уѣзда), Тышкевичъ родился въ Бельгii и окончилъ курсъ наукъ въ Гентскомъ университетѣ по историко-филологическому факультету. Побуждаемый нуждою, а еще болѣе—желаніемъ увидѣть родину своихъ предковъ, онъ въ 1861 году поступилъ на службу въ виленское отдѣленіе главнаго общества російскихъ желѣзныхъ дорогъ въ качествѣ домашняго секретаря начальника этого отдѣленія, инженера Бла-рамберга, и жилъ мѣсяца два у автора этой статьи на квартирѣ, скрываясь отъ преслѣдованія своихъ докучливыхъ кредиторовъ. Въ концѣ 1862 года, получивъ заимообразно отъ тогдашняго виленскаго генералъ-губернатора В. И. Назимова 500 рублей, которыхъ и не возвратилъ, Ѳаддѣй Тышкевичъ отправился въ Петербургъ, и тамъ, невѣдомо какимъ образомъ, получилъ бесплатную квартиру въ зданіи министерства внутреннихъ дѣлъ, гдѣ проводилъ цѣлыя дни, услаждая желающихъ его слушать блестящимъ исполненіемъ на память самыхъ трудныхъ произведеній Листа, Шопена, и другихъ знаменитыхъ композиторовъ, или же увлекательными разсказами изъ исторіи послѣднихъ годовъ Рѣчи Посполитой, которую зналъ превосходно, какъ одинъ изъ лучшихъ учениковъ Делевеля. Въ началѣ 1863 года Тышкевичъ развѣзжалъ въ предѣлахъ Ковенской и Виленской губерній и агитировалъ между своими соотечественниками мысль о разрѣшеніи польско-русской распри въ Западномъ краѣ путемъ „suffrage universel“ (общее голосованіе). Слухи эти, дошедшіе до свѣдѣнія высшаго начальства, указали на необходимость затормозить агитаторскую дѣятельность Тышкевича, рѣшившагося примѣнить въ Россіи политическій маневръ Наполеона III, послужившій сему послѣднему утвердиться на престолѣ французскаго государства, и—съ этой цѣлью—были разосланы по краю телеграммы о розысканіи его и доставленіи въ Петербургъ; но узнавши о томъ отъ одного изъ своихъ друзей, Тышкевичъ призналъ за благо предоставить Россію собственной ея участи, а самъ послѣдовалъ бѣжать за границу, откуда уже не возвращался. Изъ сочиненій его, появившихся въ печати послѣ его бѣгства за границу, заслуживаютъ вниманія: „Notes, pour servir à l'intelligence des affaires de Pologne“ и „Ecrits sur la Pologne contemporaine“ — 1862—1864 an.—Bruxelles. Оба эти сочиненія какъ по своему содержанію, такъ и по изложенію свидѣтельствуютъ о замѣчательной талантливости автора и солидномъ знаніи имъ обсуждаемыхъ вопросовъ, но, разумѣется, только съ польской точки зрѣнія. Въ послѣднемъ изъ нихъ (стр. 101, 104, 108, 109 и 110) есть весьма много интересныхъ разсказовъ его о пребываніи въ С.-Петербургѣ. Въ концѣ пятидесятыхъ годовъ, Ѳаддѣй Тышкевичъ, по неизвѣстнымъ причинамъ, изъ сторонниковъ князя Чарторійскаго обратился въ злѣйшаго его врага.

II.

Крылья у «Бѣлаго Орла» стали постепенно расправляться; наконецъ, вскорѣ за воспослѣдованіемъ, по случаю коронаціи, всемиловѣйшаго манифеста, открывшаго легіонамъ польскихъ эмигрантовъ возможность возвратиться на родину, люди эти изъ чувства признательности въ монарху за его великодушное забвеніе вреда, причиненнаго ими Россіи, съ такою энергіею принялись разжигать народныя страсти противъ правительства и существующаго порядка вещей, что вскорѣ послѣ того въ Парижѣ признали уже своевременнымъ подать сигналъ къ революціонному движенію, которое въ 1863 году завершилось открытымъ вооруженнымъ возстаніемъ.

Не думаемъ впрочемъ, чтобы такой умный человекъ и ловкій дипломатъ, какъ князь Чарторійскій ¹⁾, глубоко вѣрилъ въ подготовленность Польши къ новой борьбѣ съ ея могущественною сосѣдкою и въ благоприятный исходъ этой борьбы, либо же признавалъ возможнымъ серьезное вмѣшательство иностранныхъ государствъ во внутреннія дѣла Россіи въ видахъ возстановленія Польши въ границахъ 1772 года. Правдоподобнѣе, что представители всѣхъ фракцій польской эмиграціи, совокупно съ руководителями отечественной справы въ предѣлахъ Россіи, заставили торопливо бросить намъ перчатку, чтобы такимъ образомъ затормозить предпринятую императоромъ Александромъ II капитальную перестройку стараго государственнаго зданія, а главное—затормозить отміну крѣпостнаго права, подъ развалинами котораго имъ пришлось бы погибнуть окончательно. Къ тому же они опасались, чтобы идея «объединенія національностей», которую придумалъ Наполеонъ III, для оправданія своихъ честолюбивыхъ вождедѣній, а Кавуръ и Гарибальди уже осуществили на практикѣ въ Италіи, не была усвоена русскими патриотами и поставлена ими на видъ, какъ самый естественный и прямой ключъ къ разрѣшенію польскаго вопроса въ западномъ краѣ.

Мы сочли необходимымъ представить вниманію нашихъ читателей этотъ краткій очеркъ положенія русскаго дѣла въ западномъ краѣ и тайныхъ силъ, разлагавшихъ этотъ край;—мы сдѣлали это съ цѣлю: чтобы оправдать нашу точку зрѣнія на дѣятельность главныхъ начальниковъ онаго до 1863 года, огульно порицаемыхъ и осуждаемыхъ графомъ Михаиломъ Николаевичемъ Муравьевымъ. Къ тому же, выступая въ защиту мѣстной администраціи, стоявшей у дѣла въ дореформенный періодъ времени, было бы рискованнымъ объяснять сложные явленія, составлявшія результатъ многолѣтнихъ заблужденій и неурядицъ, стереотипными формулами и фразами, такъ легко разрѣшающими вся-

¹⁾ Умеръ въ Парижѣ 15-го іюля 1861 года.

кій поставленный вопросъ. Передъ нашими глазами мелькали постоянно, какъ въ калейдоскопѣ, облики главныхъ начальниковъ западнаго края, присылаемыхъ туда изъ столицы безъ заранѣ облуманнаго плана административной системы, безъ всякой политической программы, незнакомыхъ съ мѣстными обстоятельствами и складомъ этнографическихъ элементовъ, присущихъ краю, не вооруженныхъ знаніемъ минувшихъ судебъ страны, однимъ словомъ людей совершенно новыхъ, имѣвшихъ только самое смутное и сбивчивое представленіе о существѣ трудныхъ и сложныхъ обязанностей, возлагаемыхъ на нихъ отечествомъ и извѣстными статьями I-й части II-го тома свода законовъ,—которыя, впрочемъ, не объясняли главной сути дѣла. Нельзя отвергать, что многіе изъ этихъ начальниковъ, то есть, генераль-губернаторовъ, были люди весьма почтенные, обладавшіе свѣтлымъ умомъ и тѣмъ запасомъ знаній, который пріобрѣтается въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, что они не были лишены тѣхъ нравственныхъ достоинствъ и свѣтскаго лоска, которыми отличаются люди, получившія хорошее домашнее воспитаніе,—качество столь необходимыхъ для лицъ, долженствующихъ быть достойными представителями центрального правительства въ далекой окраинѣ, гордящейся своею цивилизаціею и симпатіями либеральныхъ правительствъ Европы. Но, при нашемъ государственномъ строѣ, цензурныхъ путахъ и отсутствіи въ то время гласности ¹⁾, всѣ эти способности и достоинства оказывались непримѣнными и несостоятельными въ дѣлѣ, требующемъ прежде всего кореннаго измѣненія основныхъ законовъ страны и существующаго порядка вещей, а потому нѣкоторыя попытки со стороны главной мѣстной администраціи ограничить, или по крайней мѣрѣ ослабить господствующее зло ²⁾, какъ и всякія палліативныя мѣры, принося весьма мало существенной пользы, вносили въ страну новую неурядицу отъ разрушенія обычнаго права и смѣшенія представленій, отчего происходили неизбѣжныя столкновенія сторонъ, а общее теченіе дѣла оставалось безъ всякаго измѣненія къ лучшему.

¹⁾ Насколько было несправедливо аттестовать главныхъ начальниковъ, управлявшихъ Сѣверо-Западнымъ краемъ въ первой половинѣ текущаго столѣтія, неумѣлыми и неспособными, достаточно сказать, что еще весьма недавно, а именно въ 1862 году, нѣкоторыми лицами признавалось вполне естественнымъ и законнымъ домогательство польскихъ помѣщиковъ о присоединеніи Мянской губерніи къ Царству Польскому, и что русское общество, да и самое правительство въ лицѣ своихъ министровъ, стало знакомиться съ дѣйствительнымъ положеніемъ края и его историческими судьбами только со времени появленія въ Москвѣ, въ томъ же 1862 году, Аксаковской газеты „День“ и трудовъ Кояловича, Щебальскаго и другихъ.

²⁾ Вибиковскія инвентарныя правила 1848 года.

Всего изложеннаго выше вполне достаточно для доказательства, что генераль-губернаторы Сѣверо-Западнаго края, при тѣхъ скудныхъ средствахъ, которыми они пользовались, не могли противодействовать напору силъ, подтачивающихъ и стирающихъ русское дѣло въ этомъ край, а слѣдовательно и предупредить катастрофу, и что единственное оружіе ¹⁾, которое могло бы сослужить службу правительству, изъѣдаемое ржавчиною приниженія и совершеннаго забвенія, попираемое ногами шляхетства; поднять его, очистить и пустить въ дѣло это грозное оружіе—было въ власти генераль-губернаторовъ, и въ то время ни одинъ изъ нихъ не дерзнулъ бы даже заикнуться о необходимости прибѣгнуть къ такому простому, но радикальному средству. Таковы были времена, люди и нравы!

III.

Назначеніе графа Михаила Николаевича Муравьева на должность главнаго начальника сѣверо-западнаго края произвело на мѣстное русское чиновничество двойное впечатлѣніе. Прежде всего въ нихъ заговорило радостное чувство возможности реванша за оскорбленія, нанесенныя ихъ патриотизму разнузданнымъ шляхетствомъ, и они привѣтствовали это назначеніе, какъ зарю новой административной системы, одобренной высшимъ правительствомъ, не допускающей послабленій, уступокъ, компромиссовъ и колебаній, то есть всего того, чего тщетно добивался В. И. Назимовъ, и безъ чего извѣстный своимъ крутымъ и самостоятельнымъ характеромъ Муравьевъ не согласился бы принять въ свои мощныя руки бразды управленія краемъ, взволнованнымъ революціоннымъ движеніемъ. Другое чувство было—опасеніе, чтобы Михаилъ Николаевичъ, крѣпко не долюбивавшій Назимова и порицавшій его распоряженія, не распространилъ своей къ нему антипатіи на тѣхъ лицъ, которыя состояли при немъ на службѣ и пользовались его довѣріемъ. Оба эти впечатлѣнія, радостное и тревожное, не замедлили оправдаться съ первыхъ же дней по приѣздѣ въ Вильно новаго начальника края, который на общемъ представленіи встрѣтилъ эту горсть русскихъ чиновниковъ весьма непривѣтливо и даже сурово, какъ будто какихъ нибудь мятежниковъ, или сочувствующихъ польскимъ затѣямъ. Легко себѣ представить, насколько было озадачено и сконфужено мѣстное русское чиновничество отъ мала до велика, послѣ такого приема, не предвѣщавшаго имъ ничего хорошаго въ бу-

¹⁾ Крестьянское и податное сословіе.

душемъ, въ особенности, когда нѣсколько дней спустя наступила общая переборка и ломка ненавистныхъ и для нихъ самихъ порядковъ. Люди, которые вели непосильную борьбу съ революционными элементами, враждебными правительству и русскому дѣлу, на далекой забытой всѣми окраинѣ, гдѣ они, вслѣдствіе своей малочисленности и безпомощности, подвергались со стороны иноплеменныхъ и иновѣрныхъ обывателей страны разнымъ оскорбленіямъ при исполненіи служебныхъ обязанностей,—люди эти имѣли полное право ожидать не только нѣкоторой привѣтливости, но и поощрительнаго одобренія за ихъ честную и безупречную службу правительству. Изнемогая подъ непосильнымъ бременемъ труда и борьбы, они съ нетерпѣніемъ ожидали подмоги отъ прилива новыхъ русскихъ силъ, чтобы окрылиться духомъ, подѣлиться съ ними своими взглядами, мыслями и отвести душу, изнывающую въ безотрадномъ одиночествѣ;—но вышло наоборотъ: Михаилъ Николаевичъ не потрудился вникнуть въ ихъ печальное положеніе и провѣрить, въ какой степени они могутъ быть отвѣтственны въ поддержаніи той политики, которая наполняетъ собой политику Англии въ ея Остъ-Индскихъ колоніяхъ, гдѣ великобританское правительство заботится преимущественно объ ублаженіи «раджіевъ», какъ людей власть имѣющихъ, а слѣдовательно наиболѣе вліятельныхъ и нужныхъ, а на интересы страны и ея многомиллионнаго населенія не обращаетъ никакого вниманія. Съ точки зрѣнія Михаила Николаевича виноваты были—и буйная шляхта, и тѣ, которымъ не удалось ее осидить; при чемъ онъ не принялъ во вниманіе, что если послѣдніе не стрѣляли, то единственно потому, что не было пороку.

По примѣру Муравьева, и все чиновничество, прибывшее съ нимъ и прибывавшее въ край изъ внутреннихъ губерній, стало взирать на мѣстныхъ русскихъ труженниковъ съ высокомѣрнымъ пренебреженіемъ, и ни одинъ изъ нихъ не призналъ нужнымъ соблюсти даже самыя обычныя правила общежитія и учтивости, требующія отъ новаго члена общества, чтобы онъ сдѣлалъ первый шагъ къ сближенію съ тѣми изъ мѣстныхъ старожиловъ, съ которыми имъ предстояло служить одному общему дѣлу; и если бывали случаи отступленія отъ этого новаго порядка, то эти рѣдкіе случаи имѣли характеръ визита, который напоминалъ появленія ревизора, или акцизнаго чиновника, имѣющаго главнѣйшею цѣлью подмѣтить, нѣтъ ли въ домѣ посѣщаемого имъ лица какихънибудь безбандерольныхъ фабрикатовъ преимущественно польскаго пошиба, подлежащихъ конфискаціи, или сугубому обложенію, а затѣмъ объ оказавшемся доложить кому слѣдуетъ.

Наступившій вскорѣ послѣ того періодъ перетасовки чиновнаго люда, съ цѣлью, какъ въ то время выражались, «освѣженія личнаго

персонала административныхъ и судебныхъ дѣятелей новыми интеллигентными и благонадежными силами», разрѣшился удаленіемъ отъ должностей не только громаднаго числа чиновниковъ польскаго происхожденія, почти поголовно скомпрометтированныхъ, а слѣдовательно и не могущихъ быть терпимыми на службѣ, но и многихъ вполне благонадежныхъ, дѣльныхъ и почтенныхъ русскихъ людей, имѣвшихъ право пользоваться не только довѣріемъ правительства, но и признательностью всего русскаго общества за ихъ полезную службу престолу и отечеству ¹⁾. Усидѣли только на своихъ мѣстахъ весьма немногіе

¹⁾ Не перечисляя всѣхъ тѣхъ, которые пострадали отъ примѣненія на практикѣ принципа «освѣженія», назовемъ только занимавшихъ въ краѣ болѣе видные мѣста въ служебной іерархіи, а именно: помощникъ генералъ-губернатора по званію командующаго войсками округа генералъ-адъютантъ Фроловъ; попечитель виленскаго учебнаго округа князь А. П. Ширинскій-Шихматовъ; губернаторы: виленскій—генералъ-маіоръ И. В. Галлеръ, гродненскій—свиты его величества генералъ-маіоръ графъ В. А. Лобринскій, ковевскій—свиты его величества контръ-адмиралъ Кригеръ, витебскій—дѣйствительный статскій совѣтникъ Оголинъ, минскій—дѣйствительный статскій совѣтникъ Кожевниковъ, виленскій старшій полицімейстеръ—полковникъ Васильевъ; управляющіе палатами государственныхъ имуществъ: мивскою—дѣйствительный статскій совѣтникъ А. А. Гушановскій, виленскою—статскій совѣтникъ Н. В. Кидошенко, и многіе другіе.

Отчисленіе отъ должности пионеровъ русскаго дѣла въ глухой Литвѣ, изъ разряда «старослуживыхъ», производилось иногда порядкомъ до такой степени оригинальнымъ, грубымъ и (сезцеремоннымъ, что мы считаемъ не бесполезнымъ представить при семъ одинъ образчикъ такого отчисленія, — какъ наиболѣе характеристичный.

Въ началѣ 1863 года губернаторомъ въ Вильнѣ былъ генералъ-маіоръ И. В. Галлеръ, человекъ благовоспитанный, даровитый и пламенный патриотъ, безгранично преданный русскому дѣлу въ краѣ. Его долговременная служба при генералъ-губернаторахъ: Мирковичѣ, И. Г. Бибиковѣ, а затѣмъ при В. И. Назимовѣ уже въ должности правителя канцеляріи, и именно—во весь періодъ разрѣшенія крестьянскаго вопроса, доставила этому чиновнику возможность проявить свои разнообразныя способности по дѣламъ службы и снискать себѣ весьма лестную репутацію; тѣмъ не менѣе, съ прїѣздомъ въ Вильно новаго начальника края, солидное положеніе Галлера въ рядахъ администраціи замѣтно пошатнулось, ибо Муравьеву желательнее было замѣстить должность виленскаго губернатора другимъ лицомъ, болѣе ему близкимъ и симпатичнымъ. Дѣла подобнаго рода разрѣшаются обыкновенно весьма просто: сперва высказываются конфиденціально несимпатичному, или неподходящему къ обстоятельствамъ времени, либо условіямъ службы, лицу—мотивы, вызывающіе необходимость подобнаго рода перемѣненія, но всегда въ приличныхъ формахъ, во вниманіе къ прежней дѣятельности и къ выдающемуся положенію такого лица въ административныхъ сферахъ.—а затѣмъ уже, черезъ сношеніе съ министерствомъ, совершается и

изъ прежнихъ труженниковъ, и только потому, чтобы не порвалась связь въ дѣлахъ и минувшихъ событіяхъ съ новыми. Кто были люди, поставленные на ихъ мѣста, и насколько они были лучше своихъ предшественниковъ, объ этомъ говорить нѣтъ надобности; но нельзя

самое переименованіе или отчисленіе подъ болѣе или менѣе благовиднымъ предлогомъ, для поддержанія достоинства званія въ глазахъ публики. Но Муравьевъ почему-то призналъ всю эту дипломатическую процедуру совершенно бесполезною или лишнею, и, безъ всякихъ переговоровъ съ Галлеромъ, далъ ему слѣдующее предложеніе, поразившее его какъ громомъ.

«Генералъ-майору Галлеру. На основаніи Высочайше представленной мнѣ власти, увольняя ваше превосходительство отъ обязанностей по управленію Виленскою губернію, я назначилъ управляющимъ этою губернію дѣйствительнаго статскаго совѣтника Паниютина, о чемъ вмѣстѣ съ слѣдъ дано мною надлежащее предложеніе виленскому губернскому правленію. Поставляю о семъ въ извѣстность ваше превосходительство, прошу васъ немедленно передать управленію губернію дѣйствительному статскому совѣтнику Паниютину. Іюня 23-го дня 1863 г. Генералъ отъ инфантеріи Муравьевъ».

Мы до сихъ поръ не можемъ изгладить въ нашей памяти того тяжелаго впечатлѣнія, какое въ то время произвелъ на насъ этотъ замѣчательный документъ; мы не въ силахъ разгадать тѣ мотивы, которые побудили Михаила Николаевича облечь удаленіе отъ должности всѣми уважаемаго человѣка въ такую форму, какая примѣнялась, и то въ рѣдкихъ случаяхъ, къ какому-нибудь становаму приставу, уличенному въ лихоимствѣ. Безпричинное оскорбленіе партикулярнаго человѣка есть вообще дѣло непохвальное и не всегда безопасное, а оскорбленіе и униженіе представителя высшей административной власти въ губерніи—есть, сверхъ того, со стороны его начальника, поступокъ не политичный, какъ роняющій и дискредитирующій эту власть въ глазахъ общества. Ни того, ни другого, смѣемъ думать, Муравьевъ, какъ человѣкъ весьма умный, не могъ имѣть намѣренія совершить, но тѣмъ не менѣе совершилъ, и при томъ безъ всякой видимой необходимости, потому что, для очищенія мѣста своему protégé, у него было другое, болѣе приличное средство; мы не можемъ даже приписать эту загадочную мѣру жестокосердію, побуждающему людей, власть имѣющихъ, оскорблять своихъ подчиненныхъ, при условіяхъ, разумѣется, ихъ беззащитности или нравственнаго безсилія, потому что намъ вѣрѣдко случалось, поднося Михаилу Николаевичу къ подписи какую-нибудь бумагу, имъ самимъ продиктованную и заключающую въ себѣ строгій выговоръ подчиненному за упущеніе по службѣ или нераспорядительность, получать отъ него приказаніе—смягчить нѣкоторыя жесткія выраженія, причемъ онъ обыкновенно говаривалъ: «этого не надо! Измѣните редакцію. Зачѣмъ обижать человѣка?»—Были-же, значить, въ природѣ Михаила Николаевича начала правды и гуманности, но онъ ихъ такъ тщательно маскировалъ, что въ существованіи этихъ добрыхъ качествъ многіе сомнѣвались.

День удаленія отъ должности злополучнаго Галлера былъ днемъ всеобщаго торжества и ликованія въ средѣ чиновничества изъ категоріи новаго призыва, сновавшаго въ залахъ генералъ-губернаторскаго дворца, въ чаши движенія воды; радостныя лица и свѣтлыя улыбки заставляли думать посто-

обойти молчаніемъ, что къ одному изъ новыхъ губернаторовъ былъ приставленъ «Менторъ»¹⁾, которому крѣпко доставалось за всякую неблаговидную шалость или промахъ его усатаго и взбалмошнаго Телемака.

IV.

Въ запискахъ своихъ, уже извѣстныхъ читателямъ «Русской Старины»—графъ Михаилъ Николаевичъ осуждаетъ поголовно всѣхъ своихъ предѣстниковъ по званію главнаго начальника Сѣверо-Западнаго края, а въ особенности послѣдняго изъ нихъ, то-есть генераль-адъютанта Назимова, котораго онъ признаетъ чуть-ли не главнымъ виновникомъ революціоннаго движенія, охватившаго эту страну. Не доискиваясь

ронныхъ зрителей, ни о чемъ не вѣдавшихъ, что празнуется кака-нибудь новая побѣда надъ мятежнымъ врагомъ, или поимка главнаго политическаго агитатора. Въ этой движущейся толпѣ болѣе всѣхъ суетился одинъ изъ приближенныхъ Михаила Николаевича, исправлявшій при немъ должность спеціального оцѣнщика политической благонадежности членовъ чиновничьей корпораціи, нѣкто г. Брянчаниновъ. Этотъ господинъ, въ порывъ своего восторга, подойдя къ одному изъ бывшихъ подчиненныхъ предѣстника Муравьева, сказалъ ему: «слыхали новость? Нашъ-то Михаилъ Николаевичъ, какъ ково шарахнулъ вашего Галлера! Это не по-назимовски: мы вѣдь шутить не любимъ!»

Прикомандированный къ министерству внутреннихъ дѣлъ, Иванъ Владиміровичъ Галлеръ впоследствии назначенъ былъ въ 1867 году волынскимъ губернаторомъ, а въ 1877 году—умеръ въ отставкѣ, въ чинѣ генераль-лейтенанта.

Катастрофа съ Галлеромъ и ликованья русскаго чиновничества по случаю его паденія наводятъ насъ на весьма грустныя размышленія о какой-то странной дисгармоніи въ русскомъ лагерѣ, которая какъ бы составляетъ прискорбное свойство природы русскихъ людей вообще. Французы, англичане, а въ особенности евреи, поляки и нѣмцы, съ прибытіемъ своимъ въ чужбину, или въ далеки страны вообще, прилагаютъ всѣ старанія, чтобы отыскать своихъ соотечественниковъ, войти съ ними въ ближайшій союзъ и, если возможно, оказать имъ поддержку словомъ, дѣломъ, либо вліяніемъ на чуждую среду, ихъ окружающую. У насъ же все это выходитъ наоборотъ: русскіе люди на всякомъ мѣстѣ и при всѣхъ обстоятельствахъ чуждаются другъ друга, тщательно избѣгаютъ сближенія съ своими соотечественниками, взираютъ на нихъ недружелюбно и, въ своемъ безобразномъ стремленіи снискать благорасположеніе высокопоставленныхъ лицъ, нѣрѣдко приносятъ сотоварищей въ жертву пустому тщеславію или же своекорыстнымъ дѣламъ, не обращая нисколько вниманія на то, что такой національный индиферентизмъ укрѣпляетъ силы нашихъ враговъ и вредитъ интересамъ самаго государства.

¹⁾ Въ лицѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника Деревницкаго. II.

тайныхъ мотивовъ нежеланнаго отзыва суроваго графа о своемъ ближайшемъ предѣстникѣ, мы остановимся на томъ весьма вѣроятномъ предположеніи, что самъ графъ былъ мало знакомъ съ исторіею административнаго режима, господствовавшаго въ этомъ краѣ съ давнихъ поръ, что его предѣстникъ управлялъ этимъ краемъ въ то время, когда вся западная окраина нашего отечества не только для русскаго общества, но и для самаго правительства была покрыта густымъ туманомъ, заслонявшимъ хитрую работу того сложнаго механизма, который подавлялъ русское начало въ этомъ краѣ ¹⁾, и что Назимовъ въ самую критическую минуту не пользовался поддержкою русскихъ интеллигентныхъ силъ, оказавшихъ такую важную услугу государству въ концѣ 1863 года, и не былъ снабженъ ни тѣми полномочіями, ни тѣми громадными матеріальными средствами, которыя были предоставлены правительствомъ его преемнику.

Впрочемъ, дабы никто не могъ заподозрить насъ въ намѣреніи умалить права графа Михаила Николаевича на признательность отечества, за оказанныя имъ услуги русскому дѣлу въ западномъ краѣ, мы заявляемъ:

— Что хотя главныя по своей числительности вооруженныя банды были разсѣяны нашими войсками еще до прибытія въ Вильно Муравьева, а слѣдовательно при Назимовѣ ²⁾; за всѣмъ тѣмъ пламя мятежа, охватившаго весь край, не потеряло отъ того своего остраго, угрожающаго характера, такъ какъ, по плану Мирославскаго и другихъ главарей польскаго революціоннаго движенія, борьба съ могущею Россіею, при отсутствіи у поляковъ правильно организованной арміи, какая была у нихъ въ 1830 году, должна была имѣть

¹⁾ Сочиненіе Шмидта о польскомъ мятежѣ 1831 года, въ переводѣ на русскій языкъ Квитницкаго, появилось только въ 1862 году.

²⁾ Именно: 24-го и 25-го января 1863 г. разбита генераль-лейтенантомъ Манюкинымъ шайка Вислоуха подъ Семятиками; 30-го января разбита флигель-адъютантомъ графомъ Ностицеиъ шайка Рогинскаго у Королева моста (въ Гродненской губерніи); 26-го марта нанесено поражение шайкѣ Андрушевича полковникомъ Карповымъ у мызы Пивелейце (Августовской губерніи); 8-го апрѣля разбита шайка Нарбута у озера Думблы (Виленской губерніи); 21-го апрѣля разбита генераль-маіоромъ Беклемишевымъ у селенія Горнова (Гродненской губерніи) шайка Лотковскаго; 25-го, 26-го и 27-го апрѣля нанесено рѣшительное пораженіе генераль-лейтенантомъ Ганецкимъ 1-мъ соединеннымъ споніщамъ Свраковскаго и Кошышки при Медейвѣ и Гудишагахъ (Ковенской губерніи); 7-го мая разбита генераль-маіоромъ Ведемейеромъ шайка Любича подъ Стравениками (Виленской губерніи), и многія другія. См. Сборникъ распоряженій графа М. Н. Муравьева, по усмиренію польскаго мятежа въ сѣверо-западныхъ губерніяхъ 1863—1864 гг. Сост. Цыловъ, стр. 306, 307 и 308. П.

характеръ чисто партизанской войны, которой задача обуславливалась дѣйствіями многочисленныхъ, но небольшихъ отрядовъ, неожиданно появляющихся и безслѣдно исчезающихъ, потому что такая только война представляла наиболѣе шансовъ на успѣхъ.

— Что въ моментъ прибытія въ Вильно Муравьева, революціонная организація, покрывавшая густою сѣтью всю страну, оставалась еще въ полномъ своемъ составѣ и дѣйствовала съ примѣрнымъ единодушіемъ и энергіею.

— Что администрація края, состоявшая, за незначительнымъ изъятіемъ, почти исключительно изъ лицъ польскаго происхожденія, представляла элементъ крайне неблагонадежный для охраненія интересовъ законнаго правительства, и это было весьма естественно, потому что въ то время наша внутренняя политика по отношенію къ Царству Польскому и западнымъ губерніямъ еще въ точности не обозначилась, а при такомъ загадочномъ положеніи, не только всѣ сторонники существовавшаго порядка вещей, но даже и мѣстные обыватели, соблюдавшіе пассивный нейтралитетъ, были выставлены какъ бы между двухъ огней, — и наконецъ,

— Что быстрое возстановленіе спокойствія и порядка на всемъ пространствѣ Западнаго края и значительной части Царства Польскаго составляетъ, безспорно, прямой результатъ энергической и разумной дѣятельности графа Михаила Николаевича Муравьева, которая кромя того благотворно повліяла и на внѣшнюю нашу политику, потерявшую свою устойчивость отъ усложненія внутреннихъ дѣлъ, вызваннаго какъ мятежемъ, такъ и новыми реформами, еще не вошедшими въ надлежащую колею.

V.

Предоставляя будущему историку начертаніе правдиваго изображенія событій и явленій, театромъ которыхъ были Царство Польское и западныя губерніи Россіи въ 1861—1864 годахъ, и рекомендуя читателямъ мемуаровъ графа Муравьева—записки покойныхъ Василія Федоровича Ратча, Николая Васильевича Берга и Александра Осиповича Подвысоцкаго, какъ источники, по которымъ они могутъ провѣрить обстоятельства, упоминаемая въ этихъ мемуарахъ, мы ограничимся на этотъ разъ указаніемъ на тѣ только факты, которые Муравьевъ изображаетъ въ искаженномъ видѣ:

Такъ, напримѣръ, Михаилъ Николаевичъ говорить ¹⁾: «я былъ

¹⁾ „Русская Старина“, ноябрь 1882 г., стр. 401.

весьма затрудненъ пребываніемъ Назимова въ Вильнѣ, ибо онъ только мѣшалъ мнѣ пустыми разсказами и просьбами протекціи разнымъ чиновникамъ».

Муравьевъ прибылъ въ Вильно 14-го мая 1863 года въ три часа пополудни; Назимовъ выѣхалъ изъ Вильны 16-го мая въ 10 часовъ утра ¹⁾; слѣдовательно онъ находился вмѣстѣ съ Муравьевымъ всего 43 часа, изъ числа которыхъ необходимо исключить не менѣе 20-ти часовъ на двѣ ночи. Затѣмъ, изъ остальныхъ 23-хъ часовъ было потрачено Назимовымъ по меньшей мѣрѣ 13 часовъ, на угощеніе дорогихъ гостей двумя обѣдами 14-го и 15-го числа, на представленіе Муравьеву подвѣдомственныхъ ему чиновниковъ, духовенства и вообще всѣхъ сословій, на совмѣстное съ Муравьевымъ посѣщеніе митрополита Іосифа, на молебствіе въ Николаевскомъ соборѣ объ успѣхѣ благихъ начинаній новаго начальника края, на сборы свои съ семействомъ въ Петербургъ, и проч. Когда же, спрашивается, Назимовъ успѣлъ «весьма затруднить Муравьева своимъ пребываніемъ въ Вильнѣ и мѣшать ему своими пустыми разсказами?» Вѣдь въ былое время и на почтовыхъ станціяхъ съ казенною подорожною, пассажирамъ нерѣдко приходилось засиживаться не по 10-ти, а по 20-ти часовъ въ ожиданіи лошадей; Назимовъ же выѣзжалъ не съ почтовой станціи, а изъ страны, находившейся болѣе 7-ми лѣтъ подъ его управленіемъ, гдѣ онъ оставлялъ навсегда своихъ многочисленныхъ сослуживцевъ и почитателей; къ тому же чувство простаго приличія и долгъ службы не позволяли ему встрѣтить своего преемника однимъ только кивкомъ головы, а затѣмъ тотчасъ же ускакать изъ Вильно, такъ какъ это походило бы на бѣгство, или неблаговидную демонстрацію противъ человѣка, который былъ облеченъ особымъ довѣріемъ монарха, и который въ письмѣ своемъ къ Назимову отъ 4-го мая въ самыхъ любезныхъ выраженіяхъ извѣщалъ о скоромъ прибытіи своемъ въ Вильно и желаніи дружески его тамъ обнять ²⁾.

¹⁾ См. Записки М. Н. Муравьева, „Русская Старина“ 1892 г., ноябрь, стр. 403.

²⁾ Прилагаемъ копію этого письма: „Милостивый государь, Владиміръ Ивановичъ! Высочайшимъ приказомъ отъ 1-го мая я назначенъ на мѣсто вашего высокопревосходительства, и въ самомъ скоромъ времени думаю быть у васъ и дружески обнять васъ въ Вильно. До тѣхъ же поръ убѣдительноше прошу васъ, какъ и до сихъ поръ, распоряжаться всѣмъ, и исполнѣ надѣюсь, что вы, по всегдашней пріязни ко мнѣ, не откажетесь, при свиданіи, сообщить мнѣ всѣ тѣ свѣдѣнія, которыя необходимы для полнаго знанія положенія края и опредѣленія необходимыхъ мѣропріятій для его умиротворенія. „Бумаги, посланныя мнѣ черезъ подполковника Павлова объ устройствѣ

Далѣ авторъ своей громащей всѣхъ и вся записки говоритъ: «генераль-губернаторъ Назимовъ, человекъ недалекій и слабый, но пользовавшійся полнымъ довѣріемъ государя и лично даже привязанностью его, при всей своей добросовѣстности, не понималъ положенія края и не находилъ никакихъ разумныхъ средствъ къ подавленію мятежа» ¹⁾, а въ другомъ мѣстѣ: «.... Назимовъ, повидимому, былъ доволенъ своимъ прїѣздомъ, ибо дѣйствительно находился въ безвыходномъ положеніи; онъ не зналъ и не понималъ ни края, ни обстоятельствъ, среди которыхъ находился» ²⁾.

Такъ говоритъ М. Н. Муравьевъ въ тотъ моментъ, когда въ его воображеніи рисуется обликъ ни въ чемъ неповиннаго виленскаго генераль-губернатора; но какъ только обликъ этотъ заслоняется величественною фигурою несимпатичнаго ему тогдашняго министра внутреннихъ дѣлъ, и другихъ сторонниковъ политики того времени, Муравьевъ мгновенно измѣняетъ свой строгій приговоръ и заявляетъ ³⁾: «впрочемъ, въ оправданіе Назимова надо сказать, что направленіе, даваемое изъ Петербурга преимущественно министромъ внутреннихъ дѣлъ, шефомъ жандармовъ княземъ Долгоруковымъ и министромъ иностранныхъ дѣлъ» (бездѣлица!), «не давало ему», то есть Назимову, «возможность дѣйствовать твердо и рѣшительно»; что «Назимовъ былъ крайне недоволенъ петербургскими властями, которымъ онъ неоднократно писалъ о необходимости измѣнить систему уступчивости и легальности, какъ непригодную для подавленія мятежа».

Такимъ образомъ, забывъ сказанное нѣсколько минутъ назадъ, Муравьевъ заявляетъ, что Назимовъ зналъ край и окружающую его среду, что онъ, понимая непригодность установившейся системы, имѣлъ твердое намѣреніе дѣйствовать, сообразно съ обстоятельствами, мѣрами рѣшительными и энергичными, и что если онъ ничего не успѣлъ сдѣлать въ этомъ направленіи, такъ это потому только, что у него были связаны руки.

штатовъ мѣстнаго управленія, я получилъ, и по прибытіи на мѣсто лично обо всемъ объяснюсь.

Прошу ваше высокопревосходительство принять увѣреніе въ неизмѣнномъ моемъ уваженіи и искренней преданности. (Подлинное подписано) Михаилъ Муравьевъ.

4-го мая 1863 г.

№ 14.

Собственноручная приписка: „я надѣюсь скоро быть, и буду имѣть честь васъ заблаговременно о томъ увѣдомить“.

¹⁾ См. „Русская Старина“, ноябрь 1882 г., стр. 390.

²⁾ См. „Русская Старина“, ноябрь 1882 г., стр. 401.

³⁾ Тамъ же, стр. 390 и 401.

Загѣмъ, графъ Михаилъ Николаевичъ аттестуетъ мало благонадежными тѣхъ чиновниковъ своего предмѣстника, которые остались при немъ на своихъ мѣстахъ и должностяхъ послѣ выѣзда Назимова. Такую нелестную аттестацію могъ бы Михаилъ Николаевичъ дать этимъ чиновникамъ, не обременяя своей совѣсти, лишь въ первые дни послѣ прибытія своего въ Вильно, то-есть въ то время, когда онъ еще ихъ не зналъ, а не послѣ 22-хъ мѣсячнаго управленія и окончательнаго выѣзда изъ края, гдѣ онъ пользовался постоянно ихъ усердною и честною службою. Не считая генераль-маюра Лошкарева, статскаго совѣтника Рачинскаго, чиновника А. Н. Мосолова и маюра П. А. Червина, которыхъ графъ Муравьевъ привезъ съ собою изъ Петербурга и тотчасъ же пристроилъ къ дѣлу, въ распоряженіи главнаго начальника края оставались еще свободными отъ всякихъ занятій одновременно прибывшіе изъ Петербурга: камергеръ тайный совѣтникъ Булычевъ, дѣйствительные статскіе совѣтники: Брянчаниновъ, Деревицкій, князь Урусовъ; генераль-маюръ Соболевскій, полковникъ генеральнаго штаба П. С. Лебедевъ ¹⁾—и другіе,—люди, какъ надо полагать, вполне благонадежные, талантливые и способные; въ противномъ случаѣ они не пользовались бы ни довѣріемъ, ни благорасположеніемъ своего требовательнаго и взыскательнаго патрона. Но почему-то графъ не успѣвши замѣнить чиновниковъ, перешедшихъ къ нему по наслѣдству отъ Назимова, какъ-то: правителя канцеляріи генераль-губернатора, дѣйствительнаго статскаго совѣтника А. Д. Туманова, начальника особаго отдѣленія по политическимъ дѣламъ, подполковника А. С. Павлова, старшаго чиновника по особымъ порученіямъ, дѣйствительнаго статскаго совѣтника И. А. Никотина, и нѣкоторыхъ другихъ, въ томъ числѣ и графа Константина Ожаровскаго, тѣми изъ своихъ приближенныхъ, которые прѣхали съ нимъ въ одномъ вагонѣ, какъ люди вполне ему преданные, честные и достойные быть представителями русской администраціи въ ополяченномъ краѣ, а продолжалъ пользоваться услугами этихъ мало благонадежныхъ людей.

Читая эти противорѣчія, обликъ Муравьева невольно представляется людямъ, его не видѣвшимъ, чѣмъ-то въ родѣ мнелогическаго «Януса», существомъ двуличнымъ, проповѣдующимъ положенія и взгляды диаметрально-противуположныя.

¹⁾ Петръ Семеновичъ Лебедевъ, умершій начальникомъ дивизіи, генераль-лейтенантъ, нѣкогда профессоръ военной академіи, составитель бойкихъ и живыхъ очерковъ: „Послѣдняя польская смута“, напечатанныхъ въ „Русской Старинѣ“ изд. 1874 г., томъ XI, стр. 115, 339 и 689.

VI.

Съ нашей стороны, для дополненія картины крайне труднаго положенія В. И. Назимова, какъ генераль-губернатора Сѣверо-Западнаго края во время послѣдней польской смуты, мы укажемъ только слѣдующіе, не безынтересные факты:

а) Въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1862 года В. И. Назимовъ призналъ необходимымъ закрыть дворянскіе выборы въ г. Минскѣ вслѣдствіе того, что тамошнее помѣстное дворянство позволило себѣ составить протоколъ объ исходатайствованіи у государя императора присоединенія Минской губерніи къ Царству Польскому. Выразивъ означенному дворянству, что подобнаго рода ходатайство, какъ признанное его величествомъ преступнымъ и противузаконнымъ, ни въ какомъ случаѣ допущено быть не можетъ, — генераль-губернаторъ нашелся вынужденнымъ командировать въ Москву, гдѣ въ то время находился государь, подполковника П., для представленія его величеству подробныхъ объясненій по этому дѣлу, такъ какъ министръ внутреннихъ дѣлъ призналъ распоряженія Назимова о закрытіи выборовъ въ Минскѣ произвольными и вредными, съ чѣмъ, однако же, государь императоръ не согласился и одобрилъ дѣйствія Назимова.

б) Въ томъ же 1862 году В. И. Назимовъ обращалъ вниманіе главнаго управленія путями сообщеній на весьма загадочныя дѣйствія главнаго общества желѣзныхъ дорогъ, въ составѣ котораго преобладалъ иностранный элементъ и разные польскіе авантюристы, неблагопріятствующіе Россіи. Дѣло заключалось въ томъ, что это общество свои обширныя мастерскія, въ которыхъ сосредоточивалась масса рабочихъ и значительная часть подвижнаго состава, устроило въ совершенно глухой мѣстности, при урочищѣ «Лапы», въ предѣлахъ Царства Польскаго на границѣ Гродненской губерніи, а первоклассную станцію не въ г. Гродно, какъ бы это слѣдовало, а въ безлюдной мѣстности, называемой «Порѣчье», въ 30-ти верстахъ отъ губернскаго города. Указывая на этотъ фактъ, какъ на злоумышленный стратегическій маневръ, облегчающій захватъ желѣзнодорожнаго вагенбурга вооруженными бандами, появленіе которыхъ въ то время представлялось уже болѣе чѣмъ правдоподобнымъ, Владиміръ Ивановичъ просилъ еще при томъ главномъ управленіи путями сообщеній усилить правительственный надзоръ за строителями дороги и положить предѣлъ дерзкимъ манифестаціямъ желѣзнодорожныхъ властей, которыя надписями на польскомъ языкѣ на всѣхъ станціяхъ дороги отъ Бѣлостока до границы Псковской губерніи указывали предѣлы территоріи, под-

лежащей присоединенію къ Царству Польскому, — но генераль-адъютантъ Чевкинъ оставилъ безъ вниманія заявленіе и ходатайство Назимова ¹⁾), — и только по пріѣздѣ въ Вильно Муравьева польскія надписи были замѣнены русскими.

в) Пассивное положеніе крестьянъ литовскихъ губерній въ дѣлѣ политическихъ манифестацій, указывающее на малое съ ихъ стороны сочувствіе польской справѣ и невольно наводящее на мысль, что въ рѣшительную минуту крестьянство станетъ поголовно на сторону законнаго правительства, давшаго ему свободу и гражданскія права, побудило руководителей польскаго движенія рекомендовать помѣстному дворянству озаботиться заблаговременно подготовленіемъ благонадежнаго контингента для своихъ тѣлохранителей, въ которыхъ, въ случаѣ оппозиціи крестьянъ примкнуть къ движенію шляхетства, могла бы встрѣтиться крайняя необходимость. Признавая такое указаніе дѣломъ вполне благоразумнымъ, многіе изъ болѣе крупныхъ помѣщиковъ Литовской губерніи, подѣ предлогомъ недостатка рабочихъ рукъ и въ видахъ преуспѣянія землѣдѣлія и экономическихъ интересовъ страны, стали выписывать изъ-за границы значительныя партіи ²⁾ иностранныхъ хлѣбопашцевъ и водворять ихъ на своихъ земляхъ. Узнавъ объ этомъ нововведеніи, которое не оправдывалось дѣйствительнымъ положеніемъ рабочаго вопроса въ краѣ, и заподозривъ, что выписка этихъ иностранцевъ имѣетъ другую цѣль, Назимовъ приказалъ собрать объ этихъ людяхъ самыя точныя справки, причемъ оказалось, что всѣ они изъ бывшихъ областей Рѣчи Посполитой, то есть Познани или Галиціи, исключительно польской національности и римско-католическаго исповѣданія, мало знакомые съ сельскимъ хозяйствомъ, а по своему трудолюбію и нравственнымъ качествамъ значительно уступающіе мѣстнымъ крестьянамъ. Признавая такую колонизацію дѣломъ положительно вреднымъ и только умножающимъ численность неблагонадежныхъ элементовъ въ краѣ, Владиміръ Ивановичъ, въ видахъ недопущенія дальнѣйшаго прилива въ Россію такихъ иностранцевъ, поспѣшилъ сообщить эти свѣдѣнія министру внутреннихъ дѣлъ и шефу жандармовъ ³⁾), съ увѣренностію, что его указанія будутъ приняты во вниманіе, но надеждамъ его и на этотъ разъ не суждено было осуществиться: нѣсколько мѣсяцевъ спустя въ № 35 «Сѣверной Почты» за 1862 годъ

¹⁾ Загадочное невниманіе К. В. Чевкина побудило Владиміра Ивановича Назимова просить бывшаго тогда шефа жандармовъ князя Долгорукова телеграммою отъ 16 января 1863 года объ оказаніи ему содѣйствія въ этомъ дѣлѣ, но и это осталось безъ послѣдствій.

²⁾ Нерѣдко по 100 семействъ въ одинъ разъ.

³⁾ Отношеніемъ отъ 11-го ноября 1861 года за №№ 1304 и 1305. II.

было опубликовано высочайше утвержденное мнѣніе государственнаго совѣта, по представленіи министра внутреннихъ дѣлъ, въ силу котораго всѣмъ землевладѣльцамъ разрѣшалось безъ всякаго посредства правительства вступать въ предварительныя соглашенія съ иностранцами, изъявившими желаніе водвориться въ Россіи, и допускать въѣздъ ихъ въ имперію по удостовѣренію нашихъ граничныхъ миссій, что къ тому не имѣется никакихъ препятствій. Озадаченному Назимову ничего не оставалось, какъ только подчиниться новому закону и теряться въ догадкахъ, кому принадлежала честь почина въ этомъ дѣлѣ, и почему его представленіе не удостоилось уваженія.

г) Охраняя благотворную дѣятельность попечителя виленскаго учебнаго округа князя Ширинскаго-Шихматова, положившаго прочное и широкое основаніе русскихъ сельскихъ школъ въ сѣверо-западномъ краѣ, Владиміръ Ивановичъ Назимовъ циркулярно предписалъ земской полиціи строжайше наблюдать, чтобы мѣстные помѣщики не учреждали въ своихъ имѣніяхъ такихъ же школъ съ обученіемъ въ нихъ на польскомъ языкѣ, какъ это въ то время повсюду практиковалось въ видахъ противодѣйствія усиліямъ начальства учебнаго округа; во вслѣдъ за этимъ распоряженіемъ генераль-губернатора, по объясненіи обстоятельствъ дѣла въ Петербургѣ гродненскимъ губернскимъ предводителемъ дворянства графомъ Старжинскимъ ¹⁾, въ № 124 1862 г. «Сѣверной Почты», составлявшей органъ министерства внутреннихъ дѣлъ, появилась статья, одобряющая и поощряющая педагогическую дѣятельность нѣкоторыхъ польскихъ дамъ Дисненскаго уѣзда, открывшихъ въ своихъ усадьбахъ сельскія школы и занимающихся лично обученіемъ въ нихъ грамотѣ крестьянскихъ дѣтей; причемъ дѣятельность этихъ дамъ, признаваемая вполне благотворною, выставилась какъ примѣръ, достойный подражанія. Въ дѣйствительности мѣстные власти имѣли уже достаточно ясныхъ и убѣдительныхъ фактовъ, указывающихъ, что эти школы въ рукахъ помѣстнаго дворянства служили исключительно цѣлямъ католицизма и польской пропаганды. Легко себѣ представить, какую бурю подняла означенная статья «Сѣверной Почты» въ рядахъ польскихъ патріотовъ! На нее указывали, какъ на фактическое доказательство ретрограднаго и деспотическаго произвола мѣстной администраціи, которая, вопреки цѣлямъ и желаніямъ высшаго правительства, воздвигаетъ препятствія просвѣтительной дѣятельности помѣстнаго дворянства для блага своихъ бывшихъ крѣпостныхъ людей, коснѣющихъ во мракѣ грубаго невѣжества. Само собою разу-

¹⁾ См. свѣдѣнія о польскомъ мятежѣ, В. О. Ратча, стр. 144.

мѣется, что статья, свидѣтельствующая о разномысли министерства внутреннихъ дѣлъ съ генераль-губернаторомъ во взглядахъ на дѣло народнаго образованія, много повредила успѣшному развитію программы попечителя виленскаго учебнаго округа князя Ширинскаго-Шихматова, прилагавшаго всѣ старанія, чтобы путемъ открытія возможно большаго числа сельскихъ школъ сзудить до крайнихъ предѣловъ территорію, пригодную для польской sprawy. Упомянутая выше статья «Сѣверной Почты» вызвала переписку между главнымъ начальникомъ сѣверо-западнаго края и министерствами: внутреннихъ дѣлъ и государственныхъ имуществъ,—но благопріятное разрѣшеніе возбужденныхъ вопросовъ послѣдовало только по прибытіи въ Вильно М. Н. Муравьева.

д) Въ февралѣ мѣсяцѣ 1863 года, уже въ то время, когда шайка Рогинскаго свирѣпствовала въ окрестностяхъ Бѣловѣжской пуши, въ Вильнѣ появился капитанъ генеральнаго штаба Сигизмундъ Сѣраковскій ¹⁾, пользовавшійся особымъ довѣріемъ и благорасположеніемъ высшаго военнаго начальства въ Петербургѣ. Достоинно вниманія, что означенному Сѣраковскому, возвращавшемуся въ Россію изъ заграничной командировки на казенный счетъ, было дано порученіе—осмотрѣть крѣпости виленскаго военнаго округа: Врестъ, Вобруйскъ и Динабургъ, съ специальною цѣлью, что онъ и успѣлъ исполнить безъ вѣдома Назимова, въ силу имѣвшагося у него министерскаго распоряженія. Это обстоятельство до крайности озадачило Владиміра Ивановича, такъ какъ ему было извѣстно, что Сѣраковскій за свою прикосновенность къ польской смутѣ 1848 года попалъ въ Оренбургскіе линейные баталіоны и, прослуживъ тамъ рядовымъ 8 лѣтъ, былъ наконецъ помилованъ. Недовѣріе Назимова къ благонадежности Сѣраковскаго, котораго онъ принялъ весьма сухо, не замедлило оправдаться: мѣсяца два спустя въ числѣ плѣнныхъ изъ шайки повстанцевъ, разбитой 27-го апрѣля 1863 года нашими войсками близъ Динабурга, оказался тотъ же Сигизмундъ Сѣраковскій въ качествѣ главнокомандующаго всѣми вооруженными бандами Ковенской губерніи,—котораго въ іюнѣ мѣсяцѣ, уже по прибытіи въ Вильно Муравьева, судили и повѣсили.

е) Первые разгромы вооруженныхъ бандъ и значительное число повстанцевъ, погибшихъ въ стычкахъ съ нашими войсками, произвели подавляющее впечатлѣніе на «народовый ржондъ» и разные подпольные комитеты въ Варшавѣ, гдѣ, повидимому, были убѣждены, что знаменитый приказъ князя Горчакова «не стрѣлять, а только замѣчать» ²⁾ распространяется и на войска виленскаго военнаго округа, а

¹⁾ См. свѣдѣнія о польскомъ мятежѣ, В. О. Ратча, стр. 172.
См. записки Берга о польскихъ мятежахъ, стр. 324.

потому въ видахъ облегченія повстанцамъ побивать русскія рати, что было крайне необходимо «для поднятія народнаго духа» и устраниенія деморализаціи, проникавшей уже въ ряды на вербованныхъ легионовъ,— явилась потребность придумать что нибудь такое, что заставило бы наши войска шадить затѣмъ своихъ противниковъ. Съ этой цѣлью разлетѣлись моментально разныя статьи и корреспонденціи, въ которыхъ русскіе воины изображались кровожадными звѣрями, одичалыми грабителями, пьяными убійцами, терзающими беззащитныхъ и мирныхъ обывателей, а ихъ жилища и имущество истребляющихъ огнемъ. Эти нелѣпыя корреспонденціи и статьи, исполненные лжи и неправды, произвели отчасти желанное впечатлѣніе даже на высшую администрацію края, стоящую близко у цѣли. Военный министръ въ свою очередь смутился и въ письмѣ къ Назимову отъ 12 февраля 1863 г. указывалъ на необходимость опровергнуть эти слухи, какъ позорящіе русское оружіе, а если бы, къ прискорбію, они оказались справедливыми, рекомендовалъ—подвергнуть виновныхъ строгой отвѣтственности. Еще болѣе былъ озадаченъ Назимовъ письмомъ нашего посла Бруннова изъ Лондона отъ 30 апрѣля того же года, съ приложеніемъ статьи газеты «Morning Post», въ которой описывается варварскій и предательскій поступокъ виленскаго генералъ-губернатора¹⁾, который, перерядивъ цѣлый воинскій отрядъ въ платье старообрядцевъ (raskolnik), приказалъ ему произвести нападеніе и разграбить—домъ помѣщика Витебской губерніи Станислава Маля, близъ Динабурга, причемъ надъ молодою женою этого помѣщика были произведены самыя возмутительныя и грубыя насилія, а вся его прислуга перебита, и проч. и проч.— все въ самыхъ мрачныхъ и ужасныхъ краскахъ; затѣмъ, указывая на возможность преслѣдовать гнуснаго клеветника и редакцію газеты по англійскимъ законамъ, ограждающимъ честь и доброе имя частныхъ лицъ за оскорбленіе въ печати, баронъ Брунновъ, въ заключеніи своего письма, любезно ставитъ себя въ распоряженіе Владиміра Ивановича.

[Продолженіе слѣдуетъ].

¹⁾ Система «запугиванія» администраціи путемъ распространенія въ печати разныхъ пасквилей, позорящихъ ее въ глазахъ Европы, была въ то время въ большомъ ходу.

МОРСКОЙ СБОРНИКЪ

въ 1853—1863 гт.

Въ концѣ 1850-хъ годовъ къ возвышенію значенія морской службы была избрана самая широкая гласность, достойною выразительницею которой послужилъ «Морской Сборникъ», со славою оправдавшій это назначеніе.

Прежде чѣмъ однако остановиться на этомъ новомъ неистытанномъ до того времени средствѣ и говорить о значеніи преобразованнаго «Морского Сборника», необходимо сказать два-три слова о времени учрежденія сего журнала.

Существовавшія до него мало извѣстныя «Записки Морского Ученаго Комитета» (1828—1845 г.) и болѣе извѣстныя «Записки гидрографическаго департамента» (1842—1852 г.) хотя и имѣли свои относительныя достоинства, но какъ въ нихъ, этихъ временныхъ изданійхъ, не было какого либо опредѣленнаго направленія, а статьи были, такъ сказать, болѣе случайныя и нерѣдко безжизненныя, то проникать въ массу морскихъ читателей подобныя изданія отнюдь не могли. Масса интересовалась болѣе живою современностью, нежели отдаленною стариною, и жаждала пищи легкой, удобоваримой.

Морской ученый комитетъ, преобразованный въ 1848 году, разсуждая о способахъ къ достиженію главнѣйшаго предмета своего прямого назначенія: «пещись о распространеніи свѣдѣній между служащими во флотѣ» (§ 12 высочайше утвержденнаго положенія о морскомъ ученомъ комитетѣ), остановился на пользѣ такого періодическаго изданія, которое бы дало возможность слѣдить русскимъ морякамъ за всѣмъ тѣмъ, что совершается въ мірѣ ихъ специальности, и знакомиться съ свѣдѣніями, появляющимися въ иностранныхъ морскихъ журналахъ. Подобныя соображенія легли въ основу начавшагося изда-

ваться въ 1848 году «Морского Сборника» ежемѣсячно скудными небольшими книжками, съ статьями болѣе переводными, нежели оригинальными, и притомъ такими, которыя охотно знакомили читателя съ состояніемъ иностранныхъ флотовъ, а о своемъ родномъ флотѣ говорили какъ-то вскользь, съ оглядкою, или же и вовсе обходили этотъ предметъ молчаніемъ. Да оно и понятно, ежели мы примемъ во вниманіе то суровое время для нашей печати, когда гласности не было ходу, когда «все обстояло благополучно», когда на всѣхъ дѣйствіяхъ нашей тогдашней администраціи лежалъ непроницаемый покровъ таинственности, когда простое указаніе о случившемся гдѣ либо крушеніи русскаго военнаго судна уже считалось едва не преступленіемъ, ибо посягало на обнаруженіе существующаго неурядка во флотѣ, а подобныя обнаруженія считались тогда равносильными вторженію въ область начальственныхъ распоряженій, — въ такое время морскому журналу ничего и не оставалось дѣлать, какъ только сообщать переводныя статьи и обходить молчаніемъ предметы, всего болѣе интересовавшіе русскаго моряка.

Первая книжка журнала (до 3-хъ печатныхъ листовъ) вышла въ началѣ 1848 года, въ числѣ не болѣе 400 экземпляровъ, но за тѣмъ съ слѣдующаго 1849 по 1853 г. число экземпляровъ увеличилось до 800, при годовой цѣнѣ 3 руб., безъ пересылки. Ясно, что журналъ съ такимъ узкимъ направленіемъ не могъ встрѣтить особеннаго сочувствія въ морской средѣ, обманувшейся въ своихъ ожиданіяхъ, и обрекался на забвеніе.

Изданіе «Морского Сборника» получило значительное преобразованіе. Рамка существовавшей программы раздвинулась съ сентября 1853 года, и въ составъ «Морского Сборника» вошли два новые отдѣла: распоряженія правительства и официальные статьи. Перечень свѣдѣній, предположенный къ помѣщенію въ официальной части «Морского Сборника», долженъ былъ обнимать нижеслѣдующіе предметы:

а) Высочайшія повелѣнія и приказы по всѣмъ частямъ морского вѣдомства, также распоряженія и приказанія высшаго морского начальства, департаментовъ, начальниковъ отдѣльныхъ управленій и т. п., исключая повелѣній и распоряженій подлежащихъ тайнѣ, или такихъ, которыя начальствующими лицами признаны будутъ неудобными для напечатанія.

б) Новыя постановленія по морскому вѣдомству и извлеченія изъ дѣлъ, какъ конченныхъ производствомъ и хранящихся въ архивахъ, такъ и текущихъ, какъ напр., военно-судныхъ и другихъ, которыя полезно объявить во всеобщее по флоту извѣстіе.

в) Получаемыя чинами морского вѣдомства награды и случающіяся вслѣдствія, разныя командировки ихъ и отпуска свыше 29-ти дней.

г) Вообще случаи, достойные вниманія, какъ-то: подвиги всѣхъ родовъ, отличія, также замѣчательныя происшествія и т. п.

д) Извѣстія о движеніи нашихъ военныхъ судовъ въ портахъ и также приходящихъ и отходящихъ иностранныхъ военныхъ судовъ.

е) Выписки изъ журналовъ, или и самыя журналы, объ отдаленныхъ и замѣчательныхъ плаваніяхъ нашихъ судовъ.

ж) Свѣдѣнія о практическихъ крейсерахъ эскадры, ученіяхъ, построеніяхъ, смотрахъ и маневрахъ.

з) Извлеченія изъ ежегодныхъ отчетовъ разныхъ управленій.

и) Свѣдѣнія о ходѣ кораблестроительныхъ, строительныхъ и гидрографическихъ работъ по морскому вѣдомству, съ чертежами и планами по возможности.

і) Извѣстія о дѣятельности заводовъ морского вѣдомства, новѣйшія улучшения на нихъ, и т. п.

к) Свѣдѣнія объ отдѣльныхъ трудахъ разныхъ чиновъ морского вѣдомства, какъ-то: историческихъ изслѣдованіяхъ, опытахъ надъ машинами и т. п.

и л) Вообще разнаго рода свѣдѣнія по усмотрѣнію начальства, съ цѣлью распространить между чинами морского вѣдомства правильныя понятія о дѣятельности морского управленія, и руководить ихъ въ отправленіи служебныхъ обязанностей.

Тогда же увеличены были и отдѣлы гидрографическій и библиографическій, и стали помѣщаться списки раненыхъ офицеровъ и нижнихъ чиновъ, одновременно съ спискомъ пожертвованій деньгами и вещами, по случаю военного времени.

Такое значительное приращеніе отдѣловъ много увеличило интересъ и важность морского журнала, такъ что, выходя въ прежнее время книжками отъ 5—6 печатныхъ листовъ каждая, онъ въ 1854 году уже заключалъ въ себѣ до 14 печатныхъ листовъ, а въ 1856 году число листовъ достигло до 70, составляя 18 большихъ томовъ въ годъ съ чертежами, картами, планами, рисунками и портретами, печатаясь въ количествѣ до 5,000 экземпляровъ! Справедливость требуетъ сказать, что причиною такого непомернаго увеличенія числа экземпляровъ служила съ 1853 г. и обязательная подписка на журналъ для лицъ морского вѣдомства съ годовою платою 3 р., но для частныхъ лицъ подписная цѣна была 5 р. Существенное улучшеніе журнала чрезъ привлеченіе на его страницы извѣстныхъ авторитетныхъ писателей подняло его не только въ глазахъ морского, но и не морского общества, благодаря самому времени дѣйствія преобразованнаго журнала. Время это было — крымская война, возбудившая единодушное, живое участіе всѣхъ сословій къ военнымъ событіямъ. Удовлетворяла ли тогдашняя пресса этому участію всего русскаго общества? Крайне мало.

Въ силу установившейся рутины, пресса наша отзывалась весьма неясными словами о военных событіяхъ, возбуждая нерѣдко своими умолчаніями превратные толки и случалось, что нѣсколько номеровъ вѣдомостей нашихъ сряду не содержали ни словечка о положеніи дѣлъ, точно общество жило среди вожделеннаго мира! Въ это-то тревожное время одинъ только «Морской Сборникъ» шелъ съ обществомъ душа въ душу и братски дѣлился всѣмъ.

Все это, вмѣстѣ взятое, составляло первую и важную заслугу «Морского Сборника», которую до сей поры наша печать какъ бы игнорировала. Для моряковъ же заслуга такого журнала была неоцѣнима: онъ доставлялъ имъ пріятное и полезное чтеніе, удовлетворялъ умственнымъ потребностямъ и, сообщая ежемѣсячно каждому морскому офицеру труды, подвиги, занятія, страданія его товарищей, «Сборникъ» служилъ непрерывно между ними связью, возбуждая и поддерживая въ нихъ духъ товарищества и тѣснаго дружества. Съ выходомъ каждой книжки журналъ становился популярнѣе. На его страницахъ принимали участіе академики Ленцъ, Беръ, Струве, а также Гречъ, М. Х. Рейтернъ, В. И. Даль, графъ Д. А. Толстой и др.

Съ 1855 года число частныхъ подписчиковъ стало постоянно возрастать, такъ что въ 1855 году ихъ было 786, въ 1856 году уже 1,342, а въ 1857 году 1,683. Цифры эти говорятъ сами за себя.

Что же относится до цифры обязательныхъ подписчиковъ, то едва ли можно теперь опредѣлить ее съ точностью. По примѣрному соображенію наличныхъ чиновъ морского вѣдомства видно, что въ 1854 году по портамъ разсылалось 3,000 экз., въ 1855 г. — 3,200, въ 1856 и 1857 гг. по 3,300.

Благодаря предпринятымъ улучшеніямъ, «Морской Сборникъ» сдѣлался для флота современною морскою лѣтописью, ибо доставилъ морякамъ за ту малую плату, какая съ нихъ вычиталась, полную по возможности бібліотеку свѣдѣній, полезную по специальному ихъ назначенію, касавшуюся и прошедшаго, и настоящаго времени. На гостепріимныхъ страницахъ «Морского Сборника» подверглись гласному обсужденію не только всѣ тѣ проекты различныхъ преобразованій, которые потомъ введены были въ морскомъ вѣдомствѣ, какъ напр., вопросы о судостроительствѣ и судопроизводствѣ, о способахъ комплектованія флота, объ эмеритальной кассѣ и т. п., но и проекты по другимъ общимъ вопросамъ, какъ напр., по воспитанію, финансамъ, контролю и пр. и пр. Кромѣ сего, чтобы ознакомить читающую публику съ морскою дѣятельностью, на тѣхъ же страницахъ печатались ревизіи и отчеты, представляемые по начальству отъ всѣхъ частей морского управ-

ленія. Эти отчеты давали ясное понятіе о современномъ состояніи отдѣльныхъ частей управленія, указывали на произведенныя въ теченіи года улучшенія и на недостатки, которыхъ почему либо нельзя было устранить; мало того — отчеты давали богатый статистическій матеріалъ, съ помощью котораго устранилась египетская работа для лицъ, желавшихъ прослѣдить для цѣли своей избранной задачи личный составъ и перемѣны въ извѣстномъ учрежденіи. По этимъ отчетамъ получалась возможность составить себѣ самое полное понятіе о дѣйствіяхъ морского министерства за извѣстный годъ. Гласность подобнаго рода, придававшаяся дѣйствіямъ всѣхъ служащихъ въ морскомъ вѣдомствѣ, принесла, конечно, несомнѣнную пользу влияніемъ страха общественнаго порицанія, дѣйствующаго, какъ извѣстно, сильнѣе страха наказаній, и способствующаго всего болѣе къ возбужденію благороднаго соревнованія, къ искорененію злоупотребленій и къ возвышенію уровня общественной нравственности. Такова была вторая заслуга «Морского Сборника».

Статьи неофициальныя, талантливо написанныя, производили сильное впечатлѣніе на всѣхъ, и заставляли вдумываться во многое, что обыкновенно мелькало передъ глазами, и на что ранѣе какъ бы не обращалось вниманія, какъ напр., о бытѣ матросовъ на берегу и на морѣ, рассказы «Отставной», «Два лейтенанта», «Нѣсколько мыслей объ обязанностяхъ старшаго офицера на кораблѣ», и т. п.

Кто не помнитъ появленія въ «Современникѣ» за 1858 г. интересной статьи: «Чудо Морского Сборника», трактующей о нравственномъ переломѣ нѣкоего армейскаго капитана, жившаго гдѣ-то въ глуши провинціального городка, когда капитанъ прочелъ статью «Нѣсколько мыслей объ обязанностяхъ старшаго офицера на кораблѣ». Положимъ, что подобнаго факта и не было въ дѣйствительности, но во всякомъ случаѣ онъ служить яркой иллюстраціей вліянія морского журнала на общественную среду, и говорить о распространенности его до глухихъ уголковъ нашего пространнаго отечества.

Чтобы расширить общеобразовательный кругозоръ моряковъ, а также распространить въ русскомъ обществѣ свѣдѣнія объ отдаленныхъ путешествіяхъ, совершаемыхъ нашими судами, морское министерство предложило извѣстнымъ нашимъ писателямъ И. А. Гончарову и Д. В. Григоровичу воспользоваться прекраснымъ случаемъ: первому — отправиться на идущемъ къ берегамъ Японіи фрегатѣ Паллада, а второму — на кораблѣ Ретвизанъ — въ Средиземное море.

Плодомъ ихъ путешествія явились въ «Морскомъ Сборникѣ» интересные морскіе очерки, между которыми очерки И. А. Гончарова обра-

тили на себя всеобщее вниманіе читающей Россіи по своимъ высокимъ литературнымъ достоинствамъ, и извѣстны болѣе подъ названіемъ «Фрегатъ Паллада».

Для собранія же точныхъ и подробныхъ свѣдѣній о той части населенія Россіи, которая занимается мореходствомъ, рыбными промыслами, судоходствомъ на рѣкахъ и озерахъ, и въ то же время доставить «Морскому Сборнику» рядъ любопытныхъ статей, морскимъ инстинктерствомъ, на самыхъ льготныхъ для авторовъ условіяхъ, командированы были въ 1856 г. слѣдующіе литераторы: А. Н. Островскій—на верховья р. Волги; Григорій Петр. Данилевскій—въ южную Россію; А. А. Потѣхинъ—на среднюю Волгу отъ Нижняго Новгорода и къ низовьямъ Волги; М. И. Михайловъ—на Уралъ; Т. И. Филиповъ—на р. Донъ и Азовское море; г. Афанасьевъ-Чужбинскій—на рр. Бугъ, Днѣстръ и Днѣпръ; А. А. Писемскій—на Каспійское море и С. В. Максимовъ—на Бѣлое море. Цѣлью такой командировки имѣлось изслѣдованіе и подробное описаніе быта, нравовъ и обычаевъ того населенія, которое занимается промыслами на водѣ, и изъ котораго, слѣдовательно, всего полезнѣе и натуральнѣе комплектовать военный флотъ. Въ теченіи 1856—1861 годовъ въ «Морскомъ Сборникѣ» непрерывно появлялись талантливыя этнографическія очерки означенныхъ выше писателей, пролившихъ свѣтъ и на наши отдаленныя окраины, о которыхъ читающая публика до того времени была лишь знакома развѣ по учебникамъ.

Независимо, такъ сказать, присяжныхъ литераторовъ для ознакомленія съ состояніемъ иностранныхъ флотовъ, и ихъ различныя морскихъ учреждений, были командированы за границу способные, образованные морскіе офицеры и вообще лица, служившія въ морскомъ вѣдомствѣ, какъ напр. гг. Шестаковъ, Яневичъ-Яневскій, Горковенко, Мансуровъ и др.

Въ «Современномъ обозрѣніи» журнала помѣщаются были корреспонденціи изъ всѣхъ нашихъ портовъ, и кромѣ этого—свѣдѣнія по части изобрѣтеній и усовершенствованій морской техники.

Успѣхомъ своимъ «Морской Сборникъ» былъ обязанъ Августѣйшему генералъ-адмиралу, вдохнувшему новую жизнь во все, чего коснулась его обширная и многосторонняя дѣятельность по улучшенію и преобразованію, и вмѣстѣ съ симъ и въ органъ морского вѣдомства—его Сборникъ; помощниками великаго князя по отношенію къ «Морскому Сборнику» были Ѳ. П. Литке, П. И. Рикордъ, баронъ Ф. П. Врангель, М. Ф. Рейнеке и С. И. Зеленой. Во время наивысшаго успѣха журнала, редакторомъ его былъ капитанъ 1-го ранга И. И. Зеленый.

Огромной популярности «Морского Сборника» много способствовали такіе извѣстные писатели, какъ Н. И. Пироговъ, Давыдовъ, Бемъ, В. И. Даль и нѣкоторые другіе ученые и писатели, потому что ими были подняты на страницахъ журнала вопросы первостепенной важности, возбуждившіе живой интересъ во всемъ образованномъ обществѣ.

По иниціативѣ морского ученаго комитета, въ видахъ наступающаго времени преобразованія военно-морскихъ учебныхъ заведеній, опытные педагоги приглашены были высказаться путемъ печати о взглядѣ на лучшую систему воспитанія вообще, чтобы затѣмъ безошибочно примѣнить эти выводы къ системѣ собственно морского воспитанія.

На этотъ призывъ первымъ отозвался Бемъ, сущность статьи котораго состояла въ изложеніи цѣли воспитанія, какъ приготовленія къ дѣйствительной жизни. По тому же вопросу высказались И. И. Давыдовъ и П. А. Валуевъ, нынѣ графъ. Затѣмъ Н. И. Пироговъ въ двухъ своихъ въ высшей степени замѣчательныхъ статьяхъ: «Вопросы жизни» и «Школа и жизнь» доказалъ весь вредъ обычая готовить наше юношество съ самыхъ дѣтскихъ лѣтъ къ намѣченной родителями специальности, когда дѣти не успѣли еще обнаружить ни своихъ влеченій, ни своихъ способностей. Вообще вопросу о воспитаніи данъ былъ широкій просторъ въ «Морскомъ Сборникѣ», для всесторонняго обсужденія, и этимъ важнымъ вопросомъ, безъ сомнѣнія, интересовалось не одно морское, но и все наши вѣдомства, наконецъ и все русское общество, такъ что онъ долго не сходилъ со страницъ морского журнала, будучи разрабатываемъ Пироговымъ, Далемъ, Михайловымъ, Зедегольмомъ, Лисянскимъ и др.

Къ 1861 году все главныя преобразованія по морскому вѣдомству уже пришли къ своему окончанію, и обязательная подписка, какъ достигшая цѣли своего прямаго назначенія: ознакомить флотъ съ морскимъ журналомъ, была въ 1861 году отмѣнена.

Результатъ успѣха «Морского Сборника» въ текущей литературѣ того времени понятенъ. Все живое, мыслящее въ Россіи интересовалось журналомъ, направленіе котораго достойно было всякаго уваженія, ибо онъ давалъ вѣрную, по возможности, картину современной жизни и дѣятельности министерства, не скрывавшаго вкоренившихся недостатковъ, но и не кичившагося своими относительными достоинствами. Мало этого. Не ограничиваясь специальною сферою своей дѣятельности,

«Морской Сборникъ», какъ мы видѣли, содержалъ статьи такого рода, которыя своею занимательностью и пользою, привлекая постороннихъ читателей, знакомили русское общество всѣхъ сословій съ флотомъ и съ моряками и, возбуждая къ послѣднимъ сочувствіе и уваженіе, сроднили эту публику съ флотомъ. Вотъ еще заслуга «Морского Сборника».

М. С.

Ив. Федор. Трушинскій.

Въ октябрьской книгѣ „Русской Старины“ изд. 1884 г., въ воспоминаніяхъ поэта-крестьянина Спиридона Дмитриевича Дрожжина помѣщена замѣтка о покойномъ братѣ моемъ Иванѣ Федоровичѣ Трушинскомъ, котораго авторъ встрѣчалъ у И. Б. Владыкина въ селѣ Алексѣйцевѣ. Въ замѣткѣ этой г. Дрожжинъ ошибается, передавая, вѣроятно, „по слухамъ“, извѣстіе о самоубійствѣ моего брата — Ивана Федоровича въ Москвѣ.

Братъ мой, Иванъ Федоровичъ Трушинскій, умеръ не въ Москвѣ, а въ своемъ имѣніи, въ Рязанской губ., въ селѣ Никитинѣ, 1880 года 22 января, отъ остраго воспаленія легкихъ. Прахъ его, по желанію его жены, перевезенъ въ Костромскую губ., въ село Ушино. Онъ похороненъ въ семейномъ склепѣ Катениныхъ. Въ бумагахъ покойнаго не было и помину о желаніи его быть похороненнымъ на кладбищѣ села Алексѣйцева, какъ это утверждаетъ авторъ „Воспоминаній“.

И. О. Мушки,
рожденная Трушинская.

20 декабря 1884 г.
Сиб.

ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ II ВЪ КУРСКОЙ ГУБЕРНИИ

въ 1861 г.

Разсказъ становаго пристава. -

I.

Въ августѣ мѣсяцѣ 1861 года, въ Божѣ почивающій Императоръ Александръ II Николаевичъ извоили проѣзжать изъ С.-Петербурга въ Крымъ по тракту, чрезъ г. Курскъ. Распоряженіе было сдѣлано, чтобы при слѣдованіи Его Величества нигдѣ никакихъ особыхъ встрѣчъ не было за исключеніемъ одного мѣстнаго полицейскаго чиновника для наблюденія за порядкомъ, поэтому я и былъ курскимъ губернаторомъ назначенъ на почтовую станцію «Головино» въ 16-ти верстахъ отъ города Фатежа, Курской губерніи, состоящую въ районѣ моего стана на орловско-курскомъ шоссе.

Обѣдъ Государя Императора по заранѣ сдѣланному росписанію былъ назначенъ въ г. Орлѣ, а у меня на ст. Головино только одна пережѣна лошадей, но такъ какъ лошади у меня были уже сформированы, съѣзжены и распределены по номерамъ, а Государь проѣзжать долженъ былъ на другой день, то отъ нечего дѣлать я отправился пѣшкомъ къ помѣщику Н. А. Шеншину, живущему отъ станціи всего въ двухъ верстахъ; тамъ засталъ гостей, да и вернулся на станцію въ четыре часа утра и какъ былъ такъ, не раздѣваясь, и повалился на диванъ спать, но это мнѣ не удалось: только что началъ засыпать, какъ кто-то, вошедшій въ комнату, началъ качать меня за плечо, говоря: «вставайте-ка».

Раздосадованный нарушеніемъ моего сна, я будившаго меня послалъ къ чорту, но когда онъ, не переставая будить меня, повторялъ: «а вставать вѣдь надо», я открылъ глаза и вижу, о ужасъ! предо мною стоитъ свитскій полковникъ! Я вскочилъ и сонъ пропалъ, переконфузилъ и струсилъ, что вотъ, подумалъ я, какъ этотъ полковникъ ска-

жетъ губернатору, что я послалъ его къ чорту, то губернаторъ и вытурить меня самого къ чорту, да еще съ волчьимъ аттестатомъ; вѣдъ нашъ братъ у губернатора все равно, что шашки на шахматной доскѣ, но полковникъ оказался прелюбезный человѣкъ; выслушавъ мое объясненіе, бессонно проведенную ночь, нисколько на меня не обидѣлся, а еще ободрилъ, сказавши, что это и съ нимъ случается; потомъ спросилъ листъ бумаги, карандашъ, и исписалъ его почти весь; тѣмъ временемъ лошади ему были уже готовы. Глаза мои такъ и слипались, я ждалъ, не дождался, когда онъ уѣдетъ. Полковникъ, сѣвши уже въ коляску, сказалъ мнѣ, стоявшему на крыльцѣ: «идите же и ложитесь спать, да не забудьте на сонъ грядущій прочесть ту бумагу, которую я оставилъ для васъ на столѣ».

Вернувшись на станцію, поправилъ свою подушку, сбросилъ съ себя форменный сюртукъ, улегся какъ слѣдуетъ и думалъ, лежа, взглянувъ, что тамъ понаписалъ полковникъ; а какъ развернулъ, да какъ зминулъ въ нее, то подскочилъ съ моего ложа, будто кто кипяткомъ меня поддалъ и самъ себѣ не могу дать отчета, какъ это я сперва нагнулъ на себя халатъ, а сверху халата форменный сюртукъ и во все горло звалъ къ себѣ смотрителя станціи, удалившагося къ себѣ въ спальню. На мой крикъ и смотритель, и его жена, и даже почтовый староста вбѣжали ко мнѣ одновременно и, увидя меня съ листомъ бумаги въ рукахъ и въ шутовскомъ нарядѣ, остолбенѣли. «Да что же вы молчите, что намъ дѣлать?» сказалъ я, суя бумагу въ носъ смотрителю, а тотъ, не понимая въ чемъ дѣло, принялся усердно успокаивать меня и варивать лечь заснуть; да такъ разсердилъ меня, что я едва не полотилъ его и заставилъ читать бумагу. По мѣрѣ чтенія бумаги у смотрителя руки дрожали, фізіономія блѣдная превращалась въ карикатуру; не докончивъ чтенія, выронилъ бумагу на полъ и, схвативъ себя за животъ руками, закричалъ дикимъ голосомъ: «ну, теперь пропали, какъ есть пропали!»

Въ бумагѣ, оставленной полковникомъ, значилось: обѣдъ Государя Императора, назначенный сегодня въ городѣ Орлѣ, отмѣняется, и будетъ таковой на станціи «Головино»; далѣе слѣдовалъ реестръ, что нужно приготовить къ обѣду.

Не успѣли мы одуматься и сообразить, какъ прибыла царская кухня и потребовала отъ меня четыре пуда говядины, пудъ коровьяго масла, двадцать индѣекъ и сорокъ куръ, а за отсутствіемъ на станціи льду доставить и ледъ.

Смотря на все это и принимая въ соображеніе, что станція «Головино» стоитъ въ полѣ одиноко, крайне тѣсная и неопрятная, безъ

мебели, было чему испугаться и было надъ чѣмъ задуматься; но ѣдетъ Царь, дремать было не время, въ отвѣтъ я одинъ.

Изъ деревни Головинки, стоящей въ двухъ верстахъ отъ станціи, живою рукою я потребовалъ хорошо одѣтыхъ двадцать женщинъ, а ихъ явилось пятьдесятъ. Поручивъ смотрителю чистить станцію для Государя, а избу, гдѣ живутъ ямщики, для свиты, каковой было чело-вѣкъ тридцать, самъ лично предпринялъ рекогносцировку за добычею провизіи, посуды, мебели и прочаго; но гдѣ было все это достать, во-время передать поварамъ, чтобы успѣть приготовить обѣдъ! голова просто закружилась и умъ отступился; главное, что въ такое короткое время; но нужда не безъ горя, казакъ не безъ счастья, такъ и мнѣ первымъ явился на выручку станціонный кузнецъ Кирилло, живущій воалѣ станціи своимъ собственнымъ дворомъ и имѣющій во множествѣ птицъ. Онъ предложилъ взять у него индѣекъ, куръ и корову. Обрадованный этою находкою, распорядился все это забрать и сдать поварамъ, а самъ по-скакалъ къ живущему въ пяти верстахъ отъ станціи, въ селѣ Бычкѣ, помѣщику Федору Алексѣевичу Б*** просить мебель, посуду и прочее необходимое.

Помѣщикъ О. А. Б***, старикъ, 75-ти лѣтъ, высокаго роста, худой, съ бѣлыми волосами на головѣ, усомъ и бороды не носилъ, служилъ въ кавалергардахъ, въ отставкѣ гвардіи штабсъ-ротмистръ, участво-валъ въ битвѣ съ французами подъ Бородино въ 1812 году, былъ раненъ, имѣлъ много орденовъ и медалей и между прочимъ орденъ Св. Владимира на шеѣ, полученный имъ по должности попечителя кур-ской гимназіи, и поэтому всегда былъ доволенъ и благосклоненъ къ тому, кто величалъ его «Ваше превосходительство»; характеръ онъ имѣлъ хотя и вспыльчивый, но честнѣйшій, и по душѣ добрѣйшій чело-вѣкъ, а щедрый даже до собственнаго раззоренія.

Я засталъ его въ халатѣ за чаемъ, который онъ пилъ всегда изъ чашки и, забывши про слабость старика, назвалъ его просто—Федоръ Алексѣевичъ, и, выдаясь, говорю: «вы вѣрно не ожидали такого ран-него моего посѣщенія васъ»: это было 7 часовъ утра.

— «Ничего, батюшка, сказали онъ, я васъ люблю и радъ вамъ во всякое время. Что новаго привезли?», продолжалъ съ видимымъ смуще-ніемъ, такъ какъ мнѣ приходилось частенько навѣщать его по дол-гамъ, которыхъ у него было изрядное количество.

Медлить мнѣ было не время и я сразу приступилъ къ дѣлу и говорю: «у меня на Головинской станціи сегодня въ 6 часовъ изволить обѣдать Государь Императоръ, то будьте милостивы, выручьте меня изъ нужды, одолжите посуды, мебели и другого проч. для обстановки стан-

ція». Съ послѣднимъ моимъ словомъ старикъ вскопчилъ съ своего мѣста и побѣжалъ по комнатѣ; воротясь назадъ, остановился предо мною и закричалъ: «какой вамъ, милостивый государь мебели, и... онъ у меня отнялъ крестьянъ, и... я ему ничего не дамъ!» Тутъ я спохватился назвать его сперва ваше превосход., а потомъ просить; но дѣлать было нечего, сижу и молчу, а онъ забѣгалъ по комнатѣ взадъ и впередъ и каждый разъ, какъ только шагаль мимо меня, размахивая руками, то приостанавливался и кричалъ — «не дамъ» и такъ онъ разъ двадцать прошолъ мимо меня и столько же разъ крикнулъ мнѣ въ носъ — «не дамъ»; а я все молчу, наконецъ, старикъ замолчалъ и какъ только усѣлся на свое мѣсто пить чай, я поднялся и, протянувъ ему руку, сказалъ: «ну, прощайте, ваше превосходительство, время меня не ждетъ, я долженъ торопиться, простите меня, что обезпокоилъ васъ, я ѣхалъ къ вамъ, зная, что вы, какъ признаетъ васъ Царь нашъ, есть тотъ краеугольный камень, на которомъ зиждется вся русская слава и держава, я думаю, что ваше превосходительство, какъ перлъ русскаго дворянства, не только что не откажете мнѣ въ этой моей просьбѣ, но сами лично пожелаете привѣтствовать Царя; но вы меня гоните, что же дѣлать, я поскачу въ Фатежъ къ купцу Хоричкову, тамъ мнѣ дадутъ все съ радостью, присуще русскому человѣку. Думаю, скорблю, что ваше превосходительство переродились въ неумолимаго, признаюсь вамъ, мнѣ даже стыдно, что нашъ возлюбленный Царь будетъ сидѣть не на креслѣ русскаго боярина Федора Алексѣевича Б***, а на креслѣ купца Хоричкова». Весь этотъ монологъ мой онъ слушалъ, вперивъ въ меня глаза, но я, не давъ ему сказать ни слова, раскланялся и быстро ушолъ, но онъ, съ легкостью юнши, догналъ меня на выходѣ изъ дома, схватилъ сзади за воротникъ и командирскимъ голосомъ крикнулъ — «стой, ни съ мѣста» — потащилъ меня назадъ въ гостинную, гдѣ пилъ чай. крича: «Катерина Дорофеевна (экономка), сюда живѣй!» Какъ только та появилась, онъ, указавъ ей на меня, замахалъ обѣими руками сверху внизъ, продолжалъ кричать: отдай ему — все — все — все, и это все онъ провозгласилъ разъ десять, а потомъ, обратясь ко мнѣ, кричалъ: «бери у меня все — все — все, бери и меня самого!» и не больше, какъ чрезъ часъ, все было отправлено на станцію на десяти подводкахъ: даже отдалъ шкуру съ огромнаго чернаго медвѣдя для воспоминанія, что медвѣдя того его сынъ, секретарь морскаго министерства, Алексѣй, убилъ въ присутствіи Государя на охотѣ въ новгородскихъ лѣсахъ.

Итакъ къ 11-ти часамъ дня мнѣ удалось въ обѣденной комнатѣ Государя помы устлать коврами, окна и двери задрапировать и серви-

ровать столъ на пять кувертовъ по распоряженію метръ-д'отеля, а избу, занимаемую ямщиками, также приготовить для свиты, которой было до тридцати лицъ. Приведа все въ порядокъ, гора съ плечъ свалилась, душа и нервы успокоились и я крѣпко заснулъ.

II.

Вѣсть о прибытіи Государя Императора на Головинскую станцію быстро облетѣла окрѣжность на двадцать верстъ и со всѣхъ сторонъ слѣшались помѣщики, купцы, крестьяне. Погода стояла теплая, хорошая и дала возможность многочисленной публикѣ свободно находиться на воздухѣ въ ожиданіи прибытія Императора.

Въ пять часовъ прибыла къ станціи карета на круглыхъ высокихъ рессорахъ, запряженная четверней бѣлыхъ лошадей, такихъ же стариковъ, какъ и владѣлецъ ихъ; козлы кучера задрайрованы коричневымъ сукномъ съ золотою бахромою. Карета естановилась, не подъѣжая къ подъѣзду станціи, въ нѣкоторомъ отдаленіи, и вся публика обратила свои взоры на прибывшій старинный, но парадный экипажъ. Стоявшій позади кареты лакей въ ливреѣ, тоже украшенный сѣдинами, желавшій показать свою ловкость, быстро соскочилъ съ запятокъ, чтобы открыть своему господину дверку кареты, но старья его ноги запутались между собою и онъ со всего размаха шлепнулся и растянулся на шоссе и пока поднялся для исполненія своей обязанности, господину его пришлось лишнія минуты посидѣть въ каретѣ, но вотъ дверка отворилась и изъ кареты вышелъ Федоръ Алексѣевичъ Б*** весь въ бѣлой кавалергардской формѣ, на головѣ каска съ орломъ наверху, тоже бѣлая, лице и волосы бѣлыя, грудь увѣшана орденами и медалями, на шеѣ орденъ св. Владиміра; въ такомъ нарядѣ при тонкомъ корпусѣ и высокомъ ростѣ онъ казался выходцемъ съ того свѣта или какою-то мумією.

Шоссейная дорога отъ ст. Головино къ Орлу имѣетъ мѣстоположеніе открытое, такъ что верстъ за шесть можно видѣть ѣдущій экипажъ, въ особенности царскій, подъ которымъ лошади всегда идутъ въ карьеръ, по почтовому термину—въ растяжку.

Въ исходѣ шестого часа, на горѣ, называемой Сергіевская, въ шести верстахъ отъ станціи, завиднѣлась вереница экипажей и лошади подъ переднимъ изъ нихъ шли въ растяжку; когда, присмотрѣвшись, мы убѣдились, что то ѣдетъ Государь Императоръ, то Федоръ Алексѣевичъ какъ-то нервно засуетился, просилъ меня указать мѣсто, гдѣ ему стоять.

Имѣя предписаніе никого не допускать приближаться къ особѣ Его Величества, я учредилъ цѣпь изъ полицейскихъ служителей, а г. Б*** поставилъ на крыльцѣ при входѣ на станцію, а крыльцо застлалъ шкурою медвѣдя.

Государь Императоръ, выйдя изъ коляски, изволилъ ступить прямо на медвѣдя и, проходя мимо Б***, остановился предъ нимъ и спросилъ: «вы здѣсь зачѣмъ?»

Ө. А. Б***, взявъ подъ козырекъ, отвѣтилъ: «я имѣлъ счастье быть ординарцемъ въ Возѣ почившаго родителя Твоего императора Николая 1-го въ то время, когда онъ былъ еще женихомъ, а теперь я узналъ, что прѣживаетъ его сынъ, Ваше Императорское Величество, желалъ видѣть и пріѣхалъ».

Государь выразилъ ему свою благодарность, подалъ руку и ушелъ въ комнату.

Б***, ошачливленный ласкою Государя, бѣгалъ между публикой, приговаривая: «ахъ, батюшка мой Царь, ахъ, ангелъ мой—дита мое родное», и тому подобныя изрѣченія нѣжностей.

Минуты чрезъ три Государь Императоръ, подойдя ко мнѣ, стоявшему у дверей столовой его комнаты, изволилъ отдать приказъ пригласить къ нему обѣдать этого генерала, что былъ тутъ.

Когда я отыскалъ Б*** въ толпѣ народа, проповѣдующаго о добротѣ и милости Государя, и когда объявилъ ему, что Государь приглашаетъ его къ себѣ на обѣдъ, то со старикомъ послѣдовалъ столбнякъ до того, что онъ, не слыша моего повторенія, продолжалъ стоять неподвижно и вынудилъ меня взять его за руку и просто тащить и почти впахнуть въ комнату Государя.

За обѣдомъ между обычными объясненіями со стороны Ө. А. Б*** кто онъ и что онъ, Государь, между прочимъ, спросилъ его—далеко ли живеть и какъ идетъ его хозяйство?

Б***, вынувъ изъ-за мундира бумагу, доложилъ:

— «Я живу отсюда въ пяти верстахъ, а какъ идетъ мое хозяйство, то вотъ, милосердный Царь, прочти эту бумагу—этотъ плачь старика, и увидишь самъ», при чемъ подалъ въ руки Государя ту бумагу.

Государь развернулъ бумагу и, передавъ ее сидѣвшему возлѣ него князю Василю Андреевичу Долгорукову, приказалъ прочесть вслухъ.

Во время обѣда я стоялъ у дверей обѣденной комнаты и слушалъ чтеніе поданной Б*** бумаги, которую старикъ читалъ мнѣ еще до пріѣзда Государя. Она была приблизительно слѣдующаго содержания: «Августѣйшій Монархъ! Тридцать пять лѣтъ тому назадъ отъ родителя моего досталось мнѣ съ братомъ моимъ имѣніе въ Фатеж-

скомъ уѣздѣ. Не желая раздроблять имѣніе, я половину его скупилъ у брата за весьма высокую цѣну и всему имѣнію сдѣлался хозяиномъ одинъ. Впродолженіи тридцати-пяти-лѣтняго моего хозяйства, я пекся о благосостояніи моихъ крестьянъ, какъ отецъ о дѣтяхъ, большую часть своихъ доходовъ употреблялъ на улучшение ихъ быта, жилища ихъ перестроилъ и моя деревня теперь представляетъ видъ маленькаго городка; ни на одномъ изъ моихъ крестьянъ, за всякія ихъ проступки, никогда не было никакого наказанія, кромѣ поклоновъ предъ Спасителемъ, но за всю мою любовь къ нимъ и попеченіе о нихъ они, со времени объявленія имъ Высочайшаго Твоего манифеста о свободѣ, оставили всѣ работы, поля мои бросили необранными и хлѣбъ на нихъ гнѣеть, даже бочку воды отказались привезти на барскій дворъ, которую я вынужденъ былъ купить у государственнаго крестьянина. Августѣйшій Монархъ! Я имѣлъ счастье служить подъ правленіемъ незабвеннаго дяди твоего, императора Александра Перваго, участвовалъ въ отечественной войнѣ 1812 года, дрался съ французами, подъ Бородинымъ получилъ нѣсколько ранъ, былъ награжденъ пенсіею, но по тогдашнему духу времени, не желая обременять казну, самъ добровольно отъ полученія ея отказался. Теперь, когда одной ногой я стою уже въ гробу, когда бывшіе мои крестьяне-дѣти, всего 270 ревизскихъ душъ, сдѣлались мнѣ врагами, то повели, Милосердный Царь, удалить ихъ отъ меня—перевести на земли вольныя, просторныя, которыхъ на Руси такъ много; хотя теперь мое хозяйство разстроено и я обремененъ долгами, но и при этомъ я все-таки обременять казну расходами на ихъ переселеніе не желаю, а обязываюсь выдать на каждую ревизскую душу по 30 рублей, предоставить въ ихъ пользу все ихъ хозяйство и дома, мною для нихъ выстроенныя, хотя чрезъ это я потеряю не одну сотню тысячъ рублей, но на закатѣ моихъ дней буду прославлять Твою, Великій Царь, милость, которая дастъ послѣдней зарѣ моей жизни угаснуть спокойно, безъ тревогъ и безъ волненій. Твой вѣрнопопдаанный рабъ старой гвардіи солдатъ Федоръ Б***».

Одинъ изъ сидѣвшихъ за столомъ генераловъ замѣтилъ, что на переселеніе 270 душъ по 30 руб. не выйдетъ и десяти тысячъ, а крестьянскій надѣлъ болѣе 700 десятинъ, стоющій до ста тысячъ, долженъ остаться въ вашу пользу, тутъ вамъ не убытокъ, а видимо хорошая польза.

— Да, графъ, отвѣтилъ Б***, чтобы выдать крестьянамъ деньги на переселеніе, образовать хозяйство и нанять вольныхъ работниковъ, для этого нужно имѣть деньги, а у меня ихъ нѣтъ, а долговъ много;

для этого землю ту я неминуемо долженъ продать и ея у меня не будетъ; я больше полумилліона рублей употребилъ на постройку крестьянамъ домовъ и улучшеніе ихъ хозяйства и все это поступаеть въ ихъ пользу, вотъ вамъ и сотни тысячъ, чего вы во вниманіе и не приняли.

— «Все-таки, я полагаю, въ вашей бумагѣ десятая доля правды», сказалъ графъ.

Б*** обидѣлся послѣдними словами графа, положилъ изъ рукъ на тарелку ножъ и вилку, гордо поднялъ голову и, съ нѣкоторымъ дрожаніемъ въ голосѣ, сказалъ:

— Послушайте, графъ, вы это могли бы мнѣ сказать тогда, если бы я былъ какойнибудь иностранный выходецъ и разными пролазами выбился въ люди, но такъ какъ я, по плоти и крови, русскій, то извольте знать, что въ лицѣ моего Монарха лгать себѣ не позволю.

Графъ носилъ не русскую фамилію, слова Б*** видимо ему не понравились и онъ безъ возраженій замолчалъ.

— «А садъ у васъ есть?», спросилъ Государь у Б***.

— О, какой у меня садъ, Ваше Величество, отвѣчалъ Б***, болѣе тридцати десятинъ и весь самъ сажалъ своими руками. Въ моемъ саду, кромѣ фруктовыхъ деревьевъ, есть такія ботаническія растенія, какія рѣдко гдѣ можно найти, напимѣръ, трава (названія не помню), которою я вылечиваю отъ самаго застарѣлаго гемороя,—затѣмъ началъ пересчитывать растенія разныхъ наименованій съ объясненіемъ дѣльнаго ихъ свойства.

Выслушавъ Б***, Государь отнесся къ лейбъ-медику Енохину съ такими словами:

— «Вотъ, Иванъ Васильевичъ, вы лечите, лечите Государыню вашими лекарствами, а пользы мало, почему-бы вамъ не полечить травами г. Б***».

— «Указанныя г. Б*** средства, доложилъ Енохинъ, въ медицинѣ извѣстны, но они уже устарѣли и теперь вышли изъ практики».

— «Ахъ, Иванъ Васильевичъ, сказалъ государь, намъ ваше новое лекарство вовсе не нужно, вы лечите насъ хотя устарѣвшимъ, отсталымъ лекарствомъ, только были-бы мы здоровы».

— «Ваше императорское величество, сказалъ Б***, какъ-то встрепенувшись, соизвольте мнѣ представить мое лекарство, оно у меня есть приготовленное и въ сыромъ видѣ, а какъ его составлять—приложу рецептъ, всѣ будутъ здоровы, могу увѣрить».

Государь, поблагодаривъ Б***, сказалъ:

— «Я оставлю вамъ моего фельдъегеря, передайте ему ваше лекарство для доставленія ко мнѣ», и при этомъ подарилъ Б*** большую конфету съ картинкою.

Принявъ изъ рукъ государя конфету, Б*** поцѣловалъ ее и сказалъ:

— «Весьма сожалѣю, что раньше не зналъ о приѣздѣ вашего величества, я-бы доставилъ къ столу дупелей и бекасовъ собственной охоты».

— «А развѣ вы еще стрѣляете», спросилъ Государь.

— «Любого охотника обстрѣляю, отвѣтилъ Б***, у меня и сынъ по мнѣ пошолъ—стрѣлокъ недюжинный. Въ новгородскихъ лѣсахъ медвѣдя убилъ въ присутствіи вашего величества; шкуру съ него изволили замѣтить здѣсь на крыльцѣ?»

— «Такъ это вашъ сынъ, который убилъ медвѣдя на моихъ глазахъ; помню помню», сказалъ государь.

Этимъ и закончилась бесѣда Б*** съ государемъ императоромъ Александромъ Николаевичемъ.

Какъ только государь сѣлъ въ коляску, изъ толпы народа, стоявшаго въ отдаленіи, крикнули: «ваше императорское величество, не оставьте милостію стариковъ солдатъ!» Государь, подозвавъ къ себѣ Б***, поручилъ ему сдѣлать дознание объ этихъ солдатахъ и доставить ему свѣдѣніе въ Крымъ.

По отбытіи государя, Б*** поскакалъ къ себѣ и чрезъ часъ прислалъ ко мнѣ на станцію двѣ шампанскихъ бутылки съ красною жидкостью и тючокъ фунта въ четыре, опечатанные фамильною его печатью. Я передалъ всѣ эти медикаменты фельдъегерю, который и полетѣлъ съ ними вслѣдъ за государемъ.

III.

По донесенію г. Б***, что солдаты были въ сраженіяхъ, старики, бѣдняки и притомъ слѣпые, государь не замедлилъ выслать на имя Б*** награду тѣмъ солдатамъ по сто рублей каждому.

Б*** въ своей парадной колесницѣ и въ кавалергардской формѣ прибылъ въ городъ Фатежъ въ полнцейское управленіе, куда по его распоряженію были доставлены и тѣ два слѣпыхъ ветерана, произнесъ приличную рѣчь, упомянувъ между прочимъ, что при исполненіи высочайшей воли и онъ и всѣ чины должны быть въ полной

парадной формѣ, вручилъ ветеранамъ царскую милость и донесъ государю въ Крымъ.

Въ сентябрѣ 1861 г. я получаю отъ г. Б*** письмо, которымъ онъ приглашаетъ меня тотчасъ пріѣхать къ нему. Хотя я жилъ отъ него всего въ двѣнадцати верстахъ, но, бывши въ то время больнымъ, изъ-за чѣмъ не поѣхалъ-бы, но такъ какъ онъ на конвертѣ закатилъ слово: «по высочайшему повелѣнію», то мнѣ ничего не оставалось, какъ только хотя умирать больному, а ѣхать; и зачѣмъ-же онъ такъ меня всполошилъ? Просить меня дать ему знать день и часъ, когда государь на возвратномъ пути изъ Крыма въ Петербургъ будетъ на станціи Головино, что онъ жадеетъ благословить государя иконою, причѣмъ показалъ мнѣ икону, изображающую Спасителя, разрушающаго адъ и при ней бумага, написанная имъ въ родѣ рескрипта, слѣдующаго содержания: «Августѣйшій монархъ! Въ домѣ моемъ сохранился икона, переходившая по наслѣдству изъ рода въ родъ. Эта икона шла изъ царственнаго Твоего дома. Твой прадѣдъ, императоръ Петръ Великій, благословилъ ею моего предка гусарскаго полковника Бухвостова, въ благодарность за спасеніе его отъ плѣна шведовъ въ битвѣ подъ Полтавою. А теперь дозволю мнѣ, старику, благословить ею Тебя, возлюбленный нашъ царь. Эта икона—Спаситель разрушаетъ адъ; пусть-же разрушатся всѣ нечестивые замыслы поляковъ и да возрадуется Твое ангельское сердце. Твой вѣрнопопдаанный рабъ старой гвардіи солдатъ Федоръ Б***».

Удовлетворяя добродушнаго старика, я далъ знать, когда государь императоръ Александръ Николаевичъ изволитъ проѣзжать станцію Головино.

Въ день прибытія государя на станцію Головино пріѣхалъ и г. Б*** въ той-же своей каретѣ, на тѣхъ-же бѣлыхъ старикахъ коняхъ и полнымъ кавалергардомъ, съ иконою и рескриптомъ, заложенымъ за бордюръ иконы, сдѣланнымъ изъ серебра.

Быстро подкатившая коляска была вся закрыта, что означало, что государь почиваетъ. Въ три минуты лошади были уже переложены и кучеръ выравнивалъ возжи, чтобы тронуть. Б***, видя невозможность привести въ исполненіе задуманное имъ поднесеніе государю иконы, нѣсколько разъ объѣжалъ вокругъ коляски, ища случая увидѣть государя и плакалъ,—и еще одна секунда и конецъ. Подбѣжавши ко мнѣ, стоявшему возлѣ передняго колеса коляски, воскликнулъ: «помоги, я погибаю». Я посоветовалъ ему крикнуть по солдатски: здравія желаю, ваше императорское величество! что Б*** моментально исполнилъ.

Государь, выглянувъ изъ коляски, приказалъ мнѣ поднять въ ко-

ляскѣ зонть и, протянувъ изъ коляски руку Б***, спросилъ: «какъ ваше здоровье?»

Отвѣтивъ на привѣтъ государя, Б*** продолжалъ: «государь! по сану Твоему Ты Богъ мой, а моимъ лѣтамъ Ты сынъ мой, дозвожь мнѣ благословить Тебя этою иконою», при передачѣ которой въ руки государя бывший за бордюромъ его рескриптъ выпалъ на фартухъ коляски; государь рукой подозвалъ меня и приказалъ подать ему эту бумагу, потомъ государь, снявъ фуражку, перекрестился, поцѣловалъ икону и поставилъ ее въ коляскѣ сбоку себя, а бумагу внимательно прочолъ, сложилъ въ четверо, положилъ ее къ себѣ въ боковой карманъ куртка и, взявъ Б*** за руку, сказалъ: «я вижу, что вы меня любите, но знайте, что и я васъ люблю; что вамъ будетъ нужно, пишете ко мнѣ просто письмо, а когда будете въ Петербургѣ, то приѣжайте прямо ко мнѣ; квартира ваша у меня въ дворцѣ; но ежели вы остановитесь гдѣ-либо въ гостинницѣ, не у меня въ домѣ, то знайте, что этимъ вы обидите меня», и, пожелавъ Б*** здоровья и долгой жизни, изволилъ уѣхать.

Б*** со слезами на глазахъ схватилъ меня въ объятія, поцѣловалъ и благодарилъ за мой совѣтъ, какъ разбудить отъ сна государя и доставить случай благословить его иконой. Усадилъ меня къ себѣ въ карету и привезъ въ свой домъ. Тутъ явилось духовенство служить молебень за здоровье государя; весь молебень онъ простоялъ на колѣняхъ и усердно молился.

Разставаясь со мною, старикъ сказалъ: «ну, что, батюшка, вотъ вы у насъ за семь лѣтъ вашей службы приобрѣли общее всѣхъ насъ названіе честнаго безсребренника, а что выслужили, какое дали вамъ повышеніе или награду, и никогда ничего не получите, ибо у насъ въ провинціи не честь служить повышеніемъ чиновника, а протекція, да еще и денешки, а у тебя ни протекціи, ни денегъ нѣтъ! знай-же теперь, другъ мой, что я поѣду въ Петербургъ и скажу царю, что мы изъ тѣхъ русскихъ, которому царь можетъ повѣрить даже свою жизнь; ему такіе люди нужны; онъ мнѣ повѣритъ и возьметъ тебя къ себѣ и ты свое наверстаешь, жди и будь увѣренъ».

Чтобы не огорчить старика недовѣріемъ къ несбыточной его фантазіи, я долженъ былъ все это принять за дѣйствительность, выразить ему благодарность и надежду на предстоящее по его протекціи будущее блестящее.

Сладкой мечтѣ добрѣйшаго старика побывать въ Петербургѣ въ гостяхъ у царя не суждено было осуществиться: онъ вскорѣ заболѣлъ и умеръ.

Вышеупомянутое прошеніе его, поданное государю, передано было на зависящее распоряженіе въ курское губернское по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе, гдѣ оно, по постановленію присутствія, оставлено безъ послѣдствій и теперь, конечно, покоится въ архивѣ.

Н. Давыдовъ.

Ив. В. Гореловъ.

Вслѣдствіе крайне неразборчивой подписи подъ замѣткой: «Полковникъ П. Д. Головинъ и ген.-маіоръ Журавскій», напечатанной въ «Русской Старинѣ» изд. 1885 г., январь, стр. 156, вкралась слѣдующая крупная опечатка: подъ означенною статьею напечатано: «Сообщ. Ив. В. Сорокинъ», слѣдуетъ читать: «Сообщ. Ив. В. Гореловъ».

Ред.

Ю. Ө. САМАРИНЪ и Н. А. МИЛЮТИНЪ.

Изъ письма Юрія Өедоровича Самарина къ Николаю Алексѣвичу Милютину, во время трудовъ губернскихъ комитетовъ по крестьянскому дѣлу

29-го января 1859 г.

«Нѣкоторые члены предлагали вовсе упразднить барщину и сдѣлать оброкъ обязательнымъ для крестьянъ, предоставивъ имъ возможность зарабатывать его личнымъ трудомъ, на помѣщичьей пашнѣ; разумѣется, этого нельзя было допустить. Такое предложеніе, съ виду очень либеральное, въ сущности клонилось къ тому, чтобы дать возможность и право помѣщику браковать безотчетно крестьянскую работу и вынуждать ихъ къ уплатѣ оброка; а такъ какъ самый умѣренный оброкъ теперь еще огромному большинству крестьянъ не по силамъ, то на первый же годъ $\frac{9}{10}$ помѣщичьихъ крестьянъ сдѣлались бы несостоятельными недоимщиками. Поэтому мы отвергли принудительный переходъ на оброкъ и удержали повинность въ двухъ видахъ: барщины и денежнаго оброка, въ неизмѣнномъ, однажды навсегда, опредѣленномъ количествѣ. Относительно опредѣленія размѣра повинностей, можно было принять двѣ системы: 1) опредѣлить нормальный надѣлъ землею, оцѣнить ту землю по ходячимъ цѣнамъ, продажнымъ и за наемъ, оцѣнить трудъ по вольнонаемнымъ цѣнамъ и положить повинность, въ точности соразмѣрную съ цѣнностью земли. Эта система, принятая нѣкоторыми комитетамъ, кажется самою справедливою; я долго изучалъ всѣ способы ея примѣненія, собралъ для этого множество данныхъ и убѣдился въ совершенной ея негодности. Если бы принять ее, то оказалось бы въ Ефремовскомъ, Данковскомъ, Епифанскомъ уѣздахъ трехдневная барщина или оброкъ въ 35 р. с. не оплачивается или едва, едва оплачивается поземельный надѣлъ, въ обрѣзъ обезпечивающій существованіе крестьянъ. Слѣдовательно, крестьяне не получили бы никакой льготы и положеніе ихъ вовсе бы не улучшилось. Въ Самарской губернии вышло бы обратное, то есть помѣщики были бы раззорены, ибо самыя лучшія пшеничныя и просяныя земли сдаются по 3 р. с. за степную десятину (4000 саж.) крѣпкой земли, а одна распашка такой десятины стоитъ 3 р. 20 к. Далѣе, если бы при опредѣленіи повинностей принято было за правило въ строгости

соразмѣрять работу и оброкъ съ цѣнностью земли, то не было бы никакого разумнаго повода требовать установленія неизмѣнной повинности разъ навсегда, а пришлось бы допустить переоброчку крестьянской земли черезъ извѣстные сроки (какъ въ Пруссiи, Саксонiи и т. д.), иными словами: допустить періодическое возбужденіе вопроса о хозяйственномъ отношеніи землевладѣльцевъ къ земледѣльцамъ черезъ каждыя десять лѣтъ. По моему мнѣнію, будетъ съ насъ и одного раза.

2) Другая система можетъ быть выражена въ слѣдующихъ положеніяхъ: надобно улучшить положеніе крестьянъ, всѣхъ и вездѣ; для этого: во первыхъ, дать имъ земли въ количествѣ достаточномъ для ихъ прокормленія и уплаты податей, то есть теперешній хорошій надѣлъ, во-вторыхъ, уменьшить повинность, насколько можно не разоряя помѣщиковъ, и эту повинность опредѣлить разъ навсегда. Придерживаясь второй системы, я предлагалъ положить вмѣсто трехъ дней рабочихъ въ недѣлю мужскихъ въ теченіе всего года, съ тягла два дня женскихъ съ 1-го апрѣля до Покрова и отмѣнить вовсе всѣ сгонные дни и всю женскую барщину отъ Покрова до апрѣля; праздничныхъ дней (около 34) не отработывать. Комитетъ *принялъ*: два дня мужскихъ и два женскихъ въ теченіе весны, лѣта и осени и одинъ день женскій зимній въ недѣлю съ тягла, сгонные дни уничтожены, но лѣтніе праздники отработываются. По совершенно вѣрному разсчету, въ порядочно устроенныхъ имѣніяхъ, тягло отработывало въ теченіе года отъ 130 до 140 дней мужскихъ (за вычетомъ всѣхъ уволенныхъ по болѣзни, домашнимъ дѣламъ и т. д.), теперь у насъ осталось отъ 95 до 190 дней; въ женской барщинѣ льгота не такъ велика. Далѣе дано право крестьянамъ, цѣлыми селеніями и порознь, отдѣльными домами, переходить на оброкъ, не испрашивая на то согласія вотчинника. Я и со мною 4 члена предлагаемъ цифру оброка въ 23 р. трое въ 25 р., иные въ 28 и до 30 р. Объ этомъ еще споры впереди. Поземельный надѣлъ будетъ не ниже теперешняго, съ этимъ почти всѣ согласны. Сколько мнѣ извѣстно, такой значительной сбавки въ барщинѣ, безъ обрѣзки въ надѣлѣ землю, не сдѣлалъ еще ни одинъ комитетъ. Не забудьте, что мы переводимъ земскій сборъ на землю и что большая половина его падетъ на помѣщиковъ. При установленіи неизмѣннаго оброка деньгами, мы получили въ свое обезпеченіе одно условіе: чтобы крестьяне вносили его серебрянною монетою или ассигнаціями, не по ихъ нарицательной цѣнности, а по курсу. Можетъ быть это не понравится въ Петербургѣ, но это справедливо и внушено разными опытами прежнихъ годовъ».

Ю. О. Самаринъ.

1859 г.

СТИХОТВОРЕНІЯ **Ө. И. ТЮТЧЕВА.**

I.

Пламя рдѣть, пламя пышетъ,
 Искры брызжутъ и летятъ,
 А на нихъ прохладой дышетъ
 Изъ-за рѣчки темный садъ.
 Сумракъ тутъ, тамъ жаръ и крики,—
 Я брожу, какъ-бы во снѣ—
 Лишь одно я живо чую—
 Ты со мной и вся во мнѣ.

Трескъ за трескомъ, дымъ за дымомъ,
 Трубы голы торчатъ,
 А въ покоѣ нерушимомъ
 Листья вѣютъ и шуршатъ.
 Я, дыханьемъ ихъ обвѣявъ,
 Страстный говоръ твой люблю;
 Слава Богу, я съ тобою,
 А съ тобой мнѣ, какъ въ раю.

10-го іюля 1855 г.

II.

Такъ, въ жизни есть мгновенія—
 Ихъ трудно передать,
 Они самозабвенія
 Земнаго благодать.
 Шумятъ верхи древесныя
 Высоко надо мной
 И птицы лишь небесныя
 Бесѣдуютъ со мной.
 Все пошлое и ложное
 Ушло такъ далеко,
 Все мило-невозможное
 Такъ близко и легко.
 И люблю мнѣ, и сладко мнѣ,
 И миръ въ моей груди,
 Дремотою обвѣявъ я—
 О, время, погоди!

Ө. И. Тютчевъ.

Примѣчаніе. Помѣщенныя выше два стихотворенія сообщены намъ г. Денисьевымъ чрезъ обязательное посредство Якова Петровича Полонскаго. Одно изъ стихотвореній, замѣчаетъ Яковъ Петровичъ, писано рукою **Ө. И. Тютчева**, другое — переписано. Въ изданія сочиненій Тютчева оныя не вошли, быть можетъ потому, что это не болѣе какъ экспромты, видимо написаны на скоро, безъ отдѣлки и обращены были поэтомъ къ г-жѣ Д***

ГРАФЪ ЭДУАРДЪ ИВАНОВИЧЪ ТОТЛЕБЕНЪ.

Въ августовской книгѣ «Русской Старины», изд. 1884 г., въ за-мѣткѣ И. А. Воронова (отставного инженеръ-полковника) «Графъ Эдуардъ Ивановичъ Тотлебенъ (ст. 452)—читаемъ:

„Нужно замѣтить, что послѣ неудачнаго для насъ сраженія на Черной рѣчкѣ, наша армія, совершенно разбитая, отступала въ полномъ беспорядкѣ; пѣхота смѣшалась съ артиллерією и кавалерією, а по пятамъ бѣгущихъ войскъ наступали союзники. Въ то время, когда наши беспорядочно бѣгущія войска должны были вступить въ гѣсъ, Тотлебенъ, будучи полковникомъ, случайно выѣзжаетъ изъ гѣсу и видитъ наши войска, частію бѣгущія, частію ѣдущія на орудіяхъ и ящикахъ. Покойный, быстро сообразивъ въ чемъ дѣло, вызываетъ жолонеровъ, вокругъ которыхъ начинаютъ группироваться кучки солдатъ; онъ ихъ посылаетъ занять близъ лежащую опушку гѣса, даетъ сигналъ открыть огонь, въ виду котораго вся наша бѣгущая артиллерія и прочія войска спасаются въ гѣсу (!!!), а непріятель, въ виду трудности атаки занятаго нами гѣса, прекращаетъ преслѣдованіе. За такую распорядительность Тотлебенъ былъ награжденъ орденомъ св. Георгія 3 степени и пожалованъ въ флигель-адъютанты“.

Тотлебенъ получилъ Георгія 3 степени вовсе не за дѣло на Черной (въ которомъ не участвовалъ), а за отличіе при отбитіи штурма 6 іюня 1855 г.;—во флигель-адъютанты онъ пожалованъ за отличіе, оказанное въ первую бомбардировку Севастополя, въ октябрѣ 1854 г.;—во время дѣла на Черной, 4 августа 1855 г., онъ былъ уже не полковникомъ, а генераль-маіоромъ свиты его величества, будучи произведенъ въ этотъ чинъ 10 апрѣля 1855 г. Участвовать въ сраженіи на Черной Тотлебенъ не могъ, находясь въ это время на Бельбекѣ, на излеченіи полученной имъ, 8 іюня, раны, штуцерною пулею въ правую ногу на вылетъ,—да и самого случая, такъ подробно рассказаннаго г. Вороновымъ, въ сраженіи на Черной, не было, и быть не могло при отсутствіи той обстановки, какую придаетъ ему авторъ.

Если бы авторъ, въ данномъ случаѣ, обратился хотя бы только къ иностраннымъ историкамъ этого сраженія, то онъ усмотрѣлъ бы, что въ сраженіи на Черной русскія войска отнюдь не были обращены въ такое постыдное бѣгство, на какое позволяетъ себѣ указывать авторъ. Извѣстно, что сраженіе на Черной мы проиграли, но также извѣстно, что мы далеко не были приведены въ такое бѣдственное положеніе, какое представляется разсказомъ г. Воронова, иначе послѣдствія этого сраженія были бы другія, причемъ союзники, заранѣе знавшіе о предстоявшей атакѣ нашей и сильно подготовившіеся къ ея встрѣчѣ, конечно воспользовались бы приведеніемъ нашихъ войскъ въ такое ужасное положеніе и довершили бы ихъ совершенное пораженіе. Между тѣмъ, союзники, отбивъ нашу атаку, даже не рѣшились преслѣдовать насъ дальше Черной рѣчки, которую и не переходили.

Въ долину р. Черной, гдѣ происходила битва, никакого лѣса нѣтъ такого, въ который такъ счастливо, по разсказу г. Воронова, могла бы спрятаться отъ непріятеля вся наша армія, съ артиллеріей. При такомъ состояніи арміи, на какое указываетъ г. Вороновъ въ дѣлѣ на Черной, когда кавалерія и артиллерія перемѣшалась съ пѣхотой, убѣгающей и уѣзжающей на ящикахъ и лафетахъ, никакой Тотлебенъ и никто другой не въ силахъ былъ бы, хотя бы и явился внезапно откуда-то, изъ лѣсу (какъ, по словамъ Воронова, явился Тотлебенъ), вызвать жолонеровъ (да и откуда онъ ихъ могъ бы вызвать?—изъ толпы, образованной бѣгущими пѣхотинцами, кавалеристами, артиллеристами!), какіе жолонеры послушались бы команды (особенно въ минуты паники!), какого-то полковника (по Воронову), которому они не были подчинены? Наконецъ, какого результата можно было достигъ въ такой сумятицѣ вызовомъ жолонеровъ на линію? да и на какую линію?... впрочемъ, весь этотъ разсказъ г. Воронова ниже всякихъ возраженій.

Думаемъ, что вѣроятно г. Вороновъ слышалъ о подвигѣ Тотлебена въ Инкерманскомъ сраженіи 24 октября 1884 г. и его то въ данномъ случаѣ передалъ, какъ очевидецъ, къ сожалѣнію въ ошибочномъ изложеніи.

Въ нашихъ «Походныхъ Запискахъ», по случаю этого подвига, говорится слѣдующее (Часть II, стр. 87. Вятка. 1861):

«Всѣ наши войска, какія только были на высотѣ Сапунь-горы... всѣ были опрокинуты, частію въ оврагъ, частію на старую дорогу... Наша артиллерія оставалась безъ прикрытія, но, продолжая дѣйствовать—ей велѣно отступить въ Севастополь. Лишь только началось ея движеніе, французы устремились на нее. Но тутъ полковникъ Тотлебенъ во время прикрылъ ее батальономъ саперъ, вскорѣ подкрѣпленнымъ остатками бутырцевъ, а потомъ екатеринобурцевъ. Артиллерія

поступила весьма рѣшительно: она остановилась и одною батареею открыла огонь по французамъ—они не рѣшились наступать болѣе, и артиллерія была спасена...».

Въ «Описаніи обороны Севастополя», составленной подъ руководствомъ самого Тотлебена, объ этомъ случаѣ говорится такъ (Ч. I, стр. 450—451. Спб. 1863):

«Въ то время, какъ большая часть пѣхоты уже перешла мостъ на Черной рѣчкѣ и устье Киленъ-балки, артиллерія наша, утомленная продолжительнымъ боемъ и обезсиленная убылью людей, медленно двигалась по Саперной дорогѣ. Въ это время непріятельская артиллерія успѣла подбить нѣсколько повозокъ, которыя загородили дорогу, и въ то время, какъ пѣхота отошла уже вдоль берега къ Севастополю, артиллерія остановилась, растянувшись на протяженіи отъ устья Киленъ-балки до Георгіевской балки.

Пользуясь этимъ, непріятельскіе стрѣлки, прикрываясь кустарникомъ, такъ близко подступали къ нашимъ орудіямъ, что ежеминутно были готовы ихъ захватить. Случившійся здѣсь въ это время полковникъ Тотлебенъ, видя угрожающую нашей артиллеріи опасность, взявъ находившуюся невдалекѣ роту Углицкаго полка, разсыпавъ ее въ дѣль, остановилъ шедшій въ хвостѣ колонны Бутырскій полкъ, два батальона котораго, въ ротныхъ колоннахъ, расположилъ въ двѣ линіи, а остальные два батальона въ резервъ. Стрѣлки наши завязали живую перестрѣлку съ непріателемъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы ободрить наши войска и остановить непріятеля, полковникъ Тотлебенъ выдвинулъ на позицію попавшіяся подъ руку 4 орудія, которыя и открыли огонь; къ этимъ четыремъ орудіямъ тотчасъ же присоединилось нѣсколько другихъ... Непріятель приостановилъ свой натискъ...».

Послѣдняя выписка показываетъ, что подвигъ графа Тотлебена уже занесенъ въ исторію обороны Севастополя.

Позволимъ себѣ, кстати, сдѣлать небольшую поправку неточности, допущенной въ некрологѣ Конст. Петр. Голенко («Русская Старина» изд. 1884 г., июнь, стр. 660). Въ статьѣ этой говорится, что Голенко контуженъ въ правую руку «въ день бомбардировки и штурма 24 октября 1854 года».

Въ этотъ день не было ни бомбардировки, ни штурма, а произошло вышеупомянутое Инкерманское сраженіе.

П. В. Алабинъ.

6 августа 1884 г.
г. Самара.

СЛАВНОЕ ВАЯЗЕТСКОЕ СИДѢНЬЕ

въ іюнь 1877 г.

XIV ¹⁾.

Исчезающій мракъ, какъ постепенно поднимающійся занавѣсъ, сначала открылъ переднюю площадку, накануне заваленную ворохами вещей, на которой теперь вѣтерокъ шелестилъ никому ненужными бумажками, да посыпалъ песочкомъ разбросанные солдатскіе сухари; затѣмъ стали видны кладбище и подножіе ближайшихъ горъ, пестрѣвшія трупами лошадей и людей, а въ полверстѣ по ванской дорогѣ, вдоль одного изъ горныхъ отроговъ, открылась темная полоса набросанной насыпи и уставленной флачками разныхъ цвѣтовъ...

Какъ только развернулась даль, тотчасъ же рядъ бѣлыхъ дымокъ закружился на тѣневой сторонѣ горъ и вмѣстѣ съ раскатами эхо отъ выстрѣловъ, свистомъ и трескомъ пуль началась прелюдія второго дня.

Открытый по насъ огонь былъ непрерывный, но не особенно частый—скорѣе пристрѣлочный, чѣмъ боевой.

Въ этотъ день артиллеріи удалось принять полное участіе: новая траншея передъ дуломъ восьмого орудія примолкла послѣ нѣсколькихъ шрапнелей, пущенныхъ при высотѣ прицѣла на 230 сажень. По просьбѣ урядника Хоперскаго полка «унять турокъ», сильно безпокоившихъ съ укрѣпленія, выстроеннаго на высокой горѣ, 8-е орудіе было передвинуто къ разваленной стѣнкѣ (С) и съ этой позиціи, повернувъ дуломъ къ Краснымъ горамъ, черезъ уголь зданія, открыло по укрѣпленію пальбу гранатами, и опять успѣхъ—жалоба посылавшихъ урядника была удовлетворена: турки перестали безпокоить ихъ.

Седьмое орудіе не могло сначала унять стрѣлявшихъ изъ старой

¹⁾ См. „Русскую Старину“ изд. 1885 г., т. XLV, январь, стр. 157—186.

крѣпости; но когда замѣтили, что пальба велась главнымъ образомъ не изъ нея, какъ казалось вначалѣ, а изъ траншеи на горѣ, скрытой за крѣпостью, немедленно была прибавлена высота прицѣла и опять шрапнелью ослабили огонь турокъ и съ этой стороны.

Выраженія удовольствія за мѣткую стрѣльбу артиллеріи слышались вездѣ и имя взводнаго фейерверкера Егорова, какъ отважнаго и хладнокровнаго артиллериста, стало извѣстно всему гарнизону.

Не находя болѣе замѣтной цѣли, фейерверкеръ Егоровъ отправился къ зданію, чтобы изъ окна, съ высоты, высмотрѣть слабое мѣсто непріятеля; но не дошелъ еще до заднихъ дверей, какъ вздрогнулъ, остановился и присѣлъ: прострѣленная нога измѣнила ему. Что потерялъ въ немъ взводъ, можно судить по той популярности, какую сумѣлъ приобрести никому неизвѣстный прежде фейерверкеръ въ полтора дня своей дѣятельности подъ пулями.

Стрѣльба нашихъ орудій въ этотъ день, какъ выказалось очень скоро, принесла пользу только тѣмъ, что успѣла дать возможность пристрѣляться по всѣмъ окрестнымъ пунктамъ; но прекращеніе пальбы турками въ мѣстахъ, куда хорошо склонялись разрывы шрапнелей, было не вслѣдствіе деморализаціи непомерно-многочисленнѣйшаго непріятеля, а умышленной выдержки передъ подготавливавшимся скорпіризомъ.

Часовъ въ девять раздался какой-то сигналъ въ нижней части города; звонко разнесли его рожки по горамъ и вдругъ ружейный огонь усиленный до крайней возможности, слился въ одинъ стонъ.

Прислугѣ восьмого орудія, открыто стоявшей на новой позиціи, велѣно было взойти въ зданіе; а седьмое орудіе, кое-какъ прикрытое мѣшками, могло отвѣчать хоть изрѣдка.

Около трехъ часовъ на сплошной дымъ и гулъ со стороны непріятеля курилась и грохотала вся цитадель.

Къ полудню пальба притихла почти внезапно, и изрѣдка прелетавшія пули смѣнили недавній свинцовый градъ. Что ожидало прислугу 8-го орудія, если-бъ не убрали ее въ закрытое мѣсто, можно было судить по оставленной нечаянно зарядной сумѣ, которая была такъ сильно пробита пулями, что буквально представляла рѣшето.

Турки при этомъ до того отлично пристрѣлялись по окнамъ, крышамъ и всѣмъ угламъ дворовъ, что выйти даже изъ заднихъ дверей не подвергая жизнь вѣрной опасности, не было возможности и поэтому придумали такого рода маневръ: передъ выходомъ выставляли на палкѣ шапку и, дождавшись, когда стерегушіе выходящихъ турки разрядятъ по ней свои ружья, ложились на порогъ и скатывались изъ дверей подъ горку.

Къ вечеру второго дня пальба турокъ притихла настолько, что изъ цитадели не считали нужнымъ отвѣчать на нее.

Но въ эти болѣе спокойныя часы еще рѣзче начиналъ заявлять себя другой врагъ: — жажда и голодь. Въ этотъ день обѣдъ ужъ не готовился; гдѣ была еще вода, тамъ сберегалась она только для питья. Запасъ ея исчезалъ, а жажда все сильнѣе грызла внутренность. Двѣ ложки воды, выданныя гарнизону, было все, чѣмъ могли смочиться запекшіеся языки; а жара не унималась; духота въ комнатахъ и у раскаленныхъ каменныхъ стѣнъ усиливала потребность утолить жажду. Нѣкоторые, не могшіе вынести этихъ страданій, ночью, украдкой, уходили за водой къ рѣкѣ ¹⁾.

Вздовымъ, сидѣвшимъ въ конюшняхъ, было, какъ говорится, тошно и за себя, и за лошадей; несчастныя животныя громкимъ гоготаньемъ каждому входящему напоминали, что пора вести на водопой и нервнымъ рытьемъ земли точно хотѣли открыть воду. Особенно тяжело было лошадямъ восьмого орудія, помѣщеннымъ подъ солнечнымъ припекомъ въ комнатѣ (л) безъ потолка.

Въ рѣдкой части былъ запасъ и сухарей.

Количество же подвезенныхъ подрядчикомъ передъ самую грозою было не велико, вслѣдствіе чего и хлѣбъ выдавался чуть не аптекарскими дозами; первая раздача въ этотъ день ограничилась однимъ сухаремъ на человѣка ²⁾.

Впрочемъ, сравнительно общее настроеніе было хорошо: еще неизрасходованныя физическія силы подчинялись волѣ безъ особенныхъ усилий; еще повременамъ слышались шутки, особенно въ боевой линіи, гдѣ раздавался изрѣдка даже смѣхъ или послѣ залпа по большому скопу турокъ, когда торопились стрѣлять по разбѣгавшимся, какъ по зайцамъ, или когда, послѣ попавшей въ зданіе гранаты, сидѣвшіе въ немъ выскакивали сразу изъ всѣхъ его отверстій.

Въ комнатахъ замка въ частной бесѣдѣ, конечно, встрѣчались ноты, дѣлавшія страданія еще ощутительнѣе, но какъ разносторонне ни разбиралось положеніе гарнизона и вѣрующими въ скорое появленіе Тергукасова, и предвидѣвшими мрачный конецъ, но не одинъ изъ свидѣ-

¹⁾ Въ разсказѣ фейерверкера Участкина, бывшаго въ Баязетѣ еще канониромъ, упоминается, что рядовой Ставропольскаго полка Жирядковъ, какъ его землякъ, подѣлился съ нимъ раздобытыми пивъ въ городѣ чурекомъ и рѣчною водою.

²⁾ Каждый сухарь изъ доставлявшихся подрядчикомъ Саркизъ-Ага Мамуковымъ былъ величиною въ большую ладонь, а толщиною около полъ-дюйма.

телей того времени не может припомнить, чтобы ктонибудь заикнулся о сдачѣ хоть ради шутки.

Надвинувшійся мракъ второй ночи принесъ съ собою болѣе спокойствія; помимо страданій отъ жажды и мѣшавшей отдохнуть заботы о прикрытіи, все остальное давало преимущество этой ночи передъ прошлою: впечатлѣнія послѣ тяжелаго отступленія стирались новыми; большинство освоилось съ помѣщеніями и примостилось какъ на квартирѣ; турки не подходили близко къ стѣнамъ, за исключеніемъ одного сильнаго передового поста, въ тишинѣ наблюдавшаго съ кладбища за гарнизономъ, но который, когда работавшіе новый барбетъ для 8 орудія у самаго зданія очень разшумѣлись, не выдержалъ и открылъ себя пальбой. Такое положеніе дозволило намъ хозяйничать немного по-свободнѣе не только внутри, но и въ окрестностяхъ; такъ, вызывали охотниковъ изъ казаковъ для сбора ружей и патроновъ Снайдера, слышались даже приказанія: «у кого вышли патроны, идите получать турецкія ружья». Кстати сказать, что вооруженныхъ этими ружьями было не мало и ихъ укладывали обыкновенно на передней стѣнкѣ для дѣйствія противъ дальнихъ, горныхъ позицій, а впоследствии и противъ артиллерійской прислуги.

Наши войска не спали; работа, начатая въ первую ночь, продолжалась и въ теченіи второй; обозъ понемногу растащили по мѣстамъ болѣе закрытымъ отъ пуль; три артиллерійскихъ ящика и одинъ передокъ расположили на второмъ дворѣ, сзади двухъ-этажнаго зданія, а одинъ ящикъ и одинъ передокъ, протянувъ сквозь проломъ (к), поставили за стѣнкой у аппарели. Къ утру успѣли поднять косою барбетъ около зданія настолько, что 8-е орудіе могло стрѣлять черезъ стѣну хотя по небольшой части Красныхъ горъ, прикрывая себя съ фланга.

Въ городѣ, по вчерашнему, турки всю ночь бродили съ фонарями, служившими мишенями для нашихъ выстрѣловъ; шумъ, крикъ, трескъ и по временамъ звуки въ родѣ стонувъ или плача нарушали тишину.

Отрядъ нашъ продолжалъ ждать штурма и готовился къ отраженію его; но такъ какъ успѣхъ обороны въ этой каменной коробѣ конечно зависѣлъ, главнымъ образомъ, отъ cadaго обороняющагося, успѣвшаго уже присмотрѣться и къ своему мѣсту, и къ окрестности, а съ другой стороны отъ полнаго порядка, разстройствомъ котораго могли бы воспользоваться зорко стерегущіе турки, то, вѣроятно, поэтому никому и въ голову не приходило размѣщать солдатъ по ротно, и казаковъ по сотенно.

XV.

Чуть забрезжилъ свѣтъ, какъ началась обычная пальба, но чѣмъ дальше и рѣзче выяснялись предметы, тѣмъ перестрѣлка становилась жарче.

Наши отвѣчали только по вѣрнымъ цѣлямъ. Третій день сыпавшіяся по осажденнымъ пули не очень волновали ихъ нервы и мысль о сбереженіи патрона на черный день не оставляла стрѣлковъ даже во время горячей пальбы.

Къ утру всѣ части гарнизона находились въ выжидательномъ положеніи: артиллерія — разставила орудія одно за минаретомъ, другое за угломъ зданія у пролома (к), а казаки и пѣхота, занявъ обычныя мѣста, высматривали цѣль изъ-за каменьева и изрѣдко только отвѣчали на частый огонь турокъ.... но вдругъ всѣ точно остомбенѣли и обратились въ одно созерцаніе: около восьми часовъ вдоль непріятельской позиціи внезапно раздался неистовый крикъ, оглушительный залпъ многихъ тысячъ ружей, вмѣстѣ съ раскатами первыхъ непріятельскихъ орудійныхъ выстрѣловъ; глухіе удары гранатъ о стѣну, гулъ отъ сваленнаго снарядомъ верха стѣны на головы крымцевъ и трескотня отъ распуляющихся и рекошетирующихъ пуль; а вслѣдъ за этимъ показались изъ-за сплошнаго дыма массы турокъ, саранчей двинувшіяся на цитадель; все это, слившись въ одинъ хаосъ, произвело потрясающій эффектъ и трянули нервы даже ждавшихъ штурма, только, можетъ быть, не при такой обстановкѣ.

Подполковникъ Пацевичъ, капитанъ Штоквичъ и многіе офицеры, спокойно сидѣвшіе до этой минуты подъ аркой вторыхъ воротъ, при внезапно грянувшемъ, потрясающемъ громѣ и ударахъ снарядовъ о стѣну, неожиданно заявившихъ о появленіи непріятельской артиллеріи, были озадачены не менѣе другихъ; тревожно обмѣнялись они мыслями и въ теченіи десяти, пятнадцати секундъ постановили какое-то рѣшеніе¹⁾; затѣмъ изъ этого-же центра разнеслась команда: «не стрѣлять!» Одни офицеры кинулись къ своимъ частямъ, а другіе вдоль расположенія войскъ приводить отданный приказъ въ исполненіе. Подполковникъ Пацевичъ, пройдя мечеть, взглянулъ изъ окна на приближающіяся толпы непріятеля, и быстро направился къ выходу изъ зданія; только приостановившись на минуту, онъ обратился къ переводчику съ такимъ приказаніемъ: «иди на переднюю стѣну и скажи тур-

¹⁾ Что говорено было въ этотъ важный для начальниковъ моментъ — я узнать не могъ.

камень: если они насъ выпустятъ изъ крѣпости, мы сдадимъ имъ весь городъ» ¹⁾).

Посланный армянинъ прихватилъ гдѣ-то на пути палку, навязалъ на нее что-то бѣлое, бѣгомъ миновалъ внутреннее помѣщеніе передняго фаса до угловой лѣстницы, взошелъ на крышу черезъ люкъ (д) и началъ что-то кричать. Вблизи лежавшіе казаки слышали, какъ одинъ турокъ, одѣтый въ красномъ, съ краснымъ знаменемъ въ рукахъ, въ свою очередь крикнулъ переводчику въ отвѣтъ, послѣ чего армянинъ ушелъ. Неизвѣстно, кѣмъ отвѣтъ этотъ былъ переведенъ, но между стрѣлками этого угла разнеслось, будто красный курдь сказалъ: «сдавайтесь или не сдавайтесь, мы все равно всѣхъ васъ вырѣжемъ!»

Между тѣмъ цѣль неприятеля или, вѣрнѣе, переднія рѣдкія кучи его уже находились недалеко отъ стѣны, а за ними, словно ныряя по волнамъ, то показываясь на вершинахъ высотъ, то исчезая въ балкахъ, съ неумолкаемымъ крикомъ валила сплошная пестрая туча курдовъ.

Уже воинственный вопль ихъ становился оглушительнѣе, уже слышны были ободрительные клики: «русскіе сдаются!... русскіе наши!» ²⁾, а у насъ въ это время къ общей тревогѣ присоединились еще недоразумѣнія и глухая борьба между начальниками относительно способа дѣйствій, которая въ южномъ переднемъ углѣ перешла даже въ открытое столкновение. Едва посланный для переговоровъ армянинъ, осыпавшій пулями, исчезъ со стѣны, какъ появился солдатъ съ бѣлымъ плакомъ на штыкѣ.

Войсковой старшина Кванинъ въ своихъ замѣткахъ такъ описываетъ этотъ эпизодъ: «я остановилъ и спросилъ его, куда онъ идетъ, и зачѣмъ у него эта тряпка на штыкѣ?»—солдатъ отвѣтилъ: что гарнизону велѣно приготовиться къ сдачѣ, а бѣлый флагъ выставить на правомъ переднемъ углѣ; на вопросъ мой: кѣмъ данъ былъ такой приказъ? отвѣтилъ: командующимъ войсками. Не довѣряя его словамъ, я приказалъ ему удалиться и доложить, что нѣтъ крайности, вызывающей сдачу».

Послѣ этого солдатъ ушелъ въ среднія ворота.... тамъ скоро раздалось новое приказаніе: «подать простыню!» и повтореніе распоряженія: «перестать стрѣлять!»

¹⁾ Смыслъ этого приказанія передавали многіе, но дословно передалъ его канониръ Смольняковъ, выходявшій изъ мечети одновременно съ подполковникомъ Падевлчемъ и стоявшій сзади его, когда онъ говорилъ съ переводчикомъ.

²⁾ Канониръ, ѣздовой изъ татаръ, Тяпаевъ, оставаясь на балконѣ дольше своихъ товарищей, услышалъ и понялъ эти слова, послѣ которыхъ тотчасъ же кинулся въ конюшню.

Прошло минуты двѣ послѣ описаннаго происшествія, какъ снова появился тотъ же солдатъ, только съ простыней на штыкѣ, и передалъ, что ему приказано выставить флагъ, не слушая никого. Вторичное недопущеніе исполнить ему приказанное вызвало самого подполковника Пацевича. Вынувъ револьверъ, онъ крикнулъ: «перестать стрѣлять... Пошолъ сюда!» и прибавилъ: «кто осмѣлится послушаться моихъ приказаній, именемъ закона застрѣлю». Вслѣдствіе этого пальба въ этомъ углу совершенно прекратилась, и большая часть стрѣлковъ сошла со стѣны.

Въ параллель описываемому, милиционеры по чьему-то приказанію начали отваливать камни отъ воротъ, а офицеры Г. и Я. разносили приказанія не стрѣлять и настаивали на исполненіе его.

Тяжело отзывалось на солдатахъ это приказаніе. Извѣстіе о сдачѣ было для нихъ равномѣрно приговору къ смерти. Но были и противники предполагаемой сдачи; не только большинство офицеровъ одобряло солдатъ увѣреніемъ, что безъ боя турокъ не впускать, но и г-жа Ковалевская умоляла огорченныхъ ставропольцевъ биться до послѣдняго. «Что съ нами будетъ?.. Что хотять съ нами дѣлать?»... говорили и солдаты, и казаки, у многихъ катились слезы. Изъ рассказовъ видно, что были и такіе, которые, въ случаѣ сдачи, общали пустить въ себя пулю, нѣкоторые сговаривались соскочить со стѣны противъ нижняго города и пробиваться къ пограничнымъ горамъ. На ѣздовыхъ отзывался этотъ переполохъ еще чувствительнѣе: не участвуя непосредственно въ оборонѣ, не видя ничего, что происходитъ внѣ зданія, внутри котораго они объамунчивали лошадей, и слыша кругомъ восклицанія: «перестать стрѣлять!.. Наши сдаются!.. Турки лѣзутъ на стѣну!» имъ казалось ежеминутно, что непріятель уже врывается въ комнату, а потому и горячились болѣе, чѣмъ слѣдовало.

Среди общей тревоги восьмое орудіе было перевезено подъ своды прохода во второй дворъ съ помощью ставропольцевъ, потерявшихъ при этомъ трехъ человекъ ранеными; направивъ дуломъ противъ входныхъ воротъ и приказавъ уложить съ боку его картечь, командиръ взвода какъ бы протестовалъ противъ сдачи.

Шла какая-то кутерьма: одни кричали не стрѣлять, другіе готовились къ упорной оборонѣ.

Во время прихода подполковника Пацевича къ переднему фасу цитадели, опасность была уже очень велика — наступалъ послѣдній моментъ штурма; но онъ, послѣ угрозъ убить cadaго ослушника, продолжалъ начатое: молча взошелъ по лѣстницѣ на крышу и, махая шапкой, началъ кричать: «тохта!.. тохта!.. Я вашъ!.. я вашъ!..»

Въ отвѣтъ, притихшая пальба турокъ смѣнилась крикомъ «алла»

подъ самыми стѣнами и стрѣльбой чуть не въ упоръ. Вдругъ подполковникъ Пацевичъ судорожно вздрогнулъ и повернулся... пуля черезъ спину пробила ему грудь; вслѣдъ за этимъ взлетѣвшій и повисшій погонь указалъ почти на одновременный другой ударъ пулею въ плечо. Сходя съ лѣстницы, онъ произнесъ только: «я раненъ—теперь дѣлайте, какъ хотите».

Эти слова вдругъ измѣнили положеніе и настроеніе оборонявшихся: «на стѣну, братцы!.. Бей!.. бей ихъ!» раздались во всѣхъ концахъ цитадели давно желаемыя приказанія—и громъ, и смерть разразились надъ сбѣжавшими толпами турокъ.

XVI.

Бѣлые флаги, выставяемые въ цитадели, и слабый нашъ огонь, умѣряемый приказаніемъ не стрѣлять, сильно ободрили непріятеля, наступавшаго отчаянно. Вскорѣ низъ передней стѣны, ниша входныхъ воротъ и все углубленіе передъ подземной галлерей были сплошь набиты и обставлены турками. Но тутъ-то и высказалась полная неподготовка ихъ къ штурму и полное неумѣніе воспользоваться благоприятными обстоятельствами: забрасываніе на стѣну веревокъ съ крючками на концѣ, которыя легко сталкивались обороняющимися, да колоченіе въ ворота чѣмъ-то безвреднымъ, вотъ все, что употребили они для овладѣнія цитаделью.

Когда же вынужденное молчаніе гарнизона было прервано раздавшейся во всѣхъ углахъ командой: «на стѣну!.. бей ихъ!..» и защитники цитадели, словно воскресшіе, мгновенно появились во всѣхъ мѣстахъ, откуда была возможность стрѣлять, когда въ то-же мгновеніе весь верхъ стѣнъ цитадели, всѣ отверстія, куполь мечети, балконы минарета и бойницы подземной галлерей заволоклись дымомъ нашихъ выстрѣловъ, тогда турки представили изъ себя массу людей, обрѣченныхъ на разстрѣляніе;—промаховъ не было; каждая пуля въ густой толпѣ непріятеля могла находить по нѣсколько жертвъ, а вылетавшія изъ бойницъ подземной галлерей должны были пронизывать въ упоръ стоявшую живую стѣну до тѣхъ поръ, пока обезсиленные вязли въ тѣлахъ послѣднихъ жертвъ.

Геройски бились солдаты и казаки, сознавая, что штурмъ этотъ былъ бой на жизнь и смерть.

Турки, подманенные бѣлыми флагами, дрогнули отъ такого пораженія и мысль о дешевомъ овладѣніи цитаделью смѣнилась противоположною:—спасти отъ явной смерти; послѣ кратковременнаго коле-

бавія тысячныя толпы, сомкнувшіяся у цитадели въ громадную массу, еще быстрѣе кинулись отъ смертоносныхъ стѣнъ. Гулъ отъ топота бѣгущихъ не могъ быть заглушенъ даже самой частой стрѣльбой. Опрокидывая другъ друга, они стремились только скорѣе укрыться за первыми углубленіями или за стѣнами первыхъ попавшихся зданій.

И такъ, не удался неподготовленный штурмъ на всѣхъ пунктахъ: не удалось туркамъ зацѣпиться крючками и влѣзть на стѣну и не удалось имъ прорваться сквозь ворота и бойницы.

Въ первыя минуты бѣгства непріятели выстрѣлы наши продолжали поражать его безъ промаха; минутъ черезъ пять крики и глухой топотъ стали понемногу притихать, но въ этотъ короткій промежутокъ времени вся земля и камни окрасились кровью, убитые не только покрывали всю переднюю площадку, но и около стѣнъ, и въ углубленіи передъ подземной галлереей лежали они высокими грудами, между которыми только слегка копошились тяжело раненные.

Одна изъ цѣлей турокъ, какъ узнали впоследствии, во время перемирія, была уничтоженіе гарнизона поголовнымъ избіеніемъ. Съ самаго открытія войны ихъ муллы проповѣдывали, что полного прощенія грѣховъ и высшаго райскаго наслажденія удостоются только тѣ, которые убьютъ не менѣе сорока русскихъ, и вотъ увѣренность въ легкомъ достиженіи побѣды и завѣтной фанатической цѣли заставила ихъ положить огромное количество правовѣрныхъ, не успѣвшихъ заслужить право на свиданіе въ Магометовомъ раю съ гуріями.

Послѣ замолкшей получасовой непрерывной пальбы, первая забота всѣхъ въ гарнизонѣ была сберечь оставшіеся патроны, какъ единственный источникъ силы, для отраженія подобныхъ нападеній, вслѣдствіе чего гарнизонъ пересталъ обращать вниманіе на рѣдкіе выстрѣлы противника и прекратилъ стрѣльбу; многіе даже спустились со стѣны въ наружу къ убитымъ туркамъ, чтобы набрать ружей и патроновъ системы Снайдера.

Что же касается нашей артиллеріи, то она опять-таки не по своей винѣ не въ силахъ была дѣйствовать активно, а только нравственно поддерживала гарнизонъ какъ послѣдній надежный резервъ въ критическую минуту: 8-е орудіе, съ картечью въ дулѣ, стояло противъ воротъ, а 7-е, вслѣдствіе приказанія не стрѣлять, промолчало самое лучшее время, когда наступающія толпы подходили на картечь, разрѣшеніе же бить непріятеля для этого орудія, стоявшаго на заднемъ дворѣ, значительно опоздало, такъ какъ цѣль уже скрылась.

Три турецкихъ горныхъ орудія послѣ отбитія штурма тоже стали умолкать, хотя занимали командующія высоты внѣ обстрѣла нашею артиллеріею: одно изъ нихъ было расположено на горѣ, противъ во-

ротъ, на 500 сажень-отъ цитадели ¹⁾, другое немного лѣвѣе его, въ ущельѣ, въ 150 саженьяхъ ²⁾, а третье, правѣе средняго, на уступѣ Красныхъ горъ. Эта послѣдняя позиція только и могла быть обстрѣливаема нашимъ орудіемъ съ бугорка у развалившейся стѣнки (с) черезъ уголъ зданія близъ пролома (к). (См. планъ I и II).

Нельзя пропустить молчаніемъ и самое щекотливое мѣсто удачно кончившагося боя. Судя по видимой обстановкѣ, при которой дѣлались распоряженія подполковника Пацевича, такъ и кажется на первый взглядъ, что всѣ они были слѣдствіемъ старанія спастись отъ предстоящей опасности; но общій отзывъ его соучастниковъ по оборонѣ цитадели отвергаетъ такое подозрѣніе: если бѣ дѣйствія его были въ зависимости отъ этого непохвальнаго чувства, говорили многіе изъ нихъ, то никто не мѣшалъ и ему сидѣть невидимкой подъ аркой вторыхъ воротъ. Онъ одинъ изъ своихъ совѣтниковъ, согласившихся на сдачу цитадели туркамъ, съ твердостью приводилъ въ исполненіе задуманный планъ и одинъ заплатилъ за это своею жизнью.

Планъ этотъ конечно былъ безразсуденъ: увлекаясь мыслью сдать ненужный намъ Баязетъ, чтобы спасти гарнизонъ отъ гибели, совѣтники упустили изъ вида дикость курдовъ, всякій успѣхъ которыхъ ознаменовывался истребленіемъ противника; выходило, что подполковникъ Пацевичъ какъ будто признавалъ обреченіе отряда на истребленіе — средствомъ къ его спасенію.

Такая нелогичность невольно вынуждаетъ сказать про ту слабость, которой былъ подверженъ подполковникъ Пацевичъ и которая мѣшала ему трезво смотрѣть на происходившее вокругъ него, но ни въ какомъ случаѣ онъ не принадлежалъ къ числу робкихъ.

Какъ-бы то ни было, но отказъ противника вступить въ переговоры былъ ловко, хотя и неожиданно, опрокинуть на его же голову. Это пораженіе турокъ, хотя и не исходящее отъ предварительно составленнаго плана, получило видъ смѣлаго и хорошо обдуманнаго маневра.

Солдаты и казаки, которымъ принадлежала вся честь отбитія штурма, послѣ успѣха наглядно сознали въ себѣ силу, достаточную для борьбы съ многочисленнымъ врагомъ. Общая радость вызвала даже пѣсни; пересохшія отъ жары и жажды горла пѣли ихъ хоть и недолго, но отъ души. Видно было, что всѣ окончательно страхнули съ себя тяжелую память о неудачахъ, слѣдовавшихъ вначалѣ одна за другой.

Мечъ полной гибели пересталъ висѣть надъ головами; напряженное

¹⁾ Показаніе наводчиковъ.

²⁾ Изъ записокъ поручика Томашевскаго.

чувство ежеминутнаго ожиданія штурма теперь разрядилось и побѣдители, не отвѣчая почти на неумолкающую стрѣльбу непріятели, занялись въ цитадели своими внутренними дѣлами.

Войсковой старшина Кванинъ ¹⁾ отправился во второй дворъ къ полковнику Измаиль-хану-Нахичеванскому, прося его какъ старшаго принять командованіе войсками послѣ подполковника Пацевича; на это тотъ отвѣтилъ, что уже вступилъ въ эту должность и прибавилъ: такъ какъ онъ не совсѣмъ опытенъ въ военномъ дѣлѣ, то предлагаетъ ему приводить въ исполненіе всѣ его распоряженія по оборонѣ Баязета, на что войсковой старшина Кванинъ изъявилъ полную готовность и тутъ же попросилъ позволеніе, въ виду возможности второго штурма, воспользовавшись временнымъ оставленіемъ гарнизона въ покоѣ, сомкнуть разбросанныя части войскъ, приступить къ окончанію закладки оконъ, къ сильнѣйшей завалкѣ воротъ камнями и лучшему огражденію стрѣлковъ на верху стѣнъ.

Передвиженіе частей войскъ для смыканія по ротнo и сотенно удалось, а приступившимъ къ работамъ турки помѣшали мѣткимъ огнемъ. Въ тишинѣ и порядкѣ отрядъ нашъ приготовился встрѣтить ночь.

Передъ вечеромъ офицеры Ставропольскаго полка уговорили г-жу Ковалевскую разстаться съ покойнымъ ея мужемъ, такъ какъ солдаты, прощаясь съ нимъ, сильно плакали, а это съ своей стороны могло дурно отозваться на общее состояніе духа.

На днѣ глубокаго подземелья ставропольцы вырыли въ сторонѣ отверстіе на манеръ склепа и, на вѣки распростившись съ своимъ любимымъ начальникомъ, задвинули въ него гробъ.

XVII.

Жажда продолжала усиливаться и начинала доводить страдальцевъ до изнеможенія. Вола вся вышла; не было возможности повторить раздачу ея даже по чаркѣ.

Въ это время, когда каждая капля воды давала надежду на борьбу со смертью, докторъ Китаевскій явился къ Александрѣ Ефимовиѣ съ просьбой дать вина для раненаго Пацевича. Ковалевская, геройски разставаясь съ дорогимъ запасомъ — двумя бутылками вина, невольно

¹⁾ Всѣ распоряженія полковника Измаиль-хана-Нахичеванскаго, по принятіи имъ должности командующаго войсками Баязетскаго округа, буду приводить изъ записки войскового старшины Кванина.

прибавила: «я отдаю послѣднее, теперь мнѣ придется умереть отъ жажды».

До какой степени опасность отъ пуль и шашекъ считалась ничтожною сравнительно съ испытываемыми мученіями отъ жажды видно изъ того, что казакъ хоперской сотни Кирильчукъ, отважный правда по натурѣ, просилъ позволеніе прокрасться къ тому мѣсту, гдѣ отведена вода и направить ее снова по водопроводнымъ трубамъ. Естественно, что отпустить его на вѣрную смерть никто не согласился.

Рѣшительное разыскиваніе выхода изъ такого тяжелаго положенія вызвало смѣльчаковъ, которые еще прошлою ночью успѣшно, хотя и секретно, доставали воду изъ рѣки. Разсказъ ихъ, что путь этотъ не очень опасенъ, сталъ извѣстенъ всѣмъ, поэтому едва наступила описываемая ночь, какъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ десятки удалцовъ были спущены со стѣнъ по канатамъ и счастливе возвратились съ добычей. Слухъ объ этомъ дошелъ и до начальствующихъ лицъ; изсякшій запасъ воды въ общественной кадушкѣ указалъ имъ на необходимость схватиться за этотъ единственный способъ поддерживать существованіе отряда, тѣмъ болѣе, что проба дойти до воды копкай колодда не удалась. Въ эту же ночь всѣмъ начальникамъ было объявлено, что разрѣшается ежедневно наряжать изъ каждой части по нѣскольку чело-вѣкъ, которыхъ къ 8-ми часамъ вечера собирать у пролома въ одну команду и, съ наступленіемъ темноты, пропускать ее за водою. Это приказаніе было немедленно приведено въ исполненіе.

Между тѣмъ начинающія уже ослабѣвать руки должны были продолжать тасканіе каменьева и закладку разныхъ отверстій, преимущественно оконъ въ госпитальномъ помѣщеніи.

8-е орудіе попрежнему продолжало выглядывать изъ-подъ арки вторыхъ воротъ на входные—съ картечью въ дулѣ, а 7-е перемѣстили къ концу разваленной стѣнки (с), какъ на самую выгодную позицію: съ нея обстрѣливались не только дорога на Ванъ, кладбищенскій курганъ, нижній городъ, половина армянскаго квартала, но и часть Красныхъ горъ, если стрѣлять черезъ зданіе у пролома (к), какъ было уже говорено раньше. (См. планъ I и III).

Чтобы обезпечить орудійную прислугу отъ мѣткихъ, прицѣльныхъ выстрѣловъ, съ наступленіемъ темноты, скрывшей цитадель отъ турокъ, было приступлено къ обкладкѣ этой открытой позиціи съ четырехъ сторонъ мѣшками съ ячменемъ.

Въ такой готовности ожидали второго штурма ночью или съ разсвѣтомъ.

Когда же насталъ полный мракъ, войскамъ представилась такая

картина, омерзительнѣе которой никому изъ защитниковъ не удавалось видѣть раньше.

Недочетъ, оказавшійся въ рядахъ турокъ, а также неудавшееся желаніе каждаго изъ нихъ перебить сорокъ русскихъ, распалили ихъ звѣрскіе инстинкты, и они со всею яростью опрокинулись на беззащитныхъ жителей. Трескъ отъ ломки и разрушенія, крики и хохотъ неистовавшихъ турокъ повсюду смѣшивались съ воплемъ женщинъ и дѣтей. Вскорѣ началась иллюминація того, что дѣлалось во мракѣ, засвѣтился рядъ пожарныхъ огней, среди которыхъ особенно яркимъ свѣтомъ отличалось пламя отъ горящаго склада нашихъ телеграфныхъ столбовъ.

Съ любопытствомъ и страдальческимъ нытьемъ сердца слѣдили наши за толпами, окружавшими пожары: то ярко освѣщенные красноватымъ свѣтомъ огня, то въ видѣ черныхъ силуэтовъ, отчетливо видѣлись курды съ ихъ нечеловѣческими забавами, среди хохота и дикаго крика, которымъ подбодряли они другъ друга, то взмахивался ятаганъ, покончивавшій стenanіе какой нибудь жертвы, то взлеталъ вверхъ ребенокъ, чтобы исчезнуть въ пламени.

Солдаты и офицеры, посылая имъ проклятія и ругань, не могли удерживаться и отъ активнаго участія: по временамъ раздававшіяся команды: «рота пли!», вмѣстѣ съ громомъ залпа, точно облегчали ихъ и срывали съ сердецъ невольныхъ зрителей ту невыразимую тяжесть, какую испытываетъ лишенный возможности спасти погибающаго.

Подобныя поврежденные залпы, сваливавшіе часть мучителей около истерзанныхъ ими жертвъ, заставляли курдовъ оставлять опасныя мѣста и расходиться.

Вотъ такія-то сцены съ сатанинскими потѣхами, среди адскаго концерта изъ выстрѣловъ, треска, стука, воплей, криковъ и хохота, раздавашагося подъ чернымъ, непрогляднымъ сводомъ ночи и при заревѣ пожаровъ, представляли истинную картину ада, которая исчезла только съ появленіемъ зари.

Какъ ни тяжело отзывалось на нервы людей все видѣнное кругомъ по относительно внутренней жизни гарнизона, эта ночь была покойнѣе прошедшихъ. Въ теченіе ея окончили сборъ частей, успѣшно производились работы по прикрытію, а для каждой части и въ общественную кадушку раздобыли скудную однодневную порцію воды.

Кончились третьи сутки славной обороны.

XVIII.

Ожиданіе не сбылось: — штурмъ не повторился, и проблескъ дня былъ встрѣченъ обычной перестрѣлкой; только декорация, состоявшая изъ ряда мертвыхъ, обрывистыхъ скалъ, выступала изъ мрака вполнѣ оживившеюся: длинные караваны навьюченныхъ ословъ изгибались по горнымъ тропинкамъ и направлялись въ разныя стороны. Ясно было, что вывозилось награбленное за ночь имущество городскихъ жителей. Такая дерзкая прогулка днемъ подъ нашими выстрѣлами не обошлась безъ зарокъ съ ихъ стороны впредь этого не дѣлать, такъ какъ стрѣлы наши почти безъ промаха сваливали намѣченныя жертвы изъ числа проводниковъ-грабителей.

Наконецъ изъ-за горъ поднялось жгучее солнце и снова безжалостно стало тянуть оно изъ страдающихъ жаждой послѣднюю влагу, которую можно было назвать кровавымъ потомъ; вмѣстѣ съ этимъ разлагающіеся трупы, сплошной полосой окружавшіе стѣны, начинали заражать воздухъ невыносимо тяжелымъ запахомъ. Солдаты и казаки убѣждаясь, что невзгода, постигшая отрядъ, не кратковременныя случайность, съ полною покорностью судьбѣ старались примириться и съ этимъ новымъ мучителемъ.

Непонятное молчаніе непріятельской артиллеріи и рѣдкій ружейный огонь были для насъ какъ нелзя болѣе кстати; еще многое требовалось окончить для обезпеченія обороны; такъ, вслѣдствіе смерти раненаго въ ногу юнкера Евдокимова, убитаго влетѣвшей въ госпиталь пулей, пришлось полковнику Измаиль-хану-Нахичеванскому приказать нарядить рабочихъ для окончательной закладки отверстій, и работа эта, по скромности турокъ, подвинулась замѣчательно быстро, не смотря на трудность добыванія матеріала и недостатокъ физическихъ силъ.

Принимая въ расчетъ истому отъ жажды и душившую всѣхъ вонь, все-таки было легче лежать на стѣнѣ съ ружьемъ въ рукѣ, или возиться съ топоромъ и лопатой, чѣмъ находиться внутри зданія и, сосредоточиваясь въ самомъ себѣ, слѣдить за всѣмъ процессомъ страданія отъ начинающаго внутри пожара, отдававшагося повтому еще сильнѣе; къ счастью ежедневно находились занятія, отвлекавшія вниманіе отъ такого самонаблюденія: такъ, необходимость избѣгнуть опасный переходъ черезъ дворы заставила сдѣлать проломъ въ стѣнѣ, отдѣлявшей мечеть отъ большого зданія, примыкавшаго съ сѣверной стороны, и такимъ образомъ въ этотъ же день успѣли устроить закрытое внутреннее сообщеніе.

Между тѣмъ подкашиваніе силъ жаждой продолжалось: ничтожное

количество воды, раздобытое въ теченіи послѣдней ночи, вышло. Мученія усилились до того, что многіе прибѣгали къ пробѣ пить мочу, но отвратительная, вонючая жидкость вначалѣ отталкивала большинство отъ такой попытки; у людей не хватало силъ ожидать ночи. Нужда имѣть воду во чтобы-то ни стало принудила многихъ кинуться за нею наудалую, не думая ни о наказаніи за выходъ изъ цитадели безъ разрѣшенія, ни о выставленіи себя туркамъ на разстрѣліаніе.

Для большей ясности долженъ замѣтить, что официально дозволенный комендантомъ входъ и выходъ былъ только черезъ проломъ, появляясь же въ цитадель этимъ путемъ значило всю набранную воду или половину ея отдать въ общественную кадущку, поэтому охотники, посылаемые отъ артели, избѣгали показываться у пролома, а спускались и подымались на канатахъ. Эти контрабандисты имѣли много покровителей и превышали числомъ команды, выпускаемые по наряду. Мѣста же, гдѣ производились спуски со стѣнъ, соотвѣтствовали расположенію частей, имѣвшихъ веревки; чаще всего операція эта производилась у позиціи обонихъ орудій, около угла съ крѣпостнымъ флагомъ и съ балкона. Читая о такого рода вылазкахъ, происходившихъ не только ночью, но иногда и днемъ, въ виду непріятеля, вѣроятно многіе не удовлетворятся упоминаніемъ о нихъ въ общихъ чертахъ, какъ объ охотѣ очень опасной и долженствовавшей повторяться ежедневно, для поддержанія жизни отряда; поэтому, для разъясненія, какъ достигалась охотниками цѣль, представлю рядъ примѣровъ.

Изъ такого рода рассказовъ, касающихся описываемаго дня, 9 іюня, болѣе характерныхъ два:

— Было за полдень, когда два ѣздовыхъ Павликъ и Пьянзинъ стали упрашивать товарищей спустить ихъ со стѣны. Согласились. Каждый изъ нихъ, захвативъ по бурдюку и по кувшину, пошелъ къ тому мѣсту, гдѣ стояло 8-е орудіе. Павликъ первымъ, уцѣпившись за край веревки, повисъ за стѣной, а товарищи его, полулежа съ внутренней ея стороны, начали спускать его; они хотя и слышали какъ участились выстрѣлы, но изъ опасенія ушибить товарища, продолжали выпускать канатъ постепенно. Вдругъ облегченный конецъ его влетѣлъ наверхъ, спускавшіе упали, а внизу раздался звонкій трескъ разбитаго кувшина. Заглянули черезъ стѣну: оказалось, что Павликъ не убитъ, а только, не выдержавъ положеніе разстрѣливаемаго, распустилъ руки и ускорилъ полетъ на землю. Быстрѣ спустили другого охотника Пьянзина. «Бѣгите!... Бѣгите скорѣе!» кричали имъ съ разныхъ мѣстъ, и наши охотники, стремглавъ, полетѣли съ горы по направленію къ рѣкѣ. Вскорѣ они скрылись отъ пуль за сакли и затѣмъ исчезли въ глубинѣ обрыва, гдѣ протекалъ ручей. Отдохнувъ и напившись всласть,

они часа два откладывали вторую ставку жизни и наконецъ вышли. Счастливо явились они у подножія стѣны. Спущенный канатъ сначала поднялъ воду, потомъ ужъ и людей.

— Прошелъ день. Канониръ Зиновьевъ, борясь съ невыносимымъ томленіемъ и сдѣлавъ тщетную попытку утолить жажду мочей, дождался таки вечера, и въ числѣ команды, собравшейся у пролома, вышелъ вмѣстѣ съ другими; апатично, не обращая вниманіе на визгъ близко пролетавшихъ пуль, дошелъ онъ до рѣки. Тамъ съ жадностью напился, набралъ воды, но тяжелый кувшинъ какъ-то выскользнулъ изъ осмѣвшихъ его рукъ и разбился; послѣ этого не зачѣмъ ему было торопиться къ своимъ: естественная досада товарищей должна была разразиться только упреками и бранью.

Долго сидѣлъ онъ у рѣки, смотря со дна оврага на небо, окрашенное заревомъ пожаровъ, прислушиваясь къ воплямъ жертвъ, в дикому реву курдовъ, къ повременнымъ залпамъ и къ другимъ звукамъ напоминавшимъ прошедшую ночь; наконецъ, спустились къ нему два казака. Въ бесѣдѣ у воды, быстро миновала для нихъ ночь, и сѣрый цвѣтъ неба указалъ на начинающійся разсвѣтъ и время для *возвращенія*.

Одинъ изъ казаковъ первымъ выскочилъ изъ оврага, но подстерегавшія двѣ пули разбили ему голову. Въ ожиданіи того же, перекрестившись, вынырнулъ другой казакъ, но былъ счастливѣе и успѣлъ скрыться за скалями; наконецъ осторожно выползъ и Зиновьевъ: осмотрѣлся и кинулся по тому же направленію; замѣтивъ на бѣгу, что убитый казакъ держитъ бурдюкъ, наполненный водою, онъ рванулъ за него, но покойникъ не выпускалъ своей ноши, за которую расплатился жизнью. Свистъ пуль торопилъ канонира скрыться, а желаніе быть обладателемъ драгоценной добычи брало верхъ и онъ вступилъ въ спѣшную борьбу съ трупомъ; наконецъ разжатые пальцы мертвеца уступили ненужную уже для покойника воду, заснувшему на вѣки, а Зиновьевъ, съ прострѣленнымъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ платьемъ и сапогомъ, доставилъ товарищамъ неожиданный трофей.

Вылазки такого рода показали, что линія блокирующихъ войскъ проходила значительно дальше рѣки, почему и доступъ къ водѣ былъ возможенъ; за то и пользовались этимъ настойчиво; даже днемъ отъ времени до времени видѣлись то осторожно ползущіе, то отчаянно сбѣгающіе и вбѣгающіе съ неопѣненною добычею.

Счастливая охота, продолжавшаяся въ теченіи сутокъ, утолила жажду очень немногихъ. Счастье это, какъ счастье на все, въ какихъ бы дозахъ не раздавалось людямъ, конечно не захватывало всѣхъ, и обойденныхъ горемыкъ этихъ, со всѣми заурядъ, помазали по губамъ только двумя чарками воды, розданныхъ въ видѣ чередной порціи.

Не смотря на то, что привольнѣе другихъ было казакамъ, что не стѣсняемые начальниками они бродили не только близъ рѣки, по опустѣлому базару и брошеннымъ саклямъ, отыскивая чуреки, крупу и даже скоть, а всетаки количество съѣстныхъ припасовъ, добываемое такимъ способомъ, было ничтожно съ общимъ требованіемъ, поэтому и казаковъ угнетали тѣ же бѣдствія. «Едва мы вошли въ саклю, рассказывалъ одинъ изъ участниковъ¹⁾, гдѣ были три телушки, какъ товарищъ мой кинулся къ одной изъ нихъ и хватилъ кинжаломъ по горлу; равное животное не успѣло еще упасть, какъ онъ отрѣзалъ у ней языкъ, быстро развелъ огонь и, не дожаривъ какъ слѣдуетъ, съ жадностью съѣлъ его тутъ же».

Этотъ примѣръ можетъ дать понятіе о томъ, что испытывали пѣхотинцы, которыхъ выходъ стѣснялся больше, такъ какъ только ограниченная часть ихъ могла входить въ составъ небольшой ночной команды, и которые для секретныхъ выходовъ-спусковъ не имѣли веревокъ.

За ночью, обычной чередой, чистое небо и огненное солнце явились предвѣстниками жаркаго дня.

XIX.

10 июня была копія прошедшаго дня: та же ничтожная ружейная пальба и молчаніе артиллеріи представляли охотникамъ возможность повторять опасные выходы за водой, но только временная льгота эта не доставила ожидаемой радости:—вода начинала уже разить тѣмъ же трупнымъ запахомъ, которымъ былъ сильно зараженъ воздухъ; стало ясно, что турки начали забрасывать рѣку мертвыми тѣлами.

Этотъ второй спокойный день уже приходилъ къ концу, когда около 6 или 7 часовъ пополудни общее вниманіе занимавшихъ задній дворъ было привлечено какимъ-то страннымъ явленіемъ: вдали, около одного изъ домовъ, слышались отдаленные крики, пальба и виднѣлся большой скопъ курдовъ, точно вязавшихся въ бой. Для охлажденія воинственнаго ихъ пыла, было послано три шрапнели.

Рассказывали послѣ войны, что въ домикѣ, стоявшемъ на бугрѣ, у края подъема въ городъ, засѣла часть милиціонеровъ, которая съ 6 июня отбивалась отъ осаждавшихъ ихъ турокъ, но въ этотъ день какая-то нужда заставила ихъ выйти на пробой и всѣ они погибли въ неравной борьбѣ.

За эти два дня нѣсколько жертвъ, подстереженныхъ турками, за-

¹⁾ Заредкій, нынѣ хорунжій Таманскаго казачьяго полка. К. Г.

ставили коменданта запретить выходъ изъ цитадели унтеръ-офицерамъ, фейерверкерамъ и наводчикамъ, а пробудившійся сильнѣе прежняго голодъ, послѣ немного лучшаго утоленія жажды, напомнилъ объ истощеніи того запаса сухарей, который подрядчикъ успѣлъ подвезти въ день обложенія нашего отряда и вызвалъ сокращеніе дачи; артиллеристамъ же справедливо было отказано въ выдачѣ казенныхъ сухарей, такъ какъ они успѣли запастись ими еще до осады.

Не лишенъ былъ интереса и слѣдующій эпизодъ: полковникъ Измаиль-ханъ-Нахичеванскій, желая скорѣе вызвать главный отрядъ на помощь баязетскому, рѣшился послать записку генералу Тергукасову съ свидѣтелемъ переносимыхъ бѣдствій.

На вызовъ охотниковъ первымъ откликнулся тотъ же Хоперскаго полка казакъ Кирильчукъ, который уже просилъ позволеніе пустить отведенную воду по прежнему теченію и который, долго служа въ кордонѣ, былъ знакомъ съ окружающею мѣстностью. Для успѣшнаго прохода по непріятельской землѣ, его велѣно было одѣть въ платье одного изъ плѣнныхъ; товарищи, преобразивъ его въ курда, хотѣли было приступить къ бритью головы, но оказалось, что для этой операціи никто не давалъ и капли драгоценной влаги. Непокидавшая казаковъ находчивость выручила и изъ этого положенія: Кирильчука усадили и объявили окружающимъ, чтобы тѣ, у кого есть еще слюны, плевали ему на голову; сказано—сдѣлано, кое какъ голова была смочена и выбрита. Готоваго, преобразившагося, Кирильчука едва упресли товарищи спрятать шейный крестикъ, затѣмъ повели къ полковнику, а вечеромъ его и отправлявшагося съ нимъ армянина спустили на отвозахъ у флагштока.

Никто изъ разказчиковъ не слышалъ о судьбѣ казака и всѣ какъ-то двусмысленно относились къ разказу о томъ, что записка, переданная Кирильчуку, была доставлена генералу Тергукасову армяниномъ; какъ бы то ни было, но лихой казакъ Кирильчукъ исчезъ безслѣдно и на вѣки.

Поздно вечеромъ со стороны нижняго города раздались какіе-то возгласы; скорѣе стало извѣстно, что вызывали полковника Измаиль-хана наверхъ для переговоровъ и требовали сдачи крѣпости, въ противномъ случаѣ обѣщали на слѣдующій день повторить атаку, послѣ которой никому ужъ не будетъ пощады. Условія сдачи были: положить оружіе и знамена, а самимъ поселиться въ одномъ изъ кварталовъ города.

Презрительнымъ молчаніемъ отвѣтилъ полковникъ на это предложеніе. Не трудно было отказываться нашему гарнизону отъ подобныхъ обѣщаній пощады въ случаѣ сдачи послѣ 21 іюня, когда получено

было извѣстіе, что весь Эриванскій отрядъ идетъ на выручку; но въ первыхъ числахъ іюня, при ожиданіи тяжкой участи измореннаго гарнизона и при полной неизвѣстности положенія главнаго отряда, надо было много мужества, чтобъ, находясь подъ вліяніемъ гнетущихъ страданій, бодро предпочесть непривлекательную будущность позорной сдачѣ, хотя бы и обезпечивающей жизнь безъ страданій.

XX.

Шестой день обложенія былъ встрѣченъ въ цитадели кипучею дѣятельностью: 128 человекъ охотниковъ изъ солдатъ, казаковъ и четырехъ офицеровъ¹⁾, вызвавшихся произвести предполагаемую вылазку, выстраивались войсковымъ старшиною Кванинымъ; наряженные команды поспѣшно отваливали каменья отъ воротъ и недалеко сзади складывали изъ нихъ брустверъ; тутъ-же на переднемъ дворѣ, тискался подъ прикрытіемъ зданій, находились назначенные занять этотъ траверсъ для отпора туркамъ, въ случаѣ возможнаго ихъ прорыва.

Два дня полной затишки и отсутствіе артиллерійскаго огня со стороны непріятеля, а также слухъ о томъ, что главные силы турокъ ушли и что блокаду цитадели держать незначительная ихъ часть, были главными причинами, вызвавшими полковника Измаиль-хана рѣшиться на эту рекогноспировку; при этомъ, кромѣ главной обязанности,—отряду поручалось также набрать воду.

Было рѣшено: открывъ ворота, часть охотниковъ быстро кинуть надѣво, на мостъ, съ цѣлью отбросить передовыхъ турокъ къ старой крѣпости и далѣе, а другую на горы, по ванской дорогѣ.

Около 9 часовъ все было готово: охотники перекрестились, ворота распахнулись и сквозь полосу удушающей вони, черезъ груды разложившихся труповъ, охотники внезапно для турокъ прыгнули во всѣ стороны.

Окрестности проснулись: послѣ первыхъ одиночныхъ выстрѣловъ и быстрого натиска на передовые непріятельскіе посты, окружающія горы точно обратились въ огнедышущія: непрерывный гулъ отъ слившейся пальбы многихъ тысячъ скорострѣлокъ только повременамъ заглушался громовыми глухими стопами орудійныхъ выстрѣловъ.

Сила ружейнаго огня турокъ и протяженіе его показали, что число ихъ войскъ не убавилось, что орудія находятся на тѣхъ же мѣстахъ и въ томъ же количествѣ.

¹⁾ Подпоручикъ Бассинъ, прапорщики: Латышевъ и Волковъ; изъ казаковъ—сотникъ Гвоздикъ. К. Г.

Бой однако завязался; двинувшіяся по ванской дорогѣ зашли далеко, отступать подъ выстрѣлами насѣдающей силы хоть тяжело, но было необходимо—лбомъ стѣны не прошибешь; наконецъ, что хотѣли узнать, то и узнали. Между тѣмъ турки яростно насѣдали. Въ скоромъ времени наши опять втянулись въ улицы, дорого расплачиваясь за каждую пройденную сажень. Бой, какъ бываетъ при преслѣдованіи, дуельный, небольшими группами и отдѣльными парами, давалъ слѣдившимъ за каждымъ шагомъ охотниковъ цѣлый рядъ драматическихъ сценъ: рассказывали они, напримѣръ, какъ три солдата, подбѣжавъ къ саклѣ, изъ которой раздавались выстрѣлы, послѣ минутнаго совѣщанія раздѣлились: одинъ сталъ стрѣлять въ окно, а два другихъ подхватывая штыками каждаго выскакивавшего изъ дверей, сбрасывали въ кручу и какъ затѣмъ, отойдя немного назадъ, двое изъ нихъ были окружены и изрублены.

Сильно заняла также сцена поединка между юнкеромъ милиціи и туркомъ, которая, послѣ обмѣны нѣсколькими выстрѣлами, кончилась тѣмъ, что юнкеръ въ удобную минуту шашкой рѣшилъ счетъ съ противникомъ. Еще больше поразила свидѣтелей сцена примѣрнаго героизма: фельдшеръ, подбѣжавшій къ раненому вскорѣ юнкеру, не смотря на приближающуюся массу турокъ и быстрое отступление нашихъ, не прекращалъ свою перевязку; эта минута промедленія была достаточна, и взмахи шашекъ, окружившихъ ихъ турокъ, указали какой цѣной заплатилъ фельдшеръ за безстрашное исполненіе своей обязанности. Въ одномъ изъ переулковъ замѣтили, какъ нашъ солдатъ и турокъ, отдѣленные угломъ зданія, чуть не приткнувшись спинами, стрѣляли въ разныя стороны; видно было, что за грохотомъ выстрѣловъ они не слышали другъ друга. Свидѣтели съ безпокойствомъ ждали развязки этой случайности, но вотъ что-то заставило солдата загнута за уголъ; какъ видно озадаченный сосѣдствомъ врага, онъ бросился на него съ наклоненнымъ штыкомъ и турокъ остался на мѣстѣ.

Отступающіе уже были не далеко и назначенная для прикрытія ихъ входа въ цитадель 2-я стрѣлковая рота Ставропольскаго полка была наготовѣ. Вторично раскрылись ворота, но турки теперь не спали и туча пуль съ своимъ визгливо-шипящимъ воемъ ворвалась въ открытое отверстіе; черезъ падающихъ товарищей рота опрочетью выскочила и бросилась къ каменной горкѣ; ворота за ними захлопнулись, но вскорѣ снова гостепрѣимно раскрылись, чтобы принять это прикрытіе и охотниковъ, потерявшихъ 39 человекъ (30%).

Турки почему-то не рискнули ворваться по слѣдамъ отступавшихъ: въслѣдствіе этого ворота, снова заваленныя камнями, стали для нихъ непроницаемы.

Однако энергическое обстрѣливаніе цитадели продолжалось: граната за гранатой осыпали дворы осколками, даже былъ случай разрыва одной изъ нихъ подъ аркой вторыхъ воротъ — самомъ безопасномъ мѣстѣ.

Передъ вечеромъ притихло все кругомъ, и снова партіи и одиночные люди съ разнаго рода посудой стали готовиться къ выходу за водой.

Но въ эту ночь, одинъ случай, хотя не важный самъ по себѣ, имѣлъ серьезное значеніе, такъ какъ заставилъ турокъ стѣснить блокаду и энергичнѣе заграждать дорогу къ водѣ. Вотъ что разсказалъ бывшій урядникъ Малевъ ¹⁾.

— «Много насъ въ эту ночь вышло за водой; набравъ ее и сваливъ найденнаго быка, мы съ добычею вернулись въ цитадель. Легкость, съ которою все это досталось, соблазнила насъ и, на мое предложеніе снова отправиться на поиски, товарищи охотно согласились; передавъ принесенное добро частью какъ достояніе казенное, а частью въ артель, мы опять возвратились къ рѣкѣ. Желаніе поживиться большими запасами и пребыть цѣлую ночь у воды увлекло насъ до того, что незамѣтно перешли рѣчку и въ армянской части города, подъ старою крѣпостью, напавъ на загонъ овецъ, принялись рѣзать ихъ; на шумъ выбѣжалъ хозяинъ, армянинъ; убѣдившись, что ни просьбы, ни угрозы не могутъ остановить истребленіе его стада, поднявъ крикъ, обращенный къ туркамъ: «ай, Османъ!... ай, Османъ!... Урусъ ялды!»...

«За этимъ крикомъ, со стороны крѣпости послышался шумъ отъ сбѣгавшихъ съ горы вооруженныхъ людей. Солдаты и казаки, понявъ ожидаемую опасность, бросились къ мосту. Вскорѣ насъ скопилось много, но безъ силъ осадить турокъ, такъ какъ безъ оружія и съ ношами было больше половины и всѣ торопились унести добычу отъ преслѣдовавшихъ турокъ».

«На мой совѣтъ окружающимъ запереться въ одной изъ сакель отозвалось тринадцать человекъ; подбѣжавъ къ ближайшей, я вскочилъ въ нее и среди непроглядной темноты, махая передъ собою кинжаломъ, послѣшно обошелъ вдоль всѣхъ стѣнъ. Убѣдившись, что въ обѣихъ комнатахъ нѣтъ никого и что среди первой изъ нихъ разложенъ камышъ, я позвалъ товарищей и предложилъ, для уничтоженія подозрѣнія, оставить первую дверь отворенною, а засѣсть въ задней комнатѣ, обезпечиваясь отъ нападенія въ темнотѣ камышемъ, который шуршаніемъ долженъ будетъ предупредить всякое противъ насъ покушеніе. Три казака приняли мой совѣтъ, а остальные расположились близъ входныхъ дверей».

¹⁾ Нынѣ офицеръ.

«Не успѣли установиться, какъ послышались шаги и неразборчивый говоръ». — «Кто идетъ?... Буду стрѣлять!» неожиданно раздался голосъ унтеръ-офицера у переднихъ дверей, на мгновеніе остолбенѣвшій всѣхъ насъ; какъ и слѣдовало ожидать, неумѣстное примѣненіе русскаго устава открыло наше убѣжище и турки кинулись къ саклѣ. «Казакѣ сюда!» кликнулъ тотъ же голосъ; мы поспѣшили на призывъ и помогли унтеръ-офицеру ¹⁾ припереть двери двумя найденными палками. Стрѣльба турокъ сквозь дверь заставила нашихъ стать по сторонамъ ея, но вдругъ раздался сильный ударъ точно огромнымъ камнемъ—дверь крякнула; мы прильнули ко всѣмъ щелямъ и стали зорко слѣдить за турками... раздался второй, третій ударъ, и съ каждымъ послѣдовательнымъ трескомъ мы ожидали, что вотъ, вотъ нашъ врагъ ворвется къ намъ, но дверь, къ счастью, не поддавалась ему; это заставило атакующихъ кинуться на другое предпріятіе: слышно было, какъ сбѣжавшіеся турки принялись за разборку стѣны у дверей и какъ камень за камень слетали на землю... Уже сталъ появляться просвѣтъ и снова ожиданіе боя на смерть хотъ жутко отзывалось на каждомъ, но мы готовились принять его рѣшительно. «Перейдемъ въ другую комнату», шепнулъ я товарищамъ и всѣ перебѣжали за вторую дверь, которую тоже подперли палками и здѣсь, на новой позиціи, стали ожидать развязки».

«По способности дѣйствовать огнемъ, гарнизонъ сакли былъ очень слабъ: только семь человѣкъ изъ тринадцати обладали исправными ружьями, остальные были либо совсѣмъ безъ оружія, либо съ поврежденными игольчатыми винтовками».

«Стукотня въ двери и крики турокъ вызывали частую пальбу изъ цитадели и вылетавшія оттуда пули, рекошетировавъ по саклѣ, къ нашему счастью не позволяли туркамъ разбирать крышу, но работа ихъ въ разборку стѣны продолжалась съ прежнею настойчивостью; наконецъ стукотня отъ падающихъ камней и угрожающіе крики притихли... Въ передней комнатѣ зашумѣлъ камышь... «Бей!» скомандовалъ я, и выстрѣлы сквозь двери заставили подкрадывавшихся притаиться. Ударамъ камня пробовалъ неприятель выбить и эту дверь, но и она стояла. Въ отвѣтъ на каждый шелестъ камыша наши настойчиво отвѣчали выстрѣлами, послѣ которыхъ въ саклѣ все замирало. Но вдругъ сквозь щели блеснулъ свѣтъ; не поджигаютъ-ли? мелькнула у всѣхъ одна мысль. «Бей!» крикнулъ я опять. Раздался залпъ изъ семи ружей, и огонь потух».

¹⁾ Къ сожалѣнію Малевъ не могъ передать не только имени это о унтеръ-офицера, но и мѣста его служенія.

Не удалось противнику одолѣть тринадцать баязетцевъ, такъ какъ наступившій разсвѣтъ загналъ турокъ опять за рѣку и дозволилъ осажденнымъ свободно выйти изъ сакли. Не встрѣчая непріятеля, эта группа молодцовъ перемѣнила первоначальное рѣшеніе свое возвратиться въ цитадель на другое—весь день остаться близь воды, а сумерками вернуться къ товарищамъ.

Частыя столкновенія съ турками доставили трофеи и намъ: среди ночной темноты, одна изъ партій, возвращавшаяся отъ рѣки, нашла на турецкаго унтеръ-офицера, который, принявъ русскихъ за свой обходъ, окликнулъ, и конечно былъ схваченъ и приведенъ въ цитадель.

XXI.

Въ то время, когда гарнизонъ Баязета съ неподражаемымъ героизмомъ страдалъ и бился въ ожиданіи выручки, теряя подчасъ надежду на то, чтобъ положеніе его было кому нибудь извѣстно, объ участи его тревожились кругомъ: трудное положеніе его постигалось и главнокомандующимъ кавказскою арміею, и ближайшими начальниками, но не было подъ руками свободной силы, не было мочи выручить баязетцевъ.

Интересы пограничныхъ селеній, открытыхъ для нападенія турокъ, тѣсно связаны были съ ходомъ дѣлъ въ Баязетѣ. Игдырь, средоточіе всѣхъ складовъ эриванскаго отряда, могъ быть прикрытъ только ротой Крымскаго полка (штабъ-капитана Усиковскаго), тридцатью челоуѣками мѣстной команды, десятью казаками, нижними чинами, оставленными при складахъ, да еще разнаго рода нестроевыми, которыхъ можно было, въ случаѣ крайности, вооружить огнестрѣльнымъ оружіемъ; очевидно, что эту силу нельзя было подѣлиться—не хватало самимъ.

Съ минуты перваго извѣстія о намѣреніи турокъ большою массою подавить гарнизонъ Баязета, въ Игдырь чутко стали слѣдить за каждымъ ударомъ пульса нашего малочисленнаго отряда. Жители и служащіе съ напряженными нервами ожидали развязки перваго столкновенія и сильно обрадовались, узнавъ о донесеніи подполковника Пацевича, что турки разбиты. Но когда разнесся слухъ, что войска наши не выдержали сраженія 6-го юня, что милиція, формировавшаяся въ Игдырь, вся погибла, что Баязетъ обложенъ и сообщеніе гарнизона съ отрядомъ и тыломъ прервано, то жители впали въ уныніе; плачь и стenanіе армянокъ раздавались во всемъ селеніи днемъ и ночью. Въ паралель съ ухудшающимся положеніемъ Баязета, настроеніе на-

селенія становилось невыносимѣе, не смотря на спокойствіе и все стараніе воинскаго начальника, маіора Липовецкаго, ничѣмъ не возбуждать опасеніе жителей.

Естественно, что и всѣхъ офицеровъ, оставшихся въ Игдырѣ, занимала одна мысль, изыскать лучшей способъ обороны селенія и не упустить ничего, что могло хоть сколько нибудь увеличить ихъ силу. 7-го іюня, собравшись въ квартирѣ поручика Зуевича, завѣдывавшаго складомъ Ставропольскаго полка, штабсъ-капитанъ Хорошкевичъ и завѣдывавшій передовымъ запасомъ Макаровецъ рѣшили просить воинскаго начальника барикадировать улицы и вооружить всѣхъ солдатъ поголовно. Первое ихъ предложеніе не было принято, изъ опасенія произвести между жителями панику, а полное согласіе со вторымъ доставило возможность изъ бывшихъ невооруженныхъ командъ вмѣстѣ съ пересыльными набрать около роты, которую снабдили игольчатимъ ружьями. Но были и тревожные дни, когда начальники ночевали вмѣстѣ съ своими командами.

Такого же рода тревога волновала не только окрестныя селенія, но и городъ Эривань, и было для этого много основаній: только возможнымъ предположеніемъ, что Измаиль-паша не имѣлъ ни малѣйшаго понятія о положеніи Эриванской губерніи, а армія его страдала полнымъ отсутствіемъ лихихъ наѣздниковъ, можно еще объяснить спокойствіе въ губерніи, не нарушаемое турками, хотя, по уходѣ отрядъ въ глубь турецкой территоріи, она была открыта для безнаказаннаго въ ней разгула даже вооруженной сотни мародеровъ; но къ счастью нашему, рискъ генерала Тергукасова оправдался и, вѣроятно, ожидаемая имъ странная распоряженія турецкихъ начальниковъ выручили насъ изъ бѣды. Употребивъ несоразмѣрно многочисленную силу для обложенія крошечнаго отряда, запертаго въ тѣсномъ замкѣ Баязета, они точно успокоились на этомъ планѣ и во все время блокады не предпринимали никакой другой операціи. Какъ видно, горсть нашихъ отважныхъ баязетцевъ была страшна для скопища курдовъ, въ десять разъ превышавшаго ихъ. Такимъ образомъ, безпримѣрное мужество гарнизона не только послужило открытымъ заявленіемъ той чудной доблести нашей арміи, которая искони составляетъ нашу военную гордость, но, прикрѣпивъ къ стѣнамъ Баязета массу разбойниковъ, спасло Эриванскую губернію отъ разграбленій и убійствъ среди мирнаго населенія.

Особенно энергически дѣйствовала высшая военная администрація въ губерніи: генераль Калбалай-ханъ, какъ начальникъ кордова, увидѣвъ, что послѣ обложенія Баязета, граница наша открылась вполнѣ, въ тотъ же вечеръ, 6-го іюня, телеграфировалъ объ этомъ генераль-губернатору. За отсутствіемъ его вице-губернаторъ Чаховъ

скій ночью отправился къ губернскому воинскому начальнику и, разбудивъ его, сообщилъ содержаніе только что полученной телеграммы. Полковникъ Преображенскій, не смотря на боевую опытность, могъ предложить только одно: половину губернскаго баталіона выдвинуть впередъ, захватывая по пути всё какія есть части и команды. На этомъ порѣшили и вице-губернаторъ.

Одна рота губернскаго мѣстнаго баталіона была поднята по тревогѣ, а другой ротѣ, находившейся въ то время въ селеніи Кульпы, было послано приказаніе выступить въ Игдырь, гдѣ находилась кстаті команда нахичеванскаго мѣстнаго баталіона изъ тридцати человекъ при двухъ унтеръ-офицерахъ.

Импровизированный отрядъ этотъ сталъ стягиваться: рота, выступившая изъ Эривани, показала силу и твердость, сдѣлавъ въ однѣ сутки переходъ до Игдыря въ шесть—десять верстъ. На другой день, 8-го юня, соединившись съ ротою, прибывшею изъ Кульпы, двинулась вмѣстѣ съ нею къ пограничнымъ горамъ на Орговъ постъ. Вслѣдъ за ними отправился въ Игдырь и полковникъ Преображенскій.

Генераль-губернаторъ Рославлевъ, получившій къ этому же времени еще новую обязанность командующаго войсками Эриванской губерніи, отъ себя назначилъ полковника Преображенскаго начальникомъ пѣхоты создаваемого отряда. Узнавъ объ этомъ назначеніи, генераль Калбалай-ханъ вызвалъ его изъ Игдыря на Орговъ постъ.

Съ разсвѣтомъ 9-го юня начальникъ пѣхоты явился на указанное мѣсто, но тамъ засталъ только конвой изъ казаковъ, поэтому, съ разсвѣтомъ слѣдующаго дня, направился дальше и прибылъ на вершины Чингильскихъ высотъ, гдѣ генераль Калбалай-ханъ уже расположился отрядомъ на временную стоянку и куда только что прибылъ адъютантъ главнокомандующаго Кавказскою арміею, полковникъ Толстой, съ сообщеніемъ желанія его императорскаго высочества освободить баязетскій гарнизонъ во что бы то ни стало, для чего, по его словамъ, предполагалось прислать изъ состава корпуса, дѣйствовавшаго у Александрополя, колонну подъ начальствомъ генераль-маіора Лорисъ-Меликова.

Послѣ совѣщанія, генераль-маіоръ Калбалай-ханъ, полковникъ Толстой и полковникъ Преображенскій пришли къ такому заключенію: приступить къ исполненію желанія главнокомандующаго только тогда, когда придетъ помощь, такъ какъ отрядъ этотъ слишкомъ слабъ для такой операціи, а въ случаѣ неудачи край долженъ будетъ потерять даже эту послѣднюю опору на оголенной границѣ.

Собравшійся отрядъ состоялъ: изъ двухъ ротъ эриванскаго мѣстнаго баталіона, роты Крымскаго и роты Ставропольскаго полковъ,

около шестидесяти казаковъ подъ командою есаула Попова и человекъ сорокъ милиціи изъ армянъ селенія Игдыря и окрестностей его. Къ вечеру прибыли еще шестьдесятъ человекъ—остатки эриванской милиціи и Елисаветпольскаго конноиррегулярнаго полка, но не было для нихъ ни палатокъ, ни продовольствія, ни перевязочныхъ средствъ. Вслѣдствіе этого, 11-го іюня, велѣно было послать въ Игдырь за довольствіемъ всякаго рода.

Въ ожиданіи подкрѣпленія, отрядъ продолжалъ стоять на той же позиціи. Съ вершины Чингильскихъ высотъ видѣлась обширная площадь, тянущаяся до отдаленнаго хребта, въ которомъ прятался Баязетъ.

Доходившіе оттуда рассказы объ испытываемыхъ страданіяхъ гарнизона разжигали желаніе скорѣе кинуться на врага для выручки товарищей. Съ нетерпѣніемъ слѣдили съ позиціи за ближними и дальними дорогами, въ надеждѣ скоро увидѣть приближеніе нашихъ войскъ. Утромъ, 12-го іюня, отрядъ спустился съ горы и сталъ у брошеннаго турецкаго аула Кара-Булахъ, но и это безцѣльное передвиженіе можно объяснить тоже нетерпѣніемъ явиться скорѣе подъ стѣнами цитадели.

Недолго однако простоялъ отрядъ въ Кара-Булахѣ: на другой день, около полудня, всѣ сосредоточили свое вниманіе на подножіе видѣвшагося вдали чернаго хребта; тамъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ поднятая пыль медленно подвигалась къ сторонѣ Баязета; этого обстоятельства достаточно было, чтобы съ нетерпѣніемъ рвавшіеся на выручку и встроенные скоро увидѣть приближеніе нашихъ войскъ дѣйствительно увидѣли ихъ движеніе въ упомянутомъ признакъ. Отрядъ быстро сталъ въ ружье и кратчайшей дорогой двинулся къ Баязету.

(Окончаніе слѣдуетъ).

П. Н. Кудрявцевъ.

Въ статьѣ моей: „П. Н. Кудрявцевъ въ 1842—1845 гг.“ („Русская Старина“, изд. 1885 г., т. XLV, январь), сказано, что моп „Воспоминанія“ о немъ помѣщенныя въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ 1858 г., подробнѣе воспоминаній другихъ его друзей и почитателей. Это—ошибка, происшедшая оттого, что я не зналъ о прекрасной, глубоко прочувствованной статьѣ Евгенія Туръ въ журналѣ „Полярная Звѣзда“, изд. 1881 г., кн. III, стр. 9—59.

А. Д. Галаховъ.

ЦЕРКОВЬ ПРИ ОБУХОВСКОЙ БОЛЬНИЦѢ

1828—1884.

Въ «Историческомъ очеркѣ Обуховской больницы за 100 лѣтъ», составленномъ главнымъ врачомъ больницы Ф. Германъ, есть указанія на 12 стр., что въ больницѣ устроена церковь Всѣхъ Скорбящихъ, но о ней свѣдѣній никакихъ не приведено, почему настоящая замѣтка будетъ не безынтересна.

Въ альманахѣ «Сѣверные цвѣты» на 1829 г. помѣщена статья: «О новоустроенной церкви при Обуховской градской больницѣ», изъ которой мы считаемъ не безынтереснымъ привести свѣдѣнія, въ виду совершившагося 100-лѣтняго юбилея названной больницы.

Устроенная церковь въ Обуховской больницѣ по неизяснимому стеченію обстоятельствъ была освящена 22 іюля 1828 года, въ день тезоименитства ея императорскаго величества императрицы Маріи Ѳеодоровны (второй супруги Павла I), высокой покровительницы этой больницы, а кончина незабвенной монархини послѣдовала въ годовую праздникъ новоосвященнаго храма, въ день Божіей Матери всѣхъ скорбящихъ радости, 24 октября того-же 1828 г. Государыня Марія Ѳеодоровна, удостоивъ принять подъ свое покровительство Обуховскую больницу, съ 1-го марта 1828 г., ознаменовала первое свое посѣщеніе ея выраженіемъ высочайшей своей воли устроить при ней храмъ во имя образа Божіей Матери всѣхъ скорбящихъ радости, и возложила приведеніе всего этого на попечителя больницы д. с. с. А. Д. Стога. Планъ церкви былъ составленъ архитекторомъ Квадри и высочайше утвержденъ государемъ Николаемъ Павловичемъ, пожаловавшимъ въ храмъ богатую ризницу, а Марія Ѳеодоровна утварь и церковныя книги. Частныя лица, движимыя высокимъ примѣромъ августѣйшихъ зиждителей благолѣпія храма, принесли въ даръ церкви разныя пожертвованія. Жена попечителя больницы Софія Мих. Стогъ—образъ, поставленный надъ жертвенникомъ, Божіей Матери съ предвѣчнымъ младенцемъ, списанный сухими красками съ подлинной картины Гверчино академикомъ Бугаевскимъ. С.-Петербургскій городской голова Н. И. Кусовъ—шитый образъ Іоанна Богослова, трудовъ бывшей воспитанницы Смольнаго монастыря Маріи Соколовской, урожденной Яковлевой. Смотритель больницы К. С. Сорокинъ—образа Богоматери Иверскія и святителя Николая. Впослѣдствіи неизвѣстная особа пожертвовала храму три картины, писанныя масляными красками старинныхъ художниковъ, а городской голова съ братомъ своимъ, коммерціи совѣтникомъ Алексѣемъ Ив., принесли въ даръ красивое серебрянное паникадило.

Затѣмъ Н. И. Кусовъ доставилъ попечителю больницы, собран-

ные имъ отъ разныхъ лицъ, 4,650 руб., за что удостоенъ былъ высочайшаго благоволенія ея величества.

Директоръ Александровскаго литейнаго завода Кларкъ подарилъ церкви четыре посеребренныя лампы; въ день-же освященія храма 1-й гильдіи купецъ П. И. Пономаревъ, восхитившійся устройствомъ иконостаса, принялъ на себя уплату слѣдовавшихъ за живопись его 2,000 руб. Дѣйствительно, иконостасъ обращаетъ на себя вниманіе, такъ какъ въ ней всѣ иконы писаны академикомъ Венеціановымъ и учениками его. Запрестольный образъ: Исцѣленіе разслабленнаго—оригиналъ ученика Тыранова. Въ царскихъ вратахъ копіи съ Боровиковскаго—Богоматери и Архангела Гавріила—ученика Денисова; евангелистовъ: Іоанна и Матвѣя—Серебрякова, Луки и Марка—Зиновьева. Надъ вратами Тайная Вечера, съ гравюры картины Леонардо-да-Винчи—Златова. Мѣстные образа: Преображенія Господня съ оригинала Венеціанова—Тыранова; Богоматери всѣхъ скорбящихъ радости—оригиналъ ученика Алексѣева; архангела Михаила также его съ Боровиковскаго; св. Марія Магдалина — оригиналъ Венеціанова; Пещера— оригиналъ Алексѣева.

Рѣзная и позолотная работа иконостаса была произведена Бузнецовымъ. Живопись на потолкѣ, стѣнахъ и арки церкви художника Травина; образа на хоругвяхъ: Христа Спасителя съ терновымъ вѣнкомъ, съ Боровиковскаго; Александра Невскаго, съ Егорова; Божія Матери, съ Гвидо-Реня и святителя Николая, съ Боровиковскаго—работы глухо-нѣмого Беллера, воспитанника училища глухо-нѣмыхъ, находившагося на иждивеніи государыни императрицы Маріи Феодоровны.

Освященіе совершалъ Преображенскаго собора протоіерей съ 4 священниками, въ числѣ которыхъ былъ и новопоставленный изъ кандидатовъ богословія священникъ церкви Обуховской больницы Александръ Горянский, произнесшій по окончаніи литургіи прекрасное прочувствованное слово на текстъ изъ книги царствъ: «Благословенъ Господь Богъ днесь, иже даде покой людямъ своимъ—Израилю»; попечитель больницы имѣлъ счастье въ тотъ-же день принести лично въ Павловскѣ всеподданнѣйшее поздравленіе государынѣ съ днемъ ея тезоименитства и поздравить съ освященіемъ храма, попеченіемъ ея устроеннаго. Императрица, принявъ съ особеннымъ удовольствіемъ это извѣстіе пожаловала, сверхъ суммы, доставленной прежде отъ ея величества для пополненія дарованной ризницы, еще 1,000 руб. въ капиталъ новоосвященной церкви. Деньги эти приложены были при высочайшемъ рескриптѣ ея императорскаго величества, отъ 22 іюля 1828 г., на имя попечителя больницы.

И. Н. Вожеяновъ.

Декабря 6 дня 1884 г.

БРАТЯ-ЖУРНАЛИСТЫ.

(Шутка-пародія на стихотвореніе Пушкина: «Братья-Разбойники»).

Въ молодости моей написаны были помѣщаемыя ниже стихи; никогда я не думалъ видѣть ихъ въ печати,—а въ то время это было и немислимо.

Первому я отдалъ ихъ П. В. Нащокину, онъ послалъ В. Г. Бѣлинскому—и скоро распространились стихи по Россіи.

А. И. Герценъ напечаталъ ихъ за границей—съ искаженіемъ страшнымъ! Затѣмъ, въ первыхъ выпускахъ „Русскаго Архива“ 1864 г. то-же сдѣлалъ и г. Баргеновъ, только еще болѣе въ искаженномъ видѣ: съ прибавками, пропусками, съ потерей нѣсколькихъ рѣмъ, смысла, и съ неприличнымъ заглавіемъ: вмѣсто „Братья-журналисты“: „Братья-мошенники! Г. Баргеновъ не могъ не знать, что стихи моего сочиненія, такъ какъ я заявилъ объ этомъ въ статьѣ моей „Пушкинъ и Нащокинъ“, напечатанной въ „Русской Старинѣ“.

Забылъ онъ это или не хотѣлъ обратить вниманія, какъ бы то ни было, но напечаталъ мои стихи совершенно ихъ исказивъ; теперь мнѣ осталось одно: напечатать ихъ въ „Русской Старинѣ“, что я, съ согласія уважаемаго редактора этого почтеннаго журнала, и сдѣлалъ.

И. И. Куликовъ.

Не стая птиць, а масть собачи,
Готовы изъ-за костей
Загрызть и ближнихъ, и друзей,
Такъ алчмы вина и драки,
Въ урочный изъ недѣльныхъ дней,
Къ Булгарину, въ числѣ гостей,
Сбирались разные писавки.

Какая смѣсь лицъ и умовъ,
Способностей и состоянья:
Изъ нѣмцевъ, полямовъ, жидовъ,
Здѣсь русскихъ критиковъ собранье;
Здѣсь цѣль одна для всѣхъ сердець:
Не вѣрить никакимъ законамъ;
Межъ ними зрится панъ-бѣглець,
Что приставалъ ко всѣмъ знаменамъ.
Песочкій бужинистъ-варягъ,
И множество другихъ бродягъ —

Язымскій, Шпидъ, Межевичъ грязный,
И Греча сынъ и съ лѣнью праздной
Самъ Гречъ, дѣйствительный цыганъ.

Шпіонство, злѣсть, подрывъ, обманъ,
Вотъ усы избранныхъ мерзавцевъ;
Тотъ ихъ, кто по міру пустилъ
Двухъ или трехъ книгопродавцевъ;
Кто близняго изъ-за чернилъ —
Передъ правительствомъ чернилъ;
Кому смѣшна прямая честность,
Кто умъ и геній не щадитъ,
Кого безчестье веселитъ,
Какъ Греча, срамная извѣстность?

Раскрылись подлѣя уста...
Рѣчь о писателяхъ заходить...
И на невинныхъ клевета
Изъ устъ въ другія переходить.
Но сплетенъ истощивъ запасъ,
Умолкли, всѣ .. ихъ занимаетъ
Фадее старого разсказъ
И все вокругъ его внимаетъ.

Насъ только двое: Гречъ и я;
Взросли мы розно; наша дружба
Какъ баснь: „Крестыяннигъ и змѣя“.
Наскучила намъ чести служба,
И согласились межъ собой
Мы издавать журналъ большой;
Въ сотрудники себѣ набрали
Пройдохъ такихъ, какъ мы точь въ точь;
Свои грѣхи на нихъ слагали,
А пикнуть — отговяли прочь.

Бывало, въ пору ту глухую,
Статейку пустимъ удаюу,
Бранимъ или хвалимъ подъ рукой,
И всѣхъ имѣемъ надъ толпой:
Кто не робѣлъ меня и Греча?
Сберется ль гдѣ-нибудь родъ вѣча,
Туда, какъ братья! и кричимъ,
Всѣхъ громче судимъ, осуждаемъ,
На счетъ хозяевъ пьемъ, ѣдимъ,
Всѣхъ, какъ Іуды, предадимъ —
И сребренники получаемъ.

И что-жь? понались молодцы!
Мы съ Пушкинымъ не совладали,
Онъ насъ клеймилъ; какъ подлѣцы

Съ тѣхъ поръ мы въ общемъ мнѣннн стали,
 И я чуть не попалъ въ острогъ!
 Но вынести больше Греча могъ:
 Я бѣгалъ подъ двумя орлами,
 Онъ все гонялся за чинами!
 Я уцѣлѣлъ, онъ взнемогъ!
 Съ трудомъ поддѣрживая связи,
 (Хоть и въ чинахъ, а все изъ грязи)
 И мнѣ во всемъ бывъ по плечу,
 Онъ трусилъ всѣхъ, твердя всечасно:
 Мнѣ стыдно здѣсь... въ Парижъ хочу!
 Я тутъ ему себя напрасно
 Въ примѣръ безстыдства выставлялъ:
 Онъ въ Петербургѣ всѣхъ стыдилъ
 И путешествовать пустился.
 Оттоль статейки присылалъ;
 Въ нихъ русскимъ лестиалъ, другихъ ругалъ,
 Но тѣмъ не выигралъ у трона...
 Лишь за границею стаялъ
 Онъ имя русскаго шпіона.

Но наша связь свое взяла!
 Вновь съ Гречемъ мы соединились.
 Стыдливость глупая прошла,
 Съ ней честь и совѣсть удалились,
 Возстали снова мы! Съ тѣхъ поръ
 Росла въ насъ злость на всѣхъ извѣстныхъ,
 Душа рвалась при видѣ честныхъ,
 Алкала сплетенъ, жи и ссоръ!
 Намъ тошенъ былъ журналъ правдивый,
 Редакторъ, критикъ справедливый,
 Поэтъ, художникъ и актеръ,
 И въ юности талантъ счастливый,
 На всѣхъ двойной точили ножъ!
 Всѣхъ подъ сюркузъ вели! И что-жь,
 Изъ всѣхъ—лишь одного больного
 Намъ страшно рѣзать старика:
 На Николая Полевого
 Не поднимается рука!

Разъ, помню, самъ въ войнѣ жестокой
 Въ пзѣннѣ трижды уличенъ
 (Какъ перебѣжчикъ двухъ сторонъ),
 Я, съ чувствомъ подлости глубокой,
 Кричалъ: Vivat! Ура! Pardon.

Н. И. Куликовъ.

С.-Петербургъ,
1842 г.

МИХАИЛЬ ЮРЬЕВИЧЪ ЛЕРМОНТОВЪ

I.

1840 г.

Прочитавъ въ январской книгѣ «Русской Старины» изд. 1884 г. замѣтку П. А. Висковатова о М. Ю. Лермонтовѣ, мнѣ вспомнился 1840 г., когда я, еще совѣшь молодымъ человѣкомъ, участвовалъ въ осенней экспедиціи въ Чечнѣ и провелъ потомъ зиму въ Ставрополѣ, и тутъ и тамъ въ обществѣ, гдѣ вращался нашъ незабвенный поэтъ. Рѣдкій день въ зиму 1840—1841 г. мы не встрѣчались въ обществѣ. Чаще всего сходились у барона Ипп. Ал. Вревскаго, тогда капитана генеральнаго штаба, у котораго, прїѣзжая изъ подгородней деревни, гдѣ служилъ въ батареѣ, тамъ расположенной, останавливался. Тамъ, т. е. въ Ставрополѣ, дѣйствительно, въ ту зиму, собралась, что называется, *la fine fleur* молодежи. Кромѣ Лермонтова тамъ зимовали: гр. Карлъ Ламбертъ, Дм. Столыпинъ (*mongo*), Сергѣй Трубецкой, генеральнаго штаба: Н. И. Вольфъ, Л. В. Россильонъ, Д. С. Бибиковъ, затѣмъ Л. С. Пушкинъ, Р. Н. Дороховъ и нѣкоторые другіе, которыхъ не вспомню. Увы, всѣхъ названныхъ пережилъ я. Вотъ это общество, раза два въ недѣлю, собиралось у барона Вревскаго. Когда же случалось прїѣзжать изъ Прочнаго Ожопа (крѣпость на Кубани) рядовому Михаилу Александровичу Назимову (декабристъ, нынѣ живущій въ городѣ Псковѣ), то кружокъ особенно оживлялся. Не смотря на скромность свою, М. А. какъ то само-собою выдвигался на почетное мѣсто и все, что имъ говорилось, бывало выслушиваемо безъ перерывовъ и шалостей, въ которыя чаще другихъ вдавался М. Ю. Никогда я не замѣчалъ, чтобы въ разговорѣ съ М. А. Назимовымъ, а также съ И. А. Вревскимъ Лермонтовъ позволялъ себѣ обычный свой тонъ *regain-flage'a*. Не то бывало со мной. Какъ младшій, юнѣйшій въ этой избранной средѣ, онъ школьничалъ со мной до предѣловъ возможнаго; а когда замѣчалъ, что теряю терпѣніе (что впрочемъ не долго заставляло себя ждать), онъ бывало ласковымъ словомъ, добрымъ взглядомъ или подалуемъ тотчасъ уйметъ мой пылъ.

Итакъ, прочитавъ въ статьѣ г. Висковатаго отзывъ Л. В. Россильона о Лермонтовѣ, я вспомнилъ ихъ обоюдныя отношенія, которыя дѣйствительно были нѣсколько натянуты. Вспомнилъ, какъ одинъ въ отсутствіи другого нелестно отзывался объ отсутствующемъ. Какъ Россильонъ называлъ Лермонтова фатомъ, рисующимся (теперь бы сказали poseur) и черезъ-чуръ много о себѣ думающимъ, и какъ М. Ю.

въ свою очередь говорилъ о Россильонѣ: «не то нѣмецъ, не то полякъ,— а пожалуй и жидъ». Что же было первою причиною этой обоюдной антипатіи—мнѣ неизвѣстно. Положа руку на сердце, скажу, что оба были не правы. Мнѣ не разъ случалось видѣть М. Ю. сердечнымъ, серьезно разумнымъ и совсѣмъ не позирующимъ. Льва Вас. Россильона, на много пережившаго Лермонтова, знаютъ очень многіе и въ Кавказа. Это была личность почтенная, не ищущая многого въ людяхъ и тоже, правда, немного дававшая имъ, но проведшая долгую жизнь вполнѣ честно.

Александръ Есаковъ.

16 декабря 1894 г.

Тифлисъ.

Р. С. Изъ всѣхъ портретовъ М. Ю. Лермонтова, которые гдѣ либо издавались, положительно ни одинъ не схожъ съ оригиналомъ. Помнится мнѣ, что офицеры лейбъ-гусарскаго полка поднесли свои акварельные портреты бывшему своему командиру М. Г. Хомутову. Между этими портретами былъ и Михаила Юрьевича и единственный, по мнѣ, лучше другихъ его напоминающій. Куда онъ дѣвался?

А. Е.

Примѣчаніе. Портретъ этотъ изданъ въ хромолитографическомъ снимкѣ при „Русской Старинѣ“ изд. 1875 г. (отпечатанъ красками въ Парижѣ у Лемерсье). Подлинникъ находится въ Лермонтовскомъ музеѣ въ С.-Петербургѣ, въ зданіи Николаевскаго кавалерійскаго училища. Ред.

II.

Въ декабрьской книгѣ уважаемаго журнала „Русская Старина“ изд. 1884 г. находится статья г. Миклашевскаго: „Мих. Ю. Лермонтовъ въ замѣткахъ его товарища“, направленная яко-бы противъ ошибокъ и неточностей въ статьѣ моей о пребываніи М. Ю. Лермонтова въ школѣ гвард. подпрапорщиковъ (составляющей IX главу моей біографіи поэта).

Г. Миклашевскій укоряетъ меня въ нѣкоторыхъ неточностяхъ (весьма впрочемъ незначущихъ), но эти яко-бы неточности основаны на официальной исторіи школы (Ист. очеркъ Ник. кавал. училища, Спб. 1873 г.), воспомина-ніяхъ товарища Лермонтова Меринскаго („Атеней“ 1868 г., „Русск. Миръ“ 1872 г.), и на другихъ источникахъ и матеріалахъ.

Г. Миклашевскій замѣчаетъ: „никакого собственно гнетъ, какъ пишетъ г. Висковатовъ, мы (въ школѣ) не чувствовали“, и затѣмъ характеризуетъ (что впрочемъ уже сдѣлано мною) начальство школы, свидѣтельствуя о самыхъ искреннихъ отношеніяхъ его къ воспитанникамъ. Официальная исторія (стр. 15—35) говоритъ объ „отчужденіи офицеровъ отъ общенія съ подпрапорщиками въ видахъ укорененія дисциплины“, о строгостяхъ, введенныхъ

в. кн. Михаиломъ Павловичемъ („историческая правда обязываетъ казать, что посѣщенія в. кн. всегда сопровождалсь грозой“).

О томъ, что „было запрещено читать книги литературнаго содержанія“, говорить г. Меринскій и друг. Самъ г. Миклашевскій упоминаетъ о находеніи своемъ въ нѣхотной ротѣ, которая была совершенно отдѣлена отъ кавал. эскадрона: „нѣхотные подпрапорщики мало и рѣдко сблизались съ юнкерами, которые называли насъ „крупною“. Поэтому я полагаю, что обстоятельныя показанія Меринскаго, бывшаго съ Лермонтовымъ въ эскадронѣ, заслуживаютъ большаго довѣрія. Нѣкоторыя фразы въ замѣткѣ г. Миклашевскаго мы впрочемъ совершенно отказываемся понимать и не знаемъ, что собственно хотѣлъ онъ выразить ими по отношенію къ поэту.

Печальныя соображенія навѣяли на насъ замѣтки г. Миклашевскаго; соображенія эти заключаются въ томъ, что мы съ грустью припомнимъ рядъ печатныхъ, письменныхъ и словесныхъ воспоминаній и сообщеній о славномъ поэтѣ его товарищей и современниковъ. Въ качествѣ біографа намъ приходилось выслушивать и перечитывать ихъ много. И какъ часто надо было убѣждаться, что въ этихъ воспоминаніяхъ и сужденіяхъ отражались странныя понятія о Лермонтовѣ. Такъ, отъ одного изъ сановниковъ, не разъ призывавшаго давать мнѣніе по поводу разныхъ связанныхъ съ поэтомъ начинаній, а именно его памятника, портретовъ и проч., мы слышали слѣдующее соображеніе: „между нами будь сказано (entre nous soit dit), я не понимаю, что о Лермонтовѣ такъ много говорятъ; въ сущности онъ былъ прерустой малой, плохой офицеръ и поэтъ не важный. Въ то время мы всѣ писали такіе стихи. Я жилъ съ Лермонтовымъ въ одной квартирѣ, я видѣлъ не разъ, какъ онъ писалъ. Сидитъ, сидитъ, изгрызетъ множество карандашей или перьевъ и напишетъ нѣсколько строкъ. Ну, развѣ это поэтъ?.. да и самъ онъ писанное бросалъ или отдавалъ другимъ, но этимъ не дорожили“... О томъ, что Лермонтовъ былъ плохой офицеръ, говорено было много людьми военными, но какими военными? П. Х. Граббе и А. П. Ермоловъ были о немъ другаго мнѣнія. Граббе, противъ желанія высшаго начальства, дважды представлялъ Лермонтова къ Владиміру съ бантомъ и золотой саблей за военные заслуги. А эти награды, въ то время, какъ извѣстно, доставались не такъ легко. Откуда же зависть и недоброжелательство столь многихъ людей къ Лермонтову? Этотъ вопросъ задавали себѣ многіе изъ его біографовъ, а порой и отвѣчали на него не совсѣмъ лестными для оцѣнщиковъ Михаила Юрьевича. Но я думаю, что такова участь многихъ замѣчательныхъ людей, по французской пословицѣ (il n'y pas de grand homme pour son valet de chambre), близко стоящій къ замѣчательному человѣку не видитъ его значенія. Но кажется, что великій человѣкъ какъ-то иначе долженъ ходить, ѣсть, пить и пр. Если же онъ все это дѣлаетъ какъ мы, то какже онъ смѣетъ вдругъ быть замѣчательнымъ человѣкомъ?!

Случилось же, что камергеръ, старикъ князь Ц. (нынѣ покойный), услыхавъ какъ кто-то употребилъ выраженіе „великій Пушкинъ“, замѣтилъ на французскомъ языкѣ: „Пушкинъ, великій Пушкинъ! чѣмъ онъ великъ? если вы говорите только о камеръ-юнкерѣ Пушкинѣ, это былъ прерустой и заносчивый человѣкъ, мы его при дворѣ не любили!“ И онъ разсказалъ при этомъ нѣсколько случаевъ изъ своей жизни, въ коихъ впрочемъ не Пушкинъ, а онъ былъ дѣйствующимъ лицомъ.

Къ случаю. Говоря объ отзвѣдъ одного генерала о Лермонтовѣ и о томъ, что

въ его время „всѣ писали такіе стихи“, я вспомнилъ, что отъ нѣкоторыхъ лицъ и отъ самого ген. ад. Потапова, также товарища Лермонтова, я слышалъ, что Михаилъ Юрьевичъ, прослушавъ тетрадку стиховъ его—ибо и ген.-ад-тъ А. Л. Потаповъ сочинялъ стихи—написалъ ему извѣстное стихотвореніе „Мечтателю“:

Не вѣрь себѣ мечтатель молодой,
Какъ явмы бойся вдохновенья и т. д.

И ген. ад-тъ Потаповъ пересталъ вѣрить себѣ и сталъ бояться вдохновенія и не писалъ болѣе стиховъ, а занялся другимъ.

Пав. А. Виноватый.

Дерптъ,
9-го дек. 1884 г.

О ВОЗОВНОВЛЕНІИ ПАМЯТНИКА НА ОБЩЕЙ МОГИЛѢ

АРТЕМІЯ ВОЛЫНСКАГО, ЕРОПКИНА И ХРУЩОВА

† 27-го іюня 1740 г. ¹⁾.

Поступило пожертвованій на возобновленіе сего памятника:

Отъ ген.-маіора Ив. К. Назарова (изъ г. Майкопа), 29 декабря 1884 г.	10 руб.
„ Л. Ѳ. Абатурова (Спб.), 22 января 1885 г.	10 „
„ профессора Д. А. Корсакова (изъ Казани), 22 января 1885 г.	20 „

А съ прежде поступившими всего . . 1,829 руб.

¹⁾ См. „Русскую Старину“ изд. 1883 г., томъ XXXVIII, май, стр. 464—471; томъ XL, октябрь и ноябрь, стр. 269—271 и 498; декабрь, стр. 723—724; изд. 1884 г., т. XLI, январь, стр. 224; февраль, стр. 460; мартъ, стр. 666; т. XLII, апрѣль, стр. 221; май, стр. 407; іюнь, стр. 671; т. XLIII, августъ, стр. 448; сентябрь, стр. 676; т. XLIV, октябрь, стр. 194; ноябрь, стр. 444; декабрь, стр. 624; изд. 1885 г., т. XLV, январь, стр. 244.

СТИХОТВОРЕНІЯ КРЕСТЬЯНИНА-ПОЭТА

С. Д. ДРОЖЖИНА.

I.

Въ крестьянской семьѣ.

Дѣтство золотое,
Грустно ты прошло...
Преда мной родное,
Милое село;

Въ ожиданьи лѣта
Съ рожью и травой,
Спитъ оно одѣто
Снѣжной пеленой.

Изъ-за тучь уныло
Солнышко глядитъ,
Вѣтеръ легкокрылый
Жалобно шумитъ.

Улицей гуляетъ
Дѣдушка морозъ,
Иней рассыпаетъ
По вѣтвямъ березъ.

Ходитъ, бороною
Вѣлоу трасетъ;
Топаютъ ногою,
Только трескъ идетъ.

Иль на окна дышетъ
Закопченныхъ хать,
Да узоры пишетъ,
Тѣшая ребятъ...

Вотъ изба родная
Педь горой стоитъ,
На печи больная
Бабушка лежитъ, —

Охаетъ, вздыхаетъ,
Глядя на меня...
Полночь наступаетъ,
Не видать огня.

Бабушка въ кручинѣ
Съ вечера безъ сна,
Все о миломъ сынѣ
Думаетъ она.

Въ городъ на работу,
Вотъ ужъ цѣлый годъ,
Какъ уѣхалъ, — что-то
Вѣсточки не шлетъ.

Къ Покрову святому
Объщалъ для ней
Привести обнову,
Дѣткамъ — калачей.

Думаетъ, гадаетъ
Бѣдная съ тоской
И меня ласкаетъ
Дряхлую рукой.

„Бабушка, дружечекъ,
Если ты умрешь,
То съ собой въ гробочекъ
И меня положи!

Помнишь-ли, родная,
Прошлою весной
Разговоръ о раѣ
Ты вела со мной.

Помнишь, говорила:
„Тотъ въ него войдетъ,
Кто здѣсь до могилы
Правдою живетъ“.

Ей шепталъ тогда я
Въ гнѣздышкѣ родномъ,
Сладко засыпая
Беззаботнымъ сномъ.

А сверчокъ изъ щели
Пѣсенку свою
Пѣлъ подъ шумъ мятели,
Ваюшки-баю.

II.

Юношѣ-поэту.

Если въ грудь тебѣ запало
Слово истины святой,
То не все еще пропало,
Милый мой!
Если-жъ даръ чудесный тѣсенъ
Ты открылъ въ себѣ родникъ —
Для тебя ужъ міръ не тѣсенъ,
А великъ!

26 декабря 1883 г.
Спб.

III.

Благословенъ тотъ каждый мигъ,
Какъ съ музой въ тишинѣ
Слагаю я печальный стихъ
Родимой сторонѣ.
Пусть онъ, какъ колокола звонъ,
Свой благовѣсть несетъ
И тѣхъ, кто горемъ удрученъ,
На радость призоветъ.

20 марта 1884 г.
Спб.

IV.

Лучин ушка.

Разыграйся, непогодушка,
Вѣтеръ, жалобно завой,
Что пришла ко мнѣ невзгодушка
И поникъ я головой.
Заглуши ты грусть кручинушку.
Думы черныя развѣй,
Пусть попрежнему лучинушка
Разгорится веселѣй.

С. Д. Дрожжинъ.

27 октября 1884 г.
Дер. Низовка.

Только что вышли изъ печати и интересующимся высылаются бесплатно:

АНТИКВАРНЫЙ КАТАЛОГЪ XXVI

BIBLIOTHECA ROSSICA.

Коллекція сочиненій на иностранныхъ языкахъ

О РОССИИ

и ея сосѣднихъ государствахъ.

АНТИКВАРНЫЙ КАТАЛОГЪ XXVII

BIBLIOTHECA BALTICA.

Собраніе сочиненій, относящихся къ

ПРИБАЛТИЙСКОМУ КРАЮ.

Значащіяся въ вышеозначенныхъ каталогахъ сочиненія по выставленнымъ при нихъ цѣнамъ имѣются въ продажѣ у

Н. КИШМЕЛЯ ВЪ РИГѢ.

КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ И АНТИКВАРНАЯ ТОРГОВЛЯ.

Поставщикъ Его Императорскаго Высочества Государя Великаго Князя Николая Михайловича, комисіонеръ государственной типографіи, Императорской академіи наукъ, Императорской публичной бібліотеки, гидрографическаго департамента морскаго министерства, Императорскаго вольнаго экономическаго общества, Императорскаго Кіевскаго университета св. Владимира, Императорскаго Харьковскаго университета и Императорскаго Казанскаго университета.

Существуетъ съ 1763 года.

Въ книжныхъ магазинахъ Цинзерлинга (въ Спб.), Мамонтова (въ Москвѣ) и въ ред. „Русской Старины“ продается книга

ЗАПИСКИ СЕЛЬСКАГО СВЯЩЕННИКА.

Спб. 1882 г., въ 8 д., изданіе второе, пересмотрѣнное и исправленное авторомъ-священникомъ и благочиннымъ.

Цѣна одинъ рубль съ пересылкою.

Въ книжныхъ магазинахъ Цинзерлинга (въ Спб.), Мамонтова (въ Москвѣ) и въ ред. „Русской Старины“ можно получить слѣдующее изданіе:

Очерки и рассказы М. И. Семеvскаго изъ русской исторіи XVIII в.:

I.

ЦАРИЦА ПРАСКОВЬЯ

1664—1723 гг.

Спб., 1883 г., въ 8-ю д., стр. 256, съ портретомъ царицы Прасковьи, отпечатаннымъ хромолитографически красками.

Цѣна два руб.

(Осталось 90 экземпляръ.)

II.

„СЛОВО И ДѢЛО!“

1700—1725 гг.

Тайная канцелярія при Петрѣ I-мъ.—Самуиль Выморковъ, проповѣдникъ явленія антихриста.—Камеръ-фрейлина Гамильтонъ.—Петръ Великій какъ юмористъ. Къ книгѣ приложены рисунки: изображеніе пытки виска на дыбѣ и наказаніе батогами въ Россіи. Изданіе третье, исправленное и пересмотрѣнное. Спб., 1885 г., въ 8 д., стр. VI+350. Цѣна два руб.

Примѣчаніе. Все второе изданіе этой книги разошлось сполна. Напечатано третье изданіе безъ перемѣнъ, кромѣ исправленія описокъ противъ подлинныхъ документовъ, каковыя описки и ошибки исправлены послѣ слѣженія съ подлинными бумагами. Цѣна третьему изданію книги „Слово и дѣло“ два рубля.

III.

ЦАРИЦА ЕКАТЕРИНА АЛЕКСѢВНА, АННА И ВИЛЛИМЪ МОНЪ

1692—1724 гг.

съ приложеніемъ двухъ портретовъ—царицъ Авдотьи Федоровны и Катерины Алексѣвны, и пяти рисунковъ: Нѣмецкая слобода (два рис.) и домъ Лефорта въ концѣ XVII вѣка въ Москвѣ; казнь стрѣльцовъ въ 1698 г.; казнь колесованіемъ въ Россіи при Петрѣ I.

Спб., 1884 г., въ 8 д., стр. IV+362. Цѣна 2 р. 50 к.

описанія своего превосходнаго собранія книгъ и гравюръ, матеріалы для библіографіи и выпустилъ уже въ свѣтъ восемь томовъ и два дополненія къ этому описанію. Настоящая объемистая книга составляетъ третье дополненіе къ матеріаламъ.

Вообще все это изданіе заключаетъ въ себя описаніе болѣе шести тысячъ сочиненій, въ числѣ которыхъ есть дѣйствительно не только рѣдкіе, но и рѣдчайшіе экземпляры. Цѣль обширнаго, въ высшей степени добросовѣстнаго и вполне безкорыстнаго труда Я. Ѳ. Березина-Ширяева по описанію его книгохранилища, собраннаго въ теченіи 35 лѣтъ: «быть полезнымъ любителямъ и собирателямъ книгъ, которые все еще мало имѣютъ надлежащихъ руководствъ для точныхъ справокъ о книгахъ и ихъ различныхъ изданіяхъ въ XVIII и XIX вв.»

Божества древнихъ славянъ. Исслѣдованіе А. С. Фаминцына. Спб. 1884 г., въ 8 д., стр. 331. Выпускъ I. Цѣна три руб.

Весьма почтенный трудъ, плодъ изученія обширнаго собранія печатнаго матеріала на нѣсколькихъ языкахъ. Въ ученую монографію эту входятъ: предметы поклоненія древнихъ славянъ, засвидѣтельствованныя письменными памятниками.—Жертвенные обряды.—Основы религіознаго мировоззрѣнія древнихъ аріевъ, Ирана и Индіи, древнѣйшихъ грековъ и пелазговъ, древнихъ италійцевъ и народовъ литовскаго племени.—Система славянской миеологии и проч.

Извѣстія древнихъ греческихъ и римскихъ писателей о Кавказѣ. Собралъ и перевелъ съ подлинниковъ К. Гавъ. Тифлисъ. 1884 г., въ м. 8 д., стр. 248. Часть I: Отъ Гомера до VI стол. по Рожд. Хр.

Заглавіе показываетъ содержаніе этой книги, весьма полезной въ общей литературѣ о Кавказѣ.

Кавказская война въ отдѣльныхъ очеркахъ, эпизодахъ, легендахъ и біографіяхъ. В. Потто. Выпускъ I: Отъ древнѣйшихъ временъ до конца XVIII в. Спб. 1885 г., въ 8 д., стр. 164.

Передъ читателямъ начало обширнаго труда, имѣющаго обнять исторію всѣхъ

событій кавказской войны съ первыхъ ея моментовъ до окончательнаго покоренія Кавказа». И вполнѣ справедливо пріятствовать полнымъ сочувствіемъ этотъ прекрасно задуманный трудъ. Дѣло въ томъ, что о славной эпопее борьбы Россіи на Кавказѣ, кромѣ превосходнаго, монументальнаго изданія матеріаловъ А. П. Берге, имѣется множество изслѣдованій, мемуаровъ, очерковъ и напечатанныхъ документовъ. Обобщить все это въ рядъ живыхъ, общедоступныхъ рассказовъ взялся г. Потто; несомнѣнно онъ выполнитъ свой трудъ съ мастерствомъ. Авторъ отлично знаетъ литературу о Кавказѣ, вполнѣ владѣетъ перомъ и талантомъ рассказчика и первый выпускъ его очерковъ читается съ большимъ удовольствіемъ. Желземъ ему успѣха не въ пересказѣ изученныхъ имъ матеріаловъ,—въ этомъ мы не сомнѣваемся,—но въ томъ, чтобы ему удалось найти издателя на послѣдующіе выпуски его весьма полезнаго труда.

М. С.

Архивъ Юго-западной Россіи, издаваемый временн. комис. для разбора древнихъ актовъ. Ч. I. Т. VI. Акты о церковно-религіозныхъ отношеніяхъ въ юго-западн. Руси (1322—1648). К. 1883. 938 стр. Ц. 3 р. 50 к.

Хотя помѣщенные въ этомъ томѣ документы начинаются съ 1322 г., но главный матеріалъ его относится къ концу XVI и первой половинѣ XVII в., а именно ко времени отъ Брестскаго собора (1596) до войны Хмельницкаго. Такимъ образомъ онъ представляетъ продолженіе 1-го тома 1-й части, изданнаго еще въ 1859 г., посвященнаго исторіи уни до 1596 г., и служить дополненіемъ какъ къ нему, такъ и къ 4-му тому 1-й части, появившемуся въ 1871 г. и обнимающему время 1618—1798 гг. Акты въ этомъ томѣ посвящены исторіи іерархіи православной и униатской, монастырей, братствъ, сношеній съ московскимъ правительствомъ, сектъ (антитринитаріанской и соцініанской), общественныхъ отношеній и быта духовенства. Акты сопровождаются обширною вступительною статью (стр. 6—182) собирателя ихъ, г. О. Левицкаго, въ которой разсматриваются причины возстановленія уни и распространенія сектъ въ юго-западной Руси.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЬ

„РУССКАЯ СТАРИНА“

1885 г.

ШЕСТНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Цѣна за 12 книгъ, съ гравированными лучшими художниками портретами русскихъ дѣятелей, **ДЕВЯТЬ руб.**, съ пересылкою.

Подписка принимается для городскихъ подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ „Русской Старины“, Невскій просп., противъ Гостиннаго двора, д. № 46, книжный магазинъ г. **ЦИНЗЕРЛИНГА**.

Въ Москвѣ—въ отдѣленіи конторы, при книжномъ магазинѣ **Ник. Ив. Мамонтова**, на Кузнецкомъ мосту, домъ Фирсанова.

Гг. Иногородные обращаются исключительно: въ С.-Петербургѣ, въ Редакцію журнала „Русская Старина“, на Большую Подъячскую, близъ Екатерининскаго канала, домъ № 7.

Въ „РУССКОЙ СТАРИНѢ“ помѣщаются:

I. Записки и Воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія, очерки и рассказы о цѣлыхъ эпохахъ и отдѣльныхъ событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и XIX-го вв.—III. Жизнеописанія и матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и пр.—IV. Статьи изъ исторіи русской литературы и искусства; переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники русскихъ писателей и артистовъ.—V. Отзыви о русской исторической литературѣ.—VI. Историческіе рассказы и преданія.—Характерныя челобитныя, переписка и вообще документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлаго времени.—VII. Народная словесность.—VIII. Родословія.

Можно получить въ конторахъ редакціи слѣдующія изданія журнала:

- „Русская Старина“ 1870 г., третье изд., 12 кн., съ портретами, 8 руб.
- „Русская Старина“ 1876 г., второе изд., 12 кн., съ портретами, 8 руб.
- „Русская Старина“ 1877 г., двѣнадцать книгъ, съ портретами, 8 руб.
- „Русская Старина“ 1878 г., двѣнадцать книгъ, съ портретами, 8 руб.
- „Русская Старина“ 1879 г., двѣнадцать книгъ, съ 12 портрет., 8 руб.
- „Русская Старина“ 1880 г., второе изд., 12 книгъ, съ 12 портрет., 8 руб.
- „Русская Старина“ 1881 г., 12 кн. (87 экз.), съ портретами, 8 руб.
- „Русская Старина“ 1882 г., 12 кн. (16 экз.), съ 12-тью портр., 9 руб.
- „Русская Старина“ 1883 г., 12 кн. (54 экз.), съ 17 портр. и рис., 9 руб.
- „Русская Старина“ 1884 г., 12 кн., изданіе второе, съ портр., 9 руб.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

Годъ шестнадцатый.

МАРТЪ.

1885 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

I. Посмертныя записки Николая Ивановича Пирогова. Гл. LIII—LX	481	IX. Памяти гр. А. С. Уварова, † 29 декабря 1884 г. Сообщ. Н. Ф. фонъ-Крузе	711
II. Записки Н. Н. Мордера, посетителя цесаревича Александра Николаевича, 1824—1834 гг. Гл. III.	527	X. Разговоръ императора Наполеона III съ ген.-ад. Тотлебеномъ въ 1857 г. Сообщ. Николай Карловичъ Шильдеръ.	747
III. Владимиръ Ивановичъ Назимовъ. Очеркъ изъ позднейшей жизни сѣверо-зап. Россіи. Гл. VII—XII.	555	XI. Иванъ Никитичъ Скобелевъ.	720
IV. Славное Баязетское сидѣнье въ июль 1877 г. Окончаніе. Очеркъ. Составилъ К. К. Гейнсъ	581	XII. О возобновеніи памятника на могилѣ Волинскаго, Еропкина и Хрущова, † 27 июня 1740 г.	716
V. Арсеній Мацѣвичъ, изгнанный ростовскій, въ ссылкѣ, 1767—1772 гг. Гл. III. Очеркъ. Состав. И. Я. Морозинъ	611	XIII. Двадцать четвертая годовщина 19-го февраля 1861—1885 гг.	757
VI. Андрей Никифоровичъ Воронихинъ, строитель Бланскаго собора въ Петербургѣ. Сообщ. И. Н. Вожегариновъ	629	XIV. Изъ исторіи желѣзно-дорожнаго дѣла въ Россіи, 1846—1856 гг. Сообщ. А. А. Волгарярскаій	723
VII. Воспоминанія декабриста А. П. Бѣльева. Часть вторая. Гл. V—IX	653	XV. Забѣтки: П. П. Кузрянецъ (710).—К. В. Чевкинъ (756).—Поправки къ Запискамъ Н. Н. Пирогова (758).	
VIII. Домъ сумасшедшихъ въ Москвѣ, шутокъ-сатира графини Е. П. Ростопчиной, † 1858 г. Сообщ. Е. С. Некрасова	671	XVI. Библиографическій листокъ (стр. 753—756 и на оборотѣ). В. И.	

ПРИЛОЖЕНІЯ: I. Портретъ Владимира Ивановича Назимова. Гравированъ по фотографіи Н. Н. Матюшинъ. II. Памятникъ на могилѣ строителя Казанскаго Собора въ Сиб. Андрея Воронихина.

Продолжается подписка на „РУССКУЮ СТАРИНУ“ изд. 1885 г.
Шестнадцатый годъ изданія. Цѣна 9 руб.

Вышла и разсмѣляется книга: „ЦАРИЦА ЕКАТЕРИНА АЛЕКСѢЕВНА, АННА и ВИЛИМЪ МОНСЪ“, третій выпускъ историческихъ очерковъ М. И. Семейскаго, съ портретами и рисунками. Цѣна два рубля пятьдесятъ коп. съ пересылкою.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева, Екатерининскій каналъ, д. № 78.

1885.

Стихотворенія И. С. Тургенева. Спб. 1884 г. Тип. Глазунова. 16°. 230 стр.—Поэмы (повѣсти въ стихахъ) 1842—1845 гг.; мелкія стихотворенія 1838, 1841—1846, 1850 и 1876 гг.; переводныя и неоконченныя стихотворенія и эпиграммы (1840-хъ гг.).

Въ этомъ томѣ собраны и изданы въ первый разъ тѣ произведенія И. С., съ которыми онъ выступилъ на литературное поприще, и которыя онъ считалъ не столь значительными, чтобы стоило ихъ помѣщать въ собраніе сочиненій, составившихъ его славу. Онъ самъ признался въ 1843 году:

- «И страстію несчастной
- «Съ ребячьихъ лѣтъ страдалъ вашъ другъ прекрасный.
- «Писалъ стихи—мнѣ стыдно! такъ и быть!
- «Прошу васъ эти бредни позабыть!»

Съ 1850 года онъ пересталъ ихъ писать, и только безсонная ночь въ 1876 г. заставила его написать стихотвореніе: «Крокеть въ Виндзорѣ».

Первыя стихотворенія И. С. были сочувственно встрѣчены даже такими строгими литературными судьей, какъ Вѣлинскій. Вообще, они — дѣль вкуса того времени, видѣвшаго въ стихахъ верхъ изящества. По нимъ мы можемъ судить, кто были невольные учителя И. С.; въ нихъ же видны и зачатки послѣдующихъ его произведеній. Въ первой повѣсти «Наташа» важная любовь степной красавицы заставляетъ Виктора, напоминающаго некоторыми чертами Евгенія Онегина, забыть насмѣшливость, вывезенную изъ заграницы, жениться и зажить заурядной помѣщичьей жизнью. Въ пов. «Разговоръ» обозначаются уже некоторыя черты лишнихъ людей, теряющихъ дѣль жизни изъ-за неудавшейся любви и сознающихъ, что есть и другая дѣль. Андрей, въ повѣсти того-же имени, является лицомъ честнымъ, способнымъ увлечь невольно жену сосѣда-чиновника, знакомаго со съ большею содержательною жизнью, и не находящимъ себя дѣль. Въ этихъ же произведеніяхъ И. С. обнаруживаетъ способность немногими штрихами обрисовывать обыденную жизнь (Помѣщикъ).—Много мелкихъ стихотвореній

посвящено любви и грустными воспоминаніямъ о ней; но есть замѣчательныя бытовыя: Старый помѣщикъ—рассказъ о безплодно проведенной жизни, Человѣкъ, какихъ много, Конецъ жизни и др.—есть чудныя описанія природы.

Изданіе это безспорно имѣетъ значеніе, потому что даетъ возможность читателямъ познакомиться со всею литературною дѣльностью И. С., съ первыхъ еще шаговъ на этомъ поприщѣ, а послѣдователямъ исторіи литературы — опредѣлить его мѣсто по отношенію къ предшественникамъ. Кроме того многія мѣста этихъ стихотвореній дышатъ полною жизненностью и правдою.

Н. К.

Родъ Шереметевыхъ. А. Барскова. Кн. IV. Спб. 1884. 456 стр. Ц. 4 р.

Въ этомъ томѣ авторъ разсматриваетъ дѣльтельность Шереметевыхъ въ болѣе благопріятныя годы царствованія Алексея Михайловича 1652—1658. По прежнему онъ обставляетъ свой трудъ обстоятельнымъ изложеніемъ всехъ, соприкосновенныхъ съ этою дѣльтельностью, фактовъ. При этомъ сообщаетъ много новыхъ данныхъ на основаніи семейнаго архива гр. Шереметевыхъ, государственнаго архива, архива юстиціи и другихъ; но, безъ сомнѣнія, существеннымъ вкладомъ въ его матеріалъ представляется: 1) матеріалы, извлеченныя изъ дѣль тайнаго приказа—это письма царя Алексея Михайловича (коллекція ихъ состоитъ изъ 68 писемъ), изъ коихъ не всѣ извѣстны были въ печати, а некоторыя изъ нихъ собственноручныя (см. стр. 25, 80, 179 и др.), и 2) донесенія царскаго посланника Яна фонъ-Фрагштейна, извлеченныя изъ Вѣнскаго государств. архива (361—379). Къ книгѣ присоединено нѣсколько приложений, въ томъ числѣ собственноручное письмо царя Алексея Михайловича къ стольнику А. И. Матюшкину.

Письма главнѣйшихъ дѣльтелей въ царств. импер. Александра I-го (съ 1807—1829 гг.) Н. Дубровина. Спб. 1883. 533 стр. Ц. 2 р.

Сборникъ этотъ составляетъ продолженіе того-же сборника, изданнаго въ 1882 г., подъ заглавіемъ: «Отечественная война въ письмахъ современниковъ» (691 стр., обѣ

ГЕНЕРАЛЬ-АДЪЮТАНТЪ
ВЛАДИМІРЪ ИВАНОВИЧЪ НАЗИМОВЪ
РОД. 1802 † 1874 г.

ПОСМЕРТНЫЯ ЗАПИСКИ НИКОЛАЯ ИВАНОВИЧА ПИРОГОВА.

ВЪ ДЕРПТСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТЪ.

ЛІІІ ¹⁾.

Въ 1830-хъ годахъ прибалтійскіе дворяне, а съ ними и все культурное остзейское общество очень гордилось свободою своихъ крестьянъ.

— „У васъ, тамъ въ Россіи, есть еще крѣпостные, хвастались нѣкоторые студенты, а у насъ уже ихъ давно нѣтъ. У насъ всѣ свободны, это потому что нашъ край—голова Россіи“.

— „Кто это, господа, выдумаль, — слыхаль я также въ Дерптѣ, что будто бы русское правительство заложило остзейскія провинціи у заграничныхъ банкировъ, какая нелѣпость! Закладываютъ имѣнія, земли, но гдѣ слыхано, чтобы кто закладывалъ свою голову и свои глаза!“

Гораздо остроумнѣе и справедливѣе, хотя и не менѣе печальный для русскаго самолюбія, отвѣтъ Мойера—Фадѣю Булгарину по слѣдующему случаю:

Фадѣй Венедиктовичъ, по обыкновенію, подгулявъ здорово за однимъ обѣдомъ у дерптскаго помѣщика, началъ молоть вздоръ безъ всякаго соображенія и такта.

— „Вотъ постоитъ, кричалъ онъ, еще увидите, что русскія знамена будутъ развѣваться на берегахъ Рейна“.

Всѣ взбуторажились. „Какъ! Что! Да это уже слишкомъ

¹⁾ См. „Русскую Старину“ изд. 1884 г., т. XLIII, сентябрь, стр. 455—502; т. XLIV, октябрь, стр. 1—52; ноябрь, стр. 223—274; декабрь, стр. 445—496; изд. 1895 г., т. XLV, январь, стр. 1—54; февраль, 257—310.

нагло!“ Шумъ, крикъ. Булгаринъ радъ радешенекъ, что ему удалось разозлить нѣмцевъ. Когда шумъ немного стихъ, Мойеръ, присутствовавшій на обѣдѣ и считавшійся по своему родству и близкому знакомству съ русскими какъ бы полу-русскимъ,—вдругъ обращается тихо и спокойно къ шумѣвшимъ и къ Булгарину.

— „Что же, господа, это дѣйствительно возможно, русская армія можетъ завоевать Рейнъ, а знаете-ли, Ѳадѣй Венедиктовичъ, что потомъ будетъ?“ обратился Мойеръ къ Булгарину.

Ѳадѣй Венедиктовичъ уже радовался, что нашелъ въ Мойерѣ еще подпору,—нѣсколько замаялся.

— „Хотите я вамъ скажу, — продолжалъ Мойеръ, — будетъ то, что виноградныя лозы на Рейнѣ выдернуть, а на мѣсто ихъ посадятъ лукъ“.

Не правда-ли, что мѣтко; и всякій безпристрастный русскій скажетъ, что вѣрно. Глупое, заносчивое, а главное, поддѣльное самохвальство упившагося Ѳадѣя не могло быть лучше отдѣлано.

Въ другой разъ Мойеръ защитилъ русское правительство противъ нѣмецко-французскаго либерализма.

Французская революція 1830-го года вскружила и нѣмцамъ голову и вотъ одинъ изъ нихъ, въ гостяхъ у Мойера, новопріѣзжій, началъ восхвалять новое французское правительство на счетъ Россіи.

— „Что вы мнѣ толкуете, воскликнулъ Мойеръ; я всегда предпочту быть съѣденнымъ лучше львомъ, чѣмъ искусаннымъ до смерти кучею муравьевъ“.

Дѣйствительно, Мойеръ любилъ и уважалъ новаго государя (Николая Павловича). „Александръ 1-й былъ похожъ на французскаго маркиза, по словамъ Мойера, а Николай—это настоящій государь, какъ надо быть“.

Въ бытность свою въ Петербургѣ, Мойеръ съ восхищеніемъ рассказывалъ мнѣ про извощива, на которомъ онъ куда-то ѣхалъ.

— „Вдругъ вижу, говорилъ Мойеръ, что мой извощикъ снялъ шапку и ѣдетъ съ открытою головою“.

— „Что ты?“ спрашиваю его.

— „А тамотко, онъ самъ проѣхалъ, онъ самъ!“

Вотъ такъ отвѣтъ; лучшаго имени государю не придумаешь.

Но какъ ни хвастались предъ нами прибалтійскіе культур-

ные люди 1830-х годовъ свободою своихъ крестьянъ, видно было, что это дѣло свободы не совсѣмъ ладное. Нищету сельскаго люда, нельзя было скрыть; да и помѣщики не очень блаженствовали, и имѣнія то и дѣло переходили въ руки арендаторовъ (напоминавшихъ мнѣ съ виду польскихъ арендаторовъ юго-западнаго края). Причину приписывали тупости и идиотизму эстонскаго музика. Не знаю, какъ теперь; но въ то время было въ ходу множество разсказовъ о врожденной тупости и ограниченности эстовъ. Передавали, напримѣръ, за достовѣрный фактъ, что одинъ крестьянинъ, слыхавшій о томъ, что можно деньги класть въ ростъ и получать годовые проценты, закопалъ скопленные имъ сто рублей въ землю на цѣлый годъ; по прошествіи этого времени, вынуть ихъ опять и сосчитать нѣсколько разъ, этотъ предприимчивый эстъ бѣжить къ сельскому судѣ, реветъ и жалуется, что его обокрали.

— „Да что-же и сколько у тебя украли?“ спрашиваетъ судья.

— А я знаю, отвѣчаетъ эстъ, я знаю только, что я закопалъ сто рублей.

— „Ну, а сколько-же опять вынулъ“, спрашиваютъ его.

— Да опять только сто.

— „Такъ на что-же и на кого ты жалуешься?“

— Да отложенныя деньги, меня увѣряли, должны расти и прибавляться, а почему-же мои цѣлый годъ пролежали и ничего не выросли?

Неумѣнье эстовъ считать и легко соображать—дѣйствительно бросалось въ глаза.

Яйца, раки и т. п. покупались у крестьянъ на рынкѣ не иначе, какъ отсчитывая за каждую штуку по одной мѣдной монетѣ. Куплены яйца по копѣйкѣ за штуку: покупатель беретъ одно яйцо и кладетъ копѣйку, беретъ потомъ другое и опять выкладываетъ копѣйку. Это я и самъ видалъ.

Въ клиникѣ встрѣчались также презабавные *qui pro quo*, свидѣтельствовавшіе не въ пользу эстонской сообразительности.

Отпущенныя больнымъ крестьянамъ лекарства весьма не рѣдко перемѣнивались, такъ что наружныя употреблялись внутрь и внутреннія снаружи. Разсказывали даже презабавную исторію о лечебномъ дѣйствіи аптекарскихъ пробокъ на чухонцевъ. Одинъ больной крестьянинъ получилъ изъ клинической аптеки какое-то

лекарство и послѣ того не являлся. Черезъ мѣсяцъ онъ приходитъ опять въ клинику и просить того-же самаго лекарства, по его словамъ, какъ рукою снявшаго болѣзнь; а такъ какъ она опять воротилась, то онъ и пришелъ опять попросить цѣлебнаго снадобья. Справились въ клиническихъ книгахъ, въ аптекѣ, у практикантовъ, наконецъ у самаго аптекаря, который хорошо помнилъ больного, и лекарство отпустили. Крестьянинъ, послѣ этого, является въ клинику опять и увѣряетъ, что лекарство отпущено ему не то, не прежнее, сразу его вылечившее; ему отпускаютъ опять то же лекарство, но въ усиленномъ приемѣ. Все не помогаетъ.

— Да дайте мнѣ, ради Христа, то, что я съѣлъ въ первомъ лекарствѣ, просить больной, вклянаясь низко.

— „Какъ съѣлъ, да вѣдь лекарство было жидкое?“

— Правда, что жидкое, былъ отвѣтъ, да въ жидкомъ-то плавали какіе-то корешки, вотъ они-то самые мнѣ и помогли, когда я ихъ съѣлъ.

— Что за притча?

Разсказъ больного заинтересовалъ клиницистовъ, началось разслѣдованіе. Наконецъ, аптекарь догадался въ чемъ дѣло, и сначала какъ-то мялся и что-то скрывалъ, но потомъ не выдержалъ и признался, что у него было нѣсколько старыхъ большихъ склянокъ съ оставшимися въ нихъ пробками. Вотъ, въ одну-то изъ такихъ склянокъ и было налито лекарство, надѣлавшее столько шуму.

Не свидѣтельствуешь въ пользу чухонскаго остроумія и колокольчикъ отъ дуги, хранившійся въ мое время въ клиническомъ кабинетѣ и вытасченный Мойеромъ изъ заднепроходной кишки эстонца. Онъ страдалъ запоромъ и вмѣсто того, чтобы способствовать выходу задержаннаго наружу, попалъ на мысль—забить еще клинъ снаружи. Колокольчикъ ушелъ глубоко и не безъ труда былъ извлеченъ черезъ нѣсколько дней.

Но, разумѣется, всѣ эти свидѣтельства чухонскаго тупоумія не доказывали еще, что тупоуміе и есть главная причина нищеты сельскаго люда. Во-первыхъ, уже потому нѣтъ, что эсть, не смотря на свою неразвитость, не лѣнивъ, настойчивъ и терпѣливъ; это могъ каждый изъ насъ замѣтить, вышедъ въ поле и наблюдая съ какимъ настойчивымъ трудомъ надо было орать

пахарю на почтѣ, усѣянной валунами. Потомъ, прибалтійскій край населенъ не одними эстами; а другое его населеніе—латы, латыши уже не похожи на чухонъ. Недаромъ языкъ латыша весьма близокъ къ санскритскому; латышъ гораздо ближе и къ славянскому племени. Его никто не назоветъ идиотомъ.

Съ перваго-же дня нашего приѣзда въ Дерптъ, къ намъ нанялись въ услуженіе пара супруговъ; мужъ—эстъ, жена—латышка. Мужъ Іоганнъ, типъ чухонства,—нерасторопный, тяжелый, непонятливый, впрочемъ, очень честный и работающій, годился-бы собственно для ношенія однихъ тяжестей; онъ былъ сильный коренастый парень. Смѣшенъ до крайности своею неповоротливостью и свойственною всѣмъ эстамъ невозможностью произносить букву *s* передъ *t*: стаканъ выходитъ таканъ; Stiefel, Tiefel. Совершенно другое существо была жена Іоганна, латышка Лена: подвижная, всегда чѣмъ-нибудь занятая, чистоплотная, аккуратная, всегда въ чистомъ бѣломъ чепцѣ и фартукѣ, Лена могла вездѣ успѣть и всюду поспѣть въ два раза скорѣе своего мужа; зная хорошо по нѣмецки, она говорила за мужа, знала хорошо считать и читать. Лена была пѣтистка и утреннее время по праздникамъ проводила въ молитвенномъ домѣ, въ чтеніи и пѣніи псалмовъ; иногда-же, и оставаясь одна въ комнатѣ, она пѣла въ полголоса молитвы. Лена служила мнѣ цѣлыхъ 10-ть лѣтъ; пять лѣтъ служила мнѣ и Иноземцеву, когда мы жили вмѣстѣ въ клиникѣ, и 5-ть лѣтъ, когда я былъ профессоромъ въ Дерптѣ; тогда на ней одной лежало все мое домашнее хозяйство,—другого слуги у меня не было,—даже и тогда (правда, очень рѣдко), когда собирались у меня на профессорскій вечеръ, Лена успѣвала всегда и вездѣ одна. Ни разу не было ни пропажи, ни потери; никогда я не ссорился съ Леною и ни я ей, ни она мнѣ ни однажды не сказали ни одного грубаго слова. Когда она служила намъ вмѣстѣ съ Иноземцевымъ, то надо было удивляться ея такту и находчивости въ присутствіи молодыхъ людей, собиравшихся нерѣдко у Иноземцева и позволявшихъ себѣ говорить разныя нескромности. Лена, прислуживая, дѣлала такъ, какъ будто не слышитъ и не обращаетъ никакого вниманія, если-же кто заходилъ слишкомъ далеко, обращаясь къ ней прямо съ болтовнею, того она такъ ловко и учтиво обрѣзывала, что онъ тотчасъ-же прикусывалъ языкъ.

Для меня всегда были замѣчательны отношенія эстовъ и летовъ къ нѣмецкому культурному слою. Какъ только эсть или летъ дѣлался горожаниномъ, ремесленникомъ, школьникомъ городского училища, онъ превращался или старался превратиться въ чистокровнаго нѣмца. И сколько уже дѣльныхъ и талантливыхъ врачей и мастеровъ съ нѣмецкими и не нѣмецкими именами перешло изъ эстовъ и летовъ въ нѣмецкую интеллигенцію.

Многіе изъ перешедшихъ въ мое время забыли и старались хорошо забыть свое происхожденіе, скрывая его или относясь къ своему народу свысока. Теперь, кажется, обнаруживается нѣкоторая реакція. Я же слыхалъ только отъ прислуги о разнѣ между господами и народомъ. Лена сказывала мнѣ, что крестьяне не долюбливаютъ саксовъ (господь); но о себѣ она умалчивала, относя себя уже къ другому, болѣе культурному слою.

Ненависть или, по крайней мѣрѣ, неприязнь сельскаго люда къ ихъ саксамъ начала проявляться въ концѣ 1830-хъ годовъ, преимущественно во время голодовки, и тогда же слышнѣе заговорили и о недостаткахъ, пробѣлахъ и промахахъ въ аграрномъ дѣлѣ. Русскіе, знакомые съ устройствомъ сельскаго люда въ прибалтійскомъ краѣ, заговорили первые, что нищета и недовольство зависятъ не отъ лѣности и тупоумія народа, а отъ того, что его обезземелили при эмансипаціи. Это такъ; но наши народолюбцы забыли и теперь еще забываютъ, что за 60 и болѣе лѣтъ тому назадъ у насъ иначе и невозможно-бы было освободить крестьянъ отъ крѣпостной кабалы, какъ оставивъ всю землю за помѣщиками. Крѣпостники и крѣпостничество того времени были не чета нынѣшнимъ.

Въ Лифляндіи я слыхалъ отъ старожилонъ, что Александръ I, освободивъ крестьянъ въ Прибалтійскомъ краѣ, хотѣлъ было испробовать эту мѣру и въ сосѣдней Псковской губерніи; но по прїѣздѣ въ эту губернію былъ предувѣдомленъ рижскимъ генераль-губернаторомъ Паулуччи о заговорѣ противъ жизни императора; собирались будто-бы отравить его ядомъ.

Заговоръ устрасилъ будто-бы императора, и намѣреніе эмансипировать псковскихъ крестьянъ было оставлено.

Какими бы ни были отношенія крестьянъ къ интеллигенціи Прибалтійскаго края въ началѣ и срединѣ 1830-хъ годовъ, то вѣрно, что ни крестьяне, ни горожане, ни интеллигенція остзей-

скихъ провинцій въ то время не питали расположенія и симпатіи ни къ чему русскому. По эстонски русскіе и татары имѣли одно и то же названіе; русскій языкъ въ школахъ былъ въ пренебреженіи и имѣ, конечно по винѣ самого правительства, никто не занимался; русское общество, и безъ того малочисленное, оставалось совершенно изолированнымъ. Только нашъ профессорскій институтъ какъ будто намекалъ на нѣкоторую связь прибалтійской интеллигенціи съ нашею отечественною. Край управлялся своими провинціальными законами, ландтагами, ландратами и т. п. Даже деньги были провинціальныя, *sui generis*, кожаныя и картонныя. Намъ выдавали жалованье изъ уѣзднаго казначейства пачками кожаныхъ и картонныхъ четырехъ-угольныхъ листиковъ, величиною въ обыкновенныя визитныя карточки.

Не знаю, кто, городскія или губернскія власти и общества имѣли право выпускать эту монету; но она не была выше двухъ рублей (четвертаковъ) и ниже 50 копѣекъ (ассигн.). Не мудрено, что о русскихъ законахъ и русскомъ правосудіи имѣлось въ краѣ весьма нелестное понятіе.

Мойеръ, проходя однажды со мною по улицѣ, увидаль чухонца, колотившаго напрапалую палкою свою лошаденку; она застряла въ грязи съ возомъ дровъ. Смотрю, мой Мойеръ, всегда спокойный и разумный, вдругъ бросается на мужика и даетъ ему нѣсколько подзатыльниковъ, что-то крича по чухонски и, очевидно, заступаясь за несчастную лошадь. Я стою на тротуарѣ и смотрю съ удивленіемъ на эту неожиданную сцену.

Мойеръ, возвратившись ко мнѣ, говорить: „so ist mit Gerechtigkeit in Russland“. (Можно безнаказанно драться на улицѣ).

Значить, подумаль я, по твоему не тотъ виновать, кто чело-вѣва бьетъ за лошадь, а тотъ, кто этого не допустить не въ силахъ.

— „Herr Doctor Wachter, Sie sind dummer, als die russischen Gesetze dieses erlauben“, говорилъ на своихъ лекціяхъ другой профессоръ.

Это былъ оригиналъ, закоренѣлый нѣмецъ, остроумный и даровитый, съ необыкновенною памятью (онъ наизусть почти зналъ Оберона Виланда), но горькій пьяница, профессоръ анатоміи Цихоріусъ, старый холостякъ, день и ночь сидѣвшій у

себя въ домѣ съ закрытыми ставнями. День и ночь горѣла свѣча. вмѣсто мебели сложены были въ комнатахъ груды порожнихъ бутылокъ. Вотъ этотъ геній и находилъ, что его прозекторъ, австріецъ д-ръ Вахтеръ, превзошелъ ту степень глупости, которая допускается русскими законами.

А д-ръ Вахтеръ отвѣчаетъ ему: „Herr Hofrath, ich kenne die russischen Gesetze nicht“.

„Вотъ какъ жили при Аскольдѣ наши дѣды и отцы!“

Уже кстати о д-рѣ Вахтерѣ. Онъ былъ моимъ пріятелемъ, насколько 50—60-ти лѣтній стараго покроя австрійскій подданный могъ быть пріятелемъ русскаго юноши, искавшаго прогресса чутьемъ.

И послѣ, когда я сдѣлался профессоромъ въ Дерптѣ, я былъ единственный изъ профессоровъ, котораго навѣщаль и съ которымъ знакомъ былъ д-ръ Вахтеръ. Какъ кажется, именно австрійское Вахтера происхождение и католическое вѣроисповѣданіе и были мотивами нашего сближенія. Протестанты, сѣверяне, доктринеры смотрѣли свысока на австрійскаго лекаря — католика, не учившагося въ нѣмецкомъ университетѣ. „Isti propheta“, называлъ онъ ихъ мнѣ на своемъ латинскомъ діалектѣ, завидѣвъ гдѣ нибудь профессора.

Д-ръ Вахтеръ, послѣ отставки Цихоріуса, читалъ анатомію по найму и былъ, дѣйствительно, чужакомъ не малой руки. Онъ выстроилъ себѣ какой-то невиданной архитектуры домъ, похожій на восточные дома, съ плоскою крышею, углубленный въ землю, одноэтажный, кирпичный, окнами только на дворъ, а съ улицы представлявшійся проходящимъ низкою и глухою кирпичною стѣнкою. Въ этомъ жилищѣ д-ръ Вахтеръ обиталъ съ своею небольшою семьею; вставалъ очень рано, пилъ вмѣсто кофе и чая, водку, закусывалъ ячменною кашею, бралъ въ зубы спичку вмѣсто сигары и отправлялся въ анатомическій театръ, гдѣ одинъ, безъ помощниковъ, препарировалъ и читалъ лекціи громко и внятно, шовируя и смѣша слушателей своимъ австрійскимъ діалектомъ. Со мною, гдѣ и какъ только можно, Вахтеръ говорилъ по латыни, отпуская при каждомъ удобномъ случаѣ какой нибудь латинскій экспромтъ. Увидитъ-ли докторъ гдѣ нибудь собравшихся на улицѣ бабъ, онъ непременно скажетъ мнѣ:

Quando conveniunt
Catherina, Rosina, Sybilla
Sermonem faciunt
Et de hoc, et de hoc, et de illa.

Д-ръ Вахтеръ былъ и анатомъ, и врачъ-практикъ; дѣлалъ операціи, на которыхъ я ему обыкновенно ассистировалъ; лечилъ, большею частію въ домахъ вѣстовъ, ремесленниковъ низшаго разряда.

Студенты пускали въ ходъ множество забавныхъ анекдотовъ изъ практики д-ра Вахтера. Какъ онъ, напримѣръ, увѣрялъ своего больного, что у него солитеръ сталъ поперегъ кишки, а прописанное лекарство непременно поворотитъ глисту и распрямитъ ее въ длину.

Но лекарствъ изъ аптеки д-ръ Вахтеръ не любилъ прописывать и предпочиталъ имъ, гдѣ только можно, домашнія; изъ нихъ любимымъ для д-ра былъ ромашковый чай. Рассказываютъ, что, позванный однажды ночью къ трудно больному, д-ръ Вахтеръ идетъ прямо къ постели, стоявшей во мракѣ, и прямо даетъ больному свой обыкновенный совѣтъ: „trinken Sie mal Chamomilentheee, es wird schon gut werden“, а затѣмъ щупаетъ пульсъ и, не найдъ его на похолодѣвшей уже рукѣ, спойкой извиняется:

— „Ah, so! Verzeihen Sie, Sie sind schon todt“.

Таковъ былъ Вахтеръ, но пусть вѣрятъ или не вѣрятъ мнѣ, а я полагаю, что онъ, Вахтеръ, принесъ мнѣ своими анатомическими демонстраціями пользы не менѣе знаменитаго Лодера. Не мало изъ слышанныхъ мною въ нѣмецкихъ и французскихъ университетахъ частныхъ лекцій (*privatissima*) не принесли мнѣ столько пользы, какъ *privatissimum* у Вахтера, въ первый же семестръ моего пребыванія въ Дерптѣ. Вахтеръ прочелъ мнѣ одному только вкратцѣ весь курсъ анатоміи на свѣжихъ трупахъ и спиртовыхъ препаратахъ. Съ тѣхъ поръ мы и стали пріятелями.

Я уже сказалъ, что нѣмцы въ Дерптѣ, въ первое время моего пребыванія, за исключеніемъ, можетъ быть, одного только Мойера, произвели отталкивающее впечатлѣніе. И прежде чѣмъ время, опытъ и разсудокъ успѣли измѣнить мой ошибочный и пристрастный взглядъ, неожиданный случай указалъ мнѣ на личность, совершенно не похожую на другихъ и сразу же оказавшую на меня привлекательное дѣйствіе.

Въ Дерптѣ жилъ въ то время богатый лифляндскій помещикъ Липгардтъ. Сынъ его—молодой Карлъ von Liphardt, получилъ домашнее и, что важно, вовсе не нѣмецкое образованіе;—онъ учился у швейцарца. По смерти дѣда, Карлъ Липгардтъ получилъ значительное наслѣдство и, сдѣлавшись самостоятельнымъ, захотѣлъ усовершенствовать свое образованіе университетомъ, но приватно, и не поступая въ университетъ студентомъ. Съ этою цѣлью, онъ обратился прежде всего къ профессору математики Бартельсу. Математика интересовала Липгардта, и онъ ея прилежно занимался. Бартельсъ, очень занятый высшею математикою, сначала не повѣрилъ, чтобы молодой человѣкъ домашняго воспитанія былъ бы въ состояніи понимать уроки Бартельса изъ высшей математики и, чтобы довазать это моловососу, задалъ ему для пробы какую-то хитросплетенную задачу. Липгардтъ тихо и скромно принялся, въ присутствіи же Бартельса, за рѣшеніе. Профессоръ изумился. У него и студенты, оканчивающіе курсъ, не рѣшили такъ своеобразно, какъ это сдѣлалъ Липгардтъ.

— „Молодой человѣкъ, сказалъ тогда Бартельсъ, я вижу у васъ есть талантъ; приходите, я охотно буду давать вамъ уроки“.

Но талантъ Карла Липгардта былъ не односторонній; его начинала интересовать не одна математика; онъ скоро явился и въ анатомическій театръ, таща съ собою анатомическій атласъ F. Cloquet (тогда самый новый и самый лучший). Тутъ-то и было наше первое свиданіе. К. Липгардтъ принялся съ юношескимъ пыломъ за апатомію. Препарированіе на трупахъ, чтеніе Бишпъ, лекціи заняли все время. Вотъ тогда-то и Мойеръ, познакомившись съ Липгардтомъ, въ удивленію его прежнихъ слушателей, принялъ дѣятельное участіе въ нашихъ работахъ.

Я не зналъ въ жизни ни одного человѣка, имѣвшаго такъ много разнообразныхъ научныхъ и при томъ глубокихъ свѣдѣній, какъ Карлъ Липгардтъ. Старикъ профессоръ Ердманъ имѣлъ тоже весьма многостороннее образованіе, говорилъ по латыни какъ Цицеронъ, былъ хорошею ботаникъ и физикъ; разсказывали, что онъ ежегодно проходилъ у себя и для себя курсъ медицинскихъ и естественныхъ наукъ; но знанія Ердмана относились всетаки къ одной категоріи наукъ, тогда какъ молодой Липгардтъ,

бывъ математикомъ и имѣвъ, по свидѣтельству профессора Бартельса, замѣчательный математическій талантъ, съ такимъ же успѣхомъ занимался анатоміею, фізіологіею и хирургіею. Въ Берлинѣ Липгардтъ очень сблизился съ Іоганномъ Мюллеромъ, въ Дерптѣ и Кенигсбергѣ съ профессоромъ Ратке, и въ то же самое время предавался изученію изящныхъ художествъ: живописи и скульптуры; потомъ, уѣхавъ въ Италію, посвятилъ цѣлыя годы изученію этихъ предметовъ, а возвратясь въ Дерптъ,—началь заниматься, какъ мнѣ сказывали, изученіемъ теологіи и древностей. Въ послѣдній разъ я видѣлъ моего стараго пріятеля, не менѣе меня постарѣвшаго, въ Штутгартѣ; его интересовало тогда изученіе средневѣковыхъ готическихъ зданій и онъ мнѣ съ восторгомъ указывалъ на нѣкоторыя изъ нихъ въ Штутгартѣ. За политикою Липгардтъ слѣдилъ неустанно, еще учась съ нами въ Дерптѣ.

Во всемъ Прибалтійскомъ краѣ никто не имѣлъ такой огромной и многосторонней бібліотеки и такого собранія картинъ, гравюръ, статуй и слѣповъ какъ Липгардтъ. При всемъ этомъ ни малѣйшаго педантства и чрезвычайная скромность. Мнѣ казалось только, что женитьба на католичкѣ въ Боннѣ нѣсколько измѣнила его міровоззрѣніе.

Я остановился въ моемъ дневникѣ на Липгардтѣ въ особенноти потому, что изъ знакомыхъ мнѣ людей Карлъ Липгардтъ всѣхъ болѣе доказалъ мнѣ, какъ различны между собою двѣ способности челоѣческаго духа: емкость ума и его производительность (*Capacität und Productivität*); отъ первой зависитъ способность пріобрѣтать самыя разностороннія свѣдѣнія, отъ второй—способность извлекать изъ пріобрѣтенныхъ свѣдѣній нѣчто свое-самодѣльное и самостоятельное.

Количество и разнообразіе знаній весьма вліяютъ на произведеніе, но не на самую производительность.

Емкость и производительность не находятся въ прямомъ отношеніи. Не свѣдѣнія, не знанія, пріобрѣтенныя емкостью ума, а какая-то, не каждому уму свойственная, *vis a tergo* толкаетъ его къ новой работѣ, извлеченію этого чего-то, своего, изъ запаса знаній. Такъ, Липгардтъ былъ несравненно образованнѣе и по емкости ума гораздо умнѣе меня, умнѣе и многихъ ученыхъ, способствовавшихъ ему пріобрѣтать многостороннія знанія, но Лип-

гарту не доставало этой самой *vis a tergo*. Люди съ умами этой категории рождаются для умственныхъ наслажденій, приобретаемыхъ такъ легко для нихъ богатствами свѣдѣній; но уму кромѣ огромной емкости необходима еще и большая производительная сила, чтобы сдѣлаться гумбольдтовскимъ.

ПОѢЗДКА ВЪ МОСКВУ.

LIV.

Моя первая поѣздка изъ Дерпта въ Москву была задумана уже давно. Въмѣсто двухъ лѣтъ я уже пробылъ 4 года въ Дерптѣ; предстояла еще поѣздка за границу, — еще 2 года, а старушка мать между тѣмъ слабѣла, хирѣла, нуждалась и ждала съ нетерпѣніемъ. Я утѣшалъ, обѣщаль въ письмахъ скорое свиданіе, а время все шло, да шло. Нельзя сказать, чтобы я писалъ рѣдко. У матушки долго хранился цѣлый пукъ моихъ писемъ того времени. Денегъ я не могъ посылать, — собственно, по совѣсти, могъ бы и долженъ бы былъ высылать. Квартира и отопленіе были казенныя; столъ готовый, платье въ Дерптѣ было недорогое и прочное. Но тутъ явилась на сцену борьба благодарности и сыновняго долга съ любознаниемъ и любовью къ наукѣ. Почти все жалованье я расходовалъ на покупку книгъ и опыты надъ животными; а книги, особливо французскія, да еще съ атласами, стоили недешево; покупка и содержаніе собакъ и телятъ сильно били по карману. Но если, по тогдашнему моему образу мыслей, я обязанъ былъ жертвовать всѣмъ для науки и знанія, а потому и оставлять мою старушку и сестеръ безъ матеріальной помощи, то за то ничего не стоившія мнѣ письма были исполнены юношескаго лиризма.

Тотчасъ же по пріѣздѣ въ Дерптъ, подъ вліяніемъ совершенно новыхъ для меня путевыхъ впечатлѣній, я распространился въ моихъ письмахъ въ описаніи красотъ природы, въ первый разъ видѣннаго моря, Нарвскаго водопада, освѣщеннаго луною, прогуловъ въ лодкѣ по Финскому заливу, характеристики моихъ новыхъ товарищей, произведенныхъ уже мною въ званіе друзей и т. п. Помню, что не забылъ при этомъ тогда же отправить

и письмоцо туда, гдѣ молодое сердце въ первый разъ зашевелилось при взглядѣ на улыбавшіеся женскіе глаза. Какъ же было не написать и не напомнить о себѣ, о послѣднемъ прощальномъ днѣ, когда я явился въ кандидатскомъ мундирѣ, при шпагѣ, и по моей просьбѣ былъ спѣтъ романсъ:

Vous allez à la gloire,
 Mon triste coeur suivra vos pas;
 Allez, volez au temple de mémoire,
 Suivez l'honneur, mais ne m'oubliez pas...

Тотъ, къ кому относилось это: vous allez à la gloire, — это конечно я, я самъ.

И вотъ, прошло цѣлыхъ 4 года. Какъ не повидать мѣстъ, гдѣ мы „впервые вкусили сладость бытія“, и къ тому же какъ не показать и себя, и свое перерожденное и перестроенное на другой ладъ я. Пусть-ка посмотрятъ на меня мои старые знакомые и родные и подивятся достигнутому мною прогрессу; пусть во очію на мнѣ убѣдятся, что значить культурная западная сила!

Экзаменъ докторскій данъ, диссертация на половину уже готова и предстоятъ Рождественскіе праздники; путь санный.

Надо сначала распорядиться, а для этого надобны деньги. Кой что наберется, за мѣсяць впередъ можно взять жалованье, — но по разсчету все еще не хватаетъ взадъ и впередъ на дорогу, да и въ Москвѣ не жить же даромъ на счетъ матери. Вотъ и придумываю средства. У меня есть старые серебряные часы, весьма ненадежныя по свидѣтельству знатока Г. И. Сокольскаго; есть Иллиада Гнѣдича, подаренная Екатериною Афанасьевною, есть и еще ненужныя книги, русскія и французскія, кажется, есть еще и старый самоварчикъ. Давай-ка, сдѣлаемъ лотерею. Предложеніе принято товарищами. Предметовъ собралось съ дюжину; билетовъ надѣлано рублей на 70; угощеніе чаемъ. Съ вырученными лотерею деньгами набралось болѣе сотни рублей. Главное, есть. Надо теперь прискаты самый дешевый способъ перемѣщенія своей особы изъ Дерпта въ Москву. Случай рѣшаетъ. Изъ заѣзжаго дома Фрей является подводчикъ изъ Московской губерніи, привозившій что-то въ Лифляндію и отправляющійся на дняхъ пороженемъ опять въ Московскую. Лошадей тройка. А экипажъ? Есть вибиточка. Укроемъ и благопо-

лучно доставимъ, увѣряетъ подводчикъ. Цѣна? Двадцать рублей. По рукамъ.

И вотъ, въ пасмурный, но не морозный, декабрьскій день, въ послѣобѣденное время, я, одѣтый въ нагольный полушубокъ, прикрытый сверху вывезенною еще изъ Москвы форменною (сѣраго съ краснымъ, университетскимъ воротникомъ) шинелью и ватъ, и въ валенкахъ, сажусь въ кибитку и отправляюсь на долгихъ въ Москву.

Мой возница спускается на рѣку и чрезъ нѣсколько часовъ по Эмбаху мы выѣзжаемъ на озеро Пейпусъ, направляясь къ Пскову. Между тѣмъ стемнѣло. Мѣсяца не видать. Небо заволело облаками. Мы все ѣдемъ и ѣдемъ. Раздаются пушечные выстрѣлы, какъ будто, возлѣ насъ. Это трескается ледъ на Пейпусѣ и образуются полыньи. Вдругъ, стопъ. Что такое. Громадная полынья, вывороченныя массы льда стоятъ горою, а возлѣ нихъ широчайшая полоса воды. Слава Богу, что еще не вѣхали прямо въ воду. Что же это такое? Какъ же тутъ быть? Вдали ни зги не видать, подъ ногами вода.

— „Да лѣшій пошутить, съ сѣзжей дороги сбился, а я по ней сколько разъ ѣзжалъ“, увѣряетъ мой возница. „Да что те перь-то подѣлаешь? Семъ-ка я побѣгу, да развѣдаю; дорога-то должна быть тутъ близко“.

Я остаюсь одинъ съ лошадьми. Сижу, сижу, дѣлается жутко; въ ночной тиши раздаются кругомъ выстрѣлы; мнѣ показалось въ темнотѣ, что какъ будто огоньки; думаю, уже не волчьи ли глаза; выскакиваю изъ кибитки, поднимаю крикъ и стучу палкою о кибитку; бѣгаю вокругъ кибитки, чтобы согрѣться: начинаетъ пробираться. Ничего не видно и не слышно. Ямщика и слѣдъ простылъ. Просто бѣда. Прошло вѣрно не менѣе часа, а мнѣ показалось по крайней мѣрѣ часа 4; наконецъ, слышу гдѣ-то вдали, въ сторонѣ, какъ будто человѣческій голосъ. Я отрываюсь и кричу что есть мочи. Голосъ приближается. Показались опять и какъ будто прежніе огоньки, напугавшіе меня. Наконецъ является, едва переводя духъ отъ усталости, и мой возница.

— Ну что?

— „Да что, дороги-то не нашель; а вотъ мы повернемъ назадъ, да немного въ бокъ; тамъ доѣдемъ до деревушки на берегу“.

— На какомъ же это берегу, значить, мы уже недалеко отъ Пскова?

— „Куда, баринъ, до Пскова; мы тутъ все плутали по озеру, а далеко отъ берега не отъѣзжали. Вонъ тамъ я видѣлъ дере-
вущу; до разсвѣта переночуемъ въ ней“.

Дѣлать нечего, ѣдемъ. Проходить еще не менѣе часа, пока мы доѣхали до какого-то жилья. Пѣтухи уже давно какъ про-
пѣли; достучались въ какой-то лачугѣ; впустили. Но, Господи, что это было за жилье, и что за люди! Въ Дерптѣ являлись из-
рѣдка въ клинику какіе-то, носившіе образъ человѣка, звѣри, съ дикимъ бессмысленнымъ выраженіемъ на желто-смугломъ лицѣ, косматые, обвязанные лоскутами и не говорившіе ни на какомъ
языкѣ. Это и были обитатели глухихъ и отдаленныхъ прибрежій
Пейпуса, финскаго племени; полагали однако-же, что между ними
встрѣчались и выродившіеся наши раскольники, загнанные по-
лицейскимъ преслѣдованіемъ съ давняго времени въ самыя глу-
хія и непроходимыя мѣста.

Всѣ занятія этого заглохшаго населенія заключались въ ры-
боловствѣ; они питались только рыбою; понимали только то, что
касалось до рыбной ловли и могли говорить только о рыбѣ и
рыболовствѣ. Языкъ ихъ, состоявшій изъ ограниченнаго числа словъ,
былъ помѣсю финскаго и испорченнаго русскаго. Вотъ къ этому
то племени судьба, въ видѣ подводчика Макара, и занесла меня
на нѣсколько часовъ. Но эти нѣсколько часовъ до разсвѣта по-
казались мнѣ вѣчностью.

На дворѣ начинало морозить, а въ лачугѣ непривычному
человѣку невозможно было оставаться; грязь, чадъ, смрадь; какія-
то мефитическія испаренія дѣлали изъ лачуги отвратительнѣйшій
клоахъ. Я видѣлъ и самыя невзрачныя курныя чухонскія и рус-
скія избы, но это были дворцы въ сравненіи съ тѣмъ, что при-
шлось мнѣ видѣть на прибрежьи Пейпуса. Какъ я провелъ часа 4
въ этомъ клоахѣ, я не знаю, помню только, что я безпрестанно
ходилъ изъ лачуги на дворъ и дремалъ, стоя и ходя. Любопытно
бы знать, насколько современные вѣянія измѣнили жизнь въ
трущобахъ того давняго времени?

На другой день, при свѣтѣ, легко объяснилось наше блужданіе
по необозримому озеру, на которомъ зимою кромѣ неба и снѣж-
ной поверхности съ огромными трещинами и сугробами, ничего

не было видно; только цѣлыя стаи воронъ съ хриплымъ карканьемъ носились надъ прорубями и полыньями, высматривая себѣ добычу.

Гораздо труднѣе было бы объяснить, незнакомому съ русскою натурою, какъ рѣшился москвитянинъ Макаръ переѣзжать по льду Пейпуса ночью, проѣхавъ чрезъ него, какъ я узналъ потомъ отъ самого же Макара, только одинъ разъ въ жизни и то въ обратномъ направленіи, т. е. отъ Пскова къ Дерпту.

Мудрено-ли, что мы ночью сбились, когда и днемъ мой Макаръ постоянно у каждаго встрѣчнаго спрашивалъ о дорогѣ въ Псковъ.

Но землякъ мой, москвитянинъ Макаръ, ознаменовалъ нашу поѣзду не однимъ только геройскимъ переѣздомъ чрезъ Пейпусъ.

Избѣгнувъ неожиданно гибели въ полыньяхъ Пейпуса, Макаръ ухитрился таки погрузить насъ, то есть меня, кибитку и лошадей, въ полынью какой-то рѣченки. Это было на разсвѣтъ, кажется на 5-й день моей Одиссеи. Я спалъ, закутавшись подъ рогожу кибитки. Вдругъ пробуждаюсь, чувствую, что кибитка остановилась, я откидываю рогожу и что же вижу: лошади стоятъ по шею въ водѣ, Макара нѣтъ, кибитка также въ водѣ, и холодная струя добирается чрезъ стѣнки кибитки и къ моимъ ногамъ.

Не понимая съ просонья, что все это значить, я инстинктивно бросаюсь изъ кибитки вонъ и попадаю по поясъ въ воду; въ это мгновеніе является откуда-то Макаръ съ людьми съ берега. Вытаскиваютъ и меня, и кибитку, и лошадей. Пришлось залечь въ печь, раздѣться до нага, вытереться горѣлкою и сушиться.

Такъ шло время въ путешествіи на долгихъ съ Макаромъ; оно продолжалось чуть не двѣ недѣли; въ эти дни и ночи я на-смотрѣлся на жизнь на постоянныхъ дворахъ.

Случалось почевать вмѣстѣ съ подводчиками въ томъ же покоѣ постоялаго двора. Всего болѣе удивляла меня необыкновенная емкость желудка этихъ добрыхъ людей. Ъли они на-пропалую, и ѣда была на славу. То были Рождественскіе праздники и на столѣ подавалась всегда громадная деревянная чаша съ жирными, густыми щами изъ свинины; чаша опростовывалась чуть не залпомъ, когда принимались изъ нея черпать 10 или 12 ложекъ; снова наполнялась, снова опростовывалась, потомъ являлась не менѣ жирная свинина, а затѣмъ гречневая каша съ свинымъ саломъ. При

этомъ выпивался штофъ сивухи, и все общество, 10, 12 и болѣ дюжихъ подводчиковъ, вставало изъ-за стола, молилось на образа и укладывалось спать по лавкамъ и на печи. Начиналось громкое и неумолкаемое храпѣнье и вмѣстѣ съ нимъ происходила по очередно то тамъ, то здѣсь шумная эксплоація газовъ, заставлявшая меня невольно просыпаться и громко смѣяться. На границахъ Московской губерніи, Макаръ предложилъ мнѣ заѣхать на ночлегъ, вмѣсто постоялаго двора, къ его отцу, церковному старостѣ одного придорожнаго села. Я согласился.

На ночь явились къ старостѣ сельскій попъ, дьячекъ и еще пара крестьянъ. Принесенъ былъ штофъ сивухи. Пили, ѣли, болтали и пошли всѣ спать. Рано утромъ уѣхали попъ и дьячекъ, а потомъ и гости-крестьяне. Мы съ Макаромъ тоже снарядились въ путь; только вижу мой Макаръ что-то суетится и ищетъ.

— „Что пропало?“

— „Кнутъ.“

— „Куда дѣвался?“

— „Да гдѣ ему быть, вопить Макаръ, какъ не у попа. Ужь извѣстно: у поповъ глаза большіе; а кнутъ былъ новенькій, съ иголочки, только-что въ Торжкѣ купилъ, и то все приберегалъ“.

Такъ первое подозрѣніе о кражѣ 20-ти-копѣечнаго кнута мужикъ, да къ тому еще сынъ церковнаго старосты, свалилъ на попа, хотя вмѣстѣ съ попомъ угощались и мужики. Меня, отвыкшаго въ Дерптѣ отъ нравовъ родины, поразила глубоко эта исторія съ кнутомъ; я принялся увѣщевать Макара и наставлять его. Но онъ остался непреклоненъ.

— „Ужь я знаю, не миновалъ мой кнутъ поповскихъ рукъ“, повторялъ Макаръ, не соглашаясь ни на какія разглагольствованія объ уваженіи къ старшимъ и священнослужителямъ.

Наконецъ, я въ Москвѣ, у Калужскихъ воротъ, на квартирѣ матушки, жившей у отставнаго комисаріатскаго чиновника, называвшаго себя полковникомъ.

LV.

Въ то время жизни, когда человѣкъ, переставъ быть ребенкомъ, не достигъ еще и полной мужеской зрѣлости, проявляется не рѣдко въ несложившемся еще характерѣ, рѣзкая, непріятная черта, портящая много крови и у самого молодого человѣка, и у другихъ. Обстоятельства, внѣшняя обстановка, темпераментъ и т. п. много содѣйствуютъ развитію этой черты.

Всего непріятнѣе то, что заносчивость незрѣлаго возраста колетъ глаза своею безтактностью именно тамъ, гдѣ нѣтъ никакой, ни малѣйшей разумной причины ея проявленія. У меня она проявилась именно въ отношеніяхъ моихъ къ матери, послѣ долгой разлуки, изъ одного только различія въ религіозныхъ убѣжденіяхъ, то есть именно тамъ, гдѣ я могъ-бы и долженъ-бы былъ требовать отъ себя сдержанности, терпимости и уваженія къ убѣжденіямъ старыхъ и достойныхъ уваженія людей.

Этого не случилось и я долго, долго и горько упрекалъ себя за мальчишескую невыдержанность, безтактность и грубость.

Какое мнѣ, молокососу, было дѣло до самыхъ задушевныхъ убѣждений моей богомольной старухи-матери и для чего затрогивать самую чувствительную струну ея сердца?

Мотивъ былъ также нелѣпъ и страненъ, какъ и поступокъ.

И въ самомъ дѣлѣ, я не узналъ бы самого себя, если бы сравнилъ то, что я утверждалъ и отчаянно защищалъ предъ всѣми съ моими страстными выходками противъ нѣмцевъ, записанными въ моемъ дневникѣ три года тому назадъ. Теперь же я явился въ Москву самымъ ревностнымъ защитникомъ всего нѣмецкаго, выставляя всякому встрѣчному и поперечному Прибалтійскій край образцомъ культурнаго и благоустроеннаго общества. И вотъ я превозносилъ предъ архи-православною, дряхлою женщиною нѣмецкое протестантство, тогда какъ эта женщина цѣлую жизнь только и находила утѣшенія, что въ своей вѣрѣ и въ своемъ сынѣ.

Въ жизни юношей, — да и зрѣлый возрастъ не свободенъ отъ странностей этого рода, — не рѣдко встрѣчаются рѣзкіе переходы отъ одного міровоззрѣнія къ другому. Неокрѣвшія убѣжденія и

увлеченія мѣняются и отъ настроенія, и отъ разныхъ внѣшнихъ обстоятельствъ.

Одна переменна мѣстности и круга знакомыхъ уже способна замѣнить въ незрѣломъ умѣ одинъ образъ мыслей другимъ, совершенно противоположнымъ. Притомъ духъ противорѣчія, свойственный каждому незрѣлому уму, у меня былъ замѣтно выраженъ и склоненъ къ проявленію при всякомъ удобномъ случаѣ. Случай и представился.

Москва, то есть знакомая мнѣ среда въ Москвѣ, не могла мнѣ не показаться другою.

Вѣдь я провелъ четыре года самой впечатлительной поры жизни на окраинѣ, не имѣвшей ничего общаго съ Москвою; и вотъ, что прежде меня привлекало на родинѣ, потому что извѣстно было только съ одной привлекательной стороны, то сдѣлалось противнымъ чрезъ сравненіе, открывшее мнѣ глаза.

И пятинедѣльное мое пребываніе въ Москвѣ ознаменовалось цѣлымъ рядомъ стычекъ. Куда бы я не являлся, вездѣ я находилъ случай осмѣять московскіе предрасудки, прогуляться на счетъ московской отсталости и косности, сравнять московское съ прибалтійскимъ, то есть чисто-европейскимъ, и отдать ему явное преимущество.

Матушку я хотѣлъ увѣрить, что нѣмцы-протестанты лучше, что вѣра ихъ умнѣ нашей и, какъ обыкновенно, одна глупость рождаетъ другую,—то я, споря и горячась, перешагнулъ отъ религіи къ родительской и дѣтской любви и довелъ, любившую меня горячо, старушку до слезъ.

— „Какъ это ты не боишься Бога—приравнивать материнскую любовь къ собачьей и кошачьей; развѣ собака и кошка могутъ любить своихъ щенятъ и котятъ, какъ мать любитъ своего ребенка? Значить у васъ теперь мать все равно, что сука или кошка?“

Такъ пеняла мнѣ мать. Наконецъ, мнѣ стало жаль и стало совѣстно. Споры съ матерью я прекратилъ; разгорячившійся духъ противорѣчія не скоро угомонишь, и я началъ вымѣщать его на другихъ, при каждомъ удобномъ случаѣ, а случай представлялся на каждомъ шагу. Сдѣлалъ я визитъ, экзаменовавшему меня изъ хирургіи на лекаря, профессору Альфонскому (потомъ ректору). Онъ начинаетъ спрашивать про обсерваторію, про знаменитый

рефракторъ въ Дерптѣ, въ то время едва ли не единственный въ Россіи. Я съ восторгомъ описываю видѣнное мною на дерптской обсерваторіи,—а Альфонскій преравнодушно говоритъ мнѣ:

— „Знаете что: я, признаться, не вѣрю во всѣ эти астрономическія забавы; кто ихъ тамъ разберетъ, всѣ эти небесныя тѣла?“

Потомъ перешли къ хирургіи и именно затронули мой любимый конекъ—перевязку большихъ артерій.

— „Знаете что, говоритъ опять Альфонскій, я не вѣрю всѣмъ этимъ исторіямъ о перевязкѣ подвздошной, наружной или таза подклячечной артерій, бумага все терпитъ“.

Я чуть не ахнулъ вслухъ.

Ну, такой отсталости я себѣ и вообразить не могъ въ ученомъ сословіи, у профессоровъ.

— По вашему, Аркадій Алексѣевичъ, выходитъ, замѣтили: проницательно, что и Астлей Куперъ, и Эбернети, и нашъ Арендтъ—все лгуны? Да и почему вамъ кажутся эти операціи невозможными? Вотъ я пишу теперь диссертацию о перевязкѣ брюшной аорты и нѣсколько разъ перевязалъ ее успѣшно у собакъ.

— „Да, у собакъ“, прервалъ меня Альфонскій.

— „Пожалуйте кушать“, прервалъ его вошедшій лакей.

Отъ Альфонскаго я пошелъ съ визитомъ къ Ал. Ал. Іовскому, редактору медицинскаго журнала, вскорѣ погибшаго преждевременною смертію.

Я послалъ изъ Дерпта въ этотъ, тогда чуть-ли не единственный, медицинскій журналъ одну статью, — хирургическую анатомію паховой и бедренной грыжи, выработанную мною изъ монографій Скарпы, Ж. Клоке и Аст. Купера.

Іовскій, принадлежавшій уже къ молодому поколѣнію, не обнаружилъ большой склонности къ прогрессу по возвращеніи изъ за границы; вмѣсто химіи принялся за практику и теперь обнаруживалъ предо мною полное равнодушіе къ наукѣ.

Я началъ по своему возражать, поставляя ему тотчасъ же въ примѣръ дерптскій университетъ.

— „Да съ нашими подлецами ничего не подѣлаешь“, былъ отвѣтъ.

Пришелъ навѣстить одного стараго знакомаго, офицера-холода,

бывшаго нашего сосѣда по квартирѣ. Нашель у него другихъ офицеровъ въ гостяхъ. И тутъ, слово за слово, я перешель къ изложенію всѣхъ преимуществъ Прибалтійскаго края. Прежде всего, конечно, описаль слушателямъ высокое состояніе науки, отставшей въ Москвѣ, по крайней мѣрѣ, на четверть вѣка.

— „Позвольте вамъ замѣтить, остановилъ меня толстѣйшій гарнизонный маіоръ, вотъ я лечился у разныхъ докторовъ, вездѣ побываль, совѣтовался съ разными знаменитостями, но толку не было; а вотъ у насъ, въ Москвѣ, мнѣ одинъ старичекъ посовѣтоваль принять лекарство Леру. Такъ я вамъ скажу, оно меня такъ прочистило, что все, что во мнѣ лѣтъ десять уже скопилось, наружу вывело; съ тѣхъ поръ, слава Богу, какъ видите, здравствую“.

Возражать было нечего.

Перешли къ сужденію о семейной и общественной жизни.

Я опять сталъ распространяться о превосходныхъ сторонахъ общества и семьи въ Прибалтійскомъ краѣ, коснулся, конечно, и нѣмокъ.

— „Замѣчу вамъ, заговорилъ опять тотъ же маіоръ, я достаточно знакомъ съ женскимъ поломъ. Имѣлъ на своемъ вѣку дѣло и съ нѣмками, и съ французенками, и съ цыганками. Большого различія не нашель; всѣ поперечки“.

При этомъ замѣчаніи все общество покатилося со смѣху, а я умолкъ, бросивъ презрительный взглядъ на всю эту, неподходящую для меня, компанію.

На другой день меня пригласили также къ старому знакомому моего отца, помѣщику Матвѣеву, человѣку съ большими средствами и получившему отличное образованіе. Пригласили же меня въ особенности затѣмъ, чтобы посовѣтоваться о сынѣ Матвѣева, подросткѣ лѣтъ 16; его воспитывали дома гувернеры-иностранцы и надо было рѣшить теперь—какъ и чѣмъ закончить домашнее воспитаніе.

Я засталъ отца (еще очень моложаваго и разбитнаго) и сына упражняющихся въ фехтовальномъ искусствѣ.

Молодой Матвѣевъ, изящно одѣтый, съ цѣлымъ лѣсомъ бѣловурыхъ волосъ на головѣ, тщательно завитыхъ и припомаженныхъ, свободный въ обращеніи, украшавшій разговоръ цитатами изъ русскихъ поэтовъ, представлялъ собою что-то искусствен-

ное, поддѣльное, невиданное мною въ Дерптѣ. Отецъ Матвѣевъ также вставлялъ въ разговорѣ стихи изъ Евгенія Онѣгина, изъ „Горе отъ ума“, называлъ предразсудкомъ соблюденіе религиозныхъ обрядовъ и въ то же время крестился, сядясь за столъ; онъ сказывалъ, что сынъ его требуетъ только нѣкоторой подготовки въ древнихъ языкахъ для вступленія въ университетъ и восхищался, вмѣстѣ съ сыномъ, моими разказами о жизни въ Дерптѣ, объ университетской дѣятельности и готовъ былъ сейчасъ же лѣтъ въ Дерптъ. Я радовался, что нашелъ въ Москвѣ хотя одно прогрессивно настроенное семейство и радъ былъ еще болѣе тому, что могъ самъ способствовать прогрессу, притянувъ юношу къ серьезному университетскому образованію.

Едва я, однако-же, покончилъ мою бесѣду съ отцемъ и сыномъ, какъ меня позвали на другую половину, къ женѣ и матери.

— „Здравствуйте, monsieur Пироговъ, скажите, вы изъ Дерпта? Вы говорили съ мужемъ? Видѣли сына? Какъ вы полагаете? Неужели вы посоветуете отправить сына въ Дерптъ? Вѣдь тамъ студенты всѣ якобинцы. Это ужасно. Онъ можетъ совсѣмъ пропасть“.

Все это сказанное залпомъ еще нестарою, но очевидно взбалмошною дамою меня крайне раздосадовало и я принялся доказывать ей всю нелѣпость мнѣнія, составленнаго ею о Дерптѣ, и въ свою очередь не давалъ уже ей раскрывать рта до самыхъ тѣхъ поръ, пока не взялся самъ за шапку.

Матвѣевы (отецъ и сынъ) потомъ пріѣзжали на своихъ лошадяхъ въ Дерптъ. Сынъ вступилъ въ университетъ; но много ли изъ него вынесъ, не знаю. Что-то тоже російское, замалеванное снаружи, проглядывало въ этомъ выравненномъ и вытянутомъ подросткѣ. Отецъ же его, обольстивъ какую-то московскую барышню, удралъ съ нею и съ деньгами отъ жены за границу и возвратился оттуда безъ денегъ, безъ барыни и съ ракомъ желудка чрезъ 12 лѣтъ въ Петербургъ, гдѣ я его и навѣстилъ въ гостинницѣ сильно страдавшаго. Сынъ разсорился съ нимъ и не хотѣлъ болѣе знать отца.

Каждое посѣщеніе моихъ московскихъ знакомыхъ давало только пищу обуявшему меня духу противорѣчія. Все въ моихъ глазахъ оказывалось отсталымъ, пошлымъ, смѣшнымъ.

Я попробовалъ пойти въ гости къ незнакомымъ.

Мой товарищ И. О. Шиховскій просилъ меня непременно навѣстить его загадышнаго пріятеля, какого-то университетскаго бюрократа. Я навѣстилъ и получилъ приглашеніе на вечеръ. Тутъ все общество и его болтовня показались мнѣ уже до того несносными, что я, не простившись, потихоньку убѣжалъ.

Началось съ бесѣды съ профессоршею, женою преподавателя Терновскаго, у котораго я цѣлый годъ слушалъ лекціи остеологии и синдесмологии. Это былъ не послѣдній изъ категорій, забавлявшихъ насъ, чудаковъ. Чахоточный, сухощавый до нельзя, черномазый, весь обросшій густыми, темными, щетинистыми волосами, съ впальми, желтобураго цвѣта, глазами, тоненькими ногами, въ штанахъ въ обтяжку въ сапоги, въ сапогахъ съ кисточками; зимою на лекціи всегда въ огромной, бураго цвѣта, медвѣжьей шубѣ, крытой истертымъ и полинялымъ сукномъ, Терновскій являлся на лекцію какъ то изподтишка, скрытно, какъ будто боялся, чтобы его не прогнали, и исчезалъ, вмѣстѣ съ десяткомъ своихъ слушателей, въ огромномъ амфитеатрѣ (на 300—400 мѣстъ).

Осматриваясь подозрительно вокругъ себя, Терновскій тайно вынималъ изъ-за пазухи лобную или височную кость и, покашливая, потихоньку подходилъ къ каждому изъ насъ, демонстрировалъ и намекалъ повремениамъ какъ трудно ему доставать кости отъ Лодеровскаго прозектора.

Вотъ съ супругою этого-то господина я случайно и встрѣтился на вечерѣ и узналъ отъ нея, что мужъ ея, г. Терновскій,—имени и отчества не помню,—есть извѣстный всей Европѣ ученый.

Я чуть не фыркнулъ отъ смѣха. Откуда это взяла она? Самъ ли онъ такъ отрекомендовалъ себя или она изобрѣла изъ любви. Что было отвѣчать? Чтобы не ляпнуть какую нибудь дерзость, я прекратилъ бесѣду; но, къ довершенію зла, замѣтилъ что-то какъ-бы давно знакомое съ фізіономіи одного претолстѣйшаго господина, сидѣвшаго за картами; справившись, кто это, я узналъ моего дядю по матери, Новикова, при жизни отца нерѣдко посѣщавшаго нашъ домъ, а по смерти не преминувшаго забыть досконально о нашемъ существованіи. И какъ скоро все это промелькнуло въ моемъ воспоминаніи, я тотчасъ же и отретировался, чтобы не встрѣтиться лицомъ къ лицу съ поч-

теннымъ дядюшкою и не быть заключеннымъ въ его жирныя объятія.

Это былъ финалъ моего пребыванія въ Москвѣ; оно убѣдило меня окончательно въ преимуществѣ и высотѣ нравственнаго и научнаго уровня въ Дерптѣ.

Въ Дерптѣ не водятся профессора, считающіе астрономическія наблюденія пустою забавою; хирургическія операціи, давно вошедшія въ практику—невозможными; всѣхъ своихъ коллеговъ—подлецами; нѣтъ и дамъ, усматривающихъ въ каждомъ студентѣ якобинца, а въ своихъ супругахъ—европейскія знаменитости!

Передъ отъѣздомъ изъ Москвы я старался уничтожить тѣгостное впечатлѣніе мое, оставшееся въ душѣ отъ глухихъ пререканій съ матушкою; но только потому, пріѣхавъ въ Дерптъ, я просилъ искренно прощенія въ письмѣ къ матери и сестрамъ. Назадъ возвратился изъ Москвы на почтовыхъ, уже на второй недѣлѣ великаго поста.

Житье-бытье матушки и сестеръ въ Москвѣ я нашелъ немного лучшимъ прежняго. Одна сестра нашла себѣ мѣсто надзирательницы въ какомъ-то женскомъ сиротскомъ домѣ; въ другой приходили ученицы на домъ; матушкѣ выхлопотала одна знакомая небольшую пенсію; братъ мой, не имѣвшій чѣмъ заплатить взятія у матушки когда-то деньги, теперь поправился и уплачивалъ понемногу; я также кое-что прибавилъ. Матушка занимала небольшую квартиру въ три комнаты, вмѣстѣ съ одною сестрою и двумя крѣпостными служанками.

Я, пробывъ четыре года въ Прибалтійскомъ свободномъ краѣ, конечно, не могъ равнодушно смотрѣть на двухъ рабынь, старую и молодую. Я настоялъ у матушки, чтобы ихъ отпустили на волю.

— „Да я и сама уже давно-бы ихъ отпустила,—сказала мнѣ матушка,—если бы не боялась попасть подъ судъ“.

— Какъ? За что?

— „Да просто потому, что у меня нѣтъ никакихъ документовъ на крѣпость. Богъ знаетъ, куда они дѣвались и гдѣ ихъ теперь возьмешь“.

И, дѣйствительно, дѣловые люди не совѣтовали начинать

дѣла, а предоставить все времени и воли Божіей. Такъ и случилось. Молодая раба, довольно красивая собою, чуть было не попавшая въ руки какаго-то московскаго клубничника, вышла благополучно замужъ безъ всякихъ документовъ. Другая, уже старуха, Прасковья Кирилловна, та самая, сказки которой о бѣломъ, черномъ и красномъ человѣчкѣ я не забылъ еще и теперь,—пріѣхала потомъ съ сестрами ко мнѣ въ Петербургъ въ 1840 году. И тутъ только я, съ помощію 25 рублей, преподнесенныхъ квартальному надзирателю, успѣлъ, наконецъ, дать вольную этой, столько лѣтъ пе по найму служившей, личности.

Таково было вѣрностное право,—и желавшіе горячо отъ него отдѣлаться не легко этого достигали!

В Ъ Д Е Р П Т Ъ .

LVI.

Въ 1833 году докторская моя диссертация была окончена и защищена. Оставалось только дожидаться рѣшенія изъ министерства о поѣздѣ за границу.

Эти нѣсколько мѣсяцевъ были самыми пріятными въ жизни. Къ тому же въ это время у Мойера, или вѣрнѣе у Екатерины Афанасьевны, проживали молодые дѣвушки Лаврова и Воейкова. Откуда взялась первая—не знаю; но Екатерина Афанасьевна интересовалась ею, занималась съ нею чтеніемъ и женскими работами. Семейство Мойера, а съ нимъ я, жило тогда въ деревнѣ (Садорфъ, верстъ 12 отъ города). Лаврова лѣтъ 16—17, брюнетка, смуглянка, имѣла что-то странное въ выраженіи глазъ, широчемъ красивыхъ и черныхъ. Она и въ самомъ дѣлѣ была какая-то странная, почти всегда восторгавшаяся, торжественно и нараспѣвъ говорившая о самыхъ обыкновенныхъ вещахъ. Она (Лаврова) осталась у меня въ памяти потому, что однажды подралась со мною.

Много тогда смѣялись видѣвшіе драку, правда не на кулачки, а сворѣе борьбу молодого человѣка съ молодою красивою дѣвушкою.

Дѣло вышло изъ какихъ-то пустяковъ; о чемъ-то заспорили;

я сказалъ что-то въ родѣ: „это очень глупо“, и вдругъ Лаврова выдвигается на меня съ особеннымъ, почти безумнымъ, выраженіемъ своихъ черныхъ глазъ, беретъ меня за плечи и хочетъ повалить. Я защищаюсь и, видя, что она не унимается, беру ее за плечи и начинаю, что есть силы, трясти; тогда она въ слезы и навзрыдь.

Кое-какъ ее успокоиваютъ, но она снова бросается на меня.

— „Я женщина, кричитъ она, я женщина, вы должны имѣть уваженіе ко мнѣ“.

— Я мужчина, кричу я въ свою очередь, и вы поступайте такъ, чтобы я васъ могъ уважать.

Слѣдуетъ новая схватка, и тогда уже насъ разводять.

На другой день, какъ будто, ничего не бывало; но Лаврова дѣлаетъ снова глупую выходку, бѣжитъ въ переднюю подавать шинель прїѣзжавшему на прощанье Александру Витгенштейну.

— „Что это ты, матушка, твое ли это дѣло“, замѣчаетъ ей потомъ Екатерина Афанасьевна.

— Да почему же не подать шинель сыну такого знаменитаго полководца, какъ князь Витгенштейнъ, восклицаетъ восторженно Лаврова.

Другая интересная особа, въ которой нельзя было оставаться равнодушнымъ, Катя Воейкова, была внучка Екатерины Афанасьевны Протасовой, дочь извѣстнаго, не съ привлекательной стороны, поэта Воейкова-Вулкана (Воейковъ былъ хромъ), уступившаго свою очаровательную Венеру воинственному Марсу.

Только что окончившая курсъ ученія въ Екатерининскомъ институтѣ, Воейкова переѣхала на житье къ бабушкѣ въ Дерптъ. Не красавица, но очень милая и интересная, Воейкова была всегда весела и смѣшлива.

До отъѣзда моего за границу она не рѣдко занимала мое воображеніе, но не производила глубокаго впечатлѣнія. Недостатки институтскаго воспитанія и поверхностнаго міровоззрѣнія не окупались другими внѣшними достоинствами.

Тѣмъ не менѣе и я, и многіе другіе, желали нравиться и угождать милой и интересной дѣвушкѣ. Устроивали домашній театръ; играли „Недоросля“; я представлялъ Митрофанушку и очень былъ доволенъ: игрою своею вызывалъ смѣхъ и рукоплесканія Воейковой.

Въ другихъ семействахъ я не былъ знакомъ; женское общество было мнѣ чуждо и потому появленіе всякаго новаго женскаго лица въ знакомомъ мнѣ домѣ не могло не производить на меня весьма пріятнаго впечатлѣнія.

Въ Дерптѣ былъ въ то время обычай между студентами прискивать себѣ, во время университетскаго курса, невѣсту между дочерьми бюргеровъ, чиновниковъ, профессоровъ. Женихъ и невѣста дожидались спокойно нѣсколько лѣтъ. Былъ случай, что женихъ, казенный стипендіатъ, выдержавъ экзаменъ на лекаря, долженъ былъ отправиться куда-то въ кавказскую трущобу. Онъ увѣдомилъ невѣсту о своемъ мѣстопребываніи, и она, 18-лѣтняя дѣвушка, никуда не выѣзжавшая никогда изъ дома, сѣла на перекладную и, не боясь ѣхать вмѣстѣ съ попутчиками, молодыми юнкерами и офицерами, явилась живою и здоровою къ жениху въ захолустье, гдѣ и повѣнчались.

За то былъ и другой случай.

Одна невѣста, долго ждавшая и не знавшая, гдѣ находится ея женихъ, не устояла и сдѣлалась невѣстою другого.

Вдругъ является первый женихъ, узнаетъ объ измѣнѣ и, встрѣтивъ бывшую свою невѣсту на балѣ въ клубѣ, задаетъ ей пощечину и исчезаетъ.

Насъ, русскихъ, не соблазнялъ этотъ нѣмецкій обычай. Только одинъ Филмофитскій (профессоръ физиологіи въ Москвѣ) вздумалъ жениться, предъ поѣздкою за границу, на Марьѣ Петровнѣ, воспѣтой Языковымъ:

Да здравствуетъ Марья Петровна,
И ручка, и ножка ея.

слышалось не рѣдко и на улицѣ, и въ сборищахъ русскихъ студентовъ, какъ торжественный гимнъ, воспѣваемый въ честь русской красавицы, и при словахъ:

Блаженъ, кто, законно мечтая,
Зоветь ее дѣвой своей,
Блаженнѣй избранника рая—
Бурсакъ, полюбившійся ей!"

Филмофитскій вѣрно не причислялъ себя и взаправду къ избранникамъ рая.

Да, я забылъ еще Степана Куторгу, тотъ влопался въ дочку директора училища, въ домѣ котораго онъ квартировалъ.

Allein kann man nicht sein auf der Erde, приводилъ въ свое извиненіе Курторга.

И еще одинъ,—мой старый пріятель Загорскій (элевъ¹⁾ академіи наукъ) женился въ Дерптѣ на дочери г-жи Эксъ и жилъ съ нею очень долго и счастливо. И такъ, изъ 23 русскихъ (21 изъ профессорскаго института и 2 элевовъ академіи) пережились въ Дерптѣ 3, а умерло только 2.

LVII.

Не помню, анализировалъ ли я себя передъ отъѣздомъ за границу изъ Дерпта; дневника я тогда уже не велъ цѣлый годъ и болѣе; но мнѣ кажется мой духовный бытъ того времени, не знаю почему, чрезвычайно яснымъ по истеченіи цѣлыхъ 48 лѣтъ.

Я убѣжденъ даже, что теперь, въ настоящее время (1881 г.), мой анализъ будетъ вѣрнѣе и отчетливѣе того, прежняго, можетъ быть и не существовавшаго. Едва ли этотъ прежній былъ бы такъ непристрастенъ, какъ теперешній.

Начну съ главнаго, съ моего тогдашняго міровоззрѣнія.

Оно, не смотря на идеализмъ, еще замѣтно господствовавшій и въ германской наукѣ, и въ германскомъ міровоззрѣніи,—сильно склонялось въ матеріализму и, конечно, самому грубому, вслѣдствіе грубаго незнанія самой матеріи. Обрядно-религіозное направленіе, вывезенное еще изъ Москвы, потерпѣло полное фіаско. Полное незнакомство съ духомъ христіанскаго ученія и вслѣдствіе этого незнаніе или нежеланіе знать основъ христіанства изъ евангелія и апостольскихъ посланій; полное отрицаніе загробной жизни, какъ предразсудка и ни на какомъ фактѣ не основанной иллюзіи. Стоицизмъ долженъ быть религіей ученаго.

А между тѣмъ, весь этотъ религіозный радикализмъ не давалъ душѣ твердости и стойкости на самомъ дѣлѣ. Это чувствовалось хотя и не сознавалось. Чувствовалось, что первая же бѣда, первое серьезное испытаніе потрясетъ все это зданіе до самаго основанія. Чтобы заглушить въ себѣ это внутреннее противорѣчіе, надо было искать самозабвенія въ научныхъ занятіяхъ,

¹⁾ Воспитанникъ.

такъ какъ для другихъ чувственныхъ наслажденій организмъ былъ слишкомъ слабъ, слишкомъ нервнъ и потому не терпѣлъ пресыщенія и съ отвращеніемъ ощущалъ всякій избытокъ въ наслаженіи.

Желудокъ, приученный къ прѣсной пищѣ, не переносилъ ни обжорства, ни пьянства. Только два раза въ жизни я былъ настоящимъ образомъ пьянъ и оба раза страдалъ нѣсколько дней не на шутку. Мой отецъ также не переносилъ спиртныхъ напитковъ и получалъ сильную рвоту отъ нѣсколькихъ рюмокъ вина. Сверхъ этого, въ Дерптѣ я началъ періодически страдать катарромъ кишекъ, сдѣлавшимся потомъ моею постоянною болѣзною.

Въ Дерптѣ къ развитію моей болѣзни служило еще одно. Я занемогъ простудою и Иноземцевъ вздумалъ мнѣ прописать какія-то горькія и, сколько помню, металлическія пилюли. Я принималъ это снадобье полгода и, въ одно прекрасное утро, пожелтѣлъ какъ лимонъ, почувствовалъ тяжесть въ животѣ, отвращеніе отъ пищи. Я продолжалъ однако же выходить и заниматься въ анатомическомъ театрѣ. Дѣло было зимою. Наконецъ, пришло не втерпѣжь, я принужденъ былъ остаться дома и началъ брать у себя въ клиникѣ теплыя мыльныя ванны, всякій день на ночь, пить чай съ клюквеннымъ морсомъ, и моя желтуха постепенно исчезла. Съ тѣхъ поръ кишечный катарръ началъ чаще возвращаться и долѣе продолжаться, иногда почти цѣлый мѣсяцъ. Надо замѣтить, что въ Дерптѣ солитеръ составляетъ обыкновенную эпидемическую болѣзнь; почти не встрѣчается ни одного вскрытаго трупа, при которомъ не нашли бы цѣлыя клубки солитера въ кишкахъ. Поэтому, я полагалъ сначала, что эта глиста причиняетъ мнѣ катарръ, — но ни разу не нашелъ у себя кусковъ солитера, я долженъ былъ оставить это мнѣніе. Впрочемъ, и кромѣ кишечнаго катарра, я страдалъ еще не рѣдко катарромъ бронхій, — а можетъ быть и бугорками; тогда, по крайней мѣрѣ, я былъ убѣжденъ, что страдаю уже началомъ бугорчатой чахотки. При кашлѣ, длившемся иногда по 5, по 6 недѣль, я, смотря въ зеркало, постоянно слѣдилъ за краснымъ пятномъ на лѣвой щекѣ, принимая его за признакъ изнурительной лихорадки. Мойеръ и товарищи, знавшіе о моихъ подозрѣніяхъ, насмѣхались надо мною; но мой дневникъ того вре-

мѣни ясно свидѣтельствуешь (онъ сохранялся одно время у жены), что убѣжденія мои были не шуточные. Въ дневникѣ я, съ грустью, ни о чемъ болѣе не мечталъ, какъ прожить еще до 30 лѣтъ, а тамъ, говорю, пора костямъ и на мѣсто.

Это было писано въ 1831 году.

Этотъ дневникъ свидѣтельствовалъ еще и о томъ, что не одни гастрономическія наслажденія не шли мнѣ въ прокъ, — и половыя возбуждали потомъ отвращеніе и тоску. Въ одномъ мѣстѣ дневника того времени, послѣ одного меланхолическаго пассажа, прибавлено: *omne animal post coitum triste*. Наконецъ и табакъ, какъ средство къ легкому самозабвенію, не переносился въ то время организмомъ.

Имѣя весьма плохое обоняніе (я могу проникать только острыя летучія вещества), я не имѣлъ никакой потребности курить при моихъ занятіяхъ надъ трупами и только на 31-мъ году жизни, въ первый разъ послѣ тяжелой болѣзни, почувствовалъ желаніе выкурить сигарку, и съ тѣхъ поръ сталъ курить, — и по временамъ очень сильно.

Итакъ, не имѣя отъ природы призванія къ чувственнымъ наслажденіямъ, не перенося пресыщенія, я уже, по этой одной причинѣ, долженъ былъ посвящать себя исключительно научнымъ занятіямъ. А къ этому еще влекло и сильно развитое любознаніе.

Моя, рано развившаяся во мнѣ, любовь къ наукѣ имѣла только ту опасную и худую сторону, что послужила къ раннему же развитію и самонадѣянности, заносчивости и самолюбія.

Пріѣхавъ, напримѣръ, въ Дерптъ совершенно невѣжею въ офталмологіи, я, прочитавъ на первыхъ же порахъ одно только руководство Веллера, вздумалъ было вступить въ споръ съ Мойеромъ объ одномъ глазномъ больномъ въ клиникѣ. Мнѣ почудилось, что по Веллеру надо было назвать болѣзнь не такъ, какъ ее назвалъ Мойеръ. Потомъ, я самъ крѣпко смѣялся надъ собою. Въ другомъ случаѣ мое самолюбіе меня поставило въ чистые дураки, не допустивъ меня хорошенько осмыслить и обсудить то, что я предлагалъ.

Случай этотъ мнѣ памятенъ до сегодня и до сихъ поръ еще бросаетъ меня въ краску, когда я вспомню о предложенной мною, въ кругу товарищей и въ присутствіи Мойера, бессмыслицѣ.

Еще въ Москвѣ, я слышалъ мелькомъ отъ кого-то о вырѣзываніи суставовъ и образованіи искусственныхъ суставовъ. Прибывъ въ Дерптъ съ полнымъ незнаніемъ хирургіи, я, на первыхъ же порахъ, нигдѣ ничего не читаю о резекціяхъ суставовъ, вдругъ предлагаю у одного больного въ клиникѣ вырѣзать суставъ и вставить потомъ искусственный. Предложеніе это я дѣлаю одному товарищу.

— „Что такое, что такое?“ спрашиваетъ Мойеръ, слышавшій нашъ разговоръ въ полголоса.

Товарищъ передалъ Мойеру, что я видѣлъ или слышалъ въ Москвѣ, что вставляютъ искусственные суставы изъ слоновой кости, на мѣсто вырѣзанныхъ.

Мойеръ покачалъ головою и началъ трунить надо мною, что я повѣрилъ такой нелѣпицѣ. А нелѣпицу эту я самъ изобрѣлъ. Я долженъ былъ прикусить языкъ и смѣяться надъ собственною же нелѣпостью. Тутъ играло главную роль не столько невѣжество и грубое незнаніе, сколько безразсудность отъ самомнѣнія, мѣшавшаго разсуждать и всесторонне обдумывать, что хочешь сказать или сдѣлать.

Послѣ пятилѣтняго пребыванія въ Дерптѣ, я уже безъ самонадѣянности и безъ самомнѣнія вправѣ былъ считать себя достаточно приготовленнымъ къ дальнѣйшему самостоятельному образованію наукою. Изъ анатоміи я изучилъ нѣкоторые предметы такъ основательно, что, напримѣръ, въ изученіи о фасціяхъ едва-ли кто нибудь могъ быть опытнѣе меня. Въ этомъ убѣдился потомъ и въ Берлинѣ проф. Шлеммъ и Иоганнъ Мюллеръ. Хирургію я изучилъ по монографіямъ и всегда при помощи хирургической анатоміи, которую изучалъ на трупахъ.

Недостатокъ труповъ въ Дерптѣ былъ по крайней мѣрѣ тѣмъ полезенъ, что принуждалъ пользоваться тщательно наличнымъ матеріаломъ. Немудрено, что, получая въ свое распоряженіе трупъ, возились съ нимъ день и ночь, не бросая ничего даромъ и стараясь сохранить какъ можно долѣе.

Трупы получались большею частію изъ Риги по почтѣ, зимою почти всегда замерзшіе. Вспоминаю при этомъ забавное происшествіе, случившееся съ однимъ изъ моихъ товарищей. Онъ препарировалъ промежность (reginaeum) на полузамерзшемъ трупѣ, загнувъ его бедро къ животу и приподнявъ ноги къ верху. Дѣло

было ночью и потому на ноги и на животъ трупa поставили нѣсколько свѣчей въ низенькихъ подсвѣчникахъ. Препарирующій углубился всецѣло въ свою работу; вдругъ онъ получаетъ отъ невидимой руки затрещину, свѣчи падаютъ, потухли и въ комнатѣ дѣлается совершенно темно. Можно себя представить удивленіе и испугъ оставшагося въ темнотѣ и съ болью въ щекѣ молодого анатома. Онъ поднимаетъ крикъ, является аптечный служитель со свѣчею и дѣло разомъ объясняется. Полузамороженный трупъ оттаялъ и тотчасъ же поднятыя вверхъ ноги спустились, столкнули свѣчи и даютъ плеху сидѣвшему между ногъ съ нагнутою внизъ головою анатому.

ПОѢЗДКА ЗА ГРАНИЦУ.

LVIII.

Въ маѣ 1833 года рѣшено было отправиться намъ за границу. Всѣ медики должны были ѣхать въ Берлинъ, естествоиспытатели — въ Вѣну; всѣ другіе (юриссты, филологи, историки) — также въ Берлинъ. Во Францію и почему-то и въ Англію никого не пустили.

Я отправился вмѣстѣ съ однимъ дерптскимъ пріятелемъ (потомъ служившимъ врачомъ въ московскомъ воспитательномъ домѣ) Самсономъ фонъ-Гиммельштерномъ и съ товарищемъ изъ профессорскаго института Котельниковымъ.

На Котельниковѣ надо остановиться, — вѣдь онъ не мало былъ предметомъ моего любопытства.

Въ нашемъ профессорскомъ институтѣ было двое чахоточныхъ въ послѣднемъ періодѣ болѣзни: Шкляревскій и Котельниковъ. Первый, на видъ здоровый, полный блондинъ, съ хорошо развитою грудью, говорившій всегда громко, началъ харкать кровью и умеръ отъ скоротечной чахотки. Это былъ поэтъ съ прекрасною, высокою душою. Въ стихотвореніяхъ его проглядывалъ мистическій оттѣнокъ; въ одномъ изъ нихъ (на новый годъ, напримѣръ) Шкляревскій говорилъ собравшимся товарищамъ:

Было время, одинокою
Каждый шествовалъ тропой
Сквозь туманъ и глушь, далекою
Увлекаемый звѣздой;

Но грядый незримо съ чадами
 Слилъ пути въ единый путь,
 Взгляды встрѣтились со взглядами
 И къ груди прижалась грудь.

Пути наши, казавшіеся восторженному юношѣ уже слитыми, не слились, какъ показало время.

Иначе, могло-ли бы случиться, чтобы объ иныхъ изъ насъ не было лѣтъ 30 ни слуха, ни духа. Вотъ о Котельниковѣ, напримѣръ, я 40 лѣтъ ничего не знаю. Ошибаюсь, впрочемъ, слышалъ, что дочь его (послѣ меня—самаго младшаго изъ членовъ профессорскаго института) вышла замужъ за Коргух-троцкаго, который, по малой мѣрѣ, лѣтъ на 7—8 былъ старѣе Котельникова. И еще знаю о нихъ обоихъ, что они были профессорами въ Казани, а если не ошибаюсь, вѣдется видалъ и визитную карточку Котельникова у себя въ Берлинѣ.

Этотъ юноша, — такимъ онъ былъ 48 лѣтъ тому назадъ ¹⁾, былъ тогда какимъ-то феноменомъ въ моихъ глазахъ. Теперь мнѣ стало извѣстно изъ опыта, что съ 17—21-лѣтними юношами совершаются иногда непостижимыя перемены и въ физическомъ, и нравственномъ отношеніи; но въ 1830-хъ годахъ нашего вѣка, Котельниковъ, изможденный какъ скелетъ, едва переводившій духъ, страдавшій цѣлые мѣсяцы изнурительною лихорадкою, задышавшійся отъ кровохарканья и скоплавшейся въ кавернахъ мокроты, и потомъ, тотъ же Котельниковъ, кутившій съ нами въ Ригѣ и наслаждавшійся потомъ *dolce far niente* въ Берлинѣ, для меня, говорю, тогда эти два образа не могли умѣститься въ одномъ и томъ же Котельниковѣ. Это съ физической стороны, а съ духовной снова два разные лица.

Одинъ Котельниковъ, больной и хилый, но гениальный математикъ, по увѣренію профессоровъ Штруве и Бартельса, и по увѣренію товарищей; онъ день и ночь сидитъ надъ математическими выкладками, онъ изучилъ всѣ тонкости небесной механики Лапласа; отъ Котельникова всѣ ожидаютъ, что займетъ высшее мѣсто (выше самого Остроградскаго) въ ряду русскихъ математиковъ; объ этомъ намекаетъ и самъ Штруве. Одна бѣда, — разстроенное здоровье. Но вотъ здоровье неожиданно поправляется. Котельниковъ воскресаетъ изъ мертвыхъ, и что же—чрезъ

¹⁾ Писано въ 1881 г.

два года онъ неузнаваемъ въ нравственно-духовномъ отношеніи.

Ежедневно можно было встрѣтить Котельникова въ кондитерскихъ, загородныхъ гуляньяхъ или просто на улицахъ Берлина, или читающимъ какую-нибудь газету, или же, всего чаще, ничего не дѣлающимъ; книги, лекціи все оставлено. Я помню, Котельниковъ сознавался мнѣ, что еще ни разу не былъ на лекціи одного изъ извѣстныхъ тогда математиковъ.

Женскія лица начали дѣйствовать на Котельникова обязательно, но попрежнему платонически и несомнѣнно Котельниковъ, гуляя и глазѣйщикъ, остается дѣвственнымъ.

— „Что съ тобою приключилось“, часто спрашивалъ я его, когда онъ отъ нечего дѣлать заходилъ ко мнѣ.

— У меня, вотъ тутъ, говорилъ онъ, показывая на лобъ, что-то лежитъ, въ родѣ камня, а иногда мнѣ душно дѣлается; а ночью растворяю окно, становлюсь въ рубашкѣ противъ вѣтра, или бѣгу, сломя голову, на улицу.

Разговоръ объ этомъ не тянулся и переходилъ на злобу дня. Такъ прошли два года въ Берлинѣ. Я любилъ добрѣйшую душу этого чудака-товарища и съ нимъ же отправился и обратно изъ Берлина въ Россію.

Я потомъ опишу это путешествіе, а теперь скажу только, что въ Ригѣ я, не смотря на постигшую меня тяжелую болѣзнь, не могъ удержаться отъ смѣха, глядя на чемоданъ Котельникова; глядя, я вспоминалъ о забавной гримасѣ, видѣнной мною на лицахъ нѣмецкихъ почтарей, когда они, перекладывая и перенося чемоданъ Котельникова, замѣчали въ немъ стукъ отъ перекачанія какого-то твердаго тѣла изъ одного угла въ другой. Въ Ригѣ же я узналъ, что чемоданъ ничего болѣе не содержалъ въ себѣ, какъ старыя поношенныя сапоги Котельникова.

Можно себѣ представить какъ пріятенъ былъ мнѣ путь изъ Дерпта въ Ригу. Будущее, розовыя надежды, новая жизнь въ разсадникахъ науки и цивилизаціи, пріятное общество двухъ товарищей, прекрасная весенняя погода, все веселило и радовало молодую душу.

Ко многимъ моимъ недостаткамъ и слабостямъ того времени я отношу еще неумѣнье и нежеланье вести счетъ деньгамъ. Не смотря на мою бѣдность, не смотря на то, что, живя въ семействѣ, я долженъ бы былъ знать цѣну деньгамъ, изъ которыхъ

ни одна копѣйка не проходила и не пропадала даромъ, я не хотѣлъ и не умѣлъ считать, когда деньги поступали въ полное мое распоряженіе.

Получивъ въ началѣ мѣсяца жалованье, я никогда не могъ свести концы съ концами и не рѣдко случалось въ Дерптѣ, что въ концу мѣсяца я сидѣлъ безъ чая или безъ сахара; въ такомъ случаѣ, чай замѣнялся ромашкою, мятою, шалфеемъ. Когда, при отъѣздѣ за границу, намъ выдана была впередъ довольно значительная для насъ сумма,—кромѣ денегъ на дорожныя издержки мы получили впередъ за полгода наше заграничное жалованье (800 талеровъ въ годъ), то съ этими деньгами случилось у меня то же самое, что и съ мѣсячнымъ жалованьемъ въ Дерптѣ.

Пріѣхавъ въ прибалтійское Эльдorado,—Ригу, всѣ ощутили какую-то неудержимую потребность покутить, а потомъ, вмѣсто того, чтобы спѣшить въ мѣсту назначенія, кто-то предложилъ ѣхать въ Берлинъ чрезъ Копенгагенъ моремъ, а потомъ на Гамбургъ и Любекъ. Ни мы, ни наше университетское начальство, ни министерство не знали, что отправляться весною въ заграничные университеты для слушанья курсовъ весьма неразсчитливо и непроизводительно.

Лѣтній семестръ, начинающійся послѣ святой, весьма коротокъ и неудобенъ. Надо отправляться за границу для ученья только осенью, въ срединѣ октября.

Продливъ время нашего путешествія избраніемъ пути чрезъ Копенгагенъ, мы могли пріѣхать въ Берлинъ только въ концѣ мая, семестръ же продолжался только до половины августа, а гонораръ за лекціи мы должны были внести все-таки полный, семестральный. Ѣхать въ Берлинъ чрезъ Копенгагенъ значило въ то время искать случая, то есть искать паруснаго купеческаго судна въ Ригѣ.

На это понадобились еще два дня, что съ двумя другими, проведенными въ кутежѣ, хотя и далеко не безпашномъ, составило уже четыре дня, канувшихъ въ Лету не только безъ пользы, но и со вредомъ для кармана. Нашлось парусное датское судно, отправлявшееся обратно въ Копенгагенъ, сколько помню, почти ненагруженное. Насъ отправилось человекъ 8 и всѣ въ первый разъ въ жизни дѣлали путешествіе моремъ.

Оно, конечно, началось прежде всего морскою болѣзною. На

другой день всѣ мы лежали въ лежку, провлиная тотъ часъ, когда рѣшена была эта побѣда. Еще день и еще хуже. Поднимается штурмъ и страшная качка, кажется, что вотъ, вотъ и наше судно развалится, лопнетъ, разобьется въ щепки. Кто-то изъ насъ выползъ на палубу и умоляетъ капитана воротиться назадъ куда-нибудь къ берегу; другіе, не смотря на плачевную обстановку, смѣются вмѣстѣ съ капитаномъ надъ наивнымъ предложеніемъ товарища. Наступаетъ темная, бурная ночь и мы (кажется около Борнгольма) на краю опасности, признаваемой и самимъ капитаномъ. Снасти трещатъ во всю-ивановскую, волны играютъ судномъ какъ мячикомъ, сверху леть ливня, вокругъ туманъ и не видать ни зги. Насъ заперли внизу, всѣхъ въ одной большой каютѣ, вылѣзть на палубу запретили.

Ужасъ да и только! Тянется, тянется и нескончаема кажется ночь, а ночью трескъ, вой, свистъ, плескъ волнъ кажутся еще страшнѣе и зловѣщѣе! Цѣлыхъ 3 дня длилась буря, а потомъ цѣлый день былъ штиль и только черезъ недѣлю мы пріѣхали въ Копенгагенъ.

Первый разъ въ жизни въ заграничномъ городѣ. Какое же первое впечатлѣніе? Помню ясно, что меня поразила всего болѣе какая-то невиданная еще мною городская опрятность, а затѣмъ высокіе цилиндрическіе тополи, придававшіе городу также необычайный для меня видъ. Я тотчасъ же отправился по госпиталямъ, сдѣлавъ предварительно визиты директорамъ госпиталя и клиники. Приемъ былъ очень радушный; видно было, что датскіе профессора еще не скучали отъ наплыва любознательныхъ иностранцевъ. Только одинъ, не профессоръ, а извѣстный въ то время въ Копенгагенѣ операторъ (именно литотомистъ), видимо изумленный моимъ посѣщеніемъ, отказалъ мнѣ присутствовать при его операціяхъ, сказавъ коротко и ясно, что этого нельзя допустить.

Уже и въ то время явно обнаруживалась ненависть датчанъ къ нѣмцамъ. Очевидно было присутствіе двухъ враждебныхъ лагерей и въ ученомъ сословіи. Нѣсколько докторовъ и прозекторовъ, изъ датчанъ, очень любезно отнесшихся ко мнѣ, при первомъ же удобномъ случаѣ раскрывали мнѣ душу, полную ненависти къ нѣмцамъ.

— „Всѣхъ, всѣхъ мы готовы принять подружески, только не нѣмцевъ,—нашихъ злѣйшихъ враговъ“.

* Мнѣ живо припомнились эти слова, очень живо въ Берлинѣ, въ 1863 году.

Я въ почтовой каретѣ ѣду изъ Гамбурга въ Берлинъ. Для чего это я, думаю я по дорогѣ, накупилъ столько фуляровъ въ Гамбургѣ. Мнѣ нравится утирать носъ фуляромъ и при томъ мой Мойеръ всегда носилъ въ карманѣ фуляръ. Да, онъ нюхалъ табакъ и потому не употреблялъ бѣлыхъ носовыхъ платковъ, а тебѣ зачѣмъ, вѣдь ты не нюхаешь? Ну, да впрочемъ, что же, развѣ много истрачено? Однако же, давай-ка считать. И вотъ, едва-ли не въ первый разъ въ жизни, я принялся сводить приходъ съ расходомъ. Вѣдь такъ, пожалуй, не хватитъ и на полгода того, что осталось въ карманѣ. Ну, это еще что? Давай-ка, сочтемъ, благо никого нѣтъ изъ пассажировъ. Начинаю вынимать изъ бокового кармана, во первыхъ, что это? а, датскій паспортъ! Вотъ подлецы: слупили чуть-ли не 3 талера за паспортъ, а на чорта его, еще пожалуй съ нимъ бѣды наживешь. Вѣдь эдакое нахальство,—навязывать проѣзжимъ иностранцамъ свои датскіе паспорта, чтобы содрать 2—3 лишнихъ талера. Тутъ, стопъ! остановка, дверцы кареты отворяются, влѣзаетъ офицеръ. Милости просимъ. Счетъ деньгамъ приходится отложить. Посмотримъ, что за особа. Молчаніе.

— Вы вѣрно русскій? слышу вопросъ.

— Да, я изъ Россіи.

— Я узналъ это по запаху.

— Какъ! неужели отъ меня пахнетъ.

— Нѣтъ, не отъ васъ, а отъ вашихъ сапогъ и вашего бумажника, который вы держите въ рукахъ.

Тутъ я обращаю вниманіе на мой бумажникъ и прячу его скорѣе въ карманъ.

— Я познакомился недавно со многими русскими изъ высшаго круга, продолжалъ офицеръ, смотря на меня въ упоръ, чтобы не упустить изъ виду Knalleffect, неизбѣжный, по его мнѣнію, для всякаго русскаго, когда онъ слышитъ отъ нѣмца о знакомствѣ его съ высшимъ кругомъ.

— „Да, я танцевалъ также съ вашею государынею. Ея императорское величество, дочь нашего короля, была очень благосклонна

къ намъ, прусскимъ офицерамъ, и изъявила желаніе протанцовать съ каждымъ изъ насъ“.

Сказавъ это, прусскій офицеръ какъ-то особенно поднялъ голову, бросилъ на меня выразительный взглядъ и, предложивъ мнѣ безъ результата сигарку, закурилъ и погрузился въ думу.

А я, не успѣвъ счесть содержимое въ моемъ пахучемъ бумажникѣ, принялся считать въ умѣ—и постоянно сбивался въ счетѣ, задремалъ и заснулъ.

ВЪ БЕРЛИНѢ.

LIX.

Въ Берлинѣ мы были поручены нашимъ министромъ, княземъ Ливеномъ, нѣкому ученому пѣтисту, профессору Кранихфельду. Это былъ окулистъ, завѣдывавшій частною главною клинкою и вмѣстѣ съ тѣмъ профессоромъ, если не ошибаюсь, гигиены или чего-то въ этомъ родѣ. Первымъ дѣломъ Кранихфельда было приглашеніе насъ къ нему на чай. Мы нашли у него, за чайнымъ обществомъ, кромѣ жены, 3-хъ или 4-хъ дамъ и еще 2-хъ или 3-хъ пожилыхъ господъ. Тутъ изъ разговоровъ мы узнали, что Кранихфельдъ придерживается гомеопатіи.

— „Представьте себѣ, говорилъ онъ намъ, какъ случайные факты и наблюденія подтверждаютъ иногда ученія, въ глазахъ скептиковъ и вольнодумцевъ кажушіяся невѣроятными. Мы недавно вечеромъ сидѣли въ саду подѣ кустомъ цвѣтущей бузины и на другой же день всѣ получили насморкъ и небольшой катарръ: *similia similibus*. По моему опыту нѣтъ болѣе надежнаго средства противъ простудныхъ катарровъ, какъ бузинный цвѣтъ“.

Поговоривъ и напившись чаю и притомъ чисто нѣмецкаго, (русскій чай былъ тогда еще рѣдкостью въ Берлинѣ, и продавался дорого вмѣстѣ съ иеркою, сладкимъ горошкомъ, въ одной только русской лавкѣ), мы принялись, по предложенію Кранихфельда, за пѣніе псалмовъ; намъ роздали какія-то брошюры, одна изъ дамъ сѣла за фортепіано и всѣ начали подпѣвать, кто кто какъ умѣлъ.

Это занятіе, съ нѣкоторыми паузами, продолжалось безъ ма-

лаго часа два и стало намъ прискучивать; но дѣлать было нечего и пришлось оставаться до конца. Наконецъ, мы распростелись съ твердымъ намѣреніемъ не приходить болѣе на чай къ Кранихфельду.

Все, что онъ для насъ сдѣлалъ, во время своего инспекторства, состояло въ томъ, что онъ познакомилъ насъ съ нѣкоторыми изъ профессоровъ. Самый главный изъ нихъ былъ старикъ Гуффеландъ, сроднившійся съ нашимъ извѣстнымъ Стурдзою.

Я на Стурдзу гляжу библическаго
Вокругъ Стурдзы хожу монархическаго.

(Пушкинъ).

Физиономія всѣхъ этихъ господъ уже съ перваго взгляда обращала на себя вниманіе выраженіемъ какого-то торжественнаго спокойствія; у иныхъ это выходило съ натяжкою и было болѣе продуктомъ искусственнымъ, а у другихъ шло изнутри. Къ числу послѣднихъ принадлежалъ и Гуффеландъ. Высокій, сѣдой, нѣсколько блѣдный, съ зеленымъ зонтикомъ на глазахъ, онъ импонировалъ своимъ лбомъ, видѣвшимся выше зонтика, и подбородкомъ. Онъ говорилъ торжественно и спокойно. Спрашивалъ кое-что о Дерптѣ. Гуффеландъ въ то время не держалъ уже клиники и былъ на покоѣ, въ кругу своей семьи.

Кранихфельдъ водилъ насъ, медиковъ, также къ Русту; но этотъ не принялъ насъ, мы узнали потомъ, что Кранихфельдъ былъ ему не понутру. Впрочемъ жена Руста приняла насъ и объявила, что мужъ послѣ подагрическаго припадка, лежитъ въ истерикѣ и принять насъ не можетъ; а мы хотѣли было испросить у него позволенія посѣщать Charité во время утреннихъ и вечернихъ визитовъ ея ординаторовъ (штабъ-лекарей, Stabsärzte), что никому изъ учащихся не дозволялось.

Вскорѣ Кранихфельдъ не преминулъ отличиться слѣдующими подвигами.

Во первыхъ, онъ распорядился втайнѣ у хозяевъ нашихъ квартиръ, чтобы они не давали на руки ключей отъ входныхъ дверей, какъ это обыкновенно дѣлалось, когда квартирантъ отлучался вечеромъ и не надѣялся возвратиться рано домой. Всѣли наши хозяева получили отъ Кранихфельда эту инструкцію— не знаю, но одинъ изъ насъ, Крюковъ (потомъ профессоръ

филологин въ Москвѣ), случайно сдѣлалъ открытіе. Хозяйка его, на требованіе Крюкова выдать ему ключъ отъ уличной двери на ночь, сказала, что собственно она не должна бы этого дѣлать.

— Это почему? спросилъ Крюковъ.

— „Да профессоръ Кранихфельдъ запретилъ“, отвѣчала она, улыбаясь.

Крюковъ не утерпѣлъ, побѣждалъ въ Кранихфельду за объясненіемъ.

— „Я узналъ, говорилъ ему Кранихфельдъ, что вы часто отлучаетесь изъ дома ночью“, да потомъ, слово за слово, встрѣчая противорѣчія, вдругъ и бухни:

— Вотъ такіе-то русскіе, г. Крюковъ, какъ вы, и дошли до самаго страшнаго изъ преступленій, до цареубійства.

— „Цареубійства! восклицаетъ Крюковъ, — да мы русскіе никогда и не слыхивали у насъ о такомъ преступленіи“.

— А смерть? возражаетъ Кранихфельдъ.

— „Какъ! что вы говорите, г. профессоръ, — горячится Крюковъ, да развѣ это могло быть! мы объ этомъ ничего не знаемъ и никогда не слыхали“.

Кранихфельдъ оцѣпенѣлъ, увидѣвъ, что попалъ въ просакъ.

Съ тѣхъ поръ онъ оставилъ и Крюкова, и всѣхъ насъ въ покоѣ.

Я опасался также встрѣтить въ Кранихфельдѣ второго Василія Матвѣевича Перевощикова, но, напротивъ, Кранихфельдъ не могъ нахвалиться моимъ прилежаніемъ въ посѣщенія госпиталей, анатомическаго театра и лекцій.

Лекціи Кранихфельда даже для того времени, когда еще сильно господствовали въ умахъ разныя философскія бредни, считались допотопными. Рассказывали, напримѣръ, о такого рода пассажахъ.

— „Природа“, утверждалъ Кранихфельдъ на одной лекціи, „представляетъ намъ всюду выраженіе трехъ основныхъ христіанскихъ добродѣтелей: вѣры, надежды и любви. Такъ, цѣлый классъ млекопитающихъ служитъ представителемъ первой изъ нихъ — вѣры; земноводныя какъ-бы олицетворяютъ надежду, а птицы — любовь“.

Этотъ мистическій сумбуръ въ головѣ Кранихфельда не препятствовалъ ему однако-же быть довольно порядочнымъ оку-

листомъ того времени. Онъ дѣлалъ отчетливо и довольно хорошо извлеченіе катаракта (хрусталива) и круга глазнаго зрачка и т. п.

Владычество Кранихфельда надъ нами продолжалось недолго. Съ отставкою князя Ливена и съ вступленіемъ въ министерство гр. С. С. Уварова, уволенъ былъ отъ насъ и Кранихфельдъ. Мѣсто его заступилъ генераль Мансуровъ; при немъ мы получили прибавку жалованья и освободились совершенно отъ нравственной опеки.

LX.

Во время нашего пребыванія въ Берлинѣ прїѣзжалъ императоръ Николай, остановился у посла Рибопьера и велѣлъ явиться туда всѣмъ русскимъ.

Я занемогъ въ это время простудою и не могъ явиться.

Явилось много другихъ и, между прочими, нѣкоторые поляки; на одномъ изъ нихъ остановился взоръ императора.

— „Почему это вы носите усы?“ спросилъ строго государь, подойдя близко къ сконфуженному усачу.

— „Я съ Волыни“, отвѣтилъ онъ чуть слышно.

— „Съ Волыни или не съ Волыни, все равно, вы русскій и должны знать, что въ Россіи усы позволено носить только военнымъ“, громкимъ и внушительнымъ голосомъ произнесъ государь.

— „Обречь“, крикнулъ, онъ обратясь къ Рибопьеру и показывая рукою на несчастнаго волынца.

Тотчасъ-же пригласили этого раба божьяго въ боковую комнату, посадили и обрили.

.

Въ Берлинѣ, прежде всего, мнѣ надо было распорядиться съ домашнею жизнію. Денегъ оказалось, по моимъ соображеніямъ,— не смотря на излишнюю покупку фуляровъ въ Гамбургѣ, достаточно до конца семестра, то-есть до новаго жалованья. Я нанялъ квартиру въ улицѣ Charité у вдовы какого-то мелкаго чиновника. Помѣщеніе мое состояло изъ одной, но весьма просторной, комнаты, отдѣленной на глухо забитою дверью отъ хозяй-

скаго помѣщенія. Семейство вдовы состояло изъ подростковъ, одной дочери и мальчика сына, настоящаго берлинскаго Straszenjunge ¹⁾, подававшаго надежду сдѣлаться впоследствии настоящимъ Berliner Louis.

Мебель моя состояла изъ кровати, софы, 5—6 стульевъ, шкафа, стола и коммоды,—увы! какъ оказалось послѣ,—плохо запиравшагося. Въ этотъ злосчастный коммодъ я и положилъ, вмѣстѣ съ другими вещами, бумажникъ съ прусскими ассигнаціями, пересчитавъ ихъ предварительно не одинъ разъ. Что касается до пищи и питья, то оказалось, что я гораздо легче могъ найти себѣ пріютъ, чѣмъ отыскать хотя сколько нибудь сносный способъ питанія моего тѣла.

Въ Дерптѣ, на мойеровскомъ столѣ, простомъ и питательномъ, я отвыкъ отъ трактирной кухни и одно воспоминаніе о рисовой кашѣ съ снятымъ молокомъ, водянистомъ супѣ и твердомъ какъ подошва жаркомъ, доставлявшихъ намъ въ 3-хъ глиняныхъ судкахъ изъ трактира Гекштетера, въ первый семестръ нашего пребыванія въ Дерптѣ,—уже одно, говорю, воспоминаніе объ этихъ кулинарныхъ прелестяхъ возбуждало уже во мнѣ отвращеніе къ пищѣ и тошноту, и я радъ былъ услышать отъ моей хозяйки, что она бралась приготовить мнѣ обѣдъ.

Вскорѣ, однако-же, оказалось, что Гекштетеръ въ Дерптѣ былъ по крайней мѣрѣ въ томъ отношеніи добросовѣстенъ, что онъ замѣнялъ малую питательность отпускавшейся имъ неудобоваримой пищи поистинѣ огромнымъ количествомъ съѣстного матеріала. Хозяйка-же моя въ Берлинѣ умудрилась такъ распорядиться, что отпуская для моего обѣда: а) супъ еще болѣе водянистый, чѣмъ Гекштетеровскій, б) мясо вареное и жареное еще менѣе ѣдомое и с) блинчики уже вовсе неѣдомые, и иногда замѣняемые кускомъ угря (Aal) весьма подозрительнаго свойства,—вмѣстѣ съ тѣмъ и количеству не давала выступать изъ самыхъ ограниченныхъ размѣровъ.

Промучившись такъ около двухъ недѣль на хозяйскомъ столѣ, утоляя дефицитъ питанія чѣмъ ни попало, но съ двойнымъ ущербомъ для кармана, я наконецъ рѣшился, по совѣту товарищей, абонироваться на мѣсяцъ въ трактиръ. Предстояла, однако-же,

¹⁾ Уличный мальчишка.

трудность выбора. Въ одномъ изъ нихъ, предназначенныхъ исключительно для учащейся братіи, абониментъ былъ 3 талера въ мѣсяцъ, то-есть по 3 Silbergroschen ¹⁾ за обѣдъ. Въ другомъ, — Unter den Linden, — абонировались за 5 талеровъ (по 5 Silbergr. за обѣдъ); и въ томъ, и въ другомъ абониментъ имѣлъ право выбирать по картѣ 3 кушанья. Послѣ многихъ колебаній я избралъ абониментомъ Unter den Linden.

Отъ водянистаго супа, однако-же, я и тутъ не ушелъ; только онъ тутъ явился подъ французскимъ наименованіемъ: bouillon clair. И вотъ тарелка этого чистѣйшаго водяного раствора, кусокъ boeuf à la mode или Rindenbrust naturel и порція Mehl-spreise ²⁾ съ ягоднымъ сокомъ составляли мой обѣдъ въ теченіи цѣлаго мѣсяца и болѣе.

Такъ какъ я былъ всегда худощавъ, то не знаю, можно-ли было замѣтить истощеніе тѣла отъ недостаточнаго питанія; я чувствовалъ, однако-же, ежедневно къ вечеру, — набѣгавшись отъ стараго анатомическаго театра (за Garnison-Kirche) въ Charité и оттуда въ Ziegelstrasse, неудержимую потребность ѣды и удовлетворялъ ее разною дрянью въ родѣ лимбургскаго сыра, колбасы и т. п., какъ наименѣе бывшей по карману. Такъ я рассчитывалъ пробиться до конца семестра; но суждено было не то.

Однажды я иду въ коммодъ за деньгами, вынимаю бумажникъ, смотрю и не вѣрю глазамъ; пачка прусскихъ ассигнацій въ 5 талеровъ, еще не такъ давно довольно пузастая и тѣмъ поддерживавшая во мнѣ надежду, показалась мнѣ необыкновенно исхудавшею. Я принимаюсь считать, и Боже мой, что-же это такое? мнѣ такъ не хватитъ и на 2 мѣсяца, а до конца августа еще 3, да сверхъ того, я долженъ еще внести за privatissimum у профессора Шлема. Какъ-же я могъ такъ ошибиться въ расчетѣ! А считаль-ли я всякій день, что расходовалъ, повѣрять-ли отложенныя въ бумажникѣ деньги и когда ихъ повѣрять? Вель-ли хотѣ какую-нибудь приходорасходную тетрадь? Нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ. А между тѣмъ, я навѣрное знаю или, лучше, чувствую, что обворованъ.

Входя печально въ свою комнату, я не разъ видѣлъ, что бу-

¹⁾ Девять копѣекъ.

²⁾ Мучная пища.

дуцій Berliner Louis шлялся въ ней непрошенный и бывалъ вблизи коммоды. Замокъ коммоды оказался также незапертымъ хорошо. Я позвалъ хозяйку и объявилъ ей о пропажѣ денегъ. Она взбурчала, разъ десять прокричала Kreutz Donnerwetter, отвергала всякое малѣйшее подозрѣніе на своего сынишку. Объявили полиціи. Но гдѣ доказательства, что пропажа дѣйствительно существовала? Поговорили, покричали, побранились, тѣмъ и кончилось. Что тутъ дѣлать? Я крѣпко призадумался, началъ остатокъ уцѣлѣвшихъ денегъ носить постоянно съ собою, сократилъ еще болѣе мелочные расходы; но все это, я видѣлъ ясно, не дастъ мнѣ средствъ къ жизни до конца семестра.

Иду въ Garrison-Kirche, въ анатомическій (старый) театръ, чтобы уплатить, пока еще есть деньги, профессору Шлемму за privatissimum (хирургическія операціи надъ трупами). Смотрю и вижу тамъ нѣсколько знакомое лицо, узнавшее и меня.

Это студентъ дерптскаго университета, сынъ богатаго петербургскаго аптекаря, старика Штрауха.

Молодой Штраухъ, не кончивъ медицинскій курсъ, долженъ былъ оставить университетъ и бѣжать за границу. Онъ опасно ранилъ на пистолетной дуэли того студента, о ранѣ котораго на шеѣ я уже рассказывалъ прежде. И вотъ этотъ Штраухъ, получавшій отъ отца большое содержаніе, оставилъ Россію и съ нею невѣсту, пріѣхалъ въ Берлинъ доканчивать курсъ.

— „Вотъ встрѣча-то какъ нельзя встать“, говорятъ мнѣ Штраухъ, „знаете-ли, мнѣ-бы хотѣлось жить и заниматься вмѣстѣ съ кѣмъ нибудь, кто-бы могъ быть мнѣ полезнымъ въ занятіяхъ; не согласитесь-ли вы? Я вамъ предлагаю квартиру у себя, особую комнату, содержаніе, удовольствія и развлеченія, которыми я самъ пользуюсь, а отъ васъ ничего другого не требую, какъ помочь мнѣ совѣтомъ или объясненіемъ тамъ, гдѣ не хватитъ своего ума“.

Я съ радостію далъ самое задушевное согласіе.

Въ Провидѣніе я тогда,—во вреду для самого себя, не вѣрилъ,—и счелъ встрѣчу съ Штраухомъ за счастливый случай.

На другой-же день я переѣхалъ къ Штрауху и былъ ему искренно благодаренъ. Я жилъ съ нимъ вмѣстѣ, кажется, болѣе года. И Штраухъ, и я сдержали слово. Онъ мнѣ ни въ чемъ не отказывалъ; всякое воскресенье водилъ онъ меня въ театръ. Тогда

были въ ходу классическія пьесы Шекспира, Шиллера, Лессинга и Гете; а Штраухъ былъ отъявленный меломанъ. Мы обыкновенно приносили съ собою въ театръ переводъ Шекспира и слѣдили по немъ за дикціею актеровъ, между которыми Лемъ, Ротъ, Крелингерь были любимцами берлинской публики.

Питаніе моего тѣла также нѣсколько исправилось,—я пилъ каждодневно пиво съ Штраухомъ, до котораго онъ былъ охотникъ. Хотя мы всего чаще обѣдали по 3 талерному абонименту, въ чисто студенческомъ ресторанѣ, но кушанья выбирали лучше, приплачивая, да къ тому-же еще не рѣдко и вечеромъ заходили съѣсть порцію чего-нибудь.

Въ этомъ ресторанѣ всѣ блюда были на подборъ во истину студенческія. Главную роль играла свинина съ тертымъ горохомъ. Это кушанье съѣдалось студентами въ ужасающихъ размѣрахъ, запиваемое берлинскою пивною бурдою (такъ называемыя Weissbier или Blonde); не малую роль, но уже какъ деликатесь, (игралъ) сельдерейный салатъ (Sellerysalat).

Этотъ деликатесь мнѣ памятенъ еще и потому, что онъ предложенъ былъ однимъ бѣднымъ еврейчикомъ какъ пѣжное питательное средство.

Это предложеніе, о которомъ и теперь не могу вспомнить безъ смѣха, было сдѣлано въ клиникѣ Греffe.

Знаменитый профессоръ имѣлъ обыкновение иногда спрашивать практикантовъ въ его клиникѣ о діетѣ, необходимой для того или другаго больного, при этомъ онъ требовалъ иногда отъ практиканта и довольно подробнаго меню для случаевъ изъ частной практики. Рѣчь шла о режимѣ для какой-то слабой и безкровной дамы.

— „Какое бы вы предложили нѣжное и вмѣстѣ съ тѣмъ питательное кушанье для этой ослабѣвшей и деликатной особы?“ спрашивалъ Греffe у практиканта-еврейчика, котораго я не рѣдко встрѣчалъ въ нашемъ ресторанѣ.

— Sellery salat, отвѣчалъ онъ, въ полной увѣренности, что болѣе приличнаго блюда для его больной никто не предложитъ.

Я, съ своей стороны, искренно, отъ души помогалъ Штрауху въ его занятіяхъ, демонстрируя ему изъ хирургической анатоміи, оперативной хирургіи, читалъ съ нимъ и репетировалъ, словомъ, дѣлалъ, что могъ. Черезъ два года Штраухъ выдержалъ въ

Дерптѣ экзаменъ на доктора и я, возвратясь въ Дерптъ, имѣлъ еще удовольствіе попотчивать гостей на его докторскомъ банкетѣ черепаховымъ супомъ, заставляющимъ меня не менѣ селдерейнаго салата смѣяться при воспоминаніи о немъ.

Я зналъ слабость Штрауха похвастать и отличиться. А угостить настоящимъ черепаховымъ супомъ въ Дерптѣ большое общество на званномъ обѣдѣ—это чего-нибудь да стоитъ.

Случилось такъ, что какъ нарочно въ банкету прислали въ анатомическій театръ изъ Гамбурга огромную морскую черепаху, уже конечно давно отдавшую Богу душу; при раскупоркѣ ящика обнаружился довольно пронзительный запахъ и прозекторъ поспѣшилъ очистить скорѣе мясо отъ костей, назначавшихся для скелета. Отпрепарированное мясо хотѣли уже за негодностію схоронить, какъ мысль о черепаховомъ супѣ для банкета дала этому матеріалу болѣе высокое назначеніе.

Поварь въ ресторанѣ Пашковскаго сумѣлъ придать микробиологическимъ остаткамъ черепахи такой необыкновенный вкусъ, что всѣ гости на банкетѣ Штрауха, и всего болѣе, конечно, онъ самъ, были восхищены дотолѣ невиданнымъ въ Дерптѣ деликатесомъ. Мы, я и прозекторъ (Шульцъ), знавшіе въ какой степени разложенія мышцы черепахи служили къ изготовленію супа, посматривали только другъ на друга и удивлялись, какъ это и гости, и мы могли находить вкусною такую дрянъ.

Н. И. Пирговъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЗАПИСКИ К. К. МЕРДЕРА,

ВОСПИТАТЕЛЯ ЦЕСАРЕВИЧА АЛЕКСАНДРА НИКОЛАЕВИЧА

1824—1834.

III ¹⁾.

Новый годъ.—Занятіе науками.—6-ое января.—Военныя игры.—Отмѣтки.—Экзамены.—Вниманіе великаго князя.—Совѣты Жуковскаго.—Первый урокъ исторіи.—Поведеніе во время уроковъ.—Великій постъ.—Живыя картины.—Извѣстіе о смерти А. С. Грибоѣдова.—Катанье съ горъ.—Приемъ графа Сень-При.—Верное воскресенье.—Исповѣдь.—Пасхальная заутреня.—Приготовленіе къ отъѣзду.—Парадъ.—Гумбольдтъ у великаго князя.—Отъѣздъ въ Варшаву.

1829 г.

1 января. Вторникъ. Ночь провели въ Зимнемъ дворцѣ; отъ 6-ти до 7-ми его высочество великій князь занимался приготовленіемъ уроковъ. Отъ 7-ми до 8-ми занимался съ г. Жиллемъ; отъ 8-ми до 9-ти ѣздили въ Аничковскій дворецъ съ поздравленіями къ ихъ имп. в. Въ 10 часовъ возвратились въ Зимній дворецъ, и въ корридорѣ встрѣтили музыкантовъ лейбъ-гвардіи Павловскаго полка; великій князь поздравилъ людей съ новымъ годомъ, послѣ чего они играли маршь; въ эту самую минуту государыня императрица вошла въ корридоръ, и такимъ образомъ ея величество была встрѣчена съ музыкою. Былъ большой выходъ; его высочество, при шествіи въ церковь, слѣдовалъ за ихъ величествами, рядомъ съ великимъ княземъ Михаиломъ Павловичемъ. Нѣсколько высшихъ должностныхъ лицъ приносили поздравленія великому князю; его высочество [былъ со всѣми отмѣнно любезенъ и разговорчивъ. Е. и. в. государь императоръ провелъ нѣкоторое время въ комнатахъ его высочества; государь желалъ, чтобы

¹⁾ См. „Русскую Старину“ изд. 1885 г., т. XLV, февраль, стр. 339—364.

Віельгорскій въ его присутствіи укрѣпилъ модель деревни, которую я приказалъ сдѣлать для военной игры, и чтобы великій князь атаковалъ оную.

Вечеромъ играли, въ большомъ залѣ, въ разныя игры. Государь императоръ принялъ въ нихъ участіе въ продолженіи нѣсколькихъ минутъ. Весь день проведенъ пріятно и поведеніе великаго князя было пріятно.

Среда, 2-го января. Великій князь занимался отлично у всѣхъ г. учителей и поведеніе его было примѣрно. Г. Рейнгольдъ былъ недоволенъ поведеніемъ Віельгорскаго и Паткуля во время его урока: они смѣялись. Гуляли пѣшкомъ, погода была прекрасная, но холодъ чувствителенъ. Вечеромъ, отъ 6 до 7 ч., г. Липпманъ читалъ по нѣмецки. Отъ 7 до 8 ч. великій князь и его товарищи играли на яхтѣ. Е. в. государь императоръ командовалъ маневромъ корабля.

Четвергъ, 3-го января. Великій князь зналъ не твердо басня заданная ему г. Жиллемъ для выучиванія наизусть. Урокъ у г. Павскаго былъ хорошъ. Г. Зауервейдъ не былъ, будучи приглашенъ къ е. выс. великому князю Михаилу Павловичу, и потому Александръ Николаевичъ занимался одинъ и былъ весьма прилеженъ, за что былъ отлично аттестованъ. Вечеромъ государь императоръ приказалъ великому князю и Віельгорскому маневрировать въ его присутствіи. Е. в. остался доволенъ распоряженіями великаго князя и Віельгорскаго. Государь самъ приказывалъ атаки противъ Віельгорскаго, который всякій разъ умѣлъ обороняться. Такъ какъ въ продолженіе вечера великій князь показалъ странную вялость, то мы имѣли по этому предмету разговоръ о дурныхъ слѣдствіяхъ, могущихъ произойти въ будущемъ отъ его обыкновенной вялости, на что онъ имѣ отвѣчалъ, что

— «Я желалъ бы не родиться великимъ княземъ».

Я сказалъ ему, что если-бы онъ хорошенько подумалъ о томъ, чѣмъ долженъ быть великій князь, ему бы скорѣе слѣдовало благодарить Бога, поставившаго его въ свѣтъ такимъ образомъ, что отъ него зависятъ благоденствіе милліоновъ людей. Это сужденіе съ моей стороны заставило его сознаться, что онъ говорилъ, не подумавши хорошенько.

4-го января, пятница. Урокъ географіи у г. Жилля отъ 7 до 8 ч. былъ не совсѣмъ хорошъ, и такъ какъ Віельгорскій и Паткуль занимались хорошо, то великій князь остался третьимъ, что ему стоило много слезъ. Остальные часы е. выс. такъ усердно занимался, что былъ вечеромъ первымъ. Отъ 12 до 2 ч. гуляли и катались съ

ледяныхъ горъ, не смотря на морозъ въ 9°. Вечеромъ, послѣ чтенія, великій князь и Вельгорскій продолжали сраженіе въ присутствіи его величества государя императора.

5-го января, суббота. Великій князь не хорошо зналъ урокъ у г. Алфри, урокъ у г. Эртеля былъ тоже не изъ лучшихъ. Но г. Коллинсъ и г. Павскій были чрезвычайно довольны его высочествомъ.

Г. Коллинсъ имѣлъ часы г. Рейнгольда, отъ 4 до 6, чтобы повторить пройденное предъ экзаменомъ; повтореніе ариметики было весьма хорошо; онъ великимъ княземъ и Вельгорскимъ былъ совершенно доволенъ. Вечеромъ играли въ оловянные солдаты. За всю недѣлю великій князь по поведенію былъ первымъ, Вельгорскій же былъ первымъ въ наукахъ.

6-го января, воскресенье. Отъ 6 до 7 ч. частныя занятія, отъ 7 до 8 чтеніе евангелія, относящагося къ сему празднику. Отъ 8 до 9 собственныя занятія. Въ 9 часовъ великій князь надѣлъ офицерскій мундиръ л.-гв. Павловскаго полка и пошелъ къ государю императору съ которымъ прошелъ въ большія залы, въ которыхъ были выровнены гренадерскіе взводы отъ всѣхъ баталіоновъ гвардейскихъ полковъ. Государь императоръ, проходя мимо павловскаго взвода, приказалъ великому князю встать во фронтъ, на мѣсто подпоручика; великій князь оставался во взводѣ въ продолженіе всей церемоніи.

Послѣ церемоніи государь императоръ поручилъ Александру Николаевичу угостить всѣхъ нижнихъ чиновъ чаемъ.

Вечеромъ у великаго князя было нѣсколько мальчиковъ, они дѣлали артиллерійское ученье съ орудіемъ. День проведенъ весьма пріятно и мнѣ ни разу не пришлось сдѣлать замѣчанія ни великому князю, ни его товарищамъ.

7-го января. Понедѣльникъ. Великій князь занимался у всѣхъ гг. учителей очень хорошо и поведеніемъ его я былъ доволенъ. Мнѣ пришлось однако-же доказать неприличность его обращенія съ Паткулемъ въ рекреационное время: приставая къ сему послѣднему и найдя въ немъ сопротивленіе, онъ выказалъ вспыльчивость,—порокъ предосудительный въ частномъ человѣкѣ и тѣмъ болѣе дурной въ великомъ князѣ.

Вельгорскій страдалъ головою болью, я принужденъ былъ оставить его въ постели цѣлый день. Вечеромъ великій князь ко мнѣ подошелъ и поздравилъ съ днемъ моего рожденія, подаривъ мнѣ на память портфель, въ которомъ написалъ: «безцѣнному моему Карлу Карловичу»; онъ бросился ко мнѣ на шею, говоря много любезнаго.

8-го января. Вторникъ. Прекрасный день въ отношеніи ученія и поведенія великаго князя. Мы сдѣлали прогулку въ саняхъ до горнаго корпуса; морозъ былъ довольно силенъ. Великій князь оставался нѣкоторое время у Віельгорскаго, который долженъ еще нѣкоторое время не оставлять комнаты. Вечеромъ былъ урокъ танцованія въ присутствіи ихъ величествъ. Въ продолженіе цѣлаго дня великій князь былъ ко мнѣ чрезвычайно внимателенъ. Онъ цѣловалъ меня нѣсколько разъ, крѣпко меня обнимая и называя меня самыми нѣжными именами.

9-го января. Среда. Отличный день какъ въ отношеніи ученія, такъ и относительно поведенія. Сильный морозъ помѣшалъ намъ сдѣлать прогулку. Великій князь, зная, что государь императоръ намѣревается присутствовать при предстоящихъ экзаменахъ, занимается очень усердно приготовленіемъ и повтореніемъ уроковъ.

10-го января. Четвергъ. Великій князь и его товарищи занимались весьма хорошо и поведеніе ихъ было похвально.

Великій князь жаловался на головную боль, однако-же былъ веселъ въ продолженіе вечера, маневрируя противъ Віельгорскаго, который, проигравъ сраженіе, былъ неутѣшенъ. Государь императоръ былъ свидѣтелемъ побѣды, одержанной великимъ княземъ.

11-го января. Пятница. Во время урока г. Жуковскаго великій князь былъ не совсѣмъ внимателенъ и потому не получилъ отмѣтки очень хорошо; но такъ какъ великій князь еще сегодня утромъ былъ увѣренъ получить отличную отмѣтку за недѣлю, то онъ залился слезами и былъ въ отчаяніи. Дабы исправить дѣло, великій князь просилъ Василя Андреевича Жуковскаго переспросить его отъ 6 до 7 часовъ вечера, что и было сдѣлано; великій князь отвѣчалъ на всѣ вопросы и удостоился получить желаемую отмѣтку очень хорошо.

Чувство долга весьма сильно въ великомъ князѣ, но у него не достаетъ настойчивости, чтобы побѣдить лѣность ума.

Государь императоръ, придя въ комнаты великаго князя, чтобы присутствовать при сраженіи, приказалъ бросить жребій, чтобы рѣшить, при комъ изъ нашихъ господъ его величеству быть начальникомъ штаба. Жребій палъ на Віельгорскаго, — великій князь заплакалъ.

12-го января. Суббота. Учитель англійскаго языка и г. Жуковский были чрезвычайно довольны его высочествомъ; онъ съ радостію объявилъ мнѣ это, подбѣживъ ко мнѣ. «Дай Богъ, чтобы день кончился точно также, какъ начался, будьте осторожны!» отвѣтилъ я ему.

Къ сожалѣнiю, предчувствiя мои оправдались. Великiй князь былъ невнимателенъ въ урокѣ г. Эртеля; когда пришлось написать въ журналѣ замѣтки учителей, онъ заплакалъ и просилъ преподавателя дать ему другой урокъ въ продолженiе дня, чтобы вернуть потерянный урокъ. «Вы хотите имѣть хорошую отмѣтку, и полагаете, что г. Эртель вамъ напишетъ въ журналѣ «отлично». Вы только этого и желаете. Нѣтъ, это было бы несправедливо. Развѣ вы полагаете, что было бы справедливо позволить каждому ученику, послѣ дурного урока, просить учителя ему дать другой урокъ, въ которомъ онъ будетъ внимательнѣе. Нѣтъ, и потому успокойтесь на этотъ разъ; на будущее время помните, что должно имѣть на стойчивость во всемъ, что предпринимаемъ».

Вечеромъ великiй князь игралъ съ Вiельгорскимъ въ присутствiи государя императора. Василiй Андреевичъ Жуковскiй, считая хорошия аттестаци, по ошибкѣ прибавилъ одну; великiй князь сказалъ ему: «Мнѣ очень жаль, но я долженъ вамъ сказать, что вы ошиблись, вы мнѣ прибавили одну лишнюю отличную отмѣтку».

Государь императоръ и всѣ мы хвалили его благородный поступокъ.

13-го января. Воскресенье. Проснувшись, Александръ Николаевичъ подошелъ по обыкновенiю ко мнѣ, чтобы поцѣловать меня; голова его горѣла, и дыханiе было лихорадочно; я совѣтовалъ ему снова лечь въ постель, но онъ хотѣлъ испытать, не пройдетъ ли головная боль послѣ того, какъ онъ умоется холодною водою. Видя, что онъ продолжаетъ страдать, я его уложилъ въ постель. Г. Крейтонъ написалъ ему рвотное. Въ продолженiе цѣлаго дня великiй князь страдалъ головою болью и находился въ усыпленiи. Въ 10 часовъ вечера ему дали слабительное. Ихъ величества уѣхали въ Царское Село и проведутъ тамъ нѣсколько дней.

14-го января. Понедѣльникъ. Великiй князь спалъ хорошо; проснувшись, чувствовалъ головную боль, пульсъ былъ лихорадочный. Г. Крейтонъ приказалъ остаться въ постели до 11 часовъ, но такъ какъ великiй князь чувствовалъ себя лучше, то дозволилъ встать въ 10 часовъ. Великiй князь писалъ къ ихъ величествамъ; ѣлъ съ аппетитомъ уху, обѣдалъ и ужиналъ, былъ веселъ и забавенъ. Принималъ лѣкарство противъ лихорадки и примочку для лѣваго глаза, который сильно воспаленъ.

15-го января. Вторникъ. Вчера великiй князь легъ спать въ 8 часовъ и спалъ не просыпаясь до 8 утра. Онъ не жаловался ни на что, кромѣ какъ на боль глаза; г. Крейтонъ нашелъ въ немъ еще лихорадочное расположенiе, хотя пульсъ былъ хорошъ.

Около 9 часовъ, всталъ, одѣлся и писалъ къ ихъ величествамъ. Потомъ прилежъ, я ему читалъ. Въ 4 часа ѣлъ немного супу, послѣ котораго уснулъ и спалъ до 6 часовъ. Отъ 6 до 7 я снова читалъ, но чтеніе было прервано прїѣздомъ ихъ величествъ; радость Александра Николаевича при видѣ августѣйшихъ родителей была велика. Ложась въ постель, ему сдѣлали ножную ванну и наполнили малиновымъ чаемъ.

16-го января. Среда. Отъ 8 часовъ вечера великій князь спалъ до 7 часовъ утра. Ночью сильно потѣлъ, утромъ чувствовалъ себя совершенно здоровымъ, однако ему не прежде 10 часовъ дозволили встать съ постели. Съ 10¹/₂ часовъ присутствовалъ при урокъ г. Боллинса. Отъ 11 до 12 г. Эртель читалъ вслухъ. Послѣ обѣда игралъ въ оловянные солдатики; нѣкоторое время занимался у г. Рейнгольда. Потомъ слушалъ чтеніе Липпмана. Отъ 7 до 8 ходилъ поздравлять фрейлину Баранову, которая выходитъ замужъ за Михаила Васильевича Пашкова; позже катался на дрезинѣ. Ложась спать, сказалъ мнѣ, что чувствуетъ себя совершенно здоровымъ.

17-го января. Четвергъ. Великій князь спалъ двѣнадцать часовъ къ ряду, не просыпаясь; проснувшись, чувствовалъ себя здоровымъ. Съ 10 часовъ присутствовалъ при урокахъ и вниманіе его было похвально; вечеромъ, играя съ Вѣльгорскимъ въ присутствіи государя императора, великій князь показывалъ неудовольствіе, когда его противникъ имѣлъ надъ нимъ перевѣсъ. Я замѣтилъ ему, что въ другой разъ должно стараться быть хладнокровнѣе въ подобныхъ случаяхъ. Государь императоръ, желая дать случай его высочеству говорить по польски, приказалъ мнѣ пригласить къ обѣду флигель-адъютанта Гауке: противъ моего ожиданія, великій князь нѣсколько разъ рѣшался съ нимъ заговаривать по польски.

18-го января. Пятница. Хорошій день. Вечеромъ государь присутствовалъ при авангардномъ дѣлѣ, завязавшемся между двумя арміями. Государь императоръ хотѣлъ, чтобы бросили жребій, у кого ему быть начальникомъ штаба. Вѣльгорскому судьба улыбнулась, великій князь былъ готовъ плакать, но однако удержался. Государь императоръ самъ не могъ удержаться, чтобы отказать ему на сей разъ свои услуги, и предложилъ императрицѣ еще разъ бросить жребій; наконецъ, великій князь былъ счастливѣе.

19-го января. Суббота. Великій князь былъ первымъ по прилежанію и вторымъ по поведенію. Гуляли пѣшкомъ въ Лѣтнемъ саду. Въ продолженіе цѣлаго дня мнѣ казалось, что великій князь былъ

скучень и задумчивъ; но увѣрялъ меня, что здоровъ. Мнѣ кажется, что онъ озабочень предстоящими ему трудностями въ военной игрѣ: онъ имѣеть противника искуснаго и внимательнаго.

20-го января. Воскресенье. Это воскресенье проведено также, какъ и предшествующія. Великій князь бесѣдовалъ съ отцемъ Павскимъ, былъ у обѣдни, катался съ горъ въ Аничковскомъ саду, а послѣ-обѣденное время игралъ съ товарищами въ разныя игры; въ большемъ залѣ дѣлали артиллерійское ученье. Было представленіе посольства, присланнаго ханомъ татарскимъ, котораго резиденція въ Коканѣ на Сырь-Дарьѣ. Поведеніемъ великаго князя и его товарищей я былъ совершенно доволенъ.

21-го января. Понедѣльникъ. Прекрасный день въ отношеніи ученія и поведенія.

22-го января. Вторникъ. Великій князь, Віельгорскій и Паткуль получили отличныя отмѣтки отъ всѣхъ гг. учителей, и поведеніе ихъ было прекрасно. Они очень веселились на ледяныхъ горахъ. Въ 6 съ половиною часовъ былъ, въ присутствіи ихъ величествъ, экзамень Александру Николаевичу, по предметамъ г. Жуковского. Отвѣты великаго князя были отличны на всѣ дѣланые ему вопросы. Ихъ величества остались совершенно довольны экзаменомъ.

23-го января. Среда. У всѣхъ учителей Александръ Николаевичъ и его товарищи занимались примѣрно. Великій князь высказалъ много здравыхъ сужденій въ урокъ г. Эртеля. Мы катались въ саняхъ и доѣзжали до залива. Вечеромъ, какъ обыкновенно, занимались чтеніемъ, потомъ играли въ большой залѣ. День прошелъ безъ замѣчаній.

24-го января. Четвергъ. Великій князь и его товарищи занимались усердно у всѣхъ учителей и день проведенъ прекрасно; поведеніемъ ихъ я былъ весьма доволенъ. Ихъ величества присутствовали при экзаменѣ географіи и французскаго языка въ продолженіе двухъ часовъ. Великій князь и Віельгорскій отвѣчали отлично, и доказали, что твердо знаютъ все пройденное. Ихъ величества изволили быть совершенно довольны и государь императоръ сказалъ, что не ожидалъ столь отличнаго экзамена. Все въ Александрѣ Николаевичѣ было прекрасно; его отвѣты, скромныя манеры, въ особенности выраженіе его очаровательной физиономіи, воодушевленной благороднымъ желаніемъ сдѣлать удовольствіе его родителямъ. Сегодня вечеромъ великій князь Михаилъ Павловичъ изволили оставить столицу.

25-го января. Пятница. День прошелъ безъ замѣчаній какъ въ отношеніи ученія, такъ и поведенія; великій князь и его товарищи вели себя примѣрно. Гуляли и катались съ горъ. Вечеромъ Василій Андреевичъ Жуковскій читалъ вслухъ, послѣ чего въ большомъ залѣ катались на дрезинахъ.

26-го января. Суббота. Великимъ княземъ и его товарищами я былъ совершенно доволенъ во всѣхъ отношеніяхъ. Отъ 6 съ половиною до 8 часовъ былъ экзаменъ въ математикѣ въ присутствіи ихъ императорскихъ величествъ. Великій князь отвѣчалъ прекрасно. Государь императоръ благодарилъ г. Коллинса за успѣхи, сдѣланные великимъ княземъ въ послѣдніе два года.

27-го января. Воскресенье. Великій князь провелъ утро какъ обыкновенно. Въ 2 часа присутствовалъ при молебнѣ, по случаю взятія турецкой крѣпости Кале съ 36 орудіями, 5 знаменами. Паша и весь гарнизонъ взяты въ плѣнъ. Къ чаю я пригласилъ двадцать мальчиковъ, дѣлали артиллерійское ученье; поведеніемъ великаго князя былъ доволенъ; играли въ разныя игры; всѣ были очень веселы. Я былъ доволенъ всѣмъ веселымъ обществомъ, но въ особенности любезное обращеніе со всѣми Александра Николаевича принесло мнѣ много удовольствія.

28-го января. Понедѣльникъ. Великій князь, зная, что сегодня мои именины, и желая сдѣлать мнѣ подарокъ, списалъ стихотвореніе: «Les souvenirs qu'Nector a laissé aux Grecs» и мнѣ оное подалъ. Примѣру его послѣдовали Вильгорскій и Паткуль; каждый подалъ мнѣ нѣсколько строкъ своего письма. Видя, что я боленъ и страдаю, великій князь былъ чрезвычайно ко мнѣ внимателенъ; поминутно спрашивалъ о моемъ здоровьѣ. Въ манежѣ великій князь былъ въ сопровожденіи Семена Алексѣевича Юрьевича. Въ 3 часа его высочество былъ воспріемникомъ отъ купели дочери доктора Лейтона, названной Александрю. Учился прекрасно у всѣхъ гг. учителей и поведеніе его было примѣрно.

29-го января. Вторникъ. Экзаменъ у г. Эртеля. Ихъ величества остались совершенно довольны испытаніемъ, и поражены успѣхами, сдѣланными въ этомъ предметѣ; ихъ въ особенности удивила легкость съ какою великій князь выражается на нѣмецкомъ языкѣ. Прилежаніе и поведеніе были отличны.

30-го января. Среда. По причинѣ сильнаго мороза мы не выходили; великій князь въ присутствіи государя императора сражался съ Вельгорскимъ; видя, что судьба его преслѣдуетъ, великій князь былъ готовъ плавать, однако удержался. Нужно смолоду привыкать къ неудачамъ: неудачи не допускаютъ тщеславія, могущаго произойти отъ постоянныхъ успѣховъ.

31-го января. Четвергъ. Вечеромъ былъ экзаменъ польскаго языка и англійскаго; ихъ величества были весьма довольны успѣхами, сдѣланными въ обоихъ языкахъ, въ особенности въ польскомъ. Великій князь переводилъ съ русскаго на польскій, и писалъ по польски безъ ошибокъ. Александръ Николаевичъ былъ въ восхищеніи, цѣловалъ учителей, г. Жуковскаго, Юрьевича и меня обнималъ нѣсколько разъ.

— «Вы не знаете, сказалъ мнѣ великій князь, какое доказательство дружбы мнѣ далъ Вельгорскій: Г. Жиль сказалъ, что ему никогда не приходится по вторникамъ и пятницамъ аттестовать Паткуля лично. Я ему на это отвѣтилъ, что я знаю причину теперь, это потому, что Паткуль терпѣть не можетъ этихъ уроковъ потому, что одинъ заниматься не любитъ. Когда мы остались одни, Вельгорскій замѣтилъ мнѣ, что я дурно дѣлаю, что передаю то, о чемъ меня не спрашиваютъ».

1-го февраля. Пятница. Хорошій день въ отношеніи ученія и поведенія.

2-го февраля. Суббота. Великій князь и его товарищи учились прекрасно. Александру Николаевичу я принужденъ былъ сдѣлать строгое замѣчаніе за неумѣстную шутку, которую онъ себѣ позволилъ относительно г. Сивербрика, во время урока фехтованія. Въмѣсто того, чтобы правильно дѣлать выпадъ, великій князь позволилъ себѣ воткнуть рапиру за галстухъ учителя. Я объявилъ ему, что онъ будетъ строго наказанъ, если еще разъ будетъ столь неловокъ. Великій князь былъ весьма озадаченъ, убѣдительно просилъ меня его простить, и обѣщаль, что съ нимъ никогда ничего подобнаго не будетъ.

Вечеромъ ихъ величества присутствовали при экзаменѣ въ Законѣ Божіемъ. Великій князь отличался въ особенности, всѣ отвѣты его были прекрасны и доказывали большую правильность сужденія. Ихъ величества были совершенно довольны, и объявили совершенное удовольствіе отцу Павскому. Государь императоръ, обратившись къ г. Жуковскому, сказалъ:

— «Мнѣ пріятно сказать вамъ, что я не ожидалъ найти въ сынѣ

моемъ такихъ успѣховъ. Покойная матушка писала мнѣ объ этомъ, но зная ея любовь къ нему, я полагалъ, что она была слишкомъ въ нему снисходительна. Все у него идетъ ровно, все, что онъ знаетъ, знаетъ хорошо, благодаря вашей методѣ и ревности учителей; примите мою искреннюю благодарность».

— Экзаменъ доказалъ вашему величеству, сказалъ г. Жуковский, что въ состояніи сдѣлать великій князь; я вижу самъ, что экзаменъ былъ хорошъ, но по рапортамъ, которые ваше величество получаютъ изволили, вы могли видѣть, что изъ числа 26 недѣль у великаго князя было отличныхъ всего двѣ, за ученіе и поведеніе. У Вильгорскаго 5, а у Паткуля 1. Это доказываетъ, что эти господа какъ въ ученіи, такъ и въ поведеніи имѣютъ мало настойчивости, единственное качество, которое достойно уваженія, и безъ котораго невозможно имъ дозволить приобрѣсть прилежаніемъ и поведеніемъ права на обѣщанныя имъ суммы для бѣдныхъ. Мы будемъ однако-же просить ваше императорское величество сдѣлать имъ какое нибудь удовольствіе.

— «Съ удовольствіемъ соглашаюсь, отвѣчалъ государь, но надѣюсь, что въ остальные шесть мѣсяцевъ эти господа покажутъ болѣе постоянства и заслужатъ вышеупомянутое позволеніе».

Великій князь и товарищи его были вѣ себя отъ радости. Когда ихъ величества оставили насъ, то Василій Андреевичъ Жуковский обратился къ Александру Николаевичу и его товарищамъ и сказалъ:

— «Съ прошедшимъ годомъ можно сказать окончилось ваше ребячество; наступило для васъ такое время, въ которое вы можете начать готовиться быть людьми, т. е. стараться заслуживать уваженіе. До сихъ поръ, по ребячеству, вы не могли еще понимать, что такое уваженіе; оно не есть одобреніе за одинъ или за нѣсколько отдѣльныхъ хорошихъ поступковъ, но одобреніе за постоянно хорошую жизнь и въ то же время увѣренность, что эта хорошая жизнь всегда такою останется. Теперь мы начнемъ заниматься исторіею; она будетъ для насъ самымъ убѣдительнымъ доказательствомъ, что уваженіе приобрѣтается одними постоянными добродѣтелями. Вы, великій князь, по тому мѣсту, на которое назначилъ васъ Богъ, будете со временемъ замѣнены въ исторіи; отъ этого ничто избавить васъ не можетъ; она скажетъ о васъ свое мнѣніе предъ цѣлымъ свѣтомъ и на всѣ времена,—мнѣніе, которое будетъ жить въ ней и тогда, когда васъ и насъ не будетъ. Чтобы заслужить уваженіе въ исторіи, начните съ ребячества заботиться о томъ, чтобы заслужить его въ кругу вашихъ ближнихъ; теперь вашъ свѣтъ заключенъ для васъ въ учебной вашей горницѣ и въ жилищѣ вашего отца и государя: здѣсь всѣ васъ любятъ, все живетъ для васъ, вы для насъ прекрасная, чудная надежда. Знаю,

что вы вѣрите нашей любви; но будучи увѣрены въ ней, думайте о томъ, чтобы ея стоить: знайте, какова будетъ ваша жизнь здѣсь въ маленькомъ вашемъ свѣтѣ, передъ вашимъ семействомъ, передъ вашими друзьями, такова она будетъ и послѣ передъ свѣтомъ и цѣлою Россією; что будемъ думать о васъ мы, то современемъ будетъ думать о васъ отечество. Мы начали любовью къ вамъ, но по этой же любви къ вамъ мы обязаны васъ судить строго; отечество прежде начнетъ судить васъ строго и потомъ уже станетъ любить васъ, если вы это заслужите; чтобы строгій судъ отечества могъ современемъ обратиться въ любовь, думайте о томъ, чтобы наша любовь обратилась въ уваженіе, а на это одно средство: владѣйте собою, любите трудъ, будьте дѣятельны, тогда будете имѣть все, ибо за ваше сердце мы всѣ отвѣчаемъ смѣло. То-же, что я говорилъ великому князю, могу сказать Вѣльгорскому и Паткулю съ тою однако великою разницею, что ихъ будущая обязанность маловажна въ сравненіи съ обязанностію великаго князя. Но обязанность быть достойнымъ уваженія для всѣхъ одинакова. До сихъ поръ вы еще не могли понимать совершенно, для чего вы здѣсь и что значить для васъ быть товарищами великаго князя. Теперь вы уже это понимать способны. Государь, приблизивъ васъ къ своему сыну, благоволилъ тѣмъ изъявить свою надежду, что вы будете ему полезны, будучи сами достойны уваженія чувствами, мыслями, поступками. Быть товарищами великаго князя не значить—жить съ нимъ подъ одною кровлею, дѣлать съ нимъ и трудъ и забавы, нѣтъ! Будьте товарищами души его, будьте сами прекрасны душою, такъ чтобы современемъ государь и отечество, видя, что вы сдѣлались людьми отличными, могли порадоваться, что въ младенчествѣ и въ молодости вы были приближены къ наслѣднику Россіи. Скажу, однимъ словомъ, великому князю: владѣй собою! будь дѣятеленъ! Вѣльгорскому: будь постояненъ и откровененъ! Паткулю: не будь легкомысленъ! А всѣмъ тремъ—будьте покорны вашимъ наставникамъ, которые теперь представляютъ для васъ и законъ вашъ, и ваши обязанности. Сія покорность есть ни иное что, какъ уваженіе правила. Привыкнувъ теперь повиноваться намъ, по довѣренности къ любви нашей, вы и тогда, когда мы васъ покинемъ, останетесь съ привычкою повиноваться закону—а это главное въ жизни какъ для собственнаго счастья, такъ и для пользы другимъ. Успѣшный экзаменъ, на которомъ всѣ вы отличились, доказываетъ только то, что вы способны исполнять свою должность, когда на это рѣшитесь, а не то, чтобы вы ее постоянно исполняли, ибо годовой расчетъ не совсѣмъ соотвѣтствуетъ экзамену. Чтобы подобнаго не могло случиться съ вами въ теченіи настоящаго года, берегите въ сердцѣ одно: благодарность къ государю, который, пожер-

твоявъ вашему экзамену двѣнадцатью часами своей царской жизни, сдѣлалъ болѣе, нежели сколько намъ ожидать было позволено. Вы заслужили одобреніе его величества, отличившись на экзаменѣ; мы надѣемся, что въ концѣ слѣдующаго года получите право и на его уваженіе своимъ постоянствомъ. А этого мы имѣемъ право отъ васъ ожидать: какими вы лично были произвольно въ теченіи шести дней экзамена, такими можете вы быть также произвольно и, слѣдственно, должны быть въ теченіи цѣлаго года».

3-го февраля. Воскресенье. Утромъ отъ 6 до 7 великій князь занимался какъ обыкновенно въ эти часы, потомъ былъ г. Павскій. Отъ 12 до 2 часовъ катались съ горъ. Послѣ обѣда играли въ большой залѣ въ разныя игры. Поведеніе великаго князя и его товарищей было прекрасно.

4-го февраля. Понедѣльникъ. Только что великій князь всталъ съ постели, то подошелъ ко мнѣ, чтобы пожелать добраго утра, и сказалъ:

— «О какъ я радъ: мы сегодня начнемъ исторію, если бы вы знали, какъ я горю нетерпѣніемъ».

Я его съ нѣжностью поцѣловалъ, сказавъ, что это рвеніе дѣлаетъ ему честь. Въ продолженіе всего урока г. Липмана великій князь былъ чрезвычайно внимателенъ и удивлялся, что время такъ скоро прошло. Весь день прилежаніе и поведеніе великаго князя было примѣрно. Вечеромъ отъ 7 до 8 мы ходили къ Василию Андреевичу Жуковскому.

5-го февраля. Вторникъ. Во время урока г. Жилля Александръ Николаевичъ заплакалъ потому, что сдѣлалъ нѣсколько орфографическихъ ошибокъ во время письма подъ диктовку; ошибки эти сдѣланы только вслѣдствіе невниманія, и потому я просилъ г. Жилля отмѣчать на будущее время въ журналѣ подобное поведеніе какъ дурное, ибо великій князь вмѣсто того, чтобы думать объ орфографическихъ правилахъ, которыя ему хорошо извѣстны, предпочитаетъ отчаяваться, когда г. Жилль находитъ ошибки. Великій князь обѣщалъ отучиться отъ этой дурной привычки.

Г. Триніусъ давалъ первый урокъ естественной исторіи, доставившій слушателямъ величайшее удовольствіе. Я вполне увѣренъ, что эта наука въ продолженіе предстоящаго полугодія разовѣетъ много богатыхъ мыслей въ ученикахъ и облегчитъ ихъ ученіе.

6-го февраля, среда и 7-го февраля, четвергъ. Поведеніе и ученіе великаго князя и его товарищей заслуживали всякой похвалы.

8-го февраля. Пятница. У великаго князя было два испорченныхъ зуба, которые я приказалъ выдернуть г. Сосероту; операція выдержана была съ необыкновенною твердостью. Вечеромъ государь императоръ присутствовалъ при сраженіи между войсками великаго князя и Віельгорскаго.

Я замѣтилъ въ великомъ князѣ что-то необыкновенное, ему не свойственное; отъ малой увѣренности въ самомъ себѣ—дрожь пробѣгала по его тѣлу: онъ опасался проиграть сраженіе. Когда же борьба началась, онъ успокоился и распоряженія дѣлалъ прекрасно.

9-го февраля. Суббота. Сильный морозъ не помѣшалъ намъ сдѣлать большой прогулки. Ученіемъ и поведеніемъ великаго князя и его товарищей я былъ весьма доволенъ.

10-го февраля. Воскресенье. Это воскресенье проведено какъ всѣ предыдущія, за исключеніемъ вечернихъ часовъ, которые мы провели у ихъ высочествъ великихъ князей, пригласившихъ великаго князя на концертъ, данный польскимъ семействомъ.

11-го февраля. Понедѣльникъ. Въ продолженіе всего дня я былъ совершенно доволенъ великимъ княземъ и его товарищами.

12-го февраля. Вторникъ. Ея величество государыня императрица присутствовать изволила при урокѣ г. Триніуса и осталась онымъ совершенно довольна.

Вечеромъ отъ 6 съ половиною часовъ до 10 мы присутствовали при экзаменѣ въ Екатерининскомъ институтѣ; испытаніе состояло въ пѣніи и танцахъ; зрѣлище было истинно милое.

13-го февраля. Среда. Въ продолженіе урока г. Коллинса великій князь не былъ внимателенъ, вслѣдствіе чего не могъ отвѣчать на сдѣланные ему вопросы и г. Коллинсъ не поставилъ ему отмѣтки очень хорошо, отчего были слезы. Прочіе уроки были хороши. Поведеніемъ въ остальное время дня я былъ доволенъ. Сегодня получено извѣстіе о взятіи крѣпости Турно генераломъ Ланжерономъ.

14-го февраля. Четвергъ. Ученіемъ великаго князя были всѣ довольны, но въ поведеніи похвалить нельзя. Въ продолженіе чтенія г. Жуковскаго великій князь все время игралъ руками и шевелился.

Г. Жуковский сказалъ ему, что хорошо бы было бросить эту привычку; вмѣсто того, чтобы слѣдовать совѣту, Александръ Николаевичъ продолжалъ играть руками. Василий Андреевичъ и я изъявили ему удивленіе наше на его равнодушіе къ даннымъ ему совѣтамъ. Когда припадокъ упорства миновался, видно было, что великій князь стыдился своего поведенія. По окончаніи чтенія онъ просилъ прощенія у г. Жуковского, который съ добротою простилъ его; вечеромъ же, когда Александръ Николаевичъ писалъ свой журналъ, я ему представлялъ всѣ пагубныя слѣдствія его поведенія относительно г. Жуковского; я ему объяснилъ ясно, что тотъ, кто не любитъ, чтобы ему давали совѣтовъ, доказываетъ явно, что не имѣетъ болѣе желанія исправиться отъ ошибокъ; и что тотъ, кто позволяетъ себѣ огорчать умшенно лицо, къ которому долженъ имѣть уваженіе и привязанность, безчеститъ себя въ глазахъ всѣхъ. Великій князь чувствовалъ свою вину и увѣрялъ меня, что ему болѣе не случится вести себя такимъ образомъ.

16-го февраля. Суббота. Проснувшись, великій князь чувствовалъ маленькую боль у праваго уха; г. Крейтонъ нашель, что это та же болѣзнь, что у Паткуля и Вельгорскаго, и которую называютъ свиной. Александръ Николаевичъ, какъ и товарищи его занимались прекрасно и поведеніе было похвально. За всю недѣлю великій князь получилъ въ ученіи 35 отличныхъ отмѣтокъ и въ поведеніи 35, Вельгорскій въ томъ и другомъ 36, Паткуль въ ученіи 30, а въ поведеніи 36. Г. Крейтонъ запретилъ выходить великому князю и его товарищамъ изъ комнатъ, а потому они катались съ деревянной горы, устроенной въ комнатахъ, сосѣднихъ съ нашими.

17-го февраля. Воскресенье. Великій князь провелъ утро какъ обыкновенно. Въ остальную часть дня Александръ Николаевичъ и его товарищи катались съ горы и ѣздили на дрезинахъ. Съ нѣкоторыхъ поръ я замѣчаю, что великій князь позволяетъ себѣ нѣкоторыя неучтивости въ отношеніи своихъ товарищей по играмъ, я ему сдѣлалъ это замѣчаніе и объявилъ, что онъ будетъ играть одинъ, если еще разъ замѣчу, что онъ кого либо обидитъ.

18-го февраля. Понедѣльникъ. Опять были слезы во время урока г. Жуковского по причинѣ незнанія урока, а потомъ въ присутствіи государя императора вслѣдствіе потери пушки и несчастной атаки противъ Вельгорскаго. По моему мнѣнію слезы происходятъ отъ слабости нервовъ у Александра Николаевича.

19-го февраля. Вторникъ. Всѣ гг. учителя были довольны прилежаніемъ великаго князя. Я былъ принужденъ сдѣлать выговоръ Паткулю, который позволяетъ себѣ задѣвать Александра Николаевича, называя его разными именами. Великій князь разставилъ своихъ солдатъ на столѣ, Паткуль ударилъ о столѣ и солдаты повалились, Александръ Николаевичъ залился слезами. Сцена эта происходила въ моемъ отсутствіи. Великій князь разсказалъ мнѣ ее и увѣрялъ, что плакалъ единственно изъ сожалѣнія видѣть, что труды его пропали.

20-го февраля. Среда. Прекрасный день.

21-го февраля. Четвергъ. Прекрасный день, великій князь учился у всѣхъ гг. учителей весьма хорошо, въ особенности у г. Жилля. Вечеромъ онъ прощался съ принцемъ Филиппомъ Гессенъ-Гомбургскимъ, который оставляетъ Петербургъ. Великій князь былъ въ унтеръ-офицерскомъ мундирѣ кавалергардскаго полка; онъ казался въ ономъ очень великъ.

22-го февраля. Пятница. День проведенъ прекрасно во всѣхъ отношеніяхъ. Г. Крейтонъ обѣщаль дозволить прогулку на завтрашній день, чѣмъ доставилъ много удовольствія маленькимъ заключеннымъ.

23-го февраля. Суббота. Мы гуляли пѣшкомъ, потомъ въ саняхъ катались вокругъ качель и балагановъ. Я принужденъ былъ сдѣлать выговоръ великому князю за малое великодушіе, оказываемое имъ противъ дѣтей его слабѣе; вмѣсто того, чтобы защищать, онъ обижаетъ ихъ.

24-го февраля. Воскресенье. Великій князь занимался одинъ и былъ чрезвычайно внимателенъ у г. Павскаго. Послѣ обѣда я пригласилъ всѣхъ молодыхъ людей, посѣщающихъ великаго князя, собраться въ Аничковскій дворецъ для катанья съ горъ; мы прибыли туда въ 3½ часа; общество наше было собрано и мы катались до 7 часовъ. Горы были освѣщены и всѣ очень веселились. По возвращеніи во дворецъ, актеръ André представлялъ китайскія тѣни, которыя очень забавляли великаго князя и все общество. Праздникъ оконченъ ужиномъ. Александръ Николаевичъ сказалъ мнѣ, что онъ чрезвычайно веселился и благодарилъ меня отъ души.

25-го февраля. Понедѣльникъ. Ихъ величества провели ночь въ Аничковскомъ дворцѣ, гдѣ предполагаютъ провести всю первую недѣлю поста. Великій князь будетъ ежедневно ѣздить навѣщать ихъ

величества въ 9 часовъ утра, слушать обѣдню и оставаться до 10^{1/2} часовъ. По возвращеніи въ Зимній дворець будутъ уроки.

Великій князь будетъ кушать постное; онъ это дѣлаетъ съ удовольствіемъ, хотя любитъ покушать хорошо. Александръ Николаевичъ былъ внимателенъ у всѣхъ учителей. У великаго князя къ сожалѣнію явилась привычка смѣяться по пустякамъ; я представлялъ ему немѣстность и неприличность сильнаго смѣха, похожаго на конвульсіи.

26-го февраля. Вторникъ. Поведеніемъ и прилежаніемъ великаго князя я былъ вполне доволенъ.

27-го февраля. Среда. [Великій князь, играя съ Віельгорскимъ въ билліардъ, выказалъ необыкновенную вялость; я далъ ему нѣсколько совѣтовъ, но вида, что онъ не обращаетъ на нихъ вниманіе, я оставилъ его. Когда онъ писалъ журналъ свой, я выразилъ мое удивленіе объ его поведеніи во время игры на билліардѣ, прибавивъ, что это невниманіе къ совѣтамъ происходитъ отъ того же начала, какъ и главный его недостатокъ: недостатокъ энергіи и постоянства. Чтобы лучше доказать ему то, что я говорилъ, я спросилъ, почему онъ не любитъ болѣе тѣхъ игръ, которыми забавлялся?

— «Вы правы, я болѣе въ нихъ не нахожу удовольствія».

— Видите-ли, мой милый, причина все та-же: все, что доставляетъ вамъ малѣйшій трудъ, пугаетъ васъ и вамъ противно. Я ему совѣтовалъ наблюдать за собою строже и дѣлать все возможное, чтобы приобрѣсть драгоценную добродѣтель постоянства.

28-го февраля. Четвергъ. Великій князь нѣсколько разъ извинялся передо мной въ его вчерашнемъ поведеніи. Я сказалъ, что прощаю его, но что не могу имѣть къ нему уваженія, пока не замѣчу, что онъ серьезно старается о приобрѣтеніи современемъ постоянства. Поведеніемъ и ученіемъ великаго князя и его товарищей я былъ доволенъ. Сегодня ихъ величества возвратились въ Зимній дворець.

1-го марта. Пятница. День проведенъ безъ упрека. Великій князь видѣлъ въ первый разъ французскаго посла, герцога де-Мартемаръ.

2-го марта. Суббота. Хорошій день. Поведеніе и прилежаніе были весьма хороши. Разсматривая недѣльные отмѣтки, оказалось у Віельгорскаго 36 отличныхъ, въ поведеніи и ученіи, у великаго князя въ поведеніи 36, а въ ученіи 26; за что завтрашнее утро великій князь проведетъ въ своихъ комнатахъ и будетъ лишенъ права войти въ учебную комнату.

3-го марта. Воскресенье. Послѣ обѣдни мы пошли пѣшкомъ въ Анничковскій дворецъ. Катались съ ледяныхъ горъ въ обществѣ Адлербергговъ, Фредериксовъ, Барановыхъ, Несельроде, Шуваловыхъ, Карамзинныхъ и моихъ двухъ сыновей. Тамъ оставались до 2 часовъ. Послѣ обѣда снова туда вернулись и, пользуясь хорошей погодой, оставались до 6-ти часовъ. По возвращеніи въ Зимній дворецъ, играли въ жмурки въ большихъ залахъ и очень веселились. Ихъ величества уѣхать изволили въ Петергофъ.

4-го марта. Понедѣльникъ. Великій князь и его товарищи учились весьма хорошо, поведеніе было похвально. Погода была прекрасная и мы сдѣлали большую прогулку пѣшкомъ. Въ манежѣ великій князь въ первый разъ ѣздилъ на своей лошади турецкой породы, называемой «Молодчикъ».

5-го марта. Вторникъ. Великимъ княземъ и его товарищами я былъ доволенъ. Ихъ величества изволили возвратиться въ С.-Петербургъ. Государь императоръ присутствовать изволилъ при танцевальномъ урокѣ; послѣ чего игралъ съ великимъ княземъ и Вельгорскимъ въ военную игру, и остался доволенъ движеніями войскъ великаго князя.

6-го марта. Среда. Поведеніе и ученіе великаго князя были прекрасны. Вечеромъ была репетиція живыхъ картинъ, долженствующихъ быть въ воскресенье.

7-го марта. Четвергъ. Прекрасный день. Вечеромъ великій князь и Вельгорскій играли въ военную игру въ высочайшемъ присутствіи. Государь императоръ представилъ великому князю недостатокъ соображенія, выказанный имъ сегодня, и ошибки, которыя были слѣдствіемъ онаго, указавъ дурныя слѣдствія плохо соображенныхъ маневровъ. Великій князь былъ огорченъ до слезъ.

8-го марта. Пятница. День былъ хорошъ.

9-го марта. Суббота. День былъ хорошъ. Вечеромъ была репетиція въ костюмахъ живыхъ картинъ.

10-го марта. Воскресенье. При урокѣ г. Павскаго великій князь былъ чрезвычайно внимателенъ. Александръ Николаевичъ былъ у обѣдни; гулялъ пѣшкомъ и катался съ ледяныхъ горъ. Въ 2 часа великій князь былъ воспріемникомъ отъ купели съ государынею импе-

ратрицею дочери генераль-адъютанта Чернышева, которой дали имя Александры. Послѣ обѣда играли на деревянной горѣ. Въ 6 часовъ дѣти начали одѣваться. Въ 7 часовъ отправились въ сборную залу къ ихъ высочеству. Учебная комната ея высочества великой княжны Маріи Николаевны была превращена въ театр; представлены были слѣдующія картины: 1) Пери, изгнанный изъ рая геній просить у ангела, хранящаго двери, позволенія войти. Ангелъ отказываетъ, говоря, что Пери должна представить пріятный даръ небу. Роль Пери исполняла великая княжна Марія Николаевна. Роль ангела—великая княжна Ольга Николаевна. 2) Пери приноситъ въ даръ небу кашу крови, пролитой въ защиту отечества; но врата рая не открываются. 3) Махмудъ, султанъ турецкій—его высочество великій князь Александръ Николаевичъ. 4) Умирающій воинъ, П. Мердеръ. 5) Пери представляетъ небу въ даръ слезу раскаянія грѣшника—и двери рая растворяются. 6) Дитя, ея высочество великая княжна Александра Николаевна. 7) Пилигримъ, графъ Іосифъ Вельгорскій. Народный дивертисементъ, игры, танцы. Дѣйствующія лица: дѣвѣны: Александра Фредериксъ, Елисавета Фредериксъ, Ольга Фредериксъ, Марія Мердеръ. Господа: Павелъ Барановъ, Дмитрій Фредериксъ. Семейство италіанскихъ бандитовъ, стоящихъ около руинъ. Дѣйствующія лица: ея высочество великая княжна Марія, великая княжна Ольга, великій князь Александръ Николаевичъ, Павелъ Барановъ, графъ Іосифъ Вельгорскій, Александръ Паткуль. Мазаниелло и неаполитанская женщина, на колѣнахъ предъ крестомъ, вдѣланномъ въ скалу; вдали видѣнь городъ Портичи, за нимъ дымится Везувій. Дѣйствующія лица: великая княжна Ольга, великая княжна Александра. Молитва Мадоннѣ. Дѣйствующія лица: великая княжна Марія, великая княжна Александра, Петръ Мердеръ.

11-го марта. Понедѣльникъ. Сегодня утромъ въ присутствіи ихъ императорскихъ величествъ была панихида о въ Бозѣ почившемъ государѣ императорѣ Павлѣ. Великій князь присутствовалъ при оной. Мы гуляли и были въ манежѣ. Александръ Николаевичъ и его товарищи учились прекрасно и поведеніе ихъ было въ продолженіе всего дня примѣрно.

12-го марта. Вторникъ. Отъ 6 до 7 часовъ великій князь, занимаясь приготовленіемъ къ уроку г. Жилля, былъ весьма прилеженъ и сказалъ мнѣ, что увѣренъ въ томъ, что отвѣтитъ безъ ошибокъ и что знаетъ твердо урокъ, и даже предъидущіе повторилъ хорошо. Я совѣтовалъ ему никогда не хвастаться, а скорѣе не довѣрять себѣ

въ знаніи своемъ, чтобы не имѣть стыда, въ случаѣ неудачи, быть самонадѣяннымъ. Когда онъ долженъ былъ прочесть стихи г. Жиллю, великій князь смутился и не могъ прочесть безъ ошибокъ, вслѣдствіе чего въ журналѣ не получилъ отличной отмѣтки, почему были слезы. Послѣ обѣда отъ 5 до 6 час. г. Эртель принужденъ былъ отмѣтить: хорошо, и сказалъ, что если на слѣдующій разъ не будетъ болѣе вниманія, то напишетъ: довольно хорошо. Опять слезы. Вечеромъ я представилъ великому князю необдуманность его поведенія, происходящую единственно отъ недостатка съ его стороны твердой воли исполнять хорошо свой долгъ. Я ему представилъ, какъ больно мнѣ видѣть его нерадѣніе, что это вредитъ моему здоровью и что за всѣ хлопоты, которыя я переносу, чтобы ему доставить удовольствіе, онъ показываетъ очень мало стараній мнѣ доставить наслажденіе видѣть его болѣе постояннымъ. Слова мои подѣйствовали сильно, Александръ Николаевичъ залился слезами и общалъ мнѣ сдѣлать всевозможныя усилія, чтобы исправиться.

13-го марта. Среда. Сегодняшнимъ днемъ я былъ доволенъ.

14-го марта. Четвергъ. Великій князь учился весьма хорошо. Я былъ принужденъ сдѣлать выговоръ Александру Николаевичу и Вельгорскому за ихъ поведеніе во время урока г. Липпмана. Великій князь кусалъ себѣ губы, а Вельгорскій смѣялся надъ гримасами великаго князя. Государь императоръ игралъ весь вечеръ въ военную игру съ дѣтьми. Вельгорскій успѣлъ провести свой транспортъ, но потерпѣлъ большую потерю въ войскѣ.

15-го марта. Пятница. Могу только хвалить великаго князя и его товарищей. Великій князь принималъ крестьянина Томской губерніи, Війскаго уѣзда, которому на память его высочество пожаловалъ портфель и платиновую монету. Радость и счастье этого старика ни описать, ни разсказать невозможно.

16-го марта. Суббота. Великій князь за недѣлю получилъ отличную отмѣтку въ поведеніи и ученіи. Сегодня получено ужасное извѣстіе о несчастіи, случившемся въ Тегеранѣ 31-го января: между прислугою посланника нашего въ Персіи А. С. Грибоѣдова и нѣкоторыми жителями Тегерана произошла схватка. Прохожіе, будучи свидѣтелями спора, приняли въ немъ участіе, когда же нѣкоторые изъ нихъ были ранены, то толпа бросилась съ базара, чтобы отомстить русскимъ; двери посольства были разбиты и, не смотря на сопротивленіе нашихъ казаковъ и персидской стражи, домъ былъ разграбленъ и всѣ попадавшія имъ

лица умерщвлены. Напрасно самъ шахъ, прибывшій съ сыномъ своимъ Селу-султаномъ, губернаторомъ Тегерана, въ сопровожденіи войска, старался остановить и разогнать мятежниковъ,—было слишкомъ поздно; А. С. Грибоѣдовъ и свита его погибли отъ рукъ этихъ убійцъ. Первый секретарь посольства Мальцевъ и три другихъ лица одни только успѣли спастись.

17-го марта. Воскресенье. Отъ 6 до 8 часовъ приготовляли уроки, потомъ читали у г. Павскаго евангеліе, затѣмъ были у обѣдни. Въ 12 часовъ пошли гулять и катались съ горъ до обѣда. Двое Фредериксъ обѣдали съ нами; Карамзинны, Шуваловы и Варановы приглашены были къ 4 часамъ на горы, куда и мы отправились; всѣ очень веселились и оставались на горахъ до 6 часовъ. По возвращеніи во дворецъ представляли шарады, потомъ въ залахъ катались на дрезинахъ. Великій князь видѣлъ супругу генерала S. Aldegonde, бывшую госпожу Ожеро и двухъ ея дочерей. Спросивъ у великаго князя, какъ нравятся ему эти дѣвочки, я получилъ въ отвѣтъ, что «онѣ очень хорошенькія, но нахожу, что одѣты съ большими претензіями,—онѣ одѣты какъ большія». День проведенъ прекрасно и безъ упрека.

18-го марта. Понедѣльникъ. Хорошій день. Великій князь по учительскимъ отмѣткамъ былъ первый. Віельгорскій позволилъ себѣ смѣяться во время урока г. Павскаго. Вечеромъ, играя въ военную игру, Віельгорскій послалъ свою артиллерию чрезъ дефиле безъ прикрытія, непріятельская кавалерія бросилась на нее, изрубила артиллеристовъ и взяла два орудія. Это пораженіе заставило Віельгорскаго заплакать. Я замѣчаю, что у него много тщеславія. Онъ не любитъ быть неправымъ и думаетъ, что все то, что дѣлаетъ и говоритъ, превосходно.

19-го марта. Вторникъ. Великій князь и его товарищи учились прекрасно и поведеніемъ ихъ учителя были вполне довольны. Мы ходили въ Аничковскій дворецъ и тамъ катались съ горъ. Вечеромъ Александръ Николаевичъ и Віельгорскій продолжали военные игры; сей послѣдній имѣлъ счастье сбить два непріятельскихъ орудія съ батареи, противникъ его перенесъ этотъ ударъ безропотно.

Александръ Николаевичъ слышалъ отъ государыни императрицы, что будетъ сопровождать ея величество въ Варшаву, рассказалъ мнѣ это и спросилъ, откуда возьмутъ такое множество лошадей?

— «Какое несчастіе для бѣдныхъ мужиковъ,—замѣтилъ Александръ Николаевичъ,—которые принуждены будутъ отдавать своихъ лошадей въ такое время года, когда сами въ нихъ такъ нуждаются».

Я сказалъ ему, что это чувство и это состраданіе къ этому полезному сословію чрезвычайно похвально и дѣлаютъ ему честь.

20-го марта. Среда. Въ продолженіе урока исторіи Александръ Николаевичъ выказалъ необыкновенную апатію и только къ концу сдѣлался внимательнѣе. У г. Эртеля было то же самое; государь императоръ запретилъ его высочеству подходить къ нему при прощаніи вечеромъ. Это наказаніе и собственная совѣсть его очень огорчали, потому я и не рѣшился дѣлать ему выговора, тѣмъ болѣе, что я вовсе не желалъ бы приучать его къ частымъ замѣчаніямъ.

21-го марта. Четвергъ. Въ урокахъ исторіи и химіи великій князь не отличился и старанія было немного. Г. Кеммереръ, химикъ, служащій при Горномъ корпусѣ, въ первый разъ дѣлалъ въ присутствіи Александра Николаевича опыты.

22-го марта. Пятница. Великій князь и его товарищи учились и вели себя прекрасно.

23-го марта. Суббота. Поведеніе и прилежаніе Александра Николаевича и его товарищей было прекрасно. Не смотря на то, что въ продолженіе недѣли были не совсѣмъ хорошіе часы, однако жъ у великаго князя оказалось 36 отличныхъ отмѣтокъ какъ въ ученіи, такъ и въ поведеніи.

24-го марта. Воскресенье. Отъ 6 до 8 час. великій князь и его товарищи занимались усердно и съ удовольствіемъ ариметикою у г. Коллинса. Отъ 8 до 9 час. великій князь и Віельгорскій бесѣдовали съ г. Павскимъ. Потомъ были у ихъ величествъ и у обѣдни; съ 12 до 2 час. гуляли; я пригласилъ обыкновенное общество молодыхъ людей на горы; въ 4 часа мы отправились въ Аничковскій дворецъ, гдѣ пробыли до 6 часовъ. Возвратившись въ Зимній дворецъ къ чаю, играли въ бары и въ хромоногаго чорта. Государь императоръ принялъ участіе въ этихъ играхъ и тѣмъ сдѣлалъ совершенно счастливымъ молодое общество.

25-го марта. Понедѣльникъ. Великій князь и его товарищи учились у всѣхъ гг. учителей прекрасно и вели себя въ продолженіе всего дня примѣрно. Отъ 10 до 11 час. великій князь былъ у обѣдни, съ 12 до 2 часовъ гуляли и катались въ послѣдній разъ съ ледяныхъ горъ. При дворѣ былъ большой обѣдъ для генераловъ и всѣхъ офицеровъ лейбъ-гвардіи Коннаго полка.

26-го марта. Вторникъ. День во всѣхъ отношеніяхъ проведенъ хорошо; ученіемъ и поведеніемъ великаго князя всѣ были совершенно довольны.

27-го марта. Среда. Учился великій князь прекрасно у всѣхъ гг. учителей, однако я былъ опять принужденъ сдѣлать замѣчаніе Александру Николаевичу за дурную привычку, которую онъ взялъ, играть руками.

28-го марта. Четвергъ. Великій князь былъ не совсѣмъ внимателенъ у г. Эртеля. Государь императоръ подарилъ великому князю и Віельгорскому нѣсколько баталіоновъ и эскадроновъ свинцовыхъ солдатъ, выписанныхъ изъ Берлина; радость ихъ была велика.

29-го марта. Пятница. Прекрасный день въ отношеніи ученія и поведенія.

30-го марта. Суббота. Во время урока г. Эртеля отъ 4 до 5 час. великій князь былъ невнимателенъ; я опять представилъ ему, что уроки его не будутъ хороши, пока онъ будетъ заниматься во время лекціи посторонними предметами. Онъ согласился въ винѣ своей, но дѣлать было нечего, развѣ только сожалѣть о потерянномъ урокѣ. У прочихъ учителей великій князь занимался прекрасно.

31-го марта. Воскресенье. Отъ 6 до 7 час. занимались приготовленіемъ уроковъ для г. Коллинса; великій князь и Віельгорскій писали по-польски подѣ диктовку, потомъ занимались у г. Павскаго. Послѣ обѣдни великій князь принималъ графа St Priest, пера Франціи. Великій князь доставилъ мнѣ много удовольствія, онъ былъ чрезвычайно милъ и любезенъ во время разговора съ графомъ С. При: онъ показалъ ему всѣ свои комнаты, начиная съ библіотеки. Графъ выразилъ свое удивленіе и удовольствіе, разсматривая учебную комнату, въ особенности же порядокъ, соблюдаемый, и законы, существующіе въ ней, привлекли его вниманіе. Послѣ обѣда великій князь читалъ вслухъ, въ это время Віельгорскій и Паткуль рисовали. Вечеромъ играли въ бары и другія игры. День проведенъ безъ замѣчаній и очень весело.

1-го апрѣля. Понедѣльникъ. Великій князь и его товарищи занимались усердно и вели себя прекрасно, что и было отмѣчено въ журналѣ. Мы имѣли удовольствіе получить солнечную систему, сдѣланную при генеральномъ штабѣ кантонистами подѣ надзоромъ г. Рейсига.

2-го апрѣля. Вторникъ. } Великій князь и его товарищи учились
3-го апрѣля. Среда. } и вели себя прекрасно.

4-го апрѣля. Четвергъ. Великій князь занимался усердно и вель себя весьма хорошо. Я замѣтилъ у Паткуля на лицѣ сыпь и изъ предосторожности удалилъ его въ покои, занимаемые прежде адъютантомъ принца гессенъ-гомбургскаго, въ домѣ Шепилева.

5-го апрѣля. Пятница. Я былъ совершенно доволенъ великимъ княземъ и Вельгорскимъ какъ въ отношеніи ученія, такъ и поведенія. Въ 10 часовъ вечера прибылъ великій князь Михаилъ Павловичъ въ С.-Петербургъ.

6-го апрѣля. Суббота. Господа учителя были чрезвычайно довольны прилежаніемъ великаго князя и Вельгорскаго; я же съ своей стороны могу только хвалить поведеніе того и другого въ продолженіе всего дня. Великій князь получилъ на этой недѣлѣ 42 отличныя отмѣтки въ ученіи и 44 въ поведеніи. Вечеромъ въ 7 часовъ мы пошли въ маленькую церковь къ вечернѣ и къ церемоніи раздачи вербы.

7-го апрѣля. Воскресенье. Великій князь проснулся въ 5 часовъ, имѣя намѣреніе идти съ вербою будить своихъ товарищей; полуодѣтые мы побѣжали къ Вельгорскому и Паткулю, но эти господа были уже одѣты. Всѣ были довольны, что не дали себя предупредить и не подверглись пробужденію вербой. Отъ 6 до 8 час. занимались ариеметикой; отъ 8 до 9 час. занимались у Павскаго, потомъ были у государыни императрицы и у обѣдни. Отъ 12 до 2 час. гуляли; погода была прекрасная. Послѣ обѣда, во время ученья ружейными приѣмами, великій князь показалъ необыкновенную вялость и только вслѣдствіе моихъ настоятельныхъ убѣжденій пришелъ въ обыкновенное свое расположеніе духа. Съ великимъ княземъ часто случается, что онъ становится вялъ и выказываетъ необыкновенную апатію и совершенный недостатокъ твердости и постоянства.

8-го апрѣля. Понедѣльникъ. Отъ 6 до 7 час. великій князь и его товарищи занимались приготовленіемъ уроковъ. Отъ 7 до 9 час. былъ урокъ исторіи у г. Липпмана. Отъ 9 до 10 час. присутствовали у заутрени въ библиотекѣ. Отъ 10 до 11 час. великій князь и великая княжна Марія Николаевна имѣли урокъ закона Божія у г. Павскаго; послѣ чего была обѣдня въ маленькой церкви. Погода была прекрасная и мы сдѣлали большую прогулку. Послѣ обѣда были у насъ гг. Рейнгольдъ и Жилль; вечеромъ играли на деревянной горѣ. Учились и вели себя прекрасно во весь день какъ великій князь, такъ и его товарищи.

9-го апрѣля. Вторникъ. Отъ 6 до 9 час. усердно занимались приготовленіемъ уроковъ и у г. Павскаго, потомъ были у обѣдни. Погода была прекрасная и мы ею воспользовались. Послѣ уроковъ, отъ 4 до 6 час., мы отправились въ Аничковскій дворецъ, гдѣ ихъ величества предполагають остаться до пятницы. Послѣ вечерни великій князь разсматривалъ рисунки, въ 9 часовъ возвратился въ Зимній дворецъ; вечеръ проведенъ очень хорошо.

10-го апрѣля. Среда. Отъ 6-ти до 9-ти занимались повтореніемъ и приготовленіемъ къ уроку географіи, потомъ исторіи у г. Липмана, и наконецъ геометріи у г. Коллинса. Въ 9 часовъ отправились къ утрени въ Аничковскій дворецъ; отъ 10-ти до 11-ти урокъ закона Божія у г. Павскаго; были у обѣдни. Гуляли довольно долго пѣшкомъ. Отъ 4-хъ до 6-ти были въ Зимнемъ дворцѣ, гдѣ былъ урокъ. Въ 6 часовъ возвратились въ Аничковскій дворецъ, гдѣ вечерня продолжалась отъ 7-ми до 8-ми часовъ вечера, послѣ чего великій князь и Вѣльгорскій передъ исповѣдью просили прощенія у ихъ величества, которые при семъ случаѣ говорили имъ въ изліяніи сердца; они вернулись ко мнѣ растроганными, пошли въ наши комнаты; отецъ Павскій ожидалъ насъ. Передъ исповѣдью великій князь плакалъ; я сказалъ ему: «радуйтесь скорѣе, мой милый, случаю, вамъ представленному, очистить себя отъ ошибокъ, вами сдѣланныхъ, и идите снова по дорогѣ счастья и добродѣтели, открытой передъ вами; старайтесь слѣдовать по ней съ твердостью и стараніемъ».

Онъ утеръ слезы, поцѣловалъ меня съ любовію и пошелъ исповѣдываться.

11-го апрѣля. Четвергъ. Мы встали въ 7 часовъ. Отъ 7 до 9 великій князь читалъ съ отцомъ Павскимъ молитвы предъ св. причащеніемъ. Въ 9 часовъ ихъ величества въ сопровожденіи ихъ высочества Александра Николаевича, Михаила Павловича, Константина Николаевича и великихъ княженъ пошли въ церковь. Послѣ обѣдни вся императорская фамилія причастилась св. тайнъ. Погода была прекрасная и мы гуляли два часа, отъ 5 до 7 часовъ. Великій князь читалъ вслухъ «la jeune Sibérienne par le C. Maître». Въ это время г. Соколовъ дѣлалъ мой портретъ, который великій князь непремѣнно желалъ имѣть въ своемъ альбомѣ. Отъ 7 до 8 былъ у вечерни, въ 9 часовъ вернулись въ Зимній дворецъ. Поведеніемъ великаго князя я былъ чрезвычайно доволенъ.

12-го апрѣля. Пятница. Всѣ учились у всѣхъ гг. учителей прекрасно. Великій князь особенно отличился въ урокѣ химіи. Въ 12 часовъ великій князь сопровождалъ ихъ величества въ Большую церковь,

гдѣ простоялъ всю обѣдню, послѣ которой прикладывался къ плащаницѣ; онъ исполнилъ это такъ мило, что ихъ величества выразили полное удовольствіе.

Всѣ восхищались его благородными манерами и ловкостью, въ особенности же любовались имъ при этомъ случаѣ, гдѣ взрослые бывають иногда не совсѣмъ въ ловкомъ положеніи по причинѣ большого количества людей. Въ 4 часа мы присутствовали, съ ихъ императорскими высочествами великими княжнами, у вечерни въ Малой церкви.

Вечеромъ, послѣ чаю, были въ Аничковскомъ дворцѣ, гдѣ въ первый разъ въ нынѣшнемъ году прыгали на сѣткѣ. День проведенъ прекрасно и я совершенно былъ доволенъ великимъ княземъ и его товарищами.

13-го апрѣля. Суббота. Ученіемъ были гг. учителя довольны, въ особенности гг. Коллинсъ и Триніусъ были довольны отвѣтами великаго князя. Г. Кеммереръ дѣлалъ нѣсколько опытовъ съ водороднымъ газомъ, которые Александръ Николаевичъ объяснялъ прекрасно. Отъ 10 до 12 были у обѣдни, вслѣдствіе чего урокъ у г. Триніуса былъ въ 2 часа, гуляли же мы отъ 12 до 1 часу.

Вечеромъ занимались окраскою яицъ, потомъ укладывали свинцовыхъ солдатъ въ ящики. Вѣльгорскій и Паткуль пошли съ ихъ высочествами великими княжнами къ заутрени въ Малую церковь. Александръ Николаевичъ легъ въ постель, для того чтобы въ 12 часовъ идти въ Большую церковь, гдѣ въ первый разъ будетъ присутствовать при *baise-mains*.

14-го апрѣля. День св. Пасхи.

Въ 12 часовъ ночи Александръ Николаевичъ отправился въ покои государыни императрицы, откуда съ ихъ величествами пошелъ въ Большую церковь.

Послѣ *baise-mains*, въ 2 часа, вернулись мы въ наши комнаты. Великій князь былъ очень доволенъ, что видѣлъ церемонію и весь дворъ, ему спать не хотѣлось и онъ съ трудомъ уснулъ. Въ 7 часовъ онъ уже былъ одѣтъ. До 10 часовъ принималъ поздравленія разныхъ лицъ, потомъ пошелъ къ государю императору. Отъ 10 до 11 былъ у обѣдни въ Малой церкви. Отъ 11 до 2 великій князь былъ у государыни императрицы, потомъ у княгини Волконской, у князя Волконскаго, министра императорскаго двора и у принца Виртембергскаго. Отъ 3 до 5 занимались катаньемъ яицъ на балконѣ. Изъ обыкновенныхъ товарищей по играмъ были только два Фредерикса. Отъ 5 до

6 великій князь былъ у вечерни. Остальную часть вечера рисовалъ и читалъ. Я былъ чрезвычайно доволенъ великимъ княземъ; онъ былъ чрезвычайно вѣжливъ и весьма любезенъ со всѣми.

15-го апрѣля. Понедѣльникъ. Великій князь занимался у г. Липмана; около 9 часовъ пошелъ къ ихъ величествамъ пожелать добраго утра. По возвращеніи принималъ нѣсколькихъ генераловъ и г. Крылова, баснописца. Отъ 10 до 11 занимался чтеніемъ, отъ 11 до 12 былъ у обѣдни въ Большой церкви. Мы были въ казармахъ лейб-гвардіи Павловскаго полка; великій князь посѣтилъ всѣ роты и поздравлялъ солдатъ съ праздниками. Послѣ обѣда были мною приглашены нѣкоторые молодые люди; играли въ Большомъ залѣ въ разныя игры. Поведеніе было прекрасно.

16-го апрѣля. Вторникъ. Отъ 6 до 7 занимался великій князь повтореніемъ уроковъ. Отъ 7 до 9 у г. Липмана. Отъ 9 до 10 принималъ разныхъ лицъ. Отъ 10 до 12 чтеніе. Отъ 12 до 2 въ экипажѣ; великій князь съ большимъ любопытствомъ осматривалъ прекрасное собраніе медалей; онъ съ товарищами искалъ монету Троя, и когда отыскалъ, то вскрикнулъ отъ радости. Погода была весьма дурна, но послѣ обѣда прояснилось и мы этимъ воспользовались, чтобы прогуляться до Аничковскаго дворца, гдѣ прыгали на сѣткѣ, потомъ въ экипажѣ катались вокругъ качель. Государь императоръ подарилъ великому князю прекрасныя часы съ репетиціею. Ихъ высочества великія княжны подарили Александру Николаевичу алебастровую чернильницу, имѣющую форму пушки.

17-го апрѣля. Среда. Великій князь всталъ въ 6 часовъ и занимался устройствомъ и укладываніемъ тетрадей для путешествія, потомъ занимался у г. Жилля до 9 часовъ. Отъ 9 до 10 Александръ Николаевичъ принималъ визиты генераловъ и гражданскихъ чиновниковъ, потомъ ходилъ къ ихъ величествамъ. Отъ 11 до 12 былъ у обѣдни. Возвратившись къ себѣ, опять принималъ нѣкоторыхъ лицъ. Около часу мы отправились въ манежъ на разводъ отъ лейб-гвардіи Павловскаго полка; церемоніальнымъ маршемъ проходили два раза предъ государемъ императоромъ, который остался совершенно доволенъ и пожаловалъ нижнимъ чинамъ по 1 рублю сер. на человѣка. Послѣ обѣда катались съ деревянной горы и катали яйца, потомъ дѣлали артиллерійское ученіе. День проведенъ безъ замѣчаній и, не смотря на дурную погоду, довольно весело.

18-го апрѣля. Четвергъ. Великій князь и его товарищи учились и вели себя прекрасно. Отъ 12 до 2 и отъ 6 до 7 мы были въ Аничковскомъ дворцѣ, гдѣ много веселились, прыгая на сѣткѣ. Погода была чудная и день проведенъ пріятно.

19-го апрѣля. Пятница. Великій князь и его товарищи получили отличныя отмѣтки отъ всѣхъ гг. учителей. Все утро шелъ дождь и прогулка наша была весьма коротка; вечеромъ прояснилось и мы этимъ воспользовались, чтобы сходить попрыгать на сѣткѣ и сдѣлать прогулку вокругъ качель.

20-го апрѣля. Суббота. Великій князь учился и вель себя отлично. Александръ Николаевичъ присутствовалъ при большомъ парадѣ; командовалъ 4-ю ротю 3-го баталіона лейбъ-гвардіи Павловскаго полка.

Желалъ бы очень убѣдиться, что частыя появленія его высочества на парадахъ, видя, что изъ парада дѣлаютъ государственное дѣло, не будутъ имѣть на него дурныхъ послѣдствій. Легко можетъ ему придти мысль, что это дѣйствительно дѣло государственное и онъ можетъ тому повѣрить.

За столомъ ихъ величествъ великій князь имѣлъ удовольствіе видѣть г. Гумбольдта; мы катались верхомъ въ Лѣтнемъ саду, вечеръ былъ хорошъ, но свѣжъ; великій князь подаль государынѣ императрицѣ въ подарокъ рисунокъ своей работы, представляющій голову лошади. У Вельгорскаго показалась на лицѣ сыпь; я ему запретилъ выходить изъ комнаты.

21-го апрѣля. Воскресенье. Отецъ Павскій не могъ быть по случаю вскрытія Невы. Великій князь занимался чтеніемъ нѣкоторыхъ свѣдѣній о Польшѣ. По принесеніи поздравленій ея императорскому величеству государынѣ императрицѣ, его высочество былъ у обѣдни, потомъ давалъ сеансъ г. Соколову (акварелистъ). Послѣ обѣда пошли въ Аничковскій дворецъ прыгать на сѣткѣ; не смотря на холодъ, великій князь и его товарищи очень веселились. Отъ 6 до 8 играли въ залѣ. День проведенъ весело и безъ упрека.

22-го апрѣля. Понедѣльникъ. Прилежаніе и поведеніе великаго князя были примѣрны. Г. Гумбольдтъ обѣдалъ у его высочества и доставилъ намъ въ продолженіи двухъ часовъ истинное наслажденіе. Великій князь выразилъ желаніе имѣть портретъ этого ученаго путе-

шественника и получилъ отъ барона согласіе на снятіе съ него портрета г. Соколовымъ ¹⁾). Погода была прекрасная и мы были въ Аничковскомъ дворцѣ, гдѣ прыгали на сѣтѣхъ.

23-го апрѣля. Вторникъ. Прекрасно проведенный день; во всѣхъ отношеніяхъ великимъ княземъ былъ я доволенъ.

24-го апрѣля. Среда. Великій князь занимался до 9 часовъ съ г. Жиллемъ и г. Колинсомъ. Укладывалъ свой дорожный портфель, въ половинѣ 11-го былъ на панихидѣ съ ихъ величествами. Первый и второй часъ провелъ въ саду Аничковского дворца. Въ 2 часа поѣхалъ съ государемъ императоромъ и его высочествомъ великимъ княземъ Михаиломъ Павловичемъ въ крѣпость водою; кушалъ съ ихъ величествами. Послѣ обѣда игралъ съ Вельгорскимъ и Паткулемъ у себя въ комнатахъ до 6 часовъ; откушавъ чай, мы пошли въ покои ихъ величествъ. Великій князь, прощаясь съ братомъ Константиномъ Николаевичемъ, не могъ удержаться, чтобы не плакать. Въ три четверти 7-го часа мы оставили дворецъ, ровно въ 7 часовъ посѣтили Казанскую церковь. При проѣздѣ великаго князя по улицамъ, народу было множество, великій князь кланялся на обѣ стороны, всѣ ему усердно кланялись и, сколько по лицамъ замѣтить можно было, отъ души желали ему всего хорошаго. Въ 8^{1/2} часовъ мы пріѣхали въ Царское Село и расположились внизу въ нашихъ комнатахъ. Великій князь ужиналъ съ ихъ величествами. Графъ Вельгорскій и Паткуль, въ сопровожденіи г. Жилля и капитана Юрьевича, принадлежать къ свитѣ графа Моденя, а также фрейлины княжна Урусова и графиня Софія Моденя оставляютъ Петербургъ только 26-го.

Великій князь велъ себя хорошо, но въ ожиданіи отъѣзда чрезвычайно суетился и ничѣмъ не могъ заняться вслѣдствіе необыкновеннаго безпокойства.

[Продолженіе слѣдуетъ].

¹⁾ Петръ Федоровичъ Соколовъ, основатель портретной акварельной живописи въ Россіи. Очеркъ его жизни (р. 1787 г., † 1848 г.) и художественной дѣятельности помѣщенъ въ „Русской Старинѣ“ изд. 1882 г., т. XXXIII, стр. 637—646. Портретъ П. Ф. Соколова имѣется у насъ въ гелиографическомъ снимкѣ съ оригинала, исполненнаго Брюловымъ, отпечатанъ и будетъ приложенъ къ одной изъ книгъ „Русской Старинѣ“. Ред.

ВЛАДИМІРЪ ИВАНОВИЧЪ НАЗИМОВЪ.

Очеркъ изъ новѣйшей лѣтописи сѣверо-западной Россіи.

VII ¹⁾.

Въ доказательство невѣрнаго и безъосновательнаго заключенія графа Муравьева о дѣятельности В. И. Назимова и о знаніи имъ не только вѣреннаго ему края, но и многоаго, что творилось въ Петербургѣ по отношенію къ этому краю и въ угоду польскимъ патріотамъ, мы позволяемъ себѣ, вмѣсто голословныхъ разсужденій, сообщить копію письма Владиміра Ивановича къ шефу жандармовъ князю В. А. Долгорукову отъ 11 августа 1861 года. Вотъ оно:

«Милостивый государь, князь Василій Андреевичъ! Получаемыя мною разными путями свѣдѣнія возбуждаютъ подозрѣніе о существованіи въ Петербургѣ многочисленной и вліятельной партіи людей злонамѣренныхъ, стремящихся къ ниспроверженію законной власти и существующаго государственнаго порядка. Нынѣ я вновь получилъ одно изъ такихъ сообщеній, которое еще болѣе подтверждаетъ мои предположенія, и потому поспѣшаю препроводить таковое въ подлинникѣ къ вашему сіятельству съ тѣмъ, не угодно ли вамъ будетъ представить этотъ документъ на благовозрѣніе государя императора.

«Не смотря на заглавіе прилагаемаго листка, едва ли можно сомнѣваться, что его текстъ составленъ однимъ изъ поборниковъ польской sprawy, ибо въ противномъ случаѣ онъ не отличался бы такимъ рѣзкимъ осужденіемъ принимаемыхъ въ настоящее время мѣръ строгости, вызванныхъ крайнею необходимостью и ведущихъ къ возстановленію нарушеннаго порядка.

«Такъ какъ вашему сіятельству извѣстно, что къ возбужденію и развитію движенія умовъ польскихъ патріотовъ дѣятельнѣйшее участіе

¹⁾ См. „Русскую Старину“ изд. 1886 г., т. XLV, февраль, стр. 385—410.

проявляется со стороны римско-католическаго духовенства, школьной молодежи и мелкой шляхты, искусственными маневрами которой вовлекаются и другія сословія, то не благоволите ли обратить вниманіе на уроженцевъ западныхъ губерній и Царства Польскаго, наполняющихъ всѣ учебныя заведенія и министерства въ столицѣ, какъ на людей сомнительной благонадежности. Въ какой степени они пользуются довѣріемъ своего начальства—мнѣ неизвѣстно, могу только заявить, что вліяніе этихъ людей въ Петербургѣ къ ослабленію предпринимаемыхъ правительствомъ мѣръ къ подавленію беспорядковъ—здѣсь весьма осязательно, ибо не только общія распоряженія, относящіяся до Западнаго края, но и секретныя записки, съ изложенными въ нихъ соображеніями по дѣламъ польскимъ, распространяются въ дословныхъ копіяхъ между здѣшнимъ дворянствомъ, имѣющимъ въ столицѣ своихъ друзей и родственниковъ либо въ школахъ, либо на государственной службѣ.

«Рѣшительныя и энергическія мѣры, принятыя мною съ объявленіемъ военнаго положенія, имѣли повидимому желанный успѣхъ, ибо съ того времени водворилось наружное спокойствіе и порядокъ; но съ тѣмъ вмѣстѣ въ Петербургѣ меня стали упрекать въ слишкомъ крутомъ поворотѣ административнаго режима и въ несообразныхъ съ обстоятельствами и степенью проступковъ взысканіями. Но я твердо стою на своемъ, будучи увѣренъ, что система «сдѣлокъ» между правительствомъ и населеніемъ края, основанная на взаимныхъ уступкахъ, ведетъ только къ уничтоженію достоинства и чести правительства и оно въ глазахъ народа теряетъ постепенно свой авторитетъ. Все это мы видѣли въ Царствѣ Польскомъ: кроткія мѣры и потворство мѣстныхъ властей въ отношеніи агрономическаго общества ободрило его, и оно привлекло на свою сторону все помѣстное дворянство, за которымъ послѣдовали мѣщане и евреи, а если сельскіе обыватели, составлявшіе до сихъ поръ исключеніе, примкнутъ къ этому потоку, тогда необходимо будетъ либо уступить этимъ совокупнымъ силамъ и отказаться отъ правъ на страну, либо же возстановить правительственную власть съ оружіемъ въ рукахъ, покоряя отдѣльно каждую пядь земли, каждое селеніе и мѣстечко, въ которомъ обыватели до того времени оскорбляли агентовъ законнаго правительства, кидая въ нихъ каменьями и грязью.

«Соображенія эти побудили меня объявить пѣкоторые мѣстности вѣрннаго мнѣ края на военномъ положеніи и дѣйствовать безъ всякихъ послабленій, во избѣжаніе печальныхъ явленій, сопровождающихъ открытую войну.

«Прилагаю еще, для собственнаго свѣдѣнія вашего сіятельства, два письма, только что полученныя изъ Варшавы: одно отъ генерала Кут-

цынскаго ко мнѣ, а другое къ генералу Абрамовичу отъ его знакомаго. Изъ этихъ писемъ вы можете узнать въ какомъ печальномъ положеніи находится Привислянскій край. Съ истиннымъ почтеніемъ, и проч. В. Назимовъ».

Письмо это нагляднымъ образомъ опровергаетъ сложившееся о Владимірѣ Ивановичѣ мнѣніе, будто онъ въ то смутное время, какъ человѣкъ слабый, не способенъ былъ вести успѣшно борьбу съ революціонными наклонностями разнузданнаго шляхетства. Онъ не только понималъ хорошо значеніе событій, совершавшихся передъ его глазами, но и обладалъ достаточною энергіею, чтобы бороться съ сильнымъ и хитрымъ врагомъ; и если результаты его административной дѣятельности оказались безплодными, то причину этой неудачи надо искать въ неподвѣдомственныхъ ему сферахъ, гдѣ польская интрига свила себѣ безопасное гнѣздо и пользовалась поддержкой вліятельныхъ лицъ. Ниже приводимый эпизодъ можетъ послужить тому типичною иллюстраціею.

Объявленіе нѣкоторыхъ мѣстностей литовскихъ губерній на военномъ положеніи ¹⁾ и крутыя мѣры, принятыя Назимовымъ въ отношеніи лицъ, оказавшихся виновными въ противузаконныхъ манифестаціяхъ и подстрекательствахъ къ революціонному движенію, имѣли ближайшимъ послѣдствіемъ обвиненіе Владиміра Ивановича ²⁾ въ неумѣныи привлечь на сторону правительства вліятельные и консервативные элементы страны, то есть тѣ сословія, которыя по своему умственному развитію, имущественному положенію и родовымъ преданіямъ не могли сочувствовать революціонному движенію демократическаго характера, какъ грозящему имъ утратою навсегда того господствующаго положенія, которое они исконно занимали. Подкрѣпляя свое обвиненіе ссылкой на Тарговицкую конфедерацію (1792 г.), руководители которой были ревностными сторонниками политики и видовъ императрицы Екатерины II, выставляя въ примѣръ подражанія административную тактику намѣстника въ Царствѣ князя М. Д. Горчакова, признающаго всякія строгости и репрессаліи мѣрами не только бесполезными, но и вредными, польская интрига ³⁾ достигла въ Петербургѣ того, что для провѣрки свѣдѣній о положеніи края, доставляемыхъ въ столицу Назимовымъ, и для изслѣдованія причинъ общаго нареканія польскаго шляхетства на дѣятельность мѣстной администраціи былъ командированъ

¹⁾ 22-го августа 1861 года.

²⁾ Графомъ Старжинскимъ.

³⁾ Въ лицѣ графа Старжинскаго. См. Свѣдѣнія о польскомъ мятежѣ—В. О. Ратча. Вильно, изд. 1867 г., стр. 142—143.

въ Вильно состоящій при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ для особыхъ порученій статскій совѣтникъ А. Б. Стороженко, подѣ благовиднымъ предлогомъ отысканія нѣкоторыхъ актовъ объ уни. Мотивъ этой командировки не ввелъ Назимова въ заблужденіе на счетъ дѣйствительной цѣли прїѣзда въ край довѣреннаго лица, потому что, благодаря трудамъ Н. Н. Бантышъ-Каменскаго и профессора М. О. Кояловича, изъ которыхъ первые появились въ печати въ 1795 году, а послѣдніе въ 1866 году, всѣ акты объ уни были давно извѣстны не только Владиміру Ивановичу, знавшему основательно исторію вѣреннаго ему края, но и всѣмъ тѣмъ, кто интересовался судьбами этой порубежной страны нашего государства, за исключеніемъ, какъ надо полагать, однихъ только составителей порученія, возложеннаго на Стороженку. Затѣмъ, недѣли двѣ спустя (12-го сентября 1861 г.), министръ сообщилъ Назимову, что, по высочайшему повелѣнію, гродненскій губернаторъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ Шпейеръ, увольняется отъ должности съ причисленіемъ къ министерству, не объясняя при томъ мотивовъ такого внезапнаго отчисленія. Это обстоятельство до крайности смутило Владиміра Ивановича, ибо по заведенному порядку, весьма резонному и издавно практиковавшемуся, отчисленіе отъ должности чиновниковъ, состоящихъ на службѣ въ губерніяхъ, подвѣдомственныхъ генераль-губернатору, совершалось не иначе, какъ по предварительномъ соглашеніи съ симъ послѣднимъ и по объясненіи причинъ, оправдывающихъ такую мѣру. Наконецъ, одновременно съ тѣмъ, а именно—11-го сентября того-же 1861 г., вслѣдствіе заявленія министерства внутреннихъ дѣлъ о несвоевременномъ будто-бы доставленіи ему виленскимъ генераль-губернаторомъ свѣдѣній о своихъ распоряженіяхъ, государь императоръ изволилъ поставить на видъ Владиміру Ивановичу это его упущеніе.

Рядъ такихъ прискорбныхъ явленій указывалъ ясно на желаніе министерства дискредитировать Назимова не только въ мнѣніи монарха, но и въ глазахъ всего края,—и этимъ способомъ понудить его оставить свой постъ. Но вышло иначе: при содѣйствіи бывшаго тогда шефомъ жандармовъ князя В. А. Долгорукова, Владиміръ Ивановичъ представилъ на благовозрѣніе государя фактическія доказательства неосновательности взводимыхъ на него обвиненій и вредныхъ послѣдствій политики министерства, подрывающей авторитетъ мѣстной администраціи въ глазахъ революціонныхъ элементовъ, волнующихъ край. Результатомъ этихъ обличеній было то, что его величество призналъ дѣйствія министерства неосновательными, вслѣдствіе чего оно было поставлено въ необходимость — формально повиниться передъ Влад. Ив. Назимовымъ, что и было выражено г. министромъ въ собствен-

поручномъ письмѣ его къ Владиміру Ивановичу отъ 27-го октября 1861 года.

При такой загадочной политикѣ тогдашнихъ петербургскихъ властей, весьма понятно, что Назимовъ не имѣлъ никакой возможности возстановить спокойствіе и порядокъ въ краѣ, толкаемомъ и своими (быть можетъ не вполне сознательно), и чужими въ объятія автономной Польши, отлагающейся отъ всероссійской короны; и справедливо-ли будетъ строго осуждать обывателей этого злополучнаго края за то, что они сочувствовали волненіямъ, предвѣщавшимъ въ близкомъ будущемъ осуществленіе ихъ завѣтныхъ и пламенныхъ надеждъ, усыпленныхъ крутыми мѣрами императора Николая, казавшимися повидимому столь долговѣчными! Если М. Н. Муравьевъ, облеченный диктаторскою властью, дозволявшею ему распоряжаться свободно, по усмотрѣнію, имуществомъ и жизнью обывателей подвѣдомственнаго ему края, безъ предварительнаго одобренія принимаемыхъ имъ мѣръ со стороны высшихъ инстанцій, если онъ самъ заявляетъ въ своихъ Запискахъ ¹⁾, «что изъ трехъ враговъ: польскаго мятежа, петербургскаго правительства и варшавской администраціи, самая трудная для него борьба была съ двумя послѣдними»; если такъ говорилъ Михаилъ Николаевичъ, послѣ того, какъ министры — военный, государственныхъ имуществъ, шефъ жандармовъ и, наконецъ, министръ внутреннихъ дѣлъ прилагали всѣ старанія, чтобы сдѣлать ему угодное и слѣшили удовлетворять его требованія, за что послѣдній получилъ отъ Муравьева письменную благодарность, то чего-же можно было требовать отъ Назимова, не имѣвшаго ни власти, ни поддержки въ столицѣ, ни денегъ въ своемъ распоряженіи, которыя Муравьевъ считалъ милліонами.

VIII.

Чтобы еще болѣе раскрыть передъ читателями ту сѣть интригъ, которыми былъ окруженъ Владиміръ Ивановичъ Назимовъ въ послѣдніе годы своего управленія краемъ и съ которыми выпала ему тяжелая доля бороться большею частью безуспѣшно, по причинѣ противудѣйствія въ высшихъ петербургскихъ сферахъ,—мы считаемъ не лишнимъ посвятить нѣсколько страницъ очерку агитаторской дѣятельности графа Старжинскаго, бывшаго во время послѣдняго польскаго мятежа гродненскимъ губернскимъ предводителемъ дворянства, о которомъ и М. Н. Муравьевъ упоминаетъ довольно подробно въ своихъ Запискахъ.

¹⁾ См. „Русская Старина“, ноябрь 1882 г., стр. 414.

Графъ Викторъ Старжинскій, другъ и пріятель зятя князя Адама Чарторійскаго—графа Андрея Замойскаго, и ревностный сторонникъ политики Ламбертова отела, былъ наиболѣе виднымъ и ловкимъ руководителемъ польской sprawy въ сѣверо-западномъ краѣ. Для проведенія завѣтной программы главы польской эмиграціи, какою партія «бѣлыхъ»—признавала князя Адама, трудно было принскать болѣе подходящаго человѣка. По окончаніи курса наукъ въ фрейбергской коллегіи отцевъ іезуитовъ, гдѣ графъ Старжинскій завершилъ блестящее свѣтское образованіе, данное ему въ родительскомъ домѣ, онъ возвратился на родину и вслѣдъ за тѣмъ отправился въ Петербургъ для устройства какихъ-то семейныхъ дѣлъ, или веденія процесса. Во время пребыванія въ нашей сѣверной столицѣ, молодому Старжинскому представилась возможность составить обширныя связи и знакомства въ средѣ русскаго аристократическаго общества, а господствовавшее тогда воинственное настроеніе столичной молодежи, въ особенности же гвардейцевъ, поощряемое императоромъ Николаемъ, побудило Старжинскаго, по окончаніи своихъ дѣлъ, поступить въ 1846 г. на службу юнкеромъ въ одинъ изъ драгунскихъ полковъ; но впоследствии, будучи уже въ чинѣ штабсъ-капитана и увлеченный сердечною привязанностью, онъ безъ разрѣшенія начальства уѣхалъ въ Италію и тамъ женился на предметѣ своей страсти, за что и былъ разжалованъ въ солдаты и зачисленъ въ Гребенскій линейный полкъ, расположенный на Кавказѣ. Полная приключеній и разнообразія служба въ кавказскихъ войскахъ, отсутствіе педантизма и мелочныхъ моралковъ, удручавшихъ гвардейскихъ офицеровъ, его бывшихъ пріятелей, наконецъ—веселая и беззаботная жизнь въ обществѣ удалыхъ товарищей, не помышлявшихъ о завтрашнемъ днѣ, все это пришлось какъ нельзя болѣе по сердцу графу Старжинскому и удержало его въ рядахъ кавказской арміи до конца крымской войны, а затѣмъ въ 1856 г. онъ оставилъ службу въ чинѣ сотника и возвратился домой со славою отличнаго боевого офицера, украшеннаго орденомъ св. Георгія за подвиги на полѣ брани въ неоднократныхъ стычкахъ съ кавказскими горцами.

Такова была первоначальная карьера и житейская школа гродненскаго губернскаго предводителя дворянства, про котораго нѣсколько времени спустя одинъ изъ нашихъ наиболѣе вліятельныхъ высшихъ чиновниковъ, питавшій къ нему нѣкоторую симпатію и даже нѣкоторое время принимавшій къ свѣдѣнію его политическія бредни, въ своемъ письмѣ къ В. И. Назимову отъ 17-го января 1869 года выражался такъ: «графъ Старжинскій—человѣкъ безспорно умный, даровитый, честолюбивый, но хитрый; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ обладаетъ изящными

общественными формами, которыя не всегда встрѣчаются въ одинаковомъ развитіи въ гг. предводителяхъ. Его способности и притязанія значительны, но матеріальныя средства, повидимому, довольно ограничены, и это стѣсняетъ кругъ его дѣйствій. Онъ въ душѣ—полякъ, но не вѣритъ безусловно въ успѣхъ польскихъ замысловъ въ Литвѣ и насчетъ Литвы. Во время пребыванія его въ Москвѣ, гдѣ онъ объяснялся преимущественно по французски, было замѣчено (государемъ), что графъ Старжинскій выражается правильнѣе или безукоризненнѣе на словахъ, чѣмъ на бумагѣ». Аттестуя такимъ образомъ своего «protégé», означенный сановникъ не подозрѣвалъ, конечно, что въ то время Старжинскій уже готовилъ себя къ занятію вакантной должности главнокомандующаго всѣми отрядами повстанцевъ, скитавшихся въ дремучихъ лѣсахъ Гродненской губерніи ¹⁾).

Мы сочли нужнымъ очертить рельефнѣе типичную личность графа Старжинскаго, чтобы объяснить сколько нибудь непонятную многимъ причину вниманія и довѣрія, которыми этотъ вождь польской sprawy въ литовскихъ губерніяхъ пользовался въ высшихъ сферахъ петербургскаго общества, не смотря на то, что генераль-губернаторъ неоднократно указывалъ на него какъ на дерзкаго и вреднаго политическаго агитатора. Но въ нашей столицѣ разсуждали иначе: тамъ на него смотрѣли какъ на человѣка наиболѣе способнаго удержать на сторонѣ законной власти консервативные элементы страны, то есть помѣстное дворянство, составлявшее во всѣ времена самую многочисленную и вліятельную партію, а при ея содѣйствіи положить предѣлъ бурному движенію демократическихъ и анархическихъ элементовъ, способныхъ только разрушать, а не созидать порядки, безъ которыхъ немислимо существованіе какого бы то ни было государства. Къ сожалѣнію, комбинаціи петербургскихъ благожелателей графа были весьма ошибочны, потому что, съ уничтоженіемъ крѣпостнаго права, помѣстное дворянство утратило свою силу и кредитъ въ глазахъ безземельной шляхты и буржуазіи, а при такихъ условіяхъ уступки нашего правительства не гарантировали бы за нимъ желанныхъ результатовъ.

По плану Ламбертова отеля, составленному, вѣроятно, одновременно съ первыми манифестациями въ Варшавѣ, задача, возложенная на графа Старжинскаго, состояла въ томъ, чтобы, не затрогивая вопроса о слияніи Западнаго края съ «конгрессушкою», какъ весьма щекотливаго и, по выраженію маркиза Велепольскаго, состоящаго только вопросомъ времени ²⁾, добиться сперва нѣкотораго обособленія этого

¹⁾ См. В. О. Ратчъ — Свѣдѣнія о польскомъ мятежѣ. Вильна. 1867 г., стр. 260.

²⁾ См. Записки Н. В. Берга о польскихъ возстаніяхъ. Стр. 256.

края путемъ возвращенія ему тѣхъ учреждений и порядковъ, которыми онъ пользовался въ царствованіе Александра I-го, а съ тѣмъ вмѣстѣ предоставить ему развиваться на строго легальной почвѣ, при равноправности религіозныхъ вѣрованій и разнородныхъ этнографическихъ элементовъ, населяющихъ край,—и все подъ эгидою верховной власти монарха и петербургскаго правительства,—требованіе, повидному, довольно скромное, но при благопріятныхъ обстоятельствахъ гарантирующее, въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ, прочное слияніе этого края съ автономнымъ Царствомъ Польскимъ.

На эту тему графъ Старжинскій усердно составлялъ разныя записки и проекты, рекомендуя ихъ какъ единственный способъ примиренія и возстановленія прочнаго порядка въ странѣ; но замѣтивъ неподатливость мѣстной администраціи и въ особенности главнаго начальника края, который не только не соблазнялся продуктами его пера и дилектики, но и признавалъ ихъ зловредными и пустыми бреднями, а его самого—опаснымъ агитаторомъ,—Старжинскій прервалъ свои дипломатическіе переговоры съ генераль-губернаторомъ В. П. Назимовымъ и вступилъ въ непосредственныя сношенія съ высшими петербургскими сферами, признавая ихъ почему-то болѣе способными оцѣнить высокое достоинство предлагаемыхъ имъ благотворныхъ мѣръ.

Въ первое время попытки Старжинскаго добиться чегонибудь въ нашей столицѣ потерпѣли полное фiasco: такимъ образомъ записка неугомоннаго графа, поданная министру народнаго просвѣщенія, съ ходатайствомъ о разрѣшеніи ему издавать въ Вильнѣ сельско-экономическій журналъ на польскомъ языкѣ, осталась безъ удовлетворенія, такъ какъ было признано (май 1862 г.) неудобнымъ допустить въ край съ преобладающимъ большинствомъ населенія, еще не окрѣпшаго въ своей гражданственности, но желающаго сохранить свою національность, распространеніе такихъ произведеній печати, которыя способствовали бы усвоенію этимъ классомъ обывателей страны началъ польской цивилизаціи. Такая же участь постигла и другую записку графа Старжинскаго, поданную имъ министру внутреннихъ дѣлъ,—о разрѣшеніи ему, совмѣстно съ нѣкоторыми крупными литовскими помѣщиками, учредить въ Вильнѣ кредитное общество, о чемъ, какъ мы увидимъ ниже, было упоминаемо въ иностранныхъ газетахъ.

Въ полной увѣренности, что въ виду постоянно возрастающихъ революціонныхъ замѣшательствъ въ Варшавѣ, предвѣщавшихъ приближеніе грозной бури, лукавые происки Старжинскаго встрѣтятъ повсюду отпоръ, Назимовъ не имѣлъ никакого основанія слѣдить за дѣйствіями графа въ столицѣ и оставилъ его въ покоѣ; между тѣмъ, въ концѣ декабря 1862 года, слѣдовательно вскорѣ послѣ минскихъ выборовъ,

на которыхъ помѣстное дворянство дерзновенно занесло въ протоколъ намѣреніе подать адресъ государю о присоединеніи Минской губерніи къ Царству Польскому,—до свѣдѣнія Владиміра Ивановича дошло, будто бы одинъ изъ высшихъ петербургскихъ чиновниковъ, находясь подъ обаятельнымъ вліяніемъ графа Старжинскаго, одновременно и въ одномъ съ нимъ вагонѣ отправился въ Москву, гдѣ въ то время находился государь императоръ, и тамъ доставилъ ему честь быть приглашеннымъ ко двору и возможность поднести его величеству какую-то записку о способахъ разрѣшенія польскаго вопроса въ литовскихъ губерніяхъ, которая была принята государемъ и одобрена въ принципѣ; что, кромѣ сего, графъ Старжинскій удостоился представленія государынѣ императрицѣ, изволившей оказать ему благосклонное вниманіе и, наконецъ, получивъ порученіе представить копію своей записки намѣстнику въ Царствѣ Польскомъ, Старжинскій поспѣшно отправился съ нею въ Варшаву, не останавливаясь на пути ни въ Вильнѣ, ни въ Гроднѣ¹⁾.

Этотъ слухъ до крайности озадачилъ Владиміра Ивановича, при-
выкшаго видѣть себя, по заведенному и весьма разумному порядку, постояннымъ участникомъ высшаго правительства въ обсужденіи дѣлъ, касающихся вѣрннаго ему края, а потому онъ поспѣшилъ сообщить объ этомъ слухѣ министру, съ просьбою—разъяснить ему эту, какъ ему казалось, мистификацію, а въ случаѣ, если бы слухъ о поднесеніи государю записки Старжинскаго оказался справедливымъ, то—доставить ему возможность ознакомиться съ ея содержаніемъ, посредствомъ присылки копіи оной. Недолго пришлось ожидать Назимову отвѣта. Изъ собственноручнаго пространнаго письма бывшаго министра отъ 17-го января 1863 года, въ которомъ подробно излагались похождения представителя польскаго шляхетства въ нашихъ двухъ столицахъ, Владиміръ Ивановичъ съ изумленіемъ узналъ, что дошедшіе до него слухи вполнѣ основательны, за исключеніемъ порученія Старжинскому представить свою меморію намѣстнику, а велѣдъ за тѣмъ была сообщена Назимову и копія докладной записки Старжинскаго съ весьма мудрыми и справедливыми на ней замѣчаниями и помѣтками въ Божѣ почившаго Государя Императора²⁾.

¹⁾ Похождения графа Старжинскаго въ Петербургъ и въ Москвѣ описаны весьма вѣрно графомъ М. Н. Муравьевымъ на страницахъ „Русской Старины“, ноябрь 1882 г., стр. 412—413.

²⁾ Римско-католическое духовенство взглянуло на патріотическій подвигъ графа Старжинскаго съ иной точки зрѣнія, и докладная записка графа, какъ противурѣчающая будто-бы исторической правдѣ и вообще не разрѣшающая вопроса въ удовлетворительномъ смыслѣ, подверглась суровому осужденію.

Не задаваясь обсужденіемъ вопроса: политично ли и прилично ли было способствовать графу Старжинскому въ предложеніи комбинаціи, придуманной іезуитами, для обезпеченія польскихъ посягательствъ на Западный край, безъ убѣжденія при томъ, что этотъ новый Конрадъ Валленродъ обладаетъ средствами уговорить своихъ раскодившихся соотечественниковъ, мы обращаемъ вниманіе на этотъ оригинальный эпизодъ, какъ на доказательство того, какъ мало въ то время заботилось петербургское общество о поддержаніи авторитета законной власти въ провинціяхъ, взволнованныхъ революционными агитаторами, и какъ трудно было этой законной власти заставить себя уважать при открытіи оппозиціонной сторонѣ возможности проводить свои планы окольными путями и помимо ея.

На этомъ мы останавливаемся, не исчерпавши еще запасовъ нашего портфеля по части козней и интригъ, съ которыми Назимову приходилось бороться въ тѣ смутныя времена, когда польскія дѣла заслонились отъ взоровъ русскихъ людей густымъ туманомъ. Помимо общія дѣла по управленію обширною странюю, требовавшихъ напряженнаго вниманія и дѣятельности, вслѣдствіе совершавшихся въ ней великихъ реформъ, онъ тратилъ не мало времени, энергіи и труда на охраненіе вѣрннаго ему края отъ пагубныхъ для него теченій изъ того центра, гдѣ менѣе всего можно было ожидать ихъ зарожденія. Ему приходилось отбиваться одновременно и отъ чужихъ, и отъ своихъ, а потому—сто разъ былъ правъ Муравьевъ, сказавши, что «если Назимову многое не удавалось, то это только потому, что ему не оказывали должной поддержки»¹⁾—добавимъ отъ себя: ни дѣломъ—въ видѣ снабженія Назимова нужными для веденія борьбы средствами, то-есть русскими интеллигентными людьми и капиталами, ни словомъ—въ формѣ произведеній періодической печати, обличающей козни и интриги нашихъ враговъ,—или въ видѣ сочувственныхъ и одобрительныхъ адресовъ, хотя и осуждаемыхъ въ то время министерствомъ внутреннихъ дѣлъ²⁾, но тѣмъ не менѣе охладившихъ воинственный задоръ заграничной печати и европейскихъ кабинетовъ,—либо же въ видѣ историческихъ монографій, знакомящихъ общество съ темными періодами жизни народовъ, заселяющихъ нашъ Западный край,—однимъ словомъ всѣмъ тѣмъ, чѣмъ впослѣдствіи пользовался графъ Муравьевъ безъ всякихъ хлопотъ.

Записка эта и замѣчанія на оную, приписываемыя перу бывшего вилнайскаго епископа Красинскаго, помѣщены въ приложеніи къ настоящей статьѣ

¹⁾ См. „Русская Старина“, ноябрь 1882 г., стр. 390.

²⁾ См. циркулярныя предложенія министра внутреннихъ дѣлъ губернамъ—13-го ноября 1862 г., № 3133.

IX.

Въ виду лежащихъ передъ нами документовъ, мы можемъ положительно сказать, что В. И. Назимовъ не принадлежалъ къ числу тѣхъ фронтowychъ генераловъ, которые, стяжавъ себѣ репутацію отличныхъ инструкторовъ по военному вѣдомству, попадали прямо въ генераль-губернаторы на совершенно незнакомое имъ поприще, гдѣ, за неимѣніемъ подходящихъ элементовъ, они принимались муштровать гражданскихъ чиновъ и подвѣдомственные имъ административныя учреждения по правиламъ устава о гарнизонной службѣ, не допускающаго подчиненнымъ «свое сужденіе имѣть»,—или возражать начальству.

Въ ноябрѣ 1840 года, будучи еще въ чинѣ полковника и флигель-адъютанта, Назимовъ, по высочайшему повелѣнію, былъ назначенъ председателемъ слѣдственной комисіи въ Вильнѣ по дѣлу о тайномъ революціонномъ обществѣ, возникшемъ вскорѣ послѣ казни извѣстнаго польскаго эмиссара Симеона Конарскаго. Это была, такъ сказать, первая школа житейской и административно-судебной практики Владимира Ивановича, въ которой онъ ознакомился съ краемъ, характеромъ его населенія, хорошими и дурными наклонностями человѣческой природы, и гдѣ онъ испыталъ на себѣ силу коварной интриги. Дѣло это по своимъ грандіознымъ размѣрамъ, сложности, запутанности, огромному числу арестованныхъ и прикосновенныхъ къ оному, а главное — вслѣдствіе противузаконныхъ и пристрастныхъ дѣйствій нѣкоторыхъ членовъ комисіи, требовало со стороны председателя, кромѣ усидчиваго труда, много проницательности, здраваго смысла и твердой воли, чтобы, при недостаткѣ опытности въ слѣдственномъ производствѣ, не обратиться въ слѣпое орудіе своихъ сотрудниковъ, людей весьма ловкихъ, но далеко не добросовѣстныхъ.

При усердномъ и разумномъ содѣйствіи полковника Ломачевскаго, единственнаго благонадежнаго и честнаго члена председательстваемой Назимовымъ комисіи, ему удалось вскорѣ обнаружить такіе подлоги и подтасовку фактовъ и обстоятельствъ, что виновность лицъ, содержащихся подъ стражею и прикосновенныхъ къ этому политическому дѣлу, представлялась болѣе, чѣмъ сомнительною. Обстоятельство это до крайности смутило тогдашняго генераль-губернатора Мирковича, который до того, въ донесеніяхъ своихъ государю императору, постоянно подтверждалъ фактъ существованія въ Вильнѣ тайнаго политическаго общества и заговора противъ правительства. Находясь подъ вліяніемъ членовъ комисій, враждебныхъ Назимову за разоблаченія ихъ преступной дѣятельности, и опасаясь дурныхъ послѣдствій какъ лично для

себя, такъ и для тѣхъ, которымъ до сихъ поръ онъ вѣрилъ безусловно, Мирковичъ, выставляя на видъ неудобства возникшаго между нимъ и Назимовымъ разномыслия и недоразумѣній, рѣшился просить объ отозваніи сего послѣдняго въ С.-Петербургъ и о назначеніи на его мѣсто другого предсѣдателя.

Ходатайство Мирковича было уважено: предсѣдателемъ комисіи былъ назначенъ генераль-адъютантъ А. А. Кавелинъ, а Назимовъ, который въ борьбѣ съ генераль-губернаторомъ за правду поставилъ на карту свою служебную карьеру и навлекъ на себя гнѣвъ государя, остался въ комисіи въ качествѣ простого члена.

Пять мѣсяцевъ спустя, генераль-адъютантъ Кавелинъ, окончивъ исполнѣ слѣдственное производство въ новомъ составѣ членовъ комисіи, установилъ фактически, что никакого тайнаго политическаго общества и заговора противъ правительства, съ участіемъ въ немъ офицеровъ расположенныхъ въ Вильнѣ войскъ, не существуетъ, что въ своихъ дѣйствіяхъ и заключеніяхъ Назимовъ былъ совершенно правъ, а генераль-губернаторъ Мирковичъ, обманутый своими безсовѣстными подчиненными, ввелъ въ заблужденіе государя императора.

Весьма, поэтому, понятно, что, при такой счастливой развязкѣ виленской драмы, и послѣ освобожденія изъ заключенія множества мнимо-виновныхъ, Кавелинъ и Назимовъ—сдѣлались кумирами виленскаго общества и обывателей цѣлаго края. И государь императоръ, въ свою очередь, заявилъ свое монаршее благоволеніе добросовѣстнымъ и усерднымъ исполнителямъ его повелѣній, удостоивъ генераль-адъютанта Кавелина весьма лестнаго высочайшаго рескрипта и цѣннаго подарка, а Назимова наградивъ чиномъ генераль-майора.

Въ періодъ почти двухлѣтняго пребыванія своего въ Вильнѣ по занятіямъ въ комисіи, а потомъ, начиная съ февраля 1856 года, когда тотъ же самый Назимовъ былъ назначенъ генераль-губернаторомъ Сѣверо-Западнаго края, онъ затратилъ много времени и труда на изученіе исторіи Польши и особенностей характера польскаго дворянства въ западныхъ губерніяхъ имперіи, что въ то время, при отсутствіи въ нашей литературѣ историческихъ монографій о судьбахъ этихъ областей за послѣднее столѣтіе, представляло много затрудненій. За всѣмъ тѣмъ, при содѣйствіи такихъ знатоковъ исторіи западныхъ губерній и природы польскаго шляхетства, какъ Александръ Одынецъ, Игнатій Ходзько, графъ Евстафій Тышкевичъ, Адамъ Киркоръ и послѣдній профессоръ исторіи въ виленскомъ университетѣ Павелъ Васильевичъ Кукольникъ, съ которыми Назимовъ постоянно бесѣдовалъ, онъ обогатилъ себя солидными познаніями въ области вопросовъ, относящихся до вѣреннаго ему края и его обывателей, чему между

прочимъ способствовала Назимову его любознательность, счастливая память и природный здравый смыслъ. Такимъ образомъ, еще задолго до первыхъ манифестацій въ Варшавѣ, Назимовъ зналъ основательно край, ввѣренный его управленію, зналъ людей, съ которыми ему пришлось впоследствии воевать, и зналъ тѣ туманныя и таинственныя дѣли, къ достиженію которыхъ они такъ пламенно стремились.

Х.

Разсуждая о причинахъ печальнаго положенія русскаго дѣла въ нашихъ западныхъ губерніяхъ и представляя его такимъ, какимъ оно было еще въ концѣ 1820-хъ годовъ, осуждая дѣйствія прежнихъ начальниковъ этого края: князя Хованскаго, генераль-адъютанта Дьякова, князя Долгорукова, виленскаго Бибикова, и наконецъ Назимова, М. Н. Муравьевъ говоритъ, что «правительство въ теченіи послѣднихъ 30-ти лѣтъ не только не принимало никакихъ мѣръ — къ уничтоженію въ краѣ польской пропаганды, но напротивъ того, по крайнему неразумнѣнію мѣстныхъ главныхъ правителей, давало всѣ средства къ развитію польскаго элемента въ краѣ, уничтожая всѣ бывшіе зародыши русскаго начала ¹⁾».

Приговоръ строгій, и отчасти не безъосновательный,—но въ устахъ графа Михаила Николаевича для насъ положительно непонятный. Онъ лично, сперва въ роли магилевскаго, а потомъ—гродненскаго губернатора, представлялъ собою весьма крупный и авторитетный органъ того самаго правительства, которое теперь (въ 1866 г.) порицаетъ. Затѣмъ, впоследствии, во весь періодъ своей долговременной службы, будучи сенаторомъ, министромъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ и членомъ государственнаго совѣта, комитета министровъ, и разныхъ другихъ комитетовъ съ министрами, онъ вмѣлъ не рѣдко случай и возможность проводить мысль о необходимости начертанія какой-нибудь разумной и практичной программы для нашей внутренней политики въ ополяченномъ краѣ, причемъ, безъ сомнѣнія, его репутація какъ знатока польскихъ дѣлъ, какимъ онъ былъ въ дѣйствительности, побудила-бы его сочленовъ обратить вниманіе на благія его указанія и стремиться къ ихъ осуществленію; однако-же, почему-то Михаилъ Николаевичъ ничего подобнаго не сдѣлалъ? Ясно, что было «что-то такое», заставлявшее его безмолвствовать и взирать равнодушно на происходящую въ этомъ краѣ неурядицу и, по всей вѣроятности, то же самое «что-то такое» было причиною пассивной и безцвѣтной дѣятельности осуж-

¹⁾ См. „Русская Старина“, ноябрь 1882 г., стр. 424.

даемыхъ имъ генераль-губернаторовъ. Съ другой стороны, рѣчь Михаила Николаевича, обращенная къ помѣстному дворянству Гродненской губерніи по случаю казни Волловича, въ которой, между прочимъ, было сказано: «я не изъ тѣхъ Муравьевыхъ, которыхъ вѣшаютъ, а изъ тѣхъ, которые вѣшаютъ», даетъ основанія думать, что Михаилъ Николаевичъ былъ сторонникомъ той системы борьбы съ духовными элементами культурнаго общества страны, которая, какъ то оказалось впоследствии, разрѣшилась не въ пользу «грубой матеріальной силы»; слѣдовательно, графъ ошибался, полагая, что этими «грозными словами» можно затормозить дѣятельность шляхетства, столь вредную для интересовъ государства. И дѣйствительно, какъ прежде, такъ и послѣ катастрофы съ Волловичемъ, шляхетство, пользуясь своими привилегіями, охраняемыми правительствомъ въ лицѣ своего губернатора, продолжало «легальнымъ» образомъ колонизировать и обращать въ латинство русскихъ и литовскихъ крестьянъ.

Что-же касается комплектованія чиновничьяго персонала въ западномъ краѣ преимущественно лицами польскаго происхожденія, что выставляется на видъ Муравьевымъ его предшественникамъ, мѣстнымъ генераль-губернаторамъ какъ ихъ безтактность, или промахъ, то въ этомъ отношеніи и самого Михаила Николаевича нельзя считать безгрѣшнымъ, потому что, во время управления его министерствомъ государственныхъ имуществъ, во 2-мъ департаментѣ этого министерства, равно какъ и въ люстраціонной комисіи, польскій элементъ до такой степени разросся, что польская рѣчь приобрѣла тамъ господствующее положеніе и заглушала постоянно русскій говоръ, а находящаяся передъ нами документальная данная свидѣлствуютъ, что подъ начальствомъ Михаила Николаевича, какъ министра государственныхъ имуществъ, состояла къ 1860 году въ 9-ти губерніяхъ сѣверо-западнаго края, изъ общаго числа служащихъ масса поляковъ, и было только, сравнительно, небольшое число русскихъ ¹⁾. Была-ли это простая случайность, или-же результатъ симпатіи строгаго министра къ людямъ, надѣленнымъ отъ природы гибкимъ характеромъ и умѣніемъ ублажать

¹⁾ Въ министерствѣ государственныхъ имуществъ при М. Н. Муравьевѣ состояли на службѣ слѣдующія лица польскаго происхожденія: во 2-мъ департаментѣ: директоръ — Карлъ Ивановичъ Рудницкій, вице-директоръ — Эрнестъ Эрнестовичъ Мазингъ, и Игнатій Игнатъевичъ Войткусскій; начальники отдѣленій: Константинъ Ивановичъ Просоловичъ и Брониславъ Викторовичъ Шахо. Въ люстраціонной комисіи: члены — Станиславъ Станиславовичъ Кавецкій и Бернардъ Яковлевичъ Кейстутъ-Гедиминъ, дѣлопроизводитель — Генрихъ Ильичъ Бычковскій — и сверхъ того еще около 15-ти человекъ, занимавшихъ второстепенныя должности въ этихъ двухъ учрежденіяхъ. II.

начальство, чѣмъ вообще отличается польское шляхетство отъ грубыхъ русскихъ натуръ,—въ настоящее время опредѣлить трудно; но достаточно будетъ сказать, что послѣднее предположеніе было поводомъ, что въ первое время по прибытіи Муравьева въ Вильно, для усмиренія мятежа, между поляками встрѣчались такіе чудаки, которые утѣшали себя надеждою снискать его благорасположеніе и удостоиться даже полученія отъ него великихъ милостей.

XI.

Если не единственная, то главная причина печальнаго и даже безнадежнаго 1850—1860-хъ гг. положенія русскаго дѣла въ 9-ти западныхъ губерніяхъ, возвращенныхъ отъ Польши, заключалась въ ревнивомъ охраненіи нашимъ правительствомъ крѣпостнаго права во всей его силѣ и размѣрахъ; при чемъ всѣ аборигены страны, русскаго и литовскаго происхожденія, въ силу крѣпостнаго своего состоянія, оставались въ совершенной зависимости отъ помѣстнаго польскаго дворянства; такимъ образомъ край, состоящій *de jure* подъ русскою короною, находился *de facto* въ такомъ же почти положеніи, въ какомъ онъ былъ въ цвѣтущія времена Рѣчи Посполитой. Ошибочный взглядъ нашего правительства и русскихъ передовыхъ людей, признававшихъ еще весьма недавно, что существованіе самодержавія на престолахъ возможно только при условіи сохраненія принциповъ самодержавія въ семьѣ, въ сельской общинѣ въ видѣ крѣпостнаго состоянія, въ школахъ, въ арміи, въ судѣ, и даже въ церковной іерархіи,—такой взглядъ, требовавшій оставленія въ неприкосновенности тѣхъ формъ общественнаго строя, какія господствовали до 1861 года, тормозилъ даже самыя скромныя попытки, направленныя къ ослабленію крѣпостнаго права, а смѣлая мысль о совершенномъ упраздненіи этого права въ той формѣ, въ какой она выразилась въ положеніи 19-го февраля 1861 года, съ сохраненіемъ существующаго образа правленія, представлялась парадоксальнымъ сочетаніемъ въ одномъ и томъ же государствѣ республиканскихъ порядковъ внизу и абсолютизма сверху, то есть такого общественнаго строя, какой до сихъ поръ не встрѣчался въ исторіи народовъ, населяющихъ землю; вслѣдствіе чего такая мысль отвергалась какъ бредъ разстроенаго воображенія, какъ неосуществимая утопія, какъ пагубная для государства и общества затѣя, съ перспективою анархическихъ ужасовъ въ будущемъ. Что же касается польской пропаганды, которую Муравьевъ, повидимому, отождествляетъ съ революціонной пропагандой, то ничто ей такъ не благоприятствовало, этой мирной и естественной

пропагандѣ, какъ то же самое крѣпостное право и экономическо-этнографическій складъ жизни населенія страны, въ которой матеріальная, интеллигентная и правовая силы составляли достояніе высшаго, то есть дворянскаго, сословія, принадлежащаго по своему происхожденію къ польской національности, а убожество, невѣжество и безправіе, вытекающее изъ крѣпостной зависимости, мало чѣмъ отличающееся отъ рабства, приходились на долю низшаго класса общества, то есть крестьянства, принадлежащаго по своему происхожденію къ русской или литовской національностямъ. Поэтому весьма естественно, что, при такихъ неблагоприятныхъ для интересовъ государства порядкахъ, домъ каждаго польскаго помѣщика, дворянина и даже простаго застѣнковаго шляхтича (такихъ же домовъ въ западномъ краѣ не одна тысяча, а многіе десятки тысячъ), безъ всякой предвзятой мысли хозяина, въ силу естественнаго порядка вещей, представлялъ собою подобіе элементарной школы, въ которой вся прислуга и другіе разночинцы изъ аборигеновъ страны охотно и безъ всякаго принужденія усвоивали себѣ польскую рѣчь, польскіе обычаи и польскія воззрѣнія. Такая добровольная натурализація совершалась не столько вслѣдствіе свойственной каждому простолыдину перемѣчивости, которая съ такою силою проявляется въ дѣтскомъ возрастѣ людей и народовъ, или же вслѣдствіе естественнаго желанія сблизиться съ высшимъ, интеллигентнымъ и могущественнымъ дворянскимъ сословіемъ, но преимущественно въ силу глубокаго убѣжденія, что только полное ренегатство откроетъ этимъ приниженнымъ существамъ возможность выйти изъ своего жалкаго и труднаго положенія.

Если принять во вниманіе, что стихійныя силы природы, а въ томъ числѣ и народныя массы, по закону инерціи, двигаются въ сторону наименьшаго сопротивленія, или, говоря иначе, туда, гдѣ имъ просторнѣе, гдѣ онѣ могутъ развиваться свободнѣе, и куда ихъ влечетъ личная выгода и матеріальные интересы; если принять во вниманіе, что каждая сила обладаетъ извѣстною долею притяженія, то нельзя будетъ сомнѣваться въ томъ, что какъ только мы откроемъ для поработенія аборигеновъ страны лучшія перспективы, польская пропаганда, которая существовала, существуетъ и еще долго будетъ существовать, даже на глазахъ самаго бдительнаго и строгаго начальства, утратить свой зловредный характеръ для русскаго дѣла въ западномъ краѣ. Подобная пропаганда, при такомъ же складѣ общественнаго строя, практиковалась безмятежно и невозбранно въ Прибалтійскомъ краѣ въ пользу нѣмцевъ, а въ Финляндіи — въ пользу шведовъ.

Назначеніе В. И. Назимова генераль-губернаторомъ сѣверо-западнаго края въ февралѣ 1856 года совпадало съ тѣмъ періодомъ вре-

мени, который для дворянства западныхъ губерній и Царства Польскаго ознаменовался великими монаршими милостями, по случаю восшествія на прародительскій престолъ и священной коронаціи покойнаго императора Александра II. Милости эти были вполнѣ естественны и умѣстны, потому что безмятежное и спокойное положеніе поляковъ во время трудной и продолжительной борьбы Россіи съ ея могущественными врагами сперва на Дунаѣ, а затѣмъ въ Крыму, подъ стѣнами многостраднаго Севастополя, гдѣ многіе изъ поляковъ, сражаясь въ рядахъ нашей арміи, легли костью и отличились подвигами мужества на полѣ брани, давало имъ полное право на благоволеніе государя за ихъ честную и полезную для Россіи службу. Правдивая и рыцарски-благородная натура В. И. Назимова, котораго дворянство литовскихъ губерній и виленскіе обыватели встрѣтили восторженно, какъ стараго знакома, снявшаго съ нихъ въ 1841 году незаслуженную опалу, грозившую имъ многими бѣдствіями,—такая натура не могла задаваться планами разрушенія того общественнаго строя, который до тѣхъ поръ наше правительство считало, хотя и ошибочно, если не вполнѣ удовлетворительнымъ, то по крайней мѣрѣ безвреднымъ. Со стороны Назимова такіе мечты и планы были бы только бесплодною тратою времени, такъ какъ, безъ предварительнаго подготовленія новыхъ формъ нашей внутренней политики, разрушеніе стараго порядка породило бы хаосъ, граничащій съ анархіею. Впрочемъ, есть натуры, для которыхъ всякаго рода разгромы и разрушенія, съ подчиненіемъ своей власти людей и народовъ, составляютъ главную цѣль и задачу ихъ жизни, предметъ самыхъ пламенныхъ вождельній. Стремясь постоянно къ какимъ-то туманнымъ цѣлямъ, не имѣющимъ точныхъ, опредѣленныхъ очертаній, люди эти готовы всегда приступить къ разрушенію не только ветхаго, но и вновь воздвигнутаго прочнаго и удобнаго зданія; для другихъ же натуръ наоборотъ, разрушеніе старой руины зданія, отжившаго свой вѣкъ, даже грозящаго неизбѣжнымъ паденіемъ жизни его безпечныхъ обывателей, представляется чѣмъ-то противузаконнымъ, посягательствомъ на право существованія, данное Создателемъ всякой твари, чѣмъ-то въ родѣ святотатства. Къ первому рязряду принадлежатъ всѣ завоеватели, имена которыхъ народная память хранить какъ страшную грозу, какъ бичъ Божій; ко второму—мирные пионеры идей добра и пользы.

Михаилъ Николаевичъ Муравьевъ и Владиміръ Ивановичъ Назимовъ были представителями этихъ двухъ диаметрально-противуположныхъ направленій, и то, что первому не трудно было совершить, для послѣдняго оказывалось неосуществимымъ. Это, впрочемъ, не мѣшало имъ обоимъ быть полезными слугами отечества при извѣстныхъ обстоятельствахъ, у дѣла, каждому изъ нихъ сподручнаго, не смотря

на то, что въ своихъ понятіяхъ о совѣсти, чести, правдѣ, справедливости и въ другихъ идеалахъ они совершенно расходились. Будучи нѣкогда если не друзьями, то пріятелями, эти люди подъ конецъ своей жизни сдѣлались между собой почти врагами. Движимый этимъ чувствомъ, Муравьевъ въ своихъ Запискахъ, напечатанныхъ въ «Русской Старинѣ», не поцеремонился аттестовать Назимова человѣкомъ недалекимъ и слабымъ ¹⁾. Назимовъ же не высказывалъ печатно своего мнѣнія о Муравьевѣ, но мы можемъ засвидѣтельствовать, что онъ считалъ его только человѣкомъ умнымъ ²⁾ — и больше ничего.

Впрочемъ, кто пожелалъ бы ознакомиться ближе съ личностью и свойствами природы Михаила Николаевича, тому мы можемъ рекомендовать весьма удачную характеристику виленскаго проконсула, составленную сенаторомъ Я. А. Соловьевымъ и помѣщенную въ январской книгѣ «Русской Старины» за 1882 годъ, стр. 231—232.

Возвращаясь еще разъ къ Запискамъ М. Н. Муравьева, мы выразимъ сожалѣніе, что онъ, порицая огульно дѣятельность своихъ предѣстниковъ, и въ особенности Назимова, не указываетъ на тѣ мѣры и средства, какія слѣдовало бы имъ принять къ руководству для возрожденія русскаго начала въ этомъ краѣ, не выходя изъ предѣловъ власти, предоставленной закономъ генералъ-губернаторамъ. Такая скромность со стороны Михаила Николаевича подтверждаетъ только справедливость извѣстной французской пословицы, гласящей, что «la critique est aisée, mais l'art est difficile».

¹⁾ Иностранная пресса не раздѣляетъ однако же такой взглядъ, и виновникомъ послабленій называетъ другое лице. Такъ, по поводу затѣи литовскаго помѣстнаго дворянства устроить кредитное общество (по примѣру варшавскаго агрономическаго, обратившагося въ революціонный клубъ) въ одномъ изъ номеровъ газеты „Siècle“ за 1862 годъ, между прочимъ, говорится слѣдующее: „D'une autre coté, Nazimoff s'oppose systematiquement à toute tentative des propriétaires pour ameliorer la condition des payzans, et, en général, à tout ce qui peut développer la prospérité du pays. Les propriétaires de Kovno et de Wilna avaient préparé un projet de credit agricole: l'association étant soumise à l'autorisation du gouvernement, les fondateurs s'adressèrent au ministre Waloujeff, qui n'hésita pas à donner son consentement; mais Nazimoff y opposa son veto et il fallut renoncer au projet“. (Переводъ): Съ другой стороны, Назимовъ систематически противудѣйствуетъ всякимъ намѣреніямъ помѣстнаго дворянства улучшить положеніе крестьянъ, и всему тому, что могло бы способствовать развитію благосостоянія края. Помѣщики Ковенской и Виленской губерній составили проектъ кредитнаго агрономическаго общества и представили на утвержденіе правительства; учредители обратились къ министру Валуеву съ просьбою о содѣйствіи, и онъ не задумался изъявить на это согласіе, но Назимовъ воспротивился, постановилъ свое veto, и такимъ образомъ пришлось отказаться отъ этого предпріятія.

²⁾ Съ точки зрѣнія Грибоѣдовскаго Репетилова.

II.

XII.

Хотя мы не располагали выходить изъ предѣловъ отвѣта, вызываемаго Записками Муравьева, и тѣмъ менѣе писать апологію Назимова,—но позволяемъ себѣ воспользоваться настоящимъ случаемъ, чтобы объяснить тѣ мало кому извѣстныя обстоятельства, которыя предшествовали появленію высочайшаго рескрипта на имя Назимова отъ 20-го ноября 1857 года, рескрипта, который поставилъ Владимира Ивановича во главѣ великаго дѣла освобожденія крестьянъ изъ крѣпостнаго состоянія. Объ этихъ обстоятельствахъ, излагаемыхъ ниже, въ трудахъ А. Я. Скребицкаго, въ запискахъ сенатора Я. А. Соловьева и въ матеріалахъ, изданныхъ покойнымъ Хрущовымъ въ Берлинѣ въ 1860, 1861 и 1862 годахъ, встрѣчаются только одни намеки.

На основаніи этихъ источниковъ возникновеніе дѣла эманципаціи крестьянъ сопровождалось слѣдующими фактами:

Въ мартѣ мѣсяцѣ 1855 года, во время пребыванія государя императора въ Москвѣ, тамошній генераль-губернаторъ гр. Закревскій, по поводу распространившихся въ народѣ и между дворянствомъ слуховъ о предстоящемъ будто бы освобожденіи крестьянъ, просилъ государя принять депутатовъ отъ московскаго дворянства и успокоить ихъ. Удовлетворяя просьбу графа Закревскаго, государь принялъ московскаго губернскаго предводителя дворянства князя Щербатова съ уѣздными предводителями, и въ рѣчи своей, между прочимъ, произнесъ слѣдующія въ высшей степени многозначительныя слова: «лучше отмѣнить крѣпостное право сверху, нежели дожидаться того времени, когда оно само собою начнетъ отмѣняться снизу».

Эти неожиданныя слова поразили дворянство какъ громомъ и привели въ великое удивленіе публику и министровъ. Но отчаянные защитники крѣпостнаго права—графъ А. А. Закревскій, князь А. Ѳ. Орловъ, графъ В. Ѳ. Адлербергъ и многіе другіе вліятельные сановники—не теряли надежды замять это дѣло, а министръ государственныхъ имуществъ М. Н. Муравьевъ, объѣзжая губерніи, категорически заявлялъ помѣстному дворянству, что изъ всего этого ничего не будетъ.

Наступившее затѣмъ затишье и медленность московскаго дворянства въ представленіи адреса объ освобожденіи крестьянъ продолжались до времени коронаціи государя въ августѣ мѣсяцѣ слѣдующаго 1856 года. «Пользуясь съѣздомъ въ Москвѣ дворянства всѣхъ губерній, министръ внутреннихъ дѣлъ С. С. Ланской, съ разрѣшенія государя, ведетъ по этому предмету переговоры съ предводителями дворянства черезъ посредство своего товарища А. И. Левшина, но переговоры эти

остаются безъ послѣдствій, такъ какъ никто изъ предводителей не высказалъ сочувствія къ великой реформѣ, задуманной государемъ. Тогда останавливаются на мысли начать уничтоженіе крѣпостного права съ западнаго края, особливо съ литовскихъ губерній, гдѣ помѣстное дворянство, недовольное вообще инвентарями, казалось склоннымъ содѣйствовать видамъ правительства. Съ этою цѣлью дается генераль-губернатору В. И. Назимову родъ инструкціи, какъ дѣйствовать...» Такъ, приблизительно, говоритъ авторъ «Матеріаловъ», изданныхъ въ Берлинѣ, и почти то же самое сказано сенаторомъ Соловьевымъ въ его интересныхъ Запискахъ. Но всего этого было болѣе чѣмъ недостаточно, чтобы поставить судьбу столь важнаго вопроса въ зависимость отъ дипломатической талантности человѣка «недалекаго», какимъ безспорно умный Муравьевъ считалъ Назимова, тѣмъ болѣе, что подмѣченная къ-то склонность помѣстнаго дворянства литовскихъ губерній содѣйствовать видамъ правительства была въ сущности весьма проблематическаго свойства, потому что инвентарныя правила, введенныя въ кievскомъ генераль-губернаторствѣ при Д. Г. Бибииковѣ въ 1842 году, остались въ бѣлорусскихъ и литовскихъ губерніяхъ безъ прихвѣненія, по своей непрактичности, и были уничтожены по приказанію государя.

Такимъ образомъ, при отсутствіи условій, гарантирующихъ успешное разрѣшеніе Назимовымъ возлагаемой на него миссіи, было бы не только удобнѣе, но и приличнѣе — начать реформу съ центральныхъ областей имперіи: московской, костромской, новгородской, петербургской, а въ крайнемъ случаѣ даже съ кievской губерніи, а не съ глухой и отдаленной литовской окраины, для которой Польша въ періодъ ея могущества и славы была только злою мачихою, а русское общество, по воссоединеніи этой области съ прочими землями русской короны, не обращало на нее никакого вниманія, какъ на убогаго приемыша.

Равнымъ образомъ, представляется страннымъ порученіе А. И. Левшипу вести переговоры объ эмансипаціи крестьянъ съ предводителями дворянства, собравшимися въ Москвѣ на коронацію, и трудно объяснить, почему Ланской не предпочелъ самолично вести переговоры о такомъ важномъ и щекотливомъ вопросѣ, котораго еще весьма недавно не дозволялось касаться, какъ краугольного камня, поддерживающаго моноументъ самодержавія. Чтобы склонить помѣстное дворянство къ отреченію отъ своихъ правъ, освященныхъ закономъ и временемъ, безъ которыхъ самое существованіе этого дворянства представлялось сомнительнымъ, нужна была личность болѣе авторитетная и вліятельная, чѣмъ товарищъ министра, который въ сущности ни что иное какъ старшій чиновникъ по особымъ порученіямъ при министрѣ; а какъ одновременно съ тѣмъ графъ А. А. Закревскій, князь А. Ѳ. Орловъ,

министръ М. Н. Муравьевъ и нѣкоторые другіе перворазрядные тузы утѣшали помѣстное дворянство надеждою скорого обращенія къ старому режиму, то и нѣтъ ничего удивительнаго, что попытка А. И. Левшина потерпѣла полное фiasco.

Но едва-ли кому извѣстно, почему государь избралъ В. И. Назимова осуществителемъ своего пламеннаго желанія—покончить навсегда съ крѣпостнымъ правомъ, и почему онъ не усумнился въ томъ, что Назимовъ удачнѣе исполнитъ это его желаніе, чѣмъ другіе генераль-губернаторы: въ Одессѣ, Кіевѣ, Петербургѣ или Москвѣ?

Въ качествѣ человѣка, пользовавшагося особымъ расположеніемъ и довѣріемъ покойнаго Владиміра Ивановича, и будучи постояннымъ спутникомъ во всѣхъ довольно частыхъ поѣздкахъ его какъ въ столицу, такъ и по управляемому имъ краю, авторъ этой статьи имѣетъ возможность пополнить пробѣлъ въ исторіи упраздненія крѣпостнаго права воспроизведеніемъ разсказа Назимова о томъ, какой случайности онъ обязанъ, что на его долю, безъ всякаго съ его стороны старанія, выпала завидная роль перваго пионера въ крестьянской реформѣ. Дѣло это совершилось слѣдующимъ образомъ.

Въ первыхъ числахъ мая 1856 года, слѣдовательно вскорѣ по вступленіи Назимова въ должность виленскаго генераль-губернатора ¹⁾, Владиміръ Ивановичъ отправился навстрѣчу государю императору въ г. Брестъ-Литовскъ, гдѣ его величество, по пути слѣдованія изъ Москвы въ Варшаву, располагалъ осмотрѣть крѣпость и находившіяся тамъ войска. По праву стараго слуги и товарища юныхъ лѣтъ покойнаго императора ²⁾, Владиміръ Ивановичъ имѣлъ всегда свободный доступъ къ государю, весьма часто входилъ къ нему въ уборную раннимъ утромъ и бесѣдовалъ съ государемъ о предметахъ постороннихъ, не имѣвшихъ связи съ служебными дѣлами; причеиъ не рѣдко государь императоръ, въ откровенныхъ и дружескихъ бесѣдахъ съ Назимовымъ, дѣлился съ нимъ своими мыслями, а также радостными и печальными впечатлѣніями. То же самое повторилось и въ Брестѣ, на другой день по приѣздѣ туда государя. Вошедши въ кабинетъ его величества, Назимовъ былъ весьма смущень, замѣтивши въ лицѣ государя выраженіе какой-то печали, которое значительно усилилось, когда Владиміръ Ивановичъ, отвѣчая на вопросы государя, изобразилъ ему далеко въ неприяжныхъ краскахъ положеніе крестьянъ вѣрннаго ему края.

¹⁾ Назначеніе состоялось въ февралѣ мѣсяцѣ того же 1856 года.

²⁾ Съ 1835 до 1842 года Назимовъ, по личному выбору императора Николая, состоялъ при наслѣдникѣ престола въ должности инструктора по военной части, жилъ во дворцѣ, сопутствовалъ ему въ поѣздкахъ по Россіи и съ этихъ поръ пользовался постоянно его особымъ благорасположеніемъ. II.

Затѣмъ, окончивъ свой разсказъ, Назимовъ позволилъ себѣ спросить о причинѣ невеселаго расположенія духа, вовсе несвойственнаго, въ то время, характеру государя.

Тогда его величество сообщилъ Назимову во всей подробности то, что происходило въ Москвѣ въ концѣ марта мѣсяца, во время представленія ему предводителей дворянства, повторивъ при этомъ прознесенныя имъ при томъ слова: «лучше начать отиѣну крѣпостнаго права сверху, нежели дожидаться того времени, когда оно само соборъ начнетъ отиѣняться снизу». — «Но, къ сожалѣнію», добавилъ государь, «гг. предводители дворянства меня какъ слѣдуетъ не поняли, и я вижу теперь, что дворянство не сочувствуетъ моимъ видамъ и намѣреніямъ».

— Напрасно, государь, отвѣчалъ В. И. Назимовъ, вы изволите считать наше дворянство неспособнымъ или не желающимъ содѣйствовать вашимъ благимъ намѣреніямъ—освободить крестьянъ; но для великороссійскаго помѣщика отиѣна крѣпостнаго права, какъ дѣло совершенно новое, о которомъ онъ никогда не помышлялъ, представляется страшнымъ экономическимъ переворотомъ, который угрожаетъ не только его благосостоянію, но и существованію. Я самъ помѣщикъ, — продолжалъ Назимовъ, — и мнѣ не рѣдко приходилось бесѣдовать объ эмансипаціи съ моими сосѣдями и высказывать сочувствіе этой реформѣ, тѣмъ болѣе, что, на мой взглядъ, съ польскимъ вопросомъ въ западномъ краѣ мы не совладаемъ до тѣхъ поръ, пока русское и литовское крестьянство будетъ оставаться въ крѣпостной зависимости у польскаго шляхетства. Но всякій разъ, когда я заводилъ объ этомъ рѣчь, отвѣтъ приблизительно былъ такой:

— «Хорошо вамъ, господа, состоящимъ на государственной службѣ, проповѣдывать эмансипацію: съ потерю вашего родового достоянія при васъ останется содержаніе, получаемое отъ казны, и вы не погибнете вмѣстѣ съ вашими дѣтьми; но подумайте, какая участь ожидаетъ насъ, частныхъ людей, въ будущемъ, когда у насъ отнимутъ крестьянъ и надѣлять ихъ землею! Какими средствами и какъ намъ придется воздѣлывать нивы, оставшіяся въ нашемъ владѣніи? Откуда мы станемъ добывать потребныя для насъ капиталы въ странѣ, гдѣ не существуетъ никакихъ кредитныхъ учрежденій, и наконецъ — изъ какихъ источниковъ мы будемъ удовлетворять потребности обыденной жизни нашей и погашать обременяющіе многихъ изъ насъ долги?»

— Такія, государь, возраженія приходилось мнѣ выслушивать неоднократно отъ моихъ сосѣдей и пріятелей, и нельзя отвергать, что въ нихъ заключается извѣстная доля правды. Вотъ причина тому колебанію помѣстнаго дворянства въ откликѣ на вашъ призывъ, которое

министерство считаетъ признакомъ несочувствія видамъ и желаніямъ правительства.

— «Нѣтъ, любезнѣйшій Владиміръ Ивановичъ», сказала государь, «это не совсѣмъ такъ. Во многихъ странахъ существовало крѣпостное право и оно было отмѣнено, но помѣстное дворянство отъ того не пострадало, и его положеніе, какъ интеллигентнаго, имущественнаго и благороднаго сословія осталось въ государствѣ на той же высотѣ нравственнаго и матеріальнаго благосостоянія, на какой оно находилось до реформы. Дворянство въ сосѣдней намъ Пруссіи можетъ служить доказательствомъ справедливости сказаннаго. Впрочемъ, заявивъ однажды о моемъ рѣшительномъ намѣреніи покончить съ крѣпостнымъ правомъ, я буду стремиться къ осуществленію этой мысли и надѣюсь, что, при помощи Бога, мои старанія увѣнчаются успѣхомъ».

— И я въ этомъ не сомнѣваюсь, государь,—отвѣчалъ Назимовъ,— и я тоже пламенно желаю осуществленія вашей завѣтной мысли, но, мнѣ кажется, что будетъ несправедливо осуждать дворянство нашихъ внутреннихъ губерній за его боязнь реформы и той неизвѣстной будущности, которую эта реформа ему принесетъ. Устарѣлыя понятія, привычки и незнакомство съ заграничными порядками сообщили нашему дворянству неподвижность, которая препятствуетъ ему стремиться довѣрчиво въ туманную даль. Иное дѣло помѣстное дворянство литовскаго края, смежнаго съ Царствомъ Польскимъ, Пруссією и остзейскими губерніями, гдѣ крѣпостное право уже давно отмѣнено: оно не утрашилось бы реформы, какъ потому, что литовскому дворянству положительно извѣстны тѣ благопріятныя для помѣщиковъ послѣдствія, которыя доставила этимъ сосѣднимъ странамъ эмансипація крестьянъ, такъ и потому, что, сколько мнѣ извѣстно, дворянство Литвы, еще въ 1818 году, по собственному почину ходатайствовало въ Петербургѣ объ освобожденіи крестьянъ; слѣдовательно, весьма правдоподобно, что мысль о возобновленіи стараго ходатайства встрѣтила бы тамъ сочувствіе. Остается только сожалѣть,—добавилъ Назимовъ,— что такую великую реформу необходимо вести отъ центра къ окраинамъ, а не отъ окраинъ къ центру, такъ какъ въ противномъ случаѣ дѣло двинулось бы быстро впередъ».

— «Почему же необходимо?»—возразилъ государь,—«для меня безразлично, откуда пойдетъ начало этого благого дѣла, отъ окраинъ, или отъ центра государства. Помогите мнѣ въ этомъ дѣлѣ, Владиміръ Ивановичъ, тѣмъ вы докажете еще разъ вашу ко мнѣ преданность и привязанность, въ которыхъ, впрочемъ, я никогда и не сомнѣвался».

Послѣ этихъ объясненій, получивъ благословеніе государя на ве-

ликій подвигъ, Владиміръ Ивановичъ, возвратившись въ Вильно, вступилъ въ предварительные переговоры по сему предмету съ нѣкоторыми помѣщиками, лично ему извѣстными съ самой лучшей стороны и пользующимися въ средѣ своихъ соотечественниковъ репутацію людей вполне просвѣщенныхъ и благонамѣренныхъ. Заручившись сочувствіемъ гродненскаго губернскаго предводителя дворянства Оржешко, предводителя дворянства Опшмянскаго уѣзда — Любенскаго, и Свѣянскаго уѣзда — Хоминскаго, а по Ковенской губерніи — князя Иринейя Огинскаго и графа Адольфа Чапскаго, изъявившихъ готовность способствовать подготовленію помѣстнаго дворянства къ мысли о необходимости этой великой социальной реформы, Владиміръ Ивановичъ успѣшилъ сообщить конфиденціально тогдашнему министру внутреннихъ дѣлъ С. С. Ланскому о результатахъ своихъ переговоровъ съ наиболее вліятельными представителями помѣстнаго дворянства вѣреннаго ему края. Будучи самъ ревностнымъ сторонникомъ эмансипаціонной политики, и сомнѣваясь до того времени въ возможности разрѣшить этотъ вопросъ съ содѣйствіемъ дворянства, С. С. Ланской пришелъ въ восторгъ отъ сообщенныхъ ему свѣдѣній; но опасаясь, чтобы это великое дѣло не разстроилось при своемъ дальнѣйшемъ развитіи, просилъ Владиміра Ивановича не давать ему окончательнаго направленія до коронаціи государя, имѣющей совершиться 26-го августа 1856 г. въ Москвѣ, куда, отъ имени государя, приглашалъ Назимова прибыть въ назначенному дню вмѣстѣ съ названными выше имъ предводителями дворянства и другими помѣщиками по его выбору.

Затѣмъ, во время пребыванія Владиміра Ивановича въ Москвѣ по случаю коронаціи, у С. С. Ланскаго на квартирѣ происходили неоднократно совѣщанія о томъ, какъ приступить къ разрѣшенію поставленнаго вопроса, и, подъ конецъ, было рѣшено — возвратитъ виленскому генераль-губернатору инвентарныя правила для губерній сѣверо-западнаго края, представленныя въ министерство внутреннихъ дѣлъ еще въ 1850 году и съ того времени находившіяся тамъ безъ движенія. — съ тѣмъ, чтобы, въ виду измѣнившихся экономическихъ условій края, подвергнуть ихъ вторичному пересмотру и исправленіямъ, какія потребуются для обезпеченія благосостоянія крестьянскаго сословія, не стѣняясь притомъ никакими прежними законоположеніями, относящимися до этого вопроса. Съ этимъ порученіемъ Назимовъ возвратился въ Вильно въ половинѣ сентября 1856 года.

Одушевленный пламеннымъ стремленіемъ исполнить волю своего возлюбленнаго монарха и друга, увлекаемый побужденіями своего добраго сердца, Владиміръ Ивановичъ энергично принялся пропагандировать мысль о необходимости покончить съ крѣпостнымъ правомъ

безповоротво, однимъ ударомъ, разъ навсегда. Обѣзжая ввѣренный ему край во разнымъ направленіямъ, бесѣдуя откровенно со всѣми помѣщиками, встрѣчавшими его съ подобающимъ почетомъ не только какъ генераль-губернатора, но и какъ человѣка давно имъ знакомаго и всѣми уважаемаго, Владиміръ Ивановичъ, въ подкрѣпленіе высказываемыхъ имъ мыслей, попеременно, то приводилъ на память дворянству многозначительныя слова, произнесенныя государемъ въ мартѣ 1855 года московскимъ предводителямъ дворянства, то представлялъ завидное положеніе, которое эмансипація доставила иноземному дворянству, то выставлялъ на видъ кумира польскихъ патріотовъ и народнаго героя Өаддея Косцюшко, который еще въ 1794 году, будучи въ то время диктаторомъ, прилагалъ всѣ усилія, чтобы побудить своихъ соотечественниковъ къ отиѣнѣ крѣпостного права, какъ имѣвшаго пагубное вліяніе на судьбы Рѣчи Посполитой и, когда внушенія доблестнаго диктатора были оставлены безъ вниманія, то впоследствии тотъ же самый Косцюшко, по духовному завѣщанію, опредѣлилъ остающіеся послѣ его смерти капиталы на выкупъ негровъ въ Америкѣ, а обширныя пространства земли въ Виргиніи, пожалованной ему правительствомъ Соединенныхъ Сѣв.-Американскихъ Штатовъ за услуги республикѣ въ войнѣ за ея независимость, назначилъ въ пользу выкупленныхъ имъ негровъ.

Такими сопоставленіями и обращеніями къ патріотизму мѣстнаго дворянства, при постоянномъ напоминаніи, что, по убѣжденіямъ того же самаго Косцюшки, самое лучшее, что могло ожидать его родину въ будущемъ, это—нераздѣльная политическая жизнь съ соплеменнымъ народомъ подъ скипетромъ русскаго государя,—Назимовъ подготовилъ почву для благопріятнаго хода работъ по предстоящей реформѣ.

Между тѣмъ, пока Владиміръ Ивановичъ странствовалъ въ предѣлахъ ввѣреннаго ему края и пропагандировалъ идею эмансипаціи крестьянъ, какъ реформу, предначертанную государемъ, а слѣдовательно и неизбѣжную,—въ дворянскихъ комитетахъ, открытыхъ генераль-губернаторомъ съ высочайшаго разрѣшенія въ Вильнѣ, Гродно, Ковно, для пересмотра и исправленія инвентарныхъ правилъ, происходили бурныя пререканія и споры между сторонниками старыхъ и новыхъ принциповъ; но ряды послѣднихъ съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе умножались и достигли, наконецъ, такихъ почтенныхъ размѣровъ, что борьба съ ними оказалась положительно дѣломъ невозможнымъ. Тогда члены комитетовъ, отказавшись окончательно отъ пересмотра и исправленія инвентарныхъ правилъ, какъ средства совершенно непрагоднаго для удовлетворительнаго разрѣшенія возложенной на нихъ задачи, единогласно постановили ходатайствовать предъ

правительствомъ о дозволеніи помѣстному дворянству приступить къ обсужденію вопроса объ освобожденіи крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, безъ чего, по ихъ мнѣнію, не представлялось никакой возможности обезпечить ихъ благосостояніе.

Съ этимъ-то постановленіемъ во второй половинѣ сентября 1857 года В. И. Назимовъ отправился въ Петербургъ и имѣлъ счастье порадовать государя врученіемъ ему документа, съ такимъ нетерпѣніемъ ожидаемаго его величествомъ; наконецъ, два мѣсяца спустя, состоялся извѣстный высочайшій рескриптъ императора Александра II на имя виленскаго генералъ-губернатора В. И. Назимова, отъ 20-го ноября 1857 года, вызвавшій появленіе адресовъ дворянства изъ другихъ губерній.

Съ того времени крестьянскій вопросъ вступилъ во второй періодъ своего развитія.

(Продолженіе слѣдуетъ).

СЛАВНОЕ БАЯЗЕТСКОЕ СИДѢНІЕ

въ іюнѣ 1877 г.

XXII ¹⁾).

Ночь въ Баязетѣ на 12-е іюня, о которой я не окончилъ разсказъ въ XXI-й главѣ, была одна изъ худшихъ. Появленіе охотниковъ подъ старою крѣпостью, какъ упомянулъ раньше, заставило турокъ выслать на лѣвую сторону рѣки сильныя патрули, чтобы препятствовать намъ запасаться даже отравленною водою.

Въ теченіи всей ночи слышались перестрѣлка и крики, даже между саклями, расположенными вокругъ цитадели.

Передъ утромъ стало тише; турецкіе посты какъ будто убрались за рѣку и наступившія болѣе спокойныя минуты послужили снова великимъ соблазномъ для нуждающихся въ водѣ, а потому совершенно естественно было появленіе у пролома новой партіи въ пятнадцать человѣкъ. Быстро достигли они рѣки, не теряя минуты, наполнили бурдюки и бодро собрались въ обратный путь, не подозрѣвая, что смерть ихъ ждала изъ-за угла. Въ эту ночь, особенно злобно и настойчиво сторожившіе каждый нашъ шагъ, турки видѣли все. Небо, начинавшее покрываться сѣрымъ свѣтомъ, давало уже возможность различать тѣни двигающихся людей на болѣе значительномъ разстояніи, чѣмъ ночью, и отлично видѣть мушку винтовки; а этого было достаточно для гибели нашихъ охотниковъ. Лишь только возвращавшіеся съ дорогой добычей появились на открытомъ склонѣ горы, какъ сотни наведенныхъ на нихъ винтовокъ разразились самымъ убійственнымъ огнемъ и съ первыхъ выстрѣловъ до половины удалцовъ легло близъ стѣнъ цитадели.

¹⁾ См. „Русскую Старину“ изд. 1885 г., т. XLV, январь, стр. 157—186; февраль, 443—468.

— «Бѣгите скорѣй!.. не бросайте воду!.. не бросайте воду!» кричали бѣгущимъ изъ цитадели.— «Не оставляйте братцы!.. Охъ ранень!.. Помогите!» слышалось сзади ихъ. Не хорошо стоны эти скребли по сердцу пятерыхъ, оставшихся изъ всей партіи, но у нихъ не было силъ ни подобрать упавшихъ, ни захватить воду у убитыхъ.

Не трудно догадаться, что запасъ воды былъ сдѣланъ ничтожный, а опасеніе объ усиленіи страданій и уменьшеніи чарочной порціи до невозможнаго малаго размѣра имѣло много основанія.

Утренняя тишина длилась недолго: около восьми часовъ по всей окрестности раздались знакомые звуки рожковъ и барабановъ, а вслѣдъ за этимъ повторилось бомбардированіе цитадели, затѣмъ раньше по полудня все смолкло, какъ будто по командѣ, и жертвы этой перестрѣлки, тоже по заведенному правилу, были снесены либо для погребенія, либо для перевязки.

Затруднительность вылазокъ за водою подъ ружейнымъ огнемъ съ близкаго разстоянія навела коменданта на мысль попробовать хоть сколько нибудь прикрыть спускъ отъ пролома къ нижней дорогѣ.

Назначенная для этого команда приступила къ работѣ съ наступленіемъ сумерекъ, дозволявшимъ непріятелю поражать ихъ по прицѣлу: вскорѣ углубленная, естественная лощинка обратилась въ траншею, но не далѣе какъ на другой день, вслѣдствіе того, что она обстрѣливалась съ фланга и тыла, совершенно потеряла значеніе прикрытія.

Опасаясь повторяться, я молча обхожу ту же борьбу людей съ бѣдствіями въ теченіи слѣдующей ночи и утра 13-го іюня. Въ этотъ день, какъ и прежде, отсыпавъ въ цитадель обычную утреннюю порцію пуль и снарядовъ, турки опять примолкли.

Тихо прошелъ безъобъденный полдень; тихо, едва процѣливая слова, многіе готовили планы предстоящихъ вылазокъ за водою: другихъ разговоровъ почти не было, только чаще стали раздаваться сдержанные стоны, невольно вырывавшіеся; жаръ наружный и внутренній сжигалъ молодецкую силу... но вдругъ послышались слова: «наши идутъ!» Всѣ кинулись къ отверстіямъ, обращеннымъ и на сѣверъ, и на западъ; пожирая глазами виднѣвшуюся даль, одинъ за другимъ удостовѣрялись, что двигавшіеся вдаль войска были наши. Большинство ликовало, признавъ появленіе ихъ концемъ мучительнаго заключенія, но были и настолько озлобленные страданіями, что считали это обманомъ и раздражительно ругались въ отвѣтъ на разувѣренія.

Долго-бы солдаты любовались на эту отрадную картину, если-бы пули турокъ, отбросивъ нѣсколькихъ на поле, не заставили офицеровъ отгонять лишнихъ людей.

Встрепенувшимся артиллеристамъ кромѣ радости выпало на долю

и развлеченіе. Съ 6-го іюня еще не представлялось имъ лучшей пѣли, какъ толпы турокъ, выползшія изъ всѣхъ ущелій; одни изъ нихъ, блистая штыками, спѣшили на встрѣчу нашимъ войскамъ, другіе располагались недалеко отъ редута Зангезоръ, а третьи занимали самый редутъ.

Не смотря на то, что уже выпущено было сто снарядовъ и оставалось всего 126, поручикъ Томашевскій не могъ пропустить такой случай и приказалъ открыть огонь. Длинный строй двигавшихся колоннъ не выходилъ изъ-подъ выстрѣловъ.

— Въ редутъ!.. въ редутъ!.. раздавались восклицанія со всѣхъ сторонъ.

— Четверть ведра воды на орудійную прислугу, если попадутъ въ редутъ! слышались голоса изъ группы офицеровъ.

Заходили хоботь и станина 8-го орудія, поднялось дуло на 1300 сажень; навели, и вслѣдъ за выстрѣломъ среди Зангезора ярко мелькнулъ бѣлый клубъ дыма и вся набитая въ немъ масса турокъ сильно всполохнулась. Немедленно поднесена была взводу обѣщанная вода. Выше этой награды въ Баязетѣ трудно было придумать.

Въ дѣйствительности, это двигалась наша колонна. Полковникъ Имамъ-ханъ на бѣлой лошади одного изъ начальниковъ узналъ своего брата, генерала Калбалай-хана.

Отрядъ, выступивъ изъ Кара-Булахъ, только близъ Баязета замѣтилъ, что ожидаемыхъ войскъ, съ которыми хотѣлъ соединиться, нѣтъ, и догадался, что рвеніе скорѣе выручить баязетцевъ не допустило вспомнить о другихъ причинахъ, могущихъ поднять пыль. Какъ-бы то ни было, но прибывшей горсти нашихъ солдатъ пришлось стать лицомъ къ лицу съ непомерно превосходящимъ въ числѣ противникомъ.

При появленіи нашихъ войскъ, вокругъ Баязета, по всей линіи непріятельской позиціи закипѣла тревога: вездѣ скакали одиночные всадники, трубы и барабаны раздавались во всѣхъ ущельяхъ, и таборъ за таборомъ стали сосредоточиваться на позиціи передъ редутомъ, заслоня входъ къ Баязету; а турецкія колонны, направленные противъ нашего отряда, завязали съ нимъ перестрѣлку, которая не прекращалась до поздней ночи.

Съ нашей стороны 700 пѣхотинцевъ, полторы сотни казаковъ, 200 иррегулярныхъ всадниковъ, изъ которыхъ болѣе половины не имѣло огнестрѣльнаго оружія, и два ракетныхъ станка, устроенныхъ штабсъ-капитаномъ 4-й батареи 19-й артиллерійской бригады Хороскевичемъ, не представляли силу, могущую освободить баязетцевъ. Не трудно предположить, сколько бы дошло до осажденныхъ, если-бъ рѣшились они форсировать путь до цитадели, извивающійся около версты между лабиринтомъ стѣнъ и домовъ, занятыхъ непріятелемъ.

Перестрѣлка съ подошедшими закипала все жарче и жарче, пока ночь темной пеленой не спустилась между враждебными сторонами.

Гарнизонъ, увѣровавшій въ прибытіе небольшого отряда, утѣшался теперь предположеніемъ, что войска наши стали прибывать по частямъ. Отраднѣе ему было и во мракѣ чувствовать присутствие выручки, когда въ отвѣтъ на пущенную ракету вдали огненной полоской загорѣлась отвѣтная. Многие, глядя въ сторону радостнаго ожиданія, молились о спасеніи и всѣ среди тишины прислушивались къ раздававшейся въ это время въ горахъ неправильной пальбѣ, замѣнявшей перестрѣлку, къ шуму и даже къ какимъ-то, точно торжествующимъ, крикамъ турокъ.

Какъ бы то ни было, но заключенные въ цитадели провели ютъ одну ночь среди разнообразныхъ и болѣе отраднѣхъ мечтаній; все это не мѣшало однако значительному числу охотниковъ выходить за водой, такъ какъ турки гораздо меньше препятствовали имъ, чѣмъ прошлой ночью.

Едва утренній свѣтъ далъ возможность отличать отдаленные предметы, какъ всѣ съ жадностью стали кидаться къ окнамъ и устроеннымъ бойницамъ, не зная, что ихъ должна была встрѣтить ужасная неожиданность: въ отвѣтъ желанію еще разъ увидѣть своихъ, передъ каждымъ раскрывалась попрежнему чистая безлюдная равнина. Эта внезапно разбитая надежда поражала всякаго прощальною мыслью болѣе не вернуться по видѣющейся дорогѣ, и каждый, въ сознаніи своей безпомощности, молча либо опускался на полъ противъ своего мѣста, либо отходилъ куда-то безъ цѣли. Не сила турокъ пугала нашъ отрядъ, ему нуженъ былъ источникъ для поддержанія своей мочи; онъ требовалъ только: воды, воды и воды! безъ нея съ безсиліемъ связаннаго по рукамъ и ногамъ гарнизонъ могъ ожидать самаго ужаснаго конца!

Казалось сама судьба была противъ осажденныхъ: она порадовала, развлекала ихъ, какъ будто для того, чтобы они сильнѣе почувствовали свое безвыходное положеніе и чтобы къ голоду, жаждѣ и душлинному воздуху прибавили еще нравственное потрясеніе.

Подошедшій-же отрядъ нашъ какъ будто не вѣрилъ своей ошибкѣ; простоявъ часть ночи и ни откуда не получая извѣстія о пришедшемъ подкрѣпленіи изъ другого отряда, а по шуму и другимъ признакамъ замѣтивъ, что сила непріятели росла передъ нимъ быстро, рѣшился на отступленіе, такъ какъ для выбора не было данныхъ; безцѣльная же гибель не могла считаться благоразумною; оставалось только исполнить рѣшеніе съ нѣкоторымъ облегченіемъ отъ большихъ потерь, то есть отдѣлиться отъ близко стоящаго противника отступленіемъ ночью.

Не апатія и не опасенія за трудность операціи руководили всѣмъ

случившимся, а напротивъ вся энергія начальниковъ и желаніе рядовыхъ выручить товарищей разбились о ничтожность собственныхъ силъ. Отступающій отрядъ едва самъ успѣвалъ отбиваться отъ насѣдавшихъ турокъ, проводившихъ ускользнувшую жертву до Чингильскихъ высотъ. Особенно усердствовали они при подъемѣ отряда на гору отъ Кара-Булаха, но почему-то потомъ отступили.

XXIII.

По уходѣ отряда Калбалай-хана, общее настроеніе заключенныхъ въ стѣнахъ было крайне нехорошее.

Повторившееся и въ этотъ день обстрѣливаніе цитадели въ первый разъ послужило въ нашу пользу, такъ какъ оно хоть отчасти отрѣзало осажденный гарнизонъ и начало направлять жизнь, взбаломученную радужными надеждами, опять въ прежнюю тяжелую колею.

Изъ жертвъ этого дня нельзя не отмѣтить убыль отличнаго наводчика 7-го орудія—Постнаго.

Когда онъ, проговоривъ: «высоту-то прицѣла я прибавилъ, а отклоненіе цѣлика, кажется, не измѣнилъ», снова поднялся изъ-за земляныхъ мѣшковъ для провѣрки закравагося сомнѣнія, то раздался роковой трескъ и молодецъ съ тихимъ стономъ опустил прострѣленную голову на станины лафета.

Тоскливо безъ ослабленія нужды и борьбы съ ними прошло четырнадцатое число, а за нимъ и все послѣдующее время потекло до того однообразно, что тѣ изъ рассказчиковъ, которые помнили всѣ случаи, хоть сколько нибудь пестрившіе непріятную жизнь осажденныхъ, не могли воскресить въ памяти выдающіеся случаи въ теченіи второй половины осады.

За это время, въ боевомъ отношеніи турками поддерживался слѣдующій однообразный порядокъ: почти ежедневно по утрамъ, около восьми часовъ, а по вечерамъ около четырехъ, вслѣдъ за командами и сигналами, вся кольцо обведенная линія турецкихъ войскъ, вмѣстѣ съ артиллерією, начинала усиленную пальбу и всякій разъ поддерживала ее безъ перерыва часа по два. По ночамъ-же къ подошвѣ горы, на которой стоялъ замокъ, они переводили большія партіи и самымъ настойчивымъ образомъ противодѣйствовали командамъ, выходившимъ за воду.

Трудность добыванія ея усилила страданія до появленія предсмертныхъ симптомовъ: четырнадцатаго-же числа артиллеристы нашли ѣздового Смольякова безъ чувствъ лежавшаго у стѣны со стиснутыми

зубами; кружка воды, пожертвованная артелью и влитая въ ротъ, разжатый силою, воскресила несчастнаго, а другая, данная часа через два, окончательно оправила его. «Тяжело мнѣ было», рассказывал онъ, «внутренность горѣла огнемъ, во рту совершенно высохло и не было слюней; въ десяти шагахъ не могъ узнавать товарищей; въ головѣ слышался громкій гулъ, а безсиліе во всемъ тѣлѣ не позволяло стоять на ногахъ».

Такія-же явленія еще чаще повторялись въ ротахъ; даже казаки, болѣе другихъ приносившіе воды и съѣстнаго, насчитывали подобныхъ случаевъ много ¹⁾).

Чтобы понять до какой невыносимой степени доходили мученія отъ жажды, достаточно сказать, что многимъ не приходилось по дню и по два освѣжать рта даже каплей воды. Не рѣдко случалось, что страдальцы цѣловали ноги счастливецевъ, раздобывавшихъ воду, проси ихъ подѣлиться съ ними, хотя, въ то же время, каждый изъ нихъ ждалъ полный отказъ: «говоря правду», передавали многіе, «тогда не было ни друзей, ни братьевъ; каждый готовъ былъ цѣною жизни купить даже каплю воды. Ни за какія деньги не уступалась вода ²⁾, хотя въ болѣе счастливыя ночи излишекъ ея охотно отдавался товарищамъ даромъ».

Повременамъ турки выказывали предательское великодушіе, открывая почти безпрепятственный доступъ къ рѣкѣ, такъ какъ она въ этому времени была до того завалена мертвыми тѣлами, что черпавшій воду не могъ этого дѣлать иначе, какъ близъ какого нибудь трупъ. Но для умирающихъ отъ жажды эти неудобства не имѣли значенія: ночь, мѣшавшая видѣть мерзость разложенія, и освѣжающій холодъ воды, помогали даже трупнымъ ядомъ утолять жажду съ наслажденіемъ. Не мѣшало пившимъ мочу употреблять принесенную воду и на другой день, когда глазамъ ихъ представлялась не вода, а густая, мутножелтая вонючая жидкость, переполненная трупными червями. Приобрѣтавшіе такой напитокъ берегли его какъ сокровище: за каждую пророненную каплю при питьѣ артельного запаса, за каждый обмокнутый кусочекъ сахара сыпалась на виновнаго брань со всѣхъ сторонъ.

Ко всему этому изъ комнаты арестованныхъ и плѣнныхъ турокъ раздавались по зданію громкіе стоны и понятныя просьбы на непонятномъ языкѣ; но слушатели относились къ нимъ безучастно: крики ихъ служили только эхомъ собственныхъ затаенныхъ воплей. Къ концу осады только одинъ или два турка остались въ живыхъ.

¹⁾ У меня записано такихъ случаевъ между казаками только съ Антиоговымъ и Василенкой, но въ рассказахъ встрѣчалось больше.

²⁾ Мнѣ извѣстенъ одинъ случай какъ исключеніе.

Препятствіемъ приносить воду въ возможномъ количествѣ, кромѣ противудѣйствія непріятелей, служилъ также нѣкоторое время недостатокъ посуды: частыя паденія, толчки о стѣны сакель и о каменья при спускѣ въ рѣку, какъ результатъ ночныхъ торопливыхъ движеній, были въ свою очередь причинами уничтоженія всѣхъ кувшиновъ, а оставшихся бурдюковъ было немного; но вскорѣ нужда — мать всѣхъ изобрѣтеній — примѣнила для носки воды сапоги, которые для этого тщательно вычинивались. Котелки оказались скорѣе оружіемъ противъ насъ, чѣмъ посудой, а потому ихъ избѣгали: бряканьемъ своимъ ночью они скликали турокъ, а въ рукахъ противника служила намъ приманкой на засаду, такъ какъ слышавъ этотъ знакомый звукъ, каждый шелъ на него, чтобъ встрѣтить товарища.

Около десятаго дня блокады ничтожный запасъ сухарей истощился, и голодъ сталъ пробиваться сквозь страданія отъ жажды; несчастныя лошади, отказавшіяся отъ ячменя, оставили его для людей. Раздробленные зерна его, будучи поджарены, представляли для голодныхъ довольно вкусную пищу. Комендантъ воспользовался этимъ нерасходуемымъ запасомъ зерна и приказалъ выдавать его во всѣ части по полтора пуда на роту. Съ тѣхъ поръ, почти до освобожденія гарнизона, ячмень жареный, ячмень вареный и ячмень сырой сдѣлался чуть не исключительной пищей. Только въ послѣдніе дни мясо лошадей помогло поддержать силы людей съ большимъ успѣхомъ, но объ этомъ я расскажу отдѣльно, какъ объ обстоятельствѣ, связанномъ съ гибелью лошадей.

Еще разъ повторю, что смерть въ бою блѣднѣла передъ тѣми египетскими казнями, которыя обрушивались на гарнизонъ, постепенно усиливаясь и увеличиваясь числомъ въ той же степени, въ какой ослаблялись у людей физическія силы: къ голоду, жадѣ, при сильной жарѣ, удушающей вони, отравѣ воды трупнымъ ядомъ, во второй половинѣ осады присоединился еще новый бичъ: отъ скученности людей и невозможности мыть бѣлье, вошь покрыла платье, тѣло и кишѣла на землѣ комнатъ, населенныхъ солдатами. Сонъ, оставшійся для слабыхъ единственнымъ средствомъ освѣжать свои силы, сдѣлался отъ этого невозможнымъ.

Неужто, не смотря на всѣ эти страданія, оставаться готовымъ биться съ врагомъ до послѣдней возможности и не допускать мысли о сдачѣ—еще не героизмъ?

Извѣстно, что какъ бы ни были тяжелы испытанія мужскихъ силъ, всегда найдется масса не имѣющихъ яснаго представленія, что значить съ мужествомъ переносить пытки, но всегда умаляющихъ значеніе этихъ фактовъ стереотипною фразою: «да и могутъ ли войска вести

себя иначе? Къ счастью, если, въ минуты тяжелаго испытанія, среди мужчинъ явится женщина, ни силой воли, ни безстрашиемъ не уступающая лучшимъ изъ нихъ, то эти качества оцѣниваются обществомъ несравненно справедливѣе. Рѣдкость подобныхъ явленій и гордость національная имѣть побольше матерей съ такими задатками обязываютъ всякаго выдвигать подобные случаи передъ соотечественниками, хотя бы дѣйствующимъ лицомъ въ нихъ была одна среди тысячи мужчинъ героевъ, какъ среди баязетскаго гарнизона была одна русская женщина—Александра Ефимовна Ковалевская.

Помимо нравственныхъ страданій, причиненныхъ потерей мужа и нѣкоторыхъ другихъ причинъ, г-жѣ Ковалевской достаточно было безропотно вынести всѣ испытанія, ниспосланныя гарнизону, чтобы стать наравнѣ съ каждымъ изъ почетныхъ членовъ его, и заслужить исключительное вниманіе. Но такъ какъ она принадлежала къ полезнѣйшимъ активнымъ дѣятелямъ въ самые тяжелые дни осады, то и выдающееся значеніе ея должно украсить исторію баязетскаго гарнизона.

Первое потрясеніе и быстрое истощеніе силъ отразились на Ковалевской полнымъ исчезновеніемъ сна; не смыкая глазъ всѣ двадцать двѣ ночи осады, она въ теченіи первой половины этого времени еще держалась на ногахъ, готовая бодро встрѣтить всякій исходъ, кромѣ сдачи туркамъ, и принимала близко къ сердцу участь cadaго; особенно ей дорогъ былъ баталіонъ, которымъ командовалъ ея мужъ; восьмого іюня, она молилась своимъ—не сдаваться, нашла въ этой семьѣ полный отголосокъ; подъ вліяніемъ неожесточеннаго страданія сердца, она для раненаго подполковника Пацевича, съ которымъ не была связана даже отношеніемъ хорошей знакомой, отдала все, почти жизнь—двѣ бутылки вина, вполнѣ сознавая, что этимъ накладываетъ на себя руки; безъ сомнѣнія этимъ поступкомъ она стала выше cadaго изъ членовъ гарнизона, геройски жертвовавшего жизнью въ бою, но не одной каплей воды—ни для кого. Когда же, 13 іюня, страшное уныніе поразило гарнизонъ, она, собравъ послѣднія силы, какъ тѣнь бродила по комнатамъ цитадели, употребляя всѣ старанія ободрить омраченныхъ безнадежностью.

Солдатъ нашъ—это кремневая натура—съ исчезновеніемъ появившагося отряда, хотя и почувствовалъ горькую, давящую тягость на сердцѣ, но всетаки былъ далекъ отъ малодушія искать спасеніе другимъ путемъ кромѣ почетнаго, а потому былъ готовъ поднять голову на первый призывъ къ бодрости и отозваться на утѣшеніе женщины, страдавшей вмѣстѣ съ нимъ. Замѣчаемыя удачи воодушевляли бѣдную женщину и она въ бесѣдахъ то съ однимъ, то съ другимъ, въ особенности съ падающими отъ безсилія, старалась возстановить исчезавшую

надежду на спасеніе. Но вскорѣ полная потеря силъ, недозволявшая подняться съ кровати, лишила ее и этого утѣшенія. «Если вы, Александра Ефимовна, умрете отъ жажды», сказалъ докторъ Китаевскій, «что причиной этого буду я, какъ взявшій у васъ послѣднія двѣ бутылки вина, которыми вы поддержали бы ваши силы»¹⁾.

XXIV.

На восьмой день послѣ счастливаго отбитія штурма, въ одной изъ комнатъ цитадели, среди глубокой тишины, при вечернихъ сумеркахъ группа офицеровъ окружала подполковника Пацевича, расстававшагося съ жизнью. «Господа!» сказалъ онъ между прочими прощальными словами, «въ намѣреніи сдать крѣпость я не виноватъ»....

Это 16-е число еще замѣчательно тѣмъ, что дальнѣйшая жизнь потекла еще мучительнѣе, еще однообразнѣе.

Вмѣстѣ съ увеличеніемъ препятствій, устраиваемыхъ турками охотникамъ за водою, росла въ гарнизонѣ и мучительная жажда, а стало быть и отвага, ослѣплявшая его не только передъ опасностью, но и передъ смертью, поэтому вылазки за водою не прекращались. Усилившаяся опасность была причиной, что встрѣча съ противникомъ соотвѣтствовала проигрышу, минованіе его—выигрышу, а отсюда скоро установился обычай сильнѣе навьючиваться посудой и не брать съ собою ружей, такъ какъ они, потерявъ значеніе спасительницъ жизни, мѣшали только приносить воду въ достаточномъ количествѣ; допустивъ при ношеніи оружія даже лучшій исходъ, пришлось бы отбившемуся отъ сильнѣйшаго врага бросить набранную воду и этимъ приговорить себя къ болѣе мучительной смерти.

Турки, ободряемые легкостью торжества надъ безоружными, хотя и считали эту контръ-охоту изъ засады совершенно безопасною, но все-таки по временамъ дорого расплачивались за такую увѣренность; вотъ, напримѣръ, что рассказалъ по этому поводу рядовой 8-й роты Ставропольскаго полка Фальковскій²⁾:

¹⁾ Въ настоящее время ни выходъ ея замужъ за маіора Бѣловодскаго, ни бездѣтность, дающая больше спокойствія, не могутъ поправить ея до крайности разстроенаго здоровья.

²⁾ Я далеко отъ передачи рассказовъ дословно, или поддѣлки подъ вѣроятный солдатскій слогъ, но сокращая и выпуская все лишнее, я точно сохраняю смыслъ рассказаннаго, а потому и позволяю себѣ заключать эти тексты въ кавычкахъ, приводя чужія слова.

«Не помню хорошо какого числа, но только до прибытія отряда генерала Калбалай-Хана, едва стемнѣло, какъ я, вмѣстѣ съ другими охотниками, вышелъ изъ пролома. Безпрепятственно сдѣлавъ концы до рѣки и обратно съ двумя кувшинами воды, думалъ пробраться въ своей ротѣ, но меня остановили и отобрали воду для больныхъ. Дѣлать было нечего, какъ только второй разъ попробовать счастья; но, возвратившись, опять пришлось разстаться съ добычей: половину ея вылили въ общую кадущку, а другой кувшинъ—въ артельный котелъ. Просьба товарищей подбила меня и на третью вылазку.

«Около полуночи было тихо и темно, уши и глаза мои чутко сторожили меня, но вотъ неожиданно наткнулся я на трехъ осѣдланннхъ ословъ; вслѣдъ за этимъ дурнымъ предзнаменованіемъ сзади меня послышался топотъ бѣгущаго, я быстро скрылся, присѣвъ за большой камень».

— «Фальковский», тихимъ сдавленнымъ голосомъ окликнулъ меня мнимый преслѣдователь.

— Кто это? спросилъ я такъ же тихо.

— «Это я, Фидяевъ».

«Узнавъ товарища, я вышелъ изъ засады и пошелъ къ рѣкѣ уже въ компаніи съ нимъ.

«Какъ ни торопилъ онъ меня въ обратный путь, но я не могъ такъ скоро набрать воды, имѣя два большихъ кувшина, два котелка и бутылку; Фидяевъ же, быстро справившись съ своими двумя котелками и не дождавшись меня, выскочилъ изъ обрыва; минуты двѣ спустя вылѣзъ за нимъ и я; но тутъ же, на краю берега, словно окаменѣлъ: по мелькавшимъ тѣнямъ и удалявшемуся топоту, я догадался, что насъ подстрѣли и за товарищемъ моимъ уже гнались; не успѣлъ я сдѣлать и двадцати шаговъ, какъ передо мной внезапно и рѣзко отдѣлилась изъ темноты приближающаяся фигура человѣка и въ ту минуту, когда я выпрямился, опустивъ на землю свою ношу, подбѣжавшій турокъ схватилъ меня за грудь.

— «Кардашъ, кардашъ!» сталъ я уговаривать его.

— «И!.. Гяуръ, урусъ!» крикнулъ мой врагъ и хотѣлъ было повалить меня, но я, увидѣвъ, что пощады отъ него не дождатся, обѣими руками обхватилъ его шею и началъ давить; въ этотъ моментъ подбѣжалъ другой съ пистолетомъ, направленнымъ противъ меня; заслоняясь отъ выстрѣла его товарищемъ, котораго продолжалъ держать попрежнему, я нѣкоторое время спасалъ себѣ жизнь, наконецъ турокъ мой упалъ, увлекши за собой и меня; помню, какъ вслѣдъ за этимъ раздался выстрѣлъ и что-то обожгло меня вдоль спины, но я обезсиленный борьбою лежалъ не шевелясь, не чувствуя даже околѣнѣ-

лыхъ пальцевъ, впившихся въ горло врага; опомнившись, я съ удивленіемъ замѣтилъ, что руки мои безсознательно душили уже бездыханнаго противника. Быстро вскочивъ на ноги и навьючившись, я счастливо прокрался между саклями и добѣжалъ до пролома».

На подобный-же подвигъ безоружнаго показываетъ и ѣздовой Пьянзинъ:

— «Едва мы выглянули изъ-за сакель, какъ замѣтили, что на солдата кинулись два форменно вооруженныхъ турка, сквозь темноту рассмотрѣли, какъ онъ наклонился, разогнулся, махнулъ рукой и вслѣдъ за громкимъ ударомъ передній турокъ упалъ; тревожно забилося наше сердце, когда отважный солдатъ подбѣжалъ къ лежавшему и выхватилъ у него ружье, когда щелкнуло оно о ружье подоспѣваго другого турка, за то радостно отлегло отъ души, когда и этотъ послѣдній опрокинулся близъ своего товарища» ¹⁾).

Встрѣча турокъ съ казаками обходилась еще дороже, хотя и они рѣдко брали ружья, но пашка и кинжалъ, всегдашніе спутники казаковъ, не мѣшая ношѣ, давали возможность быть готовыми къ бою.

Канониръ Смольняковъ съ товарищами свидѣтельствуетъ случай, подтверждающій сказанное:

«Подходя къ мосту ²⁾, замѣтили на немъ курда; въ одно мгновение соскочили мы въ обрывъ и скрылись подъ мостомъ; среди полной тишины намъ послышался наверху какой-то непонятный шумъ, похожій на возню безъ звука человѣческаго голоса, нѣсколько разъ почудилось намъ будто звякало оружіе, потомъ все стихло. Любопытство и необходимость заставили насъ выглянуть, и видимъ, около обрыва идетъ казакъ; мы окликнули его, онъ остановился, затѣмъ вышли и составили ему компанію; сильно запыхавшійся, онъ объявилъ намъ, что сейчасъ только убилъ турка на мосту и показалъ отнятое оружіе».

Азартная игра эта, противопоставлявшая добычѣ изъ двухъ, трехъ сапоговъ отравленной воды—жизнь человѣка, велась безостановочно до прибытія эриванскаго отряда.

Наши внутреннія страданія были однако неразгаданной тайной для непріятеля; его поражало, что, не смотря на продолжительное лишеніе воды, въ теченіи котораго, по ихъ расчетамъ, болѣзненность и смертность должны были довести отрядъ до неспособности къ какой бы то ни было оборонѣ, наружный видъ цитадели попрежнему оста-

¹⁾ Къ сожалѣнію, солдатъ этотъ скоро исчезъ и свидѣтелямъ не пришлось узнать ни имени его, ни части, гдѣ служилъ онъ.

²⁾ Мѣсто это выбиралось охотниками чаще другихъ, такъ какъ подъ кровомъ непрогляднаго мрака, царствовавшаго подъ аркой моста, можно было скрыться лучше, чѣмъ гдѣ нибудь.

вался все тотъ-же и не позволялъ даже помыслить штурмомъ овладѣть гарнизономъ; туркамъ неизвѣстно было, что стрѣлки наши, не ослаблявшіе энергіи и продолжавшіе безъ промаха поражать намѣченные цѣли, только и могли стрѣлять лежа, такъ какъ отъ отдачи ружья валились точно пятилѣтнія дѣти.

Изъ всего видно, что плохая военная подготовка и недостатокъ боевыхъ средствъ не позволяли туркамъ помочь своимъ блокирующимъ войскамъ, робѣвшимъ послѣ 8 іюня повторить штурмъ, присылкою хоть двухъ орудій большого калибра, и этимъ доставить легкое средство, опрокинувъ стѣны, открыть входъ въ замокъ для многочисленныхъ скопищъ. Они, правда, усилили свою горную артиллерію до четырехъ орудій, но не смотря на близкое расположеніе ихъ отъ цитадели, удары малокалиберныхъ снарядовъ о стѣны были безвредны.

Впрочемъ и среди нашихъ офицеровъ постоянно высказывалось желаніе придумать средство противопоставить этимъ батареямъ хоть одно наше орудіе лицомъ къ лицу; но всѣ предложенія были малоосуществимы; къ счастью капитаномъ Гедуляновымъ былъ найденъ исходъ общему желанію: онъ предложилъ втащить орудіе на второй этажъ зданія, отдѣлявшаго первый дворъ отъ второго; на возраженіе что полъ стараго зданія не выдержитъ давленія орудія послѣ выстрѣла, онъ розыскалъ бревна, подперъ ими полъ съ нижняго этажа передъ окномъ, назначеннымъ амбразурой, насыпали земли и застлали досками, а къ вечеру, 15 числа, эта работа, вмѣстѣ съ переноской наверхъ 7-го орудія и лафета въ разобранномъ видѣ, была окончена.

Утромъ, 16 іюня, на огонь, открытый восточною батареею, первый разъ оглушительнымъ раскатомъ отдался по зданію нашъ отвѣтный выстрѣлъ, какъ радостный сигналъ къ началію открытаго артиллерійскаго боя.

День въ день поддерживаемая перестрѣлка изпестрила стѣну вокругъ окна, изъ котораго вылетали наши снаряды, сбившіе въ свою очередь знамена въ средней батарее и при каждомъ разрывѣ вздымавшіе пыль на ихъ позиціи; только рѣдкая наша пальба, вызываемая необходимостью беречь снаряды, позволяла держаться неприятелю на томъ-же мѣстѣ.

Но 18-го числа, среди обычной пальбы, среди звуковъ, привычныхъ уху ежедневныхъ слушателей, выдался одинъ, какъ по своей отдаленности, такъ и по сильному шуму перелетѣвшаго снаряда. Всѣ были этимъ озадачены. Въ первыя минуты даже не находили той стороны, откуда былъ посланъ снарядъ большого калибра, но послѣдующіе выстрѣлы этого вновь прибывшаго орудія указали и его цѣль: наше 8-е орудіе и его расположеніе; далеко къ югу отъ цитадели, на вол-

нистой мѣстности толпились большія массы конныхъ, среди которыхъ отъ времени до времени вылетали клубы бѣлаго дыма; видѣлись также большія группы глазбьющихъ турокъ и на болѣе близкомъ разстоянїи; всѣ они точно ждали паденїя стѣнъ отъ перваго выстрѣла. Между тѣмъ даль, не рекомендуемая артиллеристами для открытїя пальбы, и ничтожное количество остающихся снарядовъ заставили поручика Томашевскаго не ввязываться въ бой, поэтому распоряженіе его ограничилось только закрытїемъ тѣла орудїа, чтобъ съ уничтоженїемъ блеска его на солнцѣ скрыть видную цѣль издалека. Однако командиру взвода не удалось избѣгнуть перестрѣлки; мѣткость непрїятельскихъ выстрѣловъ указывала на большую опасность: если-бы, подбивши наше орудіе, непрїятельское большого калибра подошло близко къ стѣнамъ, то пробить брешь не составило бы ему труда; поэтому, когда одинъ изъ снарядовъ, разорвавшійся въ мѣшкахъ съ ячменемъ, которыми прикрывалось восьмое орудіе, послужилъ окончательнымъ вызовомъ къ бою, общее вниманїе было обращено на приготовленїе къ нему. Послѣ тщательной, нѣсколько разъ повѣренной, наводки на 2,100 сажень, раздался ожидаемый выстрѣлъ и сотни глазъ неподвижно пожирали даль, чтобъ замѣтить паденїе снаряда; но вслѣдъ за разрывомъ его донесся до цитадели гомерическій, насмѣшливый хохотъ турокъ. Опытный наводчикъ Кубышкинъ отъ этого не смутился: своими рысьими глазами и провѣркой у наблюдавшихъ за паденїемъ гранаты убѣдился, что разстоянїе было найдено крайне удачно, слѣдовало только дать больше отклоненїа. Послѣ поправки, сдѣланной на основанїи этого соображенїа, второй выстрѣлъ не вызвалъ уже хохота: колыхнулась насмѣхавшаяся толпа, окружавшая орудіе, а изъ оконъ зданїа раздались голоса стрѣлковъ: «сбили орудіе!.. сбили орудіе!..» Долго ждали отвѣта, но соперница молчала. Третій выстрѣлъ, при той-же установкѣ прицѣла, окончательно разогналъ зѣвакъ; бой кончился этимъ счастливымъ артиллерійскимъ выстрѣломъ и гарнизонъ избавился отъ серьезной развязки.

Далѣе, на вопросъ—было ли еще что нибудь выдававшееся изъ обыденной жизни, приходится отвѣтить словами рассказчиковъ: дальше было все одно и то же.

О важномъ происшествїи—дождѣ, я расскажу въ концѣ, а теперь упомяну только, что въ описываемую драму были введены два потрясающихъ эпизода, что среди казнимаго обстоятельствами баязетскаго гарнизона были казнены два турка; но такъ какъ рассказы на эту тему были разнорѣчивы, то я приведу объясненїе одной изъ нихъ словами того, кто самъ произносилъ приговоръ ¹⁾: «на 4-е письмо я не отвѣчалъ вовсе и повѣсилъ переговорщика, такъ какъ это оказался

¹⁾ См. брошюру: „23-хъ дневная оборона баязетской цитадели“, стр. 14.

бывшій на жалованьи у прежняго коменданта, подполковника Ковалевскаго, лазутчикъ».

Изъ опасенія допустить читателя сдѣлать естественный, но не отъ него зависящій, неправильный выводъ: что лазутчикъ если былъ казненъ, то стало быть принадлежалъ къ бѣжавшимъ съ своего поста, и этимъ навести тѣнь на память честнаго и уважаемаго подполковника Ковалевскаго, будто державшаго сомнительную личность, я обязанъ сказать, что, сдавая свою должность коменданту капитану Штоквичу, подполковникъ Ковалевскій рекомендовалъ этого лазутчика какъ честно несшаго принятая на себя обязательства, но новый комендантъ не оставилъ его на должности, поэтому уволенный турокъ, какъ не обязанный намъ больше службою, опять сталъ въ ряды своей арміи.

Если комендантомъ выяснится вина повѣшеннаго хоть тѣмъ, что онъ былъ переговорщикъ и служилъ у подполковника Ковалевскаго, то никакъ не могъ по рассказамъ добраться въ чемъ провинился другой, котораго капитанъ Штоквичъ приказалъ выбросить изъ окна. Рассказываютъ, что когда разшибленный паденіемъ турокъ поползъ подъ гору, одинъ изъ офицеровъ, чисто изъ человѣколюбія, выстрѣломъ покончилъ его страданія.

XXV.

Хотя за неизмѣнимъ матеріаловъ не пишу исторіи, но для полноты разсказа и для удовлетворенія желающихъ видѣть передъ собою дѣятельность всѣхъ героевъ обороны Баязета, я обязанъ разсказать про то замѣчательное мужество медиковъ 11-го подвижнаго госпиталя, которое ставитъ ихъ наравнѣ съ каждымъ изъ непосредственныхъ бойцовъ.

При развитіи госпиталя, вслѣдствіе большого количества раненыхъ и больныхъ, онъ занималъ почти всѣ комнаты вдоль сѣвернаго и восточнаго фасовъ второго двора, при этомъ не былъ отдѣленъ отъ боевой линіи; заложенные окна его служили бойницами, а въ началѣ осады, когда они были открыты, пули влетали въ госпитальное помѣщеніе и отъ времени до времени убивали раненыхъ.

Трудность добыванія воды и пищи заставила госпитальныхъ дѣятелей раздѣлить общую участь и въ то же время исполнять неотложныя работы почти безъ отдыха: съ 7 часовъ утра до полудня и съ 5 до 10 вечера медики, съ запекшимися отъ жажды губами и съ страданіями пустыхъ желудковъ, на колѣняхъ, изогнувшись, изслѣдовали и перевязывали раненыхъ. Назначеніе медиковъ дежурными не гарантировало отдыха другимъ; появленіе раненыхъ послѣ каждой вылазки за водою требовало болѣе одной человѣческой силы: для ощупыванія завязшей пули и для выниманія ея дежурный медикъ поневолѣ звалъ

другого, а производство операціи поднимало на ноги чуть не весь госпиталь; когда же выпадали болѣе покойныя ночи, то и тогда сонъ завоевывался только чрезмѣрнымъ утомленіемъ, заставлявшимъ не слышать стоны, волнующіе нервы, страдальческія моленія: «воды!... воды!» и хрипѣнія умирающихъ.

Чтобы не быть голословнымъ, приведу перечень ихъ работъ:

За все время осады вынута болѣе 70 пуль и почти всѣ эти операціи производились при помощи хлороформа.

До блокады цитадели госпиталю было мало работы; въ то время поступилъ только одинъ раненый послѣ рекогносцировки 4 іюня. Шестого же числа, въ день тяжелаго для гарнизона отступленія, прибыло въ госпиталь раненыхъ 36 нижнихъ чиновъ и 4 офицера. Восьмого—въ день штурма—26 нижнихъ чиновъ и 2 офицера и одиннадцатаго, послѣ вылазки, пополнилось число раненыхъ 18-ю человекъ. Всѣхъ же раненыхъ въ теченіи 23-хъ дней перебивало въ госпиталь 208 человекъ и 20 лечилось амбулаторно.

Кромѣ раненыхъ поступали въ госпиталь и заболѣвающіе, по преимуществу лихорадкой, а также общимъ изниуреніемъ отъ недостатка воды. Эти несчастные непрерывно появлялись для осмотра и, выставя свои воспаленныя, сухіе подошвообразныя языки, умоляли дать имъ только нѣсколько капель воды; такого рода страдальцамъ обыкновенно выдавалась вода отъ одного до трехъ унцъ.

Съ 18 іюня стали прибывать въ госпиталь уже съ рожистымъ воспаленіемъ, а въ послѣдніе дни осады и съ цынгою.

Недостатокъ воды вліялъ гадко и на леченіе ранъ; за все время онѣ промывались только три раза, бинты переходили отъ одного къ другому закорюзлыми отъ засохшей на нихъ матеріи. Гной изъ ранъ удалялся исключительно посредствомъ гидроскопической ваты, а самыя раны перевязывались деревяннымъ масломъ, съ примѣсью карболовой кислоты.

Не смотря на такую перевязку, отъ гангрены умерло всего два,—раненыхъ въ бедро. Раны такого рода освѣжались только удаленіемъ гангренозныхъ краевъ оперативнымъ способомъ.

Казалось, что всѣ неблагоприятныя обстоятельства для раненыхъ совокупились для гибели ихъ и гарнизона: вышеупомянутый способъ перевязки, отсутствие покоя—такъ какъ стрѣлки, стоявшіе у каждаго окна, ежеминутно оглашали комнаты выстрѣлами и обдавали больныхъ пороховымъ дымомъ, скученность народа на небольшомъ пространствѣ, вонь отъ разлагавшихся труповъ, наваленныхъ вокругъ стѣнъ, сильная жара, при недостаткѣ воды и пищи, все это вызывало медиковъ на борьбу, требовавшую отъ нихъ сверхъ-естественной работы; насколько напрягали они свои силы, чтобы отвѣтить на это требованіе,

можно судить каждому: изъ 208 раненыхъ умерло только 40, т. е. 19⁰/₁₀₀, больныхъ же умерло 10 человекъ. До освобожденія гарнизона изъ раненыхъ успѣло выздоровѣть 27 человекъ, что составляетъ 13⁰/₁₀₀.

Страданіе отъ жажды въ госпиталѣ было не менѣе того, которое испытывалось всѣмъ гарнизономъ, да и самая исторія съ водой имѣла общій характеръ: въ день обложенія, 6 июня, смотрителемъ еще съ утра была набрана вода во всевозможныя посуды, но не долго существовалъ этотъ сравнительно роскошный запасъ. Невозможность отгадать того, что случилось на самомъ дѣлѣ, была причиной, мѣшавшей отказывать въ ней солдатамъ, возвратившимся въ тотъ же день съ боя и, какъ говорится, сгорѣвшимъ отъ жажды. Поступивъ съ водою также, какъ артиллеристы и нѣкоторыя части войскъ, на другой день изъ скуднаго уже запаса госпитальной воды возможно было выдавать больнымъ только порціями, по чаркѣ въ день, вслѣдствіе этого, при всякомъ появленіи ординатора, слышались только одни и тѣ же вопли: «воды!... воды!»

Изъ опасенія, чтобы при раздачѣ такой скудной порціи воды не былъ обойденный, комисаръ лично поилъ всѣхъ больныхъ поголовно.

Вода для госпиталя собиралась, по распоряженію коменданта, отбраниемъ части ея изъ приносимой охотниками; этой мѣрой впрочемъ едва поддерживалась чарочная порція; довольно часто впрочемъ увеличивалась она присылкою отъ войскового старшины Булавина, который раздобывалъ воду чаще другихъ, благодаря уряднику К—ну.

Когда же турки стали отравлять ее, заваливая ручей трупами, то число заболѣвающихъ значительно увеличилось; не было дня, чтобы шестьдесятъ или семьдесятъ человекъ не являлись съ страданіемъ кишечнаго канала. Даже профильтрованная вода эта сильно отдавала гнилымъ трупомъ, не ослаблялся этотъ запахъ и послѣ кипяченія ея съ говядиной.

Вотъ какое впечатлѣніе производила пища, въ которую входилъ этотъ продуктъ, покупаемый охотниками цѣною жизни.

При совершенномъ упадкѣ силъ А. Е. Ковалевской, тѣ, которые цѣнили ея пожертвованіе для подполковника Пацевича, употребили всѣ усилія, чтобы спасти ее теплой пищей; когда немытая конина, вскипяченная въ водѣ изъ ручья, была принесена ей, то вонь отъ этого супа такъ поразила даже изнуренную голодомъ женщину, что она не въ силахъ была ѣсть его иначе, какъ зажавъ носъ. Еще больше потрясло ея нервы, когда, по утоленіи голода, она почувствовала эту вонь у себя во рту.

Всетаки пища такого рода была для огромнаго большинства неощущеннымъ сокровищемъ. Когда г-жа Ковалевская, послѣ дурноты, перешедшей въ тяжелый обморокъ, была приведена въ чувство, то первое,

что она услышала, была просьба о дозволеніи передать супъ этотъ умирающему съ голоду.

Особенно серьезно заболѣвали тѣ, которымъ удавалось пріобрѣтать много такой воды и выпивать ее безъ мѣры; тѣмъ же, которымъ выпадало на долю получать только чарочныя порціи, приходилось утѣшаться поговоркой, что нѣтъ худа безъ добра; ихъ организмъ успѣвалъ постепенно свыкаться съ введеніемъ въ желудокъ отравленной воды безъ рѣзкихъ признаковъ катаральныхъ страданій. Насколько она была вредна, видно изъ того, что во время боя, при освобожденіи Баязета, всякій, забѣгавшій въ цитадель напиться воды, заболѣвалъ поносомъ.

Жидкая, горячая пища давалась больнымъ только въ первые два дня; при началѣ осады—черезъ день, затѣмъ уже едва находили возможность приготовить ее только разъ въ недѣлю, поэтому все остальное время больные тоже грызли сухари. Во второй половинѣ осады варіація въ пищѣ были: конина и повременныя раздачи старшимъ врачамъ двухъ-унцовой порціи вина.

Излюбленнымъ мѣстомъ для сбора офицеровъ, страдавшихъ жаждою, былъ корридоръ, ведущій въ мечеть близъ аптечной комнаты. Здѣсь они, пользуясь предупредительностью старшаго врача Сивицкаго, получали отъ него по кусочку сахара, обкапаннаго мятными или гофманскими каплями. Умѣряя этимъ свои страданія, они здѣсь по цѣлымъ часамъ вели свои невеселые разговоры.

XXVI.

Неполно, даже невѣрно будетъ описаніе внутренней жизни гарнизона, если не упомянуть о страданіяхъ животныхъ, неповинныхъ въ столкновеніяхъ людскихъ страстей, но по необходимости долженствовавшихъ въ Баязетѣ испытать одинъ изъ мучительнѣйшихъ способовъ смерти; поэтому считаю необходимою сказать нѣсколько словъ объ участи артиллерійскихъ лошадей.

6-го іюня, какъ только начался обходъ нашей позиціи, ихъ ввели въ цитадель и размѣстили въ заднемъ большомъ зданіи: комнату правѣе корридора заняли лошадьми одного орудія, а открытую комнату (л), безъ потолка,—лошадьми другого.

Понятно и извинительно, что люди при страданіяхъ, заглушавшихъ даже чувство человѣколюбія, не дѣлились съ несчастными животными тѣми каплями воды, которыя попадали на его долю; въ то же время, когда появлялась у солдатъ вода сравнительно въ достаточномъ количествѣ, ѣздовые если и отдѣляли частицу своей порціи для любимыхъ лошадей, то это пожертвованіе было такъ ничтожно, что могло счи-

таться скорѣе дозволеніемъ облизать мокрую крышку котелка, скорѣе ередствомъ раздражить, чѣмъ утолить жажду; можетъ быть это излишнее раздраженіе и было причиной, что первыми пали именно тѣ лошади, которыя пользовались такимъ покровительствомъ.

При полномъ безсиліи помочь несчастнымъ животнымъ, вѣдвымъ оставалось только съ мрачнымъ чувствомъ слѣдить за продолжительномъ агоніею передъ мучительною ихъ смертію.

Входя cadaго въ конюшню встрѣчался всякій разъ общимъ гоготаніемъ лошадей, но послѣ минутнаго ожиданія воды, они снова опускали головы и стоны ихъ, точно тихіе стоны человѣка, снова слышались въ этихъ комнатахъ; проходящимъ они загораживали дорогу, хватая зубами за платье, а если у кого нибудь изъ нихъ находилась посуда, то вырывали и разгрызали ее въ куски; иногда безъ видимой причины кидались они другъ на друга и бѣшено грызлись, откусывая даже уши; поврежденіямъ съ какимъ то остервененіемъ они принимались рыть землю, поминутно обнюхивая яму, точно ожидая появленія воды; не задолго до смерти казалось, что внутри животныхъ исчезла всякая жидкость: можно было видѣть, какъ растягивались несчастныя лошади и послѣ сильныхъ потугъ, вмѣсто мочи, испускали только по нѣсколькимъ каплямъ крови.

Наконецъ 21-го іюня, то есть шестнадцать дней спустя послѣ дождя, начавшая валить ихъ смерть указала предѣль, далѣе котораго лошадь безъ воды жить не могла; первымъ окончилъ свои мученія большой лучший конь (Таганрогъ), на другой день—верховой (Фигель) и два стройныхъ подручныхъ (Минскъ и Тихвинъ); по прошествіи третьей ночи нашли неживыми уже шестерку лошадей съ положенными другъ на друга головами, затѣмъ ежедневное количество падавшихъ стало быстро увеличиваться.

Видя безысходную гибель лошадей, комендантъ приказалъ ихъ рѣзать, а мясо разбирать во всѣ части гарнизона, уже много дней питавшагося исключительно ячменемъ. Первый конь, погибшій подножемъ, былъ здоровый ячечный коренникъ (Хоперъ).

Палыхъ лошадей обыкновенно по ночамъ сбрасывали со стѣн цитадели. Въ темныя ночи это производилось просто, но, съ наступленіемъ лунныхъ, когда всякая шумная возня, вродѣ вытаскиванія лошадей, вызывала мѣткій, губительный огонь, приходилось иногда ожидать удобнаго случая въ теченіи двухъ, трехъ дней; солдаты пользовались такими обстоятельствами и всегда, не смотря на запрещеніе, открытно подползали къ невыброшенной, начинавшей уже гнить, лошади съ тѣмъ, чтобы либо отрѣзать отъ нея кусокъ мяса или, распоровши животь, утолить жажду, высасывая изъ кишекъ всю влагу. Привычные къ запаху падали, пропитавшему воздухъ, которымъ дышали, и воду,

которую пили съ наслажденіемъ, они и въ мясѣ разлагавшагося животнаго не могли найти что нибудь отталкивающее.

Одна изъ первыхъ раздачъ конины не обошлась однако даромъ: всякій, схвативъ свою порцію, спѣшилъ хоть сколько нибудь поджарить ее и утолить голодь, поэтому скоро комната (Н), служившая тоже кухней, набилась народомъ; шумъ немного повеселѣвшихъ солдатъ, споры при дѣлежѣ и дымъ, выходявшій сквозь отверстія въ потолокъ, обратили вниманіе турокъ, которое высказалось частой ружейной и орудійной пальбой по щели въ потолокъ, при этомъ граната, обваливъ камень на головы солдатъ, занятыхъ кулинарнымъ искусствомъ, убила одного изъ нихъ наповаль; все это заставило разогнать шумную публику.

Много раньше приказанія коменданта рѣзать артиллерійскихъ лошадей находились личности, которыя либо по невозможности поить своихъ собственныхъ, либо не допускавшія себѣ, по праву начальника, брать для нихъ воду изъ общественнаго запаса, либо просто изъ сочувствія къ страдающимъ людямъ и лошадямъ жертвовали этихъ собственныхъ лошадей на съѣденіе; но, конечно, были и исключенія, которыя, къ сожалѣнію, послужили для нѣкоторыхъ поводомъ къ прерватнымъ толкованіямъ о прославленномъ героизмѣ баязетцевъ.

Только непонятная, безпричинная нелюбовь признавать за другими высокую заслугу могла заставить нѣкоторыхъ свидѣтелей, замѣтившихъ какъ три или четыре офицера вывели по двѣ и по три лошади, произнести спѣшное и даже неосторожное заключеніе, что будто мужественная стойкость обходилась гарнизону не такъ дорого, вслѣдствіе достаточности воды, и въ подтвержденіе этого сомнѣнія указывать на лошадей, выведенныхъ въ хорошихъ тѣлахъ.

Если единичныя личности тратили дорого добываемую солдатами воду на своихъ лошадей, то остальные въ сильный зной выпивали ее среднимъ количествомъ по одной чаркѣ въ день; если, какъ рассказываютъ, человекъ три или четыре находили возможность ежедневно садиться за обѣдъ въ секретной комнатѣ, то остальные питались ячменемъ и утоляли жажду трупнымъ ядомъ, разбавленнымъ водою. Вотъ эти-то остальные и есть весь гарнизонъ, онъ-то и состоялъ, за ничтожнымъ исключеніемъ, изъ мучениковъ-героевъ, которые впили дубовую вѣтку въ лавровый вѣнокъ военной славы Россіи.

Однообразно протекавшіе дни и описанныя бичеванія, лишавшія людей послѣднихъ силъ, почти уничтожили признаки жизни въ едва живомъ гарнизонѣ.

Хотя попрежнему никто не рѣшался помыслить цѣною сдачи кушать у турокъ воду и пищу, никто не избѣгалъ боя и сплошная линія стрѣлокъ окаймляла верхи зданій, но въ то-же время всѣ начинали

свыкаться съ мыслью, что придется встрѣтить тяжкій конецъ своимъ мученіямъ; едва мерцавшая надежда на спасеніе почти исчезла, даже воображеніе страдальцевъ отказывалось вызвать представленіе отрадной минуты и хотѣ этимъ поддержать остатокъ засыпавшихъ силъ.

XXVII.

Безжизненная мертвенность царя въ опустѣлыхъ дворахъ, на которыхъ не было видно ни офицеровъ, ни солдатъ; не шевелясь лежали на стѣнахъ стрѣлки и вели бой по собственной инициативѣ, а тѣ, которые оставались отъ расчета, едва копошились внутри зданій среди безмолвной тишины, прерываемой только вздержанными стонами: тождественность мыслей и общая слабость при болѣзненной раздражительности не могли дать темы для разговора.

Много отраднато успокоенія при такихъ обстоятельствахъ наши бы люди въ куреніи, но табакъ давно уже вышелъ и замѣнялся одними, болѣе счастливыми обладателями—обрѣзками старыхъ чубуковъ и мушкетеровъ, другими—чаемъ, а нѣкоторые, какъ сами выражались, курятъ святую тряпицу.

Новымъ развлеченіемъ для наблюдавшихъ со стѣны непріятельскую позицію было слѣдить за дѣятельнымъ передвиженіемъ турецкихъ табуретъ, которое стало замѣчаться въ послѣдніе дни осады.

Наконецъ, судьба сжалилась надъ многострадательнымъ гарнизономъ и, послѣ тяжкихъ испытаній, стала снимать одну кару за другою.

21-го числа люди встрепенулись: гуломъ прошелъ говоръ по всѣмъ закоулкамъ цитадели о томъ, что прибылъ курды отъ генерала Тергукасова, извѣщавшаго о скоромъ прибытіи эриванскаго отряда. Вѣсть эта напомнила всѣмъ о необходимости и даже возможности дожеть до радостнаго дня.

Съ этого-же времени, со стороны непріятели, стали особенно часто сыпаться предложенія о сдачѣ съ присовокупленіемъ соболѣзнованія о положеніи гарнизона, а повременамъ и угрозы; но пробужденная энергія надеждой на близкій, желанный исходъ придавала силу отвѣчать на нихъ бойкими отказами.

Жизнь въ гарнизонѣ стала точно разнообразнѣе, да и небо высказало свое запоздалое покровительство: появившіяся облака стали препятствовать лучамъ солнца служить орудіями пытки.

Послѣ полученной записки отъ генерала Тергукасова, помощь однако не являлась день, другой, третій, а между тѣмъ нетерпѣливое ожиданіе это длило время до безконечности: минуты вытягивались въ часы, а дни въ мѣсяцы. Естественное желаніе увидѣть отрядъ вслѣдъ за извѣщеніемъ родило мысль, что только незнаніе положенія гарни-

зона служить причиною такой мѣшкатности, а потому, какъ слѣдствіе общаго настроенія, полковникъ Измаиль-ханъ приказалъ вызвать охотниковъ для отправки извѣщенія въ Игдырь.

Болѣе сильнымъ и способнымъ сдѣлать этотъ переходъ оказался урядникъ Суворовской станицы Сиволобовъ ¹⁾, которому было поручено выбрать себѣ двухъ спутниковъ и въ эту же ночь выйти изъ города ²⁾.

Большую часть дня Сиволобовъ пролежалъ на балконѣ, изучая движенія турокъ; замѣтивъ передъ вечеромъ, что около роты ихъ спустилось къ Зангезору, какъ видно для чередной смѣны передовыхъ постовъ, онъ рѣшилъ не идти этой дорогой, а направиться прямо на сѣверъ черезъ рѣку, пройти зарѣчную часть города, перевалить горный отрогъ и затѣмъ уже повернуть налѣво къ Чингильскимъ высотамъ, рассчитывая такимъ движеніемъ обойти турецкіе аванпосты.

Вечеромъ урядникъ Сиволобовъ получилъ для передачи генералу Калбалай-хану записку и приказаніе,—разсказавъ о положеніи гарнизона, просить телеграфировать обо всемъ командующему войсками.

Наступила облачная, но достаточно свѣтлая ночь. Сиволобовъ съ путниками сняли сапоги, заткнули ихъ за поясъ, вмѣстѣ съ командою, вышедшею за водой, спустились къ рѣкѣ и, не останавливаясь, повернули вдоль по теченію ея между обрывистыми берегами. Пройдя шаговъ триста, охотники остановились, отдохнули, напились воды и наугадъ, выскочивъ на верхъ праваго берега, очутились подъ стѣною, изъ-за которой шла горячая пальба; мгновенно казаки нырнули назадъ въ обрывъ. Спустившись ниже, они замѣтили прорѣзанный пологій спускъ, опять повернули направо—оказалась дорога, но лишь только по ней дошли до зданія на верху курганчика, какъ лицомъ къ лицу очутились передъ турецкимъ патрулемъ, неожиданно появившимся изъ-за угла; прошло нѣсколько секундъ оцѣпенѣнія и обѣ стороны шархнулись: турки—за уголь, казаки—къ стѣнѣ и снова замерли въ ожиданіи дальнѣйшаго исхода; такое напряженіе съ обѣихъ сторонъ продолжалось недолго: вслѣдъ за штыкомъ и дуломъ ружья изъ-за угла показалась и фізіономія турка; окликнулъ онъ разъ—молчаніе, окликнулъ другой... «русскій!» нежданно отозвался одинъ изъ казаковъ, желавшій скорѣйшей развязки... и вслѣдъ за этимъ защелкали взводимые затворы казачьихъ винтовокъ, но вмѣсто ожидаемаго нападенія за угломъ раздался призывной крикъ турка. Предупреждая вѣрную гибель, наши кинулись назадъ; по пути замѣтили они въ сторонѣ саклю съ отворенною дверью и рѣшивъ, что она пуста, быстро скрылись въ ней и приготовились къ оборонѣ на смерть.

¹⁾ Послѣ войны произведенъ въ офицеры.

²⁾ Урядникъ Сиволобовъ выбралъ двухъ казаковъ Уманскаго полка Шапеля и Цовуру.

Могильный мрак и тишина въ саклѣ, крики и говоръ турокъ, по всѣмъ направлениамъ путающіеся съ пальбой, томили казаковъ около часа... Вдругъ послышались осторожные шаги; приложивъ глазъ къ узкой щели въ дверяхъ, Сиволобовъ увидѣлъ, какъ человекъ тридцать, выступая осторожно съ наклоненными штыками и устремленными впередъ глазами, проходили мимо дверей.

Невыносимое положеніе казаковъ дошло до безумнаго желанія скорѣе отдѣлаться отъ него открытымъ боемъ; съ трудомъ удалось Сиволобову отговорить товарищей отъ этого приговора самихъ себя къ смерти; надежда на лучший исходъ не покидала его... Турки между тѣмъ остановились и, тоже о чемъ-то пошептавшись, двинулись далѣе.

Слѣдя за ними, Сиволобовъ машинально отворилъ дверь, машинально за скрывшимися дошелъ до угла, затѣмъ уже вернулся и объявилъ товарищамъ, что никого нѣтъ, а самъ безопасно усѣлся на большомъ камнѣ передъ саклей; дверь отворилась, но едва показался изъ нея казакъ, какъ судорожно рванулся онъ назадъ, наткнулся на выходившаго за нимъ товарища и въ этомъ переполохѣ сильно стукнулъ дверьми. Подойдя къ саклѣ съ просьбой, чтобы не шумѣли, Сиволобовъ услышалъ, что турки сидятъ впереди недалеко отъ камня. Немедленно опустившись за него, онъ дѣйствительно увидѣлъ человекъ десять, сильно сосредоточившихъ свое вниманіе на цитадели. Рѣшеніе его уйти теперь же было принято не сразу; когда установилось согласіе, казаки воспользовались тѣмъ, что вниманіе турокъ было отвлечено въ противоположную сторону; прикрываясь камнемъ, какъ кошки выскользнули изъ-подъ носа непріятеля и снова быстро исчезли въ глубокой промоинѣ рѣки; затѣмъ по ней почти бѣгомъ спустились еще ниже.

Послѣ минутной остановки, въ третій разъ, наудалую, вскарабкались казаки на правый берегъ; заборами, балочками и промоинами дошли, наконецъ, до отрога, на который удалось имъ взобраться незамѣченными; затѣмъ предстоялъ спускъ; но шипящій шумъ отъ осыпавшагося изъ-подъ ногъ измелченнаго шифра снова взволновалъ казаковъ, вслѣдствіе опасенія обратить на себя вниманіе турецкихъ постовъ; къ счастью, встрѣченная промоина позволила имъ сойти скрытно; дойдя до подножія, они весело и дружно выскочили изъ оврага и въ то же мгновеніе, какъ обваренные кипяткомъ, рванулись назадъ и бросились на землю: въ шагахъ пятидесяти предъ ними открылся турецкій постъ. Выглянувъ черезъ минуту на громко разговаривавшихъ постовыхъ и замѣтивъ, что внезапное появленіе нашей партіи не было замѣчено турками, Сиволобовъ ползкомъ, принявъ вправо, рѣшился открыто пройти сквозь послѣднее препятствіе, чтобы не возбудить подозрѣнія твердой поступью, шагахъ въ тридцати отъ поста, увлекша-

гося бесѣдой. Уже подходили казаки къ оберегаемой линіи, какъ чуть не надъ ухомъ раздался громкій смѣхъ другой группы турокъ, внезапно открывшейся изъ-за каменистаго бугра; на мгновеніе ноги казаковъ какъ будто укоротили шагъ, но невозможность и нежеланіе повернуть назадъ вели ихъ на проломъ. Притаивъ дыханіе, не сводя глазъ съ турокъ, весело хохочущихъ у огонька, и судорожно сжимая винтовки съ взведенными ударниками, казаки прежнимъ спокойнымъ шагомъ прошли мимо серьезной опасности и, наконецъ, переступили завѣтную линію постовъ. Минуть черезъ пять они усилили шагъ: огоньки и неопредѣленные силуэты часовыхъ уже едва мелькали сзади ихъ.

Не физическая, а нравственная сила давала возможность измученнымъ баязетцамъ быстро приближаться къ пограничной горной грядѣ.

Болѣзненный позывъ на воду, заставлявшій ихъ пить при всякомъ удобномъ случаѣ, отозвался на нихъ отравой: чѣмъ больше пили, тѣмъ больше хотѣлось имъ пить, тѣмъ сильнѣе развивались желудочныя и кишечныя страданія и скорѣе отнимались послѣднія силы.

Съ трудомъ взшли путники по каменистой дорогѣ на верхъ Чингильскихъ высотъ и тутъ же въ изнеможеніи опустились для отдыха. Съ разсвѣтомъ тронулись дальше; не допуская возможности, что турки могли владѣть путями черезъ горы, они взяли направленіе правѣе дороги. Крутые подъемы и спуски, каменникъ и духота при облачномъ небѣ сдѣлали свое дѣло: подъ обезсиленными странниками ноги переставали служить. Уже оставалось до Игдыря верстъ пятнадцать, уже раскрылась передъ ними панорама равнины эриванской площади, съ аулами, утопленными въ зелени садовъ, какъ все это въ глазахъ Сиволобова обволокло туманомъ и онъ упалъ безъ чувствъ; товарищи прибавили-было шагъ, но недалеко отъ него свалился и Цокура, тогда Шапель, собравъ всѣ свои силы и бодрость, направился къ армянскому аулу, гдѣ всѣ ему были знакомы еще во время службы на кордонѣ и, къ счастью, дошелъ до него. На призывъ его жители охотно откликнулись, пославъ къ сторонѣ упавшихъ казаковъ двѣнадцать мальчиковъ съ водой и чуреками, а въ Игдырь извѣстіе о прибытіи обезсиленныхъ казаковъ изъ Баязета.

Кое-какъ припелелись въ аулъ очнувшіеся Сиволобовъ и Цокура. Затѣмъ на присланныхъ изъ Игдыря лошадяхъ, на другой день, 25-го числа, явились они къ генералу Калбалай-хану. Выслушавъ и о положеніи гарнизона, и о препятствіяхъ на пути, онъ угостилъ ихъ чаемъ и закуской и приказалъ выдать Сиволобову 300, а остальнымъ двумъ по 100 рублей.

XXVIII.

Досада, волновавшая баязетцевъ на нескорое появленіе отряда и на тучи, точно дразнившія нависшимъ надъ ртомъ драгоцѣннѣйшимъ лакомствомъ, не заглушала все-таки надежды на желанный исходъ. Вскорѣ одна изъ причинъ, раздражавшихъ измороженный гарнизонъ, разрѣшилась желаннымъ исходомъ: 24-го Іюня небо стало мрачнѣе и ночью дождь проливной, настоящій сказочный источникъ живой и мертвой воды, безъ запаха падали, пошелъ на раскаленную почву и на засыхавшихъ людей.

Что происходило внутри цитадели — легко догадаться каждому: дворы переполнились народомъ, лоя драгоцѣнную влагу всевозможной посудой: котелками, сапогами, даже брезентами, а за неимѣніемъ ея раскрытыми ртами и выставленными пригоршнями, изъ которыхъ выпивая собранныя капли, вылизывали ладони чуть не досуха; къ каждой ошупанной лужицѣ наклонялось по нѣсколько головъ, стекавшая съ крышъ грязная вода, увлекавшая съ собою массу накопившейся пыли, подхватывалась на перебой подставляемыми ведрами и котлами, а часовые, стѣсненные своею обязанностію, сосали промокшіе мундиры. Гамъ отъ споровъ и говора среди ночи далеко разносился изъ цитадели. Напрасно думали турки, что на учащенную пальбу ихъ будетъ обращено какое нибудь вниманіе.

Передъ утромъ дождь пересталъ, но наступившій свѣтъ не образумилъ сильно страдавшихъ жаждою: забывая, что каждая точка внутри дворовъ отлично пристрѣлена непріателемъ, они открыто припадали къ каждой лужицѣ, образовавшейся въ ложбинкахъ плитъ, и не смотря на то, что по сосѣдству многіе изъ товарищей послѣ удара пулей, только охнувъ, судорожно вытягивались безъ жизни, продолжали розыскивать разбросанные глотки волю.

День послѣ дождя былъ настоящимъ праздникомъ: вездѣ готовилась горячая пища: гдѣ варилась конина, гдѣ каша, конечно, крутая, и въ количествѣ не болѣе пяти ложекъ на человѣка, а гдѣ виднѣлись и распускавшіе пары самоварчики.

Многимъ въ эту ночь удалось выпить гораздо больше того количества воды, какое выпадало прежде на долю каждаго, но воспаленныя внутренности, ненасытно требуя воды еще и еще, разстраивались сильнѣе и дизентерія въ этотъ день сдѣлалась почти поголовною болѣзнію.

Между тѣмъ турки, по непонятной гарнизону причинѣ, стали ужъ очень энергичны какъ по непрерывной пальбѣ и усиленнымъ бомбардировкамъ, такъ и по строго содержимой блокадѣ, отчего и затрудне-

нія пробираться за водой возросли почти до неодолимой степени ¹⁾. Зловѣщія явленія отъ жажды вызывали безотлагательную необходимость спасти гарнизонъ отъ гибели.

Боязнь, что одной изъ главныхъ помѣхъ скорѣйшему прибытію эриванскаго отряда могло служить также лучшее понятіе генерала Тергуасова о положеніи гарнизона, чѣмъ оно было на самомъ дѣлѣ, заставила полковника Измаиль-хана настойчиво преслѣдовать мысль о скорѣйшемъ сообщеніи обо всемъ черезъ Игдырь, поэтому, допустивъ возможность, что первые посланные могли не дойти, приказалъ вновь выкликнуть охотниковъ для той же цѣли.

Два удалыхъ урядника, Малевъ и Еременко, еще свѣжіе нравственно и сохранившіе силы настолько, что надѣялись дойти до Игдыря, вызвались исполнить порученіе, и ночью съ 25-го на 26-е юня, спустившись по канату у флагштока, приняли то же направленіе, которое было предпочтено партією Сиволобова.

Безъ встрѣчи съ опасностью прокрались они черезъ зарѣчную часть города и взосли на вершину отрога, а для поворота къ нашей границѣ избрали не подошву горы, а верхъ гребня; этимъ путемъ они дошли до крутого обрыва. Малевъ первымъ, ухватившись за растущую у края его хворостину, почти на вѣсу сталъ устраивать упоръ для ногъ, но ненадежная вѣтка вырвалась изъ рыхлаго грунта и онъ звонко хватился о дно оврага. Не потерявъ сознанія, онъ употребилъ всѣ усилія, чтобы не заохать и, не смотря на текущую съ лица кровь, продолжалъ лежать не шевелясь.

— «Малевъ, ты живъ?» донесся до него тихій пробный вопросъ Еременки.

— Живъ, спускайся, глухо отдался голосъ изъ оврага.

Вслѣдъ за этимъ посыпалась земля, а за нею загремѣлъ въ оврагъ Еременко.

Не менѣе пяти минутъ, сдержанно побрякивая, отлеживались ушибленные, прислушиваясь къ доносившимся звукамъ и присматриваясь къ окрестности; убѣдившись окончательно въ отсутствіи въ этомъ мѣстѣ какихъ бы то ни было непріятельскихъ постовъ, они поспѣшили скорѣе оставить опасныя мѣста.

Разсвѣтъ открылъ передъ ними Чингильскія высоты; дальнѣйшій путь ихъ былъ не безъ тревогъ; казачья бдительность и осторожность служила главнымъ кошмаромъ: началось съ того, что найденная у подножія горы куртинская туфля заставила ихъ призадуматься, а когда на грязной дорогѣ встрѣтили безчисленное множество слѣдовъ, то

¹⁾ Въ это время движеніе эриванскаго отряда мимо Баязета въ Игдырь успокоило непріятеля дурнымъ предзнаменованіемъ.

серьезно встревожились и рѣшили, что вершины заняты турками, поэтому, для подъема на гору, избрали лошину много правѣе дороги.

Обезсиленные казаки долго не могли подняться съ привала, но передъ выходомъ, едва выглянули они изъ закрытія, какъ замѣтили вдаль разѣздъ и человекъ двадцать конныхъ, удалявшихся къ сторонѣ Игдыря. Поползли-было казаки къ дорогѣ, чтобы по отпечатанной на грунтѣ формѣ подковъ узнать, къ какой сторонѣ принадлежать эти всадники, какъ показавшаяся группа пѣшихъ заставила ихъ направиться въ противоположную сторону. Въ виду такого сильнаго движенія по дорогѣ, они приняли новое рѣшеніе: отодвинуться отъ нея какъ можно дальше и идти открыто, не возбуждая подозрѣнія ни турокъ, ни русскихъ.

Вскорѣ съ вершины одного отдаленнаго кургана они открыли бивачное расположеніе значительнаго отряда, но былъ-ли онъ нашъ или враждебный—рѣшить не могли, и снова напрягая послѣднія силы, пошли дальше, не переставая повторять свои наблюденія. Въ одной изъ такихъ рекогносцировокъ за курганомъ слышались приближающіеся голоса. Не шевелясь и готовясь къ отпору, они обратились въ слухъ, а говоръ какъ на зло утихъ и вдругъ гдѣ-то около нихъ раздалась чистая русская рѣчь. «Наши!» сказали оба и отъ истощенія силъ упали на землю.

Это былъ эриванскій отрядъ, спѣшившій въ Игдырь съ тѣмъ, чтобы снабдившись продовольствіемъ и боевыми припасами, немедленно вернуться на выручку къ Баязету.

Тяжело было генералу Тергукасову выслушивать второй разсказъ о бѣдствіяхъ гарнизона, лишеннаго пищи и воды; желаніе свое скорѣй спасти его онъ высказалъ въ крайне быстромъ снабженіи отряда и появленіи съ нимъ передъ Баязетомъ: 27-го іюня онъ стоялъ уже на позиціи передъ городомъ не далѣе восьми верстъ и приготовился атаковать турокъ съ разсвѣтомъ слѣдующаго дня.

Между тѣмъ положеніе баязетцевъ, не знавшихъ что происходило кругомъ и попрежнему досадовавшихъ о куда-то исчезнувшей помощи, было доведено, 27-го іюня, до крайности: блокирующія войска были въ ружьѣ, какъ передъ боемъ, потому и вылазка за водой прошлую ночью кончилась ничѣмъ; а воды въ артели не было ни капли; мученія чуть не вызывали отчаянія; даже живая перестрѣлка, кипѣвшая въ теченіе дня, не имѣла прежней цѣлебной силы—сосредоточеніемъ вниманія на непріятеля утишать страданія гарнизона; теперь внутренній пожаръ вопіялъ о водѣ при всякомъ отводѣ глазъ.

Ни зоркость солдатъ, ни бинокли, поминутно направляемые къ сторонѣ равнины въ теченіе цѣлаго дня, не приносили ничего утѣшительнаго и только вечеромъ подстерегли давно жданныхъ.

День былъ облачный, пасмурный и разсмотрѣть что нибудь на разстояніи девяти верстѣ казалось не было возможности, однако изъ разсказовъ видно, что одни замѣтили бѣлѣвшія палатки, отъ вниманія другихъ не ускользнуло три бѣлыхъ пятнушка, послѣдовательно появлявшихся и исчезающихъ какъ дымки отъ орудійныхъ выстрѣловъ, третьи слышали выстрѣлы и рассуждали, что вѣрно гдѣ нибудь идетъ бой. Бинокли открыли даже темныя линіи войскъ,—однимъ словомъ, сообщаемые такого рода признаки утвердили увѣренность гарнизона въ прибытіи эриванскаго отряда и нравственныя силы изморенныхъ людей снова стали командовать надъ физическими.

Поздно вечеромъ, желая испробовать перекликнуться съ приходшимъ отрядомъ, устроили зорю: 8-е орудіе, заложивъ двухъ-фунтовый холостой зарядъ съ пыжомъ, дало громкій выстрѣлъ, а подпоручикъ Соколовскій съ канониромъ Гребеницкимъ ¹⁾ сыграли зорю, такъ какъ безсиліе баталіонныхъ горнистовъ дѣлало ихъ неспособными надуть хоть одну ноту; но ни на зорю, ни на орудійный выстрѣлъ не было слышно ни одного отвѣтнаго звука.

Съ наступленіемъ ночи опять та же иступленная жажда вызвала охотниковъ за водой, предпочитавшихъ смерть невыносимымъ страданіямъ и, благодаря болѣе удачнымъ результатамъ, снова появились гомеопатическія порціи жидкой трупной эссенціи для промочки горла.

XXIX.

Разсвѣло. Вдали, стройно, какъ линіи шашекъ на планѣ, приближалась наша боевая линія къ подножію отроговъ; затѣмъ, въ цѣпи, охватившей ихъ, закипѣлъ частый огонь, а въ нѣсколькихъ мѣстахъ вслѣдъ за клубами порохового дыма разносились по горамъ раскаты орудійныхъ выстрѣловъ и громкое шипѣніе снарядовъ, пролетавшихъ мимо, по направленію къ старой крѣпости.

Въ отвѣтъ всѣ вершины горъ, занятыя турками, застлались дымомъ и знакомый, непрерывный гулъ отъ ружейнаго огня указывалъ, до какой степени онъ былъ частъ. Горныя-же ихъ орудія, не добрасывая снаряды до нашихъ батарей, начали осыпать ими цитадель; съ своей стороны орудія гарнизона, не нуждаясь болѣе въ сбереженіи снарядовъ, отвѣчали горячо; 8-е—обстрѣливаніемъ старой крѣпости, а 7-е—позиціи непріятельской артиллеріи указывали цѣль приходшимъ батареямъ.

Незабвенный, радостный для баязетцевъ бой, не смотря на его серьезность по упорству непріятеля, гремѣлъ какъ поздравительная салютація.

¹⁾ При мобилизаціи, передъ войной, въ батарею былъ зачисленъ изъ запаса Гребеницкій, бывшій пѣхотный горнистъ.

Съ наступленіемъ нашего отряда, у нѣкоторыхъ офицеровъ родилась мысль, что гарнизонъ, собравъ болѣе крѣпкихъ людей, могъ-бы финаль своихъ страданій ознаменовать смѣлой вылазкой, которая, конечно, была крайне основательна, и когда войсковой старшина Кванинъ предложилъ полковнику Измаиль-хану выйти всеѣмъ гарнизономъ съ цѣлюю отхватывать пути отступленія турокъ и этимъ готовить болѣе легкую побѣду подходящимъ колоннамъ, встрѣтилъ и въ немъ полное сочувствіе, но возраженія нѣкоторыхъ остановили эту дѣльную, умѣстную вылазку; когда же тѣснимые турки, въ виду и почти около цитадели, стали безпрепятственно подыматься по улицамъ и предложенный планъ велѣно было привести въ исполненіе, тогда войсковой старшина Кванинъ вывелъ свою сотню хоперцевъ и направился къ старой крѣпости, рассыпавъ половину въ цѣпь подъ командою сотника Гвоздика. Обходъ удался и вскорѣ подоспѣвшіе стрѣлки очищая крѣпость и штыками, и пулями, погнали бѣгущихъ на хоперцевъ какъ въ тенета; въ короткое время болѣе 70 плѣнныхъ было препровождено въ цитадель, гдѣ кипѣла еще сильная пальба. Стрѣлки и орудія дружно помогали наступающимъ; но вдругъ въ окнѣ, служившемъ амбразурой, раздался взрывъ; оказалось, что непріятельскій снарядъ попалъ въ дульный срѣзь 7-го орудія и окалѣченная бабушка, какъ называли его солдаты, не договорила сказку до конца.

Между тѣмъ общая линія эриванскаго отряда была уже недалека: въ это время по приказанію капитана Штоквича, на уголъ, къ флаштоку, было вынесено знамя и собраны люди, которые должны были пѣть «Боже, Царя храни». Турки, конечно, не пропустили такой цѣпи и многимъ изъ этой группы, въ томъ числѣ и знаменщику, не удалось дожидаться минуты избавленія, а она наступила скоро, съ появленіемъ цѣпи у стѣнъ цитадели; раздавшееся приказаніе: «собираться и выходить!» подняло въ цитадели и слабыхъ, и раненыхъ; взнуренныя лица засвѣтились улыбками и закипѣла дѣятельность, похожая на тотъ бойкій переполохъ, который охватываетъ здоровое войско во время тревоги; одни очищали входъ отъ каменьевъ, другіе на носилкахъ выносили раненыхъ, третьи укладывали нѣкоторыхъ изъ нихъ въ фургоны; плѣнные турки свозили ихъ съ горы, эти же случайные работники спускали орудіе со второго этажа и потомъ на дорогу, гдѣ ожидали присланныя лошади; часть гарнизона, стоя подъ ружьемъ, здоровалась съ начальниками, заходившими въ цитадель, и «рады стараться» отдавалось во всѣхъ концахъ ея на привѣтствія посѣтителей, но очень многіе, какъ будто потерявшіе сознаніе, схвативъ ружья, съ быстротой здоровыхъ людей, побѣжали одни въ ряды къ своимъ, другіе къ чистому источнику на базарѣ, прильнувъ къ которому могли бы опираться на смерть, если-бъ не мѣшали этому прѣходившія войска.

Во всѣхъ частяхъ наступавшаго отряда, среди горячаго боя, видѣлись объятія, поцѣлуи и слышались поздравленія. Начальники частей гарнизона поспѣшили представиться генералу Тергукасову, который, прорадавъ объ ихъ участи довольно долго, встрѣчалъ байзетцевъ какъ неожиданно воскресшихъ, обнимая и цѣлуя каждаго ¹⁾).

Къ часамъ четыремъ сраженіе кончилось: турокъ прогнали; гарнизонъ вызвали и стали готовиться къ выступленію въ Игдырь.

Радостное чувство человѣка, нашедшаго своего брата, гордость при видѣ своихъ ближнихъ, доставившихъ всѣмъ славное имя, благоговѣніе къ мужеству, не поддавшемуся мученіямъ, наконецъ, сладкое чувство сознанія добраго дѣла спасти погибающаго,—все это вмѣстѣ отразилось въ душѣ каждаго изъ свидѣтелей, прибывшихъ для выручки героевъ. Этотъ первый порывъ былъ чистъ и правдивъ; ядъ эгоизма и зависти ни одной каплей не отравлялъ тогда должнаго воздаянія; при такомъ отношеніи объятія были истинно братскія, поздравленія искренни и похвала—отраженіемъ благодарности за поддержаніе чести.

Военное общество не забыло и Александру Ефимовну Ковалевскую: еще Байзеть не былъ окончательно занятъ, какъ съ заявленіемъ своего уваженія и сочувствія о тяжелой потерѣ и перенесенныхъ страданіяхъ первымъ явился къ ней командиръ Ставропольскаго полка фонъ-Шакъ. Опираясь на его руку, она вышла изъ цитадели, но вспомнивъ, что забыла 700 руб. баталіонныхъ денегъ, вернулась въ свою комнату. Приѣхавшій къ ней генералъ Калбалай-ханъ, послѣ такихъ же привѣтствій, предложилъ ей лошадь, но, по безсилію держаться на ней, она предпочла идти пѣшкомъ съ помощью его поддержки. Встрѣтившій ее генералъ Тергукасовъ поцѣловалъ ей руку, поздравляя и въ то же время успокоивая обезсиленную страданіями и горемъ вдову. Этотъ день былъ триумфомъ женщины-героини: встрѣчавшіеся съ ней знакомые офицеры цѣловали ея руки, выражая радость видѣть ее живою, да и всѣ остальные осыпали ее поздравленіями и наперерывъ высказывали желаніе чѣмъ нибудь угодить ей. Устроенная поручикомъ Загайповымъ закуска дала ей возможность и отъ общества офицеровъ Ставропольскаго полка услышать какъ глубокое уваженіе къ памяти убитаго ея мужа, такъ и удивленіе передъ невѣроятной силой воли женщины, перенесшей безъ ропота то, что подъ силу рѣдкому военному. Такъ радостно кончилось 28-е юня 1877 г.

На другой день отрядъ съ большими толпами плѣнныхъ ночевалъ въ Кара-Булахѣ. Съ этой позиціи видѣли, какъ на горахъ у Байзета

¹⁾ Байзетскій гарнизонъ вышелъ изъ цитадели, потерявъ убитыми: 2-хъ штаб-офицеровъ, 9 унтеръ-офицеровъ и 108 рядовыхъ; ранеными: 8 оберъ-офицеровъ, 17 унтеръ-офицеровъ и 142 рядовыхъ. К. Г.

скоплялись большія массы турецкаго войска, опоздавшаго помѣшать нашему дѣлу. 1-го іюля войска наши уже были въ Игдырѣ, гдѣ ожидало ихъ извѣстіе о скоромъ прибытіи его высочества главнокомандующаго кавказскою арміею.

Всегда радостно встрѣчаемый кавказцами, теперь онъ былъ особенно желаннымъ гостемъ: сознание каждаго, что за дорогую любовь своего главнокомандующаго эриванскій отрядъ, не знавшій неудачъ, въ долгу не остался, влекло за собой желаніе услышать подтвержденіе этого благороднаго сознанія и заслуженное привѣтствіе отъ того, кто былъ имъ дорогъ.

Пріѣздъ и смотръ его высочества были въ свое время описаны въ газетахъ; теперь напомнимъ только, что послѣ высказаннаго главнокомандующимъ восторженнаго «спасибо», онъ для баязетцевъ, выдѣвшихся изъ среды молодецкаго отряда, скомандовалъ «на крауль» и провелъ этихъ полуживыхъ героевъ вдоль фронта всего войска, отдавая имъ честь ¹⁾.

Въ числѣ разныхъ наградъ было также разрѣшеніе выдать всему гарнизону вознагражденіе за утраченныя вещи. Эта милость не коснулась только одной А. Е. Ковалевской и то, вѣроятно, вслѣдствіе случайнаго забывчивости капитана Штоквича доложить о ней высшей власти.

Но взявшемуся рассказать все характерное и все выдающееся преступно оставлять прикрытымъ то, что свѣтилось своимъ собственнымъ свѣтомъ. Если Измаиль-паша въ письмѣ къ коменданту отъ 24-го іюня 1877 года придавалъ значеніе тому, что между страдавшими была женщина; если болѣе искреннія натуры, съ прямою относившіяся къ событіямъ и фактамъ, пришли первыми чуть не поклониться героизму женщины, потерявшей во время блокады болѣе, чѣмъ ктонибудь изъ гарнизона, если весь отрядъ благоговѣнно встрѣчалъ ея появленіе, значитъ положеніе А. Е. Ковалевской было незаурядное.

Все перенесенное баязетскимъ гарнизономъ было такъ исключительно славно, такъ поразительно по невѣроятному мужеству, одолѣвшему почти баснословно-продолжительныя страданія, что, прослѣдивъ всю двадцати-трехъ дневную жизнь его въ тѣсной блокадѣ, даже теперь, семь лѣтъ спустя, свѣжо воскресаетъ тотъ энтузіазмъ, съ которымъ привѣтствовали его начальники и товарищи при первой встрѣчѣ, и съ глубокимъ уваженіемъ преклоняешься предъ надписью на отличіяхъ:

«За геройскую защиту Баязета».

Константинъ Гейнсъ.

¹⁾ Почти всѣ нижніе чины, впоследствии, повидимому, оправившіяся, въ сущности промучились сильнымъ катарромъ весь остатокъ своей службѣ и съ этими кишечными и желудочными страданіями ушли домой. Е. Г.

АРСЕНІЙ МАЦѢВИЧЪ, МИТРОПОЛИТЪ РОСТОВСКІЙ, ВЪ ССЫЛКѢ.

Историческій очеркъ по вновь открытымъ матеріаламъ.

1767—1772 гг.

III ¹⁾.

На допросахъ и очныхъ ставкахъ, какъ мы видимъ, Арсеній во многомъ сознался, что на него показывали; во многомъ улики были такъ сильны, что нельзя было заператься, безъ очевиднаго упорства. Архангелогородская губернская канцелярія донесла обо всемъ государынѣ императрицѣ. По полученіи изъ архангельской канцеляріи бумагъ по этому секретному дѣлу, генераль-прокуроръ князь Вяземскій отправляетъ святѣйшему правительствующему синоду предложеніе, съ требованіемъ копій съ доношеній Арсенія въ синодъ, по коимъ онъ былъ осужденъ къ лишенію чина (вм. сана), равнымъ образомъ и копій съ указовъ изъ синода къ архангелогородскому архіерею и къ архимандриту Николаевского корельскаго монастыря, какимъ образомъ его по осужденіи содержать въ монастырѣ, и отъ имени е. и. в. требуетъ, чтобы святѣйшій синодъ благоволилъ прислать къ нему означенныя копии за скрѣпкою, какъ наискорѣе.

Генераль-прокурору князю Вяземскому приказано было въ то же время увѣдомить ревельскаго оберъ-коменданта Муравьева,

¹⁾ См. „Русскую Старину“ изд. 1885 г., т. XLV, февраль, стр. 311—338.

чтобъ онъ принялъ въ свое вѣдомство одинъ казематъ въ брѣ-
пости, въ Выборгѣ, въ Нарвѣ или въ Ревелѣ, пустой, ничѣмъ
не занятый, однакожь крѣпкой и къ житію способный, отдѣ-
ленный отъ жительства (см. черновой отпускъ князя Вяземскаго
ревельскому оберъ-коменданту въ прилож.: отвѣтъ послѣдовалъ
отъ Муравьева, 8-го дек. 1767 года), и между прочимъ протапли-
валъ бы оный до будущаго впредь повелѣнія.

Въ то же время князь Вяземскій писалъ преосвященнѣйшему
митрополиту, вѣроятно, Димитрію Сѣчену, — отъ котораго отвѣта
и нѣтъ въ дѣлѣ, потому что онъ былъ въ это время боленъ. а
11-го дек. 1767 года и умеръ (см. Списки архіер. Юрія Тол-
стаго, стр. 11), — что е. и. в. благоугодно вѣдать, какихъ санти-
ментовъ архангелогородской архіерей, и для того соизволила ука-
зать о семъ истребовать мнѣ отъ вашего преосвященства увѣ-
домленія; чего ради ваше святѣйшество покорнѣйше прошу объ
ономъ архіереѣ, сколько вы его знать изволите, равно и о сан-
тиментахъ его и поведеніи, для донесенія ея величеству пожела-
вать ко мнѣ отписать.

8-го октября 1767 года, отъ генераль-прокурора князя Ва-
земскаго архангелогородской губернской канцеляріи отправлено
было слѣдующее предложеніе.

По присланному къ е. и. в., объ извѣстномъ монахѣ Арсеніи,
дѣлу, недостаетъ въ нѣкоторыхъ обстоятельствахъ нужнаго свѣ-
дѣнія, и для того оной канцеляріи производившіе оное имѣютъ
монаха Арсенія допросить: 1-е, съ чего онъ, Арсеній, подпрапор-
щику Алексѣевскому разглашалъ, что бывший архимандритъ
Геннадій въ Соловецкой монастырь посланъ напрасно; а онъ де
такого наказанія не достоинъ, а что-жь онъ, Арсеній, показывалъ,
что будто о ссылкѣ онаго Геннадія слышалъ отъ своего келей-
ника, то когда онъ отъ того келейника слышалъ, гдѣ оной ке-
лейникъ Геннадія видѣлъ, и какимъ образомъ; а какъ изъ допроса
его того, чтобъ келейникъ ему сказывалъ, и о дѣлѣ, за что онъ
въ ссылку сосланъ, не видно, то спросить его, Арсенія, за ка-
кую именно вину Геннадій сосланъ; а тѣмъ паче, съ чего онъ
такое дѣлалъ заключеніе, что и безвинно; буде-жь знаетъ и о
винѣ его, такъ отъ кого и когда онъ свѣдалъ; 2-е, означенному
Алексѣевскому онъ разглашалъ, что нынѣ церковь разграбили,
и что изъ его епархіи сосуды обобрали, а въ допросѣ показавъ,

что сосуды обобралъ князь Куракинъ, то спросить-же, который князь Куракинъ обобралъ сосуды, съ которой церкви, именно когда и чрезъ кого; 3) архимандриту Антонію о обидящихъ церковь на проскомидіи части вынимать приказывалъ, въ томъ хотя и признался, но кого именно разумѣлъ онъ, Арсеній, обижающихъ церковь, въ допросахъ не отыщено, и для того о семъ принудить его къ истинному покаянiю, съ изъясненiемъ того, почему и чѣмъ онъ почитаетъ церковь обиженною. Капитанъ Корсаковъ хотя въ губернской канцеляріи, по причинѣ писанныхъ имъ къ Арсенію писемъ, былъ испрашиванъ, но отвѣтъ его весьма кажется вѣры не достоинъ, потому показалъ онъ, что будто у Арсенія былъ и его видѣлъ одинъ разъ, но письма его, по здравому разуму, заставляютъ думать, что онъ имѣлъ съ нимъ уже короткое знакомство, ибо въ тѣхъ своихъ письмахъ, онъ, Корсаковъ, увѣряетъ въ отъѣнномъ своемъ къ нему почтеніи, котораго безъ особливаго знакомства и увѣренности ни къ кому, тѣмъ менѣе, къ осужденному, имѣть не можно; а посему и остается подозрѣніе, что оной Арсеній не оставилъ его увѣдомить о развращенныхъ и ложныхъ своихъ мысляхъ; и посему его, Корсакова, взявъ въ губернскую канцелярію, допросить, съ наикрѣпчайшимъ о показаніи самой истины подтвержденіемъ: 1-е, чтобъ онъ, Корсаковъ, показалъ самую истинную, какія онъ непристойныя разглашенія отъ Арсенія слышалъ, равно что онъ на тѣ его слова отвѣтствовалъ, а иногда и самъ говорилъ; 2-е, не дано-ль ему, Корсакову, отъ Арсенія какихъ наставленій въ разсужденіи разглашенія о ложной его святости, или-же о слышанныхъ имъ отъ Арсенія непристойныхъ и возмутительныхъ разсѣваніяхъ; 3-е, почему и какими его, Арсенія, благодѣянiями онъ, Корсаковъ, почелъ себя обязанна имѣть толикое къ нему почтеніе, которое, какъ въ письмѣ значитъ, онъ навсегда сохранять обѣщается, а притомъ ему, Корсакову, высочайшимъ е. и. в. указомъ объявить, что есть-ли онъ по симъ пунктамъ чистосердечнаго признанія не сдѣлаетъ, то поступлено съ нимъ будетъ по всей строгости законовъ; ибо, какъ выше уже сказано, что самыя писанныя къ Арсенію письма доказываютъ съ онымъ короткое знакомство и отъѣнную къ нему преданность и дружбу; а есть-ли онъ, Корсаковъ, чистосердечно, во всѣхъ своихъ съ Арсеніемъ согласіяхъ откроется съ самою

истинною, то въ такомъ случаѣ можетъ надѣяться, что ему въ той его винѣ показано отъ е. и. в. будетъ монаршее милосердіе, послѣ-же допроса оставить его, Корсакова, подъ карауломъ. По допросу подпрапорщика Алексѣевского видно, что артиллерійской команды мастеровой Быковъ удавился, то губернской канцеляріи справиться обстоятельно, когда оной Быковъ удавился и отъ чего, такожь и почему Алексѣевской о приключившейся ему смерти свѣдалъ, и когдажь. Изъ допросовъ архимандрита Антонія, подпрапорщика Алексѣевского хотя и видно, что они Арсенія содержали во всемъ въ противность даннаго изъ свѣтѣйшаго синода указа, такъ какъ и разные непристойные разговоры отъ Арсенія слыша, не доносили, но для чего они до той не малаго преступленія дошли, то изъ допросовъ ихъ инаго не видится, что всѣ тѣ преступленія якобы дѣлали по простотѣ своей, чему однакожь вѣрить невозможно; потому что поступки, отъ простоты происходящіе, бывають, когда на что точнаго повелѣнія нѣтъ и дано не будетъ, а-сіе преступленіе ими дѣлаю въ явную противность и непослушаніе синодскаго указа, и потому отъ простоты почестся не можетъ, и для того наутвердительнѣйшимъ образомъ обоихъ сихъ допросить, какой ради страсти или причины они такъ его слабо содержали, и чего-же ради они о показанныхъ по дѣлу дерзкихъ того Арсенія поступкахъ молчанію предавали, а сверхъ сего и сами ему были послушны, какъ-то: архимандритъ поминать велѣлъ, по приказу его, обидящихъ церковь; приобщалъ его не такъ, какъ простаго монаха; называли они оба Арсенія преосвященнымъ; цѣловали у него руку. Алексѣевской-же и солдатамъ умышленно не показывалъ данной ему инструкціи, хотя они его о томъ и просили, такожь и не дѣлалъ-ли оной Арсеній имъ какихъ либо ласкательныхъ обнадеживаній, и буде дѣлалъ, то какія именно, и чему-жь они изъ такого чиненнаго ими Арсенію послабленія, а себя дѣлая преступниками присяги, быть надѣялись, а какъ изъ допросовъ особо Арсенія и капитана Корсакова довольно видно крайнее упрямство и не истинное показаніе, потому имъ объявить, что какъ не безпредѣльно е. и. в. милосердіе, однакожь преступленія ихъ столь велики, что закономъ опредѣленный въ изысканіи истины порядокъ отмѣнить не изволить, тѣмъ болѣе, что Арсеній, яко просто монашествующій, отъ онаго ни почему исклю-

чень быть не можетъ; строгость-же законовъ въ таковыхъ записательствахъ и ухищренныхъ выдумкахъ не можетъ быть имъ всѣмъ незнакома, и для того лучше имъ стараться облегченія, по винамъ ихъ, ожидать и надѣяться отъ чистосердечнаго и откровеннаго оныхъ показанія, нежели отъ упорства и вымысла, что только послужитъ къ вѣщшему всѣхъ ихъ истязанію и скорби. Показаннаго-жъ монаха Арсенія, по окончанію описаннаго въ семь предложеніи допроса, еще спросить, извѣстныя по дѣлу непристойныя разглашенія съ какого вымысла онъ дѣлалъ, а именно: 1-е, о супружествѣ ея и. в. за принца Ивана; 2-е, съ чего онъ причиталъ принца Ивана братьевъ къ наслѣдству; 3-е, о бытіи въ Россіи двумъ правителямъ и чему и онъ, изъ всѣхъ тѣхъ его вредныхъ разглашеній, быть надѣялся, и въ какомъ намѣреніи тѣ свои разглашенія чинилъ. По исполненіи-жъ всего вышепрописаннаго, какъ наискорѣе, со всѣми обстоятельствами съ нарочнымъ курьеромъ, ко мнѣ отписать. Подлинное подписано княземъ Александромъ Вяземскимъ, 8-го октября 1767 года.

Восьмого-же октября 1767 года, тотъ-же князь Вяземскій пишетъ, чтобы не прибѣгать къ истязаніямъ, при дополнительныхъ допросахъ Арсенія и Корсакова. Въ этомъ приказѣ князь Вяземскаго говорится, что хотя въ посланномъ отъ него губернской канцеляріи предложеніи и предписаніи, что съ монахомъ Арсеніемъ и капитаномъ Корсаковымъ, есть-ли они истинной не покажутъ, поступлено будетъ по всей строгости законовъ, но, какъ по безпримѣрному е. и. в. великодушію и милосердію, никакія истязанія терпимы быть не могутъ, то вамъ симъ рекомендую, чтобъ по сему дѣлу отнюдь побоями никто истязаемъ не былъ, а только-бъ, безъ всякаго наказанія, показать въ семь дѣлѣ только словами строгость, сопряженную съ благоразуміемъ и вѣрностію къ е. и. в., и чрезъ то-бъ одно описанныхъ въ предложеніи людей подвигнуть къ чистосердечному признанію, а не инаково; сіе-же содержать вамъ наисекретнѣйше и, кромѣ присутствующихъ по сему дѣлу, никому не показывать.

19-го октября 1767 года, князю Вяземскому, архангелогородской губерніи прокуроръ Нарышкинъ отправилъ покорнѣйшій рапортъ о полученіи имъ отъ 8-го числа октября 1767 года секретнаго ордера, воимъ повелѣвалось, чтобы, по извѣстному монаха Арсенія дѣлу, отнюдь никто истязаемъ не былъ. Что-жъ

касается до исполненія прописаннаго въ ордерѣ вашего сіятельства повелѣнія, то со всераболѣпнѣйшимъ усердіемъ и вѣрностію къ е. и. в. оное исполнять тщатися буду.

Того-жъ 19-го октября 1767 году, князю Вяземскому архангелогородская губернская канцелярія отправила секретнѣйшій рапортъ, о полученіи ею секретнѣйшаго, отъ 8-го числа октября, отъ его сіятельства предложенія, въ силу котораго опредѣлено: 1) въ чемъ кого надлежитъ, выписавъ, допрашивать, а въ случаѣ разнорѣчія и доказательствъ давать и очныя ставки, не чиня особыхъ приговоровъ; 2) капитана Корсакова для допросу отъ генераль-маіора и архангелогородскаго оберъ-коменданта Ганзера, чрезъ посылку указа (указъ посланъ 20-го октября 1767 г.) истребовать, не прописывая матеріи, для чего онъ требуется, а по допросѣ, арестовавъ, держать подъ крѣпкимъ карауломъ, о чемъ, съ надлежащимъ наставленіемъ, поручику Митяшину дать письменный приказъ; 3) артиллерійской новодвинской команды къ капитану Ершеву послать указъ (20-го октября 1767 г. посланъ), въ коемъ предписать, чтобъ онъ, по полученіи, справясь, когда точно мастеровой Быковъ удавился, гдѣ и отчего—губернскую канцелярію репортоваль. О Быковѣ нужно замѣтить, что онъ у архимандрита потолокъ обѣлилъ, послѣдній его спрашиваль, что де у города вѣстей, на что Быковъ отвѣчалъ: эх-де носится, что государыня Евкатерина Алексѣевна за Орлова вступаетъ въ супружество, что Алексѣевской монаху Арсенію и сказываль; 4) при допросахъ, увѣщевая, подлежащее, въ силу вашего сіятельства предложенія, онымъ объявить; 5) по допросу-жъ всѣхъ слѣдующихъ, и по собраніи справокъ объ отправленіи къ вашему сіятельству съ подлежащимъ нарочнаго, учинить обстоятельный приговоръ; 6) а о полученіи вашего сіятельства предложенія со изъясненіемъ резолюціи отрепортовать.

3-го ноября 1767 года, князю Вяземскому архангелогородская губернская канцелярія отправила секретный покорнѣйшій рапортъ: во исполненіе насланнаго отъ вашего сіятельства отъ 8-го числа прошлаго мѣсяца во оную губернскую канцелярію предложенія, по извѣстному монаха Арсенія дѣлу, писала она, подлежаціе всѣ допрашиваны, а въ разнорѣчіяхъ даваны и очныя ставки, что обстоятельно изъ сочиненнаго и при семъ приложеннаго экстракта усмотрѣть соизволите, а притомъ губернская канце-

лярія честь имѣеть донести, что всѣ на словахъ строгости употребляемы были, но никакого успѣха не послѣдовало, какъ изъ очныхъ ставокъ увидѣть изволите, бѣлые-жъ допросы и очныя ставки при томъ экстрактъ представляются; по сему-жъ дѣлу, сверхъ прежнихъ колодниковъ содержатся двое: первой, капитанъ Римской-Корсаковъ, второй, канцеляристъ Иванъ Манаковъ скованой. Губернская-жъ канцелярія осмѣливается представить: 1-е, что съ оными колодниками чинить; 2-е) какъ подаренная отъ монаха Арсенія архимандриту Антонію ряса и полукафтанье, по случаю, что здѣсь на подворьѣ было отобрано, то оное куда повелите, также и прочее, даруемое отъ Арсенія разнымъ чинамъ, взыскивать-ли, а что продано, слѣдовать-ли о томъ просить отъ вашего сіятельства повелѣнія, а сей репортъ, съ приложеніями, отправленъ съ нарочнымъ архангелогородскихъ баталіоновъ сержантомъ, Василиемъ Юхлявскимъ, коему, какъ до Москвы, такъ и обратно до города Архангельскаго, на двѣ почтовые подводы прогоны выданы. При отправленіи-жъ сего курьера, съ полученною московскою почтою, господинъ архангельскій губернаторъ Головцынъ предлагаетъ, чтобъ Корсаковъ истребованъ былъ, для доказательства въ лихоимственныхъ взяткахъ, полковникомъ Ганзеромъ опредѣленной комиссіею отъ г. оберъ-коменданта, но какъ оной подъ вѣдомствомъ губернской канцеляріи подъ карауломъ состоитъ, слѣдственная-жъ комиссія, въ силу его превосходительства предложенія, во отведенномъ при губернской канцеляріи повоѣ, производство свое имѣть будетъ, со стороны-жъ губернской канцеляріи депутатъ изъ губернаторскихъ товарищей опредѣлится, то въ такомъ разсужденіи въ архангелогородской губернской канцеляріи опредѣлено будетъ, дабы не сдѣлать въ слѣдствіи остановки, для допроса и доказательства, въ то время, когда потребенъ будетъ, за карауломъ его, Корсакова, въ ту комиссію приводить.

3-го же числа ноября 1767 года, прокуроръ Нарышкинъ отправилъ къ князю Вяземскому свой секретный покорнѣйшій рапортъ, въ которомъ пишетъ, что и онъ, съ своей стороны, его сіятельству ничего инаго, какъ то-же, что и губернская канцелярія, по извѣстному монаха Арсенія дѣлу, въ своемъ, объявила, донести честь имѣеть, что всѣ на словахъ строгости и увѣщанія во изысканіи прямой истины не предуспѣли, и какое великое

разнорѣчіе, то изъ представленнаго экстракта усмотрѣть соизволите.

По справкамъ оказалось за капитаномъ Корсаковымъ очень мало проступковъ. Въ полученномъ изъ государственной военной коллегіи въ архангельскую губернскую канцелярію, въ 1764 году, 21-го мая, указъ написано, что онъ, Корсаковъ, былъ въ штрафахъ:

1) 1762 года, мая 2-го, за порубленіе еврея шпагою Вологодскаго пѣхотнаго полку подпоручика Селиванова въ арестѣ находился недѣлю; за порубленіе подпоручика Иванова шпагою и полбоваго лекаря арестованъ былъ также, за каждаго, на одну жъ недѣлю, и другіе его проступки выставлены въ справкѣ, напримѣръ: пьянство, ложное оболганіе, игра въ карты, небытіе на смотргахъ.

По справкѣ о канцеляристѣ Иванѣ Манаковѣ отъ консисторіи архангельской показано: 1) когда монахъ Арсеній отъ преосвященнаго епископа Іоасафа отправляемъ былъ въ Ниволаевскій корельскій монастырь подъ карауломъ, то все оное производство было по экспедиціи находившагося въ оной консисторіи за секретаря вышписаннаго канцеляриста Манакова и писаво было имъ, Манаковымъ; а сего 1767 года, марта 30-го дня, объявленной Манаковъ поданною на всевысочайшее е. и. в. имъ, его преосвященству, челобитною просилъ объ увольненіи его отъ консисторіи въ Москву, для просьбы, по святѣйшему слѣду, о награжденіи его чиномъ и опредѣленіи въ дѣламъ; почему онъ, Манаковъ, въ силѣ резолюціи его преосвященства, для принсканія себѣ мѣста, по его желанію, отъ консисторіи сего 1767 году, апрѣля 6-го числа, съ аттестатомъ уволенъ и пашпортомъ отпущенъ, и велѣно ему явиться, какъ въ томъ пашпортѣ значится, гдѣ по указомъ надлежитъ; 2) онъ, Манаковъ, по консисторіи, въ подозрѣніяхъ, штрафахъ и наказаніяхъ не бывалъ, человекъ онъ житія и поведенія честнаго и по консисторіи секретарскую должность правилъ прилежно и безподозрительно.

По справкѣ въ губернской канцеляріи о Манаковѣ оказалось въ поданномъ 1764 году, сентября 10-го дня, въ губернскую канцелярію отъ бывшаго въ архангелогородской духовной консисторіи канцеляриста (который нынѣ въ архангельскомъ гарнизонѣ въ первомъ батальонѣ солдатомъ) Григорья Шавардина, той же консисторіи за секретаря на канцеляриста Ивана Манакова доношеніи, между прочимъ, показано, на прошлые 1762 и

1763 годы даны были изъ реченной консисторіи въ Николаевской корельской монастырь, для записки приходу и расходу денежной казны, шнурозапечатанныя скръпленныя книги, и онъ-де, Шавардинъ, увѣдомился, что тѣ книги уничтожены, а сочинены означеннымъ Манаковымъ вновь другія фальшиво, которыя имъ, Манаковымъ, скръплены, а въ посланныхъ-де въ коллегію экономіи сочиненныхъ имъ, Манаковымъ, приходныхъ книгахъ, запечатанныхъ въ томъ монастырѣ при прежде бывшемъ Варсонофіи, архіепископѣ архангельскомъ, монастырскихъ казенныхъ денегъ болѣе пяти тысячъ рублей (изъ коихъ вынато на расходы тысяча рублей), въ приходѣ ничего не показано; за сочиненіе же оныхъ книгъ выдаваемо было ему, Манакову, болѣе пятидесяти рублей, и дано жъ двѣ коровы и лошадь, и просилъ онъ, Шавардинъ, чтобъ изъ Николаевскаго корельскаго монастыря, 1762 и 1763 годовъ, прежде данныя изъ консисторіи, скръпленныя также и каковы посланы въ коллегію экономіи, приходныя и расходныя книги, взявъ въ губернскую канцелярію, освидѣтельствовать; по освидѣтельствованіи оказались оныя неисправными; дѣло пошло въ коллегію экономіи съ отосланными книгами и копіями съ приходныхъ и расходныхъ книгъ, изъ губернской канцеляріи, но въ губернскую канцелярію указа не получено изъ коллегіи экономіи.

Справки о Корсаковѣ и Манаковѣ по листамъ скръплены прокуроромъ Василюмъ Нарышкинымъ, а въ концѣ справки подписались губернаторскіе товарищи и прокуроръ Нарышкинъ.

20-го октября, 1767 года, по предложенію генераль-прокурора князя Вяземскаго, монаху Арсенію учинены вопросныя пункты, противъ коихъ онъ допрашиванъ и показалъ: онъ, Арсеній, подпрапорщику Алексѣевскому разглашалъ, что бывшій архимандритъ Геннадій въ Соловецкій монастырь посланъ напрасно и что такого наказанія не достоинъ, потому что бывшій у него келейникъ Стефанъ, какъ Геннадія везли, чрезъ городъ Архангельскъ, то въ то время случись (такъ въ экстрактѣ, а въ вопросахъ и показаніяхъ: случась быть въ городѣ) и къ нему, Геннадію, допущенъ былъ конвойными у него солдатами, коему онъ, Геннадій, свазывалъ, что сосланъ за прочтеніе той молитвы, послѣ молебна, которую въ бывшую съ королемъ прусскимъ войну читывали (въ семи-лѣтнюю такъ называемую) на обѣднѣ

и послѣ молебна, коя въ служебникѣхъ кievскомъ показана, но онъ, Арсеній, за неимѣніемъ кievскаго служебника, показать наизусть не помнитъ (въ вопросахъ и показаніяхъ: не упомнитъ); то оной (въ экстрактѣ: онъ) Стефанъ, возвратясь въ Николаевской монастырь, котораго (въ экстрактѣ: коего) точно мѣсяца и числа не помнитъ, ему, Арсенію, сказывалъ, то онъ, Арсеній, и разсуждаетъ, что за такую малость онъ такого наказанія не достоинъ, а точно ль онъ, Геннадій, за ту вину сосланъ, того онъ, Арсеній, не знаетъ и ни отъ кого не слыхалъ; заключаетъ же, что безвинно для того, что эта молитва опробованная и уже въ служеніи употребляемая.

На второй вопросъ, который князь Куракинъ обобралъ сосуды, отъ которой церкви имянно, и когда и чрезъ кого, Арсеній показалъ слѣдующее. Какъ онъ еще былъ въ Ростовѣ архіереемъ, то слышалъ отъ пріѣзжающихъ, а отъ кого точно и въ которое время—не упомнитъ, что князь Куракинъ, а имя не знаетъ, только тотъ, которой былъ въ коллегіи экономіи президентомъ, въ С.-Петербургѣ, у Благовѣщенской церкви, тѣ сосуды, которые покойная государыня Елисавета Петровна въ ту церковь определила, обобралъ, а самъ ли, или чрезъ кого другого, того онъ не слыхалъ и не знаетъ.

На третій вопросъ: кого имянно разумѣешь ты, Арсеній, обижающихъ церковь, и почему, и чѣмъ ты обиженную церковь почитаешь, онъ отвѣчалъ слѣдующее: Обижающихъ церковь разумѣетъ онъ, Арсеній, предателей оной, Димитрія, митрополита Новгородскаго, и Гавріила Санктъ-Петербургскаго; потому что они согласники сдѣлались въ отнятіи (въ вопрос. и показаніяхъ: о отнятіи) отъ церквей деревень, и церковь тѣмъ обиженную почитаетъ, что деревни обобрали отъ домовъ архіерейскихъ и отъ монастырей, равномѣрно же онъ, Арсеній, разумѣетъ всѣхъ и свѣтскихъ чиновъ (Иконниковъ пишетъ: нѣмецкихъ, см. „Русскую Старину“ 1879 г., октябрь, стр. 189), которые о отнятіи деревень отъ церквей старались и въ комиссіи объ ономъ присутствовали, обижающими церковь (въ вопросахъ и показаніяхъ: обижающихъ церковь); чему ясной примѣръ при бывшемъ императорѣ Петрѣ Федоровичѣ: присланъ былъ отъ генераль-фельдмаршала князя Никиты Юрьевича Трубецкаго въ Ростовской архіерейской домъ офицеръ-иноземецъ, а кто онъ таковъ, не

упомнить, которой при томъ домѣ конской заводу, по приказу его, Трубецкаго, заgrabилъ и погналъ, а куда, не знаетъ, которой офицеръ ему, Арсенію, говорилъ публично, а при комъ имянно, не упомянуть, что-де (въ экстрактѣ: и то-де) такого завода и на сорокъ тысячъ (въ вопросахъ и показ.: тысящъ) рублевъ не завести, а болѣе вышеозначенныхъ людей кто обижаетъ церковь, онъ никого не знаетъ и не полагаетъ; кто-жъ точно свѣтскіе чины о отнятіи деревень старались и въ комиссіи присутствовали, того онъ, Арсеній, показать не знаетъ.

И въ семъ допросѣ показалъ онъ, Арсеній, самую сущую правду, ничего не утая, а есть-ли что хотя мало утайлъ, а изобличенъ будетъ, то подвергаетъ себя смертной казни. Арсеній собственною рукою закрѣпилъ вѣрность своихъ показаній на предложенные ему вопросы.

Вопросы и показанія монаха Арсенія по листамъ скрѣплены прокуроромъ Василіемъ Нарышкинымъ.

20-го октября 1767 года, въ Архангелогородской губернской канцеляріи, вслѣдствіе полученнаго отъ князя Ваземскаго предложенія, сверхъ его допроса, въ повелѣнномъ допрашиванъ и показалъ монахъ Арсеній: на вопросъ, съ какого вымыслу ты дѣлалъ непристойныя разглашенія о супружествѣ ея величества за принца Ивана, онъ, Арсеній, показалъ: о супружествѣ ея имп. вел. за принца Ивана безо-всякаго умыслу, а только съ того, какъ слышалъ отъ Алексѣевскаго, что ея величество намѣрена вступить въ супружество за Орлова, то онъ и говорилъ, что лучше бы было за принца Ивана, потому, что онъ царскаго колѣна.

На второй вопросъ: съ чего ты, Арсеній, причиталъ принца Ивана братьевъ къ наслѣдству, показалъ: принца Ивана братьевъ онъ, Арсеній, почитаетъ за царское колѣно, и, разсуждая, что есть ли, не дай Богъ, ея величество и его высочество государь цесаревичъ скончаются, то они останутся наслѣдниками и не кому иному быть, какъ имъ, что и утверждаетъ.

На третій вопросъ: о бытіи въ Россіи двумъ правителямъ и чему ты изъ всѣхъ своихъ вредныхъ разглашеній быть надѣялся, и въ какомъ намѣреніи тѣ свои разглашенія чинилъ, отвѣчалъ слѣдующее: о бытіи въ Россіи двумъ правителямъ, онъ, почитая, что еще пророчество Кирилла Новозерскаго не сбылось, а оно, конечно, будетъ, то и думаетъ, что будутъ два правителя, чрезъ

которыхъ и вся вселенная поклонится Господу Богу; изо всѣхъ же своихъ разглашеній ничему быть не надѣялся, а всѣ свои разглашенія чинилъ между разговорами и безо-всякаго умысла.

И этотъ дополнительный допросъ закрѣпилъ монахъ Арсеній собственною рукою.

Оный же допросъ скрѣпленъ прокуроромъ Нарышкинымъ.

Того жъ 20-го октября 1867 года, въ Архангелогородской губернской канцеляріи опредѣлено, видя присланнаго капитана Римскаго-Корсакова такъ пьяна, что оной ничего отвѣчать не можетъ, то посадить подъ караулъ, а какъ вытрезвится, то въ подлежащемъ допросить и чинить исполненіе, какъ предложеніемъ его сіятельства князя Вяземскаго повелѣно

21-го октября 1767 года, по предложенію князя А. А. Вяземскаго, господина генерала прокурора, учинены вопросные пункты капитану Якову Римскому-Корсакову. Противъ вопросныхъ пунктовъ Римскій-Корсаковъ былъ допрашиванъ и показалъ:

«На первый вопросъ: показать тебѣ, Корсаковъ, самую истинную, какія непристойныя разглашенія ты отъ Арсенія слышалъ, равно и что ему ты на тѣ слова отвѣтствовалъ, а иногда и самъ говорилъ, отвѣчалъ: онъ, Корсаковъ, былъ въ прошломъ 1765-мъ году, въ іюнѣ мѣсяцѣ, а числа не помнитъ, по бытности у архимандрита Антонія, и у него, Арсенія, въ одинъ день два раза—по утру, да послѣ обѣда, и въ оныя оба раза никакихъ непристойныхъ разглашеній отъ него не слышалъ, кромѣ того, что онъ говорилъ по утру, новгородскій митрополитъ Димитрій по его, Арсенія, представленію изъ кандидатовъ въ архіереи произведенъ, а нынѣ ему злобствуетъ; на что онъ, Корсаковъ, ему, Арсенію, ничего не отвѣчалъ; при чемъ архимандритъ Антоній былъ, да партикулярные разговоры съ нимъ, Арсеніемъ, онъ, Корсаковъ, имѣлъ о Польшѣ, которое мѣстечко богатѣе, кто изъ поляковъ знатнѣе, какимъ образомъ на сеймъ собираются, какимъ образомъ въ короли выбираютъ; а послѣ обѣда онъ, Корсаковъ, у Арсенія хотя и былъ, но безъ чувства напившись пьянъ у архимандрита и у Арсенія, зачалъ опять разговоръ о Польшѣ, а что говорилъ и про одну ль Польшу или что другое, за чрезвычайнымъ пьянствомъ онъ, Корсаковъ, не помнитъ; и какъ возвратился къ архимандриту въ келью, того онъ не пом-

нить же, гдѣ и спалъ, а какъ пробудился, то изъ людей архимандричьихъ ему свазывали, а кто имянно, не упомнить, что онъ, Корсаковъ, былъ у Арсенія съ полчаса, а архимандритъ былъ-ли послѣ обѣда, того онъ не припомнить; самъ-же онъ, Корсаковъ, никакихъ непристойныхъ словъ и разглашеній какъ ему, Арсенію, такъ и никому не говариваль, а архимандритъ пьянъ очень былъ.

На второй вопросъ, не дано-ль тебѣ, Корсакову, отъ Арсенія какихъ наставленій въ разсужденіи разглашеній, о ложной его святости или же о слышанныхъ тобою отъ Арсенія непристойныхъ и возмутительныхъ разсѣваніяхъ, Корсаковъ показаль: отъ Арсенія никакихъ наставленій о ложной его святости не принималь и не слыхаль; также и непристойныхъ и возмутительныхъ разсѣваніевъ онъ, Арсеній, дѣлать ему не приказываль, а прежде его бытности у Арсенія архимандритъ Антоній будучи у города Архангельскаго, свазываль ему, Корсакову, что Арсеній—ученой человекъ и великой мастеръ проповѣди сказывать, и сказываетъ въ церкви и для слышанія (въ вопросахъ и показаніяхъ: для слушанія) одинъ разъ его зваль къ празднику, а къ какому и котораго числа, не упомнить, только послѣ того времени, какъ онъ письма къ Арсенію писалъ, но онъ, Корсаковъ, не поѣхаль, что уже (въ экстрактѣ: уже и то) услышалъ отъ Алексѣевскаго и архимандрита Антонія, что Арсенія вѣрно крѣпко держать подъ карауломъ.

На третій вопросъ: почему и какими Арсенія благодареніями ты, Корсаковъ, почелъ себя обязанна имѣть толикое къ нему почтеніе, которе, какъ въ письмѣ значитса, навсегда сохранять обѣщалься, отвѣчалъ: за вѣжливость его, Арсенія, и за угощеніе онъ, Корсаковъ, письма писалъ не будучи никакими благодареніями обязанъ и почтеніе ему за угощеніе дѣлаль, а что въ письмѣ писалъ, что навсегда обязывается сохранять, то безъ всякаго умыслу, а только для одного краснорѣчія; а какъ услышалъ, что его крѣпко держать подъ карауломъ, то онъ писать пересталь, а первое письмо къ нему, Арсенію, онъ послаль съ Алексѣевскимъ. А при подписаніи блага допроса онъ, Корсаковъ, объявилъ, что Арсеній о Димитріи митрополитѣ къ тому говорилъ, что за защищеніе его правильное (въ показаніяхъ праведное) церкви онъ страждетъ отъ него, Димитрія.

Бѣлый допросъ скрѣпленъ капитаномъ Корсаковымъ и послѣднія строки писаны его собственною рукою.

Допросъ Корсакова, по листамъ, скрѣпленъ прокуроромъ Нарышкинымъ.

21-го же октября 1767 г., противъ показанія Римскаго-Корсакова архимандритъ Антоній былъ допрашиванъ, а 22-го октября того-же года и подпрапорщикъ Алексѣевской, противъ показанія того-же Корсакова, былъ допрашиванъ.

20-го числа октября 1767 года, въ силу насланнаго отъ генерала прокурора князя Вяземскаго предложенія, архимандритъ Антоній былъ допрашиванъ и показалъ: онъ, Антоній, Арсенія въ противность синодскаго указа содержалъ слабо и о показанныхъ по дѣлу дерзкихъ поступкахъ молчалъ и ему, Арсенію, былъ послушенъ для того, что онъ ему, Антонію, подарилъ паннагію финифтяную, въ ковчегѣ серебряномъ мощи Димитрія Солунскаго, да другого святого, а какого—не упомнить, расу люстриновую черную, полукафтаны голубое, люстриновое, пояс шелковой, вишневой, да двѣ книги Октоихи, изъ коихъ вещь ряса и полукафтаны здѣсь на подворьѣ у служителя Василья, а прочее въ церкви, а Октоихи въ кельѣ, въ монастырѣ, да въ разныя времена деньгами рубли по два и по три, а сколько всѣхъ денегъ—не упомнить, а сверхъ того, лъстясь его, Арсенія, увѣренію, что будутъ принца Ивана два брата царствовать и что онъ, Арсеній, увѣрялъ, нынѣ-де то время приходитъ, потому что они еще юноши, а въ Кирилла Новоезерскаго житіи написано, что юноши будутъ царствовать, такъ и надобно онаго ожидать вскорѣ, а какъ означеннаго принца Ивана братья на царство вступятъ, то возмутъ Константинополь и онъ, Арсеній, будетъ по прежнему архіереомъ, а деревни монастырямъ возвратятся, чему онъ всему, Антоній, вѣрилъ и, надѣясь оному быть, таковое послабленіе и преступленіе присяги дѣлалъ, думая, что Арсеній какъ архіереомъ будетъ, его не оставитъ, а говорилъ-ли онъ кому оныя рѣчи окромѣ его, Антонія, онъ не знаетъ и не слыхалъ, а ему, Антонію, онъ, Арсеній, многократно говаривалъ только одинъ наединѣ и никто объ ономъ не слыхалъ.

А противъ вышеозначеннаго вопроса архимандрита Антонія, монахъ Арсеній показалъ, что всѣ показуемыя вещи и деньги, окромѣ мощей, въ ковчегѣ, онъ, Арсеній, архимандриту дарилъ

для того, что онъ его духовникъ, а не для того, чтобъ ему, Арсенію, онъ послабленіе дѣлалъ. Его-жъ, Антонія, онъ, Арсеній, о братьяхъ принца Ивана, что будутъ царствовать и нынѣ де то время приходитъ, потому что они еще юноши, а по пророчеству Кирилла новозерскаго, что надобно онаго скоро ожидать и они Константинополь возмутъ, онъ, Арсеній, не увѣрялъ, и что какъ они царствовать будутъ, то и онъ будетъ архіереемъ по-прежнему, и монастырямъ деревни возвратятъ, не говаривалъ, а только между разговорами ему, Антонію, сказывалъ, что означенное пророчество сбудется, и можетъ де братья принца Ивана будутъ царствовать, а точно объ ономъ не утверждалъ, а что Константинополь дѣйствительно возмутъ, то онъ утверждаетъ, потому что турки сами онаго надѣются, что онъ слыхалъ отъ своего дѣда поляка Василя, которой въ 1712 году умеръ. Ибо онъ у турковъ въ полону былъ и отъ нихъ слыхалъ, что они считаютъ за ними Константинополь будетъ 300 лѣтъ, кои годы, по ихъ исчисленію, прошли, да и по его, Арсенія, исчисленію, въ 1753 году, миновали, и онъ уповаеть, что точно Константинополь взятъ будетъ, а когда—не знаетъ.

На очной ставкѣ, монахъ Арсеній показалъ, что далъ ковчежець съ мощами, въ томъ признался, а не показалъ въ допросѣ забвеніемъ, а чтобъ архимандриту о царствованіи братьевъ принца Ивана и что надобно скоро ожидать также, что онъ будетъ скоро архіереемъ, попрежнему, и деревни монастырямъ возвратятся, того не говаривалъ, и утверждаетъ на прежнемъ своемъ допросѣ. А архимандритъ Антоній, на очной ставкѣ, показалъ: точно, что онъ, Арсеній, его увѣрялъ, какъ въ допросѣ показалъ, утверждаетъ.

20-го-жъ числа октября 1767 года, въ силу насланнаго отъ князя Вяземскаго предложенія, допрашиванъ подпрапорщикъ Алексѣевской и показалъ: 1-е, что мастеровой Быковъ удавился, то онъ слышалъ отъ пріѣзжающихъ изъ города въ Николаевской монастырь служителей, а отъ кого, точно не упомнить, а сверхъ того, жена означеннаго Быкова, а какъ ее зовутъ не знаетъ, ѣхавъ въ ненаску въ великой постъ къ празднику, а коего числа не помнить, гдѣ чудотворный образъ Алексѣя божія челоуѣка, заѣхавъ въ Николаевскій монастырь, и, пришедъ при немъ, Алексѣевскомъ, къ архимандриту Антонію, объявила, что мужъ

ея удавился, и, принесши образъ, а коего святого не упомянуть, просила его, чтобъ онъ по немъ чинилъ поминовеніе, на что онъ, взявъ образъ ея, отвѣчалъ, что оной въ церковь поставить, поставилъ въ келью свою, а послѣ поставилъ-ли въ церковь, или нѣтъ, того онъ не знаетъ, а о поминовеніи сказалъ, что онъ не будетъ поминать для того, что онъ, Быковъ, самъ себя удавилъ, а болѣе ни отъ кого о Быкова удавленіи не слыхалъ.

Противъ Алексѣевского показанія, архимандритъ Антоній показалъ сходственно, а на посланной о удавленіи Быкова указъ, сего 1767 года, февраля съ 11-го на 12-е число, въ 12-мъ часу пополудни удавился въ домѣ своемъ въ избѣ, а отъ чего, точно неизвѣстно, казенныя-жъ вещи всѣ послѣ его остались въ цѣлости, а мертвое тѣло тащено было, по резолюціи господина оберъ-коменданта Ганзера, профосами по улицамъ въ страхъ другимъ.

На второй вопросъ, Алексѣевской показалъ, что онъ монаха Арсенія, въ противность данной инструкціи, содержалъ и о показанныхъ по дѣлу его, Арсенія, дерзкихъ поступкахъ молчалъ и нигдѣ не доносилъ для того, что въ разныя времена ему, Алексѣевскому, онъ, Арсеній, даывалъ деньгами по рублю и болѣе, а сколько всѣхъ денегъ онъ, Арсеній, передавалъ, не упомянуть, да въ прошломъ году, сентября 1-го дня, онъ, Арсеній, ему, Алексѣевскому, далъ гризету темнаго 9 аршинъ, которой онъ, Алексѣевской, торговкѣ отставнаго канонира Осипа Худекова женѣ продавъ по 1 р. 20 к. за аршинъ, ему деньги отдала, да въ разныя времена ему, Алексѣевскому, онъ, Арсеній, далъ три лисицы, которыя солдатъ Григорій Кустовъ продалъ по 1 р. 50 копейекъ каждую, ему, Алексѣевскому, деньги отдалъ, да того-жъ числа архимандриту Антонию онъ, Арсеній, далъ два куса люстрину, одинъ ему, а другой на что, не знаетъ, да солдатамъ Ухову, Кустову, да другому Кустову, который умре, и Порохину давалъ онъ, Арсеній, деньги въ разныя числа, дня-же того-жъ 1-го числа сентября, далъ семь аршинъ люстрину темнаго, которой онъ, Алексѣевской, отдалъ показанной-же Худекова женѣ для продажи, коя продавъ по 1 р. 50 к., деньги ему, Алексѣевскому, а онъ имъ, солдатамъ, отдалъ, а никакихъ ласкательныхъ обнадеживаній Алексѣевской отъ Арсенія не слыхалъ, а только слышалъ отъ солдата Ухова, что онъ го-

вариваль, какъ-де Арсенія батюшку свободять, то онъ и меня возьметъ съ собою, что слыхали Кустовъ и Порохинъ, да іеродіаконъ Лебедевъ, а съ чего онъ, Уховъ, то говорилъ, того онъ, Алексѣвской, не знаетъ; ничего-же онъ, Алексѣвской, изъ ослабленія Арсенія и наруша присягу быть не надѣялся, а только дѣлалъ онъ изъ подарковъ, для чего послѣ уже и доносить не смѣлъ, а приложъ къ бѣлому допросу руку, показаль, да сверхъ того ему, Алексѣвскому, онъ, Арсеній, платокъ полуситцовой, скатерть, да девять салфетокъ далъ, да, по просьбѣ его, Алексѣвскаго, три частицы мощей святыхъ, а именно, преподобнаго Авраамія ростовскаго, святаго Григорія акрагантинскаго, а третья чья, не упомнить, всѣ въ его квартирѣ находятся.

О подаркахъ ему, Алексѣвскому, архимандриту и солдатамъ, монахъ Арсеній показаль съ Алексѣвскимъ показаніемъ сходственно, изобразя, что оное даваль, безо всякаго умыслу, а солдаты во ономъ признались. Архимандритъ Антоній показаль, что два куска люстрину, одинъ ему, а другой въ церковь, для сдѣланія одежды на престолъ, Арсеній далъ, и какъ на одежду одного не стало, то онъ и данной ему на то-жъ употребилъ.

22-го числа октября 1767 г., архангелогородской губернской канцеляріи, просясь въ присутствіе, просилъ монахъ Арсеній, чтобъ объявленіе его записать и представить е. и. величеству низеслѣдующее.

1-е, просить онъ, Арсеній, чтобъ е. и. величество, всемилоствѣйшая государыня, сотворила съ нимъ, Арсеніемъ, милость и соизволила-бъ подлинное его доношеніе, посланное въ святѣйшій синодъ, за которое онъ и осужденъ, сама прочесть, то, конечно, изволить увидѣть его правость; ибо онъ, когда еще при жизни покойной государыни, Елисаветы Петровны, будучи въ епархіи, то получилъ отъ стряпчаго оной епархіи, а отъ котораго, коего году, мѣсяца и числа, не упомнить, копію съ доклада, а подлинной подписанъ бывшимъ канцлеромъ Бестужевымъ-Рюминымъ и прочими бывшими тогда знатными господами, окромъ графа Петра Шувалова, о обобраніи отъ церкви деревень, то онъ, Арсеній, написавъ письмо, адресуя его чрезъ канцлера покойнаго Бестужева-Рюмина къ ея величеству государынѣ Елисаветѣ Петровнѣ, которое письмо сходно съ его до-

ношеніемъ, за кое онъ страждетъ; то ея величество разсмотря, что онъ, Арсеній, писалъ справедливо, поданнаго доклада когда приносили опробовать и подписать не соизволила, единственно, послушавъ его письма, что онъ слышалъ отъ прїѣзжающихъ въ Ростовъ для богомолья придворныхъ дамъ, а отъ кого, точно не упомянуть, а что въ манифестѣ, по вступленіи ея императорскаго величества государыни, Екатерины Алексѣевны, а коего года, мѣсяца и числа, не помнитъ, о обобраніи отъ церквей деревень объявлено, будто государыня Елисавета Петровна за пять годовъ до кончины подписала о отобраніи вотчинъ церковныхъ, то несправедливо, и это въ манифестѣ написано излишно, что онъ дѣйствительно утверждаетъ; потому что отъ многихъ слышалъ придворныхъ, а отъ кого, точно не упомянуть, говорила ея величество, когда приносили къ ней докладъ, что не подпишетъ, а какъ де послѣ смерти моей хотятъ.

2-е, по доношенію его и по слѣдствію докладывано, какъ онъ, Арсеній, думаетъ изъ синода экстрактомъ и на словахъ ея величеству, а есть-ли-бъ подлинное доношеніе ея величество соизволила читать, то-бъ конечно онъ-бы такъ наказанъ не былъ.

3-е, какъ онъ содержался въ Николаевскомъ монастырѣ, то приходилъ къ нему архангелогородской консисторіи канцеляристъ Иванъ Манаковъ, съ архимандритомъ Антоніемъ, а коего году, мѣсяца и числа, не упомянуть, то онъ, Манаковъ, говорилъ ему, Арсенію, что нынѣ де деревни отъ церквей обобрали, да и покойная де государыня, Елисавета Петровна, оное за пять лѣтъ своея кончины подписала, какъ въ манифестѣ объявлено, но что онъ, Арсеній, ему отвѣчалъ, что это—самая ложь и въ манифестѣ объявлено излишно, потому что хотя ея величеству и представляли доклады, но она, по его, Арсенія, письму, подписать не изволила, а сказала: „какъ де хотятъ послѣ моей смерти, а я не подпишу“, а отвѣчалъ-ли на оное что Манаковъ, того онъ не помнитъ, и больше разговоръ не было, разговоры-жъ между нимъ и Манаковымъ, слышалъ-ли архимандритъ, того онъ не знаетъ.

4-е, онъ, Арсеній, и нынѣ утверждаетъ, что деревень отъ церквей для прописанныхъ резонъ въ посланномъ отъ него въ синодъ доношеніи отбирать не надлежало.

Изъ Моршанскъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

АНДРЕЙ НИКИФОРОВИЧЪ ВОРОНИХИНЪ

строитель Казанскаго собора въ С.-Петербурѣ.

I.

20 октября 1884 года у западныхъ дверей, внутри Казанскаго собора въ Спб., прикрѣплена бѣлая мраморная доска, устроенная заботами старосты собора Петра Владиміровича Жуковскаго и настоятеля отца Лебедева, съ надписью:

Повелѣніемъ императора Павла I-го
строителемъ сего храма былъ профессоръ архитектуры
АНДРЕЙ НИКИФОРОВИЧЪ
ВОРОНИХИНЪ,
уроженецъ Пермской губерніи,
скончавшійся 21 февраля 1814 г. въ СПБургѣ.

Желая по вышеупомянутому поводу воскресить память объ этомъ русскомъ зодчемъ, вышедшемъ, какъ и большинство художественныхъ нашихъ талантовъ, изъ среды народной, помѣщаемъ на страницахъ «Русской Старины» біографическія данныя объ А. Н. Воронихинѣ, причемъ считаемъ долгомъ сказать, что нѣкоторыя свѣдѣнія о немъ сообщены его внучатымъ племянникомъ, докторомъ Николаемъ Алексѣевичемъ Воронихинымъ, которому и приносимъ искреннюю благодарность за живую любовь и горячее участіе въ дѣлѣ памяти своего дѣда.

Въ январьской книгѣ «Русской Старины» изд. 1882 года, на стр. 201: «Высочайшія повелѣнія и указы 1800 г.», помѣщенъ слѣдующій крайне интересный, къ исторіи сооруженія Казанскаго собора, указъ императора Павла генералу отъ кавалеріи фонъ-дербъ-Палену. «Я поручилъ

архитектору Камерону составить проэктъ и планъ для новой постройки Казанской церкви въ Петербургѣ. Увѣдомляю васъ о семъ для того, чтобы вы оказали ему содѣйствіе, сдѣлавъ распоряженіе. Благоклонный къ вамъ Павелъ. 24 октября 1800 г. Гатчино».

Къ этому указу господиномъ М. Х. сдѣлано примѣчаніе, въ которомъ сказано, что: «Камеронъ родомъ изъ Англіи, обстраивалъ Царское Село въ 1794 г. и пользовался особеннымъ расположеніемъ Павла, а по смерти этого государя занималъ квартиру въ нижнемъ этажѣ его, покинутого всѣми, Михайловскаго дворца. Но есть указаніе также на то, что планы нынѣшняго Казанскаго собора составлены архитекторомъ Воронихинымъ, при заимствованіи изъ чертежей архитектора Баженова, также любимца Павла, который покровительствовалъ ему и защитилъ отъ гнѣва Екатерины II (см. «Русская Старина» изд. 1872 г. т. V, стр. 141). Проэктъ Баженова, какъ говорить его биографъ, митрополитъ Евгеній, въ своемъ «Словарѣ русскихъ свѣтскихъ писателей», съ малыми отмінами исполненъ ученикомъ Баженова, Воронихинымъ, на подобіе римской соборной церкви апостоловъ Петра и Павла. Въ «Историко-статистическихъ свѣдѣніяхъ о с.-петербургской епархіи» Спб. 1869, въ статьѣ о Казанскомъ соборѣ, на стр. 129, говорится: «планъ составленъ былъ имъ (т. е. Воронихинымъ) по образцу, изчертанному для парижскаго дома инвалидовъ русскимъ молодымъ художникомъ Баженовымъ, хранящемуся въ парижской академіи художествъ, съ подражаніемъ фасаду римской церкви св. Петра, въ уменьшенномъ видѣ», а въ выноскѣ къ этимъ словамъ сказано: «по свидѣтельству покойнаго архитектора Плавова. См. также Казанск. собор. въ дѣлѣ соборнаго архива подъ № 17». По справкѣ, наведенной въ № 17 дѣла архива, не встрѣчается указанія на то, чтобы образцомъ для Казанскаго собора послужилъ планъ дома инвалидовъ въ Парижѣ, а находится слѣдующее описаніе собора, которое мы здѣсь и приводимъ.

«Описаніе Казанскаго собора.

Соборъ Казанскія Богоматери по всей справедливости почитать должно рѣдкимъ памятникомъ въ исторіи російскихъ церквей. Созиданіе его принадлежало двумъ царствамъ: государь императоръ Павелъ I положилъ намѣреніе воздвигнуть великолѣпный храмъ въ престольномъ градѣ своемъ, на память явленія чудотворнаго образа Божіей Матери, бывшаго въ Казани. Вслѣдствіе чего высочайше повелѣно было для предполагаемой цѣли приготовить различные рисунки и планы, изъ коихъ монаршаго утвержденія удостоенъ планъ архитектора Воронихина, гдѣ онъ подражалъ фасадъ римской церкви св. Петра, но только

въ уменьшительномъ видѣ. И такъ Павелъ I вознамѣрился создать Казанскій соборъ; успѣлъ даже предположить и утвердить самый чертежъ; но Александру I свыше предоставлено исполнить по намѣренію своего родителя. Въ первое лѣто царствованія его императорскаго величества, то есть 1801 года августа въ 27 день, сдѣлана была закладка собора въ присутствіи всей императорской фамиліи, при чемъ государь императоръ первый положилъ собственными своими руками камень въ основаніе дома Господня, чему послѣдовала и вся фамилія августѣйшаго дома; 1811 г. сентября въ 15 день послѣдовало торжественное освященіе собора, удостоенное также личнымъ присутствіемъ государя императора, яко создателя храма сего, и всей высочайшей фамиліи. По прибытіи въ церковь государя императора поднесены его величеству первоприсутствующимъ комиссіи о построеніи церкви, графомъ Александромъ Сергѣевичемъ Строгоновымъ, на бархатной, богато украшенной золотымъ газомъ и бахромою, подушкѣ ключи отъ церкви, которые государь императоръ принявъ благоволилъ въ то же самое время всемилоостивѣйше пожаловать его въ 1 классъ; а по прошествіи нѣсколькихъ дней удостоены были разныхъ наградъ, т. е. орденами, чинами, пенсіонами и подарками, какъ чиновники комиссіи, архитекторъ, каменные мастера, такъ и художники, участвовавшіе въ сооруженіи храма; нѣкоторымъ же подрядчикамъ пожалованы золотыя и серебряныя медали для ношенія на красной лентѣ.

Затѣмъ слѣдуетъ подробное описаніе какъ внутренняго устройства храма, такъ и наружнаго. Изъ описанія наружнаго устройства приведемъ слѣдующіе два пункта, важные въ томъ отношеніи, что предложенные по нимъ сооруженія до сихъ поръ не приведены въ исполненіе и ждутъ своей очереди, къ довершенію великаго событія, тѣмъ болѣе, что въ настоящее время, при возможности отливанія колоссальныхъ статуй изъ цинка съ наращиваніемъ бронзою, изображенія архангеловъ могли бы быть приведены въ исполненіе безъ значительныхъ затратъ.

4) Въ предмѣстьи колонады, или на концахъ оныя, на возвышенныхъ гранитныхъ пьедесталахъ поставлены колоссальныя гипсовыя изображенія архангеловъ Михаила и Гавріила, кои замѣняются со временемъ бронзовыми.

5) Противъ западныхъ дверей собора сдѣлана чугунная, удивительнаго искусства, въ видѣ полукружія рѣшетка, въ концахъ которой имѣютъ быть поставлены на гранитныхъ огромныхъ пьедесталахъ колоссальныя изъ цѣльнаго гранита изображенія св. и первоверховныхъ апостоловъ Петра и Павла».

Заканчивается это «Описаніе» слѣдующими словами:

«Въ заключеніе упомянуть надлежитъ, что соборъ сей воздвигнуть, такъ сказать, на мѣстѣ прежняго Казанскаго собора, именованнаго нѣкогда церковью Рождества Пресвятыя Богородицы, что самое подтверждаетъ и надпись на мраморной доскѣ, вынутой изъ-подъ разобранной оной церкви, закладка которой была въ 1737 г. въ царствованіе блаженныя памяти государыни императрицы Анны Іоанновны».

Но тѣмъ не менѣе мы укажемъ, что въ 1795 г. 29 сентября, по письму его превосходительства П. Ив. Турчанинова, писанному на имя президента академіи, требовалось имѣющуюся при сей академіи модель Казанской церкви отпустить для постановленія въ Эрмитажъ Зимняго дворца между прочими въ немъ моделями, что и приказано было исполнить бібліотекарю Сергѣю Бѣляеву (Матеріалы исторіи И. А. X. т. I, ст. 349). Чья это модель была—неизвѣстно.

Какъ мы выше видѣли императоръ Павелъ поручилъ составленіе проекта собора Камерону, пріѣхавшему въ Россію изъ Шотландіи въ царствованіе Екатерины II, около 1783 г., вмѣстѣ со своимъ соотечественникомъ, архитекторомъ Гести, которому Петербургъ обязанъ первыми чугунными мостами; изъ нихъ первый таковой былъ построенъ на Невскомъ проспектѣ въ 1805 г. черезъ Мойку вмѣсто деревяннаго, носившаго названіе Зеленаго (теперь Полицейскій), который обошелся, по тогдашнимъ дешевымъ цѣнамъ, въ 46,538 р. 27 к. асс., а чугуну на него было употреблено 20,374 п. Впослѣдствіи Камеронъ изъ придворнаго архитектора, какъ говорить о томъ академикъ Пекарскій (въ «Словарѣ, составленномъ русскими учеными и литераторами, т. I, стр. 534»), былъ главнымъ адмиралтейскимъ архитекторомъ и при немъ находились сперва въ званіи «каменныхъ дѣлъ мастеровъ», а потомъ архитекторы братья Адамини, которые въ 1820 годахъ построили католическую церковь въ Царскомъ Селѣ, а въ 1836 г. по проекту одного изъ нихъ на конкурсѣ, объявленномъ отъ министерства финансовъ, избрано было три рисунка памятниковъ: при Бородинѣ, Смоленскѣ и Ковно. Примѣрная модель бородинскаго памятника была выстроена изъ досокъ на Марсовомъ полѣ. О братьяхъ Адамини мы упомянули оттого, что имена ихъ соединены съ памятниками эпохи 1812 года, олицетвореніемъ которой, если такъ можно выразиться, служить Казанскій соборъ. Составленный планъ Камерона, надо полагать, не понравился Павлу Петровичу, и онъ приказалъ устроить конкурсъ, какъ это видно изъ приведеннаго выше документа въ дѣлѣ № 17 Соборнаго архива.

Затѣмъ переходимъ къ исторіи сооруженія Казанскаго собора.

На мѣстѣ, на которомъ стоитъ Казанскій соборъ, въ 1710 г. находилась часовенка; изъ нея въ 1712 г. сдѣлана церковь съ престоломъ во имя Казанской Божіей Матери, просуществовавшая до 1733 г.,

когда императрицею Анною Иоанновною была заложена новая церковь во имя Рождества Богородицы. Церковь эта была также деревянная и замѣчательна въ исторіи Россіи, что въ ней 28 іюня 1762 г. архіепископъ Дмитрій Сѣменовъ провозгласилъ на эктени прибывшую прямо изъ Петергофа Екатерину самодержавною государынею, а сына ея наслѣдникомъ цесаревичемъ; послѣдній, по востшествіи на престолъ, предназначилъ соорудить новый соборъ во имя Казанской Богоматери на мѣстѣ церкви Рождества Богородицы, при которой находилось кладбище, что можно видѣть на офортѣ Шенберга по рисунку съ натуры Гейслера.

Составленный проектъ Воронихина былъ утвержденъ 14 ноября 1800 г., а 22 ноября того-же года назначена коммисія для построенія собора («Описаніе Государственнаго Архива старыхъ дѣлъ», составленное П. Ивановымъ. Москва. 1850 г.) и 7 декабря, въ собраніи совѣта академіи художествъ, былъ слушанъ указъ правительствующаго сената съ прописаніемъ именнаго е. и. в. высочайшаго указа, послѣдовавшаго ноября въ 22-й день, въ коемъ изображено: «для построенія Казанской церкви по конфирмованному нами плану повелѣваемъ составить особую коммисію, въ которой присутствовать президенту академіи художествъ дѣйствительному тайному совѣтнику графу Строганову, генералу отъ инфантеріи и генераль-прокурору Обольянинову, тайному совѣтнику Карадыкину и вице-президенту академіи дѣйствит. ст. сов. Чекалевскому, а производить строеніе архитектору Воронихину» (Матеріалы для исторіи И. А. Х., т. I, стр. 419).

Коммисія приступила немедленно къ исполненію обязанностей, возложенныхъ на нее высочайшею волею, поручила своему архитектору, составителю плана, составить смѣту и Воронихинъ опредѣлилъ сумму 3.030,264 рубля, которой, по его исчисленію, было достаточно для наружнаго устройства храма. Коммисія, по разсмотрѣніи этой смѣты, представила на высочайшее утвержденіе, которое послѣдовало вскорѣ съ назначеніемъ ассигнованной на сей предметъ суммы.

Закладка собора произведена въ первое лѣто царствованія императора Александра I, положившаго первый камень въ основаніе Казанскаго собора, именно 27 августа 1801 года. Въ дѣлѣ № 17 Соборнаго архива значится.

При закладкѣ положена мѣдная вызолоченная доска съ слѣдующею надписью:

«Лѣта Господня

1801 года августа 27 дня положено основаніе святому храму сему, во имя Пресвятыя Богородицы чудотворныя ея иконы Казанскія повелѣніемъ блаженныя памяти государя императора Павла Петровича,

въ царствованіе же и при высочайшемъ присутствіи, благочестивѣйшаго самодержавнѣйшаго великаго государя императора Александра Павловича всея Россіи, супруги его благочестивѣйшія государыни императрицы Елисаветы Алексѣевны и матери его благочестивѣйшія государыни императрицы Маріи Ѳеодоровны.

Восшествія на престолъ его императорскаго величества въ первое лѣто.

Члены комисіи:

Первенствующій графъ Александръ Сергѣевичъ Строгоновъ.
 Тайный совѣтникъ Николай Матвѣевичъ Карадыкинъ.
 Тайный совѣтникъ Алексѣй Григорьевичъ Ходневъ.
 Дѣйствительный статскій совѣтникъ Петръ Петровичъ Чекалевскій.
 Статскій совѣтникъ Иванъ Егоровичъ Старовъ.
 Статскій совѣтникъ Никифоръ Изотовичъ Пушкинъ.
 Архитекторъ Андрей Никифоровичъ Воронихинъ.

По именному высочайшему указу въ 17-й день генваря 1801 года повелѣно строеніе церкви произвести въ три года, на что и сумма, положенная по смѣтѣ къ отпуску, была ассигнована 2.843,434 р. 97¹/₂ коп.

Съ 1803 г., по высочайшему повелѣнію, назначено окончить въ теченіи 7 лѣтъ, о чемъ состоялся именной указъ ноября 14 дня 1802 года.

II.

При вынутіи изъ стараго Казанскаго собора фундамента 1813 г. іюля 29 числа открыта въ ономъ на горнемъ мѣстѣ бѣлаго мрамора доска, на которой изображено вырѣзанными литерами: основаніе храма въ честь Пресвятыя Владычицы Богородицы въ память явленія святыя ея иконы Казанскія. (Изъ архива Каз. собора, дѣло за № 17).

Обращаясь къ личности строителя Казанскаго собора, укажемъ, что біографіи Андрея Никифоровича Воронихина есть двѣ, первая, сообщенная г. А. Т., помѣщена въ «Художественной газетѣ» за 1836 г., а вторая напечатана въ «Энциклопедическомъ лексиконѣ» Плюшара въ 1838 г. за подписью Н. Кукольника; въ обѣихъ изъ нихъ говорится, что о мѣстѣ рожденія Воронихина есть два несогласныя свѣдѣнія: въ отпускной, данной ему отъ 25 іюня 1786 г., онъ показанъ изъ сельца Давыдовки Московской губ., доставшагося по наслѣдству графу А. С. Строганову; по другому извѣстію Воронихинъ родился въ 1760 г., въ Пермской губ., въ селеніи того-же графа — Новое Усолье. Эти показанія можно согласить такъ: что дѣйствительно Воронихинъ родился

въ Усольт, а на 18-мъ году отъ роду, когда его страсть къ рисованію стала извѣстна графу и онъ былъ привезенъ для обученія въ Москву, при четвертой ревизіи причисленъ къ сельцу Давыдовкѣ. По прошенію Ник. А. Воронихина, академія художествъ дѣлала запросъ въ пермской консисторіи о присылкѣ копии съ метрики о рожденіи профессора архитектуры А. Н. Воронихина, на что пермская консисторія сообщила, отъ 18 ноября 1869 г., за № 10497, что метрики села «Новое Усолье» за 1759, 1760 и 1761 гг. истреблены пожаромъ.

Въ некрологѣ Андрея Никифоровича Воронихина, написанномъ гораздо ранѣ приведенныхъ біографій (въ «Сынъ Отечества» 1814 г., № XII, стр. 231), указано прямо, что «сей славный мужъ, по изящнымъ произведеніямъ своего зодчества—россійскій Витрувій, родился въ 1760 г., Пермской губерніи, въ селеніи Новое Усолье».

Въ Москвѣ Воронихинъ занимался подъ руководствомъ архитекторовъ Баженова и Казакова (портретъ Казакова гравированъ Аванасьевымъ, см. «Словарь» гравированныхъ портретовъ Д. Ровинскаго).

А въ лицѣ митрополита Платона Воронихинъ нашелъ себѣ второго покровителя; затѣмъ, когда его способности обнаружили въ немъ несомнѣнный талантъ, то графъ Строгановъ перевелъ его въ Петербургъ, и черезъ нѣсколько времени Андрей Никифоровичъ съ сыномъ графа, Павломъ Александровичемъ, отправился въ путешествіе. Сперва они посѣтили южную Россію, а потомъ Германію, Швейцарію и Францію, гдѣ въ Парижѣ Воронихинъ предался изученію перспективной живописи и архитектуры и, полюбивъ также математическія и естественныя науки, приобрѣлъ въ нихъ значительныя познанія.

Чтобы показать, какъ уважалъ графъ Строгановъ Воронихина, мы приводимъ слѣдующія строки старика-графа изъ письма къ его сыну:

«Ты путешествовалъ по многимъ областямъ Россіи подъ руководствомъ друга, почтеннаго по добродѣтелямъ и своимъ знаніямъ. При каждомъ случаѣ, онъ показывалъ тебѣ слѣды храбрости твоихъ соотечественниковъ, чудеса духа зиждителя Петра Великаго, памятники благотворной руки Екатерины II. Но какъ время, посвященное твоимъ занятіямъ, позволило видѣть тебѣ только меньшую часть столь обширной имперіи, то для пополненія твоихъ свѣдѣній о ней я старался и стараюсь собрать предметы, достойные твоего любознанія подъ названіемъ путешествующаго живописца по Россіи. Можетъ быть, современемъ, я сдѣлаю это собраніе извѣстнымъ свѣту, дабы чрезъ то частную твою пользу обратить въ общую, тѣсно соединенныхъ въ моемъ сердцѣ, ибо какъ ты въ отечествѣ, такъ и отечество въ тебѣ равно мнѣ любезны. Если же угодно будетъ Всевышнему пресѣчь дни моей жизни прежде совершенія сего намѣренія, требующаго многихъ трудовъ и

стараний, то завѣщаю тебѣ въ такомъ случаѣ, любезный сынъ, привези оное къ лучшему совершенству, дабы такое собраніе осталось навсегда памятникомъ родительской горячности къ тебѣ и сыновней любви къ отечеству» (См. брошюру Н. Колмакова «Памяти графа Алекс. Сергѣевича Строганова», Спб. 1844 г.).

Преждевременная кончина Павла Алекс. Строганова, вызванная потерю единственнаго сына, убитаго въ отечественную войну, не дала возможности привести ему въ исполненіе завѣтъ отца, согрѣтаго всецѣло любовію къ родному искусству. У графа Строганова, владѣтеля дома гр. А. С. Строганова, находятся картины, выбранныя Воронинымъ въ Римѣ для Строгановской галлерей; не есть ли это тѣ итальянскія картины, которыя помѣщены въ каталогъ: «Catalogue raisonné des tableaux qui composent la collection du comte A. de Stroganoff. S.-Petersbourg. 1793». Изъ бумагъ же А. Н. Воронихина, у его внучатаго племянника Николая Алексѣевича, сохранился лишь плачь города Петербурга, копированный и поднесенный Андрею Никифоровичу, 14 апрѣля 1807 г., «14 класса Антономъ Крутицкимъ».

Въ рукописныхъ «Запискахъ академика Ступина», написанныхъ имъ въ 1847 году, въ Арзамасѣ, и принадлежащихъ наслѣдникамъ любителя-художника Ник. Дм. Быкова († въ мартѣ 1884 г.) Ступинъ говоритъ: «прежде всего велѣлъ мнѣ идти г. Лабзинъ (тогдашній конференцъ-секретарь академіи) къ графу А. С. Строганову и попросить отъ его имени любимца графа, Андрея Никифоровича Воронихина принять во мнѣ участіе и представить его сіятельству». Далѣе онъ замѣчаетъ, что «Воронихинъ былъ съ сыномъ графа въ Англии». При представленіи графу Строганову учениковъ своихъ Ступинъ приводитъ вопросъ графа, по поводу одного изъ нихъ, которымъ былъ написанъ со Ступина портретъ: «вольный онъ или крѣпостной?»—«Крѣпостной», отвѣчалъ Ступинъ!

— «Какъ жаль, что много гибнетъ у насъ достойнаго народа», сказалъ графъ, послѣ чего сталъ говорить съ Воронихинимъ по французски, чего я не понималъ; спросилъ и послѣ узналъ отъ секретаря графа, что онъ спрашивалъ: «какъ въ совѣтѣ сказали о портретахъ моихъ, привезенныхъ и писанныхъ мной съ натуры».

Привезенный Ступинимъ мѣщанинъ Коринескій, по просьбѣ его, былъ принятъ Воронихинимъ къ себѣ на домъ, откуда ходилъ 4 года въ академію, получилъ 1 и 2 серебряныя медали и аттестатъ 1-й степени со шпагой и опредѣленъ былъ архитекторомъ и профессоромъ въ казанскій университетъ.

Приведенное обстоятельство указываетъ, что Воронихинъ, не смотря на все счастье улыбавшейся его жизни, не переставалъ быть гуманнымъ человѣкомъ къ лицамъ, по своему положенію подобнымъ ему.

Возвратившись въ Петербургъ, Воронихинъ продолжалъ заниматься перспективною и миниатюрною живописью и въ 1794 году представилъ въ Академію Художествъ картину, изображающую въ перспективномъ видѣ картинную галерею графа А. С. Строганова, за которую 4 декабря (а въ формулярѣ 16-го) удостоенъ назначеннымъ (въ академики), причѣмъ дано было его сіятельству «задать ему задачу на произволеніе, которую обязался онъ сдѣлать чрезъ 2 года, а потому и сіе званіе назначеннаго имѣеть свою силу до того только срока, въ чемъ и дано ему отъ академіи свидѣтельство». Въ 1797 г. декабря 19 Воронихинъ получилъ званіе академика по работѣ, представляющей загородный домъ графа Строганова. Картина эта до сихъ поръ находится въ залахъ академіи, и показана въ каталогѣ академической русской картинной галереи, составленной А. Сомовымъ подъ № 32. Съ нея въ альманахѣ «Утренняя Заря» на 1843 годъ приложена маленькая гравюра по рисунку М. Сажина, исполненная за границею на стали съ слѣдующею курьезною надписью «ся Соронихина М. Сажинъ», а ниже «ся кар. Воронихина», вездѣ вмѣсто русскаго и напечатано французское и, поэтому весьма странно, что Кукольникъ говорилъ въ его біографіи: «по части перспективной живописи намъ до сихъ поръ ничего неизвѣстно, а эта отрасль доставила ему первоначальную извѣстность». Впрочемъ, онъ же, на стр. 361 «Утренней Зари», писалъ: «въ картинѣ Воронихина двойной интересъ: пріятно видѣть въ немъ живописца, но любопытнѣе наблюдать какого онъ искалъ живописнаго эффекта въ собственномъ архитектурномъ произведеніи, чего добивалось его восбраженіе, какимъ это зданіе онъ желалъ видѣть въ натурѣ».

Въ собраніи гравюръ, литографій и подлинныхъ рисунковъ извѣстнаго собирателя Павл. Яков. Дашкова находятся съ этой дачи:

1) Акварель, сдѣланная съ натуры Гессе въ 1820-хъ годахъ и литографированная за границей.

2) Видъ Черной рѣчки съ дачи графа Строганова, гравированный Мартыновымъ.

3) Видъ дачи съ картины академической, гравированный Ческимъ.

4) Та же гравюра Галактионова и литографія съ нея Поль-Пети. Еще виды этой дачи можно найти въ «Иллюстраціи» 1847 года.

По свѣдѣніямъ конторы графа Строганова въ 1797 г. Андрей Никифоровичъ Воронихинъ, по желанію графа Строганова, дѣйствительно на мѣстѣ его, называвшейся Мандуровой, построилъ для лѣтняго пребыванія домъ, который не перестаетъ называться до сихъ поръ Воронихиннымъ домомъ.

Въ 1799 г. іюня 4, академія вслѣдствіе требованія спб. полицей-

ской экспедиціи для оцѣнки живописной работы, произведенной Скоттемъ въ домѣ портового маклера Мичурина, препоручила это дѣло: профессору Угрюмову и академикамъ Алексѣеву, Мартынову и Воронихину.

Въ 1800 г. марта 6 для преподаванія при академіи ученикамъ класса архитектуры былъ принятъ академикъ Воронихинъ.

21 августа того же года, въ собраніи совѣта рассматривали смѣту двухъ колонадъ и четырехъ обелисковъ по высочайше подтвержденнымъ рисункамъ академика Воронихина, назначаемыхъ для Петергофскаго сада, суммою: колонадная смѣта 176,492 руб. 69 коп., а обелисковъ—37,181 руб. 76 коп.

Ноября же 20, по предложенію господина президента, въ уваженіе сдѣланныхъ акад. Воронихинимъ проектовъ Петергофской колонады, а равномѣрно и видныхъ успѣховъ въ обученіи воспитанниковъ, опредѣлено было дать ему званіе архитектора.

Въ 1801 г. 25 сентября въ собраніи совѣта читалось сообщеніе государственной мануфактурной коллегіи, въ которомъ послѣдняя просила академію поторопить академика Воронихина окончаніемъ смѣты механической печи и доставить немедля съ отданными ему планамъ, профилями и всѣми бумагами въ коллегію, такъ какъ дѣло объ этой печи производится по именному высочайшему повелѣнію и въ рѣшеніи отлагательства не терпитъ.

Въ 1802 г. декабря 8 опредѣлили совѣтъ академіи: академикомъ Воронихина, Михайлова, отправляющихъ должность при архитектурномъ классѣ адъюнкты-профессоровъ и получающихъ то же жалованье, именовать адъюнкты-профессорами, а 11 декабря профессорами архитектуры.

Въ 1803 г. марта 19, по предложенію президента за сдѣланную г. Воронихинимъ для академіи, по приказанію самого графа, иллюминацію, по случаю его величества коронаціи, по счетамъ разнымъ людямъ 2,487 руб. 42 коп. приказано заплатить.

Мая 22 дня 1803 г. въ совѣтѣ читалось, что профессора архитектуры Воронихинъ и Захаровъ (извѣстный строитель зданія главнаго Адмиралтейства) рассматривали проектъ Томона зданія биржи и нашли смѣты, кладку фундамента, кирпича и свайную бойку, такъ и укрѣпленіе берега весьма недостаточными, съ чѣмъ отчасти согласенъ былъ и самъ Томонъ, а о смѣтѣ объявилъ, что она дѣлана примѣрно, по скорости, каменнымъ мастеромъ.

Въ 1804 г. августа 13 вслѣдствіе трещинъ, оказавшихся въ куполѣ академическаго зданія, президентъ поручилъ исправленіе этого поврежденія профессорамъ Воронихину и Захарову, которые 10 сентября рапортомъ и донесли, что нашли необходимымъ въ куполѣ стропила,

а также и стѣны, на которыхъ они поставлены, связать желѣзными натянутыми связями.

Августа 20 того же года пенсионера Александра Протопопова оставленнаго при академіи, для обученія практики строительнаго искусства, поручено г. Воронихину имѣть въ своемъ вѣдѣніи, употребляя при строеніи, имъ производимомъ.

3-го декабря президентъ предложилъ о помѣщеніи на вакансію младшаго профессора по архитектурному классу профессора Воронихина, съ правомъ присутствовать въ совѣтъ и съ положеніемъ ему жалованья съ начала сего текущаго года, такъ какъ въ продолженіи его обучалъ воспитанниковъ практикѣ архитектурной на самомъ строеніи церкви Казанскія Богоматери.

Въ 1805 г. декабря 31 Воронихинъ произведенъ въ надворные совѣтники.

Въ 1806 г. 5 января представилъ эскизъ, вмѣстѣ съ Щедринымъ, монумента генералу-аншефу Петру Дм. Еропкину. Апрѣля 4 назначенъ строителемъ Горнаго кадетскаго корпуса, постройка котораго произведена въ 4 года. Смежный съ прежнимъ зданіемъ корпуса домъ, купленный у купца Неймана (за 30,000 р.), вошелъ въ общее строеніе корпуса. И на сооруженіе зданія отпущено было сперва 179,888 р., а все съ дополнительными сверхъ-смѣтными расходами обошлось въ 293,890 р. 19³/₄ к. (См. «Историческое и статистическое описаніе Горнаго кадетскаго корпуса», Д. Соколова, Спб. 1830 г., стр. 32).

16 ноября того же года Воронихину поручено было строить фонтанъ на Пулковской горѣ.

Въ 1807 г. апрѣля 27 слушано было предложеніе г. президента, что по разсмотрѣніи имъ представленныхъ профессоромъ Воронихинымъ чертежей академической церкви онъ находитъ ихъ заслуживающими уваженія и предлагаетъ привести оныя въ исполненіе. Члены совѣта, съ признательностію принявъ это попеченіе его сіятельства, единогласно объявили, что они художественныя ея украшенія принимаютъ на себя безъ всякой платы, живописцы—образа, а скульпторы—скульптурныя работы. Почему, чтобы согласовать устроеніе съ этимъ усерднымъ прилежаніемъ гг. членовъ, поручили профессору Захарову также съ своей стороны представить планъ церкви, соображенный съ лѣпными и живописными работами, что 17 мая имъ и было исполнено, причемъ найденъ совѣтомъ во всемъ онъ отвѣчающимъ святынь храма и великолѣпно академическаго зданія и представленъ на утвержденіе г. президента съ тѣмъ, чтобы по ревности членовъ академіи раздать тотчасъ мѣры образамъ и барельефамъ, и нынѣ же приступить къ каменной, плотничной и столярной работамъ, дабы постараться всю

церковь окончить къ будущему году, т. е. чтобы 1 сентября 1808 г. могла она быть уже освѣщена и открыта.

Августа 10 поручена была постановка гранитной колонны посреди круглаго академическаго двора, поступившей отъ строенія Казанской церкви архитектору Михайлову подъ надзоромъ Воронихина; эта колонна, существующая до сихъ поръ на дворѣ академіи, служить какъ бы памятникомъ президентства графа Строганова.

Въ 1808 г. декабря 19, согласно предложенію г. президента, вслѣдствіе отношенія г. министра внутреннихъ дѣлъ, съ изъявленіемъ высочайшей его импер. величества воли, о скорѣйшемъ сочиненіи нѣсколькихъ проектовъ медали, предназначенной для ознаменованія эпохи открываемаго въ г. Полтавѣ монумента въ память знаменитой побѣды, Петромъ I одержанной, поручено, въ числѣ другихъ художниковъ, представить рисунокъ и г. Воронихину.

14 января 1809 г. академія художествъ удостоена была посѣщеніемъ его императорскаго величества съ королемъ прусскимъ Фридрихомъ Вильгельмомъ III, которому въ числѣ рисунковъ подаренъ былъ видъ новостроющейся Казанской церкви. Затѣмъ 27 февраля, въ числѣ программъ Максиму Воробьеву, по перспективному классу, задано было: «представить видъ новостроющейся церкви Казанской Божьматери съ околичностями».

Въ 1810 г. августа 27-го, Воронихинъ представлялъ чертежи церкви для города Арзамаса, сдѣланные мѣщаниномъ Михаиломъ Петровичемъ Коринескимъ, который, оставя жену и дѣтей, по склонности своей къ архитектурѣ пріѣхалъ въ Петербургъ (о чемъ нами сказано выше со словъ Ступина), прося Коринескому пользоваться художественными классами для его усовершенствованія, что совѣтъ охотно и исполнилъ.

Сентября 7-го, Андрей Никифоровичъ назначенъ былъ членомъ строительнаго комитета приказа общественнаго призрѣнія.

Октября 1-го совѣтъ поручилъ Воронихину рассмотреть проектъ архитектора Вас. Зражевскаго, какъ бывшаго ученика академіи, моголевской гимназіи, сдѣланный имъ по требованію виленскаго университета, причемъ предложено было Андрею Никифоровичу задать Зражевскому и программу на званіе академика.

1-го января 1811 года, Воронихинъ былъ пожалованъ орденомъ св. Владимира 4-й степени; 23-го сентября, по случаю смерти перваго академіи профессора архитектуры, ст. сов. Захарова, опредѣленъ на мѣсто его старшимъ профессоромъ Воронихинъ, а 26-го сентября онъ былъ награжденъ орденомъ св. Анны 2-го класса съ брилліантовыми украшениями при высочайшемъ рескриптѣ, слѣдующаго содержанія: «Сооруженіе здѣшней соборной церкви Казанскія Божія Матери оста-

нется навсегда памятникомъ вашихъ способностей, изобрѣтеній и трудовъ; мнѣ же даетъ пріятный случай вознаградить за столь успѣшное исполненіе возложеннаго на насъ дѣла, пожалованіемъ васъ кавалеромъ ордена св. Анны второго класса; въ вышшее же ознаменованіе монаршаго моего благоволенія, препровождаю при семъ знакъ того ордена, украшенный брилліантами, пребывая впрочемъ вамъ благо-склонный» («Сенатскія Вѣдом.» 1811 г.).

Будучи высочайше пожалованъ чиномъ коллежскаго ассесора, А. Н. Воронихинъ, по законамъ своего времени, приобрѣталъ права потомственнаго дворянства, и просилъ о приписаніи его къ петербургскому дворянскому сословію. Приводимъ извѣстное намъ опредѣленіе с.-петербургскаго дворянскаго депутатскаго собранія.

1806 г. февраля 23-го. По указу его императорскаго величества санктпетербургское дворянское депутатское собраніе, разсмотрѣвъ представленные при прошеніи отъ надворнаго совѣтника Андрея Никифорова сына Воронихина на дворянское его достоинство доказательства: подлинный за высочайшимъ подписаніемъ патентъ о пожалованіи его въ 18-й день іюля 1800 г. изъ академиковъ въ коллежскіе ассесоры; свидѣтельство за подписаніемъ семи челоуѣкъ благородныхъ, состоящихъ въ классахъ, утверждающихъ о дѣйствительности законнаго сына его; и списокъ о родѣ его, съ показаніемъ въ ономъ, что онъ происходитъ изъ свободныхъ. Приказали на основаніи высочайше жалованной дворянству грамоты 79 статьи, коею повелѣно: «въ третью часть родословной книги внести роды осмьикласснаго дворянства по алфавиту», его, просителя, и сына его Александра внести въ третью часть дворянской родословной книги и дать ему грамоту; съ патента же оставивъ копію, подлинной отдать ему обратно съ роспискою, и по внесеніи изъ онаго выпискою принадлежащаго въ родословную книгу съ прошеніемъ, свидѣтельствомъ и спискомъ хранить въ дворянскомъ архивѣ.

Вслѣдъ за рожденіемъ сына Павла, А. Н. Воронихинъ просилъ о причисленіи этого сына къ дворянству, о чемъ было постановленіе с.-петербургскаго дворянскаго депутатскаго собранія въ декабрѣ 1808 г.

Въ декабрѣ 1811 г. было новое постановленіе о причисленіи еще двухъ сыновей А. Н. къ дворянству, именно: Владиміра, показаннаго рожденнымъ 1808 г. сентября 18-го, и Константина, показаннаго рожденнымъ 1809 года октября 8-го.

Показаніе о времени рожденія этихъ двухъ сыновей приходится признать ошибкою того времени, такъ какъ по книгамъ с.-петербургской духовной консисторіи Владиміръ родился 19 сентября 1808 г., а Константинъ—2 января 1810 г. и значится крещеннымъ 12 января

1810 г. (по книгамъ церкви академіи художествъ, а не Казанскаго собора, гдѣ записаны первые 5 сыновей).

Что касается до герба, то А. Н. Воронихинъ не имѣлъ его, такъ какъ въ департаментѣ герольдіи имя его не значится въ гербовыхъ книгахъ.

Какая была резолюція сената на опредѣленіе депутатскаго собранія о причисленіи А. Н. Воронихина къ с.-петербургскому дворянскому сословію—неизвѣстно. Дѣла сената за разсматриваемое время находятся въ московскомъ архивѣ юстиціи.

Воронихинъ скончался неожиданно 21-го февраля 1814 г. Государь Александръ Павловичъ пожаловалъ пенсіонъ, получаемый Воронихинымъ еще при жизни, женѣ его, съ переходомъ отъ нея къ его дѣтямъ.

III.

Старательныя изысканія, произведенныя Н. А. Воронихинымъ въ здѣшней консисторіи, приводятъ къ даннымъ, что у А. Никиф. Воронихина было 6 сыновей: 1) Александръ, род. 11-го января 1804 г. и умеръ вскорѣ по рожденіи 21-го января, бывъ погребенъ на Смоленскомъ кладбищѣ; 2) Александръ, родился 23-го февраля 1805 г.; 3) Павелъ, род. 15-го іюля 1806 г.; 4) Константинъ, род. 29-го апрѣля 1807 г. и умеръ 14-го мая того же года и погребенъ въ Невской лаврѣ (метрич. кн. Каз. соб. 1807 г., ст. № 25); 5) Владимиръ, род. 19-го сентября 1808 г. и 6) Константинъ, род. 2-го, а крещенъ 12-го января 1810 г. и числится не какъ другіе—по Казанскому собору, а по церкви академіи художествъ. Метрики о рожденіи первыхъ 5 сыновей записаны по Казанскому собору. Такъ какъ старшій сынъ жилъ недолго, то онъ, равно какъ и 4-й, и не записанъ въ формулярномъ спискѣ А. Н., составленномъ въ 1812 г. и приведенномъ въ «Русской Старинѣ» 1884 г., въ октябрьской книгѣ; и потому второй сынъ въ лексиконѣ Плюшара, въ біографіи Воронихина названъ старшимъ. Изъ дѣтей Андрея Никиф. никто не былъ художникомъ; въ боковой же линіи, два родныхъ племянника были—одинъ скульпторомъ, другой архитекторомъ. Первый, именно Алексѣй Ильичъ († 1846 г.) служилъ модельмейстеромъ при императорскомъ фарфоровомъ заводѣ, а второй,—Николай Ильичъ († 1872 г.)—губернскимъ рязанскимъ архитекторомъ. Оба они получили свое образованіе въ академіи художествъ, причемъ Алексѣй Ильичъ жилъ даже у дяди, а Николай Ильичъ признавъ академикомъ по части архитектуры въ 1838 г., 2 октября, за проэктъ великолѣпнаго гостиннаго двора.

Въ «Исторіи ак. худ.» въ 1809 г. Алексѣй показанъ получившимъ серебрянную медаль за лѣпленіе съ натуры (т. I, стр. 535); въ 1812 г. награжденъ первою золотою (т. II, стр. 34). На основаніи близкихъ отношеній племянника къ дядѣ, совершенно справедливо замѣчено въ каталогѣ картинъ ак. худ., что его бюстъ изъ терракоты равно какъ и жены Воронихина — работы А. И. Воронихина, тѣмъ болѣе что они принесены въ даръ сыномъ Алексѣя Ильича.

Жена Воронихина была родомъ изъ англійскаго городка Holywell, (въ сѣверной части Валлиса), гдѣ отецъ ея былъ пасторомъ при реформатской церкви. Въ 1801 году была жива ея мать Маргарита Ивановна, отецъ же Федоръ Ивановичъ Лондъ былъ уже умершимъ. Въ здѣшней церкви при англійскомъ посольствѣ находится метрическое свидѣтельство (1822 г.) о смерти жены Воронихина, послѣдовавшей на 51-мъ году отъ роду, 23 января.

Второй сынъ Воронихина, Александръ, воспитывался въ царско-сельскомъ лицей, а потомъ служилъ во флотѣ лейтенантомъ и занимался съ успѣхомъ переводомъ учебныхъ книгъ для морскаго корпуса; такъ изданная имъ книжка въ 1833 г.: «Собраніе небольшихъ переводовъ изъ новѣйшихъ иностранныхъ сочиненій по части мореплаванія», содержитъ статьи: Погоня, Цейлонскія ладьи и Перуанскія Бальзы, Шлагтовъ изъ клиньевъ, Возвращеніе Капитана Росса, Занятіе и укрѣпленіе скалы Алмазвой, Пловучій брашпиль рыбаковъ Коромандельскаго берега, О морской артиллеріи. Онъ имѣлъ работу по литературѣ у Н. И. Греча и держалъ корректуру въ его типографіи. Умеръ въ 1835 году, 28-ми лѣтъ отъ роду. Этотъ годъ, относящійся у Плюшара къ смерти Александра Воронихина, перешелъ ошибочно за годъ смерти Андрея Ник. отсюда въ словари Березина, Старчевскаго и Ключникова.

Послѣднимъ изъ сыновей Воронихина умеръ младшій, Константинъ, 23-го іюня 1869 г. и погребенъ на Волковомъ кладбищѣ.

Въ кассѣ конторы графа Строганова обращался капиталъ Воронихина въ 50,000 руб. асс., подаренный графомъ А. С., съ котораго сыновья А. Ник. получали проценты.

IV.

Кромѣ вышеперечисленныхъ построекъ, произведенныхъ Воронихинымъ, по его планамъ сооружены также домъ государственнаго казначейства, первая русская терапевтическая клиника въ спб. medico-хирургической академіи, терраса въ Стрѣльнѣ и другія постройки

въ разныхъ загородныхъ мѣстахъ, особенно въ Гатчинѣ и Павловскѣ, но что именно—неизвѣстно. Въ залахъ академіи худ. находится портретъ А. Н. Воронихина, съ изображеніемъ на фонѣ купола Казанскаго собора, который, судя по нарисованному на немъ ордену, писанъ послѣ 1811 года и думаютъ, что онъ принадлежитъ кисти проф. Варника. И точно такой же, но меньшаго размѣра у академика Ник. Д. Оедюшкина (8¼, в. в. и 6¼, в. ш.). Кромѣ того акварельные портреты: одинъ А. Ник. и два жены его, находящіяся у Андрея Алексѣевича Воронихина.

Въ Соляномъ городкѣ имѣется большая картина, изготовленная для празднованія 100-лѣтняго юбилея отъ рожденія императора Александра I, гдѣ изображено, какъ императоръ въ своемъ кабинетѣ разсматриваетъ планы Казанскаго собора, представленные ему графомъ А. С. Строгоновымъ, который стоитъ предъ императоромъ, а поодаль отъ него архитекторъ Казанскаго собора Воронихинъ съ портфелью въ рукѣ. Подъ картиною помѣченъ 1811 годъ.

Наконецъ, приведемъ еще нѣсколько строкъ о Воронихинѣ изъ статьи: «О состояніи художествъ въ Россіи», напечатанной въ альманахѣ «Сѣверные цвѣты» на 1826 г. «Воронихинъ былъ въ больш. славѣ. Теперь его критикуютъ особенно за Казанскую церковь, оди́н храмъ сей, хотя и имѣетъ нѣкоторыя несовершенства, можетъ ставъ на ряду съ весьма хорошими церквами въ Европѣ. Мѣстное положеніе не позволило помѣститъ колонаду отъ главнаго входа, причиною тому, что она примкнута къ боковому фасаду церкви; отъ этого и самая церковь теряетъ много виду, и куполь ея, довольно огромный, кажется слишкомъ малымъ по соразмѣрности со всею массою зданія; впрочемъ, разсматривая сію церковь безпристрастно, найдешь въ ней много достоинствъ, детали вообще прекрасны. У Воронихина нельзя отнять его дарованій; онъ былъ весьма искусный художникъ и особенно отличался внутреннимъ украшеніемъ домовъ». Здѣсь авторъ статьи, вѣроятно, хотѣлъ намекнуть на домъ графа Шереметева по Фонтанкѣ, сохранившій наружный свой видъ тотъ самый, который ему былъ данъ гр. Растрелли; въ отношеніи же внутренняго расположенія и отдѣлки. въ статьѣ «Новая чугунная рѣшетка предъ домомъ гр. Д. Н. Шереметева» (см. «Художественную Газету» за 1837 г. № 22, стр. 346) сказано, что домъ этотъ былъ передѣланъ Воронихинымъ, рѣшетка же передъ домомъ поставлена въ 1837 г. по рисунку архитектора Корсини.

Сообщивъ свѣдѣнія о жизни и трудахъ Воронихина, обращаемся къ его произведенію, т. е. самому Казанскому собору. Черезъ десять лѣтъ послѣ закладки собора, въ 1811 году 15-го сентября, въ день празднованія коронаціи императора Александра I, храмъ былъ освященъ.

Внутреннее расположеніе собора крестообразно; онъ имѣеть въ длину 34, въ ширину и въ вышину до купольнаго свода по 26 сажени, а въ вышину съ крестомъ 33 сажени и 8 вершковъ. Храмъ въ цѣломъ представляетъ видъ дугообразной, величественной колонады, съ портикомъ коринтскаго ордена посрединѣ и возвышающимся надъ нимъ куполомъ. Всѣ колонны и наружная облицовка стѣнъ сдѣлана изъ пудожскаго известковаго желто-сѣраго камня. Портикъ къ Невскому украшенъ колоссальными бронзовыми фигурами, отлитыми Екимовымъ по моделямъ Прокофьева, Демута-Малиновскаго, Пименова и Мартоса. Изъ брошюры президента А. Н. Оленина, изданной въ опроверженіе имъ «невыгодныхъ слуховъ, которые старались разсѣвать на счетъ управленія академіи художествъ съ 1817 года», подъ заглавіемъ «Краткое историческое свѣдѣніе о состояніи И. А. Худ. съ 1764 по 1829 г.», онъ говоритъ, что слѣдующіе скульпторы работали для Казанскаго собора: Гордѣевъ—барельефъ на фасадѣ; Шубинъ—тоже барельефъ; Мартосъ—барельефъ у Каз. соб. и статую Іоанна Крестителя; Демуть-Малиновскій—св. Андрея Первозваннаго; Пименовъ—св. князя Владиміра; Щедринъ—барельефъ въ Каз. соб. (стр. 19, 20, 21 и 22). Внутри храма къ главному алтарю и къ тремъ главнымъ дверямъ съ каждой стороны простирается въ два ряда колонада изъ финляндскаго гранита. Колонны эти розыскивались крестьяниномъ Вологодской губ., Евской волости, Сампсономъ Ксенофоновичемъ Сухановымъ; имъ и произведена ихъ ломка на мызѣ Геве, по фински «Гевоніаа». Каждая колонна украшена бронзовыми капителями и базами. Всѣхъ колоннъ въ храмѣ 132.

Изъ образовъ въ Казанскомъ соборѣ большинство замѣчательно прекрасно написано, изъ которыхъ главный запрестольный образъ работы К. П. Брюлова; Рождества Богородицы и Сошествіе св. Духа—Егорова; Трехъ Святителей и взятіе на небо Божіей Матери—Шебуева и Тайная вечера—Безсонова. О другихъ живописныхъ и скульптурныхъ работахъ мы приводимъ извлеченіе изъ «Исторіи ак. худ.», отъ 8-го октября 1804 г.; въ названномъ собраніи академическаго совѣта разсматриваемы и одобрены эскизы работъ для Казанской церкви слѣдующіе: барельефы: «Благовѣщеніе» и «Бѣгство Богородицы въ Египеть», г. ректора Гордѣева; «Источеніе Моисеемъ воды изъ камня», г. адъюнктъ-ректора Мартоса; «Успеніе», пенсіонера Кашенкова.

«Покровъ», пенсіонера Воротилова; «обрѣтеніе образа Богоматери», Артемія Анисимова.

Статуя «пророка Іліи», профессора Прокофьева, и его-же барельефъ «Воздвиженіе мѣдной змѣи въ пустынѣ Моисеемъ».

Статуя «св. кн. Владиміра», пенсіонера Пименова.

Живописные образа.

Св. Константина.

Св. Елены.

Св. Антонія и Θεодосія.

Св. Великомученицы Евкaтерины

и шесть образовъ на царскихъ дверяхъ

г. совѣтника Борови-
ковского.

Образа: «Богоматери, Іоанна Богослова и Іоанна Предтечи»—академика Яненко; «св. Сергія и шесть образовъ для царскихъ дверей и обрученіе Маріи съ Іосифомъ»—академика Чернова.

«Св. Петра, идущаго къ Спасителю по водѣ», пенсіонера Чарушина.

«Воскресеніе», Петра Угрюмова; «Христа въ пустынь, коему служатъ ангелы», академика Андрея Иванова; Щукинъ — св. Александра Невскаго.

Затѣмъ 29-го октября того-же года президентъ «объявлялъ благодарность всѣмъ вообще художникамъ за представленныя эскизы образамъ и скульптурнымъ работамъ для церкви Казанскія Богородицы, по которымъ настоящіе образа произведены будутъ еще съ большею соотвѣтственностію содержанія ихъ, а въ разсужденіи эскиза «Воскресенія Христова» онъ говорилъ лично съ г. Угрюмовымъ. Что и онъ и желалъ, чтобы образа для церкви Казанской были писаны на золоту, но, принимая въ уваженіе общее мнѣніе совѣта, оно отбываетъ, оставляя, чтобы на золотѣ написать только три запрестольные образа и образа на царскихъ дверяхъ главнаго иконостаса, и сие нужно для того болѣе, что мѣстные образа по сторонамъ будутъ всѣ въ золотѣ».

Въ архивѣ Казанскаго собора, дѣло № 17, находится указъ его императорскаго величества самодержца всероссійскаго изъ с.-петербургской духовной консисторіи, Казанскаго собора отцу протоіерею Іоанну Сырхнову съ братією и старостою церковнымъ, за № 3244. по описи дѣлъ—№ 5. Сего ноября 27. числа, его высокопреосвященству, его сятельство г. тайный совѣтникъ, государственнаго совѣта членъ, синодальный оберъ-прокуроръ и кавалеръ, князь Александръ Николаевичъ Голицынъ сообщилъ, что по высочайшему повелѣнію препровожденъ къ архитектору Воронихину одобренный государемъ императоромъ рисунокъ для устройства кружекъ и ящичковъ для продажи свѣчъ въ здѣшнемъ Казанскомъ соборѣ. Каковое сообщеніе его высокопреосвященство, сдавъ въ консисторію, предписалъ ей о семъ высочайшемъ соизволеніи дать знать вамъ, протоіерею съ братією и старостою. Ноября 28-го дня 1811 года. Пустынный архимандритъ Анатолій. Секретарь (подпись).

Въ томъ же дѣлѣ № 17 (по описи № 6 за № 3335) находится другой указъ консисторіи о томъ, что пожертвовано отъ купцовъ Очкина и Глазунова 1,500 р. на серебряную позлащенную ризу для мѣстнаго образа Спасителя по правую сторону царскихъ вратъ, при слѣдующей резолюціи его высокопреосвященства: «ризу сдѣлать на добротное подааніе, согласно прописанному съ расположенія г-на архитектора касательно рисунка, дозволяется». Декабря 11 дня 1811 г.

На сооруженіе храма со всѣми его живописными украшеніями употреблено было 4.200,000 руб.

Въ Казанскомъ соборѣ замѣчательнѣе, какъ святыней, такъ и по своей цѣнности: образъ казанской Божіей Матери. Риза отлита въ 1811 г. изъ червоннаго золота и украшена драгоценными каменьями и жемчугомъ,—это даръ императрицы Елизаветы Алексѣевны и Маріи Феодоровны; стоимость ея простирается до 100,000 руб. Этотъ чудотворный образъ, въ царствованіе Іоанна Грознаго, былъ перенесенъ изъ Казани въ Москву, а оттуда Петромъ Великимъ въ Петербургъ. Въ ризницѣ собора достойны вниманія: 1) священный сосудъ изъ кости, янтара и другихъ металловъ собственныхъ трудовъ импер. Маріи Феодоровны, и 2) дарохранительница изъ сибирскихъ порфировъ и другихъ рѣдкихъ камней, о 16-ти колоннахъ, пожертвованная въ день освященія храма гр. А. С. Строгановымъ. Соборъ Казанскій былъ послѣднимъ памятникомъ художественной жизни графа Строганова, въ построеніи котораго выразилась его душа въ любви ко всему русскому—ни одинъ иностранный художникъ или мастеровой не былъ допущенъ къ участию въ работѣ собора. Начиная отъ простаго камня, положеннаго рукою каменщика, до мысли зодчаго—все было русское. Въ старческихъ лѣтахъ уже графъ принялъ на себя обязанность строителя, но не щадилъ ни силъ, ни здоровья, ни награды для скорѣйшаго окончанія постройки. Не смотря на свои больныя ноги, онъ не боялся взбираться на лѣса неоконченнаго еще собора. Въ день торжественнаго освященія храма графъ Строгановъ назначенъ былъ первенствующимъ членомъ. Дурная погода, слабое здоровье не помѣшали Алекс. Серг. быть при освященіи. Послѣ окончанія службы онъ подошелъ подъ благословеніе къ митрополиту и, какъ бы предчувствуя свою близкую смерть сказалъ: «нынѣ отпускаеши раба твоего, Владыко, съ миромъ».

За построеніе Казанскаго собора, Строгановъ получилъ чинъ д. т. сов. 1-го класса, а всѣ художники, трудившіеся вмѣстѣ съ нимъ, были награждены; за три дня до смерти графа, послѣдовавшей вслѣдствіе простуды 27 сентября, онъ получилъ слѣдующій рескриптъ: «Господину д. т. сов. и кавалеру графу Строганову. Графъ Александръ

Сергѣевичъ! Согласно представленію вашему, изъявивъ признательность мою главнымъ чиновникамъ, участвовавшимъ въ сооруженіи соборныя церкви Казанскія Божія Матери, и вмѣстѣ съ симъ пожаловавъ вице-президента академіи художествъ кавалеромъ ордена св. Анны перваго класса, я поручаю вамъ увѣрить въ моему благоволеніи все академическое сословіе, столь отлично подвизавшееся въ усовершенствованіи сего храма, и открывшее приведеніемъ онаго къ окончанію быстрые успѣхи сочленовъ и воспитанниковъ своихъ во всѣхъ отрасляхъ изящныхъ художествъ. Мнѣ весьма пріятно видѣть новые опыты ревностныхъ попеченій вашихъ о благѣ академіи, произведшей подъ вашимъ начальствомъ знаменитыхъ отечественныхъ художниковъ, трудами и дарованіями коихъ, къ совершенному моему удовольствію, воздвигнутъ въ славу Божию храмъ, предначертанный блаженной памяти любезнѣйшимъ родителемъ нашимъ, императоромъ Павломъ I. Пребываю вамъ всегда благосклонный».

5 февраля 1812 г. въ Совѣтѣ академіи говорилось, что къ наградамъ художниковъ, работавшихъ для Казанскаго храма, были представлены: совѣтники Боровиковскій и Евреиновъ; адъютантъ-профессоры Ивановъ, Шебуевъ, Егоровъ, Пименовъ, Демуть и академики Черновъ, Безоновъ, Варникъ и Ажи, изъ которыхъ получили брилліантовые перстни: Боровиковскій, Евреиновъ, Пименовъ, Демуть и Ажи.

Шебуеву и Егорову также были назначены перстни, но такъ какъ первый обучалъ рисованію великихъ князей, а второй находился при императрицѣ, то они нашли случай исходатайствовать себѣ перстни назначенныхъ подарковъ на кресты ордена св. Владиміра. Академики-же: Черновъ, Безоновъ, Ивановъ и Варникъ получили высочайшее благоволеніе.

Существующій нынѣ иконостасъ главнаго предѣла и другіе два боковыхъ предѣловъ, сдѣланы изъ чистаго серебра, принесеннаго въ даръ войскомъ донскимъ. Изъ этого серебра предполагалось сначала отлить четырехъ евангелистовъ, но въ 1829 г. государь Николай I рѣшилъ соорудить изъ серебра иконостасы, и въ 1831 г. архитектору К. А. Тону высочайше повелѣно было составить смѣту, согласно съ проектомъ, имъ представленнымъ, а въ 1834 году приступлено къ постановкѣ иконостаса изъ серебра съ четырьмя колоннами изъ сибирской яшмы, которыя на казенномъ заводѣ, не считая цѣнности самаго камня, обошлись въ 60 т. руб. Въ 1836 г. и боковыя стороны или крылья иконостаса, по проекту того же Тона, повелѣно было произвести изъ серебра.

Художникъ, при составленіи иконостаса, долженъ былъ сохранить старыя серебрянныя царскія врата; чудотворную икону Казанскія Бо-

жія Матери обложить на мѣстѣ десятию иконами малаго размѣра и расположить по возможности старше образа, писанные лучшими нашими художниками. Задача, какъ видно, была весьма трудная и Тонъ рѣшилъ ее съ большимъ мастерствомъ; 10 новыхъ образовъ были написаны профессоромъ Феод. Павлов. Брюлловымъ (род. 1793 года, † 1869 г.) и академикомъ Сазоновымъ.

Всего на всего въ иконостасъ употреблено серебра 68 п. 35 ф. 25 зол. и 69 долей, кромѣ царскихъ вратъ, въ которыхъ вѣсъ 20 п. Работа иконостаса была сдана бронзовыхъ дѣлъ мастеру Александру Геренъ за 200 т. руб. и то подобная цѣна была бы для него раззорительна, еслибы вмѣсто исполненія работъ обыкновеннымъ чеканомъ онъ не употребилъ металлическихъ формъ для штамповъ, что сократило работу въ три раза. Модели для орнаментовъ лѣпилъ крестьянинъ Дылевъ за 2,600 руб. Въ настоящее время идетъ сборъ на устройство серебряннаго престола. По смѣтѣ опредѣлена сумма 21,000 руб., и съ 1883 года, когда начался сборъ пожертвованій, собрано около 8,500 руб.

Достойна вниманія бронзовая входная дверь, отлитая по образцу находящейся въ флорентійскомъ кафедральномъ соборѣ ¹⁾.

На стѣнахъ церкви развѣшаны трофеи, взятые у французовъ во время ихъ нашествія на Россію: 106 знаменъ и орловъ, маршальскій жезлъ Даву, ключи отъ крѣпостей и городовъ, завоеванныхъ въ 1812 и 1813 гг. и 7 персидскихъ знаменъ, а въ послѣднюю войну 1877 и 1878 гг. присоединены также и турецкія знамена.

Среди этихъ памятниковъ русской славы покоится прахъ князя Кутузова-Смоленскаго, имя котораго, за изгнаніе врага изъ отечества, нѣкоторые русскіе граждане хотѣли просить императора Александра поминать на эктеніяхъ послѣ императорской фамиліи.

Императоръ Александръ I, узнавши о кончинѣ Кутузова, накануне Люценскаго сраженія, приказалъ содержать въ тайнѣ это извѣстіе до конца битвы. Овдовѣвшую княгиню удостоилъ рескриптомъ, въ которомъ, между прочимъ, писалъ: «не вы одна проливаете о немъ слезы, съ вами плачу я и плачетъ вся Россія». Съ прибытіемъ бранныхъ остѣнковъ въ предѣлы Россіи, народъ выпрягалъ лошадей изъ колесницы и везъ ее на себѣ, а по докладу государю, гдѣ его схоронить, Александръ собственноручно написалъ: «мнѣ кажется приличнымъ положить его въ Казанскомъ соборѣ, украшенномъ его трофеями».

¹⁾ Рисунокъ ея, а равно устройство литейной, нарочно сдѣланной для отливки статуй для Казанскаго собора, находится въ книгѣ: „Опытъ литья изъ бронзы однимъ приемомъ статуй“, соч. П. Чекалевскаго. Спб. 1810 г., на русскомъ и французскомъ языкахъ.

Предъ Казанскимъ же соборомъ поставленъ Кутузову памятникъ, о которомъ, вмѣстѣ съ памятникомъ фельдмаршалу Барклаю-де-Толли, сообщены нами свѣдѣнія уже читателямъ «Русской Старины» (смотри т. XXXV, изд. 1882 г., стр. 608). Стоящіе пьедесталы пустыми съ боковъ колонны Казанскаго собора были прежде украшены фигурами архангеловъ мира и брани изъ гипса. Самыя же эти статуи предполагалось извѣять изъ бронзы, а для апостоловъ Петра и Павла, на западной сторонѣ храма, былъ привезенъ камень, который лежитъ и теперь у Пустого рынка (близъ Царицына луга), а другой потонулъ при перевозѣ. Изображенія архангеловъ имѣются на рисункѣ Казанскаго собора, высѣченномъ на мраморѣ памятника строителя его и въ «Собраніи плановъ, фасадовъ и разрѣзовъ примѣчательныхъ зданій С.-Петербурга», изданныхъ обществомъ поощренія художниковъ въ 1826 г. Въ собраніи гравюръ извѣстнаго изслѣдователя исторіи русской гравюры, Дм. Алекс. Ровинскаго, находится чрезвычайно рѣдкая гравюра, изображающая фасадъ Казанскаго собора съ ангелами на пьедесталахъ иobeliskомъ на площади, который служитъ фономъ картинъ шествія съ хоругвями и образами; съ лѣвой стороны уobeliska и передъ нимъ—народъ; направо видъ дома, примыкающаго къ площади а ниже, къ зрителю справа, ѣдущіе экипажи. Подъ гравюрой подпись: Въ лѣвомъ углу: Прож. А. и П. А. Воронихина. Посрединѣ: видъ соборной церкви пресвятыя Богородицы Казанскія въ С.-Петербургѣ. Его сіятельству графу Александру Сергѣевичу Строганову, милостивому государю. Въ правомъ краю: грав. Н. Алферовъ 1804. Величина гравюры = $8\frac{1}{4}$ и $5\frac{1}{4}$ в.

Тамъ показана передъ соборомъ колонна, которая должна была подражатьobelisku предъ соборомъ св. Петра въ Римѣ, какъ извѣстно единственному, сохранившемуся изъ садовъ Нерона, вывезенному изъ Египта въ 1838 г. по Рожд. Хр. и поставленному въ 1586 г. архитекторомъ Доминикомъ Фонтана.

Кромѣ описанной гравюры Н. Алферова (которымъ затѣмъ, въ 1805 г., была издана книга: «Способъ гравировать крѣпкою водкою, съ прибавленіемъ способа гравировать карандашемъ и составлять потребныя для сего лаки»), въ собраніи П. Я. Дашкова находятся гравюры Казанскаго собора:

1) 1805 г. съ рисунка Воронихина гравирована подъ смотрѣніемъ Клаубера, гдѣ изображены архангелы,obeliskъ и каменный заборъ, соединяющій уголь храма съ домами на мѣстѣ нынѣшней Казанской улицы. Куполь меньшаго размѣра, чѣмъ нынѣшній, и нѣсколько иной формы. Подлинный рисунокъ этой гравюры, какъ можно думать, и былъ подаренъ прусскому королю Фридриху Вильгельму III.

2) 1806 и 1812 гг. двѣ гравюры Веніамина Патерсона, первая— куполь, какъ въ рисунокѣ проекта Вороникина, и заборъ, одинъ изъ архангеловъ съ копьемъ; а на второй—также обелискъ, какъ и въ первой, но фигуры на пьедесталахъ безъ копья.

3) 1814 г. Казанскій соборъ при похоронахъ Кутузова, котораго везеть народъ на себѣ. Писаль и гравироваль М. Воробьевъ, тоже съ обелискомъ и архангелами.

4) 1814 г. Рисоваль и гравироваль Ив. Ивановъ, обелиска нѣтъ, а у одного изъ архангеловъ мечъ, вмѣсто прежде изображавшагося копья.

5) 1815 г. Гравюра Аткинсона съ ангелами и обелискомъ.

6) 1819 г. Издана въ гравюрѣ Кларка безъ обелиска, но съ архангелами.

7) 1820 г. Сабата. Рисовано безъ обелиска, но съ ангелами, изъ которыхъ одинъ опять изображенъ съ мечомъ.

8) 1824 г. Того-же Сабата съ архангелами, безъ обелиска.

9) Дормье, по рисунку архитектора Кленце, съ обелискомъ и архангелами.

10) Съ рисунка Свиныина гравирована Аккерманомъ съ обелискомъ и ангелами.

11) По рисунку Свиныина гр. Галактионовъ изъ «Достопамятностей С.-Петербурга», Свиныина.

Обелискъ этотъ, по рассказамъ старожиловъ, былъ поставленъ временно деревянный. Внутренній видъ Казанскаго собора изображенъ при погребеніи Кутузова и на литографіи похоронъ кн. Бѣлосельскаго

Подобный видъ Казанскаго собора, какъ мы уже говорили, находится также на памятникѣ А. Н. Вороникина, умершаго 21 февраля 1814 г., а похороненнаго 24 февраля на Лазаревскомъ кладбищѣ Александро-Невскаго монастыря. Памятникъ этотъ изъ гранита; онъ имѣеть видъ четырехугольнаго основанія или базы, на которой помѣщена гранитная колонна, раздѣленная посрединѣ своей высоты мраморнымъ выступающимъ квадратнымъ рустикомъ или параллелограмомъ. на одной изъ правильно обѣченныхъ сторонъ котораго, обращенной къ церкви св. Лазаря, представленъ барельефъ фасада Казанскаго собора. На верху колонны поставленъ колѣнопреклоняющійся ангель. и около него глобусъ и маска. Весь памятникъ сохранился очень хорошо за исключеніемъ ангела, у котораго отбита половина праваго крыла.

На лицевой сторонѣ пьедестала высѣчена, въ 1871 г., слѣдующая надпись:

Строитель
собора Казанскія Божія Матери
въ С.-Петербургѣ старшій профессоръ
архитектуры и членъ совѣта академіи
художествъ надворный совѣтникъ

Андрей Никифоровичъ
Воронихинъ.

Род. 1760 г.,
умеръ 21 февраля 1814 г.

Изображеніе Казанскаго собора на мраморѣ памятника—художественно и важно въ томъ отношеніи, что представляетъ первоначальный фасадъ собора съ фигурами архангеловъ, для которыхъ чертежъ этотъ можетъ служить прототипомъ, если имъ суждено когда-нибудь быть поставленными въ дѣйствительности.

Кто поставилъ памятникъ и къмъ изсѣченъ соборъ на мраморѣ, остается невыясненнымъ. Въ книгахъ Александро-Невской лавры зачисляется записаннымъ памятникъ, и только! Да и то, число, когда *умеръ* строитель Казанскаго собора, показано невѣрно: вмѣсто 21 февраля помѣчено 22, а въ книгѣ с.-петербургской духовной консисторіи день смерти («день умертвія») Андрея Никифоровича записанъ 24 февраля, что невѣрно, такъ какъ въ исторіи академіи художествъ (т. II, стр. 54) сказано: «старшаго профессора архитектуры надворнаго совѣтника г. Воронихина, сего февраля 21 числа волею Божіею отъ апоплексическаго удара скончавшагося, изъ списковъ академіи исключить, и на вакансію старшаго профессора архитектуры перемѣстить коллежскаго совѣтника Михайлова».

Въ заключеніе скажемъ, что портретъ А. Н. Воронихина никогда не былъ изданъ, а въ настоящее время высокоталантливый художникъ В. А. Бобровъ, по заказу внучатаго племянника г. Н. А. Воронихина, награвировалъ на мѣди его черты; при семь маленькими портретами или такъ называемыми ремарками на доскѣ будутъ сдѣланы портреты его двухъ племянниковъ—Николая и Алексѣя Воронихина. Гравированный этотъ портретъ мы совѣтовали-бы приложить къ очерку исторіи Казанскаго собора, который весьма желательно было-бы видѣть изданнымъ ко дню 75-ти лѣтней его годовщины.

И. Н. Вожеяновъ.

ПАМЯТНИКЪ НА МОГИЛѢ ВОРОНИХИНА,
 СТРОИТЕЛЯ КАЗАНСКАГО ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ СОБОРА.

ВОСПОМИНАНІЯ ДЕКАВРИСТА А. П. ВЪЛЯЕВА

О ПЕРЕЖИТОМЪ И ПЕРЕЧУВСТВОВАННОМЪ СЪ 1803 ГОДА.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ ¹⁾.

V.

Посреди октябрьскаго туманнаго и морознаго утра въѣхаль я въ Ярославль. Зная дружескія отношенія брата къ семейству С., я остановился у воротъ его дома и вошелъ въ домъ, чтобъ спросить здѣсь-ли П. П., какъ въ прихожей вижу его мальчика. Черезъ минуту вышелъ братъ и провелъ меня въ кабинетъ, гдѣ было отведено ему помѣщеніе. Нѣтъ нужды говорить какъ радостно было это свиданіе и какъ интересно. Въ первый разъ въ жизни, получивъ свободу и взявшій на себя каждый особенное занятіе—намъ являлось столько вопросовъ, что мы забывали съ чего начать. Онъ занималъ мѣсто начальника парохода и правителя дѣлъ компаніи. Я ѣхалъ на востокъ для построенія пароходныхъ подчалковъ на рѣкѣ Бѣлой, тогда еще не издавшей пароходовъ. Оба наши мѣста обезпечивали насъ содержаніемъ въ 1,200 р. и мы смотрѣли другъ на друга съ какимъ-то особеннымъ удовольствіемъ, каждый былъ доволенъ за другого, ощущая

¹⁾ См. „Русскую Старину“ изд. 1880 г., томъ XXIX, ноябрь, стр. 599—661; декабрь, стр. 823—850. Изд. 1881 г., т. XXX, январь, стр. 27—42; мартъ, стр. 487—518; апрѣль, стр. 799—838; томъ XXXI, іюль, стр. 327—370; томъ XXXII, сентябрь, стр. 1—46; октябрь, стр. 251—286; декабрь, стр. 679—704. Изд. 1884 г., т. XLII, апрѣль, стр. 67—86; май, стр. 303—324.

нѣкоторую внутреннюю гордость,—чувство, примѣшивающееся ко всему въ бѣдномъ человѣчествѣ,—гордость, что насъ считаютъ довольно способными, чтобъ сдѣлать что-нибудь, если не блистательное, то хоть выходящее изъ ряду дѣлъ обыкновенныхъ. Братъ управлялъ предприятиемъ, тогда ему новымъ—это построение парохода, и только второго парохода на Волгѣ. Я же отправлялся также по порученію не совсѣмъ пустому, а именно для открытія судоходства по новой еще для судоходства рѣкѣ Икѣ. Посреди этихъ интересныхъ разговоровъ вошелъ самъ хозяинъ. Это былъ человѣкъ средняго роста, съ одной изъ тѣхъ открытыхъ, благородныхъ фізіономій, которыя съ перваго раза привлекаютъ къ себѣ. И дѣйствительно это былъ человѣкъ прекрасный въ полномъ смыслѣ слова. Сдѣлать добро каждому, обязать самымъ деликатнымъ образомъ, помочь въ какомъ нибудь затрудненіи, доставить гостепримство самое радушное—все это было для него величайшимъ наслажденіемъ. Онъ даже не походилъ на обыкновенныхъ добрыхъ людей. Онъ готовъ былъ отнять у себя необходимо: если видѣлъ, что оно нужно другому. Не давалъ себѣ покоя, если нужно было въ чемъ-нибудь его содѣйствіе. Эта удивительная доброта выражалась во всей его наружности, всегда веселой и благодущной. Смотри на него, нельзя было не сказать въ душѣ—вотъ истинно счастливый человѣкъ! и дѣйствительно онъ обладалъ тѣмъ внутреннимъ миромъ, котораго источникъ есть довольство свѣтлой совѣсти и любви къ людямъ. За то и домъ его, его семейный бытъ представлялъ маленькій земной рай. Жена его одна изъ тѣхъ женщинъ, которой наружность не тотчасъ привлекаетъ васъ. Нѣсколько серьезное выраженіе лица, какая-то особенная важность въ обращеніи, въ разговорѣ всегда умномъ и занимательномъ, такъ что эта наружная холодность заставляла насъ сохранять ту вѣжливость, то церемонное вниманіе къ своимъ словамъ и движеніямъ, которыя вы наблюдаете въ высшемъ обществѣ, еще мало вамъ знакомомъ. Но это только сначала, а потомъ вы скоро узнаете, что она вполне и во всемъ была парой своему мужу: съ тѣми же стремленіями къ добру, та же доброта ко всѣмъ, то же радушіе, простота сердца и все, что невольно влечетъ васъ къ ней. Когда вы наблюдаете ее какъ мать, ваше сердце наполняется чувствомъ глубокаго уваженія, потому что вы видите мать, для которой воспитаніе дѣтей не игрушка, а такая обязанность, въ которой ничто не отдается случаю, а все разочтено, обдуманно, все имѣетъ цѣлью не только образованіе умственное, но вмѣстѣ образованіе и сердца. Съ ними жила старушка мать ея, которой чрезвычайно симпатичное лицо съ перваго взгляда говоритъ вамъ какъ она счастлива, имѣя такую

дочь и такого сына. Какъ свѣтеть закатъ ея жизни, безоблачный, тихій, посреди такихъ дѣтей и внучать, для которыхъ слово бабушки, мамы и папы было центромъ, въ которомъ сосредоточивались всѣ нѣжныя чувства всего этого свѣтлаго, маленькаго міра! Чѣмъ болѣе вы знакомитесь съ этимъ семействомъ, тѣмъ болѣе восхищаетесь, такъ что черезъ 2, 3, 4 дня только вы уже уѣзжаете съ грустью отъ нихъ, и долго этотъ міръ занимаетъ ваши трезвыя мысли и долго, долго мысль о нихъ наполняетъ сладостью сердце, и вы мечтаете о новомъ свиданіи съ ними какъ о такомъ удовольствіи, которое въ ряду не многихъ и самыхъ приятныхъ. Въ этомъ домѣ все дышетъ какимъ-то невыразимымъ счастіемъ. Вамъ какъ-то легко, уютно, свободно. Взглянете на людей—вы прочтете по ихъ лицамъ ихъ сердечную привязанность и ихъ счастье. Дѣти ихъ сотворены по идеѣ радости, они прыгаютъ, танцуютъ, поютъ—но ихъ веселость чаруетъ васъ, она вовсе не похожа на ту рѣзвость иныхъ дѣтей, оставленныхъ безъ всякаго вниманія или съ вниманіемъ, худшимъ забвенія, которыя надѣждатъ вамъ до того, что одна только учтивость удерживаетъ васъ отъ того, чтобы не выбѣжать изъ дому. На дѣтей же нашего хозяина, на ихъ веселость вы смотрите съ наслажденіемъ, когда кончается этотъ гармоническій, дѣтскій говоръ и восклицанія веселости.

Эти дѣтскіе танцы—милыя и граціозныя; вамъ уже жаль, что наступилъ часъ ихъ отхода ко сну. Словомъ, это дивный міръ. Приведите сюда мизантропа—и онъ полюбитъ людей; несчастливца—и онъ забудетъ свое несчастье; невѣрующаго въ добродѣтель и счастье—и онъ увѣруетъ. Тутъ вы поймете, какъ еще можетъ быть счастливъ человѣкъ на землѣ, если онъ только способенъ понимать, что въ однихъ высокихъ чувствахъ добродѣтели и любви—его счастье.

Эти дни незабвенны для меня. Тутъ мы были вмѣстѣ съ братомъ, и вмѣстѣ съ нимъ жили общею жизнью съ существами истинно счастливыми и были счастливы ихъ любовью къ намъ, такъ какъ они и насъ полюбили, потому что любовь была потребность ихъ сердца.

Мой тарантасъ былъ запряженъ и послѣ обѣда я простился съ братомъ и съ ними, полный восторга, что еще встрѣтилъ людей, составляющихъ красу человѣчества. Но судьбѣ угодно было продлить для меня еще это наслажденіе, какое не часто мы встрѣчаемъ въ жизни.

Внѣ этого жилища мира и радости бушевала жестокая буря. Волга была покрыта сѣдой пѣной; цѣлыя обозы стояли на берегу, ожидая перевоза. Нечего было дѣлать. Я съ внутреннимъ удовольствіемъ возвратился въ домъ, гдѣ, встрѣченный какъ старинный другъ, уже и остался ночевать, потому что въ гостиницу меня не пустили.

Еще пріятный вечеръ. На другой день утромъ сдѣлался сильный голодъ, грязь замерала, буря не утихала. и я, чтобъ не терять времени, рѣшился ѣхать вольнымъ трактомъ, этимъ берегомъ Волги. Въ этотъ разъ простившись, я уже больше не возвращался.

Дорога по колоти была ужасная. Я каждую минуту ожидалъ, что сломается мой тарантасъ и это еще задержитъ меня. Но къ счастью, оси выдержали всѣ толчки и я продолжалъ свой путь благополучно. Родные, съ которыми мы жили и уже давно разстались, другіе родные, отъ которыхъ только что уѣхалъ, братья, милая семья, будущее смѣнялось попеременно въ мысляхъ. Однѣ возбуждали грустное чувство разлуки и грустное размышленіе: зачѣмъ человѣку суждено отрываться отъ пріятнаго и ѣхать къ невѣдомому. Но тутъ же представлялась мысль о необходимости трудомъ пріобрѣсти кусокъ хлѣба, если онъ не былъ данъ даромъ. Потомъ являлась безпокоющая мысль—умѣю-ли я обследовать ту рѣку, которая была цѣлью моей поѣздки? Морозъ сковавшій грязь, начиналъ меня тревожить. Тутъ же начали встрѣчаться слухи, что въ тѣхъ мѣстахъ, которыя мнѣ надо было проѣзжать начала свирѣпствовать холера, что было не очень пріятно; но тутъ слетала въ сердце утѣшающая вѣра, и смиренная покорность Его *санкті* воли низводила то спокойствіе, съ которымъ я снова засыпалъ до слѣдующей станціи. Но вотъ скоро наступила теплая погода, иногда шелъ дождь, а иногда радостно выглядывало осеннее солнышко, какъ бы въ знакъ того, что еще оно не вовсе оставило меня, и это было какъ бы предзнаменованіемъ, что и мнѣ предстоитъ въ будущемъ еще много свѣтлыхъ, отрадныхъ дней.

Такъ я пріѣхалъ въ Балахну. Здѣсь отыскалъ судостроителя, по фамилии Плотниковъ, котораго располагалъ пригласить ѣхать со мной для построения подчалковъ. Мнѣ указали небольшой домъ съ мезониномъ общаго типа всѣхъ русскихъ мѣщанскихъ домовъ средняго состоянія, внутри имѣющихъ уже нѣкоторое притязаніе на комфортъ, но комфортъ чисто русскаго происхожденія. Уже были скамейки съ деревянными спинками, на которыхъ лежали разостланные старыя ковры или войлокъ, издѣліе бродячихъ шерстобитовъ. Передъ диваномъ стоялъ крашенный столъ, въ родѣ ломбернаго, съ ящиками. Въ углу другой диванъ. Столъ подъ образами, большой кивотъ съ образами старинными и очень богатыми. Нѣсколько горшковъ съ цвѣтами, а все остальное пространство занято стульями плотничной работы. По стѣнамъ прибиты гвоздиками аттестаты за судостроеніе, лубочныя картины, чертежи, весьма плохіе, судовъ, рисунки и модели. Изразцовая печь палить нестерпимымъ жаромъ и вся эта

гостинная температура походила на такую баню, гдѣ уже можно было париться. Дверь въ другую комнату безпрестанно притворялась или растворялась любопытными, вовсе не потому, чтобы нѣжный полъ этого дома скрывали отъ насъ, напротивъ, всѣ онѣ были на лицо, очень разговорчивы, любезны, но это потому, что тутъ была почи-вальня стариковъ и стояла кровать съ занавѣсками и развѣшена одежда. Сыновья съ молодыми женами жили въ мезонинѣ. Большая кухня въ сосѣдней комнатѣ, гдѣ все тѣ же лавки, передъ лавками большой бѣлый столъ, накрытый скатертью, зеленый шкафъ съ посудой, огромный самоваръ на лежанкѣ. Все это, какъ и выбѣленная печь, носило печать большой опрятности. Вмеѣстѣ съ этою наружною, это былъ домъ радушнаго русскаго гостепримства. Утромъ, только что я вставалъ, молодая хозяйка подавала чай въ накладку и съ хорошимъ хлѣбомъ, затѣмъ покашливали отъ моей трубки, но непремѣнно просили курить. Въ 1-мъ часу являлась та же молодая хозяйка старшаго сына, накрывала на столъ и подавала пропасть кушаній — прося не взыскать. Тутъ были и пирогъ съ капустой или грибами, жареная говядина съ огурцами и мочеными яблоками, разныя каши и алады. Самъ хозяинъ, бодрый и живой старичекъ, человекъ очень неглупый, добрый, нѣжный отецъ и, надо прибавить, былъ зараженъ храненіемъ разныхъ конвертовъ и бумагъ, когда-то имъ полученныхъ отъ разныхъ лицъ, которые всѣ сложены въ извѣстномъ ящикѣ шкапа, для показанія которыхъ всегда прежде надѣвалъ очки; проворный и живой старикъ меня очень смѣшилъ своей разсѣянностью и еще когда принимался чертить по своему, конечно каракулями, планъ какого нибудь судна,—въ это время онъ былъ неподражаемъ. Самъ онъ ѣхать не могъ, а отпустилъ старшаго сына, сказавши мнѣ откровенно, что по плану онъ будетъ смысленнѣе его самого.

Я у нихъ провелъ три дня, отправивши письма въ разныя мѣста и особенно къ своему довѣрителю, котораго долженъ былъ увѣдомить, что мастера, по случаю холеры въ Казани теперь, не рѣшаются ѣхать, что они назначаютъ такую-то цѣну за одного мастера и двухъ помощниковъ, и какъ эта цѣна не была опредѣлена во время нашего свиданія, то я, пользуясь этой остановкой, испрашивалъ его согласія и мнѣнія, оставить-ли все это дѣло или продолжать, и просилъ его увѣдомить меня въ мѣсто жительства моей сестры, куда собирался вовсе неожиданно ѣхать и провести время ожиданія. Съ мастерами положили мы съѣхаться за Казанью, въ случаѣ если я письмомъ извѣщу ихъ, что г. Ж. согласенъ, и вышлю имъ задатокъ.

VI.

Окончивъ эти условія, я снова засѣлъ въ свой тарантасъ и отправился въ Нижний. Тутъ только 33 версты и потому я скоро пріѣхалъ и остановился въ гостинницѣ, на площади фонтана. Не мѣшкая ни одного часа, отправился по разнымъ порученіямъ своего довѣрителя. Заѣзжалъ къ г. Крюковой, матери искреннихъ друзей и товарищей нашихъ (декабристовъ), но, къ сожалѣнію, она еще жила въ деревнѣ. Исполнивъ всѣ свои обязанности, я отправился снова въ радостный путь, который долженъ былъ привести меня такъ неожиданно къ роднымъ. На этой дорогѣ мнѣ опять пришлось испытать всѣ неудачи и убытки, неразлучные съ ѣздой проселочной дорогой. Подорожная тутъ не дѣйствовала, потому что это былъ трактъ вольный. На первой станціи я уже началъ испытывать неприятность моего положенія. Ямщики, которые такъ любятъ притѣснять ѣдущаго въ экипажѣ, подъ предлогомъ грязной дороги не хотѣли запрягать менѣе 5-ти и 6-ти лошадей и поэтому брали еще двойные прогоны. Назадъ возвратиться было невозможно, я перьялъ цѣлую недѣлю. Итакъ, скрѣпя сердце, я продолжалъ дорогу, по которой, къ довершенію дороговизны, ямщикъ на каждой станціи прибавлялъ версть 5 и 10 лишнихъ. Наконецъ, я выбрался на почтовый симбирскій трактъ, по которому осталось версть 80 до родныхъ. Тутъ какъ на бѣду пошли дожди, лошади ступали по колѣно въ грязь и чѣмъ скорѣе хотѣлось ѣхать, тѣмъ медленнѣе я ѣхалъ. Наконецъ, прошли и эти трудности. Изъ Ардатова лошади были превосходныя ямщикъ лихой, такъ что, не смотря на грязь, мы дѣлали по 12 верствъ въ часъ. Дождь прошелъ, вѣтеръ началъ нѣсколько просушивать дорогу и я рассчитывалъ по этой ѣздѣ пріѣхать къ обѣду. Но на послѣдней станціи, какъ на зло, ямщикъ и лошади не походили на прежнихъ,—все же, наконецъ, вотъ и Промзино.

Меня восхищало удовольствіе сестеръ и ихъ удивленіе! И въ этомъ случаѣ я, по крайней мѣрѣ, не ошибся. Подъѣзжаю къ дому, вижу въ окошко двухъ сестеръ. Взоры ихъ при видѣ экипажа, подъѣзжающаго къ крыльцу, выразили одно любопытство, но когда онѣ узнали меня, то на ихъ лицахъ выразилось изумленіе. Но, конечно, это продолжалось недолго, моя особа была на лицѣ.

Здѣсь обычной чередой потекли быстро за днями дни. Длинные осенніе вечера проходили въ чтеніи, разговорахъ и мечтахъ. Иногда заворачивали гости, не представлявшіе особенной занимательности. Къ довершенію бѣдствія, часто приходилось садиться за карты. въ

которыхъ играла важную роль игра, называемая здѣсь крестами, а въ самомъ дѣлѣ — это просто дураки въ 6 картъ. Обыкновенно въ нее играли безчисленное множество лицъ — и при этомъ потерялось бы всякое терпѣніе, если-бъ одно лицо изъ здѣшняго сельскаго общества не представляло маленькаго развлеченія; это былъ здѣшній почтмейстеръ, старикъ лѣтъ 80-ти, съ преоригинальной фізіономіей, дожившій до этого сана изъ низшихъ степеней благодѣтельной почты. Это время было для него истинно золотымъ вѣкомъ, когда онъ съ философскимъ терпѣніемъ возсѣдалъ на чемоданѣ и развозилъ радость и горе; производилъ столько восторга и столько слезъ, и не подозрѣвая важности своего значенія. Теперь на старости онъ отдыхалъ отъ этихъ подвиговъ и, пожалуй, наслаждался вполне, когда въ игрѣ протопопъ оставался большее число разъ и когда, наконецъ, ему былъ воздвигнутъ на карточномъ зеленомъ полѣ крестъ, тогда онъ хохоталъ своимъ восхитительнымъ хриплымъ смѣхомъ. Совсѣмъ противное съ нимъ происходило, когда онъ оставался чаще. Тогда его лицо принимало самое серьезное выраженіе, точно такое, какое принимало во время отправки почты, а иногда онъ даже не выносилъ злодѣйскаго заговора картъ, которыя не хотѣли идти къ нему, и называлъ ихъ каторжными. Вотъ одно тамошнее общественное развлеченіе. Другихъ никакихъ не было. Впрочемъ, это потому только, что сестра вела жизнь самую уединенную, какъ по своей хворости, такъ и по несчастнымъ потерямъ дѣтей, которыхъ они похоронили отъ 6-ти до 7-ми. Но кто бы хотѣлъ жить болѣе общественнымъ образомъ, тотъ недостатка въ образованномъ, пріятномъ обществѣ не почувствуетъ. Въ небольшихъ разстояніяхъ тогда жили многіе богатые помѣщики очень образованные и потому всегда можно было быть въ лучшемъ обществѣ.

Но что до виѣшнихъ? — внутри мнѣ было тепло, уютно, радостно, и, не смотря на то, одна изъ почтъ привезла мнѣ вѣсть, что я долженъ оставить снова милыхъ родныхъ и ѣхать по своему назначенію. Носились слухи, что холера въ Казани уменьшилась и слѣдовательно мастера не откажутся ѣхать. Тутъ-же я получилъ порученіе ѣхать черезъ Нижній и осмотрѣть и списать пароходы г. Всеволожскаго. Итакъ еще разъ надо было прощаться съ родными въ этотъ годъ, столь обильный свиданіями и разставаніями.

VII.

Простившись съ родными, я отправился въ Нижній, куда приѣхалъ прѣхать и мастерамъ. Остановился я въ гостиницѣ, весьма хорошей, на площади фонтана, и замѣчательно опрятной. Съ прѣездомъ мастеровъ, мы осмотрѣли завозные пароходы г. Всеволожскаго. Этотъ способъ перевозки грузовъ въ то время, когда на Волгѣ только что появился одинъ буксирный пароходъ и строился другой нашего товарищества и только тогда возникающаго общества «Кавказъ и Меркурій», былъ очень выгоденъ. Они были огромныхъ размѣровъ, очень уродливой постройки и вмѣщавшіе до 100 т. груза, двигались посредствомъ завожимыхъ якорей, по кабельтову, тяга людьми и лошадьми, а Всеволожскаго и другіе тянулись тѣмъ же способомъ завожимыхъ якорей, но уже паровой машиной, вращавшей шпиль и вытягивавшей канатъ отъ якоря на шпиль наверху и такимъ образомъ подводившей судно къ якорю, когда уже завезенъ другой, и дѣйствіе продолжается. Этому рода суда могутъ пройти въ 24 часа отъ 25 до 30 верстъ. Подобныя машины, кажется, дѣйствуютъ и въ настоящее время по каналамъ одного сообщенія. Я ихъ осмотрѣлъ съ удовольствіемъ и составилъ опись, а съ удовольствіемъ потому, что если бы состоялась покупка, я надѣялся, что мнѣ, какъ старому моряку, г. Ж. поручить управленіе этимъ дѣломъ за хорошій гонораръ.

Исполнивъ это порученіе, мы съ мастерами все вмѣстѣ отправились къ мѣсту нашего назначенія черезъ Казань, Елабугу, гдѣ я уже долженъ былъ оставить свой тарантасъ и ѣхать полузимнимъ и полулѣтнимъ путемъ, проселочной дорогой, гдѣ часто, за неимѣніемъ саней, привязывали къ полозьямъ католки, изъ прутьевъ сплетенныхъ, куда я усаживался съ своимъ небольшимъ багажемъ. Далѣе мы уже выѣхали на большую дорогу и я ѣхалъ покойно до самой рѣки Бѣлой, которая уже стала; но какъ ледъ еще былъ тонокъ, то когда мы спустились на него, онъ страшно затрещалъ и опустился до выступленія воды, но однако-жъ выдержалъ и мы переѣхали.

Селеніе, гдѣ я долженъ былъ жить и гдѣ былъ огромный винокурный заводъ, называется Анчисакъ. Тутъ былъ большой господскій домъ для прѣзда помѣщика и гдѣ уже были приготовлены комнаты очень просторныя и весьма чистыя, но только безъ обоевъ, а съ простыми деревянными стѣнами, впрочемъ гладко и чисто обтесанными и вообще помещеніе было очень удобное. Но тутъ одно покорило меня—это множество крысъ, а я и къ мышамъ равнодушенъ, каково-же было мое положеніе при мысли, что онѣ заберутся на мою

постель; конечно, я долженъ буду проводить безсонныя ночи. Къ счастью я узналъ, что на кухнѣ имѣется большой рыжій котъ, котораго я тотчасъ приказалъ принести, ласкалъ его, кормилъ сливками и клалъ съ собою на постели, гдѣ онъ въ ногахъ у меня мурлыкалъ усыпительно и спалъ со мною. На первое же утро я увидѣлъ нѣсколько крысиныхъ труповъ, одни были цѣлые, видно только задушенные, а другіе съ отъѣденными головами. Конечно, такая самозащита не показываетъ во мнѣ мягкосердечія, но что-же дѣлать съ такимъ врагомъ, съ которымъ человѣкъ не можетъ справиться по его таинственнымъ нападеніямъ во тмѣ ночной, и поневолѣ надо ему противопоставить кошачьи глаза и кошачій инстинктъ.

Столъ, очень хорошій, я имѣлъ вмѣстѣ съ управляющимъ имѣніемъ, молодымъ человѣкомъ, довольно развитымъ, изъ его дворовыхъ людей. Матеріальная моя жизнь была очень хороша, а равно и душевное настроеніе. Видъ изъ оконъ, хотя однообразный, не лишенъ былъ своего рода красоты. Видна была рѣка Бѣлая, красная съ хорошими домами селенія, безпредѣльные хвойные лѣса, хотя и подъ зимнимъ покровомъ, опущенные инеемъ точно пудрою, тянулись по всѣмъ направленіямъ. Красота природы такъ безконечно разнообразна, такъ величественна и привлекательна, что я, будучи покоенъ душою, какъ всегда восторженный любитель природы, и тутъ находилъ великое наслажденіе любоваться этимъ чуднымъ бѣлымъ покровомъ, даже дымомъ, выходящимъ изъ трубъ вертикальнымъ столбомъ при совершенной тишинѣ, иногда оглашаемой стукомъ и голосами работавшихъ на заводѣ. При моемъ полномъ уединеніи все это производило во мнѣ поэтическія грезы и какое то внутреннее довольство.

Какъ только я пріѣхалъ, тотчасъ же распорядился рубкой лѣса для постройки баржъ. Это занятіе продолжалось довольно долго и я каждый день былъ въ лѣсу и возвращался только къ обѣду, когда начинало темнѣть. Послѣ обѣда, вечеромъ, записывалъ въ особо для этого веденный журналъ ходъ работъ и количество срубленныхъ и вывозимыхъ съ пристани деревь разнаго назначенія. На пристани уже приготовлялись шпангоуты или ребра, которыя составляютъ основу всякаго судна, пилились доски обшивки и проч. Журналъ этотъ я велъ по желанію моего довѣрителя, хотя бы и безъ этого желанія я бы велъ его точно также, но онъ, конечно, желалъ знать не только ходъ работъ, но вѣроятно и о моей дѣятельности, какъ получавшаго отъ него жалованье. Онъ былъ человѣкъ очень аккуратный, служившій прежде правителемъ канцеляріи министра финансовъ, графа Канкринна.

Вывезши лѣсъ, мы по плану заложили основаніе нашимъ судамъ и работа началась и постройка продолжалась всю осень и зиму. Зимой

на маленькихъ санкахъ въ одну лошадь, а весной верхомъ на иноходцѣ, я ежедневно съ утра проводилъ весь день на пристани, вечеромъ возвращался обѣдать, а вечеръ занимался журналомъ. Я находилъ большое наслажденіе въ этой трудовой жизни, а особенно когда наступила весна, прошла рѣка и все вокругъ стало зеленѣть, воздухъ стать благоуханнымъ, живительнымъ, съ юга прилетѣли гуси, лебеди, утки въ огромномъ множествѣ, какъ бы удалявшіеся отъ жары и духоты юга на охлаждающій сѣверъ, подобно дачникамъ, бѣгущимъ изъ городовъ. Лѣса огласились различными хорами пернатыхъ и сердце повеселѣло вмѣстѣ съ природою. Проѣзжая около озеръ, я каждый разъ слышалъ какую-то странную музыку и не могъ понять, откуда идутъ эти басовые аккорды. Своротивъ съ дороги, я поѣхалъ по направленію этихъ звуковъ и увидѣлъ цѣлое стадо лебедей, принявшее въ свое лѣтнее владѣніе прелестное, обширное озеро, осящаемое живописнымъ лѣсомъ. Вотъ кто были эти музыканты.

Такъ какъ я также имѣлъ порученіе закупать хлѣбъ для завода и ревизовать откупные отчеты, и какъ въ этой мѣстности откупная контора или управленіе было въ городѣ Белебей, и въ этомъ же уѣздѣ весьма богатомъ хлѣбомъ, я располагалъ покупать рожь, то и отправился въ этотъ городъ. Здѣсь я остановился у управляющаго откупомъ. Ив. Ан. Пономарева. Это былъ человѣкъ образованный, хотя и изъ купеческаго званія, очень пріятной наружности и весьма приличный. У него жилъ отецъ его, умный старикъ, очень начитанный и, какъ видно, хоть и по старинкѣ, но хорошо учившійся въ какой то школѣ, вѣроятно еще въ началѣ этого столѣтія. Его очень интересовало все, что дѣлается во всемъ свѣтѣ какъ въ политическомъ мірѣ, такъ и въ экономическомъ, особенно что касалось Россіи. Онъ даже имѣлъ намѣреніе представить свой проектъ объ извлеченіи изъ карточной продажи, находившейся въ казенной монополіи, такихъ выгодъ, которыя, по его соображенію, достигали бы значительныхъ милліоновъ. Я не помню уже теперь подробностей его проекта, но помню, что выводы его тогда не казались химерой. Онъ хорошо игралъ въ шахматы и мы каждый день нѣсколько часовъ посвящали этой игрѣ. Хозяйка дома, жена управляющаго, особа очень милая и пріятная, была вполне свѣтская дама, любила общество, удовольствія, катанья, танцы, и какъ откупнымъ управляющимъ отпускались значительныя суммы на пріемъ и угощеніе и другіе побочные расходы, то они жили открыто, давали обѣды, вечера и у нихъ всегда бывало много посѣтителей. Здѣсь же особенно всѣ бывали съ удовольствіемъ, такъ какъ белебеевскій управляющій г. Жадовскаго къ качествамъ гостепрѣимства и радушія присоединялъ личныя прекрасныя качества, пріобрѣвшія ему общее ува-

женіе общества. Во всемъ округѣ по деревнямъ до послѣдняго крестьянина его знали и уважали, въ чемъ я убѣдился, ѣздивши съ нимъ для покупки хлѣба на заводъ.

Пріѣхавши комисіонеромъ откупщика и въ то-же время важнаго человѣка, я, конечно, долженъ былъ познакомиться съ городскимъ обществомъ и потому объѣхалъ съ визитами всѣхъ, начиная съ городничаго, составляющихъ мѣстную интеллигенцію. Вездѣ меня принимали очень любезно, приглашали на обѣды и вечера и я замѣтилъ страшную разницу между обществомъ сибирскимъ и собственно русскимъ, такъ какъ здѣсь я уже встрѣчалъ и воспитаніе, и образованность даже въ самомъ маленькомъ городкѣ оренбургскихъ и саратовскихъ степей. Между многими домами въ Белебеѣ выдавался домъ князя Чаадаева, жившаго въ эту зиму съ женою и дѣтьми въ своемъ городкѣ. Князь былъ довольно крупнымъ тамъ помѣщикомъ и былъ всѣми уважаемъ и любимъ по своей добротѣ и благородному характеру. Не помню уже сколько было у нихъ дѣтей, но помню, что когда мы съ управляющимъ пріѣхали къ нимъ, то я былъ пріятно пораженъ какъ радушіемъ, такъ и милою добротою всего семейства, съ какою былъ принять, и еще болѣе былъ пораженъ красотою ихъ старшей дочери, М. П., прекрасно воспитанной и увлекательно пріятнаго и милаго обращенія. Я этотъ первый вечеръ провелъ такъ пріятно и такъ свободно, не смотря на первое знакомство, что какъ будто мы были уже старые знакомые. Дѣвицы усадили меня играть въ карты съ надѣваніемъ мужской шапки дѣвицамъ и чепца мужчинамъ, который вѣроятно очень шелъ ко мнѣ, когда я остался, потому что веселости и хохоту не было конца. Бѣда мужчинѣ въ 40 лѣтъ съ этими юными цвѣтущими дѣвицами, которымъ все идетъ, какъ сказалъ Пушкинъ: «а къ дѣвушкамъ въ 16 лѣтъ какая шапка не пристанетъ». Съ этого вечера продолжалось это милое знакомство до самаго отъѣзда моего, и сколько пріятныхъ вечеровъ и дней проводилъ я въ этомъ миломъ семействѣ. Оно было въ самыхъ пріязненныхъ отношеніяхъ съ семействомъ управляющаго, гдѣ я жилъ; сестрицы часто пріѣзжали къ нимъ, играли на фортепьяно, пѣли и для меня часовъ какъ бы не существовало. Такъ очаровала она меня своей красотой, а еще болѣе своимъ умомъ и прелестью своего общества. Я каждый разъ усаживалъ ихъ въ сани, когда онѣ уѣзжали, застегивалъ полость и это мнѣ доставляло большое наслажденіе. На одномъ танцевальномъ вечерѣ, видя, что я не танцую, дамы сами стали приглашать меня на кадрили и когда я отзывался тѣмъ, что не танцую и не знаю даже фигуръ кадрили, онѣ вызывались руководить меня, но я устоялъ, не смотря даже на то, что болѣе всѣхъ упрашивала та, которой всего труднѣе было мнѣ отказать.

Вотъ на пути жизни еще новая встрѣча съ милыми, привлекательными людьми, радушными, гостепрѣимными, и опять встрѣча съ прелестнымъ существомъ, которое привлекаетъ взоръ и шевелитъ сердце. Для меня это понятно: 20 слишкомъ лѣтъ молодой жизни исчезли въ заключеніи и странствіяхъ и потому эти протекшіе года какъ бы передвинулись и впечатлительность и пылкая молодость какъ бы возвратились. Удивительно ли и странно ли, что такое существо, какъ княжна М. П., и теперь приковало мое сердце. Она была высокаго роста, стройна, граціозна. Ея каріе, прекрасной формы, глаза, ослѣнные длинными, роскошными рѣсницами, въ которыхъ свѣтился умъ, кротость и чувство, были очаровательны; умъ, прелесть обращенія, все приковывало къ ней какою-то чарующею силою, такъ что, если-бы не мой внезапный отъѣздъ изъ этихъ мѣстъ, то, конечно, я бы до страсти влюбился въ эту чудную дѣвушку. Въ послѣдній разъ, уѣзжая изъ Белебея, я простился съ ними въ надеждѣ скораго свиданія, и не подозревая, что это было прощаніе на вѣки!

По приѣздѣ моемъ домой, мнѣ подали бумагу отъ уфимскаго губернатора, съ отношеніемъ къ нему симбирскаго губернатора, вынудившимъ меня въ Самару, мѣсто нашего жительства, означенное въ указѣ объ отставкѣ. Нечего было дѣлать — какъ повиноваться. Я написалъ Жадовскому, что по независящимъ отъ меня обстоятельствамъ долженъ оставить свое мѣсто у него, спустилъ на воду готовые уже баржи, сдалъ всѣ дѣла и отчеты управляющему и затѣмъ уѣхалъ.

IX.

Былъ май мѣсяцъ, все вокругъ зеленѣло. Благоуханный воздухъ вечеромъ пѣніе соловьевъ, прелестная, живительная теплота воздуха, близость новаго свиданія съ родными, конечно, пріятно настроивали меня, но съ другой стороны страшная ферула, злобно смотрящее за вами око, которому неусыпно повелѣно наблюдать за нами, лишеніе возможности добывать трудомъ даже хлѣбъ насущный, все это, конечно, возмущало меня. Уже прощенные, заслужившіе себѣ чинъ и дворянство, казалось, можно бы было намъ предоставить право пользоваться свободой и правами, этому сословію дарованными закономъ. Но видно смиренная доля наша еще не кончилась и мы все еще оставались подъ ферулой полиціи. Я написалъ брату еще изъ Анчисака, чтобъ онъ пріѣхалъ въ Самару, такъ какъ это распоряженіе касалось насъ обоихъ.

Проѣхавъ Казань, я уже луговой стороною проѣхалъ въ Самару. Приѣздъ мой по такому неожиданному случаю очень огорчилъ сестеръ.

Когда прѣѣхалъ братъ, мы написали графу Орлову, шефу жандармовъ, и просили его ходатайства предъ государемъ о разрѣшеніи намъ свободы трудомъ добывать себѣ пропитаніе, и хотя никакого отвѣта мы не получили, но все же видно было, что просьба наша была принята, потому что насъ уже болѣе не преслѣдовали. Повторилось еще разъ оно въ Нижнемъ-Новгородѣ отъ губернатора, г. Бутурлина, который также указалъ на означенное для насъ мѣсто жительства; но объяснивъ, что Самару мы сами назначили какъ мѣсто, гдѣ жили наши родные, а не какъ мѣсто ссылки.

Отправивъ письмо, мы съ братомъ поѣхали въ Симбирскъ, гдѣ остановились у Дмитрія Николаевича Набокова, съ которымъ жилъ товарищъ его правовѣдъ Сентъ-Илеръ. Оба они служили товарищами предсѣдателей палаты. На другой день мы представились губернатору Буддакову. Я передалъ ему, что его вызовъ лишилъ меня мѣста, — лишеніе для меня очень чувствительное, по неимѣнью состоянія и необходимости содержать себя трудомъ. Повидимому, онъ понялъ эти доводы и уже не препятствовалъ ѣхать мнѣ въ Москву, а брату въ Рыбинскъ, по пароходному дѣлу.

Въ Симбирскѣ мы очень пріятно пробыли недѣли двѣ. Тутъ мы познакомились съ родными нашего товарища и друга Василя Петровича Ивашева (декабриста) и съ тою сестрою его Языковой, которой письмо къ нему остановило его и насъ отъ безумнаго предпріятія ѣздить Амуромъ въ Америку. Снова тутъ сошлись съ петербургскимъ знакомымъ нашимъ Юріемъ Сергѣевичемъ кн. Хованскимъ. Онъ воспитывался въ лицей и бывалъ у кн. Долгоруковыхъ, гдѣ мы еще тамъ сошлись съ нимъ. Заговоривъ о пароходномъ нашемъ предпріятіи, онъ также рѣшился въ немъ участвовать, будучи еще прежде изъ Самары извѣщень о немъ письмомъ. Его участіе съ значительнымъ капиталомъ въ 15,000, генерала Нестерева съ Кавказа и Недоброво и другихъ уже дали намъ возможность выписать и другую машину низкаго давленія, такъ чтобы сложная машина уже составляла 160 лошадиныхъ силъ, и возможность построить двѣ баржи.

Симбирское дворянство того времени, по своему воспитанію, образованности и богатству, стояло очень высоко и отличалось благороднымъ, независимымъ характеромъ, что въ ту эпоху встрѣчалось рѣдко. Недѣля, проведенная въ такомъ обществѣ, была очень пріятна. Тамъ чрезъ Д. Н. Набокова мы познакомились съ семействомъ полковника барона Корфа и красавицей его женой, на дочери которой впоследствии онъ и женился. Тутъ же мы познакомились съ родными нашего товарища и друга Вас. Петр. Ивашева, съ его сестрой Языковой, которой письмо къ ея брату, какъ я уже сказалъ, остановило его и насъ

отъ намѣренія обѣжать по Амуру, что, конечно, погубило бы насъ и страшно ухудшило бы участь нашихъ товарищей. Въ Симбирскѣ жилъ и нашъ самарскій другъ Ив. Анд. Котлеревскій.

Изъ Симбирска заявили губернатору; братъ поѣхалъ въ Рыбинскъ, чтобы перевести постройку парохода въ г. Балахну, гдѣ мы взяли тѣхъ же мастеровъ, которые строили мои баржи на р. Бѣлой. Я же для присканія себѣ мѣста, котораго лишился у г. Жадовскаго, поѣхалъ снова въ Москву, гдѣ остановился у барона Остенъ-Сабель, уже теперь служившаго въ московскомъ штабѣ. Нечего говорить какъ родственно-радушно былъ принятъ ими и какъ пріятно было вспоминать съ ними о нашемъ миломъ Кавказѣ.

Въ это-то время я каждый день отправлялся въ Нѣмецкую улицу въ небольшой уютный домикъ, гдѣ жила незабвенная Анна Михайловна Паризо, въ обществѣ которой я проводилъ такіе пріятные вечера, о чемъ я упоминалъ въ первой части моихъ воспоминаній.

Такъ какъ пріѣздъ мой въ Москву имѣлъ цѣлью присканіе себѣ какого нибудь дѣла, о чемъ хлопотала также и Анна Михайловна въ Москвѣ, то я, зная, что въ Тулѣ жилъ нашъ товарищъ и спутникъ въ Сибирѣ Мих. Мих. Нарышкинъ (декабристъ), я отправился къ нему въ Тулу. Узнавъ, что онъ живетъ въ своемъ имѣніи въ 6 верстахъ отъ Тулы, я нанялъ городского извозчика и поѣхалъ къ нему. Дорогой, оглянувшись, я увидалъ карету, ѣдущую по тому же направленію, и извозчикъ мой сказалъ, что ѣдетъ самъ Нарышкинъ. Я остановился, и когда онъ поравнялся со мной и мы узнали другъ друга, то съ какимъ восторгомъ обнялись мы съ нимъ и тѣмъ горячѣе были наши объятія, что ни онъ, ни я, конечно, и не надѣялись когда нибудь еще увидѣться въ этой жизни.

Какъ радостна была эта встрѣча, какъ живо вспомнился Кавказъ, солдатская лямка, горы, незабвенные друзья, прочный окопъ, его радужный братскій домъ, гдѣ мы съ такимъ наслажденіемъ проводили вечера между своими друзьями и товарищами, и наконецъ встрѣтились здѣсь на родинѣ уже свободные и счастливые. Не говорю уже съ какимъ восторгомъ, съ какой любовью я раздѣловалъ ручки чудной Елизаветы Петровны, которая братски обняла меня. Домъ ихъ былъ обширный, прекрасно устроенный, съ пышнымъ садомъ изъ гостиницы. Весь верхъ былъ назначенъ для посѣтителей. Тамъ было нѣсколько комнатъ, прекрасно и покойно устроенныхъ. Внизу при огромномъ кабинетѣ была большая бібліотека, уборная и ванна. Они получали всевозможные журналы и газеты, словомъ, онъ купилъ это имѣніе по выбору Елизаветы Петровны, своей жены, когда былъ еще на Кавказѣ собственно для нея, этой безподобной жены. Онъ все устроилъ до са-

мыхъ мелочныхъ подробностей, чтобы, наконецъ, послѣ столькихъ лѣтъ лишеній, страданій, тяжелой неволи заставить забыть все, ею испытанное тяжелое изъ любви къ нему. Хотя уже много лѣтъ ея молодой жизни было загублено безповоротно; молодость поглотила Сибирь, здоровье разстроилось и много сократилась эта чистая, самоотверженная жизнь; но все же они были теперь счастливы и покойны, соединенные подъ своимъ кровомъ; пользовались сердечной любовью своихъ крестьянъ, которые были, конечно, вполне счастливы у господъ, за нихъ собой пожертвовавшихъ. Но все же нѣтъ сомнѣній, что никакое благоденствіе и счастье ея рабовъ не замѣнитъ свободы, хотя и свобода должна быть регулирована и направляема высшимъ человѣческимъ разумомъ или закономъ. Крестьяне были тогда крѣпостные, но немного прошло времени, какъ и эта свобода была дарована народу, и значить одно изъ пламенныхъ желаній такихъ господъ осуществилось!

Нарышкины пользовались уваженіемъ всѣхъ ихъ знавшихъ и прежде незнававшихъ ихъ образованнаго общества; всѣ знавшіе ихъ высокія качества и ихъ добродѣтели любили ихъ искренно, и особенно ими облагодѣтельствованные, которыхъ было очень много; значить теперь все было у нихъ, чтобы благодарить Господа за всѣ Его щедроты. Такъ какъ оба они были чрезвычайно религіозны, пламенно любили Бога, то, конечно, и вся ихъ жизнь была постоянное желаніе угождать Ему. Когда Елизавета Петровна показала мнѣ свою молитвенную комнату, подобіе алтаря, она сказала: «конечно, я и теперь молода, какъ въ Сибири, но можете себѣ представить, что теперь уже нѣтъ той горячности, какая была тогда,—теперь стало больше суеты!»

Въ сосѣдствѣ у нихъ жилъ г. Хитрово и мы однажды, Михайль Михайловичъ, Елизавета Петровна и я, были у нихъ, обѣдали и провели день. Онъ, кажется, служилъ при посольствѣ и былъ женатъ на итальянкѣ, очень красивой дамѣ. Это было знакомство мимолетное, но Михайль Михайловичъ сказалъ ему, что я нищу какого нибудь занятія. Онъ сейчасъ же предложилъ мнѣ свое Елецкое имѣніе въ 600 тяголъ и жалованья предлагалъ 600 р. Но намъ показалось этого мало, и съ моей стороны это было глупое притязаніе на большое жалованье, когда я еще не имѣлъ понятія о русскомъ крѣпостномъ управленіи, гдѣ входила и агрономія, и отчетность, и администрація, и судебная власть, и тѣмъ болѣе это было глупо, что я послѣ взявъ же такое мѣсто въ 600 р. въ Саратовской губ.

Возвратившись домой отъ Хитрово, я уже собирался уѣзжать, какъ Михайль Михайловичъ получилъ донесеніе изъ его смоленскаго имѣнія въ 1,000 душъ, переданное ему братомъ его по возвращеніи съ Кавказа, что тамъ появилась холера. Онъ тотчасъ же собрался туда, а

я остался до его возвращенія съ Елизаветой Петровной; когда же онъ возвратился, устроивъ пособіе для заболѣвшихъ, я, пробывъ еще нѣсколько дней, поѣхалъ сперва въ Москву, гдѣ впослѣдствіи часто видѣлся съ ними, потомъ въ Болшево къ сестрѣ, гдѣ тоже встрѣтился случай заболѣванія холерой. Но когда я изъ газетъ увидѣлъ, что въ Рыбинскѣ была страшная холера и умирало въ день около ста человѣкъ, я поѣхалъ въ Рыбинскъ, гдѣ былъ братъ, за котораго я очень боялся, не поразила ли его эта страшная гостья.

Сильно билось мое сердце при мысли, найду-ли въ живыхъ брата, когда подѣзжалъ къ городу. Тутъ я увидѣлъ парня дрожки и какого-то господина въ круглой шляпѣ; подѣзжая ближе, я узналъ Николая Ивановича Ершова, товарища по Кавказу, гдѣ онъ служилъ въ Нижегородскомъ драгунскомъ полку майоромъ, и съ которымъ бывалъ въ экспедиціи и потомъ хорошимъ знакомымъ въ Россіи. Тогда еще былъ живъ его отецъ и онъ содержалъ себя трудомъ. Въ это время онъ занимался поставкой дровъ на пароходы Волжскаго общества, часто видѣлся съ братомъ у Денкека и у него. Какъ я былъ радъ этой встрѣчѣ—не могу описать. Первое мое слово было: живъ-ли братъ? Живъ и здоровъ, отвѣчалъ онъ; я перекрестился и возблагодарилъ Господа. Узнавъ отъ него квартиру, я поѣхалъ къ нему, во его не было дома и человѣкъ сказалъ, что онъ у Моллера, отставного капитанъ-лейтенанта. На все это тревожное время они жили вмѣстѣ. Моллера уменьшилась, жить стало покойнѣе и мы съ нимъ посѣтили всѣхъ его знакомыхъ.

Между ними были ближе знакомы одинъ тамошній докторъ съ прехорошенькой молодой женой, которые составляли замѣчательную супружескую чету по нѣжнѣйшей любви ихъ другъ къ другу, по прекрасному кроткому характеру обоихъ, по страстной любви ихъ къ музыкѣ и случилось такъ, что оба они были замѣчательными артистами. У нихъ были еще очень маленькія дѣти и домъ ихъ былъ большою отрадой для брата; когда они играли въ 4 руки, то можно было придти въ величественный, какъ иногда бываетъ, восторгъ. Младшій сверхъ того хорошо игралъ на скрипкѣ. У брата было много и другихъ пріятныхъ знакомыхъ, съ которыми онъ меня познакомилъ, но я упоминаю только о томъ, что болѣе представляло интереса.

Братъ познакомилъ меня съ однимъ богатымъ семействомъ, состоявшимъ изъ матери, нѣсколькихъ очень привлекательныхъ сестеръ, на одной изъ которыхъ женился Н. И. Ершовъ. Мы съ братомъ и Ершовымъ часто бывали у Денкека, черезъ котораго возникло наше пароходное пріятіе. Такъ какъ первая машина должна была быть отправлена въ послѣдней навигаціи въ Тверь, и какъ дѣсь и всѣ материалы уже

были сплавлены въ Балахну, куда отправился и братъ, я же поѣхалъ въ Симбирскъ, чтобъ видѣться съ княземъ Юріемъ Сергѣевичемъ Хованскимъ.

Князь былъ въ деревнѣ, гдѣ я его засталъ одного, а все семейство его было въ ихъ казанскомъ имѣнніи, куда я и поѣхалъ, чтобъ видѣться съ его женой, сестрой нашего друга и товарища Ивашева, и взглянуть на его дѣтей, воспитывавшихся у княгини. Поѣздка эта была очень непріятна; здѣсь почти вездѣ свирѣпствовала холера; настроеніе народа было самое мрачное и даже озлобленное, такъ какъ стали между ними ходить слухи, что какіе то люди отравляютъ колодцы, въ чемъ и видѣли причину болѣзни. На мѣня смотрѣли подозрительно, сельскіе сторожа отворяли ворота изъ села очень угрюмо и злобно, но съ помощью Божіею я проѣхалъ благополучно.

Дня за два до Троицына дня я подѣхалъ къ большому, красивому дому. Не нужно говорить, что я былъ принятъ съ отверстыми объятіями, какъ родной; такова была связь между нами (декабристами), что и всѣ родные наши составляли почти одну семью, и потому всѣ эти дни я провелъ съ неизяснимымъ наслажденіемъ. Сама княгиня очаровательно милая, радушная, умная и чрезвычайно пріятная, безпрестанно заботилась доставлять мнѣ какое-нибудь удовольствіе. У нея воспитывались дѣти ея брата, такъ мало успѣвшаго насладиться семейнымъ счастьемъ съ подругой, которая всю жизнь свою пожертвовала ему. Еще очень молодая, она скончалась и онъ, кажется, ровно черезъ годъ послѣдовалъ за нею. Дочери, когда я былъ у нихъ, К. Вас., уже было лѣтъ 14 и она общала быть красавицей, а сынъ еще тогда мальчикъ лѣтъ семи. При немъ былъ гувернеръ, швейцарецъ, человѣкъ съ прекрасными качествами и весьма ученый. Было еще нѣсколько лицъ, съ которыми въ такое короткое время я не успѣлъ познакомиться. Но въ числѣ многихъ знакомыхъ былъ одинъ господинъ очень представительный по наружности, по образованію и воспитанію принадлежавшій къ высшему обществу, нѣкто г-нъ Толстой, съ которымъ я очень хорошо познакомился, человѣкъ очень умный и чрезвычайно пріятный. Въ слѣдующемъ году онъ плылъ на нашемъ пароходѣ изъ Симбирска въ Казань, и въ это время мы еще короче съ нимъ познакомились.

У нихъ жилъ или бывалъ часто, не могу сказать по краткости моего пребыванія, одинъ музыкантъ, бывший у нихъ всѣ эти дни. Это былъ молодой человѣкъ весьма привлекательной наружности, какъ нельзя болѣе приличный, образованный и очень умный; онъ, кажется, здѣсь давалъ уроки музыки. Онъ устроилъ въ одинъ изъ вечеровъ превосходную музыку, на трехъ рояляхъ, и музыка была дѣйствительно оча-

ровательна. Разыгрывали симфонію Давида «Пустыня». Музыка изображала караванъ, растянувшійся на большое пространство; согласно съ выраженіемъ музыки воображеніе рисовало восхитительную картину: южное небо, арабскія лица погонщиковъ и всю поэтическую прелесть Востока. Я уже много, много лѣтъ не слышавшій такой чудной музыки былъ въ полномъ восторгѣ. Исполненіе было превосходно, капельмейстеръ съ своей палочкой былъ поэтиченъ, такъ что вечеръ этотъ, съ оригинальной и увлекательной гармоніей, милыми, прелестными лицами исполнительницъ, былъ въ полномъ смыслѣ очаровательный и всѣ разошлись очень поздно. Этотъ вечеръ съ радушной, милой хозяйкой и всѣми участниками въ немъ никогда не изгладится изъ моей памяти.

Это былъ Троицынъ день, я долженъ былъ уѣхать по дѣламъ парохода на другой день. Меня очень упрасивали остаться Духовъ день и участвовать въ устраиваемомъ у нихъ гуляньѣ, но я никакъ не могъ остаться, и это было, какъ впоследствии оказалось, въ путяхъ всеблагото Провидѣнія. Въ самый Духовъ день всѣ они поѣхали въ рощу гулять и пить чай. Но посреди общей веселости, вдругъ они видятъ злобѣщую толпу крестьянъ, прямо къ нимъ приближавшуюся и ^{и то-то} взглядами подозрительно разыскивающую; такъ какъ толпа подходила очень дерзко и близко, то швейцарецъ-гувернеръ подошелъ къ толпѣ и сталъ выговаривать ей за такую дерзость; тогда она напала на него, стала бить, говоря: «выдавай намъ пріѣхавшаго къ вамъ отравителя колодцевъ, мы его въ куль и въ воду». Одинъ изъ людей побѣжалъ въ деревню къ старостѣ, рассказалъ ему что происходило и тотъ пришелъ и разогналъ толпу.

Въ числѣ гостей у нихъ гостила въ это время дочь губернатора. Конечно, гулянье не удалось, всѣ были страшно испуганы. Оказывается, по деревнямъ видѣли, что пріѣхалъ къ нимъ какой-то человекъ и что разсудили, что это долженъ быть самъ отравитель. Если-бъ я не уѣхалъ, то вѣроятно и староста не удержалъ бы ихъ отъ намѣренія утопить меня. Они даже, прогоняемые старостой, кричали, что меня только спрятали, вѣроятно не зная, что я уже уѣхалъ.

Много времени спустя, помнится, что я, по уговору съ Толстымъ писалъ къ нему какъ новому, приятному знакомому; въ отвѣтъ своемъ онъ описывалъ мнѣ это происшествіе.

А. П. Бѣляевъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

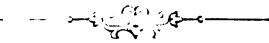
† 1858 г.

ДОМЪ СУМАСШЕДШИХЪ

ШУТКА-САТИРА

ГРАФИНИ ЕВДОКІИ ПЕТРОВНЫ РОСТОПЧИНОЙ.

Предисловіе издательницы.—Переписка гр. Е. П. Ростопчиной по поводу сатиры „Домъ Сумасшедшихъ“.—Сатира.—Примѣчанія къ ней и письма.—Стихотвореніе Н. П. Огарева.

МОСКВА
1-го января 1858 г.

ДОМЪ СУМАСШЕДШИХЪ

сатира гр. Е. П. Ростопчиной.

Въ московскомъ Румянцевскомъ музеѣ, въ бумагахъ Н. В. Сушкова ¹⁾, находится сатира гр. Ростопчиной: «Домъ сумасшедшихъ» до сихъ поръ не бывшая въ печати. Она написана графиней въ ея подмосковномъ имѣніи Вороновѣ въ послѣдній годъ жизни (1858) и съ письмомъ, приложеннымъ вмѣсто предисловія, переслана на просмотръ къ ея дядѣ, Н. В. Сушкову, которому она и посвящается.

Дядя, сдѣлавъ частныя и общія поправки, не одобрялъ сатиры за ея рѣзкій, бранчивый тонъ и отказывался отъ посвященія. Ростопчина отвѣтила на всѣ сдѣланныя дядей возраженія; выразила удивленіе, какъ онъ можетъ возставать противъ сатиры, когда самъ же неоднократно поощрялъ автора и напоминалъ продолжать постройку Дома.

Послѣднее Сушковъ счелъ за напрасное обвиненіе; ради оправданія, онъ пишетъ Ростопчиной письмо отъ 1-го іюля 1858 г., въ которомъ старается остановить племянницу отъ намѣренія печатать сатиру. Въ этомъ письмѣ онъ, между прочимъ, упоминаетъ, что А. И. Герценъ уже тиснулъ на графиню стихи Н. П. Огарева: «Отступница».

Привожу это стихотвореніе почти цѣликомъ въ заключеніе всего упомянутаго любопытнаго матеріала, то есть: двухъ писемъ графини Ростопчиной къ Н. В. Сушкову, двухъ писемъ Сушкова къ Ростопчиной и самой сатиры.

Примѣчанія, отмѣченныя звѣздочкою (*), сдѣланы въ данномъ спискѣ сатиры рукою самого автора, а остальные, болѣе пространныя примѣчанія, собственно—возраженія, взяты мною изъ перваго письма Сушкова, отвѣты на которыя гр. Ростопчиной найдены среди бумагъ того же Сушкова.

Е. С. Некрасова.

¹⁾ № 1356.

I.

Гр. Е. П. Ростопчина — Н. В. Сушкову ¹⁾.

Вороново, 27-го мая 1858 г.

Вотъ вамъ, любезный другъ и уважаемый дядюшка, вашъ «Сумасшедшихъ домъ», совсѣмъ готовый. По заказу и желанію m-lle Kitty, я помѣстила тутъ всѣхъ тѣхъ, о комъ она просила; но не какъ членовъ посѣтителей, а какъ врачей, наряженныхъ комиссіей, чтобъ осмотрѣть больныхъ и прискаты средство къ ихъ лѣченью. Это, вѣдь, отчасти и правда: развѣ пріѣзжающіе изъ Питера не щупаютъ моральнаго пульса у московскихъ самодуровъ, когда они вступаютъ съ ними въ обычныя здѣсь пренія?... Вы найдете тутъ много прибавокъ и дополненій; сообщите, кому слѣдуетъ и кому заблагоразсудител.. А вотъ вамъ всѣмъ и еще грамотный гостинецъ: вы знаете, что я страшная букинистка, т. е. охотница до старыхъ книжицъ, и вѣчно роюсь въ нихъ, стараясь съ помощію ихъ повыбить изъ головы дурь, пыль и прахъ, навѣваемые чтеніемъ новыхъ, современныхъ, имъ подобныя.

(Прибавьте къ тому, что не рѣдко въ одной изъ тощихъ и малыхъ сихъ старыхъ книжицъ довольно ума и правды, чтобы составить противодіе многимъ толстымъ книжищамъ, журналищамъ и газетищамъ теперешняго не золотаго времени!...)

И такъ, занимаясь чтеніемъ извѣстнаго въ свое время философическаго нравственно-религіознаго романа: «Le comte de Valmont ou les égarements de la raison, par l'abbé Giraud» (вѣрно Дарья Ивановна или даже Екатерина Львовна слыхали о немъ, помнятъ его славу...), я нашла слѣдующія замѣчательныя, по моему, черты тогдашняго вѣка и тогдашнихъ людей, которыя какъ разъ подходятъ подто, что мы видимъ и слышимъ нынче около себя. Сообщаю это вамъ курьеза ради, и прошу мнѣнія m-lle Kitty и вашего.

„Le mot d'humanité ne m'en impose guère,
Et par tant de fripons je le vois répéter,
Que je les crois d'accord pour le faire adopter.
Ils ont quelque intérêt pour le mettre à la mode,
C'est un voile, à la fois honorable et commode,
Qui de leurs sentiments masque la nullité...

¹⁾ Изъ бумагъ Н. В. Сушкова, хранящихся въ московскомъ Румянцевскомъ музеѣ подъ № 1356.

Et pour en parler vrai, ma foi, je les soupçonne
D'aimer le genre humain; mais pour n'aimer personne!...

(Palissot: „Les philosophes“. Comédie)

Переводъ:

«Слово гуманность не внушаетъ мнѣ уваженія,
И я вижу столько же негодяевъ, повторяющихъ его,
Что мнѣ кажется, они просто согласились присвоить его себѣ.
Ввести его въ моду—для нихъ нѣкоторая выгода:
Это покрывало въ одно время и почтено и удобно,
Оно маскируетъ ничтожность ихъ чувствъ.
Но чтобы сказать о нихъ правду,—право, я подозреваю,
Что они любятъ все человѣчество, чтобы не любить никого».

(Точно будто рѣчь идетъ о новоизобрѣтенной и ненавистой мнѣ
гуманности!... Далѣе):

...«Il n'y a, malheureusement, que les fripons qui fassent des ligues;
les honnêtes gens restent isolés». (Duclos: «Considérations sur les
mœurs»).

Переводъ: „Къ несчастію, только негодяи составляютъ лиги; люди
честные стоятъ въ одиночку“.

«Philosophe!!... Il s'en donne le nom,
Comme tous ces messieurs, qui—fiers de leur raison,—
Se croyant appelés à reformer la terre,
A tous les préjugés ont déclaré la guerre.
Petits pedants obscurs, qui pensent à la fois
Eclairer l'univers, et régenter les rois;
Fanatiques d'orgueil, dont la sottise manie
Est de se croire un droit exclusif au génie;
Flatteurs, en affichant le mépris des grandeurs...
Prêchant la tolérance, et très intolérants,
Qui sur un tribunal, érigé par eux mêmes,
Jugeant tous les talents en arbitres suprêmes;
De quiconque les flatte orgueilleux protecteurs;
De quiconque les brave ardents persécuteurs;
Enfin du monde entier s'arrogeant les hommages,
Pour avoir usurpé la qualité de sages».

(Palissot: „Les philosophes“).

Переводъ:

«Философъ! . даютъ они себѣ прозвище,
Какъ всѣ тѣ господа, которые, гордясь своимъ разумомъ.
Воображаютъ, что призваны переобразовать міръ,
И объявляютъ войну всѣмъ предразсудкамъ.
Они—маленькіе, темные педанты—думаютъ заразъ
Просвѣтить вселенную и перевоспитать царей;
Гордые до фанатизма—они одержимы безумной страстью
Присваивать себѣ тѣ права, которыя исключительно принадлежатъ генію;

Льстецы, кричащіе о презрѣніи великихъ,
 Проповѣдуя терпимость, сами очень не терпящи
 На трибунѣ, воздвигнутой ими же самими,
 Они судятъ о талантахъ, словно верховные судьи;
 Горделиво того провозглашаютъ талантомъ, кто имъ льстить, —
 А кто не бонится ихъ, того жестоко преслѣдуютъ;
 Силою захватываютъ себѣ со всего свѣта почтеніе,
 Чтобы насильно присвоить титулъ мудраго“.

Скажите, развѣ это не портреты съ натуры нашихъ партій и брук-ковъ?... А что, если эти господа только новыя воплощенія энциклопедистовъ и франкъ-массоновъ прошлаго столѣтія?... А что, если метампсихоза точно существуетъ — и ваши друзья-западники, и враги-славянофилы ужъ жили, кутили, ломали и разрушали подъ именами французскихъ реформаторовъ предъ революціей?... Старайтесь угадать маски! Кто изъ нихъ Вольтеръ? По уму и по добротѣ—ни одинъ!... А вотъ и выписка изъ «Завѣщанія» одного адепта, подающаго совѣтъ: «Comment travailler au grand-oeuvre, c'est à dire à l'établissement de leur domination universelle»: «Pour obtenir un triomphe plus facile nous feront corps et nous nous repandrons d'un bout du monde à l'autre. Nous nous ferons des prosélytes à quelque prix que ce soit. Nous leur promettrons comme récompense la protection, la faveur, la considération, la fortune. Secrétaires, academiciens, correspondants de toutes les academies et de tous les corps savants de l'Europe, en France, en Angleterre, en Allemagne, en Suède, en Russie, nous nommerons tout, nous disposerons de tout par nous et par nos émissaires. Nos protégés seront autant d'apôtres, que nous enverrons en tous lieux, sans peine, sans gêne, sans péril et sans avoir à craindre d'en faire des martyrs. Nous aurons mêmes pour les besoins urgents une cassette philosophique (Солдатенковъ) et à notre solde de petits auteurs fame- liques, qui formeront des troupes légères, toujours prêtes à nous servir (разные мелкотравчатые наемщики и поденщики при журналахъ). Nous exalterons à l'envie ceux, qui penseront comme nous et pour peu qu'il se rencontre parmi eux quelque homme à talent, nous en ferons par des éloges pompeux et répétés de bouche en bouche, un génie rare et un homme extraordinaire. Nous déprécierons, au contraire, avec le ton du plus profond mépris, quiconque se ferait un nom en dépit de nous et en montrant d'autres opinions que les nôtres: «Nul n'aura de l'esprit hors nous et nos amis!...».

(Molière).

(Переводъ). Какъ работать надъ великимъ созданіемъ, т. е. надъ во-
 двореніемъ ихъ господства во всей вселенной? Чтобы легче добиться своего,

мы будемъ составлять общества, будемъ расходиться съ одного конца все-ленной на другой. Какою бы цѣною ни пришлось, но мы будемъ имѣть учениковъ. Мы имъ общаемъ, какъ награду — протекцію, милость, уваженіе, богатство. Секретарей, академиковъ, корреспондентовъ всѣхъ академій, всѣхъ ученыхъ обществъ Европы—во Франціи, въ Англіи, въ Германіи, въ Швеціи, Россіи— все это мы будемъ назначать, всѣми будемъ располагать или лично сами, или черезъ своихъ эмиссаровъ. Наши протекже будутъ въ то же время и апостолами, которыхъ мы будемъ разсылать повсюду безъ труда, безъ стѣсненій, безъ опасеній, не боясь сдѣлать изъ нихъ мучениковъ. А для неотложныхъ нуждъ у насъ будетъ и философскій денежный мѣшокъ (Солдатенковъ), а за жалованье—и наемные маленькіе, голодные авторы, которые будутъ составлять легкіе отряды, всегда готовые къ нашимъ услугамъ.... Будемъ дѣйствовать на честолюбіе тѣхъ, кто будетъ одинаково съ нами мыслить, и какъ бы мало ни было между ними людей съ талантомъ, мы — съ помощью громкихъ похвалъ, повторяющихся изъ устъ въ уста, создадимъ изъ нихъ рѣдкихъ гениевъ, особенныхъ людей. За то всякаго, кто вздумаетъ помно насъ составить себѣ имя или выскажетъ несогласныя съ нами убѣжденія, — мы, наоборотъ, унизимъ, взявши, г. воря о немъ, самый презрительный тонъ: „Никто не будетъ имѣть ума, кромѣ насъ и нашихъ друзей“.

(Мольеръ).

Nous ne paraîtrons pas même avoir lus ses écrits, ou bien s'il faut que tout le monde en parle, nous ne les prendrons que du côté plaisant ou ridicule. «Souvent aussi nous employerons ces termes vagues sentencieux et sublimes, devant lesquels le commun des mortels s'extasie d'autant plus qu'il les comprend moins. («Interprétation de la nature» — ouvrage des encyclopédistes). Nous reviendrons sur les siècles passés, de manière à faire sentir que les génies de ce temps-là étaient restés bien en deçà de la sphère de nos lumières. Enfin nous prouverons au genre humain, que nous sommes des instituteurs et ses maîtres, et toujours ses bienfaiteurs.

(Переводъ). Мы не покажемъ даже виду, что читали ихъ писанья; если же окажется нужнымъ говорить о нихъ всѣмъ, тогда мы возьмемъ ихъ только со стороны забавной или смѣшной. Мы будемъ также часто употребить эти пустые, сентенціозные, высокопарные терминны, при звукѣ которыхъ каждый изъ смертныхъ простачковъ приходитъ въ восхищеніе тѣмъ больше, чѣмъ меньше понимаетъ ихъ смыслъ („Толкованіе природы“. Работа энциклопедистовъ). Къ древнимъ вѣкамъ мы будемъ возвращаться съ тѣмъ, чтобы дать понять, что гении того времени остались далеко ниже сферы нашихъ свѣтилъ. Наконецъ, мы докажемъ роду человѣческому, что мы его наставники и учителя и въ то же время его благодѣтели.

Не правда ли, точно сейчасъ писано въ видѣ рецепта, для составленія извѣстности и власти нашихъ современныхъ котерій и партій? Меня это сходство поразило, и очень, очень любопытно знать, какъ оно подѣйствуетъ, какъ на васъ лично, такъ и на всю вашу

единомыслящую и единочувствующую троицу? Кстати—эта троица теперь прибавилась. Ваши петербургские гости должны быть съ вами около этой поры, т. е. самъ Федоръ Ивановичъ¹⁾. Буде такъ, передайте ему мое сердечное рукопожатье... Таковое же—Полторацкому. Я такъ много исписалась нынче, передавая вамъ чужія истины, что не прибавлю ничего изъ собственного вздора. О себѣ доложу (какъ пишется у нашихъ дворовыхъ), что я, дескать, все была нездорова и очень даже; привозная болѣзнь изъ города развилась на деревенской волѣ, благодаря скверной погодѣ; теперь солнце привѣтливѣе и мнѣ лучше. Это, впрочемъ, нисколько не мѣшаетъ мнѣ продолжать любить васъ *) отъ всего сердца, съ чѣмъ и остаюсь преданная вамъ графиня Евдокія Ростопчина.

P. S. Князь Вяземскій прислалъ мнѣ свои стихи: какая прелесть.. Это Иорданъ, омывающій и очищающій душу отъ всѣхъ пластичностей и античностей нашихъ молодыхъ столь хваленыхъ римошкетовъ—не поэтовъ.

¹⁾ О. И. Тютчевъ.

*) Васъ — опять такъ относится ко всѣмъ тремъ милымъ лицамъ вашего существа! Дѣти¹⁾ свидѣтельствуютъ вамъ свое почтеніе; къ удовольствію моему они нисколько не скучаютъ, хотя у насъ такъ тихо и пусто покуда (словно) въ женскомъ монастырѣ.

Гр. Е. Р.

¹⁾ У графини было трое дѣтей: сынъ Викторъ (умеръ на службѣ въ Сибири 1878 г.) и двѣ дочери: Ольга, вышедшая замужъ за Торниелли-ди-Брусати, и Лидія, живущая въ настоящее время въ Парижѣ. Последняя занимается литературою. Она написала, между прочимъ, книжку для дѣтей: „Belle, sage et bonne“.

Прии. Ш. Н.

ДОМЪ СУМАСШЕДШИХЪ ВЪ МОСКВѢ

въ 1858 году ¹⁾).

Продолженіе Воейковскаго Дома Сумасшедшихъ ²⁾).

Посвящается на елку дядѣ Николаю Васильевичу Сушкову.

1.

Въ петербургскихъ домъ безумныхъ
Встарь Воейковъ васъ водилъ,
Бѣшеныхъ и полоумныхъ
Ярко вамъ изобразилъ;
Шашки ихъ съ блаженнымъ ихъ бредомъ
Бойко, вѣрно разсказалъ,
Подъ конецъ же самъ сосѣдомъ
Къ нимъ нечаянно попалъ.

2.

Нынче древнія столицы
Посѣтимъ мы желтый домъ.
Замѣчательныя лица
Обойдемъ тамъ чередомъ.
Много рѣдкостей на диво
Узримъ и услышимъ мы;
Урожайны наши нивы
На безмозглые умы!...

3.

Въ двухъ этажахъ помѣщенья
Тамъ жильцамъ отведены;
Два большія отдѣленья
Межъ собой раздѣлены,
Въ избѣжанье безпорядка
И бесѣды въ кулаки,
Чтобъ носы другъ другу схваткой
Не отгрызли чудаки! 1).

¹⁾ Полный текстъ шутки-сатиры А. О. Воейкова: „Домъ сумасшедшихъ“ напечатанъ въ „Русской Старинѣ“ изд. 1875 г., томъ XII, стр. 584—590, по подлинной рукописи автора.

²⁾ Тамъ-же. Рум. музей, № 1356.

Ред.

4.

Наверху всё панслависты
 И пріють славянофилъ:
 Душно, грязно и нечисто...
 Русскій духъ все проконтилъ! 2)
 Это міръ возрѣній узкихъ,
 Ложныхъ взглядовъ вросъ и вкривъ,
 Словъ нѣмецкихъ, думъ французскихъ,
 Превращенныхъ въ русскій мнѣ.

5.

А внизу второстепенный,
 По условьямъ свѣтскимъ, слой,
 И народъ весьма почтенный
 Тамъ упрятанъ на покой:
 Тамъ философы Сократы,
 Тамъ ораторы безъ мѣстъ,
 Якобинцы безъ палаты—
 На царей *) живой протестъ.

6.

Туть... Но, чиновочитанье
 Соблюдая, мы пойдемъ
 Прежде вверхъ, и показанья
 Сторожей тамъ отберемъ:
 Говорять, что въ общей залѣ
 Словно шабашъ день и ночь,
 Что врачи оттоль бѣжали,
 Что глухому тамъ не въ мочь..

7.

Говорять, что поминутно
 Крикъ и брань тамъ встаютъ,
 Что друзья въ бесѣдѣ смутной
 Не толкуютъ, а ревутъ...
 Говорять, что вонъ оттуда
 Всѣхъ святыхъ ужъ унесли... 3)
 Что свершилось будто чудо,—
 Разомъ мыши убѣгли...

*) Или: «на властей» — написано рукою графини.

8.

Вотъ ихъ вождь и предсѣдатель,
 Вотъ святоша Хомяковъ,
 Ихъ пѣвецъ, пророкъ, вѣщатель:
 Вѣчно спорить онъ готовъ
 Обо всемъ и безъ причины,
 И, чтобъ умъ свой показать,
 Онъ съумѣетъ заедно
 Про и contra *) поддержать.

9.

Русской старины блюститель,
 То онъ ворогъ англичанъ,
 То пристрастный ихъ хвалитель,
 Онъ за нихъ рѣчистъ и рьянъ...
 То, въ корняхъ индійскихъ роаясь,
 Въ брамахъ дѣдовъ ищетъ намъ,
 Непричесанный и моаясь
 Рѣдко, съ горемъ пополамъ!..

10.

Православья стражъ въ народѣ,
 Брѣпко держитъ онъ посты,
 Много пишетъ о свободѣ,
 Возстаетъ на суеты.
 Онъ о „мерзостяхъ Россіи“
 Протрубилъ во всѣ рога...
 Говорать, рука витіи **)
 Для крестьянъ его строга?!!

11.

Кошелевъ—бесѣды русской
 Корифей и коноводъ,—
 Революціи французской
 Въ нѣдрахъ Руси скороходъ;
 Славенъ мыслями чужими,
 И чужимъ добромъ богатъ,
 Межъ Сендами своими
 Доморощенный Марать.

*) Оба подчеркнутыя слова вписаны рукою Ростопчиной.

**) Подчеркнутое слово вписано рукою графини.

12.

Долго онъ, отличья ради,
 Театральный армячокъ
 Надѣвалъ, но, шедшій сзади,
 Молвилъ русскій мужичокъ:
 „Эва, нѣмецъ!“ — Отъ такого
 Онъ сужденья покраснѣлъ,
 Басурманскаго поргного
 Богомерзкій фракъ надѣлъ!.. 4).

13.

Движимъ чувствомъ новомоднымъ,
 Духомъ времени объять,
 Въ безкорыстїи благородномъ
 Волю дать рабамъ онъ радъ:
 Съ каждой дѣвки непригожей
 Пятьдесятъ рублей беретъ,
 Но съ хорошенькой... дороже,
 Ровно вдвое онъ деретъ.

14.

Съ нимъ сотрудникъ по журналу,
 Въ мїрѣ слова анонимъ, —
 Хоть скрѣпилъ статей не мало
 Темнымъ именемъ своимъ,
 Хочетъ быть авторитетомъ...
 Но лишь попросту смѣшонъ,
 Заявивъ предъ цѣлымъ свѣтомъ,
 Что „. — въ ... тїѣ“ онъ!

15.

Близнецовъ сердитыхъ свора
 Безъ намордника — скорѣй
 Прочь отъ нихъ!.. Минуемъ ссоры,
 Убѣжимъ отъ ихъ когтей!..
 Къ нимъ опасно приближаться, —
 Изгрызутъ какъ разъ въ клочки!
 Назначенье ихъ — кусаться,
 Ихъ оружіе — клыки... 5).

16.

Съ устъ ихъ льются желчь и пѣна,
 Желчь въ ихъ мысляхъ, въ ихъ рѣчахъ,
 Лѣзутъ въ бѣшенствѣ на стѣны,
 Вѣчно всюду на дыбахъ... 6).

Безпощадно нападаютъ
 На вселенную, на вѣкъ;
 Все, что есть, уничтожаютъ —
 Такъ имъ дорогъ человѣкъ!

17.

Въ грязной мурмолкѣ, въ кафтанахъ
 Щеголяютъ на показъ:
 „Мы-ста вольны!.. о тиранахъ
 Слышать не хотятъ у насъ!“...
 Градъ Пегровъ ихъ судъ караетъ,
 Всѣхъ бы тамъ душить и жечь!..
 Кто Аксаковыхъ не знаетъ,
 Кто „Молвой“ не топить печь?..

18.

Старшій подстрекнулъ недавно
 Противъ публики народъ, —
 И внушилъ ему исправно 7),
 Что пора долой господъ. —
 А меньшей воспѣлъ Бродягу,
 Ко святымъ его причель, —
 Пусть даетъ — молъ — всякій тягу,
 Воцарится произволь! —

13 bis.

Прежній бардъ, теперь сатирикъ,
 Врагъ Петрополя, Невы,
 Вѣрноподданѣйшій лирикъ
 Отъ Симбирска до Москвы,
 Древній славы соименникъ 8),
 Тутъ и Дмитріевъ второй...
 Дяди не догналъ племянникъ
 Ни стихомъ, ни головой.

19.

Чья возвышенная дума,
 Чье склоненное чело
 Отличаются угрюмо
 Отъ другихъ?.. Какъ занесю
 Въ кругъ смѣшной и дикой дури
 Европейскій свѣтлый умъ?..
 Какъ попалъ бояринъ Юрій *)
 Въ этотъ міръ и въ этотъ шумъ?..

*) Юр. Федоровичъ Самаринъ.

20.

Равный съ нимъ по просвѣщенью,
 Но съ холодной головой,
 Поддался идѣй стремленью
 Князь Черкасскій молодой;
 Это въ немъ неуясненный
 Къ пользѣ, къ истинѣ порывъ
 И души неутомленной
 Вѣчно шепчущій призывъ!..

21.

Берегитесь!... Сторонитесь!...
 Съ длинной рѣчью не впадедъ,
 Вотъ хромой!... *). Какъ не вертитесь, —
 Не отступите назадъ:
 Онъ задѣнетъ васъ клювою;
 Съ хламомъ, съ пылью древнихъ дней.
 Сбудетъ васъ цѣной большою
 Въ библиотеку царей?...

22.

Вмѣсто образа межъ ними
 Чей-то въ почести портретъ... 9).
 Онъ любимъ за что-то ими,
 И хваламъ ихъ мѣры нѣтъ...
 Пустозвонять, пустословять, —
 Но не сбыться ихъ мечтамъ:
 Трона вамъ не приготовить **)...

23.

Двухъ мпровъ на перепутьи
 Есть особенный отдѣлъ,
 Разнородные лоскутья
 Разнокачественныхъ тѣлъ:
 Междоумкамъ, — не попавшимъ
 Въ рядъ властительныхъ кружковъ,
 Иль за что отъ нихъ отпавшимъ 10),
 Теплый уголь тутъ готовъ.

*) Михаилъ Петровичъ Погодинъ.

**) Эта строка зачеркнута, а слѣдующая только начата: „Нашъ и не 10“
 писана.

24.

Нерѣшительно качаясь
 Въ фонарѣ, подѣ потолокомъ,
 Безпокойно озираясь
 Любознательно кругомъ,
 Слухъ и зрѣнье ищящетъ
 Полиціймейстеръ-либераль... *).
 Прочихъ много вопрошаетъ,
 Самъ себя не досказалъ.

25.

Здѣсь и воинъ съ „новымъ словомъ“,
 По словамъ его друзей; —
 Онъ Колумбъ нашъ въ мѣрѣ новомъ
 Злыхъ и добрыхъ торгашей;
 Долго былъ москвичъ душою,
 Съ Москвитяниномъ скрѣпленъ...
 Но житейскою волною
 Въ Современникъ занесенъ!..

26.

Камеръ-юнкеръ и словесникъ,
 Двухъ столѣтій гражданинъ, —
 Раздвоилъ себя чудесникъ,
 Хотя во мнѣняхъ все единъ;
 Утромъ — съ Шварцомъ, съ Новиковымъ
 Водить дружескій хлѣбъ-соль;
 Въ полночь въ клубѣ бойкимъ словомъ
 Въ спорахъ дня играетъ роль **).

27.

Петербургъ его взлелѣялъ,
 Но Москва ему мила,
 Черезчуръ — вишь — тамъ посылалъ
 Сатана грѣховъ и зла!
 Блескъ двора на театральный
 Мѣръ онъ спѣшно промѣнялъ,
 И, витѣйствуя въ „оральной“,
 На Толстого чападалъ..

*) Петръ Карловичъ Щебальскій.

***) Михаилъ Николаевичъ Лонгиновъ.

28.

Вѣднѣй графъ Нижегородскій
 Всѣхъ насмѣшекъ цѣлю сталъ,
 Все за то, что по-господски
 Баръ отъ плебы *) защищалъ...
 Каждый день на Голиаѳа
 Сто Давидовъ встаютъ...
 И съ ума отъ споровъ графа
 Окончательно сведуть... **)

29.

Кумъ каведры, другъ ученыхъ,
 Другъ притомъ и свѣтскихъ дамъ,
 Братъ народовъ просвѣщенныхъ
 По бородкѣ и усамъ;
 Вотъ съ душою либеральной
 Европейскій театраль,
 Кто по части музыкальной
 Миръ съ успѣхомъ объѣзжалъ ***).

30.

Кто не грѣшенъ и не молодъ?...
 И Кублицкій вопіялъ
 На застой, на рабство, холодъ,
 И Прудона уважалъ.
 Но лишь только повторилось
 Эхо вольности у насъ,—
 Сердце барское забилося...
 Дефицитъ онъ счелъ какъ разъ.

31.

Въ красной шапкѣ, съ мыслью красной,
 Красный сердцемъ и душой,
 Совращень талантъ прекрасный,
 Шедшій свѣтлою стезей...
 Съ духомъ бурь за панибрата 11),
 Страшнымъ знаменемъ прельщенъ,
 Онъ теперь... Но безъ возврата,
 Навсегда-ль потерянъ онъ? ****)

*) Вписано рукой графини.

**) Графъ Ник. Степ. Толстой.

***) Миханъ Кублицкій.

****) Графъ Левъ Николаевичъ Толстой.

32.

Онъ, кого мы съ „Дѣтства“ знаемъ,
 Кто какъ нашъ у насъ любимъ,
 Отступилъ—обуреваемъ
 Духомъ, мнѣніемъ чужимъ...
 И его кружки плѣнили,—
 Онъ—подъ фирмой „желчно-злой“... 12)
 Теплоту ужъ въ немъ убили,
 Съ самобытностью былой!..

33.

Вотъ создатель мизогина,
 Метроманіи пѣвецъ,
 Вотъ поэтъ бровей и сплина,
 Сафы греческой отецъ...
 Онъ затѣялливой программой
 Въ райты *) пестрые сзывалъ 13);
 Имъ воспѣты дѣвы, дамы,
 Имъ и Долинъ славенъ сталъ **).

34.

Братъей пишушей гонимый
 За Обозы, за стихи,—
 Наконецъ сказалъ онъ: „мимо,
 Прочь вы, юности грѣхи!“
 Нынѣ онъ Воспоминанья
 Пишетъ, скачетъ на обѣдъ ***)
 Въ мирѣ съ Вѣстникомъ.—но бранью
 Удостоенъ отъ Бесѣдъ!... 14).

35.

Рядомъ съ нимъ чудакъ премилый,
 Рѣзвый крошка въ сѣдинахъ,
 Отъ пеленокъ до могилы
 Вѣчно сущій впопыхахъ:
 Встарь онъ съ коннымъ Лафайетомъ
 Рукожатыя обмѣнялъ...
 Послѣ споры съ цѣлымъ свѣтомъ
 Обо всемъ предпринималъ ****) 15).

*) Вписано рукой автора.

**) Самъ дядя Николай Вас. Сушковъ.

***) Обѣдъ 28 декабря 1857 года.

****) Сергій Дмитріевичъ Полторацкій.

36.

Библиографомъ прослывши,
 Онъ иголки дѣлать сталъ,
 И съ лѣтами не остывша,
 Суетится продолжалъ;
 О писательницахъ-дамахъ
 Длинный списокъ набравъ имъ,
 Въ древнихъ одахъ, эпиграммахъ
 Рылся онъ, неутонимъ...

37.

Какъ Чадаевъ нашъ покойный,
 Съ сими, съ оными онъ другъ;
 Парти бранью непристойной
 Не смущаетъ свой досугъ;
 У своихъ, у чужестранцевъ,—
 Словомъ—нашъ библиофилъ
 И „Madame Ehttempéranzeff“
 Онъ словесникамъ открылъ *).

38.

Неизвѣстный сочинитель
 Всѣмъ извѣстныхъ эпиграммъ,
 Лжи и вычуровъ гонитель,
 Врагъ всѣмъ дурамъ, всѣмъ глупцамъ,
 Преспкойно негодуеть
 Нашъ неизданный **) поэтъ,
 Острой шуткой свѣтъ бичуетъ,—
 И его боятся свѣтъ! ***)

39.

Не найдешь его въ печати,
 Нанзустъ извѣстенъ всѣмъ,
 И для пишущей онъ братья
 Судъ и критикъ между тѣмъ 16).
 Не пропуститъ онъ ошибки,
 Недомолвки не проститъ;
 Видъ одной его улыбки—
 Ихъ пугаетъ и казнитъ.

*) Которая впоследствии оказалась не музою, а поэтомъ.

**) Вписано рукою автора.

***) Сергій Алекс. Соболевскій.

40.

Онъ въ Венеци, въ Парижѣ,
 Въ Вѣнѣ, въ Лондонѣ бывалъ,
 И, чтобъ край узнать поближе,
 Всюду женщинъ изучалъ...
 Ужъ Мадридъ съ графиней Таба
 На словахъ вѣнчалъ его...
 Но къ бульдогамъ дало небо
 Страсть ему, взаимнъ всего!

41.

Вотъ уста, что намъ точили
 Медъ съ елеемъ пополамъ,
 Вотъ тѣ руцы, что кадили
 Безразборно всѣмъ властямъ...
 Вотъ профессоръ сладкогласный,
 Что такъ горько былъ гонимъ
 Молодежь, столь пристрастной
 Къ людямъ, къ мнѣнїямъ инымъ *)

42.

Очистительною жертвой
 Духу вѣка принесенъ,—
 Видитъ онъ: теперь ужъ мертво
 Все, что чтить, что славилъ онъ ..
 И враги ему студенты, —
 И за то онъ имъ постылъ,
 Что любилъ кресты и ленты,
 Что метафоры любилъ!..

43.

Вотъ еще гонимый ими,
 Тожь профессоръ отставной,
 Межь собратьями своими
 Заклейменный стариной:
 Знать онъ зоркими глазами
 Слишкомъ ясно видѣлъ вдалъ,
 Возставалъ передъ властями
 На Прудонову мораль?... **)

*) Степанъ Петровичъ Шевыревъ.

**) Иванъ Михайловичъ Снегиревъ.

44.

Православный,—онъ въ разводѣ
 Съ Пастыремъ,—Богъ вѣсть за что!...
 Патриотъ—съ властями въ ссорѣ,
 Даже мѣсто отнято...
 Самъ ученый—межъ ученыхъ
 Ненавистенъ, нетерпимъ?...
 Кто потерялъ весь миръ подъ нимъ? ..

45.

Вотъ незлобная овечка,—
 Сушій въ хартіяхъ монахъ,
 Не терявшій и словечка
 О житейскихъ пустякахъ;
 Онъ съ Кириллицей вѣнчался.
 Онъ Глаголицѣ сродни,—
 И всегда забыть старался
 Жизни мышьи бѣготни *) 17).

46.

Жизнью лагерной спасенный
 Отъ двухъ лагерей писакъ,—
 Севастополемъ крещеный
 Живописецъ и морякъ,—
 Вотъ тотъ Бергъ, что драгомановъ
 Три десятка замѣнилъ,
 Европейцевъ, мусульмановъ
 Пѣсни намъ переводилъ.

47.

Много лѣтъ онъ смирно въ банкѣ **)
 За отчетами сидѣлъ,—
 О смуглянкѣ-молдаванкѣ
 Бредитъ даже вслухъ не смѣлъ...
 Но, попавши въ край къ кукунамъ,
 Въ чудно-грязный Кишиневъ,—
 Магометовымъ законамъ
 Подчиниться былъ готовъ 18).

*) Осипъ Максимовичъ Бодянский.

**) Купеческомъ, гдѣ онъ служилъ.

48.

Вотъ Кассандра новой Трой, —
 Вотъ Сафо-Ростопчина... 19)
 Избавителя-героя
 Ищетъ родинѣ она,
 Безпощадно уличаетъ
 Демагоговъ всѣхъ мастей...
 Тщетно гнѣвъ ея пылаеть:
 Гдѣ-жъ со всѣми сладить ей?

49.

Полюбуйтесь гусаромъ,
 Что на лѣстницѣ стоитъ!...
 Помѣщенъ онъ здѣсь не даромъ
 Межъ ученыхъ и пинтъ *):
 Онъ кутить, бѣсился въ волю.
 Но за грѣхъ свой пострадалъ, —
 Вынесъ крестъ тягчайшей доли —
 Москвитянинъ издавалъ... **)

50.

А тебя куда причислить,
 Мамзель Янишъ, вдовый мужъ,
 Славный за способность мыслить
 И разсчитывать къ тому-жъ?...
 Противъ ливіи Бурбонской
 Ты жестоко возставалъ,
 Самъ же въ Лиліи Нарбонской
 Чертомъ синенькимъ ***) плясалъ!... ****) 20)

51.

Строгий критикъ съ высшимъ взглядомъ,
 Всесторонній либералъ,
 Ты съ домашней музой рядомъ
 Сонмъ ученыхъ угощаль;
 Дидероты и Декарты,
 При Грановскомъ Шевыревъ, —
 Философія и карты, —
 Всѣмъ ты радъ, на все готовъ.

*) Вписано рукою автора.

**) Сергій Павловичъ Колошинъ.

***) Вписано рукою автора.

*****) Балетъ, въ которомъ дебютировалъ въ московской труппѣ Николай Филипповичъ Павловъ.

52.

Ты на взятки негодуешь,
 На неправды возстаешь,
 На банкетахъ первенствуешь
 И ораторомъ слывешь...
 У противника въ зеницѣ
 Ты соломенку узришь, —
 О своей же половицѣ
 Ничего не говоришь!...

53.

Безъимянными стихами
 Наводнишь не разъ Москву,
 Ты поссорился съ властями
 Не во снѣ ужъ—на яву...
 Но теперь зарей лучистой
 Вновь звѣзда твоя встаетъ, —
 Рѣчью бойкой, голосистой
 Ты обрадовалъ народъ!...

54.

Вкругъ оратора-поэта
 Взбунтовались мужики...
 Ты просилъ властей клеветы:
 „Крѣпче ихъ, большій сѣки!...“
 Ты жандармскую природу
 Злобной местию удивилъ,
 Братство, равенство, свободу
 На спинѣ рабовъ явилъ!...

55.

Миръ прошедъ славянолюбии,
 Въ нижній спустимся этажъ!...
 Здѣсь, что птицы въ поднебесьи,
 Въ разныхъ видахъ дурь и блажь
 Разыгрались!... Герценистовъ,
 Соціалистовъ — миллионъ, —
 Двѣ-три школы прудонистовъ,
 Словомъ—имя имъ: „легионъ!“... *) 21).

*) Смотри отвѣтъ Орсини передъ судомъ.

56.

У дверей за Херувима,
 Необытный князь стоитъ, —
 Съ добротой неумолимой
 „Прочь!“—профанамъ говорить.
 Онъ не молніей змѣистой
 Опоясанъ, не съ мечомъ,
 Машетъ кистью романиста,
 Драматическимъ перомъ *) 22).

57.

Что творить, о чемъ тоскуеть
 Важный умниковъ кружокъ,
 Князя духъ то не волнуеть, —
 Не посмотреть онъ въ замокъ ..
 Взоръ, мечты и духъ поэта
 Не туда устремлены:
 Тѣмъ Орени и Корнета
 Передъ нимъ рисуютъ сны.

58.

Въ мнимой хранилѣ науки
 Странный высится алтарь...
 Пишетъ сонмъ жрецовъ сторукой
 Новый Богу въ честь словарь, —
 Гдѣ, германцамъ въ угожденье,
 Смыслу здравому на зло,
 Всѣ слова, всѣ выраженья
 Тучей тайны облекло... 23).

59.

Вмѣстѣ съ русской рѣчью дѣдовъ
 Кстатѣ Русь ломать хотять...
 На подобіе сосѣдовъ
 Землю русскую кроять...
 Ломъ и молотъ... ядъ и слово, —
 Все оружіемъ у нихъ, —
 Нашу ветошь на обнови
 Алчно рветъ собранье ихъ!...

60.

Первожрецъ и предводитель
 Далеко... Но духъ его
 Присно съ ними! Вдохновитель
 Онъ и всѣхъ ихъ и всего...

*) Князь Григорій Вас. Кугушевъ.

Взоръ и руки простирая
 За моря, въ его чертогъ, —
 Вопиеть научныхъ стая:
 „Герценъ нашъ!... Искандеръ — богъ!...“

61.

Шутъ не шутъ, а въ этомъ родѣ, —
 Громче всѣхъ кричитъ старикъ...
 (О хохлацкой въ немъ породѣ
 Намъ донесъ его языкъ!).
 Сыплетъ фразы заказныя,
 Приправляетъ ихъ слезой,
 Часто промахи смѣшныя
 Отпускаетъ съ чепухой *).

62.

Долго онъ талантомъ рѣдкимъ,
 Наблюдательнымъ умомъ,
 Бойкой шуткой, словомъ мѣткимъ
 На Руси былъ всѣмъ знакомъ,
 Былъ въ чести; — но вдругъ природу
 Извратить онъ нужнымъ счелъ,
 Проповѣдывать свободу
 И гуманность онъ пошелъ.

63.

Онъ на сценѣ ужъ не комикъ,
 Не артистъ и не актеръ:
 Пестрый сборникъ, толстый томикъ,
 Въ комъ чужой скопился вздоръ!...
 Подражая демократамъ,
 На властей, на баръ гремитъ...
 Ставъ Тирситомъ, не Сократомъ.
 Бѣдный старецъ насъ смѣшитъ!...

64.

Здѣсь не встрѣтите вы бородъ,
 Рѣчи грубой и смѣшной;
 Здѣсь не выкопанный городъ
 Изъ-подъ грязи вѣковой!...
 Здѣсь причесаны всѣ гладко,...
 Руки моютъ, носятъ фракъ;
 Здѣсь не душно вамъ, не гадко!...
 Безопаснѣе-ль?... Никакъ!!!

*) М. С. Щепкинъ, — артистъ, пошедшій въ преобразователи.

65.

Здѣсь всё рѣчи чинны, строги,
 Реформаторскій языкъ!
 (Ухищренія премноги,
 Чтобъ ихъ слушать свѣтъ привыкъ!...)
 Здѣсь подъ тонкой оболочкой,
 Въ маскѣ—мысль двуострый мечъ...
 Мѣрно, плавно и съ отсрочкой
 Норовятъ подкопъ поджечь! ..

66.

Ханжества и бѣснованій
 Не видать здѣсь, не слышать...
 И двусмысленной ихъ брани
 Отъ хвалы не распознать!...
 Другъ на друга всё похожи:
 Сто именъ,—а типъ одинъ,
 Цѣль одна... стремленье то же...
 Общій кличъ ихъ—„гражданниъ!“

67.

Здѣсь Чичеринъ—ихъ надежда,
 Пьеръ Леру и Сенъ-Симонъ;
 Современною одеждой
 Римскій Гракъ нашъ облеченъ!... 24).
 Ученикъ ихъ и учитель,
 Ихъ сильнѣйшее перо,
 Мужикамъ сей уравнитель
 Наше раздастъ добро!..

68.

Здѣсь Катковъ—кружка бесѣды
 Нареченный супостать....
 (Вѣстникъ врагъ ей... до обѣда,—
 А потомъ... ей станетъ братъ!...).
 Не ищите убѣжденья
 У редакторовъ иныхъ:
 Ихъ пружина—вверхъ стремленья
 И потребность благъ земныхъ!..

69.

Гдѣ-жъ вожди ихъ и свѣтила?..
 Гдѣ рука?.. гдѣ голова?
 Гдѣ талантъ?.. гдѣ жизнь?.. гдѣ сила?
 И на славу гдѣ права?..

Ахъ!... напрасно вы спросили!..
 Грустный будетъ вамъ отвѣтъ...
 Скажутъ вамъ со вздохомъ: „были!
 „Были.... а теперь ихъ (уже) нѣтъ!“...

70.

Въ заключеніе представляемъ
 Вамъ комиссію врачей,
 За которой пробѣгаемъ
 Мы пріютъ забавный сей.
 Вотъ—прибывшій изъ столицы
 Славный нѣкогда поэтъ,—
 Пѣсню, былью, небыллицей
 Онъ бывало тѣшилъ свѣтъ...

71.

Все, что русской мощи любо:
 И зима, и самоваръ,
 Праздной масленицы шуба,
 Молодеческій разгаръ,
 Русский Богъ и путь нашъ санный *),
 Все воспѣто было имъ,
 Остроумный и нечванный.
 Онъ радушно былъ любимъ **)....

72.

И добра творилъ онъ много,
 Бѣдной братъ помогаль ..
 Дарованью онъ дорогу
 Часто, часто открывалъ..
 Но подъ старость жизни честной
 Мѣсто важное занявъ,
 Клеветой гонимъ всемѣстно,
 Новый вѣкъ къ нему не правъ.

73.

Съ княземъ важнымъ, для сравненья,
 Вотъ и рѣзвенькій князекъ,—
 Всесторонній другъ ученья,
 Знаній въ немъ кипить потокъ:

*) Вписано рукою автора.

**) Князь Петръ Андреевичъ Вяземскій.

Музыкантъ и математикъ,
Химикъ, дядя Ириней,
Органистъ, поэтъ, лунатикъ,
Членъ пріютовъ, другъ дѣтей *)...

74.

Самъ, какъ Гёте, онъ бездѣтень,
И лишь книгъ своихъ отецъ!...
При дворѣ за то замѣтень,
Ключъ двора и ключъ сердець
Онъ имѣеть... Охраняетъ
Библіотеку, музей,
А за нравъ свой сохраняетъ
Всюду пламенныхъ друзей.

75.

Съ ними тощій, поспѣлѣй,
Жизнью сломанный поэтъ,
Въ комъ душа убила тѣло,
И горитъ духовный свѣтъ....
На лицѣ умно-прекрасномъ,
На измученныхъ чертахъ
Есть разсказъ о горѣ страстномъ,
О мучительныхъ борьбахъ **)...

76.

Потому всегда готово
Для страданій, слезъ чужихъ,
У него участія слово,
Дань святая чувствъ святыхъ...
Кроткій духомъ, мягкій нравомъ,
Какъ то дипломатъ-пѣвецъ
Сладить съ цензорскимъ уставомъ.
Отъ волковъ спасетъ овецъ?...

77.

Съ алопатами пріѣхалъ
Гидропатъ—врачъ молодой;
Знаетъ Русь онъ,—миръ объѣхалъ,
Лѣчитъ онъ живой водой,

*) Князь Владиміръ Ѳеодоровичъ Одоевскій.

**) Ѳеодоръ Ивановичъ Тютчевъ.

Для больных найдеть, конечно,
 Онъ дѣлительный родникъ,
 Сжѣло, здраво и сердечно
 Врачъ нашъ дѣйствовать привыкъ *).

78.

Комитетъ, прошедъ съ вниманьемъ
 Умственныхъ недуговъ домъ,
 Безпристрастнымъ совѣщаньемъ
 Тайно занялся потомъ;
 Что рѣшить онъ—неизвѣстно!
 Но готовить,—говорять.
 Душы, ванны—правдой честной
 Всѣхъ больныхъ омыть хотять 25).

Графиня Е. П. Ростопчина **.

Кончено въ Вороновѣ,
 17-го мая.

*) Графъ А. С. Уваровъ.

**) Написаны эти послѣднія строки рукою автора, который самъ просматривалъ весь списокъ этой сатиры.

ПРИМѢЧАНІЯ Н. В. СУШКОВА

И

ОБЪЯСНЕНІЯ ГРАФИНИ Е. П. РОСТОПЧИНОЙ.

- 1) „Чтобы носы другъ другу схваткой (въ схваткѣ?) не отгрызли“.
С.
- Это намекъ на бой Шевырева и графа Бобринскаго. Р.
- 2) „...духъ все прокоптитъ“. Духъ не дымъ, онъ не коптитъ. Скорѣе—
..поглотилъ“... С.
- А развѣ забыли у Воейкова: „передъ нимъ духъ русскій въ банкѣ не откупоренъ стоять?“ Р.
- 3) „Всѣхъ святыхъ ужъ унесли“. Пословица нельзя такъ ломать. „Хоть святыхъ вонь унеси“—говорится при разсказѣ о вознѣ, крикѣ, драгѣ, т. е. что все такъ шумно, нестово—хоть святыхъ (образа) унеси изъ дома.
С.
- Если святыхъ вонь уносятъ передъ шумомъ, то тамъ, гдѣ шумъ вѣчно, непременно должно было вынести святыхъ, если хотять ихъ спасти. Р.
- 4) Не на мѣстѣ (вся строфа). Она идетъ подъ 17-ю. Константинъ Аксакъ самъ въ шутку разсказываетъ какъ было дѣло. С.
- Повторилось тоже и съ Кошелевымъ, какъ говорятъ. Впрочемъ, можно сказать и объ этомъ, что было съ Кирѣевскимъ и другимъ Павловымъ.
Р.
- 5) Вся (строфа) груба и дерзка: и свора, и намордники, и даже клыки! — Не прилично, не остро, не смѣшно. С.
- Я не виновата, что они именно кусаются въ самыхъ простыхъ разговорахъ; на это есть у меня данныя; они задираютъ всѣхъ сами. Р.
- 6) „Вѣчно всюду на дыбкахъ“ — нѣтъ смысла. Говорится: всталъ на дыбы (а не дыбки), волосъ дыбомъ — и только. Поговорки не должно переначивать.
С.
- Ошибка переписчика; надо: „на дыбахъ какъ рьяные коня“. Р.
- 7) „Внушить исправно“—лишній, не кстатѣ; слово поставлено для рѣимы.
С.
- И у Державина найдется слово для рѣимы, нельзя же безъ этого обойтись иногда. Р.
- 8) Соименникъ. Опять для рѣимы, вмѣсто соименный; тезка — тезоименный! С.
- „Соименница Авроры,—о, царица красоты“—извѣстно во всей Россіи, и никогда не упрекаютъ. Развѣ вы забыли про Philippe Egalité? Сами же совѣтовали вычеркнуть. Р.
- 9) О комъ рѣчь? Чей портретъ? или образъ? Чѣмъ кончается эта строфа?
С.
- (Ростопчина не написала отвѣта на эти вопросы).
- 10) „За что“, вмѣсто за что-то. Лучше бы поставить: „иль за что-то поотставшимъ“.
С.
- Вы придираетесь, дядя. Однако, будь по вашему, исправлю. Р.

11) „Съ духомъ бурь за панібрата“ — бессмыслица. Съ демократомъ, социалистомъ, съ коммунистомъ, съ идеаломомъ, съ кѣмъ хотите, только не съ духомъ. С.

— Согласна и благодарю. Р.

12) Что за нелѣпица: „онъ подь фирмой желчно-злой!“ Что такое фирмы желчно-злая? С.

— Подь фирмой Соаременика. . Впрочемъ, вижу, что темно; попрыгивай. Р.

13) Рауть—невозможно сократить въ одинъ слогъ. Поставь лучше: всѣхъ на рауты сывалъ. С.

— Извините! Настоящее слово англійское, односложное. Вы не скажете: г. Раухъ, городъ Ораніенбаумъ, а скажете: рау, бау—кратко. Р.

14) Ни отъ „Русскаго Вѣстника“ похвалъ, ни отъ „Русской Бесѣды“ брани я еще не слыхалъ. Въ „Атенеѣ“ была благосклонная статья Лонгинова о „Воспоминаніяхъ“, а въ „Библиографическихъ Запискахъ“ ругательнымъ какъ и въ „Современникѣ“. С.

— Значить, въ кругу тѣхъ и другихъ васъ хвалятъ или бранятъ. Р.

15) „Вѣчно сущій“ не въ тонѣ строфы. Лучше „въ хлопотахъ и суетахъ“. „Конный Лафайетъ“—ужасная натяжка! Кто пойметъ, что это значить Лафайетъ верхомъ? Да Полторацкій говорить, что ни конный, ни пѣшій—никогда тотъ ему руки не жаль. С.

— Анекдотъ про рукожатіе Полторацкаго съ Лафайетомъ существуетъ уже почти 30 лѣтъ; сочиненъ не мною и знакомъ всѣмъ друзьямъ; нѣмало не переувѣрите, что этого не было, и всякій скажетъ: se non è vera... Р.

16) Судъ и критикъ. Критикъ—сколько тебѣ угодно и судья также, но не судъ и не критика. С.

— Правда, благодарю. Р.

17) „Жизни мыши бѣготни“—ужь это самъ Вельзевулъ не пойметъ. С.

— Помилуйте! А у Пушкина-то? Вѣдь это его любимая поговорка, обезсмертенная! Р.

18) Если-бы Бергъ могъ перейти въ магометанство, то все же не ради куконъ, которыя не послѣдовательницы Магомета, а христіанки. С.

Кишиневъ не грязный городъ, а песчаный.

— То есть въ магометанскія убѣжденія, къ магометанству. Р.

— Говорятъ, теперь такъ грязень, что ужасно!

19) Кассандра—быть такъ; ты все предсказываешь недоброе и можешь назваться Кассандрой. Но величать себя Сафой—нескромно. С.

— Правда, благодарю. Р.

20) Вся (строфа) тяжела. Мамзель вмѣсто мамзель. И такихъ неправильныхъ удареній много. Напр., въ строфѣ 44: „съ пастырѣмъ“, вмѣсто: съ пастыремъ. С.

— Удареніе не на первомъ, а на третьемъ слогѣ. Р.

21) Легіонъ не сокращается въ легьонъ. С.

— Дѣло. Р.

22) Что такое „неумолимая доброта?“ доброта, мажущая перомъ и кистью: доброта, отгоняющая профановъ прочь? С.

— Не доброта машетъ перомъ, а князь. Если бы вы знали личность автора и его отношенія къ „Вѣстнику“, вы бы поняли мою мысль! Онь же

принадлежить къ кружку по убѣжденіямъ, но бываетъ въ сношеніи съ нимъ; оттого-то и поставленъ только у дверей; а на херувима похожъ онъ по наружности своей. Р.

23) Словарь—германцамъ въ угожденіе, здравому смыслу на зло и Богу въ честь!... Ужъ хоть бы Бога то не вводила ты въ подобное произведеніе. С.

— Да какъ же вы не поняли, что словарь превратнаго и безтолковаго языка пишется въ честь ихъ богу — Герцену, коего искандеризмъ прославленъ давно статьей Шевырева. Р.

24) Не мѣсто Гракхамъ между ле-Ру и сень-Симономъ. С.
(На это возраженіе Ростопчина не дала отвѣта).

25) „Правдой омыть“! Словомъ мудрымъ образумить—дѣло возможное; а правдой омыть, какъ водой?!.. Но будетъ съ тебя. С.
— Именно правдою омываютъ людей, погрязшихъ во лжи. Р.

II.

Н. В. Сушковъ — гр. Е. П. Ростопчиной ¹⁾.

(1858 г., іюнь).

Твои выписки изъ французскихъ книгъ напомнили мнѣ мое давнее чтеніе. Все это я читалъ въ молодости. Правда, многое изъ этого можно теперь примѣнить къ намъ. Да, я фаталистъ и рѣшительно ничѣмъ не смущаюсь; что будетъ, то будетъ. На все есть часъ воли Божией. Мы съ тобой не остановимъ теченія обстоятельствъ, стремленія страстей, направленія умовъ. Ошибки, заблужденія коноводовъ всегда и всегда повергали толпу въ тревожное судорожное состояніе... Это— «болѣзнь вѣка» ²⁾.

Провидѣніе никогда не стѣсняетъ свободной воли (*libre arbitre*) человѣка и народовъ. Тутъ Божія воля—страдательная—пускаетъ людямъ безумствовать и злодѣйствовать до времени. Переполнится чаша мерзостей — и воля Создателя непреложная направляетъ всѣ событія во вселенной, въ мірѣ духовъ и въ мірѣ естественной природы къ своимъ премудрымъ цѣлямъ—и наша дурь, и наше зло обращается однимъ въ урокъ, другимъ—въ кару, третьимъ—въ испытаніе, въ очищеніе, вообще же въ благо человѣчества, которое неисповѣдими судьбами Божиими нѣкогда достигнетъ полнаго совершенства и

¹⁾ № рук. 1366.

²⁾ Одно изъ лучшихъ стихотвореній граф. Ростопчиной (прим. Сушкова).

будеть истинно по образу и по подобію Божію. Но до этого еще далеко. Посидимъ покуда въ твоёмъ «Домѣ Сумасшедшихъ». Много въ твоёмъ произведеніи прекрасныхъ стиховъ, цѣлыхъ строфъ удачныхъ: но встрѣчаются невыносимыя натяжки. А въ подобныхъ сатирахъ, шуткахъ все—отъ отъ слова до слова—должно быть легко, какъ шутка, все должно быть остро, а не обидно, замысловато, а не ругательно,— иначе сатира обращается въ пасквиль. Истинный литераторъ, особенно литераторъ-женщина и еще мать семейства твоихъ дѣтъ, твоего имени, твоей извѣстности, твоего таланта, ни въ какомъ случаѣ не долженъ унижаться до брани и до площаднаго.

Въ концѣ моего откровеннаго къ тебѣ посланія приведу нѣсколько неприличныхъ и неправильныхъ выраженій. Теперь обращаю твое вниманіе на ошибочность плана, неполноту и невѣрность при смѣшеніи двухъ цѣлей—однихъ осмѣять, другихъ—расхвалить.

1) Къ тремъ отдѣленіямъ: славянофиловъ, западниковъ и средних или междуумковъ, какъ ты ихъ называешь, надобно пристроить особое помѣщеніе для женщинъ-писательницъ и посадить въ него съ собою: Глинку, Павлову, С...съ, Бакунину и прочихъ. О себѣ ты не сказала ничего смѣшного. Пошуту позабавивъ надъ собою и потомъ пошуту надъ другими, но благородно, мило, женственно, сътски, аристократично ¹⁾.

2) Иные попали у тебя не въ свое мѣсто. Такъ Павловъ, Островскій и Бодянский вовсе не средніе. Дмитріевъ не славянофилъ, Кугушевъ столь же западникъ, какъ и панславистъ ²⁾.

3) Зачѣмъ ужъ такую на современность карриатуру? Нельзя обойти въ молчаніи Вельтмана, Бѣляева, Бартенева (П. И. на костыляхъ). Безсонова, Крылова, Максимовича и еще кое-кого изъ «Бесѣды». А въ

¹⁾ Отвѣты на эти возраженія гр. Ростопчиной:

Женщинъ не хочу рѣшительно трогать. Да и къ тому же взгляните на заглавіе: „Москва. 1 января. 1858 г.“. Гдѣ же женщины-писательницы на лицо: Анд. Глинка уѣхала навсегда — уже 5 лѣтъ; Павлова — уже четыре. Салъясъ—два года за границею. Зачѣмъ нарушать истину, когда я не намерена ни объ одной не высказать своего задушевнаго мнѣнія?...

²⁾ Павловъ (это я слышала давно отъ его друзей) надуваетъ и западниковъ, и славянофиловъ, ибо примыкаетъ то къ тѣмъ, то къ другимъ,—доказательство то, что онъ до сего былъ другъ Погодина и Шевырева и тогда другъ Грановскаго и проч. Да это-то и хотѣла я выставить, какъ примѣръ ловкости въ жизни. Островскій совсѣмъ не западникъ; не бываетъ тамъ не знается съ ними; онъ только сотрудникъ, преданный Современнику. Какой-же Бодянский славянофилъ, коли онъ врагъ Шевыреву, Погодину и прочимъ? Онъ чисто безъ партій. Кн. Кугушевъ писалъ въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ и бывалъ у Каткова.

Гр. Р.

числѣ сотрудниковъ «Русскаго Вѣстника», «Атеней» и «Библиографическихъ Записокъ» ты не вспомнила двоихъ Коршей, Соловьева, Леонтьева, Тихонравова, Дмитріева (сына), Аванасьева и т. д.

Еще ты забыла Писемскаго, почтеннаго отца Аксаковыхъ, Селиванова и многихъ. Разумѣется, здѣсь по роду сочиненія требуется о всѣхъ и о каждомъ легкій намекъ, характеристическая черта, эпиграмматическая тонкая выходка, и все это должно быть сказано такъ, чтобы всякій самъ себя узналъ, улыбнулся и похвалилъ острогу автора, а не сердился на брань и не обратился въ непримиримаго ему врага ¹⁾.

4) Всякія похвалы и величанія тутъ не кстати, не по роду, не по духу, не по цѣли сочиненія. Твоя задача посмѣяться, пошутить надъ другомъ и недругомъ, а не мадригалы подносить пріятелямъ. И такъ, сколько неприлично упрекать, напримѣръ, Павлова, что онъ не сразу попалъ на сужденное ему поприще по призванію — поприще литератора; а на Снегирева — возвести клевету, будто бы онъ наушникъ — передъ властями «возставалъ на Прудона»; столько же смѣшно читать восхваленія ни къ селу, ни къ городу Тютчеву, Вяземскому, Одоевскому, Уварову и особенно Кугушеву и Соболевскому. Кого же ты увѣришь, что Кугушевъ великій драматургъ, великій повѣствователь и мыслитель-моралистъ? А Соболевскій-Аристархъ, котораго всѣ трепещутъ? Первый можетъ быть человѣкомъ даровитымъ, нравственнымъ, образованнымъ и т. п., какъ и второй—человѣкомъ просвѣщеннымъ, остроумнымъ, колкимъ и т. д., а все же тотъ не Мольеръ, не Гоголь, не Бальзакъ, даже не Дюма; ни этотъ не сатирикъ, не юмористъ, не критикъ, не судья, не Гораций, не Вольтеръ, не Лагарпъ, не Мерзляковъ, не Сенковский. Да, наконецъ, тебѣ и не должно сознаваться письменно, что ты изучала эпиграммы Соболевскаго: какъ онъ подъ часъ ни забавны, потому что все же онъ балагурить не для женщинъ ²⁾.

¹⁾ Перечтите начало. О западникахъ сказано, что они такъ похожи, такъ гладки, такъ неудовимы, что не выдаются рѣзко и потому о нихъ упоминается какъ о легионѣ. Да и что говорить о мелюзгѣ? Писемскій никогда не жилъ въ Москвѣ.
Гр. Р.

²⁾ Извините! У Воейкова также о добрыхъ говорится добро; ни въ Вяземскомъ, ни въ прочихъ съ нимъ названныхъ вѣтъ ничего смѣшнаго, злого, да они же и выставлены не какъ пациенты, а какъ врачи. Не отъ моего лица говорится, что его подозрѣваютъ, а отъ лица его гонителей—университета. Вѣдь, за что же и Назимовъ его прогналъ, какъ не по навѣтамъ тѣхъ, кого пугала его дальновидность и смѣлость?... Вы знаете, что я всегда за него заступалась и письменно, и передъ... Оно такъ; онъ тѣмъ испортилъ

5) Почему же ты не помѣстила Кокорева? Его обѣдъ и запрещенный митингъ стоять вниманія ¹⁾).

6) Если бы ты сама не огласила, что строишь свой домъ, то лучше бы скрыть его; но теперь ужъ надо его перестроить на славу. Да не забудь указать и на недуги твоихъ врачей ²⁾).

7) А горько достанется тебѣ отъ зацѣпленныхъ тобою ³⁾).

(Далѣе слѣдовали замѣчанія на отдѣльныя фразы въ строфахъ. Эти замѣчанія приведены въ параллель съ полученными къ нимъ отвѣтами Ростопчиной, прямо подъ текстомъ «Дома сумасшедшихъ»)...

Я надѣюсь, что ты не долгу будешь сердиться на дядю-старика за правду, тебѣ высказанную. На то родство и дружба.

Мизогинъ-Далинъ Метроманъ—Сушковъ,
дядя по рожденію, племянникъ по Парнасу.

III.

Гр. Е. П. Ростопчина — Н. В. Сушкову ⁴⁾.

Вороново. 19 іюня 1858 г. Четвергъ.

Любезный дядя! Не пѣняйте и не удивляйтесь, что я не отвѣчала вамъ до сихъ поръ. Во первыхъ, письмо ваше получила я только въ прошлую пятницу; во вторыхъ, я все еще очень, очень нездорова, а

все дѣло, что, не обвиняясь, указывалъ на продѣлки другихъ. Гдѣ же у меня сравненъ Кугушевъ съ Бальзакомъ?... Бредите, дядя!.. Гдѣ же названъ онъ моралистомъ?.. Опять извините: у Соболевскаго есть сатира на Канкринъ на прочихъ, которые извѣстны всей Россіи, и остроуміе его еще при Пушкинѣ вошло въ пословицу, а судью въ литературѣ не я его признала, а весь пишущій людъ и всѣ читающіе образованные русскіе; я нашла его репутацію уже сдѣланною и утвержденною. „Самопадающій мостъ“ и „Комаръ въ музыкальномъ отношеніи“ славилсь, когда я пріѣхала въ Петербургъ, тому болѣе двадцати лѣтъ.

¹⁾ Давно ли Вас. Кокоревъ литераторъ? Гдѣ его повѣсти или стихи? Писать о дренажѣ и хозяйствѣ не есть еще записываться въ литераторы. Запрещенный обѣдъ—дѣло болѣе политическое, чѣмъ литературное, на него можно досадовать, но шутить тутъ намъ не приходится.

²⁾ (Нѣтъ возраженія).

³⁾ Горько мнѣ отъ нихъ ужъ 10 лѣтъ; пора показать, что и я могу отвѣчать эпиграммами на эпиграммы, и правдою на ложь и сплетни ихъ!.. Не я начала!.. Вы это знаете!..

Гр. Р.

⁴⁾ № рук. 1356.

такъ какъ на прошлой недѣлѣ была ужаснѣйшая погода—съ бурями, съ морозомъ etc., то и мнѣ было гораздо хуже—я почти и не вставала.

А писать вамъ надо было съ чувствомъ, съ толкомъ, съ разстановкой. Не знаю, удастся-ли и сегодня.

Для вящаго порядка отвѣчаю на ваши замѣчанія à la marge ¹⁾, и прошу возвратить мнѣ по прочтеніи. Многое пригодится мнѣ для поправокъ и, какъ дядя на Парнасѣ, вы полезный и дѣльный критикъ. Но прежде всего позвольте удивиться и отвѣтить вамъ: какъ вы возстаєте на меня за самую мысль этой шутки, когда сами, сами во всеуслышаніе подстрекали меня ее докончить?! Ни разу не прощались со мною съ новаго года, чтобы не напомнить мнѣ о Сумасшедшихъ и не просить прислать вамъ конецъ, какъ скоро онъ будетъ готовъ? Да и тѣ строфы, на которыя вы больше нападаете, были вамъ извѣстны давно (новыя—только съ отдѣленія западниковъ), и вы никогда противъ нихъ не возставали!... Ссылаюсь на тетушку, на m-lle Kitty, на Кублицкаго, на всѣхъ — развѣ вы не преслѣдовали меня упреками за лѣность и оставленіе Дома недостроеннымъ?...

Вѣдь, это шутка, не болѣе того, и я не стану ее показывать иначе, какъ самымъ вѣрнымъ людямъ. Извините меня передъ Сергѣемъ Павловичемъ Колошинимъ, если не успѣю и не смогу благодарить его нынче же за его милое, доброе, вполне симпатичное письмо; и рука, и голова еще слабы, а я должна была писать къ брату въ Парижъ. Но это письмо меня тронуло за живое, какъ умное возраженіе умнаго и благороднаго человѣка, и я желаю, чтобы Сергѣй Павловичъ зналъ, что я отъ души говорю ему спасибо, хоть покуда черезъ васъ. А вы-таки хороши! Ни слова ни о своихъ, ни о томъ, гдѣ онѣ, что, какъ?... Полноте вѣтренничать, а въ отмщенье вотъ вамъ и экспромтъ, внушенный нѣкоторыми выраженіями вашей статьи противъ меня:

„Краснѣю, дядя, я за васъ,
Что вы такъ страшно покраснѣли,
Что съ красными въ недобрый часъ
Вдругъ краснымъ сдѣлаться успѣли!..“

Въ наказанье прошу прочесть это вашимъ и расцѣловать обѣихъ за преданную вамъ всѣмъ гр. Евд. Ростопчину.

¹⁾ Т. е. на свободныхъ поляхъ вашего письма.

IV.

Н. В. Сушковъ — гр. Е. П. Ростопчиной ¹⁾.

Юля 1858 года.

Я былъ занятъ срочной работой цѣлую недѣлю и только теперь кое-что разобралъ изъ твоихъ паутиныхъ строчекъ между строчками въ защиту отъ моихъ на тебя нападковъ. Возражать не хочу. Изъ этого родится нескончаемая полемика. При свиданьи все вмѣстѣ дружески прочтемъ и столкнемся. Но на записку твою скажу тебѣ, что ты клеветашь на меня, будто я уговаривалъ тебя писать въ такомъ духѣ, какъ написалось. Объяснюсь категорически.

1) Сочинить шуточную пьесу всегда можно. Я и въ письмѣ моемъ совѣтовалъ тебѣ продолжать твое произведеніе, предлагая посадить еще многихъ и мужчинъ, и женщинъ въ Сумасшедшій домъ. Но не ругаться и не вооружать противъ себя.

2) Слушать, пропуская многое безъ вниманія, отрывочныя строфы и прочесть все въ цѣломъ огромная разница. Такъ я иное не замѣтилъ, иное и не понималъ, а противъ многого и возставалъ. Именно, о сказанномъ про Павлова я говорилъ, что одно—обидно, а другое—несправедливо.

3) Вообще ты при мнѣ читала обо мнѣ, Колошинѣ, Кублицкомъ, Щебальскомъ и еще кой о комъ—все необидное.

4) Читая общее очертаніе по твоимъ мыслямъ славянщины, но ни собакъ, ни свиней я тогда не встрѣчалъ—развѣ не вслушался?

5) Да, наконецъ, если-бы я и похвалилъ иное непохвальное по разсѣянности, по настроенію духа, по боли головной и т. д.—все-же это не причина хвалить рукопись, недостойную женскаго пера. Я всегда сознаюсь въ ошибочности своего мнѣнія, когда увижу свою ошибку.

6) Кромѣ ужъ моихъ лѣтъ, мнѣ ни въ какомъ случаѣ неприлично путаться въ такія юныя дѣла. Итакъ, уволь меня отъ этой пьесы, т. е. отъ посвященія. Кстати ли мнѣ выйти на ссору со всѣми партіями литературными и политическими? Ты знаешь, что я средній, полонъ терпимости, со всѣми знаюсь, всѣ изъ всѣхъ у насъ бывають. За что-же по твоей милости я долженъ буду перемѣнить образъ жизни?

Что хочешь пиши обо мнѣ, только не клевети, что я далъ тебѣ мысль, чтобы я сочувствовалъ духу и направленію твоихъ сатиръ

¹⁾ № рук. 1356.

и эпиграммъ. Итакъ, вмѣсто посвященія, поставь, если хочешь, въ эпиграфъ новый куплетъ: краснѣю и проч. Онъ хоть исторически невѣренъ, да тутъ видна шутка. Меня же всѣ знаютъ.

...¹⁾ Лонгиновъ, Горчаковъ, Снегиревъ, Бодянский, Колошинъ, Кублицкій—всѣ моего мнѣнія до іоты. Дальше никому не покажу. А это твои пріятельи. Герценъ ужъ тиснулъ на тебя стихи Огарева. Ходятъ по Москвѣ.

Р. С. Павловъ поймалъ — врасплохъ и ничуть не обижается. Но онъ ужъ узналъ, что ты строишь свой домъ.

¹⁾ Фамилія, которую трудно разобрать

Петръ Николаевичъ Кудрявцевъ

ПРОФЕССОРЪ МОСКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

Родной племянникъ покойнаго профессора П. Н. Кудрявцева — Петръ Петровичъ Копосовъ, — по прочтеніи статьи А. Д. Галахова, помѣщенной въ 1-й книгѣ „Русской Старины“ изд. 1885 г., сообщилъ автору слѣдующую интересную замѣтку, которую, согласно желанію уважаемаго А. Д. Галахова, мы здѣсь и помѣщаемъ: „Исправлю неточность, вравшуюся въ вашу статью. Диссертация, которую написалъ и представилъ въ факультетъ Петръ Николаевичъ до поѣздки своей за границу, носила заглавіе „Папство и имперія въ IX, X, XI и началѣ XII вѣка“. Рукопись сохранилась въ бумагахъ его. На поляхъ есть нѣсколько возраженій и замѣчаній, писанныхъ рукою С. П. Шевырева, тогдашняго декана филологическаго факультета. Судя по нимъ и по отчеркнутымъ мѣстамъ, онъ не одобрялъ взгляды автора на папство и римскую церковь, несогласные будто бы съ ученіемъ православной церкви. Диссертация эта не была допущена до диспута. Во время своего пребыванія за границей и по возвращеніи оттуда Петръ Николаевичъ передѣлалъ ее или вѣрнѣе сказать, написалъ новую: „Судьбы Италіи“. Напечатана она уже въ 1850 году. Итакъ ваша догадка, что кто нибудь изъ славянофиловъ былъ причиною того, что образъ мыслей Петра Николаевича былъ заподозренъ начальствомъ¹⁾, вполне справедлива“.

Ред.

¹⁾ Т. е. попечителемъ московскаго университета — гр. С. Г. Строгановымъ.

ПАМЯТИ ГРАФА А. С. УВАРОВА

† 29-го декабря 1884 г.

1884-й годъ окончился для нашего общества глубокою печалью. 29-го декабря скончался гр. А. С. Уваровъ. Роковая судьба унесла еще одного выдающагося дѣятеля, унесла преждевременно и незамѣнимо. Огромная, горькая утрата для всей Россіи!

Я сказалъ сейчасъ слово—незамѣнимо не потому, чтобы я думалъ, что въ Россіи нѣтъ людей. Напротивъ, я принадлежу къ числу тѣхъ многихъ или немногихъ, имѣющихъ смѣлость утверждать, что въ Россіи есть дѣятели, которые ожидаютъ только своего призыва на гражданскіе труды и подвиги. Но утрата, понесенная нами въ лицѣ гр. Уварова, незамѣнима на томъ основаніи, что онъ обладалъ въ себѣ такую счастливою совокупностію данныхъ, какой вновь подъискать или создать не такъ-то легко и скоро возможно. Для этого требуются многія, многія и многія условія, которыхъ мы пока не имѣемъ въ нашемъ отечествѣ и о которыхъ здѣсь говорить не мѣсто.

По своему имени и общественному положенію, по своему блестящему воспитанію, серьезному и солидному образованію, по своему значительному состоянію гр. Уваровъ имѣлъ возможность и право претендовать на высокое положеніе въ государствѣ. И онъ несомнѣнно приобрѣлъ бы такое положеніе, если-бы захотѣлъ примириться со многими и многими. Но онъ не пошелъ на это; онъ былъ слишкомъ гордъ по характеру, онъ былъ чловѣкъ мнѣній самостоятельныхъ и независимыхъ; у него на первомъ планѣ стояли свои убѣжденія. Онъ не пошелъ ни на какой компромиссъ съ своею совѣстью и предпочелъ удалиться въ мирную, спокойную и свободную область науки, которой отдавалъ всѣ свои досуги, свои значительныя средства, наконецъ, отдалъ свою жизнь.

Такъ, мы знаемъ гр. Уварова съ первой молодости совершающимъ въ разныхъ мѣстахъ Россіи многочисленныя археологическія раскопки и изысканія, которыя онъ продолжаетъ и впоследствии, и описанія которыхъ онъ издалъ въ роскошныхъ и цѣнныхъ изданіяхъ. Его изслѣдованія по разнымъ предметамъ и вопросамъ отечественной исторіи внесли новый свѣтъ въ нашу науку; а изслѣдованія «О древнѣйшихъ обитателяхъ Россіи» (Меряне) удостоены большой золотой медали отъ Географическаго Общества. Наконецъ, его послѣдній капитальный трудъ—«Археологія Россіи»—составляетъ цѣнный и первый въ этомъ родѣ научный вкладъ въ русскую историческую литературу.

Кромѣ собственныхъ личныхъ трудовъ на отечественное просвѣщеніе, гр. Уваровъ умѣлъ вызывать, возбуждать и поощрять и въ другихъ ту же дѣятельность всѣми своими силами и средствами. Онъ учредилъ извѣстную академическую премію, носящую его имя; онъ жертвовалъ деньги на раскопки, изслѣдованія и на различныя ученые изданія. Онъ создалъ московское Археологическое Общество и руководилъ его обильною дѣятельностію; онъ вызвалъ первые въ Россіи археологическіе съѣзды и былъ ихъ душою. Его имя и труды извѣстны были далеко за предѣлами отечества и пользовались тамъ заслуженнымъ уваженіемъ, такъ что на его зовъ стекались изъ всѣхъ концовъ міра авторитетные ученые и изслѣдователи на организованные ихъ съѣзды. Я часто и много видѣлъ его за границей; мнѣ хорошо извѣстно, какъ онъ вездѣ все изучалъ, отыскивалъ и приобреталъ, какъ ему вездѣ оказывали всевозможное содѣйствіе. Изъ нѣкоторыхъ личныхъ моихъ отношеній мнѣ близко извѣстно, какъ высоко цѣнили гр. Уварова такіе между прочимъ люди, какъ покойный французскій археологъ Дидронъ и берлинскій проф. Вирховъ.

Библіотека гр. Уварова, его археологическія, нумизматическія и художественныя коллекціи составляютъ самыя богатыя частныя сокровища въ Россіи. И всѣ эти драгоцѣнныя собранія всегда были доступны и открыты къ услугамъ всѣхъ, желавшихъ посвятить себя наукѣ и искусству и обращавшихся къ его просвѣщенному содѣйствію. Съ какою радостію онъ шелъ всегда къ нимъ навстрѣчу и сколько ученыхъ и художниковъ работали подъ его руководствомъ, сколько пользовались его рукописями, гравюрами, книгами, его Альдами и Эльзевирами и т. п. Его Порѣчье есть цѣнный музей, единственный на всемъ пространствѣ Россіи по своему богатству, разнообразію и выбору,—музей, который извѣстенъ всѣмъ цѣнителямъ и знатокамъ и который посѣщался всѣми поклонниками культуры и просвѣщенія.

Правда, гр. Уварову многое досталось отъ его отца, знаменитаго въ лѣтописяхъ нашего просвѣщенія министра, но онъ не только все

сохранилъ бережно, но настолько значительно пополнилъ и умножилъ, что полученное имъ составляетъ небольшую долю оставленнаго.

Послѣднимъ трудомъ гр. Уварова на насажденіе отечественнаго просвѣщенія было устройство новаго Историческаго Музея въ Москвѣ, порученнаго руководству его испытанныхъ опытности и званія. Это былъ по истинѣ подвигъ, всѣ трудности котораго могутъ быть поняты только тѣми, кто близко знакомъ съ условіями и обстоятельствами нашей жизни, какъ прошедшей, такъ и настоящей. Бѣдность нашей культуры, незначительность нашихъ историческихъ памятниковъ, разбросанность ихъ по громадному пространству и т. д. и т. д. требовали непомерныхъ усилій, безграничной любви къ дѣлу, чтобы создать учрежденіе, задуманное столь широко и грандіозно по идеѣ, при столь скудныхъ средствахъ. И что же? Благодаря своей энергіи, своей неутомимой дѣятельности, благодаря общественному уваженію и довѣрію къ его личности и его заслугамъ, онъ успѣлъ, въ два года неизмеримыхъ заботъ и хлопотъ, исполнить свою задачу настолько, что къ веснѣ 1883 года у него уже были готовы десять залъ Музея, расположенныхъ въ строго-историческомъ и систематическомъ порядкѣ, съ подробнымъ отпечатаннымъ каталогомъ всѣхъ предметовъ, собранныхъ со всѣхъ концовъ Россіи его усиліями, не всѣмъ извѣстными. Этотъ музей былъ вѣнцомъ его дѣятельности на пользу государства; но, увы! въ этомъ же вѣнцѣ онъ нашелъ и свои терніи...

Приговоренный врачами, умирающій, онъ все еще занимался своимъ Музеемъ и говорилъ о немъ. Онъ показывалъ мнѣ разные снимки и фотографіи и объяснялъ каталогъ. Въ послѣдніе свои дни онъ еще хлопоталъ приготовленіями къ седьмому археологическому съѣзду и составленіемъ его программъ.

Часто въ моихъ съ нимъ бесѣдахъ я выражалъ ему мои сомнѣнія относительно исполнимости устройства историческаго музея, но онъ увлекался этой заманчивой идеей, какъ увлекается любовникъ своей возлюбленной красавицей, какъ увлекается художникъ своей идеальной мечтой. Сознывая всѣ трудности своей задачи, онъ вѣрилъ, однако же, въ возможность осуществленія ея, вѣрилъ въ свои силы, какъ вѣрилъ въ будущность Россіи, для которой всю жизнь свою работалъ. Увы!...

Уже разстроенное здоровье постоянно напряженными усиліями и различными столкновеніями вдругъ подломило сильный организмъ его и онъ долженъ былъ уѣхать въ теплый климатъ для освѣженія своихъ силъ. Тамъ открылась та роковая болѣзнь сердца, которая свела его въ могилу. Прощаясь со мной передъ своимъ отъѣздомъ, осенью 1883 года, онъ съ печалью говорилъ мнѣ о тяжелой для него необходимости оставить свои труды недоведенными до желаннаго окон-

чанія и я ясно понималъ, что его вѣра и надежда были уже поволеблены.

Таковъ покойный гр. А. С. Уваровъ въ его умственной и просвѣтительной дѣятельности. Но въ немъ была еще и другая сторона, не менѣе для насъ выдающаяся и дорогая—его нравственный характеръ.

Слишкомъ тридцатилѣтняя дружба связывала меня тѣсно съ покойнымъ,—дружба, которая подвергалась не разъ испытаніямъ и которая никогда, однако, не измѣнялась. Мы пережили съ нимъ вмѣстѣ самые радостные дни жизни и прошли черезъ всю горечь ея. Сверхъ того, я находился съ нимъ въ теченіи нѣкотораго времени и въ служебныхъ отношеніяхъ. Слѣдовательно, я знаю его близко и съ различныхъ сторонъ; я приобрѣлъ право говорить о немъ во всеуслышаніе и съ нѣкоторымъ авторитетомъ.

Гр. Уваровъ былъ человѣкъ, что называется, цѣльный. Онъ имѣлъ опредѣленные нравственные убѣжденія и твердыя стойкія правила, отъ которыхъ онъ никогда не отступалъ ни на юту и которыми онъ никогда не жертвовалъ. Онъ преданъ былъ выше всего правдѣ и никогда ей не измѣнилъ; его слово и дѣло никогда не расходились въ жизни. Строгій къ самому себѣ, онъ былъ строгъ и къ другимъ. Самъ добросовѣстный труженикъ, онъ не любилъ пустоты и безсодержательности; всегда правдивый и открытый, онъ не терпѣлъ лицемерія, лжи и интриги, не переносилъ хвастовства и претензіи, не допускалъ эксплуатаціи ни въ какомъ видѣ. Если онъ открывалъ, что былъ обманутъ въ своемъ довѣрїи, онъ тотчасъ разрывалъ свои отношенія и навсегда. Такія строгія черты характера не приобрѣли ему многочисленныхъ друзей, за то всѣ уважали его невольно—друзи и недрузи.

О немъ говорили, что онъ гордъ и недоступенъ, что онъ честолюбивъ и самолюбивъ. Вотъ весь упрекъ, который бросали ему люди его незнавшіе, или имъ недовольные. Да, онъ былъ гордъ, но въ томъ смыслѣ, что сознавалъ свое человѣческое достоинство и ни передъ кѣмъ не унижалъ его, что нравственно онъ былъ чистъ и безупреченъ. Но никогда онъ не былъ надмѣненъ; напротивъ, простъ и обходителенъ со всѣми, ровенъ и предупредителенъ съ каждымъ и никому не давалъ чувствовать, что есть между ними и имъ недоступная разница положеній. Притомъ же онъ былъ слишкомъ хорошо воспитанъ, слишкомъ развитъ и не признавалъ между людьми другой разницы, кромѣ нравственной и умственной. Для людей, близко его знавшихъ, въ его характерѣ была замѣтная черта—скромность и застѣчивость, что и принималось или истолковывалось часто въ свѣтъ за гордость и неприступность. Въ его правѣ вообще была милая вестельность и непринужденность, въ манерахъ и тонѣ необыкновенная по-

рядочность, что придавало въ интимныхъ съ нимъ отношеніяхъ извѣстную прелесть и привлекательность. Душой онъ былъ добръ, нѣженъ и деликатенъ. Какъ онъ умѣлъ дѣлать горе и радости! Какъ онъ умѣлъ дѣлать добро вокругъ себя и сколько бѣдныхъ и нуждающихся обязаны его щедротамъ, которыя всегда оставались его тайной! Какъ онъ любилъ молодежь и какъ онъ ей сочувствовалъ въ ея благородныхъ порывахъ и увлеченіяхъ, никогда не забывая, что онъ самъ былъ прежде молодъ и свято храня молодость своей души.

Честолюбивъ и самолюбивъ! Ну, что-же? Пожалуй, онъ былъ честолюбивъ, но въ высшемъ, благородномъ смыслѣ слова. Выше я уже сказалъ, какъ и почему онъ отрекся отъ всякихъ стремленій честолюбія и заключился въ науку. Но кто же изъ насъ, въ восторженныхъ порывахъ ума и сердца, не мечталъ о власти, какъ о широкомъ и могучемъ средствѣ служить престолу и отечеству, вести родину къ благотворнымъ цѣлямъ, къ прогрессу и преуспѣянію, къ высокимъ гражданскимъ идеаламъ. Гдѣ-же тутъ преступленіе и въ чемъ тутъ упрекъ? Но гр. Уваровъ никогда не питалъ въ себѣ пошлаго и мелкаго честолюбія, доступнаго только вульгарнымъ душамъ. Онъ не понималъ и не признавалъ стремленія къ власти для власти, для личнаго положенія, для эгонистическихъ цѣлей. Такое честолюбіе было ему недоступно и не коснулось его. Онъ не искалъ ни чиновъ, ни знаковыхъ отличій и смотрѣлъ на нихъ равнодушно; онъ и не имѣлъ ихъ. Онъ работалъ для дѣла, для общаго блага и тамъ искалъ своихъ наградъ, искалъ въ внутреннемъ сознаніи сильнаго исполненія святаго долга. Что-же касается самолюбія, то кто же опять изъ сознательныхъ людей, людей производительнаго труда, знающихъ себѣ цѣну, не чувствуетъ оскорбленій невѣжества, зависти и низкихъ интригъ; становящихся имъ поперегъ пути открытаго и цѣлей нравственно-высокихъ? И въ этомъ смыслѣ Уваровъ былъ дѣйствительно самолюбивъ, но самоинѣиемъ онъ никогда не былъ зараженъ.

Здѣсь я не могу не вспомнить одного событія, котораго я былъ свидѣтелемъ и въ которомъ я принялъ нѣкоторое личное участіе. Въ 1858 г., во время одной исторіи въ московскомъ университетѣ, положеніе, принятое гр. Уваровымъ, было истолковано интригой оскорбительнымъ для него образомъ. Этотъ недостойный доносъ не былъ немедленно устраненъ, какъ бы слѣдовало, проявленіемъ къ нему полнаго и заслуженнаго довѣрія, и гр. Уваровъ тотчасъ же, не колеблясь ни минуты, подалъ въ отставку, мотивируя ее въ письмѣ, полнымъ достоинствомъ, искренности и сознанія своей гордой правоты.

Въ заключеніе мнѣ остается сказать, что гр. Уваровъ былъ чловѣкъ семейныхъ преданій, чистоты и непорочности имени. Для него

семья была основа и сила общественная и государственная, на которой зиждется гражданственность человѣческая. Его home, семейный очагъ, была святыня неприкосновенная, передъ которой всѣ знавшие эту внутреннюю жизнь должны остановиться съ благоговѣйнымъ чувствомъ почтенія. Здѣсь останавлиюсь и я, не считая себя въ правѣ вводить публичные взоры за эту неприкосновенную черту частной жизни. Я позволилъ себѣ коснуться этой стороны характера покойнаго только для полноты очертанія его личности.

Жизнь гр. Уварова такъ богата содержаніемъ, что я сознаю всю неполноту сказаннаго мной здѣсь. Но предѣлы краткаго воспоминанія не позволяютъ мнѣ распространиться болѣе. Эта завидная задача принадлежитъ его будущему біографу, котораго ожидаетъ обильный и благородный матеріалъ. Отнынѣ гр. Александръ Сергѣевичъ Уваровъ принадлежитъ исторіи, на страницахъ которой свѣтлая личность его займетъ почетное и вполнѣ заслуженное мѣсто.

Прощай, мой незабвенный и вѣчно милый другъ, и на прощанье прими отъ меня эту послѣднюю дань нашей долготѣней и ненамѣнной дружбы, этотъ святой долгъ передъ тобой и передъ нашимъ обществомъ.

Н. О. фонъ-Крузе.

Москва.

Январь 1885 г.

О ВОЗОВНОВЛЕНІИ ПАМЯТНИКА НА ОБЩЕЙ МОГИЛѢ

АРТЕМІЯ ВОЛЫНСКАГО, ЕРОПКИНА И ХРУЦОВА:

† 27-го іюня 1740 г.

Поступило пожертвованій на возобновленіе сего памятника:

Отъ Еф. Гр. Гвоздикова (изъ г. Харькова), 17-го февраля 1885 г.	2 руб.
Отъ Н. Л. Бенуа, В. Е. Головина, П. К. Лонгинова, А. Н. Никитина и С. В. Унговскаго (Спб.) по пяти рублей	25 —

А съ прежде поступившими всего . . 1,856 руб.

Разрѣшеніе подлежащей власти на постановку памятника на могилѢ Волынскаго, Еропкина и Хруцова — воспослѣдовало и памятникъ въ 1885 году предполагается непременно поставить.

Ред.

Разговоръ императора Наполеона III съ ген.-ад. Тотлебеномъ
въ 1857 г. ¹⁾.

.... Въ 1857 году генералъ-адъютантъ Тотлебенъ посѣтилъ Францію, гдѣ славный защитникъ Севастополя встрѣтилъ самый сочувственный приемъ со стороны французскаго общества. «Съ нами обращаются здѣсь какъ съ братьями, которыхъ искренно любятъ, пишетъ Э. И. Тотлебенъ. Высказанная симпатія вполнѣ искренняя и выражается всею французскою нацією вполнѣ свободно и непринужденно».

Императоръ Наполеонъ назначилъ генералу Тотлебену продолжительную ауденцію, во время которой главнымъ предметомъ разговора послужили событія недавней крымской кампаніи. Въ бумагахъ Э. И. Тотлебена сохранился записанный со словъ его разговоръ, который имѣетъ историческій интересъ.

Наполеонъ. Главнымъ стратегическимъ пунктомъ послѣ высадки союзниковъ въ Крыму былъ Симферополь. Чтобы съ успѣхомъ осаждать Севастополь необходимо было предварительно занять Симферополь; это было всегда мое убѣжденіе. Генералы мои дѣйствовали противно моимъ совѣтамъ. Впрочемъ, я сообщалъ имъ только свое мнѣніе, но отнюдь не требовалъ, чтобы оно было исполнено, дабы не стѣснять ихъ и дозволить имъ дѣйствовать сообразно съ обстоятельствами. Но я считалъ чрезвычайно нелѣпымъ, что они вели двѣ осады разомъ ²⁾, и окружили со всѣхъ сторонъ Севастополь траншеями. Во всей военной исторіи нельзя найти второй примѣръ подобнаго неосновательнаго образа дѣйствій. Слѣдовало бы съ самаго начала занять Mamelon vert ³⁾ и сосредоточить всю атаку противъ Малахова кургана; между тѣмъ это исполнено было только въ послѣднее время осады. Скажите, возможно ли было, по вашему мнѣнію, овладѣть сѣвернымъ укрѣпленіемъ немедленно послѣ Альминскаго боя?

Генералъ Тотлебенъ. Сѣверное укрѣпленіе имѣло слабую про-

¹⁾ Отрывокъ изъ пріготовляемаго къ печати біографическаго „очерка жизни и дѣятельности графа Эдуарда Ивановича Тотлебена“.

²⁾ На четвертый бастионъ (Bastion du mat) и Малаховъ курганъ.

³⁾ На этой высотѣ Э. И. Тотлебенъ заложилъ 11-го февраля 1855 года укрѣпленіе, названное Камчатскимъ редутомъ.

филь, было не сильно вооружено, занято однимъ баталіономъ пѣхоты и поддержано двѣнадцатью баталіонами флотскихъ экипажей, которые только что были сформированы съ судовъ и неудовлетворительно вооружены. Если, ваше величество, послѣ Альминскаго сраженія значительныя силы союзниковъ были бы направлены вслѣдъ за нашими отступавшими войсками противъ сѣвернаго укрѣпленія, то штурмъ увѣнчался бы, по всей вѣроятности, успѣхомъ.

Наполеонъ. Если бы впослѣдствіи, послѣ занятія вашими войсками позиціи на Мекензевой горѣ, атаковать эту позицію, какой можно было предвидѣть результатъ?

Генераль Тотлебенъ. Позиція на Мекензевой горѣ была отъ природы чрезвычайно сильна, почти неприступна, снабжена полевыми укрѣпленіями, вооружена полевой артиллеріею и занята значительнымъ числомъ войскъ. Вслѣдствіе важности этого пункта сдѣланы были всѣ распоряженія для быстрого сосредоточенія войскъ, подхода резервовъ и защиты позиціи до послѣдней крайности, а потому, ваше величество, можно полагать, что нападеніе было бы отбито съ большою потерею для атакующаго.

Наполеонъ. Но движеніе союзныхъ войскъ отъ Алушты по Аянскому ущелью въ Симферополь, могло ли оно увѣнчаться успѣхомъ?

Генераль Тотлебенъ. Аянское ущелье представляетъ узкую долину съ множествомъ крѣпкихъ позицій, которыя были тщательно изслѣдованы и отчасти укрѣплены. На этихъ позиціяхъ довольно сильный отрядъ могъ бы остановить значительныя силы, и такъ какъ наши казаки разъѣзды находились близъ берега, то, получивъ предварительныя свѣдѣнія о движеніи союзниковъ, мы успѣли бы сосредоточить тамъ въ скоромъ времени сильный отрядъ.

Наполеонъ. Но развѣ позиція не могла быть обойдена съ Чатырдага?

Генераль Тотлебенъ. Для этого, ваше величество, пришлось бы сдѣлать значительное обходное движеніе, при которомъ встрѣтили бы непреодолимыя мѣстныя препятствія.

Наполеонъ. Вы имѣли значительныя потери во всѣхъ полевыхъ сраженіяхъ?

Генераль Тотлебенъ. Потери эти намъ причинены были разными ружьями Минье, которыя дѣйствовали на дальнее разстояніе.

Наполеонъ. Я не раздѣляю существующаго мнѣнія о вооруженіи всей пѣхоты разными ружьями. Разные ружья хороши для стрѣлковъ. Если же вооружить ими всю армію, то при большомъ вѣсѣ коническихъ пуль значительно увеличится обозъ арміи. А между тѣмъ увеличеніе обоза арміи всегда было причиною весьма медленныхъ движеній и нерѣшительныхъ дѣйствій.

Генераль Тотлебенъ. Для отвращенія этого неудобства возможно уменьшить калибръ ружей, чтобы при употребленіи коническихъ пуль сохранить прежній вѣсъ круглыхъ пуль.

Наполеонъ. Впрочемъ, по общему влеченію и у меня во всей арміи нарѣзываютъ ружья.

Какъ вы нашли наши укрѣпленія въ Камышевой бухтѣ?

Генераль Тотлебенъ. По повелѣнію его величества государя императора, я былъ отозванъ въ Николаевъ, вскорѣ послѣ отступленія нашихъ войскъ съ южной стороны Севастополя, а послѣ заключенія мира я находился въ Петербургѣ, и потому не имѣлъ случая видѣть эти укрѣпленія.

Наполеонъ. Продолженіе военныхъ дѣйствій въ Крыму было одинаково невыгодно для обѣихъ сторонъ. Крымскій полуостровъ представлялъ весьма неудобный театръ войны для васъ, равно какъ и для насъ. Трудно было ожидать какой-либо рѣшительный результатъ, и потому не было далѣе цѣли продолжать войну. Но къ общему благу миръ положилъ конецъ всѣмъ этимъ затрудненіямъ.

Н. Е. Шильдеръ.

Иванъ Никитичъ Скобелевъ въ письмѣ къ сыну своему
Дмитрію Скобелеву ¹⁾).

Милый сынъ! Во всѣхъ письмахъ, получаемыхъ мною отъ матери твоей, читаю я огромныя похвалы осторожному поведенію и усердію твоему къ наукамъ, чѣмъ, какъ она говоритъ, отличаешься ты въ пансіонѣ. Зная пѣну слѣпой материнской любви и вѣдая, какъ немного надобно, чтобъ двинуть слабую бабу къ восхищенію, берусь за перо съ тѣмъ именно, чтобъ въ качествѣ родственной бесѣды преподать тебѣ дружескіе совѣты. 1) Вѣрнѣйшія и безпристрастнѣйшія похвалы достоинствамъ нашимъ сопровождаютъ насъ во гробъ только; на лицѣ же земли онѣ рѣдко справедливы: а потому заслуживать ихъ должно, но увлекаться похвалами вредно. Одинъ будетъ восхищаться тобою изъ любви, другой изъ глупости, третій съ намѣреніемъ, чтобы произвести въ тебѣ гордость; а глупѣе гордости, милый другъ, нѣтъ полую глупости. 2) Гордость то-же, что и гибельная чума—при малѣйшей неосторожности вливается она въ душу знатныхъ и ученыхъ. Увидя гордѣца, ты тотчасъ его узнаешь: онъ похожъ на индѣйскаго пѣтуха. Смотри же, братъ, держи ухо востро! По чести, немного нѣтъ радости, увидя въ тебѣ образчикъ сей не авантажной птицы. 3) Помни давнюю русскую пословицу: по дрожжамъ пиво не узнаешь. Неоспоримо, что всякій возрастъ имѣетъ свою собственность, на которую часто по необходимости смотришь съ удовольствіемъ, какъ на фундаментъ величественнаго въ будущности зданія; но сей фундаментъ можетъ быть проченъ и зданіе счастливо совершится тогда только, когда съ усердными, теплыми молитвами будешь ты ежедневно прибѣгать къ Господу Богу и когда всѣ благотворныя въ себѣ причины будешь признавать благими дарами Царя — Отца Небеснаго. Все трудисься, скудельный человѣче, аще не Богъ созиждетъ домъ твой! 4) Страшись соблазна, могущаго учинить тебя индѣйскимъ пѣтухомъ. совѣтую не забывать, что ты не болѣе какъ сынъ русскаго солдата и что въ родословной твоей первый свинцомъ означенный кружокъ вмѣщаетъ порохомъ воняющую фигуру отца твоего, который потому только не носилъ лаптей, что босикомъ бѣгать было ему легче. Впрочемъ, фамилію свою можешь ты произносить, не краснѣя, во всѣхъ

¹⁾ Этотъ весьма характеристичный документъ напечатанъ въ 1834 году въ приложеніяхъ къ протоколу ученой архивной комисіи въ г. Рязани, откуда мы его и перепечатаваемъ.

глазъ обширнаго нашего отечества. А сей то, исключительно важнѣйшій для гражданина, шагъ ты, не употребляя собственнаго труда, уже сдѣлалъ, опершись на бѣдный полусоставъ грѣшнаго тѣла отца своего, который, проливъ всю кровь за честь и славу Бѣлаго Царя и положивъ фунтовъ пять костей на престолъ милаго отечества, твердо имѣеть надежду, что ты не осрамишь сей священной жертвы! Всякое, путями правды, приобрѣтеніе требуетъ особенныхъ усилій; но мой трудъ по службѣ и мои хлопоты въ пользу оной истощили во мнѣ всѣ силы, изсушили всѣ слезы; у тебя же горести сіи позади. 5) Надобно только, при буквальной покорности къ старшимъ, быть вѣжливымъ съ младшими, уважать въ достойныхъ людяхъ истинные заслуги и стараться подражать имъ, но не выслуживаться. Упаси, Боже! А благородная, чистая, полезная служба—какъ пробка на водѣ, и гласъ Бога и гласъ народа—все въ ея пользу. Подлая же выслуга, хотя часто идетъ и рядомъ, а бываетъ, что и упреждаетъ; но сколько надобно усилій, сколько уловокъ, увертокъ, сколько снастей! Чертовская наука! Но она не по нашему департаменту—маршъ мимо! Въ людяхъ, обладающихъ похвальными качествами, снискивай дружбу и храни оную свято; не вѣрь, чтобъ не было истинной дружбы,—будь только достоинъ оной. Природа пестра и щедра все попрежнему. 6) Если будешь достоинъ счастья, пользуйся счастливыми средствами спасти несчастнаго, котораго умѣй отличить отъ бездѣльника и пьяницы; вѣть душевной пищи вкуснѣе добраго дѣла. Но ежели жертва погружается въ бѣду быстрѣе мѣрь твоихъ—пожалѣй, сдѣлай поль-оборота и опять маршъ мимо! Оказывай должное почтеніе къ отраслямъ знатныхъ, древнихъ фамилій, безъ униженія однако-жъ. Впрочемъ, изъ нихъ есть люди такой масти, что лучше-бъ не встрѣчаться. Но, если встрѣтишься, поклонись въ лицѣ его покойному прародителю, т. е. знаменитому виновнику той знатности, на которую въ потомкѣ безъ слезъ смотрѣть нельзя; а все-таки поклонись! Берегись слабостей, но и не осуждай ихъ въ ближнемъ. Я, кажется, сказывалъ тебѣ, что дѣдъ твой Уваровъ до 80-ти лѣтъ и ренскаго въ ротъ не бралъ, а на девятомъ десяткѣ, вѣроятно осудилъ когонибудь, накушался до-зѣла, да и поминай, какъ звали. 7) Приказывать не могу, чтобы ты не игралъ въ карты: шила въ мѣшкѣ не утаишь. Согрѣшилъ окаянный! Дерзалъ самъ и даже неосторожно; но осмѣливаюсь просить, пожалуйста, братъ Митя, плюнь на эту пагубную страсть. Честію отвѣчаю, что, не бывъ достойнымъ презрѣнія плутомъ, не приобрѣтешь алтына и кончишь по моему. Положимъ, что ты будешь уменъ, такъ тѣмъ приличнѣе отъ скуки играть въ дураки: на нѣсколько минутъ и при томъ же шутя, очень весело быть дуракомъ; бываетъ и обратно — нерѣдко набитые

глушцы (такъ же игрою слѣпного случая), попадая въ умники, вовсе не скучаютъ сею ролью, оставаясь въ оной даже и по нѣскольку лѣтъ. 8) Если будешь начальникомъ, то предварительно познакомься съ правилами, нѣжному отцу свойственными; иначе дѣла не пойдутъ на ладъ! Важнѣе всего помни, что ты человѣкъ и братъ каждому христианину. Прежде употреби всѣ, зависящія отъ тебя, средства къ исправленію предавагося порокамъ (не преступленію однако-жъ) и осуди его въ жертву заслуженнаго наказанія, какъ потеряешь надежду и очистишь совѣсть. 9) На развалинахъ ближняго не созидай, братъ, собственныхъ польвъ: кромѣ того, что это правило варварское, — оно и непрочное. Да спасетъ тебя Господь Богъ даже и отъ помышленія, благородной душѣ столь тяжкаго. Сколько было фертиковъ, изъ трудовъ отца твоего устроившихъ маскарадный костюмъ; но фертики все еще вертятся около ферта, а отецъ твой Божіею помощію двинулся къ ижицѣ. А въ заключеніе: 10) Для моднаго свѣта учись ты чему хочешь, и говори, если можно, съ заморскими птицами; но для меня—исключительно—будь русскимъ честнымъ и чистымъ человѣкомъ. За ошибку, которую отъ намѣренія отличить легко, мы съ тобою много—что поссоримся; но за обдуманная, цорочныя шалости я, братъ, безъ церемоніи выворочу тебѣ шкурку на изнанку,—и никакими философско-математическими науками не отдѣлаешься, и никакимъ языкомъ не отговоришься ты отъ спасительныхъ, великороссійскихъ, полновѣсныхъ, гренадерскихъ монхъ фухтилей.

Прощай, братъ Митя, Христось съ тобою. Ты знаешь, что я тебѣ не лгу и, безъ сомнѣнія, вѣришь, что все мое счастье, всѣ отрады, всѣ награды и всѣ радости вмѣщаются въ твоей жизни и въ твоёмъ поведеніи. Вѣрный другъ и отецъ твой Иванъ Скобелевъ».

Сообщ. свящ. І. Добролюбовъ.

Примѣчаніе. Прилагаемое письмо И. Н. Скобелева воспроизведено нами съ копій, принадлежащей одному любителю древностей, къ которому оно поступило изъ чьей-то очень обширной библиотеки.—Иванъ Никитичъ Скобелевъ род. въ 1778 г., ум. въ 1849 г. Замѣтки о его жизни и характерѣ желающіе могутъ найти преимущественно въ „Русской Старинѣ“. См. „Русская Старина“ 1870 г., т. I, стр. 548—550. Письмо ген. Скобелева къ военному министру кн. Чернышеву и его-же письмо къ имп. Николаю.—1871 г., т. IV, стр. 667—673. Скобелевъ и Пушкинъ.—1875 г., т. XII, стр. 577. Разсказъ объ А. Ѳ. Воейковѣ.—1878 г., т. XXII, стр. 527—528. Родословная Скобелевыхъ.—1882 г., т. XXXVI, стр. 196—206. Иванъ Скобелевъ и ген. Тешевъ Скобелевы въ преданіяхъ духовенства Петропавловскаго собора въ С.-Петербурѣ.—Стр. 438. Иванъ Никитичъ Скобелевъ.—„Русскій Архивъ“. 1878 г., кн. I, стр. 222—231. Приказы Ивана Никитича Скобелева 1834 г.—„Древняя и Новая Россія“. 1877 г., т. III, стр. 169—173. Иванъ Никитичъ Скобелевъ и Василій Андреевичъ Жуковскій.

І. Д.

Род. 20 марта 1802 † 3 июня 1861 г.

АЛЕКСАНДРЪ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ ВОНЛЯРЛЯРСКІЙ.

ИЗЪ ИСТОРИИ ЖЕЛѢЗНО-ДОРОЖНАГО ДѢЛА ВЪ РОССІИ

1846—1856.

ИЗДАЛЪ

А. А. ВОНЛЯРЛЯРСКІЙ (СЫНЪ).

СМОЛЕНСКАЯ ГУБ.
С. ВОНЛЯРОВО.
1861 г.

ИЗЪ ИСТОРИИ ЖЕЛЕЗНО-ДОРОЖНАГО ДѢЛА ВЪ РОССИИ

1846—1856 гг.

Въ февральской книгѣ „Русской Старинѣ“ изд. 1886 г. напечатана статья о дѣятельности К. В. Чевкина, какъ главноуправляющаго путями сообщения и организатора Главнаго Общества русскихъ желѣзныхъ дорогъ, причемъ дѣлается краткій очеркъ возникновенія желѣзно-дорожнаго дѣла въ Россіи.

Въ пополненіе нѣкоторыхъ пробѣловъ этой статьи, считаю умѣстнымъ предложить вниманію читателей эпизодъ изъ біографіи моего отца, покойнаго Александра Александровича Вонлярларскаго ¹⁾, относящійся къ той-же эпохѣ и къ тому-же желѣзно-дорожному дѣлу.

Этотъ эпизодъ, по моему мнѣнію, можетъ представить живой интересъ: во 1-хъ, для исторіи одной изъ важнѣйшихъ нашихъ дорогъ—Московско-Нижегородской, мысль о сооруженіи которой принадлежитъ, безспорно, моему отцу и на которую онъ получилъ, въ 1847 г., высочайшее разрѣшеніе (то что теперь называется концессія); во 2-хъ, какъ взглядъ русскаго человѣка 1840-хъ и 1850-хъ годовъ на лучшіе способы постройки въ Россіи желѣзныхъ дорогъ вообще.

Къ сожаленію, какъ мы увидимъ, вполнѣ оправданыя предсказанныя мнѣ въ то время плачевныя для Россіи послѣдствія иностраннаго вмѣшательства въ это дѣло,—вмѣшательства, коего онъ въ свое время былъ самымъ убѣжденнымъ и горячимъ противникомъ. Исторію своихъ хлопотъ, трудовъ, матеріальныхъ жертвъ и горькихъ неудачъ по осуществленію этой дороги

¹⁾ Фамілія Вонлярларскихъ въ общепитіи часто сокращается въ Ларскихихъ. Покойный мой отецъ предпочиталъ это сокращеніе и, кромѣ официальныхъ случаевъ, придерживался его, тѣмъ болѣе, что Государь Николай Павловичъ всегда называлъ его этимъ именемъ.

Примѣчаніе составителя.

отецъ мой имѣлъ намѣреніе самъ составить—въ назиданіе потомства. Но приступивъ къ работѣ за нѣсколько мѣсяцевъ до своей преждевременной смерти (3 іюня 1861 года, на 59 году жизни), онъ успѣлъ лишь намѣтить общую программу послѣдовательныхъ фазисовъ этой интересной исторіи и написать лишь самое ея начало.

Чтобы быть, по возможности, ближе къ истинѣ, рѣшаюсь привести здѣсь дословно эти собственноручныя записки отца, а весь дальнѣйшій ходъ дѣла изложу, придерживаясь его программы, на основаніи хранящихся у меня документовъ и подлинной официальной и частной переписки.

А. А. Вонлярляровскій (сынъ).

I.

Записка А. А. Ляроваго, писанная въ февралѣ 1861 года.

Въ 1846 году, для постройки моего дома въ Петербургѣ на Английской набережной, мнѣ понадобились деньги. Полагая, что можно получить безъ затрудненія изъ банка ссуду подъ залогъ строящагося дома, я обратился сперва съ частнымъ о томъ вопросомъ въ банкъ; мнѣ сказали, что нужно о томъ просить министра финансовъ. Я заготовилъ прошеніе г. министру. Но оказалось, что прошеніе должно быть подано на высочайшее имя, и не иначе, какъ въ комиссію прошеній или въ собственные руки Государя. Какія странныя формальности! подумалъ я, можетъ ли быть, чтобы обременяли Государя такими пустяками? Банки устроены для ссудъ,—ссуды соразмѣряются съ обеспеченіемъ, дѣло такъ просто, неужели совѣтъ банка не можетъ этого рѣшить самъ, а нужно на то разрѣшеніе министра, да еще съ высочайшаго, будто-бы, соизволенія?!—Убѣжденный, инстинктивно, что мое прошеніе не пойдетъ далѣе министра финансовъ, я рѣшился написать письмо къ Государю и послалъ его черезъ городскую почту, подумавъ—что будетъ, то будетъ!

Недѣли черезъ двѣ является ко мнѣ курьеръ отъ министра финансовъ, съ запискою отъ канцеляріи, чтобы завтра, въ 9 часовъ утра, явиться мнѣ къ министру (Ф. П. Вронченко). Вотъ, думаю, будетъ мнѣ нагоняй отъ министра за то, что я осмѣлился, хотя и для проформы, писать Государю, по городской почтѣ и на простой бумагѣ. Съ этою мыслью явился я къ г. министру, въ числѣ множества просителей. Когда очередь дошла до меня и я сказалъ свою фамилію, министръ

отъ меня отворотился и ушелъ отъ просителейъ въ свои комнаты, не сказавъ мнѣ ни слова. Вслѣдъ за тѣмъ дежурный чиновникъ позвалъ меня къ министру въ кабинетъ, наверхъ. Я ожидалъ грозы.

Каково было мое изумленіе, когда министръ весьма ласково меня принялъ и посадилъ.—«Вы писали къ Государю, прося ссуды 80.000 руб. изъ банка подъ залогъ вашего дома, но домъ вашъ еще не построенъ, а подъ начатое строеніе банкъ не выдаетъ ссуды, и потому я въ докладѣ своемъ Его Величеству полагалъ мнѣніемъ отказать вамъ и тѣмъ не давать примѣра другимъ подобнымъ претензіямъ. Но Государь изволилъ на докладѣ моемъ сдѣлать собственноручную надпись и приказалъ мнѣ вамъ оную показать, вотъ она.—На докладѣ было написано карандашемъ рукою Государя: «Выдать 80 тысячъ подъ собственное мое поручительство».

Я такъ былъ пораженъ этою надписью, что и министръ это замѣтилъ и, взявъ меня за руки, сказалъ: «слушайте со вниманіемъ. Его Величество изволилъ мнѣ приказать передать вамъ слово въ слово слѣдующее: Государю извѣстны многіе ваши поступки, коими вы доказали ваше усердіе къ государственнымъ пользамъ, а именно: 1) въ 184 (?) году, изъ всѣхъ винокуренныхъ заводчиковъ въ Россіи, вы одни согласились взять значительную поставку въ казну вина, по утвержденной министромъ цѣнѣ, и исполнили эту поставку, не прося прибавки цѣны; о такомъ усердіи вашемъ предѣстникъ мой, графъ Канкринъ, по высочайшему повелѣнію, объявилъ всѣмъ казеннымъ палатамъ циркуляромъ. 2) Принимая на себя, въ исполненіе высочайшей воли, разные подряды по вѣдомству путей сообщенія, вы добровольно понизили цѣны на нѣсколько милліоновъ рублей серебромъ. 3) Когда у васъ спросили, къ какой наградѣ желали бы вы быть представленнымъ—вы просили только дать вамъ курьерскую подорожную въ разныя губерніи для разъѣздовъ по работамъ вашимъ. Всѣ эти обстоятельства Государь изволилъ помнитъ и приказалъ мнѣ вамъ передать, что не можетъ отказать вамъ въ просимой ссудѣ, очень радъ сдѣлать вамъ пріятное, и не только въ семъ случаѣ, но и впредь, если вамъ что будетъ нужно, чтобы вы обращались прямо ко мнѣ и чтобы я о всѣхъ просьбахъ вашихъ докладывалъ Его Величеству».

До глубины души тронутый такою милостью и отеческимъ вниманіемъ Государя, я не помню, что сказалъ г. министру,—со мною сдѣлалось нѣчто въ родѣ истерики. Г. министръ, отпуская меня, заставилъ меня общать ему, что во всѣхъ случаяхъ буду обращаться къ нему для доклада о моей просьбѣ Его Величеству. Съ той минуты я только и помышлялъ о томъ, какъ бы мнѣ сдѣлать что нибудь замѣчательно полезное и отслужить Государю за его милости.

Въ то время горячо принимались за толки о желѣзныхъ дорогахъ въ Россіи; составлялись разныя компаніи, предлагались разныя проекты; всѣ учредители просили привилегіи на 90 и болѣе лѣтъ и гарантіи правительства.

Убѣжденный въ пользѣ желѣзныхъ путей въ отечествѣ нашемъ, я пристально началъ изучать этотъ предметъ; имѣя по контрактамъ съ казною предпріятія по сооружеиію разныхъ шоссейныхъ дорогъ на многіе миллионы рублей, я находился въ сношеніи со многими капиталистами русскими и заграничными, и сообразилъ возможность устроить въ Россіи желѣзную дорогу на условіяхъ болѣе выгодныхъ для казны. Чтобы имѣть положительныя данныя для основанія моихъ соображеній, мнѣ нужно было поговорить съ г. министромъ финансовъ; я написалъ къ нему письмо, прося его высокопревосходительство позволить мнѣ явиться. Г. министръ принялъ меня на другой день и встрѣтилъ словами: «я очень радъ, что вы не забыли обѣщанія; имѣете просьбу, какую?»—«Имѣю, ваше высокопревосходительство, имѣю пламенное желаніе доставить казнѣ, на первый случай, 200 миллионъ руб. сер. пользы». Замѣтивъ, что министръ смотритъ на меня, какъ на сумасшедшаго, я поспѣшилъ объясниться:

— «Составляются многія частныя компаніи на устройство желѣзныхъ дорогъ въ Россіи, и всѣ эти компаніи просятъ привилегіи на 90 лѣтъ. Правда-ли, что правительство готово даровать имъ такой срокъ?»

— «Правда».

— «Я имѣю въ виду возможность составить компанію на устройство одной желѣзной дороги, которая будетъ довольствоваться 50-ти лѣтнимъ срокомъ привилегіи; а какъ эта дорога будетъ приносить болѣе 2-хъ миллионъ руб. сер. въ годъ чистой прибыли, то поступивъ въ пользу казны 40 годами ранѣе, она доставитъ казнѣ, по прошествіи 90 лѣтъ, болѣе 200 миллионъ чистой прибыли, въ сравненіи съ прочими компаніями, коимъ даруется 90 лѣтній срокъ. Моя просьба состоитъ въ томъ, чтобы ваше высокопревосходительство помогли мнѣ устроить это дѣло скорѣе и тѣмъ дали бы возможность служить имѣромъ для прочихъ компаній и для прочихъ дорогъ въ Россіи».

При началѣ этого объясненія министръ позвалъ чиновника, какъ мнѣ кажется для того только, чтобы не оставаться однимъ со мной, сумасшедшимъ; но по высказаніи мною какимъ образомъ я желалъ бы доставить правительству пользу въ 200 миллионъ, министръ обратился къ этому чиновнику и приказалъ ему сдѣлать приблизительное вычисленіе: можетъ-ли составиться такая огромная цифра изъ ежегоднаго вклада двухъ миллионъ въ теченіи 40 лѣтъ. И когда чиновникъ тотъ дѣлалъ свое исчисленіе и передалъ министру, что точно съ сложными

процентами составитъ сумма болѣе 200 милліоновъ, то министръ его отпустилъ и, кажется, успокоился на счетъ моего сумасшествія, и долго и со вниманіемъ со мной разговаривалъ.

Я объяснилъ министру, что есть двоякій способъ устроить желѣзныя дороги въ Россіи частными компаніями на 50-лѣтній срокъ. Первый способъ—безъ всякаго участія кредитныхъ учреждений, но съ участіемъ заграничныхъ капиталистовъ. Второй способъ—съ участіемъ кредитныхъ учреждений, и тогда иностранные капиталы вовсе не нужны, а именно, спросилъ я, почему бы банкъ или опекунскій совѣтъ не принималъ-бы въ залогъ оконченные участки желѣзныхъ дорогъ, наравнѣ съ недвижимыми имѣніями, оцѣняя ихъ къ половину или въ $\frac{3}{4}$ стоимости, и почему бы не выдавали они подъ это обезпеченіе ссуды на общемъ 37 лѣтнемъ банковомъ положеніи о займахъ ¹⁾....

II.

Письмо А. А. Лярскаго—барону Ливену.

10-го апрѣля 1856 г.

Вы осуждаете меня за то, что въ 1847-мъ году я вызвался составить товарищество на паяхъ для сооруженія желѣзной дороги отъ Москвы до Нижняго-Новгорода, безъ гарантіи и съ тѣмъ, чтобы чрезъ 50 лѣтъ дорога поступила въ казну бесплатно, со всѣмъ подвижнымъ составомъ ея.

Вы говорите, что это было несбыточное дѣло, утопія, химера и тому подобное.

Слушайте мое оправданіе.

Въ то время появлялись многія частныя компаніи для устройства желѣзныхъ дорогъ на акціяхъ. Учредители этихъ компаній просили гарантію и привиллегію едва-ли не на 100 лѣтъ. Мнѣ казалось возможнымъ устроить желѣзныя дороги въ Россіи частными обществами другимъ способомъ.

Я обратился сперва къ г. министру финансовъ (Ө. П. Вронченко) съ вопросомъ: можно-ли надѣяться, что государственныя кредитныя учрежденія будутъ принимать въ залогъ желѣзныя дороги и выдавать на нихъ ссуды? Г. министръ на это мнѣ сказалъ, что еще не было

¹⁾ На этомъ обрывается записка отца; но въ дополненіе къ ней считаю нужнымъ помѣстить цѣликомъ письмо его къ бар. Ливену и извлеченіе изъ докладной записки министру финансовъ. Изд.

такого примѣра, потому что у насъ частныхъ желѣзныхъ дорогъ нѣтъ еще; но что желѣзныя дороги, представляя вещественную цѣнность, могутъ служить обезпеченіемъ ссуды, равно какъ дома и недвижимыя имѣнія, приносящія доходъ, а потому нѣтъ сомнѣнія, что со временемъ будутъ и на нихъ выдаваться ссуды изъ кредитныхъ установленій по мѣрѣ предвидимой пользы отъ самой дороги.

На вопросъ мой сколько примѣрно можно было бы надѣяться получить займы на 37 лѣтъ подъ желѣзную дорогу отъ Москвы къ Нижнему, которая стоила бы 12 милліоновъ рублей серебромъ, г. министръ финансовъ сказалъ: «что эта дорога одна изъ самыхъ выгодныхъ въ государствѣ и можетъ приносить 8 и болѣе процентовъ въ годъ чистой прибыли; что подъ эту дорогу кредитныя установленія могли бы дать половину или даже $\frac{2}{3}$ ея стоимости, и что подобныя ссуды на разныя полезныя предпріятія дѣлаются въ сихъ размѣрахъ».

«Еслибы частныя лица устроили сперва одну часть дороги на свой капиталъ, примѣрно на 3 милліона рублей, то кредитное учрежденіе могло бы выдать ссуду въ 2 милліона подъ залогъ сооруженной части дороги, наблюдая, чтобы эти 2 милліона были употреблены на продолженіе дороги; что такимъ образомъ вся дорога, стоящая 12 милліоновъ, образовалась бы постепенно въ теченіи 3-хъ или 4-хъ лѣтъ и обезпечивала бы ссуду въ 8 милліоновъ, со включеніемъ процентовъ на эти 3 или 4 года».

«Въ отношеніи ссуды это дѣло быточное, сказалъ г. министръ. Установить порядокъ обезпеченія и правило наблюденія будетъ дѣломъ правительства, но найдутся ли частныя люди, которые рѣшились бы употребить свои капиталы на семъ основаніи? Это уже ваше дѣло».

Вслѣдствіе этого разговора, согласясь съ нѣкоторыми капиталистами изъ русскихъ, я подалъ, въ началѣ 1847 года, г. главноуправляющему путями сообщенія прошеніе о дозволеніи мнѣ составить товарищество на паяхъ, для сооруженія желѣзной дороги отъ Москвы до Нижняго, безъ гарантіи и (какъ вамъ извѣстно) съ условіемъ, чтобы чрезъ 50 лѣтъ дорога сія поступила въ казну бесплатно, со всѣмъ подвижнымъ составомъ.

Отзывомъ г. главноуправляющаго путями сообщенія отъ 15-го мая 1847 года официально мнѣ объявлено высочайшее Государя Императора соизволеніе, съ разрѣшеніемъ мнѣ производить изысканія, инженерировки, составить планы, смѣты и весь техническій проектъ, къ чему я и приступилъ въ то же время ¹⁾.

¹⁾ Въ этомъ отзывѣ главноуправляющаго пут. сообщ. гр. Клейнмихеля отъ 15 мая 1847 г. за № 1917 сказано:

„Государь Императоръ по положенію комитета С.-Петербурго-Москов-

Въ маѣ 1848 года г. министръ финансовъ призвалъ меня къ себѣ и сказалъ, что Государь Императоръ приказалъ ему передать мнѣ, что Его Величеству весьма пріятно было бы видѣть осуществленіе моего предпріятія, которое во всѣхъ отношеніяхъ изволить находить полезнымъ, только желаетъ знать на чемъ основываю я свои расчеты, назначая такой короткій срокъ и не испрашивая гарантіи. «Я, говоритъ г. министръ, докладывалъ Его Величеству о разговорѣ съ вами о ссудѣ и на какомъ основаніи вы полагали оную просить, на что Его Величество изволилъ сказать, что находить таковую ссуду возможною, но желаетъ знать, какая можетъ быть польза товариществу при такомъ короткомъ срокѣ».

Въ отвѣтъ я осмѣлился сказать г. министру, что срокъ 50 лѣтъ нахожу не только не короткимъ, но даже слишкомъ длиннымъ, если ссуда будетъ въ $\frac{2}{3}$ стоимости сооруженія дороги, и тутъ же у г. министра написалъ краткій расчетъ слѣдующаго содержанія: «Дорога отъ Москвы до Нижняго будетъ стоить со всѣмъ подвижнымъ составомъ 12 милліоновъ, если изъ 400 верстъ сдѣлать сперва 300 верстъ въ одинъ путь, а 100 верстъ въ разныхъ мѣстахъ въ два пути, и если

скою желѣзной дороги, въ который вносилъ я на разсмотрѣніе предположеніе ваше о сооруженіи частною компаніею желѣзной дороги отъ Москвы до Нижняго Новгорода, Высочайше повелѣтъ соизволилъ:

„Дозволить вамъ, съ товарищами, устройство непрерывной желѣзной дороги отъ Москвы до Нижняго Новгорода, по тому направленію, какое по изысканіямъ признается для сего наиболѣе выгоднымъ и удобнымъ, на слѣдующихъ основаніяхъ:

- 1) „Предоставить вамъ составить товарищество, на паяхъ, а между тѣмъ приступить вамъ къ изысканіямъ, проведенію линіи и составленію проэктовъ и смѣтъ на всѣ сооруженія, которые, какъ равно и уставъ товарищества, должно оно представить въ текущемъ году, или въ началѣ 1848 года.
- 2) „По утвержденіи проэктовъ и устава товарищества разрѣшить ему приступить къ самому исполненію предпріятія“. Далѣе слѣдуютъ остальные основанія этого разрѣшенія, изъ коихъ главныя: прибрѣтать частныя земли и имущества по добровольнымъ соглашеніямъ съ владѣльцами, а въ случаѣ несогласія или несообразности цѣнъ—по правиламъ отчужденія на государственныя надобности. Устроить товарныя пристани на Окѣ при ея пересѣченіи и въ Нижнемъ Новгородѣ. Преимущественное право въ теченіи 6 лѣтъ со времени открытія дороги на продолженіе ея до Симбирска или до устья р. Камы. Безпошлинный ввозъ заграничныхъ рельсовъ въ томъ только случаѣ, если русскіе заводчики отказали бы ставить ихъ по цѣнѣ Петерб.-Московской жел. дор. (по 1 р. 43 к. за пудъ). Прочія принадлежности обязательно прибрѣтать у русскихъ заводчиковъ. Срокъ постройки 6-ти лѣтній. По прошествіи 50 лѣтъ, со дня открытія дороги, она со всѣми сооруженіями и подвижнымъ составомъ поступаетъ въ собственность казны бесплатно. Представленіе залога въ обезпеченіе добросовѣстности предпріятія и, въ случаѣ его невыполненія, для вознагражденія за отобранныя подъ дорогу земли.

Изд.

сдѣлать мосты прочные, но деревянные на каменныхъ устояхъ, и дома на каменныхъ же фундаментахъ деревянные, крытые желѣзомъ, безъ излишней роскоши; а какъ чистый доходъ этой дороги, по мнѣнію самого г. министра, можетъ быть въ 8 и болѣе процентовъ, то принимая въ разсчетъ только 7⁰/₁₀₀, на 12 милліоновъ будетъ получаться 840,000 р.

Изъ коихъ по займу 8 милліоновъ въ кредитное учрежденіе слѣдовать будетъ платить 6⁰/₁₀₀ 480,000 .

Затѣмъ чистой прибыли товарищество будетъ получать въ годъ 360,000 р.
то есть 9 процентовъ на его капиталъ въ 4 милліона.

По истеченіи же 37-ми лѣтъ, когда заемъ кредитнаго учрежденія погасится, товарищество будетъ получать въ послѣднія 13 лѣтъ чистаго дохода по 840,000 руб. въ годъ, то есть по 21 проценту на свой капиталъ въ 4 милліона.

Слѣдовательно, если правительству выгодно получить желѣзную дорогу со вѣсьмъ подвижнымъ ея составомъ бесплатно послѣ 50 лѣтъ, то для частныхъ лицъ, употребившихъ 4 милліона своихъ денегъ, предпріятіе это еще выгоднѣе. Если же вмѣсто 7 процентовъ дорога будетъ давать въ годъ 8 процентовъ, тогда товарищество будетъ получать:

На 12 милліоновъ по 8⁰/₁₀₀ 960,000 р.

Платить на 8 милліоновъ по 6⁰/₁₀₀ 480,000 р.

Чистой прибыли . . . 480,000 р.

то есть по 12⁰/₁₀₀, а въ послѣднія 13 лѣтъ всѣ 960,000 руб. въ годъ то есть по 24 процента, и наконецъ, если бы эта дорога давала болѣе 10-ти процентовъ, то выгоды товарищества были бы столь велики, что по истеченіи первыхъ 15 или 20 лѣтъ, оно, конечно, не отказалось бы построить вмѣсто деревянныхъ каменные зданія. Что же касается до устройства двойнаго пути на всемъ протяженіи, то для собственной своей пользы товарищество нашло бы необходимымъ это сдѣлать даже въ теченіи первыхъ 10 или 12 лѣтъ, равно и увеличить подвижной составъ дороги, черезъ что выданная отъ кредитнаго учрежденія ссуда была бы еще болѣе обезпечена».

Записку эту г. министръ финансовъ прочиталъ съ удовольствіемъ и сказалъ мнѣ, что доложить Государю Императору. Дней черезъ пять послѣ того г. министръ призвалъ меня опять къ себѣ и передалъ мнѣ самыя милостивыя и безцѣнные для меня слова Его Величества.

Въ короткое время оказалось русскихъ капиталистовъ, готовыхъ на сіе предпріятіе, достаточно не только на 4 милліона, но и болѣе этой

суммы; всё они ожидали лишь начала дѣла и открытія подписки. Вотъ почему я просилъ дозволить мнѣ начать работу во время присутствія Государя Императора въ Москвѣ въ 1849 году. Но.... мнѣ не дозволили приступить къ работамъ и запретили даже говорить о Нижегородской дорогѣ.

Теперь слышно, что иностранцы ѣдутъ къ намъ съ своими капиталами и хотятъ завладѣть всею сѣтью желѣзныхъ дорогъ и взять, такъ сказать, всю промышленность Россіи на аренду. У нихъ двойная въ виду цѣль: во-первыхъ, играть на иностранныхъ биржахъ акціями новой для нихъ Калифорніи,—они мастера этого дѣла; во-вторыхъ, въ теченіи полувѣка извлекать собственно для себя всю пользу изъ русской торговли.

Могутъ ли кредитныя наши учрежденія дѣлать въ отношеніи отечественной промышленности то же самое, что дѣлаютъ *Credits mobiliers* въ чужихъ странахъ? Могутъ ли государственныя кредитныя учрежденія употреблять, изъ остатковъ суммъ своихъ, по нѣскольکو милліоновъ рублей въ годъ на сооруженіе желѣзныхъ дорогъ внутри отечества, чтобы обойтись безъ заграничныхъ арендаторовъ? Наконецъ, можетъ ли встрѣтиться затрудненіе въ выпускѣ, въ случаѣ надобности, новыхъ кредитныхъ знаковъ для производительнаго ихъ употребленія? Всѣ эти вопросы не подлежатъ разсужденію частныхъ людей.

Но всякій частный человѣкъ можетъ понять, что русскимъ капиталистамъ выгоднѣе будетъ хранить въ сундукахъ своихъ акціи желѣзныхъ дорогъ, гарантированныхъ правительствомъ, нежели ломбардные билеты, потому что ломбардный билетъ ни въ какомъ случаѣ не принесетъ ему болѣе 4-хъ процентовъ, а акціи могутъ дать 8 и болѣе процентовъ и не менѣе 4-хъ.

Учредительство компаній иностранцами не значить, чтобы капиталы были заграничныя. Иностранцы сперва оставляютъ всё акціи за собою, внося на каждую только по 10-ти или 15-ти процентовъ, а потомъ будутъ ихъ уступать желающимъ русскимъ, разумѣется, выше нарицательной цѣны. Въ семь случаевъ, заплатя довольно дорого за науку, очень многіе русскіе капиталисты начнутъ брать свои деньги изъ кредитныхъ учрежденій и покупать акціи. Но если бы кредитныя учрежденія выдавали ссуды на сооруженіе желѣзныхъ дорогъ, (какъ это дѣлалось въ Англіи), соразмѣряя эти ссуды по усмотрѣнію своему съ предвидимыми приливами капиталовъ въ ихъ кассы, то конечно не могло бы послѣдовать неограниченнаго извлеченія частныхъ вкладовъ изъ кредитныхъ установленій. Мѣра эта казалась сбыточною и выгодною столько же для правительства, сколько и для частныхъ предпринимателей.

Позволительно было всякому русскому, особенно знающему дѣло, желать устроить хотя одну желѣзную дорогу, въ центрѣ государства, собственно русскими средствами, показать примѣръ для устройства другихъ дорогъ въ отечествѣ и доказать на дѣлѣ, что мы умѣемъ строить желѣзные дороги скоро, хорошо и дешево.

Вотъ что меня подвинуло на это предпріятіе. Другіе учредители какъ тогда, такъ и до сего времени, едва-ли издержали сколько нибудь своихъ денегъ. Со мною же случилось иначе—въ этомъ я долженъ покаяться. На всѣ работы по изысканіямъ, на проэкты, планы, чертежи, смѣты и весь громадный хламъ, который вы у меня видали, я къ стыду моему долженъ сознаться, употребилъ большую часть своего состоянія, какъ это вамъ извѣстно. Въ этомъ вы имѣете полное право смѣяться надо мной, и какъ близкій моему семейству, упрекать меня. Но казаться въ глазахъ вашихъ легкомысленнымъ, утопистомъ, я не желаю.

Вотъ вамъ моя исповѣдь, теперь судите меня. Нынѣ кстати страстная недѣля, иду къ заутрени на молитву покаянія. Слова: «не осуждати брата моего» относятся къ вамъ.

III.

Изъ докладной записки А. А. Вонлярлярскаго министру финансовъ
весною 1856 г.

Военныя обстоятельства двухъ послѣднихъ лѣтъ указали на самый опытъ: какую важную потребность представляетъ для Россіи устройство желѣзныхъ дорогъ, какъ въ отношеніи передвиженія войскъ и продовольствія ихъ, такъ равно и въ отношеніи отпускной и привозной торговли чрезъ сухопутныя границы.

Еще большую и несравненно важнѣйшую потребность въ томъ ощущаетъ, издавна, внутренняя наша торговля. Медленность передвиженія товаровъ изъ отдаленныхъ губерній Россіи къ главнѣйшимъ торговымъ пунктамъ и простирающаяся изъ того неопредѣлительность во времени прихода транспортовъ имѣютъ самое вредное вліяніе на внутреннюю торговлю, требуя двойныхъ и даже тройныхъ капиталовъ для совершенія постоянныхъ годичныхъ оборотовъ большей части торговцевъ.

Эта напрасная трата денегъ, упавая всею массою на цѣнность товаровъ, возбуждаетъ справедливое сѣтованіе, какъ со стороны публики, такъ и самого правительства на дороговизну, между тѣмъ, какъ дороговизна эта не только не приноситъ никакой существенной пользы для торгующихъ, напротивъ не рѣдко бываетъ причиною совершен-

наго ихъ раззоренія. Изъ этого ясно слѣдуетъ, что Россія по самому географическому положенію своему болѣе другихъ государствъ нуждается въ устройствѣ желѣзныхъ дорогъ, какъ въ видахъ пользы для внутренней и заграничной ея торговли, такъ и по охраненію огромныхъ ея границъ.

Не смотря однакожъ на то, устройство желѣзныхъ дорогъ, быстро распространившееся во всѣхъ государствахъ Европы, едва начало возникать въ Россіи.

Главнѣйшимъ препятствіемъ къ устройству у насъ дорогъ служить однакожъ не недостатокъ капиталовъ, для сооруженія дорогъ потребныхъ, а недостатокъ предпримчивости въ средѣ капиталистовъ, по неувѣренности въ успѣхъ самаго предпріятія.

Первый въ Россіи опытъ—устройство Царскосельской желѣзной дороги—былъ преисполненъ ошибками со стороны учредителей при сооруженіи. Затѣмъ, обратясь, по самому предназначенію этой дороги, въ перевозочный пунктъ однихъ пассажировъ, — не приносить и не можетъ приносить тѣхъ выгодъ, которыя бы могли убѣдить капиталистовъ въ возможности получать соотвѣтственныя выгоды на употребленный для дорогъ капиталъ.

Второй опытъ—устройство Николаевской желѣзной дороги—представляя образецъ современнаго искусства сооруженій, соотвѣтствующихъ достоинству націи, не былъ дѣломъ спекулятивнымъ по самому предназначенію и, слѣдовательно, не могъ равномѣрно, по громадности издержекъ (до 120 мил. р. с.), заохотить капиталистовъ на подобное предпріятіе въ другихъ пунктахъ.

Эти два опыта, положа преграду частной предпримчивости, привели къ тому печальному результату, что Россія: или долго еще не увидитъ сѣти желѣзныхъ дорогъ, которую рисуетъ себѣ въ воображеніи каждый, близко знакомый съ роднымъ краемъ и его нуждами, или должна будетъ прибѣгнуть къ пособію иностранныхъ капиталистовъ, которые, конечно, не остановятся вложить свои капиталы на такое предпріятіе, которое содѣлаетъ Россію вѣчною ихъ данницею.

Однакоже средство отвратить эту горькую будущность—въ рукахъ правительства и оно одно, собственнымъ своимъ примѣромъ, можетъ возбудить предпримчивость между русскими капиталистами ¹⁾.....

¹⁾ Далѣе излагается о значеніи Нижегородской желѣзной дороги и испрашивается разрѣшеніе на полученіе ссудъ изъ опекунскаго совѣта подъ готовые участки дороги. Извд.

IV.

Для полноты и ясности дѣла слѣдуетъ возвратиться къ 1847 году. Въ концессіи было сказано, что весь проэктъ долженъ быть представленъ къ утвержденію въ текущемъ (1847 г.) или въ началѣ 1848 г. Но такъ какъ открытыя предписанія мѣстному начальству о производствѣ изысканій были доставлены въ августѣ, а затѣмъ для составленія проэкта необходимо было сдѣлать наблюденіе весеннихъ водъ, то проэктъ могъ быть оконченъ никакъ не ранѣе октября 1848 г. Работы эти были произведены съ замѣчательною роскошью, не по одной внѣшней отдѣлкѣ, но и по своей полнотѣ, по добросовѣстному и тщательному изученію всей мѣстности. Составленъ былъ атласъ р. Оке; по немѣннѣю въ то время вовсе никакихъ топографическихъ картъ этого края, произведена топографическая подробная съемка и нивелировка всей мѣстности; изысканія дѣлались по нѣсколькимъ направленіямъ для выбора лучшаго изъ нихъ ¹⁾ и т. д.

Въ ноябрѣ 1848 года весь проэктъ съ приложеніями, ~~сметами~~ и детальными чертежами (въ нѣсколькихъ ящикахъ и портфеляхъ) былъ представленъ Лярскимъ вмѣстѣ съ составителемъ проэкта, инженеромъ Бетье, гр. Клейнмихелю. Графъ разсматривалъ планы, одобрилъ тщательную отдѣлку чертежей, подробно разспрашивалъ о мѣстности и о предполагаемыхъ сооруженіяхъ, но объявилъ Лярскому, что не приметъ къ разсмотрѣнію ни проэктовъ, ни смѣтъ до представленія залога въ размѣрѣ 5% съ капитала, опредѣленнаго смѣтами въ 20 мил., что составляло миллионъ руб. сер.

Представленіе этого залога и собраніе всего капитала затрудняло Лярскаго, который при томъ разсчитывалъ и на обѣщанное ему министромъ финансовъ разрѣшеніе ссудъ, а также нѣкоторыя облегченія относительно залоговъ, въ виду того, что онъ не просилъ гарантій, довольствовался 50-ти лѣтнимъ срокомъ пользованія дорогою, и что на всемъ протяженіи линіи не представилось ни одного случая, требующаго отчужденія частныхъ земель, такъ какъ со всѣми владѣльцами были заключены формальныя условія на безвозмездную уступку ихъ.

¹⁾ Всѣ эти работы по первоначальнымъ изысканіямъ и послѣдующимъ измѣненіямъ проэкта, по порученію Лярскаго, производились лучшими иностранцами и русскими инженерами, каковы Бетье, Вернеръ, фонъ Мекель, Рошъ и др. Послѣдній на счетъ Лярскаго былъ отправленъ за границу для изученія новѣйшихъ примѣненій строительнаго и техническаго искусства.

Четыре мѣсяца спустя, весною 1849 г., не получая отъ министра финансовъ ни одного изъ ожидаемыхъ разрѣшеній и не имѣя требуемыхъ залоговъ на всю дорогу, а между тѣмъ желая не упустить самаго благоприятнаго для работъ времени, Лярскій подалъ прошеніе гр. Клейнмихелю ¹⁾ объ исходатайствованіи ему дозволенія построить сначала часть дороги, а именно отъ Москвы до Владиміра, приступить къ землянымъ работамъ съ началомъ весны и впредь до представленія другого залога принять его петербургскій домъ, превышавшій по своей цѣнности требуемые 5% съ капитала на эту часть дороги. Лярскій желалъ воспользоваться предстоящимъ прїѣздомъ въ Москву Государя, по случаю освященія Кремлевскаго дворца, и воодушевленный общимъ сочувствіемъ московскаго купечества, готовился ознаменовать открытіе работъ торжественнымъ молебствіемъ и народнымъ праздникомъ. Но графъ вторично отказался принять проэктъ къ разсмотрѣнію и даже... запретилъ Лярскому говорить о желѣзной дорогѣ.

Съ тѣхъ поръ вопросъ о Нижегородской дорогѣ оставался безъ движенія до 1853 г., когда онъ вновь сталъ на очередь вслѣдствіе обстоятельствъ, о которыхъ будетъ сказано ниже.

Могутъ найдти страннымъ, почему Лярскій счелъ нужнымъ подчиниться такому запрету графа. Для разъясненія этого обстоятельства слѣдуетъ сказать, что въ то время Лярскій производилъ работы по вѣдомству путей сообщенія на нѣсколько милліоновъ рублей и уже по одной этой причинѣ находился въ полной зависимости отъ своенравнаго деспотизма графа, и что затѣмъ самая постройка желѣзной дороги, на какихъ бы основаніяхъ она ни производилась, равнымъ образомъ была бы въ рукахъ того же гр. Клейнмихеля. Съ другой стороны, очень понятно, что прежде окончанія Петербургско-Московской желѣзной дороги, да и вскорѣ потомъ, графу не хотѣлось допустить никакой частной постройки, которая могла бы осуществиться и скоро, и дешево.

Тутъ кстати упомянуть о разладѣ, происшедшемъ въ этотъ промежутокъ времени между графомъ и Лярскимъ. Сначала графъ отдавалъ полную справедливость дѣятельности, способностямъ и въ особенности безкорыстію Лярскаго и былъ къ нему очень хорошо расположенъ. Но вскорѣ самолюбіе его было оскорблено отказомъ Лярскаго поступить къ нему на службу ²⁾; стараясь не показывать этого неудовольствія, онъ при случаѣ сталъ мстить и вредить ему, гдѣ могъ. А въ 1851 г. нѣкоторыя обстоятельства возбудили въ графѣ уже явную

¹⁾ 29 марта 1849 г.

²⁾ А. П. Ермоловъ, по свидѣтельству Лярскаго, удивлялся этой его смѣлости — «не бояться мести гр. Петра Андреевича Клейнмихеля». Изд.

ненависть и непримиримую вражду къ Лярскому. Расскажемъ два—три важнѣйшихъ факта.

Въ сентябрѣ этого года Государь Николай Павловичъ, проѣзжая по только-что отстроеному Лярскимъ Московско-Варшавскому шоссе, имѣлъ случайное свиданіе съ нимъ на станціи Довскъ ¹⁾, былъ необыкновенно къ нему милостивъ и благосклоненъ и немедленно по возвращеніи въ Петербургъ произвелъ его изъ отставныхъ поручиковъ въ статскіе совѣтники и приблизилъ къ своей особѣ, назначивъ

¹⁾ Вотъ какъ Лярскій въ письмѣ къ своей семьѣ (приводимъ выдержки описываетъ это радостное для него событіе:

Могилевъ, 22 сентября 1861 г.

„Превосходно все обошлось, други мои сердечные, жена и дѣти. Въ станцію Довскъ я пріѣхалъ 20 числа въ 11 часовъ вечера, нашель, что въ домъ работы идутъ въ самомъ разгарѣ, полы красятъ—въ царской половинѣ варкеты кладутъ, двери красятъ, стекла вставляютъ, крыльцо начали дѣлать, печь и плитку въ кухнѣ начали класть, передъ домомъ мостовую и шоссе работаютъ, такъ что черезъ 4 дня все должно быть готово. И всѣ рабочіе работали до 11 часовъ ночи и легли спать. Но мнѣ было не до сна, ибо не 4 дня, а одинъ день оstarаться могъ. Въ 5 часовъ утра прискакалъ фелдгеръ и приказалъ выставлять лошадей на шоссе, что въ 8 часовъ утра Государь пріѣдетъ. И вотъ мой сонъ остальной прошелъ, началась внутренняя лихорадка—ни одного угла, гдѣ бы можно было Государю войти ни въ домъ, ни во флигеляхъ, ни на временную станцію—и въ 3 часа времени никакихъ средствъ не оставалось; мебели—ни стула, все обѣщано и должно было быть доставлено къ 24-му числу. Въ теченіи 5 часовъ все преобразовалось, а въ 2 часа пополудни все было довольно удовлетворительно готово, и я ожилъ. Вчера въ 3½ часа Государь пріѣхалъ, спросилъ у Петра гдѣ я,—„Здѣсь“—„Позови“, встрѣтилъ, обласкалъ, два раза руку подавалъ и до такой степени въ теченіи ¼ часа разговора со мною преисполнилъ меня восхщеніемъ своими милостями, что я и словъ не имѣю вамъ выразить. Государь пошелъ въ другую комнату одѣваться, я вышелъ. Графъ Орловъ... увидѣвъ меня выходящаго отъ Государя, къ себѣ дружески позвалъ, началъ знакомство и извѣщеніемъ, что жаловался на моихъ инженеровъ, проводившихъ линію моей желѣзной дороги чрезъ имѣніе его бабки (Жеребцовой). Она всему виновата—я послѣ узналъ, что вы ей же желали сдѣлать одолженіе и понялъ его... Savez-vous que sa Majesté vous a attendu plus de deux heures à Bobromisk—on vous a cherché partout... и пр. и пр.—Изъ половины Государя выходитъ камердинеръ ко мнѣ: „Александръ Александровичъ, государь васъ приглашаетъ кушать съ ними“... И передъ обѣдомъ еще разговаривалъ премилостиво и о разныхъ совершенно постороннихъ предметахъ, съ удовольствіемъ выслушивалъ меня. Подали обѣдъ. Петръ и Николай служили—воиларовскія принадлежности, во царскій дорожный обѣдъ. Изъ „вы“ перешло на „ты“.—„Ты здѣсь хозяинъ, садись на диванъ“. Государь направо, гр. Орловъ налѣво. Ровно часъ сидѣли за столомъ и послѣ стола и разговоры были intarissables и все Государь такъ дѣлалъ, чтобы я говорилъ, и говорилъ я свободно, какъ со своимъ братомъ.—L'Empereur a à plusieurs reprises relevé mes expressions.

«своимъ» чиновникомъ особыхъ порученій — за примѣрно превосходное и совѣстное исполненіе работъ ¹⁾).

Это сдѣлано было помимо графа и конечно сильно ему не понравилось. Новая служба Лярскаго, состоявшая въ томъ, чтобы являться къ Государю по его призыву, исключительное его положеніе, обширное довѣріе къ нему Государя, которому онъ никогда не стѣснялся говорить всю правду—возбудили неудовольствіе весьма многихъ. Много враговъ и недоброжелателей, тайныхъ и явныхъ, онъ себѣ нажилъ, и многіе видѣли въ немъ челоуѣка, желающаго добиться какого нибудь высокаго поста; тогда какъ въ дѣйствительности онъ не искалъ ни чиновъ, ни наградъ, ни почестей, и былъ воодушевленъ единственнымъ желаніемъ доказать на дѣлѣ свою безграничную привязанность къ Государю.

Въ декабрѣ того же 1851 года, по приказанію Государя, Лярскій представилъ Его Величеству свои соображенія о мѣрахъ для продовольствія голодавшихъ трехъ губерній (Смоленской, Могилевской и Витебской). Недолго передъ тѣмъ Государь уже утвердилъ состоявшееся по этому вопросу положеніе комитета министровъ, принявшаго мѣры, предложенныя гр. Клейнмихелемъ; но какъ соображенія Лярскаго показались Государю болѣе цѣлесообразными, то для обсуждения ихъ онъ приказалъ немедленно собрать комитетъ министровъ въ особое засѣданіе и призвать къ участию въ немъ Лярскаго, «если нужно будетъ» ²⁾.—Какъ это было пріятно гр. Клейнмихелю—можно догадаться.

qui lui ont paru justes; toutes mes réflexions ont été approuvées, il s'est plu à me mettre à mon aise.—Моего мнѣнія спрашивалъ, и нѣтъ конца милостямъ и моему благополучію нѣтъ мѣры. Пробывъ часъ и 25 минутъ почти непрерывно со мною въ разговорахъ, Государь милостивѣйше простился со мною, обѣщалъ непремѣнно быть у меня въ Петербургѣ и Вонларовѣ въ особенности. При отъѣздѣ сказалъ: скажи Адлербергу, чтобы онъ у тебя обѣдалъ.—А гр. Орловъ мнѣ говоритъ: et moi je vous recommande mon fils qui vient avec le C-te Münster, и Государь уѣхалъ, два раза мнѣ особенно поклонясь рукой — за тѣмъ я дождался гр. Адлерберга, который не остановился и благодарилъ за предложеніе обѣда, ибо пообѣдалъ за двѣ станціи; гр. Орловъ и гр. Мюнстеръ тоже обѣдали съ нимъ и не останавливались,—но всѣ прочіе и обѣдали, и чай пили; Карель меня узналъ въ потьмахъ на дворѣ—и обѣдалъ какъ старый знакомый; прочіихъ — свиты я не дождался; въ полночь выѣхалъ и въ 10 часовъ пріѣхалъ сюда — постараюсь сегодня выѣхать отсюда и заѣду въ Витебскъ, а 24-го поздно вечеромъ или 25-го утромъ надѣюсь обнять васъ въ Вонларовѣ. . Теперь 3 часа — ибо здѣсь разныя лица мнѣ мѣшали писать — губернаторъ, предводитель, полиціймейстеръ и инженеры были у меня. Теперь отправляю и сажусь за щи — ибо послѣ царскихъ щей не ѣлъ — а за маленькимъ столомъ болѣе говорилъ и внималъ, нежели ѣлъ.

¹⁾ Какъ выражено въ приказѣ 26 сентября 1851 г.

²⁾ Официальное письмо Управляющаго 1-мъ отдѣл. собственной Е. И. В. канцеляріи, ст. секр. Танѣва, отъ 6 декабря 1851 г. за № 1779. Цад.

Въ эту же эпоху (конецъ 1851 и начало 1852 г.) возникъ споръ и ожесточенная борьба между Лярскимъ и вѣдомствомъ путей сообщенія, надѣлавшіе, въ свое время, не мало шуму въ Петербургѣ. Графъ Клейнмихель отказывалъ въ удовлетвореніи претензій Лярскаго до миліона рублей за произведенныя имъ работы по Московско-Варшавскому шоссе. Государь заинтересовался этимъ дѣломъ, слѣдилъ за всѣми его фазисами, и когда выяснились всѣ обстоятельства, призвалъ въ свой кабинетъ графа Клейнмихеля и Лярскаго, объявилъ имъ, что изучивъ подробно все дѣло, онъ самъ будетъ ихъ судьей въ этомъ спорѣ, и, выслушавъ словесныя объясненія обѣихъ сторонъ, — рѣшилъ споръ въ пользу Лярскаго ¹⁾. Послѣ всего этого озлобленіе къ Лярскому всеильнаго и всемогущаго графа дѣшло до крайности.

Весною 1853 года правительство предполагало сдѣлать внѣшній заемъ въ 100 м. р. с., сколько помнится, для сооруженія Петербурго-Варшавской желѣзной дороги, и уже вело переговоры съ иностранными банкирами. Узнавъ объ этомъ, Лярскій, съ давнихъ поръ занимавшійся финансовымъ и кредитнымъ вопросомъ ²⁾ и считавшій систему займовъ вообще, а внѣшнихъ въ особенности, чрезвычайно отягощающею для государства (по его собственному выраженію—займы «въ сущности ни что иное, какъ налогъ на будущія поколѣнія»), составилъ цѣлый финансовый проектъ. Въ немъ разъяснялось, какимъ образомъ правительство, не прибѣгая ни къ займамъ, ни къ увеличенію налоговъ, ни къ уменьшенію расходовъ, могло бы реализовать въ короткое время, безъ уплаты процентовъ, до 500 м. р. с. свободныхъ капиталовъ, которые, по мѣрѣ надобности, можно было бы употребить на разработку нетронутыхъ еще неисчислимыхъ богатствъ Россіи и для оживленія во всѣхъ концахъ ея производительной дѣятельности. Со-

¹⁾ Въ министерствѣ пут. сообщ. и по нынѣ хранится въ особомъ запечатанномъ конвертѣ все это подлинное дѣло, гдѣ чуть ли не на каждомъ листѣ сложной переписки между вѣдомствомъ путей сообщенія и Лярскимъ сдѣланы покойнымъ Государемъ Николаемъ Павловичемъ собственноручно отмітки и замѣчанія, въ которыхъ Клейнмихель и его вѣдомство рѣзко порицаются за несправедливость и недобросовѣстность. Кромѣ того, Государь въ то-же время и по поводу того-же дѣла собственноручно написалъ графу слѣдующее: „Дѣйствія Совѣта“ (главнаго управленія путей сообщенія) „вахожу въ высшей степени достойными порицанія, ибо совѣтъ дозволять себѣ утверждать то, чего нѣтъ и не бывало, вопреки истинѣ и справедливости. За то дѣлаю всѣмъ въ немъ участвовавшимъ строжайшій выговоръ, который ему объявить письменно и въ полномъ собраніи въ немъ бывшихъ“, что и было исполнено.

²⁾ Изданная имъ въ 1838 году брошюра „О кредитѣ, трудѣ и отчетности въ сельскомъ хозяйствѣ“ представляетъ интересъ и въ настоящее время.

ображенія свои Лярскій почелъ долгомъ повергнуть на воззрѣніе Государя и, изложивъ ихъ въ короткой запискѣ, представилъ Его Величеству¹⁾. Исчисляя, что на предполагаемый внѣшній заемъ въ 100 м. р. с. придется уплатить одними процентами 1,189 м. р. с., онъ доказывалъ тутъ всю неизмѣримую разницу между постройкою желѣзныхъ дорогъ правительствомъ на занятыя капиталы и постройкою ихъ частными компаниями, даже съ гарантією, но безъ внѣшнихъ займовъ. Проектъ понравился Государю и онъ поручилъ министру финансовъ (П. О. Брокъ) рассмотреть его подробнѣе вмѣстѣ съ Лярскимъ. Въ переговорахъ и перепискѣ по этому поводу, возражая на замѣчаніе министра о недостаткѣ духа предпримчивости въ русскихъ людяхъ, Лярскій снова упомянулъ о своемъ проектѣ соорудить Нижегородскую дорогу на исключительно выгодныхъ для правительства условіяхъ, о томъ, что онъ, получивъ на это высочайшее разрѣшеніе и употребивъ значительный капиталъ на изысканія и составленіе всего проекта, просилъ разрѣшить ему приступить къ работамъ, но и по сіе время не получалъ этого разрѣшенія. «Между тѣмъ», пишетъ онъ къ Брокъ 11 іюня 1853 г., «къ приведенію въ исполненіе вышеозначеннаго предпріятія на прежнемъ основаніи я и въ настоящее время совершенно готовъ, и не только отъ Москвы къ Нижнему Новгороду, но въ то же время и отъ Самары до Илецкой защиты и далѣе готовъ предпринять сооруженіе желѣзной дороги безъ гарантій, съ нѣкоторыми особыми условіями, весьма выгодными для правительства, и съ намѣреніемъ учредить разработку земли въ Киргизскихъ степяхъ. Сверхъ того, имѣя въ виду возможность извлечь для товарищества и для торговли вообще чрезвычайныя выгоды отъ водянаго сообщенія по рѣкамъ Иртышу и Оби съ Ледовитымъ моремъ при устройствѣ желѣзной дороги, соединяющей Обь съ Печорой, я готовъ также предпринять и это сооруженіе безъ гарантій, съ устройствомъ пароходства на тѣхъ рѣкахъ, если устье Печоры окажется доступнымъ для судовъ большихъ размѣровъ со стороны моря. Съ этою цѣлію уже и приступлено мною на собственный коштъ къ изысканіямъ посредствомъ шкуны «Ермакъ», изъ Архангельска отправленной. Для одного частнаго человѣка, конечно, достаточно было бы таковой предпримчивости и нѣтъ сомнѣнія, что многіе оказали бы подобныя примѣры. Но частныя предпріятія такого рода, во всѣхъ отношеніяхъ полезныя, требуютъ поощренія правительства, а не преградъ и затрудненій».

По этому поводу возникла интересная переписка-полемика между графомъ Клейнмихелемъ и Лярскимъ, по инициативѣ самого Государя

¹⁾ 7 мая 1853 г.

и при участіи министра финансовъ. Дѣло было такъ. По докладу министра Брока Государю о переданныхъ ему Лярскимъ обстоятельствахъ, Его Величество потребовалъ отъ графа Клейнмихеля немедленно донести: «на чемъ остановилось предпріятіе Лярскаго по Нижегородской дорогѣ». Во исполненіе воли Государя графъ донесъ, что послѣ объявленія Лярскому, 17-го мая 1847 г., высочайшаго разрѣшенія на эту дорогу, онъ будто бы ни въ 1848 г., ни позже не представлялъ ни проэктовъ, ни смѣтъ, ни устава, ни залога, и слѣдовательно «ничего было ему разрѣшать и тѣмъ менѣе дозволить приступить къ работамъ». Лярскій будто бы несправедливо указалъ министру финансовъ, что онъ готовъ былъ предпринять дорогу безъ права отчужденія, ибо онъ о немъ просилъ и оно было ему даровано. На этомъ докладѣ Государь, отчеркнувъ объясненія графа, относящіяся до отчужденія, и слово «несправедливо», поручилъ министру финансовъ «спросить у Лярскаго причину этого противурѣчія». Этотъ запросъ Брока ¹⁾ Лярскій получилъ въ своемъ смоленскомъ имѣніи, откуда и послалъ отвѣтъ ²⁾. Въ немъ онъ излагаетъ весь ходъ дѣла и всѣ свои ходатайства у графа Клейнмихеля и у министра финансовъ въ 1847, 1848 и 1849 гг., но при этомъ, не имѣя въ деревнѣ подъ рукой всѣхъ бумагъ, впадаетъ въ нѣкоторыя цифровыя неточности, впрочемъ не измѣняющія сущности дѣла. Отвѣтъ Лярскаго министръ Брокъ представилъ Государю, который послалъ его графу Клейнмихелю, требуя отъ него разъясненій. Графъ представилъ Государю длинную записку, въ которой, налегая на эти неточности, силится опровергнуть всѣ показанія и доводы Лярскаго. Государь дѣлаетъ на ней отмѣтки и препровождаетъ къ Броку при слѣдующемъ собственноручномъ повелѣніи: «По отмѣткамъ моимъ спросить у г. Лярскаго, какимъ образомъ онѣ столь положительно опровергають его показанія. Упомянутые проекты и планы, которые уже ему возвращены, желаю, чтобъ были мнѣ присланы».

Получивъ отношеніе Брока ³⁾, съ объявленіемъ этой высочайшей воли, Лярскій представилъ министру ⁴⁾ свои оправданія на каждый изъ 17-ти пунктовъ обвиненія графа.

Слишкомъ длинно было бы излагать въ этомъ очеркѣ содержаніе всей переписки, хотя она сама по себѣ такъ интересна, что могла бы составить предметъ особой статьи. Достаточно прочесть нѣкоторые пункты обвиненій гр. Клейнмихеля, чтобы судить до какой степени они противурѣчаютъ истинѣ, къ какимъ мелочамъ онъ придирался, стараясь

¹⁾ Отъ 17 августа 1853 г., № 4830.

²⁾ 26 августа 1853 г.

³⁾ Отъ 12 ноября 1853 г., № 6416.

⁴⁾ Отъ 22 ноября 1853 г.

всячески оспаривать права и правоту своего врага и унижить его въ глазахъ Государя. Во всѣхъ пунктахъ обвиненія онъ беззащитно утверждаетъ, будто Лярскій показалъ или совершенную неправду, или невѣрно, или несправедливо. Напримѣръ:

1) Гр. Клейнмихель утверждаетъ (и это увѣреніе повторяется 6 разъ въ его запискѣ), будто ни въ 1848, ни позже Лярскій не представлялъ ему ни проэктовъ, ни смѣтъ, ни устава, ни залоговъ, и будто онъ, графъ, съ своей стороны о залогахъ и рѣчи даже не заводилъ.

2) Лярскій представилъ ему не нѣсколько, а одну подписку владѣльца на даровую уступку земли, и не при прошеніи, а при частной запискѣ.

3) Въ 1849 г. Лярскій просилъ разрѣшенія уже не на Нижегородскую, а на Владимірскую дорогу, имѣющую уже будто совершенно иное значеніе.

4) Въ доказательство несбыточности предположеній и цѣнь Лярскаго на постройку дороги до Владиміра въ одинъ путь — графъ приводитъ цѣны строившейся уже Петерб.-Варшавской дороги въ два пути.

5) Указываетъ на необходимость будто бы постройки большихъ мостовъ на четырехъ такихъ рѣкахъ, которыхъ на линіи вовсе не встрѣчалось.

6) Доказываетъ невозможность возить въ Москву дрова по дорогѣ Лярскаго и для того выводитъ самый преувеличенный расчетъ расходовъ на ихъ перевозку.

7) Говорить, что дорога до Владиміра не можетъ быть разрѣшена по совершенной бесполезности ея.

Надо однако-жъ думать, что Государь счелъ объясненія Лярскаго болѣе основательными и правдивыми, чѣмъ обвиненія графа Клейнмихеля, ибо вскорѣ послѣ того, въ январѣ 1854 г., Лярскій былъ призванъ къ Наслѣднику Цесаревичу, которому Государь поручилъ всё дѣла, относящіяся до желѣзныхъ дорогъ. Его Высочество, между прочимъ, лично приказалъ Лярскому: «когда онъ будетъ имѣть средства для приведенія въ исполненіе своего предпріятія по сооруженію желѣзной дороги отъ Москвы до Нижняго Новгорода, чтобы онъ обращался прямо къ Его Высочеству». Причемъ извоили выразить: «Если будутъ нужны какія-либо пособія со стороны правительства, то позовемъ министра финансовъ и потолкуемъ, и что можно будетъ сдѣлать, сдѣлаемъ». Но въ то время началась война, затѣмъ послѣдовала кончина Государя Николая Павловича; до окончанія же войны нечего было ни дѣлать, ни докладывать.

V.

По заключеніи мира, Лярскій, не теряя времени, подалъ главноуправляющему генералу Чевкину (замѣнившему гр. Клейнмихеля) прошение ¹⁾, въ которомъ объяснялъ, что вступивъ въ соглашеніе съ иностранными капиталистами для сооруженія Нижегородской желѣзной дороги безъ гарантіи и безъ права отчужденія, онъ проситъ для ускоренія дѣла и дабы имѣть возможность приступить къ работамъ лѣтомъ того же года, дозволить ему представить готовый уже проектъ и смѣты на предварительное разсмотрѣніе. Соглашаясь исполнить просьбу Лярскаго, генералъ Чевкинъ ему пишетъ..... «Желаю, по возможности моей, содѣйствовать осуществленію вашего полезнаго предпріятія, я готовъ допустить предварительный просмотръ проекта и смѣты, для разъясненія предметовъ, требующихъ взаимнаго соглашенія. Послѣ сего отъ васъ будетъ зависѣть представить проектъ и смѣты на устройство дороги, вмѣстѣ съ проектомъ устава общества и залогомъ, для дальнѣйшаго хода дѣла въ узаконенномъ порядкѣ ²⁾».

Тогда проектъ и смѣты были представлены въ главное управленіе, а по разсмотрѣніи ихъ доставлены обратно Лярскому ³⁾, съ многочисленными замѣчаніями объ измѣненіяхъ и дополненіяхъ, какія будто необходимо было въ нихъ сдѣлать. Вотъ для примѣра нѣкоторыя изъ этихъ перемѣнъ и замѣчаній:

1) Требовалось измѣнить линію, по случаю слишкомъ крутымъ скатовъ, на протяженіи 60 верстъ, изъ коихъ 42 версты имѣли уклонъ въ $\frac{1}{170}$. Между тѣмъ, во всѣхъ послѣдующихъ концессіяхъ допускался нормальный уклонъ въ $\frac{1}{125}$, а во многихъ случаяхъ и гораздо болѣшій предѣлъ.

2) Требовалось измѣнить проектъ на всѣхъ мѣстахъ, гдѣ дорога проведена «неглубокими выемками, которыя могутъ способствовать снѣжнымъ заносамъ».

3) Доказывалось, что два рельса, склепанные вмѣстѣ, не могутъ по прочности замѣнить желѣзный брусокъ (на трубахъ съ отверстіемъ отъ 3 до 6 футъ).

4) Представить чертежи не только главныхъ сооружений, но и оградъ, верстовыхъ и другихъ знаковъ, стрѣлокъ и пр.

¹⁾ 25-го марта 1856 г.

²⁾ Отношеніе ген. Чевкина къ Лярскому отъ 7 апрѣля 1856 г. № 1429.

³⁾ При отношеніи ген. Чевкина отъ 3 мая 1856 г., № 1692. Изд.

5) Предположенія о движеніи грузовъ и пассажировъ считаются преувеличенными и недоказанными. «Надо имѣть официальные свѣдѣнія о движеніи почтовомъ и дилижансовъ и о количествѣ проходящаго народа». Впослѣдствіи оказалось, что всѣ исчисленія Лярскаго о движеніи и доходности этой дороги были не выше, а далеко ниже дѣйствительности.

6) Относительно суммы ожидаемаго дохода отъ провоза цѣнныхъ товаровъ высказывалось сомнѣніе, что грузоотправители предпочтутъ перевозку водою и даже на подводахъ—пользованію желѣзною дорогою съ неудобствами перегрузки.

7) Въ заключеніе доказывалось, что чистый доходъ отъ дороги составитъ не $14\frac{0}{10}$, какъ исчислялъ Лярскій, а только $7\frac{1}{4}\frac{0}{10}$.

Теперь эти замѣчанія кажутся наивными, а требованія излишними: они могли лишь тормозить предпріятіе и притомъ впослѣдствіи никогда не примѣнялись ни къ одной дорогѣ.

Впрочемъ, какъ видно, ген. Чевкинъ до сей минуты скорѣе сочувствовалъ этому предпріятію, чѣмъ препятствовалъ ему. Но вся дальнѣйшая официальная переписка по этому дѣлу являетъ уже совсѣмъ иной характеръ—до такой степени, что если считать ген. Чевкина за честнаго труженника и истаго патріота, то его дальнѣйшее отношеніе къ предпріятію Лярскаго представлялось бы по меньшей мѣрѣ непонятнымъ. Но статья о немъ въ февральской книгѣ «Русской Старины» изд. 1885 г. даетъ въ этомъ отношеніи нѣкоторыя разъясняющія указанія. Тамъ говорится, между прочимъ, что именно въ эту эпоху, «передъ коронаціей Александра II, когда явились предложенія иностранцевъ, и въ томъ числѣ Колинъона, поддерживаемаго Морни, Чевкинъ принялся неутомимо трудиться.... денно и ночью.... безъ усталости въ теченіи четырехъ мѣсяцевъ и самъ одинъ.... въ глубокомъ секретѣ сочинялъ основныя условія и уставъ Главнаго Общества.... которые онъ самъ признавалъ за *chef-d'oeuvre* и результатъ которыхъ долженъ былъ быть блистательный: въ Россію сыпался металлъ въ 275 м. р. с., Россія получала четыре главнѣйшія дороги (въ томъ числѣ и Нижегородскую) и за все это ничѣмъ не рисковала... развѣ только ежегодною платою гарантіи въ 5 м. р. с.—Въ трудѣ этомъ онъ видѣлъ свою славу»....

Послѣ этого многое становится понятнымъ. Чевкинъ, углубившись въ свою задачу и ожидая отъ рѣшенія ея нивѣсть какихъ благъ для государства, ловко отдѣлывался отъ лицъ, мѣшавшихъ его плану—и тонко проводилъ Лярскаго и тѣхъ иностранныхъ капиталистовъ, которые не соответствовали «его широкимъ идеямъ». Изъ частныхъ пи-

семь Лярскаго того времени ¹⁾ видно, что въ теченіи всего лѣта 1856 г. являлись представители многихъ весьма солидныхъ заграничныхъ фирмъ, и всѣ они интересовались преимущественно Нижегородскою линіею, обращались къ Лярскому или непосредственно, или по рекомендаціи самого Чевкина; (въ числѣ послѣднихъ была компанія Оппенгеймъ и Мюленсъ). У Чевкина происходили продолжительныя засѣданія съ Лярскимъ и его компаньонами на счетъ Нижегородской дороги,—и онъ

¹⁾ Вотъ что, между прочимъ, писалъ въ то время (лѣтомъ 1856 г.) Лярскій, въ перепискѣ съ семействомъ:

(Письмо отъ 6 іюня, изъ Петербурга)... „Волковъ *) мнѣ говорилъ, что дордгой Государь былъ очень доволенъ моимъ шоссе и говорилъ про меня, что онъ мнѣ приказалъ обращаться прямо къ нему о желѣзной дорогѣ въ Нижній и вообще обо всемъ, что я найду полезнымъ. „Эта дорога одна изъ самыхъ нужныхъ, полезныхъ и выгоднѣйшихъ“, говорилъ Государь, и „очень желаю ему успѣха“.

(Отъ 16 іюня, изъ Петербурга.) ...Теперь съѣхались сюда разныя компаніи иностранныхъ капиталистовъ; большая часть изъ нихъ вступилъ со мною въ переговоры... и не далѣе, какъ сегодня два часа сраду мы были съ ними у г. Чевкина. Теперь остановилось все дѣло за мною, чтобы я представилъ планъ и нивелировку на 60 верстъ, которые противъ прежняго нужно измѣнить; тогда мы представимъ Чевкину весь прозектъ, залоги и уставъ; въ главныхъ пунктахъ, кажется, соглашеніе уже сдѣлано, прочіе вѣ ничтожныя... Если все дѣло о желѣзн. дор. уладится, какъ я надѣюсь, то я, конечно, напишу на высочайшее имя прошеніе, не знаю, дастъ ли оно поводъ быть призваннымъ къ Государю,—можетъ быть; случая не упущу, ибо очень желаю его. Но какъ Богъ дастъ.—Аудиенція съ Чевкиннимъ очень была для меня пріятная тѣмъ, что онъ самъ предварилъ этихъ господъ иностранныхъ капиталистовъ, чтобы они со мною сошлись; и онъ, и они мнѣ это сказали“....

(Отъ 20 и 22 іюня, изъ Петербурга)На Нижегородскую дорогу всѣ идутъ авс асагnement“. Далѣе Лярскій исчисляетъ лицъ и учрежденія, съ которыми находится въ переговорахъ. Тутъ поименовываются компаніи: 1. Прусская, въ которой участвуютъ дармштатскій и бельнскій банки, Мюленсъ, Оппенгеймъ и кн. Питеръ Витгенштейнъ. 2. Banque du credit de France и Штиглицъ. 3. Ротшильдъ прислалъ своихъ агентовъ M-rs Julien et Clark. 4. Бельгійская компанія: M-r Broun de Hogendorp, vice-président du comité consultatif des chemins de fers de Bruxelles, Albert Townsend (Stroffordshire). Кроме того являлись еще американцы, и велась Лярскимъ оживленная переписка съ парижскими банкирами.—„Я забылъ сказать“, (продолжаетъ онъ), „что Френкель Варшавскій поскакалъ въ Берлинъ и Лейпцигъ и мнѣ телеграфируетъ, чтобы я повременилъ“ (кончатъ съ другими).

(Отъ 7 іюля, изъ Петербурга)Двѣ компаніи, которыя шли одна противъ другой, сошлись вмѣстѣ и у меня было большое засѣданіе, новыя

*) Генералъ-адъютантъ Петръ Николаевичъ Волковъ, бывшій въ то время полковникомъ и едилель-адъютантомъ и сопровождавшій весной 1856 г. Государя изъ Москвы въ Варшаву и далѣе.

такъ хорошо сумѣлъ скрыть отъ нихъ свои истинныя намѣренія, что они въ полной надеждѣ на успѣхъ, съ его вѣдома и согласія, отправились въ Нижній изучать линію, дополняли и измѣняли проектъ. хлопотали о скорѣйшемъ разрѣшеніи начать работы и проч. Чевкинъ,

участники бельгійцы.... Всѣ они ко мнѣ льнутъ, какъ мухи къ меду, и безъ меня ничего не предпринимаютъ. Притомъ Ливенъ *) мнѣ вчера сказалъ, что гр. Орловъ съ нимъ много говорилъ о моей желѣзной дорогѣ, которою очень интересуется... На дняхъ долженъ рѣшиться вопросъ, поѣдемъ ли мы всѣ теперь въ Нижній или сперва окончимъ утвержденіе устава⁴ и пр.

(Отъ 23 и 24 іюля 1856 г., изъ Москвы)... „Вернулся изъ Нижняго и нашелъ все лучше, чѣмъ ожидалъ.... Мои компаньоны и ихъ инженеры всѣ въ восторгѣ (отъ всего найденнаго въ Нижнемъ и на линіи) и имъ очень хочется начать работы во время коронаціи.

...Теперь они пристально займутся составленіемъ окончательныхъ смѣтъ, чтобы на той недѣлѣ окончательно представить г. Чевкину проектъ, уставъ, смѣты и залоговъ“.

(Отъ 16 августа, изъ Москвы).„На мою желѣзную дорогу составила компания бельгійско-прусская на слѣдующихъ условіяхъ въ отношеніи меня: 1) Она должна мнѣ заплатить, при самомъ рѣшеніи дѣла, 200 т. р за всѣ мои издержки по сему дѣлу; 2) принимая меня безъ всякихъ капиталовъ въ число учредителей, выдѣляютъ мнѣ и наслѣдникамъ моимъ, въ теченіи 60 лѣтъ, по одному проценту чистой прибыли въ годъ, и 3) на время производства работъ, пользуясь моимъ знаніемъ дѣла и практикою, предоставляютъ мнѣ непосредственное участіе въ распоряженіяхъ, сколько я сего пожелаю ... Вотъ, кондичіи въ отношеніи ко мнѣ, если правительство согласится на кондичіи, предложенныя ими правительству и разрѣшитъ выдать этой компаніи la session.—Предложенія нашей этой компаніи несравненно выгоднѣе для правительства, нежели предложеніе Штиглица и другихъ, которые хотятъ, чтобы имъ передали постройку всѣхъ желѣзныхъ дорогъ въ Россіи съ гарантіею 5%, и на 99 лѣтъ, тогда какъ на одну Нижегородскую дорогу наша компанія проситъ гарантію 4½ процента и на 56 лѣтъ, а потому, вѣроятно, дадутъ нашей компаніи мою Нижегородскую дорогу“.

„Если бы правительство нашло удобнымъ отдать всѣ дороги компаніи Штиглица, то нашей компаніи откажутъ. Но въ отношеніи ко мнѣ компанія Штиглица и мнѣ самому, и Чевкину, и гр. Орлову, и Ливену (который состоитъ членомъ главнаго комитета жел. дорогъ) объявила, что не только находитъ справедливымъ заплатить мнѣ 200 т. р. за всѣ мои издержки, но находитъ для компаніи весьма полезнымъ мое содѣйствіе личное, а потому желаетъ меня имѣть участникомъ (хотя безъ капитала) и участникомъ не на одну Нижегородскую дорогу, а вообще на всѣ“.... **)

*) Баронъ Вильгельмъ Карловичъ Ливенъ, съ которымъ Лярскій былъ очень друженъ.

***) Ничего этого, разумѣется, Главное Общество не исполнило. Воспользовавшись довѣрчивостію Лярскаго, оно завладѣло всѣмъ его техническимъ проектомъ, выдало ему, въ концѣ 1857 г., 40,000 р., которые Лярскій принялъ какъ задатокъ, согласно предложенныхъ имъ условій, уступки изысканій; но потомъ съ ловкою уверткою Гл. Общ. отказалось отъ дальнѣйшей уплаты. Изд.

отзываясь неизмѣннѣмъ времени (по случаю коронаціи), просилъ ожидать окончательнаго отвѣта; отъ однихъ капиталистовъ увертывался съ ловкостью дипломата, другихъ утѣшалъ перспективой сойтись со Штиглицемъ для всѣхъ дорогъ и т. д. Въ частности исторія его отношеній къ Лярскому можетъ быть изложена въ короткихъ словахъ.

Получивъ изъ главнаго управленія замѣчанія на разсмотрѣнный его проектъ, Лярскій успѣшилъ исполнить всѣ указанныя ему исправленія и дополненія, причемъ пришлось сдѣлать новыя изысканія на протяженіи нѣсколькихъ десятковъ верстъ, и вновь представить испра-

„Теперь по случаю коронаціи всѣ дѣла пріостановились, наше дѣло у Чевкина, и онъ сказалъ, чтобы дали ему время на окончательный отвѣтъ. Они (т. е. иностранные компанейцы) очень его убѣждаютъ не медлить окончательнымъ рѣшеніемъ—онъ общалъ въ началѣ будущаго мѣсяца дать рѣшительный отвѣтъ“....

„Покуда я здѣсь и въ Петербургѣ сходился съ этою компанію, нашъ А... въ Парижѣ наткнулся на самаго значительнаго дѣльца и оттуда засыпаютъ меня самыми блестящими предложеніями—и тѣ дѣйствовать желаютъ и могутъ въ совершенно другихъ размѣрахъ—у нихъ французскіе и англійскіе банки въ рукахъ и они предлагаютъ мнѣ неописанныя выгоды, но покуда рѣшеніе съ моею компаніею не послѣдуетъ, я ничего не могу принять изъ Парижа. Съ парижскими *sommités des banques* я въ прямой перепискѣ, но пишу имъ, что я не свободенъ покуда и рѣшенія ожидаю здѣсь не ранѣе, какъ черезъ мѣсяць“....

(Отъ 1 сентября 1856 г., изъ Москвы). „...Впрочемъ никто ничѣмъ не занимается — похоже на то, что мои бельгийцы сойдутся съ компаніею Штиглица... Теперь по моему соображенію такая эпоха, что Штиглицъ чего захочетъ, то въ Россіи и будетъ. По ниже градусомъ Штиглица другіе законодатели—откупщики,— что захотятъ, то и сдѣлаютъ. Жаль и грустно мнѣ видѣть, предчувствовать, что всѣ желѣзныя дороги, (и милая моя въ томъ числѣ), всѣ сокровища Россіи будутъ разрабатываемы на пользу жидовъ и иностранцевъ; но лбомъ стѣны не пробьешь, а говорить не съ кѣмъ. — Я за свои издержки получу что слѣдуетъ, но участія въ устройствѣ дороги не хочу принимать съ жидами“....

(Отъ 18 сентября, изъ Москвы, писано послѣ тяжелой болѣзни Лярскаго). „...Третьяго дня у Морни былъ балъ, и такое с....., отъ котораго у русскаго человѣка желчь не можетъ не разлиться.—Вообразите, во-первыхъ, что въ танцевальной залѣ не было паркета и трудно было танцевать; но главное, какъ смѣтъ этому *riche assiette de la veille*—не позвать на официальный балъ ни одного изъ сановниковъ. Ни одного сенатора, множество полныхъ генералъ-адъютантовъ и дѣйствительныхъ тайныхъ совѣтниковъ не были званы; онъ ихъ изволилъ вычеркнуть изъ своего списка, тогда какъ всѣ французы и иностранцы парикмахеры были на балѣ у него. *Ca n'a pas de nom cette effronterie*. У англійскаго посла не было ужина, а у этого с.....— явное пугательство. *Ce sont pourtant ces charlatans enrichis qui maintenant font la loi chez nous; les voilà tous arrivés pour prendre notre chère patrie entre leurs griffes; ils veulent établir ici des crédits mobiliers, prendre tous les chemins de fer (Stiglitz y compris) et Morny, qui s'est enrichi moyennant*

вленный проект при прошеніи ¹⁾). Генераль Чевкинъ отказался принять проектъ, считая его неполнымъ, а слѣдующее прошеніе оставилъ уже вовсе безъ отвѣта.

Тогда Лярскій почелъ своимъ долгомъ письменно донести Государю Александру Николаевичу ²⁾, что нынѣ имѣетъ въ совершенной готовности средства для осуществленія начатаго имъ предпріятія, высочайше разрѣшеннаго ему еще въ 1847 году,—донести въ исполненіе выраженнаго Государемъ Наслѣдникомъ въ 1854 году приказанія непосредственно доложить Его Высочеству, когда средства къ сооруженію Нижегородской желѣзной дороги будутъ готовы.

Въ отвѣтъ на это письмо Лярскому было объявлено Чевкинѣмъ ³⁾, по высочайшему повелѣнію, что относительно постройки означенной дороги правительство приняло уже мѣры. Получивъ это объявленіе, Лярскій въ прошеніи, поданномъ Чевкину ⁴⁾, объяснилъ почему онъ осмѣлился беспокоить своимъ письмомъ Государя. Изложивъ вкратцѣ всѣ свои дѣйствія по предпріятію, дважды разрѣшенному ему, для исполненія котораго онъ не щадилъ ни трудовъ, ни издержекъ, Лярскій принимаетъ съ благоговѣніемъ объявленное ему высочайшее повелѣніе, считаетъ всѣ дѣйствія свои по этому предмету прекращенными, но надѣется, что изложенныя обстоятельства не будутъ оставлены «безъ правосуднаго вниманія» при принятіи правительствомъ мѣръ относительно Московско-Нижегородской желѣзной дороги. Въ отвѣтъ на это Чевкинъ въ общихъ и рѣзкихъ выраженіяхъ доказываетъ ⁵⁾, что Лярскій не воспользовался всемиловивѣйшими разрѣшеніями, послѣдовавшими какъ въ 1847, такъ и въ 1854 гг. и потому «не имѣлъ и имѣть не могъ никакихъ правъ на Нижегородскую желѣзную дорогу», и присовокупляетъ, что какъ послѣднее прошеніе Лярскаго, такъ и этотъ отзывъ были доложены Государю Императору, и Его Величество высочайше повелѣтъ соизволилъ: «къ

Fould et les Péreyra, travaille ici avec ces deux juifs et certainement obtiendra tout ce qu'il veut; car on n'ose pas refuser à ces valets français qui font ici les maîtres. Il faut pour être tout à fait bien portant, ne songer ni à l'avenir du pays, ni aux affaires générales.—Mais faire ce que font ...—manger, boire jouer aux cartes, songer aux cordons et croix, — remplir ses poches et dire „après nous le déluge“.—Je ferai comme je pourrai—je vous embrasse de tout coeur“.

¹⁾ Отъ 12 іюня 1856 г.

²⁾ 7 октября 1856 г.

³⁾ Отъ 21 октября 1856 г.

⁴⁾ 25 октября 1856 г.

⁵⁾ Отношеніе ген. Чевкина отъ 3 ноября 1856 г.

настоящему отзыву присовокупить, что послѣднее прошеніе столь же неосновательно, сколько и неумѣстно».

Вотъ какъ сьумѣлъ представить дѣло генераль Чевкинъ!

VI.

Просматривая всю переписку и въ особенности отзывы гр. Каейн-михеля и К. В. Чевкина, съ перваго взгляда представляется возможнымъ упрекнуть Лярскаго въ непостоянствѣ его соображеній и исчисленій. Дѣйствительно, въ теченіи 10 лѣтъ, въ продолженіи которыхъ онъ лелѣялъ эту мысль, какъ свое дѣтище, имъ нѣсколько разъ были измѣнены въ частностяхъ направленіе дороги, стоимость ея сооруженія и условія, предлагаемыя правительству. Но могли ли быть иначе, если взять во вниманіе: во 1-хъ, громадность предпріятія для частнаго лица, во 2-хъ, то, что это былъ первый шагъ, первая попытка; что тогда желѣзно-дорожное дѣло было совершенно неизвѣстно въ Россіи, что всѣ расчеты какъ для постройки, такъ и для эксплуатаціи были гадательны, и что большинство сомнѣвалось даже въ полезности желѣзныхъ дорогъ для страны ¹⁾? Затѣмъ не слѣдуетъ забывать, что въ теченіи этихъ 10 лѣтъ произошли значительныя измѣненія въ экономическихъ и другихъ условіяхъ страны, что измѣненія въ соображеніяхъ зависѣли, главнымъ образомъ, отъ степени его надежды на пріемлемыя или обѣщанныя облегченія и льготы по финансовой части предпріятія и вообще на поддержку правительства. Наконецъ, мы видимъ, что, даже Главное Общество на первыхъ же порахъ во всемъ и совершенно измѣнило принятія имъ на себя обязательства.

При всемъ томъ разница между Лярскимъ и всѣми другими прежними и настоящими предпринимателями желѣзно-дорожныхъ построекъ оказывается громадная.

Онъ первый указалъ на выгодность этого направленія, отрицавшуюся въ то время многими авторитетами, вложилъ въ это дѣло свою жизнь, трудъ и большую часть достоянія, между тѣмъ какъ другіе предприниматели едва ли и издерживали свои деньги. Въ теченіи всѣхъ десяти лѣтъ онъ былъ воодушевленъ единственно мыслью и пламеннымъ желаніемъ исполнить это полезнѣйшее для Россіи предпріятіе на условіяхъ, не обременительныхъ для правительства, а въ

¹⁾ Слова высочайшаго указа 28 января 1857 г. при утвержденіи уставъ главн. общ.: «...и желѣзныя дороги, въ надобности коихъ были у многихъ сомиѣнія еще за 10 лѣтъ....»

противъ, въ высшей степени для него полезныхъ и прибыльныхъ, и «тѣмъ дать добрый примѣръ будущимъ предпринимателямъ».

Сравнимъ условія, которыя испрашивалъ Лярскій, съ условіями, дарованными впоследствии Главному Обществу.

Лярскій довольствовался 50-ти лѣтнимъ пользованіемъ дорогою и доказалъ неопровержимыми расчетами: а) что для него и его товарищества это еще слишкомъ длинный и выгодный срокъ; в) что считая чистый ежегодный доходъ съ дороги въ 2 милліона рублей при переходѣ ея въ распоряженіе правительства сорока годами ранѣе обыкновеннаго 90 лѣтняго срока привилегій, казна получила бы чистую прибыль свыше 200 милл. руб. А какъ съ третьяго же года по открытіи этой дороги, не смотря на огромные расходы, потраченные Главнымъ Обществомъ на ея постройку и содержаніе, Нижегородская линія дала безъ малаго пять милліоновъ руб. чистаго дохода, то и оказывается, что при сооруженіи на условіяхъ Лярскаго прибыль казны достигла бы около 500 милліоновъ руб. Наконецъ, при постройкѣ этой дороги Лярскимъ въ 1847 году, казна начала бы получать съ нея доходъ чрезъ 14 лѣтъ отъ настоящаго 1885 года, тогда какъ теперь надо ждать еще 67 лѣтъ.

Лярскій не просилъ никакой гарантіи ни въ 1847, ни въ послѣдующихъ годахъ, и только въ послѣднемъ его прошеніи, осенью 1856 года, упоминается о гарантіи, просимой иностранными капиталистами, съ которыми онъ вошелъ въ соглашеніе, но и при этомъ товарищество Лярскаго предоставляло въ пользу казны третью часть чистой прибыли, превышающей 6%, что составило бы почтенную цифру ежегоднаго дохода для казны. Гарантія испрашивалась съ суммы 60,000 руб. за версту въ два пути, а не съ 88,000 р., затраченныхъ Главнымъ Обществомъ на одинъ путь. Какъ ни прискорбно было Лярскому это ходатайство гарантіи, онъ долженъ былъ просить, ибо экономическія условія и цѣны вообще за 10 лѣтъ измѣнились, а въ 1856 году, послѣ войны въ особенности, когда правительство вело уже переговоры о сооруженіи сѣти желѣзныхъ дорогъ съ гарантіею, иностранцы и не соглашались безъ оной вступать въ дѣло. Но и эта гарантія была бы только фиктивною; ибо несомнѣнно, что товариществу Лярскаго постройка дороги обошлась бы значительно дешевле, чѣмъ Главному Обществу, а дохода съ нея получалось бы не менѣе.

Хотя въ 1847 году Лярскому и дано было право отчужденія частныхъ земель, но, какъ видно изъ дѣла, оно служило единственно, какъ предохранительное средство отъ возможныхъ чрезмѣрныхъ требованій со стороны владѣльцевъ; онъ этимъ правомъ не воспользовался и формальными контрактами вошелъ въ соглашеніе со всѣми

владѣльцами на добровольную уступку всѣхъ земель. Въ 1856 г. его новое товарищество уже прямо заявило, что вовсе не проситъ права отчужденія. Примѣръ Лярскаго въ этомъ дѣлѣ, безъ сомнѣнія, оказалъ бы огромное вліяніе на послѣдующія концессіи.

Лярскій и въ 1847 г., и въ 1856 г. обязывался употреблять при сооруженіи исключительно или преимущественно русскіе рельсы, таковыя же должны были быть вагоны и всѣ другія принадлежности. Между тѣмъ Главное Общество, а по его примѣру и всѣ остальные строители, какъ извѣстно, все привозили изъ заграницы, и притомъ безплатно.

Лярскаго не допускали говорить о дорогѣ и не входили въ разсмотрѣніе его техническаго проекта безъ предварительнаго представленія наличными деньгами залога въ 5% со стоимости всей дороги, стало быть, требовали обезпеченія того, что, ничего не прося у казны, онъ исправно поднесетъ ей подарокъ въ нѣсколько сотенъ милліоновъ рубль! Отъ Главнаго же Общества, которому дарованы были всевозможныя льготы, права и привилегіи, требовалось тоже 5%, но не при началѣ переговоровъ, а гораздо позже утвержденія устава, и не со всей стоимости дороги, а по мѣрѣ выпуска ея акцій и облигацій пропорціонально ихъ суммѣ. Но и этотъ залогъ былъ только фиктивный, потому что, во 1-хъ, акціи, какъ мы теперь знаемъ, были безденежныя, а во 2-хъ, казна въ то же время отпускала Обществу огромныя субсидіи, которыя такъ дорого и горько обходятся теперь матушкѣ-Россіи.

И за всѣ свои хлопоты, труды, затраты, за желаніе быть полезнымъ своей странѣ, Лярскій, въ концѣ концовъ, получилъ изъ рукъ министра не ничего даже, а выговоръ высочайшимъ именемъ.

Послѣ этого, не вознагражденія уже желалъ, а жалѣлъ о томъ, что не имѣлъ впоследствии ни случая, ни возможности оправдаться въ глазахъ Государя. Свое горе онъ высказывалъ такими словами:

— «Отняли у меня болѣе нашего состоянія: отняли возможность сдѣлать пользу Отечеству въ 200 милліоновъ».

А. А. Вонлярскій.

Февраль 1885 г.

С. Вонлярѣво.

М. О. Копловичъ. Исторія русскаго самосознанія по историческимъ памятникамъ и научнымъ сочиненіямъ. Спб. 1884. 603 стр. Ц. 3 р. 50 к.

Объ этомъ сочиненіи давно возвестили намъ самъ авторъ въ известной рѣчи своей: «Историческая живучесть русскаго народа и ея культурныя особенности» (сказ. въ застѣд. славян. благотворит. общ. 23 янв. 1883), а изъ первыхъ строкъ его книги мы узнаемъ, что уже съ самаго начала своей профессорской дѣятельности онъ считалъ необходимымъ вводить своихъ слушателей (Спб. дух. акад.) прежде всего въ область литературы, науки, русской исторіи и давать имъ такія указанія, которые помогали бы имъ, такъ сказать, ориентироваться въ выборѣ книгъ. Съ 1880—81 гг. этотъ отдѣлъ чтеній автора разошелся уже до полного самостоятельнаго курса и наконецъ появилось настоящее сочиненіе. Такимъ образомъ трудъ этотъ является плодомъ многолѣтней преподавательской дѣятельности.

Мы не можемъ въ краткой библиографической замѣткѣ разсмотрѣть настоящей трудъ всесторонне и подробно, а потому ограничимся здѣсь нѣсколькими замѣчаніями о немъ, отлагая болѣе подробный разборъ его до другого времени. Признавая въ новой книгѣ автора строгую последовательность и стойкость въ мнѣніяхъ, не разъ высказанныхъ имъ и прежде, удачное изложеніе нѣкоторыхъ отдѣльныхъ частей, яркость отзывовъ, положенныхъ въ основу характеристикъ разнообразныхъ направленій, взглядовъ и ученыхъ вопросовъ, мы не можемъ, однако, признать его юное произведеніе удовлетворяющимъ общимъ требованіямъ какъ философскаго истолки, такъ и исторической библиографіи. Уже самое заглавіе книги показываетъ, что авторъ хотѣлъ дать нѣчто въ родѣ первой; продолжительный же процессъ его работы и назначеніе ея (вѣдь это курсы, читанные для учащихся и прежде всего обязанные служить послѣднимъ) требовали, чтобы онъ не пренебрегалъ и последнимъ. Впрочемъ, авторъ и самъ чувствовалъ этотъ недостатокъ, сдѣлавъ длинное

объясненіе о трудности подобной работы и о невозможности прослѣдить движенія науки со всею полнотою по журналамъ и даже газетамъ (стр. IV—V предисл.). Положимъ, послѣдній онъ могъ бы опустить, но въ первыхъ онъ нашелъ бы многое, что съ большою пользою пополнило бы «нѣкоторые выдающіеся моменты въ этой особаго рода исторіи нашего русскаго самосознанія». Правда, «не легки собственные поиски этого рода, особенно въ старыхъ журнальныхъ изданіяхъ», но все таки по этой части существуетъ порядочный матеріалъ въ нашей библиографической литературѣ. Если же авторъ признавалъ важность этого рода вспомогательныхъ средствъ, то мы никакъ не можемъ повѣсть того упрека, какой онъ дѣлаетъ въ другихъ literaturхъ К. Н. Вестужеву-Рюмину (74 и 474), обзоръ котораго источниковъ и трудовъ по обработкѣ русской исторіи вполне удовлетворяетъ предназначенной авторомъ дѣли и былъ первымъ, притомъ удачнымъ, опытомъ въ этомъ отношеніи.

Авторъ имѣетъ прекрасное качество быть откровеннымъ. Такъ, на первыхъ же страницахъ своего труда онъ заявляетъ о своемъ субъективизмѣ, но у него есть и существенный недостатокъ — тотчасъ обобщать, переносить на другихъ собственные воззрѣнія, не всегда достаточно подкрѣпленныя фактами и проверенныя рядомъ наблюденій. Мы не знаемъ тѣхъ авторитетовъ исторической науки, которые убѣдили автора въ достоинствѣ безусловнаго субъективизма, но мы знаемъ, что и въ древности, и въ новыя времена стремленіе къ объективности признавалось лучшимъ удѣломъ историка даже въ томъ случаѣ, когда онъ сознавалъ всю трудность идти по этому пути, а потому мы еще болѣе привѣтствовали бы трудъ автора, если бы къ нему могли быть приложены тѣ похвалы, которыя онъ съ такою справедливостію расточаетъ другому историку (473). Въ особенности же эти каче-

ства желательно было бы видѣть въ трудѣ, который имѣеть дѣла не съ фактами, а съ идеями и мифами.

Перейдемъ къ общему содержанию книги. По краткости отведеннаго намъ мѣста, мы не можемъ входить здѣсь въ подробности, а потому ограничимся тѣми чертами, которые рѣзче бросаются въ глаза и поражаютъ своими особенностями. Обзору первоисточниковъ авторъ удѣляетъ мало мѣста (стр. 11—47), причемъ вовсе не касается (если не считать нѣкоторыхъ, притомъ самыхъ общихъ, замѣчаній) возрѣвнй и міросозерцанія русскихъ лѣтописцевъ, а имъ было бы надлежащее мѣсто въ «исторіи русскаго самосознанія»; въ числѣ общихъ трудовъ о лѣтописяхъ (36) не поименованъ даже такой трудъ, какъ библиографическое описаніе лѣтописей Балънова; объ архивахъ авторъ говоритъ вскользь, а объ ученыхъ обществахъ почти вовсе не упоминаетъ. Едва ли также можно объяснять изданіе нѣкоторыхъ матеріаловъ Новиковымъ (какъ чины—царскіе, патриаршіе, церковные и т. п.) тѣмъ, что онъ былъ масонъ. Его издательская дѣятельность вовсе не показываетъ этого особеннаго влеченія къ подобнымъ матеріаламъ (39), а его собственныя слова объ изданіи «Визлюенки» прекрасно характеризуютъ и его историческое пониманіе. Отдѣльныхъ сказаній (иногда о важнѣйшихъ событіяхъ, въ которыхъ выразилось особенное вниманіе современника—бытописателя) и житій авторъ почти вовсе не касается (83), а между тѣмъ, какъ говоритъ о повѣстическихъ сказаніяхъ и былинахъ. На стр. 54 (примѣч.), говоря о польскихъ лѣтописяхъ, было целесообразнѣе упомянуть о трудѣ Цейсберга, специально посвященномъ этому предмету. Обзоръ иностранныхъ писателей о Россіи не доведенъ до конца, хотя группировка ихъ заслуживаетъ одобренія; но странно въ книгѣ, посвященной «исторіи русскаго самосознанія по историческимъ памятникамъ», видѣть совершенное отсутствіе русскихъ писателей занисокъ, если не считать (стр. 131) случайнаго упоминанія двухъ-трехъ именъ.

Переходя собственно къ обработкѣ русской исторіи, авторъ разбиваетъ дѣлѣйшее изложеніе своего труда на 12 главъ, которыя распределяетъ по слѣдующимъ рубрикамъ: первые опыты прагматическаго изложенія, время петровское, Шлецеръ, разработка русской исторіи въ XVIII столѣтіи независимо отъ Шлецера (Щербатовъ и др.), Карамзинъ, скептическая школа, противники ея, поворотъ къ изученію русскихъ древностей, вліяніе западно-славянскихъ ученыхъ, западники, славянофилы, Соловьевъ, его послѣдователи, реалистическая теорія, научное изученіе естественныхъ условій русской жизни (Н. П. Барсовъ, — собственно географія), федеративная теорія, новыя научныя требованія (Вестужевъ-Рюминъ и др.), вліяніе археологическихъ изысканій, сравнительный методъ.

Таково общее представленіе автора о ходѣ науки русской исторіи. Но господствующая идея, проходящая красной нитью чрезъ всю книгу его, — это нерасположеніе къ иновечнымъ вліяніямъ въ русской исторической наукѣ, къ нѣмцамъ-обработчикамъ въ XVIII вѣкѣ—академикамъ, а затѣмъ и въ XIX вѣкѣ, особенное отианіе западничества и т. п., и отсюда идетъ общее освѣщеніе историческихъ направлений. Вслѣдствіе такого характера труда хотя выигрывается сила выраженія слова, но самое изложеніе не рѣдко впадаетъ въ публицистическій тонъ. Такъ, гораздо лучше сдѣлалъ бы авторъ, если бы вѣсто «сильныхъ мѣствъ», направленныхъ противъ Шлецера, далъ бы надлежащую оценку его какъ историка, въ связи съ положеніемъ исторіи на западѣ и въ Россіи, а вѣсто упрековъ его въ гордости и академическихъ преткновеніяхъ, познакомилъ бы своихъ читателей обстоятельно съ прѣмами и трудами Шлецера. При этомъ полезно было бы сдѣлать подробное указаніе литературы о Шлецерѣ, такъ какъ и на западѣ, и у насъ о немъ писали много; а о научномъ движеніи при Екатеринѣ можно сказать бы больше (ученыя экспедиціи). Вообще авторъ имѣетъ пристрастіе въ

одному какому-нибудь писателю, которымъ и пользуется при оцѣнкѣ того или другого историка, напр. для Карамзина — къ Погодину и юбилейной литературѣ; между тѣмъ здѣсь опять важно было бы прослѣдить не столько внѣшній ходъ работы Карамзина, мнѣнія Погодина и др. о немъ, политическія мнѣнія историка-писателя, сколько обработку его исторіи и важнѣйшихъ вопросовъ, входящихъ въ нее (вѣдь авторъ пишетъ исторію самосознанія и по научнымъ трудамъ). При этомъ, по крайней мѣрѣ, слѣдовало указать на цѣлый рядъ статей о Карамзинѣ, какъ историкѣ Соловьева. Замѣчательно, что авторъ нигдѣ не считалъ нужнымъ коснуться историческихъ трудовъ и. Евгенія Калейдовича, Лерберга и многихъ др., а о Кружѣ лучше было совсѣмъ не говорить, чѣмъ говорить съ пренебреженіемъ (167); замѣчаемъ это потому, что авторъ очень охотно распространяется о другихъ, менѣ заслуживающихъ вниманія, писателяхъ. Тотъ же недостатокъ, какой мы замѣтили относительно Карамзина, авторъ повторяетъ и въ статьѣ о Соловьевѣ. Имѣя въ виду, что книга автора все-таки курсъ, нельзя ограничиться неточнымъ перечнемъ нѣсколькихъ его трудовъ и вѣтвъ дѣлать характеристику по его исторіи. У Соловьева была цѣлая серия статей, такъ сказать, философско-историческихъ, рядъ статей по западной исторіи, которыя могли бы послужить прекраснымъ матеріаломъ для общей характеристики писателя и его воззрѣній въ отношеніи къ русской исторіи, и даже если неудобно было совершить по этому поводу экскурсію къ журналамъ, то и вышедшій томъ статей историка могъ бы послужить достаточнымъ матеріаломъ для означенной характеристики. При томъ, когда приходится говорить о такихъ крупныхъ писателяхъ, какъ Соловьевъ, то естественно обратить вниманіе не только на ихъ собственное мнѣніе, но и на мнѣнія другихъ о нихъ, что было бы вполне уместно встрѣтить въ общей совокупности народнаго «самосознанія», а о Соловьевѣ, какъ извѣстно, писали и много, и многіе. При

всемъ томъ глава о Соловьевѣ изложена полнѣе, систематичнѣе и отчетливѣе другихъ, чего, между прочимъ, нельзя сказать о близкихъ автору труда—славянофилахъ, о которыхъ и прежде, и недавно еще написано было не мало статей (о славяно-философск. ученіи въ Журн. мин. нар. проsv. и др.). Нѣсколько новыхъ чертъ къ характеристикѣ И. Е. Забѣлина авторъ могъ бы найти въ его «Опытахъ» (2 тома); впрочемъ, стремленіе автора мѣрить все одною мѣрою (напр. взглядами на варяговъ) заставило его на этотъ разъ даже повториться (405, 505).

Отмѣтимъ еще нѣсколько недоразумѣній. Странно какъ-то встрѣтить нѣкоторыя имена въ несоответствующихъ отдѣлахъ: напр. о трудахъ Хвольсона, Гаркави, Гедеснона въ главѣ, гдѣ говорится о вліяніи археологическихъ изысканій на ходъ историческихъ работъ (497—502); главу о сравнительномъ приѣмѣ въ исторіи начать съ г. Голубинскаго и тутъ же, пользуясь случаемъ, что это писатель по церковной исторіи, говорить о трудахъ пр. Филарета и Макарія (510—516). Не менѣе странно видѣть въ одной главѣ и Пыпина, и Калачова, и Бычкова, и Буданова, и Майтовича. Тутъ не соблюдена даже хронологическая послѣдовательность, какъ не всегда соблюдаетъ ее авторъ и въ изложеніи мнѣній и взглядовъ одного и того же писателя, а вѣдь это условіе весьма важное... Но ни сочиненіе г. Буданова «Нѣмецкое право въ Польшѣ и Литвѣ», ни еще болѣе его трудъ «Государство и народное образованіе въ XVIII стол.» (Яр., 1874), о которомъ не упоминаетъ «Исторія развитія самосознанія», не позволяютъ помѣщать его въ ту группу, во главѣ которой авторъ ставитъ г. Пыпина! Повидимому самый излюбленный у автора изъ новѣйшихъ изслѣдователей—г. Самоквасовъ, которому онъ не разъ удѣляетъ свои патетическія строки (128, 273, 496, 509); но и онъ оклеивается хоть косвенно причастнымъ къ той же западнической группѣ. Не менѣе странно встрѣтить имя пр. Врикнера въ группѣ «реалистической теоріи», притомъ

между Шаповымъ и Морозовымъ, и вовсе не найти въ книгѣ Устрялова, если не считать незначительныхъ обмолвокъ о немъ, или Пекарскаго, на котораго такъ часто ссылается авторъ въ своихъ цитатахъ; упоминая о рецензіи на книгу Барсова г. Майкова, даже вторично въ дополненіяхъ (432, 602), онъ не говоритъ о другой рецензіи—Замысловскаго; относясь съ похвалою объ очеркахъ Литвы г. Антоновича, не обращаетъ вниманія на рядъ статей въ дополненіе къ нимъ г. Дашкевича (Универс. изв.), хотя дважды обращается къ нему по этому поводу (432, 469). Здѣсь своего рода повтореніе одного и того же). А. Ф. Бычковъ оказывается бывшимъ юристомъ (270), Хлѣбниковъ — проф. харьковскаго университета (416, онъ былъ въ кievскомъ); не упоминается вовсе о біографіи Шапова (Аристовъ), а Брикнеръ оказывается помѣстившимъ первоначально исторію Петра великаго, на нѣмецкомъ языкѣ, въ журналѣ «Allgemeine Geschichte» (420 стр. Это не журналъ, а сборникъ отдѣльныхъ исторій разныхъ

государствъ, издав. Оннекомъ!), но быть можетъ это уже мелочи?... , однако мы считали необходимымъ упомянуть о нихъ уже потому, что авторъ спѣшить сдѣлать другіе менѣе важные пропуски и обмолвки въ дополненіи. Но если авторъ считалъ необходимымъ отвѣсти на нѣкоторые иностранные писатели о Россіи (Деруа - Болье, 435 — 448), то можно измѣнить, почему въ его книгѣ не нашлись мѣста—Германъ, Рамбо, Пальмеръ и др. Мы не думаемъ, чтобы здѣсь могли имѣть значеніе требованія публициста. Вообще при искусственномъ дѣленіи главъ, авторъ не всегда легко и удачно справляется съ распределеніемъ въ нихъ писателей.

Въ заключеніи книги авторъ помѣстилъ перечень своихъ трудовъ. Мы полагаемъ, что онъ хорошо поступилъ бы, если бы приложилъ также перечень по крайней мѣрѣ важнѣйшихъ изданій и трудовъ, но систематическій и точный, который могъ бы служить справочнымъ писателемъ при чтеніи его книги.

В. С. Ивонниковъ.

Къ статьѣ: К. В. Чевкинъ.

Въ февральской книгѣ „Русской Старинѣ“ изд. 1885 г. помѣщенъ очеркъ „К. В. Чевкинъ“. Въ очеркѣ этомъ рассказанъ случай, бывшій съ инженеромъ Кончевскимъ. Я хорошо помню, что ни во время управленія К. В. Чевкина, ни прежде, ни послѣ, съ 1852 г. по 1864 годъ, изъ института выпут. сообщ. не было выпущено инженера съ фамиліей „Кончевскій“, вѣроятно это былъ инженеръ Коишевскій (выпуска 1860 г.). А. В. Д.

ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ ГОДОВЩИНА 19-го ФЕВРАЛЯ.

Славный день великаго акта въ новѣйшей исторіи Россіи—день освобожденія крестьянъ—ежегодно составляетъ наиболѣе дорогой изъ дней для русскаго народа. Съ 1881-го года этотъ день обратился и въ день воспоминанія о благодушномъ Государѣ-Освободителѣ нравственный образъ котораго все выше и выше подымается предъ благодарнымъ потомствомъ.

Въ ряду всѣхъ чествованій этого дня наиболѣе живой и многознаменательный интересъ представляетъ сходка за дружескимъ обѣдомъ непосредственныхъ участниковъ въ составленіи Положеній 19-го февраля—членовъ славной памяти Редакціонныхъ Коммиссій, а также лицъ, принимавшихъ дѣятельное участіе либо въ дальнѣйшемъ развитіи этого законоположенія (таковы лица, служившія въ Главномъ Комитетѣ объ устройствѣ сельскаго хозяйства), либо выносившихъ на себѣ проведеніе въ жизнь „Положеній объ улучшеніи быта крестьянъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости“.

Таковой кружокъ собрался 19-го февраля на обычную ежегодную сходку подъ предсѣдательствомъ К. К. Грота. Сюда были приглашены подобно предъидущимъ годамъ: И. П. Арапетовъ,—В. А. и А. А. Арцимовичи,—Н. Х. Бунге,—кн. С. П. Голицынъ,—А. В. Головинъ,—Г. П. Галаганъ,—К. И. Домонтовичъ,—С. И. Зарудный,—Н. В. Калачовъ,—Н. Н. Колошинъ,—Ф. П. Корниловъ,—Е. И. Ламанскій,—М. Н. Любощинскій,—М. П. Митковъ,—С. А. Мордвиновъ,—И. А. Новиковъ,—П. П. и Н. П. Семеновъ,—М. Р. Салтыковъ,—М. И. Семеvскій,—Е. П. Старицкій,—Н. И. Стояновскій,—П. Е. Татаринновъ,—А. Д. Шумахеръ,—П. А. Шульцъ.—Въ качествѣ обычныхъ гостей этого обѣда приглашены были: К. Д. Кавелинъ,—А. И. Скребидкій (составитель монументальнаго труда: Труды Редакціонныхъ коммиссій),—гр. Н. Я. Ростовцевъ и Ю. Н. Мплютинъ.

На этомъ обѣдѣ, прошедшемъ въ весьма оживленной и интересной бесѣдѣ, провозглашены были уважаемымъ предсѣдателемъ обычныя, традиціонныя госты: 1) за здоровье Государя Императора; 2) въ память главнаго виновника великаго дѣла крестьянской реформы—Государя Императора Александра Николаевича; 3) за великое дѣло 19-го февраля 1861 года; 4) за всѣхъ дѣйствующихъ и дѣйствовавшихъ въ пользу крестьянской реформы; 5) въ память умершихъ труженниковъ по крестьянскому дѣлу (при этомъ К. К. Гротъ прочелъ списокъ двадцати четырехъ лицъ, бывшихъ членовъ Редакціонныхъ Коммиссій, умершихъ съ 1864-го по 1884-й годъ включительно), и 6) за благоденствіе Россіи.

Затѣмъ, П. П. Семеновъ, въ оживленной рѣчи очертилъ дѣятельность по крестьянскому вопросу скончавшагося въ концѣ 1884-го года Н. Н. Павлова, одного изъ членовъ Редакціонныхъ Коммиссій.—К. Д. Кавелинъ—славный ветеранъ крестьянскаго дѣла, составитель нѣвогда весьма знаменитой Записки по этому вопросу, сослужившій вообще великую службу для введенія въ сознаніе всего русскаго общества правильныхъ взгля-

довъ на разрѣшеніе трудныхъ вопросовъ, соединенныхъ съ дѣломъ освобожденія крестьянъ, сказалъ обширную и въ высшей степени интересную рѣчь по поводу тѣхъ новыхъ вопросовъ, которые выдвинулись общимъ ходомъ крестьянской реформы. К. И. Домонтовичъ, одинъ изъ ближайшихъ редакторовъ Положеній 19-го февраля, сообщилъ весьма интересныя данныя о тѣхъ слабыхъ сторонахъ, которыя выяснились въ 24 года по примѣненію этихъ Положеній къ жизни. М. И. Семевскій прочелъ любопытный отрывокъ изъ Записокъ одного изъ близкихъ лицъ къ бывшему генералъ-губернатору сѣверо-западной Россіи В. И. Назимову, — о первыхъ дняхъ зарожденія крестьянской реформы въ началѣ царствованія Александра II.

Затѣмъ, по предложенію г. предсѣдателя, присутствовавшіе обмѣняли мысли по вопросу о томъ, какъ отпраздновать двадцати пяти-лѣтнюю годовщину дня освобожденія русскаго крестьянина — 19-го февраля 1886 года.

Задуманнымъ тостомъ, провозглашеннымъ Н. Х. Бунге за здоровье предсѣдателя, — распорядителя обѣдовъ 19-го февраля, — закончилась въ началѣ одиннадцатаго часа вечера бесѣда обычныхъ участниковъ этой знаменательной сродки.

Въ виду особаго интереса рѣчей гг.: П. П. Семенова, К. Д. Кавелина и К. И. Домонтовича, мы постараемся напечатать ихъ въ слѣдующей книгѣ „Русской Старинѣ“, именно въ кн. IV, изд. 1885 г.

Ред.

Къ запискамъ Н. И. Пирогова.

Въ посмертныя Записки Н. И. Пирогова, напечатанныя въ февральской книгѣ журнала „Русская Старина“, изд. 1885 г., вѣрными опечатки, которыя необходимо исправить: на стран. 287 напечатано: Энгольць, читай — Эшольць; на стран. 299 напечатано: Дау, читай — Дау; на стр. 302 напечатано Лигардтъ, читай — Липгардтъ; на стр. 288 напечатано: профессоромъ Струве, читай — профессору Струве, потому что отецъ не посылалъ офицеровъ, а ихъ прислали къ нему въ Дерптъ изъ Петербурга, когда онъ былъ еще въ Дерптѣ профессоромъ. — На стр. 287 сказано, что дерптскій профессоръ математики Бартельсъ былъ товарищемъ короля Люи Филиппа, когда они оба были учителями въ Швейцаріи. Это невѣрно, какъ доказываетъ рассказъ самого Бартельса въ предисловіи къ его сочиненію „Vorlesungen über mathematische Analysis“. „Замокъ Рейхенау въ Граубюнденѣ, пишетъ Бартельсъ исторически замѣчательнѣе тѣмъ, что нынѣшній король Франціи (въ 1833 году) во время терроризма былъ тамъ, подъ чужимъ именемъ, профессоромъ мѣстной семинаріи. По пріѣздѣ моемъ туда, я засталъ тамъ еще нѣсколько изъ его учениковъ, которые продолжали у меня свои занятія математикомъ, вначтя ими при немъ“. Слѣдовательно, король Люи Филиппъ и Бартельсъ не были одновременно учителями въ Швейцаріи; кромѣ того, мнѣ извѣстно, что профессоръ Бартельсъ короля Люи Филиппа лично вовсе не зналъ.

В. В. Струве.

На стр. 274, 275, 277 и 278 февральской книги „Русской Старинѣ“ изд. 1885 г., въ Запискахъ Н. И. Пирогова, должно быть Корнухъ Троицкій. Онъ былъ въ мое время профессоромъ и Корнухомъ мы его не звали; на стр. 282 и 302 слѣдуетъ читать Липгардтъ, а не Лигардтъ. На стр. 390 той же февр. книги, въ статьѣ „В. И. Назимовъ“ слѣдуетъ читать *pasta conventa* а не *pasta conventa*.

К. Р.

„РУССКАЯ СТАРИНА“ изд. 1885 г.

ТОМЪ СОРОКЪ ПЯТЫЙ.

ЯНВАРЬ, ФЕВРАЛЬ, МАРТЪ.

Записки и Воспоминанія.

	стр.
I. Посмертныя записки Николая Ивановича Пирогова. Гл. XXXV—LX	1—54; 259—310; 481—526
Поправки къ Запискамъ Н. И. Пирогова. Сооб. Б. В. Струве и К. Рудницкій.	758
II. Записки К. К. Мердера, воспитателя цесаревича Александра Николаевича, 1824—1834 гг. Гл. I—III: 1826, 1828 и 1829 гг.	339—364; 527—554
III. Воспоминанія декабриста А. П. Бѣляева о пережитомъ и переживуванномъ съ 1803 года. Часть вторая. Гл. V—IX	653—670
IV. Новгородскія военныя поселенія. Воспоминанія Александра Карловича Гриббе	127—152
V. Русско-турецкая война за Кавказомъ въ 1853 и 1854 гг. Изъ записокъ ген. отъ инф. М. Я. Ольшевскаго. (См. „Русскую Старину“ изд. 1884 г., томъ XLIV, стр. 171—190; 417—432; 497—514).	
Замѣтка къ этой статьѣ: Полковникъ П. Д. Головинъ и ген-маіоръ Журавскій въ 1854 г. Сообщ. Ив. В. Гореловъ	156
Поправка къ замѣткѣ Ив. В. Горелова	430
VI. Славное Баязетское сидѣнье въ 1877 г. Гл. I—XXIX. Очеркъ по запискамъ очевидцевъ. Состав. К. К. Гейнсъ.	
	157—186; 443—468; 581—610

Исследования, историческіе и біографическіе очерки, рассказы, матеріалы, замѣтки.

До-петровское время.

- I. Сожженіе людей въ Россіи въ XIII — XVIII вв. Сообщ.
Іосифъ Берхинъ. 187—192

стр.

Царствованіе Екатерины II.

- I. Арсеній Мацѣвичъ, митрополитъ ростовскій, въ ссылкѣ.
Историческій очеркъ по вновь открытымъ матеріаламъ,
1767—1772 гг. Гл. I—III. Состав. И. Я. Морошкинъ.
311—338; 611—628

Царствованіе Александра I.

- I. Александръ I и Николай I. Изъ записокъ Темме. *Erinnerungen von I. D. H. Temme. Herausgegeben von St. Born.* Leipzig. 1883, in 8°. Сообщ. М. Златковскій . . . 193—204
- II. Священникъ Ѳеодосій Левицкій въ заточеніи въ Коневскомъ монастырѣ въ 1824—1827 гг. Сообщ. Н. В. . . . 119—126
- III. Инженеръ генераль-маіоръ К. Ф. Детловъ, 1789—1840 гг.
Очеркъ. Состав. К. К. Детловъ 205—228

Царствованіе Николая I.

- I. Александръ I и Николай I. Изъ записокъ Темме. Сообщ.
М. Златковскій. См. выше, царств. Александра I.
- II. Императоръ Николай Павловичъ во время волненія на Съез-
ной площади въ 1831 г. Сообщ. А. А. Чумиковъ . . . 156
- III. Къ воспоминаніямъ о бунтѣ военныхъ поселенъ въ 1831 г.
Поручикъ Соколовъ. Сообщ. Н. И. Коведяевъ . . . 153—155
- IV. Инженеръ генераль-маіоръ К. Ф. Детловъ, 1789—1840 гг.
Очеркъ. Сообщ. К. К. Детловъ. См. выше, царств. Але-
ксандра I.
- V. Священникъ Ѳеодосій Левицкій въ заточеніи въ Коневскомъ
монастырѣ въ 1824—1827 гг. Сообщ. Н. В. См. выше,
царств. Александра I.
- VI. Церковь при Обуховской больницѣ, въ 1828 г. Сообщ. И. Н.
Божеяновъ. 469—470
- VII. Иванъ Никитичъ Скобелевъ въ письмѣ къ сыну своему
Дмитрію Скобелеву. Сообщ. свящ. I. Добролюбовъ. 720—722

Царствованія Александра II и Александра III.

ОТР.

- I. Императоръ Александръ II въ Курской губерніи въ 1861 г.
Разсказъ Н. Давыдова 419—430
- II. Константинъ Владиміровичъ Чевкинъ, главноуправляющій
путями сообщенія и публичными зданіями, 1855—1862 гг.
Очеркъ одного изъ близкихъ къ нему чиновниковъ . 365—384
Замѣтка. Сообщ. А. В. Д. 756
- III. Владиміръ Ивановичъ Назимовъ. Очеркъ изъ новѣйшей лѣ-
тописи сѣверо-западной Россіи. Гл. I—XII . . . 385—410;
552—580
- IV. Изъ исторіи желѣзно-дорожнаго дѣла въ Россіи, 1846—
1856 гг. Сообщ. А. А. Вонлярлярскій 723—752
- V. Юрій Ѳед. Самаринъ и Н. А. Милютинъ въ январѣ 1859 г.
431—432
- VI. «Морской Сборникъ» въ 1853—1863 гг. Очеркъ. Сообщ.
М. С. 411—418
- VII. Третья годовщина смерти Николая Ив. Пирогова, † 23-го
ноября 1881 г. Рѣчь I. В. Бертенсона 245—258
- VIII. Графъ Эдуардъ Ивановичъ Тотлебенъ. Сообщ. П. В. Ала-
бинъ. 440—442
- IX. Разговоръ императора Наполеона III съ ген.-ад. Тотлебе-
номъ въ 1857 г. Сообщ. Н. К. Шильдеръ . . . 717—719
- X. Памяти гр. А. С. Уварова, † 29-го декабря 1884 г. Сообщ.
Н. Ѳ. фонъ-Крузе 711—716
- XI. Двадцать четвертая годовщина освобожденія крестьянъ. 19-ое
февраля 1861—1885 757—758
- XII. Библиотека изъ трудовъ питомцевъ императорскаго Алексан-
дровскаго лицея въ С.-Петербургѣ 19-го октября 1884 г.
233—234
-
- XIII. О возобновленіи памятника на общей могилѣ Волинскаго,
Еропкина и Хрущова, † 27-го іюня 1740 г. 239, 244 и 716

Исторія русской литературы.

- I. Д. В. Давыдовъ и Д. П. Бутурлинъ. Замѣтка. Сообщ.
В. В. Голубцовъ 229—231
- II. Къ описанію рукописей А. С. Пушкина. А. С. Жандръ.
Сообщ. Р. 232
- III. Братья-журналисты. Шутка-пародія на стихотвореніе Пуш-
кина: «Братья-Разбойники». Сообщ. Н. И. Куликовъ. 471—473

	стр.
IV. Михаилъ Юрьевичъ Лермонтовъ. Сообщ. Александръ Есаковъ и Пав. А. Висковатый	474—477
V. Петръ Николаевичъ Кудрявцевъ въ 1842—1845 гг.	
Сообщ. А. Д. Галаховъ	55—70
Поправка А. Г. Галахова	468
Замѣтка. Ред.	710
VI. Ѳедоръ Ивановичъ Тютчевъ. Стихотворенія его: 1) Пламя рдѣетъ, пламя пышетъ.—2) Такъ, въ жизни есть мгновенія.	
Сообщ. г. Денисьевъ чрезъ посредство Я. П. Полонскаго	433—439
VII. Графиня Евдокія Ростопчина: «Домъ сумасшедшихъ»—сагира-шутка. Сообщ. Е. С. Некрасова	671—709
VIII. Андрей Ивановичъ Подолинскій. Собраніе неизданныхъ его стихотвореній, 1830—1884 гг.	71—118
IX. Спиридонъ Дмитріевичъ Дрожжинъ.	
1. Стихотворенія его: 1) Въ крестьянской семьѣ.—2) Юношѣ-поэту.—3) Благословенъ тотъ каждый мигъ.—4) Лучи-нушка	478—480
2. Ив. Ѳед. Трушинскій. Сообщ. Е. Ѳ. Муяки. Замѣтка къ Воспоминаніямъ С. Д. Дрожжина. (См. «Русскую Старину» изд. 1884 г., т. XLIII, стр. 503—522; т. XLIV, стр. 93—122, 307—334).	418
X. Несостоявшійся бракъ. Народное преданіе, стихотвореніе. Сообщ. А. А. Карасевъ.	235—238

Исторія искусствъ и художествъ.

I. Андрей Никифоровичъ Воронихинъ, строитель Казанскаго собора въ С.-Петербургѣ. Сообщ. И. Н. Божеряновъ.	629—652
II. Михаилъ Ивановичъ Глинка въ воспоминаніяхъ его сестры Л. И. Шестаковой. (См. «Русскую Старину» изд. 1884 г., т. XLIV, декабрь, стр. 593—604).	
Къ Воспоминаніямъ Л. И. Шестаковой о М. И. Глинкѣ.	204

Портреты и гравюры.

I. Портретъ Владиміра Ивановича Назимова. Гравировалъ И. И. Матюшинъ.	
(См. стр. 481).	

- II. Портретъ члена государственнаго совѣта, ст.-секр. Николая Алексѣевича Милютина († 1872 г.). Гравироваль на мѣди академикъ И. П. Пожалостинъ.
(См. стр. 259).
- III. Портретъ Андрея Ивановича Подолинскаго (1847 г.), гравироваль по фотографіи И. И. Матюшинъ.
(См. стр. 1).
- IV. Портретъ Карла Ѳедоровича Детлова, гравироваль г. Пайнемакеръ въ Парижѣ.
(См. стр. 224).
-
- V. Видъ и планъ крѣпости Баязета въ 1877 г. Исполнено въ Экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ.
(См. стр. 160 и 184).
- VI. Памятникъ на могилѣ строителя Казанскаго собора въ Спб. Андрея Воронихина.
(См. стр. 652.)
-

Библиографическій листокъ русско-историческихъ книгъ.

1. Сборникъ краткихъ благоговѣйныхъ чтеній графа П. А. Валуева на всѣ дни года. Спб., 1885 г., въ 8 д., стр. 653. (На оберткѣ I-й книги „Русской Старины“ изд. 1885 г.).
2. Исторія Россіи. Соч. Иловайскаго. Т. II. Московско-литовскій періодъ или собиратели Руси. М. 1884. 587 стр. (Тамъ-же).
3. Очеркъ исторіи западно-русской церкви. И. А. Чистовича. Ч. II. 1894 г. Спб. 419 стр. (Тамъ-же).
4. Русскіе труды по исторіи Прибалтійскаго края. (Тамъ-же)
5. Сулимовскій архивъ. Фамилныя бумаги Сулимъ, Скорупъ и Войцеховичей. XVII—XVIII вв. Съ 5-ю портретами. К. 1884. 316 стр. (Тамъ-же).
6. Указатель къ изданіямъ временной комисіи для разбора древнихъ актовъ (1845—1877 г.). Составилъ И. П. Новицкій. К. 1883. 978 стр. (Тамъ-же).
7. Сборникъ матеріаловъ для исторіи общины и общественныхъ земель въ лѣвобережной Украинѣ XVIII вѣка. (Полтавская губ.). И. Лучицкій. Кіевъ. 1884 г., въ 8 д., стр. 271+44. (На оберткѣ II-й книги „Русской Старины“ изд. 1885 г.).
8. Историческіе рассказы и бытовые очерки Е. П. Карновича-Спб. 1884 г., въ 8 д., стр. 520, съ 50 гравюрами и портретами. Изданіе А. С. Суворина. (Тамъ-же).
9. Дѣйствія отрядовъ генерала Скобелева въ русско-турецкую войну 1877—1878 гг. Ловча и Плевна. Съ картою и планомъ. Соч. генер. штаба ген.-маіора Куропаткина. Спб., 1885 г., въ 8 д., двѣ части, стр. 678. (Тамъ-же).

10. Последніе матеріалы для бібліографіи или описаніе книгъ, брошюръ, художественныхъ изданій, гравюръ и портретовъ, русскихъ и иностранныхъ, находящихся въ бібліотекѣ Я. Ѳ. Березина-Шираева, имъ самимъ составленное. Спб., 1834 г., въ 8 д., стр. 566. (Тамъ-же).
11. Божества древнихъ славянъ. Исслѣдованіе А. С. Фаминцина. Спб., 1884 г., въ 8 д., стр. 331. Выпускъ I. (Тамъ-же).
12. Извѣстія древнихъ греческихъ и римскихъ писателей о Кавказѣ. Собралъ и перевелъ съ подлинниковъ К. Ганъ. Тифлисъ. 1884 г., въ 8 д., стр. 248. Часть I: Отъ Гомера до VI стол. по Рожд. Хр. (Тамъ-же).
13. Кавказская война въ отдѣльныхъ счервахъ, эпизодахъ, легендахъ и біографіяхъ. В. Потто. Выпускъ I: Отъ древнѣйшихъ временъ до конца XVIII в. Спб., 1885 г., въ 8 д., стр. 164. (Тамъ-же).
14. Архивъ юго-западной Россіи, издаваемый временн. комис. для разбора древнихъ актовъ. Ч. I. Т. VI. Акты о церковно-религіозныхъ отношеніяхъ въ юго-западн. Руси (1322—1648). К. 1838. 938 стр. (Тамъ-же).
15. Стихотворенія И. С. Тургенева. Спб. 1884 г. Тип. Глазунова 16^о. 230 стр.—Поэмы (повѣсти въ стихахъ) 1842—1845 гг.; мелкія стихотворенія 1838, 1841—1846, 1850 и 1876 гг.; переводныя и неоконченныя стихотворенія и эпиграммы (1840-хъ гг.). (На оберткѣ III-й книги „Русской Старинѣ“ изд. 1885 г.).
16. Родъ Шереметевыхъ. А. Варсукова. Кн. III. Спб. 1884. 456 стр. (Тамъ-же).
17. Письма главнѣйшихъ дѣятелей въ царств. императора Александра I-го (съ 1807—1829 гг.) Н. Дубровина. Спб. 1883. 533 стр. (Тамъ-же.)
18. Г. Ф. Блюменфельдъ. О формахъ землевладѣнія въ древней Россіи. Одесса. 1884. 346 стр. (Тамъ-же.).
19. Исторія Ливоніи съ древнѣйшихъ временъ. Т. I. Рига. 1884. Вып. 1-й. 116 стр. (Тамъ-же).
20. М. О. Кояловичъ. Исторія русскаго самосознанія по историческимъ памятникамъ и научнымъ сочиненіямъ. Спб. 1884. 603 стр. (См. въ текстѣ книги 756 стр.)

12 книгъ „РУССКОЙ СТАРИНЫ“

изд. 1883 г.

съ портретами: Бухвостова, перваго російск. солдата, 1683 г.; вел. княг. Маріи Теодоровны, 1782 г.; Вас. Андр. Жуковскаго; Марьи Андр. Протасовой, † 1823 г.; Нат. Ник. Пушкиной, 1837 г.; Нины Алекс. Грибоѣдовой, † 1857 г.; гр. М. Н. Муравьева; ген. Я. П. Бакланова; Ос. Сем. Ганчара, † 1879 г.; кн. М. Д. Горчакова въ Севастополѣ, 1855 г. Рисунки: памятника на могилахъ Артемія Волынскаго; первой паровой машины И. И. Ползунова, 1763 г.; Михайловскаго замка въ 1800—1801 гг.; памятника на Амурѣ, 1858 г.; рисунокъ храма Воскресенія Христова въ Петербургѣ.

Содержаніе: Данила Земской, изъ Зап. Евы Смирновой;—Зап. де-Сантсена;—Зап. адм. П. В. Чичагова;—Воспом. Беккера о разореніи Москвы, 1812 г.;—Воспом. Я. М. Невѣрова: глава изъ исторіи крѣпост. права въ Россіи, 1816—1826 гг.;—Морской корпусъ въ воспом. адм. А. И. Зенданаго, 1822—1826 гг.;—Возстаніе 17 (29) ноября 1830 г. въ Варшавѣ;—Пожаръ въ Зимнемъ дворцѣ въ 1837 г.;—Архіерейскій хоръ при арх. Смарагдѣ, 1837 г.;—Дневникъ В. К. Кюхельбекера, 1831—1834 гг.;—Д.-гв. Преображенскій полкъ въ 1831—1846 гг.;—Имп. военная академія въ 1834—1848 гг., воспом. кн. Н. С. Голицына;—Гр. Н. Н. Муравьевъ-Амурскій въ 1849 г., воспом. В. В. Струве;—Воспом. О. А. Пржецлавскаго;—Война 1853—1856 гг., зап. Д. П. Рудакова;—Записки сенатора Я. А. Соловьева о крест. дѣлѣ въ 1857—1859 гг.;—Румянцовскій музей въ 1860—1861 гг., рассказъ В. В. Стасова;—Записки гр. М. Н. Муравьева о мятежѣ въ сѣв.-зап. краѣ;—Виленскіе очерки, 1863—1865 гг.;—Гр. Ф. Ф. Бергъ, воспом. П. П. Карцова;—Воспом. черногорца Драговича;—Воспом. Людмилы Ив. Рикордъ;—Въ Прибалтійскомъ краѣ;—Кн. А. Л. Мих. Горчаковъ въ его разсказахъ изъ прошлаго;—Зап. А. Л. Фед. Ваггоута, 1806—1823 г. — Очерки: Ближній бояринъ Ас. Лавр. Ординъ-Нащокинъ, изслѣд. проф. В. С. Иконникова;—Первенцы имп. російск. гвардіи ген.-л. П. П. Карцова;—Петровская бригада, 1683—1683 гг.;—Короваціи русск. император. и императрицъ, 1724—1856 гг.;—Лейбъ-гв. Семеновскій полкъ въ царств. Павла и Александра I;—Гр. М. Н. Муравьевъ-Виленскій въ отъѣздахъ о немъ русскихъ людей;—М. Д. Скобелевъ въ 1880—1881 гг.;—Як. Петр. Баклановъ;—Ос. Сем. Ганчаръ;—Гр. Егоръ Франц. Капкринъ;—Ник. Ив. Пироговъ;—Нина Алекс. Грибоѣдова;—Филаретъ, митроп. московскій;—Макарій, митроп. московскій и коломенскій;—Амвросій Орнатскій, еп. пензенскій;—Иринея, архіеп. криутскій;—Иннокентій, архіеп. херсонскій;—Амвросій, архіеписк. тверской;—Историческій памятникъ въ Переяславлѣ въ 1654 г., сообщ. Н. И. Костомаровъ;—Пучачевъ на Кавказѣ въ 1772 г., сообщ. А. Д. П. Берже;—Вас. Леонт. Кочубей въ 1708 г.;—Могила Артемія Волынскаго;—Прокопій Демидовъ, 1770 г., сообщ. Демидовъ князь Санъ-Дonato;—Имп. Юсифъ II въ Россіи, сообщ. Я. К. Гротъ;—Александръ I и Николай I, въ 1812—1854 гг.;—Имп. Николай I и гр. Дибичъ въ 1829 г.;—Имп. Александръ II въ эпоху войны 1855 г.;—Польская смута, по перепискѣ съ 14 февраля 1861 г. по 15 июня 1862 г.;—кн. Мих. Дм. Горчаковъ въ Севастополѣ въ 1855 г.;—Имп. Александръ II на Кавказѣ въ 1861 г.;—Поездка подъ Плевну въ 1877 г., рассказъ проф. Д. И. Иловайскаго;—В. А. Жуковский, —К. Н. Батюшковъ, —В. К. Кюхельбекеръ, —А. С. Пушкинъ, —М. Ю. Лермонтовъ, —Т. Г. Шевченко, —А. С. Хомяковъ, —Вас. и Ив. Кирѣевскіе, —Н. В. Гоголь, —гр. А. К. Толстой, —Ф. М. Достоевскій, —Мих. В. Авдѣевъ, —А. С. Тургеневъ, —Я. К. Гротъ, —въ ихъ письмахъ, очеркахъ жизни и литер. дѣятельности. —М. И. Глинка, —гр. Ф. П. Толстой, —Перовъ и Мусоргскій, —А. Н. Сѣровъ, —Л. А. Сѣряковъ, —И. И. Ползуновъ, —А. Ф. Какоринъ, —архим. Игнатій Малышевъ — въ письмахъ, воспоминаніяхъ и очеркахъ, и проч.

цѣна ДЕВЯТЬ руб. съ пересылкою.

12 КНИГЪ „РУССКОЙ СТАРИНЫ“

ИЗД. 1884 г. (ВТОРОЕ ИЗДАНИЕ).

съ портретами: имп. Елисавета Алексѣевна; Его Имп. Выс. Вел. Кн. Константинъ Николаевичъ; митрополитъ С.-Петербургскій Исидоръ; гр. Аракчеевъ и Н. О. Минкина; гр. П. И. Дибичъ-Забалканскій; Пушкинъ (отпечатанъ красками); Лермонтовъ; Н. А. Некрасовъ; Н. И. Пироговъ; педагогъ бар. Н. А. Корфъ; В. В. Самойловъ; портреть-группа: лордъ Роглакъ, марш. Пелисье и Омеръ-паша подъ Севастополемъ въ 1855 г. Рисунки: проектъ памятника на могилѣ Волинскаго—академ. М. А. Щурупова; имп. Александръ II, рисунокъ со статуи, исполн. академ. П. П. Забѣлло; судъ на Руси, старинная карикатура.

Содержаніе: Записки Штрандмана, 1771—1780 гг.;—Записки Млх. Фонвизина: очерки русской истории IX—XVIII вв.;—Млх. Ник. Муравьевъ и его участіе въ тайномъ обществѣ, 1816—1821 гг., разск. бар. А. Е. Розена;—Разказы кн. Ал. Ник. Голицына: Александръ I и его время, сообщ. гр. П. А. Валуевъ;—Императрица Елисавета Алексѣевна въ воспом. кн. С. А. Мадатовой;—Зап. Д. И. Ростиславова о бѣломъ духовенствѣ;—Воспоминанія декабриста А. П. Бѣляева;—Дневникъ декабриста В. К. Кюхельбекера въ заключеніи, 1831—1834 гг.;—Декабристы на Кавказѣ въ 1826—1850 гг., зап. М. И. Пущина;—Русско-турецкая война за Кавказомъ въ 1853—1854 гг., зап. М. Я. Ольшевскаго;—Моск. воспом. Н. В. Берга, 1845—1855 гг.;—Зап. сен. Я. А. Соловьева о крест. дѣлѣ, 1858—1859 гг.;—Виленскіе очерки, 1863—1865 гг.;—Русскій губернаторъ въ Ц. Польск., 1866—1868 гг.;—Въ Прибалтійскомъ краѣ, 1856—1876 гг.;—Зап. ст. секр. А. О. Гамбургера;—Зап. педагога бар. Н. А. Корфа;—Госмертныя записки Николая Ив. Пирогова;—Записки-автобіографія крестьянина-поэта С. Д. Дрожжина.

Исслѣдованія и очерки: профес. Д. И. Иловайскаго, — профес. И. А. Линниченко;—очеркъ С. Л. Пташицкаго;—Патр. Никонъ по вновь открытымъ Н. А. Гиббенетъ матеріаламъ, 1658 г.;—Екатерина II и Дидро, изд. В. А. Вильбасова;—Настасья Минкина, домоправительница гр. Аракчеева;—Ермоловъ и его кебинныя жены, очеркъ Ад. П. Берже;—Гр. Каподистрии и гр. К. В. Несельродъ;—Имп. Елисавета Алексѣевна, очеркъ гр. С. С. Уварова;—Польское возстаніе въ 1830—1831 гг., разсказъ Мошняцкаго и переписка имп. Николая I съ гр. Дибичемъ;—Холера въ Сиб. въ 1831 г., очерки и разказы;—Имп. Николай I на Кавказѣ въ 1837 г., очеркъ Ад. П. Берже;—Разсказъ правосл. латыша Индрика Страумита, 1845—1846 гг.;—Въ правит. сенатѣ въ 1840—1852 гг.;—Имп. Николай I: записка его объ укрѣпленіи границъ Россіи;—Кн. М. С. Воронцовъ и Н. Н. Муравьевъ въ письмахъ къ М. Т. Лорисъ-Мелікову (нынѣ графу), 1852—1857 гг.;—Кнзъ Млх. Дм. Горчаковъ: записка о мѣрахъ въ случаѣ возстанія Венгрии, 1860 г.;—Имп. Александръ II на Кавказѣ въ 1861 г.;—Млх. Ник. Муравьевъ и его мѣропріятія въ с.-з. Россіи 1864 г.;—Ник. А. Милютинъ въ Ц. Польскомъ;—Грехныя секты, очерки А. Пругавина;—19-ое февраля: чествованіе этого дня лицами, принимавшими участіе въ созданіи Положеній о крестьянѣхъ 1861 г.—Писатели: А. П. Сумароковъ, —В. А. Жуковский, —Н. И. Гнѣдичъ —Д. В. Давыдовъ, —К. П. Батюшковъ, —А. С. Пушкинъ, —М. Ю. Лермонтовъ, —Н. В. Гоголь, —Сырокомля, —Т. Г. Шевченко, —Н. Г. Помяловскій, —гр. А. К. Толстой, —О. М. Достоевскій, —И. С. Тургеневъ, —артистъ В. В. Самойловъ—въ ихъ письмахъ, воспоминаніяхъ, очеркахъ жизни и дѣятельности.

Цѣна за 12 книгъ ДЕВЯТЬ руб. съ пересылкою.

Въ книжныхъ магазинахъ Цинзерлинга (въ Спб.), Мамонтова (въ Москвѣ) и въ ред. „Русской Старины“ можно получить слѣдующее изданіе:

Очерки и рассказы М. И. Семеvскаго изъ русской исторіи XVIII в.:

I.

ЦАРИЦА ПРАСКОВЬЯ

1664—1723 гг.

Спб., 1883 г., въ 8-ю д., стр. 256, съ портретомъ царицы Прасковьи, отпечатаннымъ хромофотографически красками.

Цѣна два руб.

(Осталось 70 экземпляровъ.)

II.

„СЛОВО И ДѢЛО!“

1700—1725 гг.

Тайная канцелярія при Петрѣ I-мъ.—Самуилъ Выморковъ, проповѣдникъ явленія антихриста.—Камеръ-фрейлина Гамильтонъ.—Петръ Великій какъ юмористъ. Къ книгѣ приложены рисунки: изображеніе пытки виска на дыбѣ и наказаніе батогами въ Россіи. Изданіе третье, исправленное и пересмотрѣнное. Спб., 1885 г., въ 8 д., стр. VI+350. Цѣна два руб.

Примѣчаніе. Все второе изданіе этой книги разошлось сполна. Напечатано третье изданіе безъ перемѣнъ, кромѣ исправленія описокъ противъ подлинныхъ документовъ, каковыя описки и ошибки исправлены послѣ сличенія съ подлинными бумагами. Цѣна третьему изданію книги „Слово и дѣло“ два рубля.

III.

ЦАРИЦА ЕКАТЕРИНА АЛЕКСѢВНА, АННА И ВИЛЛИМЪ МОНСЪ

1692—1724 гг.

съ приложеніемъ двухъ портретовъ—царицы Авдотьи Ѳеодоровны и Катерины Алексѣвны, и пяти рисунковъ: Нѣмецкая слобода (два рис.) и домъ Лефорта въ концѣ XVII вѣка въ Москвѣ; казнь стрѣльцовъ въ 1698 г.; казнь колесованіемъ въ Россіи при Петрѣ I.

Спб., 1884 г., въ 8 д., стр. IV+362. Цѣна 2 р. 50 к.

Въ книжномъ магазинѣ г. Цинзерлинга и у всѣхъ книгопродавцевъ поступило въ продажу второе издание роскошно изданной книги:

„МАЛЕНЬКІЙ ДѢТЯМЪ“

книга для чтенія, составила Елис. Мих. Семеновская,

изданіе ред. „РУССКОЙ СТАРИНЫ“.

Цѣна ДВА руб.

Книга въ роскошномъ переплетѣ, украшена портретомъ Е. И. В. Великой Княжны Ксении Александровны и многими гравюрами.

Содержаніе: Кукла, которую мнѣ очень хотѣлось имѣть. — Бабунья зима. — Виновать-ли Бьюты? — Трудъ. — Бабушка. — Дѣдушка. Стих. М. Стаховича. — Кто больше любилъ Маму. — Бѣлочка. — Дѣвочка и Мама. — Кролики. — Нарядница. — Самъ-себѣ-помогай. — Воробы и кошка. — Долгий день. — Коровушка — Семья Прокля. Отрывокъ изъ стихотвор. Н. А. Некрасова. — Ласточка. — Мама и Володя. — Попка. — Мама. Стихотвореніе П. К. — Все на пользу. Стихотвореніе П. К. — Забытая кукла. — Замѣтки. — Катя передъ праздникомъ Рождества Христова. Стихотвореніе П. К. — Капризы. — Благодарность Богу. Стих. П. К. — Богъ вездѣ. — Растеніе. — Пора вставать. Стих. П. К. — Мальчикъ съ кошечкой. — Бабочка. — Дѣтскія ручки. Стихотвореніе А. Н. Плещеева. — Мое новое пальто. — Всегда одождаетъ их. Стих. П. К. — Совѣтъ да любовь. — Жаворонокъ и его малютка. — Плохіе зубки. — Мальчикъ и птичка. Стихотв. А. Н. Плещеева. — Въ крестьянской семьѣ. Стихотвореніе С. Д. Дрожжина. — Прогулка въ лѣсу. — Зимой. — Любите порядокъ. — Что думала Мама. — Подарокъ Огъ. — Настя. — Перевадь на дачу. — Мартышка. — Дикая яблоня. — Чижикъ. — Птички. — Не желалъ обидѣть. — Ландышъ. — Лѣсъ зимою. — Малиновка (легенда). — Дѣти и птичка. Стихотвореніе А. Н. Плещеева. — Ожиданіе брата. — Летучая мышь. — Прощай, няня. — Птичка. Стихотвореніе Я. П. Полонскаго. — Моя куколка и я. — Одинъ въ комнатѣ. — Кошка. — Бѣ дѣтямъ. Стихотвореніе А. С. Хомякова. — Маленькая фея. Сказка. — Весеннія воды. Стихотвореніе Ѳ. И. Тютчева. — Пчелка. — О насѣкомыхъ. — Ссора дѣтокъ. — Привѣтъ заблнка. Стихотвореніе Подосиновикъ-грбоботъ. — Дѣдушка Крыловъ. — Стрекоза и Муравей. Васня И. А. Брылова. — Чижъ и Голубъ. Васня И. А. Крылова. — Бижу. — Реальный мячъ. — Сирота. — Катя и Вася. — Нищенка. — Скажи мнѣ, мама дорогая. Стих. П. К. — Маленькій плакса. — Есть у маленькой пагуны. Стихотв. П. К. — Слозь. — Какъ живетъ Паша. — Дѣтскоегоре. Стихотв. П. К. — Козочка. — Котикъ. Стих. П. К. — Новый годъ. — Нищета. Стихотв. И. С. Никитина. — Въ школу.

Кромѣ того въ книгѣ помѣщены: отдѣльныя замѣтки, пословицы, поговорки, загадки, шарадъ. Дѣтскія пѣсенки, переложенныя на музыку В. Кюнера и проч.

Цѣна ДВА рубля.

„Русская Старина“

ВЪ ПЯТНАДЦАТЬ ЛѢТЪ ЕЯ ИЗДАНІЯ:

1870—1884 гг.,

систематическая роспись содержанія ста восьмидесяти книгъ,
составляющихъ этотъ историческій журналъ
за первыя XV лѣтъ его изданія.

Спб. 8 д., 1885 г., съ портретами достопамятныхъ русскихъ людей. Цѣна одинъ руб. съ пересылкою. Эта роспись содержанія „Русской Старины“ 1870—1884 гг. печатается и о времени выхода ея будетъ объявлено.

изъ Записокъ Ак. наукъ). Въ этой перепискѣ проходятъ передъ читателемъ всѣ важнѣйшіе дѣятели эпохи въ самыхъ разнообразныхъ отношеніяхъ и событіяхъ: Аракчеевъ, Сперанскій, Ростопчинъ, Магницкій, Ермоловъ, Малородовичъ, гр. Н. П. Румянцовъ, Барклай-де-Толли, Н. Муравьевъ, гр. А. Розумовскій, бар. Капнергаузенъ, Карамзинъ, гр. Кочубей, Мордвиновъ, и др. Оба сборника служатъ весьма цѣннымъ вкладомъ въ исторію царств. Александра I-го. Къ первому изъ этихъ сборниковъ приложенъ библиографическій указатель книгъ и статей, относящихся къ описанію отечественной войны съ 1812—1815 гг., служащій дополненіемъ къ указателю Липранди, помѣщенному въ Читаніи моск. общ. ист. 1874—1875 гг.

Г. Ф. Блюменфельдъ. О формахъ землевладѣнія въ древней Россіи. Одесса. 1884. 346. Ц. 2 р.

Избравъ предметомъ своего изслѣдованія одинъ изъ интереснѣйшихъ и запутаннѣйшихъ вопросовъ, авторъ со вниманіемъ слѣдитъ за различными перипетіями его и сопоставляетъ въ связи съ другими, тѣсно сопрягающимися вопросами (какъ родовой бытъ, феодализмъ и т. п.). При этомъ по каждому вопросу онъ даетъ обстоятельный сводъ литературы и существующихъ въ ней мнѣній. Въ книгѣ его собрано множество статистическихъ и экономическихъ данныхъ, на основаніи актовъ, писцовыхъ книгъ и разныхъ современныхъ описей. Въ началѣ своего труда авторъ даетъ сравнительно-историческій очеркъ первичныхъ формъ поземельныхъ отношеній у народовъ арийской семьи, главнымъ же образомъ у западныхъ и южныхъ славянъ, впрочемъ вкратцѣ, для установленія теоретическихъ понятій по избранному вопросу. Самъ авторъ слѣдуетъ возрѣніямъ своего наставника — проф. Леонтовича, полагаая, что первичною формою землевладѣнія на Руси была задруга, изъ которой онъ старается объяснить развитіе всѣхъ дѣйствительныхъ формъ землевладѣнія въ древней Руси. Для читателей, интересующихся настоящимъ вопросомъ, замѣтимо, что весьма обстоятельная оцѣнка настоящего труда и позарѣнія автора была сдѣлана въ рецензій провес. Владимірскаго-

Буданова, помѣщенной въ Унив. извѣстіяхъ 1884 года, № 11.

Исторія Ливоніи съ древнѣйшихъ временъ. Т. I. Рига. 1884. Вып. I-й. 116 стр. Ц. 1 т. 3 р.

Ливонская историографія весьма обширна. Въ 1878 г. появилось 2-е изданіе книги Винкельмана: «*Bibliotheca Livoniae historica*», представляющей на 608 стр. убористой печати указатель всего, относящагося до ливонской библиографіи, со включеніемъ русскихъ книгъ и статей. Ливонская исторія усердно разрабатывается мѣстными учеными и обществами. При всемъ томъ, исторія означеннаго края хорошо разработана лишь за время самостоятельнаго существованія страны, мѣнѣе разработаны польскія и шведскія времена и еще мѣнѣе періодъ владычества въ этомъ край Россіи. Между тѣмъ, мѣстные русскіе дѣятели, призванные служить въ немъ и болѣе другимъ знакомымъ съ тамошними отношеніями, ближе и лучше могутъ знать о его потребностяхъ. Нѣкоторые изъ этихъ дѣятелей предприняли еще въ 1877 г. обширный «Сборникъ матеріаловъ и статей по исторіи Прибалтійскаго края», внесенный въ русскую литературу много цѣнныхъ памятниконъ по древней и новой исторіи края. До сихъ поръ вышло 4 тома этого изданія и можно вполнѣ желать, чтобы оно продолжалось по прежней программѣ. Недавно въ нашемъ обзорѣ исторической литературы мы обратили вниманіе на два труда, посвященныхъ исторіи Прибалтійскаго края, появившихся въ Петербургѣ, — гг. Форстена и Трусмана; а нынѣ охотно привѣтствуемъ новый трудъ, выходящій въ Ригѣ и повидимому близкій редакціи Прибалтійскаго сборника. Трудъ этотъ задуманъ въ весьма широкомъ размѣрѣ: въ 15 выпускахъ, изъ нихъ три первые вып. составляютъ томъ. Посвящается онъ членамъ русскихъ общественныхъ учреждений въ Ливоніи для споспѣшествованія знанію прошлаго этой страны и для укрѣпленія среди нихъ правльнаго разумія своего настоящаго и задачъ будущаго. Въ первомъ выпускѣ вложены общій очеркъ страны и ея исторія до начала XIII в. Пожелаемъ успѣха этому новому предпріятію.

В. И.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЬ

„РУССКАЯ СТАРИНА“

1885 г.

ШЕСТНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Цѣна за 12 книгъ, съ гравированными лучшими художниками портретами русскихъ дѣятелей, **ДЕВЯТЬ** руб., съ пересылкою.

Подписка принимается для городскихъ подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ „Русской Старины“, Невскій просп., противъ Гостиннаго двора, д. № 46, книжный магазинъ г. **ЦИНЗЕРЛИНГА**.

Въ Москвѣ—въ отдѣленіи конторы, при книжномъ магазинѣ **Ник. Ив. Мамонтова**, на Кузнецкомъ мосту, домъ **Фирсанова**.

Гг. Иногородные обращаются исключительно: въ С.-Петербургѣ, въ Редакцію журнала „Русская Старина“, на Большую Подъяческую, близъ Екатерининскаго канала, домъ № 7.

Въ „РУССКОЙ СТАРИНѢ“ помѣщаются:

I. Записки и Воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія, очерки и рассказы о цѣлыхъ эпохахъ и отдѣльныхъ событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и XIX-го вв.—III. Жизнеописанія и матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ.—IV. Статьи изъ исторіи русской литературы и искусствъ; переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники русскихъ писателей и артистовъ.—V. Отзывы о русской исторической литературѣ.—VI. Историческіе рассказы и преданія.—Характерныя челобитныя, переписка и вообще документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлаго времени.—VII. Народная словесность.—VIII. Родословія.

Можно получить въ конторахъ редакціи слѣдующія изданія журнала:

- „Русская Старина“ 1870 г., третье изд., 12 кн., съ портретами, 8 руб.
- „Русская Старина“ 1876 г., второе изд., 12 кн., съ портретами, 8 руб.
- „Русская Старина“ 1877 г., двѣнадцать книгъ, съ портретами, 8 руб.
- „Русская Старина“ 1878 г., двѣнадцать книгъ, съ портретами, 8 руб.
- „Русская Старина“ 1879 г., двѣнадцать книгъ, съ 12 портрет., 8 руб.
- „Русская Старина“ 1880 г., второе изд., 12 книгъ, съ 12 портрет., 8 руб.
- „Русская Старина“ 1881 г., 12 кн. (87 экз.), съ портретами, 8 руб.
- „Русская Старина“ 1882 г., 12 кн. (16 экз.), съ 12-тью портр., 9 руб.
- „Русская Старина“ 1883 г., 12 кн. (54 экз.), съ 17 портр. и рис., 9 руб.
- „Русская Старина“ 1884 г., 12 кн., изданіе второе, съ портр., 9 руб.